

УДК 908(571.66)
ББК 63.3(2Камч)
В74

Вопросы истории Камчатки. Выпуск 7. — Петропав-
В74 ловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга», 2013. —
688 с., ил.

Рубрика «Камчатская историческая библиотека» воспроизводит основную часть путевых заметок М. С. Латернера, фрагменты которых опубликованы в третьем выпуске «Вопросов...» Здесь же впервые на русском языке приведены книги исследователей Командорских островов Л. Стейнегера (1882) и Б. Дыбовского (1885). Авторские статьи рубрики «Восполняя белые пятна» рассказывают об особенностях формирования топонимики Командорских островов, о жизни нашего полуострова на рубеже XIX—XX вв., состоянии на нём преступности во второй половине XX в. и мерах, предпринимаемых властями по её ограничению, истории г. Петропавловска-Камчатского, содержат биографические сведения о представителях различных слоёв камчатского населения. Рубрика «От первого лица» включает воспоминания В. В. Брагина, уроженца полуострова, старейшего представителя одного из камчадалских родов.

Издание адресовано всем интересующимся историей Северо-Востока России.

Редактор-составитель С. В. Гаврилов

© Холдинговая компания
«Новая книга», 2013
© С. В. Гаврилов,
составление, 2013
© Авторы, 2013

ISBN 978-5-87750-261-1

СОДЕРЖАНИЕ

Сведения об авторах	4
---------------------------	---

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

<i>М. С. Латернер.</i> Гидрографическая экспедиция на «Шилке»	6
<i>Л. Стейнегер.</i> Под парусом вокруг острова Беринга	145
<i>Б. Дыбовский.</i> Командорские острова	211

ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

<i>Н. А. Татаренкова.</i> Топонимы Командорских островов	288
<i>А. В. Гоков.</i> Страна беспредельной скорби (Камчатка на рубеже веков)	333
<i>А. Ф. Пасечник.</i> Деятельность органов власти Камчатской губернии (округа) по борьбе с преступностью во второй половине 1920-х гг.	387
<i>С. В. Гаврилов.</i> Петропавловск. Год 1929-й	419
<i>В. П. Пустовит.</i> Камчатские персоналии (1917—1991). Общественно-политический справочник	488

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

<i>В. В. Брагин.</i> Боль души — потерянная родина	660
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Брагин Владимир Васильевич — коренной житель полуострова, старейший представитель старинного камчатдальского рода Брагиных. Родился в 1930 г. в селе Ключи. Ныне пребывает на заслуженном отдыхе, живёт в пос. Мирном Елизовского района Камчатского края.

Гаврилов Сергей Витальевич — преподаватель мореходного факультета Камчатского государственного технического университета. Области научного интереса — история развития судовой техники, история морского транспортного и рыбопромышленного освоения охотско-камчатского побережья. Автор двенадцати книг, ряда научных, учебно-методических и научно-популярных работ. Член Союза писателей России, Камчатского морского собрания, лауреат премий: историко-краеведческого им. С. П. Крашенинникова, историко-литературной им. Е. В. Гропянова.

Гоков Андрей Владимирович — веб-администратор ОАО «Камчатск-энерго». Окончил исторический факультет Камчатского государственного педагогического института. В 1985—1991 гг. научный сотрудник, главный хранитель Камчатского областного краеведческого музея, работал в музее Войск и Сил на Северо-Востоке России, Камчатском областном художественном музее. Основная научная тема — «Археология русских поселений Камчатки» утверждена в Северо-Восточном комплексном НИИ ДВНЦ АН СССР. Автор ряда научных статей, публиковался в «Краеведческих записках». Очерк «Страна беспредельной скорби» написан в 1997 г.

Пасечник Александр Фёдорович — кандидат исторических наук, преподаватель Петропавловск-Камчатского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, подполковник внутренней службы в отставке. Область научных интересов — история правоохранительных органов Дальнего Востока. Автор ряда научных публикаций.

Пустовит Валентин Петрович — историк, писатель. Области научного интереса — история революции, гражданской войны и политических репрессий на Северо-Востоке России. Автор нескольких книг, многочисленных научных и научно-популярных публикаций. Председатель редколлегии двух изданий Книги Памяти камчатцев (1995 и 2008), погибших во Второй мировой войне. Член Союза писателей России, Камчатского Крашенинниковского краеведческого общества, лауреат Камчатской краевой государственной премии.

Татаренкова Наталья Александровна — главный хранитель Алеутского краеведческого музея. Окончила Воронежский государственный университет. На полуострове с 1994 г. Область научных интересов — этноботаника, гидробиология, взаимодействие человека и природы, традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера, история заселения Командорских островов. Автор книги «Алеутское “шёлковое” плетение», более ста научных и научно-популярных публикаций. Награждена почётными грамотами благотворительного фонда Святого Николая Чудотворца и правительства Камчатского края. Живёт в с. Никольском Алеутского района Камчатской области.

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

В третьем выпуске «Вопросов...» (с. 428—456) были опубликованы фрагменты книги М. С. Латернера «Гидрографическая экспедиция на “Шилке”», рассказывающие о посещении им в 1908 г. Петропавловска. Ёмкие и точные описания позволили специалистам и любителям истории узнать новые, порой неожиданные стороны жизни города и его окрестностей, быта и нравов здешних обитателей. Сегодня мы воспроизводим основной текст книги, хранившейся в собрании писателя Е. В. Гропянова (1942—2010), и надеемся, что он вызовет такой же читательский интерес.

Долгое время мы не располагали никакими сведениями об авторе. Затем на сайтах <http://www.regiment.ru/bio/>, со ссылкой на «новую книгу С. В. Волкова по штаб-офицерам и генералам Русской Императорской Армии», и <http://novonikolaevsk.com/> удалось отыскать биографические справки о нём.

Михаил Семёнович Латернер родился 31 августа 1857 г. в семье полковника Сергея Иосифовича Латернера. В 1875 г. окончил 1-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию, в 1877 г. — военное училище, затем военно-юридическую академию. В 1889 г. — капитан, в 1892 г. — подполковник, в 1896 г. — полковник. В 1906 г. произведён в генерал-майоры. Был офицером 1-го Кавказского стрелкового батальона, по окончании академии служил по военно-судебному ведомству. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., контужен. С 1891 г. — военный следователь, с 1897 г. — помощник прокурора Приамурского военно-окружного суда, с 1905 г. — военный судья Сибирского, затем — Приамурского военно-окружного суда. 2 июня 1911 г. вышел в отставку. После начала Первой мировой войны 5 октября 1914 г. призван в Государственное ополчение с назначением на должность начальника штаба 52-й бригады. В феврале 1917 г. — начальник гарнизона Ново-Николаевска. Во время гражданской войны (1918—1922 гг.) — в белых войсках Восточного фронта. Был председателем особой комиссии по делам пленных красноармейцев, председателем корпусного суда, прикомандированным к Приамурскому военно-окружному суду, членом соединённого Приамурского военно-окружного и военно-морского суда.

Научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН Г. А. Андриец

называет его одним из организаторов, активным участником и секретарём Владивостокского общества поощрения изящных искусств, созданного 22 февраля 1900 г.

На Камчатку генерала доставило судно, упомянутое им в названии книги. «Шилка» — бывший грузовой пароход «Эрика», построенный в 1897 г. в Нью-Кастле (Англия). В феврале 1905 г. куплен Морским ведомством и включён в состав Сибирской флотилии. С 1912 по 1915 г. числился минным заградителем. В 1918 г. сдан в аренду частному лицу, направлен с грузом в Одессу. В ноябре 1920 г. ушёл вместе с остатками армии генерала Врангеля в Константинополь, интернирован Францией в Бизерте. Длина 85,3, ширина 11,6, осадка 5,3 м, водоизмещение 3 500 т, паровая машина мощностью 1 200 л. с., скорость хода до 11 узлов, максимальная дальность плавания экономическим ходом 5 500 миль [Корабли и вспомогательные суда советского ВМФ (1917—1927 гг.). — М.: Воениздат, 1981. — С. 273—274].

М. С. ЛАТЕРНЕР

ГИДРОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА «ШИЛКЕ»

ГЛАВА I. От Владивостока до Петропавловска

Май, 7-е, среда (1908 г. — Ред.). В семь часов утра «Шилка» покинула владивостокский рейд. День пасмурный, туман, слабый юго-восточный ветер, идёт мелкий дождь. Русский остров, берега бухт Улис, Диомид, Патрокл покрыты яркою зеленью. То же на острове Аскольде. Дальше ещё видны местами красно-жёлтые тона зимняго листа и оголённых деревьев.

В два часа двадцать восемь минут дня прошли мыс Поворотный и взяли курс на Лаперузов пролив. Берег всё более и более удаляется, и мы вступаем в открытое море. Чаек разных пород, кишачих на владивостокском рейде и оглушающих своим криком, здесь уже меньше, зато много встречается чернети и других пород морских уток, прилетающих сюда гнездоваться. В полдень температура внешнего воздуха +7,5, температура воды на поверхности +3 °Ц (Цельсия, в написании того времени — Цельзия. — Ред.).

Нашу кают-компанию составляют: командир, гг. офицеры «Шилки» и чины гидрографической экспедиции Восточного океана — подполковник А. И. Неелов и штабс-капитан А. Ф. Машковцев.

По программе плавания нынешнего года «Шилка» идёт к деревне Озерной на западном берегу Камчатки, куда она везёт провиант голодающим. Затем, обойдя Командорские острова, рейс вдоль восточного берега Камчатки до Олюторского мыса, а оттуда вновь обойти Командорские острова и возвратиться в Петропавловск приблизительно к 11-му июня. Из Петропавловска, выйдя около 18-го июня, рейс по Охотскому морю; где, пройдя вдоль западного берега Камчатки, идти северным берегом в Аян, откуда вернуться в Петропавловск около 23-го июля. 2-го августа идти в Берингов пролив до мыса Дежнёва. Возвращение в Петропавловск к 21-му сентября. Неелов утверждает, что по возвращении «Шилки» из Аяна в Петропавловск, он, Машковцев, и остальные чины экспедиции перейдут на «Охотск», который к тому времени придёт туда с генералом Жданко. «Охотск» заказан в Англии для специальных нужд экспедиции и будет находиться в распоряжении начальника съёмки. На пароходе будут особые чертёжная и фотографическая камеры, лаборатория и приспособления для траленья морского дна на больших глубинах. В настоящее время «Охотск» уже на пути во Владивосток. К вечеру ветер переменялся на восточно-северо-восточный, но ни состояние погоды, ни состояние моря не изменилось.

8-е, четверг. Идём в открытом море. Небо сплошь покрыто облаками. Дует слабый юго-западный ветер. В полдень на воздухе +15,5°, температура воды — +5 °Ц. Барометр постепенно падает и в девять часов вечера показывает давление в 760,5 мм (ртутного столба. — *Ред*).

9-е, пятница. Ночью был небольшой шторм от северо-запада. Встал в семь часов утра, чтобы видеть и сфотографировать японские острова Риусири и Рибунсири. Погода пасмурная, на горах лежит туман. Мы идём ближе к правому острову (Рибунсири). На нём в бинокль совершенно ясно видны темно-зелёные рощи японской сосны и масса новых деревянных построек. То же, но менее ясно, видно на более отдалённом от нас левом острове (Риусири). Один из трёх учеников мореходных классов говорит, что в 1904—05 гг. ему приходилось тут плавать на шкуне, и тогда на этих островах были только отдельные рыбацкие домики и редкие группы их. На воде громадная стада каких-то маленьких птичек, взлетающих тучами при приближении «Шилки». Пройдя острова, мы стали втягиваться в Лаперузов пролив и в одиннадцать часов пятьдесят минут были на меридиане мыса Крильон (южная оконечность Сахалина). За туманом маяка на нём не видно.

В складках возвышенной части берега ещё масса снега. На юг от нас, на северном берегу острова Матсмай, вырисовывается в тумане синеватую полоской мыс Соя. Между мысами Крильон и Соя — самая узкая часть пролива. Почти в середине его лежит так называемый «Камень Опасности». Это очень незначительно возвышающийся над водой скалистый риф. Около него вечный бурун, а на нём лежище сивучей, которые своим криком предупреждают приближающиеся корабли о близкой опасности. Сегодня крика этого не слышно. Зверь, вероятно, ещё не собрался, или «Шилка» идёт слишком далеко от камня. За меридианом мыса Крильон сахалинский берег образует небольшую бухточку, открытую с востока и юго-востока, в которой отстаиваются суда при северо-западных штормах. Далее берег сильно уклоняется к северу, образуя большой залив Анива. Хорда его между мысами Крильон и Анива около пятидесяти миль. Будучи приблизительно на половине этого расстояния, встретили холодное Охотское течение и тотчас Неелов распорядился измерять температуру воды через каждые четверть часа. При проходе Японским морем эти измерения делались каждый час.

С утра свежая погода, ветер от северо-запада в три-четыре балла по Бофорту и зыбь не менее трёх баллов. «Шилка» сидит глубоко, и поэтому качка незначительная. В шесть часов тридцать четыре минуты вечера прошли скалистый и безлесный мыс Анива.

При слабом освещении, сквозь сильно облачное небо он кажется фиолетовым. Цвет воды — чернило с массой гребешков. В семь часов взяли курс на деревню Озерную. Изредка волна поддаёт на палубу с леваго борта. После обеда (по судовому расписанию обедаем в шесть часов вечера) распорядились с уборкой и подвязкой всех мелких предметов.

Около одиннадцати часов вечера штурман сообщил, что изменили курс на четыре градуса на север, чтобы быть больше против волны. Температура воздуха: наибольшая $+11^{\circ}$, наименьшая — $+3,5^{\circ}$. Температура воды утром $+6^{\circ}$, вечером $+2,2^{\circ}$ Ц.

10-е, суббота. С утра буря улеглась. Изредка показывается солнце. Наш штурман говорит, что ночью мы имели большую носовую качку, бортовая же доходила до 15° . Почти всех матросов-новобранцев укачало, и многие из них в лазарете, из старослужащих же только некоторые травят за борт, но тотчас же опять идут на работу. За завтраком лейтенант Колоколов говорил, что вчера между десятью и одиннадцатью часами вечера в течение десяти минут шёл снег, а волна, закатывавшаяся на палубу, оставляла

след как от массы светящихся жучков. Очевидно, в море была большая фосфоресценция.

Температура воздуха: наибольшая $+6^{\circ}$, наименьшая $+1,9^{\circ}\text{Ц}$; температура воды: утром $+0,8^{\circ}$, в полдень $+2,4^{\circ}$, вечером $+1,5^{\circ}\text{Ц}$.

11-е, воскресенье. В десять часов утра обедница на жилой палубе. За завтраком маленький «drink», затем большой «sleep». В восемь часов вечера прошли пятидесятую параллель, и сегодня вечер более длинный, чем предшествовавшие. Это — предвестник белых ночей, которые начнутся за пятьдесят первую параллелью.

Температура воздуха: наибольшая $+8^{\circ}$, наименьшая $+1,3^{\circ}\text{Ц}$, температура воды: утром $+0,8^{\circ}$, затем $+1,2^{\circ}\text{Ц}$.

12-е, понедельник. Прошлою ночью несколько раз шли в пологах тумана и свистели через каждые две минуты. Наш курс лежит западнее острова Аллаид на пятнадцать миль. По счислению штурмана, в десять часов тридцать минут утра находились на его траверзе, но за туманом не могли видеть.

Около двенадцати часов дня, во время завтрака, с вахты доложили, что по носу виден берег. Мы вышли наверх и стали всматриваться: берег — несомненно, но тот ли пункт, к которому мы шли? Туман лежит на горах, а предгорье и берег покрыты снегом. Разобраться в местных предметах чрезвычайно трудно. Когда наконец нашли на косе наш национальный флаг, то оказалось, что попали в точку и притом часов на пять ранее исчисленного времени. В час дня бросили якорь на шестисаженной глубине.

Вскоре с берега подошёл фунгас с несколькими русскими переселенцами. Им приказали подать все их пловучия средства, а с «Шилки» тотчас спустили шлюпки и началась выгрузка товара, высланного сюда из Владивостока. По сведениям командира «Шилки», груз этот приобретён Вильчинским (секретарь Владивостокской городской управы) на деньги И. А. Потужнаго, но предназначен для голодающих.

Я съехал на берег с доктором в первой же шлюпке. Нас встретили все жители с жёнами и детьми. Доктор тотчас пошёл осматривать больных; лейтенант Суровцев пошёл на охоту, а я остался на берегу разговаривать с жителями, а затем обошёл их дома.

Село Озерное расположено на песчаной косе при устье одноименной речки, берущей начало из озера Курильского. Селение состоит из двух небольших домиков, выстроенных японцами в счёт платы за рыбу, которая будет доставлена им жителями, и землянки, выстроенной самими колонистами. Домики сложены из тонких досок, обложены дёрном и крыты волнистым железом. Каждый

домик разделён на несколько помещений, и в каждом помещении есть русская печь работы колониста Васильева, который, будучи по профессии механиком, выучился складывать печи уже здесь. По словам семейных, в домах достаточно тепло. В общем, колонисты живут тесно и грязно. Например, Васильев с женой и двумя детьми, из коих один новорожденный, а старшей девочке четыре года, ютятся в каморке, имеющей не более одной кубической сажени (9,7 кубических метра. — *Ред.*). В соседней, несколько большей комнате, помещается восемь лиц обоего пола. Только помещения И. А. Потужнаго и Хлоптунова обширнее и светлее других. У них и обстановка лучше: железные кровати с матрасами и кучами подушек, столы, накрытые чистыми скатертями, на окнах кисейные, а на дверях матерчатые занавески, полы покрыты циновками и дорожками; висячия и стоячия лампы; на стенах много фотографий в рамках; у обоих большие сундуки с домашними вещами. У первого мягкая мебель, крытая малиновым трипом (правда, старая), у второго — венские стулья и особая его гордость — большая венская гармония, под звуки которой зимой устраивались танцы. В землянку холостых я не заходил, а потому не могу сказать, как они размещены.

Всего в колонии семьдесят две души. Из них около пятидесяти душ (мужчин, женщин и детей) — колонисты, остальные — работники. Все колонисты — ближние и дальше родственники И. А. Потужнаго, приехавшие сюда по его приглашению и частью за его счёт из Херсонской губернии. Впрочем, некоторые из них, как Хлоптунов, уже ранее выехали в Енисейскую губернию или на Китойскую Восточную железную дорогу, где занимали места машинистов, телеграфистов и электротехников и получали хорошее содержание. По мысли Потужнаго, все должны работать одинаково, он же являлся посредником между колонистами и рынком (Япония), и на его обязанности было снабжение колонии всем необходимым.

Колония окончательно сформировалась летом прошлого года, но скоро в ней начались недоразумения, которые повлекли отказ от работ части колонистов и необходимость заменить их наёмными рабочими. Но отказавшиеся от работ не отказались от своего пая в общем деле, а, считая себя хозяевами, требовали от Потужнаго выдачи себе провианта наравне с остальными. Благодаря массе работ по приспособлению зданий к зимовке, постройке землянки, устройству вешал, заготовке дров и прочего, улов рыбы в 1907 г. был невелик и, по словам Хлоптунова, Потужный мог

продать её в Японии только на пятнадцать тысяч рублей. Из этих денег он должен был заготовить провиант на зиму и уплатить японцам за выстроенные ими дома. Срок платежа приходился на август месяц, когда Потужный был в Хакодате. Оставшиеся деньги должны были пойти на уплату рабочим, ремонт инвентаря и в раздел между членами колонии. Но ничего этого он не сделал, а предпочёл вырученные деньги оставить у себя. Заготовленного летом провианта не могло хватить на зиму, и «Шилка» на возвратном пути во Владивосток снабдила колонистов некоторым количеством муки и соли. Осень кое-как прожили, а зимой началась голодовка. Некоторым подспорьем служило мясо медведей, но и их было мало. Наконец среди зимы Потужный, выведенный из терпения приставаниями колонистов, выписал из Петропавловска муки на двести рублей. Доставка её производилась камчадалами на собаках очень незначительными количествами, так что после прихода транспорта на каждого колониста приходилось по пригоршне ея.

Перед Пасхой наступил голод, который в апреле вызвал бунт. Нашлись лица, хотевшие в озлоблении своём убить Потужного, но он запёрся в своей квартире и три дня никому не показывался, после чего тайком уехал в Петропавловск. Другая версия гласит, что голодные люди решили убить свинью Потужного и съесть её. Когда в неё стреляли, он был близко и принял это за покушение на его жизнь. От голодной смерти избавил всех Хлоптунов, который в это трудное время выдавал колонистам понемногу муки и крупы из своих запасов. По словам семьи Потужного, Хлоптунов, как более зажиточный, сначала считался кладовщиком, но скоро присвоил всё вверенное его хранению имущество и стал возбуждать всех против Потужного. Колонисты приняли его сторону. Потужный, оставшись почти один, не мог заставить колонистов работать, а без этого он не считал себя обязанным их кормить. Кто прав? С вскрытием рек, с началом хода рыбы обстановка изменилась к лучшему, и теперь дети смотрят совершенно здоровыми, а женщины и некоторые мужчины смотрят даже весёлыми.

Особенным праздником был приход ушедшего вчера «Романа», который снабдил их мукой, крупой, солью и некоторыми другими продуктами. Но тот же пароход принёс им и новое огорчение: фирма Грушецкого, которой пароход зафрахтован, выгрузила на берег бочки, ящики, котлы, соль, рыболовную снасть, двух русских и десять корейцев и объявила, что право лова рыбы принадлежит исключительно ей. По этому поводу мне были высказаны новые неудовольствия на Потужного, который, по мнению

говоривших, устраивая колонию, должен был знать, занята река или нет. Сегодняшний неожиданный приход «Шилки» и привоз разнообразного груза, до граммофона включительно, поверг всех в особенно радостное настроение. Колонисты разными способами выражали нам свою благодарность, причём каждый семейный хотел, чтобы я и доктор к нему зашли. Хлопунов угостил нас отличным чаем с сахаром, медом и английскими печеньями, а электротехник снял большим аппаратом, 24 на 30 дюйма (дюйм равен 25,4 мм. — *Ред.*), группу матросов, разгружавших шлюпки.

Все колонисты и рабочие с истинным рвением помогают выгружать шлюпки и фунгасы и лишь недоумевают, кто будет делить между ними этот груз, так как он адресован Потужному, предназначен же им? Потужнаго здесь нет, а они, безусловно, нуждаются в той части груза, которая составляет провиант. Ждать же возвращения Потужнаго они не могут, так как, при всей экономии, полученной с «Романа» муки хватит всего на несколько дней. Одни обращались ко мне с просьбой разрешить им взять муку и соль, другие просили разделить между ними эти предметы. Я отклонил все ходатайства, так как на удовлетворение их не имел никаких полномочий. Очевидно, они не удовольствуются созерцанием бунта (кучи. — *Ред.*) товара и сегодня же разнесут его, причём дело, конечно, не обойдется без драки. Благодаря всем этим неурядицам, вызванным, по-видимому, недобросовестным отношением к делу обеих сторон, многие колонисты собираются переселяться в другие места, а некоторые хотят возвращаться во Владивосток.

Все хозяйственные животные посёлка заключаются в одном петухе и восьми ездовых собаках. Одна семья везла сюда в прошлом году одиннадцать кур, но все оне подошли в пути от морской воды. Увидав этого петуха, с яростью бросающегося на людей, мы пожалели, что вчера зарезали двадцать восемь кур, оставшихся у нас после шторма.

По словам Хлопунова, в окрестностях возможно хлебопашество. Ячмень они могут достать в Большерецке, необходим лишь плуг. Для зимней охоты на крупного зверя необходимо выданные им уездным начальником берданки второго образца заменить винчестерами сорок пятого калибра, так как последние более скорострельны и причиняют животному, безусловно, смертельные раны. Зимой лёд бывает только версты на четыре от берега. Морским прибоем его разбивает, а береговой ветер относит в море. Морозы здесь не бывают более 20 °Ц. Очень неприятны только пурги, когда по несколько дней нельзя выйти из дома. У Хлоп-

тунова я видел две шкуры красной лисицы. По его словам, нынешнюю зиму красная лисица стоила десять рублей, а хороший соболь — сто рублей. Перевозка зимой на собаках пуда груза от Петропавловска до Озерной стоит пять рублей. По словам жителей, пролёт птиц уже начался давно. Стайки куликов и уток и несколько кроншнепов я видел сам, а Суровцев за час охоты убил криковую утку, несколько куликов и белую куропатку.

По возвращении на «Шилку» мы послали мужчинам книги и газеты, больным (цинга, раны и кожные болезни) — некоторые лекарства, а детям — консервованного молока, бисквиты и карамель.

Ни в Японском, ни в Охотском морях мы не встретили ни одного парохода и не видели морских зверей. При подходе к селу Озерному мы видели много китов, а во время нашего тут стояния прошёл «Котик».

Вёрст на тридцать севернее села Озерного расположено село Явино, против которого начинаются тресковые банки, тянущиеся с севера почти до устья реки Большой. На них хищничают американцы и японцы. Мы, к несчастью, ничего поделать не можем, так как по международным договорам наши территориальные воды распространяются только на три мили от берега.

По окончании выгрузки, наши матросы наловили с борта судна на удочки массу трески, которая внесла приятное разнообразие в их и наш ужин.

Наибольшая температура воздуха $+9,5^{\circ}$, наименьшая -1° ; температура воды от $+1^{\circ}$ до $+3,4^{\circ}$ Ц. Весь день небо сплошь затянуто тучами. Полный штиль. Барометр 771,5 миллиметров.

13-е, вторник. Снялись с якоря в четыре часа утра. Когда я одевался, воздух был сильно озонирован, о чём можно было судить по расхлывшимся в сторону волосам и особому запаху, который издавала гуттаперчевая гребёнка. К десяти часам утра явления это исчезло. Откуда получилось это временное насыщение воздуха электричеством, сказать нельзя; так как ночью грозы не было, а облака, затягивающие небо, были тонкие, слоистые. Идя первым проливом, имели курс юго-восток 25° и держались ближе к острову Шумшу, так как от мыса Лопатки тянутся в Охотское море две большие отмели. Сквозь мглу и туман берег Камчатки и мыс Лопатка представляются низкими, плоскими, у Неелова же есть рисунок этого места в ясную погоду: вид величественный с несколькими снежными вершинами на горизонте. Остров Шумшу горист, берег спускается к морю обрывами и имеет много выдающихся

мысов. Снегу на острове меньше, чем на материке. В нынешнем году наша гидрографическая экспедиция будет делать здесь промеры и описание берегов. В девять часов пятнадцать минут утра взяли курс на восток; вскоре изменили его на северо-восток и пошли Великим океаном, направляясь на остров Топорков, у северо-западного берега острова Беринга. Около полудня стало проясняться, явилась надежда рассмотреть берега Камчатки. Поэтому после обеда не ложился спать и часто выходил наверх. Но напрасно: солнышко только подразнило, а с четырёх часов нас окружил такой густой туман, что стали свистать через каждые две минуты.

14-е, среда. С утра сильный туман. Море совершенно спокойно. В десть часов утра обедница на жилой палубе, после которой команда была выстроена на баке, все офицеры на левом фланге. Поздоровавшись с командой и поздравив её с высокаторжественным днём, я провозгласил здравицу Их Императорским Величествам, принятую громким «ура». Затем командир поздоровался с командой и приказал выпить по чарке. За нашим завтраком я опять провозгласил здравицу Их Величествам, после чего поднял бокал за всех гг. офицеров и нижних чинов нашего транспорта как верноподданных своего Государя. Громкое «ура» огласило нашу кают-компанию.

В восемь часов вечера запись температур: воздуха $+5^{\circ}$, воды — $+5,2^{\circ}\text{Ц}$, то есть вода теплее воздуха, между тем от самага Владивостока, даже в полосах тёплаго течения Японского моря, вода везде холоднее воздуха. Неелов объясняет это прохождением здесь струи тёплаго океанского течения; что подтверждается поднятой в прошлом году на острове Беринга бутылкой, брошенной в воду, судя по бывшей в ней записке, на 45° северной широты. По поводу бутылок надо сказать, что наша экспедиция, в свою очередь, бросает их не менее трёх штук в сутки. На записках обозначается: год, месяц, число, широта и долгота и присовокупляется просьба к нашедшему — означить на обороте те же сведения и возвратить записку во Владивосток. Такие же записки в бутылках, находясь нашими судами, по сделании на них таких же надписей, возвращаются по указанному адресу. Таким способом изучают морские течения, которые затем и наносят на морские карты.

15-е, четверг. С раннего утра «Шилка» держится у берегов, но за сильным туманом мы не можем найти якорное место. Слабый юго-восточный ветер к полудню несколько усилился, разогнал туман, и мы увидели «Арий Камень», а за ним сероватую полоску

острова Беринга. Немедленно прибавили ходу и через полчаса стали на якорь в виду села Никольскаго. Селение расположено на совершенно низком берегу и состоит из нескольких десятков маленьких деревянных домиков, среди которых несколько возвышается дом уездного управления и церковь. Непосредственно за селением небольшие увалы, а несколько влево три отдельные горки, называемыя «лодками» ради их длинных плоских вершин и коротких крутых скатов, напоминающих издали силуэты лодок, поставленных дном кверху. Весь остров, насколько можно видеть, покрыт снегом. Идёт мелкий дождь. От прибывших чинов администрации мы узнали, что в нынешнем году стадо котов ещё не приходило, хотя в прежние годы оно здесь появлялось уже в апреле. Ближайшее от села Никольскаго лежбище котов в двадати двух верстах на север. Стадо бобров у острова Меднаго в последние годы, безусловно, уменьшилось. В телах добываемых котов и бобров часто находят пули и картечь — доказательство, что на этих животных охотятся в море. Вопреки мнению Прозорова («Экономический обзор Охотско-Камчатскаго края», 1902), здешнее начальство утверждает, что американское стадо котов смешивается с азиатским, и у острова Беринга неоднократно убивали меченных котов с островов Прибыловых. Метки американцев заключаются в простригании шерсти молодых котов на спине и других частях тела. Метки эти впоследствии почти не зарастают.

Штабс-капитан Векентьев, между прочим, рассказывал, что в марте сего года японцы разграбили селение алеутов на южной оконечности острова Беринга. Не встретив там сопротивления, они пошли за тем же к медновцам. Но эти их к себе не допустили, а обстреляли и прогнали в море. Шкуна их была белаго цвета. Названия ея медновцы узнать не могли, и поэтому случай этот, вероятно, пройдёт японцам безнаказанно. Доктор Малиновский рассказывал, что в 1905 г. японцы приходили на острова под командой сына адмирала Того (национальный герой Японии, командующий флотом Японской Империи в русско-японскую войну 1904—1905 гг. — *Ред.*). Отражать их было некому, и они, спустив русский флаг в селе Никольском, на его место водрузили свой. Они забрали архив и кассу уездного управления. Архив не возвращён и до сих пор. В кассе, по проверке ея комиссией в 1906 г., оказалось 17 копеек. Все кредиты доставляются уездному начальнику на срочном почтовом пароходе, почему чины администрации получают содержание сразу за весь год. За отсутствием

дел управления за 1904—1905 гг., никто за это время до сих пор не получал содержания.

В пять часов пошли на остров Медный мимо северного лежбища. Места этого не видели, так как шли не ближе пяти миль от берегов. Да за отсутствием котлов оно и не представляло интереса.

16-е, пятница. В шесть часов утра «Шилка» бросила якорь у острова Медного против Преображенского. Остров получил своё название от грязно-зеленоватого цвета прибрежных скал, местами очень похожего на цвет сильно окислившихся старых медных вещей. Местные жители утверждают, что море часто выбрасывает куски медной руды.

Село Преображенское расположено в ущелье, открытом для северных ветров. В селении есть церковь, но нет священника: он недавно командирован в Петропавловск для исправления должности второго соборного священника. Как в селении, так и на горах масса снега. Хотя утро туманное, но во время нашей стоянки горизонт был значительно яснее, чем в предшествовавшие дни; почему я мог фотографировать берег от мыса Песчаного на севере и до Сивучаго Камня на юго-востоке.

Здесь к нам сел начальник островов Н. П. Сокольников, и в восемь часов утра мы снялись с якоря и пошли в обход островов с юга. Сокольников был до прошлого года десять лет Анадырским уездным начальником и говорит, что площадь округа четырёхста квадратных вёрст с населением около восьми тысяч душ обоёго пола. По его словам, на севере русский тип сохранился только у жителя села Марково Осипа Брагина, прочие же марковцы представляют собой помесь русских с камчадалами и чукчами. К типу Дежнева до некоторой степени может подойти петропавловский казак Василий Селиванов, состоящий старшим в Ново-Мариинском посту в лимане реки Анадырь.

Вход пароходов в Анадырскую губу возможен только с конца июня до начала августа, поэтому Сокольников недоумевает расписанию пароходов Добровольного флота нынешняго года и, по его словам, первый пароход, выходящий из Владивостока 18-го мая, не попадёт туда из-за льдов. Второй же, выходящий из Владивостока 18-го июля, придёт туда слишком поздно, — когда марковцы уже станут собираться в обратный путь. Уже за много лет жители села Маркова и кочующие чукчи привыкли съезжаться в устье Анадыря к половине июля для обмена своими товарами. В это время там и нужен пароход, так как он поможет запастись товарами на зиму, а за время его рейса в Номе, который продол-

жается около двух недель, начальство успевает заготовить почту в ответ на полученную, и в начале августа уездный начальник с казёнными грузами и марковцы со своими товарами возвращаются домой. До Маркова тянутся бечевой около двух недель. Во второй половине августа река Анадыр уже покрывается льдом.

Эти слова Сокольников меня порядочно смутили и заставили призадуматься: ехать ли на север на пароходе первого Чукотско-Анадырского рейса или нет? Ехать с тем, чтобы только болтаться в море — не стоит, не ехать — значит отказаться от своей идеи, от исполнения принятой на себя задачи. Ждать же второго рейса я не могу, так как он возвращается во Владивосток в октябре, то есть после окончания срока моего отпуска.

Сокольников говорит, что доктор много наврал. Японцы действительно в 1905 г. увезли архив полицейского управления, но кассу они не трогали, так как в начале войны касса была отвезена бывшим начальником островов в Петропавловск и возвратилась оттуда только осенью 1906 г. со штабс-капитаном Векентьевым. Все служащие на островах получили за время войны полностью своё содержание. Доктору Малиновскому, действительно, следует за 1905 г. около 200 руб., но их, он, вероятно, не получит, так как невозможно выяснить, где и сколько он забрал вперёд, будучи в отпуску.

Около пяти часов дня дали знать с вахты, что по носу видна шкуна. Когда она достаточно вырисовалась, мы подняли сигнал по международному своду: «Лечь в дрейф». В это время шкуна имела курс параллельный нашему на северо-запад 46° , а место — пять миль от мыса Манати (южная оконечность острова Беринга).

Когда мы ещё более сблизились, то оказалось, что это — японская двухмачтовая шкуна *Miye maru*, несколько более ста тонн водоизмещения. В полумиле от шкуны мы застопорили машину и спустили шлюпку. Лейтенант Суровцев, сигнальщик и восемь гребцов были посланы для осмотра шкуны.

Они под мешками с солью и разными вещами скоро нашли в трюмах несколько свежезасоленных шкур. Сигнальщик сообщил нам об этом флагами. Немедленно командиру шкуны было приказано прибыть на «Шилку» с судовыми документами. Он приехал с другим японцем и каким-то американцем, у которого никаких личных документов не было (всесветный гражданин).

На допросе они заявили: 1) убили несколько котов около Токио и идут торговать в Камчатку, 2) шкуры котов купили и идут на острова Прибылова, 3) котов убили у острова Шумшу и идут

к островам Прибылова. Ввиду такого противоречия в показаниях приказано было их и всю команду шкуны арестовать, а шкуну взять на буксир.

Все японцы и американец, всего сорок два человека, помещены у нас на баке, а лейтенант Суровцев с матросами остался на шкуне.

По словам мичмана Кньюффера, арестованный американец в разговоре с судовым фельдшером заявил, что шкуна охотилась на котов у острова Шумшу и теперь шла на наши бобровыя лежбища у острова Меднаго (по Прозорову, главное время охоты на бобров — апрель и май месяцы. Сокольников добавляет, что это — охота сетями, ружьями же в море бобров бьют и в другие месяцы).

17-е, суббота. Прибыли в село Никольское около семи часов утра и тотчас приступили к производству следствия о захвате японской шкуны. При осмотре на ней найдены: в потайном шкафу — одна бобровая шкура и восемь шкур котиков. В дальних углах трюмов найдены шкуры нерп и сивучей, сто пятьдесят фунтов пороха и соль. В кают-компании к потолку подвешено много охотничьих ружей, на палубе — одиннадцать шлюпок. Большинство ружей центрального боя, двенадцатого калибра. Идя на промысел, в лодку обыкновенно садятся три человека: рулевой, гребец и стрелок. На допросе японцы-офицеры и американец дают противоречивыя показания. Матросы и рабочие не допрошены, так как не говорят по-английски, а японскаго переводчика у нас нет.

Экспертами для определения шкур и времени убоя зверя были старшина села Никольскаго, сельский судья и почётный старик, все природные алеуты.

После завтрака я съехал на берег с помощником начальника островов и посетил церковь, а затем местные учреждения.

Церковь обширная, светлая, хорошо обставленная. Все местные образа, по словам священника, пожертвованы Победоносцевым (Константин Петрович, 1827—1907, обер-прокурор Святейшего Синода и член Комитета министров. — *Ред.*) в восьмидесятих годах прошлаго (девятнадцатого. — *Ред.*) столетия. В притворе, в особых шкафах размещена библиотека. В ней, кроме богослужебных книг, учебныя пособия и книги для школы, а между последними — несколько хорошо изданных на немецком языке руководств по ботанике, зоологии и минералогии. Это — дар бывшего начальника островов Гребницкаго.

В ограде церкви, впереди алтаря, стоит памятник «командору Берингу с товарищами», сооружённый транспортом «Алеут» в 1891 г. Памятник представляет собой деревянный ящик, несколько сужи-

вающийся кверху, на котором положена наклонно чугунная плита, а над ней поставлен такой же крест. Вокруг памятника вбиты в землю четыре деревянные столбика, соединённые якорною цепью. С наружной стороны ящика приставлен якорь. Сооружение очень незамысловатое, и перевезти его в разобранном виде на мыс Командора (действительное место погребения Беринга и его тринадцати спутников) не представляет затруднения.

Н. С. Ваксмут, в бытность его помощником начальника островов, послал в большие газеты воззвание о пожертвовании на сооружение памятника на мысе Командора, но до сих пор ни одной копейки не получено. На названном мысу в давно прошедшие времена был поставлен алеутами деревянный памятник, от которого теперь нет и следа, а могила знаменитого мореплавателя разрыта песцами, костюм его давно продан алеутами американцам, и многие путешественники видели пуговицы с него в музее Сан-Франциско.

Аптека и при ней квартира доктора — сплошной хлев, в особенности первая, так как во второй до некоторой степени занимает приборкой жена доктора. При аптеке фельдшера нет. Он исполняет должность врача на острове Медном.

Школа, которой заведует священник при помощи псаломщика, в полном внешнем порядке. Она разделена на два отделения: старшее и младшее. В обоих в наилучшем случае бывает до двадцати учеников обоёго пола. Парты черные, большая классная доска и вертикальные счёты. При школе порядочная библиотека и много разнообразных учебных пособий. Странно только поражают стены таблицы по зоологии и ботанике на немецком языке.

В молодости все алеуты села Никольского грамотны, но с течением времени прочно всё забывают, и, например, теперешний помощник старосты может вместо своей фамилии поставить только «Н. Б.». Остаются грамотными те, которые поступают на службу в охрану или писарями в уездное управление. Полученный сегодня рапорт часового первой смены у северного лежбища о первом появлении пяти котов и показанная мне копия ценам товаров в лавке КТПО (Камчатского торгово-промышленного общества. — *Ред.*) писаны такими алеутами очень бойко и красиво.

Окружное управление производит хорошее впечатление обширностью помещения, чистотой и аккуратностью размещения дел и книг. В присутственной комнате, между прочим, находятся: длинный стол под красным сукном, зеркало под чехлом, громадный шкаф местной работы и несгораемый денежный шкаф со сломанною

дверью. По объяснению штабс-капитана Векентьева, когда осенью 1906 г. он привёз из Петропавловска деньги уездного управления, то шкаф сломали и нашли в нём 17 копеек. Японцы, в бытность свою здесь во время войны, шкафа этого не трогали.

Общественное управление — маленькое, низенькое, но очень чистенькое. Оно помещается в крошечном домике американской постройки. Помощник старшины, алеут Николай Воюаев, показывая мне помещение, просил освободить его от обязанностей, говоря, что ему трудно с ними справляться за неграмотностью.

В селе Никольском имеется метеорологическая будка с инструментами. Наблюдения здесь не ведутся за неимением особого лица с определённым содержанием (хотя бы грамотный алеут). Поэтому инструменты портятся, а бланки гниют.

Все постройки в селе Никольском — американского типа из двух рядов дюймовых досок с промежутком в четыре дюйма, ничем не заполненным. В домах ни русских, ни голландских печей нет, а есть чугунные камельки. Поэтому в домах холодно, не более 7—8° Реомюра (1° по шкале Реомюра равен 1,25° по шкале Цельсия. — *Ред.*), несмотря на усиленную топку. Ни строевого, ни дровяного леса на островах нет, и жители пользуются плавуном или дровами, доставляемыми из Камчатки. Последние довольно дороги (сорок рублей за кубическую сажень) и не всем доступны.

После обхода названных зданий я сделал визиты Векентьеву и священнику. У первого очень миленькая жена и трое детей дошкольного возраста, все мальчики. Жена второго — хохлушка с приятным лицом, очень приветливая и, видимо, хозяйственная женщина, у священника двое детей — мальчики пяти и семи лет.

По предложению Векентьева, я надел большие сапоги и кухлянку (рубаха шерстью наружу и внутрь) и поехал прокатиться в собачьей нарте вверх по реке к озеру, версты за три. Нарта очень маленькая, запряжена восемью собаками. Собаки послушны голосу каюра (погонщик). Их два. Один всё время стоял сзади меня, а другой бежал сбоку и на косогорах поддерживал нарту. Зима здесь снежная, с сильными ветрами, но морозов более 20 °R не бывает.

Возвратившись с прогулки, я пил у Векентьева чай. Вода здесь очень хорошая, ключевая, поэтому и чай очень вкусен. Векентьев показывал мне чучело розовой чайки. Птичка эта действительно очень красива.

При рассмотрении сегодня вахтенного журнала шкуны *Miyetagi* оказалось, что место её задержания не указано, а с 13-го по 16-е мая показаны два места её пребывания: одно в Великом

океане, недалеко от острова Шумшу и мыса Лопатки, другое — на сопках у Петропавловска; одно от другого в двухстах милях, и первое в четырёхстах тридцати милях от места задержания шкуны, а второе — в двухстах шестидесяти милях от него.

18-е, воскресенье. С утра выяснилось, что следствие о захвате японской шкуны ранее полудня не кончится, поэтому я съехал на берег к обедне. В церкви молящихся не более десятка мужчин и двадцати женщин с детьми. Все — алеуты. Пение на незнакомые старинные напевы. Только в «Верую» я уловил некоторое сходство с простым современным напевом. Перед окончанием службы священник прочёл по книге довольно длинную проповедь на сегодняшнее Евангелие (исцеление слепорождённого). Много ли поняли алеуты — я не знаю. За обедней приобщались Святых Тайн — алеутка средних лет и пятеро детей. На алеутке было кашемировое платье цвета крем, отделанное кружевами, юбка гофрированная, подшитая по подолу синим бархатом. На голове алеутки была светлая кружевная косынка. Остальные женщины были одеты проще, но тоже в городских платьях, и на одной или двух я заметил шелковые кофточки.

У доверенного КТПО я видел сегодня шкуру бобра, случайно убитого в феврале сего года около острова Беринга. Шкура очень тёмная и очень пушистая с большою седою остью. Длина шкуры от носа до хвоста десять четвертей, ширина три четверти. Вся голова совершенно седая, и, что особенно редко, это — одинаковость цвета и пушистости на спине, боках и груди. По словам доверенного, после выделки шкура будет стоить не менее полутора тысяч рублей. Казённая цена первосортной шкуры — двести рублей, из коих только десять процентов идёт в казну, а остальные деньги выдаются охотнику. В магазине (складе. — *Ред.*) общества много голубых песцов. Здешные песцы значительно отличаются от добываемых в Западной Сибири: у здешних только подшерсток серо-голубого цвета, шерсть же серо-коричневая. Из разговора выяснилось, что общество привозит в здешнюю свою лавку только те товары, на которые поступают требования от уездного начальника, от общественного управления или от частных лиц. За свой же страх, для распространения на островах, никаких товаров не привозит. Здесь, как и на всём Севере, полное порто-франко, нет даже акциза на табак, вино и сахар, поэтому все товары продаются дешевле, чем во Владивостоке. Водка и вино здесь не продаются вовсе. Они выписываются только уездным начальником по мере действительной потребности служащих и населения.

Первым оно выдаётся на руки, а весь остальной запас хранится в особом, так называемом казённом складе, откуда выдаётся в праздники и высокотожественные дни по расчёту одной бутылки спирту в 90° на четырёх человек. Чины охраны получают ещё по бутылке на пять человек.

Векентьев дал мне несколько фотографий котиковых лежбищ и модель алеутской двойной байдары. На островах их более не строят, так как давно уже прекратился бой сивучей и нерп, шкурами которых обтягивались эти лодки.

Никаких фруктов, даже японских «микан», здешние жители не видят никогда. Я пожалел, что у меня вышли взятые с собой апельсины и поэтому я не мог угостить ими Векентьева и других.

За время стоянки «Шилка» у Командорских островов я видел алеутов не только с бронзовым оттенком кожи и чёрными прямыми волосами (особенности американских индейцев), но и со сравнительно светлым цветом кожи и светлыми волосами. Лица последних были круглые, общим видом они напоминали великороссов. Это — метисы, происшедшие от русского отца и матери-алеутки. Начало такого скрещивания рас положено деятелями Русско-Американской компании в начале прошлого (девятнадцатого. — *Ред.*) столетия, а в 80—90-х гг. прошлого столетия посылались на Командорские острова из гарнизонов Приморской области особо здоровые унтер-офицеры, которые и зачислялись там на разные должности. Лица, давно живущия в здешних местах, говорили мне, что алеутки особенно любят и гордятся белыми детьми. По рассказам тех же лиц, алеутки не отличаются чистотой нравов.

С якоря снялись в шесть часов вечера и пошли девятиузловым ходом. Бывший весь день свежий ветер от юго-запада развёл волну в два балла, которую «Шилка» не чувствует, но в которую японская шкуна, идущая у нас на буксире, зарывается носом. Поэтому около десяти часов вечера уменьшили ход до шести узлов.

По вопросу об охране котиков А. А. Прозоров в своей книге «Экономический обзор Охотско-Камчатского края» (с. 375—377) даёт яркую иллюстрацию к басне Крылова «Лебедь, рак и щука». По его словам, правительство Северо-Американских Штатов биллем 8-го декабря 1897 г. запретило своим гражданам не только охоту на котиков в северной части Великого океана от тридцать пятой параллели, включая Охотское и Берингово моря, но запретило им для этой цели наниматься на иностранные суда. То и другое под страхом штрафа в двести долларов и тюрьмы на шесть месяцев с конфискацией шкуны, орудий промысла и добычи.

Рынок Штатов совершенно закрыт для сырых котиковых шкур. Туда допускаются только шкуры, добытые особою компаниею у островов Прибыловых и у острова Лобос, находящагося под надзором правительства республики. К тем и другим прикладываются особая клейма. Наше правительство, кроме совсем недостаточной охраны территориальных вод тихоокеанскаго побережья и тридцатимильной зоны вокруг островов Командорских и Тюленьяго (по Портсмутскому трактату Тюлений остров отошёл к Японии), ничего не сделало, хотя за послѣднія двадцать лет неоднократно собирались министерскія и междуведомственныя комисии.

Результатом всех этих комиссий было введение (по предположению 1902 г.) в Уложение о наказаниях, ст. 921-2, безусловно запрещающей русским подданным охоту на морскаго котика под страхом тюрьмы от двух месяцев до одного года и четырёх месяцев и конфискации судов, орудий охоты и результатов ея.

Этим русскіе подданные поставлены во всех морях, где есть котики, в безвыходное положение, наши же котики отданы на расхищение иностранцам. Тридцатимильная зона вокруг названных островов установлена нашим соглашением с правительством Соединённых Штатов в концѣ апрѣля 1894 г., и тогда же мы обязались убивать ежегодно не более тридцати тысяч котиков. А японское правительство, в видах поощрения судостроения, выдаёт субсидии всем промысловым шкунам; хозяева же их устроили между собой взаимное страхование и благодаря ему не терпят никаких убытков при конфискации или уничтожении их нашею охраной. На стр. 378 тот же автор говорит: «В заключение этой главы (XIII) можно выразить только пожелание, чтобы приняты были энергичныя меры к проведению в жизнь, пока порода котика ещё существует, тех положений ея охраны, которыя были признаны необходимыми уже много лет назад, а именно: полное запрещеніе промысла котов в море к северу от тридцать пятой параллели, в крайности в пределах двухсот миль вокруг островов, а также полное запрещеніе употребленія при этом промысле огнестрельнаго оружія». На стр. 386 Прозоров пишет: «Так или иначе, но край (Охотско-Камчатскій) от этого (правительственнаго распоряженія) терпит: золотое, найденное (экспедиція Богдановича) и (экспедиція Вонлярлярскаго) в 1895 г., всё ещё не разрабатывается ввиду поставленных правительством невозможных условий; развитія рыбных промыслов начальство края не желает; котиковое стадо, хотя основательно изслѣдовано, не охраняется, и нет ничего удивительнаго, если в крае наблюдаются все признаки

упадка и забвения, чем доктор Слюнин охарактеризовал настоящий период (1890-е гг.) Охотско-Камчатского края...» (П. Ф. Унтербергер в своей книге «Приморская область» рекомендует за невозможностью охраны котикового стада от хищников и наблюдаемого систематического упадка промысла предоставить русским подданным уничтожить стадо и таким образом самим использовать остатки его).

Водолазному квартирмейстеру разрешено вступить в первый законный брак с девицей из селения Авача. Свадьба будет в Петропавловске в предстоящую стоянку там «Шилки».

20-е, вторник. До четырёх часов утра было достаточно ясно, затем стала находить мгла и, наконец, пошёл дождь. В семь часов тридцать минут оборвался один из буксиров, и буксируемую нами шкуну поставило лагом. На «Шилке» застопорили машину и стали собирать оборвавшийся буксир, затем спустили шлюпки и начали подводить и крепить новый буксир. За эту работу провозились ровно два часа, после чего пошли девятиузловым ходом, держа на шкуне паруса, которые, благодаря северному ветру, несколько помогли буксирам.

Во время завтрака доложили, что по носу видна шкуна. Вскоре оказалось, что это американский четырёхмачтовый барк *Melrose*, привозивший в Петропавловск груз для КТПО.

Окончив завтрак, я вышел на палубу. Уже виднелись береговые скалы, а за ними горы, покрытые снегом. Благодаря туману и дождю, вид унылый. Авачинская губа представляет громадный водоём среди скал самой разнообразной формы. Судя по близости к ней действующих ещё ныне вулканов, можно думать, что после какого-нибудь громадного землетрясения или ряда их здесь получился провал, соединившийся с океаном щелью. За это говорят как крутые береговые обрывы, так местами большая глубина губы, большие скалы среди входа в губу — Три Брата у маячной горы и Бабушкин Камень — у противоположного берега и оторвавшийся от материка небольшой скалистый остров Старичков. Наибольшая ширина губы — девять миль с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Ширина входа около двух миль. От внешнего конца маячной горы до устья реки Авачи двенадцать миль. Названные скалы среди входа в губу густо покрыты птичьим помётом, а у подножья их вечный прибой. Как только мы прошли линию этих скал, так получили полный штиль, хотя в океане свежо и большие волны с шумом разбиваются о каменистую грядку впереди маячной горы.

Перед входом в Петропавловский Ковш, против Сигнальной горы стоит японский крейсер *Kongo*, видом своим напоминающий старую владивостокскую брандвахту «Горноста́й». Когда мы проходили мимо, оба караула вышли наверх и отдали честь, а команды в это время стояли «смирно» на верхних палубах.

Вход в Ковш очень узкий. Его образуют: с одной стороны — Сигнальная гора, с далеко отходящею от нея мелью, а с другой — низкая песчаная коса, отделяющаяся от Петровской горы. Для того, чтобы попасть в этот вход, необходимо не доходя Сильнального мыса повернуть почти под прямым углом на северо-восток, обойти белый бакен у городского кладбища и вновь повернуть к Сигнальной горе. Пройдя таким образом около мили и почти упершись в гору — новый поворот почти под прямым углом и движение около самой горы в обход косы. Этот сильно зигзагообразный путь показывали «Шилке» не только створчатые знаки на Сигнальном мысу у кладбища и на горе, но белый бакен и шлюпка, шедшая перед нею с промером. Когда «Шилка» была среди Ковша, с неё завезли на берег четыре стальных перлиня, и при помощи их она стала подтягиваться к пристани.

Почти на середине длины косы стоит небольшой чёрный чугу́нный памятник, воздвигнутый в воспоминание геройских подвигов наших моряков и солдат под начальством адмирала Завойко в 1854 г. и называется он «Памятником Славы». Вблизи памятника, в Ковше, кладбище хищнических шкун. От одной торчат из воды две мачты; другая, совершенно сгнившая, лежит на боку; третья затонула наполовину и годится только на дрова; четвёртая выброшена на косу и только пятая ещё стоит на воде хорошо. Здесь же погибнет, вероятно, и приведённая сегодня нами шкуна.

Мы ещё не успели ошвартовиться как следует у пристани, как к нам приехал японский офицер с поздравлением. Он заявил, что *Kongo* всё лето будет крейсировать в камчатских водах для охраны котиковых промыслов от японских хищников. Это что-то новое, небывалое. Не скрывается ли тут чего другого? В это же время приехали к нам помощник начальника уезда Логиновский и доктор Тюшов, а за ними — смотритель маяка и местный купец Г. Т. Подпругин. Логиновский сообщил, что губернатор с начальником уезда и своим чиновником особых поручений уехал на «Азии» в Тигиль и вернётся около 1-го июня. С ними же поехал и генерал Ренгартен.

Подпругин и смотритель маяка остались у нас обедать. За обедом вошли в кают-компанию два священника: старый, родом камчадал,

и молодой, уроженец Европейской России. В разговоре мы узнали, что о. Геронтий родился в Нижнекамчатске. Там он выучился грамоте, там поступил в клир и был двадцать пять лет псаломщиком и диаконом и там же уже двадцать пять лет священствует. За всё это время он нынче второй раз в Петропавловске и находит, что здесь очень шумно. Ни во Владивостоке, ни в Николаевске-на-Амуре он никогда не был и не собирается туда, находя, что там ему нечего делать, а все изобретения XIX столетия (железная дорога, телеграф, телефон и прочие) его не интересуют. Ему очень понравилась машинка с древесным спиртом для закуривания папирос, и он был сильно огорчён, не получив ея.

Наши пленные японцы помещены в хлебопекарне Морского ведомства... (Далее следует описание Петропавловска и окрестностей, см. «Вопросы-3», с. 429—433.)

ГЛАВА II. Вдоль восточного берега Камчатки

25-е, воскресенье. Сегодня утром за дождём и туманом мы не могли найти устье Жупановой реки и в девять часов пошли отставаться в Моржовую бухту, отстоящую отсюда миль на двадцать пять к югу. При повороте океанскою зыбью нас положило градусов на тридцать, рулевой сорвался со скамейки и вышиб окно в рубке. Моржовая бухта вдаётся в материк на пять миль, имеет вход с севера шириной до двух миль и два залива: один на запад, другой на юг. Мы бросили якорь в вершине южного залива. Берега его крутые, скалистые, безлесные, только в самой вершине видна небольшая низкая тундра, покрытая остатками прошлогодней травы и мелким кустарником. Везде масса снега. Стоянка для «Шилки» здесь совершенно спокойная. Жилья нет. Из-за дождя и тумана никто из нас на берег не съехал, только Суровцев ходил на охоту и к вечеру принёс несколько уток и куликов.

26-е, понедельник. На рассвете покинули бухту. Море совершенно спокойно, небо довольно ясно. Берег и подошвы гор видны хорошо, а вершины их в тумане. В девять часов утра, когда мы были у устья реки Жупановой, вновь навалил туман. Тем не менее, мы отправили одну за другой три шлюпки с людьми и грузом, дав им для ориентировки компасы. К двенадцати часам дня туман рассеялся, облака поредели и стал ясный солнечный день. «Ободняло», — как говорят в Камчатке.

Я сфотографировал мыс и сопку Жупанову. Скалистый мыс — без снега, а коническая сопка — вся в снегу. К двум часам дня

ещё более разъяснилось, и влево от нея показались на горизонте очень слабые очертания Коряцкой сопки, а вправо и ближе к берегу — ряд других сопки. Таким образом, весь берег представился белым кружевом, повернутым острыми концами вверх. Река, видимо, вскрылась недавно, так как из нея идут льдины. На одной из них сидел маленький сивуч, котораго и уложил мичман Герсдорф выстрелом из револьвера.

Жители селения Жупанова, в благодарность за доставку их на берег, подарили нашей команде медвежонка.

В половине третьего часу дня пошли далее. День всё более и более разгуливался, стало видно голубое небо, а вскоре расчистился и горизонт, и я впервые увидел картины северной природы, о которых с таким восхищением говорил мне ещё во Владивостоке доктор Русанов.

Громадный конус Жупановской сопки — весь белый, очевидно, на нём ещё много снегу. Местами белый покров прерывается синими и коричневыми пятнами, это — теневые и обрывистые места сопки. Подошва ея сливается с буро-фиолетовым берегом, а вершина затянута облаком. На берегу снега почти не видно, а зелень ещё не распустилась. Влево от сопки берег то понижается, то повышается и оканчивается мысом с крутыми обрывами. Между сопкой и им виднеются на горизонте нежно-голубые силуэты Коряцкой и Авачинской сопки. Вправо берег такой же, но насеивая на него полоса тумана делает его ещё темнее, а возвышающаяся над ним группа вулканов, вероятно, Семячик и Кихлич, вырисовывается очень ясно. Я попробовал было сделать акварелью этюд этой группы, но за разнообразием и нежностью тонов я терялся в красках: что ни смешивал, всё казалось грязью. Правее этой группы на довольно далекое расстояние лежал туман и только на носу «Шилки» возвышалась величественная, совершенно коническая фигура Кроноцкой сопки. От вершины ея спускались, как производящая конуса, чёрные и белые полосы, это, вероятно, — потоки лавы среди снежного покрова. Временами туман закрывал вершину сопки и открывал ея среднюю часть, на которой эти белые и чёрные линии значительно расширились.

27-е, вторник. Около двух часов дня должны были остановиться у устья реки Камчатки, но за сильным туманом и зыбью от юго-востока сделать этого не могли. Видели только узкий силуэт косы и трёх домов. Хорош бы был о. Геронтий, если бы пошёл с нами. Высадить его здесь не пришлось бы, и он должен был бы плавать с нами далее и, быть может, вернуться в Петропавловск.

Зная условия высадки у Усть-Камчатска, командир и отказал в просьбе о. Геронтия.

До Усть-Камчатска мы имели попутную зыбь, затем до мыса Камчатского зыбь была встречная. Как в том, так и в другом случае «Шилка» почти не испытывала качки. Обходя же мыс, имели курс на восток, зыбь била в правый борт, и нас изрядно качало. Но это продолжалось часа два, и как только взяли курс на северо-восток, качка почти прекратилась. При проходе мимо мыса Камчатского, наш курс был проложен в пятнадцати милях от берега, в действительности же прошли милях в пяти от него.

Штурман говорит, что русския карты северных морей очень неверны. Это подтверждается и частыми справками его и командира с английскими картами. Но полковник Неелов, как член гидрографической экспедиции, с этим не согласен и утверждает, что только некоторая часть берегов нанесена неверно, в общем же карты верны, и просто штурман прокладывает неверно курсы. Последняго я за всё наше плавание не наблюдал, подход же к деревне Озерной в туманную погоду доказывает противное. Разсматривая карты Берингова моря, я на некоторых из них видел примечания штурмана Гека, командира шкуны «Сторож»: меридианы должны быть перенесены влево на столько-то градусов и минут.

28-е, среда. Между семью и восемью часами утра я пил чай в своей каюте. Вошёл вестовой и доложил, что мы окружены льдами. Я тотчас вышел наверх и увидел пасмурное небо, рванья облака, движущияся от запада, мелкий дождь, а вокруг «Шилки», насколько может охватить глаз, — сплошное ледяное поле, только кое-где на юг видны были ещё тёмныя пятна воды. Ближайшия к нам льдины самой разнообразной формы и величины двигались от кормы к носу, перегоняя нас, иногда ударяясь о тот или другой борт судна. Очевидно было, что надо поворачивать назад и уходить как можно скорее. В этом смысле командир и сделал распоряжения. На мой вопрос: где мы находимся? — штурман сказал: между мысами Озерным и Начикинским, $56^{\circ}60'$ северной широты и $163^{\circ}30'$ восточной долготы.

Я фотографировал некоторыя льдины. Площадь их была не менее площади нашей кают-компани (сто двадцать квадратных аршин), а высота над водой — около одного аршина (один аршин равен шестнадцати вершкам, или 71,12 см. — *Ред.*). Объём некоторых льдин можно считать около сорока пяти кубических сажений. Когда командир делал свои распоряжения, на мостик вбе-

жал боцман и доложил, что в правом носовом отсеке появилась течь. Старший офицер тотчас пошёл осмотреть повреждение и нашёл, что сломаны два шпангоута, обшивка между ними вдавлена, и некоторые листы ея разошлись. Немедленно были приняты меры к откачиванию воды и заделке щелей. В восемь часов тридцать минут дали знать с юта о потере нами руля. Лица, в присутствии которых это произошло, говорили, что после удара льдины в корму вся штурвальная тележка поднялась над палубой примерно на фут, а опустившись, не попала стойками в гнёзда и стала на место только через несколько минут, после удара новой льдины. Вместе со вторым ударом руль упал на льдину и пошёл с нею ко дну. По моим наблюдениям, «Шилка» до аварии шла на северо-запад, после же аварии — на север, даже несколько на восток. В момент аварии машина была застопорена или имела самый малый задний ход, значит, удар льдины пришёлся сзади и несколько слева. Весть эта поразила всех. Тотчас же в кают-компании стали обсуждать вопросы: какия следует принять меры, чтобы заставить «Шилку» двигаться в желаемом направлении и куда идти? Для решения первого вопроса гг. офицерам пришлось вспомнить курс практической лоции, а по второму — мнения разделились: одни рекомендовали пробиваться сквозь льдины до бухты Ложных Вестей на острове Карагинском, другие же предлагали, пользуясь тихою погодой, идти как можно скорее в Петропавловск, где и заняться изготовлением нового руля. Командир принял второе мнение и отдал соответствующие приказания.

Тем временем на палубе шла деятельная работа: вахтенное отделение и другия выпустили за корму два каната по тридцать-сорок сажений длиной с пустыми бочками на концах и старались при помощи их держать «Шилку» против зыби и в надлежащем направлении, а несколько плотников сколачивали деревянный треугольный щит, который, по мысли Неелова, должен был быть спущен за правый борт и укреплён под некоторым углом к нему, дабы отклонять корму влево. Часа через полтора мы совершенно отделились ото льдов и пошли в юго-восточном направлении. По установке щита, «Шилка» действительно покатила на юг, но скоро пошла обратно на восток и перекатила даже несколько градусов к северо-востоку. Неелов тотчас перевёл щит футов на десять ближе к корме, «Шилка» резко покатила к югу, предела не перешла, а дойдя до него, вновь покатила на восток. В помощь к щиту поставили три-селя и стакселя, а тросы с бочками взяли на правый выстрел (стрела на шарнире, прикреплённая к борту. — *Ред.*) и пустили их до

кормы. По незначительности своих размеров и за слабостью ветра, триселя и стакселя почти не работали, и их скоро убрали.

Понаблюдав некоторое время за работой щита и бочек, Неелов решил, что размеры щита непропорциональны судну и поэтому тотчас приступил к изготовлению новаго, значительно большаго. В то же время, по мысли старшаго офицера, сняли стрелу от кормового трюма и стали приделывать к ней перо, а на корме начали сооружать систему стоек для укрепления этого новаго своеобразнаго руля. Перед этим лейтенант Колоколов спустился с кормы по штом-трапу и осмотрел повреждение. Оказалось, что судовой руль сломался несколько ниже головы, между палубой и обшивкой кормы. Когда около четырёх часов спустили на воду большою щит, то очень скоро мы получили курс юго-запад 16° , но он держался очень недолго, и нас вновь отклонило на юго-запад 45° . В этих пределах нас катало, пока не спустили за корму перо. Оно было поставлено в вертикальной плоскости, а от верхняго и нижняго концов его были поданы на палубу четыре стальных перлина. Перо подтянули на несколько градусов вправо. Тотчас «Шилка» покатилаь сильно на юго-восток. Отводом пера влево уменьшили отклонение и не только стали на курс, но перестали рыскать.

Это нас успокоило. Мы решили, что средство для управления судном найдено. Но продолжалось это недолго. Порядочная встречная зыбь, нисколько не отражаясь на судне, сильно бросала перо вверх и вниз. Голова его стержня билась в креплениях, распатывала их и действовала на фальшборт. Боясь, чтобы этим не была повреждена корма и чтобы оборвавшиеся стальные тросы не попали в винт, скоро разобрали всю систему и поместили перо на правом борту около щита. Сначала оно плавало, но когда немного прибавили ходу, его прижало к борту и оно дало второй щит, сидевший в воде глубже перваго. Таким образом, часам к десяти вечера на правом борту «Шилки» оказалось три приспособления: бочки, треугольный щит и перо, которыя в общей сложности дали порядочную площадь сопротивления, и мы стали плыть по нашему генеральному курсу.

На этом мы успокоились. Команде приказано отдыхать, и всякия новыя приспособления отложили на завтра. К этому времени штурман подсчитал наш ход. Оказалось, что от места аварии мы ушли только на тридцать миль, то есть за четырнадцать часов сделали то, что в другое время делали в три часа. После обеда в каюткомпании долго спорили по вопросам: какой силы должен был быть удар, сломивший руль, и будет ли «Шилка» продолжать кам-

панию после починки руля? Но ни к каким определённым выводам не пришли, да и прийти не могли, так как не имели точных данных (по данным С. А. Иванова, в восемь часов утра 28-го мая температура воды 0, воздуха +9 °Ц, штиль; зыбь от юга, движение льда на север, скорость движения неизвестна. Судовая машина застопорена, задний ход около четверти узла. Диаметр баллера восемь дюймов, баллер из мягкой стали. Площадь рулевого пера 70,2 квадратных фута, или около одной пятидесятой части погруженной диаметральной плоскости судна).

После спуска флага на фок-мачте между фор-марса-реей и фока-реей зажгли два красных фонаря, что означает: «Плохо управляюсь». С восьми часов вечера установлена вторая офицерская вахта для наблюдения за кормой.

Солнце село за совершенно чистый горизонт, хотя остальные его части затянуты туманом, а небо покрыто слоистыми облаками. Это предвещает на завтра безветренный, но туманный день.

Около полуночи я разговаривал в кают-компании с доктором и лейтенантом Суровцевым, а штурман дремал тут же в кресле. Вошёл механик и с торжествующим видом объявил, что всё сделанное до сих пор годится только для хорошей погоды, он же изобрёл прибор, при помощи которого судно будет держаться в желаемом направлении даже в шторм. При этом он развернул перед нами и проснувшимся Катрухиным чертёж своего прибора.

Он представлял деревянный ящик треугольной формы, две стороны которого по восемнадцать футов длиной и одна в двенадцать футов, высота — два фута. Внутри должен быть груз, чтобы ящик держался немного под водой. Наиболее острым углом ящик будет обращён к корме и скреплён с ней стальным перлинем сажень в десять длиной, а от задних углов будут взяты на палубу тонкие перлиня и укреплены на дифференциальных таях. Выбирая один конец и потравливая другой, ящику всегда можно будет дать такое положение, что одна из длинных его сторон явится продолжением диаметральной плоскости судна, а другая будет работать как руль. Мы вполне одобрили проект. Механик побежал к командиру и вскоре вернулся с заявлением, что командир тоже его одобрил. Услыхав это, лейтенант Суровцев, вступивши в полночь на вахту на корме, тотчас принялся осуществлять проект, благо «Шилка», идя в северное плавание, была настолько хорошо снабжена разными брёвнами, досками, канатами, железом и прочими материалами, что их хватит на это и много других приспособлений.

Луна за облаками. Тем не менее, настолько светло, что грубую работу по пригонке плах можно делать без искусственного освещения. Я почти до четырёх часов утра пробыл на палубе, наблюдая, с каким рвением все работали. Видно было, что матросы сознают серьезность положения. С двух часов небо всё более и более белело, туман и облака застилали горизонт с востока, и день начался как бы без утренней зари.

29-е, четверг. Вчера под влиянием разговоров об аварии несколько раз обдумывал вопрос, какие вещи я возьму с собой, если придётся покинуть «Шилку» и спасаться на шлюпках, и каждый раз упрекал себя в малодушии. Сегодня гг. офицеры не только делают своё дело, но каждый старается в пределах сил и знаний сделать как можно больше. Остальное, конечно, в воле Божьей. Пример всему показывает командир. Я до сих пор не слышал, чтобы он кричал или резко отдавал приказания. По меткому выражению одного из офицеров, «он советует».

Усилиями всей свободной от служебных нарядов команды, треугольный ящик изготовили к четырём часам дня. Спуск его на воду был довольно затруднителен и занял около двух часов. Когда ящик был на месте, сделали опыт управления им. При этом сверх вчерашней зыби была небольшая волна. Опыт удался вполне, хотя «Шилка» шла средним ходом, пять-шесть узлов при сорока пяти оборотах винта. Все сразу повеселели. К этому времени мы были на параллели мыса Столбового, в девяноста милях от места происшествия и в двадцати пяти милях от берега Камчатки.

Перед обедом у носа «Шилки» долго крутились пять чаек, и одна из них села на боевой фонарь, за ней вскоре села и другая и некоторое время оне плыли с нами. По приметам моряков, это предвещает благополучие.

За обедом подали шампанское и поздравили с удачною идеей.

После обеда командир распорядился убрать из-за правого борта все прежние приспособления и дать машине полный ход. В два часа ночи я выходил на палубу, и вахтенный сказал мне, что «Шилка» катается вправо и влево от курса только на 7°. Значит, всё «all right», как говорит Катрухин.

30-е, пятница. После четырёх часов утра засвежело и скоро развело волну. Около семи часов «Шилка» перестала слушаться нового руля (механик говорит, что вахтенные прозевали своевременно переложить тали), и под влиянием волны и ветра её покачало на север через восток. Чтобы повернуть её на юг, пришлось вновь выпустить за правый борт щит и перо, а для этого надо

было застопорить машину. Часам к девяти всё наладили и шли хорошо до полудня, когда пришлось вновь застопорить машину, так как новые вахтенные на юте что-то вновь прозевали, и мы опять шли полным ходом на север, при этом треугольный ящик не работал, а нырял у правого борта, удерживаясь только на левом конце. Пришёл командир, осмотрелся, спокойно приказал выбрать правый конец, отдать левый и дать малый ход вперёд. Скоро руль стал на место и заработал, а «Шилка» пошла на юго-запад, прямо на Шипунский мыс.

К этому времени море почти стихло, была только зыбь от юго-востока. Небо значительно расчистилось, и штурман успел сделать наблюдение на широту. Оказалось: $54^{\circ}25,8'$, то есть мы были на высоте мыса Козлова. Сквозь это спокойствие где-то вдали посвистывал ветер, а барометр у нас тихо опускался.

Вскоре после полудня обнаружили поломку пера, выбрали его наверх и начали поправлять. Отсутствие одного из приспособлений вредно отразилось на курсе «Шилки», и он стал отклоняться на восток. После какой-то новой шалости руля, когда «Шилка» вновь описала полную дугу на север, её уже не удалось направить на надлежащий курс, несмотря даже на то, что из носовых цистерн выкачали тридцать тонн пресной воды, она неукоснительно стала идти на юго-восток, почти на 90° в сторону от необходимого нам курса.

Во время последней остановки была уже порядочная волна, и нас покачивало. К вечеру состояние моря было в четыре балла, и восточный ветер такой же силы. Судно совершенно перестало слушаться руля и, несмотря на все наши усилия, шло «в бейдевинд».

Таким образом, с момента аварии и до семи часов утра сегодня мы шли почти по сто шестьдесят четвёртому меридиану (считая на восток от Гринвича), слегка уклоняясь от него, то вправо, то влево. С семи часов утра и до двух часов дня курс наш был на юго-запад и лежал очень близко к тому, который мы должны были иметь, проходя между островом Беринга и Кронцким полуостровом. С двух же часов мы поплыли в новом, совершенно ненужном нам направлении.

В восемь часов вечера аврал для уборки некоторых парусов, спуска дальше на воду треугольного ящика и для постановки на место вновь сделанного бокового руля.

После обеда в кают-компании остроты и разныя предположения. Одни сожалеют, что не взяли с собой флаг Венецуэлы, без чего нельзя будет ей отсалютовать, другие говорят, что с завтрашнего

дня будет считаться заграничное плавание, третьи собираются обогнуть мыс Горн и новою, уже попутною волной, пересечь Атлантический океан и благополучно добраться до Кронштадта. Подобные разговоры доказывают, что публика ещё не пала духом. Тем не менее, сегодня общее настроение более подавленное, чем вчера. Неоднократно раздавались голоса, что поторопились откупорить шампанское и поздравить механика с изобретением, а сам он уже не говорит, что при помощи его руля будем отлично управляться и в шторм, а утверждает лишь, что если завтра будет хорошая погода, то послезавтра придём в Петропавловск.

Эффекта солнечного заката сегодня не было, так как вечером всё небо было ровно обложено облаками. Таким образом, народной приметы на завтра нет.

Барометр с полудня систематически идёт к низу. Весь день температура воздуха $+4,2^{\circ}$, температура воды наибольшая $+3,6^{\circ}$ утром и наименьшая $+3^{\circ}$ вечером. В течение предшествовавших трёх дней наибольшая температура воздуха была $+15^{\circ}\text{Ц}$.

31-е, суббота. В четыре часа ночи я проснулся и вышел в каюткомпанию. Там я встретил мичмана Герсдорфа, который на мой вопрос: «Как дела?» — ответил: «Скверно, идем всё на юго-восток».

В восемь часов утра машина застопорена, море почти спокойно, небо только на две трети покрыто облаками. Выйдя на палубу, я увидел, что сломанное перо и щит подняты, правый выстрел подтянут, а бочки и канаты переведены за левый борт. В носовой части лежит небольшой якорь с привязанным к нему толстым канатом, левый выстрел освобождён из гнезда и держится по борту на таях. Лейтенант Суровцев показал мне на карте место на высоте бухты Моржовой примерно в ста шестидесяти милях от берега, где по счислению мы были вчера в десять часов вечера. По его же словам, сегодня в четыре часа утра мы были на высоте Петропавловского маяка.

Около этого времени ветер изменился: из восточного, силой в четыре балла, он сделался северо-восточным почти той же силы. Изменился и курс «Шилки». Из юго-западаго он сделался северо-восточным, и никакия манипуляции с нашими временными приспособлениями не могли заставить её идти в каком-либо ином направлении. Таким образом, с нашим кораблём творится что-то непонятное: с утра 28-го числа он находился под влиянием ветра от южных и восточных румбов и двигался к югу, сегодня в ночь ветер круто повернул и дует от северных румбов, и корабль повернул им навстречу. Очевидно, на него действуют какия-то силы

помимо ветра, волн и собственной машины. Если до сегодняшнего дня это могло быть струей холодного течения, идущаго из Ледовитаго океана, то что же повернуло нас сегодня на 90°?

В десять часов треугольный ящик подтянули почти вплотную к корме и дали полный ход машине. Нос ящика несколько приподнят и красиво разбивает струю воды. Брызги высоко поднимаются в воздухе и далеко разносятся ветром.

В полдень штурман имел возможность сделать наблюдения. Оказалось, что мы находились в 25—30' по широте севернее Петропавловска, по долготе же были на 164°25' к востоку от Гринвича, то есть на двести десять миль от желаннаго порта, в таком месте Великаго океана, через которое не пролегают морские пути и в котором мы только случайно можем встретить какого-либо хищника, но отнюдь не полезный нам корабль.

В одиннадцать часов тридцать минут «Шилка» повернула на северо-запад, решительно не обращая внимания на наши приборы и на наши старания дать ей направление на юго-запад. Единственным ей оправданием была перемена ветра: перед полуднем стал дуть чистейший северяк силой в четыре балла. Часа через два курс наш стал отклоняться на запад, а затем на юго-запад, и около трёх часов дня мы резко повернули почти на юг, а в четыре часа ещё резче на север, описав при этом дугу в 335°. Графически угол между прежним направлением и новым получился в 25°.

В четыре двадцать пять «Шилка» пошла на север, затем на запад. То же повторилось и в восемь часов вечера. Каждый раз наиболее длинным коленом было колено на запад, и каждый раз в этом колене «Шилка» делала один полный круг через юг почти около неподвижной оси. Таким образом, от пяти до девяти или десяти часов вечера мы имели поступательно-вращательное движение и прошли не более двадцати миль.

Кроме всех тех приспособлений, которыя мы уже имели, сегодня по мысли боцмана сделали ещё новый руль из двух рядов досок и стрелы, но на воду его не спустили, так как при порядочной волне опасно было работать за бортом.

Вечером ветер и волна увеличились, паруса сильно напряглись и «Шилка» получила некоторый крен направо, а временами её клало на правый борт до 18°. В восемь часов вечера ветер северный в пять баллов, состояние моря выражается четырьмя баллами, небо сплошь затянуто тучами, барометр показывает 763 мм. В течение дня наибольшая температура воздуха +12°, наименьшая — +4°, температура воды — +4,6 °Ц. Курс «Шилки» — северо-запад 50°.

Июнь 1-е, воскресенье. Вчера все значительно устали, и поэтому после обеда было мало шуток и разговоров, и к десяти часам кают-компания совершенно опустела. Казалось бы, из осторожности следовало эту бурную ночь не спать, но, очевидно, после двух почти бессонных ночей натура потребовала отдыха, и я крепко проспал до шести часов утра. После чая я вышел на палубу и увидел там всех в работе: одни делали новый треугольный ящик взамен сломавшагося ночью, другие спускали на воду изготовленный вчера боковой руль, третьи управлялись с уцелевшими приспособлениями. Поэтому, несмотря на большой праздник (день Святой Троицы), общая молитва отменена. Наблюдая над всею этою работой, я заметил несколько человек, перетягивавших какие-то канаты у леваго борта. Оказалось, что после поломки ящика спустили на воду около носа судна стрелу, соединив её с бортом тремя стальными перлинями. Струей воды передней конец стрелы оттягивается в море, она становится под некоторым углом к судну и тем самым способствует циркуляции его. Около полудня застопорили машину и укрепили новый руль у леваго борта, взяв от него две оттяжки через левый выстрел на брашпиль. Когда дали ход машине и новый руль образовал с бортом угол более тридцати градусов, «Шилка» стала вертеться как на неподвижной оси. Подтягиванием щита к борту уменьшали угол, а вместе с ним и дугу, описываемую судном, но совершенно избежать вращения не могли, так как при очень длинной тяге (от брашпиля почти к корме) стальные тросы давали сильные провесы и угол изменялся не постепенно, а скачками.

После нашего обеда завели новый треугольный ящик, а боковой руль перенесли на правый борт. Новый ящик — несколько больших размеров, чем первый, и крепче его сколочен. Та и другая работы очень сложны и потребовали напряжения сил всей команды. Несмотря на это, «Шилка» продолжает идти навстречу северному ветру.

Сегодня, кажется, день наибольшего нервнаго напряжения. Не слышно уже шуток и острот, а встречаются хмурья лица. Больше других нервничает Неелов. Он сидит, запершись в своей каюте, а когда выходит, то всё что-то ворчит, к тому же уже несколько дней он почти ничего не ест.

В девять часов вечера, когда «Шилка» была по счислению на 54° северной широты и $161^{\circ}30'$ восточной долготы, я бросил в море засмолённую бутылку, в которую вложил конверт со своею визитною карточкой и бланком гидрографической экспедиции.

Весь день прекрасная погода. К полудню небо почти совершенно расчистилось, море значительно успокоилось, и по правому борту показался берег (вероятно, мыс Козлова или Ольги), а за ним Кроноцкая сопка. От трёх до семи часов дня мы были ещё достаточно далеко от берега и сопку ясно видеть не могли. К заходу солнца лежащий на берегу туман значительно поднялся, и мы прямо по носу увидели громадный, совершенно правильный конус фиолетового цвета. Он был от нас не ближе пятидесяти миль. По верхней трети его проходило небольшое серое облачко, а на вершине сидело тёмно-лиловое. Весь низ конуса был затянут фиолетовою дымкой, сквозь которую местами пробивались яркие красные лучи. Над этою дымкой — яркая жёлтая полоса, переходящая вверху в серую, а далее в синюю. В правом верхнем углу картины холодное тёмное облако, слегка окрашенное пурпуром. Море на первом плане оранжевое, а ближе к берегу серое. Любуясь этою картиной, мы в то же время гадали: переменится ветер или нет? Если не переменится, то, очевидно, ночью «Шилка» будет сидеть на прибрежных камнях, а мы... Но Господь над нами смиловился: после захода солнца ветер переменился и «Шилка» получила тенденции двигаться на восток. Барометр пошёл к низу. Во втором часу ночи полная луна играла на морской ряби.

2-е, понедельник. Работа по перестановке бокового руля за правый борт кончилась только к четырём часам утра, после чего «Шилка» резко повернула с северо-востока на юг. Но это благоприятное нам направление держалось недолго: вскоре оборвался стальной перлинь, оттягивавший руль. Пришлось застопорить машину и подымать его наверх. Когда между семью и восемью часами утра дали машине ход, «Шилка» пошла на восток, а затем повернула опять на север.

За чаем Суровцев говорил, что ночью «Шилка» часто описывала полные круги (вертелась), благодаря чему со вчерашняго вечера до восьми часов сегодняшняго утра она ушла вперед. При утренней визитации больные матросы с грустью спрашивали доктора, неужели так долго будет продолжаться и всем придётся погибать?

В восемь часов сигнальщики доложили, что на горизонте по левому борту виден дымок. Командир приказал стрелять из левого бортового орудия и пустить сирену. Дали четырнадцать выстрелов, через минуту каждый. Дымок стал вырисовываться всё яснее, за ним показались мачты и труба, и, наконец, мы увидели полный силуэт парохода. В девять часов он был около нас. Оказался небольшой японский пароход *Toyotoni maru*. Заговорили

флагами по международному своду и получили согласие на помощь. В десять часов С. А. Иванов поехал на японский пароход для ближайших переговоров. Условлено, что мы пойдём впереди, а *Toyotoni maru* будет удерживать нашу корму. Мы поинтересовались узнать, сколько японец запросил за эту работу. С. А. сказал, что о плате за услугу разговора не было. За завтраком наш механик говорил, что когда он плавал на коммерческих судах, то обыкновенно за услугу взыскивалась треть стоимости судна, причём ни один купец не подавал помощи другому ранее подписания особого условия, от военных же судов брали только особую расписку.

Для соединения нашей кормы с носом японского парохода спустили на воду две шлюпки и послали на них два буксира (стальные перлины диаметром по три дюйма). Правый буксир удалось подать на *Toyotoni maru* с четвёрки, а левый не удалось. Пришлось выбрать его на «Шилку» и прибегнуть к помощи ракетного станка. Когда японцы поймали тонкий конец, а затем выбрали перлинь и укрепили его, мы дали малый ход вперёд. Сразу было видно, что «Шилка» сильнее *Toyotoni maru*, и что вполне согласованного хода мы иметь не будем. Буксиры то были в воде, то сильно натягивались, а когда «Шилка» рыскала, то она держалась на одном буксире, а *Toyotoni maru* при всём желании не мог быть в кильватер. Как-то под влиянием волны «Шилка» резко метнулась вправо, левый перлинь зазвенел и лопнул. Пришлось остановить машину и вновь хлопотать с ракетным станком и посылкой на *Toyotoni maru* нового конца и нового перлиня.

Эта работа кончилась только к двум часам дня, а к четырём оба перлиня уже были порваны, и оба судна шли в разные стороны. Вновь пришлось стопорить машину. На этот раз были поданы четырёхдюймовые перлины и на каждый пущено по четырёхпудовой балластине. На эту работу потребовалось около часа. Когда дали ход, у нас стали особенно внимательно следить за всеми рулевыми приспособлениями, а японец особенно старался попасть нам в кильватер, но, несмотря на это, «Шилка» рыскала невероятно и редко дёргалась на двух перлинях, чаще же один был в воде, а другой звенел как струна. В один из таких моментов зыбью поддало одно из судов, сильно натянутый перлинь лопнул, а балластина с гулом отлетела далеко в море. Вскоре тоже случилось и со вторым перлинем. У нас более не было буксиров, а на *Toyotoni maru* был только один старый, ржавый, который в дело употреблён быть не мог. Таким образом, около девяти часов вечера работа остановилась, и возник вопрос: как быть дальше? Командир

решил просить г. Берича (фрахтователь японского парохода) обождать около нас до утра, тем временем сделать второй боковой руль и идти самостоятельно, но в сопровождении японца. С таким предложением был послан на *Toyotoni maru* мичман Унтербергер. Вернувшись, он доложил, что г. Берич (Бирич Хрисанф Платонович, один из родоначальников русского рыболовного промысла на Сахалине и Камчатке, в 1921—1922 гг. особоуполномоченный Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае с правами губернатора. Расстрелян в 1923 г. во Владивостоке. — *Ред.*) до утра ждать не может, а готов зайти в Петропавловск сообщить о нашем положении. Немедленно было предложено мичману Герсдорфу идти в Петропавловск с официальным донесением о положении «Шилки» и за покупкой различных материалов, необходимых в дальнейшем при изготовлении вспомогательных рулей. Вместе с этим Герсдорф должен был просить командира «Манджура» (если он в порту) выйти нам на помощь. С. А. предложил и мне ехать в Петропавловск. Я согласился, рассчитывая своим присутствием ускорить выход парохода на помощь «Шилке».

Спустили четвёрку, уложили в неё некоторые наши вещи, я простился с гг. офицерами и командой, слез по освещённому штормтрапу и, выждав удобную минуту, когда шлюпка была поднята волной и прижата к борту, спрыгнул в неё. То же сделал и Герсдорф.

Toyotoni maru стоял в одном-двух кабельтове от «Шилки», и с ея палубы ночью казался небольшим силуэтом. Будучи в шлюпке, мы этот силуэт теряли из виду каждый раз, когда были на дне лога, а всходя на гребень волны, не знали, будет ли он перед нами. В это время небо было сплошь затянуто тучами, а ветер, казалось, выл сильнее, чем днём. В таких условиях мы плыли около часа. Гребцы наши выбились из сил, и все мы порядочно промокли. Когда, наконец, мы подошли к японскому пароходу, он представился нам каким-то тёмным гигантом, перед которым мы в нашей шлюпке казались пигмеями в ореховой скорлупе. Огней на пароходе не было и штормтрапа не было видно. Мы некоторое время балансировали на волне, то прижимаясь к пароходу, то отталкиваясь от него в зависимости от того, в какую сторону он кренился. В один из тех моментов, когда, казалось, пароход хотел придавить нас, над нашими головами закачался штормтрап. Герсдорфу удалось схватиться за него и, подтянувшись, полезть вверх. При слабом свете маленькой лампочки, принесённой кем-то из пароходных служителей, я видел, как какая-то масса перевалила

через борт. Теперь настала моя очередь заняться гимнастикой. Я был одет теплее моего спутника, да и давно уже отвык от гимнастических упражнений и поэтому не решился последовать его примеру, а стал требовать верёвку. Когда мне её подали, матрос обвязал меня вокруг талии, я ухватился руками за верёвку, крикнули «готово», и кто-то потащил меня вверх. Пока крен парохода был в сторону шлюпки, я болтался в воздухе, когда же пароход стал принимать вертикальное положение, я навалился на борт и, нащупав штормтрап, полез по нему. Наконец, когда крен парохода был в противоположную сторону, я перевалил через борт.

При помощи г. Берича и других лиц пришлось преодолеть на палубе ряд препятствий (впоследствии оказались доски, бочки и разобранные фунгасы) и только после этого я вошёл в плохо освещённую кают-компанию, в самой корме парохода. Г. Берич тотчас предложил нам чай, английския печенья, варенье, консервованное, так называемое датское масло и американскую солонину из буйволового мяса (Corned beef). Когда мы несколько пообогрелись, завязался разговор. Г. Берич между прочим сообщил нам, что у него одиннадцать рыбалок, из коих шесть на западном и пять на восточном берегу Камчатки. Теперь он развозит по ним рабочих, фунгасы, бочки, соль и другие материалы. Некоторые участки у него морские и на них работают японцы, другие — речные и там работают корейцы. Пароход ему стоит четыреста рублей в сутки. Из села Воровское пароход пойдёт обратно в Хакодате, а он сам поедет материком в Верхне-Камчатск, откуда спустится по реке Камчатке до её устья. Поездка эта ему нужна для ознакомления с покупною силой населения и со способами лова рыбы в реке вдали от её устья.

По словам г. Берича, коса, отделяющая устье реки Камчатки от моря, с каждым годом всё более и более удлиняется и отклоняется на запад, благодаря чему в реку идёт всё меньше и меньше рыбы. Существует проект прорытия канала близ мыса Камчатского, то есть восстановления старого устья реки, что спрямит её нижнее течение и возвратит рыбе её старый путь. Так как одна и, кажется, главная рыбалка г. Берича находится вблизи мыса, то от осуществления проекта он ожидает для себя больших выгод и готов способствовать ему всеми силами. В ночь на 31-е мая сего года г. Берич ночевал в селении Усть-Камчатске, в доме частного командира (так называются начальники отделений камчатской казачьей команды) и был свидетелем извержения Ключевской сопки. По его словам, в одиннадцать часов вечера был слабый

подземный удар, а в четыре часа утра — более сильный, и тогда печь в комнате треснула сверху вниз, а со стен свалились рамки с карточками и другие мелкие предметы. Когда в разговоре вопрос коснулся вознаграждения за услугу, то г. Берич вполне серьезно заявил, что помощь в несчастье он считает своею обязанностью, а потому о вознаграждении не может быть и речи (по возвращении во Владивосток, я узнал, что такой иск к Морскому ведомству предъявил командир парохода или его хозяин).

3-е, вторник. Хотя предоставленная мне каюта капитана находится в полуюте и в ней страшно трясёт, а штуртросы немилосердно стучат по железным бортам, тем не менее, ночь я проспал как убитый. Очевидно, за пять с половиною суток плавания по воле ветров нервы порядочно взбудоражились и организм требовал отдыха.

Около десяти часов мы были в Авачинской губе. Небо ясное, вода совершенно спокойная. Окружающая горы и Белючинская сопка видны отлично, только вершина Коряцкой сопки покрыта облаками.

Для входа в Петропавловский Ковш необходимо обогнуть мель, тянущуюся от Сигнальной горы и оканчивающуюся белым баке-ном. Командир наш, старик-японец маленького роста, этого не знал, а планов бухты у него не было, и он пошёл в Ковш напрямик. Мичман Герсдорф заметил это и побежал на мостик предупредить капитана. Старик ему не поверил, но видя, что он решительным движением схватился за ручку телеграфа, отстранил его от аппарата и сам скомандовал остановку и задний ход. Но было уже поздно: *Toyotoni maru* врезался в мель. Г. Берич заволновался и, прежде всего, стал высчитывать, сколько он не доплатит за такую, не предусмотренную в договоре, остановку. Завели на глубину два якоря, дали задний ход и, провозившись часа два, наконец, сошли с мели, обогнули её и стали перед косою. Вскоре приехал помощник начальника уезда с доктором, и по распросе командира: откуда и куда? и нет ли больных? — свезли меня и мичмана на берег. Когда на казённом вельботе мы обходили стоявшие в Ковше пароходы, то зацепили кормой за одну из якорных цепей, наш руль сорвался и поплыл. Но старшина его скоро поймал и поставил на место. Это третья неудача. По народному поверью, далее всё должно пойти хорошо. Сойдя на берег и оставив вещи в полицейском управлении, я направился к начальнику уезда, которому в коротких словах рассказал о несчастье с «Шилкой». Рассказ мой произвёл на него и жену сильное впечатление. Они просили

меня поместиться у них. Станислав Матвеевич очень мало изменился за двенадцать лет, которых я его не видел: немного пополнел и на голове у него ещё менее волос, чем было раньше. Подвижность и впечатлительность остались прежняя. Глядя на него, с уверенностью можно сказать, что жизнь на Севере совсем не так плоха, как её себе представляют издали по разным описаниям. От него я направился к генералам Флугу и Ренгартену. Я застал их за обедом. Рассказав им подробно о всём с нами случившемся и о всём пережитом за пять суток плавания по океану без руля, я отправился на «Люцун» (владивостокское портовое судно, привезшее сюда уголь и часть экспедиции Рябушинского) узнать, когда он может выйти на выручку «Шилки»? Здесь я встретил профессора П. Ю. Шмитта, долженствовавшего сегодня отправиться на этом пароходе с некоторыми своими помощниками в Усть-Камчатск. Им я вновь рассказал о положении на «Шилке» и просил командира и Шмитта отложить поездку в Усть-Камчатск, а немедленно выйти на помощь брату. При этом я предложил командиру мою карту, на которой отмечены путь и последнее место «Шилки», и метеорологический журнал.

Шмитт немедленно согласился. Командир заявил, что у него производится чистка машины и ранее девяти часов вечера он не может быть готов, но затем выйдет немедленно и желал бы, чтобы я был с ним. На «Люцуне» оказался буксир из манильского троса диаметром в шесть дюймов. По словам командира, этот трос будет, пожалуй, лучше стальных перлиней, так как будет меньше пружинить, и за один конец легче буксировать, чем за два. Рядом с «Люцуном» стоял норвежский пароход *Varg*, зафрахтованный Эриксоном для его рыбалок в устьях рек Тымлат и Анадырь. Ещё во Владивостоке г. Эриксон сделал распоряжение своему доверенному взять меня на пароход, если это мне понадобится. Решив после свидания с Сокольниковым не идти на север на «Этине» (пароход первого чукотско-анадырского рейса), а продолжать плавание на «Шилке», я теперь, после аварии последней, оказался в совершенно беспомощном положении: «Шилка» на север уже, вероятно, не пойдёт, а «Этин» уже ушёл. Поэтому, покончив дело на «Люцуне», я отправился на *Varg* узнать, когда и куда он пойдёт? Доверенный Эриксона сказал, что первоначальные предположения идти в бухту Провидения и Анадырский лиман, стоять там до августа и на обратном пути зайти в Тымлат изменились: теперь они идут сначала в Тымлат, простоят там две недели, затем пойдут прямо в Анадырский лиман. Он пригласил меня идти с ними.

Если бы *Varg* шёл по первоначальному направлению, я, пожалуй, и согласился бы, так как за полтора месяца стояния в Анадырском лимане я мог съездить вглубь страны или на какой-либо шкуне объехать хотя часть Чукотского полуострова. Это не было бы решением моей задачи, но хоть до некоторой степени приближалось бы к ней. Ехать же в совершенно неинтересный для меня Тымлат, затем стоять в Анадыре — мне вовсе не улыбалось, и я от предложения отказался.

Бывший здесь же г. Берич пригласил идти с ним на *Toyotoni maru* до села Воровского, а затем отправиться в Хакодате или сделать с ним поездку на внутренности Камчатки. Последнее предложение мне казалось заманчивым; но я ещё во Владивостоке дал слово губернатору — как можно меньше пользоваться услугами местного населения, чтобы требованием собак, лошадей, багов и проводников не отвлекать людей от обычных занятий. Поэтому я не дал категорического ответа г. Беричу и направился к Логиновскому переговорить о найме квартиры. У него я застал Подпругина и о. Иоанна с женой, в присутствии которых в пятый раз в этот день мне пришлось рассказать об аварии «Шилки». Все они заявили, что нанять комнату нельзя, остаётся только поместиться с губернатором в доме КТПО. После этого я стал обдумывать все полученные в этот день предложения и, несмотря на заманчивость последнего предложения г. Берича, решил идти на «Люцуне», искать товарищей по несчастью. Поэтому я несколько не огорчился, увидев как *Toyotoni maru* снялся с якоря и направился к выходу, поэтому же вечером у губернатора было решено, что я переберусь к нему.

В девять часов вечера я был на транспорте, нагруженный массой благопожеланий шилкинцам, везя им, как привет с берега, ящик яблок. Мичман Герсдорф был уже на судне со всеми приобретенными им материалами, часть которых, кстати сказать, дал г. Вильдеман, управляющий КТПО. Когда мы вышли из Ковша, я лёг спать в отведённой мне каюте, попросив предварительно помощника командира разбудить меня, как только мы встретим «Шилку». Он мне сказал, что, вероятно, я просплю спокойно до утра, так как «Люцун» проплавает дня два, а то и более, пока найдёт «Шилку». Около часа ночи я встрепнулся от какой-то особой тишины: машина не работала, вода не шумела у борта. Взглянув в иллюминатор, я увидел вдали корабль с массой огней. Наскоро одевшись и выйдя из каюты, я встретил помощника командира, который заявил, что шёл меня будить, так как мы встретили

«Шилку», разговаривали с ней и узнали, что она в помощи не нуждается. Взойдя на командирский мостик, я долго смотрел, как «Шилка» плавно шла по совершенно спокойной воде, держа курс в Авачинскую губу. У меня от сердца отлегло, я не только успокоился, но получилось какое-то радостное состояние, во время которого хочется всех целовать, всем говорить приятное, всем делать удовольствие. Когда мы близко сошлись с «Шилкой», я, сложив руки рупором, крикнул: «Поздравляю с благополучным приходом!» Кто-то мне ответил: «Благодарим, но уходите дальше!»

«Люцун» отвернул, а «Шилка», одна, далеко впереди пошла в бухту. Около трёх часов я вновь лёг спать и на этот раз заснул очень крепко...

ГЛАВА III. В Петропавловске (частично воспроизведена в «Вопросах-3»)

...После обеда В. Е. Флуг, Лех, Власьев и я поехали на «Шилку». Визит был непродолжительный, но весьма торжественный. Как водится, подавали шампанское и обменивались тостами. Я с особенным удовольствием поздравил командира и гг. офицеров с благополучным возвращением. Неелов и другие рассказывали, что в ночь на 3-е июня они сделали и укрепили бортовой руль, после чего, благодаря хорошей погоде, весь день и последнюю ночь имели возможность держаться на курсе и в стороны виляли очень мало. При переменах курса управлялись, главным образом, треугольным ящичком.

С момента нашего разставания до входа «Шилки» в Авачинскую губу прошло двадцать восемь часов.

Когда мы возвращались домой, солнце уже склонялось к западу, и красноватые лучи его очень эффектно окрашивали верхи деревьев на Сигнальной горе и видневшуюся на ней вершину Велючинской сопки. Так как на деревьях ещё много старого осеннего листа, то световые пятна на них особенно горячия. Я не удовольствовался созерцанием этой картины, а сделал этюд ея.

В пять часов дня В. Е. Флуг вышел на «Люцуне» в бухту барона Корфа, где должен выбрать место для будущей резиденции начальника Гижигинского уезда. Теперешняя резиденция его — селение Гижига — признаётся неудобной, так как летом сообщение с ней крайне затруднительно. От устья реки и до селения двадцать три версты полного бездорожья. Даже при самых благоприятных условиях пароходы не могут подойти к устью бли-

же чем на семнадцать миль, а так как верхний угол Гижигинского залива бывает долго забит льдами, то часто пароходы останавливаются в ста верстах от устья реки. Бухта же барона Корфа очищается ото льдов в апреле и все берега ея приглубы. К тому же на западном берегу ея имеются каменноугольные выходы, разработка которых обезпечит будущее поселение топливом, тогда как из Гижиги надо ездить за дровами за сотни вёрст в горы.

5-е, четверг. В старом доме КТПО мы разместились отлично: у каждого из нас (Флуг, Ренгартен, Власьев и я) есть своя комната, а столовая и гостиная общия. Несмотря на отъезд Флуга и Власьева, нам с Бор. Алекс. каждый день приносят от Леха обед и ужин. Эта любезность нас очень стесняет и заставляет думать, чем бы за неё отплатить. Два казака, состоявшие при губернаторе, оставлены при нас.

Сегодня заходили к нам Вильдеман и Подпругин и сообщили, что завтра отправляются в бухту Тарья несколько членов экспедиции Рябушинского, предложили нам идти с ними, а оттуда проследовать в селение Паратунку на тёплые ключи. Об этих ключах я слышал ещё во Владивостоке, и поэтому мы с удовольствием приняли предложение.

6-е, пятница. Отъезд на Паратунку был назначен в девять часов утра. К назначенному времени на пристани собрались: Вильдеман, Подпругин с младшим сыном, казаки-гребцы и проводники, несколько крестьян окрестных деревень, и мы с Бор. Алекс. Приват-доцент Петербургского университета Комаров со своими двумя спутниками (ботаники) и два горных инженера значительно запоздали из-за своего громадного багажа и укупорки коллекций, оставляемых здесь на хранение, и поэтому караван наш вышел только в половине первого. Он состоял из парового катера, двух шлюпок и шаланды.

Г. Комаров обследовал уже флору ближайших к Петропавловску мест и теперь направляется в бухту Тарья, в долину реки Паратунки и далее к перевалам, чтобы затем пройти к устью реки Большой. Громадность его багажа нас поразила. В нём, кроме походной палатки и съестных припасов, были вычные сундуки, ящики для коллекций, барометры, анероиды, хронометры, фотографические камеры и многое другое. Сам профессор был увешан необходимейшими инструментами с ног до головы, не хуже того, как был нагружен наш солдат в зимний период последней войны (русско-японской. — *Ред.*). По поводу всего этого груза профессор говорит, что без него он не может обойтись и в то же

самое время сам недоумевает — как будет перевозить его сухопутьем за отсутствием в крае лошадей и колёсных дорог. Будущия свои коллекции он решил оставлять на хранение в попутных селениях и забрать только при возвращении в Петропавловск. Но личные вещи, палатку, припасы — как их возить? На будущий год, чтобы не быть в зависимости от местных жителей, профессор думает привезти с собой лошадей и рабочих. Проводников профессору также не удалось нанять, так как все жители окрестностей Петропавловска отговаривались домашними работами, заготовкой рыбы, сена и леса.

Довольно сильный юго-восточный ветер развёл в Авачинской губе порядочную зыбь, и поэтому до противоположного берега (бухта Тарья) мы шли более трёх часов. Промерзли изрядно. На берегу развели костёр и, напившись чаю, я, Ренгартен, казак, Подпругин с сыном и два встретившие нас крестьянина пошли далее, а чины экспедиции остались на берегу выгружать свои вещи и устраивать лагерь. Мы шли версты две лесом до так называемого «Ближнего» озера. Хотя и тропинка хорошо проторена, но нога вязнет в вулканическом песке, которым покрыта вся местность.

Пока крестьяне и казак разыскивали шлюпку, а Подпругин варил чай, я и Ренгартен гуляли по берегу озера и фотографировали виды. Один из них был особенно хорош: маленькая тихая заводь, поросшая камышом и какою-то толстою высокою травой, соединялась узким проходом с озером. Проход окаймлён большими берёзами Эрдмана, ветви которых почти сближаются, образуя ворота с недостроенною аркой. Сквозь эти ворота виден высокий мыс, отделившийся от леваго гористаго берега озера и покрытый густою зеленью. За ним — узенькая полоска противоположного низменнаго берега, а на горизонте — могучий кряж снеговых гор. На первом плане солнце ярко освещает тростник, траву, деревья, и они отражаются, как в зеркале, в спокойной поверхности заводи. Второй план — весь в тени, и яркия световыя пятна видны только на вершинах деревьев, покрывающих мыс; на воде причудливыми зигзагами лежит тень от крутого леваго берега, местами прорезанная светлыми жилками. Третий план — опять весь в свету, и снег на вершинах гор даёт красивыя белыя пятна.

Напившись ещё раз чаю, взяли старую шлюпку и поплыли. Шлюпка оказалась очень валкой, почему сажень через десять пристали к берегу, разыскали несколько полусгнивших корчаг и привязали их к бортам. После этого с большою осторожностью сели на дно шлюпки, стараясь не шевелиться. Озеро глубокое,

пресной воды, берега крутые, покрыты густою зеленью. Снег лежит только в глубоких лощинах. Длина озера около пяти вёрст.

У истока реки Озерной оставили шлюпку и пошли пешком. Версты через полторы, у начала тундры, крестьяне деревни Озерной (два двора) сплотили нам два бата и на шестах погнали их вниз по течению. Ехали только я и Ренгартен, остальные люди пошли пешком. Узенькая речонка в настоящее время года значительно разлилась, поэтому мы шли то ея руслом, то пробираясь напрямик между кустов. Всего прошли не менее пяти вёрст.

Далее мы шли по реке Паратунке тоже вниз по течению и наконец вошли в речку Хайко, по которой собственно и расположено село Паратунка. Речка эта — скорее сток тундры, с возмутительно слабым течением. Наши плотовщики говорят, что благодаря сильному подъёму воды в других реках она течёт даже обратно, то есть несёт воду на тундру. Речка эта забита массой валежника, гнилых листьев и старою травой. Местами от них настолько большие затоны, что плот наш не идёт и приходится разгрести всю эту дрянь. Когда же мы вышли на тундру, то ничто не мешало нашему плаванью, хотя мы шли не по руслу речки, а направляясь прямо к тому пункту, у котораго расположено селение.

От берега бухты Тарья мы сделали всего около двадцати вёрст. До Озерной погода была хорошая, затем небо заволокло, и пошёл мелкий дождь (по местному «бус»). Когда мы подходили к месту высадки, я заметил над кустами легкий дымок. Бывший с нами казак объяснил, что это — пар, поднимающийся над протокой тёплаго ключа. Староста и несколько жителей селения Паратунка встретили нас и проводили до дома Подпругина. Он уже ждал нас с горячим самоваром. Здесь же был и горный инженер (фамилию забыл), участник экспедиции Рябушинскаго, ехавший с нами до бухты Тарья. Оттуда он пришёл сюда один, не зная дороги, а взяв направление по компасу. По его словам, переваливать гору, отделяющую «ближнее» озеро от «дальняго», было очень трудно за массой снега. Тем не менее, он был в селении раньше меня и Ренгартена. Из этого видно, сколь длинный путь мы сделали по рекам на плоту. Весь путь от Петропавловска до села Паратунки мы совершили в восемь с половиною часов.

Напившись чаю, мы пошли купаться. Шагах в пятидесяти от дома крошечное озерко, и у берега его сруб, величиною в хороший курятник. В полу этого сруба сделан люк, а от него лестница в четыре ступени ведёт в воду. От разницы температур воздуха и воды при спуске по лестнице страшный сквозняк. Вода в озерке очень

тёплая: сразу даже кажется горячей, но когда окунёшься и несколько обтерпишься, то чувствуешь себя в воде прекрасно. Подымающийся от воды пар несколько тяжёл для дыхания. Отчего это происходит — сказать не могу.

После купанья ужинали и часов в двенадцать легли спать. За ужином, кроме смирновки и солёной закуски, подавали мадеру (если не ярославского, то шанхайского приготовления), жареную «чавычу» с картофелем, уху из «чавычи» и простоквашу.

7-е, суббота. Как только проснулись, тотчас пошли вновь купаться, при этом я мерил температуру воды привезённым с собой обыкновенным термометром Реомюра. Среди озерка она оказалась 34° тепла, а у выхода ключа из земли — в 39°. После купанья я смерил температуру ещё трёх источников, находящихся в непосредственной близости к дому Подпругина. В двух оказалось 39° и в одном 40°. Подпругин и другие говорят, что температура источников меняется по временам года: теперь она довольно низкая от массы снеговой воды и ещё не прогретшейся земли; в августе же доходит до 60°; не говорят только каких: Реомюра или Цельзия? Переведа мои измерения на градусы Цельзия, получим: 42,5, 48,75 и 50°. Ни озерко, в котором мы купались, ни прочие тёплые ключи и их протоки никогда не замерзают. Благодаря им, почва здесь более тёплая, чем в других местах; весной снег сходит с нея ранее, чем на противоположной стороне тундры, и здесь уже бывает зелень, когда там ещё всё серо.

После этого я побывал у племянника нашего хозяина, тоже Подпругина. У него хороший дом, выстроенный на городской манер, с голландскими печами. Как самый дом, так и вся его внутренняя обстановка — стулья, диваны и прочее — сделаны руками самого хозяина. В селении строится церковь взамен часовни, стоявшей у самага озерка. Церковь ставят на несколько сажен выше, на сравнительно сухом месте. Складывает её артель плотников (девять человек), прибывшая сюда из Европейской России. Помогают им местные жители. Они же и не нахвалятся артелью. Их удивляет интенсивность работы этих людей и их безусловно трезвый образ жизни. Это последнее качество сразу внушило местным жителям такое уважение к членам артели, что никому и в голову не приходило называть их «мурками».

Окончив осмотр селения, пошли обедать. За обедом, кроме консервированных закусок и «чавычи» в разных видах, подавали творог, сметану, молоко и яйца. Должен сказать, что купанье в тёплых ключах сразу оказало воздействие на мою большую поясни-

цу (я простудился на «Шилке», часто выходя наверх во время нашего невольного скитания без руля), и я с удовольствием прожил бы на Паратунке несколько дней, но мы были связаны срочностью возвращения парового катера и после обеда должны были ехать обратно.

Подругин и другие рассказывали, что прошлым летом был привезён сюда из села Марково казак настолько больной ревматизмом, что он плохо двигался. После месяца купанья он совершенно поправился, и, несмотря на то, что зимой при возвращении в Анадырский край подвергался в пути всяким невзгодам, болезнь не возвратилась. Перед отъездом из селения жители отказались взять от нас плату за работу на шлюпках, батах, за лошадёй и за перенос наших вещей, а взамен предложили нам подписной лист на строящуюся церковь, выданный из благочиния в 1906 г. На нём, между прочим, красовались подписи двух крестьян, давших каждый по сто рублей. В два часа дня, распростившись с радушными хозяевами, мы двинулись в обратный путь.

На этот раз мы пошли не на плоту, а верхами, через тундру. Лошади здесь маленькие, но крепкие, вроде маньчжурских. Сёдла — вьючные, ленчики — с простыми пуховыми подушками и стременами из лубка. Пройдя версты три тундрой и переехав Паратунку по животрепещущему мостику, мы поехали лесом до заимки, то есть до того места, где жители села Паратунка заготавливают рыбу и сено. При нашем появлении собаки подняли страшный лай и визг. Воздух здесь переполнен сквернейшим запахом киснущей в ямах рыбы — будущий корм для собак. На вешалках — некоторое количество распластанной красной рыбы. У некоторых экземпляров спинки срезаны на балыки. В заторе — масса красной рыбы. Она стремится пробиться сквозь плотную загородку, поставленную под острым углом к течению, но не может, громоздится одна на другую, вылезает на жерди, бьётся, падает в воду и вновь стремится против течения. Здесь её вылавливают баграми. Мы долго наблюдали за бесплодными стараниями рыбы пробиться вверх и фотографировали весь затор. Никто из нас не видел, чтобы хоть одна из многих сотен рыб догадалась повернуть назад и выйти через отверстие в первой загородке.

Здесь кто-то распорядился расседлать наших лошадей и далее нам пришлось идти пешком до так называемого «Дальнего озера». Это озеро, глубиной до тридцати саженьей, меньше первого, совершенно ясно представляет провал среди окружающих гор. Южные склоны их покрыты густою растительностью, северные — все

в снегу. Через это озеро мы переехали на хорошей шлюпке и на бату. От озера до бухты Тарья мы опять шли пешком среди такого же леса и по такому же песку, как в первый путь. Второй путь гораздо короче первого. В балаганах, недалеко от тукового завода КТПО, мы встретили свадьбу, только что приехавшую из города на парусной шлюпке и пробиравшуюся в село Паратунка.

Гаврило Тимофеевич пожалел, что мы рано уехали. Оставаясь на Паратунке, мы могли бы видеть сегодня вечеринку и даже участвовать в ней. Между прочим, видели бы знаменитую камчатскую «восьмёрку». Переезд в город был скорее переезда из города в бухту Тарья. В Авачинской губе нас встретили сильный юго-западный ветер и порядочная зыбь. Мы все сильно промёрзли. Весь обратный путь мы совершили в шесть часов. Дорогою горный инженер говорил, что район его исследования лежит к югу от линии Петропавловск — Большерецк. На Паратунку он ходил, чтобы нанять лошадей и проводников, но это ему не удалось. Жители села Паратунка говорили ему, что на отроги сопки Апача (наибольшая в южном районе) можно попасть только зимой, частью на собаках, частью на лыжах, летом же она недоступна из-за окружающих её тундр. Поэтому он решил нынешним летом пройти на шлюпке и осмотреть геологическое строение берегов от Петропавловска до устья реки Большой. Один из местных охотников согласился его сопровождать за пять рублей суточных и продовольствие. Внутренность материка в порученном ему районе инженер предполагает обойти в будущем году, для чего хочет привезти из Европейской России лошадей и рабочих.

Сегодня пришла сухопутьем зимняя почта и привезла российские журналы и газеты за ноябрь и декабрь прошлого года. Русской почты за январь, февраль и март нынешнего года ещё нет, а почта за апрель привезена на «Тунгусе» (первый охотский рейс Добровольного флота). По расписанию сюда должно приходиться зимой четыре почты, но если не две, то одна непременно застревает где-нибудь между Охотском и Тигилём за весеннюю распутицей.

8-е, воскресенье. За обедней в церкви была масса народу и в том числе гг. офицеры и матросы с «Шилки». На женщинах я не заметил таких дорогих платьев, какие были на некоторых алеутках в церкви с. Никольскаго на острове Беринга. Здесь преобладали кацавейки и ковровые платки.

После завтрака на «Шилке» я осматривал с о. Александром (священник с острова Меднаго, исполняющий должность благочиннаго камчатских церквей, за отъездом в отпуск о. Комарова)

церкви и часовню. Вечером я был у Леха. Он очень доволен моею мыслью заменить Ренгартена в поездке губернатора по Камчатке, так как находит желательным, чтобы возможно большее число лиц её видели и составили ясное о ней понятие. По поводу поездки на Паратунку я заметил, что жители не берегут обуви и, не стесняясь, лезут в тонких ботинках в снег и воду. На это Станислав Матвеевич сказал: «Население настолько зажиточно, что лишняя пара сапог в год ему ничего не составляет». Этим, вероятно, и объясняется отсутствие здесь специальных сапожников. Впрочем, они не нужны в этих местах, пожалуй, ещё и потому, что городскую обувь жители носят только два-три месяца в году, в остальное же время ходят в тарбазах домашней работы... (Дальнейшее пребывание М. С. Латернера в Петропавловске описано в «Вопросах-3».)

5-е, суббота (июль 1908 г. — *Ред.*). В течение 2-го, 3-го и 4-го чисел я сделал поездку в селение Завойко (Старый Острог). От Петропавловска до него тридцать пять вёрст. Селение расположено на правом берегу реки Авачи, на совершенно ровном месте. В одной-двух верстах за ним начинаются горы, а противоположная ему долина левого берега реки Авачи тянется до предгорий Коряцкой сопки, которая отсюда видна великолепно вместе с прилегающими к ней справа Авачинскою и Козельскою сопками, а слева целым кряжем снеговых гор. Всю эту панораму я фотографировал с «марошечной» тундры, не доходя вёрст пяти до селения, а из самого селения сделал этюд Коряцкой сопки при заходе солнца.

Начиная от Петропавловска дорога идёт по склонам Мишенной горы, а за селением Сероглазовка — увалами северного берега Авачинской губы до вышеназванной тундры. Склоны гор и увалы покрыты лесом (берёза, обыкновенная и Эрмана, ольха, тальник, кедровый стланец) и густой травянистой растительностью. Шиповник уже в цвету, масса полевых цветов. Лес оглашается пением чавычульки; но теперь она выделяет не всю руладу, а только первую часть её: «чау-ичь, чау-ичь». Между увалами текут горные реки, впадающие в Авачинскую губу. Переезд через них сопряжён с большими затруднениями. Непривычные русские лошади вязнут по брюхо в илистых берегах, а местные лошаденки прыгают и иногда очень удачно выносят седока или небольшой груз, а иногда сваливают их в грязь. Подо мной была русская лошадь, купленная в нынешнем году в Харбине на одном из войсковых аукционов. По непривычке к здешним местам она прямо ставила ноги в ил, и, не достав до дна, ложилась на брюхо. После того, как я изрядно пробился с ней на первой речке, на всех

остальных, около десяти, я слезал, переходил болото пешком, пере-скакивая с кочки на кочку, а лошадь переводил бывший при мне казак. У одной из таких речек мы варили чай и отдыхали более часа; тем не менее, к переезду через реку Авачу я прибыл совершенно разбитый. Подпругин и другие говорят, что по всей Камчатке это самая скверная часть пути. Всего в дороге мы были с десяти часов утра до пяти вечера. У переезда пришлось ждать довольно долго, пока подали бат, так как все взрослые крестьяне в настоящее время на рыбалках.

В селении мы остановились у крестьянина Александра Григорьевича Машихина, женатаго на старшей дочери Подпругина. Дом небольшой, но устроен по-городски: голландския печи, венская мебель, кисейныя занавески на окнах и матерчатые на дверях, много цветов и фотографий. Между последними особенно тщательно сохраняются карточки энтомолога О. Ф. Герца и якутскаго казака, урядника Расторгуева. Среди этих предметов простые сундуки, медный умывальник на стене у задняго крыльца и пьяный хозяин, в назидание которому, как укор его совести, двадцатидвухлетний сын навесил на стенах лубочныя картины, изображающия смерть праведника, смерть грешника, последствия пьянства (преступления, болезни, нищета, вырождение), семейное счастье пьяницы. Он всё это понимает, утверждает, что его губит водка, а всё-таки пьёт. По уверению Подпругина, да и самого Машихина, он перестаёт пить только на зимнем промысле и тогда не берёт в рот уже ни глотка. Прошлою зимой он упромыслил в окрестностях Жупановой сопки шестьдесят соболей, которых продал за три тысячи рублей. Есть на что пить! Машихин говорит, что через две недели пойдёт туда же заготавливать рыбу и медвежье мясо на зиму. В октябре вернётся на неделю и затем уйдёт вновь до марта. Кроме охоты на соболя для добычи дорогих шкурок, иногда их ловят живьём. К этому побуждает некоторых охотников высокая цена (до ста пятидесяти рублей за штуку), предлагаемая американцами.

Как известно, на их материке этого зверька нет. Ловля живых соболей очень трудна вследствие гнездования их в глухих местах и быстрого бега. Пойманный же зверь очень зол: бросается и кусает всех. В неволе он долго не выживает. Поэтому до сих пор, несмотря на заметное уменьшение зверя, искусственным разведением его в Камчатке никто не занимается. Как Машихин, так и Подпругин считают, что для сохранения зверя надо через каждые три года делать один год запретным для охоты. Теперешние же за-

казники (юг Камчатки и Кроноцкий полуостров) не достигают цели, так как за полным отсутствием надзора там хищничают во всю. Хищничал когда-то в окрестностях сопки Авачи и Александр Машихин, был за это притянут к суду, судился, по его словам, три года и прощён только по одному из манифестов нынешнего царствования.

За ужином мой хозяин и его тесть много раз вспоминали бывшего окружного врача, доктора Дыбовскаго, теперешняго профессора зоологии в Краковском университете. По их словам, такого добраго, отзывчиваго человека они больше не видели. В своих постоянных разъездах по краю он не только собирал зоологические и этнографические коллекции, но и серьезно лечил всех обращавшихся к нему и находил ещё время просвещать их. Воспоминания о нём приобретают какой-то легендарный характер, несмотря на то, что он покинул Камчатку только в 1883 г. Его просветительную деятельность сближают с таковою же адмирала Завойко. Старики начинают и кончают свои разговоры заявлением: «При Завойко было так-то» или «при Завойко было не так». То же и с Дыбовским: всех предшествовавших и последующих ему врачей сравнивают с ним. Если он сколько-нибудь похож на Дыбовскаго — он хорош, иначе плох.

Между прочим, мои хозяева сообщили мне странный на их взгляд факт: мужчины из уроженцев Камчатки часто достигают глубокой старости, и в возрасте от шестидесяти-семидесяти лет их очень много. Редкая же женщина доживает до пятидесяти лет — большинство их умирает от чахотки вскоре после сорока лет. Дыбовский занимался изучением этого факта, но выводы его моим собеседникам неизвестны.

Спать легли довольно рано, так как на следующее утро (3-е число) я хотел ехать в селение Каряки (пятнадцать вёрст от Старога Острога), чтобы оттуда сделать этюд «Ганальских востряков». Проснувшись около семи часов утра, я ещё чувствовал себя разбитым от верховой езды. Небо сплошь покрыто облаками и идёт мелкий дождь (бус). Я отменил поездку. После обеда я послал за Григорием Машихиным (двоюродный брат, братан, Александра). Он рассказал мне, что в марте 1889 г., по поручению Великаго Князя Михаила Николаевича (вероятно, Николая Михайловича), к ним приезжал Отто Фёдорович Герц с якутским казаком Степаном Расторгуевым для собирания бабочек. Приехали они зимним путём на собаках и прожили в селении до сентября. 28-го августа Герцом и Машихиным было совершено восхождение на левый,

южный, кекур Коряцкой сопки. Подъём от селения по южному склону горы и спуск до седловины к Авачинской сопке они совершили в два с половиной дня, из коих полтора ехали верхом, а полдня шли пешком. Ночевали они на горе в палатках. Подъём пешком начали с восходом солнца и достигли южного кекура только в пять часов дня. Около него они пробыли пятнадцать минут, так как дальнейшему пребыванию мешал сильный ветер, несший крупный песок и мелкие камни. За это время они успели установить флаг и положить под камень бутылку с запиской. По словам Г. Машихина, между этим и следующим, средним, кекуром — громадный по ширине и глубине провал, со дна которого из разных щелей поднимаются тоненькие струйки дыма с серным запахом. По выходе из провала струйки соединяются в небольшой столб дыма, который затем над вершиной горы расходится в воздухе. Спуск до седловины они совершили быстро, часа в два. Ни до 1889 г., ни после никто на Коряцкую сопку не восходил.

Перед вечером, гуляя по селу, я смотрел выделку бата (дерево долбят, мочат и расколачивают клиньями), а затем заходил к старухе Машихиной — матери моего хозяина. Ей восемьдесят девять лет, она дочь бывшего священника в селении Утка, родилась в Камчатке, совсем сгорбленная и высохшая старушонка, но разговорчивая и с хорошою памятью. Это один из редких экземпляров женской долговечности в Камчатке.

После этого я ездил на «закол» (точнее — запор. — *Ред.*). Так называется приспособление, запирающее ход рыбы в протоках. Он состоит из плетёного забора и длинной плетёной корзины (морда). Рыба, дойдя до забора, ищет проход, лезет в морду и набивается в неё вплотную. Оттуда её вынимают руками или баграми через особое отверстие. Из одного из таких заколов сегодня утром вынули двести штук, а при мне — девяносто штук. С развитием края и увеличением населения заколы эти, конечно, должны быть запрещены, как способствующие уничтожению рыбы. У селения Завойко запирается большой проток реки Авачи, и выше рыба идёт только по главному руслу или та, которой случайно удастся проскочить между изогнувшимися прутьями.

Жители селения Завойко держат много рогатого скота, но его не эксплуатируют. Например, у Машихина четыре коровы, которых, по словам хозяйки, дают более четырёх вёдер молока в день. Из него делают плохое масло, творог, сметану, простоквашу, но всё — только для своего употребления, а что не съедят или не разойдётся по соседям — выкидывают. Даже в Петропавловск

молочные продукты почти не возят на продажу, и там за недостатком масла местного производства покупают «сибирское» по восемнадцать рублей за пуд.

В селении есть церковь и школа, но священника нет, и служба бывает только в дни его приезда из Петропавловска.

Верстах в четырёх-пяти за селением, в узкой горной щели течёт речка Кунчилуч, по берегам которой, как говорят жители, инженер Симонов в 1903 г. нашёл признаки золота. Но компания Валинского, от которой работал этот инженер, не стала развивать дело. В брошенных шурфах пробовали работать старатели из местных жителей, но работа оказалась невыгодной. Вчера (4-го числа), в восемь часов утра, я отправился в обратный путь. Проводить меня собралось всё население. Когда я сел на паром (два связанных бата с положенными на них досками) и сказал последнее «прости», а четверо гребцов стали шестами отпихиваться от берега, раздались ружейные выстрелы. По словам моих спутников, после адмирала Завойко (точнее, генерал-майора. — *Ред.*) здесь был только генерал Унтербергер, в бытность его военным губернатором Приморской области, многие жители его не видели, а поэтому вполне понятно их желание с особым почётом проводить именитого гостя.

Река Авача очень извилиста, но спокойная, поэтому нашим плотовщикам приходится только направлять паром, а не грести. Они достаточно свободны, и мы ведём беседу на разные темы. Между прочим они сообщили, что жителям селения Завойко (ныне Елизово. — *Ред.*) предоставили исключительное право держать перевоз через реку у селения и взимать за это с человека пять копеек, с лошади пятнадцать копеек, и с лошади с вьюком — тридцать пять копеек. На мой вопрос: отчего они не устроят парома и не сдают деньги в общественные суммы? — они ответили, что некому этим заняться и хлопотать, а так проще — кто свободен, тот и перевёз, тот и деньги получил. На моё же заявление, что виденные нами утром два купца с восемью лошадьми потеряли массу времени и претерпели кучу неудобств, ночуя в лесу, — ответили: «Это дело привычное, да им и не к спеху». Купцы эти везут товар в село Мальково (Мильково. — *Ред.*).

У Заимки, бывший хутор адмирала Завойко, в четырёх верстах от селения, мы сделали маленький привал, чтобы дать возможность Подпругину посетить какого-то своего родственника.

Пройдя затем версты три, мы встретили несколько возвышенный правый берег. За ним местами видны обвалы или рвы и начало

брустверов. Это место называется «батареи». Здесь в 1854 г. в ожидании движения неприятеля вглубь страны была подготовлена укреплённая позиция, но нашим храбрецам воспользоваться ею не пришлось, так как им не понадобилось отступать от Петропавловска.

Около полудня Подпругин стал советоваться с плотовщиками, где бы найти для чаеванья подходящую «палестину»? Наконец высмотрели невысокий береговой откос и хороший лесок, где и причалили. Место это оказалось со следами старого костра, то есть известное местным жителям. Вскоре запылал новый костёр, а на нём закипела вода в нескольких чайниках. На завтрак у нас ушло около часу, после чего мы двинулись далее и около четырёх часов были на рыбалке Пестуновича, расположенной на косе в устье реки. Здесь я распростился с завойкинцами и пошёл осмотреть рыбалку, а они, разъединив баты и сложив в один из них настилку, отправились кто домой, а кто в «Порт» (так местные жители называют Петропавловск).

По внешности всё заведение г. Пестуновича представляет громадный холщёвый балаган, обнесённый с трёх сторон вместо стен и забора рядами бочек. Четвёртая сторона примыкает непосредственно к воде. Рядом с балаганом стоят две обыкновенные солдатские палатки, в которых живут рабочие. Нас встретили два молодых еврея, родственники или компаньоны хозяина, и повели показывать заведение. Рабочие — русские и китайцы. Всё делается голыми руками. Поэтому у всех рабочих руки изъедены солью и у многих обвязаны тряпками, которые от времени порядочно загрязнены. Главный икряный мастер получает сто рублей в месяц на хозяйских харчах, а единственная на промыслах женщина — полтора рубля в сутки. Она только моет очищенную рыбу. Чистят и режут рыбу четыре китайца, один китаец обсаливает её, а еврейчики складывают в бочки, которые собирает из привезённого материала особый русский бондарь. Железные обручи на бочки пригоняет и натягивает китаец. Добытую из рыб икру протирают на особых металлических грохотах. Когда зёрна отделятся совершенно от плёнок, их четверть часа моют в тузлуке (насыщенный тёплый соляной раствор), затем собирают в мешки и кладут под пресс, чтобы отжать воду. Готовую икру складывают в небольшие кадучечки, обложенные внутри вощёною бумагой. В «каюте первого класса», как гласит надпись на одной из палаток, еврейчики захотели непременно угостить меня чаем и свежю икрой. Пришлось принять приглашение, несмотря на страшную

грязь в помещении и на необходимость торопиться с отъездом. Раньше, чем заварить чай и наливать его, я попросил Подпругина вымыть посуду и вытереть её нашею салфеткой, хотя тоже не особенно чистою, но представлявшейся альпийским снегом по сравнению с окружающею грязью.

Эта грязь могла бы конкурировать только с аптекой доктора Малиновскаго в селении Никольском на острове Беринге. Говорят, что за чистотой смотреть некому, ибо необходимо постоянно следить за рабочими. Без бдительного надзора рабочие только портят материал. В прошлом году эти хозяйские родственники жили в порту и только наезжали сюда, поэтому вся заготовленная рыба сгнила, и г. Пестунович понёс убыток в несколько десятков тысяч рублей. В нынешнем году этого допустить нельзя, так как рыба и икра будут отправлены в Харьков и Москву. Поэтому они живут в «каюте первого класса» и целые дни проводят на рыбалке. Каждый вечер вся изготовленная рыба и икра отвозятся в особые склады на Сигнальном мысу. До вчерашняго дня засолили пятнадцать тысяч рыбы, нужно же шестьдесят тысяч и икры не менее ста пудов. Рыбу неводят сами рабочие, частью же скупают у окрестных жителей по восемь копеек штука. Это уже давно установившаяся здесь цена красной рыбы, и от продажи ея на промысла местные жители имеют порядочный доход. Можно бы было ещё скупать и икру, которую жители впрок не готовят, но она выдерживает на воздухе не более трёх часов. Поэтому её нельзя возить даже из Сероглазовки, не только из села Завойко или с Паратунки. Хотя всё-таки ея приобретается некоторое количество, очень, впрочем, незначительное, от жителей селения Авачи, расположеннаго вблизи рыбалки на крутом берегу реки.

Пока мы осматривали рыбалку и пили чай, подошли наши лошади, отправленные сюда утром с казаком. С версту мы проехали берегом, а затем — то горой, то берегом по прежней дороге, в той ея части, где нет ключей. Ехали почти всё время рысью и в пять часов были в Сероглазовке. Здесь у другой замужней дочери Подпругина ещё раз напились чаю и закусили, а в семь часов были уже дома. Во время нашего чаепития в дом вошла высокая стройная брюнетка с большими карими глазами, хорошим овалом лица и немного смуглым цветом кожи. Мне она показалась лет двадцати пяти, но Подпругин объяснил, что ей не менее сорока, что она уроженка селения Маркова и живёт со вторым мужем, казаком Юшиным, который значительно моложе ея. Она была одета в тёмное шерстяное платье и чёрное суконное пальто магазинной

работы. Она принесла продавать различные безделушки (коряцкие игрушки) из моржовой кости (собаки, нерпы, олени, нарты, уточки, человечки и прочее), вроде тех, какия В. Е. Флуг привёз из бухты барона Корфа. Мне оне показались малоинтересными по грубости их работы, но Подпругин купил штук двадцать за одиннадцать рублей, говоря, что эти вещи часто спрашивают приезжие.

За дни моего отсутствия из Петропавловска наибольшая температура была +22°, наименьшая — +9 °Ц. В долине реки Авачи, где «палестина» широкая, а до гор «дивно место» и где поэтому ветер имеет больше простора, вероятно, температура была ниже, тем не менее сегодня настолько тёплый день, что, плывя по реке, можно было сидеть на плоту без пальто... (Дальнейший рассказ о посещении городского училища см. в «Вопросах-3», с. 449—451.)

9-е, среда. В девять часов утра пришёл «Манджур» и сообщил, что в Уке он видел пароход первого чукотско-анадырского рейса «Этин», который идёт обратным рейсом и будет здесь на днях. В первый путь пароход этот не мог из-за льдов попасть ни в Уку, ни в Карагу, ни в залив барона Корфа, то есть ни в один из тех пунктов, куда шла «Шилка», а в лимане Анадыря простоял во льдах восемь суток и когда, наконец, выбрался из них, то мог пройти только в Номе на Аляске.

В два часа дня пришёл из Николаевска «Люцун», чтобы конвоировать до Владивостока «Шилку». Командир и гг. офицеры считают кампанию конченной, хотя надеются, в случае изготовления руля портовыми мастерскими (чертежи посланы на «Азии»), всё-таки сделать северный рейс. На «Люцуне» состоит помощником командира молодой человек, служивший на «Тунгусе» в его первый рейс по Охотскому морю. Этот господин рассказывает, что на бере реки Кухтуя, у города Охотска, сидит на камнях пароход «Цинтао», идущий из Владивостока вторым охотским рейсом. Он повредил себе днище, и машина у него сдвинулась. Пробовали выбросить в море часть груза, но это не помогло. Поэтому-то этого парохода до сих пор и нет здесь, хотя по расписанию он завтра должен идти из Петропавловска во Владивосток. Весь путь отсюда до Николаевска и обратно «Люцун» сделал в тумане. У северного Сахалина и в стороне Шантарских островов он видел массу льда.

Сегодня вечером в разговоре с Лехом и Вильдеманом по поводу посадки на мель парохода «Цинтао» выяснилось всё неудобство для края теперешняго расписания рейсов Добровольнаго флота. Всего в этом году четыре охотских и два чукотских рейса. Все они круговые. Поэтому лица, едущия первым и третьим рей-

сом в Охотск или Аян, сначала попадают в Петропавловск, затем обходят весь западный берег Камчатки и только через месяц и более являются на место. Лица же, едущия вторым и четвёртым рейсом в Петропавловск, попадают в него только после обхода всех охотских портов. Для ускорения товарообмена и оборота капитала рейсы должны быть рассчитаны так, чтобы, выехав весной из Петропавловска во Владивосток или обратно, можно было употребить на дорогу возможно меньше времени, а возможно дольше быть на месте и в тот же сезон возвратиться обратно, а с последними круговыми рейсами разослать товар по местам. Для этого необходимо связать Петропавловск с Владивостоком самостоятельными рейсами и устроить в первом и в Николаевске-на-Амуре агентства и склады Добровольного флота. При этом охотско-камчатские рейсы должны начинаться и кончаться в Николаевске, а чукотско-анадырские — в Петропавловске.

Ещё было бы лучше, если бы пароходы охотско-камчатских рейсов вовсе не доходили до Петропавловска, а крайним своим пунктом имели на западном берегу Камчатки устье реки Большой или селения Явино, Галыгино или Озерное. Тогда пробег этих пароходов сократился бы ещё на двести сорок миль, за счёт которых из нескольких рейсов и расстояния от Владивостока до Николаевска (девятьсот миль) можно было бы пустить лишний рейс по Охотскому морю. Все пункты к югу от Явино или Галыгино и пункты по восточному берегу от мыса Лопатки до Петропавловска мог бы обслуживать пароход специальной линии Владивосток — Петропавловск.

Такая комбинация охотских рейсов увеличит, конечно, ещё расходы Добровольного флота на содержание третьего агента и третьей конторы со складами в селении Явино или Галыгино, но зато она, безусловно, оживит все берега Охотского моря и в особенности город Николаевск, а вместе с ним и наше пароходство по реке Амуру. Если же, как надо думать, направление Амурской железной дороги будет изменено и конечным восточным пунктом ея будет не Хабаровск, а Николаевск, то дорога эта получит много груза для охотского побережья и приблизит его к центрам, чем, кроме стратегического, приобретёт и большое экономическое значение.

Чукотско-анадырский рейс, сокращённый на участок Петропавловск — Владивосток (1 360 миль) и мыс Дежнёва — Номе (200 миль) (я предполагаю, что на мысе Дежнёва будет станция беспроволочного телеграфа, соединённая с остальной сетью на

материке Азии, и поэтому специального захода парохода в Номе на Аляске не потребуется), даст возможность этим самым продлить его от мыса Дежнёва до Нижнекамчатска (1 560 миль) и тем оживить всё северное побережье Чукотской земли и хотя отчасти вырвать его из эксплуатации американцев.

Пения «чавычульки» не слышно. Ход «чавычи» прекратился. Мадам Лех и другие утверждают, что появление и исчезновение птички совпадает с началом и концом хода рыбы. Г. Лех это отрицает и считает за простое совпадение...

В пять часов дня пришёл «Камор», зафрахтованный Добровольным флотом для второго анадырского рейса. На нём прибыл сюда г. Сузуки для совещания с командиром *Kongo* по вопросам, возбуждённым японскими рыбопромышленниками.

11-е, пятница. Утром я был на «Каморе». Это — большой угольщик, совершенно неприспособленный для почтово-пассажирских рейсов. На нём только четыре крохотных пассажирских каюты, а салон совсем маленький, за его столом может поместиться только восемь человек. Для почтового чиновника и суперкарго наскоро сколочена рубка на левом борту, против машины. Кормовой трюм приспособлен для пассажиров третьего класса, а второго класса, или так называемого улучшенного третьего класса, вовсе нет. Его заменяют каюты низших служащих.

Проезд в первом классе от Петропавловска до Номе (Аляска) стоит шестьдесят шесть рублей и три копейки. Продовольствие — три рубля в сутки. Таким образом, не считая «экстры», проезд в оба пути обойдётся в триста пятьдесят один рубль, да от Петропавловска до Владивостока с продовольствием — в шестьдесят шесть рублей. «Камор» идёт на Север как раз вовремя, когда уже нельзя встретить льды, а в порте Ново-Мариинском будет полный съезд марковцев и чукч. Возвращается пароход во Владивосток в конце сентября. Лучшего случая быть на Севере без риска опоздать из отпуска я не дождусь, а потому решаюсь идти на этом угольщике. К тому же командир любезно уступает мне свою светлую и сравнительно просторную каюту, что для меня особенно важно в виду предстоящих мне работ. Со мной в первом классе будут только два пассажира: один (немец Беренс) идёт до Номе, другой (А. А. Потапов) — до бухты Провидения. В третьем классе есть несколько пассажиров в разные пункты Севера...

Сегодня был у меня командир «Манджура» и рассказывал, что в последнее плавание вдоль восточного берега Камчатки он встретил у Карагинского залива восемь японских рыбацких

шкун. Хозяева этих шкун говорили, что не могут найти на своих картах купленные ими участки, а когда капитан Огильви указал им по новейшим планшетах их места, то отказались на них перейти. При этом один нахально заявил, что в данном месте ему стоять удобнее.

Пришлось арестовать все восемь шкун, отобрать от них все судовые документы и за невозможностью их буксировать — приказать им собственными средствами идти в Петропавловск. Теперь плавают по восточному берегу «Командор Беринг», и вскоре мы, вероятно, услышим, что сделал с этими шкунами заведующий рыбными промыслами, если они не послушались приказа «Манджура».

12-е, суббота. На рассвете пришёл «Этин». На нём плавало несколько здешних мелких купцов, которые сегодня рассказывают, что они почти ничего не приобрели от чукч, так как не могли конкурировать с каким-то русским купцом, имевшим дешёвый варшавский товар. Между тем без нерпичьих ремней, кухлянок, тарбазов, выделяемых исключительно коряками и чукчами, местным купцам нечего делать внутри страны, где туземцы выменивают пушнину почти исключительно на эти товары, без которых они не могут ни запрячь нарт, ни выехать на работу или охоту.

Со 2-го по 9-е число здесь стояла только «Шилка», сегодня же стоят ещё «Манджур», «Люцун», «Камор» и «Этин». На рейде и в гавани оживление, и Петропавловск оправдывает название «Порт»...

14-е, понедельник. После обеда я делал визиты, а около пяти часов был на пристани, где меня уже ждали Лех и Вильдеман. Мы тотчас сели в казённую шлюпку и при дружной гребле четырёх казаков быстро дошли до «Камора», стоявшего за косой в проходе. В шесть часов вечера «Камор» снялся с якоря, и я начал своё северное плавание.

ГЛАВА IV. От Петропавловска до Анадыря

Июль, 15-е, вторник. На рассвете простояли часа три у Шипунского мыса, пока едущие с нами алеуты собирали на берегу упрощенных ими сивучей. Они в числе девяти человек охотились здесь около месяца и в то же время выбирали место для поселения. В бытность губернатора в Петропавловске они подали ему об этом прошение, мотивируя его уничтожением промыслов на островах. Другая партия алеутов по той же причине собирается

отъехать на Алеутские острова, то есть в американския владения, на родину своих предков. С утра отличная погода: море спокойно, небо ясно. После утренняго чая я с удовольствием сидел на верхней палубе и любовался берегом. Ближайшия ко мне скалы ярко освещены, далее они все более и более блекнут и заканчиваются лёгким силуэтом Кронцкой сопки. За этою береговою полосой ясно видны Велючинская и Коряцкая сопки, покрытыя снегом, а далее, слегка в тумане, — Жупановская сопка, к вершине которой приткнулось единственное на всей картине небольшое облачко. При закате солнца Кронцкая сопка опять вырисовывалась передо мной фиолетовым конусом, как в тот достопамятный вечер, когда на неё несло «Шилку». Но теперь она значительно меньше, и тоны ея нежнее, так как мы от нея вдвое дальше, чем тогда. Солнце село на северо-запад. Наш курс на северо-восток 70°. В селении Никольском будем завтра не позже полудня.

16-е, среда. В шесть часов утра мы были в тридцати пяти милях от острова Беринга, но из-за тумана далее идти не могли, и должны были застопорить машину, но так как туман не расходился, то в восемь часов отошли дальше в море и стали качаться на зыби.

Вечером Вильдеман, вспоминая обстоятельства своего приезда в Камчатку летом 1904 г., между прочим рассказал, что барон Брюгген, тогдашний главный уполномоченный КТПО, зафрахтовал в Сан-Франциско пароход *Redondo* для доставки груза в Петропавловск и на Командорские острова. Во время пути он обнаружил в пароходной кухне большой котёл со всевозможными мясными остатками, кипевшими постоянно и издававшими зловоние. По объяснению повара, несколько ложек этой жидкости разбавляется кипятком, и таким образом получается бульон, который затем заправляется соответствующим способом. Узнав это, барон приказал выбросить за борт всё содержимое котла, вычистить его, а суп варить ежедневно свежий. Повар-негр отказался исполнить это приказание, заявив, что без этого котла (носит по-английски особое название) он супа варить не умеет. Интересно бы знать, на всех ли американских коммерческих пароходах таким способом варят суп или это делают только повара-негры?

17-е, четверг. На рассвете туман был только по горизонту, и мы повернули к берегу, но в восемь часов он вновь покрыл нас густою пеленой, и мы начали думать, что и второй день зря проболтаемся в море. К полудню ветер несколько изменился, и мы увидели себя в трёх милях от берега. Дали полный ход, и через час бросили якорь в виду селения Никольскаго. Ещё через час к нам приехал

начальник островов, священник и доктор Малиновский. Когда они исполнили все формальности по осмотру судна и пассажиров и приняли почту, я поехал с ними на берег. Рулевым на шлюпке был алеут — блондин с круглым лицом. По поводу его Сокольников сказал, что это — потомок одного из тех унтер-офицеров, которых ещё лет десять назад посылали из войск Приамурского края улучшать здесь породу.

Вчера вечером за стаканом грога шла об этом речь в кают-компании, и мои спутники, имеющие сношения с островами, говорили, что каждая алеутка очень довольна, когда у нея родится белый ребёнок, это почитается за счастье для семьи.

На берегу я был приветствован жителями как старый знакомый.

На «Этине» приехали жена и сын Сокольников. Она очень милая, радушная, услужливая камчадалка, но, как и все оне, мало-разговорчивая. Она угостила меня прекрасным обедом, в котором было всё, кроме свежего скотного мяса. После обеда был тот же прекрасный чай, который в первый мой приезд сюда я пил у Векентьева.

После обеда Сокольников показывал свою коллекцию северных птиц и некоторые старинные чукотские вещи. В коллекции птиц была одна розовая чайка, другую он подарил В. Г. Флугу во время его пребывания на островах, а третью несколько лет назад отправил в музей Академии наук. По словам Сокольника, птичка эта гнездуется в прибрежных скалах Ледовитого океана и на Новосибирских островах, а в лимане Анадыря встречается очень редко. Старое чукотское оружие ему удалось достать только благодаря бывшему несколько лет назад голоду, когда чукчи сами приносили его в обмен на чай, сахар и другие продукты: ранее же они не хотели ни за какую цену расставаться с доспехами предков.

По словам Сокольника, постоянный рейс «Камора» вполне своевременен, и в Ново-Мариинском посту мы застанем ярмарку.

До сегодняшнего дня алеутами добыто только шестьдесят восемь котлов-холостяков. Явное падение промысла. В прежние годы к настоящему времени бывало убито уже несколько сот котлов. Сокольников всё-таки надеется к осени добыть на обоих островах не менее трёх тысяч штук.

С якоря снялись в шесть часов вечера. И. И. Мелехин, прослуживший на островах четыре года, говорил за обедом, что в его время (пять лет назад) к середине июля убивали до восьми тысяч котлов. Кстати, он не верит, чтобы промысел зверя в море был добычливее, чем на островах. Он полагает, что хищники нарочно,

для введения публики в заблуждение, показывают в своих вахтенных журналах неточное количество убитого зверя и неточно обозначают места охоты. На это, по его словам, попался и Прозоров, составляя свою карту хода зверя и охоты на него. Свое мнение М. И. подкрепляет ссылками на вахтенные журналы тех хищнических шкун, которыя ему самому приходилось задерживать в наших водах. Во всех них места убоя зверя были показаны далеко за островами.

Перед отходом парохода, М. И. купил у казака за двести рублей девять анадырских собак и радуется, так как эти собаки считаются лучшими в крае, и одна уносная собака стоит иногда сто пятьдесят рублей, а прочия доходят до пятидесяти рублей каждая.

18-е, пятница. В восемь часов утра бросили якорь в виду Усть-Камчатска, но не там, где обыкновенно останавливаются пароходы (близ устья реки), а ближе к озеру Нерпичьему и мысу Камчатскому. По этому поводу Вильдеман несколько обезпокоился: надо сгружаться на берег, несколько вёрст идти берегом, и только тогда можно будет погрузиться в паровой катер общества. Капитан не согласился переменить место стоянки, а Яуналаксен уверил Вильдемана, что на берегу против нас сложены товары общества. Тогда Вильдеман, несмотря на юго-восток ветер и порядочный прибой, стал торопить Рудакова (суперкарго) со спуском парового катера и фунгаса. Рудаков сначала не хотел этого делать, ссылаясь на погоду, но Вильдеман утверждал, что прибой здесь вечный, а погода лучше не бывает. Наконец к одиннадцати часам спустили большой фунгас, погрузили в него разный товар, Вильдемана, Яуналаксена и несколько пассажиров третьего класса, и он отправился на берег под вёслами. Несмотря на сильное желание воспользоваться временем стояния здесь «Камора» и съездить в Нижнекамчатск осмотреть в церкви старинный образ, о котором говорил мне Тюшов, — я остался на пароходе, дабы в случае ухудшения погоды не быть причиной замедления рейса.

Ключевская сопка не видна за туманом, Шевелуч же виден ясно. Массив его кончается двумя пиками. Правый скат сопки круче леваго. Между сопкой и берегом моря ряд невысоких холмов, переходящих у Нерпичьяго озера в низину, а за ним вновь поднимающихся и резко обрывающихся в море Камчатским мысом. Судя по конфигурации местности, Нерпичье озеро в давно прошедшия времена, вероятно, составляло морской залив.

Сегодня за обедом мы ели свежую треску. Рыба очень вкусная. Капитан ест только голову и говорит, что это лучшая часть рыбы.

С мнением капитана, кажется, согласны жители Камчатки. По крайней мере, в тех домах, где мне приходилось обедать и ужинать, мне всегда предлагали голову и удивлялись моему отказу.

19-е, суббота. На разсвете «Камор» перешел ближе к устью реки, где на краю косы, отделяющей её от моря, стоит консервный завод КТПО. Завод этот, как и другой — в бухте Тарья — выстроен по инициативе А. А. Прозорова, бывшего вдохновителя и главного руководителя дел общества, и как и тот ныне обречён на полное бездействие за недостатком рыбы.

Около семи часов утра вернулся наш фунгас, и люди сообщили, что вчера при высадке на берег едва не случилась катастрофа: прибойною волной фунгас поставило лагом, и стоило громадных усилий повернуть его поперёк волны, при этом люди и весь груз сильно промокли. Рабочие сообщили также, что в реке нет компанейского катера — он несколько дней как ушёл вверх. Поэтому и потому, что сегодня море спокойнее вчерашнего, решено спустить наш паровой катер и при помощи его отбуксировать груз в Усть-Камчатск. Мелехин не советовал этого делать, говоря, что даже в очень тихую погоду бар реки Камчатки высок и перебраться через него опасно.

В доказательство он привёл случай с А. А. Прозоровым, катер которого был перевернут прибойною волной, и никто из бывших на нём не спасся. Тем не менее, около девяти часов утра начали спускать паровой катер. Когда он был несколько приподнят над палубой, сломался крючок у талей, и катер упал на стальную палубу парохода. Произошло страшное сотрясение всего корпуса, так как катер весит шесть тонн. Палуба осталась цела, а у катера оказались помятыми бока и сдвинулась машина. Рудаков по этому поводу сильно выругал угольщиков-норвежцев, у которых, по его словам, всегда неисправен весь такелаж. Из-за этой аварии пришлось перейти на новое место и просить японцев, рабочих на рыбалке Берича, помочь выгрузке парохода своими фунгасами. Они согласились, но взяли за эту работу сто рублей.

20-е, воскресенье. Сегодня полнейший штиль и большой туман, далее косы ничего не видно. С раннего утра разгрузка идёт спешно. Вещи и товар, свезённые на берег вчера и третьего дня, подмочены бурунами, и сегодня один из товарополучателей вернул свой груз на пароход.

Сегодня мы разстались с очень милою молодою особой, женой студента, участника экспедиции Рябушинского, принявшей на два года должность учительницы в селе Ключевском. Кто-то из

приезжавших с берега сообщил, что экспедиция эта уже понесла утрату: один из участников ея, проходя крутым берегом реки Камчатки, оступился, упал в воду и утонул.

Один японец-рабочий при разгрузке фунгаса сломал себе ногу. Тотчас пришла шлюпка за судовым фельдшером, но он только через час раскачался ехать на берег. К двум часам дня все судовые работы были окончены, и мы двинулись далее. Через полчаса увидели пароход, идущий из Петропавловска. Вероятно «Цинтао», сидевший на Охотском баре, умудрился сняться и продолжает свой рейс. По расписанию, отсюда он должен вернуться в Петропавловск и идти затем во Владивосток. Говорят, Вильдеман вчера уехал в Нижний. Узнавши о приходе этого парохода, он, вероятно, не поедет в Ключи, а вернётся на устье, так как иначе ему придётся жить здесь очень долго, чуть ли не до возвращения «Камора».

21-е, понедельник. В восемь часов утра были на том самом месте, где 28-го «Шилка» потеряла руль. Берег виден отлично, жаль только, что вершины гор в тумане. Из-за этого картина много теряет. Начикинский мыс далеко выдвинулся в море и кончается широким крутым обрывом. Он составляет один из склонов Начикинской сопки. Она считается потухшим вулканом. Вершина ея состоит из нескольких кекуров с большими котлообразными провалами. Когда мы обогнули мыс и взяли курс на запад, картина совершенно изменилась. Из суровой, с резкими линиями, перешла в мягкую, с ласкающими глаз далями. Облака значительно разошлись, день стал яснее («ободняло», как говорят в Камчатке). В котловинах Начикинской сопки масса снега. На склонах же ея он лежит кое-где островками. Склоны сопки полого спускаются к морю, и только местами у берега невысокие обрывы. Вся гора покрыта берёзой Эрмана, ольхой и кедровым стланцем. Их тёмная зелень прекрасно гармонирует с красноватыми тонами кратеров вулкана. Чем дальше мы углубляемся в Укинский залив, тем более берег Начикинской сопки отходит к югу и наконец обрывается. За ним в далёкой синеве вырисовывается высокий снеговой краж, а ближе к нам небольшой остров Манджур, закрывающий вход в залив Моллан. Остров этот покрыт такою же как и берег, тёмною, густою растительностью, что особенно рельефно выделяет его на фоне дальних гор.

Правый (западный) берег входа в залив Моллан невысок, но очень крут. От верхняго среза его берег к западу и югу всё понижается и очень скоро переходит в низменную тундру, простирающуюся по обоим берегам реки Уки до синеющих на горизонте

гор. При взгляде на эту панораму становится ясно, что некогда большое озеро было окружено с севера, востока и юга горами, из коих Начикинская после одного из землетрясений дала глубокую трещину, соединившую озеро с морем довольно широким коридором. По форме залив Моллан — совершенное подобие бухты Золотой Рог, изогнутой в обратную сторону, то есть вход с севера, а загиб под прямым углом на запад. От острова до южного берега залива шесть миль, а от восточного до западного края залива одиннадцать миль, ширина залива около двух миль, глубина неизвестна.

Пройдя на запад от Начикинского мыса около десяти миль, «Камор» бросил якорь в виду небольшой бухточки, в которую впадает река Ука и на берегу которой расположено селение Укинское. Тотчас спустили большой фунгас и погрузили в него товар КТПО. Мы с Потаповым сели в паровой катер, а Мелехин и некоторые пассажиры третьего класса — на фунгас. Когда мы зашли в бухточку, катер стал задыхаться, уменьшать ход и наконец остановился, далеко не дойдя до берега. Отдали буксир, и фунгас пошёл далее на вёслах, а мы с Потаповым остались на катере, медленно наполнявшемся водой. Нас ожидала холодная ванна, но механик принял меры к прекращению течи, катер водой не переполнился, и в то же время к нам подошёл какой-то мальчишка на крошечном бату и взял нас к себе.

Хотя мы сели на дно бата, но пришлось усиленно удерживать равновесие, рискуя каждую минуту перевернуться. Так наконец мы добрались до берега. Здесь нас встретили Кацинский (владивостокский шапочник и меховщик, а с недавнего времени и камчатский рыбопромышленник), старик Герасим Ласточкин, заведывавший складом КТПО, и его сын — сельский староста. Старик остался встречать «хозяина», как он назвал Мелехина, а сын и Кацинский повели меня по селению. Оно состоит из десятка домиков, в которых, кроме семей отца и сына Ласточкиных, живёт ещё Ласточкин, однофамилец первых, и помещаются склады товаров владивостокской фирмы «Вальдекер и Пеппель» и КТПО и имеются крошечный домик Бруара и хибарка его рабочих. Ласточкины переселились сюда из внутренней страны три года назад и очень довольны своим выбором. Тогда же впервые КТПО завезло сюда свои товары и поручило их старику Герасиму, который теперь должен сдать их Мелехину.

Когда я уходил от старосты, туда пришёл старик Ласточкин, имея на груди медаль «За усердие» на Станиславской ленте.

Он стал величать меня «Ваше превосходительство» и извиняться, что не так встретил, как следует, так как только от «хозяина» узнал, кто я, и первый раз в жизни видит генерала (ему около семидесяти лет). Он и староста просили меня воздействовать на японцев, ловащих рыбу на косе, чтобы они осторожнее обращались с огнём и не разводили пал на тундре. Огонь тушить некому, и он грозит уничтожением зверя. На днях при тушении такого пожара староста потерял свой знак и этим очень огорчён. Я обещал обо всём этом сказать уездному начальнику и просить его выслать старосте новый знак.

Оба эти камчадала хорошо говорят по-русски, но, как и все их сородичи, со своим особым «цоканьем».

Место это, надо думать, имеет будущность, так как разнообразие пейзажа указывает на богатство даров природы, а хороший рейд и близость большого залива, в котором можно укрыться от северо-восточных штормов, привлекут сюда пароходы.

На Начикинском мысу и сопке водятся дикие олени, а в горах внутри страны — горные бараны. Рога тех и других я видел на складе Пеппеля. Судя по Брему («Жизнь животных», т. III, с. 237—247), камчатский горный баран составляет разновидность американского «толсторогаго барана», а отнюдь не среднеазиатского «аргали», как неправильно считают в Камчатке. Медведей здесь, кажется, больше чем нужно, так как даже сегодня убили одного из нескольких, являвшихся в селение каждую ночь для разрывания ям с рыбой.

Пока мы были на берегу, механик с катера заделал на нём пробоину, и к обеду мы благополучно вернулись на пароход.

Из бывших ранее разговоров я знал, что пароходные служащие работают очень много. Сегодня же я лично убедился в этом. На «Каморе» только пять палубных матросов, они же и рулевые, поэтому оба помощника капитана часто работают как простые матросы. Не мудрено, что все они за сверхсрочную работу, после семи часов вечера, требуют особой платы и что капитан не даёт своих матросов при съезде кого-либо из нас на берег. Он дорожит каждым часом отдыха своих служащих.

От Добровольного флота на пароходе пятнадцать корейцев. Во время плавания они ничего не делают.

В портах же, глядя на их работу по нагрузке и разгрузке парохода, удивляешься, как могут быть люди с такою малою сообразительностью. Они способны только на ослиную работу, каковую и исполняют с весёлым лицом.

В третьем классе едет пятеро кавказцев. Один из них — с георгиевскою ленточкой на пиджаке, громадными подусниками, в мягкой шляпе со спущенными полями — имеет вид разбойника американских прерий. Сначала я думал, что эта компания едет на север по коммерческим делам — после войны на Востоке осталось очень много кавказцев, в особенности в Харбине, но затем оказалось, что «коммерция» их совсем особаго рода. В Усть-Камчатске они залучили к себе пьяного казака, приехавшего получать груз, и обыграли его на триста рублей. Поездка им окупилась, и впереди предстоят одни барыши.

Солнце село на северо-западные горы громадным красным диском. Тотчас после захода солнца, в течение до получаса, была громадная рефракция солнца. Весь день — полнейший штиль, причём небо затянуто дымкой. До полудня над заливом Моллан держался туман, но затем он разошёлся. Стрелка анероида утром показывала 763 мм, а с полудня пошла на повышение. Наибольшая температура воздуха +29°, наименьшая — +14 °Ц.

22-е, вторник. Вчерашний закат предсказал верно — сегодня с утра дует северо-восточный ветер в три балла, и на рейде порядочная волна. Начикинская гора закрыта облаками более чем наполовину. Разорванные тучки проносятся с моря над заливом Моллан. После полудня ветер утих и к вечеру совершенный штиль, небо затянуто дымкой.

При заходе солнца на небе не было ярких тонов, а застилавшая его дымка приобрела розоватый оттенок. В это же время горы окрасились в синеватый цвет, а вода — в оранжевый с беловатыми и голубоватыми струйками. Диск солнца, спускаясь к горизонту, всё увеличивался в размере и темнел, градусов же за пять до горизонта остановился и, слегка закрытый туманом, простоял на одном месте до получаса, затем сразу потух. Особая окраска воздуха, гор и воды продержалась ещё несколько минут, после чего наступили полные сумерки. Всё явление (солнечная рефракция) было настолько оригинально, что я его тут же нанёс на холст. Само собой разумеется, что никакой остановки солнца (вернее земли) не было. Это нам только казалось, так как не было обычного эффекта заката солнца, а рефракция началась ещё до заката солнца.

В семь часов вечера мы окончили все операции, а в девять часов пошли дальше.

23-е, среда. В четыре часа утра видели «Командор Беринг». В Карагу пришли в шесть часов утра. Стали на якорь в бухте,

милях в трёх от селения. Бухта — мелководная, в чём я убедился, едуци на берег в капитанской шлюпке. Селение расположено на косе, при впадении в бухту реки Караги и состоит из десятка построек, в числе которых одни сложены из дерна, с очагом в одной из стен и дырой в крыше для света и выхода дыма, другие — сараи на высоких столбах, очагов в них нет и свет проходит только через открытую дверь. Между жилыми постройками разбросаны вешала для рыбы. Сюда окрестные коряки приходят на лето для лова рыбы, на зиму же они уходят в селение, расположенное верстах в восьми от устья реки.

Все здешние жители по-русски говорят очень плохо. Старшина их, служащий в должности двадцать лет и имеющий на шее серебряную медаль на Станиславской ленте, тоже не выучился говорить по-русски. Все административные обязанности как в бухте Карага, так и в ближайших к ней местах несёт камчатский казак Аркадий Юшин. Он явился ко мне на пароход и просил указания относительно одной японской рыбацкой шкуны, которая не слушает его приказания перейти на другое место. Тут я спросил его, ушли ли в Петропавловск восемь японских шкун, арестованных «Манджуром». На это он мне доложил, что 17-го июля здесь был «Командор Беринг», и заведующий рыбными промыслами дал этим шкунам разрешение ловить рыбу на занятых ими местах, но с тем, чтобы, по окончании лова они исполнили требование «Манджура» и явились в Петропавловск. В удостоверение этого чиновник дал казаку предписание за № 104 с приложением кальки, на которой означены места стояния шкун. Такая несогласованность в действиях наших охранных судов, конечно, подрывает значение надзора и престиж наш в глазах японцев. Следовало бы как можно скорее упразднить один из видов надзора.

По словам представителя Пеппеля, бухта Карага летом очень неприветлива: в ней почти всегда идёт дождь. На сегодня это подтвердилось. Сквозь пелену дождя окружающая бухту горы кажутся серыми. На них ещё масса снега.

При закате солнца повторилось вчерашнее явление рефракции. Диск солнечный во время стояния над горизонтом несколько раз темнел и прояснялся. Вчера я сделал этюд, а сегодня сфотографировал это явление.

24-е, четверг. В семь часов вышли из Карагинской бухты и пошли проливом между материком и островом Карагинским в бухту барона Корфа. Сегодня, как и вчера, прекрасный тихий день.

До обеда было даже жарко. Только к вечеру потянул северо-восточный ветерок. Оба берега видны хорошо, и только дальние горы затянуты туманом. К вечеру развело встречную волну, на которую «Камор» всходит свободно, и мы почти не ощущаем качки.

25-е, пятница. В северном углу бухты барона Корфа «Камор» был в полдень и бросил якорь в виду небольшого коряцкаго селения, расположенного на косе. За ней небольшая водная площадь, далее низменный берег, а затем горы. Горы западного берега — куполообразные увалы, между ними широкия долины, к восточному берегу подходит довольно дикий кряж, который заполняет собой весь полуостров Говенский и кончается мысом того же имени. Горы этого кряжа — с самыми разнообразными вершинами. Из них две с сильно зазубренными краями (кекурами) и глубокими котловинами можно считать за потухшие вулканы. В низинах и на склонах гор снега не видно, в глубоких же падах и на вершинах его много.

Капитан наш первый раз в этих местах, поэтому он послал на берег шлюпку — узнать, правильно ли мы стоим.

Шлюпка скоро вернулась и сообщила, что пароходы обыкновенно останавливаются немного южнее, у другого селения. Идя сюда, мы, действительно, видели несколько палаток, маленьких домиков и большой сарай под крутым левым берегом. Командир тотчас перешёл на указанное место и бросил якорь у конца длинной косы, на которой и расположены виденные нами постройки.

Тотчас к нам явились горный инженер Нацвалов, его помощник и старенький гижигинский казак с тремя узенькими серебряными полосками на красных погонах, — «заведующий бухтой», как он сам себя назвал. Казак этот доложил мне, держа руку у козырька фуражки, что в «бухте» всё обстоит благополучно: он уклончиво и безсвязно ответил на несколько моих вопросов и тотчас скрылся в трюме третьего класса. Впоследствии оказалось, что главная цель его прибытия на пароход была получить кое-что «для сугрева». По форме гижигинские казаки отличаются от камчатских только цветом приборного сукна: у первых оно красное, у вторых — чёрное.

Как только шлюпка была спущена на воду, так Нацвалов, Немирович-Данченко, Потапов, Рудаков и я поехали на берег. Мой первый визит был в сарай. Это — склад товаров Северо-Восточного промышленного общества и временная резиденция Нацвалова и его помощника. Склад — двухэтажный. В нижнем этаже сложены ящики с консервами, части парового катера, соль, мука,

гвозди, инструменты плотничные и слесарные, тачки, железо разных сортов и прочие предметы, долженствовавшие служить к оборудованию здесь рыбалки общества. Верхний этаж сплошь завален всевозможными сетями, прядевом, панчовками, грузилами и пустыми бочками. Около сарая большой бунт соли, накрытый японскими соломенными циновками. Тут же несколько штабелей брёвен и досок разной длины, ширины и толщины. У входа в сарай на берегу гниёт большой японский кунгас. А. А. Потапов не мог мне объяснить, почему общество бросило на произвол судьбы весь этот склад, стоящий не одну тысячу рублей и почему не открывало здесь рыбного дела. Осмотрев всё имущество, он решил часть его, и главным образом брёвна и доски, перевезти в залив Провидения, где находятся главные склады общества.

За импровизированным чаем и закуской на свежем воздухе выяснилось, что горный инженер Нацвалов и его помощник, отставной артиллерийский офицер, бывший в последнюю (русско-японскую. — *Ред.*) войну корреспондентом «Русских ведомостей», с пятью рабочими из амурских приискателей и каким-то иностранцем, разведчиком на золото, уже обошли прилежащая горы и речки, но признаков золота не нашли. Каменный уголь, пласты которого выходят наружу в горах, верстах в десяти-пятнадцати на юг, и которым покрыты все берега и дно бухты, по их словам, лигнит, негодный к употреблению. Я сделал небольшой опыт: бросил кусок угля в костёр и сколько ни ждал, он не загорелся. По их же словам, «Камор» первоначально стал против устья реки Кулгушной, а теперь стоит в гавани «Сибирь». Мы же были уверены, что первоначально стали у этой гавани, а теперь стоим в «Закрытой гавани». Эта последняя по тому же западному берегу бухты, но южнее, и вход в неё для пароходов недоступен за узостью и мелководьем. Южнее «Закрытой гавани» имеется небольшой грушевидный залив, а ещё ниже — «Залив Гека».

Вся долина бухты барона Корфа с севера на юг — сорок пять миль, и он описан только в последние два года чинами съёмки Восточного океана. До этого сведения о нём были незначительны и базировались на данных штурмана Гека, плававшего здесь в 1880-х гг. на шкуне «Сибирь». Ни на одной из находящихся в продаже карт нашего восточного побережья бухта эта не нанесена (она показана на карте Слюнина, приложенной к его книге «Охотско-Камчатский край», Санкт-Петербург, 1900). По восточному берегу бухты барона Корфа есть только один залив «Скобелева», отделённый от бухты большою косой. Он находится в верх-

ней трети бухты, вблизи устья реки Култушной. По словам инженера и его помощника, река Олюторовка впадает в бухту барона Корфа несколько южнее залива Скобелева.

Это совершенно не соответствует морским картам, на которых устье этой реки показано в вершине соседняго залива Олюторовскаго, хорда котораго между мысом Говенским и Олюторовским — сто тридцать миль. Окончив завтрак, я пошёл гулять по косе, осматривать поселение, знакомиться с жителями и фотографировать. Береговая тропинка привела меня сначала к рыбным вешалам, а затем к лавке Косыгина. Меня встретил Никола Никольч и заявил, что он временно здесь, за отсутствием брата Феодоса, уехавшаго в Номе за товаром и для определения малолетней дочери в обучение в какую-нибудь американскую семью. Никола уже побывал на пароходе и узнал, что русских товаров брату не пришло. Пожаром, бывшим на «Каморе», груз уничтожен, а фирма Чурина, от которой Косыгин выписал товары, не успела его заменить. Если Феодос не привезёт ничего из Номе, то зимой не на что будет приобретать пушнину.

В лавке, действительно, очень мало товара: тюк черкаскаго табаку, мешок муки, бочоночек разных гвоздей, кое-что из железных и медных вещей, несколько банок консервов, несколько разных шкур — да и всё, так как остальное больше похоже на хозяйственное имущество, чем на продажное. Я хотел купить у Косыгина несколько мелких коряцких изделий из моржовой кости (олени, сани, собаки, моржи, тюлени, сидячая птицы и прочие) вроде тех, какія от него приобрёл губернатор, но он заявил, что отдал губернатору все бывшія у него вещицы, а новыя игрушки будут только после зимняго объезда западнаго берега Камчатки, где выделкой их занимаются коряки каменные и палонцы, здешніе же, олюторовцы, их не делают.

Вблизи дома Косыгина я усмотрел несколько куполообразных земляных насыпей, сверху совершенно заросших травой. Никола Никольч объяснил мне, что это — зимовье коряков. Когда мы подошли к ближайшей насыпи, то увидели, что во многих местах она покрыта небольшими ямами. Это, по словам Косыгина, собачьи норы. В вершине купола имеется отверстие в половину квадратнаго аршина. Изнутри к нему приставлен столб с зарубками. Спустившись по этому столбу, мы очутились в полутёмном помещении, высота котораго только у отверстия немного превышает рост средняго человека, к краям же она всё более и более понижается, и у стен только можно сидеть, да и то согнувшись. Нижняя,

цилиндрическая, часть постройки высотой не более аршина. Она покрыта плетёнкой из тонких прутьев.

Такою же плетёнкой, шириной аршина в полтора покрыт пол вдоль стен. Здесь разстилаются шкуры и устраиваются постели. Около столба уложено несколько плоских камней для очага. К южной стороне постройки примыкает крытый ход длиной около сажени. В разрезе площадь его не более квадратного аршина. Наружный конец этого хода закрыть дверкой. По Слюнину («Охотско-Камчатский край». Санкт-Петербург, 1900), лазейка эта имеет какое-то мистическое значение и предназначена исключительно для женщин. Если не считать лазейки, то ни дверей, ни окон в постройке нет. Свет и люди в неё, а дым из нея проникают через единственное отверстие в вершине купола. Из всех предметов домашнего обихода мы нашли в этом зимовье только донельзя грязное небольшое деревянное блюдо. Впечатление от этого жилища получается очень грустное — видно, что живущие здесь люди очень недалеко ушли от зверей.

Остальное поселение состоит из небольшого домика казака, «заведующаго бухтой», нескольких палаток и нескольких вешал для рыбы. В одной из палаток живёт крещёный японец Николай, доверенный Косыгина. Палатки имеют вид домиков с двускатною крышей, дверью и окном и состоят из четырёх или шести брусков и двух или трёх пар стропил, обтянутых бязью. Неколько семей олюторовцев, приехавших сюда с противоположнаго берега залива, живут под своими лодками (байдарами). Лодки их очень оригинальны. Оне имеют вид груши, разрезанной по длине, причём тупая сторона составляет нос, а острая — корму. Длина лодки около пятнадцати футов, наибольшая ширина в носу около пяти, глубина — три фута. Остов лодки сделан из тоненьких прутьев, а обшивка их — из нерпичьих шкур. Оне очень легки. При движении нос не разрезает воды, а только скользит по ней, корма же сидит в воде не более фута. Управляются лодки двумя или четырьмя гребцами и рулевым. Вёсла и руль — коротенькия лопатки. Впечатление от этих лодок — оне очень валки. Тем не менее, коряки делают в них большие переходы.

26-е, суббота. С утра начали грузить на пароход брёвна, доски и другия вещи, перевозимыя Потаповым из здешняго склада в бухту Провидения. С бревнами и досками много возни, так как на берегу их надо вязать в плоты, затем перегонять к пароходу, а там развязывать и частями подымать на палубу. Корейцы работают очень плохо, и поэтому на эту работу понадобится два дня.

После завтрака, гуляя по берегу, видел у дома «заведывающего бухтой» интересную группу. Хозяин, его помощник, молодой казак и несколько пассажиров третьего класса, сидя у небольшого столика, пили чай и водку, а местные коряки, обступя их кольцом, смотрели им в рот, нетерпеливо ожидая поднесения.

В складе Северо-Восточного общества пьяненький Косыгин всех и каждого называл «миленьким», перед всеми извинялся и хотел скупить чуть не весь склад, но кончил тем, что купил несколько фунтов гвоздей и несколько досок.

На пароход я вернулся в байдаре. Хотя со мной в лодке было человек десять мужчин, женщин и детей, и все мы сидели на дне ея, и только два гребца сидели на тоненьких жёрдочках, да рулевой на самом крае кормы, мне при каждом шевелении кого-либо казалось, что байдара должна опрокинуться.

28-е, понедельник. Утром было ясно и сравнительно тихо. Рудаков с Потаповым вновь начали доставку с берега плотов и разных вещей из склада. К десяти часам ветер засвистел с такою силой, что пароход стало дрейфовать в сторону косы. Бросили второй якорь, но и он плохо удерживал. Капитан заволновался и начал подавать тревожные свистки. Вскоре с берега пришёл кунгас с вещами, а за ним вернулись Рудаков и Потапов. Погрузку не успели кончить, и часть отобранных Потаповым вещей осталась на берегу. При подъёме кунгаса оборвалась цепь паровой лебедки, кунгас упал на пароходную палубу и порядочно повредил себе бока и дно. Рудаков пустил крепкое словцо по адресу капитана и вообще всех норвежских «угольщиков», которые из-за скаредности своей не имеют порядочного такелажа и запасных цепей, блоков, канатов, железа, досок и прочего и всякия повреждения в пути исправляют кое-как, а в портах запасаются только самым необходимым. В двенадцать часов снялись с якоря. Море волнуется значительно. Выйти на палубу нельзя, так как волной обдаёт рубки. Но качка килевая, и мы спокойно сидим в салоне. Я пишу этюд бури у мыса Говенского, а Потапов повествует о деятельности Северо-Восточного общества. По его словам, концессия гвардии полковника Вонлярлярского охватывает не только Чукотский полуостров, но простирается на запад до рек Ангуемы, впадающей в Ледовитый океан, и Энненакол, впадающей в Анадырь на семьдесят пять вёрст выше Ново-Мариинского поста.

Дела общества идут очень хорошо благодаря торговле с чукчами в бухте Провидения и на мысе Дежнёва, где у общества имеются

большие склады товаров. Золото найдено в разных местах, но пока главное его месторождение открыто по левым притокам реки Нерпичьей, впадающей в Анадырский лиман. В этом месте разрабатывает его американец Свенсен со своими рабочими. Фактория их в заливе Святого Николая, близ Анадырского лимана. Привлечь к делу американцев было необходимо после неудачного опыта с русскими рабочими в 1902 г. Тогда их было привезено сто пятьдесят человек, но они ничего не делали, только пьянствовали и кончили тем, что разграбили склад в бухте Святого Лаврентия и разбежались. Кто ушёл в Америку, кто на Камчатку, кто потребовал отправки его на родину. Зачинщиком всех беспорядков был некто Васька Силаев, скрывшийся в Номе.

В нынешнем году для расширения дела общество выпустило новых акций на двести тысяч рублей, пригласило горного инженера Борисова и предполагает послать на Чукотский полуостров около ста горных рабочих с Урала и из Амурской области. Борисов выехал из Петербурга вместе с Потаповым, но должен был остаться во Владивостоке, так как на «Каморе» у него сторе́ло всё имущество. Вероятно, Борисов дожждётся прибытия рабочих, купит себе во Владивостоке новые вещи, зафрахтует пароход и осенью прибудет в бухту Провидения, где с нынешняго года будет местная контора общества.

Когда мы обошли мыс Говенский и взяли курс на восток, началась порядочная боковая качка, кают-компания опустела, и за обедом нас было только трое: капитан, Рудаков и я. Вечером я прикинул по карте размеры концессии Северо-Восточного общества, и оказалось, что площадь ея не менее шестидесяти семи тысяч квадратных вёрст, или несколько более Греции и Черногории вместе взятых.

29-е, вторник. До двух часов ночи не мог заснуть из-за качки (крен не менее 20° на борт), ударов штуртросов о палубу и вздрагиваний судна при перебоях винта. Остальную часть ночи спал тревожно и встал ранее семи часов. Ветер меньше вчерашняго, и волны не такие крутые. В восемь часов прошли Алюторский мыс. Он такой же скалистый, как и Говенский, и состоит из нагромождённых одна на другую гор с узкими между ними долинами. Снег лежит не только на склонах, но местами и у среза воды.

Отсюда взяли курс на северо-восток, на мыс Наварин, до которого двести восемьдесят восемь миль. К полудню ветер значительно стих, море улеглось, и осталась мёртвая зыбь. Барометр стал подыматься. Гористый берег виден ясно. К шести часам ве-

вчера затянуло туманом северную часть горизонта, а северный ветер вновь дошёл до пяти баллов. Сверх зыби пошла волна с большими беляками, дым из трубы сильно пригибает к воде. Всё предвещает новый шторм. К девяти часам так и случилось, но мы идём вразрез шторма и качки почти не чувствуем. На нервы действуют только удары штуртросов о палубу и перебои винта. Весь день в кают-компании почти никого не было, а за завтраком и обедом были только командир, Рудаков и я.

В девять часов вечера anerоид показывает 745 мм, а температура наружного воздуха +13 °С.

30-е, среда. Капитан говорит, что ночью мы делали только по четыре узла, а теперь, в девять часов утра, делаем шесть, нормальный же ход «Камора» — девять узлов. С полудня северо-восточный ветер несколько стих, и море успокоилось. До обеда шёл дождь, весь горизонт был в тумане. Со вчерашнего вечера барометр стал подыматься и в полдень показывает 751 мм. Наибольшая температура воздуха +9°, наименьшая — +5,5 °С.

За обедом я потребовал шампанского и провозгласил тост по случаю дня рождения Наследника Цесаревича. Тост был дружно подхвачен всеми присутствовавшими, несмотря на различие их национальностей: норвежец, немец и трое русских.

31-е, четверг. Сегодня полнейший штиль и густой туман. Идём малым ходом, слегка покачиваясь на мёртвой зыби, причём часто свистим. Между девятью и десятью часами утра видели берег. Капитан называет его мысом Наварин (а может быть, мысом Фаддея) и говорит, что отсюда до Анадырского лимана осталось сто девяносто миль.

Вчера и сегодня мы проходили мимо тех мест, которые летом 1887 г. посетил Генерального штаба капитан Ресин на шкуне «Сибирь», снаряжённой владивостокским купцом Линдгольмом для торговых сношений с жителями Северо-Востока Азии. Шкуной командовал шкипер Гек. Капитан Ресин в своём «Очерке инородцев русского побережья Тихого океана» («Известия ИРГО», т. XXIV, вып. 1886 г., с. 156) говорит, что по Апукинскому и Туменскому берегу он видел народ, сродный по языку как корякам, так и чукчам, который называется «чукмарями». Ни прежние исследователи этих мест (Дитмар. «О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчам». «Вестник ИРГО», 1855, кн. 51, 1856, кн. 1), ни новейшие (Слюнин) не знают этой народности. Дитмар, между прочим, говорит, что селения коряков, довольно удаленные друг от друга, расположены по берегу моря, при устьях рек и простираются

гораздо далее Олюторского мыса, почти до устья реки Анадыря, где они граничат с оседлыми чукчами. Как мужчины, так и женщины почти все высокого роста, стройны и красивы. Обычаи северных олюторцев (коряков) ближе подходят к обычаям кочующих коряков и чукчей... На морских и сухопутных картах можно видеть по восточному берегу только одну надпись: «Земля коряков».

1-е августа, пятница. Всю ночь лежал густой туман. С утра он начал расходиться, и около девяти часов мы увидели по правому борту силуэт берега. Это была так называемая «Русская кошка». Она отходит узкою длинною косой от северного берега Анадырского лимана и тянется в юго-западном направлении миль на десять. Высота косы над уровнем моря не более сажени. Если бы туман своевременно не начал расходиться, то «Камор», несмотря на малый ход и большую осторожность командира, всё-таки сидел бы на мели. Несколько западнее этой косы — другая, меньшая, всего три мили длиной, образующая с берегом залив Святого Николая. Против этой второй кошки — громадная отмель с несколькими камнями в середине, тянувшаяся поперёк лимана с севера на юг, миль на шесть.

Ещё западнее, в самой узкой части лимана, против мыса Заселения, лежит небольшой скалистый островок Алюмка. Из-за этих четырёх главных препятствий для плавания в Анадырской губе курсы пароходов прокладываются от мыса Фаддея не на мыс Гека, а затем на Ново-Мариинский пост, а на конец Русской кошки, от него идут на запад, пока не вырисуется вся гора «Приметная» (небольшой тёмный конус, значительно выдвинутый вперёд из гряды прибрежных гор). С этого пункта поворачивают на север и огибают мель и остров Алюмку. Эта извилистость курса и осторожность, с которой надо им идти, подсказывают мысль о необходимости постановки здесь отличительных огней, сирен и других предостерегательных знаков.

В заливе Святого Николая находится фактория американца Свенсена. Подходя к заливу, Потапов ожидал, что навстречу пароходу выедет кто-либо, но ожидание не оправдалось.

Пройдя остров Алюмку, мы стали втягиваться в узкость лимана. Здесь очень сильное течение, а сулой (пенящаяся полоса воды, происходящая от трения речной и морской воды, движущихся в противоположные стороны), едва заметный у Русской кошки, здесь выражен резко. На карте сила морского прилива и отлива показана в этом месте в четыре с половиной узла. На юго-западе видна гора Диомид, с которой берёт начало небольшая речка, впа-

дающая в лиман близ горы Ивкова. Устье этой речки отделено от лимана небольшою косой, на конце которой расположен пост Ново-Мариинский — последнее русское поселение на северо-востоке Азии. От этой косы тянется небольшая мель, обогнув которую «Камор» бросил якорь на шестисаженной глубине, за милю от поста. Это было в три часа дня. Мили на три ближе к устью реки, у пологаго мыса горы Святого Михаила, стоит пароход «Варг» (рыбалка Эриксона).

Между Ново-Мариинским постом и мысом Обсервации ширина лимана около двух миль, а за горой Святого Михаила (залив Онемен) и за мысом Обсервации (залив Нерпичий) она достигает восемнадцати миль.

Около четырёх часов дня к нам приехала вся местная администрация: начальник Анадырского уезда, его помощник, священник, фельдшер и начальник «Чукотской землицы» — 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка штабс-капитан Калинин. Доктор не приехал, так как его нет здесь уже пятнадцать лет, со смерти первого уездного начальника — доктора Гриневецкаго.

Пока помощник принимал почту, а фельдшер осматривал пассажиров третьего класса, г. Складенко сообщил нам, что последний шторм причинил здесь много бед жителям и на рыбалке Эриксона. Много чукчей осталось без шалашей, а марковцев — без палаток. На рыбалке же был сдрейфован пароход, размётаны навесы, раскатаны пустые бочки, угнаны в море фунгасы, изорваны невода. Из-за этого пароход не дополучил груза, и масса рыбы осталась недосоленной. Она пойдёт в Японии на тук. По словам Складенко, на «Варге» были привезены сюда для продажи разные японские товары. Все они оказались недоброкачественными, почему были конфискованы, и хозяину было предложено увезти их обратно.

Около пяти часов «Варг» перешёл к посту. Когда он проходил мимо нас, был слышен скверный запах несвежей рыбы.

2-е, суббота. В десять часов утра начальник уезда прислал за мной шлюпку. Гребцы — марковцы и камчатские казаки. Был отлив, и мы очень скоро достигли берега. Меня встретили все, как постоянные, так и временные обитатели поста Ново-Мариинскаго. В числе их было несколько камчатских казаков, несколько марковцев, пришедших сюда с начальником уезда на летний сезон, и несколько десятков чукчей, частью живущих здесь постоянно, частью приехавших с севернаго берега лимана и даже от мыса Чаплина. Поговорив со всеми ими, я отправился с начальником

уезда осматривать поселение. Оно состоит из десятка небольших домиков, двух землянок, нескольких юрт и палаток, а приезжие чукчи живут на берегу под опрокинутыми байдарками или в шалашах, сделанных на скорую руку из жердей и нерпичьих шкур.

Управление начальника уезда помещается в крошечном сарайчике. Внутренность его украшает хорошее американское конторское бюро, такая же качалка и разборный книжный шкаф. Вблизи управления стоит метеорологическая будка с несколькими инструментами, но за отъездом казака Селиванова наблюдения не производятся. Селиванов был несколько лет старшим на Ново-Мариинском посту и записывал показания инструментов, его выучил бывший начальник уезда Сокольников.

Г. Скляренко живёт в небольшом домике в две комнаты, из коих собственно одна жилая, а вторая — кухня и склад вещей. Вместе с г. Скляренко живёт и его молодая жена, только в прошлом году приехавшая из Петербурга. Помощник начальника уезда живёт в палатке, а Калинин — в таком же сарайчике, как управление. Сарайчик Калиникова служит столовой для названных лиц. Священник живёт с несколькими марковцами в крошечном американском домике в одну комнату. Девять человек казаков помещаются в полуразвалившейся землянке, которая ещё пятнадцать лет назад служила летнею резиденцией Гондатти. При Сокольникове она признана негодной, но за отсутствием денежных отпусков на перестройку продолжает и теперь кое-как служить пристанищем приезжим казакам.

У купца Косыгина здесь небольшой домик американской постройки. Остальные марковцы живут в палатках из дрели, обнесённых дерновою завалинкой. В каждой палатке есть камбуз, но не в каждой есть пол. Последний шторм, в котором был и «Камор», снёс здесь все шалаша чукчей и палатки марковцев, и многие из них не успели ещё обстроиться и в полном смысле слова живут под открытым небом. Одну семью чукчей я нашёл сидящей на нескольких шкурах и хозяина, чинящего здесь же верх от юрты. Кругом их абсолютно ничего — ни каркаса от юрты, ни домашней утвари, ни хозяйственных принадлежностей.

Во время нашей прогулки А. А. Потапов очень удивился, увидев среди сопровождающих нас лиц Ваську Силаева. Субъект этот усиленно просил начальника уезда обменять его легкую лодочку на большую, тяжёлую. Потапов утверждает, что Силаев, наверно, где-нибудь украл эту лодку и хочет её сбыть. В 1902 г. в заливе Святого Лаврентия склады были разграблены по его инициативе.

Чукчи привлекли особенно моё внимание не только своим образом жизни, но и внешним видом, и костюмами. По наружности они похожи на коряков, виденных нами в бухтах Карага и барона Корфа, но выше их ростом и лучше сложены, к тому же ноги их не такие тонкие, как у коряков. Все чукчи бреют свои лица, а на голове выбривают макушку на манер католических монахов, остальные же волосы на голове начесывают от центра к краям и подстригают в круг. Женщины заплетают волосы в две косы. Как у мужчин, так и у женщин волосы чёрные, прямые, толстые. Цвет кожи чукчей смуглый, со слегка бронзовым оттенком, как у алеутов. Чукчанки татуируются, начиная с момента половой зрелости. Как только такая наступает, на каждой щеке девушки делается вертикальная полоса, которая натирается порошком.

С выходом замуж прибавляется несколько таких черт и одна или две горизонтальные на лбу. У старух все лицо испещрено этими полосами. У всех чукчей, как и у коряков, глаза карие, прорезь глаз узкая. У тех и у других поражает страшная болезненность глаз. Я не видал ни одного коряка, ни одного чукчи с совершенно здоровыми глазами. У всех веки красные, воспаленные, у многих глаза слезящиеся, а у большинства гноящиеся. Я видел даже грудных детей с такими глазами. Очевидно, здесь играет роль вековечная грязь, незнакомство с мылом и водой и постоянное общение со зверовыми шкурами. Одежда чукчей — такая же, что и у всех северных жителей: рубаха, штаны и сапоги из звериных шкур мехом внутрь. Для прикрытия головы в холод или ненастье к вороту рубахи пришит капюшон. В общем же правиле и чукчи, и коряки ходят с непокрытыми головами. Летом сверх одежды из шкур чукчи надевают длинные полотняные рубахи, вышитые по подолу. Этой части костюма у коряков я не видал. Как ни грязны чукчи, но они произвели на меня впечатлительные людей более чистых, чем коряки.

После обеда я гулял по ближайшим окрестностям, смотрел на лов рыбы и любовался несколькими семьями куликов и бекасов, мирно разгуливавших по маленькому болотцу.

Чукчи ловят рыбу неводами сажени три длиной и полтора аршина шириной, вталкивая их в воду палками. Работает с таким неводом один человек и вылавливает в день до сотни рыб. Меня удивили малые размеры их вешал для рыб и очень незначительное количество рыбы на вешалах. Но мне объяснили это тем, что чукчи питаются зимой не исключительно рыбой, как камчадалы или оседлые (береговые) коряки, а и нерпой, китовиной,

олениной и другою дичью, которую удаётся добыть. Собаки их также воспитаны на более разнообразной пище, чем камчатския. Над лиманом постоянно вьются чайки разных пород. Оне настолько не напуганы, что как только чукча начинает тащить из воды невод, так оне массами приближаются к нему и норовят ухватить рыбу из невода, с берега, даже из рук рыбака. Я хотел сфотографировать один из таких моментов, но это мне не удалось.

Кулички и бекасы на соседнем болотце до такой степени не напуганы, что мы могли подойти к ним шагов на пять. Матери и отцы, не обращая внимания на наше присутствие, обучали потомство плавать, бегать, летать и добывать мошек и червячков. Сюда же являлись новые выводки, и тогда шла совместная работа. Иногда какого-нибудь червячка выхватывали одни у других своим крошечным клювом. А в воздухе всё время носился их свист и крик. При этом воздух был совершенно прозрачен, небо ясно, в падах и низинах лежали синеватые тени, а вершины холмов и некоторые их скаты были окрашены розоватыми лучами заходящего солнца.

Я долго наслаждался этою идиллией, и мне казалось, что здесь я постигаю существование первого человека в раю.

3-е, воскресенье. Сегодня священник по моей просьбе служил обедницу. Служба происходила в палатке. Алтарём служил простой деревянный ящик, покрытый холстиной и шёлковым платком. На нём — крест, Евангелие и требники. За ящиком — палка с перекладиной, на которой прибиты небольшие олеографические изображения Иисуса Христа, Матери Божией и Николая Чудотворца (олеография — вид полиграфического воспроизведения картин, исполненных масляными красками, распространённый во второй половине XIX в., имитировавший поверхность холста и рельефных мазков. Часто огрубляла и искажала оригинал. — *Ред.*). К каждому изображению прикреплена восковая свеча. Священник и дьячок — родные братья. Подтягивает им высоким тенорком один из марковцев. Здешние церковные напевы, как и камчатские, отличаются значительно от обыкновенных наших напевов. К обеднице собралось почти всё население поста. Девять камчатских казаков были выстроены фронтом около входа в палатку. По окончании службы начальствующие лица пристроились к казакам, начальник уезда скомандовал «смирно», я поздоровался со всеми и поздравил с праздником. Получился импровизированный церковный парад под шестьдесят пятым градусом северной широты.

По словам священника и гг. начальников, 18-го июля здесь был на «Корвине» епископ Аляскинский, преосвященный Иннокентий. Он произвёл на всех очень приятное впечатление своею любезностью и подвижностью. Ему около сорока лет. С будущего года он предполагает на Чукотском полуострове открыть духовную миссию, почему, идя в передний путь, оставил Калинникову во Владимирском посту (бухта Провидения) большой образ Казанской Божией Матери. По этому поводу можно сказать вместе со Слюниным: «Будем ждать и надеяться, что в полярной тундре, на краю владений русского скипетра возсияет свет Христов, и дикая пустыня, омоченная русскою кровью в постоянных стычках русских с воинственными чукчами, огласится проповедью братской любви» («Экономическое положение инородцев Северо-Восточной Сибири». Известия ИРГО, т. XXXI, 1895, вып. 2).

Ближайший к посту лес находится вёрст за триста вверх по реке. Поэтому жители пользуются им только для построек, для топлива же собирают плавник. Если же его не хватает, то добывают каменный уголь в ближайших горах, верстах в пятнадцати от поста.

Скляренко считает от Ново-Мариинского поста до селения Марково тысяч вёрст. Это, кажется, преувеличено. По морской карте (проекция Меркатора) в прямом направлении триста миль. Если на изгибы реки прибавить треть, то получится четыреста миль, или семьсот вёрст, что вернее. Сообщение по реке Анадырь происходит в чукотских байдарках, карбасах и шлюпках, которые вниз по течению направляются только рулевыми, а вверх тянутся бичевой, людьми и собаками. При этом, идя вниз и пройдя устье реки Белой, приходится останавливаться у берега только на время морского прилива. Идя же вверх, на участке до реки Белой, приходится останавливаться на время морского отлива и на всём пути ещё для отдыха и ночлега. Поэтому перевозка одного пуда груза от Ново-Мариинского поста до селения Маркова стоит три рубля и продолжается от двух недель до месяца. Для ускорения и удешевления перевозки, Скляренко находит необходимым завести моторные лодки и мелкосидящие паровые катера. Ради опыта он зафрахтовал у Свенсена моторный катер и отправил на нём часть казённого груза в Марково. Но он боится, что казна не отпустит на это денег и ещё долго придётся груз таскать старым способом. Среди здешних чукотских байдар я не видел ни одной, похожей на коряцкия байдары в заливе барона Корфа. Здешние байдары — плоскодонные, с острым носом и таковою же кормой,

у некоторых есть даже руль, но, как и первые, они сделаны из тонких прутьев, обшитых нерпичьей кожей.

Ходят эти байдары под вёслами и под парусами. На берегу речки я видел лодку, совершенно не похожую ни на байдары, ни на современные шлюпки. Она представляет большой бат, к бокам которого прибито деревянными гвоздями и витою корой несколько рядов плохо обструганных досок. Нижняя доска толще верхних. Внутри все скреплено между собой брусками, нечто вроде шпангоутов. Нос и корма остры. На некоторой высоте от дна положены доски для сиденья, около них, по бортам, вставлены колки для удержания вёсел. Длина лодки семь, наибольшая ширина — два аршина и такая же высота. Лодка эта своими обводами напомнила мне ту плоскодонку, в которой мы с Ренгартеном переезжали на «Ближнее озеро», едучи на Паратунку, но та была значительно меньше.

В одиннадцать часов вечера северо-западная часть горизонта была грязно-оранжевая, а выше её была широкая светло-серая полоса, то есть были сумерки.

5-е, вторник. Около девяти часов утра за мной заехал В. А. Диденко, и мы поехали на противоположный (северный) берег лимана в гости к чукчам. С нами поехал г. Такемура, студент института восточных языков в Токио. Был отлив. Паровой катер с «Камо-ра» провёл нас через узкость лимана и оставил в небольшой бухточке, за мыс Обсервации. На этот переход потребовалось полтора часа. В верхнем углу бухты, на самом берегу её стоит семь юрт оседлых чукчей (северные чукчи называют свои постройки «яранга»). Вокруг каждой расположены нарты, орудия охоты, домашние инструменты и вешалы для рыбы. Здесь греются на солнце ездовые собаки. День ясный, безветренный (в полдень +37 °C). Старые и малые чукчи и чукчанки ходят полуголые: рубахи спущены с плеч, на ногах нет ничего, только штаны плотно завязаны у пояса и циколоток. И в то же время весь костюм — из зверовых шкур, мехом внутрь. К вороту рубахи пришит капюшон, который в холод и ненастье составляет головной убор. Некоторые мужчины ловят рыбу, другие чинят разную снасть, женщины пьют одежду, мнут кожи и занимаются домашними работами, грудные дети — на руках у матерей или спят возле них, зашитые в шкуры с небольшою прорезью назади. Подростки играют на берегу или помогают родителям.

Все юрты одного типа. Они представляют куполообразные постройки с дырой вверху для выхода дыма. Входное отверстие

обращено на юг. Летняя юрта обтянута одними оленьими шкурами, а зимняя имеет ещё вторую внутреннюю подшивку из холста. Основой каждой юрты служат тонкие, длинные жерди, поставленные по кругу и стянутые наверху оленьими ремнями. Шкуры сшиваются по величине юрты и забрасываются на жерди. Один край этой крыши прикрепляется к стойкам, другой завязывается только у верхнего кольца, внизу же закидывается свободно. Внутри, по середине юрты, — ряд камней, на которых разводят огонь.

Котелок подвешивается к треноге или на деревянный крюк, спущенный от центра купола. Против входа — постель. Это — четырёхугольный щит из тонких древесных прутьев величиной в квадратную сажень, покрытый оленьими шкурами. Над ним, на высоте человеческого роста, понижаясь к изголовью, прикреплен другой такой щит. Обтягивающая его шкура обращена шерстью внутрь помещения. Обе боковые и задняя стена обтянуты плотно скрепленными оленьими шкурами, и только передняя стенка завешивается шкурой, прикрепленной к верхнему щиту. В такое помещение, объёмом менее кубической сажени, залезает вся семья и спит там вповалку, голая. Если в юрте живёт несколько семей, то для каждой устраивается особая постель. Вторую и третью семью составляют замужние дочери (более трёх постелей я не видал).

Направо и налево от постелей, вдоль стен, расположено всё имущество семьи. Рыба, предназначенная для копчения, развешена над очагом. Одну такую юрту со всею семьёй, находившейся в ней, я фотографировал, откинув по возможности больше крышку. Когда мы чаевали в некотором расстоянии от юрты, к нам пришли дети и подростки и устроили танцы и борьбу. Танцы заключаются в том, что все участники, ставши в круг, затанули какой-то гнусавый мотив, перемежавшийся выкриками. Вместе с выкриком каждый танцующий втягивал голову в плечи, ударял в ладоши и животом делал движение вперёд. Для борьбы два мальчика сняли с себя рубахи, и каждый старался повалить противника на землю. Мы роздали им остатки хлеба и сахара, а японец пожертвовал ещё девицам по несколько зёрен разноцветных бус, но особенный восторг вызвали жестянки из-под консервов. Слепой старик, получивший то же, что и дети, но с придачей куска кирпичного чая, просил всё сложить ему за пазуху и заявил, что понесёт старухе. Это — хозяин юрты, которую я фотографировал.

Во время чаеванья Такемура говорил, что, по записанным в Японии айнским легендам, «Камчатка» значит место нахождения красной рыбы: «Кама», или «Ками» по-айнски, — красная рыба, «шатка» — место лова. На пуговицах его форменной тужурки изображены латинская буква «L», горящий факел и два крыла. Он объясняет эту эмблему так: язык (*lingua*) или знание языка, это — светоч, при помощи которого можно лететь всюду. Собственное ли это его объяснение или заимствованное, но оно не лишено остроумия.

В три часа мы пошли обратно. Выйдя из бухточки в узкость лимана, видели стадо белух, шедших в море. Оне действительно белые и плавают, как все морские млекопитающиеся, часто выходя на поверхность. С половины ширины лимана мы попали в струю прилива, выгребать не могли, и нас понесло вверх. Когда мы были приблизительно у того места, где стоял «Варг», нас заметили с «Камора», и за нами вышел паровой катер, который и доставил нас благополучно на пароход, иначе сидеть бы нам где-нибудь на отмели.

После обеда поехали на берег Потапов, Рудаков, Диденко и я, и пригласили З. М. Скляренко и Калининкова кататься при луне по лиману. Когда мы садились в катер, ко мне подошёл староста селения Маркова и стал прощаться. Я ему сказал, что еду только кататься, а не уезжаю совсем. Он же сказал, что прощается потому, что завтра утром, с началом прилива вместе с батюшкой и купцом Косыгиным едет в Марково. Мы обменялись благопожеланиями, при этом он сказал: «Дожили до радостных дней, сподобил Господь в сём году видеть архиерея и генерала». (Не прибавил только «ныне отпускаеши раба Твоего, по глаголу Твоему с миром».) Марковцы так запуганы прежним начальством, что, по их выражению, лучше пойти на медведя с голыми руками, чем встречать новое начальство.

6-е, среда. С утра стало хмуриться, а после обеда ветер от юго-востока развёл порядочную волну. В лимане она шла от северо-востока, отразившись от северного берега. После четырёх часов дня пошёл дождь. Все пароходные операции окончены, и ночью капитан хочет уходить. Я съехал на берег проститься с начальством. Как только наш ревизор покончил с уездным начальником все счёты по доставке груза, так мы поехали на пароход. Провожало меня все население поста за исключением священника. Я выслушал кучу добрых пожеланий и столько же оставил от себя. На память о здешних местах я взял у одного марковца ездового щенка.

За ужином Потапов рассказывал, что в зиму 1904—1905 гг. у него на мысе Дежнёва был корреспондент немецкой газеты «*Berliner Tageblatt*». Господин этот должен был на пари в четыре года, без гроша денег, обойти пешком вокруг света. Он имел право только через океаны переезжать на пароходах. Маршрут его был через Швецию в Петербург, Москву, Иркутск, Владивосток, Неме, Нью-Йорк, Лондон, Париж. Наша последняя война застала его в Иркутске. Не имея возможности пройти во Владивосток и там сесть на пароход, он пошёл в Якутск, Нижнеколымск, Дежнёв. Средства на путешествие этот господин добывал продажей своих карточек, чтением лекций в больших городах и помощью русских влиятельных лиц, к которым он имел рекомендательные письма.

С отходом парохода население поста Ново-Мариинского начнёт уменьшаться. Дня через два-три будут отправлены лодки с казённым грузом. За ними потянутся купцы, и последним уедет уездный начальник с женой, помощником и несколькими казаками. Как сказано выше, переезд уездного начальника и перевозка казённого груза до селения Маркова в наилучшем случае происходит в две недели. Она могла бы совершаться значительно скорей, если бы в распоряжении уездного начальника был моторный или паровой катер. Тогда груз мог бы доставляться до Анадырского острога частями всё лето. Теперь же, за трудностью перевозки людскою и собачьею тягами, часть груза остаётся здесь до зимы. Зимой в посту живёт шесть казаков, один-два марковца и несколько чукчей.

Всё время пребывания в Ново-Мариинском посту я торговал у двух марковцев и бывшего здешняго фельдшера Гусака шкуры белого медведя. За маленькую, плохо выделанную шкуру просили семьдесят пять рублей, а за большую, пушистую, с головой и когтями — сто пятьдесят рублей. Гусак же за особо большую просил триста рублей. Таких цен я дать не мог, а купцы ничего не уступали: они усиленно высчитывали, сколько дали чукчам мест чаю, фунтов табаку, оленьих шкур и других вещей, и, по их словам, всегда выходило, что они сами по местным ценам заплатили больше, чем хотят получить. Решено при посредстве Потапова приобрести шкуру в складах Северо-Восточнаго общества в бухте Провидения или на мысе Дежнёва. В последнем месте бывает особенно много шкур белого медведя.

Наша кают-компания увеличилась: к нам присоединился штабс-капитан Калинин, едущий в Неме и предполагающий

зимовать на мысе Дежнёва. По требованию его, «Камор» должен зайти в залив Святого Николая, где Калининков хочет получить какая-то справки от Свенсена.

ГЛАВА V. Вдоль Чукотского полуострова

7-е, четверг. В семь часов утра покинули Ново-Мариинский пост. Погода — ветреная, в лимане небольшое волнение, по горизонту туман. Около десяти часов утра бросили якорь у начала кошки, образующей залив Святого Николая, на берегу которого видно много палаток и деревянный дом. Это — так называемая фактория Свенсена. Она состоит исключительно из американцев, и русский в ней только один — Александров. Он служит в фактории переводчиком и поваром. Он — брат бывшего нашего священника в Сан-Франциско, настолько долго проживший в Америке, что по-английски ему легче говорить, чем по-русски. Через час к пароходу подошёл газолиновый катер с ним, Свенсеном и другими пассажирами и привёл баржу с грузом. Пока её разгружали, мы познакомились.

Свенсен произвёл на меня очень приятное впечатление своею энергичною фигурой в чистом костюме видно, это — работник без предрасудков и в то же время стремящейся пользоваться возможно большим комфортом. Когда его баржа приняла весь предназначенный для фактории груз, он, ничто же сумняшеся, повёл её на берег вместе со своими рабочими. Рудаков, узнав от Свенсена, что в фактории есть свежая оленина, просил несколько туш её уступить пароходу. Свенсен прислал нам три туши. Две из них Рудаков отдал в первый класс, а одну оставил для пассажиров третьего класса. Теперь мы хотя на время забудем о солонине и порядочно протухшем мясе старого быка, которая за последние две недели нам порядочно надоели. В Номе г. Фалькмус, вероятно, запасётся свежеею провизией, иначе придётся с ним ссориться, так как теперешняя наша кормёжка не стоит тех трёх рублей в сутки, которые взыскивает Добровольный флот с пассажиров первого класса, и притом каждый рискует заболеть.

Из фактории Свенсена идут на пароходе Перкенс и Талантайер. Первый именуется полковником, но, кажется, он никогда ничем не командовал, а второй — адвокатом, хотя не выиграл ни одного процесса. По выражению штабс-капитана Калининкова, Перкенс — «маргариновый полковник». По словам его и Потапова, у американцев каждый непременно носит какое-нибудь официальное зва-

ние. Так, «судьей» называется человек, помиливший хотя раз в жизни двух лиц; «капитаном» — если хотя раз привёл катер в порт, а «инженером» — любой кочегар. Перкенс производит очень приятное впечатление. Он выше среднего роста, хорошо сложен, имеет продолговатое лицо с подстриженными усами и бородкой, большие, умные глаза, высокий лоб, пробор посреди жиденьких волос, изящный костюм и приличные манеры. Только толстенные американские ботинки жёлтой кожи и привычка после обеда, сидя на стуле у камина и читая какой-то «*Magazine*», задирать ноги чуть не выше головы, говорят, что это — прирождённый янки. Г. Талантайер отличается теми же привычками, но костюм его более прост и более небрежен, шевелюра всклокочена, походка развинченная.

В час пошли дальше. В четыре часа дня прошли сто восьмидесятый меридиан от Гринвича. До сих пор мы считали восточную долготу, теперь будем считать западную. У американцев завтра 7-е (20-е) августа — четверг. Таким образом, двигаясь к востоку, я получил в нынешнем году два четверга, два седьмых августа, или один лишний день.

8-е, пятница (по американскому счёту 7-е, четверг). Ночью была большая фосфоричность. Жених-приискатель и невеста, сестра казака, на пароходе. За отказом священника обвенчать их в Ново-Мариинском посту и за неимением работ у Свенсена, к которому жених ездил во время стояния «Камора» у поста, они решили ехать в Номе, в надежде застать там епископа Иннокентия или кого-либо из духовенства нашей Аляскинской миссии.

С утра Потапов спорит с Калининковым о значении для края Северо-Восточного общества. Потапов доказывал, что общество своею торговлей приносит пользу; Калининков утверждал, что оно вносит только разврат, так как само не работает, а всё сдаёт американцам, которые нашего не жалеют и работают хищнически. Кончился спор заявлением Потапова, что он не останется зимовать в том месте, где будет жить Калининков.

С двенадцати часов дня начали входить в бухту Провидения и в два часа бросили якорь в заливе Эмма, против складов Северо-Восточного общества. На рейде стоит только одна американская двухмачтовая шхуна. Бухта вдалась в материк на восемнадцать миль. Северный и южный её концы слегка изогнуты на запад, а середина идёт в меридиальном направлении. Ширина её у залива Эмма версты полторы.

Она обставлена невысокими горами, круто спускающимися в воду. Поэтому берега везде приглубы, и даже в пятнадцати

милях от устья бухта имеет восемьдесят две сажени глубины. Общий вид ея — узкой щели среди гор. Благодаря туману и низко стоящим облакам общий колорит серо-бурый, от которого и холодно, и жутко.

Ближайшие к фактории берега имеют очень своеобразные осыпи грушевидной формы. Они начинаются у вершин гор узенькою ленточкой и расширяются по мере приближения к воде.

Нижняя часть их более или менее далеко вдаётся в воду. Пост Святого Владимира выстроен на одном из таких каменистых выносов, и в нём же проделал себе русло безымянный ручей. Как только мы бросили якорь, так к нам приехал доверенный общества Джонсон, а со шкуны — капитан и американский купец. Вслед за этими лицами подошли к пароходу несколько байдар с чукчами, и на палубе началась ярмарка. Пассажиры третьего класса, матросы и наши бои начали выменивать на чай и сахар нерпичьи шкуры, ремни, обувь и моржовые клыки. Шкур белого медведя у чукчей не было. Чукчам очень понравились стеклянные бусы нашего японца-студента и трубки корейцев-рабочих. Здешние чукчи по-русски не говорят, по-английски же говорят многие. Это до некоторой степени надо поставить в вину Северо-Восточному обществу, которое по контракту с правительством должно работать русскими людьми и может только некоторый процент рабочих набирать среди инородцев. Между тем, кроме Потапова и Александрова, других русских у них нет, а Джонсон хотя и говорит по-русски, но, конечно, не пропагандирует этот язык среди служащих у него чукчей.

После взаимных приветствий и нескольких минут разговора, Калинин и Потапов уехали на берег с Джонсоном, а Перкенс и Талантайер поехали на американскую шкуну. Я остался на пароходе, так как туман и мелкий дождь не располагали к прогулке. Вскоре ко мне явился стражник из Владимирского поста с предложением различных мелких изделий из моржовой кости. Лучше других были сделаны шесть фруктовых ножей с подставкой. Ручки ножей и подставка инкрустированы чёрною костью. За этот прибор он хотел тридцать рублей, но я нашёл это слишком высокою ценой и не купил.

9-е, суббота. С утра аврал: идёт чистка и окраска парохода к предстоящему посещению порта Номе. В это же время сдаём всё привезённое Потаповым из бухты барона Корфа.

Около десяти часов утра все работы приостановились, так как с берега прибыл Калинин и стал производить обыск. Оказа-

лось, что, несмотря на предупреждение, кто-то продал чукчам спирт, и сегодня на берегу все они пьяны. Калининков нашёл у них три пустые и две полные бутылки какого-то отвратительного коньяку. После тщательного обыска, продавцом оказался помощник повара, китаец. Полученные им шкуры отобраны и возвращены хозяевам, две бывшие у него бутылки коньяку уничтожены, а сам он посажен в угольную яму. По этому поводу Калининков и Потапов говорят, что любовь чукчей к спирту доходит до того, что они, при невозможности достать его от иностранцев, гонять из грибов-мухоморов. Получаемая жидкость — отвратительного вкуса и запаха и обладает свойством одурманивать человека на несколько дней. Иногда же чукчи просто жуют эти грибы и таким способом тоже приводят себя в пьяное состояние.

10-е, воскресенье. Сегодня с утра перегрузка угля из носовых трюмов в угольные ямы у машины. Благодаря дождю и этой работе, на палубе грязь страшная. Сидеть в душной каюте нет сил, а так как сегодня ночью мы уходим, то после завтрака я съехал на берег. Фактория Северо-Восточного общества, она же пост Святого Владимира, состоит из четырёх домов американской постройки: сарай, лавка, метеорологическая станция, превращённая в склад казённого провианта, и жилой дом в четыре комнаты с кухней и крытую верандой, предназначенный исключительно для останков приезжающих чукчей.

На крыше этого дома какой-то остроумный господин ради своих удобств поставил клетку для инструментов рядом с дымовою трубой. Теперь эта клетка пустая. Все дома выкрашены красною краской. На одном из них (жилом) развивается русский флаг. От пристани к складу и магазину устроен путь из деревянных брусков, по которым движутся платформы с грузом, нечто вроде декавилки.

Обстановка квартиры Джонсона вполне удовлетворительна и содержится довольно чисто, в особенности чисты столовая и кухня. В последней, впрочем, только кипятят воду и изредка варят горячее, так как обычно хозяин питается одними холодными или разогретыми консервами. В одной из комнат квартиры висят и стоят несколько метеорологических инструментов, а остальные сложены в сарае. В прошлом году Калининков, живя здесь, вёл по ним наблюдения. Теперь же наблюдения не ведутся, так как Джонсон работать даром не привык, особаго же лица для этого нет.

Джонсон и Потапов говорят, что вести торговлю с чукчами очень трудно. Они никогда ничего сразу не купят, а сначала напьются

чаю, поговорят и только под конец, иногда на другой день, мельком о чём-либо спросят. Иногда зайдут в лавку посмотреть товар, опять напьются чаю, опять мельком скажут свою цену и чаще всего после этого уедут. С дороги они обязательно вернуться, и только тогда состоится меновая сделка.

В лавке общества товара почти нет. Джонсон говорит, что старый товар распродан, а новый ожидается из Номе осенью. Здесь интересны орудия китоваго промысла: ручные гарпуны, багры, ножи и прочее американской работы. Чукчи сами себе делают эти предметы из кости, камня, нерпичьих ремней, но нередко и покупают эти вещи.

В некотором разстоянии от фактории или поста, на берегу бухты, расположена группа шалашей оседлых чукчей. В ближайшем шалаше я застал двух женщин, которые шили сапоги из нерпичьих шкур. Нитки или дратву оне сучили тут же из сушёных оленьих кишок, для чего отщепляли от них тоненькия пряди. В шалаше висели чёрные куски нерпятины, а под ними в железном тазу была чёрная нерпичья кровь. На палках перед входом сушились нерпичьи кишки. Внешний вид всех этих чукотских лакомств был очень гнусный.

Шагов на триста выше фактории расположено чукотское кладбище. Оно состоит из нескольких куч камней, нескольких позвонков кита и нескольких штук его уса. Потапов говорит, что чукчи своих покойников не зарывают, а бросают на открытом месте на съедение зверям. Чем скорее труп будет съеден ими, тем, по верованию чукчей, добродетельнее был покойник. Ни одного трупа я на кладбище не видал, разбросанных же костей было много.

11-е, понедельник. Вышли из залива Эмма в четыре часа утра. В половине шестого я проснулся от качки, шума рулевой цепи и перебоя винта. В салоне предметы летали с места на место. В шесть часов бойки пришли чистить камин и тем прибавили шуму. Всё утро сильнейший туман, благодаря чему шли только по счислению и в одиннадцать часов бросили якорь, не будучи уверены, что остановились у мыса Чаплина.

Около двенадцати часов туман несколько разошёлся, и мы увидели крутой берег и отходящую от него длинную косу. Это и был мыс Чаплин, а за ним скалы мыса Мергенса. Тотчас снялись, обошли косу и стали на совершенно тихой воде, защищённые от ветра береговыми скалами, а от зыби — косой. При северо-восточном ветре наоборот — пароходы становятся с южной стороны косы, и тогда она защищает их от ветра и волны.

На рейде мы застали газолиновую шкуну, которую два дня назад мы видели в бухте Эмма. Хозяин и командир ея тотчас приехали к нам за углём. Расположенное на косе селение Уныин, как оно видно с рейда, — довольно большое и состоит не только из шалашей и юрт, но и из нескольких деревянных домиков американской постройки. Над одним из последних развивается русский флаг.

Деревня стоит почти у самого конца косы, на совершенно открытом месте. На берегу много шлюпок и байдар. Величина селения указывает на деятельное сношение жителей с иностранцами. Между домами и юртами видны вешала для рыбы, сооруженные из китовых рёбер и уса. Селение это приобрело особое значение благодаря тому, что каждую весну американские китобои, идя за льдами, держат на него курс от острова Святого Лаврентия и здесь стоят некоторое время в ожидании, пока расчистится проход вдоль азиатского берега или на Номе. Отсюда до острова Святого Лаврентия сорок миль. По словам едущих с нами американцев, на нём, кроме эскимосов, живут американский доктор и миссионер.

На байдарках и мореходных шлюпках подъехало к нам до сотни чукчей, и на палубе начался торг. Продавались нерпичьи шкуры, ремни, обувь, морская кость и поделки из нея, старые винчестеры. Шкур белого медведя не было. Покупались: чай, сахар, черкасский табак, новые винчестеры и особенно много спрашивалось «постелей» (оленьи шкуры). Это последнее обстоятельство меня крайне заинтересовало. Береговые чукчи имеют постоянные сношения с кочующими чукчами, главное богатство которых заключается в стадах оленей, и вдруг требование оленьих шкур у заезжих людей. Перкинс, Талантайер и Потапов объяснили это большими падежами оленей в последнее время на Чукотском полуострове и массовую скупку их американцами для Аляски, где благодаря хорошему уходу они отлично плодятся. По мнению этих лиц, если не будут приняты теперь же меры против эпизоотий, то скоро придётся покупать оленей на Аляске для снабжения ими чукчей.

У одного чукчи я приобрёл за кирпич чая моржовый клык в фут длиной, очень гладко обточенный, со ста двадцатью дырочками в двух столбцах (по-английски называется «cribbage-bard») и употребляется американцами при карточной игре «cribbage»). Вокруг дырочек расположены рисунки китов, моржей, тюленей, рыб, оленей, птиц, шлюпок, юрт, домов и несколько человеческих фигур. Все рисунки набиты чёрною краской и представляют род

плохих силуэтов. У человеческих фигур руки и ноги очень тонки, что соответствует действительности. На нижней стороне клыка надпись латинскими буквами «Si prerer gear», цифра «5» и значок, изображающей доллар. Эти цифры и значок указывают, что торговые аппетиты местных чукчей довольно высоки.

Здесь же я купил небольшой коврик из кожи и таковой же мяч, величиной в детскую головку. Как на том, так и на другом небольшие квадратные куски жёлтой и чёрной кожи сшиты в шахматном порядке. На каждом квадратике нашиты из кожи противоположного цвета звёздочки и другие геометрические фигуры. Коврик по краям опушен мехом. Все эти предметы указывают на известную степень эстетического развития чукчей. А если прибавить к ним те кожаные детские костюмы, расшитые цветным бисером, которые я видел ещё в Ново-Мариинском посту, то смело можно сказать, что между северными инородцами это самый развитый народ.

Высокий, плотный старик с сильно гноящимися глазами вытащил из-за пазухи грязный платок, в котором между двумя дочечками оказалось удостоверение на звание старшины селения. Оно выдано бывшим в начале 1890-х гг. Анадырским уездным начальником Н. Л. Гондатти. На нём надпись следующего уездного начальника Сокольниково, подтверждающая за этим стариком то же звание. Видимо, он им очень гордится и, по словам одного пассажира третьего класса, жившего ранее в этих местах несколько лет, старик показывает это удостоверение на каждом пароходе. Все остальные чукчи и чукчанки так же грязны, как и этот, все с больными глазами и у многих они гноятся. Все с непокрытыми головами, и все имеют хорошо развитую грудь.

От мыса Чаплина до дикаго скалистого мыса Мертенса восемь миль, а от него до острова Итыгран, или Шерлук, три мили.

Около пяти часов дня бросили якорь в виду домика американской постройки и двух-трёх шалашей на южной стороне этого острова. Остров очень горист, местами покрыт низкою растительностью. Газолиновая шкуна снялась с якоря значительно позже нас, а когда мы были в проливе, она нас догнала.

Ещё в Ново-Мариинском посту Скляренко говорил мне, что при Сокольникове был проект поместить на острове Шерлук помощника уездного начальника с несколькими казаками, который наблюдал бы за движением китобоев и препятствовал бы им вести торговлю с чукчами селения Уныын. Если Калининкову, жившему в этом селении прошлой зимой, не удалось задержать шку-

ну, остановившуюся у льда, как мог бы это сделать помощник уездного начальника, живя на острове Шерлук?

Ему нужно было бы, завидя приближающуюся шкуну, перебраться через пролив, заполненный торосом, и пройти вёрст пятнадцать берегом без всяких дорог. В такие экскурсии часто не пускаются, а между тем, китобойные и торговые шкуны подходят весной к мысу Чаплина чуть не каждый день.

В виду предстоящего образования особого Чукотского уезда, мысль эту надо считать брошенной, а где будет резиденция нового уездного начальника — пока неизвестно.

12-е, вторник. Ночью прошли устье Мечигменской губы, в которой ещё до Богдановича (горный инженер, начальник экспедиции 1900 г.) были известны выходы каменного угля. Говорят, уголь этот настолько хорош, что им пользуются американские суда, плавающие в Беринговом море и Ледовитом океане. Северо-Восточное общество угля этого не разрабатывает, хотя имеет на то право по контракту с правительством.

В семь часов утра бросили якорь в заливе Святого Лаврентия против зданий Северо-Восточного общества. Залив шириной от двух до трёх миль, а в длину несколько более бухты Провидения. Окружающая его горы невысоки, скалисты, а на пологих склонах покрыты тундрой. На южном берегу бухты, почти против нас, интересен старый кратер, три стороны которого почти отвесно спускаются внутрь, а четвёртая, открытая, отделяется от бухты невысокою береговою полосой.

В центре кратера возвышается правильный конус. Вершина его несколько ниже окружающих востряков. Внутри общего кратера, влево от конуса, видно особое ребро, образующее с частью стены кратера особое жерло. В нём и соседних складках масса снега.

В фактории всего пять домов американской постройки и сарайчик. Везде мерзость запустения, так как все товары отсюда перевезены на мыс Дежнёва. Лавка не торгует, и в домах живут только пять американских проспекторов, разыскивающих золото в верховьях ближайшего ключа.

Вблизи фактории чукотских поселений нет. Мы их видели только при входе в залив.

13-е, среда. Наконец мы у края русских владений. С шести часов утра я наблюдал берег: небольшие горы с округленными вершинами, сплошь покрытые тундрой, спускаются к морю то полого, то обрывисто. Древесной и кустарниковой растительности

нет, а травянистый покров виден только местами. Общий колорит местности жёлто-красно-серый.

Массив мыса Дежнёва занимает около шестидесяти квадратных миль и отделён от материковых гор изменностью в десять миль ширины, до такой степени мало возвышающейся над уровнем моря, что ещё миль за пять от берега массив мыса представляется островом, восточные склоны которого обрывисты, а западные полого спускаются к воде. Интересно бы знать, что сам Дежнёв и другие долго после него называли «Большим Каменным Носом»? Только этот массив или весь Чукотский полуостров, гористый и сильно выдавшийся в море? Высшая точка массива не превышает две тысячи футов.

В девять часов утра бросили якорь в двух милях от берега, против фактории Северо-Восточного общества. Фактория состоит из четырёх деревянных домов американской постройки, соединённых между собой крытою галереей, без чего зимой из-за сильных снегов невозможно было бы сообщение между ними. Дома без фундамента, стоят на низменной тундре, шагах в трёхстах от берега. Все они значительно покривились и покосились. Перед ними — высокая мачта с русским флагом, на которой прибита доска с надписью «Астрон. п. 1907 г. А. Неелов». Влево от зданий — вешала для рыбы, а перед ними маленькая, животрепещущая пристань, к которой пристали и мы, съехав с парохода. Тут же несколько лодок и вытасенная на берег старая двухмачтовая шкуна. Заведует факторией старик-американец Джон Келли. Господин он очень грязный. Кажется, по примеру окружающих его чукчей, он не мылся со дня рождения. Келли живёт здесь уже двадцать лет, но у общества служит только со времени открытия здесь складов. Чем он занимался ранее — неизвестно. По словам Потапова, здесь он ведёт вполне трезвый образ жизни, но когда попадает в Номе — пропивается совершенно. Теперь он каким-то своеобразным, ему одному известным способом, в свободное время изучает русский язык. Я видел у него переплетённую тетрадь, в которой русские слова написаны печатными буквами и против каждого — его значение по-английски.

Вправо от фактории, на пригорке, поместилась чукотская деревня в шесть-семь юрт. Юрты — круглые, такого же устройства, как на северном берегу Анадырского лимана. Благодаря частому посещению американцами мыса Дежнёва и их любви к разным «knick-knacks», почти все здешние чукчи занимаются резьбой разных безделушек из моржовой кости. Делают зверей, птиц, цепоч-

ки, ножи и прочее. Для этого в юртах сделаны маленькие окошечки и под ними пристроены крошечные верстаки, на которых лежат небольшие кусочки кости самых разнообразных цветов: от светло-жёлтого до тёмно-коричневого, и пилки, долота, молоточки и другие инструменты. Некоторые вещи сделаны из цельного куска, другие — составные, третьи инкрустированы костью же другого цвета. Не подлежит сомнению, что все эти инструменты доставляются сюда американцами из Номе.

В одной из юрт я видел прибор для ловле диких уток. Он состоит из нескольких тоненьких прядей из оленьих кишок. На одном конце каждой пряди привязан свинцовый или костяной грузик, а другие концы связаны в узел. Получается нечто вроде плётки, рукоятку которой заменяет узел. Длина этой плётки не более аршина. Весной во время пролёта уток здесь так много, и оне летают так низко, что охотник, сделав несколько вращательных движений этим снарядом и затем, пустив его в стаю, непременно захватит одну или две штуки. Так же он поступает, подойдя к стае, сидящей на болоте, и результат получается тот же.

С пригорка от чукотских юрт открывается оригинальная панорама: внизу фактория и берег моря, серый у среза воды от покрывающей его гальки и ярко-зелёный ближе к постройкам. Далее лагуна, за ней и вправо от фактории большая жёлто-красная низина, а на горизонте ряд невысоких холмов такого же цвета. Море тёмно-синее. У берега легкий прибой, а лагуна совершенно покойна и отражает голубое море.

Милях в десяти-двенадцати от места стояния «Камора», на юго-восточных склонах мыса Дежнёва, расположено большое чукотское селение Кунтугулен, из которого к нам пришло несколько байдар. Они привезли на продажу шкуры белого медведя, нерпичьи, сивучьи, лахтаки, некоторое количество ремней, несколько кухлянок и торбазов и много ружей разных систем. В обмен они просили чай, сахар и олени шкуры (постели). Эта последняя просьба меня порядочно удивила, и за разъяснениями я обратился к Перкенсу, Потапову и другим. Они говорят, что, с одной стороны, систематическая скупка оленей американцами, а с другой — частые падежи оленей на Чукотском полуострове значительно уменьшили приплод и убой этого полезного животного, и теперь здесь чувствуется недостаток в постелях местного изделия.

Когда же мы спрашивали чукчей, что они хотят получить деньгами за тот или другой предмет, то, как и на мысе Чаплина, они называли баснословные цифры в американских долларах.

От принятия русских денег (бумажных) они категорически отказывались. При этом, по их жестам, видно было, что они совершенно не знают наших денег. Судя по тому, в каком виде были ружья, привезённые чукчами на продажу, можно смело сказать, что они не умеют с ними обращаться. Стволы проржавлены до раковины, у многих не хватает курков, мушек, прицелов и других частей. Это совсем не то, что у алеутов Командорских островов. Там ружьё — предмет особых забот хозяина, здесь — малоинтересная игрушка.

На северной стороне низины, соединяющей мыс Дежнёва с материком, расположено другое большое чукотское селение Уэлен (семьдесят юрт). От фактории до него по прямому направлению одиннадцать миль. Между названными главными селениями расположено несколько мелких становищ. Таким образом, мыс Дежнёв, по сравнению со всем Чукотским полуостровом, представляет густо населённую местность. В виду этого Калинников устраивает здесь склад казённых товаров и оставляет фельдшера и двух стражников. Помещение для людей есть в особом маленьком домике, надпись на котором гласит: «Пост Дежнёв», склад же надо ещё строить.

Фотографируя вблизи фактории виды местности, я заметил несколько рабочих, перетаскивавших шкуры белых медведей. Я поторопился в склады, думая, что это Потапов распорядился достать их, чтобы мне показать. Минут через десять я был в одном из сараев, где шла деятельная работа. Перкенс, Талантайер и Келли отбирали и увязывали товары для отправки в Номе, Потапов безмолвно наблюдал за работой. Когда я его спросил: могу ли посмотреть и выбрать шкуру белого медведя? — он беспомощно покачал головой, пожал плечами и сказал: «Вы видите, почти всё уже закупорено и отправляется на пароход, быть может, Перкенс согласится в Номе уступить вам что-нибудь по своей цене». Вечером на пароходе я узнал от Перкенса, что Потапов предупредил его о нашем уговоре в посту Ново-Мариинском.

Перед закатом солнца была сильная рефракция на востоке, и несколько минут мы видели мыс принца Валийского на американском берегу пролива, хотя до него по морской карте пятьдесят три мили.

14-е, четверг. С утра сильный туман, съехать на берег не пришлось, и я весь день провёл в полном бездействии. Туман до такой степени густ, что при отправлении кунгасов на берег давали рулевому шлюпочный компас, а затем всё время до их возвращения подавали частые свистки. В шесть часов вечера снялись с яко-

ря и пошли в Номе. Единственная цель этого рейса — послать телеграмму в управление Добровольного флота о благополучном плавании. От Дежнёва до Номе двести миль. По расписанию полагается не менее суток ходу и два дня стояния там. Если бы у нас на мысе Дежнёва был свой телеграф, то этот рейс был бы лишний, и положенное на него время можно было бы употребить с большею пользой для русского дела, удлинив рейс по северную сторону Чукотского полуострова.

Глава VI. В Номе

С утра 15-го августа — туман, настолько сильный, что берегов не видно.

В одиннадцать часов прошли остров Следж (Санний).

В час дня бросили якорь на рейде в Номе. Рейд — совершенно открытый, доступный всем ветрам. На рейде американский грузовик, два портовых паровых катера и несколько барж вроде тех, что были у Бринера во Владивостоке.

Через час к нам явился начальник таможни, он же местный губернатор, с доктором. Обревизовав пароходные документы, они приступили к осмотру пассажиров. Вся судовая команда и пассажиры третьего класса были выстроены в две шеренги на палубе. Каждого внимательно осматривали по наружности, а судовой фельдшер указывал, кто и чем был болен в дороге. Пассажиров первого класса пригласили в салон, и американский доктор, стоя в дверях, пропускал их мимо себя. По окончании всей этой процедуры, Перкенс познакомил меня с Гарфильдом (начальник таможни), и мы обменялись несколькими любезностями. Он, между прочим, предложил мне в один из дней пребывания в Номе ознакомиться со здешним фортом и его гарнизоном, на что я с удовольствием согласился. При этом на моё заявление, что у меня с собой статского платья нет, г. Гарфильд сказал, что этим я могу не стесняться, никто особого внимания на меня обращать не будет. После этого я, Потапов, Калинин, Рудаков, Беренс, Перкенс, Талантайер и несколько пассажиров третьего класса съехали на берег на том же газолиновом катере, на котором к нам приехали таможенные чины. Переезд не далее двух миль, и за него взимается два доллара. С пассажиров третьего класса взимается ещё эмиграционная пошлина в размере четырёх долларов с человека, на случай принудительного выселения его из Номе. При добровольном отъезде она возвращается.

Благодаря хорошей погоде и совершенно спокойному морю, мы пристали прямо к берегу против спасательной станции. Пристаней здесь нет. В дурную погоду пассажиров подвозят на спасательных ботах к особому пловучему крану и при помощи его и всяких платформ передают на берег. А грузы остаются на рейде в особых железных баржах с высокими крышками, в ожидании затишья. На берегу нас встретила куча народу. Были и старые, и малые, и люди средних лет, были в котелках и мягких фетровых шляпах с большими полями, в пиджаках и блузах, подростки были в коротких костюмчиках, длинных чёрных чулках и жокейских шапочках, но ни на ком не было ни одной блестящей пуговицы, ни галуна, ни особаго покроя форменнаго сюртука или куртки. Несколько женщин стояли на тротуаре у ближайших домов.

Поздоровавшись с публикой и познакомившись тут же с Дж. Розиним, мы направились в лучшую местную гостиницу — «Golden Gate» (Золотые ворота). А. А. Потапов хотел остановиться в каких-то дешёвых меблированных комнатах, в которых он жил раньше, но я не согласился. Ни извозчиков, ни носильщиков здесь нет, поэтому я предложил двум мальчикам нести мой несложный багаж, но они сделали презрительную мину и отказались, и выручил меня какой-то почтенный господин, говоривший немного по-русски (впоследствии оказался Федор Яковлевич Линдест, норвежец, много лет промышлявший рыбой на Мурмане).

До гостиницы мы шли недолго (она помещается на второй улице, в третьем квартале от спасательной станции) и вопреки предсказания Потапова, толпа зевак нас не сопровождала, а только немногие встречные останавливались и оглядывали нас, но это делается и во Владивостоке с иностранцами. В гостинице от нас не потребовали ни паспортов, ни каких-либо других удостоверений личности, а удовольствовались лишь нашими собственноручными подписями в домово́й книге.

Мне достался номер во втором этаже, с одним большим окном на улицу, площадью семь на пять аршинов и вышиной в три с половиной аршина. В номере: двуспальная кровать, умывальник, маленький комод с туалетным зеркалом, крошечный четырехугольный стол, стул, маленькая качалка и одна электрическая лампочка. Пол покрыт циновками, а стены оклеены самыми простыми обоями. Это помещение стоит в сутки два доллара. Сложив свои вещи, мы, Потапов, Рудаков и я, отправились в парикмахерскую и баню, что было для нас крайне необходимо и без чего мы не могли

показаться в люди. Провожатым у нас был А. А., как знающий Номе по прежним случаям пребывания здесь. Тем не менее, мы довольно долго искали телеграфную контору и нашли её только по указанно прохожих. Я отправил жене весточку всего в четыре слова, ценою же в восемнадцать рублей семьдесят копеек. Такая высокая плата объясняется тем, что отсюда до Сан-Михеля действует беспроволочный телеграф, далее до Сан-Франциско — воздушный, а оттуда к Азиатскому материку идёт кабель.

На «Front Street» (первая улица) мы видели первое должностное лицо Штатов в присвоенной ему форме. Это был, по словам А. А., единственный здешний полицейский. На нём была синяя суконная куртка с большими плоскими золотыми пуговицами, по пяти на каждом борте, такого же сукна длинные брюки и на голове синяя кэпка с цветною эмблемой над козырьком. Он вёл за руку плачущаго ребёнка, постоянно нагибаясь к нему и о чем-то говоря.

Парикмахерская, в которую мы зашли, была узенькая, длинная, очень невысокая и порядочно грязная комната с двумя зеркалами, двумя вертящимися креслами, небольшою вешалкой, умывальником, столом с иллюстрированными журналами и стеклянною дверью в соседний «бар». Под обоими креслами вороха волос. Очевидно, комната убирается только раз в день самим хозяином или его компаньоном. Ни швейцара, ни бойки, положенных по штату в наших парикмахерских, нет. Пока какой-то низенький толстяк возился около моей головы, я сидел против зеркала в кресле. Когда же он приступил к приведению в порядок моей бороды, он резким движением опустил задок кресла и тем заставил меня принять полулежачее положение. Затем он закрыл моё лицо полотенцем и приступил к работе. Мои попытки снять полотенце и взглянуть на его работу он пресекал очень решительно и, наконец, повернул меня спиной к зеркалу. Окончив работу, он снял с меня полотенце и, стоя у кресла, показал мне карточку с надписью «\$ 1». Я безмолвно уплатил требуемую монету, думая про себя, что при всей дороговизне жизни во Владивостоке я за ту же самую операцию платил восемьдесят копеек, и только во время войны платил один рубль, или по-здешнему пятьдесят центов, здесь же в мирное время приходится платить вдвое дороже. Что будет дальше?

Пройдя несколько кварталов, мы увидели на сравнительно большом, двухэтажном доме, стоящем на самом берегу моря, большую вывеску «Bath». В окнах нижняго этажа видны кисейные

занавески и цветы. Прямо с улицы мы вошли в небольшую комнату, уставленную мягкой мебелью, жардиньерками, столами с иллюстрированными журналами и увешанную картинами и массой клеток с канарейками. Из этой комнаты — дверь в столовую и лестница во второй этаж. Около лестницы — толстая портьера, скрывающая начало банного коридора. На мягком диване сидят чопорно одетые старик со старухой. Судя по тому, что они то вместе, то врознь выходят в столовую, можно думать, что это — хозяева заведения. У небольшой кассы стоит просто, но чисто одетая женщина, тоже изредка удаляющаяся в столовую. Общую гармонию комнаты нарушает джентльмен без сюртука с засученными рукавами рубашки, часто скрывающейся за портьерой. Бань в нашем смысле здесь нет, а ими называются ванны двух родов: обыкновенные и паровые, или «турецкия». Я взял обыкновенную тёплую ванну и уплатил за неё пятьдесят центов, Потапов же захотел испробовать турецкую, и это удовольствие обошлось ему в пять долларов. Был ли пар в его номере — я не знаю, но мыться самому ему не позволили: к нему явился какой-то джентльмен, который неистово массировал его при помощи скипидара и других снадобий и притом так неаккуратно, что попадал на нежные части кожи, отчего бедный А. А. прыгал и бегал по номеру, а затем, укутанный в толстые простыни, долго отдыхал.

Когда мы окончили необходимейших над собой манипуляций, было уже около восьми часов вечера, и мы пошли ужинать. Мы зашли в один из лучших ресторанов и заняли столик. В первом классе публики было немного, во втором же сидело два человека. В американских ресторанах первым классом называется общая комната с отдельными столиками или «cabinet particulier», где таковые имеются. Здесь подают по карте. Вторым классом называются неподвижные места у длинного стола, где за пятьдесят центов гость получает две большие чашки обедков первого класса и фантазировать не может. Как только мы заняли места, так девица не первой молодости, в чёрном платье и белом фартуке, поставила перед каждым из нас по стакану холодной воды и крошечному кусочку масла. Таков американский обычай. Сидеть в общей комнате было не интересно, и мы перешли в кабинет. Наша «Смирновка» до Номе ещё не дошла, и поневоле пришлось пить коньяк. Когда мы потребовали его, то девица принесла не три, как бы следовало, а четыре рюмки. Мы сначала не догадались, — для чего это? — но скоро поняли, так как она с удовольствием выпила рюмочку коньяку, а шампанское и ликер она преж-

де наливала себе, а потом нам. Таков, должно быть, обычай американской женской прислуги.

Ужин наш состоял из некотораго количества зелени: свежего огурца, помидоров, редиски, салата, трёх порций оленьяго бифштекса (порции громадные, как в старину подавали в московских трактирах), одной порции цыплят и мороженаго. За ним мы выпили по чашке кофе. Шампанское здесь скверное (Good american extra dry), от него в горле дерёт, как щётками. За всё это удовольствие с нас взяли двадцать долларов, а девица взяла «на чай», хотя в американских ресторанах это запрещено. Есть всесветные обычаи, которые, кажется, ничем не изведёшь. Обратный путь в гостиницу нам освещали электрические фонари и свет из множества «баров». Хотя на улице было ещё много публики, то выходящей, то входившей в эти «бары», и не видно было блюстителя порядка, никто нас не толкнул, никто по нашему адресу не сказал лишняго слова, никто не был в растерзанном виде, никто не проносил непотребных слов. Ясно было, что мы находимся в стране, граждане которой привыкли уважать порядок.

Общее впечатление от Номе — временное собрание питейных заведений, парикмахерских и фабрик или заводов. Как известно, американцы скоблятся очень часто, а ходят почти всегда «в полсвиста». Здесь каждая винная лавка в то же время «бар», каждая гостиница и ресторан имеют «бар», да ещё куча самостоятельных «баров». Американцы пьют во всякое время дня и ночи свои смешанные напитки и приглашают выпить знакомых. Отказаться нельзя, можно только заменить напиток сигарой. Каждый «drink» стоит двенадцать с половиной центов, или двадцать пять копеек. А так как такой монеты у американцев нет, то приходится давать двадцать центов и получать жетон, с которым в том же «баре» следующий раз можно сделать новый «drink».

Город Номе родился всего десять лет назад благодаря открытому здесь в 1889 г. золоту. Нахождением этого металла объясняется количество фабричных труб и вся жизнь города и окрестных местечек. Как только золото выработается (а оно, говорят, уже вырабатывается), так город перестанет существовать, и здесь останется жалкая эскимосская деревенька. Водопроводы, телефон, электрическое освещение, железная дорога будут перенесены в новый Клондайк или новое Номе.

Город расположен параллельно морскому берегу по обеим сторонам Змеиной реки — «Snake river». В нём три длинные улицы и десятка два коротких, причём первая две застроены очень плотно

и вымощены досками, как нижняя часть Тобольска, а третья застроена значительно реже, имеет много пустырей и не мощена. Через «Snake river» перекинута несколько мостов на козлах и висячих, и на каждом прибита особая доска с надписью о его стоимости. Чисто американская реклама.

Город — исключительно деревянный. Среди очень приличных по внешности трёх и двухэтажных домов есть до такой степени жидкие, что они разваливаются от первого хорошего ветра. Примером служат развалины на «Front Street», близ бани. Как говорят, здесь ещё недавно, до июльского шторма, было несколько магазинов, контор и складов товара, а теперь — кучи мусора, обломки досок и куски железа и торчащая из земли сваи, накрытая тремя сильно покосившимися стенами и едва держащейся на них крышей. Все, даже самые большие, дома в Номе выстроены на сваях. Так строится и теперь большой деревянный дом для судебных учреждений. На окраинах города встречаются землянки, палатки, крошечные домики, величиной с наши товарные вагоны. Эти последние стоят на брёвнах и на зиму перетаскиваются в горы, к местам разведок новых золотоносных площадей. На первой улице почти все дома — трёх и двухэтажные. Это — главная торговая часть города. На второй и третьей улицах тоже встречаются двухэтажные дома и торговые конторы, но там же церкви, школы и больницы и маленькие особняки. Эти «cottages» приятно ласкают глаз своим чистеньким внешним видом и в особенности массой цветов в окнах и в клумбах перед входными дверями. На «Front Street», кроме банков и контор, магазины, рестораны, фотографии, ювелирные мастерские, масса парикмахерских и «баров», есть и театр-иллюзион. Я не видел только модных мастерских и книжных магазинов. Все магазины здесь по характеру торговли — наши «Мюр и Мерелизы» или «Кунст и Альберсы», даже фотографии — в то же время магазины фотографических и канцелярских принадлежностей, эстампов, открыток, альбомов, и прочего, а магазин фирмы «Кодак» торгует, кроме того, и сигарами. Только фруктовые, зелёные и мясные лавки не содержат товара сверх своей специальности. Зато в них и чище, чем в других, и выбор товара больше. Громадные розовые туши мяса с толстыми прослойками янтарного жира заполняют внутренность таких лавок, а громадные гуси, утки, пулярки и разная дичь висят в стеклянных витринах или лежат, завернутые в белую бумагу, среди гор самой разнообразной зелени. Здесь же на особых мраморных досках лежат уже приготовленные отбивные котлеты

и разделённое на части мясо. Толстый хозяин в белом фартуке и клеенчатых манжетах расхаживает среди своего добра и разговаривает с посетителями. Все жизненные продукты здесь получают пароходами из Сеатла в замороженном виде. Как только товар поступает в лавку, так перед ней выставляется большая чёрная доска с надписью, гласящей о характере полученного товара и цене его.

От Сеатла до Номе неделя хода парохода, поэтому Калифорния имеет возможность посылать сюда более спелые фрукты, чем во Владивосток, куда от Сан-Франциско через Японию товар идёт около месяца. Поэтому я ни разу во Владивостоке не ел таких хороших груш, слив, арбузов, как здесь. Здешние ювелирные магазины обставлены очень хорошо, а мастерские их вырабатывают очень интересные вещицы из местного золота и моржовой кости.

В зависимости от продолжительности пребывания в земле, кость приобретает различные оттенки — от бледно-желтого до темно-коричневого и даже синяго — и в разрезе даёт самые причудливые фигуры. Я купил брошь, три пуговицы и запонки почти синяго цвета, два салфеточных кольца, две передвижки к цепочке — жёлтые со светло-коричневыми жилками и брелок темно-коричневый. Оправа на брошке, пуговицах, запонках и передвижках и монограммы на кольцах сделаны из спаянных кусочков золота, в виде гирлянд цветов. За всё это я заплатил сорок девять долларов, или девяносто восемь рублей.

Подобные вещи имеют громадный сбыт в Соединенных Штатах Северной Америки. Кроме их, из кости делают и многое другое: ручки к зонтикам, палкам, пробочникам, зверьков и птиц, и целые группы людей и животных. Изделиями последнего рода занимаются, кроме ювелиров, и местные эскимосы. В Номе ведётся большая торговля пушиной. Несколько виденных мной магазинов сплошь увешены шкурами белого медведя — сырыми и выделанными, а к особым вешалкам под потолком прикреплены пачки шкур разных лисиц, песцов, росомах, куниц, американского соболя (*Mustela americana*), горностаев и других. Перкенс встречал меня в городе несколько раз, но не напоминал о нашем разговоре после осмотра дежнёвских складов; поэтому, бывши в здешних складах N. W. Freding Co., я не заговаривал ни с ним, ни с Розиным о шкурах белого медведя, а приценился к ним в меховых магазинах. За большую, пушистую, отделанную шкуру с меня просили шестьдесят долларов. Это значительно дешевле того, что хотели с меня за сырую шкуру в Ново-Мариинске и на мысах

Чаплина и Дежнёва. Между тем масса продающихся шкур здесь привезена оттуда. Эта кажущаяся аномалия объясняется меновым характером торговли и непониманием нашими инородцами ценности денег.

При прогулках по городу и окрестностям невольно обращаешь внимание на крупных, сильных, красивых лошадей и своеобразные телеги и платформы, на которых возится груз. Лошади очень напоминают наших воронежских битюгов. Запряжка — дышла-вая, шоры, хомуты без шлей. Телеги и платформы значительно ниже, шире и длиннее наших. Колеса у них сравнительно маленькие, а ободья — плоские, шириной не менее пяти дюймов, что даёт им возможность двигаться по тундре. На лошадях перевозят только большие грузы на маленькие расстояния. На улицах города очень мало ездовых собак, те же, которых приходилось видеть, крупнее и красивее анадырских. Говорят, аляскинские собаки слабее анадырских. Поэтому американцы покупают собак на Чукотском полуострове и скрещивают их со своими, а для выработки в них резвости и выносливости каждую зиму устраивают бега и притом держат большие пари. На дальние расстояния ездят только на собаках и изредка на оленях. Зимнюю почту здесь возят исключительно на собаках. Она приходит сюда каждые две недели. Летом почта приходит на пароходах из Сeatла каждые четыре дня.

Поиски золота в Номе ведутся в несколько линий параллельно берегу. Первая линия, на которой работают наибеднейшие жители, расположена по линии прибоа. Здесь на примитивных лотках, покрытых кусками старого сукна, намывается в сутки от трёх до восьми долларов на каждом. Наилучший из лотков плотно вставлен в береговой песок и около него вырыта ямка, вода из которой подаётся на вашгерд (промывочное устройство в виде наклонного стола. — *Ред.*) крошечною газолиновою помпочкой. Прочие же старатели подают воду решетом или керосиновою банкой с протыканными в ней дырками. Как только волна смывает песок, так рабочий лопатой бросает его на лоток и поливает водой. По мере стекания грязи с лотка рабочие собирают золотыя блестки в баночку со ртутью и в тот же вечер или на другое утро продают их в местные банки. Работа этих старателей не подлежит оплате в казну.

Во второй линии, верстах в трёх за городом, работы ведутся на поверхности земли, непосредственно под тундряным слоем. Тотчас по снятии его обнажается золотоносный слой, который и вы-

бирается такими же несложными способами, как и в первой линии. В третьей линии работы идут уже колодцами, и там для них требуется и больше рук, и больше машин. Там уже имеются ручные или паровые элеваторы для подъёма или спуска рабочих и выработанной земли и декавильки для подвоза ея к более солидным по конструкции вашгердам, и вода непрерывно подаётся из общего водопровода. Там дневная добыча оценивается уже в несколько десятков рублей, а при удаче и сотен.

Начиная с четвёртой линии, все работы ведутся уже шахтами и галлереями, и там первоначальное оборудование каждого прииска стоит не менее десяти тысяч долларов, а ежедневная добыча золота доходит до нескольких сотен рублей. Одно из таких предприятий принадлежит французскому консулу Шнейдеру и американцу Демингу. Прииск их в полчаса езды по железной дороге от города. Дорога эта устроена самым примитивным способом: ни в городе, ни у мест остановок поезда нет не только вокзалов, но и каких-либо будок или платформ, полотна в нашем смысле тоже нет, а шпалы уложены по кочкам тундры, которые только кое-где срезаны а кое-где подсыпаны. Путь не балластирован. Поэтому в поезде трясёт неимоверно, и разговаривать почти невозможно. Чтобы линию не заливало сильно водой, вдоль нея проведена неглубокая канава.

Поезд состоит из маленького локомотива, товарного вагона, платформы для рабочих и крытого вагона, вроде нашего третьего класса, но короче и ниже его. Поезд останавливается у каждого переезда через линию приисков на столько времени, сколько нужно для выгрузки и нагрузки товара, для высадки и посадки пассажиров и для отнеса почты в особый деревянный открытый ящик, укрепленный на столбе. Всё видимое пространство по обеим сторонам железнодорожной линии усеяно палатками и небольшими домиками с высокими железными трубами. Все оне дымят или парят, и отовсюду несётся своеобразный шум и свист машин в работе. Впереди нас на горизонте возвышается ряд холмов, покрытых тундрой того же красновато-сероватого цвета, как и береговая низменность. На холмах видны те же постройки. В направлении железнодорожной линии холмы эти прорезываются долиной, в которой течёт «Snake river» с ея притоками.

По рассказам моих спутников, железная дорога идёт по склонам гор вёрст на сто и кончается в маленьких ущельях, где расположены самые богатые прииски. На одном из таковых недавно было добыто золота на сто пятьдесят тысяч долларов в один день.

От места остановки нам пришлось пройти шагов пятьсот до первых строений. Это и есть прииск Шнейдера и Деминга. Он состоит из длинного барака-столовой и кухни служащих, полудеревянного, полупарусинового домика-квартиры ресторатора и его жены, барака для локомобиля, ящика для свалки породы, отходящего от него лотка шириной в пол-аршина с чугунными плитками на дне, элеватора и самой шахты. Особой кладовой нет, а все продукты и посуда размещены вдоль стен в двух комнатах барака, в особых ящиках и на полках. В кухне — большой камбуз. В столовой — большой стол, покрытый белой клеёнкой и уставленный эмальированными тарелками и кружками, банками с уксусом, соей, перцем, горчицей. Вокруг стола — простые скамьи.

Когда мы (я и Рудаков) зашли в барак, было около девять часов утра. Хозяйева тотчас пригласили нас попробовать завтрак, который незадолго перед нами получили рабочие. Прежде всего нам дали по полному блюдцу свежей черники с сахаром, затем по громадному бифштексу из оленины и яичницу с ветчиной. После этого подали по большой кружке кофе с консервированным молоком и к нему блины с маслом, свежий белый хлеб и английския печенья. Кроме г. Деминга, никто из нас всего завтрака одолеть не мог. По словам хозяев, за обедом рабочие получают больше кушаний и непременно два мясных блюда. Содержание рабочего обходится в один доллар в день, каковой и вычитается из его заработной платы — пять долларов в день.

На тех приисках, где много рабочих-иностранцев, не понимающих по-английски, держат переводчика, и тогда на него вычитывают ещё по несколько центов с человека. Квартир для рабочих ни на одном прииске нет, и ночь они могут проводить где угодно. Поэтому в городе ночью ни один «бар» не закрывается. Окончив завтрак, мы пошли к шахте и прежде всего осмотрели ящик для сыпки пород и лоток. Ящик этот, объёмом сто двадцать тачек декавильки, установлен на столбах вышиной не менее двух сажен и имеет воронкообразное дно, отверстие которого закрыто крышкой. Между верхом ящика и элеватором — небольшая платформа, на которой один из рабочих принимает тачки с породой, опрокидывает их в ящик и затем посылает назад пустыми. На некоторых других приисках вся эта работа делается автоматически: тачки, поднявшись из шахты, движутся наклонно вверх по особому приводу, дойдя до зацепа, переворачиваются, а опорожнившись, катятся назад в шахту. От устья воронки начинается лоток длиной десять саженей, шириной в пол-аршина, с боками выши-

ной вершков пять-шесть. Дно лотка устлано чугунными плитками с прорезями.

Накануне посещения нами прииска была промывка породы (она производится через каждые три дня), и далеко не вся промытая земля была выгреблена из лотка. Поэтому, когда г. Деминг поднял несколько чугунных плиток и слегка расковырял грязь, мы увидели массу золотых блёсток. Тут я воочию познал место, где золото гребут лопатами. Перед спуском в шахту мы сняли верхние костюмы и надели рабочие блузы — предосторожность эта оказалась совсем не лишней. Колодезь, в который мы спускались, настолько узок, что, стоя на маленькой платформочке, мы должны были плотно прижаться друг к другу. Колодезь глубиной шестьдесят футов. От дна его расходятся в разные стороны четыре галлерей. Первые пятнадцать-двадцать саженей каждой галлерей — выше роста человека, шириной около сажени и обставлены деревянными креплениями. Здесь разводятся тачки декавильки, складывается рабочий инструмент и собраны шланги, проводящие пар к мёрзлому грунту.

Здесь каждый из нас взял в руки по стеариновой зажжённой свече, и мы двинулись по одной из галлерей, предводимые то одним из хозяев, то молодым Демингом, братом хозяина, непосредственно заведующим работами. Сначала мы шли свободно, по два в ряд, только изредка обходя лужицы или давая дорогу гружёным и пустым тачкам. Но скоро галлерей стала уже, свод ниже, и рельсы декавильки почти покрылись водой. Чтобы не биться головой о свод, а плечами о стенки, пришлось идти, несколько согнувшись и гуськом, а при встрече с тачками прижиматься к земле. Через несколько десятков саженей и такое движение оказалось невозможным и пришлось совершенно согнуться, а для пропуска тачек выискивать углубления, в которые и втискивать себя возможно крепче. При этом окружающая земля осыпалась, а костюм мок от просачивавшейся кругом воды. В этих местах хозяева несколько раз обращали моё внимание на золотоносный слой. Он тянется вдоль дна галлерей и своим красновато-бурым цветом значительно отличается от остальных серо-жёлтых тонов. Толщина слоя не более одного фута. Блёсток золота, которых я видел на вашгерде, здесь не было.

Пройдя саженей сто от колодца, я почувствовал боль в пояснице от непривычного положения тела и недостаток воздуха. Поэтому должен был всё чаще и чаще садиться отдыхать. Когда мы были уже близко от рудокопов и могли различать их силуэты,

а рабочие, толкавшие тачки, вытягивались за ними параллельно рельсам, я стал задыхаться. Хозяева уверяли, что нам осталось десять-пятнадцать шагов до самого места работ, но я отказался идти далее, и мы повернули назад. По всей длине галереи нет ни одного вентилятора.

Выйдя на поверхность земли, я часа два не мог дышать полной грудью. По словам хозяев, у них всего десять рабочих, из коих машинист, кочегар и отвальщик работают наверху, остальные — в шахте. Работа ведётся только днём. Галереи устраиваются постепенно: вырабатывается одна, закладывают другую. Теперешняя, четвёртая, галерея даёт сорок тачек в день, а в каждой тачке чистаго золота на три доллара. Пятую галерею вести не предполагают, а когда несколько уменьшится количество золота, шахту совсем бросят и будут закладывать новую на теперешнем участке или искать другую площадь.

Окончив осмотр прииска, мы отправились к линии железной дороги, но, не видя поезда, не захотели его ждать неопределённое время и пошли пешком по шпалам. Под городом мы свернули в сторону и, пройдя саженей сто по тундре, подошли к зданию помп, подающих воду из «Snake river» в водопровод. Здание небольшое, деревянное. Помпы, конечно, паровые. Ничего особенно интереснаго это сооружение не представляет.

Войдя в город по одному из деревянных мостов, надпись на котором указывает его стоимость, мы должны были разойтись по разным улицам, но г. Деминг захотел непременно, чтобы мы зашли к нему. Дом его находится на углу «Front Street» и одного из переулков. Во втором этаже находится контора, обставленная очень комфортабельно и содержащаяся поразительно чисто. Здесь г. Деминг предложил нам маленький «drink», а затем поднёс мне на память небольшой самородок из числа двух, добытых накануне. В этот же день г. Шнейдер устроил у себя обед, на который, кроме меня и Калининкова, пригласил несколько представителей местного торговаго и промышленнаго мира. В числе их был г. Линдстрем с женой, первый открывший золото в Аляске.

Ему не более сорока лет, но он уже считается богачом, так как кроме нескольких лучших участков золотоносной земли ему принадлежать здесь водопровод и электрическое освещение. Он же директор одного из банков. В то же время он не горный инженер, а только большой практик по горной части и очень энергичный человек. После постановки здесь приисковаго дела он объехал все наиболее известные прииски в мире для ознакомления с де-

лом. За обедом г. Розин, директор Северо-Восточного Сибирского и Северо-Западного Американского обществ, сказал политическую речь на тему о группировке народов мира.

По его мнению, существуют три группы: первая — Германия и латинская раса, вторая — Россия и третья — Америка. О деятельности первой группы он умолчал. Об Америке сказал, что она понемногу распространяется на запад, а о России, что она «в десять раз больше Америки» распространяется на восток. Поэтому в непродолжительном времени должно произойти столкновение этих двух групп на берегах Великого океана. Речь эта была произнесена с целью втянуть меня в разговор на политические темы, но я уклонился и заявил, что, по моему мнению, всякие финансово-политические комбинации мыслимы только при участии женщины, а потому, пользуясь присутствием г-жи Линдстрем, предложил поднять бокал за женщин вообще и за нашу даму в частности.

Тост был принят единодушно и весело. По окончании обеда в небольшой гостиной консула пили кофе, ликёры, курили и танцевали под звуки граммофона. Около четырёх часов дня был положен конец нашему веселью отъездом супругов Линдстрем. После этого консул и Розин пошли проводить меня домой и зашли ко мне посмотреть мои этюды. Розину больше всего понравился этюд Ново-Мариинского поста. Он долго недоумевал, как можно жить в таком неприветливом месте. Здесь же г. Шнейдер предложил мне на следующий день поехать в форт. Я поблагодарил и сказал, что поездка эта уже подготовлена г. Гарфильдом. Через полчаса мы разошлись, совершенно довольные друг другом и проведённым днём.

На следующий день, тотчас после полудня, около управления губернатора стоял крытый четырёхколесный экипаж, запряжённый двумя парами мулов. В него поместились: Гарфильд, Фальк-мус, Липинский и я — и поехали в форт. Липинский, австрийский подданный, не то поляк, не то еврей, довольно хорошо говорящий по-русски, был взят в качестве переводчика. По его словам, в прошлом году он имел во Владивостоке контору по продаже автомобилей, а в нынешнем году завёл там газолиновые лодки. Оба дела очень хорошия, но там не привились, и он потерпел на них убытки.

Дорога к форту идёт по берегу моря, составляя продолжение «Front Street» города. Вблизи форта она переходит по большому деревянному мосту через речку Номе. На правом берегу реки стоят развалины какого-то «бара», в котором ещё недавно проводили время чины гарнизона, о чём свидетельствуют кучи пустых бутылок разного фасона и масса порожних жестянок из-под консервов.

От города до форта считается три мили. Собственно «форта» в фортификационном смысле нет. Им называется ряд одно и двухэтажных деревянных домов, поставленных по сторонам четырёхугольника, с обширным плацем между ними и мачтой беспроволочного телеграфа по середине. У одного из ближайших к дороге домов ходит часовой, который при нашем проезде отдал честь.

Через два-три дома экипаж остановился, и нас встретил мужчина средних лет, невысокого роста, как все американцы, начисто обритый, одетый в полное хаки. Он рекомендовался командиром одной из двух расположенных здесь рот 22-го Калифорнского полка и командиром форта. С ним мы прошли в небольшой двухэтажный дом, где он представил нам всех гг. офицеров. Все, как и он, были бриты и одеты в полное хаки, и ни на одном не было ни одной цветной ленточки. После ряда взаимных приветствий и маленького «drink», мы пошли осматривать помещения нижних чинов, лазарет и интендантские склады.

Две двухэтажные деревянные казармы чисты, светлы, просторны. В нижнем этаже каждой из них помещаются ротные канцелярии, комнаты фельдфебеля и писаря, кухни, столовые, солдатские лавочки и клубы. Канцелярии обставлены с тем комфортом, с каким обставляются все американские «offices»: бюро, кресло-качалка, сборные книжные шкафы.

В каждой кухне — большие комнатные ледники с массой провизии: красивые ростбифы, битая птица, окорока, зелень, большие столы с приготовленными уже к обеду круглыми яблочными пирогами, величиной в тарелку, а в громадных камбузах и на них — противни с разными жаркими, большие кастрюли с супом и кофейники с готовым кофе.

В одной из кухонь нам предложили попробовать готовую часть будущего обеда нижних чинов. Ростбиф, яблочный пирог и кофе с консервированным молоком были очень хороши. Вторым жарким данного дня были гуси, но они ещё не были готовы. Завтрак американского солдата состоит из жаркого, пирога и кофе, а обед — из супа, двух жарких, пирога и кофе. Утром — чай или кофе с хлебом, маслом, холодным ростбифом, ветчиной или яичницей.

На содержание солдата отпускается по пятьдесят центов в день на человека. Разница в окладах нашего солдата и американского объясняется, с одной стороны, национальными привычками, с другой — способами комплектования (там, где служат по вольному найму, надо чем-нибудь заманивать) и размерами армий. Если Америка когда-нибудь доведёт свою армию до размеров нашей, то,

несмотря на всё своё богатство, должна будет уменьшить рационы нижних чинов.

Рядом с кухней — комната повара и его помощника, и тут же склады кухонной и столовой посуды. В каждой столовой несколько длинных столов, покрытых белой клеенкой и уставленных приборами эмалированной посуды, такими же кружками и кувшинами и банками с горчицей, перцем, солью, уксусом, соей и пикулями. За столом нижним чином прислуживают особые вольнонаёмные люди, которые в другое время исполняют чёрную работу на кухне. Правую половину нижнего этажа каждой казармы занимает солдатский клуб, один угол которого составляет солдатская лавочка. В этих лавочках, как и в наших, продаётся всё необходимое в солдатском обиходе, за исключением спиртных напитков.

Главное место в каждом клубе занимает бильярд и большой стол с иллюстрированными журналами и газетами, а вдоль стен расположены библиотечные шкафы, письменные бюро с принадлежностями, стойки и щиты с фехтовальными принадлежностями, большое зеркало со столиком, высоким креслом и всеми принадлежностями парикмахерской. При нашем входе в каждом клубе несколько человек играло на бильярде. Они тотчас опустили кии, стали смирно и не продолжали игры всё время, пока мы осматривали помещение.

Верхние этажи обоих зданий составляют, если можно так выразиться, дортуары нижних чинов. Их по два в каждой казарме. Как только мы переступали порог помещения, так раздавалась команда фельдфебеля, отворявшего нам двери, и все наличные люди становились по койкам, вытягивались и «пожирали глазами» начальство. В каждом дортуаре очень светло и чисто, но тепло ли, это — вопрос, так как для обогрева помещения на пятьдесят-шестьдесят человек имеется по две небольшие или по одной большой чугунной печи. У каждого солдата хорошая железная кровать с проволочную сеткой, матрасом, двумя простынями, двумя подушками и одеялом, заделанным так, как это принято в наших кадетских корпусах, то есть одеяло загнуто под матрас, и верхняя простыня узкою полосой выглядывает из-под одеяла у подушек. Около каждой кровати столик, а вдоль стен — полки с мундирными и аммуничными вещами, уложенными в большом порядке.

Мундирные вещи всех сроков, как летняя, так и зимняя, на руках нижних чинов. По словам гг. офицеров, нижние чины очень берегут казённое платье и обувь, так как за не выбранные в течение года вещи получают по расчёту деньгами. На домашние и вольные

работы они, поэтому, выходят обыкновенно в дешёвом собственном платье и собственной обуви. По углам комнат стоят пирамиды с ружьями, здесь же сложены походные палатки и развешена не поместившаяся на полках часть амуниции. В одной из рот, для удобства нижних чинов, среди их помещений находились столы с книгами, журналами и письменными принадлежностями, сверх находящихся в клубе.

В роте старшаго капитана все представленные нам нижние чины, видимо, в возрасте от двадцати пяти до тридцати пяти, в другой же роте мы не могли не обратить внимания на контраст между двадцатилетним юношей и седовласым старцем лет шестидесяти. Этот последний, по словам гг. офицеров, уже около сорока лет служит в армии простым рядовым.

Такая крупная разница в возрасте нижних чинов происходит от того, что, как известно, в Америке нет воинской повинности, а существует система вербовки. Каждый рядовой Номскаго гарнизона получает по тридцать долларов в месяц и прибавку в двадцать пять процентов через каждые два года службы. Сохраняется ли эта прибавка по возвращении в метрополию — мне не удалось узнать. Роты же местного гарнизона меняются через каждые три года. Никаких строевых занятий на форте не производится, и нижние чины только дежурят по своим частям, содержат домашний караул у разных складов, переносят и перевозят вещи из одного склада в другой, с пароходов и на пароходы, и несут ординарческую службу при своих начальниках.

Люди, не занятые службой, проводят время, глядя по склонностям, до копания золота в полосе морского прибоя включительно, то есть в той полосе, где добыча его не облагается никакими пошлинами. Призыв войск для содействия гражданскому началству был довольно часто только первое время существования Номе, теперь же, с упорядочением жизни в нём и округе, становится всё реже и реже.

Третья двухэтажная казарма занята лазаретом. Он совершенно не имеет вида временнаго учреждения, а по своей обстановке напоминает наши «местные лазареты». В нём большая, светлая, операционная комната с несколькими шкафами, наполненными хирургическими инструментами, лаборатория с массой банок, склянок, колб и реторт на столах и шкафах, несколько кладовых с бельём, запасными кроватями, ваннами на колёсах и другими госпитальными вещами. Палаты небольшие, но светлые и чистые, имеются и отдельные комнаты для труднобольных или зараз-

ных, особая лазаретная кухня, квартира доктора, комната фельдшера находятся в этом же здании.

Два одноэтажных здания, из коих одно с громадным подвальным помещением, заняты складами всевозможных вещей. Здесь и предметы обмундирования, снаряжения и вооружения, и продовольственные продукты, среди которых особенно много фруктов консервов, и строительные инструменты и материалы — доски, гвозди, краски, замки, крючки и прочее. Все эти предметы или отпускаются в потребность частей гарнизона, или продаются гг. офицерам. Такие же склады я видел у французов в походе 1900—1901 гг. в Тянь-цзине. Таким образом, эти склады совмещают в себе не только наши интендантские, артиллерийские и инженерные склады, но и офицерское потребительное общество, и заведует ими один офицер с несколькими нижними чинами.

У офицера этого в одном из зданий особый «office», состоящий из двух маленьких комнат, обставленных с американскою простотой и комфортом. Судя по числу книжных шкафов, переполненных полками с бумагами, переписка здесь довольно большая.

Кроме названных зданий, на форте имеются три двухэтажные домика для гг. офицеров и несколько маленьких — баня, хлебопекарня и прочие, среди которых один, ближайший к выезду на форт, — караульное помещение. Квартиры гг. офицеров обставлены на казённый счёт. Судя по квартире старшего капитана, обстановка самая простая. У него в приёмной диван, несколько кресел и стульев и круглый стол, плетёные из соломы, а в столовой, соединённой с гостиной аркой, — простой круглый стол и два очень простенькие буфета, из коих один открытый. По словам гг. офицеров, правительство заботится только о солдатах, так как их очень трудно получать; офицеров же можно иметь всегда, и поэтому они предоставлены самим себе. Поэтому же для них нет на форте особаго нейтральнаго помещения, где они могли бы совместно проводить время, хотя бы в длинные зимние вечера, когда жизнь в городе замирает и когда из-за громадных снежных сугробов и частых вьюг добраться до него бывает очень трудно.

По окончании обхода всех помещений форта мы провели около получаса в квартире старшего капитана, куда собрались и прочие офицеры. Беседа велась, главным образом, об организации американской и русской армии, но кроме этого, гг. офицеры уделили много внимания моему Владимирскому кресту и значкам: академическому, константиновскому и корпусному. Я должен был подробно рассказать им значение и условия получения каждого

из них. При этом гг. офицеры неоднократно выражали соболезнование, что Америка не имеет своих орденов, и правительство запрещает даже принимать иностранные.

Во время нашей беседы на круглом столе стоял большой поднос с разными крепкими напитками, которые время от времени мы пробовали. Беседа окончилась двумя тостами: за Царя и доблестную русскую армию и Президента Республики, американский народ и его армию. Все гг. офицеры провожали нас до последнего здания форта, где караул из восьми рядовых при унтер-офицере отдал нам честь, и мы разстались, по-видимому, довольные друг другом. На обратном пути у первых городских лачуг мы вышли из экипажа и осматривали добычу золота в линии морского прибора, о которой я говорил выше.

На следующий день все гг. офицеры были у меня с визитом, передали мне свои визитные карточки и, конечно, по американскому обычаю, сделали у меня маленький «drink».

Во время моих прогулок по городу несколько кавказских уроженцев неоднократно обращались ко мне, Рудакову, Потапову и другим с просьбой поменять им американские доллары на русские рубли. Просьбу свою они мотивировали предстоящим возвращением на родину через Сибирь, где деньги эти не в ходу. Мы просьбы их, конечно, исполнить не могли, так как ни у кого из нас не было в запасе нужных тысяч, и успокоили их заявлением, что на пароходе от них примут доллары, а во Владивостоке есть банки, в которых они и произведут желаемую операцию.

Многих из этих господ мы расспрашивали о причине возвращения на родину, и почти все говорили нам одно и то же: жить здесь хорошо и можно хорошо заработать, но работать очень трудно. Надо очень аккуратно являться на работу и работать, что называется, не покладая рук. За малейшее опоздание, как и за каждое, даже вынужденное, оставление кирки или лопаты — штраф. Даже кишечник надо приучить так, чтобы он от завтрака до отдыха и от отдыха до ужина не смел заявлять своих требований. Зато сверх восьми часов (четыре до обеда и четыре после него) никто не заставит работать ни одной минуты.

Однажды, когда я был в ювелирном магазине, туда вошёл пьяный субъект средних лет и, став у притолки, не спускал с меня глаз. При этом лицо его выражало особое удовольствие и ласку. Я не удержался и спросил: «Что, брат, должно быть давно не видел русского генерала»? Он ещё более просиял и на ломаном русском языке сказал, что он латыш из Риги, уже двадцать лет жи-

вёт в Америке, и со дня отъезда с родины не видел русского офицера. Постояв ещё немного, он вышел, затем стал следить за мной. Когда я обедал в ресторане, он вошёл туда же и сел за соседний столик против меня. Хозяин попросил его пересесть в дальний угол, что он безпрекословно исполнил, продолжая оттуда глядеть на меня. Через несколько минут он встал и пошатываясь пошёл к выходу, при этом весело глядел на меня и декламировал: «Что ты спишь, мужичок, ведь весна на дворе, ведь соседи твои работают давно»...

Несколько взволнованный хозяин подошёл ко мне с вопросом: «Не обезпокоил ли меня этот господин?» — на что я, конечно, ответил ему отрицательно.

Во время этих прогулок мне неоднократно приходилось встречать женщин, сравнительно скромно одетых, которые, толкая друг друга и глядя на меня, говорили по-русски с сильным еврейским акцентом: «Русский генерал». На другой день пребывания моего в Номе, утром, явился ко мне некий иерусалимский гражданин, отрекомендовался братом владивостокского врача N и предложил свои услуги по покупке разных предметов и по указанию мне достопримечательностей города. Я отклонил все его предложения, но от него не избавился. Он ежедневно, а иногда и по нескольку раз в день являлся ко мне, то с просьбой разменять кавказцам деньги, то устроить им бесплатный проезд, то с теми или другими справками о Владивостоке. Последний раз он пришёл ко мне с просьбой ссудить ему сто рублей для водворения в Номе г-жи Д. При этом он заявил, что «при ея и его крепких руках» и общем их здоровье они скоро заработают эту сумму и возвратят её мне. Я, конечно, его прогнал.

Выше я сказал, что девица, подававшая мне и моим товарищам первый ужин в Номе, ставила всегда на стол лишнюю рюмку, а по окончании ужина взяла «на чай», хотя это здесь запрещено. То же было и в гостинице, в которой я жил, и в тех ресторанах, где мы обедали или ужинали в последние дни. Если же нам подавали мужчины, то они лишних рюмок не ставили, но «на чай» брали одинаково с девицами. Номская прислуга принимает пищу в одно время с гостями и в одном с ними помещении, причём женщины обслуживают мужчинам и наоборот...

В Номе, как и во всей Аляске, безусловно запрещена продажа спирта эскимосам, но любовь их к этому напитку не меньше, чем у наших северных инородцев. Люди, хорошо знающие американские нравы, уверяли меня, что ни один американец не продаст

эскимосу бутылки виски не из боязни штрафа в двести долларов или соответствующей высидки, а из сознания вредоносности этого напитка для жителей Севера. Тем не менее, спирт имеется у них и, как говорят, получается от чукчей с островов Диомид. Среди виденных мной в Номе эскимосов не заметно той массы глазных болезней, которыми поголовно страдают инородцы нашего Севера, притом же внешний вид их гораздо здоровее, опрятнее, крепче, чем у наших чукчей и коряков.

Морской растительности у берегов Аляски, по-видимому, нет. По крайней мере, отбросов ея не видно с берегу вдоль линии морского прибора.

В дни пребывания нашего в Номе наибольшая температура воздуха была +18,5°, наименьшая — +11° Ц. Только второй и третий день нашего пребывания (16-е и 17-е) были ясные дни, остальное же время небо было в тучах. По временам шёл мелкий дождь, на горах часто лежал туман. По соображениям капитана и ревизора, «Камор» должен был уйти в четыре часа дня 18-го числа. Поэтому, пообедав возможно раньше, я, Потапов, Калинин и другие к двум часам собрались у спасательной станции. Проводить нас пришли Шнейдер, Розин, Линдест. Еврей, о котором я говорил выше, не захотел отстать от других, тоже явился сюда и упросил меня разрешить ему перевезти мой багаж на пароход. Чтобы отвязаться от назойливости этого господина, пришлось согласиться, несмотря на предупреждения о его неблагонадёжности. Море порядочно бурлило, и спасательный катер долго не возвращался от парохода, куда он повёз первую партию пассажиров. Чтобы не стоят без толку на открытом месте, мы отправились в ближайший «бар», где и засели в отдельном кабинете. Пришлось перепробовать все употребляющиеся в Америке смешанные напитки. Когда же дело дошло до повторений, я стал брать сигарами. Значительно размякший, Линдест уверял, что время, проведённое им в Архангельске и на Мурмане, оставило в нём самые приятные воспоминания, и поэтому он русских очень любит и думает ещё в нынешнем году вступить с ними в ближайшие сношения. Он ожидает только прибытия из Сеатла шкуны, которую думает нагрузить мукой, солью, железом, стеклом и другими товарами и отправить на зимовку в Нижнеколымск. Я, конечно, пожелал успеха, так как благодаря тому, что «Тунгуз» и «Цинтао» не могли нынешним летом зайти в Олу, откуда лежит гужевой тракт на Нижне-Колымск, в округе его зимой может быть недостаток в товарах.

Тут же Линдест говорил, что в Америке любят русских не только как хороших рабочих, но и как людей, умеющих жить и дающих жить другим. Кавказцев же не любят за их сквалыжничество.

Накануне в магазине «Кодак» я просил приготовить мне самый простой альбом с сотней открыток, частью раскрашенных, частью чёрных, с видами и типами Аляски. За спешными сборами к отъезду я забыл зайти в магазин и, когда мы сидели в «баре», туда явился какой-то джентльмен, любезно преподнёс мне этот альбом и взыскал с меня восемь долларов. В три часа нам дали знать о возвращении катера, и мы тотчас пошли на берег. Хотя переезд на пароход занял всего несколько минут, но нас порядочно обдавало волной и наши вещи порядком промокли. К нашему приезду на пароходе были уже несколько американцев, в том числе наш старый знакомый Талантайер и две дамы: г-жа Свенсен с четырёхлетним сыном и г-жа Гауген. Все они едут в залив Святого Николая.

В ожидании отхода парохода я принялся писать этюд — общий вид Номе. Через час этюд был готов, и я стоял перед ним с палитрой в руках и проверял тона. Ко мне подошли г-жа Гауген и джентльмен, заведывающий спасательною станцией в Номе. Она и он в один голос заговорили: «Very good, very nice, fine», и, не умея иначе выразить своё восхищение, повторяли эти слова много раз, указывая пальцами на береговые предметы и на изображение на полотне. В особенный восторг приходил этот здоровенный детина с бритым лицом, в мягкой шляпе, высоких сапогах и непромокаемом костюме. Видно было, что он совершенно незнаком с художественными работами с натуры.

На память о Номе я привёз командиру, его двум помощникам и командиру и механику катера Добровольного флота по бутылке виски, чем доставил им большое удовольствие. Такой же подарок, в свою очередь, я получил от Талантайера.

Перед обедом г-жа Гауген, гуляя по командирскому мостику, обратила внимание на несколько туш мяса, висевших за штурманскою рубкой. Всё мясо было тёмно-синяго цвета. Показывая на мясо, она сделала гримасу, закачала головой и сказала: «Very bad». Я взял перочинный ножик и сделал глубокий надрез в каждой туше. Синяя толстая корка была толщиной в полдюйма, далее цвет мяса был тёмно-красный. Гнилостного запаха слышно не было. Тем не менее, ни г-жа Гауген; ни я за обедом не могли есть мясные блюда.

За обедом кто-то спросил капитана: «Почему мы стоим ещё на рейде?» Он объяснил, что не может уйти, не получив от тамошни судовых бумаг. Настала ночь, и мы всё-таки не двинулись.

Ночью юго-западный ветер дошёл до пяти баллов по Бофорту, море взвырало и на весь следующий день (19-го) прекратилось всякое сообщение с берегом. Видны были только серое небо, беляки на воде, громадный прибой к берегу и густой туман в горах. До двенадцати часов дня шёл дождь. Наших дам и мужчин укачало совершенно. В течение всего дня термометр не подымался выше $+8^{\circ}$. Только к утру 20-го числа ветер перешёл на северо-восток и море значительно стихло. К одиннадцати часам дня приехал Гарфильд с таможенным чиновником, привёз судовыя бумаги и, пожелав нам счастливаго плавания, хотел отъехать на берег, но подали шампанское, и мы обменялись рядом любезностей, причём Гарфильд, имея в виду, что «Камор» плавает под норвежским флагом, сказал свой тост, обращаясь не только к русским, но и к норвежцам. После этого он взял мой фотографический портрет, сделанный в Номе, обещал мне выслать свой, крепко-крепко пожал всем нам руки и сел в свой катер. Как только он отвалил, так «Камор» поднял якорь, дал последний прощальный свисток, и мы двинулись в обратный путь...

ГЛАВА VII. От Номе до Владивостока

20-е августа, среда. Около шести часов вечера мы имели слева остров Кинг, справа — мыс принца Валийского, а над собой — большую штормовую тучу. Солнце уже садилось за далекий горизонт и своеобразно окрашивало нижние слои воздуха. Низы серо-лиловой штормовой тучи были кроваво-красными, остров и море — тёмно-фиолетовыми, а горы американскаго материка, освещенныя последними лучами заходящаго солнца, — розовыми. Картина была очень величественная.

Я тотчас же сделал с нея этюд. Он вышел настолько удачен, что г. Гютлер, коммерсант из Нью-Йорка, пожелал непременно его иметь. Я должен был пообещать ему написать дорогой маленькую картинку.

Со вчерашняго утра до сегодняшняго полудня анероид шёл быстро на повышение, а затем так же быстро стал падать. Сегодня максимальная температура воздуха $+3,5^{\circ}$, минимальная — $+2,5^{\circ}$ Ц. Весь день слабый юго-восточный ветер.

21-е, четверг. В пять часов утра бросили якорь против поста Дежнёва и складов Северо-Восточнаго общества. Погода холодная и туманная, сильный северо-западный ветер, идёт мелкий дождь и снег, а из Ледовитаго океана плывут отдельные, довольно

большая льдины. Писать этюд на воздухе невозможно, поэтому я на берег не съезжал.

К десяти часам утра закончили выгрузку вещей, привезённых Калининковым в казённый склад и для себя, распростились с ним и двинулись дальше.

Прощай, край русских владений, вероятно, никогда больше я тебя не увижу, но воспоминание о тебе останется у меня на всю жизнь!

Около четырёх часов бросили якорь в заливе Святого Лаврентия за небольшим островком, защищавшим нас от северо-восточного ветра, который теперь дует с силой пяти баллов, и на палубу почти невозможно выйти. Одонель ходил с нами в Номе и теперь высаживается здесь. Он с трудом сел в шлюпку с четырьмя гребцами, а когда они отошли от парохода, то не могли выгребть против ветра, и после долгих усилий шлюпка пристала к берегу значительно правее фактории.

Недалеко от нас стоит «Тетрис», бывшее военное, а теперь таможенное судно.

После ужина г. Хол предложил публике послушать настоящий американский граммофон. Надо отдать справедливость — граммофон прекрасный: звучный и с незначительным шипеньем механизма. Из пропетых им вещей мне больше всего понравился хорал «Jerusalem» и военная песня шотландцев. В это время мы с Потаповым разговаривали о Номе и в частности о директоре их общества Д. Розине. В прошлом году, возвращаясь в Петербург через Америку, Потапов видел в г. Сеатле особые плакаты, в которых Розин называет себя представителем Русского Царя и приглашает желающих приобретать через него золотоносные площади на Чукотском полуострове. Говоря об этой своей поездке в Россию, А. А. между прочим упомянул, что весь Новый Свет и западную Европу он проехал без национального паспорта (в «Чукотской земле» достать его было невозможно), с какими-то удостоверениями личности, и нигде никаких недоразумений у него не было. В первой же нашей таможне, обнаружив у него браунинг и не видя национального паспорта, его арестовали и передали в ведение жандармской полиции. Он просидел в каком-то клоповнике неделю, пока по его указанию наводились справки, после чего его выпустили с всевозможными извинениями, но браунинга не возвратили, а предложили получить его в Петербургской таможне.

Выйдя из-под ареста, он узнал, что все его вещи, как не заключавшие ничего запрещенного, тотчас после досмотра отправлены

по назначению. Тогда уже он просил, в особое ему одолжение, позволить ему прожить в клоповнике ещё несколько дней, пока он получит нужную сумму денег для покупки необходимых чистых вещей. Просьба его была любезно исполнена.

22-е, пятница. Утром несколько стихло, и мы перешли ближе к восточному берегу залива и к постройкам Северо-Восточного общества. Как я уже говорил, общество торговли здесь не производит, склады его пусты, в них живёт только пять американцев-проспекторов, разыскивающих золото в долинах ближайших горных ручьёв. Когда один съезжал на берег, с ним непременно хотел ехать «кавказский человек» — разменять несколько сот долларов на русские деньги. Его едва уговорили не ехать — он не хотел верить, чтобы в больших домах на берегу не было торговли.

Этих господ на пароходе двадцать два человека. Все они около года работали в Номе на золотых приисках и заработали от нескольких сот до трёх тысяч долларов каждый. Многие перевели деньги в Россию банком, а некоторые имеют их при себе. Эти последние хотели разменять их у нас ещё в Номе, но мы им этого сделать не могли, и они успокоились на том, что все расчёты с парходом они сделают американским золотом, а остальное разменяют во Владивостоке. Когда после завтрака я и Потапов были на берегу, Одонель показал нам образцы мелкого золота, найденного им в ручье за сорок миль от станции.

В четыре часа дня покинули залив Святого Лаврентия. К вечеру погода совсем стихла и море успокоилось.

23-е, суббота. На развете прошли мимо острова Иттыгран и в восемь часов бросили якорь у мыса Чаплина. К нам подошла только одна лодка, на которой было немного нерпичьих шкур, ремней и моржовой кости. По просьбе некоего Волкова, идущего с нами из Номе, я через переводчика спрашивал прибывших чукчей: «Торговал ли этот господин у них спиртом?» Все ответили отрицательно, что я и засвидетельствовал письменно г. Волкову. По его словам, на него кто-то взвёл поклёп, и он теперь должен оправдываться перед штабс-капитаном Калинниковым.

Волков — крестьянин одной из самых внутренних губерний, живший несколько лет во Владивостоке и Уссурийском крае по торговым делам. Он едва ли не первый человек, который за собственный счёт и риск повёз товар на Чукотский полуостров. По его словам, товар был доставлен на «Этине», и до прихода «Камора» он прекрасно расторговался.

Непроданный товар он поручил одному из местных купцов, который обязался вырученную сумму деньгами или пушниной сдать зимой Калинникову. Пример Волкова заслуживает подражания. Только такие предприимчивые люди могут обрусить до известной степени этот край, находящийся до сих пор целиком под влиянием Америки.

В бытность в Петропавловске В. Е. Флуг рассказывал, что ещё в прошлом году было предложено нескольким большим торговым фирмам завести свои склады на Чукотском полуострове. Все они отказались, за исключением фирмы Чурина, которая согласилась на условии выдачи ей субсидии в несколько десятков тысяч рублей. Но в этом ей было отказано.

Над одним из домов селения Уныин, кажущимся больше других, развиваются сегодня два флага: русский, а под ним английский (почему не американский?). В первый наш приход сюда второго флага на этом доме не было. Ещё тогда я заметил, что старшина селения говорит хорошо по-английски и ни слова не понимает по-русски. Сегодня это подтвердилось, когда он мне вновь показывал бумагу за подписями Гондатти и Сокольниковца, утверждающую его в должности. Сегодня же я вновь убедился, что большинство здешних чукчей говорит по-английски и только некоторые знают отдельные русские слова: «здравствуй, давай чай, сахар» и несколько других, то есть те самые слова, которые я слышал от их сородичей в Ново-Мариинском посту.

Перед входом в бухту Провидения, на юго-восточном склоне Лысой горы, наш взор был привлечён очень ярко зелёною площадкой с расположившимся на ней селением чукчей. В первый путь селения этого мы совершенно не видели из-за тумана. Кроме юрт, там видно несколько деревянных домов. Очевидно, это — большой торговый пункт. Восточный склон Лысой горы, обращённый к материку, довольно пологий. Южный же, обращённый к морю, и западный, обращённый в сторону бухты, почти отвесны. Склоны горы покрыты тундрой красновато-бурого цвета, вершина — красная охра, а осыпи, и в особенности западные, — светло-жёлтые. При сегодняшнем ярком освещении и полном штиле получается интересная игра красок.

Прошлый раз, несмотря на пасмурную погоду и туман, мы сразу вошли в бухту. Сегодня же капитан не узнал входа, и мы долго маневрировали около него, пока один из пассажиров третьего класса, проживавший здесь три года в стражниках, а ныне занимающийся торговлей, не уверил капитана, что это и есть нужная

нам бухта. В четыре часа бросили якорь в гавани Эмма, против фактории.

За обедом Джонсон рассказывал, что в селении на юго-восточном склоне Лысой горы живут два купца-чукчи, с которыми он ведёт большие дела. Они доставляют ему китовый ус, а берут чай, сахар, муку, черкасский табак и другие предметы. Товар у них долго не залеживается: они его раздают в кредит мелким купцам, которые уже и развозят его по краю.

По словам Джонсона, бой китов происходит, главным образом, в октябре и ноябре, когда киты ходят стадами. Одиночно же проходящих китов жители не преследуют. На охоту выезжает обыкновенно всё селение. Стрелок, убивший кита, получает половину головы, гребцы его лодки получают четверть головы, последняя четверть делится между остальными участниками охоты.

Мясо и жир кита идут в пищу всем жителям селения и безвозмездно раздаются желающим. По окончании охоты весь ус собирается у одного или двух крупных купцов, которые уже и сдают его в магазин общества. Каждый кит даёт около пятидесяти пудов уса.

24-е, воскресенье. Сегодня пятый день, что мы покинули Номе. Можно было бы хоть эти дни иметь за завтраком и обедом свежую провизию. Тем не менее, мы по-прежнему едим солонину или мясо, сильно сдобренное острым соусом, а на закуску подаётся старая московская колбаса и кетовый балык. Очевидно, наш хлебодар — человек очень экономный, и, сделав запасы провизии в Шанхае и Владивостоке, не пожелал возобновить их в Номе, совершенно правильно рассчитывая, что в море у публики громадный аппетит, и она съест всё, что ей ни дай. Благодаря присутствию на пароходе трёх американцев и некоторому запасу виски, каждый вечер в нашем салоне делается маленький «drink».

В девять часов вечера, то есть через два часа после захода солнца, прямо на юг от места нашего стояния, за низкою береговою полосой, отделяющей гавань Эмма от океана, виден был в течение пяти минут почти на горизонте красный диск, каким иногда бывает солнце при закате или полная луна при восходе. Диск этот постепенно затягивался снизу туманом и, наконец, скрылся. Что это за явление? Кто его объяснит?

А. А. Потапов и М. И. Рудаков видели вчера в одиннадцать часов в северо-западной части неба световое явление вроде северного сияния. По их словам, над горизонтом был яркий полукруг с разноцветною бахромой, центр был тёмный.

По берегам гавани Эмма масса водорослей и лилий, что указывает на богатую подводную флору и позволяет думать, что животный мир здесь тоже должен быть довольно большой. Между тем, по словам заведующаго факторией, местной рыбы в гавани, да и во всей бухте Провидения, нет, а ходовая красная рыба сюда не идёт. Второе понятно — бухта обставлена крутыми горами, и в неё не вливается ни одной речки, а горные ручейки пересыхают после окончания таяния снегов, значит, рыбе негде метать икру. Первое же — отсутствие местной морской рыбы, — непонятно. Вернее же, что ни заведующий факторией, ни служащие не пытались ловить рыбу на большой глубине.

25-е, понедельник. В четыре часа утра покинули гавань Эмма и залив Провидения. Весь день отличная погода, и я почти всё время был на мостике.

Сегодня узнал, что на пароходе, сверх почтового чиновника, обязаннаго совершать все положенныя почтовые операции, есть ещё почтальон. Обязанностей у него — нуль, так как на берег возить почту не приходится, а из трюмов поднимают и туда спускают почтовые тюки рабочие Добровольнаго флота. Таким образом, почтовое ведомство, во всех случаях очень экономное, здесь проявило непонятную щедрость.

С утра дул легкий северо-западный ветер, с полудня дует более сильный северо-восток. Значительная часть неба покрыта тучами. Море слегка рябит.

26-е, вторник. В три часа утра прошли сто восьмидесятый меридиан от Гринвича. Если считать западную долготу, то только сегодня в полночь получили 25-е число, а так как с утра мы ведём счёт на восточную долготу, то выходит, что с воскресенья мы перескочили прямо на вторник, или потеряли один день. В первый путь, двигаясь на восток, мы приобрели один день, а теперь же, двигаясь на запад, потеряли его. В конце концов, календарь не пострадал.

В восемь часов утра бросили якорь в заливе Святого Николая. Тотчас с берега пришла шлюпка с гг. Свенсенем и Гаугеном и забрала наших дам и маленькаго Честера. Г-жа Свенсен совершенно больна. Всю дорогу она лежала в каюте и только один раз в бухте Провидения вышла раз на палубу погулять. Г-жу Гауген укачивало, но она крепилась, часто выходила на палубу, сидела в салоне и несколько раз принимала пищу вместе с нами. В бухте Провидения она была даже на берегу. Честер всю дорогу доставлял нам много удовольствия своим несмолкаемым лепетом и явным

желанием заучивать русския слова. Первое слово «колбаса», которое он произносил «каубаса», делая ударение на последнем слоге. Он, видимо, порядочно избалован, и ему позволяется самому брать со стола всё, что он хочет, поэтому он в каждое блюдо сам лез ручонками, когда же его останавливали и приказывали попросить, он с большою неохотой говорил «please» или «пошальста», а получив желаемое — «thank you». Мы с грустью расстались с этим маленьким американцем.

Здесь же остался и А. А. Штапов. Первоначально он предполагал зимовать в бухте Провидения (Владимирский пост), почему ещё в первый путь оставил там часть своего багажа, но, побывав в Номе, переменял своё намерение. Здесь, по его словам, веселее и больше дела.

После завтрака я съехал на берег. Фактория расположена на берегу залива, у устья безымянного ручейка. Часть построек стоит у линии воды, на гальке, а другая — несколько выше, на тундре. Между ними только один деревянный дом американской постройки. В нём помещаются лавка, общая столовая и кухня. Остальные постройки — большие и маленькие домики из бязи. Во всех них есть двери и камбузы, но не во всех есть окна и полы. В тех из них, в которых живут рабочие, устроены двухъярусныя нары и неподвижные столы. В остальных кровати и мебель переносныя. В самой большой палатке, сделанной из брезентов, помещаются лошади.

В этих домиках-палатках люди живут лето и зиму. Большую г-жу Свенсен с сыном поместили в общей столовой. Г-жа Гауген поместилась у мужа в холщёвом домике. Такие же домики заняли Потапов и Талантайер. Как-то они в них перезимуют? Сточных канав вокруг домиков не сделано, поэтому тундряная вода стоит под всеми домиками, вокруг них порядочная грязь. Александров говорит, что заниматься благоустройством фактории некому: тридцать человек заняты промывкой золота в горах и являются сюда по очереди только за провизией, двое чукчей постоянно работают в лавке и складе. Больше же рабочих нет.

Все принадлежащие фактории грузы сложены на берегу, на открытом воздухе. Между ними как-то странно видеть несколько собранных и разобранных экипажей двух- и четырёхколесных. Кому они здесь нужны — неизвестно, так как по тундре езда на колёсах невозможна. Фактория имеет газолиновую лодку для перевозки проспекторов и грузов по более отдалённым береговым местам. 20-го числа на этой лодке ушёл в Марково начальник уезда с женой, и возвращение её ожидается дня через три.

В течение нынешнего лета рабочими Свенсена намыто золота на восемнадцать тысяч долларов. Всё это количество три дня назад отправлено в Номе на газолиновой шкуне. Шкуна эта принадлежит Северо-Западному торговому обществу (американское), состоящему под управлением Розина, и поддерживает постоянные прямые рейсы между этими пунктами. Изредка она заходит во Владимирский пост.

Потапов и Александров считают, что скоро фактория должна разрастись в городок, так как чем дальше проспекторы ведут свои работы, тем всё больше и больше обнаруживается золота. А оно должно привлечь сюда новых предпринимателей и купцов. За ними, конечно, потянутся ремесленники и разные гешефтмахеры (ловкачи, дельцы. — *Ред.*).

Почему Северо-Восточное общество не имеет своей фактории в вершине залива Святого Креста, куда не ходят даже американские китобои, — Потапов не знает. До сих пор этот громадный залив, вдающийся в материк на пятьдесят миль, исключён из сношений с миром, хотя берега его населены не менее прочих мест. Потапов утверждает, что он предлагал правлению открыть склад товаров в одном из селений у мыса Сердце Камень, дабы тем развить деятельность общества и составить конкуренцию американцам, но правление не согласилось, находя, что оно должно направлять свою деятельность на добычу полезных ископаемых, а не на торговлю. Это может быть и верно, но, по словам того же Потапова, общество получает дивиденды от торговли, а отнюдь не от добычи золота.

Перед заходом солнца я видел стаю гусей, протянувшую на юг. До полудня дул слабый южный ветер, затем совсем заштило. Весь день было пасмурно и временами шёл дождь. Наибольшая температура $+8^{\circ}$, наименьшая — $+3^{\circ}$. В девять часов вечера aneroid показывает 757 мм, то есть меньше против утра на 11 мм.

27-е, среда. Вчера вечером стало свежеть от северо-запада, а сегодня утром все горы оказались покрытыми снегом, и ветер в восемь баллов по Бофорту. В заливе гуляет порядочная волна. «Камор» перешёл под подветренный берег. До полудня шёл редкий снег с дождём. К вечеру значительно стихло, и ветер стал переходить на север.

Закат солнца ясный. На нижних облаках нет багровых пятен, а верхняя окрашена в нежный розовый цвет. Ночь лунная, ясная. Небольшое количество линейных облаков закрывает только восточную часть горизонта.

28-е, четверг. Вчерашний закат не оправдал народную примету, или она создана только для средних широт: сегодня с утра северо-восточный ветер дует с силой десять баллов, а волна в заливе больше вчерашней. Снег лежит не только на горах, но и на берегу до самого среза воды. К полудню небо значительно прояснилось, и снег на берегу тотчас начал таять. К девяти часам вечера ветер совершенно утих, море успокоилось, и облака остались только в восточной части горизонта. Стрелка анероида показывала 773,5 мм. Взошла полная луна, ярко осветила горы и заиграла на водяной ряби. Береговой откос залёг тёмною полосой между горами и водною поверхностью. В девять часов двадцать минут в северной части неба появились из-за горизонта лучи фосфорического света, расходящиеся веером. Центральный луч, находившийся немного правее Большой Медведицы, протянулся почти до зенита. Лучи эти то сокращались и скрывались за горизонтом, то вновь появлялись. Минут через десять все они, за исключением среднего и одного из правых, превратились в клубни, расположенные по дуге от востока к западу на высоте восемь-девять градусов над горизонтом. Под ними, концентрически, расположилась узенькая полоска слабых радужных тонов. Клубни непрерывно вращались слева направо, радужные тона их перемещались, но форма не изменялась. От краёв их отрывались световые хлопья, которые тотчас тухли.

Постепенно розоватые и голубоватые тона в клубнях исчезали, а затем они тухли поочередно от востока к западу, и только клубень под средним лучом продержался несколько дольше других. Минут на десять явление совершенно исчезло. Затем оно возобновилось в виде радуги, прерванной в нескольких местах. В ней были те же переливы цветов, то же ослабление света с востока на запад, то же исчезновение и появление отдельных световых пятен, что и в первом случае. Иногда от верхнего края дуги отходили лучи в восточном направлении в виде хвостов комет. В этих случаях под большою дугой появлялась меньшая, слабее окрашенная. В половине одиннадцатого всё явление окончилось.

Я, конечно, не передал здесь и минимальной доли впечатления, воспринятого мной от этого оригинального светового явления. А если к нему прибавить лунный свет с одной стороны и остаток вечерней зари с другой, то получится картина, которую ни пером описать, ни в сказке сказать, а надо самому видеть и почувствовать.

Сегодня максимальная температура $+10^{\circ}$, минимальная — $+0,5^{\circ}$ холода, то есть первый мороз.

29-е, пятница. С утра великолепная погода: тихо, ясно. В семь часов с берега приехали Талантайер, Гаугер, наши корейцы и фельдшер. Один кореец остался на берегу и поступил на прииск Свенсена. Отдали последний груз фактории и в половине девятого двинулись в Анадырь. Благодаря приливу, тридцать пять миль до Ново-Мариинского поста прошли в три часа. Когда бросили якорь, на пароход приехал В. С. Диденко. Он сообщил, что за последние два дня ручейки и озера покрылись льдом, вся перелётная птица уже улетела на юг (сегодня около трёх часов дня я видел небольшую стайку уток). Он собирался сегодня идти в Марково, но, увидевши на горизонте дымок, — остался. Выйдет завтра или послезавтра, рискуя в дороге обмёрзнуть и выжидать зимнего пути.

В Анадырском уезде в течение зимы бывают три ярмарки: Вакаринская, на среднем течении реки Майны, — в январе; Яропольская на реке Анадырь, в двухстах пятидесяти верстах на запад от Марково, — в феврале; Туманьская, в верховьях реки Майны, — в марте. На этих ярмарках бродячие чукчи и коряки обмениваются товарами с береговыми чукчами и с марковцами. Инородцы привозят на ярмарки зверовые шкуры, ремни, одежды из шкур, оленьё мясо, а марковцы — мануфактуру, чай, сахар, табак, медную и фарфоровую посуду, оружие, порох, свинец и прочие принадлежности первой необходимости. Иногда, но не каждый год, чукчи собираются в декабре в Марково, и тогда там тоже открывается ярмарка. Каждую ярмарку открывает уездный начальник или его помощник, и она продолжается две-три недели, в зависимости от имеющегося на месте корма для оленей. Значение этих ярмарок с каждым годом всё более и более падает, так как бродячие чукчи и коряки начинают всё чаще показываться на берегу моря, дабы лично купить необходимые им предметы на пароходах и шкунах или у своих собратьев в береговых поселениях. Собственно, на Чукотском полуострове бывает только одна ярмарка — на запад от Мечигменской губы, в горах, близ озера Югпей. Здесь пушнина выменивается исключительно на американский товар.

30-е, суббота. В половине пятого снялись с якоря при тихой погоде. Весь день погода не менялась, дул слабый юго-западный ветер. Пройдя Русскую Кошку, взяли курс на юго-восток и пошли в виду берегов. Далекие материковые горы покрыты снегом. От них к морю громадная низина, почти не возвышающаяся над уровнем моря. Местами береговая линия прорывается, очевидно, здесь имеются большие заливы или лагуны. Чем ближе

мы подходили к мысу Барикова, тем горы всё плотнее сдвигались и, наконец, перешли в куполообразные холмы, обрывисто спускающиеся к морю. Между этим мысом и следующим, Коробицына, двадцать миль. Они определяют вход в бухту Угольную, которая вдалась в материк на двенадцать миль. К верховью бухты подходит «Угольный кряж», в котором каменный уголь выходит на поверхность земли. М. И. Рудаков, плавая здесь на своей шкуне «Надежда», неоднократно брал уголь для судовых надобностей.

Далее берег очень крут, и мыс Фаддея — самый сумрачный из всех, виденных мной на северо-восточном побережье Азии. Он отвесною стеной спускается к морю, а перед ним стоит ещё узкий пирамидальный придаток, в виде руля. Направо и налево от него — тёмные ущелья и такие же отвесные скалы. Тяжёлое впечатление от этого мыса увеличилось ещё потому, что мы прошли его около восьми часов вечера, когда весь берег был в густых тенях, а сквозь сильно облачное небо проникало очень немного лучей заходящего солнца.

От поста Ново-Мариинского до этого мыса сто шестьдесят миль. Расстояние это мы прошли в пятнадцать часов. Парадный ход «Камера» девять узлов. Значит, более чем на узел в час нас подавало течением. За обедом выяснилось, что наш компаньон, г. Хол, в 1891 г. состоял на службе у короля островов Самоа и обучал его этикету, манерам и хорошему европейскому тону. Теперь г. Хол сорока семи лет. Он ниже среднего роста, с проседью, подстриженными усами, далеко не отличается изяществом манер, а костюм у него совсем грязненький. На левой руке у него не хватает трёх пальцев (средних), а на правой большой палец постоянно обвязан, и им он не работает. Трудно представить, чтобы человек с подобными физическими дефектами мог нести придворную службу даже в Полинезии, но не верить ему не имеем права. (Состоя на этой службе, г. Хол имел счастье быть представленным Государю Императору во время его кругосветного плавания в бытность Наследником Российского Престола.)

У короля островов Самоа г. Хол хорошо заработал, но затем все свои сбережения, около двадцати тысяч долларов, потратил в поисках золота. По профессии он моряк.

31-е, воскресенье. Мыс Наварин прошли около полуночи и сегодня всё время идём открытым морем, совершенно не видя берегов.

1-е сентября, понедельник. Около десяти часов утра прошли мыс Олюторский. Это — громадная глинистая и каменистая коса, покрытая тундрой. От него на материк тянется гряда гор, а перед

ними несколько отдельных скал, подводных камней, вокруг которых постоянный бурун. За ним берег всё более и более отходит на север и, наконец, сливается с горизонтом, только большие высокие мысы кажутся островками. Мы идём вдоль Олюторского залива.

2-е, вторник. В семь часов утра бросили якорь в бухте барона Корфа, у гавани «Сибирь». Селение на Кошке пусто — все жители переселились уже на материк. Нашего прихода ждал только Немирович-Данченко с несколькими рабочими и тяжёлым грузом экспедиции. По его словам, Нацвалов с несколькими рабочими, лошадьми и легким грузом ушёл 7-го августа в Уку. После «Камора» сюда приходил только «Командор Беринг», но так как здесь рыбалок нет, то ушёл очень скоро. За обедом я, между прочим, спросил г. Данченко, что он сделал здесь за два с лишним месяца по своей специальности корреспондента и литератора.

Он, не задумавшись ни секунды, сказал: «Написал два романа из коряцкой жизни». Я выразил серьёзное недоумение по поводу такой плодовитости. Тогда он поправился и сказал, что заготовил только план двух романов. Из дальнейшего выяснилось, что у него нет и этого, а имеется только заметка со слов одного обывателя о свадебных обрядах коряков. Корреспонденций отсюда он не писал, ибо, по его словам, писать было не о чем. После ухода Нацвалова и до нашего возвращения он ездил на несколько дней на противоположный берег бухты к старшине селения олюторцев. Приём ему был оказан очень радушный, и в эти дни он имел случай наблюдать меткость стрельбы коряков из винчестеров. Г. Немирович вместе со старшиной, человеком лет шестидесяти, залегли на берегу в ожидании появления нерп. Когда они подошли, первым стал стрелять г. Немирович, но не убил ни одной. За ним стрелял старшина и ни разу не промахнулся.

Сегодня г. Немирович вновь подтвердил нам неправильность показаний морских карт о месте впадения реки Олюторки. Я по-прежнему сомневаюсь в точности его сведений и думаю, что в верховьях Олюторского залива должна быть большая река, берущая начало на Парапольском плоскогории, а в бухту барона Корфа может впадать Малая Олюторка, берущая начало в горах Говенского полуострова.

Несмотря на наступившую осень и несколько случаев выпадения свежего снега, на горах — в котловинах и по некоторым тальвегам (линия, соединяющая самые низкие точки дна русел рек, оврагов и других эрозионных форм рельефа. — *Ред.*) ещё виден старый снег.

3-е, среда. В пять часов вечера покинули гавань «Сибирь». Ясно. Полный штиль. Наибольшая температура дня +19°, наименьшая — +3,5°. До захода солнца дул слабый северо-восточный ветер, затем такой же северо-западный.

4-е, четверг. В половине восьмого утра стали на якорь в заливе Карага. Погода чудная, ясно, тихо. Горы покрыты зеленью гораздо больше, чем в заливе барона Корфа.

На нынешний раз впечатление от окружающих гор менее величественное, чем в прошлый, когда контуров их из-за нависших облаков и тумана не было ясно видно. Инженер Нацвалов только вчера пришёл сюда и сегодня идёт далее. На всём пути (до пяти-сот вёрст) он ни разу не закладывал шурфов, так как, по его словам, характер местности и встреченные горные породы не давали никаких указаний на присутствие здесь золота. Первые пятнадцать дней он шёл по сплошной тундре без признаков человеческого жилья. Затем изредка стали попадаться в горах стойбища оленных коряков. Путь особенно затруднялся переправами лошадей с большим вьюком через речки с илистыми берегами.

После принятия на пароход местного казака, окончившего здесь свою командировку, «Камору» нечего было делать, и мы могли идти далее, но около десятка пассажиров третьего класса уехали на берег за покупкой провизии и к двенадцати часам не вернулись. Капитан заявил, что после часа дня не выйдет, так как до Уки восемь часов ходу и ночью входить туда он не может (рейд Уки совершенно открытый и никакой опасности не представляет). Так и пропал зря весь сегодняшний день.

5-е, пятница. По моей просьбе капитан снялся с якоря вчера с восходом луны, в половине одиннадцатого вечера, почему мы пришли в Уку сегодня в восемь часов утра, а в одиннадцать часов паровой катер уже повёл на берег большой фунгас с грузом и пассажирами.

День великолепный, совершенно тёплый и ясный. На юго-западе отчётливо видна широкая, плоская вершина сопки Шевелюч, покрытая снегом, и далеко-далеко на горизонте — острая вершина Ключевской сопки. Над ней видно громадное облако водяных паров. Очевидно сопка, как говорят здесь, дымит. Горы, окружающая с запада и северо-запада залив, значительно покрыты свежим снегом. Или за последний шторм его здесь падало больше, чем в заливе Карага и в бухте барона Корфа, или здешние горы выше тамошних. На Начикинском вулкане теперь снегу меньше, чем было в конце июля. В краже гор на северо-западе от

Уки выделяется своею оригинальною формой «Русаковская сопка». Она похожа на силуэт леваго кулака с поднятым большим пальцем. Она находится в верховьях реки Русаковки и отстоит от Уки на сто сорок вёрст по прямому направлению. Другая оригинальная сопка находится в том же кряже, на запад от Уки, значительно ближе первой и издали представляет развалины церкви или средневекового замка. Сопка эта без названия.

Я съехал на берег на первом же катере и по приглашению старшины селения зашёл к нему. Там уже был некий Утка, бывший рабочей Бруара. Он ожидает здесь прихода инженера Нацвалова, дабы получить расчёт и затем заняться с товарищем, тоже бывшим рабочим, охотой на соболей. По словам Ласточкина, местные жители на это не согласны, так как утверждают, что эти люди охотиться не умеют и будут только распугивать зверя или травить его стрихнином. Шкура дохлаго зверя непрочна и поэтому дешева.

Обе стороны обратились ко мне за разрешением спора, но Утка держал себя вызывающе, ничего слушать не хотел, и прийти к какому-либо соглашению не удалось. Отсюда я зашёл к Мелехину. Он занимает амбарушку, разделённую на две части. В первой, меньшей, помещается его мать, дочь, кухня и кладовая; во второй, большей, — он с женой, магазин и контора. Теснота страшная, притом высота помещения такая, что я с трудом стоял во весь рост. Товар общества сложен в сарае под железною крышей, у котораго три стойки железныя, а четвёртая из дрели.

Это состояние сарая очень обезкураживает Мелехина и тем более, что он боится Утки и его компаньона и каждый день ждёт, что они могут обокрасть склад. Мелехин и Немирович дали мне большие списки товара, необходимаго первому для оборудования склада и для предстоящей зимней торговли, а второму для обеспечения рабочих в зимние месяцы. Я обещал им передать эти списки Вильдеману или Кантору и убедить их в необходимости доставки в Уку указанных товаров.

Все лица, с которыми я сегодня встречался, жаловались мне на японцев. По их словам, японцы самым беззастенчивым образом нарушают рыболовную конвенцию, заходя для лова рыбы в реку, хотя у них только морские участки, и ставят на участке по несколько неводов, хотя по правилам каждый хозяин может иметь только один невод. Так как часто участки арендуются несколькими компаньонами, то каждый компаньон, считая себя хозяином, ставит свой невод.

В четыре часа дня «Камор» покинул рейд Уки.

Немирович остался на берегу, а на пароход сели Коцинский и доверенный фирмы Вальдекер и Пеппель. Оба они идут во Владивосток. После обеда Коцинский рассказывал, что за отсутствием доктора и фельдшера местные жители часто обращаются к нему за медицинской помощью, почему он всегда имеет при себе самые простые лекарства.

б-е, суббота. С утра отличная погода: небо совершенно безоблачное, в воздухе полная тишина. «Камор» плавно движется по совершенно спокойной воде, оставляя далеко за собой белый след. Обходя Камчатский мыс, мы любовались величественною панорамой. Высокий мыс, покрытый тёмною зеленью, спускается к воде крутыми откосами, ярко освещенными солнцем. Местами среди зелени и между осыпями яркие пятна снега. От мыса далеко в море ушла низкая, светло-серая, местами почти белая, гряда камней, около которой постоянный бурун. За ней — тёмно-синяя полоса воды, всё уширяющаяся по мере нашего приближения.

На горизонте — низкие береговые увалы, бурозеленоватого цвета вблизи и серовато-синие вдаль, в стороне Кроноцкого полуострова. За этими увалами видны снеговые вершины прибрежного камчатского горного хребта, и среди них масса вулканов. Величественнее всех совершенно коническая Ключевская сопка. Несмотря на то, что она от нас более чем на сто вёрст по прямому направлению, она видна очень отчётливо. К ней примыкает слева, тоже коническая, но с усеченною вершиной, — Большой Толбачик. Обе эти сопки дымят, и выделяемые ими пары почти неподвижно держатся у вершин в виде кучевых облаков. На юго-западе видна Кроноцкая сопка. Далее на юг берег совершенно сливается с горизонтом. Между Толбачиком и Кроноцкою сопкой видно на разных дистанциях ещё несколько снеговых вершин.

Когда мы обогнули мыс, то к этой картине прибавилась справа сопка Шевелюч, а спереди открылся низкий берег устья реки Камчатки. В полдень мы бросили якорь на прежнем месте, против рыбалки Берича. В шесть часов вечера с берега пришёл кунгас и в нём приехали гг. Берич и Яуналаксен, частный командир, какая-то дама-камчадалка и подросток в гимназической форме.

Г-на Берича я не видел с того дня, как он ушёл на *Toyotoni tagi* из Петропавловска, поэтому наша встреча была особенно радушна. Он сообщил мне, что переезд от Большерецка до Мильково на лошадях, а оттуда вниз по реке Камчатки до устья ея в собственном боту стоил ему семьсот пятьдесят рублей. При этом он

претерпел так много разных мытарств, до ночёвок под открытым небом включительно и невозможности часто найти проводников, что никому не рекомендует повторять его опыт. В семь часов он, Дуналаксен и частный командир уехали от нас, а мы подняли якорь и пошли на остров Беринг.

7-е, воскресенье. В десять часов утра бросили якорь в виду селения Никольскаго на острове Беринг. На рейде — «Котик» и «Манджур».

В двенадцать часов приехали к нам Сокольников, Малиновский и священник, получили и сдали корреспонденцию и уехали на берег. Сокольников сегодня уходит на «Котике» на остров Медный — производить следствие о нападении японцев на селение алеутов, окончившееся захватом нескольких японцев. В одиннадцать часов «Манджур» ушёл в море. К обеду приезжал к нам Кантор, а затем Битте, и говорили, что с острова Меднаго они пойдут в Усть-Камчатск, в Уку же заходить не предполагают, так как для нея у них нет груза. Я просил их по возможности взять здесь и в Усть-Камчатске груз для Уки, так как иначе тамошний склад общества останется недостроенным, а рабочие Нацвалова будут зимой без спирта и продовольствия.

К пяти часам дня прибыл на пароход доктор Малиновский со своим несложным багажом, и мы пошли дальше. Доктор Малиновский уверяет, что в нынешнем году убито только две тысячи котов, в прошлом же году их было убито шесть тысяч, а в 1893 г., в год приезда его на острова, на одном лежбище было убито двадцать тысяч котов. Через десять лет, в 1903 г., на этом лежбище было только девять котов. Убито из них три, и с тех пор там коты совсем не появляются. То же очень скоро будет и на северном лежбище, и тогда острова потеряют всё своё значение. Это систематическое, в геометрической прогрессии, уменьшение зверя побуждает алеутов уже теперь переселяться в другия места. Ещё в первый мой приезд сюда я слышал, что несколько семей просят о доставке их на Алеутскую гряду, а в Петропавловске при мне уездный начальник докладывал губернатору о желаниии алеутов, охотившихся на Шипунском мысу, переселиться на полуостров.

8-е, понедельник. Ночь спал довольно скверно. Удары короткой волны заставляли вздрагивать весь пароход, а шум штуртросов и перебой винта сильно взвинчивали нервы. Весь день струя воды вокруг парохода и за ним — зеленоватого цвета, а вся видимая площадь воды — серо-синяя, то есть вода холодная. Такой же

цвет струи был от мыса Олюторского до Говенского, хотя тогда был яркий солнечный день, а сегодня пасмурно.

9-е, вторник. Вчерашний шторм сопутствовал нам только до входа в Авачинскую губу.

В четыре часа «Камор» вошёл в Ковш, и мы начали швартоваться у пристани. Окончили эту работу только к шести часам, так как малые размеры Ковша не позволяют свободно разворачиваться в нём океанскому пароходу, и для швартовки надо прибегать к разным остроумным приёмам. Не успел я ещё сойти на берег, как мне принесли из полицейского управления письма. Это — первое известие из дома со дня отъезда. Вильдеман, Огородников и другие встретили меня очень приветливо. Я в свою очередь был рад их видеть, так как умел с ними сжиться, и так как эта встреча знаменовала благополучное возвращение в порт после почти двухмесячного плавания. Пароходный стол мне изрядно надоел, а последние две недели я почти не ел мяса. Поэтому я с удовольствием принял приглашение Вильдемана отужинать у него.

В последних числах августа «Шилка» приходила сюда из Владивостока и пошла на север, не заходя в попутные порты. Поэтому-то мы её нигде и не встретили. На ней пошёл директор Северо-Восточного общества, г. Кованько, и горный инженер Борисов. Интересно, что они будут делать в Чукотии? Первый может разве убедиться в том, что общество там ничего не делает, а раздаёт только субконцессии американцам. Второго же американцы, конечно, не пустят распоряжаться на своих работах, и он обречён на сплошное прозябание. Вильдеман пригласил меня переехать к нему на всё время стояния здесь «Камора». Но я предпочёл проводить у него целые дни, а ночевать на пароходе.

Вслед за «Камором» пришёл «Манджур» и отшвартовился у угольной пристани.

С утра туман, затем весь день совершенно ясно. Максимальная температура дня $+13^{\circ}$, минимальная — $+9^{\circ}$. Со вчерашнего вечера стрелка анероида не сходит с 764 мм. Сегодня я сделал последнюю запись в моём метеорологическом журнале. Завтра мои термометры перейдут к Вильдеману, который очень просит оставить их ему.

10-е, среда. Сегодня я познакомился с чинами Пулковской обсерватории, входящими в состав экспедиции Рябушинского. Их задача — проверить деятельность существующих метеорологических станций и установить несколько новых на Камчатском полуострове. Я их порядочно обезкуражил, сказав, что станции на острове Беринге, в Ново-Маринском посту и в бухте Провидения

уже давно не работают, и все инструменты там испорчены. О бездельности здешней станции они узнали без меня и теперь строят на свободном месте около здания уездного управления две инструментальные клетки. Но кто ими будет заведывать и производить наблюдения — они пока не знают.

Бывший соборный дьякон вернулся сюда вторым священником. Вернулся и о. Иван, а о. Александр получил сельский приход в Южно-Уссурийском крае.

Возвратившись около десяти часов вечера на пароход, я застал компанию горожан в гостях у Юдинского и Рудакова. Все были в порядочном подпитии, и в салоне «дым стоял коромыслом». Г. Хол угощал публику своим американским граммофоном, а Чуринские своим, с пластинками, напетыми по-русски. Каждый граммофон сам по себе хорош. Когда же переключивали пластинки с одного на другой, то пение было очень слабое и невнятное.

13-е, суббота. Утром пришёл «Котик» и привёз четырнадцать японцев, задержанных алеутами острова Медного во время охоты на бобров. Они помещены в матросской хлебопекарне, благо она теперь бездействует. Гг. Кантор и Битте говорят, что в пути с этими господами было порядочно хлопотливо, так как на пароходе их некому было караулить и некому было им варить особую пищу, а от общей паровой они отказывались. В Усть-Камчатке Кантор нашёл часть груза, необходимого Мелехину, и «Котик» отвёз его в Уку. Инженер Нацвалов не остался зимовать в Уке, а пришёл сюда и на днях едет через Японию во Владивосток и далее в Петербург.

Гуляя эти дни по городу, я обратил внимание на отсутствие в Ковше шкуны *Miye maru*. На мои расспросы по этому поводу мне сообщили, что шкуна «Надежда», на которой нынешним летом работали ученики владивостокских мореходных классов, потерпела аварию у западного берега Камчатки, и *Miye maru* предоставлена в их распоряжение с тем, чтобы они привели её во Владивосток... (Далее описано пребывание в гостях у Г. Т. Подпругина и поездка в Раковую губу, см. «Вопросы-3», с. 454—455.)

16-е, вторник. Сегодня утром «Манджур» оттянулся от угольной пристани, мы стали на его место и начали погрузку рыбы г. Пестуновича. Пришли «Шилка» и японский пароход, зафрахтованный Беричем. На «Шилке» вернулись Кованько и Свешников (владивостокский агент Северо-Восточного общества). Они везут тридцать два фунта золота из залива Святого Николая. По словам Свешникова, с будущего года американцы на Чукотском

полуострове работать не будут, их заменят русские рабочие. Потапов назначен доверенным в бухту Провидения, там же оставлен зимовать и горный инженер Борисов. Александров назначен доверенным на мыс Дежнёва, прежние доверенные, американцы Джонсон и Келли, уволены. Розин выходит из состава правления. По словам офицеров, «Шилка» обошла весь залив Святого Креста и японцев там не видала. Надо думать, что рассказы про их хозяйничанье там на золото и рыбу — праздные фантазии. Те же офицеры утверждают, что «Охотск» совсем не так хорош, как некогда описал его Неелов: каюты на нём очень маленькие, особых чертёжных и фотографических вовсе нет. Произошло это потому, что пароход этот не строился по специальным чертежам, как думал Неелов, а куплен на стапеле и затем приспособлялся.

Гг. Хол и Коцинский пересели на японский пароход и ушли сегодня в страну Микадо (Японию. — *Ред.*).

17-е, среда. Сегодня я познакомился с Кованько. Он уверяет, что, возвратясь в Петербург, возьмёт в свои руки всё дело Северо-Восточного общества и с будущего года у них не будет ни одного американца, всё будет делаться русскими руками, и они дадут России тысячи пудов золота в год. Уверение это дано после хорошего обеда на «Котике», и поэтому к нему надо относиться осторожно.

В пять часов ушёл «Манджур».

18-е, четверг. Сегодня утром зайдя в полицейское управление, я увидел на стене карту «будущих путей России» по Сибири. Это оказалось приложением к сочинению бакинского второй гильдии купца К. К. Епифанова «О прибыльном сбыте хлеба русского народа», изданному в Баку в 1907 г. Как гласит надпись на первом листе, книга прислана Петропавловскому уездному начальнику для сведения «от автора». А так как ни уездный начальник, ни его помощник г. Епифанова лично его не знают, то можно думать, что он выслал своё сочинение в подарок всем уездным начальникам в Сибири. На карте проведён ряд толстых чёрных линий от Уральского хребта до Великого океана, ряд таких же вертикальных линий от китайской границы до Ледовитого океана; линия вдоль Охотского моря, две линии вдоль Камчатки, одна через Татарский пролив на средний Сахалин и несколько по Новосибирским островам. Названы эти линии «железными дорогами». На конце каждой поставлен красный кружок и надпись «порт». У нескольких таких портов по берегу Ледовитого океана и на Новосибирских островах другая надпись — «док». Книга в типографском смысле издана прекрасно, даже переплетена, но

содержание ея, надо полагать, соответствует карте. По крайней мере, я просмотрел несколько страниц, кроме набора слов и фраз ничего не видел и смысла в них не нашёл... (Далее приводится «жаявление» Н. Причина, кража в складе КТПО и концерт Чарского, см. «Вопросы-3», с. 455—456.)

22-е, понедельник. Вчера к обеду кончили нагрузку. Всего взяли более двухсот бочек солёной рыбы. В два часа отошли от пристани, а сегодня в четыре часа утра вышли в море. Японец, приказчик Косыгина, с вечера, провожая кого-то, напился и заснул на пароходе. Обнаружили его сегодня утром. Поэтому сегодня около семи часов утра остановились около маяка. Свистали, но лодка не пришла, и японец этот поневоле едет во Владивосток. Скептики утверждают, что японец все это устроил нарочно, чтобы незаметно выехать из Петропавловска.

В десять часов утра прошли мыс Поворотный.

Из Петропавловска во Владивосток едут восемьдесят два пассажира. Из них первого класса десять. За недостатком мест часть пассажиров первого класса помещается в каютах служащих, как это было на переходе из Номе в залив Святого Николая, а для двух дам второго класса устроено помещение в большом фунгесе. Как и тогда, обедаем и ужинаем в две очереди.

Профессор Комаров, один из участников экспедиции Рябушинского, прошедший нынешним летом более месяца в окрестностях Паратунки и прошедший пешком оттуда до Большерецка, утверждает, что травы в южной Камчатке великолепны и что скотоводство здесь может процветать. Это совершенно противоречит мнению чиновника Министерства государственных имуществ, участника переселенческой экспедиции, которого я видел в последние дни у Вильдемана и который утверждает, что кормовых трав в Камчатке нет, а по причине холодной почвы они произрастать здесь не могут. Профессор Комаров несколько удручён тем обстоятельством, что, поверив словам разных сведущих людей о количестве свободных рабочих рук и скота в Камчатке, он не запасся своими рабочими и перевозочными средствами, а поэтому нынешним летом не мог сделать всего предположенного. На будущий год он непременно привезёт тех и других, чтобы быть вне зависимости от местных жителей.

Один из помощников Комарова, студент Петербургского университета, рассказывал, что когда они были у устья реки Большой, то видели медведей, которые, сидя на берегу или на камне, лапой

вылавливали рыбу, отъедали у нея голову, а туловище бросали. Подтверждение общераспространенного в Камчатке мнения, что голова — самая вкусная часть рыбы.

Какие результаты даст экспедиция Рябушинского, сказать нельзя, но до сих пор богатства Камчатки проблематичны: промысел нерп и сивучей у Командорских островов давно уже исчез, бобрового и котикового промыслов почти не существует. Прочие пушные звери (медведь, волк, песец, соболь, горноста́й, лисица) разбегутся по мере увеличения населения. Оленеводство кочующих коряков и чукчей настолько сократилось, что они уже не в состоянии снабжать шкурами, ремнями и лопатью своих оседлых сородичей и тем поддерживать их благосостояние. Промысел «китов» у берегов «Чукотии» очень незначителен, рыбные богатства грозят скорым оскудением, если охрана их не будет немедленно поставлена более рационально, и если самым серьезным образом не будет устранено хищничество. Лесного промысла нет и не может быть, так как в Камчатке нет строевого леса. Недра земли совершенно не разработаны, и есть ли в них полезные для человека металлы или минералы, никто не знает. Заведующий концессией — горный инженер Нацвалов прошёл всё побережье от залива барона Корфа до Уки и признаков золота не нашёл, а каменный уголь в заливе барона Корфа — лигнит (слабообугленная древесина, сохранившая структуру тканей, бурый уголь. — *Ред.*), негодный для употребления: им не пользуются даже местные жители в домашнем обиходе.

Между десятью и одиннадцатью часами вечера прошли параллель мыса Лопатки. Прощай, Камчатка, прощайте северные страны!

Так у меня и нет в красках ни мыса Шипунского, ни мыса Лопатки. Когда я проходил мимо них в мае на «Шилке», они были в тумане, а будучи на *Toyotoni maru* и на «Каморе», не видел Шипунского мыса за слишком ранним временем утра.

Весь день дует слабый юго-западный ветер, море слегка волнуется, анероид стоит хорошо.

23-е, вторник. С раннего утра начали огибать с юга остров Парамушир и до обеда шли между ним и островом Онекотан, имея курс прямо на Лаперузов пролив. Во время обеда прошли с юга близ небольшого острова Маканруши. Этот остров представляет сплошной вулкан. Вершина его покрыта облаками, и поэтому строения ея не видно. Верхняя треть горы — жёлтая и красная осыпи, таковые же обвалы и у берегов моря. Все же склоны покрыты яркою зеленью, что говорит за нахождение здесь тёплого

японского течения. Перед закатом солнца видели слева остров Хиросири (Черикотан). Он не больше Онекотана и очень похож на него по очертаниям. Теперь мы всё больше отдаляемся от Курильской гряды, и берег увидим только в Лаперузовом проливе.

Ветер вчерашний, море несколько более волнуется, анероид идёт на повышение.

24-е, среда. С утра стрелка анероида пошла на понижение, ветер переменился и стал дуть всё с увеличивающею силой от юго-востока. К вечеру ветер дошёл до пяти, а зыбь — до четырёх баллов. Большинство пассажиров укачало, и весь день в кают-компании и на палубе никого не видно.

25-е, четверг. После шести часов утра почти заштилело. Капитан зашёл ко мне в каюту справиться о моём здоровье, и был удивлён, увидевши меня за чтением. С девяти до двенадцати часов вновь сильный ветер, но затем настолько стихло, что я мог писать этюд. Около четырёх часов ветер переменился и стал дуть почти нам навстречу. С этого времени качка почти прекратилась, а море заиграло крайне своеобразно: поверх вчерашней зыби от северо-востока побежала волна от юго-запада. К вечеру наша кают-компания оживилась, не было только двух-трёх человек, особенно подверженных морской болезни.

В девять часов вечера анероид показал 749 мм, западный ветер в пять, облачность — в восемь баллов. Полная луна играет на проходящих кучевых и перистых облаках и на воде. Синезелёный диск вокруг луны, серые тона в облаках при отсутствии красных пятен обдают холодом.

В течение дня, будучи один, я невольно думал, что через несколько дней буду во Владивостоке и, согласно даннаго мной обещания Хабаровскому отделу Императорского Русского Географического общества, мне предстоит, разобравшись в материалах, приступить к компановке, а затем и лепке барельефов к моему проекту памятника Дежнёву. Бросая ретроспективный взгляд на всё виденное, вспоминая слышанные разговоры, я невольно задаюсь вопросом: какого рода памятник нужен казаку С. Дежнёву и где — в Хабаровске или в другом месте? Помнится мне, что как-то в разговоре о цели моей поездки на север Вильдеман задался таким же вопросом и разрешил его в том смысле, что память великих людей должна увековечиваться не монументами, а общепольными учреждениями. С этою мыслью нельзя не согласиться. Каждый монумент является лишь украшением того или другого места, мало говорить уму и ничего не говорит сердцу, тогда как общепольное

учреждение может много дать и тому и другому и заставляет потомков с любовью вспоминать имя человека, потрудившегося на их пользу. Поэтому памятник знаменитому казаку, проведшему большую часть жизни на Северо-Востоке Азии и не только не представлявшему себе будущего города Хабаровска, но навряд ли знавшему о существовании реки Амур, должен быть там, где он работал, но не там, где более или менее случайно ныне собрана кучка интеллигентов.

Но так как памятник в виде монумента, работы даже гениального художника, поставленный среди тундры, населённой дикарями, вызовет у каждого только улыбку, то он должен быть в виде общепользающего учреждения. Таковым, по моему мнению, следует признать маяк и при нём спасательную станцию. На фронтальной стороне маяка может быть установлен бюст отважного казака и прибита мраморная или чугунная доска с означением главных его дел. На этом маяке, наверное, найдут убежище несколько десятков лиц, ежегодно терпящих аварии от весенних и осенних льдов и летних туманов в Беринговом проливе у «Большого Каменного Носа», от которых в своё время едва не погиб С. Дежнёв с его небольшою дружиной. Кроме этого, для подачи помощи мореплавателям — образованным и совсем необразованным из местных жителей, следовало бы иметь на маяке или близ него доктора, фельдшера и аптеку.

Эти лица в такое время могли бы оказывать медицинскую помощь всему местному населению, сильно в ней нуждающемуся. А если к ним прибавить акушерку, которая во многих случаях облегчила бы появление на свет Божий новых граждан, школьного учителя со знаниями некоторых ремесл и ветеринарного врача и фельдшера, которые оберегали бы от усиленных падежей стада оленей, — этот единственный источник чукотского благополучия, то на восточной оконечности Русской Державы получился бы культурный уголок, который оказывал бы не поддающееся учёту влияние на тысячи вёрст побережья Ледовитого океана и на сотни вёрст на юг и запад.

Епископ Аляскинский обещал с будущего года учредить в посту Владимирском (бухта Провидения) миссионерский стан. Часть будущих миссионеров, вероятно, поселится на мысе Дежнёва, а тогда и здесь возсияет свет Христов и раздастся благовест, призывающий и чукчу, и русского к общей молитве. Все эти учреждения и лица, вместе взятые, будут настоящим памятником Дежнёву. Придя к такому заключению, я вперёд отказываюсь от продолжения работ

по проектированию никому не нужного монумента на одном из хабаровских бульваров.

26-е, пятница. Около полуночи небо совершенно расчистилось, ветер значительно ослаб, волнение стало успокаиваться — можно было думать, что шторм окончился, но с восходом солнца облака начали группироваться на северо-западной части горизонта. К пяти часам всё небо было покрыто грозowymi тучами, и вновь разразился шторм от северо-запада и на этот раз со снегом и дождём.

Капитан, сойдя в кают-компанию погреться, говорил, что пароход выгрывает только полторы мили в час, на мостике трудно стоять, и было время, когда он хотел повернуть, чтобы укрыться под берегом у мыса Анива. В десятом часу прояснело, и мы увидели берег Сахалина, весь покрытый снегом. На мысе Крильон рассмотрели маяк и мачту беспроводного телеграфа, а на «Камне Опасности» — громадные буруны. В полдень стрелка анероида показывала 744,5 мм. Такого низкого давления не было с 29-го июля.

До двух часов дня было совершенно ясно, только отдельные тучки гуляли по небу да громадная чёрная туча уходила за юго-восточную часть горизонта. Пароход стал делать около шести узлов. Около двух часов волна окатила с леваго борта палубу и рубку. Вскоре небо сплошь покрылось облаками, ветер загудел с силой восемь баллов и пошёл дождь.

Этот шквал продолжался не более часу. В четыре, шесть и восемь часов он вновь повторялся с такою же силой. В девять часов анероид показывал 745 мм, то есть на 0,5 мм более чем в полдень. В десять часов я лёг в кровать. В это время всё небо было покрыто кучевыми и перистыми облаками. Ветер свистел с прежнею силой, волна поддавала на палубу или, проходя под пароходом, заставляла его вздрагивать всем корпусом. К этому прибавлялся шум штуртросов и перебой винта. В общем, получалось прескверное впечатление.

В моём метеорологическом журнале записано: в семь часов утра юго-западный ветер в пять баллов, в час дня такой же в восемь баллов, а в девять часов вечера — западный в восемь баллов. Сравнивая эту запись со всем сегодня происходившим в природе, убеждаешься в верности приметы владивостокских жителей: если в ясную погоду корабли повернуты носом на запад или юго-запад — быть буре.

27-е, суббота. В течение ночи я три раза собирал с полу свои вещи, поэтому до пяти часов утра не спал абсолютно, а затем хотя и уснул, но спал тревожно. Сосражая от безделья по поводу хода парохода,

мне казалось, что если капитан не остановился у Рибунсири, чтобы переждать бурю, то ему надо держать на запад, против нового шторма, тогда сила сопротивления ветра уравнивалась бы силой попутной зыби, и пароход выгрёбал бы нормальное количество узлов. Правда, такой курс несколько удлинил бы наш путь, но, что делать, зато мы шли бы спокойнее. Это моё предположение утром подтвердил Рудаков, который много лет плавал в здешних водах на шевелёвских пароходах (судоходной компании купца Шевелёва. — *Ред.*), а затем на собственной шкуне.

Около десяти часов я вышел на мостик, и капитан заявил, что такого ада, как сегодняшнюю ночь, во все плавания ещё не было. Шторм 25-го числа развёл зыбь от юго-востока, а вчерашние шквалы развели волну от юго-запада. Поэтому пароход било то справа, то слева. Одна волна проходила под пароходом, другая же в то же время обдавала его сверху.

Сегодня весь день отличная погода, и в девять часов вечера стрелка анероида показывает 765 мм давления. По подсчёту капитана, завтра в восемь часов утра мы будем у залива Святой Ольги, а в двенадцать часов ночи — у острова Аскольд.

28-е, воскресенье. Сегодня на редкость хороший день: тепло, светло, тихо. «Камор» идёт плавно по совершенно зеркальной поверхности моря. Временами казалось, будто он стоит на якоре.

Около девяти часов вечера прошли маяк на мысе Поворотном. До Владивостока осталось шестьдесят пять миль, или семь часов ходу. Так как между островом Аскольд и бухтой «Золотой Рог» ещё до сих пор встречаются пловучия мины (следы недавней русско-японской войны. — *Ред.*), которые и днём бывает трудно разглядеть, то наш капитан решил задержаться часа на три около этого острова. К тому же приход в бухту ночью был бы безцелен, так как доктор и полиция ранее восьми часов утра или подъёма флага на пароход не приедут, а без них никого на берег не спустят.

Вечером публика долее обыкновенного засиделась в салоне и на палубе, очарованная прекрасною погодой, я же в десять часов ушёл к себе в каюту укладываться, дабы завтра при первой возможности съехать на берег. Как ни ново было для меня всё виденное, как ни приятно было плавание при условии безразличного отношения моего организма к морской качке, но всё же хорошо вернуться домой после пяти месяцев отсутствия и чувствовать под собой твёрдую почву...

М. С. Латернер

Ниже представлены две публикации на одну тему — исследование Командорских островов в 1880-х гг. Их объединяет и то, что они впервые воспроизводятся на русском языке.

Перу Л. Стейнегера принадлежат путевые записки, опубликованные в 1885 г. в сборнике «Немецкие географические страницы». Их перевод на русский язык с немецкого осуществлён в 2012 г. Ольгой Андреевной Куликовой, правнучкой Николая Александровича Гребницкого, управляющего Командорскими островами в 1877—1907 гг., живущей в Германии в г. Риденбурге. Текст отредактирован и снабжён комментариями (кроме отмеченных отдельно) главным хранителем Алеутского краеведческого музея Натальей Александровной Татаренковой.

Сердечно благодарим Р. Б. Аликулова и М. Г. Куликову за помощь в литературной обработке; В. Т. Тимошенко — за рассказ о жителях Ладыгинского селища; Г. М. Яковлева — за рассказ об особенностях охоты на морского зверя; Е. В. Головки, В. М. Кияйкину и В. Т. Тимошенко — за перевод алеутских слов; М. А. Членова — за консультацию по вопросам генеалогии алеутов; О. В. Божену, А. М. Токранова, В. Л. Джуринова — за консультацию по гидробионтам.

Л. СТЕЙНЕГЕР

**ПОД ПАРУСОМ ВОКРУГ ОСТРОВА БЕРИНГА.
Осень 1882 г.**

От переводчика

Исследование генеалогии семьи обратило моё пристальное внимание на Командорские острова, куда во второй половине XIX в. был назначен управляющим мой прадед Николай Александрович Гребницкий. Судьба свела меня с главным хранителем Алеутского музея на острове Беринга Натальей Александровной Татаренковой. От неё я впервые услышала имя Леонарда Стейнегера. Публикации известного американского учёного можно найти на сайте Смитсоновского института. Со времени их написания прошло сто тридцать лет, а тексты, повествующие об исследовании русских земель, ни разу не переводились на русский язык!

Я загорелась сделать перевод. Наталья Александровна согласилась отредактировать его и составить комментарии, что само по себе является отдельным трудом. Благодаря её вдумчивому профессиональному подходу к вопросам краеведения, знаниям в области географии, зоологии, ботаники и этнографии, совместную работу над переводом путевых записок Стейнегера удалось поднять до уровня научного исследования.

Вместе с отважным путешественником мы проделали путь вокруг острова, как если бы вместе с ним сидели в шлюпке, осматривали бухты, горы, долины, переживали неудачи и преодолевали трудности. Перевод стал захватывающим приключением, а работа над ним — серьёзным испытанием на выносливость.

О. А. Куликова

Леонард Гесс Стейнегер (Штейнегер) родился 30 октября 1851 г. в норвежском городе Бергене. В путевых заметках Стейнегер не раз называет себя сыном гор: его родной город, лежащий, как в чаше, среди семи горных вершин, представляет собой потрясающее зрелище. Отовсюду открывается великолепный вид на предгорье или заснеженные вершины. Берген также называют «Воротами норвежских фьордов». Не удивительно, что с раннего детства мальчик увлёкся исследованием природы, а суровый дождливый климат сформировал в нём стойкий характер путешественника.

К 1880 г. финансовое положение Стейнегеров пошатнулось, и Леонарду пришлось искать новые источники для своих научных изысканий. Следуя рекомендациям своего коллеги, он переехал в Соединённые Штаты. В 1881 г. Стейнегер приступил к работе в отделе орнитологии Смитсоновского института (Вашингтон). Первое путешествие на Командоры состоялось в 1882—1883 гг., одной из основных задач было проведение систематических метеорологических наблюдений. В начале мая исследователь достиг берегов острова Медный и собрал там небольшую зоологическую коллекцию, затем переправился на о. Беринга, где провёл большую часть времени вплоть до конца лета 1883 г. Помимо наблюдений за лежбищами котиков и орнитологических изысканий Стейнегер сделал уникальнейшую находку, описанную в настоящей публикации: неполный скелет Стеллерава баклана, вымершего в первой половине XIX в. Не менее значима находка черепа ремнезуба, по которому в 1885 г. был описан новый вид млекопитающего. Сборы морских беспозвоночных и наземной растительности также привели к описанию новых видов. Не настолько выразительна, но достаточно любопытна находка арктики карликовой, изредка встречающейся на о. Медном, но не обнаруженной на о. Беринга ни одним коллектором.

Позже Стейнегер посещал Командоры в качестве члена государственных комиссий в 1895 г. (оба острова), 1896 г. (главным образом о. Медный) и 1897 г. (о. Беринга). В результате вышла в свет целая серия замечательных научных публикаций, до сегодняшнего дня не утративших свою актуальность. Последняя поездка состоялась летом 1922 г.

Во время поездок на Командорские острова Стейнегер неизменно пользовался расположением и дружеской поддержкой своего коллеги — управляющего Командорскими островами Николая Александровича Гребницкого.

В настоящее время на Командорских островах и в их окрестностях обитают несколько видов, названных в честь именитого учёного:

— *млекопитающие*: командорский ремнезуб, описан в 1885 г. Ф. Тру по черепу молодого животного, найденного на берегу о. Беринга Н. А. Гребницким и Л. Стейнегером (череп хранится в коллекции национального музея США). К 1957 г. было известно только тринадцать находок командорского ремнезуба¹. Можно смело утверждать, что редчайшая находка была сделана во время пребывания Стейнегера на о. Беринга 1882—1883 гг., курильский подвид тюленя обыкновенного;

— *рыбы*: бычок Стейнегера (*Stelgistrum stejnegeri* Jordan et Gilbert, 1898). Встречается в Охотском и Японском морях, Татарском проливе, а также в тихоокеанских водах о. Хоккайдо, Курильских островов и Юго-Восточной Камчатки. Но до настоящего времени близ Командорских островов не обнаружен²;

— *морские беспозвоночные*: брюхоногие моллюски *Turrivolutopsis stejnegeri* и *Cerithiopsis stejnegeri* (Dall, 1884)³; ставромедуза *Haliclystus stejnegeri* (Kishinouye, 1899)⁴;

— *сосудистые растения*: подвид лисохвоста альпийского⁵.

Также в честь ученого названа вершина на острове Медном. Гора Стейнегера расположена близ северо-западной оконечности и имеет высоту 633,8 м. Это — вторая по высоте точка острова.

Представляемая работа ни в коей мере не является сухим научным трудом. Напротив, это — настоящее литературное произведение, в котором раскрывается недюжинный публицистический талант автора. Помимо красочного описания предпринятого путешествия, читатели получают несомненное удовольствие от тонкого юмора автора. Серьезный американский учёный, норвежец по происхождению, раскроется в совсем ином свете.

Н. А. Татаренкова,
о. Беринга, с. Никольское, 2012 г.

Прошли уже более ста сорока лет с тех пор, как состоявший на службе в России знаменитый датский мореплаватель Витус Беринг после многих месяцев скитаний по неприветливым волнам северной части Тихого океана причалил со своими товарищами по несчастью к неизвестному необитаемому острову в ста английских милях западнее Камчатки. Почти вся команда страдала цингой, многие умерли, в том числе сам командор. Корабль разбился о скалы, и холодная ветреная зима умножила страдания. Казалось, все участники экспедиции были обречены на неминуемую гибель. Однако, благодаря стараниям одного немца, большая часть команды выжила, а сама экспедиция оставила в истории науки неизгладимый след.

Остров, на берегу которого погиб Беринг, теперь носит его имя, а весь архипелаг получил название Командорских островов по званию его морского ранга. В честь него также названы море,

улица, гора в Азии и залив в Америке. Но что же напомним здесь о бессмертном Стеллере — Геродоте дальних земель? Попробуйте найти его имя на карте острова, который он так одухотворенно воспел! Его нигде нет, в то время как в честь лейтенантов и кормчих, на которых лежит вся ответственность за случившееся несчастье, названы три мыса: Вакселя, Хитрово (совр. мыс Толстый. — *Н. Т.*) и Юшина! Тот, кто увековечил экспедицию, кто спас людей от гибели, был забыт. Теперь настало время наверстать упущенное! Я почту за честь отдать должное великому немецкому ученому-путешественнику, написав о нём в сборнике «Немецкие географические страницы». Самый высокий горный пик острова Беринга будет называться гора Стеллера⁶.

Чтобы исследовать современное состояние острова, подробное описание которого составил Стеллер после вынужденной зимовки вместе с остальными членами экипажа 1741—1742 гг., я избрал поход на парусной лодке. Осенью 1882 г. я отправился в путь и обогнул остров со всех сторон.

Это путешествие было задумано как часть программы моих исследований. Оно должно было стать своего рода разведкой с целью найти подходящее место, достойное, чтобы сконцентрировать на нем свое внимание исследователя. План был основательно продуман, взвешены все «за» и «против». Принятию окончательного решения препятствовал лишь осознание, что плавание под парусом в открытой лодке могло быть довольно рискованным, так как остров почти лишён закрытых бухт и даже при небольшом ветре из-за мощного прибоя высаживаться опасно, или вообще невозможно — Тихий океан решительно не заслуживает своего мирного названия. Вдобавок ко всему, местные алеуты робеют, если оказываются не в своих лёгких, обтянутых шкурами тюленей байдарках (на Командорских островах байдары обычно обтягивались шкурами сивучей. — *Н. Т.*).

К тому же, время года было не самым подходящим: началась осень, и туманы, которыми так славится Берингово море, были, увы, обычным явлением (в настоящее время начало осени считается сезоном, когда туманы наиболее редки. Возможно, Стейнегер имел в виду увеличивающуюся вероятность подхода циклона. Поход проходил с 25 августа по 15 сентября по старому стилю, что составляет промежуток с 12 августа по 2 сентября по новому стилю. — *Н. Т.*). С другой стороны, в пользу путешествия по воде говорило то, что только таким способом мы смогли бы достичь намеченной цели. Передвигаться на собачьей упряжке до залега-

ния снега было бы слишком тяжело. Кроме того, было бы невозможно заниматься поисками скелета морской коровы. Если бы мне посчастливилось таковой найти, его можно было бы доставить домой только на лодке. Но, как говорится, решить смело — сделать полдела!

Два обстоятельства помешали мне использовать для экспедиции летнее время. Во-первых, не было никого, кто бы мог в мое отсутствие взять на себя метеорологические наблюдения, во-вторых, я не смог бы нанять людей раньше окончания сезона охоты на котиков (в летние месяцы традиционно производился забой холостяков — молодых, не имевших гаремов самцов северного морского котика. — *Н. Т.*).

Я смог приступить к осуществлению своих планов только в августе. Любезный господин Г. Черник, агент арендующей остров российско-американской торговой фирмы (торгового дома «Гутчинсон, Кооль и К°», арендовавшего пушные промыслы на Командорских островах в 1871—1891 гг. — *Н. Т.*) добровольно согласился проводить наблюдения на метеостанции. Староста — выборный представитель местного населения — подобрал шестерых самых надёжных из изъявивших желание идти со мной моряков и стрелков, уважаемый капитан Иван Зандман, генеральный агент фирмы, снабдил меня всем необходимым. А реальную возможность осуществить экспедицию предоставил сам глубокоуважаемый администратор, господин надворный советник Н. фон Гребницкий⁷, отдав в моё распоряжение большую казённую лодку. К тому же, он дал разрешение на отстрел котиков и нерп для питания, хотя официальный запрет на охоту заканчивался только 31-го августа (даты по юлианскому календарю. — *Н. Т.*). Короче говоря, все были готовы помочь мне и словом, и делом.

Лодка оказалась довольно тяжёлой и, как выяснилось позже, почти непригодной для крейсирования, однако устойчивой, непротекаемой и просторной. Паруса были относительно небольшими, но новыми и крепкими. У нас не хватило времени и воображения, чтобы придумать для неё собственное имя, и мы выделяли её из прочих тем, что называли «имперской шлюпкой», или попросту — «шлюпкой». На борт погрузили мой сундук для коллекций, ящик сухарей (сто фунтов), немного солонины, сахар, чай, чайник, некоторые инструменты: топор, тяпку, пару лопат и, наконец, медвежьих шкуры с шерстяными одеялами и старый байдарочный⁸ парус, который должен был служить нам палаткой. Деликатесов не брали, так как я взял за правило в подобных экспедициях

питаться тем же, чем и остальные. Единственным исключением был алкоголь для гребцов, причитающийся за тяжёлую работу и на случай плохой погоды, а также для фиксации морских животных (для длительного хранения. — Н. Т.).

Из огнестрельного оружия мы захватили семь нарезных ружей и два прекрасных дробовика. Приборами я, к сожалению, был снабжен плохо из-за поспешности отъезда из Америки. Азимутный компас, барометр и термометр, — вот все, что я успел с собой захватить.

Кроме служащего торговой компании, одного латыша из Риги, добровольно меня сопровождавшего, команда состояла из местных жителей, имеющих от шести до семи восьмых алеутской крови, а также штурмана Игнатия Бадаева — худого, высокого мужчины крепкого телосложения пятидесяти одного года от роду, тогда как остальные — Денис Бурдуковский, Евграф Григорьев, Василий Мальцов, Гаврила Паньков и Григорий Старцов — были молодыми людьми в возрасте от двадцати до тридцати лет⁹.

Всё было готово к отплытию. Мы задержались на несколько дней из-за неподходящей погоды: то стоял туман и штиль, то дул слабый встречный ветер, так что о плавании под парусом не могло быть и речи.

Наступившее 21 августа не принесло видимых изменений, но мы всё же решились тронуться в путь и, если понадобится, грести, предпочтя пусть даже медленное продвижение полному бездействию в деревне.

Деревня, население которой составляют триста жителей острова Беринга, лежит у подножья базальтового хребта высотой около двухсот шестидесяти футов со стороны его северного склона, причём так близко к океану, что зимний прибой обдаёт брызгами дома, и однажды даже снёс забор здания компании. Чтобы точнее описать местоположение, добавлю, что деревня находится на западной стороне острова недалеко от северо-западного мыса, внутри лёгкого дугообразного изгиба побережья. Вместе с островком Топорков, названным так из-за множества гнездящихся там топориков — морских попугаев (*Lunda cirrhata*) — изгиб образует своего рода гавань, которая, однако, вряд ли заслуживает подобного названия.

Как раз в том месте, где стоит деревня, в море впадает речка — та самая, которую Стеллер назвал Озерная и которую описывал следующим образом: «Другое место находится в ста пятнадцати верстах западнее от юго-восточного мыса и в пятидесяти верстах

от северо-западного мыса. Берег в этом месте поворачивает от севера к западу, открывая взору речку, которая достойна быть отмеченной более других. Во время прилива глубина её в устье достигает 6—8 футов¹⁰. Река берёт начало в самом большом озере острова¹¹ и в направлении от моря становится всё глубже, что даёт возможность без особого труда пройти по ней до озера, удалённого от устья на полторы версты, тем более что окружена она отвесными скалистыми стенами, защищающими её от всех ветров. Я назвал эту реку Озерная. Это место тем более примечательно, что с южной стороны напротив устья и всего в миле от него лежит маленький островок¹² с длиной окружности в милю».

Описание показывает, что с тех пор многое изменилось. Однако здесь я замечу лишь то, что река стала значительно мельче, исключая устье, а озеро обмельчало до такой степени, что стало проходимым только для байдарок. Я возвращусь к этим фактам, когда закончу обработку всех доказательств в пользу предположения, что поверхность этой части суши поднялась¹³.

Деревня, именуемая местными жителями просто «Гавань»¹⁴, только с недавнего времени обрела собственное название¹⁵, нанесённое на рукописные варианты карт русских офицеров как Гавань Гребницкого¹⁶ в честь нынешнего администратора. Все жители имеют собственное жильё — либо деревянные, окрашенные красной краской дома, либо низкие землянки, или юрты (следуя представлению Норденшельда, можно было подумать, что дома были крошечными — меньше, чем юрты, на самом деле это не так. Дома здесь значительно больше и достигают размеров от 24 на 20 до 18 на 16 футов). Дома расположены вдоль обычных улиц и, если бы не ездовые собаки и сооружения из жердей с развешенными для просушки кусками красной рыбы и зловонными останками тюленя¹⁷, деревенька прекрасно выдержала бы сравнение с каким-нибудь местечком подобного рода в богатейшей высоко цивилизованной части Европы. Она имеет свою церковь¹⁸, освящённую во имя сибирского святого Иннокентия¹⁹, казённое здание Компании и представительный дом для служащих. В общем и целом можно похвально отозваться о сложившейся там ситуации. Люди счастливы — счастливее, чем многие миллионы их сограждан²⁰, и могли бы жить ещё лучше, если бы только пожелали. Надо надеяться, что господину Гребницкому, которого теперь поддерживает образованная супруга (Елизавета Николаевна Гребницкая, урожденная Гирс. — *Н. Т.*), удастся и дальше претворять в жизнь планы по улучшению благоденствия общины. Торговая компания

также заслуживает всяческих похвал за заботу и готовность приносить жертвы в стремлении во всём помогать местным жителям. Замечу лишь, что все дома местных жителей построены и переданы им в *безвозмездное* пользование; намечено продолжать строительство до тех пор, пока все семьи не будут обеспечены жильём²¹. В этом году Компания, возможно, построит церковь и другое.

Кроме этой деревни есть ещё четыре довольно крупных селения, состоящих из землянок. Селения становятся обитаемыми только в определенные промежутки времени: это Федоскино, Старая Гавань, Саранна и Северное²² — с ними мы познакомимся позже.

Теперь несколько слов о представленной карте.

Как уже было сказано, так называемая гавань сильно открыта: при западном и особенно северо-западном ветре на берег беспрепятственно накатывают пенящиеся волны океана. Наиболее надёжный проход — между островом Топорков и Рифом (современное название участка — Входной риф. — *Н. Т.*). При этом, однако, следует держаться ближе к первому, чтобы избежать подводных скал базальтовых рифов. При высокой воде и спокойном море волны не пенятся у внешней границы рифа. Лучшее место для якорной стоянки находится в точке глубиной шесть фаден (английская мера глубины. Один фаден равен шести футам, то есть 1,852 метра; величина фадена и фута может быть различной в разных странах. — *Н. Т.*), ориентиром для которой служат сарай для лодок на рифе с южной стороны и флагшток Компании на востоке, при этом расстояние до восточного ориентира в два раза больше, чем до южного, все направления выверены по компасу. При высокой воде и относительно спокойном море можно подойти близко к домам Компании на лодке, при низкой воде это следует делать только в сопровождении опытного лоцмана, знающего мели в устье речки. Во время отлива или при сильном юго-западном ветре причалить можно у выкрашенного в красный цвет сарая для лодок, расположенного в направлении *S* от места отдачи якоря.

При сильном *NW* высадиться на берег решительно невозможно. Северный подход (имеется в виду подход к острову, а не заход в бухту. — *Н. Т.*) небезопасен в первую очередь из-за многочисленных подводных скал у северо-западной оконечности острова — мыса Западного (современный Северо-Западный мыс на карте Стейнегера значителен как Западный. — *Н. Т.*), где, к тому же, настолько мелко, что в сильный шторм волны разбиваются о подводные скалы далеко от берега. Опасны и две группы камней, расположенные между Китовым Непропуском и Арьим Камнем — при

высокой воде и спокойном море они незаметны. Норденшельд проходил этим путём на «Вега», и жители рассказывали мне, что когда они увидели незнакомый пароход, проходящий близко от земли, то очень обеспокоились, предполагая несчастный исход.

Камень Половина (современное название островка — Камень Половинчатый, или Половинка. — *Н. Т.*), который алеуты называют «Алитана»²³, лежащий между островами Топорков и Арьим, никогда не бывает полностью скрыт под водой. Однако лучше обходить Арий Камень с юга, как это обычно делают русские военные корабли. Место легко узнаваемо по двум группам своеобразных, приблизительно шестьсот футов высотой столовых гор. Западная группа состоит из двух сопок, а восточная — из трёх: округлых, сверху плоско-срезанных, со склонами схожей формы (западная группа включает две Столовые горы, восточная — три Свиные горы. — *Н. Т.*). Если идти от Камчатки в направлении гавани, их видно уже издалека. Им больше подходит название «байдарки», или «лодки», данное им местными жителями: они, действительно, выглядят как вытащенные на берег, перевёрнутые вверх дном байдарки.

Вернемся, однако, к нашему путешествию. Утром, в понедельник 21 августа мы вышли из «гавани», обогнули Риф и в скором времени потеряли деревню из вида. Курс лежал на следующий мыс — мыс Китовый (современный мыс Нерпичий. — *Н. Т.*), а затем плавно поворачивал на юго-восток. Между Рифом и Китовым мысом суша отступает, образуя широкую, закруглённую с двух сторон бухту. На старых картах здесь обозначен мыс Федоскина, однако на самом деле его не существует (мыс Федоскин отмечен на карте Беклемишева-Гребницкого 1882 г., он же под именем Федюшкин присутствует в публикации Б. Дыбовского 1885 г., название дошло до наших дней, хотя мыс, действительно, сглаженный и выражен слабо. — *Н. Т.*). За участком, носящим название Федоскина, где разбито большинство картофельных огородов местных жителей, начинается скалистый риф, опоясывающий весь остров с небольшими промежутками в основном с западной стороны. Бухта Федоскина была мне хорошо известна, поэтому мы не стали там причаливать. Здесь я хочу сказать несколько слов о местном земледелии и сельском хозяйстве.

Местный климат делает невозможным выращивание каких-либо злаковых. Однако для картофеля и других корнеплодов обычно хватает влажного и прохладного лета, которое порой можно назвать лишь «зелёной зимой», как это было, например, в 1884 г.²⁴

Geographische Blätter.

Herausgegeben von der
Geographischen Gesellschaft in Bremen.

Beiträge und sonstige Sendungen an die Redaktion werden unter der Adresse:
Dr. M. Lindeman, Bremen, Mendestrasse 8, erbeten.

Der Abdruck der Original-Aufsätze, sowie die Nachbildung von Karten
und Illustrationen dieser Zeitschrift ist nur nach Verständigung mit
der Redaktion gestattet.

Eine Umsegelung der Berings-Insel.

Herbst 1882.

Reisebericht von Leonhard Stejneger.

Hierzu Tafel 5: Umrisskizze der Berings-Insel, hauptsächlich nach eigenen Aufnahmen von Leonhard Stejneger (Maßstab: 1:888 000), mit Karten: Komander, von L. Stejneger, und Tafel 6: Grebnitski-Hafen auf Berings-Insel, nach den Aufnahmen von L. Stejneger; ferner zwei Illustrationen (Lichtdruck): Stellers Triumphbogen (Berings-Insel) und Pestschauja Buchta (Kupfer-Insel), nahe dem Dorf; endlich: Plan des Winterhauses der Schiffbrüchigen der Berings-Expedition.

Erinnerung an Bering und Stellar. Entschluss der Umsegelung der Berings-Insel. Wahl der Jahreszeit. Fahrzeug, Personal und sonstige Vorbereitungen. Abfahrt. Das Dorf Gavan oder Grebnitski-Hafen. Fedoskija Buchta. Kartoffel- und Rübenäckern. Rinderrucht. Heuernte. Gute Aussichten für Schafzucht. Kitovij Mys. Beschaffenheit der Küste. Tolstoj Mys. Was unter einer Nepropusk genannten Küstenstrecke zu verstehen ist. Felsenküste. Stellers Triumphbogen. Brutplätze der Pelzrobben. Seltener Abendchmuss. Der Manjik. Beraubung der Brutplätze. Die Gladkovskaja Buchta. Stellers Berg. Jagd. Nerpen. Meeresvegetation. Pereschajek (Isthmus). Vogelberg. Die Lissonkovaja Buchta. Gestrandeter Wal. Drei Kiszutche (Lachsart) gefangen. Mückenplage. Juschins Thal. Die Seeotterbucht. Schwierige Landung. Die Schlucht Schipitsina. Botanische Ausbeute. Varietäten des Polarfuchses. Ergebnisse der Fuchsjagd auf der Berings-Insel von 1871—1883. Beschreibung des Fuchsfangs auf der Berings-Insel. Kommunismus und Individual-Wirtschaft. Fortsetzung der Fahrt. Stotschnoj Mys. Zerriessene Felsenküste. Gavaruschetschia Buchta. Nerpen- (Seebunde) Jagd. Seeottern. Kolonie von Seevögeln. Dreistigkeit eines Blaufuchses. Das Vorgebirge Peregrobnaj. Ankunft in Toletaj Mys. Seekuhreste. Riff. Dreizehige Mäwen. Wildes Wetter. Gewrungene Nächtigung am Strande. Das Unwetter dauert fort. Komander. Auffindung von Resten der Expedition Berings. Abergläubischer Widerstand der alütischen Bootleute. Die Ruinen der Wohnungen Berings und seiner Gefährten. Das Thal von Polovino. Bachforellen. Brombeeren. Staraja Gavan. Badnoffs Haus und Garten. Umschiffung von Tonkij Mys. Sarannaja Buchta. Das Wetter bessert sich. Ankunft in der Sarannaja Buchta. Lachswehr. Botanischer Fund. Frohes Mahl. Umschiffung der Nordspitze der Berings-Insel. Rückkehr.

Es sind schon mehr als hundert und vierzig Jahre verfloßen, seitdem der berühmte dänische Seefahrer im russischen Dienste Vitus Bering mit seinen Unglücksgefährten auf einer unbekanntenen und unbewohnten Insel hundert englische Meilen östlich von Kamtschatka landete, nachdem sie monatelang auf den ungastlichen Wellen des nördlichen Stillen Oceans herumgetrieben waren. Fast die ganze Mannschaft war von Skorbut angegriffen, viele starben, auch der Kommandeur;

Титульный лист записок Л. Стейнегера

BERINGS-SEE

Pestschantij
Zapadnij Mys

Hohes Plateau

DER
GREBNITSKI-HAFEN
AUF DER
BERING-INSEL.

Nach seinen Aufnahmen im Jahre 1882
gezeichnet von
LEONHARD STEJNEGER.

155

Kitovij
Nepropusk

Kitovij
Mys

Ladignuskajal

Polovino Kamen
(Alitana)

Arij Kamen

Toporkof Ins.

Höhen in engl. Fuss, Tiefen in engl. Faden.

55° 10' N. Lat. } Vegat.
165° 55' E. Long.

Booth

Bluff

Nepropusk

Карта гавани Гребницкого из записок Л. Стейнегера

И всё же тепла бывает достаточно, чтобы местные жители смогли обеспечить себя этими продуктами. Если бы они лучше разбирались в земледелии и вкладывали немного больше труда, урожай мог бы быть значительно богаче.

Картофельные огороды на острове есть в двух местах. Первый — около Старой Гавани, деревеньки на восточной стороне острова, расположенной прямо напротив Гавани Гребницкого, в прежние времена там находилось основное поселение, и приставали маленькие суда авантюристов — охотников за мехами, а теперь живут только во время сбора урожая картофеля и охоты на песцов. Место это довольно хорошее, с превосходной почвой, но находящееся далеко от основной деревни, так что ездить туда летом на собачьих упряжках слишком обременительно. Не живя там постоянно, невозможно присматривать за огородами должным образом. Кроме того, люди, похоже, отдают предпочтение общению, нежели возделыванию картофеля. Администрация также не приветствует долгого пребывания жителей вдали от деревни.

Второе место — Федоскино — то, которое мы только что миновали, расположено намного ближе: до него можно дойти пешком всего за несколько часов. Но и эти огороды остаются практически без присмотра, так как мужчины заняты охотой на тюленей, а женщины — ловлей лососёвых. К тому же почва там бедна и холодна, так как расположена западней²⁵, обработана примитивно, посев слишком плотный, и можно только диву даваться, каким образом средняя величина клубней картофеля иногда достигает четырёх сантиметров, а прочих корнеплодов — до восьми. Несомненно, можно было бы добиться лучших результатов, если бы огороды находились рядом с деревней. Однако сделать это невозможно из-за большого количества ездовых собак, проявляющих повышенный интерес к «садоводству». Так обстоит дело с «земледелием».

Что же касается «скотоводства» — отрасли «сельского хозяйства» (в словах Стейнегера прослеживается откровенная ирония. — *Н. Т.*) — с ним дело обстоит ничуть не лучше. Торговая компания приняла решение всячески поощрять разведение коров. Для этого в качестве наглядного примера она построила просторный хлев, завезла коров — во время моего визита их было не меньше восемнадцати — и давала на время то одному, то другому жителю по корове. Однако практика такого рода не может привести к успеху по ряду причин. Во-первых, во всей округе нет ни одного человека, имеющего хоть малейшее представление о разведении скота, ни один не был крестьянином в том смысле, в ко-

тором мы это понимаем. Если даже удастся научить их доить коров, никто ничего не сможет сделать с молоком, разве что выпить его и обеспечить свежим напитком остальных — не слишком ли грандиозная затея, требующая стольких усилий?

Компания прислала запатентованную машину для взбивания масла, но никто не знает, как с ней обращаться и никого это не заботит. Но если бы кто-нибудь что-то в этом и смыслил и этим занимался, всё равно молока было бы слишком мало, так как из восемнадцати коров, принадлежащих Компании, только четыре были молочными, к тому же, они были камчатской породы и переставали давать молоко, как только у них отнимали телёнка. Это наглядно показывает, что при наличии восемнадцати голов скота молока не хватило бы даже для небольшого хозяйства агентов Компании. Надо добавить, что местных жителей сложно принудить к однообразной работе: трудно найти женщину, готовую доить коров, работника, который бы чистил коровник, или детей, которые бы стерегли и пасли стадо.

Кормовых трав в долинах по всему острову, особенно вокруг деревни, растёт достаточно. Поздним летом сено косят, сушат, насколько это позволяет влажный климат, и складывают в большие стога, самое дальнее — в полутора немецких милях от деревни (немецкая, или географическая, миля составляет семь вёрст, или 7 420 метров. — *Н. Т.*). Сенокос, однако, история особая. Косари не просто утром уходят, а вечером возвращаются. Нет, Компания обязана ещё обеспечить их палаткой, не должен быть забыт самовар, а в пищу будут употребляться исключительно сухари. Лагерная жизнь и покос рассматриваются скорее как развлечение, а не как необходимая работа. Если погода хорошая, оставшиеся в деревне родственники и друзья устраивают «пикник», что далеко не всегда способствует работе. Один американский или европейский крестьянин делает за время уборки урожая столько же, сколько десять русских и алеутов, но дневной заработок на острове так же высок, а может даже выше, чем в некоторых сельскохозяйственных районах Германии.

Доставить сено домой можно только с наступлением зимы — по снегу на ездовых собаках, и тогда снова начинается веселье! В поездке принимают участие множество нарт с упряжками из девяти-тринадцати собак. Въезжающий в деревню кортеж из саней, вытянувшийся по льду в стройную линию, представляет собой действительно красочное зрелище. Остановившийся караван приветствуется воем и лаем оставшихся дома собак, в то время

как сидящие высоко на возах сена сияющие от радости алеуты направляют своих лающих питомцев налево или направо оглушительными окриками «кака!» или «ху!», или «хуги!»²⁶.

По окончании зимы самые дальние стога остаются всё ещё нетронутыми: кто же может заранее предвидеть, как долго будет длиться зима и сколько съест каждая корова? Стоит ли удивляться тому, что легче привезти тюки сена из Калифорнии? Во время своего путешествия Норденшельд делает пророческое замечание, что «остров Беринга может без труда прокормить большие стада коров, может быть, такие же большие, как стада морских коров, пасшихся в былые времена у его берегов». Но мне совершенно непонятно, зачем здесь разводить коров. Мне говорили, что один господин задумал расширить сферу деятельности Компании и развить эту индустрию на Алеутских островах. Я готов поверить, что несколько зажиточных работающих семей на Аляске и Алеутах смогли бы прокормить себя таким замысловатым способом, но как можно хоть на миг предположить, что Компания на этом сможет заработать? Учитывая, что землю в Америке и Сибири получить пока легко, идея эта остается более чем непонятной.

Высказывая своё мнение о том, что выгодное разведение скота в данном районе невозможно и что я настоятельно не рекомендовал бы заниматься им на Командорских островах, я не имел в виду любой вид скотоводства. Напротив, я считаю, что толковое разведение овец с лихвой компенсировало бы затраченный на него труд и вложенные деньги²⁷.

На упомянутых островах это принесло бы желаемый результат — именно то, к чему стремилась торговая Компания, предприняв нынешнюю попытку завезти коров. Пока на островах обитает и размножается достаточное количество морских котиков, местные жители не будут нуждаться в другом «скоте», при том условии, что цены мирового рынка на мех котика не снизятся. Но никто не может гарантировать, что сегодняшние благоприятные условия продлятся вечно. Может случиться всякое, например, количество животных сократится из-за эпидемии чумки, и промысел не обеспечит достойного существования населения.

Во-вторых, мода на меха может пройти или прибыль будет так невелика, что потеряет смысл везти меха из отдалённых районов. Уже случалось, что Компания была не в состоянии покрыть расходы на перевозку шкур в Лондон. Приди такая беда, жителей ждет голодная смерть, так как летней добычи лососёвых и морских птиц будет недостаточно, чтобы прокормить пятьсот человек.

Тогда хорошее стадо овец выручило бы, и жители этих островов были бы даже лучше подстрахованы, чем исландцы или жители Фарерских островов. То, что овцы могли бы прекрасно прижиться на Командорах, не вызывает сомнения.

В качестве примера я приведу историю, как три лошади, завезённые осенью 1862 г. на остров Беринга, оставались всю зиму под открытым небом. Ни одной ночи не провели они под крышей, их ни разу не кормили, однако они перенесли зиму так хорошо, что в апреле 1863 г. были в лучшей форме, чем в октябре, когда их только завезли²⁸.

Конечно, для этого необходимо выбрать подходящую породу, не калифорнийскую, а, например, выносливую северо-европейскую, или шотландских «черномордых». Однако, прежде чем начинать разведение овец, необходимо удалить ездовых собак. Одни они и виноваты в том, что разведение всё ещё не было предпринято. Даже при нынешних условиях использование собак вовсе необязательно. Было бы легче и дешевле проложить хорошую дорогу между деревней и северным котиковым лежбищем с ответвлением на Саранну, где находится самая большая рыболовная артель по добыче лосося, тогда хватило бы нескольких лошадей для доставки необходимой соли к лежбищам или для транспортировки сушёной рыбы с Саранного.

Сейчас собаки используются в основном для перевозки в деревню выброшенной на берег древесины, пригодной для растопки. Но местные жители отмечают, что с годами количество такой древесины уменьшается, и уже сейчас два-три раза в год пароход вынужден сгружать вывезенные с Камчатки берёзовые дрова. Кроме того, насколько я знаю, запасов горючего материала близлежащих обширных торфяных болот хватает на многие поколения. Сейчас на острове Беринга насчитывается более шестисот собак.

Шесть сотен овец смогли бы образовать хорошее стадо, положившее начало новой отрасли хозяйства на случай нужды (некоторые идеи Стейнегера, к примеру, прокладка дорог и содержание лошадей, были благополучно претворены в жизнь в XX в., но иные выглядят утопично. — *Н. Т.*).

До Китового мыса берег идёт плоский, дальше горы подходят вплотную к морю. Непосредственно вдоль воды тянется узкий пляж, за которым начинается отвесный обрыв высотой 75—100 футов, обнажающий попеременно коричневые и серые слои песчаника. Верхний край этой стены косо срезан, внизу у подножья лежат скатившиеся камни, выглядит это примерно так:

Благодаря набегающим волнам, подтачивающим скалы, обрывы в некоторых местах приобретают причудливые формы бастийонов, башен и других укреплений и выглядят на редкость живописно. За обрывом обычно следует более пологий отрезок. С этого места склоны округлых, поросших мхом и лишайником гор поднимаются примерно под углом 45—50 градусов. Высота следующих варьирует от 900 до 1 200 английских футов. Вся внутренняя территория острова представляет собой переплетённую массу вершин, не связанных в хребты. Горы со всех сторон прорезаны глубокими долинами. Их усталые мелкой галькой, наполовину скрытые мхом и лишайником склоны равномерно поднимаются от медленно текущих ручьёв.

Steller's Triumphbogen, Bering-Insel

Leitdruck von Eimmler & Jonas, Dresden.

Pestschanaja Buchta, Kupfer-Insel,
nahe dem Dorf

В двенадцать часов мы причалили к мысу Толстому²⁹, там легко позавтракали, то есть вскипятили чай, который алеуты научились у русских пить в больших количествах, и насладились нашими славными сухарями. Характер побережья во время дальнейшего плавания оставался практически неизменным, только в некоторых местах обрывы были несколько выше прочих — там, где горы ближе всего подходили к морю. В некоторых местах горизон-

тальное положение слоёв прерывалось, и они наклонялись, образуя угол примерно в сорок градусов. Узкий пляж исчезал, и отвесные скалы врезались прямо в море, не позволяя пройти на санях. Такие участки называются «непропусками».

Подобное место находится сразу за речкой Подутёсной, там на протяжении примерно в половину английской мили (английская сухопутная миля равна 1,6093 км. — *Н. Т.*) слои осадочных пород приходят в беспорядок, в то время как до и после расположены строго горизонтально. На Подутёсной стоит юрта — землянка, в которой зимой живут охотники на песцов. Отсюда начинается несложный переход на Буян — бухту, лежащую несколько севернее противоположной точки восточного побережья.

В устье следующей долины стояла вышеупомянутая полуденная одиночка³⁰. В этом месте горы немного отступают, берег становится более пологим и при этом ещё более причудливым, особенно южнее выдающегося в море выступа, носящего название «северный мыс Южного лежбища» (Южным называли бывшее Полуденное лежбище, прекратившее существование к началу XX в. — *Н. Т.*). Здесь скалы похожи на величественные руины средневекового укрепления. Подробные исследования убедили меня в том, что передо мной то самое место, которое Стеллер описал следующим образом³¹: «Под этими скалами я натолкнулся на редкостные по красоте виды — результат игры природы. Так, в названной мной пещере (Стеллерова пещера) горы образуют стены, подобные бастионам и другим видам укреплений. За пещерой возвышается множество разбросанных по побережью утёсов, похожих на развалины стен, столбов, сводов или арок, под некоторыми из которых можно свободно пройти».

В четыре с четвертью я причалил к единственной из сохранившихся арок, под которой когда-то проходил Стеллер. Созданное природой величественное сооружение, похожее на парадные ворота и стоящее совершенно обособленно, я назвал в честь Стеллера «Стеллерова триумфальная арка»³². Его могилу в пустынной степи не почтили памятником (место захоронения Стеллера неизвестно вплоть до настоящего времени. — *Н. Т.*), Россия не простила ему прямодушия и критики несправедливости властей, но имя Стеллера не будет забыто и его триумфальная арка, украшенная милыми белыми златоглазыми цветами *Chrysanthemum arcticum* и жёлтым лишайником *Caloplaca murorum* и *crenulata*, станет памятником, достойным великого исследователя. Эскиз, который я имею честь представить читателям «Немецких географических страниц»,

покажет путь, проделанный мною пешком до нашего ночного лагеря, куда мои спутники отправились на шлюпке.

С южной стороны Стеллеровой Арки расположен водопад (Падун)³³ и «Южное лежбище» (лежбище Полуденное) — относительно небольшой участок обитания котиков. Их численность я оцениваю примерно в 20—25 тысяч голов, из которых ежегодно забивают около двух тысяч «холостяков» (молодых трёх-четырёх-годовалых самцов). Это единственное место на восточной стороне (южной по описанию Стеллера), где располагаются котики. Во время зимовки Стеллера их было значительно больше, о чём можно заключить из его записей. В числе прочего он пишет: «...в течение нескольких дней бесчисленные стада заполнили всё побережье настолько, что невозможно уже было пройти, не подвергая себя опасности. В некоторых местах, где они заняли весь пляж, нам приходилось обходить через горы... Эти животные выходили на берег только с южной стороны острова напротив Камчатки».

Из этой цитаты следует, что о существовании самого крупного на сегодняшний день «Северного лежбища» он не знал: западная сторона тогда была заселена (котиками) намного плотнее. Сейчас нет необходимости идти в обход через горы. Пробираясь через заросли *Archangelica*, *Picris* и *Spiraea*³⁴, я пригибался лишь ради того, чтобы остаться незамеченным и не тревожить ценных животных, сбившихся в вонючую, ворчащую, ревущую, блеющую массу, обмахивающую себя, как веером, задними лапами.

Между тем начало смеркаться, так что времени для дальнейших наблюдений не оставалось. Маленькую речушку под водопадом — одну из немногих такого рода на о. Беринга, где долины, как правило, глубоки — я перешёл вброд и, наконец, очутился у нашей палатки. Мои алеуты уже разделявали пятерых забитых котиков. Пока готовился наш ужин из котикового мяса, я ещё нашёл время для сбора растений, среди них был *Delphinium elatum*, который мне в других частях острова не попался.

Для меня отложили язычки и сердечки котиков. Хотя я и не являюсь почитателем мяса этого зверя, должен, тем не менее, признать, что названные части становятся настоящим деликатесом, если их хорошо приготовить, пока они свежие. Хорошо прожаренные, они сильно напоминают говяжьи почки и ничем не уступают языкам северных оленей, но есть их надо сразу. Попробовав блюдо следующим утром в холодном виде, я заключил, что вкус его за ночь не улучшился. Тем не менее, завтрак можно было считать вполне сносным.

Сцена перед палаткой, где пылал большой лагерный костер, и мои алеуты выуживали из кипящей в котле воды большие куски мяса, была на редкость экзотичной. Погода по местным меркам стояла тёплая: 12,8 °С. Заходящее солнце бросало розовые и пурпурные лучи с затянутого облаками неба. Слабый южный ветерок не тревожил моря, волны замирали на пляже в пятидесяти шагах от наших ног. Вся природа излучала умиротворение. Не мудрено, что конец первого дня путешествия я посчитал счастливым.

Завернувшись в медвежью шкуру, я заснул в прекрасном настроении, полный радужных надежд. Один за другим забрались мои попутчики под наш старый парус, который мы нарекли громким именем «палатка», и вскоре мы все, монголы и кавказцы, погрузились в глубокий сон (Стейнегер в шутку причисляет алеутов к «монголам», а себя, как урожденного сына гор, — к «кавказцам»). — *Н. Т.*)

Вылезая следующим утром из палатки, я застал попутчиков за литьём пуль, при этом вместо литьевой ложки они использовали кусочек берёзового корня. В нём было сделано небольшое углубление. В углубление клали свинец и насыпали сверху раскалённый уголь. Сегодня ожидалась встреча с нерпами — *Phoca vitulina*³⁵, поэтому был заранее надут «манщик», чтобы проверить, не пропускает ли он воздух. Манщик — это шкура нерпы, снятая с большой осторожностью, так, чтобы получалось как можно меньше прорех, которые потом аккуратно зашивают, оставляя только одно отверстие. В него вставляют деревянный мундштук, затыкающийся пробкой.

Надутая через это отверстие шкура приобретает форму нерпы. Её помещают на один из прибрежных камней. После охоты шкуру сдувают, а сам манщик сворачивают и укладывают в байдарку. Пока шли приготовления, я занялся метеорологическими наблюдениями и собрал несколько растений и окаменелостей. Со вчерашнего вечера показания барометра опустились на три миллиметра, и незначительно потеплело (13,8 °С), ветер совсем стих. Небо было полностью затянуто серыми дождевыми облаками, но они выглядели не слишком грозно.

Среди растений самыми интересными были *Ranunculus Eschscholtzii* и широко распространенная *Oxyria digyna*³⁶, растущие у холодного источника не более чем в сотне метров от моря, почти на уровне воды. Рядом с источником ещё лежал (22 августа) небольшой пяточок прошлогоднего снега, и это при том, что лето считалось тёплым!³⁷ Несколько местных жителей, несущих охранныю

вахту в маленьком домике близ лежбища, выступали в качестве группы «провожающих на берегу друзей», когда «имперская шлюпка» наконец стала медленно удаляться от берега.

К сожалению, охранники на котиковых лежбищах необходимы, поскольку в этих водах постоянно кружат шхуны, не упускающие возможности беспрепятственно грабить лежбища. Набеги совершают браконьеры, набирающие себе команды из японцев или жителей Сандвичевых островов (38), прикидываясь рыбаками или торговцами. Однако, напасть на Командорские острова им удаётся крайне редко или не удаётся вообще. Так, в 1881 г. команду шхуны «Диана», попытавшуюся высадиться на о. Медный, встретили градом пуль, убив одного и ранив четырёх человек. В 1883 г. была захвачена и конфискована другая шхуна, в 1884 г. — ещё две или три. Русское правительство каждый год направляет сюда один или несколько военных кораблей.

Стычки бывают и на Охотском море. Осенью 1883 г. там пристали шесть шхун, высадив шестьдесят вооружённых охотников на скалистом острове Тюлений, где располагалось небольшое стадо котиков. Казаку и шести алеутам, охранявшим стадо, пригрозили смертью и, чтобы сохранить себе жизнь, они вынуждены были сесть на проходящий мимо пароход, доставивший их на материк.

Мы прошли «Казарму» — беспорядочно нагромождённую массу скал, расположенную у северного входа в бухту Гладковскую, в которую мы не заходили, поскольку я запланировал посетить её позже, во время экспедиции по суше. На противоположную восточную сторону острова от Гладковской к Половине можно пройти по долинам. Этот отрезок настолько глубок и прям, что издали с моря кажется, что он делит остров пополам.

Горы с обеих сторон очень высоки, особенно в южной части, где расположена самая большая из них — «Сопка», или «Утёс», которую я назвал горой Стеллера. На этот раз, правда, чудесная гора была не видна из-за опустившегося тумана, скрывшего всё, что находилось выше ста метров. С половины десятого до десяти моросил мелкий дождик. Мы прошли мимо бухты Дикой и причалили к её южной стороне, где расположен Непропуск, и множество птиц ютится в бесчисленных пещерках, ущельях, на уступах. Здесь я подстрелил свою первую красноногую трёхпалую чайку (*Rissa brevirostris*)³⁹ и необычного молодого бородатого и косматого карликового чистика (*Simorhynchus pygmaeus*)⁴⁰, в это время мой спутник уложил нерпу.

Мы очень обрадовались добыче, поскольку мясо нерпы внесло приятное разнообразие в наш рацион, состоявший в течение всего лета исключительно из мяса морских котиков. С этого места берег высок и крут вплоть до самого Перешейка. пляж представляет собой узкую кромку из песка или камней. Нас удивленно разглядывали многочисленные песцы. В море мы видели несколько больших финвалов, которых я определил как *Balaenoptera velifera*. Когда мы приблизились к «Перешейку», то обнаружили, что море покрыто огромным количеством листьев ламинарии, и нам потребовалось много усилий, чтобы через них пробиться. Подводные леса, чьи вершины достигают здесь поверхности воды, покрывают местами площади в целые мили. Здесь, видимо, и были когда-то излюбленные пастбища стеллеровой коровы (*Rytina gigas*)!

Перешеек представляет собой низкую узкую полоску суши, соединяющую скалистый островок, точнее, теперь уже полуостровок (мыс Островной. — *Н. Т.*), населённый тысячами топорков (*Lunda cirrhata*), с основной частью суши. Под словом «перешеек» подразумевается не только полоска суши, но и бывшие острова, например, восточней данной бухты с местной юртой. Однако было бы ошибкой называть переход по низинам от Гладковской к Половине перешейком⁴¹. Как меня заверили, раньше островок стоял совершенно отдельно, но со временем постепенно образовалась перемычка, и теперь через узкий неглубокий канал можно пройти только по высокой воде на легкой байдарке.

Итак, мы вынуждены были обогнуть птичью гору, что меня нисколько не расстроило, так как наблюдать за топорками (*Lunda cirrhata*), и за тем, как они с любопытством наблюдали за нами, выглядывая из вырытых ими самими норок, было чрезвычайно увлекательно, а для меня, как орнитолога, интересно вдвойне. Они высовывали свои чёрные шеи из сочной зелени, покрывающей скалы: белая мордочка, над ушами — пучки перьев соломенного цвета, загибающиеся назад, как рога козерога, и большой клюв, окрашенный в великолепные алый и яблочно-зелёный цвета, придавали птицам совершенно особенный вид. Тысячи вертящихся головок походили на чудесные тропические цветы. Высокая, вся в пещерках, кругая скала была пронизана расщелинами, об её подножье с грохотом разбивались волны. Такая картина остается в памяти на всю жизнь!

Теперь мы могли идти под парусом и, после того, как обогнули островки, располагающиеся близ полуострова Перешейка, направились на восток. За полуостровом, восточнее него, расположены

три большие бухты, протянувшиеся в северном и северо-восточном направлениях. О первой мы уже упомянули выше, вторая называется Голодная, третья, самая большая — Лиссонковая⁴². Во внутренней части последней стоит юрта. Когда я узнал, что в этом месте находится устье большой реки, берущей начало в двух довольно крупных озёрах, то решил туда пойти и заночевать.

У северного входа возвышаются высокие отвесные скалы причудливой формы: борозды и расщелины сделали их похожими на гигантский орган. Дикие волны, пенясь, разбиваются о скалистые рифы, выдающиеся далеко в море. Зоркие глаза Бадаева обнаружили лежащий на пляже белый предмет, и он попросил меня посмотреть в бинокль, что там такое. Я сразу определил, что это останки выброшенного на берег кита. Шлюпка была немедленно спущена на воду, парус убран, и алеуты с победными криками «Кит! Кит!» поспешили к берегу.

Там лежал отвратительно смердящий, добела выцветший монстр пятидесяти футов длиной, которого я определил, как *Balaenoptera velifera*. У моих алеутов потекли слюнки, словно их ждало лакомство. Как только наша шлюпка коснулась дна, они попрыгали в воду, захватив топоры и ножи, и кинулись к берегу вброд. Набросившись на хвостовой плавник, они стали отрезать от него большие куски и сразу их заглатывать, вгрызаясь и растягивая отрезанное между зубами и пальцами. Ах, в кого в мгновение ока превратились мои цивилизованные алеуты!

Когда к ним снова вернулся дар речи, Бадаев подошёл ко мне с кусочком на пробу. Да простят меня мои читатели, но я не поддался такой попытке ради возможности рассказать вам, какой вкус имеет наполовину разложившееся китовое мясо. С меня хватило одного только запаха! Затем мои попутчики держали оживлённый военный совет на алеутском, яро жестикулируя и не переставая усердно жевать. В результате решили остаться ещё на один день, чтобы вырезать жилы и запасти сало для себя и своих друзей.

Против этого у меня не было возражений, тем более что я лелеял надежду задержаться здесь подольше, чтобы как следует обследовать животное и сделать подробные промеры. Не говоря уже о том, что жилы помогут окупить затраты на экспедицию, а сало поддерживает в моих людях хорошее настроение. Жилы высоко ценятся в качестве ниток для шитья камлеек — дождевиков, изготовляемых из кишок и жил тюленей, а также для шитья непромокаемых сапог, или мокасин (тарбасов), подошвы которых делаются

из шкуры морских львов (*Eumetopias Stelleri*). Если на одежду или обувь попадает вода, то нитки, сделанные из китовых жил, разбухают и плотно закупоривают отверстия швов, делая изделия непромокаемыми. Поэтому жилы на остров завозят, ведь нечасто случается, что такой крупный кит, как этот, оказывается на суше. Позже мне сказали, что добытые сегодня жилы могут быть оценены в 80—90 рублей.

Мы отчалили, захватив с собой небольшой запас сала, и направились к юрте в юго-восточной части бухты. Я осмотрел хижину и нашёл её состояние совершенно непригодным для проживания. Она представляла собой вырытую в песчаной дюне пещеру, стены и потолок которой были обшиты досками. Поскольку она, ко всему прочему, была ещё и очень сырая, я предпочёл поставить свою палатку вплотную к пляжу сразу за первой грядой дюн. Но алеты захотели ночевать в юрте, что меня весьма порадовало в связи с обстоятельствами, связанными с ароматом, который издавало китовое сало. Лодку перетащили через песчаный вал и поставили на якорь в устье довольно глубокой речки, рядом с палаткой.

Неожиданно моё внимание привлёк радостный крик, и я, обернувшись на звук, к своему безграничному удивлению обнаружил Григория Старцова, который вёл себя так странно, что я обеспокоился, не сошёл ли он с ума. Совершенно голый, скакал он по воде и яростно фехтовал длинной палкой, целясь в речной поток; брызги летели во все стороны. В конце концов, он с силой метнул, как копьё, палку в сторону дна. Всё это время остальные в страшном возбуждении с криками бегали туда-сюда по берегу.

Представление заняло времени не больше, чем его описание, и раньше, чем я успел спросить, что происходит, Григорий с победным криком воздел палку с нацепленным на крюк роскошным серебрящимся лососем. Это был пятидесятифунтовый «кижуч» (*Oncorhynchus kisutsch*) — лучшая лососевая рыба острова после славящейся во всем северном Тихом океане «чевучи» (чавыча встречается на Командорах крайне редко, в единичных случаях. — Н. Т.). Старцов «загарпунил» еще двух, и мы насладились лакомством, которое мои спутники сделали ещё экзотичнее, сочетав с китовым салом. Моим единственным условием было — не класть сало в котёл!

Очень докучали москиты⁴³, мне удавалось держать их на почтительном расстоянии только маленьким костром, разведённым внутри палатки, на котором я вместо ладана жёг порошок от насекомых.

Следующим утром мы снова подошли к киту и провели день в обмерах, сборах всевозможных мелких морских животных, снятии шкурок белых куропаток для чучел, записях и заметках, ведении журнала и т. п.

Тем временем северо-восточный ветер усилился, и поскольку бухта с этой стороны была совершенно не защищена, море так разбушевалось, что на следующий день нам пришлось отказаться от попыток преодолеть грохочущий прибой. Утром ветер немного утих, и у нас появилась надежда выйти в море. Однако она оказалась преждевременной, так что пришлось провести в ожидании в Лиссонковой еще и 24 августа.

Лиссонковую бухту, так же, как и бухты Перешеек и Голодную, не найдёшь на официальной карте острова Беринга, несмотря на то, что они являются важнейшими для всего острова. На карте в атласе Тебенькова⁴⁴ немного севернее отмечено большое внутренне озеро, воды которого устремляются в море через маленькую речку, протекающую по выдающемуся участку суши. На самом деле это озеро — не что иное, как Лиссонковая бухта, скрытая в долине за грядами песчаных дюн.

Являющаяся продолжением бухты долина обрамлена горами со сглаженными вершинами и крутыми склонами высотой от 1 200 до 1 500 футов и связана перевалами высотой в 800—900 футов с долинами мыса Толстого и Командора — последнего места зимовки экспедиции Беринга. Сама долина широкая и низменная, часть её территории занимают три озера, одно из которых довольно большое. Озера имеют сток через вышеупомянутую речку. Пребывание в Лиссонковой бухте навело меня на мысль сопоставить данную местность с местом, обозначенным у Стеллера как «Пад Юшина» (Долина Юшина)⁴⁵ в честь штурмана экспедиции Беринга.

Стеллер писал: «Побережье южной (то есть западной) стороны острова выглядит совершенно иначе, чем северной (то есть восточной). Но, несмотря на то, что берег здесь значительно более каменистый и неровный, на нём есть два участка, по которым можно безопасно передвигаться и использовать их как пристань: заходить на небольших или плоскодонных судах, например, шерботах (шхербот, шкербот — небольшое плоскодонное судно для плавания между шхерами. — *Н. Т.*), вглубь острова через устья рек или по коротким каналам, соединяющим озёра с морем. Первое место находится в семи голландских милях⁴⁶ от юго-западного мыса Манати (Кар Manati)⁴⁷ в большой бухте, которую издаде-

ка заметно с моря благодаря каменному столбу в западной части. Именно это место было названо нами долина Юшина в честь его первооткрывателя штурмана Юшина».

Сейчас устье реки занесено песком, и сама бухта слишком открыта, чтобы служить защитой для судов. Для пристани она годится ещё меньше, чем «Гавань».

Стоял густой туман, и только к вечеру 24-го стало немного проясняться, так что стали видны вершины гор. Я использовал этот момент для зарисовки долины Юшина.

25-го мы, наконец, отважились выйти в море. После череды попыток нам удалось протащить лодку по пляжу, на который с силой накатывали волны: два человека шли по дну, с обеих сторон придерживая лодку и направляя нос навстречу волнам, остальные сидели наготове с веслами. Как только волны подхватили лодку, двое быстро запрыгнули в неё, и гребцы, не теряя ни секунды, с силой налегли на вёсла, прорезая гребень второй волны, в то время как первая с мощным грохотом уже обрушивалась на песок.

В половине десятого мы пристали в бухте Бобровой в ещё более сложных условиях, так как эта «бухта» — не более чем лёгкий изгиб побережья. Начинаясь здесь долина по размерам меньше, чем Лиссонковая, но в целом имеет тот же характер. В её верховье расположено небольшое озеро, в котором берёт начало довольно глубокий ручей, как и все здешние речки, совершенно занесённый песком в устье.

С южной стороны скалы приобретают формы бастиона с одиноко стоящими башнями и столбами, самые крупные из которых напоминают «Перешеек» в миниатюре. Благодаря массе гнездящихся топорков (*Lunda cirrhata*) остров назвали Топорковым Столбом⁴⁸. Там же на скальных террасах и у входа в довольно просторную пещеру, выточенную морем, выводит своих птенцов бесчисленное количество трехпалых чаек (*Rissa pollikaris*).

Многое говорило в пользу того, чтобы высадиться в этом месте: ходили слухи, что здесь можно найти кости морской коровы⁴⁹. И я отважился причалить, хотя это было далеко небезопасно: волны с силой разбивались о крутой берег, пляж которого был уже не песчаным, а каменистым. Кроме того, вокруг торчали не очень-то приветливые подводные камни, некоторые из которых становились заметны, только если о них разбивалась особо высокая волна.

Выйти на берег было можно, лишь встав на якорь до зоны прибоя. Один член команды в своей непромокаемой одежде из

горловин тюленя⁵⁰ стоял со стороны ахтерштевня⁵¹, теперь развёрнутого к берегу, держа наготове смотанный швартовой канат, тогда как другие гребли, направляя лодку перпендикулярно накату волн. Бадаев держал наготове якорный канат. Шипя, наката большая волна и подняла нас на своих пухлых грудях. Бадаев потравил, так что мы верхом на ней подошли к берегу. Из лодки выпрыгнул Мальцов — парень со швартовым, волна подхватила его на полпути и вынесла к крутому берегу. Он достиг суши как раз в тот момент, когда Бадаев позволил якорному канату распрямиться на всю длину. Как только Мальцов прыгнул в воду, Бадаев вытравил якорный канат, а остальные стали грести изо всех сил и достигли суши, проскочив по высокой воде прежде, чем волна разбилась и отхлынула назад. Так канаты попеременно травили и выбирали, пока пятеро из нас не вышли на берег.

Результат не оправдал предпринятых усилий: всё, что нам удалось добыть — это обломок ребра морской коровы. Вдобавок, мои мокасины из тюленей шкуры оказались полны воды после того, как я выловил это ребро из речки. При посадке на лодку были проделаны всё те же манипуляции, но в обратном, чем при высадке, порядке, с той только разницей, что из воды в шлюпку с высокими бортами было намного труднее забираться, чем из неё выпрыгивать.

Полтора часа мы шли на вёслах вдоль высокого крутого берега, миновав одинокую колоннообразную скалу, служащую ориентиром и отмеченную на американских картах как «Pinnacle» (*англ.* вершина. — *Н. Т.*), и причалили в бухте Шипицына. Несмотря на то, что внешне она похожа на Бобровую, море здесь значительно спокойнее благодаря двум малоприметным рифам, окаймляющим её с обеих сторон. Место, хорошо узнаваемое благодаря деревянному кресту, установленному бывшей Российско-Американской Компанией более двадцати лет назад на краю примерно тридцатифутового берегового вала. Шипицынская, строго говоря, не является долиной — это лишь глубокий распадок с журчащим ручейком, пробившим себе дорогу среди высоких гор.

Было еще не поздно, но поскольку мы не успевали до темноты обогнуть юго-восточный мыс и достигнуть следующего места высадки на другой стороне острова, решили заночевать в бухте Шипицына. Я хотел использовать вечернее время для ботанических исследований, а молодые стрелки решили попытаться счастья в охоте на нерпу. Поскольку в Шипицына не было юрты — она относилась к песцовому промысловому ухажу⁵² на Бобровой — пришлось разбивать палатку на всех восьмерых.

Когда накрытое парусом сооружение из мачты и вёсел было готово, я сделал для себя философское заключение, что сходство между русским словом «палатка» и латинским *palatium* может быть неслучайным, хотя последнее и произошло от римского холма Палатин⁵³. Правда, сейчас я сознаю, что тогда эти мысли представлялись мне куда более значительными, чем теперь. Мне представлялся Аттила, чей дворец был всего лишь палаткой, и гадал, благоухали ли его гунны точно так же, как сейчас мои алеуты, хотя и не мог припомнить, чтобы в тексте о гуннах упоминалось о необходимости есть протухшее китовое сало⁵⁴.

Но одно я понял точно: если когда-либо Аттила выдерживал в своём дворце шестёрку подобных друзей, то был ещё большим героем, чем я его себе представлял. Для меня это было уже пустяком после того, как я обмерил, описал и зарисовал благоухающее чудовище, и тем более после сегодняшнего плавания: получив половину моей соли, мои спутники засолили сало прямо на дне лодки! Я ведь не мог быть таким жестокосердным, чтобы запретить привезти домой друзьям и родственникам необычайный деликатес! Я же знал, что вся деревня будет меня благословлять по нашему возвращению. Но ещё ни разу в жизни не доводилось мне соглашаться на благодеяние с таким трудом.

Собирательство принесло свои плоды. Правда, из птиц я видел только снежных куропаток (*Lagopus lagopus*), лапландских подорожников (*Calcarius lapponicus*) и одного сибирского конька (*Anthus gustavi*), зато удалось собрать несколько доселе неизвестных мне видов растений, например, крупную, сильно пахнущую *Spiraea kamtschatica*, *Picris hieracioides* var. *japonica*, достигающую в высоту трёх-четырёх футов, а также одну из форм *Saxifraga punctata* — камнеломку, которую Эйса Грей определил как карликовую.

Охотники вернулись с желанной добычей — молодой нерпой (*Phoca vitulina*).

На следующее утро Бадаеву повезло подстрелить двух молодых «белых» песцов. Как известно, *Vulpes lagopus*⁵⁵ двуххромные, то есть существуют два основных варианта окраса, или «фаз»: один — голубой, не переходящий зимой в белый; другой — бледный, становящийся зимой совершенно белым. Мы пока не можем объяснить причину существования этой двуххромности. Часто пытаются объяснить это тем, что белый окрас типичен для более северного типа, и что зимой песец меняет цвет своего меха на белый только там, где этого требует суровость зимы и количество выпавшего снега. Однако нужно заметить, что летний мех

тоже имеет разные оттенки, как, впрочем, и цвет молодняка. К тому же песцы, обитающие в районах со смешанным климатом, имеют смешанную расцветку. Белые в южном полушарии так же белы, как и в районе ледников. Наконец, этому выводу противоречат исследования, сделанные нами именно на этих островах.

Например, на острове Медном все песцы «голубые», не было найдено ни одного белого⁵⁶, в то время как на острове Беринга встречается данная разновидность, хотя теперь и в небольших количествах. Раньше их было больше, хотя и не настолько, как предполагалось. Стеллер о песцах пишет следующее: «За время моего пребывания на острове я подстрелил более двухсот животных. На третий день за три часа я уложил топором более семидесяти зверей, из шкур которых была изготовлена крыша нашей избушки... Хотя мы не обращали внимания на их красивые шкуры — *более трети которых имели голубой оттенок* — и даже не свеживали их, мы жили с ними в постоянной вражде».

Однако возникает сомнение, не опечатка или описка ли это, поскольку в другом месте он говорит: «Голубые песцы, коих мы встречали на этом острове в неопишемом количестве». Я также не нахожу у него ни одного слова о «белом» подвиде. Другое подтверждение правильности этой записи есть в «Mullers Sammlung Russischer Geschichte», т. III, с. 245 (напечатано в 1758 г.)⁵⁷, где сказано, что потерпевшие кораблекрушение участники экспедиции Беринга не встречали никаких других животных на суше, кроме вышеупомянутых песцов, а именно, больше голубых, чем белых. Но их мех был не таким нежным, как у сибирских...

Позже, зимой 1745/46 гг. на острове было поймано 2 000 голубых; в 1747/48 гг. — 3 000, о белых ничего не сказано; в 1751—1754 гг. было убито 6 844 голубых и 200 белых⁵⁸. Партия охотников из девяти человек подстрелила в 1756/57 гг. 700 голубых, другая группа в 1757 г. привезла на Камчатку 1 222 песцов (цвет не назван). Эти цифры не указывают на то, что голубых песцов встречается меньше. Более поздние записи показывают, что в 1783/84 гг. на острове Беринга водились в основном белые песцы.

Я не знаю, как относиться к этому утверждению, но можно с уверенностью сказать, что состояние популяции в этом столетии сильно изменилось. Белый подвид встречался довольно часто, однако, в конечном счёте, был почти полностью истреблён из-за того, что Компания стала хорошо платить за белых и одновременно распорядилась отстреливать их в любое время года. Теперь и местные жители поняли, почему необходимо отстреливать в пер-

вую очередь белых: чтобы они не ухудшали качество ценного меха голубых, производя смешанное потомство. Они стали убивать белых, где и когда только встретят. Представленная таблица убедительно демонстрирует, насколько ошибочными были утверждения Норденшельда, полагавшего, что песцы стали редкими, и в основном белого цвета:

Сезон	Голубые песцы	Белые песцы
1871/72	836	4
1872/73	580	28
1873/74	514	24
1874/75	0	0
1875/76	1 087	50
1876/77	573	19
1877/78	0	0
1878/79	789	0
1879/80	0	0
1880/81	0	0
1881/82	1 447	20
1882/83	872	13

Средний доход местных жителей от добычи ежегодно составляет примерно 1 600 рублей серебром (учтены и те годы, в которые добыча не велась). Это значит, что при населении в триста душ на одного человека старше восемнадцати лет приходится по восемнадцать рублей. Отсюда можно сделать вывод, какое важное значение имеет для местных жителей промысел песцов, тем более что он выпадает на сезон, удобный для сбора дров, и как раз на то время, когда у жителей нет других занятий. Поэтому не удивительно, что за промыслом ревностно следят. А поскольку промысел, кроме того, проводится по общей рациональной системе, небезынтересно проследить, как он организован.

Отлов голубых песцов приходится на период с 10 по 31 декабря по старому стилю и производится специальными ловушками, разрешёнными законом⁵⁹. Песцов не стреляют, чтобы не распугивать, поэтому они кажутся ручными. Я могу рассказать о множестве курьёзных случаев, когда они вели себя весьма вольно, хотя и не так доверчиво и нахально, как во времена Стеллера. Поскольку песцы держатся чаще всего вблизи побережья, после 1 сентября (по старому стилю) не разрешается ездить вдоль берега на собачьих упряжках. По этой же причине запрещено их стрелять.

Отлов производится не каждый год: как показал опыт, численность животных возрастает, если на год-два их оставлять в покое.

Как видно из вышеприведённой таблицы, промысел прекращался на один-два года — в зависимости от обстоятельств.

На период отлова песцов остров разделяют на девятнадцать участков (ухожей. — *Н. Т.*) различного размера. Размер зависит от количества и величины находящихся на участке изб (юрт⁶⁰ или одиночек). На самых больших участках — Гаванском (главный посёлок), Федоскинком, Северном, Саранном и Старой Гавани — расположены маленькие деревушки (в них, за исключением Гавани, люди живут только часть года). На всех остальных имеется только одна изба (исключая Ладыгинский, о нём речь пойдёт отдельно), которой пользуются только во время песцового промысла, охоты на тюленей и сбора дров. В зависимости от щедрости района и размера избы мужчин старше восемнадцати лет (к 1883 г. таких было примерно девяносто) распределяют таким образом, чтобы все имели равные шансы.

С целью справедливого распределения охотникам дают тянуть жребий, чтобы, в конечном счёте, любой смог провести промысел на каждом из участков. При этом самые удобные участки закрепляют за старыми промысловиками и одновременно следят за тем, чтобы в одном и том же месте не собирались одни только молодые неопытные ребята. После того, как участки распределены, люди договариваются между собой, будут ли они охотиться поодиночке, или все сообща. В последнем случае добычу делят на всех.

Причиной того, что Ладыгинская является исключением, стало следующее обстоятельство: согласно патриархально-общинному принципу управления земля является общей собственностью всех жителей острова, поэтому никто из них не имеет права использовать её в собственных интересах. Несмотря на это, несколькими особо работающим, запасливым или жадным до наживы удалось обосновать на Ладыгинской речке своего рода хутор⁶¹.

Здесь они вылавливают лосося, заготавливают для себя дрова, выполняют охотничьи обязанности по отлову песцов, короче говоря, ведут себя как полноправные хозяева самого богатого во всех отношениях участка. Одна из этих семей особенно предприимчива и, благодаря этому, самая влиятельная на острове. Остальные жители смотрят на эти злоупотребления весьма неодобрительно, и я часто слышу их недовольное бормотание. Однако вернемся к нашему путешествию!

Мы покинули бухту Шипицына в восемь часов утра и под всеми парусами направились к южной оконечности острова, вдоль всё более крутого и рваного берега, чьи отвесные скалы возвыша-

лись не меньше, чем на шестьсот футов. Сточной мыс — так местные жители называют обозначенный на карте Кап Манати⁶² — представляет собой длинный, острый, как нож, выдающийся в море участок суши со скалами причудливой формы. В этом месте берег неожиданно поворачивает на север и тянется так дальше, вплоть до мыса Перегребного. Эта часть острова совершенно неприступна как со стороны суши, так и с моря. Вода подходит вплотную к горной гряде, долины короткие, а склоны гор крутые, при этом нет подходящих для высадки бухт, а проход преграждают многочисленные «непропуски». Пристать можно только в нескольких местах. Местные высаживаются здесь очень редко, за исключением бухты Перегребной, в которой стоит одиночка.

В половине десятого, когда мы начали обходить мыс и лежащий перед ним длинный опасный риф, далеко выдающийся в море, то столкнулись с тем, что с противоположной стороны дует встречный ветер. На море было небольшое волнение, не заслуживающее особого внимания, но оно смутило моих спутников, и они хотели повернуть назад. Я попробовал маневрировать, шлюпка не слушалась. В результате нам всё же удалось продвинуться дальше в море, и мы увидели восточный берег. Когда я дал понять, что ничего даже слышать не хочу о том, чтобы повернуть назад и обещаю, к тому же, по случаю благополучного прибытия в Говорущечью выставить водку, гребцы налегли на вёсла, и мы без особых приключений добрались до упомянутого места. Здесь на нескольких больших поднимающихся из воды камнях лежала небольшая группа нерп *Phoca vitulina*, по которым мы стали стрелять, но не попали.

Говорущечья бухта вряд ли заслуживает названия «бухта» — береговая линия вдаётся очень неглубоко. В море впадает ручей. Подобие долины, точнее, котлообразный конец обычной долины, круто устремляется ввысь по склонам гор. пляж здесь несколько шире, чем те, что обычно встречаются на этой стороне, но расстояние между склонами гор и морем небольшое. Было нелегко найти подходящее место для лагеря. Вечер был холодный. Промозглый ветер вынуждал искать защищённый от непогоды уголок, но там нас подстерегала другая опасность — скатывающиеся со скалистого склона камни.

Испуганные нерпы, никогда не видевшие такой компании, естественно плавали вдоль берега. Одна из них, наблюдая за нами, так часто высовывала голову из воды, что пробудила в моих спутниках желание немедленно начать охоту, как только снова появится на

поверхности. Их метод охоты меня очень заинтересовал, и я его опишу. Как раз там, где мы устроили стоянку, пляж был довольно широким, примерно шестьсот метров. Его покрывали камни, размер которых увеличивался по мере удаления от воды. Самые маленькие были таких же размеров, как камни в долине, самые крупные — не меньше детской головы.

Наклон пляжа здесь довольно значителен, но образует не однородный откос, а как бы состоит из трёх, примерно одинаковых по ширине, резко разграниченных ярусов, подобных террасам. Как только тюлени снова нырнули, охотники схватили старые солдатские ружья, из которых только одно было берданкой, и, низко пригнувшись, быстро побежали к морю, на ходу подхватывая большие камни. Добежав до цели, они легли на живот, подложили захваченные камни в качестве подпорок под ружья и застыли в ожидании нового появления тюленей. Но произошло это раньше, чем они успели подойти достаточно близко, поэтому охотники замерли, ожидая, когда звери снова пропадут под водой. На этот раз первым выстрелил из своей берданки Мальцов: раненая в голову нерпа повернулась набок, и вода вокруг неё стала красной от крови. Теперь было нужно, не теряя ни секунды, вытащить её на берег прежде, чем она утонет⁶³.

Шлюпка лежала на берегу и не была готова к плаванию. Мальцов, словно цирковой артист, заранее подготовивший костюм для переодевания, в мгновение ока сбрасывает с себя одежду, отдаёт её подбежавшим товарищам, и прежде, чем я успеваю что-либо сообразить, ныряет в воду и плывёт, наподобие собаки, за нерпой. Он хватает зверя за передние ласты, но как же доставить его на землю? Мальцов знает как: зубами захватывает он щетину на подбородке тюленя и с большим трудом буксирует его таким способом к берегу, где мы приветствуем охотника аплодисментами и радостными возгласами, пока он выходит на берег, красный от крови добычи.

Пока мы ели, я заметил далеко в море быстро передвигающуюся черную точку. Я тут же спросил Бадаева: «Нерпа?» Он всматривался одно мгновение, а затем возбужденно закричал: «Бобр, бобр!» Всё общество стало, словно наэлектризованное: это был действительно «морской бобр» (*Latax lutris*) (64) — самый ценный пушной зверь, который вообще существует. Люди начали усердно свистеть и жестикулировать, чтобы привлечь внимание любопытного животного, поскольку с такого расстояния его было невозможно подстрелить. Но морской бобр, как его здесь называют,

не изменил своего курса и проплыл на спине дальше, приподнимаясь иногда из воды, чтобы посмотреть, что может означать поднятый шум, а затем скрылся от наших глаз за Непропуском.

Пуля, пущенная ему вслед, естественно, не достигла цели. Когда Стеллер со своими товарищами по несчастью зимовал на острове, морских бобров было так много, что он смог написать: «Собственно говоря, это животное заслужило с нашей стороны большое уважение: в течение более шести месяцев оно было почти единственной нашей пищей и, одновременно, лекарством от цинги». В «доказательство» этому они вернулись на Камчатку с более чем семьюстами шкурами.

В течение последующего времени было умерщвлено очень много морских бобров: в 1745 г. — 1 600 штук, в 1748 г. — примерно 1 350, экспедиция Толстых добыла зимой 1749/50 гг. только 47, тогда как Югов, посетивший также остров Медный, вернулся с 790. В 1754—1755 гг. люди Дружинина убили только пять бобров. В отчёте о второй экспедиции Толстых, зимовавшей в 1756/57 гг., однозначно сказано: «В этом году бобры не попадались». Возможно, бобры совсем покинули это место или только иногда приходили с острова Медного, но больше никогда не встречались на острове Беринга в больших количествах.

Так, например, во время экспедиции Трапезникова в 1762—1763 гг. было подстрелено «только двадцать морских бобров, кои покинули остров совсем или стали совсем редкими из-за того, что их часто беспокоили». Теперь морской бобр на Беринга истреблён полностью, но поскольку он регулярно выводит потомство на соседнем острове Медном, единичные особи появляются и у нас⁶⁵, также зимой море периодически выбрасывает погибших животных. Это всё, что сегодня напоминает о былом богатстве животного мира.

Следующим утром, 27 августа, незадолго до нашего отплытия я навестил колонию гнездящихся в большом количестве морских птиц. Отвесные скалистые стены были сверху донизу заселены — наверху ипатками и топорками (*Fratercula corniculata* и *Lunda cirrhata*), ниже кайрами (*Uria lomvia arra*), а в самом низу — красноногими говорушками (*Rissa brevirostris*), название которых произведено русскими от слова «говорливые». В их честь названа и бухта.

Птицы, чьи надёжно построенные гнезда лепятся на отвесных скалах, летали взад и вперёд,нося пищу своим птенцам. Красноногие птицы с голубоватым и беловатым оперением и клювом, слишком коротким для чайки, напоминали мне голубей, и в моей

памяти невольно всплыли воспоминания о площади Марка в Венеции. Я подстрелил нескольких для препарирования и, когда вскрыл одну, ко мне незаметно подошёл молодой голубой песец. Я вёл себя очень спокойно, и он приблизился вплотную, обнюхал то, во что я был обут, как если бы был собакой, выросшей среди людей, и попытался вырвать у меня из рук добычу. Тогда я шлёпнул его птицей.

Песец отскочил на шаг, удивленно смерил меня взглядом и, повернувшись ко мне спиной, стал, не спеша, удаляться. Затем он остановился ради того, чтобы бросить на меня свой последний, полумистический рассеянный взгляд. Он не мог постичь происшедшего! Эта история, как и многие другие, мной пережитые, убедительно доказывает, что песцы острова Беринга весьма дерзки, несмотря на то, что со времен Стеллера было немало сделано для поддержания в них «страха перед человеком».

В пять утра мы уже были на ногах, однако нам не удалось выйти в море вплоть до половины седьмого, так как много времени заняла подготовка к отплытию: сворачивание палатки, перенос багажа в лодку и другое. К тому же мы подстрелили нерпу, которую нужно было сразу освежевать. Погода стояла хорошая, наши паруса наполнял свежий южный ветер, и было похоже, что небо прояснится. Барометр со вчерашнего вечера упал на один миллиметр, термометр показывал +13 °С. Мы быстро преодолели путь до мыса Толстого. Берег здесь довольно однообразный, без глубоко врезающихся бухт и выдающихся в море мысов, как это выглядит на карте Тебенькова, составившего её по своему представлению.

То здесь, то там виднеются ручьи, и пляж делает плавный изгиб. Такие места жители называют «бухта», каждая из которых имеет своё название. Мы прошли Ханна-эта (по-алеутски это значит «Бухта с озером»⁶⁶), а затем бухту Маятник. Последняя бухта перед мысом Толстым называется Перегребной, она узка и врезается в сушу глубже прочих. Здесь, как уже упоминалось, стоит «одиночка» для охотников на песцов. Высокая и крутая скала между двумя бухтами — мыс Перегребный — образует непроходимый Непропуск. Это — юго-восточный выступ острова, и, следовательно, тот, который на картах обозначен как Кап Хитров. Ошибочно принято считать, что Хитров — это мыс Толстый, на самом деле последний лежит значительно западней, чем Перегребный — в том месте, где берег поворачивает к северо-западу (67).

Мы прошли последнюю, по-видимому, довольно глубоководную, залитую солнцем бухту, где берут начало две долины, простертые

меж отступающих гор. Долины и склоны гор были великолепного зелёного цвета, над ними склонилось ясное голубое небо, величественную картину завершали крутые скалы Перегребного и Толстого. За нами волновалось могучее море, а на горизонте грудились набежавшие тучи, скрывшие остров Медный. Мы торопились к намеченному месту стоянки. Толстый нельзя назвать раем, однако нам он казался заветной целью, несмотря на то, что представлял собой лишь унылый берег с голыми, крутыми, тонущими в тумане скалами. Бодрые, полные надежд, выруливали мы к юрте.

Мы высадились в половине девятого, и всё общество разбрелось кто куда. Каждый занялся своим делом. Одни отправились на охоту за нерпой, другие стали подкрадываться к живущему здесь старому орлу⁶⁸. Я собирал окаменелости, остатки растений и моллюсков. Иногда в мою бутылку отправлялись черви и ракообразные. Ближе к полудню мне сообщили о находке скелета морской коровы! Легко представить себе моё волнение и проворство, с которым я схватил лопату! До указанного места пришлось проделать небольшой путь. Сообщение подтвердилось: из левого борта текущего с юга ручья торчало несколько рёбер.

Ручей этот постепенно размывал песчаный холм, обнажая и унося с собой кости. Когда мы начали копать, то обнаружили недостающий конец хвоста. Расстояние от находки до береговой линии составляло примерно пятьсот футов, скелет находился на высоте около 10—12 футов над уровнем моря. Кости покоились внутри песчаного холма среди дюн внутреннего ряда. Холм был примерно двенадцать футов высотой и скелет, лежавший на спине головой на запад, был примерно равноудален от подошвы холма и от его поросшей травой поверхности. Мелкий влажный песок — такой, какой и по сей день выносит море на пляж — был разделён на коричневые и голубые слои. Рядом с костями песок немного почернел, что указывало на то, что они находятся в состоянии прогрессирующего разложения.

Я убедился в этом после первых взмахов лопатой. В действительности, скелет как таковой не представлял ценности. Кости не удержались бы рядом друг с другом, если бы скелет подняли: их собственный вес был слишком велик для этого. Даже рёбра, сохранившие еще свойства кости, во многих местах прогнили, и некоторые из них были настолько мягкими, что стали похожи на зелёное мыло. Но, чтобы изучить детали, я продолжал раскопки до тех пор, пока не извлёк на поверхность всё. Было найдено:

четырнадцать спинных позвонков с рёбрами, шейный отдел позвоночника, череп, грудина, две лопатки, два предплечья и одно плечо.

Все кости находились на своих местах за исключением грудины, лежащей в стороне, рядом с правой передней конечностью, тогда как левая конечность, состоящая только из лопатки и предплечья, покоилась внутри грудной клетки. Несмотря на то, что для коллекции кости не годились, я не счёл проделанную работу напрасной, так как благодаря ей я смог констатировать, во-первых, при каких обстоятельствах многие подобные скелеты оказывались на суше, во-вторых, что остров поднялся с тех пор, как останки попали на его песчаный пляж.

Бадаев торопил нас продолжить путешествие, поскольку ожидал скорого прилива. От мыса Толстого вплоть до самого «Командора» в море выдаётся широкий риф, огибающий побережье сплошной полосой с одним только разрывом. Он совершенно плоский и обсыхает во время отлива. На него открывается чудесный вид — словно на покрытую равномерными бороздами пашню. Каменные плиты здесь выходят на поверхность под углом сорок пять градусов. Вплотную к берегу подходит неглубокая впадина шириной в несколько метров. По ней мы могли продвигаться на шлюпке во время прилива. Штурман предупредил, что если мы хотим воспользоваться впадиной, сокращавшей многие мили пути, надо поторопиться с отплытием.

Я послал людей подготовить лодку и медленно двинулся вслед за ними. Около устья маленькой речушки, занимая обширный участок песчаного пляжа, сидела стая из тысяч и тысяч вплотную теснящихся друг к другу трёхпалых чаек. Как сверкала чистая белизна их тел! Как чудесно выглядела пепельно-голубая накидка! Как великолепно контрастировали жёлтые клювы и ярко-красные лапки! Однако у меня не оставалось времени на восторженное созерцание, кроме того, мои спутники предпочли бы чайкам вкусных снежных куропаток⁶⁹, и, наконец, мне ещё нужно было добыть несколько шкурок для моей коллекции. Один выстрел — и как снежный вихрь, пронзительно крича, поднялась и улетела крылатая масса. Собирая добычу, я обнаружил, что из восьми птиц, оставшихся лежать на песке, три, к моему великому удивлению, были черноногие. Это меня поразило потому, что пока они сидели на песке, я не заметил ни одной черноногой птицы, хотя очень внимательно наблюдал за ними.

Лодка была ещё не вполне готова, поэтому я сел на песок и начал в нём рыться. Так я наткнулся на *Amphipode*⁷⁰ семейства *Orchestia*,

которую раньше не встречал. Рачки были толстыми и широкими, гладкими и блестящими, как фарфор, и отличались яркой разнообразной окраской: некоторые экземпляры были голубовато-фиолетовыми с небольшими светлыми пятнами на внутренней стороне, другие — белые с большими коричневыми или оливковыми пятнами. Внешний членик второй пары гнатопод (первые две пары свободных грудных конечностей, приспособленные для хватания, нередко снабжены ложной клешней. — *Н. Т.*) был красивого розового цвета с фиолетовым крючком. Они лежали без движения в сухом песке на глубине два-три цоля (дюйма. — *Н. Т.*) и только через несколько мгновений после извлечения на поверхность начинали живо скакать, предпринимая попытки к бегству.

Наконец без четверти четыре мы двинулись в путь. Мы шли по узкому проходу и держались так близко к берегу, что во многих местах не могли пользоваться вёслами. Впрочем, они всё равно были лишними: свежий южный ветер гнал нас и без паруса так быстро, что приходилось даже притормаживать, поскольку нередко попадались отмели, и киль нашей шлюпки скрёб по дну. Таким образом, в скором времени мы обогнули мыс Толстый и надеялись через час достичь «Командора».

До сих пор мы были настолько избалованы удачей, что потеряли всякую осторожность. Особенно неприятно было столкнуться с неожиданно налетевшим встречным ветром и сильным туманом. Мы попробовали грести, но проход был слишком узким. Идти под парусом против ветра мы тоже не могли. Поэтому решили завести швартовый канат на берег и с его помощью тянуть лодку вдоль пляжа. Трое тянули канат, двое — по одному у каждого борта — толкали лодку вёслами, а Мальцов в своей камлейке⁷¹ шёл по дну, с левой стороны придерживая нос лодки, чтобы она всё время была на достаточном удалении от берега, и предупреждал нас о камнях, встречающихся на пути.

Первое время всё шло хорошо, но ветер стремительно крепчал, так что в итоге наше продвижение сильно замедлилось. Дуло с юга и со стороны суши. Мы думали, шторм не доставит нам много хлопот, когда будем проходить под высоким крутым берегом. Однако на деле оказалось, что ветер дул и вдоль побережья. В узких, глубоких, пролегающих с юга на север выходящих на эту сторону острова долинах он настолько спрессовывался, что когда вырывался из теснин, с силой разлетался в разные стороны⁷².

Поэтому южнее края долины он дул вдоль суши нам навстречу. Когда мы прошли утёс, шторм продолжал нас преследовать,

а в тумане стало ещё опаснее. С огромным трудом пробивались мы вперёд, и, когда начался шторм, нам пришлось облачиться в камлейки, чтобы защититься от брызжущих волн, превращающихся в проливной дождь. Люди держались мужественно. Особенно поражал Мальцов, который шёл по грудь в воде и не обращал никакого внимания на шторм, заливающий ему глаза солёной водой. Он уверенно направлял лодку в нужное русло, осторожно нащупывая дно. Я не мог удержаться и пообещал ему хорошую порцию водки по прибытию в «Командор». Поскольку остальные приняли это обещание и на свой счёт, принялись тянуть с новой силой. Но условия становились всё хуже и хуже. Ветер дул со скоростью не менее пятидесяти английских миль в час⁷³, туман становился всё гуще и гуще, начинался дождь. Волны океана в дикой ярости разбивались о внешнюю кромку рифа. Шипя и воя, скатывались с горных склонов и обрушивались на нашу беззащитную лодку порывы ветра. Морские и небесные воды разверзлись над нами; надвигающиеся сумерки окончательно скрыли от нас то, что ещё позволял увидеть туман.

Отовсюду хлестала вода, а нам ещё предстояло преодолеть немалый путь до «Командора» (расстояние от мыса Толстого до бухты Командор составляет приблизительно девять километров. — *Н. Т.*). Было ясно, что до наступления темноты последний мыс нам не обойти. В ходе недолгого военного совета было решено прекратить бессмысленную борьбу, вытащить лодку на берег прямо там, где мы стояли, и готовиться к ночлегу.

Сказано — сделано! Нигде нельзя было найти хоть мало-мальски защищённого местечка и нам пришлось довольствоваться пляжем. Последний был шириной в несколько сот метров, совершенно пологий, поросший на некотором расстоянии от моря высокой вымокшей травой. Параллельно морскому берегу шли неглубокие борозды, в одной из которых мы решили укрыться сами и укрыть нашу лодку. Сначала на пляж были перенесены все вещи, затем вытащена лодка. Пока двое из нас пытались разжечь костер из сырых дров, остальные занялись нелёгкой при таком шторме задачей разбить палатку позади перевёрнутой шлюпки.

Наконец удалось сделать и то, и другое, и вскоре наш верный самовар начал напевать уютную мелодию. Кто смог бы упрекнуть нас в том, что при подобных обстоятельствах чай мы заварили чересчур крепкий и заправили его ценнейшей жидкостью, конфискованной у предназначенных для коллекции морских

животных? Ведь только благодаря ей напиток можно превратить в сильнодействующий пунш «Тодди»! Прежде, чем отправиться спать, мы проверили и смазали все имеющиеся на лодке ружья и только в одиннадцать часов, смертельно уставшие и промокшие, заползли в свои спальные мешки.

Что за ночь была! Дождь лил как из ведра, и скоро в палатке стало так же сыро, как и снаружи. Жутко завывавший ураган грозился сорвать и унести прочь нашу палатку. Океан сопровождал его мощным рычанием, заглушающим все остальные звуки. Нет необходимости объяснять, почему этой ночью мысли мои то и дело обращались к Берингу, Стеллеру и их собратьям по несчастью, жившим и страдавшим в непосредственной близости от этого места! Что за причуда провидения, забросившая сюда самых разных людей, влекомых неутолимой жаждой знаний!

Затем я представил старания каждого, кто сто сорок лет назад впервые оказался на этой девственной земле, преодолевая несказанные сложности, и устыдился своего мелочного брюзжания. Я сравнивал их героизм и стойкость с собственным унынием и робостью. Сравнение было не в мою пользу, однако оно напомнило, что у меня нет причин жаловаться, и придало мужества. Во мне пробудилась гордость за то, что теперь я близок к месту, где зимовали Стеллер и его товарищи. Я успокоился и скоро, несмотря на шторм и дождь, укрепляющий сон окутал мои усталые члены. Всё же сбылась отчаянная мечта моей юности!

Следующий день я хочу пропустить. Погода не изменилась: дождь и шторм, шторм и дождь! Нам ничего не оставалось делать, как только отсиживаться в палатке и перекладывать вещи в поисках места, где меньше капало.

Винтовки пришлось чистить и без конца смазывать: каждый раз, когда мы их доставали, они были красны от ржавчины, поскольку во время прилива на них попадали солёные брызги. Несмотря ни на что, я ещё попытался заниматься собирательством. По пляжу мне приходилось пробираться ползком, поскольку ветер был настолько сильным, что не давал встать. Однако поиски были напрасны. Как сказано в моём дневнике, «даже морские обитатели не отваживались вылезти, и можно было увидеть только несколько обычных береговых улиток, в основном *Litorina sitkana* (литорина. На острове их называют «чимиги», или «алеутские семечки» — обычный массовый вид в зоне отлива. — Н. Т.), носящих на себе свои домики. Ещё ни разу в жизни не возвращался я с экскурсии с таким бедным уловом!»

Остальным предметам коллекции пришлось совсем туго: собранные растения и птичьи шкурки выглядели плачевно. Только чудом удалось спасти некоторые из них. Промокший исследователь с сырой коллекцией (если это только не заспиртованные экземпляры) — жалкое зрелище!

К вечеру ветер почти улёгся, и наше существование стало более или менее сносным. Барометр поднялся на полмиллиметра, и мы стали строить разнообразные планы на следующий день.

Утро 29-го не оправдало надежд вчерашнего вечера. Показания барометра снова упали, и дождь с туманом скрыли от нас окрестности. Утро прошло в чистке и смазке ружей, проверке коллекций и тому подобном. Когда дождь ослаб, я отправился на разведку к «Командору» — так называлось место, где зимовала экспедиция командора Беринга. Во время похода я обдумывал свои планы и занимался коллекционным сбором. На песке у речки я нашёл маленького песчаного жука *Cicindela* (скакун, род жуков семейства жужелиц. — *Н. Т.*) — единственный встреченный мною на острове вид. Под небольшим поленом я добыл долгоносика и маленькую голую лёгочную улитку *Limax hyperboreus* (луговой слизень. — *Н. Т.*), обычную для всех стран Берингоморья.

Мою коллекцию пополнили несколько растений, такие, например, как *Nasturtium palustre* (жерушник болотный. — *Н. Т.*), *Ranunculus repens* и т. п. Ах, что за удовольствие — собирать растения в условиях, когда даже ремни гербарной папки позеленели от плесени!

У «Командора» начинается долина, ось которой протянулась в направлении *SSW—NNO*. Как в большинстве здешних долин, по её плоской пойме медленно змеится речка. Проходя через низкий ряд дюн северного борта, она впадает в бухту, неглубоко вдающуюся в сушу своей дугой. Береговой риф в этом месте прерывается, образуя своего рода гавань, надёжность которой наглядно иллюстрирует судьба экспедиции Беринга. Берег в этом месте пологий, покрытый мелким песком. Подводными скалами, о которые разбился корабль Беринга, скорее всего, были боковые рифы. В отчёте я прочитал, что «на расстоянии двадцати саженей левее или правее их курса из моря поднимались высокие базальтовые валуны и зубчатые вершины». Есть ли ещё хоть один подобный источник, описывающий эту сцену подобным образом? Если да, то в последующие сто сорок лет окрестности должны были странным образом измениться. Во всяком случае, описание, по крайней

мере, частично ошибочно, поскольку базальта во всех ближайших окрестностях нет.

Долина защищена от моря многочисленными рядами низких песчаных дюн. Все они заросли, за исключением первых двух: там береговая трава *Elymus* (колосняк мягкий, или волоснец, у Стейнегера — «Stradhafel». — Н. Т.) не образует сплошного покрова и растёт отдельными куртинами. Следом за вторым рядом, недалеко от речки, примерно в ста двадцати метрах от границы прилива и, по меньшей мере, в шести футах над уровнем самой высокой его отметки, было найдено множество вещей экспедиции Беринга. После обеда, вооружившись лопатами, мы отправились к этому месту. На многих участках земля была перекопана⁷⁴, и вокруг лежали рассыпанные крупинки бисера: здесь женское население пополняло свои запасы бесценных сокровищ. Я тоже набрал полный пакет. Это были совершенно обычные маленькие матовые бисеринки с крошечными отверстиями. Среди них оказалось несколько голубых прозрачных разноцветных бусин большего размера (большие бусины назывались «королевками». — Н. Т.).

Такие ценятся особенно высоко и обычно закрепляются в качестве украшения на шнуре из жил, которым зашнуровывается капюшон камлейки. Эти бусины, без сомнения, были взяты экспедицией для обмена с «дикими» жителями открываемых земель. Под слоем дерна толщиной примерно в шесть цоль я нашёл различные предметы из железа, латуни, дерева и кожи, осколки стекла, фарфоровых и глиняных изделий, а также большое количество тонких пластинок селенита, служивших меновым товаром. Особый интерес вызвали у меня обломки латунного российского герба с двуглавым имперским орлом, поскольку они доказывали, что находки имели отношение к экспедиции Беринга. Несколько ржавых шариков картечи тоже это подтверждали.

Повсюду виднелись следы пороха и остатки истертого в мельчайший порошок древесного угля. Большая часть найденных предметов являлась деталями выброшенного на берег корабля. То, что его деревянные части не сохранились, легко объяснялось отсутствием на острове деревьев: запас дров местные жители могли делать только из древесины, принесённой морем. Местоположение находки говорило о том, что со времени посещения острова Стеллером добавилось два новых ряда дюн. Это позволяет сделать вывод о тенденции к повышению уровня острова, подтверждённой и другими примерами (на самом деле динамика вертикального смещения островной суши намного сложнее, и специалисты

утверждают, что, по крайней мере, последние десятилетия зона в районе бухты Командор, скорее, понижалась. — *Н. Т.*)

К сожалению, вскоре снова пошёл дождь. На долину опустился густой туман, и вскоре мы были вынуждены упаковать найденные драгоценности и поспешили ретироваться в нашу палатку.

Придя домой, я объявил, что следующим утром намерен обследовать остальные места зимовки потерпевших кораблекрушение. Последовало ворчание и дебаты на алеутском. По жестам я определил, что мой план не получил одобрения. Бадаев нашёл множество аргументов, почему мне лучше отказаться от задуманного. Но абсолютно все они были надуманными и несерьёзными. Очень скоро мне стало ясно, что своими отговорками он лишь пытается прикрыть истинные мотивы. В конце концов, удалось выяснить, что люди связывали причину непогоды с моими раскопками на месте трагедии Беринга. Им нередко случалось убеждаться на собственном опыте, что такие попытки пресекал налетавший дождь и шторм, при этом в других местах острова стояла хорошая погода⁷⁵.

Но разве, когда мы покинули Толстый, погода уже не испортилась? Напрасно я уверял их, что шторм был намного сильнее до начала раскопок. Было ясно, что они испытывали суеверный страх перед этим местом и боялись, что будут наказаны за моё богопротивное любопытство. Уже с самого начала, когда я собирал птиц и другие никчемные вещи, люди решили, что я не вполне владею своим рассудком и не знаю, куда девать деньги, поскольку только очень богатый человек может позволить себе такие причуды. И уж совсем безумным показался я им, когда они узнали, что я использую спирт на то, чтобы хранить в нем самую разную живность, вместо того, чтобы пить благословенную «водку» день и ночь.

Когда же я установил странные метеорологические приборы, особенно когда начал вращаться анемометр с позолоченными полшариками и я по три раза в день спускался к нему — даже в одиннадцать часов вечера, вооружённый фонарём — чтобы посмотреть, сколько надул ветер и записать данные в блокнот, мои действия и вовсе перестали казаться безобидными. Но это перешло все границы, когда я дерзнул незаконно нарушить покой командора. Вот если бы я откопал хотя бы деньги! Но я старательно заворачивал в бумагу и упаковывал деревянные щепки, истлевшие куски кожи, ржавые гвозди и другой подобный хлам, предварительно разложив вдоль и поперек предметы с надписями.

Несколько потемневших кусков латуни, которые я пытался составить вместе, привели меня в экстаз — какую реакцию могло

это вызвать у моих спутников? Потом я стал задавать совсем уж странные вопросы: «Не знают ли они, где захоронены Беринг и другие члены экспедиции?» А не собрался ли я выкопать трупы? Лучше уж такому человеку не помогать в его поисках! Странно, что у такого милого, приветливого, производящего впечатление вполне разумного человека в голове такие сверчки! Так говорили и думали мои спутники, пришедшие к решению как можно меньше помогать мне в моих исследованиях «Командора» (имеется в виду бухта Командор. — *Н. Т.*). Я не мог на них за это сердиться и признавал их полную правоту, рассматривая ситуацию с их точки зрения. Ведь во всех остальных случаях они всегда выражали готовность помочь мне. Нет смысла говорить, что я, тем не менее, не отказался от своих планов.

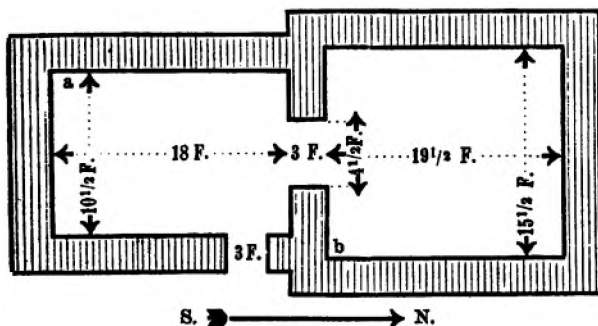
Тридцатого погода не улучшилась. Ветер не был сильным, но поскольку дул с юга, нанёс с собой столько тумана и дождя, что всерьёз помешал мне в моих исследованиях.

Мой первый поход состоялся к руинам жилищ, в которых жертвы кораблекрушения провели зиму сто сорок один год назад. На вершине выступающего вперед западного склона, там, где он обрамляет северную часть долины, стоял большой греческий крест. Традиционно считается, что под ним должен быть захоронен Беринг⁷⁶. Но крест, стоящий там — новый, поскольку старый, поставленный тогдашней русской Компанией⁷⁷ и обломок которого сейчас торчит из земли, был опрокинут ветром. Никому не приходило в голову его восстановить, пока это не сделал господин фон Гребницкий⁷⁸.

Точно на юго-восток от креста вплотную к краю обрыва около двадцати футов высотой находятся довольно хорошо сохранившиеся остатки жилища⁷⁹, состоящего из торфяных⁸⁰ стен трёх футов высоты и трёх футов толщины. Исследованиям мешали очень густые заросли травы и бесчисленное множество moskitov. Продольная ось дома была ориентирована по компасу строго с севера на юг. Дом состоял из двух частей: большой южной и малой северной, их пространственное расположение иллюстрирует приложенный рисунок.

Надо ещё добавить, что в середине северной стены имелся проём, напоминавший окно. Весь пол был скрыт под густым травяным покровом, который не было никакой возможности удалить. Я зондировал штыком всю площадь, но не нашёл ничего значительного. В отделе «а» под слоем дёрна был обнаружен древесный уголь и обгоревшая древесина, такая же, как в дверном проёме между

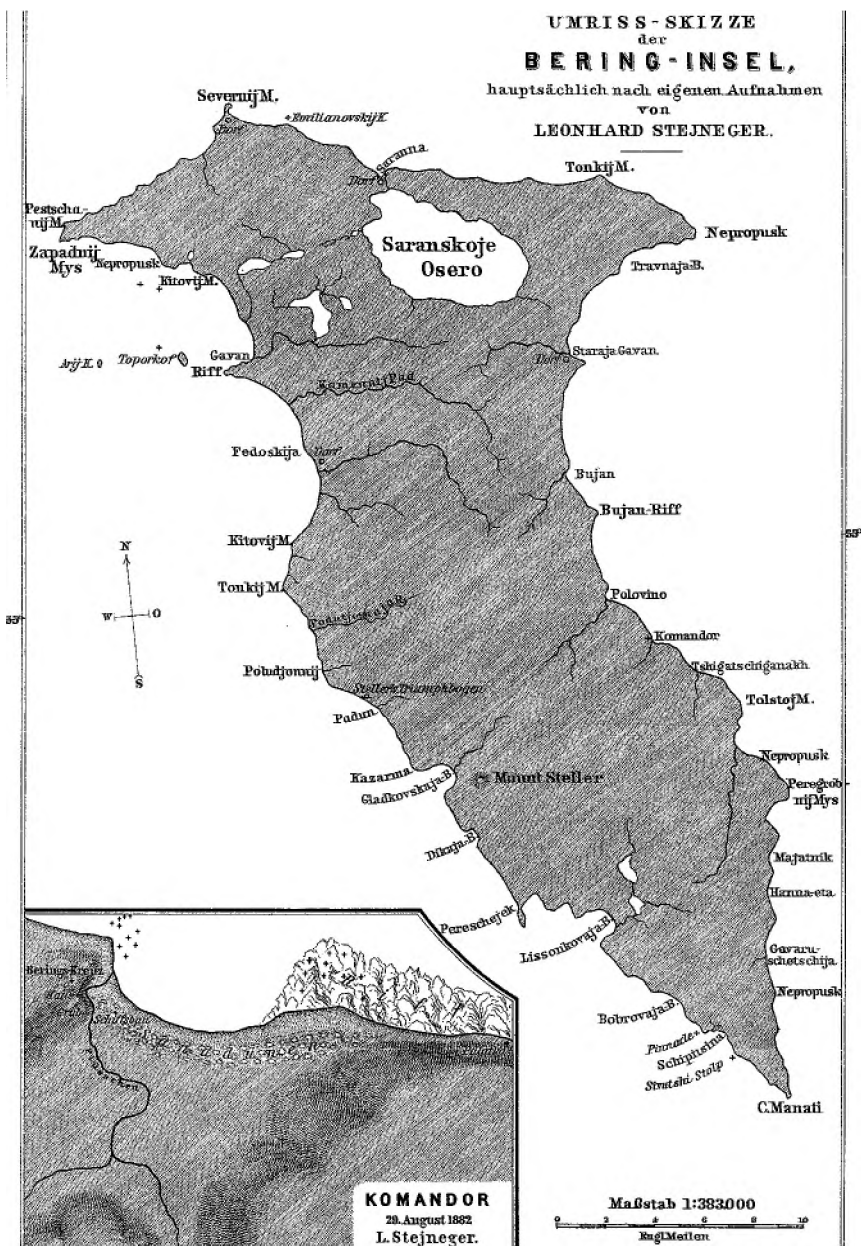
двумя помещениями. В отделе «b» лежало несколько камней, больше их нигде не было. Посреди прихожей, тоже под травяным покровом, лежало несколько ржавых гвоздей и болтов.

Зиму пережили сорок человек (если точнее, сорок шесть из семидесяти семи, оправившихся в морской поход. — *Н. Т.*), это означает, что не вся команда могла поместиться в доме. Должно быть, часть её ютилась в песчаных землянках у подножья холма, о которых писал Стеллер. И в самом деле, сохранились остатки таких землянок, потерявших, однако, всякую форму и так сильно заросших травой, что с ними уже ничего нельзя было сделать⁸¹. Несколько песцов вырыли свои норы в этом же месте, и теперь из любопытства весь выводок вылез наружу, чтобы разглядеть нас поближе.

Стеллера и его людей больше нет, а песцы, игравшие с ними злые шутки и так досаждавшие, здравствуют и поныне! Землянки, перекопанные теперь вдоль и поперек песцами, находятся рядом с речкой. В этом месте она делает крутой поворот к западу и ныряет под косогор, на котором было построено жилище.

Пошёл сильный дождь, помешавший мне составить подробный план окрестностей и сделать ряд зарисовок. Удалось набросать на бумаге только несколько линий. Этот эскиз представлен здесь с целью наглядно проиллюстрировать расположение объектов в бухте «Командор». Похоже, местные жители были правы: насколько можно было судить, с обеих сторон от нас погода была хорошей, и только Командорская долина тонула в густом тумане и тучах. Я понял, что ничего не смогу больше сделать, и согласился на немедленное отплытие. Мне тоже хотелось переодеться в сухую одежду и получить возможность перебраться и высушить свою коллекцию. Для родившегося в горах человека (родина Стейнегера — Норвегия, страна гор. — *Н. Т.*) погода была не совсем подходящей.

Карты острова Беринга и бухты Командор
из записок Л. Стейнегера

Я решил идти сразу в Старую Гавань, отказавшись от промежуточных остановок. Такое решение я принял по нескольким причинам. Встретить в этой части пути особенные зоологические объекты не было надежды. Здесь местные жители постоянно ездили на собачьих упряжках, поэтому вряд ли можно было обнаружить скелет морской коровы. И, наконец, я запланировал вторую экспедицию к «Командору», причем на такое время, когда растения ещё не успели сильно подрасти. Я хотел проехать на собачьей упряжке и обследовать весь берег до Толстого мыса. Вдобавок, мои попутчики начали тосковать по деревне. Сырость и неприятная погода последних дней деморализовали людей, в особенности потому, что в местах, по которым нам предстояло пройти, не водились нерпы.

Ветер дул очень слабо, так что мы продвигались крайне медленно — то под парусом, то на вёслах. Скорейшему продвижению препятствовало и то, что из-за низкой воды нам приходилось идти далеко от берега, огибая рифы. Несколько севернее «Командора» мы прошли большую открытую долину Половины, подпираемую сзади горой Стеллера. В следующей экспедиции я сделал зарисовку её расположения. На этот раз долина была затянута туманом, и мы не смогли увидеть самую высокую гору острова.

Примерно в двенадцать часов мы высадились около Буяна, чтобы пообедать. В близлежащей речке были пойманы гольцы — местное название речной форели (*Salvelinus malma*) — и несколько горбуш (*Oncorhynchus gorbuscha*, англ. Dog Salmon). Последние, однако, были выброшены: кто захочет кушать грубую горбатую горбушу, когда есть столько гольцов? Пока готовилась еда, я побродил по окрестностям в надежде подстрелить орла, сокола или, по крайней мере, утку, но никого не увидел. Неподалеку мною был найден небольшой пятачок с зарослями ежевики (*Rubus stellatus*)⁸², покрытый чудесными тёмно-красными ягодами, очень пришедшими нам по вкусу. Я собрал несколько растений, не отмеченных мной в других частях острова, таких как *Achillea multiflora* (чихотная трава камчатская. — *Н. Т.*) и роскошная цветущая *Epilobium latifolium* (иван-чай широколистный. — *Н. Т.*).

Наконец, в половине пятого мы достигли Старой Гавани — нашей сегодняшней цели. Как видно из самого названия, место это находится в районе гавани, от которой уже ничего не осталось, поскольку как раз напротив неё, на противоположной стороне острова обустроена новая Гавань Гребницкого (строго говоря, «Гавань Гребницкого» всегда была лучшей для зимовки и использовалась с 1745 г. — *Н. Т.*).

С южной стороны она защищена длинным (протяжённостью один километр в направлении с запада на восток), довольно скалистым рифом, а с северо-востока совсем открыта.

В лучшие времена на пляж высаживались охотники за мехами, заводившие свои шитики и лодки на берег, чтобы защититься от яростных волн. Под южным бортом долины раскинулась маленькая деревушка, окружённая ухоженными огородами картофеля и других корнеплодов. Она состоит из землянок, посещаемых только время от времени. Широкая и плоская долина изгибается между крутыми склонами сопки в западном направлении. Пойму её заполнили растения выше человеческого роста, среди которых я обнаружил *Archangelica officinalis*, *Artemisia vulgaris tilesii*, *Picris hieracioides japonica*, *Spiraea kamtschatica*, *Aconitum delphinifolium*, *Veratrum album*⁸³ и другие. По всей её длине извиляется глубокая⁸⁴ река, медленно несущая свои воды к морю.

Мы завели шлюпку в реку и расположились в большом чистом доме Бадаева. Развели огонь, распаковали и выложили на просушку все вещи. Я пришёл в отчаяние, когда увидел, какой ущерб нанесла сырость. Пропало столько трудов! Удалось спасти лишь шкурку редкой *Simorhynchus pygmaeus* в ювенильном оперении, красноногую чайку и несколько снежных куропаток.

После этого я вместе с Бадаевым вышел из дома, чтобы осмотреть его огород. Почва здесь очень плодородная и огороды ориентированы на восток или на юг, так что условия лучше, чем в других частях острова. Картофель и другие корнеплоды удивили солидными размерами, особенно если учесть, что росли они слишком плотно друг к другу. Но такие результаты наблюдаются не каждый год. Иногда картофелины не достигают и размера ногтя (в данном случае мы видим явное преуменьшение. — *Н. Т.*). Учитывая это, говорить о земледелии просто смешно.

По сведениям «Nature» (том. 32, 4 июня 1885 г., с. 113), доктор Дыбовский послал Русскому Географическому обществу сообщение, в котором объявил, что он «уверен, что на нём возможно земледелие». Дыбовский провёл четыре года на Камчатке, но остров посещал обычно только раз в году, оставаясь всего на несколько дней⁸⁵. Я могу противопоставить его данным проведённые мной метеорологические наблюдения в течение восемнадцати месяцев по три раза на дню и подобные им ещё в течение двенадцати месяцев, результаты которых с большой степенью уверенности позволяют утверждать, что ведение сколь либо заслуживающего внимания земледелия на Командорских островах невозможно.

Характер приведенных записей раскрывает другая цитата, где сказано: «The explorer's (Dybowski's) experiments of planting forest-trees proved quite successful»⁸⁶.

То, что здесь не была по ошибке пропущена частица «не», доказывает следующее утверждение, что акклиматизация северных оленей «proved also quite successful» («тоже была очень успешной». — *прим. переводчика*)⁸⁷. В действительности же попытка высадить молодые деревья с Камчатки потерпела фиаско⁸⁸. Ни одно из них не выдержало эксперимента, и на острове не найти ни одного дерева. Как это можно совместить с приведённой выше цитатой? Не стану отрицать, что деревья, посаженные в защищённых местах, могли бы прижиться, но это потребовало бы много времени, денег и экспериментов. К тому же это должны быть более устойчивые сорта, чем может предоставить Камчатка. Вряд ли здесь условия лучше, чем на западных берегах Дании или Норвегии.

Мы знаем, скольких неудачных попыток и сколько денег и труда это стоило. Упомянутый источник повествует, что «Commodore Islands are situated 300 miles east of Kamtschatka»⁸⁹ и многое другое тому подобное. Что из этого можно приписать доктору Дыбовскому, а что редактору?

Вечер был приятней вчерашнего, и, несмотря на комариную напасть и мучения от отпугивающего их дыма, я впал в глубокую дремоту, радуясь возможности поспать под надёжной крышей.

Последний день августа, как и предыдущий, начался с тумана и дождя, правда, очень слабого. Двигаясь попеременно то под парусом, то на вёслах, к десяти часам мы обогнули восточный выступ ориентированного на северо-восток полуостровка (начинавшегося мысом Вакселя (Северо-Восточным) и заканчивавшегося мысом Тонким. — *Н. Т.*), известного под общим названием «Тонкий Мыс». Правильнее относить этот топоним только к северному выступу, поскольку, если смотреть со стороны Северного и Саранного, он выглядит как очень узкая полоска суши, выдающаяся в море. Означенный восточный выступ, образующий северо-восточную оконечность всего острова, представляет собой крутой скалистый мыс, не имеющий пляжа, по которому можно было бы обогнуть его пешком. Поэтому участок называют Непропуском. На карте он обозначен как «Кап Ваксель», или второй «Не обходимый утёс» (в транскрипции Стейнегера «Ne obchodimii Utos». — *прим. переводчика*) Стеллера, о котором тот писал, что он стоит «позади вытянувшегося к северу мыса, берега которого очень круты и покрыты обломками скал». В то же время для него мыс Тон-

кий — «Северный нос». Перед тем, как обойти Кап Ваксель, мы высадились в так называемой Травной⁹⁰ бухте в поисках костей морской коровы.

Каменистый берег и сильный морской прибой делали высадку весьма проблематичной. Поэтому мы намеревались применить тот же метод, что и при высадке в Бобровой, показавшийся нам удачным. Правда, здесь нам угрожали гораздо большие опасности, поскольку береговые камни были намного крупнее. Но мы так хотели получить желаемые кости! Благодаря каменистой местности, трава и грунт скрывали их только частично, при этом кости были довольно сильно повреждены, но это были в основном рёбра, которых на острове сохранилось так мало, поскольку местные жители издавна используют их в качестве полозьев для своих саней⁹¹.

Рёбра оказались тем более ценными, что являлись частью того же скелета, что и остальные кости. Также были найдены два сильно пострадавших черепа, — далеко не так много находок, сколько смогла бы вместить наша лодка. Погрузка хрупких предметов в подобных условиях была сопряжена со многими трудностями: люди с берега бросали самые легкие кости тем, кто стоял в лодке со стороны форштевня (в носовой части. — *Н. Т.*), а те ловко их ловили.

Дул лёгкий южный ветерок, но стоило нам обогнуть Тонкий Мыс, нас встретил сильный западный шквал с туманом и дождём. Борясь с волнами, мы продвигались очень медленно до тех пор, пока ветер не переменился на более северный. В два часа пополудни повернули к бухте Саранной, облака стали рассеиваться, на короткое время выглянуло голубое небо, и пролился тёплый солнечный свет. Всякий поймёт возникшее у нас состояние умиротворения. Мы единогласно решили остановиться здесь на ночёвку.

Поприветствовать нас на берегу собралось всё мужское население маленькой деревни. Мои попутчики разбрелись по знакомым и друзьям, а я остановился в просторной и чистой юрте семейства Бурдуковских.

Селение Саранна лежит у истока короткой речки Саранной, через неё несёт свои воды в море озеро Саранное — самое большое озеро острова, удалённое от берега всего на два километра. В это озеро, водное зеркало которого возвышается примерно на сорок футов над уровнем океана, летом заходят на нерест многие виды лососёвых. Большая часть рыбы, необходимой жителям на зиму, ежегодно вылавливается в установленном поперёк реки «запоре». Иногда в течение лета здесь вялится до 70 000 лососей, в основном это «красная рыба» (*Oncorhynchus nerka*), а также «кижуч».

Вылов рыбы обычно производится в то время, когда мужчины заняты забоем котиков⁹². На этот период женское население переезжает на Саранное, чтобы чистить и подготавливать рыбу к вяленью.

Вечер этого дня я использовал для того, чтобы подняться на сопку, к которой примыкает деревня, и заняться ботаническими исследованиями. Сопка высотой примерно триста футов была наверху скупо покрыта мхом и альпийскими травами. Однако именно здесь я сделал две чудесные находки, вознаградившие моё путешествие: исчезнувшую после её первого открытия *Bryanthus Gmelini*⁹³ и новую *Cassiope*⁹⁴, которая так похожа на брусничный росток, что я принял её за бруснику, и которую впоследствии профессор Аза Грей описал как новый вид *C. Oxycoccoides*. Из других растений я упомяну лишь *Artemisia richardsoniana*⁹⁵ и *Tofieldia calyculata*⁹⁶.

Следующим утром я приводил себя в порядок у реки и нашёл там много экземпляров большой пресноводной улитки *Limnaea ovata* (прудовик — брюхоногий моллюск с тонкой хрупкой раковиной, массовый обитатель солоноватоводного озера Саранного. — *Н. Т.*). Присутствие её на таком маленьком острове необычно.

Мой старый приятель Афанасий Нозиков (алеут Афанасий Васильевич Нозиков (Ножиков), 1840 г. р. — *Н. Т.*) был здесь старостой, в его обязанности помимо прочего входил приём гостей. Поэтому он вытащил из «запора»⁹⁷ роскошного кижуча, а я достал чай и сухари. После ужина красавица Катерина Иванова⁹⁸ предложила нам свежесобранные огненно-оранжевые ягоды морошки (*Rubus chamaemorus*), которые пришлись нам очень по душе, несмотря на то, что были далеко не так вкусны и ароматны, как норвежские. Чтобы не остаться в долгу, я сварил для своих алеутских друзей боул-пунш, сделавший наше сборище по-настоящему праздничным.

15 сентября⁹⁹ в половине восьмого утра мы покинули гостеприимную Саранну. Дул легкий юго-восточный ветер, небо закрывали облака. Вскоре опустился туман и начался дождь. Термометр показывал +10,2 °С. Мои спутники хотели добраться до Гавани до наступления ночи, поскольку была суббота, и все бани уже жарко натоплены. Они предложили мне на этот раз отказаться от обхода северо-западного островного мыса.

Лодку хотели доставить в Гавань следующим образом: сначала мы должны были пройти вверх по течению реки и войти в Саранное. Затем пересечь озеро и войти в речку, соединяющую с западной стороны Саранное с другим озерком поменьше (по всей види-

мости, подразумевается Песчанка. — *Н. Т.*). По их мнению, по таким речкам и озёрам мы смогли бы после небольшого волока через водораздел в конечном счёте дойти до Гавани. Однако, во-первых, я вбил себе в голову, что должен обойти на лодке *весь* остров, во-вторых, мне не представлялось возможным за один день успеть протащить нашу тяжёлую, до верха гружённую лодку через весь остров.

Я и по сей день убеждён, что был прав. Я бы ещё согласился, если мы имели дело с маленькой ладьей или байдаркой, тогда бы мы с лёгкостью преодолели это путь. Но со шлюпкой мы бы застряли наверняка, поэтому я решительно отверг это предложение, тем более что надеялся успеть обогнуть северо-западный мыс и дойти до Гавани до наступления темноты, если ветер будет хоть немного благоприятствовать.

В половине десятого мы миновали северную оконечность острова — мыс Северный (на карте — Кап Юшин), где расположено большое лежбище котиков. Туман окутал деревню, и мы, стараясь не терять времени, пробирались среди окружавших нас со всех сторон ревущих, прыгающих, ныряющих, блеющих котиков и оставились лишь тогда, когда к часу дня достигли Песчаного мыса, расположенного неподалеку от мыса Западного¹⁰⁰.

Я не буду подробно описывать путешествие вдоль берега и характер рельефа, скажу только, что примерно две трети пути от Сараны до Северного тянется невысокая, но опасная каменная гряда. Она расположена примерно к северо-востоку от Емельяновского мыса¹⁰¹ и называется Емельяновский камень.

Пока заваривали чай, я взобрался на береговой откос приблизительно тридцати пяти футов высотой и к своему великому удивлению обнаружил там отложение многочисленных костей песцов, морских бобров, тюленей и всевозможных птиц. Сначала я подумал, что передо мной гнездо орла, но скоро обнаружили факты, опровергающие такое предположение:

1) большая протяженность захоронения: при беглом осмотре площади примерно в шестьсот квадратных футов я обнаружил достаточно свидетельств тому, что раньше отложение было ещё обширнее, но часть была размыва океаном и обрушилась;

2) кости лежали в отдельных перемежающихся тонких слоях дёрна и песка общей толщиной в два фута;

3) на костях не было следов внешнего воздействия. Тончайшие птичьи ребрышки остались в совершенной сохранности, ни одна косточка черепа маленькой морской птицы не была повреждена;

4) невозможно было найти ни одной рыбьей кости, хотя я специально их искал;

5) наличие костей такого крупного зверя, как морской лев (*Eumetopias Stelleri*).

Для меня находка доказывала, что некогда терраса была морским пляжем — в те времена, когда фауна острова была в целом такая же, как сейчас, и что с момента образования отложения остров поднялся как минимум на тридцать футов. Хочу здесь отметить, что позже я нашёл остатки ещё одного подобного отложения на такой же высоте и на похожей береговой террасе совсем рядом с деревней — находка, убедившая меня в правильности моего толкования.

Некоторые из собранных мною костей представляли особый интерес. Надеюсь, я уже в ближайшее время смогу доложить об этом научному миру¹⁰².

Когда мы обогнули Западный мыс, вновь задул встречный ветер и, что того хуже, с каждым часом становился всё сильнее. Мы смело продолжали путь до тех пор, пока накрывшая нас волна наполовину не затопила шлюпку, что заставило нас призадуматься. Плыть дальше стало невозможно, поэтому мы решили искать пристанище. Лодку завели в маленькую бухточку между Китовым Непропуском и Китовым мысом (современные названия мысов — Забияка и Гаупт. То есть палатку поставили в бухте Китовой, ближе к мысу Забияка. — *Н. Т.*), и в последний раз была разбита палатка.

При помощи полевого бинокля я мог, сидя в палатке, заглянуть в окно моей комнаты в деревне! Слева от неё — баня, которую как раз старательно топят по случаю субботнего вечера. Справа — большой дом Компании, из трубы идёт дымок, стало быть, Иннокентий готовит ужин. Перспектива уже сегодня попариться, поесть в цивилизованных условиях, надеть чистую сухую одежду и лечь в нормальную постель была настолько соблазнительной, что я без долгих колебаний взял свою винтовку и записные книжки и, оставив всё остальное, отправился в долгий нелегкий путь к деревне по глубокому песку побережья. Не прошёл я и полпути, как меня настигла ночная темень. Когда же я очутился у противоположного деревне берега реки, она показалась мне намного глубже, чем я ожидал. Вода доходила мне до бёдер, но какое мне было до этого дело, если я собирался помыться в бане и переодеться.

В деревне нас никто не ждал, дверь дома была закрыта. Я сделал сигнальный выстрел из обоих стволов ружья, на который адским завыванием откликнулись лишь шестьсот деревенских собак.

Вскоре, правда, появился друг Черник, и я смог насладиться всеми вышеупомянутыми благами цивилизации.

На следующий день привели шлюпку.

Так закончилось моё плавание вокруг острова Беринга. Всю следующую неделю из-за разыгравшегося ревматизма я не мог ни стоять, ни ходить, ни лежать!

КОММЕНТАРИИ

Использованные сокращения:

АКМ — Алеутский краеведческий музей

ГАКК — Государственный архив Камчатского края

РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-Морского Флота

РГИАДВ — Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

РГО — Русское географическое общество

¹ *Томилин А. Г.* Китообразные / Звери СССР и прилежащих стран. — Т. IX. — М., 1957. — С. 485.

² *Токранов А. М.* Некоторые черты биологии бычка Штейнегера *Stelgisstrum stejnegeri (Cottidae)* в прикамчатских водах Охотского моря // Сохранение биоразнообразия Камчатки и прилегающих морей: Материалы VIII международной научн. конф. — Петропавловск-Камчатский, 2007. — С. 274—276.

³ *Dall W. H.* Report on the mollusca of the Commander Islands (Bering and Copper islands) collected by Leonarg Stejneger in 1882 and 1883 / Contribution to the Natural History of the Commander Islands. Proceedings U.S. National Museum. — Vol. VII. — 1884. Washington, 1885. — P. 340—349; Морские и солоноватоводные брюхоногие моллюски России. М., 2006. — С. 135, 202.

⁴ *Kishinouye K.* A new Species of Stalked Medusae *Haliclystus stejnegeri*/ Contribution to the Natural History of the Commander Islands. Proceedings U.S. National Museum. — Vol. XXII. No. 1188. — Tokio, 1899. — P. 125—129.

⁵ *Васильев В. Н.* Флора и палеогеография Командорских островов. — М.: Л., 1957. — С. 242; *Vasey G.* Description of *Alopecurus stejnegeri*, a new species of grass from the Commander Islands / Contribution to the Natural History of the Commander Islands. Proceedings U.S. National Museum. — Vol. X. — 1887. — P. 153.

⁶ Топоним закрепился благодаря усилиям Стейнегера в конце XIX в. [*Stejneger L.* The Russian Fur-Seal Islands. U.S. Commission of Fish and Fisheries // U.S. Fish Commission Bulletin. — Washington, 1896]. Прежнее название горы — Гора Беглецов, или Чунохголохта [Суворов *Е. К.* Командорские острова и пушной промысел на них. СПб., 1912. — С. 85].

⁷ Коллежский ассессор, с 25 февраля 1889 г. — начальник Командорской округи [ГАКК. Ф. 220. Оп. 1. Д. 10; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2757. Л. 81 об.—82].

⁸ Байдара — большая восьми или шестивесельная лодка с деревянным каркасом, обтянутым шкурами морских львов (прим. Стейнегера).

⁹ Бадаев Игнатий (1831 г. р., креол); Бурдуковский Денис (Дионисий) Степанович (1862/63 г. р., креол, в переписи 1867 г. отсутствует); Григорьев Евграф Григорьевич (1849/50 г. р., алеут, в 1888 г. — помощник старшины Никольского селения, в переписи 1867 г. отсутствует); Мальцов (Мальцев) Василий Никитович (1854/55 г. р., алеут, в переписи 1867 г. отсутствует, хотя его отец родился на о. Беринга в 1830 г.); Паньков Гавриил Михайлович (1863 г. р., алеут), Старцов (Старцев) Григорий Никанорович (1861 г. р., алеут). Данные взяты из переписи «Народонаселение на Острове Беринг за 1866 год по 1-е января 1867 года», оригинал записи хранится в отделе рукописей библиотеки Конгресса США в Вашингтоне, а также из метрических книг [ГАКК. Ф. 220. Оп. 1] и дневников Иакова Нецветова [The Journals of Iakov Netsvetov: the Atkha Years. 1828—1844. — Kingston, 1980].

¹⁰ Описание Стеллера в значительной мере подходит под описание речки Гаванской, с той оговоркой, что «отвесных скалистых стен» здесь всё же нет. Однако, стоит заметить, что удаление от мысов не является надёжным ориентиром: предполагаемая точка, скорее, является результатом неточной трактовки рукописи Стеллера Палласом. Примечательно, что те же самые величины мы встречаем у Крашенинникова: «Первое место (для отстоя судов) верстах в пятидесяти, а другое в ста пятнадцати от юго-восточной изголовья острова», но в данном случае указываются две различные бухты [Крашенинников С. П. Описание Земли Камчатки. — Т. 1. — Петропавловск-Камчатский. — 1994. — С. 136].

¹¹ Это ошибка. Гаванское озеро не самое большое: похоже, что Стеллер другого не видел. Даже если предположить, что в то время вся поверхность тундры вокруг озера стояла под водой, оно не было бы самым большим (прим. Стейнегера).

¹² Топорков (прим. Стейнегера). Остров Топорков расположен в западном направлении от устья реки.

¹³ Командорская микроплита, действительно, имеет положительную динамику поднятия. На протяжении второй половины четвертичного периода средняя скорость тектонического поднятия составляла 2,1—2,2 мм в год [Пономарева Е. О., Исаченкова Л. В. Общая физико-географическая характеристика Командорских островов // Природные ресурсы Командорских островов. — М., 1991. — С. 19]. При этом интенсивному поднятию подвергается лишь северная часть о. Беринга.

¹⁴ В оригинальном тексте Стейнегера русские слова и топонимы написаны латинскими буквами и в ряде случаев взяты в кавычки. В переводе мы постарались сохранить авторские кавычки, в большинстве случаев они служат для усиления смыслового акцента.

¹⁵ Такое название селения, действительно, фигурирует на варианте карты Зандмана, переснятой и дополненной мичманом Беклемишевым и Н. А. Гребницким. Село подписано как Гребницкое/Никольское [Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. — Т. 3. — Вып. 1. — Иркутск, 1882]. Возможно, существовали иные карты, ныне утраченные.

¹⁶ Данное словосочетание встречается только в публикации Стейнегера. Селение длительное время называлось Гаванским (неофициально — вплоть до середины XX в.), приблизительно с 1884 г. оно получило официальное название Никольское [Татаренкова Н. А. Алеутский район: история административного устройства и геральдической символики // Крашенинниковские чтения. — Вып. XXVI. — Петропавловск-Камчатский, 2009. — С. 233]. Что касается прилегающей акватории, мы можем наблюдать следующие метаморфозы: современный топоним «Никольский рейд» встречается на картах с 1895 г. [РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 7. Д. 1602], но не исключено, что он появился несколько раньше. Прежде бухта называлась Гаванью. Еще раньше, в XVIII в., она сменила два названия: самое раннее — Басовская (предположительно, с 1745 г.) и с 1751 г. — Низовцева (Низовцова) [АГО. Р. 60. Оп. 1. № 1, 2].

¹⁷ На вешалах, расположенных близ селения, валялись пласты из нерки, котика и сивуча, которые впоследствии использовались для подкормки собак, а позже — песцов.

¹⁸ В рассматриваемый период действовала часовня. Новый храм был освящён только в 1892 г.

¹⁹ Иннокентия Иркутского-Чудотворца.

²⁰ «Заработков на каждую душу, не исключая и грудных детей, они получили: ... в 1881 г. — 70 руб. 92 коп. мегал. Если сравнить количество зарабатываемых ими денег с ценами, по которым получают из складов компании все необходимые им предметы, и прибавить те припасы, которые компания раздаёт им бесплатно, а также даровую рыбу и котовое мясо, то положение их можно назвать удовлетворительным и без всякого сравнения лучшим положения жителей Камчатки» [Записка П. Г. Сулковского о плавании на клипере «Стрелок» в Ледовитый океан и на Командорские острова // Сб. главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. — Т. 3. — Вып. 2. — Иркутск, 1882. — С. 36].

²¹ Более подробное описание селения 1882 г. даёт П. Г. Сулковский: «В селении этом считается 27 домов, безвозмездно построенных компаниею, и 24 юрты. Дома снаружи имеют довольно изящный вид и состоят из трёх и более комнат, смотря по численности обитающего в них семейства. Комнаты светлые и высокие; необходимая внутренняя обстановка их доставлена компаниею из Америки также бесплатно. Каждый такой дом стоит от 600—1 000 долларов. В юртах, или правильнее, в землянках временно помещаются те жители, которым компания не успела ещё построить дома. Всех жителей на острове Беринг считается 310 душ обоёго пола (164 мужчин, 146 женщин). В этом же селении находятся:

казённый дом для управляющего островами, состоящий из четырёх комнат с кухней и при нём пристройка для помещения надзирателя о. Беринг; дом для служащих компании; два здания, в которых помещаются товары для продажи жителям; православная церковь, построенная жителями из выкидного леса и вновь строится компаниею весьма приличное здание для училища» [Записка П. Г. Сулковского, 1882. — С. 33].

²² В транскрипции Стейнегера: Fedoskija, Staraja Gavan, Saranna, Severnij. Сегодня названия селищ звучат как Федоскина, Старая Гавань, Саранное и Северное. Примечательно, что указано Федоскино, где были всего лишь распаханы участки под огороды, при этом не указано селище Полуденное.

²³ В транскрипции Стейнегера — Alinata. Жительница о. Беринга В. М. Кияйкина помнит старый топоним, произносит его «Алимхтанах» и трактует как «земля, лежащая посередине, появляющаяся во время отлива». Островок с аналогичным названием расположен у побережья о. Атка — «Ali(m)-tanaa» («Ili(m)-tanaa») [Aleut Dictionary com. by Knut Bergsland. Alaska Native Language Center & University of Alaska — Fairbanks, 1994. — P. 631]. Е. В. Головки также склонен рассматривать топоним как притяжательное словосочетание «алим танаа» — «центральный остров», «остров посередине».

²⁴ Известно, что в конце XIX — начале XX в. на островах помимо картофеля в открытом грунте выращивались репа, редис, турнепс, изредка — редька, брюква, морковь (так как они более требовательны к теплу).

²⁵ Западная сторона острова более холодная, здесь чаще бывают туманы и выпадают осадки, чем на восточной стороне. Такое распределение можно объяснить западным переносом воздушных масс.

²⁶ У камчадалов и командорских алеутов: «Ка-ка» («ках») — «направо»; «хуг-хуг» («ху», «гу») — «налево» [Унтербергер П. Ф. Приамурский край 1906—1910 // Записки ИРГО по отделу статистики. — Т. XIII. — СПб., 1912. — С. 261; Браславец К. М., Шатунова Л. В. Словарь русского камчатского наречия. — Хабаровск, 1977].

²⁷ В данном случае Стейнегер ошибается: как показала полторавековая практика, наиболее рациональным является именно разведение молочных пород коров, в то время как овцы быстро разрушают хрупкие тундровые растительные сообщества.

²⁸ Острова помнят и более экзотический случай: в зиму 1994—1995 гг. бесхозными оказались две коровы прекратившей существование молочно-товарной фермы. От безысходности животные примкнули к оленьему стаду и кочевали по острову. Благодаря благоприятным климатическим условиям этого сезона им удалось пережить зиму. Однако зима без подкормки, какой бы мягкой она ни была (мягкая малоснежная зима на Командорах — скорее исключение, нежели правило) едва ли пойдёт на пользу какому бы то ни было скоту.

²⁹ Это — явная опечатка в оригинальном тексте. Далее и на современной карте, и на карте самого Стейнегера следует мыс Тонкий.

30 В период действия Российско-Американской компании одиночками называли административные точки для торговли, фактории, зачастую состоявшие из одной избы, в которой жили управляющий и служащие. На Командорах понятие преобразовалось в одиночную промысловую избу, обычно небольшого размера. Одиночки (на алеутский манер слово звучит «удиначка») получали название по территориальному признаку. Так, данная находилась в бухте Полуденной.

31 Вероятнее всего, Стеллер описывал иной, более южный участок, но доподлинно определить его месторасположение не представляется возможным. Скорее всего, бухта находилась близ современной Лисинской. Возможно, речь идёт о бухте Бобровой — Л. М. Пасенюк описывал небольшую сквозную пещеру близ Бобровых камней на южной оконечности бухты [Пасенюк Л. М. В одиночку на о. Беринга. М., 1981. — С. 72—73].

32 Название, данное Стейнегером — Арка Стеллера — сохранилось и закреплено на картах. Прежнее название образования — Штаны Тетеринова [Гребницкий Н. А. Командорские острова. — СПб.: 1902. С. 40].

33 Современное название — река Водопадная. «Падун» — порог на реке [Браславец К. М., Шатунова Л. В., 1977. — С. 123, со ссылкой на Головин В. М. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку 1807—1811 гг. — М., 1961. — С. 367].

34 Речь идёт о дуднике Гмелина, далее указываются горчак камчатский и лабазник камчатский. Из перечня видов следует, что Стейнегер перемещался по самому склону, а не шёл вдоль подножья.

35 Тюлень обыкновенный. Впоследствии антур, или островной тюлень, был выделен в самостоятельный подвид, иначе называемый тюленем Стейнегера (*Phoca vitulina stejnegeri* J. Allen).

36 Указаны два обычных, часто встречающихся вида: лютик Эшшольца и кисличник двустолбчатый. Последний традиционно используется в пищу.

37 На островах нет вечной мерзлоты, но снежники залеживаются до августа или даже сентября. В отдельные годы некоторые из них не сходят вовсе.

38 Устаревшее название Гавайских островов. В то время — самая дешевая и непритязательная рабочая сила.

39 Красноногая говорушка (красноногая моевка).

40 Малая конюга (*Aethia pygmaea* Gm.).

41 Стейнегер упоминает часто использовавшуюся «дорогу» («собачью» тропу), пересекавшую остров. Её обычно называли Половиной, или Половиной. Остров также можно пересечь по маршруту Половина — Перешеек. Возможно, он имел в виду эту «перешейковскую» дорогу.

42 Даже в XIX в. бухта имела два названия — Лиссонковая [Стейнегер, Морозевич] и Лисинская [РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 7. Д. 1602]. Последнее закрепилось на картах и дошло до наших дней. Примечательно, что на карте В. П. Хабарова указаны оба топонима, при этом бухта называется Лисинская, а «Лисенково» обозначает некое селище (или крупный ухаж) [Хабаров В. П. Котиковое хозяйство на Командорских островах. — Л., 1941].

⁴³ В своей монографии 1885 г. Дыбовский отмечает, что на островах комаров, слепней, гнуса и прочих кровососущих насекомых «нет» (фраза касалась оценки благоприятности условий для акклиматизации оленей, см. ниже). Вероятнее всего, комары присутствовали уже и в те годы, но их численность была относительно невысока. Впрочем, слово «Mücken» можно перевести и как «мошка», которая также присутствует на острове и досажает в безветрие.

⁴⁴ Действительно, в конце XIX в. многие исследователи и государственные чиновники, в том числе Гребницкий и Стейнегер пользовались картами И. Зандмана, составленными на базе карт капитана Российско-Американской компании М. Д. Тебенкова (в транскрипции Стейнегера — Tebinkoff). Капитан Российско-Американской компании, главный правитель (1845—1850), вице-адмирал (1860) М. Д. Тебенков на базе многолетних гидрографических исследований составил Атлас северо-западных берегов Америки (СПб., 1852). При этом Зандман лично проводил астрономическую съёмку о. Медного, но очертания о. Беринга оставил практически без изменений. Южная часть острова была нанесена приблизительно, с большим количеством неточностей и откровенных ошибок, на одну из которых указывает Стейнегер. Корректировка очертаний береговой линии, выполненная Л. Стейнегером, была очень существенной и необходимой.

⁴⁵ В транскрипции Стейнегера — Juschini Pad (Juschinis Thal). Одновременно на карту Стейнегером нанесён Kamennij Pad — долина р. Каменки. Русский эквивалент слова «Пад» не вполне понятен.

⁴⁶ Если за ориентир брать указанное расстояние, то семь голландских миль составят немногим меньше тридцати девяти километров, и долина Юшина должна находиться севернее. Но, как и в прочих случаях, ориентиры ненадёжны.

⁴⁷ Manati, от lat. *manatus* — морская корова (прим. переводчика).

⁴⁸ В транскрипции Стейнегера Toporkoff Stolp. Современное название — мыс Птичий Остров (Шепитанский).

⁴⁹ Единичные кости морской коровы по сей день можно встретить вдоль береговой линии. В конце XIX в. подобные находки были обычными, а сама кость широко использовалась как заменитель железа или плотной древесины. Очевидно, в данном случае Стейнегер говорит о возможности найти полный или относительно полный скелет.

⁵⁰ Вплоть до начала XX в. алеуты Командорских островов носили одежды, сшитые из кишок и горловин сивуча (реже — котика): камлейки — подобие рубахи с капюшоном, ловташны (лафтасны) — штаны с высокой посадкой, бродни — штаны из сивучьих горл, к которым пришивались торбаса, и, собственно, торбаса — высокие сапоги из горловин сивуча и (или) нерпичьих шкур.

⁵¹ Ахтерштевень — задний вертикальный брус, идущий от киля и составляющий заднюю оконечность судна. Проще говоря, Мальцев стоял на корме, а Бадаев — на носу, был отдан носовой якорь. Аналогичный способ высадки используется алеутами по сей день.

52 Ухож (ухожь) — промысловый участок. В современном понимании — промысловый домик и прилегающая к нему хозяйственная территория.

53 Палатин (*Mons Palatinus, Palatium*) — меньший из семи главных холмов Рима, на нем располагался императорский дворец, именовавшийся Палатинским. Слово «палата» употребляется в русском языке со времен князя Владимира и первоначально использовалось в значении «дворец». Слово «палатка» в значении «небольшой солдатский шатер» появилось во времена Петра I.

54 Приведённое сравнение с королем гуннов Аттилой выглядит, по крайней мере, не вполне уместным — по легендам, варвар не отличался изысканными манерами. Кроме того, Аттила так и не взял «вечный город».

55 В современной таксономии — *Alopex lagopus*; в род *Vulpes* объединены лисицы. Впрочем, в оригинальном тексте Стейнегер постоянно называет песцов именно лисицами.

56 Эти сведения неточны. Вот что пишет по этому поводу А. И. Черский: «На острове Медном на памяти старожилов известны лишь два случая внезапного появления белых песцов — в 1873 и 1892 гг.; добыто было их всего около тридцати штук» [Черский А. И. Командорский песец / Материалы по изучению рыболовства и пушного промысла на Дальнем Востоке. — Токио, 1920. — С. 63].

57 Г. Ф. Миллер. Собрание российских историй.

58 Приведённые цифры по промыслам середины XVIII в. варьируют в различных отчётах, поэтому следует говорить не об абсолютных величинах, а о просматривающихся тенденциях.

59 В конце XIX в. за руководство при производстве промысла были взяты правила, утверждённые генерал-губернатором Восточной Сибири Анучиным в 1883 г. Дозволенные орудия лова: капканы, кулемки (запрещены с 1895 г.), оцепы, алеутские петли камчадах (запрещены после 1895 г.), ружья (винчестер и дробовик), а также разрешалась добыча из нор с помощью крючка, китового уса или расщеплённой палки (запрещено с 1894 г.) [Суворов Е. К. Командорские острова и пушной промысел на них. — СПб., 1912. — С. 218—220]. Очевидно, те же орудия использовались и в 1882 г. Большая часть использовавшихся методов привела к значительному повреждению шкур.

60 В данном случае под словом «юрты» Стейнегер, скорее всего, подразумевал так называемые «казармы» — просторные избы полужемляного типа, либо «шайбы» — предположительно наземные срубы, большие избы, последние пришли на смену «казармам». В рассматриваемое время могли встречаться и первые, и вторые. Значение слова «одиночка» указывалось выше.

61 Известно, что в 1880-х гг. на месте селища проживала семья Прошевых — память о детских годах хранили Анна Макаровна (в замужестве Панькова 1884/85 г. р.), её сестра Евдокия Макаровна (в замужестве

Голодова 1888/89 г. р.), их брат Михаил Макарович (1888/89 г. р., охотник). Также, вероятно, проживала семья мужа Анны Макаровны — Александра Моисеевича Панькова (1878/79 г. р., охотник) [устное сообщение В. Т. Тимошенко; ГАКК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 2]. В то же время, известно, что с середины XIX в. на о. Беринга проживали Ладыгины: Григорий (1820 г. р.), Никита (1832 г. р.) и Игнатий (1836 г. р.) с семьями (предположительно, братья), а также их мать Екатерина (1790 г. р.). Топоним «Ладыгинская речка» впервые появляется в настоящей публикации (в монографии Дыбовского, изданной в 1885 г., речка названия не имеет, а озёра называются Марфа и Черныха).

⁶² Как отмечали Б. Дыбовский (1885) и Е. К. Суворов (1912), алеуты также называли мыс «Танам ангта» — «конец земли» и «Танамъ кгеганга» («танам к,ин,анаа» — «холодная земля», перевод Головки Е. В., 2011). Название «Сточной» (Stotschnoj Mys) приводится только Стейнегером, не вполне понятно, как именно возник этот топоним и что он обозначает.

⁶³ Охотиться на нерпу на воде значительно сложнее, чем на сивуча. В отличие от последнего, визуально сложно определить, в какой момент нерпа делает вдох, наполняя воздухом лёгкие, поэтому даже при точном попадании в голову вероятность того, что животное утонет, высока. На нерпу на воде обычно охотились в начале осени, когда их плавучесть достаточно велика за счёт накопившегося подкожного жира [устное сообщение Г. М. Яковлева, 2012]. Именно такая охота описана у Стейнегера.

⁶⁴ Калан, или морская выдра (*Enhydra lutris* L.). В начале XIX в. шкура калана принималась Охотской конторой по цене, в пятьдесят раз превышающей цену на шкуру песца и, тем более, котика. Не удивительно, что за сто с лишним лет эксплуатации островов численность командорской популяции катастрофически упала. И хотя компания «Гутчинсон и Кооль» занималась преимущественно добычей северного морского котика, а промысел калана и песца в контракте вовсе не был прописан, промысловики не упускали случая подзаработать. Компания также получала с этого неплохой барыш.

⁶⁵ Вот что об этом писал в 1882 г. чиновник Главного управления Восточной Сибири П. Г. Сулковский, посетивший острова на клипере «Стрелок» (цифры относятся к о. Медному, где зверя было больше, и промыслы велись более активно): «...число бобров также увеличивается: в 1872 г. их было добыто только 9; каждый последующий год промысел увеличивался, и в 1880 г. добыто их уже 182, а в прошедшем году — 190» [Сб. главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. — Т. 3. — Вып. 2. — Иркутск, 1882. — С. 37]. Но на о. Беринга животные встречались крайне редко.

⁶⁶ В транскрипции Стейнегера Nanna-eta, что не вполне точно передает фонетический ряд. На беринговском диалекте эта фраза звучит «'аним удаа» [перевод Е. В. Головки, 2011]. Современное название бухты — Озерная.

⁶⁷ На старых картах мыс Хитров (Хитрово) соответствует мысу Толстому. Вероятно, благодаря такому «дублированию», топоним «Хитров»

со временем был утрачен. Из описания Стейнегера следует, что мысом Хитрово следует называть современную Пристань Байдарную.

68 Очевидно, белоголовый орлан (*Haliaeetus leucocephalus alascanus* Towns.). При открытии островов был, по-видимому, обычен, так как члены экспедиции Беринга добывали его для употребления в пищу. В начале 1880-х гг. стал редким и встречался только в южной гористой части о. Беринга [Артюхин Ю. Б. Гнездовая авиафауна Командорских островов и влияние человека на её состояние // Природные ресурсы Командорских островов. — М., 1991. — С. 112, со ссылкой на *Stejneger L. Results of ornithological explorations in the Commander Islands and in Kamtschatka* // Bull. U.S. Nat. Mus. — 1885, № 29].

69 Русское название — командорская тундряная куропатка (*Lagopus mutus ridgwayi* Stejn., 1884). Стейнегер сделал описание вида в 1884 г. наряду с тихоокеанской чайкой (*Larus schistisagus* Stejn., 1884).

70 Вероятно, речь идёт о фоновом виде *Orchestia ditmari* семейства *Talitridae* отряда *Amphipoda*. Это небольшие рачки, иначе называемые бокоплавами за характерную манеру держаться на воде. Являются типичными и массовыми обитателями приливо-отливной зоны. Во время шторма закапываются в песок.

71 Водонепроницаемая одежда в виде рубахи с капюшоном, на Командорах шилась преимущественно из кишок сивуча. В свёрнутом виде имела объём сложенной в трубку салфетки. Командорские алеуты, отправляясь на промысел, обычно держали её в заплечном мешке и надевали поверх обычной привозной одежды в случае необходимости.

72 Стейнегер достаточно красочно описал эффект аэродинамической трубы, который часто можно наблюдать в южных районах о. Беринга. Действительно, мощные воздушные потоки, формирующиеся в узких долинах, могут растекаться от устья в противоположные стороны. Таким образом, при движении к реке ветер дует в лицо, но после перехода на противоположную сторону, он с той же силой будет дуть в спину. При этом сила ветра даже в летние месяцы бывает такова, что поднимающаяся на два и более метра галька может легко поранить незащищённые участки тела. В редких случаях скорость ветра достигает той величины, когда становится невозможным передвигаться в полный рост.

73 Не менее 80 км/ч, или 22 м/с. Не слишком сильный ветер, хотя и ощутимый. Описываемый на следующий день ветер, очевидно, достигал 30—35 м/с. В период циклонов это обычное явление для Командорских островов.

74 Бухта не пустовала и прежде заселения островов. Первыми её посетил Емельян Басов и команда шитика «Св. Петр» в 1745—1746 гг.: «...На берегу лежало судовое днище, а вблизи его анбар, построенный из боковых досок разбившагося судна, покрытый парусами, и в нём судовые припасы. По переписи Басовым (реестр в несколько страниц) оказалось много казённых вещей, которые имелись по близости морского берега и в магазине без покрытия, а многия вещи, разбросанныя на расстоянии

версты от магазина до пристани, валялись на земле». На этом основании Басов ходатайствовал об официальном запрете на проведении промыслов на о. Беринга, соответствующий указ был издан Большеберцовской канцелярией 5 августа 1747 г. [АГО. Р. 60. Оп. 1. № 2; *Полонский А.* Перечень путешествий русских в Восточном океане с 1743 по 1800 год]. Однако, несмотря на запрет, бухта регулярно посещалась, а казённое имущество таяло год от года.

⁷⁵ Неоднозначное отношение к бухте и месту захоронения бытовало на острове ещё долгие годы. К примеру, одно из местных поверий гласило, что в бухте «зарыта цинга».

⁷⁶ Крест стоял не на самой могиле Беринга, а значительно выше. Уже к середине XIX в. сведения о подлинном месте захоронения были утрачены, и крест установили на возвышенном террасовом выступе мыса Судового.

⁷⁷ Стейнегер имел в виду Российско-Американскую компанию, прекратившую свое существование в 1867 г. в связи с продажей основных территорий Соединенным Штатам.

⁷⁸ Вот что писал в 1912 г. по этому поводу Е. К. Суворов: «Руководясь описанием Стеллера, Российско-Американская Компания поставила на предполагаемом месте погребения простой деревянный крест. Впоследствии Н. А. Гребницкий (1877) снова проверил по Стеллеру место могилы». Упомянутый Стейнегером деревянный крест был поставлен в 1880 г., на сохранившемся снимке из книги Суворова читается надпись: «Памяти Беринга. 19 декабря 1741. 1880»».

⁷⁹ Дано описание так называемого «жилища № 4», или «летнего жилища», предположительно сооружённого для членов команды, занимавшихся постройкой нового судна [*Стеллер Г. В.* Дневник плавания с Берингом к берегам Америки 1741—1742 / Под ред. А. К. Станюковича. — М., 1995; АКМ ГИ 1247 *Силантьев Г. Л.* Отчёт о полевых исследованиях в бухте Командор острова Беринга в 1979 г. — Владивосток, 1980. — С. 55—59].

⁸⁰ Речь идёт о суглинках, укрепленных истлевшими деревянными конструкциями. В некоторых участках суглинок был обожжён и имел бурый оттенок [АКМ ГИ 1247 *Силантьев Г. Л.* Отчет о полевых исследованиях в бухте Командор острова Беринга в 1979 г. — Владивосток, 1980. — С. 55—59].

⁸¹ В 1979—1981 гг. археологами были идентифицированы пять жилищ экспедиции Беринга. Все они представляли собой покрытые парусами полужемлянки, вырытые среди песчаных береговых валов морской террасы и расположенные вдоль левого борта р. Командор ближе к её устью. В результате проведенных исследований удалось отождествить крайнее с севера жилище (так называемое жилище № 6) с землянкой, в которой жил и умер В. Беринг, соседнее с ним (жилище № 5) — с «казармой», в которой размещалась большая часть больных, «жилище № 1» — с жилищем «артели» Стеллера [*Стеллер Г. В.* Дневник плавания с Берингом

к берегам Америки 1741—1742 / Под ред. А. К. Станюковича. — М., 1995; *Белковский А. Н.* и др. Русские морские экспедиции XVIII в. — М., 1996].

⁸² В оригинале — «Brombeeren», может быть переведено как «ежевика» или «малина», обобщающее название для ягод рода *Rubus*. В нашем случае речь идёт о княженике звездчатой. Куртины княженики нередко встречаются на зарастающих песчаных косах речки Буян.

⁸³ Дудник Гмелина (*Angelica gmelinii* (DC.) M. Pimen.); полынь пышная (*Artemisia opulenta* Ramp., *A. unalaskensis* Rydb.); горчак камчатский (*Picris kamtschatica* Ledeb.); лабазник камчатский (*Filipendula camtschatica* (Pall.) Maxim.); борец большой (*Aconitum maximum* Pall. ex DC.) — как *A. delphinifolium* DC. определен ошибочно, вид приводился позже рядом авторов, но на острове обнаружен не был; чемерица остроподольная (*Veratrum oxysepalum* Turcz.).

⁸⁴ В наши дни река довольно мелководна, кроме сезона осенних дождей. Но, как следует из текста, во время похода Стейнегера она, действительно, была достаточно полноводна.

⁸⁵ Б. И. Дыбовский в течение своего пятилетнего пребывания на Камчатке не единожды посещал Командорские острова в 1879—1883 гг. в качестве окружного врача. За это время он провёл полное обследование состояния здоровья и быта населения, а также метеорологические, экономические, статистические и иные изыскания. Вне сомнения, мы являемся свидетелями некой конфронтации, о причинах которой можно лишь догадываться. При этом по одну сторону «баррикад» оказался Дыбовский, а по другую — Стейнегер и Гребницкий. Любопытна прослеживаемая закономерность: каждый из них прав в той области, в которой был профессионалом высокого уровня. Однако в отношении выращивания корнеплодов практика показала, что прав был всё же Дыбовский.

⁸⁶ «Эксперимент исследователя (Дыбовского) по посадке лесных деревьев оказался очень успешным», англ. (прим. переводчика). В русскоязычной версии относительно доклада Дыбовского звучит следующая фраза: «Но тот факт, что на острове Беринге растут только кустарниковые породы, ещё не служит доказательством того, что теперь там климат и почва не благоприятствуют произрастанию деревьев; напротив, опыт, произведённый г. Дыбовским, хотя и в небольших размерах, доказал возможность лесонасаждения» [Журнал общего собрания Императорского Русского Географического общества. 7 марта 1884 // Известия ИРГО. — Т. XX. — СПб., 1884. — С. 197].

⁸⁷ Первая группа северных оленей была завезена Бенедиктом Дыбовским в 1882 г., адаптация прошла успешно. Сам Дыбовский отмечал, что олени благополучно перезимовали и отёл начался уже в марте следующего года (на два месяца раньше, чем на Камчатке). Причину раннего отёла и гона он связывал с отсутствием на острове комаров, слепней и гнуса, досаждающих оленям на Камчатке. Всего было завезено пятнадцать

животных (одиннадцать самок и четыре самца), но весной 1883 г. островитяне забили восемь из них, аргументируя тем, что животные на них «напали» [Dybowski B. J., 1885. — С. 9—10]. Несмотря на несанкционированную охоту [Уиттербергер П. Ф. Записки ИРГО по отделу статистики. — Т. XIII. — СПб., 1912. — С. 261] в 1910 г. оленям дали возможность плодиться на свободе, «и теперь уже образовалось там небольшое стадо». Суворов допускал, что количество животных могло достигать 500—1 000 голов на том основании, что «зимой 1906 г. в одной из падей найден целый табун трупов, до ста пятидесяти голов», но в то же время отмечал, что «последние два года оленей почти не видят, и охота на них бывает неудачна» [Суворов Е. К., 1912. — С. 128]. Считается, что популяция была полностью истреблена к 1917 г. Следующие две группы были завезены в 1927 и 1984 г.

⁸⁸ Неоднократные попытки высаживать деревья предпринимались также в XX в. Как показывает практика, деревья на островах не приживаются, даже если высажены в относительно защищённых от ветра местах. При этом они погибают не сразу, и некоторое время могут существовать в угнетённом состоянии. Зато кустарники, в частности чёрная смородина, чувствуют себя неплохо. Сегодня можно встретить одичавшее растения, в тёплые годы дающие заметный урожай.

⁸⁹ «Командорские острова расположены в трёхстах милях восточнее Камчатки». Если вести отсчёт от города Петропавловска, то приблизительно так и получается, если брать кратчайшее расстояние, то оно значительно меньше. Очевидно, отсчёт велся именно от города, ибо в русскоязычной версии далее следует фраза: «Пароход американской компании “Александр” делает этот переход в полутора-двое суток» [Известия ИРГО. — Т. XX. — СПб., 1884. — С. 197].

⁹⁰ В данной публикации бухта отмечена как «Travnaja», но в более поздних работах Стейнегера она фигурирует как «Dravianaya» [Stejneger L., 1896]. Современное название бухты — Дровяная Ближняя.

⁹¹ Командорские нарты предназначались для езды по склонам в любое время года и требовали повышенной прочности, поэтому деревянные полозья обивались костяными пластинами, или подполозками, вырезанными из ребра морской коровы. Ближе к 1920-м гг. кость была заменена железом [Татаренкова Н. А. Об использовании мяса, сала, кожи и костей морской коровы (*Hydrodamalis gigas*) // Сохранение биоразнообразия Камчатки и прилегающих морей. — Петропавловск-Камчатский, 2006. — С. 160—163].

⁹² Массовый заход нерки обычно начинается в конце мая, а кижуча — во второй половине августа. Забой котика производился в июне, июле и иногда первой половине августа, как раз в период нереста нерки.

⁹³ Мохоцветник Гмелина (*Bryanthus gmelinii* D. Don.) — обычный, массовый вид, один из доминантов в сухих щепнисто-кустарничковых и вороничных тундрах. На момент обнаружения Стейнегером прошёл пик цветения.

⁹⁴ Действительно редчайшая находка: арктерика карликовая (*Arcterica nana* (Maxim) Makino; *Cassiope oxycoccoides* A. Gray). Встречается на о. Медном, для Беринга приводится Васильевым [Васильев В. Н., 1957] по Стейнегеру — «один экземпляр, собранный около озера Саранного, 22.08.1882» [Мочалова О. А., Якубов В. В. Флора Командорских островов. — Владивосток, 2004. — С. 91]. Речь, несомненно, идёт именно об этом сборе, по юлианскому календарю это получается 4 сентября. Другими коллекторами вид на о. Беринга не собирался.

⁹⁵ Полынь арктическая (*Artemisia arctica* Less.; *A. Richardsoniana* Stejn.) [Васильев В. Н., 1957. — С. 187]. Обычный вид.

⁹⁶ *Tofieldia calyculata* (L.) Wahlenb. — под *T. palustris* приводится Б. Федченко [1906] для Беринга и Медного [Комаров В.Л. Флора полуострова Камчатки. Т. 1. Л.: 1927. С. 290; Васильев В.Н., 1957. С.72]. В соответствии с современной систематикой следует трактовать как тофельдия ярко-красная (*Tofieldia coccinea* Richards).

⁹⁷ Подробно запор на речке Саранной описал Суворов: «...с апреля по октябрь месяц устанавливаются запоры. Сарановский запор... состоит из двух стенок, поставленных в расстоянии около трёх саженей одна от другой. Для устройства запорной стенки протягивают над водой поперек речки горизонтальное бревно, которое служит опорой наклонно прислонённых кольев; последние заваливаются у дна камнями... В нижней стене между такими же камнями остаётся небольшая щель, в которую и забирается рыба... Каменная гряда верхней стенки перегораживает промежуток наглухо и разбирается только к вечера субботы до вечера воскресенья для свободного прохода рыбы к нерестилищам. Из запора рыбу вылавливают, большую частью, два раза в день при помощи маленького бредня» [Суворов Е. К., 1912. — С. 137—138].

⁹⁸ Вторая жена Афанасия Ножикова (1848—1914); первая жена, Настасья, умерла в 1863 г. от чахотки [Народонаселение на Острове Беринг за 1866 г. по 1-е января 1867 г.; ГАКК. Ф. 220].

⁹⁹ 15 сентября 1882 г. по старому стилю, или 2 сентября по новому, действительно, было субботой. Таким образом, получается, что команда лодки гостила на Саранной почти две недели.

¹⁰⁰ Современное название Западного мыса — Северо-Западный. Во времена похода Стейнегера там ещё не было котикового лежбища, оно образовалось в середине XX в.

¹⁰¹ На современных картах мыс не обозначен, так как не имеет чётких очертаний, а название соответствующей бухты из Емельяновской трансформировалось в Яновскую.

¹⁰² Находка, действительно, оказалась уникальной. Стеллер обнаружил кости вымершего в первой половине XIX в. очкового (Стеллера) баклана (*Phalacrocorax perspicillatus* Pall.): «Во время моего морского обхода вокруг о. Беринга я пристал 1 сентября 1882 г. к мысу Песчаному близ северо-западной оконечности. Поднявшись на крутой береговой откос высотой около тридцати пяти футов, близ кромки террасы я нашёл

довольно мощное отложение костей различных млекопитающих и птиц из чередующихся тонких пластов песка и дёрна. Средняя толщина отложения составляла около двух футов. Оно занимало территорию площадью в шестьсот квадратных футов. Очевидно, некогда это было более обширное пространство, в которое со временем вторгся океан и разрушил большую часть террасы. Состояние костей было довольно приличным, сохранились даже самые мелкие и хрупкие, не было никаких признаков вторжения. Там были кости песцов, каланов, сивучей, других видов тюленей, равно как и разных видов водных птиц. Среди последних моё внимание привлек особенно крупный таз *Phalacrocorax*, и так как я со времени отъезда из Вашингтона всё время грезил Бакланом Палласа, я сразу предположил, что имею дело с костями именно этой птицы.

Если бы у меня было время провести раскопки всего отложения, я бы, наверное, нашёл ещё больше костей, но в связи с вышесказанным предположением я исследовал такую территорию и собрал столько костей, сколько мне позволили обстоятельства» [*Stejneger L., Lucas F. A. Contributions to the Natural History of the Commander Islands. A. Contributions to the History of Pallas' Cormorant. — Proceedings of the U.S. National Museum, 1889. — Vol. XII. — № 765. — P. 87—88*] (перевод Татаренковой). К сожалению, современные поиски пока не дали положительного результата — не удалось найти не только описанное отложение, но и террасу, подходящую под описание по всем параметрам.

Бenedикт Дыбовский известен миру как видный разноплановый учёный: географ, медик, зоолог, этнограф, лингвист. Но главной отличительной чертой Дыбовского был невероятный, всеобъемлющий гуманизм, находивший отражение во всех сферах его деятельности. Представленная ниже работа, напечатанная в 1885 г. в Львове, — яркое тому подтверждение. Краткое сообщение о ней было заслушано на заседании Императорского Русского Географического общества (ИРГО) в Петербурге 7 марта 1884 г.

Некоторые постулаты Дыбовского могут показаться наивными, а биологи найдут откровенные несоответствия, но при этом учёному нельзя не отдать должного — ещё в те давние годы он на удивление точно изложил парадигму гармоничного развития островного сообщества, впоследствии многие его идеи были претворены в жизнь. Излагая свои взгляды и позиции, Дыбовский неустанно полемизирует с «управляющим островами» — Николаем Александровичем Гребницким, однако ввиду сложных личностных взаимоотношений ни разу не произносит имени своего оппонента. Эта полемика, во многих деталях недоступная нам, живущим в XXI в., отражает классический спор «физиков» и «лириков», поэтому собственный вывод разумно делать, только выслушав обе стороны.

Идея перевести труд с польского языка возникла около семи лет назад у научного сотрудника Алеутского краеведческого музея Н. А. Татаренковой и с воодушевлением поддержана геоморфологом Камчатского филиала Тихоокеанского института географии ДВО РАН Г. Н. Чуян. Неоценимую помощь в получении цифровой версии первоисточника оказали Мария Дыбовская и Алексей Пятковский. Первичный перевод с польского осуществил В. Н. Ширяев, а его правку и доработку — О. А. Куликова, правнучка Н. А. Гребницкого. Таким образом, настоящий перевод является плодом коллективного творчества и, хочется надеяться, это именно то, что мог бы пожелать сам автор.

Б. ДЫБОВСКИЙ

КОМАНДОРСКИЕ ОСТРОВА

Дыбовский Бенедикт (Бенедикт Иванович), учёный, географ, зоолог, врач, антрополог, лингвист. Родился 12 мая 1833 г. в имении Тонвы Минской губернии в семье помещика. Окончил гимназию, естественно-медицинский факультет Дерптского университета. В 1862 г. был избран

профессором зоологии и сравнительной анатомии Главной школы в Варшаве. За участие в противоправительственной деятельности приговорён к смертной казни, заменённой ссылкой в Сибирь. В период ссылки (1864—1876 гг.) при поддержке ИРГО изучал флору, фауну, ихтиологию Восточной Сибири, исследовал озеро Байкал, реку Амур, побережье Японского моря. В 1878 г. избран действительным членом ИРГО, награждён золотой медалью общества. С 1879 г. — врач Петропавловского округа. Исполняя профессиональный долг, пятикратно объехал Камчатку, трижды побывал на Командорах. Врачебную деятельность сочетал с исследованиями. Как врач боролся с эпидемиями, распространял среди населения гигиенические навыки, добился открытия в Петропавловске больницы. Как учёный собирал сведения о природе быте и хозяйственной деятельности населения. По его настоянию на Камчатке в 1880 г. были установлены сроки собольиной охоты, объявлены районы, запретные для промысла. За время работы на Камчатке и Командорах собрал уникальные коллекции растительного и животного мира, богатый этнографический материал и языковой материал. Результатом изучения диалектов местных народностей стал словарь, который в виде отдельных научных работ был опубликован в Польше в 1893—1895 гг. В 1883 г. покинул Камчатку, в 1884—1906 гг. заведовал кафедрой зоологии Львовского университета. Его творческое наследие составляет свыше трёхсот пятидесяти работ. В 1927 г. избран членом-корреспондентом АН СССР. Скончался 30 января 1930 г. в Львове [*Курохтина Н. И.* Камчатка: от открытия до наших дней. Популярный историко-краеведческий справочник. — Петропавловск-Камчатский, 2008. — С. 61—63].

...Говоря о Командорских островах, относящихся к Петропавловской округе, я, насколько это возможно, буду сравнивать их с полуостровом Камчатка. Мне жаль, что я не могу наглядно познакомить собрание с природой Камчатки и её простодушными жителями, вызывающими у всех путешественников искреннюю симпатию. Но несчастные люди! Как мифологический Тантал стоят они, испытывая муки голода, перед обильным угощением, не смея утолить его богатыми дарами природы своей страны!

Камчатка с камчадалами и коряками и Командоры с алеутами — две крайние противоположности. Первые погружены в нужду и находятся действительно в отчаянном экономическом положении, без всякого проблеска надежды на лучшее будущее. У вторых, напротив, мы находим достаток, прогресс в материальном и моральном отношении и обширное поле для будущего развития.

Острова эти лежат между 55°24' и 54°32,5' северной широты и 168°12' и 165°45' восточной долготы. Они были названы Командорскими в честь капитан-командора Беринга и открыты им случайно 5 ноября 1741 г., когда корабль «Св. Пётр» был выброшен

на берег острова. Команда опустила якорь у юго-западного побережья, в бухте, называемой сейчас Командорской, но сильная волна перебросила судно через узкий риф на спокойную воду, и только благодаря этому команда, почти вся без исключения страдавшая от цинги, уцелела.

Вот что записал об открытии этой земли в своём дневнике после длительного путешествия Стеллер: «С какой радостью 5 ноября мы, наконец, увидели землю. Сначала мы думали, что видим Камчатку, в действительности же это был необитаемый остров. Даже полуживые выползли на палубу, чтобы увидеть землю и возблагодарить Бога. Не подозревая, где они находятся, офицеры хвалились, что даже самые лучшие мореплаватели не пришли бы вернее к цели. “Не ошиблись ни на полмили!” — твердили они. Все считали, что мы находимся в Авачинском заливе, некоторым казалось, что они узнают отдельные сопки. Ошибка открылась, когда, обогнув мыс, они не увидели знакомых островков, но и это ещё не убедило их в том, что пред ними не Камчатка, и так как посчитали трудным достигнуть Авачинской губы вследствие дурной погоды и малого числа годных к работе людей, то решились войти в бухту и отсюда отправиться в Нижнекамчатск, чтобы выслать лошадей для перевозки экипажа».

Сначала путешественники были уверены, что корабль стоит у берегов полуострова. Но скоро Стеллер развеял заблуждение, сойдя на берег с капитаном Вакселем. Увидев местную фауну, как врач и естествоиспытатель он понял, что они оказались в безлюдном месте.

Смертельно больной датчанин Беринг, 9 ноября был перенесён с корабля на берег. Его поместили в песчаной яме и прикрыли парусиной, чтобы уберечь от песцов, которые не только обнюхивали, но и кусали больных. Ужас положения, в котором они оказались, Стеллер описывает следующим образом:

«Весь берег представлял собой страшное зрелище. Покойников, которых ещё не успели предать земле, обгладывали песцы, не боясь подходить и обнюхивать по-собачьи беспомощных больных, лежавших на берегу без всякого прикрытия. Одни жалуются на холод, другие — на голод и жажду, некоторые изуродованы цингой и из-за сильной боли не могут есть: дёсны почернели и разбухли так, что не было видно зубов.

На больного Беринга, лежащего в яме, сыпался песок. Он не позволял его удалять, полагая, что таким образом легче удержать тепло. 8 декабря Беринг скончался, будучи почти полностью

погребённым заживо под песком. Он похоронен недалеко от реки, названной Командорской. Где находятся могилы умерших, сейчас трудно определить: на том месте, где их, по всей вероятности, похоронили, стоит деревянный крест, а в Петропавловске рядом с новой церковью поставлен памятник в их честь.

Заслугой Стеллера является не только то, что благодаря его энергии, опыту и заботе из семидесяти шести участников экспедиции выжило сорок шесть, но и то, что он прекрасно описал флору и фауну острова. Всё, что мы знаем, мы знаем благодаря этому неутомимому труженику, который в экспедиции Беринга проявил себя и как человек, и как учёный, и как исследователь. К несчастью, он преждевременно умер на тридцать седьмом году жизни — замёрз в санях под Тюменью. С его смертью научный мир понёс невосполнимую утрату.

Изложенные далее биографические факты, дополняющие историю жизни этого знаменитого человека, взяты из краткой биографии Стеллера, написанной издателем его посмертного сочинения «Beschreibung von dem Lande Kamtschatka» (1774).

Георг Вильгельм Стеллер родился в 1709 г. в г. Виндсхайме во Франкони. С ранних лет он отличался чрезвычайным трудолюбием и выдающимися способностями, которые постоянно развивал. Страсть, с которой он с детства отдавался занятиям естественными науками, заставила оставить университет и выбранную профессию, чтобы посвятить себя медицине. Эта же страсть побудила его выехать в Россию, бывшую тогда настоящим Эльдорадо для пытливых умов, стремящихся к путешествиям и новым открытиям.

Стеллер служил в должности врача в русской армии, осадившей Гданьск. После взятия города он отправился с больными и ранеными морем в Петербург и прибыл туда зимой 1734 г. В скором времени обратил на себя внимание своей образованностью и стал членом Академии наук, а в 1738 г. по распоряжению правительства отправился на Камчатку. О том, насколько серьёзно Стеллер отнёсся к поручению, свидетельствуют его труды и коллекции, отправленные им в Академию. Коллекции Стеллера были использованы Палласом для описания фауны Камчатки, а некоторые уникальные экземпляры сохранились до нашего времени. Завершив исследование Камчатки, Стеллер обратился к правительству с просьбой разрешить ему сопровождать капитана Шпанберга в Японию, но пока шёл ответ, подготавливавший на Камчатке вторую экспедицию Беринг убедил Стеллера принять участие в злополучном походе.

Приготовления к ней длились десять лет при участии местного населения. Жители Камчатки вынуждены были жертвовать своим здоровьем, имуществом и даже расставаться с собственной жизнью ради оснащения экспедиции. Целью экспедиции было установить, соединяются ли

Камчатка и Америка, и если да, то где и как. Первая экспедиция так и не дала ответ на этот вопрос. Уже в 1723 г. Пётр Великий намеревался испытать свой новый флот в морских походах и готовил экспедицию под командованием адмирала Вильстера на Мадагаскар. Снабжённый инструкциями и верительными грамотами к королю, адмирал уже был готов отправиться в путь, но оказалось, что на Мадагаскаре нет короля. Поэтому цель путешествия изменилась: решили искать дорогу в Америку через восточный океан. Насколько Пётр интересовался экспедицией, свидетельствует приказ, отданный за три недели до его смерти: «Идти с Камчатки на кораблях в виду земли на север, а если конца той земли не найдут, то считать её частью Америки и искать, где она сходится с Америкой».

Такое безапелляционное, не терпящее возражений постановление, исполнение которого в первую очередь поручалось экспедиции Беринга, а, следовательно, и всем другим, вызвало необыкновенное усердие исполнительной власти. Результатом этого было разорение населения Камчатки, которое с той поры быстрыми темпами стало приходить в полный упадок.

Несчастный конец второй экспедиции Беринга не оправдал цены принесённого ей в жертву благополучия населения, и если бы не участие Стеллера и его научные труды, она была бы полностью потеряна для науки.

После кораблекрушения оставшиеся в живых построили судно и доплыли до Камчатки. На Камчатке их ждали новые несчастья. Вот как описывает Стеллер первые впечатления по прибытии на полуостров: «Несмотря на весьма большую радость от спасения, — пишет он, — первое, что мы услышали из уст камчадала, ввергло нас в сильную печаль. Всех нас здесь считали погибшими, и все, что мы здесь оставили, попало в чужие руки, и по большей части было вывезено из Камчатки. После этого известия грусть сменила нашу радость, но нам, привыкшим к нищете и бедности нашего нынешнего положения, всё же казалось, что это сбывшийся сон».

Таким образом, Стеллер потерял все свои сборы и записи, которые, попав в чужие руки, были использованы другими для собственной выгоды.

В 1744 г. Стеллер получил приказ вернуться в Петербург. Независимость и прямолинейность характера создала ему много врагов. Опасение, что Стеллер сможет сообщить нелестные для местной администрации вещи, стало причиной поисков любых средств, способных помешать его возвращению в Петербург. Он добрался, наконец, до Новгорода и был уже на пороге цивилизованного мира, когда его настигла молва о том, что он, якобы, раздавал порох туземцам, подстрекая их против России. Из-за этого ему пришлось вернуться назад, в Сибирь, и пробыть там ещё один год, пока его не освободили судьи.

Снова Стеллер едет в Петербург, и уже под Москвой настигает его новый приказ незамедлительно явиться в Иркутскую управу. Путешествие по Сибири даже при самых благоприятных обстоятельствах является

обременительным, а Стеллер чувствовал себя как заключенный, который в дополнение к физическим терпел глубокие моральные страдания: вместо того, чтобы наслаждаться заслуженным отдыхом после стольких странствий и лишений, он вынужден был в четвертый раз проделать этот долгий путь, защищаясь от непогод.

Однажды очень морозной ночью конвой остановился у придорожно-почтового трактира. Казаки захотели согреться водкой, а Стеллер остался в санях, ожидая казаков, удовлетворяющих жажду. Он уснул и замёрз. Несчастный был похоронен близ Тюмени — над могилой исследователя дикой природы даже не возвели креста, который помог бы теперь найти место его захоронения.

Проезжая через Тюмень, я не смог ничего узнать о его могиле. Тогда я задумал поставить исследователю памятник Камчатке — месте его классического труда. Я получил соответствующее разрешение от генерал-губернатора Восточной Сибири и начал осуществлять своё намерение.

При посредничестве члена Восточно-Сибирского отделения Географического общества г. Воля я получил от известного своей благотворительностью и духовной деятельностью купца Н. Д. Бутина обещание безвозмездно отлить на своих заводах железный памятник по проекту иркутского архитектора, нашего земляка г. Тамулевича. В 1881 г. памятник был готов и послан во Владивосток.

На следующий год начальнику Петропавловской округи было дано распоряжение выбрать вместе со мной подходящее место для памятника, однако памятник до сих пор не прибыл на место назначения, и я не могу проследить, по какой причине. Не теряю надежды, что он в один прекрасный день, как и другие памятники, украсит скромное поселение, именуемое на карте городом Петропавловском.

В гряде Алеутских островов, гигантской дугой протянувшихся между Азией и Америкой, только две небольшие группы пользуются особой привилегией быть домом для ценных пушных зверей. Эти звери приносят миллионные доходы американскому правительству и компании американских торговцев, арендующих эти острова.

Обе группы островов — Командорские и Прибылова, служащие морским котикам лежбищами (коты морские, иначе называемые котиками, *Callorhinus ursinus* L. — вид тюленей, характеризующийся наличием внешних ушей и поэтому называется *Otariidae*), состоят из двух больших и двух малых островов. Принадлежащая

России группа состоит из островов: Беринга, Медный, Топорковый и Арий Камень. Два последних совсем маленькие, необитаемые, лишённые воды, лежат в заливе у северо-западного берега острова Беринга, наибольшего из четырёх. Его длина доходит до восьмидесяти, а ширина в северной части — до сорока пяти вёрст.

Кроме преимущества, которое даёт острову Беринга его размер, он отличается просторными лугами, обилием озёр, крупнейшие из которых — Гаванское и Саранное, а также большим числом речек, в которых нерестится лососёвая рыба горбуша, нерка, кизюча (горбуша *Oncorhynchus tshawytscha*; красная рыба, *O. tshawytscha*; кизюча, *O. Sanguinolentus*). В озере Саранном ловится до сих пор не описанный вид рыбы, называемый местными «байдарками», я назвал её лососем Беринга, *Oncorhynchus Beringianus*. Указанные особенности острова Беринга дают право полагать, что он пригоден для сельского хозяйства. На острове Медном имеются только два маленьких озера и небольшие луга, его гористая поверхность не предоставляет возможным ведение сельского хозяйства в больших масштабах.

Командорские острова сложены слоями кристаллических и метаморфических пород, к которым примыкают третичные отложения, содержащие фракции ископаемых окаменелостей, я находил их по всему острову. По рассказам местных жителей, на восточном берегу острова встречаются угольные пласты, но они видны только во время отлива.

В северо-западной части острова Медного имеются залежи самородной меди, в моей коллекции есть самородок оттуда весом несколько фунтов. Кроме меди, в юго-западной части острова есть бурый уголь, представляющий собой отдельные глыбы, погружённые в пески, с прослойками кремнезёма. Среди жителей острова Беринга ходят слухи, что на острове есть золотиносные пески. Выяснить, отражают ли эти слухи реальность, невозможно, так как нельзя организовать систематические поиски, потому что компания, арендующая острова, этому препятствует, опасаясь, вероятно, того, что поиски золота негативно повлияют на добычу котика — основного промыслового объекта Компании. Это испытал на себе российский подданный г. Жаке, который в 1882 г. прибыл на остров Медный в поисках золота. Его изгнали оттуда без всякого стеснения.

Южные и центральные части острова Беринга гористы и своими очертаниями и буйной растительностью напоминают альпийские плоскогорья Камчатки. Деревьев там нет, только кусты —

такие, как альпийская роза (рододендрон), березняк, ивняк, рябина, шиповник и таволга. Но не следует полагать, что если на острове растёт только кустарник, то на этой земле и в этом климате не могут расти деревья. Напротив, все предпринятые попытки доказали, что сажать их там можно, и лесоводству ничего не препятствует, кроме самопасущихся коров, которые могли бы обглодать насаждения.

Поскольку это не требует больших усилий, то, по моему мнению, должно быть принято немедленное решение начать посадку деревьев, тем более, что их транспортировка с Камчатки не представляет никакой сложности. Для успеха потребуется лишь добрая воля и знание дела. Наиболее подходящими местами для посадки деревьев я считаю окрестности и долины озера Саранного и речки Саранной и старого порта на восточной стороне острова. Эти тихие долины защищены от северных ветров и имеют плодородную почву, о чём свидетельствует пышный растительный ковёр.

Вершины холмов острова Беринга покрыты оленьим мхом (ягелем), поэтому идеально подходят для выпаса оленей. Уже во время моего первого пребывания на острове в 1879 г. я пришёл к выводу, что переселение этих животных возможно. Для осуществления этой задачи был предпринят ряд усилий. Цель была достигнута благодаря содействию капитана Нейбаума, одного из самых влиятельных членов компании-арендатора Командорских островов, и капитана Зандманна, командира парохода «Александр».

В 1882 г. на остров Беринга были перевезены пятнадцать оленей. Перезимовали они хорошо и в марте следующего года, то есть на два месяца раньше, чем на Камчатке, начали телиться. Возможно, это связано с тем, что они выпасаются на острове раньше и поэтому раньше готовы к гону. Главная же причина — отсутствие комаров, слепней, гнуса и вообще кровососущих насекомых, которые на Камчатке страшно досаждают оленям и заставляют их искать убежища в горах выше границы лесов, где пастбища не так обильны и менее питательны. Надеяться на то, что оленеводство на островах будет иметь успех, можно только в том случае, если будут преодолены препятствия, нарушающие условия этого проекта. Например, весной 1883 г. жители острова Беринга забили восемь оленей, объяснив это тем, что те на них напали, чему никто, знающий повадки оленей и их боязливость, поверить не может.

В долинах острова, в основном влажных, лежит довольно толстый слой торфа, который, на мой взгляд, мог бы заменить дрова, привозимые с Камчатки и задорого продаваемые обитателям обоих

островов, отдалённых друг от друга на сорок вёрст. Несмотря на столь малое расстояние, сообщение между ними осуществляется только на пароходе. Аборигены боятся пересекать пролив на вельботах или в своих кожаных лодках, зовущихся байдарами. За последние пять лет жители острова Медного только один раз, в ноябре месяце, отважились пересечь пролив и подойти к острову Беринга, и то только потому, что их к этому побудила необходимость уведомить управление о неслыханном для этих мест преступлении, варварски совершённом несколькими членами команды подплывшего к берегу корабля «Диана».

Остров Медный в четыре раза меньше острова Беринга. Протяжённый и неширокий, он представляет собой группу гор, протяжённостью в сорок две версты, и простирается, как и первый остров, с северо-запада на юго-восток. Долины, прорезающие этот горный край, по большей части тесны, земля их бедна и непригодна не только для садоводства, но даже для посева кормовых трав или ячменя.

На обоих островах нет хороших пристаней, поэтому подходящие к берегам суда должны находиться в постоянной готовности выйти в открытое море. Особенно опасно оставаться там осенью, когда ветры попеременно дуют с северо-запада и северо-востока, или с юго-востока и юга. Осенью 1879 г. мы потеряли целый месяц, ожидая возможности подойти к берегу, чтобы забрать шкуры котиков и переправить их в Петропавловск.

Расстояние между Командорскими островами и Петропавловском по прямой вдоль Шипунского мыса ровно триста тридцать миль. На пароходе «Александр», ходящем под российским флагом и являющимся собственностью компании, дорога занимает от двух до полутора суток. Всё лето «Александр» курсирует между Камчаткой и островами.

Когда путешественник приближается к ним, его поражает вид снегов, спускающихся с гор к самому морю даже в июле. Но вообразите удивление, когда, выйдя на берег, он в любой из прибрежных долин находит пышные травы и восхитительные ковры из цветов! Когда твоему восхищённому взору открывается то, чего никак не ожидал здесь увидеть, невольно проходит мысль, что, приложив усилия, эти пустынные земли легко можно было бы превратить в богатый, густонаселённый край.

Из-за очень небольшой площади территории Командорских островов, никак не влияющей на изменение климатических условий, климат, скорее всего, морской. Скоро у нас будет возможность

познакомиться с результатами метеорологических наблюдений, сделанных там командой Смитсоновского института под руководством доктора Стейнегера, сейчас же я ограничусь лишь определением основных характеристик климата. Погода зависит не столько от времени года, сколько от направления и силы ветра, который обуславливает частые и резкие перемены погоды, поэтому там нет привычной для Европы смены времён года.

Чтобы человек, незнакомый с особенностями местности, смог понять, каков её климат, он должен себе представить, будто там постоянно царит осень. Летом, в безветренную погоду, термометр в тени иногда показывает $+20^{\circ}\text{C}$ и даже $+25^{\circ}$, но как только подует ветер, неважно откуда, сразу становится сыро и холодно, температура понижается, и приходится тепло одеваться. Ветер утих — становится снова тепло; подул — возвращаются сырость и холод. Зима и лето одинаково переменчивы. Иногда после обильных снегопадов небо становится ясным, и температура падает до -10 , -15°C , оставаясь такой длительное время. Потом сильный дождь смывает снег, и снова пейзаж становится осенним. Таким образом, как я уже говорил, климат островов преимущественно зависит от моря. Хотя течения и их направления ещё не исследованы, можно предположить, что это те же самые течения, которые омывают юго-западные берега Камчатки.

Нам немного известно о течениях Берингова моря от американских учёных. У. Г. Даль во время своих новейших исследований обнаружил, что течение Курисио на 48° северной широты делится на два рукава — западный и восточный. Западный рукав Курисио Даль называет Камчатским течением и утверждает, что оно направляется на север вдоль восточного берега Камчатки, омывая Командоры. На восток от Камчатского течения, с севера движется течение холодной воды шириной двести морских миль. Где эти течения встречаются, Даль не указывает, но говорит, что на границе под Камчатским течением наблюдается противотечение. Восточный рукав течения Курисио течёт широкой полосой на восток и на широте 50° достигает берегов Америки, откуда поворачивает в основном на юг, и только малая ветвь идет на север и называется Аляскинским течением.

Температура Камчатского течения летом от $+13^{\circ}$ до $+18^{\circ}$.

Температура северного противотечения $+2^{\circ}$.

Температура Курисио на широте 48° примерно $+18^{\circ}$.

Температура Аляскинского течения в среднем $+7^{\circ}$.

Указанная у Даля температура Камчатского течения слишком высока, такой температуры я нигде не наблюдал, не только в открытом море, но и в заливах. Летняя температура воды у берегов Камчатки от $+7^{\circ}$ до

+10°, дальше к Командорам — от +6° до +8°. Под этим слоем тёплой воды, подогретой, по моему мнению, солнечными лучами, вода в более низких слоях холодная, уже на глубине десяти сажен в Авачинской губе температура воды летом в июле-августе равна +4—+5°, тогда как температура воды на поверхности равна +10°, на глубине же двадцати сажен недалеко от устья Авачинской губы температура воды имеет уже только +2—+8°, а температура воды на поверхности +8 °С.

Низкую температуру на глубине Даль считает доводом в пользу холодного противотечения. Если это верно, то противотечение доходит до берегов Камчатки и проникает во все заливы и бухты полуострова. Отсутствии таких низких температур в более глубоких слоях Берингова моря тут же у побережья Камчатки свидетельствует против гипотезы Даля, согласно которой глубинное противотечение с температурой +2° должно быть непреодолимой границей между азиатской и американской фауной. Также глубины Берингова моря до сих пор не исследованы. Между Камчаткой и Командорами наибольшая глубина превышает двести саженей, на широте 64° и 66°, средняя глубина едва достигает 19,5 сажен.

Один алеут с острова Беринга сделал по моей просьбе ряд более или менее точных наблюдений, которые дали следующий результат: ясных дней — 3 %; дней, то ясных, то пасмурных — 14 %; дней, то ясных, то с дождём, снегом или туманом — 52 %; дней с дождём, снегом и сильным туманом — 31 %.

Грома нет нигде: ни тут, ни на Камчатке.

Если верить рассказам старожилов Командорских островов, то в последнее время климат стал гораздо мягче и теперь намного лучше климата побережья Камчатки. В доказательство можно привести такой пример: когда в мае в окрестностях Петропавловска лежал снежный покров в два аршина толщиной, алеуты на острове Беринга сажали картошку. Осенние заморозки начинаются позднее, чем на Камчатке. Зима несравненно мягче, чем в самых тёплых поселениях Камчатки, снега намного меньше — так что лошади, которых я привёз на остров Беринга, всё зиму кормились в поле. Говоря о лошадях, я добавлю, что местный климат вообще способствует их разведению. Первая попытка их акклиматизации на островах была предпринята мной при любезном содействии командира крейсера «Африка» Алексеева, которому я позволю себе выразить здесь сердечную благодарность.

Возвращусь к климату и его изменчивости. Выше я уже говорил о том, что как на Камчатке, так и на островах, после относительно тёплого периода в течение нескольких лет наступают сильные морозы. Например, мне рассказывали, что на острове Беринга помнят зиму, когда насколько хватало глаз, океан был покрыт

льдом, в том числе даже в тех местах, куда обычно алеуты в это время года выходят на своих байдарках на ловлю рыбы для вяленья или охоту на других морских животных, если погода безветреннее и позволяет им пуститься в длительное путешествие.

Рассказы островитян совпадают с рассказами камчадалов, которые помнят время, когда вся видимая с берега поверхность Берингова моря была покрыта льдом. Как рассказывали жители Петропавловска, несколько лет назад Авачинский залив, теперь никогда не замерзающий, был покрыт слоем льда, причём до того толстым, что даже в начале мая от города до бухты Тарьи, то есть до залива, расположенного на противоположном берегу, можно было добраться на собаках.

Неожиданное появление льда на большой площади поверхности обычно незамерзающего моря могло бы объяснить причину исчезновения морской коровы убедительней, чем другие гипотезы...

После этих кратких замечаний о климате Командорских островов, хочу упомянуть о флоре, представленной там большим разнообразием видов. Только отсутствие отдельных деревьев и лесов придаёт пейзажу печальный, безрадостный вид. На островах много цветов. Особенно впечатляют два вида лилии: одна — так называемая «сарана» (*Frittilaria sarana*), другая — «овсянка» (*Lilium avelinarium*); два вида альпийских роз, один бледно-жёлтого, почти белого цвета (*Rhododendron chrysanthum*), другой с розовым цветком (*Rh. kamtschaticum*). Из кустов встречаются: рябина, шиповник, берёзовый стланник, таволга, жимолость, ивняк. Из ягод: шикша (*Empetrum nigrum*), жимолость, морошка, а на острове Беринга в отдалённых от поселения местах встречаются брусника, черника и клюква. Вообще растительность островов ещё мало исследована, так как внутреннюю часть острова никто не посещал.

На протяжении многих лет все жители острова заняты добычей котиков, а приезжим из-за отсутствия средств передвижения и проводников приходится ограничиваться лишь короткими вылазками. Походам препятствует также недостаток продуктов, палаток и других необходимых предметов. Появление на острове Беринга лошадей позволит надеяться, что с их помощью можно будет посетить горные долины, расположенные в глубине и на юге острова.

Из млекопитающих сначала перечислю тех, которые являются важными для объяснения истории Командорских островов и причины заселения их людьми, а затем кратко опишу других животных, чтобы дать общее представление о местной фауне.

Первое место среди млекопитающих занимает вымершая морская корова (*Rhytina Stelleri*). Никто из нынешних островитян её не помнит. То, что о ней сообщают Норденшёльд, а за ним Стейнер со слов туземцев, по моему мнению, не заслуживает доверия. Впервые европейцы увидели морскую корову 8 ноября 1741 г., то есть через несколько дней после прибытия корабля к берегам острова Беринга, а спустя двадцать семь лет после её открытия она полностью исчезла. Местные алеуты говорят, что когда на остров прибыли переселенцы, животные ещё встречались. В таком случае, исчезновение последних особей этого вида должно было бы произойти спустя шестьдесят лет после 1768 г. (В 1812 г. острова ещё не были заселены, население появилось только около 1830 г.) Недостовверные истории, относящие приблизительную дату исчезновения морских коров к нашему времени, на самом деле не имеют ценности для научного изучения этого животного, так как не объясняют причины его исчезновения, лишь добавляя новые детали к описанию, известному только со слов Вильгельма Стеллера.

Морская корова, гигантское животное длиной от 28 до 35 английских футов, несёт на себе от 200 до 250 пудов мяса и жира. Поскольку оно травоядное, мясо его намного вкуснее мяса котиков и морских выдр, поэтому для пропитания на него охотились чаще, чем на других животных, сделавших берега Командорских островов своим домом. Но я не думаю, что это было причиной её исчезновения. Насколько можно судить по их костям, разбросанным по всему острову Беринга, они держались не в одном месте. Как известно, берега острова большей частью недоступны и неудобны для подхода судов, поэтому охотиться на коров возможно было лишь в некоторых местах, где была бы пристань, то есть на западном побережье, рядом с Новым портом или на восточном, у Старого порта.

Легко можно объяснить исчезновение неуклюжих, доверчивых морских коров в таких местах, но могло ли оно произойти по той же причине в местах, труднодоступных для кораблей? Мне кажется, что из всех предположений о причинах исчезновения морских коров, скорее всего, верным является появление ледяного покрова в тех областях моря, где они обитали. Живых экземпляров у острова Беринга уже не встретишь, зато их кости можно найти по всему побережью. На острове Медном и на Камчатке кости морской коровы найдены не были. Чаще всего их находили на окраине деревни Гаванской, откуда кости легко было доставить на санях в порт. Но теперь их следует искать и в других местах.

Поиски следует проводить под руководством опытного геолога и остеолога, в противном случае не удастся добыть цельного скелета животного, и мы не узнаем обстоятельств его смерти, что могло бы, по крайней мере, частично, объяснить тайну его исчезновения. Поэтому я считаю необходимым, пока есть время, создать экспедицию, которая смогла бы умело провести поиски и собрать драгоценные останки.

Кости лежат не на самом берегу, а немного выше нынешнего уровня моря (на две-три сажени), где поверхность земли покрывает пышный ковёр высокой травы, поэтому целесообразно проводить поиски поздней осенью, когда трава уже пожухла и полегла, или, ещё лучше, ранней весной, когда растительности, которая мешала бы поискам, ещё нет.

После морской коровы первое место по важности для Командорских островов принадлежит морскому котикку, проводящему в море большую часть года. Морскими котиками обычно называют несколько видов животных, даже, в зависимости от различных подходов, два разных рода. Наука отличает обитающих на побережьях северного полушария около островов Командорских и Прибылова морских котиков от родственных им видов, число которых доходит до восьми: одни известны под названием *Callorhinus*, другие — *Arctocephalus*. Некогда и в южном полушарии котики жили огромными стадами, но безрассудная человеческая жадность уничтожила животных на этих лежбищах, и они остались только в трёх местах, а именно: на островах Прибылова, на Командорских островах (Беринга и Медный), на острове Тюлений близ Сахалина.

Все лежбища располагаются только на западных берегах островов, что даёт основания полагать, что необходимые условия для морского котика есть только там. Это может объяснить то, что на берегах Камчатки, где, казалось бы, есть благоприятные условия для лежбищ, они вообще отсутствуют. Правда, по-прежнему осенью можно встретить котиков в бухтах Камчатки. Лежбища котиков доходили даже до острова Карагинского, о чём свидетельствует один котик, забитый там в 1882 г., но на всём побережье вы не найдёте ни одного места, где бы котики оставались на всё лето для выведения потомства. Тюлений остров тоже не предоставляет соответствующих удобств, поэтому туда заходят только молодые котики, не занятые воспитанием малышей.

Общее количество котиков в Петропавловской округе достигает 1 200 000 шт., что составляет четверть числа котиков, находящихся на островах Прибылова. На Командорских островах в год забивают

50 000 шт., на островах Прибылова только 100 000, то есть в два раза меньше, чем здесь. Так как на Прибылова американцы забивают в год 100 000 котиков, на Командорских островах разрешено забивать максимум 25 000.

Кто хочет досконально изучить образ жизни морского котика, должен наблюдать лежбище на западном побережье острова Медного — там оно достигает огромных размеров, а скалистый берег и дикий ландшафт ещё больше усиливают впечатление от животных. Спустившись здесь с отвесных скал на покрытый огромными валунами, о которые разбиваются волны, берег путешественник оказывается среди оглушительного шума моря и не менее оглушительного блеяния сотен тысяч животных причудливой формы, движущихся как тени в тумане.

Это неожиданное зрелище сильно впечатляет человека, оказавшегося там впервые. Поражённый, он сначала застывает на месте, озираясь по сторонам, и только спустя некоторое время осмеливается сделать шаг вперёд, следуя за проводником. Невозможно отделаться от мысли об опасности: человек окружён со всех сторон зияющими пастьми диких чудовищ — и он среди них совершенно беззащитен! Но проводник смело идёт вперёд, не обращая внимания на угрожающие выпады зверей. Котики расступаются перед идущими и, пропустив их, смыкаются позади.

Эти перемещения котиков, должно быть, хитрый манёвр, призванный напугать до смерти незваных гостей. И действительно, сначала это пугает, но постепенно привыкаешь и идёшь смело вперёд до тех пор, пока прогулка не наскучит. Мы возвращаемся тем же путём, которым пришли, не переставая удивляться кротости зверей, на вид опасных и грозных. Сотни тысяч их лежат на берегу и на близлежащих скалах, плавают, ныряя, около берега, выползают на рифы. Постоянное движение котиков, их блеянье и прибрежный ландшафт на фоне бурлящего моря производит незабываемое впечатление.

В первые дни мая на лежбище прибывают самцы, называемые секачами, ещё через пару недель появляются самки, или матки. В начале летнего сезона самец весит около десяти пудов, его длина — шесть-семь футов, самка весит только два пуда, её длина — четыре фута. В эту пору самцы не кормятся. Котики покидают остров в конце октября, но иногда и в середине ноября. Всю зиму, до самой весны, котики не выходят на берег, проводя всё время в открытом море. Говорят, что командорские котики плавают у берегов Японии и Кореи. Котики с островов Прибылова зимуют

в бухтах у скалистых северо-западных берегов Америки, двигаясь на юг до устья реки Колумбия.

Закончим рассказ о котиках. Теперь надо вспомнить о морских выдрах (*Enhydris marina*). Стеллер застал их на острове Беринга в большом количестве. Участники экспедиции добыли 900 шт. в течение нескольких месяцев. Сейчас это редкий зверь. Встретить его можно только на северо-западной оконечности острова Медного, но и там всё реже, и я уверен, что если не будут приняты меры по защите, он без следа исчезнет и с места своего последнего убежища. Ежегодно алеуты на Медном забивают от 100 до 190 шт. Меры по защите морских выдр от полного вымирания будут рассмотрены ниже.

Пока на Командорских островах в значительном количестве водится голубой песец, а на острове Беринга — и белый. Хотя их и стало меньше, чем во времена Стеллера, но они, тем не менее, остаются на острове наиболее распространёнными животными. В 1883 г. их было забито по тысяче штук на каждом острове.

Кроме двух видов полёвок (*Arvicola*) и одного вида мыши, на Командорских островах больше нет сухопутных млекопитающих. Есть несколько видов морских млекопитающих, таких, как сивуч, или морской лев *Eumetopias Stelleri*, нерпа *Phoca foetida*, нерпа седлатая *Phoca groenlandica* и нерпа антур *Phoca vitulina*. Зайцев, горностаев, соболей, лис на островах нет. Нет также и моржей, хотя на Камчатке они встречаются к югу от Авачинской бухты. Иногда на берега Берингова моря выбрасывает их туши. Я насчитал здесь около сотни видов птиц: самые важные из них — белоголовый орлан, канадский гусь и несколько других видов, относящихся к американской фауне и не встречающихся на Камчатке.

Теперь, обрисовав фауну и флору Командор, опишу их обитателей — алеутов. Алеуты называют себя «унанган», кроме общего названия существуют специфические названия для определения групп жителей разных островов. Алеуты делятся на восточных и западных, первые называются «тайагингин», вторые — «намигъйун». Последние, от которых происходят командорские алеуты, заселяют следующие островные группы: а) Ближние, б) Крысьи и в) Андреяновские. В первой группе самый большой остров — Атту, он ближе всех к Командорским островам, однако расстояние от него до острова Медного в два раза больше, чем от острова Беринга до Камчатки. Из группы Крысьих самые большие — Кирка (вероятно, опечатка, должно записываться «Kyska» — Киска. — Н. Т.) и Амчитка. Из Андреяновских самый большой —

Атха. За Андреяновскими простирается гряда Лисьих островов, которые тянутся до Аляски. Среди Лисьих наибольшие острова: Умнак, Уналашка и Унимак. Все эти острова называются Алеутскими и являются родиной алеутов.

Почему русские называли народ алеутами, неизвестно. Учёный Шамиссо и митрополит Вельяминов, чей труд об алеутах считается одним из лучших, предполагают, что слово происходит от выражения «алик-йуая», что означает вопрос «что?», «что это?», которым алеуты часто пользуются в разговорах между собой и которым реагируют на любой непонятный вопрос. Произнесённый быстро, он звучит, как «алиуайя» откуда могло произойти «алиут», а потом и «алеут» — другого истолкования найти невозможно. Возникновение этнонимов из часто повторяемых непонятных фраз не является исключением, например, камчадалы называли русских попов «бохбох» от слова «бог», ими часто произносимого, а сибиряки называли нас, поляков, «панпан», потому что часто слышали от нас слово «пан».

Алеуты причисляются к гиперборейской или арктической расе, к которой относятся также эскимосы, айны, чукчи, коряки и камчадалы. На вид алеуты с камчадалами имеют мало общего. В какой степени родства алеуты состоят с камчадалами, коряками и чукчами, покажут исследования доктора Кюперницкого, которому я отдал привезённую коллекцию черепов и скелетов.

По внешности алеуты напоминают северных японцев. С точки зрения европейца их нельзя назвать привлекательными: когда их видишь впервые, они не производят приятного впечатления. Зато метисы часто довольно красивы, а креолки зачастую довольно милые и среди них встречаются даже красавицы. Выражение лиц у алеутов вечно настороженное, оно не бывает ни открытым, ни весёлым — таким, какое наблюдается у многих камчадалов и коряков. Лица смуглые, без румянца, который обычно присущ камчадалам, скулы выдаются сильнее, глаза маленькие, чёрные, волосы тоже чёрные, борода редкая. У женщин на верхней губе чёрный пушок, который к старости нередко превращается в густой волос. Телосложение у алеутов сильное, крепкое, стопа и ладонь маленькие, ноги короткие, в результате чего развилась своеобразная походка, по которой их можно распознать издали. У мужчин, и особенно у женщин, широкий таз и хорошо развитые бёдра. Что особенно поражает в лице алеутов — это низко заросший волосами лоб и на нём глубокие морщины. Эта особенность наследуется из поколения в поколение и придаёт особое выражение их лицам.

Выговор алеута всегда поражает ухо европейца и одинаково тяжёл, независимо от того, говорит ли он на своём языке или по-русски. Чтобы дать некоторое представление о звуках алеутской речи, привожу здесь несколько алеутских слов: утка — ахрекх; гусь — лаггер; лебедь — кокингхех; корова — танам аглей (земной зверь); выдра морская — чахтох; песок — укучин (остров Беринга); мисичех (остров Медный); сивуч — кабах или кагуух; котик-секач — канкуш, кангитах; дом — уллах; землянка — уларах; шалаш — уллашуш; гром — чимдаех; дождь — киндух; снег — канигих; лёд — кдух; вода — таангах; шапка — шалигу; нож — укинех; человек — каган; женщина — аелех; девушка — ашудгех; юноша — таеху; один — аттакен; два — аллах; три — канкус; четыре — сичин; пять — чаан; шесть — аттун; девять — аттих; одиннадцать — аттух шинахта.

Лингвистические исследования показали, что язык кадьяхских коноков (коняг, конягмиутов, кадьяхских эскимосов. — *Н. Т.*) близок наречию гренландских эскимосов и что язык западных и восточных алеутов родствен языку «кадьяхков», откуда легко сделать вывод, что язык алеутов связан с языком эскимосов. Наречье командорских алеутов немного отличается от типичных диалектов из-за того, что в их речь вошло много русских слов: например, «окно» будет «укушке», «стол» — «столух», «собака» — «чубака», «кулик» — «чуллике». В общем, язык их несложен, если практиковаться в нём в процессе общения с местными жителями. Мой товарищ Ян Калиновский, проведя зиму на острове Беринга, уже через два месяца мог разговаривать с алеутами на их диалекте.

Самое сложное в их языке — это склонения и спряжения. Каждое существительное может иметь до тридцати двух окончаний. Например: «адак» по-алеутски «отец», «аданы» — «мой отец», «адан» — «твой отец», «аданинг» — «мои отцы» и т. д. То же самое с глаголами. Каждый глагол имеет сотни окончаний, и, кроме того, различные вставки для обозначения различных состояний и степени действия, например: камгалик — молюсь; камгасигалик — молюсь искренне; камгасигаттлик — молюсь искренне, много раз; камгасигасиадалик — молюсь искренне, многократно и горячо; камгасигатасиадалик — молюсь искренне, многократно, горячо и эффективно.

Этот агглютинативный способ образования слов очень затрудняет понимание говорящего алеута. Другие особенности языка алеутов — это единственное, двойственное и множественное число.

Из родов только мужской род, поэтому, говоря по-русски, смешивают рода или пользуются только мужским родом. Например, говорят: «Твой жена и мой сын» или «лысый корова», или «ребёнка больной».

Звука «л» совсем не произносят. «Ы» произносят как «и», «о» — как «у», «ш» и «ч» — как «с» и «ц», иногда шепеляво. Вместо «слышишь» говорят «слисись», вместо «шипяточок» (мотылёк) — «сипятоцок». «С» и «ц» выговаривают как «ш» и «ч», например, «средний» — «шредний», «целый» — «челий».

Русский язык коверкают ужасно, как это мог бы делать лишь свежеприбывший немец. А о том, как они выражаются письменно, лучше всего свидетельствует воспроизведённое здесь письмо алеута: «Ныне у нас на Северно наше алеуты вziali ат шкуна адна амерыканес и два шлюбки, это дело было ночью в потмах на бериг щастие темно была не вziali все три шлюбки, если бы светло, то вzialiбы все командо, а то ани скрелис в травы, в потьмах таки аднаво вziali шторману а не аднаво японца не вziali и некаво не стрелили, без уроде можно было взать, притомже нашы алеуты мало было на Северном, а эти каторые скрелис в травы ты папали на шкуне и на завтра утром Алекс паракход приехал на Северном и долго был Управляющей на шкуны и аднаво настаятеля вziali ат шкуна на паракход па том атправиле в Петропавловск».

В общем можно сказать, что алеуты добродушны, довольно сметливы, разумны, набожны и привязаны к своей нынешней православной вере, способны к ремёслам и любой физической работе. Из такого материала можно было бы многое сделать, но, к сожалению, подобно другим народам, находящимся на низкой ступени цивилизованности, они подвержены пьянству. Для удовлетворения этой страсти алеут готов пожертвовать всем, за поставку водки готов считать сердечным другом любого подонка, человека же, понуждающего его бросить пить, считает за личного врага. Несмотря на то, что ввоз спиртного запрещён, местные находят возможность обойти этот запрет и напиваются до озверения, потому что пьют чистый спирт, от которого и европеец бы заболел. Чтобы заменить водку чем-нибудь другим, на острове Медном разрешено варить пиво из сахара, пшеничной муки и риса. Но именно это, предпринимаемое в гуманитарных целях, производство пива вогнало местных жителей в долги.

Алеуты — как мужчины, так и женщины — большие любители танцев, прекрасно двигаются, девушки и женщины полны природной грации и даже кокетства; они знают все европейские танцы,

которые там исполняются под звуки фисгармонии, шарманки, гармонии и т. д., так как собственных инструментов, за исключением бубна, не имеют.

Кроме алеутов на островах живут другие народности, всё население (514 чел.) официально подразделяется на следующие категории:

- чистокровные алеуты (168);
- креолы — потомки алеутов и европейцев, и их дети (332);
- европейцы и американцы, служащие в компании (5);
- жители Камчатки, находящиеся на островах временно (9).

Командорские алеуты, в зависимости от происхождения их родителей, делятся на следующие группы:

- выходцы с Андреяновских остров (Атха и других) — 24 семьи;
- выходцы с Ближних островов (Атту) — девять семей;
- выходцы с Лисьих островов (Уналашки и других) — две семьи;
- выходцы с Ситки, островов Прибылова и из Калифорнии — четыре семьи.

Всего на Командорских островах 39 семей алеутского происхождения и четыре семьи, где отец — русский выходец из Европы. Таким образом, основная часть населения происходит от западных алеут, однако в жилах командорских алеутов течёт уже не чисто алеутская кровь, так же, как и не течёт она в жилах алеутов, живущих в других местах, поэтому их деление администрацией на «чистокровных» и «креолов» ничем не оправдано. Также не имеет смысла деления креолов, имеющих смешанную кровь в первой, второй, третьей и т. д. степени. И совершенно нелепо основывать на таком произвольном разделении какие-либо выводы, связанные с физиологией или патологией (Дыбовский имеет в виду публикацию Гребницкого 1882 г. — *Н. Т.*).

Каждому, кто близко знаком с азиатами, и в частности алеутами, известно, что их мораль, нравы и обычаи не предписывают девушкам или замужним женщинам заботиться о недопущении примеси чужой крови. Всем известно, что приезжие моряки, купцы и чиновники уже более ста лет усердно работают над улучшением алеутской расы, поэтому смешно говорить сегодня о чистокровных алеутах или частичных метисах, и особенно абсурдно и смешно слышать таковое из уст тех, кто из собственного опыта знает о половой морали алеутов. Изучая типы, невозможно определить, насколько больше или меньше в тех или иных алеутах или алеутках элементов местной или чужой расы. Более того, часто в одной семье мы видим детей, похожих на креолов, тогда

как их братья выглядят как «чистокровные» алеуты. По отношению к другим, алеутская раса проявляет себя неодинаково.

Например, еврейская, немецкая или цыганская кровь в потомках вытесняет алеутскую, а русская раса, несмотря на сильную примесь русской крови в жителях Командорских островов, не проявляется вообще. Алеутки, живущие с русскими, либо совсем бесплодны, либо рожают мало детей. Эта особенность, на которую раньше мало обращали внимания, побудила меня проверить этот факт в отношении русских и японок.

В Нагасаки я убедился, что бесплодность японок в отношениях с русскими — известный факт, который подтверждает мои наблюдения на Командорских островах, поэтому я считаю совершенно нерациональным завозить русских колонистов на Командорские острова с целью увеличения плодovitости алеутов, как это было запланировано местной администрацией. Недавно появившиеся на свет креолы, дети алеуток, которых я наблюдал, зачатые от европейцев, имеют больше европейских черт, чем дети от креолов: такие обычно возвращаются к алеутскому типу. Атавизм по материнской линии проявляется очень часто. Внуки же, напротив, никогда не возвращаются к типу деда-европейца. Креолов, рождённых от алеута и европейки, я никогда ещё не встречал.

Алеуты, проживающие в настоящее время на Командорских островах, были поселены там примерно в 1830 г. Российско-Американской компанией. До этого на острова приезжали только охотники, которых присылали разные купеческие компании. Один из таких эпизодов описан штурманом Васильевым. Из-за оригинальности, трагического колорита и возможности получить представление о работниках компании, это описание в познавательных целях стоит привести полностью.

Вот что писал штурман Васильев (взято из работы «Путешествие вокруг света по повелению Государя Императора, совершенное на военном шлюпе “Камчатка” в 1817, 1819 и 1820 годах флота капитаном Головинным», ч. 1, с. 161—167, СПб., 1822): «При тихом восточном ветре подошел я (в мае 1812 г.) к юго-восточной оконечности острова Медного, намереваясь начать отсюда поиски высаженных в 1805 г. штурманом Потаповым одиннадцати человек русских. Я пошёл в параллель берега и беспрестанно смотрел в зрительную трубу; уже под вечер, к величайшей радости, увидел в одном заливе строение, велел выпалить из пушки и поднять флаг, а сам продолжал идти к берегу.

Скоро усмотрел я лодку, которая плыла из того залива прямо к судну. На лодке находился промышленный Шипицын и ещё шестеро русских. Лишь только они взошли к нам на судно, то, перекрестясь, со слезами вскричали: “Слава Богу, есть еще на свете люди!” Невозможно описать их восторга, когда они увидели своих знакомых: обнимались, целовались, плакали, крестились! Потом стали упрекать, что их бросили на острове, и целые семь лет о них забыли. Сперва они никак не хотели оставаться долее на острове, а требовали, чтоб отвезти их в Охотск; но после, когда первый ропот прошёл, и они посоветовались между собою, то один за другим и все решились остаться здесь еще на год; один только из них за болезнь просил меня взять его с собою в Охотск, на место же его выискался охотник из наших промышленников.

Помянутый промышленный Шипицын — человек высокого роста, здоровый и сильный. Он более двадцати лет находится в службе Американской компании. Усердие и ревность его к пользам компании примерные. По малой мере целую треть всего промысла он добыл один со своею женою. Из его книги усмотрел я, что он во-семьсот котов промыслил в один год, а иной в это время и двухсот не добудет.

“Много вытерпел я, — говорил он мне, — на сем острове от непослушания, буйства и несогласия моих подчиненных, а особливо в последние годы. Когда, бывало, посылал кого на промысел, то никто итти не хотел, а требовал от меня платья и привозной пищи. Я всячески их уговаривал, обнадеживая, что, верно, скоро приедет судно и привезёт нам всё нужное. Но когда последний наш провиант вышел, и другие нужные вещи все издержались, то ропот умножился. Может быть, они посягнули бы на мою жизнь, если бы не опасались того, что я очень силён.

Когда привезли нас сюда, то строжайше запретили, чтоб никто не смел ничего из промысла употреблять для себя. Суровость климата и глубокие снега принудили нас помыслить об одежде. Тогда все приступили ко мне и просили дозволить им употребить из промысла, сколько нужно на платье и обувь. Я принужден был согласиться и скоро увидел их одетых с головы до ног в меха морских котов и песцов. Не проходило дня, в который бы мы, собравшись за стол, не говорили о присылке к нам судна и о нашей участи. Разные об этом были мнения. Напоследок мы все соглас-но заключили, что о нас вовсе забыли.

Так жили мы, бедные, как брошенные люди, на сем пустом острове семь лет, без всякой помощи и надежды. Иногда приходило

нам на мысль пуститься на волю Божию в Камчатку, но, не имея карты, не отважились. Итак, решились подождать ещё нынешнюю весну, а летом, оставя весь промысел здесь, переехать на Берингов остров и там поселиться, в надежде, что там скорее нас найдут. Недостаток в зверях и в жизненных потребностях понуждал нас оставить остров Медный. На Беринговом же острове зверей, рыбы, птиц, птичьих яиц, корней и других потребностей жизни очень довольно, да и климат там гораздо лучше здешнего. Каждое воскресенье и каждый праздник мы собирались на молитву; двое из нас, знающие грамоте, читали часы и другие молитвы”.

Так рассказывал мне промышленный Шипицын. С ним была тут же жена его русская и трое детей. Впрочем, я нашёл всех сих людей здоровыми и весёлыми, кроме одного, о котором выше упомянул. У них были скрипки, и я часто слышал музыку их, песни и пляски. Если когда-либо музыка прогоняла грусть и скуку и вселяла бодрость в сердца унылые, то, верно, у сих бедных людей. Они просили дать им священных книг и азбук, и я охотно снабдил их оными».

После сего Васильев навестил товарища сих людей, Якова Мынькова, который один оставался на Беринговом острове для караула наловленного ими промысла. Вот что говорит он о сем человеке: «Окончивши сие дело, пошли мы 6 июня в полдень, при попутном ветре, мимо небольшого, но высокого острова, называемого промышленниками Яичным островом. В шесть часов вечера прошли влево от сего острова мимо подводного камня, который полною водою покрывается в одной версте. Потом велел я выпалить из трёх пушек и поднять флаг. Ввечеру, часу в осьмом, увидел человека на северо-восточном берегу острова Берингова. Тотчас приказал я спустить лодку и итти за ним.

Через час посланные привезли того человека на судно. Надобно быть свидетелем его удивления, восторга и благодарности, чтоб описать сие! Долго он не мог промолвить ни слова и только проливал слезу, стоя на коленях, подняв руки к небу. Первые его слова были: “Слава Богу, что ты до меня милостив! Я думал, что меня совсем здесь бросили и забыли навсегда!” Потом, увидевши своего товарища с Медного острова, которого (как выше упомянуто) я взял с собою, он стал ему выговаривать, что его оставили на острове без всего.

Долго он горько жаловался на свою судьбу. “Надобно было, — говорил, — достать себе пищу и одежду. Несколько дней я совсем ничего не ел; в реке рыбы много, но чем её ловить? Нужда научила

меня сделать из гвоздя уду, и я наловил себе рыбы. Тут надлежало подумать, как достать огня, в котором я имел нужду и для варения пищи и для согревания себя от стужи. Долго не придумывал я способа. Наконец, вспомнил, что у меня, к счастью, была бритва. Нашёл кремень, древесную губку от тальника, растущего на острове, и мне удалось высечь огонь. В жизнь мою ничему так не радовался, как тогда! На том месте, где меня высадили, мало было способов для пропитания, и для того я перешёл на другую сторону острова и расположился жить при реке, в которой было много рыбы. На зиму опять возвратился на прежнее место, где нашёл весь промысел песцов, оставленный мною в юрте и уже испортившийся. Я об этом не жалел, а думал только о своём спасении.

Настала зима, юрту занесло снегом, платье и обувь — всё износилось. Всего нужнее был для меня огонь, и я с трудом мог добывать его. Тут-то я горько плакался о своей бедной участи; оставленный всем светом на пустом острове, без пищи, без платья, без всякой помощи! Что было бы со мною, если бы я сделался болен? Пришлось бы умереть бедственною смертью! Тщетно я ждал своих товарищей, которые обещали за мною приехать, но не бывали. Я боялся, не потонули ли они, переезжая через пролив, или, может быть, приехало за ними судно и взяло их, а меня, бедного, оставило здесь без милосердия. Разные мысли приходили мне в голову и иногда доводили меня до отчаяния”.

Он часто со слезами умиления взирал на небо и благодарил Бога, что он прислал ему судно. На нём было платье и обувь из звериных шкур, так же как и на товарище его, взятом с Медного острова».

Общее количество алеутов на Командорских островах составляет не более пятисот человек. Хотя нам удалось сохранить их так мало, всё же это пятая часть всей численности ныне живущих на планете алеутов, если прибавить к ним ещё горстку из восьмидесяти человек, вернувшихся с Курильских островов после того, как их отпустило японское правительство.

Алеуты, которые вернулись с Курил, были временно поселены на Камчатке. Я не сомневаюсь, что рано или поздно администрация будет вынуждена переселить их на Командорские острова, где среди своих соотечественников, в условиях, подходящих для их образа жизни, они смогут выжить. Коротко замечу, что положение курильских алеутов на Камчатке прискорбно.

Российско-Американская компания, учреждая свои фактории на Курильских островах, привезла туда несколько алеутских се-

мей. После ликвидации компании алеуты остались там вплоть до того времени, пока острова не перешли во владение японцев. Лишь при обмене Курильских островов на Сахалин, алеутов спросили, хотят ли они оставить российское подданство или принять японское. Они согласились на первое, и за ними был послан военный корабль из Владивостока, который привёз их вместо Командорских островов на Камчатку.

Они были брошены в Петропавловске в ту пору, когда не могли заготовить себе запасов на зиму, без средств и без возможности зарабатывать себе на жизнь, вдобавок к этому ещё с трактиром под боком, в котором они тут же утопили всё ценное, что при себе имели. Поселенные на зиму в старом гнилом доме без надлежащего отопления, они начали болеть, и уже по истечении одного года умерло несколько человек.

Попытки исправить зло переселением их в Сероглазку, поселок в трёх верстах от Петропавловска, оказались тщетными. Бедность шла за ними по пятам. Там они жили в ямах, похожих больше на волчьи норы, а не на человеческое жильё, одевались в нищенские лохмотья, не защищающие от стужи, питались нездоровой пищей: тухлой (кислой) рыбой, собачьей юколлой. Но даже и такой еды не удавалось им выпросить в достаточном количестве, поэтому не удивительно, что ко второй весне со времени их прибытия (в 1879 г.) среди них началась эпидемия тифа, грозя смертью несчастным людям.

Доктор Юлиан Вимут представил в своём рапорте местным органам ужас положения умирающих от голода людей и вынудил их прийти на помощь. Хотя помощь была далеко не достаточной, она защитила алеутов от голодной смерти. Такое положение дел продолжалось до 1880 г., но, несмотря на предпринятые меры, последствий такого состояния предвидеть было невозможно.

Несмотря на неоднократные предложения со стороны администрации перевезти алеутов из Камчатки на Командорские острова, где сейчас нет недостатка в работе, особенно на острове Медном, и где они смогут стать полезными членами общества, алеутов оставили на месте, поскольку агент кампании не хотел принять их на острова. Чтобы дать представление, с каким отвращением агент относился к курильским алеутам, достаточно упомянуть тот факт, что он не только препятствовал их общему подселению, но и запретил одному алеуту с острова Беринга взять в жёны пришлую алеутку.

Причины своего нежелания он не объяснял, вместо этого он нашёл официального истолкователя в лице управляющего островами. В качестве официальной причины было указан низкий уровень нравственности курильских алеутов. Кто бы мог ожидать, что в качестве законного основания будет приведена безнравственность курильских алеутов, ведь каждому было известно, как низко оценивает автор надуманной причины моральность алеутов командорских.

Вот как он описывает характер алеутов в официальном рапорте генерал-губернатору, помещённому в «Сборнике главнейших официальных документов по управлению восточной Сибирью», т. 3, с. 73: «Неподвижность и лень, качества присущие всему населению острова Беринг»; с. 74: «Вообще надо сказать, как это ни больно для европейца, что примесь русской крови расу не улучшила, но во многих случаях ухудшила. Креолы обладают всеми недостатками, присущими алеутам и русским и не обнаруживают ни одной хорошей черты, свойственной той или другой расе»; с. 76: «Полнейшее смешение полов существует и в настоящее время. Сожительство брата с сестрою, дяди с племянницей, отца с дочерью — явления не исключительные... Жители называют себя христианами, но добродетели христианские отсутствуют, — любви и милосердия к ближнему не существует»; с. 78: «Отношения между мужем и женою, благодаря влиянию русских, не носят такого миролюбиваго и дружескаго характера, как у бывших алеут. Ссоры и даже битье жены мужем — явления обыденные... Девушка пользуется тем большим уважением, чем у неё больше любовников...» (Текст цитат взят из оригинала. — *О. К.*).

Слово «любовник» употребляется здесь в более приземлённом смысле, чем под ним обычно подразумевают, но другого термина для этого мы в нашем языке не имеем. Этот описанный в рапорте краткий перечень характеристик алеутов Командорских островов доказывает, что абсурдно объявлять причиной недопущения курильских алеутов их безнравственность, это противоречит всем красноречивым доводам о благих намерениях. Но, несмотря на это, причина, которую выдвинуло управление, была признана законной, и курильские алеуты всё ещё остаются на Камчатке.

Новый администратор Камчатки, который прибыл в Петропавловск осенью 1880 г., привёз с собой распоряжение: не выдавать больше никакой государственной помощи курильским алеутам. Не зная, что с ними делать, он решил собрать частные пожертвования и, кроме того, выделить им под свою ответственность, в виде

займа, помощь из сумм на камчатских аборигенов. Он отправил их на восточный берег полуострова к югу от Петропавловска, чтобы они выбрали там себе место для временного поселения.

Эта экспедиция принесла успех алеутам. К счастью, они нашли там несколько морских выдр, и это дало им возможность получить кредит у петропавловского купца. Так они и прозябают в этом пустынном месте, ожидая, что судьба смилостивится над ними. Чтобы получить представление об условиях, в которых они находятся, достаточно отметить, что весь добытый мех они обязаны сдавать купцу по тем ценам, которые он сам им назначит. В течение двух лет они задолжали купцу несколько тысяч серебром. Отданные в руки жесточайших эксплуататоров, они не могут надеяться когда-либо вообще выйти из тяжёлого положения, если с побережья Камчатки исчезнут каланы.

В конечном итоге, если охота прекратится, они окажутся без какой-либо помощи и погрязнут в долгах. Представляется невозможным организовать их обеспечение так далеко от Петропавловска, в местах, недоступных из-за высоких гор, без каких-либо дорог, куда не сможет попасть ни врач, ни священник. Дети их остаются некрещёными, брачные узы не благословляемыми, больных никто не лечит, и в случае эпидемии или голода они не могут рассчитывать на какую-либо помощь, потому что совершенно отрезаны от остальной территории Камчатки. В такой-то нужде живут эти люди, не захотевшие из религиозных и патриотических соображений сменить подданство.

В конце хочу сказать несколько слов о процитированных выше суждениях управляющего, которые так негативно представляют мораль командорских алеутов. Суждения эти следует по меньшей мере назвать преувеличенными. Если алеуты когда-либо и совершали преступления, то только под воздействием алкоголя. Алкоголь был и остаётся причиной безнравственности. Без него и курильские, и командорские алеуты будут моральными, более даже, чем амурские и южно-уссурийские народы.

Это пятая часть всего алеутского населения, которое в настоящее время живёт на земном шаре. По последним статистическим данным, население Алеутских островов (включая острова Прибылова) составляет 2 600 чел. обоих полов, причём указан тот факт, что население не только не растёт, но находится на грани вымирания. Итак, мы видим, что люди крепки, умны и, казалось бы, имеют все данные для умственного и физического развития, но, тем не менее, вымирают. Невозможно узнать точно, сколько было

алеутов до их первого контакта с европейцами. По некоторым данным, их было 50 000, а согласно представленным митрополитом Вениаминовым — только 25 000. Если считать, что последнее число наиболее достоверно, то получается, что спустя сто тридцать лет осталось только 12 %, то есть каждые два года население уменьшалось на 1 %.

И тому были причины. Митрополит Вениаминов представил целый ряд таковых, а именно: внутренние распри, войны с соседями, варварство приезжих купцов, административные распоряжения руководящих алеутами компаний (принудительное переселение алеутов в новые колонии), оспа, голод и сифилис. Из всех этих факторов самым разрушительным было варварство сибирских купцов и их сообщников. Некто Соловьёв убил триста алеутов. О двух таких случаях не мог умолчать даже Берх в своей «Истории открытия Лисьевских островов».

А что можно предположить по поводу других событий, в которых принимал участие Соловьёв и его преемники? Согласно данным митрополита Вениаминова, общее число погибших, ставших жертвами жадности и варварства, превышает пять тысяч. Вениаминов в своей книге «Записки об островах Уналашкинского отдела» даёт подробное описание всех зверств, совершённых на Алеутских островах. Будет не лишним привести здесь короткую выдержку из этих записок, чтобы показать, в каких условиях выработывался характер алеутов. Митрополит не мог знать наверняка, кто первый на островах дал повод применить жёсткие меры: то ли русские насилем разного рода, творимым над местными жителями, то ли алеуты, которые неохотно шли под ярмо неволи. Первое митрополит считает более правдоподобным, но и другого не исключает. Хотя причина распрей неизвестна, известно, по крайней мере, что алеуты развязали войну первыми и в течение зимы уничтожили три судна русских купцов, чем дали повод для мести. Глотов и Соловьёв взяли на себя роль мстителей. Глотов прибыл с острова Кадьяк на остров Умнак и уничтожил всех жителей и их деревни на южном берегу острова.

Та же участь постигла жителей островов Самалги и Четырёхсопочных. Соловьёв приплыл с Камчатки на Уналашку и под видом жестокой мести издевался над бедными безоружными алеутами. Он наслаждался процессом убийства, приказав связать алеутов по двенадцать в ряд, одного за другим, и, стреляя в них из карабина, любопытствовал, в котором увязнет пуля (говорят, пуля увязла в девятом).

Этот же Соловьёв убил алеутов, которые приплыли на двух байдарках в гости к знакомым, и завершил расправу, убив стариков, женщин и детей, бежавших от преследований на остров Яичный. Натрубин, товарищ Соловьёва, вырезал алеутов на острове Аватанак. Двое других, имена их неизвестны, вероятно, капитаны кораблей Бечевин и Протасов, убили огромное количество людей.

Одного из них отлично характеризует следующий рассказ митрополита. Уничтожив три посёлка, русские под командованием этого же командира и его наложницы, направились к четвёртому. Но в дороге их застигла пурга, и они, не одетые в камлеи, так сильно промокли и озябли, что были не в состоянии нападать. Алеуты приняли их как гостей, внесли каждого в юрту, так как у них не было сил спуститься вниз по лестнице, обогрели и накормили. Но бедные алеуты — так пишет митрополит — не ведали, кого они у себя пригрели. Когда пришельцы набрались сил, то приказали собраться всем в юрту и начали их убивать.

Действия этой банды мстителей митрополит считал хотя и жестокими, и варварскими, но менее достойными осуждения, чем позднейшие деяния такого рода, так как первыми двигала жажда мести. Позднее алеутов убивали без повода и цели. Здесь митрополит перечисляет имена, среди которых упоминает Илью Лазарева, отличившегося особой жестокостью и варварством. Этот человек не считал алеутов за людей, сбрасывал их со скал, убивал ножом, который всегда носил с собой, или забивал обухом топора. Повод к этому мог быть самым незначительным, например то, что алеут посмел посмотреть на его наложницу. Один из таких «героев» вспорол живот алеутской девушке только за то, что она решилась без позволения съесть кусочек китового сала.

Адмирал Сарычев насчитал пять тысяч алеутов, убитых таким способом, но митрополит Вениаминов считает, что цифра эта занижена. Таков краткий счёт нашего долга, который мы должны возместить потомкам этого несправедливо пострадавшего народа.

И только экспедиция Биллингса в 1790 г. положила конец этим злодеяниям, но, к сожалению, не ликвидировала рабства алеутов, которые не выходили из этого состояния до распада Российско-Американской компании. Сейчас алеуты живут несравненно лучше, но всё же условия, в которых они живут сегодня, невольно вынуждают задать вопрос: свободны ли алеуты?

Алеут не является господином ни своего времени, ни своего труда. Он прикован к тачке принудительной деятельности и всё ещё находится под постоянным контролем стоящих над ним стражей,

следящих за каждым его шагом. Он играет роль рабочего инвентаря, поэтому должен считать за везение, если его нынешний, арендующий его хозяин понимает, что рабочий инвентарь нужно хорошо кормить, чтобы он хорошо выполнял свою работу.

Вернуть прошлое невозможно, как и невозможно стереть позор, лежащий на именах тех вырожденков разных национальностей, которые принимали участие в варварском истреблении аборигенов. Вот несколько примеров страшного варварского поведения цивилизованных народов из труда Оскара Пешла «Этнология»: «Испанцы обильно проливали кровь индейцев, однако то, что они творили во время своих заморских походов, не идёт ни в какое сравнение с преступлениями португальцев в Бразилии. Они подбрасывали одежду больных скарлатиной и оспой в деревнях, населённых индейцами, чтобы искусственно вызвать эпидемию. Жители Соединённых Штатов отравляли стрихнином колодцы в пустыне Юта, откуда индейцы черпали воду. Во время голода жены англичан в Австралии добавляли в муку мышьяк и раздавали побирающимся местным. В Тасмании английские колонисты стреляли туземцев ради развлечения, если не могли найти лучшего корма для своих собак».

Но обязанностью цивилизованного общества должно быть хотя бы частичное возмещение потомкам ущерба, который был причинён их предкам. И если правительства тратят большие средства на сохранение, по крайней мере, части вымирающих животных, избежавших полного уничтожения, то тем больше усилий они должны прилагать к сохранению вымирающих человеческих племён.

Процесс уничтожения и денационализации с прогрессом цивилизации должен уступить место ясному пониманию необходимости существования многообразия каждого вида для всестороннего и гармоничного развития и прогресса человечества. И только близорукие невежды могут полагать, что, намеренно уничтожив несколько букв алфавита, им будет легче расшифровать незнакомую рукопись. Всякая рукопись, над которой работают самые гениальные представители человечества, — это наука о жизни, а слогами этой рукописи являются формы органического мира, будь то племена, народы или виды животных и растений. Если грустно и больно наблюдать человека в расцвете лет, безвинно приговорённого к смертной казни, то стократно больней видеть целые племена, которые приговорены к смерти неблагоприятными условиями жизни.

Когда я познакомился с племенами, населяющими Камчатку и Командорские острова, моим желанием стало исследовать эти условия и найти способы их улучшить. То, что мне удалось сделать для алеутов, я имею честь представить ниже. Собранные цифры и факты уже потому заслуживают внимания, что касаются народа, который с современной точки зрения не имеет никакого будущего.

Алеуты, живущие на Командорских островах, в разное время были привезены с Алеутских островов Российской-Американской компанией. Их заселение на необитаемые острова началось, вероятно, с 1830 г. В рапорте управляющего Командорскими островами как дата заселения островов указан 1812 г. Причём сказано, что адмирал Головнин уже в 1811 г. нашёл на островах четырнадцать мужчин и одну женщину. Оба утверждения ошибочны. Головнин проплывал мимо Медного только в июне 1818 г., он не сходил на берег и о жителях островов ничего не упоминает. Читая описание его путешествия, можно прийти к выводу, что он сомневался в том, что остров обитаем. Что касается четырнадцати мужчин и одной женщины, то их видел на островах не Головнин, а штурман Васильев.

Жителями островов, как было сказано выше, являются в основном алеуты. Я настаиваю на своём заявлении, основывая его на официальном списке жителей Командорских островов, копия которого приложена даже к рапорту управляющего островами. Я делаю так потому, что в том же рапорте на 45-й странице высказано другое мнение. Там написано, что алеутов на островах не больше 23,9 %. Автор этого рапорта не только занижает цифры, отражающие их численность, но ещё и добавляет, что и эта малая часть жителей не может называться алеутами, потому что они чужеродцы, происходящие от браков с якутами, татарами или колошами. Поэтому он считает более уместным назвать их местными жителями, или «инородцами». По мнению управляющего Командорскими островами, алеутов на острове нет.

Процитированный рапорт управляющего наполнен парадоксами и противоречиями, такая работа направлена не на этнологию, а лишь бы представить различные умозаключения, не имеющие ничего общего с научными исследованиями. Так, например, чтобы ввести на островах постоянную церковную службу, было необходимо выставить мораль алеутов в самом чёрном цвете (с. 77).

Как было сказано выше, чтобы изменить внутренний порядок на островах, было необходимо лишить людей права называться алеутами. Я не отрицаю, что в жилах алеутов, как командорских,

так и других, течёт и посторонняя кровь, но нельзя на этом основании отказывать им в праве называться алеутами. Ни администрация и американские учёные, ни администрация Камчатки к такому выводу не пришли, хотя, тем не менее, им приходится иметь дело с теми же самыми алеутами, только живущими на Командорских островах.

Уровень культуры алеутов не позволяет заменить патриархальное «иностранческое» управление на муниципальные органы власти, которые существуют в европейской России. Эти, казалось бы, незначительные изменения управления «иностранческого» на «сельско-земский» имеют для островитян очень серьёзные последствия. Теперь они преследуются по всем статьям закона, о которых не имеют никакого понятия, и которые должны регулировать их отношения в семье и браке. От упрощённой патриархальной судебной системы, которая принимает во внимание обычаи малообразованных народов, они вынуждены перейти к усложнённому процессу суда с судьями, присяжными и т. д. За каждую малейшую провинность, совершенную в быту, они обязаны, независимо от пола и возраста, предстать перед покрытым алой скатертью судебным столом с «зеркалом» и театрально одетым, погружённым в свои мысли, мудрёным прокурором. Вооружённый фолиантами «Свода законов», он наводит на туземцев панический страх. Вконец их добивают сотни «бумаг», написанных на совершенно непонятном для них официальном языке и предписывающих даже форму одежды, в которой следует ходить в церковь.

Журнал «Русская старина» приводит как курьёз официальные распоряжения, которые были написаны для повара и прочих дворовых слуг неким российским обывателем. Для подобной публикации можно было бы собрать поучительные материалы и в архивах Командорских островов. Сельско-земская комиссия по управлению алеутами была бы просто смешна, если бы от этого не страдали люди, которые уже столько перенесли.

Во времена правления старых компаний все поселенцы жили в землянках, построенных из выброшенного на берег морскими волнами леса. Теперь в таких жилищах находит убежище едва ли не треть населения. На практикующемся там русском языке они называются «барабарами». Это название, вероятно, происходит от камчатского «базабаз», что значит землянка, по-алеутски она называется «уларак».

Землянки, или хижины, наполовину скрыты в земле, невысокие, без потолка, крытые невысокой двускатной крышей. Внутри

они обиты досками или ошкуренными бревнами. Пол тоже деревянный. Снаружи покрыты толстым слоем земли и укрыты дерном, который благодаря влажному климату разрастается в высокую густую траву и защищает барабару от бурь и дождей. Вход в барабару находится в одном из углов на уровне поверхности земли. Окна, пропускающие мало света, всегда помещаются перпендикулярно полу в более или менее глубоких нишах. Жилая комната всегда отделена от кухни, которая вместе с кладовкой находится рядом с сенями.

Пища готовится в кухне на огне, который разводится попросту на земле. Жилая часть избы обогревается теперь дровами, сжигаемыми в железных печках. С тех пор, как новая компания («Гутчинсон, Кооль и К^о». — *Н. Т.*) взяла в аренду Командорские острова, она стремится обеспечить людей жилыми домами, строит их за свой счёт и отдаёт населению.

Дошчатые домики строят из леса, привезённого из Америки. До сегодняшнего дня, то есть до 1880 г., на острове Медном построено двадцать четыре домика, в них проживает всё население острова, а на острове Беринга — двадцать три домика, в них живёт примерно половина населения. Все они построены по единому плану и выглядят довольно красиво. Выкрашенные в красный цвет, с широкими окнами, высокой, островерхой двухскатной крышей, они производят гораздо более приятное впечатление на тех, кто в состоянии сравнить их с неуклюжими камчатскими домами, построенными без учёта каких-либо архитектурных требований и симметрии, покрытых соломой, с окнами, проёмы которых затянуты животной брюшиной или кишками медведя.

Внешность камчатских домов настолько непривлекательна, что, сидя в них, с сожалением думаешь о заброшенных островных барабарах. Внутри каждый алеутский домик делится деревянными перегородками на несколько небольших помещений: сени, светлицу, спальню и кухню, расположение которых почти везде одинаковое, а если различия и имеются, то только в размерах отдельных домов, часто довольно тесных и недостаточно больших для того количества людей, которое их населяет. Устройство дома и обеспечение мебелью не является делом компании и предоставлено стараниям жителей.

У жителей острова Медного, которые по сравнению с жителями острова Беринга считаются более богатыми и более цивилизованными, стены домиков изнутри оклеены обоями, потолок обит белёным полотном, имеются кровати, разная мебель и даже настенные

и настольные часы, а также другие предметы, призванные для украшения жилища, например, картины. Всё это создаёт впечатление комфорта, что в восточной Сибири встречается очень редко. На острове Беринга происходит обратное: никто не заботится об обустройстве своего жилища и большая часть жителей, почти три четверти, по старой привычке спит на полу.

Вообще у алеутов нет стремления к чистоте и порядку, касается ли то их самих, или их жилища. В число добродетелей алеутов это никогда не войдёт. Однако жители Командорских островов, с тех пор, как ими стала управлять нынешняя компания, сделали огромный шаг к лучшему. Тем не менее, и сегодня можно во многом упрекнуть даже жителей острова Медного, не говоря уже о жителях острова Беринга, где все, за небольшим исключением, живут, утопая в грязи. При посещении домов и барабар очень неприятное чувство вызывает их вид и запах.

Дома и барабары отапливаются приобретаемыми у компании дровами, которая завозит их с Камчатки до четырёхсот кортов ежегодно (корт — местная мера камчатского леса: 28 четвертей в длину по 7 четвертей в ширину и высоту). Сейчас море выбрасывает на берег мало леса. Всё лето население занято делом, и нет времени на то, чтобы собрать его в достаточном количестве, поэтому жители вынуждены переплачивать компании, покупая корт за 12 руб., в то время как на Камчатке компания платит по 3,5 руб. за корт. Из-за нехватки топлива в домах стоит низкая температура. Окна для проветривания почти никогда не открываются, пища готовится в жилом помещении, поэтому воздух пропитан невыносимой вонью от мяса котиков, солёной рыбы и подгоревшего разлитого жира.

В дополнение к неприятным запахам, возникающим из-за неряшливости жителей, чадят вызывающие постоянные перепады температуры печки, вредя здоровью человека обоими своими качествами, всем хорошо известными. Островитяне проводят в этих домах и барабарах только часть года — после окончания охоты и завершения путины. Летом, во время промысла котиков и ловли рыбы (последняя исключительно на острове Беринга), и зимой, когда охотятся на песцов и каланов (только на острове Медном), живут в маленьких, низких, сырых и грязных барабарах — там, куда их приводит работа. Печи есть не везде, пищу готовят на костре, наполняющем всю барабару дымом. Эти жилища очень вредны для здоровья, и их как можно скорее следует заменить другими, более удобными.

Одежда алеутов, особенно на острове Медном, ни покроём, ни материалом не отличается от одежды городских рабочих цивилизованного мира. Мужчины покупают готовую одежду, привезённую из Сан-Франциско. Они носят шерстяные или хлопковые чулки, сапоги, фланелевые или ситцевые кальсоны, штаны бумазейные, суконные или диагональные, фланелевые кафтаны, жилеты, пиджаки, рубашки, сюртуки, галстуки, майки, шапки и шляпы. С уверенностью можно сказать, что в одной семье алеута больше одежды, чем в целой деревне убогих камчадалов. Я не знал ни одного камчадала, чью одежду по стоимости можно было бы сравнить с одеждой самого бедного алеута. Во время охоты и работы на пристани используется непромокаемая обувь, которую русские называют «бродни». Это своего рода сапоги с длинными голенищами из шкур котиков и подошвами из шкур морских львов. Есть и другой вид водонепроницаемой обуви, которую надевают, чтобы ходить по глубокой воде. Её шивают вместе с кожаными штанами, по-алеутски она называется «худовойех».

Одежду, защищающую от дождя и воды во время плавания в байдарках (маленьких лодках из шкур морских львов), алеуты называют «камлейки», или «чигидах». Это своего рода рубашки с капюшоном из кишок морских котиков. Такие рубашки, смазанные жиром тех же котиков, замечательно отталкивают воду, а по лёгкости превосходят плащи и другую непромокаемую одежду. Алеутки научились, наконец, шить себе платья, и теперь помимо верхней одежды они не покупают себе ничего, кроме материалов для шитья. Их одежда состоит из чулков, башмаков или туфель, фланелевых или ситцевых маек (мужского покроя), хлопчатобумажных или шерстяных платьев, иногда даже шелковых или муслиновых.

На плечах носят большие платки, по-алеутски — «шалитых». Иногда одеваются в покупную одежду и часто надевают на себя новомодные, элегантные украшения. Голову покрывают хлопчатобумажными или шёлковыми платками, которые завязывают под подбородком. Замужние женщины носят чепчики. Некоторые из них, выходя на улицу или в церковь, надевают модные шляпы.

Как вы можете видеть из приведенного выше описания, местная одежда всё больше уступает место безвкусной космополитичной одежде мещанского типа, не подходящей для местных условий. На острове Беринга почти все мужчины и некоторые женщины носят так называемые «парки» — это верхняя одежда, сшитая из птичьих шкурок топорков, похожая на длинную камлейку с узким

воротом, но без капюшона. Вообще мужчины и женщины острова Беринга одеваются почти так же, как на острове Медном, но менее элегантно и более неряшливо.

Каждый год агентом компании по согласованию с представителем российского правительства устанавливаются твёрдые цены на определённую часть товаров. Прейскурант вывешивается в магазинах. У каждого домохозяина есть книжечка, в которую записываются все взятые им товары, рядом с которыми, с правой стороны, проставлены цены. Поскольку большинство алеутов умеют писать, читать и считать, им нетрудно самим контролировать свои расходы. Поэтому торговля здесь гораздо более упорядочена, чем на Камчатке, где купец, а за ним и его человек, самовольно повышает цены на товары, иногда до баснословных 1 000 %, кроме того, он сам оценивает стоимость мехов, которые дают ему в обмен на товар.

Органы местной административной власти никоим образом не могут защитить аборигенов от произвола торговцев. Даже если поднять плату за меха, то купцы, в свою очередь, поднимут цены на товары. Нет такого закона, который бы охранял интересы камчадалов. Как я понял, ни один из существующих законов не направлен на их защиту. Они являются невольниками торговцев в полном смысле этого слова, как когда-то алеуты были в рабстве у купцов во времена свободной торговли на островах, когда их нагло обманывали на каждом шагу. Неудивительно, что сейчас камчадалы завидуют алеутам и мечтают о том, чтобы попасть под опеку американской компании. В качестве примера я привожу здесь цены, назначенные в 1880 г., и для сравнения цены в Петропавловске и других местах Камчатки. Цены на Командорских островах, по сравнению с рыночными ценами в Петропавловске, невысокие. На самом деле, начисляют меньший процент прибыли, а на Камчатке, по моим расчётам, берут 400 за 100. К тому же следует заметить, что алеуты платят за товар серебряными рублями. Цены на товары на складах торгового дома «Гутчинсон, Кооль и К^о» устанавливаются в соответствии с их курсом.

В десятом параграфе контракта с компанией российское правительство обеспечивает защиту алеутов от возможности эксплуатации со стороны купцов следующим положением: «Торговому дому «Гутчинсон, Кооль и К^о» не воспрещается продавать жителям островов необходимые товары, но только по ценам, определённым в особом прејскуранте, подтвержденном администрацией по согласованию с представителями компании».

Цены на продовольственные и прочие товары на складах торгового
Дома «Гутчинсон, Коопль и К^о» на Командорских островах:

Сендик артикулов товаров и товаров лодового в складов Дому индолового:
Beichinson Sooli & Coop. na wyspach Komandorskich.

С в д а

Wyszczególnienie товаров	на складе Командор- ского		в лодово- вой		в Кледах		в Тугла		в Ойаковом, Пайане, Копе- ковских	
	шт.	коп.	шт.	коп.	шт.	коп.	шт.	коп.	шт.	коп.
Мяка разина белого, за во- тк "кул" — 56 фунтов	3	50	4	50	8	—	—	—	9-12	—
Дика разина бела	4	24	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Каса розмалого вода, pud Ryza	2	15	15	15	ниже в хандлу		—	—	—	—
Stuchard'g margarynkich	—	15	—	25	ниже в хандлу		—	—	—	—
Grodnu i fasoli	2	18	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Stochu smorykaskich	2	23	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Wleprzynu	2	75	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Makla solonego	2	90	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Smalen wleprzynowego	2	90	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Osmu	2	90	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Tyrgan	—	90	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Gotyzyg	—	90	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Soli	—	90	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Herbatsy stariej	1	20	1	20	2	—	—	—	—	—
Chlebu kasnego	1	35	1	75	1	90	—	—	—	—
Molasy	—	30	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Tyfochu krajowego	—	30	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Mylu	—	15	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Perkakali amerykanskigo fasol Sary rusyjski "Kittalskoryg" Stryling bialy	—	30	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Podoczny myskle	—	30	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Kabien	—	60	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Kosanie wolniane myskle	—	3-10	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Spodnie myskla	—	3-15	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Czapka	—	50	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Chustki bawolniane rozmiat- ligo grubsza	—	45-90	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Trzewiki myskle	—	75	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Kobiece	—	50	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Buty myskle	—	10	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Zolacz szareowe	—	13	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Blacha stalowa	—	10-15	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Koski wydlawskie	—	38	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
PHS	—	73	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Topy do zabrania drewna	—	50	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Lozyski stalowe	—	50	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Koczki stalowe	—	50	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Igni	—	15	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Bezcelko do hamowy	—	30	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Zapiski	—	30	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Prochu	—	1	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Olechu	—	15	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Sieda	—	30	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Szczecel	—	16	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Szczecel myklywien	—	27	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—
Kaluzonow	—	50	—	—	ниже в хандлу		—	—	—	—

Исходя из этого положения, администрация, если только пожелает, всегда может сама установить цены. Тот же договор запрещает ввоз спиртных напитков. Именно благодаря двум этим пунктам, алеуты находятся в гораздо лучшем положении, чем камчадалы. По этой главной причине, не говоря уже о других благоприятных обстоятельствах, у них прекрасные перспективы на будущее. На Камчатке не слышно о подобных распоряжениях, поэтому ничем не ограниченная жадность купцов вместе с кабаками довели аборигенов до крайней нищеты. До тех пор, пока они не будут защищены законом так же, как жители Командорских островов, они не смогут даже мечтать о лучшей доле.

Поэтому, с экономической точки зрения, положение командорцев несравненно лучше положения камчадал. Камчадалы все в долгах, которые не в состоянии выплатить — долги эти превышают их доход всей жизни. У алеутов долги сейчас небольшие, поскольку компания выкупила их долги у купцов, аннулировала их, и сейчас внимательно следит за бюджетом каждого алеута. Не побуждает она их и к тратам ввозом безделушек и ненужных предметов, которые до этого вместе с горячительными напитками в изобилии поставляли купцы, продавая втридорога наивным по своей неопытности островитянам. Раньше купцы привозили дорогой атлас, из которого алеуты шили себе штаны — они им дорого обходились, поскольку иногда стоили двух шкур калана. Продавали зеркала и элегантную мебель, которой алеуты должны были обставлять грязные, вонючие землянки, золотые и серебряные часы, которые они носили по две штуки сразу. Зато зимой умирали с голоду и погряжали в долгах, из которых не смогли бы никогда выбраться, если бы компания не освободила их настоящим соглашением.

Важную роль в питании алеутов играет мясо и жир морских котиков. Летом, с июня до середины августа, едят свежее мясо, а зимой — засоленное. Топлёный жир держат в желудках и мочевых пузырьках морских котиков, на нём жарится вся пища. Следующее место занимает рыба. На острове Беринга это лососёвые, на острове Медном — треска. Рыбу солят или сушат. На острове Беринга делают «юколу» (сушёную рыбу) для себя и собак, также заготавливают квашеное мясо, которое хранится в ямах. Алеуты круглый год ездят на собаках. Правда, на острове Медном на собаках ездить невозможно из-за высоких и крутых гор.

Также значительную часть пищевого рациона составляют гнездящиеся или постоянно живущие на островах птицы. К ним относятся: на острове Беринга — топорок (*Lunda cirhata*), баклан

(*Phalacrocorax*), белая куропатка. На острове Медном водятся те же самые виды, исключая топорков, а кроме этого глупыши *Procellaria pelagica*.

Если жители острова находят время, то собирают яйца бакланов, чаек и глупышей. Огородничество находится здесь в зачаточном состоянии, и, как показывает опыт, время, на него затраченное, не окупается. На обоих островах сеют репу, редис и картошку. В 1879 г. на острове Медном было посажено 59 вёдер картофеля, а в 1880 г. только 12,5, из которых уродилось 39 вёдер (точных данных о том, сколько было посажено на острове Беринга и сколько выросло, я собрать не смог, но заметил, что там огородничество развито лучше, чем на Медном).

С животноводством на островах дело обстоит плохо из-за отсутствия запаса кормов на зиму, как утверждают жители, им не хватает времени на заготовку кормов, и что на острове Медном существуют трудности в доставке сена до бухты. Количество голов крупного рогатого скота невелико, до сих пор держали только коров и свиней, последних лишь на острове Медном. На острове Беринга было шестнадцать голов крупного рогатого скота, на Медном — шесть.

Весной 1880 г. из Сан-Франциско на Медный привезли несколько коз, а в 1883 г. я лично привёз трёх на остров Беринга. На оба острова завезли несколько кроликов, и я надеюсь, они там приживутся. Домашнюю птицу представляют куры, которых в 1880 г. на Медном насчитывалось 165 шт., на острове Беринга — 40. Со временем островитяне постепенно привыкли и к привозным продуктам: сахару, пшеничной муке, пшеничным сухарям, чаю, солонине и т. д...

Все алеуты, за очень редким исключением, готовят пищу весьма небрежно и неаккуратно, их кухонная утварь, такая, как котлы, всегда грязная, и чистится редко. Так убирают и в домах, где они проживают постоянно. А вне дома, во время охоты, всё в сто крат хуже. Невозможно смотреть без отвращения на котлы, в которых готовится еда во время охоты — хоть на одном, хоть на другом острове, не говоря уже о том, чтобы преодолеть брезгливость к пище, в них сваренной. Даже в самом запахе свежего мяса котиков есть что-то неприятное, хотя мясо и терпимо на вкус. Но засоленное и подквашенное мясо не способен проглотить ни один европеец. Любая пища, жареная на жире морских котиков, действовала на меня как рвотное, поэтому я не могу судить по собственному опыту о её вкусе и качестве. Местные уверяют, что очень вкусно.

Об алеутской кулинарии могу сказать только, что и приготовление пицци, и соление рыбы и мяса морских котиков, безусловно, требуют различных усовершенствований. Несомненно, со временем это будет сделано с помощью работников компании, влияние которой медленно, но верно ведёт к образованию и просвещению людей, о которых многие годы никто не заботился.

В море или речках они не моются из-за низкой температуры воды, зато две бани на острове Беринга и восемь на Медном, (по данным 1880 г.) предоставляют возможность держать тело в чистоте. Волосы почти у всех без исключения чёрные и густые, у мужчин — коротко остриженные, у женщин заплетённые в косы, содержатся в чистоте. Неряшливость в этом отношении я встречал только в редких случаях, последствием которой всегда были паразиты, чётко видимые на чёрном фоне волос. Этих паразитов я видел на рубашках и майках жителей острове Беринга, других паразитов на островах нет. Блохи, клопы и тараканы (прусаки), которых на Камчатке развелось ужасающее количество, на Командорских островах не прижились, несмотря на постоянные контакты между населением Камчатки и алеутами.

Но всё же, как мне сообщили летом 1883 г., все эти твари добрались до острова Медного.

Уход за грудными детьми и воспитание детей оставляет желать лучшего. Перечислю главные источники бед.

1. Для грудных детей не делают колыбели. Поскольку спят алеуты очень крепко, а детей кладут рядом с собой, то это часто приводит к печальным последствиям. В течение последних тринадцати лет трое детей были «заспаны» родителями. К этому числу следует прибавить другие случаи смерти, приписываемые конвульсиям или столбняку (так называемая смерть «от родимчика» и «от младенчества»), причиной которой является тот же самый обычай.

2. Приучают младенцев к сосанию сосок — смеси, приготовленной из сухарей, воды и сахара, иногда с добавлением молока и жира. Как только ребёнок беспокоится или плачет, ему засовывают в рот эту массу, завернув её в тряпку. Употребление сосок виновно во всех смертях от поноса.

3. Кладут детей рядом с печкой, где температура слишком высокая, что влияет так же плохо, как и холод в избе, а потом подносят их к окну или даже выносят во двор. Резкая смена температуры приводит к смерти «из-за кашля», «горла» и «коло́тья». Треть всех детских смертей происходит по этой причине.

При воспитании детей не обращается внимание на гигиену, не учитываются их потребности при мебелировке, не нормируются работа и занятия. Также здесь не думают о защите от возможных эпидемий. Чтобы проиллюстрировать вышесказанное, приведу несколько примеров. Несмотря на то, что здесь дуют чрезвычайно сильные ветра, которые за зиму так отшлифовывают стекла, что те становятся матовыми, никто из местных жителей не пытается заслонить вход в дом сеньями и не вставляет двойные оконные рамы. До сих пор не подумали об устройстве отхожих мест, об общих заграждениях от разрушительных ветров, о силе которых европеец имеет лишь слабое представление. Поэтому люди здесь часто простывают, хотя и должны бы быть привычными к холоду.

Раньше всё было иначе. Алеуты имели одежду и жилища, приспособленные к местным условиям, сейчас дощатые домики, европейская одежда в целом и женская в частности, совсем не подходят к климату. Летом на Медном из-за нехватки рабочих рук выполнять тяжёлую работу обязаны все, независимо от возраста или состояния здоровья. Больные обоёго пола, беременные женщины и дети работают сверх силы. Жители этого острова вынуждены брать с собой в вонючие летние барабары даже таких слабых, которые сами не в состоянии держаться на ногах — с ними некого оставить.

В доказательство халатного отношения к здоровью констатирую тот факт, что до 1879 г., несмотря на постоянную угрозу эпидемии, почти половине населения не была сделана прививка от оспы. Приведу несколько примеров, выбрав из сотни подобных, чтобы показать, как несправедливо обвинять аборигенов в различных патологиях, и что в таких условиях жизни виновата не их национальность, а ненормальное развитие общества. В цитируемой выше работе управляющего Командорскими островами, в качестве объяснения причин бесплодия некоторых алеуток приводятся искусственные теории, но на самом деле причины совсем другие, а именно — ненормальные условия жизни, насильственные аборт, выкидыши и заболевания матки из-за непосильной работы и простуд. На мой взгляд, народ сам по себе вынослив, и если бы ему удалось не нарушать правила гигиены, он бы развивался вполне нормально.

О лекарственных растениях, которыми пользуются на островах, я скажу ниже, а сейчас опишу в нескольких словах виды заболеваний, которые встречаются на островах, заодно упомянув о таких, которые ещё до сих пор никем не описаны, хотя они

свиристывают на Камчатке и угрожают алеутам, так как те находятся в постоянном контакте с её жителями. К последним относится проказа (лепра), хотя на островах случаев заболевания ещё не было. Наблюдая это заболевание на полуострове, я заметил, что оно развивается только в тех семьях, где мать или бабка русские.

К этой же категории можно отнести сифилис. До сей поры на Командорских островах от этой болезни пострадал только один человек, но его уже нет в живых, поэтому сифилис дальше не распространился. Двое детей упомянутой особы в настоящее время здоровы.

Управляющий Командорскими островами указывает несколько семей, якобы больных сифилисом, но не для того, чтобы их вылечить, а чтобы изгнать с Командорских островов. По каким симптомам он ставит диагноз — неизвестно. По-моему, сифилис только повод, причина же изгнания кроется не в болезни.

Чаще всего на островах встречаются следующие болезни: воспаление легких, фарингит, бронхит, плеврит, тифоидальная горячка. Из хронических: болезни дыхательных путей, матки, рак, глазные заболевания. Сыпь, кожные и ушные заболевания редки. Скарлатины, кори и дифтерита нет. Хромых и страдающих врожденными болезнями очень мало. Из этой категории есть только двое глухонемых и несколько горбатых.

После краткого описания заболеваний алеутов на Командорских островах, я должен отметить один факт, а именно, что прибытие парохода каждую весну вызывает среди островитян эпидемию различных заболеваний органов дыхательных путей.

Разделения труда между отдельными членами общества на Командорских островах ещё не произошло. Там нет специалистов в какой-либо профессии, а условия жизни требуют универсального образования во всех областях деятельности. Каждый должен уметь делать всё сам. Поэтому совершенно нет времени и возможности посвятить себя отдельной профессии, даже мужские занятия не отделены полностью от женских: нередко можно видеть топор и весло в руках женщины и иглу в руках мужчины. Но, в общем, по поводу существующего разделения труда между мужчинами и женщинами, можно сказать, что женщины работают на земле, в то время как мужчины — в море; женщины этим никогда не занимаются.

Занятия алеутов делятся на несколько категорий. Первая — промысел котиков и охрана их стад. Работы начинаются весной с прибытием зверя и ведутся до их ухода, то есть с мая по ноябрь.

Промысел является наиважнейшим и наименее продуктивным занятием алеутов. Он даёт самый значительный доход государству, ещё больший — компании и является одним из основных доходов местного населения. Кю второй категории относится занятие, которое даёт доход только компании и жителям: это охота на песца и морскую выдру. И, наконец, к третьей категории относится сельскохозяйственная деятельность, которая обеспечивает существование жителей островов: без неё не может прожить ни одна алеутская семья. Денег на жизнь не хватает даже при относительно больших доходах, таких, как на острове Медном, где на каждого человека в год приходится по 133 руб. серебром.

Коротко перечислю виды деятельности: огородничество, разведение крупного рогатого скота и собак (на острове Беринга), заготовка сена, сбор выбрасываемой на берег древесины, сбор ягод, выкапывание сараны, лов рыбы в море и в реках, весной — охота на перелетных птиц, зимой — на куропаток. Лов топорков, из шкурок которых шьют парки; охота на тюленей и морских львов, шкурами которых обтягивают байдарки; засолка рыбы и мяса котиков для себя и собак; выделка шкур и кишок котиков и морских львов на камлейки (на год работнику требуется, по крайней мере, две камлейки); сбор морской травы (*Elymus arenaria*), из которой плетут корзинки, мешки, скатерти и коврики (мешки — ишкаты, скатерти — чиреты), и, наконец, выделка ниток и дратвы из сухожилий китов и других зверей, которыми прошивают обувь, парки и камлейки.

Всем этим алеуты занимаются в течение года поочерёдно. Три четверти года алеуты заняты работами первых двух категорий, и только одну треть могут посвятить хозяйству. Летом рабочий день начинается до восхода солнца и кончается на закате. Что касается распорядка основных работ в разное время года, то он выглядит следующим образом. Весной алеуты начинают свою деятельность с того, что обходят по морю все острова с целью их осмотра. В экспедиции принимают участие несколько сильных и стойких мореходов.

В апреле и мае, а иногда ещё и осенью, на острове Медном охотятся на морскую выдру. Когда на лежбищах появляются котики, выставляют охранников для наблюдения и защиты от возможных набегов авантюристов разных национальностей, плавающих в течение всего лета на небольших судах вдоль берегов Камчатки. Наблюдают за территорией по очереди. Выбранные в сторожа люди живут на лежбищах постоянно. Мужчины, свободные от этой

обязанности, охотятся на пролетающих птиц, ловят рыбу и готовятся к долгому пребыванию на лежбищах. Женщины заняты огородом (землю не удобряют ни навозом, ни водорослями), шьют камлейки и обувь. В начале июня начинается охота на котиков.

Дюжина выбранных старшиной острова Беринга работников идёт на принадлежащем Компании малом парусном судне на лежащий к северо-востоку от Сахалина Тюлений остров и там занимается промыслом котиков до осени. Остальные трудоспособные мужчины острова Беринга делятся на две группы: более многочисленная идёт на северное лежбище, менее многочисленная — на южное. Женщины отправляются на ездовых собаках на восточный берег, где вместе со стариками ловят рыбу с помощью запоров, построенных близ устья реки Саранной. Там же рыбу солят и сушат.

Количество выловленных в реке Саранной лососёвых рыб прежде за год достигало десятков тысяч и удовлетворяло потребности жителей обоих островов. Теперь там добывают только пару тысяч. Причину этого явления следует искать в системе заграждения. Осматривая в 1882 г. запор, я удивился, что такой способ ведения рыбного хозяйства до сих пор всё ещё не привёл к полному исчезновению рыбы. Загородка построена так, что ни одна рыба не может пройти вверх по реке к месту нерестилища, и каждая рыба, попавшая из моря в реку, будет поймана.

Кроме этого, они в течение всего лета заняты доставкой с северного лежбища корма собакам и надзором за ними. На острове Медном все жители уходят из посёлка на промысел морских котиков и живут в летних жилищах, построенных на берегах бухт Глинка и Корабельная. В середине августа работы на лежбищах заканчиваются, но охранники продолжают посменно дежурить вплоть до ноября. По возвращении в посёлок начинается заготовка сена, сбор ягод (в основном морошки), выкапывание сараны, лов морской рыбы (обозначена как «sztokfizza», что можно перевести как «рыба для вяления», в первую очередь подразумевается треска. — *Н. Т.*), продолжающийся до поздней осени, сбор древесины на топливо, охота на птиц и уборка картофеля.

В ноябре и декабре охотятся на песца. В январе и феврале занимаются байдарками и выделывают шкуры, а на Медном строят шлюпки из купленного у компании леса. На этом острове несколько алеутов преуспели в столярном и токарном деле. Несколько лет назад значительный вклад в повышение образования алеутов и овладение ими ремёслами сделал агент компании господин Кребс

вместе со своей женой-креолкой. В честь этого скромного труженика названа гора, лежащая справа и к северу от поселка. В эти месяцы на Беринге занятия иногда перемежаются с разного рода развлечениями — танцами и театральными представлениями, а на Медном — только танцами. В последние месяцы зимы, особенно на острове Беринга, не хватает продовольствия и дров. Но, несмотря на то, что приходится жить в холоде и брать кредит, январь, февраль и март для них самые приятные. Это время отдыха, дружеского общения и мирных домашних хлопот... на это время приходится наименьший процент смертей и наибольший процент зачатий.

Прежде чем приступить к описанию главного занятия жителей, почти единственного, дающего им средства к существованию, я сопоставлю количество работников на обоих островах и объём работы, выпадающей на каждого в отдельности. С этой целью я разделил население на четыре группы в зависимости от возраста: первая группа включает детей до пятнадцати лет, вторая — юношей от пятнадцати до двадцати лет, третья — зрелые люди от двадцати до пятидесяти, и, наконец, четвёртая — старики старше пятидесяти. Реальной рабочей силой я считаю людей, относящихся к двум средним группам: молодёжи и взрослых.

Весь объём работ, проводимых ежегодно во время промысла морских котиков, я делю между ними... Число работников мужского пола на острове Беринга более чем в два раза превышает число таковых на острове Медном. На первом их 90, на втором — только 41. Если сравнить работников обоего пола, соотношение будет таким же. На Медном их в два раза меньше, чем на Беринге: на первом 83, на втором 151... (Далее следуют статистические таблицы «Таблица жителей Командорских островов, распределённых по полу и возрасту», «Процентное соотношение числа жителей по возрасту», с. 54—58 оригинала, которые мы не смогли воспроизвести ввиду ограниченного формата издания. — *Ред.*)

...Можно было бы предположить, что если на острове Беринга в два раза больше рабочих рук, то они выполняют в два раза больше работы. Между тем на самом деле соотношение совсем другое, а именно такое, что жители острова Медного поставляют компании 25 000 шкур котиков, а жители Беринга — едва лишь 15 000 шкур, что вместе с добываемыми на Тюленьем острове 4 000 шкурами составляет 19 000, то есть 43 % от общей добычи. Для большей наглядности приведу процентное соотношение числа работников к объёму выполненной работы. Оказалось, что на

острове Беринга 69 % всех работников выполняют 43 % всей работы. На острове Медном 31 % работников выполняют 57 % работы, иначе говоря, один работник острова Медного делает столько же, сколько трое на острове Беринга.

Чтобы заработать как можно больше, на острове Медном работают не только мужчины, но также женщины и дети. Последним такая работа наносит особенный вред — они ещё слишком малы. Местные условия чрезмерно затрудняют выполнение любой работы, такую нагрузку может выдержать только сильный организм взрослого. Для того чтобы читатель получил представление обо всех здешних трудностях, связанных с работой, постараюсь в нескольких словах описать процесс загона морских котиков.

Жители Командор обязаны ежегодно добывать столько шкур, сколько назначит компания. Это число меняется каждый год. Агент компании оговаривает лимит с представителем российской администрации. Изменение количества добытого зверя зависит не столько от соотношения сил, сколько от численности находящихся на островах котиков. Во время свободной торговли мехами на Беринге извели почти всех котиков, теперь же, желая дать им возможность размножиться, к отлову в течение одного года назначают значительно меньшее количество, чем раньше.

В первых числах июня алеуты отправляются на лежбища, где они в течение всего периода котикового промысла живут в тесных, грязных, нездоровых землянках, о которых я упоминал выше. Выбрав время и подходящую погоду, вооружённые дубинками, которые здесь называют «дрыгалками», все жители под руководством старого и опытного промысловика идут цепью вдоль обрывистого скалистого берега, называемого «лайда», где на камнях или высоких скалах спокойно лежат тысячи котиков. Люди стремятся отрезать животным путь отступления к морю, а затем гонят их на берег, стараясь захватить стадо из двух-четырёхлетних самцов-«холостяков» без самок. Их и забивают для компании, цадя молодых «сегодков» — в былые времена царствования свободной торговли таких забивали наравне с другими.

Отгнав с лайды и изолировав стадо таким способом, люди оставливаются, чтобы отделить попавшихся самок, одногодков и старых, непригодных самцов. После избавления от нежелательных животных, стадо делят на мелкие группы и гонят их к месту забоя. Там, согнав их в кучу, животным дают некоторое время на отдых. После отдыха их забивают ударами дубинки по голове и по носу, сразу свежуют и сдают шкуры компании на хранение (для засола).

Так выглядит промысел котиков в общих чертах. Наблюдаемые при этом различия обусловлены топографическими особенностями местности, где происходит отлов. На острове Беринга берег, на который выходят котики, низкий, полого спускающийся к морю широкими террасами от двух до шести сажен. При таких условиях загон котиков не представляет труда: по ровной поверхности стадо гнать легко. Место забоя удалено от берега на сто — двести саженей. Рядом с ним стоят склады, куда сдают шкуры. Поскольку действие происходит на обширной равнине, ничто не мешает жителям выбрать для забоя место на большом отдалении от жилья, куда ветер не доносит смрада гниющих трупов.

На Медном всё иначе. На обоих лежбищах (Корабельное и Глинка) берег скалистый, крутые скалы возвышаются более чем на пятьдесят саженей над побережьем, поэтому для отгона котиков пришлось высечь ступени. Их вынуждены гнать по горному хребту с крутыми подъёмами и спусками, где много зверей падают (загорают) от усталости (строго говоря, животные погибали от перегрева, «сгорали». — *Н. Т.*), их по дороге добивают. Вследствие этого, не имея определённого места для забоя, забивают и ошкуривают котиков повсюду, по большей части поблизости от жилья. Трупы разлагаются, наполняя воздух зловонием. Это, несомненно, влияет на здоровье населения. Рано или поздно это приведёт к эпидемии, с которой будет бесполезно бороться медицинскими препаратами.

Во время моего пребывания на лежбищах острова Медного я не мог дойти до жилья, плотно не прикрыв нос платком. А ведь я был там в августе, ближе к осеннему сезону, когда уже дуют холодные и сильные ветра. Можно себе представить, какая вонь стоит здесь в июне и июле, в тёплую безветренную погоду.

Хотелось бы, чтобы компания не в корыстных целях, а ради жителей и соблюдения гигиены занялась переработкой во что-нибудь полезное гниющего, пропадающего без пользы материала, уничтожив источник эпидемий. Я считаю, что отсутствие достаточного количества рабочих рук ни в коей мере не может служить оправданием бездействия: достаточно привезти из Камчатки алеутов, переселённых туда с Курильских островов и ставших жертвами беспощадных эксплуататоров.

Шкуры зверей, забитых далеко от складов, приходится нести по хребту около двух вёрст.

На острове Медном вышеуказанные условия промысла котиков для работников очень тяжелы, но, тем не менее, если разделить

общее количество забитых котиков 25 000 на 83 работника обоего пола, на каждого придётся по 301 шт., в то время как на острове Беринга на одного работника приходится только 117 котиков, при том, что добываются они в гораздо более благоприятных условиях. К этому следует добавить, что сам способ деления заработка на Медном побуждает работника к большему усердию во время промысла. На Беринге общий заработок делится на определенное количество частей, которые староста вместе с управляющим островами раздаёт на общем собрании. Деньги достаются, в том числе, людям, совсем не принимавшим участие в работе. Такие доли получают 90-летняя Анна Будакова, 60-летняя Анна Березина, 59-летняя Соломония Каурова и другие.

На острове Медном каждый работает для себя, прилагая все усилия, часто в ущерб здоровью своих детей, только бы добыть как можно больше шкур и заработать как можно больше денег. Возьмём, к примеру, семью Бадаевых: мужу тридцать пять лет, жене тридцать семь, трое детей в возрасте от десяти до тринадцати лет, все болезненного телосложения — вместе сдали 862 шкуры. Николай Хабаров тридцати четырёх лет, жена тридцати восьми лет и девятилетний ребенок сдали 723 шкуры.

В лихорадочной погоне за небольшим увеличением заработка надрывают силы, которых потом не вернуть. Так, вся семья Бадаевых, здесь упомянутая, покоится уже в могиле. При этом пропадает много ценного материала — шкур зверей, забитых и потерянных во время перегона. Я сам наткнулся на связку уже снятых шкур, гниющих на дороге. Содрав их, работники либо не смогли, либо в спешке забыли отнести на склад. Находил в других местах гниющие трупы котиков: они были забиты, но шкуры с них не сняли (шкуры падших во время перегона зверей негодны для дальнейшего использования. — *Н. Т.*)

Тяжёлая работа, а также другие обстоятельства, о которых я уже упоминал, очень вредно влияют на состояние здоровья жителей Медного. Доказательством может служить количество больных, которых я обследовал во время моего пребывания на Командорских островах. В течение года, с августа 1879 г. по июнь 1880 г., на Медном было 165 больных, а на острове Беринга в тот же самый период только 59, то есть на первом — 80, а на втором — всего 20 %.

Чтобы прояснить причины такого плохого состояния здоровья, следует заметить, что осенью 1879 г. там была эпидемия, сопровождавшаяся симптомами тифоидальной горячки, бронхита, остро го катара дыхательных путей. Но в следующие годы — 1880, 1881

и 1882 — количество больных на острове Медном, несмотря на меньшую численность населения, тоже было значительно больше, чем на острове Беринга. Проанализировав свои наблюдения, касающиеся этого вопроса, я пришёл к выводу, что причинами бед являются перегруженность работой и антисанитарные условия, в которых вынуждено жить население острова Медного, о чём уже говорилось ранее.

Всё лето алеуты заняты промыслом котиков, в зимнее время их занятие — охота на песца, а весной — на бобра. На острове Медном водятся только голубые песцы, на острове Беринга встречается также белые, которых стараются полностью истребить ради умножения голубых. Кроме того, шкуры белого песца компания не принимает вообще. На голубого песца охотятся не каждый год: в так называемые годы «запусков» им дают возможность размножиться. В 1880 г. на Медном было добыто 503 песца, в 1883 г. по 1 000 штук на каждом из двух островов. В основном алеуты ставят на песца ловушки с приманкой.

«Бобры камчатские», или, как их иначе называют, морские выдры, есть теперь только на бобровом лежбище острова Медного, на северной и северо-западной его оконечности. Это последнее прибежище, где ещё можно встретить бобров, но и там им угрожает скорый конец, который легко предвидеть, если полное истребление животных не будет предотвращено жёсткими предписаниями.

Алеуты ловят бобров на залежках в сети, а также убивают стрелами, преследуя их в байдарках. В других местах, около берегов, по ним стреляют из ружей. Ловля бобров в сети должна быть запрещена, так как в сети попадают детёныши и молодые звери, не имеющие промысловой ценности. Также необходимо запретить охоту на самок, при которой забивают, в том числе, молодых самок, называемых «медвежатками» (медведками называют детёнышей обоего пола. — *Н. Т.*).

Число ежегодно добываемых на Камандорских островах котиков, выдр и песцов я привожу согласно официальным данным в нижеследующей таблице:

Год	Количество		
	морские котики	морские выдры	песцы
1872	29 318	9	1 030
1873	30 396	14	1 065
1874	31 272	54	985
1875	36 274	48	—
1876	26 960	33	1 833
1877	21 533	68	592

Год	Количество		
	морские котики	морские выдры	песцы
1878	31 340	94	—
1879	42 750	20	1 390
1880	48 504	128	503
1881	43 522	190	—
1882	48 000	200	2 500
Итого:	389 871	858	9 898
В среднем:	35 442	78	899

Эти цифры взяты из рапорта старосты острова Медного. Другие — из рапорта управляющего островами. Их цифры часто не совпадают, то же самое можно сказать и о цифрах, приведённых в разных таблицах одного и того же рапорта. Например, на с. 91 рапорта управляющего островами указано, что в 1878 г. добыто 31 340, в 1879 г. — 42 752, в 1880 г. — 48 504 котиков. Но в таблице на с. 67—68 указано, что в сезоне 1878/79 г. уплачено алеутам за 31 824 шкуры котика, в сезоне 1879/80 г. — за 41 666, в сезоне 1880/81 г. — за 48 504 шкуры. В том же докладе на с. 91 указано, что в 1878 г. добыто 94, в 1879 г. — 2, в 1880 г. — 128, в 1881 г. — 190 выдр. А в другой таблице, на с. 78, сказано: в сезоне 1878/79 г. уплачено за одну выдру, в 1879/80 г. — за 183, в 1880/81 г. — за 164 выдры.

Рыбная ловля ведётся разными способами. Рыбу для вяления ловят в море с байдар удочками, лососёвых — нерку и кизючи — загородками, которыми перегорожена речка Саранная. В 1880 г. на Медном заготовлено сушёной рыбы 2 397 и солёной — 1 905 шт. В 1882 г. на острове Беринга выловлено несколько тысяч лососёвых.

Ловля топорков (*Lunda cirrhata*) ведётся, главным образом, на острове Топорковом, названном так в честь этих птиц (по-алеутски птицы называются «ухчо»). Этих птиц ловят в гнездах, которые они строят в норах или на лету. В полёте их ловят с помощью специально приспособленной для этого сети. Ячей в ней крупная, сеть натянута на тонкий круглый обруч, укреплённый на шесте. Сетку внезапно поднимают перед летящими птицами, и если они не успевают уклониться, то запутываются в ней, или, наткнувшись на неё, падают к ногам ловца. Глупышей (*Procellaria glacialis pacifica*), ар (*Uria ara*) и бакланов (*Graculus*) ловят другой сеткой. (Бакланы, гнездившиеся в огромных количествах на скалах Командорских островов, почти полностью исчезли в результате эпидемии, разразившейся в 1877 г.)

К сети, о которой идёт речь — длина её несколько сажений, ширина около двух сажений — с одного края привязывают грузила, а с противоположного — длинный шнур, концы которого держит охотник. Вооружённый таким устройством ловец осторожно поднимается с подветренной стороны на вершины крутых прибрежных скал, где на обращенном к морю склоне в щелях, углублениях или на уступах сидит громадное количество птиц. Охотник кидает расправленную сеть вниз, птицы, испугавшись, пытаются спастись, запутываются в ней и становятся его добычей, затем он подтягивает сеть вместе с птицами вверх.

Как по способу ловли птиц, так и по используемым для этого снастям алеуты во многом схожи с камчадалами. И у тех, и у других в первую очередь изумляет превосходное знание природы, повадок животных и очень практичное и остроумное использование простейших средств для достижения задуманной цели. Уже Стеллер, описывая одежду, упряжь, сани и инструменты камчадалов, заметил, что ни один даже самый хитроумный и талантливый европеец не смог бы так досконально продумать, разработать и приспособить инструменты к своим нуждам и условиям жизни, как это делают камчадалы. То же самое можно сказать и об алеуках. Поэтому мне сдаётся, что любой чужак, попав на Камчатку или на Командоры, вместо того чтобы учить чему-либо туземцев, мог бы сам поучиться у них и в короткий срок усвоить множество способов приспособления к местным условиям.

С одной стороны впечатляют оригинальные идеи и умение использовать наиболее простые и эффективные средства для достижения намеченных целей. С другой стороны поражает простота охотничьих снастей, свидетельствующая о совершенном знании повадок зверей, обитающих на севере Азии. Местные животные сильно отличаются от наших: они менее пугливы и более доверчивы. Где теперь можно найти в Европе таких наглых и смелых ворон, воронов, сорок, лис и волков, как на Камчатке? Однако с развитием цивилизации птицы и звери, как и люди, совершенствуются в способах самозащиты почти наравне с человеком.

Скорость усвоения опыта зверями, а также время, необходимое для того, чтобы накопленный родительский опыт перешёл в наследственные качества потомства, можно приблизительно оценить, сравнивая изложенное ниже повествование Стеллера, который описывает наивную доверчивость песцов, впервые соприкоснувшихся с человеком. К осторожности их приучил лишь горький опыт: «Из наземных четвероногих животных на острове Беринга, —

пишет Стеллер, — есть только песцы, или лисы, называемые каменными или полярными. Их занесло на острова на плавающих льдинах. Питаясь тем, что выбрасывает на берег море, они чрезвычайно размножились. Во время моего несчастного пребывания на острове у меня было более чем достаточно возможностей для изучения натуры этого зверя. Наглостью, коварством и хитростью он превосходит обычного лиса. Рассказы о бесчисленных неприятностях, которые они нам причинили, можно сравнить с анекдотами Альберта Юлиуса об обезьянах острова Заренбург. И днём, и ночью они пробирались в наши жилища и тащили всё, что можно унести, даже такие вещи, которые им были совершенно не нужны, например, ножи, палки, обувь, носки, шапки и т. д.

Каким-то непонятным способом умудрялись они сбросить многопудовый груз с бочек с запасами еды и выкрасть оттуда мясо — так, что мы даже этого не замечали. Снимая шкуру со зверей, иногда случалось убить ножом двух-трёх песцов, пытавшихся вырвать мясо у нас из рук. Если что-то было зарыто, они не только находили закопанное, но, подобно людям, сдвигали камни спиной, подлезая под них и изо всех сил помогая друг другу. Если от них что-нибудь прятали, вешая на шест, они его подкапывали, и он опрокидывался. Или же один из песцов, словно обезьяна или кошка, взбирался на такой столб и с неопишуемой ловкостью и хитростью сбрасывал наземь хранившееся на нём добро.

Они наблюдали за всеми нашими действиями и были везде, куда бы мы только ни направились. Если море выкидывало на берег какого-нибудь зверя, песцы пожирали его с большим ущербом для нас. А если не могли съесть всё сразу, то утаскивали наверх и зарывали под камнями. При этом одни бегали туда-сюда, другие стояли на страже, наблюдая, не идёт ли кто. Если издали замечали идущего, то всей кучей бросались закапывать свою добычу в песок, и останки морской выдры или котика скрывались под землёй так глубоко, что от них не оставалось и следа. Ночью, когда мы спали, они стаскивали с наших голов колпаки, вытаскивали из-под подушек рукавицы, брововые шкуры, стягивали с нас одеяла. Мы ложились спать на свежезабитого бобра в надежде сберечь мясо от жадности песцов, но это не помогало, так как они выедали из-под спящего человека мясо и внутренности убитых зверей. Поэтому спали с нагайками в руках, чтобы отгонять их ударами, в случае, если они нас разбудят.

Когда садились отдохнуть в дороге, они ожидали нас, выкидывая на наших глазах разные фортели, а потом становились всё

более нахальными, и если мы сидели спокойно, то подходили настолько близко, что начинали жевать не только ремни наших новомодных ботинок, но и сами ботинки. Если мы лежали, делая вид, что спим, они обнюхивали нас около носа, чтобы проверить, живы ли мы или мертвы, и стоило задержать дыхание, покусывали нам носы, едва не отгрызая их.

Вначале нашего пребывания на острове, пока мы готовили могилы для умерших товарищей, песцы отгрызали у них носы и пальцы рук и ног, нападали на слабых и больных, от которых их с трудом удавалось отогнать. Матроса, который ночью встал перед дверью на колени, чтобы помочиться, песец схватил за обнажённую часть тела и, несмотря на крик, не сразу её выпустил. Без палки никто не мог сходить по нужде, а экскременты они сразу пожирали как свиньи или голодные псы. Каждое утро мы видели, как эти отвратительные животные кружили около лежбищ морских львов и котиков и обнюхивали их: не найдётся ли мёртвых среди спящих? Наткнувшись на труп, они сразу разрывали его на части, и в скором времени их можно было застать за перетаскиванием добычи.

Довольно часто по ночам во время сна котики задавливают своих детенышей, и песцы, будто зная об этом, каждое утро прочёсывали стада и уносили мёртвых, словно исполнители приговора.

Ни днём, ни ночью не оставляли они нас в покое. Наконец наше терпение иссякло, и мы начали без разбора убивать и молодых, и старых, преследуя их, где только можно и мучая всевозможными способами. Проснувшись утром, мы всегда находили у наших ног два или три убитых песца. Я с уверенностью могу сказать, что сам лично убил более двухсот песцов. На третий день по прибытию, за три часа я убил топором более семидесяти песцов и из их шкуру сделал крышу для нашей землянки.

Они до того жадны до еды, что можно было одной рукой протягивать им мясо, а другой настичь палкой или топором. Подложив тушу тюленя, мы стояли с палками лишь в двух шагах от него, закрыв глаза и притворившись, будто ничего не видим. Вскоре появлялись песцы и начинали его пожирать. Пока мы убивали одних, другие никак на это не реагировали и не убегали. Мы выкопали яму и стали бросать в неё мясо и их мёртвых товарищей. Не успели мы оглянуться, как песцы заполнили всю яму доверху: мы и их забили дубинками.

Несмотря на то, что нам совершенно не нужен был их прекрасный мех, хотя более трети их имели голубоватый оттенок, мы

вели себя по отношению к ним так, словно они были нашими заклятыми врагами. Каждое утро тащили мы наших, пойманных живьём, грабителей за хвосты на экзекуцию на судную площадь перед нашими казармами, где некоторым отрубали голову, другим разбивали ноги или отрезали то, что под хвостом. Одним выкалывали глаза, других живьём подвешивали парами за ноги так, что они могли закусать друг друга до смерти. Нескольких подпалили или забили насмерть плёткой.

Забавнее всего, когда их поначалу крепко держишь за хвост, и они тянут изо всей силы, а потом хвост отрубаешь. После этого они делают несколько шагов вперёд, а потом, не обнаружив своего хвоста, раз двадцать прокручиваются на одном месте. Несмотря на это нам не удавалось их отпугнуть и приучить держаться подальше от наших хижин. Если эти неугомонные животные не могли унести какую-нибудь вещь, например, одежду, которую мы с себя снимали, то гадили на неё: редко оказывался среди них такой, который бы этого не делал. Из всего этого можно было сделать вывод, что они никогда не видели людей, и что страх перед человеком у животных не врождённый, а основан на долгом опыте».

Это впечатляющее повествование Стеллера о навязчивости песцов глубоко врезалось в мою память, а во время моего посещения Командорских островов я имел возможность получить наглядный пример того, какое влияние оказал на привычки животных тесный контакт с человеком. Натуралистская школа такого влияния не признаёт и учитывает только врождённые способности и качества животных. Например, Брем в своём труде о жизни животных, цитируя то же самое место из Стеллера о том, что страх животных перед человеком не является врождённым, а приобретённым долголетним опытом, пишет, что мнение Стеллера совершенно неправильно. Если бы песцы руководствовались только опытом, то в Норвегии они вели бы себя совершенно по-другому, чем на острове Беринга. Но и там, и там они ведут себя одинаково. Потом Брем добавляет, что в тех же областях, где водятся песцы, живут и лисы, и проживающий в Лапландии приятель Рейнеке (поэма «*Reinke de Vos*», 1498. — *Н. Т.*), столь же хитёр и коварен, как и у нас.

Мои наблюдения за песцами на Камчатке и Командорских островах убедительно доказывают, что Брем не прав, а обратное утверждение Стеллера верно, и наилучшим доказательством является нынешнее поведение командорских песцов в присутствии человека. Я неоднократно специально наблюдал песцов на обоих

островах Командор и убедился, что теперь они также осторожны, как и наши лисы и гораздо более осторожны, чем лисы камчатские, особенно те, которые приходят на полуостров с севера. Сейчас песцы на островах стараются избегать встреч с человеком, и как только замечают его приближение, тут же убегают, и лишь, добравшись до безопасного места где-нибудь на вершине скал или среди прибрежных камней, лают по-собачьи.

Когда я встречал песцов на равнине, где не было высокой травы или зарослей, они убегали с такой скоростью, что их едва ли могла бы догнать и гончая. Услышав выстрел, песцы острова Медного, не чувствуя себя достаточно защищёнными, выскакивали из нор и искали убежища на малодоступных для человека скалах. Щенки песцов, извлечённые из нор, очень дичатся, не дают себя приручить и при первой возможности убегают. Только мучимые голодом, приближаются они к жилищам. Я лично видел, как щенок песца залез под дом и умер от голода, не дав себя выманить поставленной снаружи пищей. Сравнивая нынешнюю степень дикости командорских песцов с той, которую описал Стеллер, можно определить, насколько сильно повлияло на них запугивание, и как изменилось поведение животных в течение одного столетия.

Учитывая эти факты, не стоит удивляться тому, что людские племена, живущие в атмосфере преследований и несправедливости, утрачивают свой оригинальный характер, который сможет возродиться только в том случае, если справедливость и человечность сменят насилие и беззаконие.

Рассмотрев поочерёдно основные категории занятий алеутов, перейдём к показателям доходов на Командорских островах. Я беру среднегодовой доход (руб.) жителей обоих островов:

- шкуры котиков — 34 855;
- шкуры песцов — 2 244;
- шкуры выдр — 2 340;
- работы на компанию — 2 611;
- алеуты получают от компании бесплатно продуктов на сумму 925, общий доход 42 975 руб.

Поделив сумму среднего дохода на число жителей, то есть 42 975 руб. на 500, получаем средний доход на человека — 84 руб. 90 коп., или округлённо 85 руб. серебром.

Доход на островах неодинаков. Жители острова Беринга зарабатывают гораздо меньше жителей Медного:

- за шкуры котиков — 14 247;
- за шкуры песцов — 1 122;

— работа для компании — 1 517;

— бесплатные продукты на сумму 543, общий доход 17 429 руб.

Поскольку на острове Беринга проживает 309 чел., то если поделить общий доход 17 429 руб. на 309, получится 56 руб. 40 коп., округлённо 56 руб. серебром на человека.

Среднегодовой доход жителей острова Медного:

— за шкуры котиков 20 608;

— за шкуры песцов — 1 122;

— за шкуры выдры — 2 340;

— работа для компании — 1 094;

— бесплатные продукты на сумму 383, общий доход 25 546 руб.

На острове Медном проживает 191 чел. При расчёте среднегодового дохода на каждого жителя приходится округлённо 133 руб. серебром. В дополнение к показанному доходу было бы целесообразно представить сумму расходов, поскольку, только сравнив две эти величины, можно будет судить об относительном благосостоянии населения. Для определения расходов я не нашёл необходимого статистического материала, и всё, что смог собрать, свёл ниже. Могу только сказать, что доход не покрывает расходов, и многие алеуты, особенно на острове Беринга, по меньшей мере, целый квартал живут в кредит, поэтому о сбережениях и речи быть не может. Это на островах ещё никогда не обсуждалось.

Некоторые данные среднегодовых расходов жителей Командорских островов (руб.): привозное питание — 15 600; 6 100 фунтов мыла — 915; 880 фунтов стеариновых свечей — 264; 890 галлонов керосина — 890; 620 фунтов свинца — 93; 550 фунтов пороху — 550; 760 коробок капсулей — 228; 11 727 ярдов бумазеи (легкого ситца) — 2 345; 3 670 ярдов серого ситца — 917; 400 кортов дров — 4 800. Итого 26 602 руб.

Эти данные охватывают лишь три пятых всех необходимых расходов алеутов. Здесь не указаны многие данные по важнейшим продуктам, таким как соль, солонина, сливочное масло, паточка, обувь, одежда, доски для лыж и шлюпок, железо для обивки полозьев нарт, цепи для собак, шпагат для сетей и т. д. Хотя мы и не знаем всех данных, можно утверждать, что вся сумма дохода 42 975 руб. серебром возвращается каждый год в кассу компании, и даже деньги, которые жители платят священникам, остаются на месте и вымениваются на товары компании.

Сравнивая алеутов с другими родственными им народностями, занимающимися охотой и рыболовством, можно оценить зажи-

точность командорских алеутов. Сопоставляя современные условия жизни с условиями быта во времена правления Российско-Американской компании, можно оценить, изменились ли эти условия к лучшему. Несмотря на некоторые расхождения в деталях нижеприведённых данных и нехватку информации, тех данных, которые мне удалось собрать, для сравнения достаточно.

1. Я начну с жителей островов Прибылова во времена правления Российско-Американской компании. Лучшие работники зарабатывали от 200 до 250 руб. серебром; средние работники — 120—200 руб., старики и женщины — 40—100 руб. Общий доход на каждого жителя получался в среднем 50 руб. серебром, количество жителей на островах Прибылова было около 140 чел. Цены товаров на складах компании могли превышать цены тех же товаров в России только на 30—50 %.

2. Алеутские острова при Российско-Американской компании: наёмные работники получали в год 100—200 руб. и, кроме того, дневной паёк; другим работникам платили только поштучно за добытого ими зверя. В среднем они зарабатывали в год 30 руб. серебром. Общая сумма дохода каждого охотника составляла в среднем 8 руб. серебром в год. Количество жителей составляло около 1 347 лиц обоего пола. Цены на товары — такие же, как на островах Прибылова при современном управлении.

3. Острова Прибылова во времена управления американской компании: работники — мужчины и мальчики — получают в год 400 долларов каждый, на каждого жителя приходится 150 долларов. Число жителей — 270 лиц обоего пола. Цены товаров на складах компании не должны превышать оптовые цены тех же товаров в Сан-Франциско: дрова компания обязана доставлять бесплатно, компания обязана содержать вдов, сирот, инвалидов, содержать врачей, фельдшеров, священников, учителей, аптеку и больницу. Компания обязана строить дома для всех жителей.

4. Жители полуострова Камчатка: лучший охотник может заработать в год до 100 руб., общего дохода на каждого жителя приходится 9 руб. серебром. Цены на сырьевые товары очень высокие, средняя сумма процента, взимаемого за продажу товара на Камчатке, доходит до 397 %, при этом алкогольные напитки отрицательно влияют на запрашиваемую цену на меха и точность торговых расчётов. Общая численность населения 6 300 лиц обоего пола, жители Камчатки платят налоги государству, церкви и т. д., а также обязаны выполнять различные повинности, которые не распространяются на алеутов.

Чтобы показать, насколько отличается финансовая ситуация камчадалов, приведу соответствующие данные, касающиеся Командорских островов. Достаточно лишь сравнить заработок алеута и камчадала, чтобы убедиться в зажиточности первого и бедности второго. Однако сначала я хочу перечислить источники доходов жителей полуострова, чтобы потом сделать комментарии, необходимые для понимания приведённых ниже цифр.

Количество добытых на Камчатке зверей взято за 1879 г., то есть такое, которое в будущем вряд ли будет достигнуто. В моих списках, например, отмечено, что в 1879 г. добыто 3 000 соболей, в 1880 г. — 2 883, а в 1881 г. — около 2 300. То же самое можно сказать о лисах, большое количество которых пало зимой 1881 г. от бешенства, поэтому в ближайшие годы их добыча будет сильно ограничена. Одним словом, источники дохода иссякают, и надо быть готовыми к тому, что с каждым годом их будет становиться всё меньше.

Таким образом, не имеет под собой почвы предположение купцов, что якобы причина уменьшения добычи соболя кроется не в том, что этого зверя стало гораздо меньше, а в сокращении числа охотников, которые из-за недостатков запасов сушёной рыбы (юколы) для собак не могут предпринимать охотничьи походы. Согласиться с этим предположением решительно невозможно: к такому выводу привели меня мои поиски и полученная на месте информация.

Во время посещения полуострова я объехал его несколько раз и убедился, что поголовье соболя действительно значительно сократилось, и сейчас он обитает только в удалённых от населённых пунктов, малодоступных местах, куда летом не приходят ламуты, а зимой трудно добраться охотнику. Я также убедился в том, что увеличилось количество охотников, а вместе с ними и самоловов, называемых «кулемами», которые в значительной мере способствовали искоренению соболя (моё предложение запретить на некоторое время охоту на соболя кулёмами было принято. Также были оглашены права охотников касательно охоты на соболя. Помогут ли предпринятые меры спасти этого зверя от окончательного истребления, покажет время).

По вышеуказанным причинам вместо того, чтобы уповать на лучшие времена, я хотел бы рассмотреть полезные, и даже необходимые меры по улучшению положения несчастных туземцев, которым 1881—1882 гг. в дополнение к голоду и неудачам в охоте принесло повышение, а не снижение цен на товары.

Повышение цен объяснялось низким курсом русского рубля за границей. Это было бы верно только в том случае, если бы туземцы платили за товары деньгами, но так как деньги заменены мехами, цены на которые на европейских рынках не снизились, представленная здесь причина повышения цен остаётся для нас неубедительной.

Доход жителей полуострова Камчатка (руб.):

- 3 000 соболей по 15 руб. за штуку — 45 000;
- 700 выдр по 4 руб. за штуку — 2 800;
- 1 000 лис по 2 руб. за штуку — 2 000;
- 1 300 горностаев по 10 коп. за штуку — 130;
- 1 300 медведей по 3 руб. за штуку — 3 900;
- 50 волков по 3 руб. за штуку — 150;
- 22 росомахи по 6 руб. за штуку — 132;
- 1 900 лахтаков и нерп по 1 руб. за штуку — 1 900;
- 19 моржей по 3 руб. за штуку — 57;
- 500 зайцев по 10 коп. за штуку — 50;
- 100 голов крупного рогатого скота по 30 руб. за штуку — 3 000 руб., итого 59 119 руб.

Из этого списка следует исключить медведя, лахтака и нерпу, шкуры которых используются местными для изготовления ремней, подошв, постельных принадлежностей и т. д. — то есть всех необходимых предметов домашнего обихода. Тогда от общей суммы 59 119 руб. остается 53 319 руб., из которых надо вычесть 10 000, утопленных в водке, и, наконец, 3 685 руб. налогов, после чего сумма дохода составит 39 634 руб., то есть на каждого жителя — по 6 руб. 32 коп. Но чтобы знать реальный доход, следует знать реальную стоимость денег на Камчатке. Стоимость рубля может быть рассчитана из процентов, взимаемых с продажи товаров. Рассчитывая общий показатель, я обнаружил, что он составляет 397 %, иными словами, рубль обесценился здесь до 25 коп. серебром. Не следует забывать и о том, что — первое: почти все камчадалы имеют долги, из ежегодного их заработка купцы забирают определенную сумму на покрытие задолженностей.

Второе: они должны оплачивать строение церквей и часовен, содержание сторожей при домах духовенства и при церквях, подводы для почты и проезжающих должностных лиц, так называемая «каюрная гоньба», и исполнять иные обязанности, которые отнимают значительную часть рабочей силы.

В-третьих, почти всё население болеет наследственным сифилисом, вследствие чего не в состоянии выполнять тяжёлую работу.

Можно себе представить, в каком тяжёлом положении находятся камчатские туземцы. Та же участь могла бы ожидать и алеутов, если бы острова не попали в аренду к Американской компании. Помимо этого компания на протяжении двенадцати лет делала для жителей то, что она вовсе не обязана была делать. Остается ещё улучшить условия санитарии и школьного обучения. Что касается первого, то даёт о себе знать отсутствие врачей, госпиталя, больницы. Например, тяжелобольные алеуты вынуждены ждать, когда их отвезут на Камчатку в Петропавловск, где они должны сами оплачивать лечение и проживание. Другим приходится ждать петропавловского врача, который бывает на острове лишь по нескольку дней.

Отсутствие медицинской помощи и невозможность госпитализировать больных очень негативно влияет на состояние здоровья жителей и является причиной увеличения процента смертности. Аптеки, имеющиеся на обоих островах, сами по себе, без врачей и фельдшеров, не могут быть полезными для жителей, несмотря на регулярные поставки обычных лекарств и универсальных американских препаратов.

Положение школ не лучше, чем санитарное состояние. Школы существуют лишь номинально из-за отсутствия специалистов и учителей-педагогов. Несмотря на горячее стремление к знаниям, которое отличает алеутов, обучение продвигается очень медленно, и до сих пор ограничивалось лишь азбукой. Чтобы устранить эти отрицательно влияющие на развитие недостатки, не нужно обращаться за дотациями к правительству или компании, так как деньги на строительство школы и наём квалифицированных учителей найдутся на месте. Достаточно продавать за наличные деньги шкуры каланов и песцов на европейском рынке, вместо того чтобы продавать их компании за бесценок (компания монополизировала охоту на морскую выдру и песца, на что не имеет законного права).

Таким образом, за год можно выручить 28 тыс. руб. серебром. Эту сумму полезно было бы направить непосредственно на поддержку образования и улучшение санитарных условий, сейчас же эта сумма, как капля в море, растворяется без следа в миллионных доходах компании.

Далее я приведу ряд важнейших цифр, касающихся жителей Командорских островов... и сопроводив соответствующими замечаниями. Материалы... я черпал из метрических книг, записи в которых, к сожалению, велись в Петропавловске только с 1868 г. Было сказано, что более ранние книги отосланы в Сан-Франциско...

...Если сравнить данные, составленные по отдельности для островов Беринга и Медного, то мы обнаружим, что:

1. Количество жителей в возрасте до пятнадцати лет и от пятнадцати до двадцати лет намного меньше на острове Беринга, чем на Медном, а именно на первом их 38 и 9, на втором — 49 и 11 % соответственно.

2. Жителей от двадцати до пятидесяти и от пятидесяти до ста лет на острове Беринга больше, чем на Медном: на первом — 42 и 9, а на втором — 31 и 6 %.

Это сравнение приводит нас к выводу, что в общих чертах условия жизни для взрослого человека — работника на острове Беринга более благоприятны, чем на Медном. Если всё количество людей разделить на возрастные группы с разницей в десять лет, и вычислить процентное соотношение каждой группы с общим числом, то получатся следующие результаты. На Командорских островах жителей в возрасте (в %): до 10 лет — 37,7, от 10 до 20 — 19,5, от 20 до 30 — 19,5, от 30 до 40 — 12,1, от 40 до 50 — 4,9, от 50 до 60 — 6,3, от 60 до 70 — 1,1, от 70 до 80 — 0,19, от 80 до 100 — 0,57.

Если сопоставить представленные в таблице цифры соотношения количества годных к работе к количеству слабых и не годных к работе, то получим следующие цифры (не годны к работе дети до пятнадцати лет и люди старше пятидесяти, потому что в этом возрасте охотники редко могут участвовать в тяжёлых работах):

	О. Беринга	О. Медный	На обоих островах
Нетрудоспособные	47,8 %	56,6 %	51,3 %
Трудоспособные	52,2 %	43,4 %	48,7 %

...На протяжении последних тринадцати лет на Командорских островах родилось людей больше, чем умерло, а именно:

	О. Беринга	О. Медный	На обоих островах
Мужчины	40	13	53
Женщины	15	33	48
Итого:	55	46	101

На основе этих общих данных можно подсчитать, каков ежегодный прирост населения:

В среднем в год	О. Беринга	О. Медный	На обоих островах
Умирает	9 — 2,91 %	4 — 2,08 %	13 (6 муж., 7 жен.) — 2,59 %
Рождается	13 — 4,20 %	7 — 3,64 %	20 (10 муж., 10 жен.) — 3,99 %

Годовой прирост населения можно указать в округлённых данных: на острове Беринга — 4 чел., или 1,3 на 100 чел.; на острове Медном — 3 чел., или 1,8 на 100 чел.; на обоих островах — 7 чел., или 1,6 на 100 чел.

...Сколько людей каждого возраста (в %) умерло в 1868—1881 гг. На 100 смертей: на первом году жизни — 17, от двух до пяти лет — 15, от рождения до пяти лет — 32, от пяти до 10 — 6, от 10 до 15 — 5, от 15 до 20 — 5, от 20 до 25 — 9, от 25 до 30 — 10, от 30 до 35 — 5, от 35 до 40 — 4, от 40 до 45 — 4, от 45 до 50 — 4, от 50 до 55 — 2, от 55 до 60 — 2, от 60 до 65 — 3, от 65 до 70 — 3, от 70 до 75 — 2, от 75 до 80 — 2, от 80 до 90 — 1.

Можно рассчитать, что из ста новорожденных умирают в первый год жизни одиннадцать — почти такое же количество, как в Голландии.

Материал, по которому я составлял таблицу смертности, послужил мне также для расчёта средней продолжительности жизни островитян, для этого я сложил возрасты умерших и разделил полученную сумму на число этих умерших.

Средняя продолжительность жизни на Командорских островах составляет 25,5 лет. Средняя продолжительность жизни на острове Беринга — 27,5 лет: мужчин — 24,7, женщин — 29,6. Средняя продолжительность жизни на острове Медном — 20,6 лет: мужчин — 22,3, женщин — 18,1.

Средний возраст людей, живущих на Командорских островах, составляет 21,668 лет. Средний возраст жителей острова Беринга — 22,668 лет: мужчин — 22,414, женщин — 23,993. Средний возраст жителей острова Медный — 20,031 лет: мужчин — 19,516, женщин — 20,485...

...Когда начинаются дискуссии о том, на самом ли деле население Командорских островов не увеличивается или оно уменьшается, а может, остаётся прежним, то всегда повторяют как аксиому широко распространённое мнение, что алеуты повсеместно медленно вымирают. В действительности дело обстоит иначе. Мы убедились, что на Командорских островах население растёт... Цифры свидетельствуют, что, начиная с 1870 г., население неуклонно растёт, и этот процесс продолжается по сей день. До этого оно, на самом деле, сократилось (в 1868 и 1869 г.). Мы можем только пожалеть, что у нас нет списков, составленных до 1868 г., которые позволили бы получить данные о смертности в прошлые времена, поэтому мы не можем судить, повлияли ли новые условия быта на прирост алеутского населения.

Итак, за одиннадцать лет с 1870 г. количество жителей увеличилось на сто двадцать человек, то есть прирост составил по одиннадцать в год.

Факт увеличения численности алеутов утешителен, тем не менее, он не может заглушить тревогу, вызванную показателями смертности на Командорских островах. Чтобы облегчить сравнение смертности на Командорских островах с цифрами, касающимися других мест, я рассчитал, сколько смертей приходилось бы на каждую тысячу человек в 1868—1870 гг. Результат получился следующий... На протяжении последних тринадцати лет в год приходилось по тридцать смертей на тысячу человек... Мы видим, что самая высокая смертность приходится на июнь, август и сентябрь, более чем в два раза превышая смертность в январе, феврале, марте, апреле, мае и июле; в течение остальных трёх месяцев — октябре, ноябре и декабре — смертей в два раза меньше, чем в первом указанном периоде.

Ответить на вопрос, почему в самых, казалось бы, здоровых месяцах, когда жители имеют возможность питаться свежим мясом, умирает наибольшее количество людей, по крайней мере, сейчас, не имея достаточных данных, невозможно. Стоит упомянуть, что на это время года выпадает самая тяжёлая работа.

Так же, как и количество умерших, было подсчитано количество рождённых в каждом месяце в 1868—1881 гг... Число рождений распределяется равномерно за исключением октября, на долю которого приходится 13 % общей суммы рождений, то есть на 5 % больше, чем в любом другом месяце...

На острове Медном семью имеют 76 человек (39 %), на острове Беринга — 136, что составляет 44 % населения. Из-за несчастных случаев в последние тринадцать лет умерло семь человек: на острове Беринга — пять, на Медном — двое. Трое младенцев случайно задушены родителями во время сна, десятилетний ребёнок разбился, двухлетний ребёнок умер от ожогов; двадцативосьмилетний — угорел, парень восемнадцати лет умер в результате обморожения.

Принимая в расчёт приведённые цифры, получим следующий результат: 4 % смертей являются следствием несчастных случаев.

В заключение моего труда я предлагаю ряд мер, реализация которых поможет улучшить нынешнее состояние алеутского населения и, безусловно, окажет положительное влияние на увеличение продолжительности жизни и снижение смертности на Командорских островах. Эти меры следует проводить не только

в исключительных случаях, они должны затронуть все области жизни алеутов.

1. Изменения, которые нужно сделать в помещениях:

а) железные печи заменить кирпичными. В построенных из досок современных домах из-за непрерывных сильных ветров железными печами невозможно поддерживать необходимую температуру;

б) доставлять больше топлива — об этом уже шла речь выше, и использовать залегающий на островах торф;

в) построить удобные, сухие жилища для так называемых «промысловиков», то есть охотников.

2. Что касается питания:

а) следить за чисткой медной посуды и содержать в чистоте всю кухонную утварь;

б) ввести надзор за засолом мяса котиков и рыбы;

в) поставить пекарни на обоих островах;

г) снизить цены на муку, крупы и сухари;

д) ввести обязательную посадку овощей и картофеля;

е) поддержать разведение крупного рогатого скота и выращивание кормовых культур;

ж) организовать разведение оленей и лошадей на обоих островах.

3. Изменение режима работ:

а) запретить принимать участие в работах детям до пятнадцати лет, беременным женщинам и больным;

б) ввести на острове Медном систему паёв, обязательную на острове Беринга;

в) на острове Медном увеличить количество работников или уменьшить объём работы;

г) на острове Медном доставляемые на склады шкуры перевозить на лошадях.

4. Здравоохранение:

а) построить больницы и в каждую нанять по одарённому фельдшеру;

б) требовать от беременных наблюдаться у фельдшера, а от фельдшера — присутствия при родах.

5. Другие меры по гигиене:

а) с помощью фельдшера повлиять на родителей и научить правильному уходу за младенцами, запретить родителям спать вместе с грудными детьми;

б) построить большие бани с отапливаемыми тёплыми сениями, которые также могут служить прачечными;

в) учредить постоянный надзор за поддержанием порядка в речках, на подворьях и в жилищах;

г) устроить выгребные ямы и установить строгий контроль за ними;

д) удалить ездовых собак от жилищ;

е) приложить возможные усилия для уничтожения смрада от гниющих трупов морских котиков, и, что ещё более важно, убрать падала подальше от домов.

Наконец, следовало бы подумать о повышении уровня образования. Необходимо построить школу, в которой учили бы не только азбуке, но старались познакомить учеников с тем, что может пригодиться в жизни. Кроме обучения чтению и письму, обязательному для детей обоёго пола (до сих пор в школе учатся только мальчики), желательно устроить ремесленную школу и публичные чтения долгими зимними вечерами — для того, чтобы дать пищу разуму и организовать досуг, в особенности для молодёжи, которая, будучи не занятой, чаще всего ведёт распутную жизнь, плохо влияющую на моральное и физическое развитие подрастающего поколения.

Хотя, казалось бы, выдвинутые здесь требования реализовать слишком трудно, тем не менее, для Командорских островов они не являются неосуществимыми, так как компания, получающая огромные доходы, имеет неограниченные возможности.

Сейчас мы ознакомимся с доходами американской компании, арендующей Командорские острова, и российского правительства, которое их сдало в аренду в 1871 г.

Так как сумма годового дохода российского правительства и Компании в большой степени зависит от количества добытых котиков, а количество это ежегодно в значительной степени колеблется, то для расчётов мне пришлось взять среднее число забитых животных, которое уже было представлено выше. Другие данные, использованные мной для расчётов, я взял из печатных донесений и устных отчётов. В любом случае, я должен сделать оговорку, что не могу ручаться за их полную достоверность и точность, так как эти отчёты имеют своей целью представить доходы компании искажённо, греша главным образом в сторону преуменьшения.

Прежде, чем перейти к перечислению доходов от Командорских островов, я укажу доходы, которые американское правительство вытягивает из островов Прибылова, сдаваемых той же компании, но на совершенно иных условиях, нежели российскому правительству.

I. Доход американского правительства от островов Прибылова:

1. За 100 000 шкур котиков компания платит 250 000 \$. Дополнение к этой сумме, называемой «бонус», составляет 50 000 \$.

2. Иные доходы, не определённые точно в сопроводительных докладах, полностью покрывают издержки американского правительства и приносят ему чистый доход в 300 000 \$ или 600 000 руб. серебром.

3. С каждой шкуры котика американское правительство получает 6 руб. серебром, за вычетом всех расходов, которые они обязаны покрывать из собственных фондов.

Условия контракта, касающиеся аборигенов... обеспечивают быт туземцев и уменьшают суммы расходов американского правительства.

После перечисления доходов американского правительства перейдём к рассмотрению доходов правительства российского.

II. Доходы российского правительства:

1. Сумма аренды — 5 000 руб. серебром.

2. За шкуры котиков (35 442 штуки) — 63 384 руб. серебром.

Итого 68 384 руб. серебром.

По другим сведениям:

1. Согласно докладу чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири пана Сулковского, посланного в 1881 г. для изучения вопроса об аренде Командорских островов, доход русского правительства составляет: в году 1872 г. за 29 318 котиков заплачено 58 635 руб. серебром, в 1873 г. за 30 396 — 60 792 руб., в 1874 г. за 31 272 — 62 544 руб., в 1875 г. за 36 274 — 72 548 руб., в 1876 г. за 26 960 — 53 920 руб., в 1877 г. за 31 340 — 54 845 руб., в 1878 г. за 42 752 — 78 004 руб., в 1879 г. за 48 054 — 89 508 руб., в 1880 г. за 43 522 — 84 544 руб. Итого за 319 888 — 615 341 руб. серебром. В среднем за 35 543 шкур в год заплачено 68 371 руб. плюс 5 000 руб. за аренду = 73 371 руб. серебром.

2. Согласно официальному отчёту управляющего Командорскими островами, в 1872—1881 гг. добыто 298 347 котиков, то есть в среднем по 33 149 в год. Таким образом, согласно этому отчёту доход русского правительства представлен в меньшем объёме, чем у господина Сулковского, и составляет в среднем 63 798 руб. серебром в год.

III. Расходы российского правительства:

1. Жалованье управляющего островами — 3 000 руб. серебром.

2. Жалованье двух старост на островах — 1 000 руб. серебром.

3. Содержание казаков и охраны — 1 000 руб. серебром.

4. Содержание в течение лета двух кораблей в Беринговом море — 50 000 руб. серебром.

Итого 55 000 руб. серебром.

Чистый доход русского правительства составляет 13 384 руб. серебром. Доход этот сильно сократится, если будут осуществлены следующие проекты: привлечение духовенства на постоянную службу на островах; строительство домов для духовенства; строительство больниц и жилья для врачей; содержание постоянного медицинского персонала; строительство школ; наём штатных учителей; содержание роты солдат с офицерами для защиты берегов от нападения браконьерских шхун; строительство казарм для солдат и жилых домов для офицеров.

Осуществление этих проектов не только поглотит все доходы, но и потребует дополнительных вложений.

IV. Доходы компании, арендующей Командорские острова:

1. За 35 442 шкуры в среднем по 15 долларов за штуку, получают 531 630 долларов, или 1 063 260 руб. серебром. Согласно докладу управляющего Командорскими островами стоимость шкуры колеблется от 10 до 18 долларов. Цена выделанной и окрашенной шкуры доходит до 40 долларов и выше.

2. За 78 шкур каланов, в среднем 150 долларов за штуку. Всего — 11 700 долларов, или 23 400 руб. серебром.

3. За 899 шкуры песцов — в среднем по 6 долларов за штуку. Всего — 5 394 долларов или 10 788 руб. серебром.

4. Доход от продажи товаров — около 25 000 руб. серебром.

5. Доход от продажи дров — 4 000 руб. серебром.

Общая сумма составляет 1 126 448 руб. серебром.

V. Расходы компании:

1. Сумма, выплачиваемая алеутам за шкуры котиков — 32 711 руб. серебром.

2. Сумма, выплачиваемая русскому правительству за шкуры котиков: а) за 30 000 штук по 1 руб. и по 1 руб.75 коп. — всего 52 500 руб. серебром; б) за 5 442 штук по 2 руб. — всего 10 884 руб. серебром.

3. Сумма, выплачиваемая русскому правительству за аренду — 5 000 руб. серебром.

4. Содержание парохода и парусной шхуны согласно расчётам управляющего Командорскими островами — 72 000 руб. серебром.

5. Содержание агентов компании в Петропавловске и на Командорских островах — 32 000 руб. серебром.

6. Компания бесплатно выдаёт алеутам продукты на сумму 925 руб. серебром.

7. Компания платит алеутам за работу 2 340 руб. серебром.

8. Издержки на перевозку шкур до Лондона и их продажу должны составлять 40 тыс. руб. Общая сумма: 248 360 руб. серебром.

Управляющий островами считает, что издержки составляют 106 тыс. руб. серебром, при этом беря для расчётов за основу 54 тыс. шкур котиков. Цифра эта совершенно невозможна, если её сравнить с цифрами... его отчёта, где перечислено год за годом количество котиков, добытых на Командорских островах... Наибольшее количество котиков падает на 1880 г. и составляет 48 504 штук. Откуда может взяться цифра 54 тыс.? Понятно, что в докладе, где на каждом шагу наталкиваешься на кричащие противоречия, число забитых котиков завышено.

Управляющий островами... хочет указать, какие большие расходы несёт компания, и для этого увеличивает количество добытых котиков, чтобы тем самым увеличить сумму аренды, забывая при этом, что тем же самым увеличивает доход компании, о чём всячески замалчивается. Если бы в действительности в год забивали 54 тыс. котиков, то доход компании был бы не 1 063 260, а 1 620 000 руб. серебром.

Чистый доход компании 878 088 руб. серебром. Управляющий островами указывает расходы компании в целом от 540 тыс. до 648 тыс., что уменьшало бы доход компании до 982 тыс. руб. серебром.

Сравнивая условия аренды, господин Сулковский, автор доклада в вышеуказанном сборнике, подсчитал убытки, которые несёт вследствие этого контракта российское правительство.

Условия контракта, убыточные для русского правительства, совершенно непонятны жителям Восточной Сибири, вследствие чего пошли разные слухи. Одни объясняли вынужденность заключения такого контракта тем обстоятельством, что после продажи американскому правительству Алеутских островов Командоры были тоже причислены к Алеутской гряде. Компания взяла на себя обязательство убедить американское правительство в ошибочности решения этого географического вопроса, и за эту услугу получила такой выгодный для себя контракт. Другие утверждали, что контракт стоил компании 500 тыс. руб. серебром, и нашлись люди, которые за эту сумму продали и свою совесть, и интересы правительства.

Согласно Сулковскому, расходы достигают трёх миллионов рублей серебром за всё время аренды, то есть за двадцать лет, а по

моим расчётам они ещё выше, а именно 4 253 040 руб. серебром, то есть на каждый год приходится 212 652 руб. серебром. Так что если в будущем российское правительство заключит новый контракт с компанией, то должно будет принять за основу условия, которые выставляет американское правительство, и увеличить сумму дохода до вышеуказанной цифры, при этом взяв на себя те же обязательства по отношению к командорским аборигенам, которые были предложены компанией, арендующей острова Прибылова.

Уже в 1880 г. я докладывал государственному секретарю, бывшему министру просвещения Головневу, о плачевном состоянии камчадалов, которое становится ещё более отчётливым при сравнении с благосостоянием алеутов. Для улучшения условий жизни несчастных жителей полуострова достаточно было бы предпринять те же меры, которые были проведены на Командорских островах, если бы только решили заключить с компанией контракт на тех же условиях, что и американское правительство.

Я не ожидал, что могли найтись люди, готовые заключить с компанией новый договор на значительно худших условиях, чем предыдущий, над которым иронизировали сами американцы. В прошлом году, ещё до истечения срока текущего контракта, хотели заключить новый, который противоречит логике и здравому смыслу и является оскорбительным для арендодателя.

Условия этого контракта следующие:

1. Русское правительство отдаёт компании монополию на добычу котиков не только на Командорских островах и Тюленьем острове, но и на побережье всех своих северо-азиатских владений.

2. Предоставляет компании монополию на отлов морских выдр и песцов на побережье своих северных владений, якобы для того, чтобы сохранить их от полного уничтожения.

3. Контракт заключается на двадцать лет, по истечению настоящего контракта в 1891 г.

4. По истечении контракта в 1911 г., компания будет иметь преимущество перед остальными для получения аренды.

Компания обязуется:

1. Увеличить сумму аренды с 5 тыс. до 25 тыс. руб. в год.

2. Платить за каждую шкуру 2 руб. серебром.

3. Платить около 20 тыс. руб. за все шкуры каланов и песцов под видом пошлины.

4. Взять на себя содержание попа, медицинского персонала и учителей, и достроить дома для аборигенов.

5. Платить алеутам за шкуры котиков и за работу серебром, цена за шкуру должна быть повышена до 75 коп. серебром.

Таким образом, доход правительства повысится на 35 тыс. руб. серебром. Для удовлетворения «престижа государства» на островах содержали бы по па и двух учителей, а за счёт правительства — пару военных судов, роту солдат и управляющего островами, который бы назывался губернатором с соответствующим ему чином, мундиром и служебным штатом. Что больше всего удивляет в этом контракте, это очевидность того, что компания добивалась полной монополии на добычу котиков и пошла бы ради монополии на любые жертвы. Вместо того чтобы воспользоваться этим, компании сделаны уступки из опасения, что она может отказаться от аренды.

Редактор журнала «Русь» (№ 2 за 15 января 1884 г., с. 7) выступил со справедливым протестом против этого проекта, критикуя в пространной статье его инициаторов и указывая на смехотворность причин заключения нового контракта и отсутствия какого бы то ни было обоснования его необходимости и преимуществ. Затем, однако, автор статьи, предупреждая об угрозе от Сциллы, сам стал Харибдой, поскольку советует отдать дальнейшую судьбу аборигенов Командорских островов в руки тех, кто причинил больше всех страданий жителям Камчатки и способствовал их окончательному вырождению. То, что от этого не выиграет ни правительство, ни народ, ясно и убедительно доказывает весь прошлый опыт.

Наиболее опасным обстоятельством для Командорских островов является патриотизм американцев, старающихся избавиться от иностранной конкуренции. Не станет ли это причиной уничтожения лежбищ котиков и морских выдр на островах из-за полного отсутствия патриотизма противоположной стороны, покажет недалёкое будущее.

Карта Командорских островов

В заголовке карты упомянем, что она рисована по оригинальной карте капитана Зандманна (главный агент арендующей Командорские острова компании и капитан парохода «Александр»). Добавлю, директивные точки для неё были астрономически определены либо лично капитаном Зандманном, а именно все точки, относящиеся к острову Медному, либо несколькими другими капитанами, в основном для острова Беринга.

У капитана Зандманна две карты Командорских островов: одна — в меньшем масштабе — обоих островов, другая — в большем — только острова Медного. Обе карты он охотно давал копировать каждому, кто

хотел ознакомиться с географией Командорских островов. Ими пользовались также офицеры российского военного флота — они сняли несколько копий.

Первую копию снял мичман Беклемишев (офицер военного корабля «Стрелок»), он увеличил размер островов вдвое (на его карте английский дюйм равен пяти верстам) и добавил некоторые детали, которые предоставил ему управляющий островами. Эту карту напечатали в издательстве под управлением генерал-губернатор Восточной Сибири («Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью», т. 3, «Камчатка и Командорские острова», 1882 г.). Вторую копию сняли офицеры военного корабля «Вестник». Третью — офицеры военного корабля «Африка». Эти две последние копии, насколько я знаю, нигде не опубликованы.

При составлении своей карты я пользовался всеми вышеперечисленными, в основном, картами Зандмана и Беклемишева. И кроме взятых оттуда названий поместил на ней всё остальное, о чём смог узнать от жителей. На этих картах не были отмечены горы и их направление, на моей карте я указал и то, и другое по рассказам местных жителей. Указав источники, по которым я составлял карту, я даю здесь подробный список указанных на ней названий. Я делю их на следующие категории:

1. Названия, которые публикуются в печати впервые — они звёздочкой не помечены.

2. Названия, уже указанные на картах Зандмана и Беклемишева, они помечены в моём списке двумя звёздочками.

3. Названия, приведённые только Беклемишевым — помечены одной звёздочкой.

Остров Беринга

Западное побережье

Лежбищный мыс. По Беклемишеву мыс Юшина. Лежбище котиков, называемое северным. **Северное лежбище.

Бухта Кишочная (алеуты полощут в ней кишки котиков).

Тижиковская бухта.

Морошечная бухта (целое поле морошки лежит над бухтой).

Бухта Фонталка (от водопада, в котором речка Фонталка с небольшого обрыва падает в бухту).

3-я Песчаная бухта (третья бухта с таким названием, если считать от деревни Гаванской по направлению на север).

Бухта Кастак.

Мыс Кастак. Мыс Северозападный, или Норд-Вест-Кэп.

2-я Песчаная бухта.

Дербеньская бухта.

Чёрная бухта.

Мякишевская бухта.

Дубовая бухта (якобы тут на берегу находят дуб).

Карта Командорских островов капитана И. Зандманна

Крипичевская бухта.

1-я Песчаная бухта.

Хехсага бухта.

Низанг бухта.

Западная бухта.

Ладыгинская бухта (в неё впадает Ладыгинская речка, на берегу которой недалеко от моря стоят алеутские юрты, где несколько семей занимаются ловом лососёвых).

Гаванская бухта, или **Гавань, или Новая Гавань (в эту бухту впадает речка **Гаванская, или Гаванка. Над бухтой, на поднятом побережье, заложена деревня). Гаванская, единственная на острове, тут находятся склады компаний, дом её арендаторов и управляющего островами. В бухте Гаванской есть два островка: **островок Топоркова — от названия птиц топорков *Lunda cirrhata*, которые здесь гнездятся в большом количестве.

Островок **Арий Камень — от названия птицы ара, *Lomvia arra*, которая гнездится на этом скалистом островке.

Есть ещё и скала Орловый Камень, на плоских уступах которой якобы гнездились орлы. В бухте есть риф, под названием **Риф, обозначен крестиком.

Бухта Каменская (в неё впадает речка Каменская).

Песчаная бухта, или Песчаная южная бухта.

Федюшкин мыс (рядом с ним находятся огороды жителей деревни Гаванской, и поэтому речку, текущую рядом, называют Огородная).

Китовая бухта (десять лет назад здесь выбросило труп кита *Physeter macrocephalus*).

Кислая бухта (Кислая, значит гнилая, бухта названа так из-за запаха гниющей органической материи, выбрасываемой волнами).

**Тонкий Западный мыс (чтобы отличить от Тонкого восточного).

Ореховая бухта (называется так из-за мелких камешков, покрывающих берег, которые похожи на орехи).

Таволжанкина бухта (от названия таволга *Spirea*)

Подутёсная бухта.

Сквородкин мыс.

Полуденная бухта (в неё впадают две речки — Перегонная, через которую гонят котиков на бойню, и Лежбищная, которая падает водопадом, каскадом с Полуденного лежбища).

Старая Одиначкина бухта (одиначкина — значит «обособленная»).

Казарменная бухта (тут были казармы для работников).

Дикая бухта (дикий — значит «безумный, бешеный, яростный». Бухта названа так из-за слишком сложного доступа к берегу из-за отвесных скал. Тут первый «Непропуск». Это значит, что дороги по берегу нет).

Песчаный мыс.

Песчаная бухта.

Голодная бухта (когда-то голодала целая бригада алеутов, ожидая окончания бури).

Лисонкова, или Лисовская бухта.

Серебрянникова бухта.

**Бобровая бухта (тут было лежище бобров или морских выдр).

Шипицкая бухта (лежит пониже Бобровой, не обозначена на карте).

Надбрежная скала Унгех Камень.

Мыс Кап Манати (по-алеутски называется «Танам-анг-та», что значит «Край земли»).

Восточное побережье (с севера на юг)

Маленькая Ракушечная бухта.

Большая Ракушечная бухта.

Яковская бухта.

Емельяновская бухта.

Большая бухта.

Угловая, или Угловская бухта (по-алеутски Утки-уда).

Песчаная бухта.

Каменушкина бухта (от утки, называемой каменушка *Harelda histrionica*).

Каюрская бухта (от птицы, называемой каюрка *Uria columba*, гнездящейся на прибрежных скалах).

**Саранная бухта (от лилии сарана *Frittilaria sarana*, обильно растущей тут). В бухту впадает речка Саранная, которая вытекает из самого большого озера Саранного. У устья этой речки построены алеутские юрты, где женщины из деревни Гаванской проводят лето, заготавливая на зиму лососёвых, которых ловят с помощью ограждения «запор». Здесь всё лето держат упряжных собак.

Петрушкина бухта.

Урильева (названа из-за бакланов, по-русски «урилы», от камчадальского «уриле», по-алеутски — «киллитаках»).

Большая 2-я бухта.

Старая Одиночкина бухта.

**Тонкий восточный мыс, или мыс Ваксея.

Линийайата бухта, по-алеутски Чмулилах. Тут тюлени находятся во время линьки.

Большая 3-я бухта.

Булунковая бухта.

Мясниковская бухта.

Одиночечная бухта.

Непропускной мыс.

Дровяная бухта.

Дровяная Большая бухта (здесь море выбрасывает много древесины, в основном из лесов Камчатки).

Байдарная пристань.

Тундренный мыс.

Тундренная бухта.

Старая гавань (в эту бухту впадает речка Старогаванская. Раньше здесь была деревня, а сейчас только летные жилища алеутов и овощные огороды, принадлежащие нескольким алеутским семьям).

Прямой мыс.

Гольцовкина бухта (от рыбы голец *Salmo malma*).

Шайбина бухта (шайба — значит «сруб»).

Большая 4-я бухта.

Лиственничная бухта (от лиственниц, найденных там среди деревьев, выброшенных на берег).

Бояновская бухта.

Мякишевская бухта.

Бояновский мыс (на карте Беклемишева ошибочно обозначен как мыс Буян), одноименный риф и малая бухточка.

Шайбина бухта (в неё впадает речка Шайбина).

Лиственничная 2-я бухта.

Сластная бухта, или Слашная.

*Сластный мыс.

Шапина половинная бухта.

Уссовская бухта.

Половинный мыс.

Большая 5-я бухта.

Командорская бухта (с речкой Командоркой, в устье которой стоит крест над могилой Беринга и его товарищей).

**Командорский мыс.

Нерпичная бухта.

**Толстой мыс.

Одиначкина бухта.

*Перегрёбная (здесь переплывают через пролив на остров Медный).

Маятниковская бухта.

Озерная бухта.

Песцовая, или Песцовая Казарменная бухта.

Говорушкина (от местного названия чаек — говорушки — *Rissa tridactyla* и *R. brachy-rhyncha*).

Ликандрина бухта.

Староречная бухта.

Баня бухточка.

Скалы: **Лежбище сивучей.

Озера: **Саранное (самое большое).

Гаванское.

Черныха.

Марфы, или Марфиное.

**Перешеечное.

Наряду с этим надо упомянуть о следующих населенных пунктах, отмеченных на карте Беклемишева:

1. Рядом с бухтами Бояновской и Мякишевской когда-то были найдены золотоносные пески.

2. У мыса Толстой якобы находятся залежи угля.

Вдоль острова означены дороги, по которым зимой ездят алеуты. В северной части острова, между деревней Гаванской и юртами, построенными на северном лежбище у устья реки Саранной, и далее — на побережье залива Старая Гавань и, наконец, над речкой Ладыгинской алеуты ездят на собаках даже летом.

Беневский в своей работе «История путешествия... графа Беневского» рассказывает, что был со своим экипажем на острове Беринга и что залив, в котором стоял его корабль, назван в его честь заливом Святого Маврикия(?). Залив, о котором говорит Беневский, вероятно, тот, который теперь называется Гаванским.

Остров Медный

Западное побережье

Северозападный мыс (перед ним находится несколько скал, одна называется Бобровый Камень, несколько других вместе — Кораблём, потому что со стороны Берингова моря в тумане они напоминают мачты парусника).

Побережье называется Лежбищем морских выдр.

Отдельная скала — Сивучий камень.

**Корабельная бухта (от Корабельной до мыса Палаты побережье занято лежбищем котиков).

**Мыс Палаты (названы в честь отдельно стоящих скал, которые в тумане имеют некоторое сходство с шатрами).

**Секачинская бухта (от слова «секач», обозначающего старого самца котика); лежбище морских выдр.

** Юговосточный мыс.

Восточное побережье

**Промежуточный мыс.

**Матвеевский мыс (летом здесь осуществляется вооружённая охрана залежки каланов, место носит название «Бобровый караул»).

**Песчаный мыс.

**Песчаная бухта, или Песчаная 1-я.

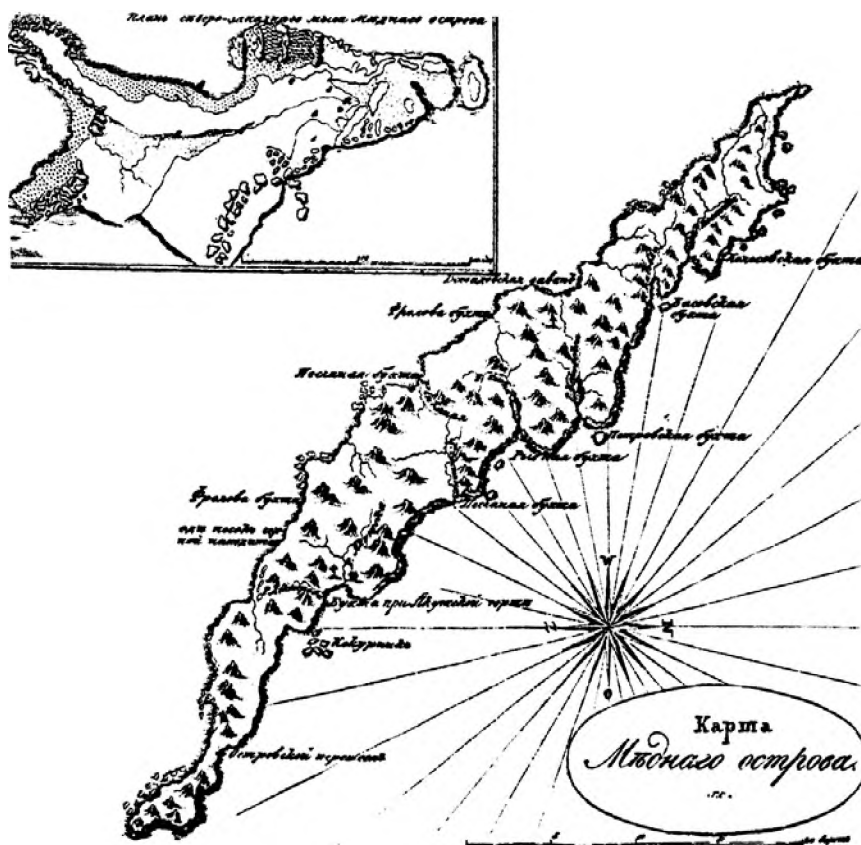
Цифрой 2 на карте обозначена гора Кребса, которая лежит напротив горы Преображенской, обозначенной цифрой 1. Обе горы образуют вход в узкую долину, где лежит деревня Гаванская. Перед деревней лежит небольшая бухта Гаванская.

**Жировой мыс.

**Жировая бухта.

**Гладковский мыс.

**Корабельная бухта (тут стоят летние юрты и склады компании, где солят шкуры котиков).

Карта о. Медный. [Спасский Г. И. Описание острова Медного/
Сибирский вестник. № 18. — 1822]

**Корабельный мыс.

**Чёрный мыс.

Песчаная бухта.

Бухта Глинка (тут летние юрты и склады компании).

Мыс Глинка.

Сужение острова за мысом Глинка называется «Перешеек».

Речки острова Медного очень маленькие, в них заходит только мелкие виды лососёвых рыб.

Небольшое озеро, лежащее в бухте Жировая, видимо, имеет очень интересную фауну ракообразных, которых, однако, я не смог наблюдать.

На северо-западном побережье острова Медного скрываются богатые медные жилы.

Угля на Медном нет, находят только куски обугленного дерева.

Н. А. ТАТАРЕНКОВА

ТОПОНИМЫ КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВОВ

*Посвящается светлой памяти
Галины Николаевны Чуян*

Первые русские промышленники, занимавшиеся освоением Алеутских островов во второй половине XVIII в., пользовались картой Камчатского (Берингова) моря, составленной знаменитым российским гидрографом адмиралом Алексеем Ивановичем Нагаевым. Карта базировалась на материалах Второй Камчатской экспедиции и содержала более поздние правки и дополнения, внесённые на основании рапортов сибирского казака Емельяна Басова. В конце 1730-х гг. Емельян Софронович Басов (ок. 1700—1765) выступал одним из первых инициаторов промысловых походов «на Курильские и прочие неизвестные острова», однако, волею случая, его имя прочно связано с Командорами.

Ввиду финансовых затруднений, свой первый поход на шитике (небольшом плоскодонном судне) «Святой Пётр» он совершил в 1743 г. — в составе собранного им же отряда «вольногожелающих» из Нижнекамчатска. Второй поход был предпринят летом 1745 г., официально завершив открытие Командорского архипелага описанием береговых линий острова Беринга и высадкой с возведением креста на острове Медном. Во время следующего похода с одноименного острова была вывезена самородная медь. По утверждению В. Н. Берха, вслед за подачей в Правительствующий сенат рапорта о походе 1747—1748 гг., в Адмиралтейств-коллегию последовал указ о необходимости учёта полученных сведений при составлении сводной карты. Коллегия возложила исполнение работ на А. И. Нагаева, и тот «составил из всех прежних сведений выписку, приложив к оной карту, коею и руководствовались промышленники». По всей видимости, со временем оригинальная карта была утрачена. Не исключено, что дошедшие до наших дней копии представляют собой не что иное, как фрагменты труда Нагаева.

В Российском Государственном архиве Военно-Морского Флота (г. Санкт-Петербург) сохранились две близкие копийные карты рассматриваемого периода: «Карта меркаторская от Охотска до лопатки и до Чукоцкого носу, положением прежним описанием 1725 года на боту Гавриле под командою бывшего господина капитана командора Беринга, и приобщения острова, и часть земли против того носу по журналу бывшего подштурмана Ивана

Федорова 1732 году на том же боту, а между рекой Камчаткой и Лопаткой к востоку до длины 35°00' приобщённое с карты сочинённой на пакетботе Св. Петре под командой помянутого господина капитана командора, видимы места 1741 году подленной за рукой капитана Шпанберха». Одна из них переснята в январе 1754 г. Фёдором Трапезниковым (родственником или однофамильцем известного организатора промысловых экспедиций на Алеутские острова Никифора Трапезникова). На картах указан остров Беринга (Берингов), южнее нанесена нечёткая фрагментарная береговая линия острова Медного (сам остров не обозначен) и ещё четыре маленьких островка, в одном из которых узнаётся Арий Камень. Также обозначены острова Алеутской дуги: Св. Аврама, Св. Стефана и Св. Маркиена (названия не укоренились).

Довольно точные контуры главного острова и искажённая, но узнаваемая северная часть Медного склоняют к мысли, что при составлении оригинала учитывались описания, сделанные Емельяном Басовым. Примечательно, что более поздняя карта, составленная по рассказам русских промышленников в 1755—1764 гг., хотя и содержит оба острова, Командорский и Медный (в середине XVIII в. остров Беринга зачастую называли Командорским, а весь архипелаг — Беринговым), имеет куда более существенные неточности. Береговые линии нанесены произвольно, а ориентация Медного по сторонам света не выдерживает никакой критики.

Это тем более странно, что достаточно точная и подробная карта Медного была составлена проводившим на острове геологические изыскания обергиттенфервальтером (маркшейдером) Петром Яковлевым. Первая самородная медь была собрана Емельяном Басовым в количестве пятидесяти фунтов в конце лета 1747 г. Ещё девятнадцать фунтов привёз из следующего похода мореход Дмитрий Наквасин. В связи открытием нового месторождения и по причине использования казённого имущества из бухты Командор, в августе 1751 г. Басов был отправлен из Большерецка в Охотск. Помимо прочего он получил там инструкцию и прилагающиеся копии с указов Берг-коллегии, в соответствии с которыми «поручалось ему описать и положить на карту островов, где находится самородная медь и исследовать месторождение ея». В помощь «при освидетельствовании меди» было разрешено взять трёх казаков, из них одного кузнеца. В 1752 г. поступило подтверждение поручения, но малограмотный Басов был не в состоянии справиться с поставленной задачей, и осенью 1753 г. на Камчатку прибыл посланный от горного ведомства маркшейдер Яковлев.

Яковлев отправился на судне «Капитон» с мореходом Наква-
синым летом следующего года, Басов из-за разыгравшегося конфлик-
та в поход взят не был. По возвращении в 1755 г. маркшейдер
предоставил рапорт, а в 1758 г., находясь в г. Якутске, составил
карту острова Медного, которая в скором времени была передана
с оказией в Санкт-Петербург. Достаточно подробный отчёт о походе
приводится в публикации П. П. Пекарского (1867 г.). Карта
дошла до наших дней в опубликованном варианте — она идёт
как приложение к статье Г. И. Спасского (1822 г.) «Описание
острова Медного». Сама статья основана на отчётах Яковлева
и штурманского ученика Потапа Зайкова (поход бота «Св. Влади-
мир» компании Ореховых 1773—1774 гг.). Гипотетически Яковлев
был в состоянии составить карту острова Беринга, так как провёл
на нём основную часть времени, но, очевидно, придерживаясь
инструкции, ограничился одним островом, содержащим запасы
медной руды.

Согласно рукописи А. Полонского, карту-схему обоих остро-
вов составлял штурманский ученик Василий Софьин после вы-
нужденного пребывания на Командорах в 1766—1768 гг.: 24 июня
(здесь и далее дореволюционные даты приводятся по Юлианско-
му календарю, то есть как в первоисточнике) 1766 г. шитик
«Св. Авраам» «коснулся земли» и в результате полученных повреж-
дений был полностью разобран и перестроен. В течение двух лет
часть команды была задействована в промысловых и судоремонт-
ных работах на острове Медном, в то время как группа из четыр-
надцати человек была отправлена на остров Беринга. К сожалени-
ю, обнаружить карту так и не удалось, вероятно, со временем
она была утрачена. Таким образом, при проведении анализа само-
го раннего этапа освоения островов приходится основываться на
карте Петра Яковлева и словесных описаниях, приведённых в руко-
писях Александра Полонского (на 1868 г. — 28 лет, участник
Польского восстания 1863—1864 гг., сослан в Западную Сибирь,
с 1864 г. находился в Мариинском округе, семьи не имел). Третьим
важным источником являются записи членов команды Второй
Камчатской экспедиции.

Карт с изображением Командорских островов первой половины
XIX в. также сохранилось немного. В настоящей публикации анали-
зируются четыре основные: 1) карты «островов Командорских, Атту,
Ситхинак, Унимак и других близ лежащих с показанием пути кораб-
лей Биллингса в 1791 и Головнина в 1818» сочинения Ф. П. Литке
(предположительно, составленных непосредственно после кругосвет-

ной экспедиции на шлюпе «Камчатка» 1817—1819 гг.); 2) «Плоская карта части острова Беринга 1827» сочинения лейтенанта Завадлишина; 3) «План гавани и бухты при острове Медном», сочинённая во время плавания на боте «Сивуч» мореходом Андреем Ингстромом (1830—1832); 4) «Меркаторская карта Восточного океана и Берингова моря. С Алеутскими и Командорскими островами», составленная из разных журналов и карт и отпечатанная в Гидрографическом департаменте Морского министерства в 1848 г.

В середине и второй половине XIX в. появляются более качественные, постоянно уточняющиеся, детализированные карты островов с указанием высот и промерами глубин. Значительный вклад в развитие картографии внёс бывший главный правитель Русской Америки (1845—1850) капитан 1-го ранга Михаил Дмитриевич Тебеньков, организовавший в годы своего правления несколько исследовательских экспедиций. В 1852 г. на базе многолетних гидрографических исследований им был составлен знаменитый «Атлас северо-западных берегов Америки от Берингова пролива до мыса Корриентес и островов Алеутских. С присовокуплением некоторых мест северо-восточного берега Азии».

Многие исследователи и государственные чиновники конца XIX в. пользовались картами Зандманна. Являясь агентом торгового дома «Гутчинсон, Кооль, Филиппеус и К^о» и капитаном ходившего под российским флагом компании парохода «Александр II», гражданин Соединённых Штатов Иван Зандманн (Sandmann) сам лично проводил астрономическую съёмку координат острова Медного, в то время как большая часть директивных точек для острова Беринга была определена ранее служащими Российско-Американской компании (РАК). Анализ очертаний береговой линии острова Беринга даёт основание утверждать, что в основу карты Зандманна легли промеры из «Атласа...» Тебенькова, хотя контуры не идентичны. Иван Зандманн составил всего две карты Командор: одну — меньшего масштаба, включающую оба острова, и другую — большего, только для острова Медного. Обе карты он охотно давал копировать.

Первую копию снял мичман клипера «Стрелок» Н. Н. Беклемишев, увеличив её таким образом, что английский дюйм стал равен пяти верстам, и добавив некоторые подробности, которые сообщил ему управляющий Командорскими островами Н. А. Гребницкий. Карта была опубликована в «Сборнике главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью» в 1882 г. Вторую копию сняли офицеры клипера «Вестник», третью — крейсера «Африка». На базе карты Зандманна составлял свои отчёты

доктор Бенедикт Дыбовский — ещё одна дополненная версия приведена в его монографии «Командорский острова» в 1885 г. Дыбовский стал первым исследователем, посвятившим топонимике отдельный раздел своего доклада. Существенные уточнения береговой линии сделал Леонард Стейнегер, он также нанёс на карту ряд топонимов. Первая публикация Стейнегера вышла в 1885 г., одновременно с докладом Дыбовского. Трудясь автономно, они являлись скорее оппонентами, нежели соратниками. Тем ценнее высокий уровень соответствий на составленных независимо друг от друга картах.

Некоторые интересные дополнения внёс в карту Стейнегера изучавший в 1903 г. геологические формации островов Юзеф Морозевич. К сожалению, в настоящий момент в нашем распоряжении имеется лишь одна читаемая карта — острова Беринга, а также несколько страниц из монографии «Komandory. Studjum geograficzno-przyrodnicze», выпущенной в 1925 г. В архиве ВМФ хранится несколько карт конца XIX — начала XX в. Наибольший интерес представляют «Карта Командорских островов» 1895 г. (берег и рифы взяты с карты издания 1883 г., а глубины — по промеру, произведённому крейсером «Забияка» и транспортом «Якут» в 1893 г.) и «Командорские острова» 1914 г. (составлена в 1898 г. по морской съёмке крейсера «Забияка» в 1894 г.). Последняя малоотличима от современных. Довольно точные карты использовали Е. К. Суворов и В. К. Арсеньев, они практически идентичны. В настоящее время на Командорских островах пользуются главным образом километровыми картами Генштаба, составленными на базе съёмки 1951 г. и обновлёнными в 1986 г. (система координат 1942 г., издание 1988 г.).

Анализ бытовавших в различное время топонимов и мотиваций нанесения их на карту позволяют отследить как некоторые исторические приоритеты, так и особенности природопользования на островах. Настоящая публикация не ставит своей задачей охватить все существовавшие и существующие на сегодняшний момент названия. Речь пойдёт, скорее, о выявлении основных тенденций и попытке воссоздать общую историческую картину.

Ранние топонимы второй половины XVIII в.

Остров Беринга. Настоящий подраздел основан, главным образом, на материалах дневников Георга Вильгельма Стеллера. Ввиду того, что детальное изучение темы проводилось многими специа-

листами в прошлом и даже позапрошлом веках и увенчалось изданием русскоязычной версии «Георг Вильгельм Стеллер. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки 1741—1742», эта часть в большинстве случаев повторяет уже опубликованные трактовки, приведённые Андреем Кирилловичем Станюковичем. Однако без анализа самых ранних топонимов статья выглядела бы неполной.

Члены команды разбившегося пакетбота «Святой Пётр» были вынуждены зимовать в бухте, получившей впоследствии название бухты Беринга, а позже — бухты Командор. Здесь нашли последнее пристанище четырнадцать членов экипажа, в числе которых был капитан-командор Витус Йонассен Беринг. В связи с этим в середине XVIII в. острова архипелага зачастую называли Беринговыми, в то время как сам остров Беринга записывали Командорским. Впоследствии названия поменялись местами и приобрели современное звучание.

Для точного определения местности Георг Стеллер использовал собственные обозначения, из которых на острове закрепились только два — Усы и Манати (Монати). Все прочие так и остались на бумаге и до сих пор заставляют гадать о месте своего расположения.

«13 ноября мы продолжали строительство... Таскали домой за четыре версты от Лесной речки большие брёвна», — пишет учёный. Простые математические расчёты указывают на то, что речка находилась приблизительно в 4,3 км от бухты Командор. Большинство исследователей, начиная со Стейнегера, сходятся во мнении, что речь идёт о расположенной в северо-западном направлении реке Половина, однако Половина лежит приблизительно в пяти с половиной верстах. Немногим ближе четырёх верст расположена речка Кислая Капуста, получившая название благодаря тому, что в бухту часто прибывает морскую капусту, в дальнейшем «киснущую» (перегнивающую) на берегу, здесь также скапливается выбросной плавник. Речка находится в юго-восточном направлении, идти до неё ближе, но не быстрее, виною тому — сыпучий грунт. Ещё одна «подходящая» речка — это расположенная близ Половины Уюм, расстояние до неё составляет 4,3 версты. Очевидно, Половина и Уюм подходят гораздо больше, чем Кислая, тем более что собирать большие бревна могли не в непосредственной близости от устья, а более обширной зоне заплеска, между речками.

«Дубинками мы забили четырёх выдр, половину спрятали в речке, получившей название Бобровой речки; поле, где мы их убили, стало Бобровым полем» (речь идёт о каланах, или морских бобрах, они же — морские выдры). Станюкович считает, что это может

быть река Передовая, находящаяся в юго-восточном направлении от лагеря, правда, не в семи, как указано в сноске, а в девяти километрах. Мыс Толстый было бы вполне логично назвать Бобровым полем, но смущает расстояние: как следует из приведённой ниже цитаты, Бобровое поле расположено не далее, чем в четырёх верстах, следовательно, речка ещё ближе. Кроме того, Бобровая, похоже, является своего рода антиподом Козловой: Стеллер указывает, что первые два месяца ходили на небольшие расстояния в разные стороны от лагеря. Вероятнее всего, это и есть река Кислая Капуста.

«В ноябре и декабре мы убивали морских выдр на Бобровом поле и у Козловой речки, в трёх-четырёх верстах от наших жилищ; в январе — у Китовой речки, в шести-восьми верстах; в феврале — у Усов и Большой Лайды, в двадцати-тридцати верстах. В марте, апреле и последующие месяцы морские выдры полностью исчезли к северу от наших жилищ, мы переходили на южную сторону земли и приносили выдр за двенадцать, двадцать, тридцать и даже сорок вёрст». Станюкович считает, что Козловой могла быть речка Уюм, расположенная несколько южнее и ближе, чем река Половина. Это вполне вероятно. На Козловое поле в пяти верстах к западу от жилищ был выброшен свежий кит, мясом которого питалась команда. Следовательно, на этом участке следует искать речку Китовую, ею может быть любой ручей близ реки Половины. Странное название «Козловое» Станюкович ассоциирует с козлами для распилки леса, которые могли стоять близ речки, однако козлы едва ли стояли бы по всему «полю», не исключено, что топоним был связан с дурным запахом. К примеру, Ваксель сравнивал запах мяса котиков с запахом старого козла. Относительно происхождения данного топонима остается только гадать, давая волю своему воображению.

Топоним Большая Лайда — единственный, не вызывающий сомнений. Устаревшее архангельско-сибирское понятие «лайда» до сих пор широко распространено на Командорах и обозначает относительно ровную проходимую часть морского берега, как правило, песчаного или каменистого. Большая Лайда протянулась от мыса Толстого до бухты Старогаванской и севернее, но у Стеллера она пространственно ограничена Буяном или Шайбой.

Усы — один из двух топонимов, дошедших до наших дней. Одноименная бухта расположена приблизительно в восьми с половиной верстах от лагеря Беринга. Едва ли столь странное название могло возникнуть вторично. Хотя не исключено, что топоним несколько сместился — южнее или севернее. Стеллер видел

в Усах некую пространственную границу: то, что находилось за ними, считалось удалённым. Станюкович не комментирует происхождение топонима, но можно включить фантазию и предположить, что в бухте были найдены китовые пластины — такие «усы» были по тем временам довольно востребованным материалом. Либо это как-то связано с усами такелажными — изогнутыми наделками в виде рогов, крепящимися к пятке гафеля и охватывающими с двух сторон мачту. Также усами называли концы веревки, на которую посажена сеть. Какого рода «усы» были в бухте и почему топоним сохранился до наших дней, остаётся загадкой.

В рассматриваемой версии «Дневника» Стеллера мыс Манати не описывается, между тем, это название было дано именно командой Беринга: «...а от южнаго мыса, который от нас назван кап Манат, то есть морских коров», — писал в своём журнале Софрон Хитрово. Мыс обозначен как Камень Манати на «Генеральной карте» 1746 г.

Ещё один несохранившийся топоним — это бухта Стеллера: «5 апреля... отправились на промысел на юг... Набрёл на очень широкую, просторную пещеру в скале... не страдая от дыма, который уходил вверх в узкую расселину над нами... Впоследствии пещера и бухта были названы моим именем, потому что были открыты моей артелью». Загадка уже много лет будоражит умы островитян. Очевидно, указанная пещера была разрушена землетрясением — облик береговой линии меняется постоянно и довольно ощутимо благодаря подвижкам Командорской микроплиты. Вне сомнения, бухта находится близ современной Лисинской. Возможно, речь идёт о бухте Бобровой — Л. М. Пасенюк описывал небольшую сквозную пещеру близ Бобровых камней на южной оконечности бухты. Исторический парадокс заключается в том, что впоследствии именем Стеллера была названа самая высокая гора острова, природная арка, и даже речку Гаванскую, самую полноводную на острове, записывали как Стеллеровскую. Но бухта, непосредственно связанная с именем натуралиста, так и не была выявлена. Последним специалистом, ведшим поиски в данном направлении, была Г. Н. Чуян.

Во второй половине XVIII в. возникли ещё два топонима, представляющих несомненный исторический интерес — бухта Басова и бухта Низовцова (Низовцева). Оба указывают на места стоянок промысловых партий и оба в скором времени были утрачены. Сложность определения местоположения объектов в данном случае заключается в том, что бухты переименовывались в зависимости

от социального статуса и благополучия их эксплуататоров. В отчёте Емельяна Басова о походе 1745—1746 гг. мы находим следующие строки: «...в трети его [Беринга] от западного края обыскали постоянную гавань; там судно ввели в речку, а на берегу построили юрту». По указанному расстоянию до Северо-Западного мыса и другим приведённым в отчёте описаниям в гавани легко узнаётся современный Никольский рейд. Эту версию подтвердили изыскания Г. Н. Чуян, изучавшей «План Гавани басовской западной стороны командорского острова». На рисунке-схеме, скопированной с подлинника штурманом Михайло Кулаковым (год не указан), хорошо узнаваемы современный Входной риф, устье реки Гаванской, острова Топорков и Арий Камень, а также кекур Орлов Камень. Подобных береговых очертаний на острове больше нигде не найти.

В то же время во второй рукописи А. Полоносского приводятся следующие строки: «На юго-западе два места удобныя только для плоскодонных судов, какия были промысловыя, одно, Низовцова гавань, в двенадцати милях от северо-западного конца острова и другое, недалеко от юго-восточного мыса, Басовская гавань; в обеих гаванях промысловыя суда вводились для отстоя на зиму в речки. Низовцова гавань (с 1751 г.) удобнее Басовской по безопасности отстоя судов в озере, из которого выходит самая большая на острове речка, протекающая до полутора версты, и устье которой заметно с моря по Топоркову островку, находящемуся на юге от него в двух с половиной милях». Из описания следует, что с 1751 г. гавань Басовская (современный Никольский рейд) была переименована в гавань Низовцова. Этот факт легко объясним. Положение Басова пошатнулось после похода 1745—1746 гг. С этого момента в компании начались раздоры: Басов жаловался на команду, промышленники обвиняли Басова в произвольном распоряжении добычей.

По возвращении на Камчатку недовольные отказались от участия в компании и продали свои паи. Скандал был настолько громким, что бывшие компаньоны пригрозили Басову «в отмщенье за прежния обиды, притеснения и обманы, изгнанием его с островов, где только его застанут». Не увенчались успехом и усилия Басова в описании обнаруженного в 1747 г. месторождения меди. Положение с каждым годом ухудшалось. Пытаясь исправить сложившуюся ситуацию, Басов не пошёл в поход 1749—1750 гг. и передал полномочия своему доверенному, мореходу Дмитрию Наквасину. К лету 1750 г. шитик «Св. Пётр» полностью перешёл во владение Н. М. Трапезникова, и мнение Басова перестало играть

ведущую роль. Последние надежды рухнули с крушением суденышка возле берегов острова Атту. К 1755 г. Басов дошёл до такой крайней степени нищеты, что незадолго до Рождества Христова собрал имевшиеся медные и оловянные обломки и отлил четыре фальшивых рубля и восемь полтинников. Обман в скором времени был раскрыт, и жизнь сибирского казака закончилась в кандалах на Нерчинских заводах.

Однако причиной переименования самой удобной на острове Беринга бухты послужила отнюдь не судимость первопроходца. В 1749—1750 гг. одновременно с шитиком «Св. Пётр» компании Басова на Командорах зимовал «Св. Борис и Глеб» купца Никифора Трапезникова. Возглавляемый Наквасиным «Св. Пётр» промышлял на Медном, а «Св. Борис и Глеб» какое-то время отстайвался на Беринга. Принимал ли казак Григорий Низовцев личное участие в данном походе неизвестно — в отчётах он указан как один из компаньонов. По возвращении на Камчатку Низовцев перешёл в компанию Югова и занял должность морехода отстроенного в 1750 г. бота «Св. Иоанн».

Компания иркутского купца Емельяна Югова была на особом счету: в отличие от всех остальных с 28 января 1748 г. она имела официальное разрешение Сената на ведение промыслов на обоих Командорских островах. Дело в том, что с подачи Басова 5 августа 1747 г. вышел запрет Большерецкой канцелярии производить промыслы на острове Беринга, а с 11 августа 1751 г. запрет распространился и на остров Медный. Но так как во время похода 1751—1754 гг. Югов умер, старшим остался Низовцев. Легко догадаться, что в качестве базы мореход избрал самую удобную бухту острова. Именно поэтому с 1751 г. бухта стала носить его имя.

Куда же «переместилась» Басовская гавань? Мы знаем, что бухту следует искать недалеко от мыса Манати на юго-западной стороне острова, и что в неё впадает речка, в которую можно завести плоскодонное судно. Ещё одно описание двух удобных бухт дано у С. П. Крашенинникова: «...есть два места, которыми в плоскодонных судах, каковы щерботы, нетокмо к берегу, но и в озера истоками их заходить можно. Первое место верстах в пятидесяти, а другое во ста пятнадцати от южно-восточной изголови острова».

«Другое» место — современный Никольский рейд, ниже в тексте приводится более точное его описание. А вот «первым» может быть только Перешеек — хотя расстояния указаны неточно, можно рассчитать пропорциональные соотношения, и мы выходим на эти координаты. Другое указание на Перешеек дано в журнале

Софрона Хитрово: «Судну такому, которое ходит глубиною фут пять или шесть... Только в одном месте против жилья нашего на другой стороне найдено одно озеро, из котораго в море есть устье, и по глубине того устья и озера, как мы видели, можно б такому судну в полную воду войти в него и стоять чрез зиму спокойно, только весьма того опасно, понеже всякой год устье того озера замыкает песком и делает весною в том же или в другом месте устья».

Таким образом, два свидетельства указывают на бухту Перешеек. Однако сильно смущают три момента: во-первых, на старых картах побережье близ указанного озера прописано слишком неточно, во-вторых, короткую протоку, соединяющую озеро с океаном с трудом можно назвать речкой, в-третьих, привлекательная для промысловиков бобровая залежка находилась значительно южнее. В то же время почти на всех картах указано озеро Лисинское, в которое также можно было ввести судно, где есть речка, к тому же мощные залежки ценного пушного зверя располагались совсем недалеко (на карте Дыбовского озеро подписано как Перешеек, но изображено на месте Лисинского или Серебренникова). Таким образом, на бухту Басовскую остаются два кандидата: Перешеек и Лисинская.

Третья популярная бухточка, известная сейчас как Старая Гавань, очевидно, была востребована в меньшей степени, по крайней мере, в зимнее время. Не имея в наличии ранних схем острова, сложно проследить, как именно она эксплуатировалась и имела ли другие названия. Единственное, что можно утверждать наверняка, топоним появился не позднее конца XVIII в: «Из них старая гавань промышленных — на восточной стороне острова, небольшое, сажень на восемьдесят, углубление, от котораго в обе стороны тянутся мили на полторы в море обсыхающия лайды».

Остров Медный. Главным источником при анализе ранних топонимов острова Медного служит карта Петра Яковлева, составленная в 1758 г. в Якутске. При составлении маркшейдер руководствовался путевыми заметками похода 1754—1755 гг., и всё же она получилась неточной. Общие очертания береговой линии острова весьма недурны для тех лет, но при ближайшем рассмотрении видно, что одни бухты легко узнаваемы, несмотря на искаженные пропорции, а другие не узнаваемы вовсе. То же самое касается топонимов. Создается ощущение, что автор-составитель посещал далеко не все указанные точки и многие участки наносил на основании опросной, весьма сомнительной информации. Это легко объяснимо, так как из рапорта следует, что зимовку, то

есть большую часть времени, Яковлев провел на острове Беринга, в гавани Низовцева. Оправданием для подобного решения послужил предлог, что на Медном не осталось «коров (морских. — *Н. Т.*) для пропитания», на деле же, по всей видимости, интерес похода заключался не столько в изучении месторождения меди и составлении карты, сколько в добыче пушнины. Найти пропитание на Медном не составило бы труда, а вот популяция морских бобров к тому времени, действительно, изрядно поредела.

В результате краткосрочного пребывания на Медном Яковлев детально обследовал северо-западную оконечность острова, а также довольно точно нанес контуры северной и центральной части северо-восточного побережья. Бухта Колесовская соответствует современному топониму Песчаная (на карте надпись расположена несколько выше (севернее) мыса Песчаного). В бухту впадает речка Колесовка, современная Песчанка. Колесов был одним из соучредителей (пайщиков) похода шитика «Св. Симеон и Анна» компании купца Рыбинского, промышлявшего в 1747—1749 гг. на острове Медном. 21 августа 1750 г., во время следующего похода (1750—1752 гг.), шитик разбился у берегов того же острова. В первом случае передовщиком (ответственным за промыслы) был Даниил Соснин, во втором — Андрей Всевидов, мореходы — Бутин и Воробьёв; принимал ли Колесов непосредственное участие в походах, неизвестно, по всей видимости, да. Можно предположить, что судно промышляло или имело зимовье на этом участке, вероятнее всего, это был промысловый участок Колесова. Не исключено, что с бухтой связано крушение шитика и строительство нового.

Бухта Басовская соответствует современной гавани Преображенской, в неё впадает речка Басовка. Этот топоним требует дополнительного пояснения, оно будет приведено ниже. Петровская бухта соответствует современной Жировой (Жировской): её легко узнать по озеру, в которое впадает речка Петровская. Современное название речки — Быстрая. Рыбная бухта соответствует современной Гладковской. В озеро впадает речка Рыбка, сегодня — Озерная. Надо отдать должное, первоначальные название гораздо больше подходит участку, изобилующему рыбой, нежели обезличенные «Гладковская» и «Озерная». Дальше начинаются несоответствия: бухта Песчаная может соответствовать современной бухте Корабельной, хотя не исключено, что это Никольская или даже бухта Ожидания. В пользу последней говорит обозначенное близ устья озеро.

Бухта при Якутской юрте — вероятнее всего, современная бухта Глинка. Она узнаваема по речке, имеющей V-образное разветвление

в среднем течении. Кроме того, было бы очень странно, если этот удобный во всех отношениях промысловый участок оказался неосвоенным. На карте Яковлева речка называется Якутска(я). Близ устья по правому борту установлен православный крест. Несколько южнее в ту же бухту впадает речка Дектерева — это может быть безымянный ручей, протекающий через приметную неширокую долину с голубыми глинистыми бортами.

Не совсем понятно, почему на карте Яковлева неясно выражен мыс Чёрный и что подразумевается под «Кекурником» — группе из шести островков-останцов (кекуров).

Единственное, что не вызывает сомнений в южной части острова, это Островской перешеек — самая узкая часть острова. Это один из немногих топонимов, сохранивших старое название: сегодня участок, как и прежде, называется Перешеек Островной.

Труднодоступное западное побережье острова Медного изображено настолько недостоверно, что остается только теряться в догадках. Участок, «где песок серной находится», может соответствовать бухте Собачья Дыра, или тому, что в народе называют Запалата; первая (южная) Фролова бухта — бухте Западной; Песчаная бухта с впадающей речкой Дикой — бухте Серёдка; вторая (северная) Фролова бухта — бухте Сенькина, а Всевидовская Гавань (надпись напечатана неразборчиво) — Первой Солдатской бухте. Топонимы вызывают много вопросов. Довольно странно, что указано сразу две бухты Фролова. Известно об одном монастырском, имевшем паи во второй компании Басова (поход 1745—1746 гг.). Большую часть времени шитик провел на острове Беринга, но дважды подходил к Медному, во время первой высадки «в верхнем конце к изголовью» был установлен крест. Ходил ли Фролов в другие походы, неизвестно.

Этот же или другой, однофамилец Фролов (устюжанин) участвовал в злополучной компании Ивана Красильникова 1754—1758 гг. История отстроенного в 1753 г. гукора «Св. Пётр» настолько трагична, что вполне заслуживает быть увековеченной на карте. Другой вопрос, знал о ней маркшейдер? Яковлев мог слышать о неудачном начале похода и крушении гукора у берегов Медного 14 октября 1754 г. Не исключено, что весной 1755 г. он лично встречался с членами команды — такая возможность была. С другой стороны, до него могли дойти слухи о дальнейшей судьбе «Св. Петра»: исправив судно, команда отправилась к Алеутским островам, но «из-за многолюдства» побоялась на них высаживаться. На обратном пути 2 ноября 1755 г. гукор выбросило во время шторма на

берег того же острова и разбило до основания. На этом злоключении не закончились: 29 декабря «полной водой» смыло весь спасённый скарб, собранный непосильным трудом выбросной лес и даже барабору (землянку). За время работ трое членов экипажа утонули, один умер от голода, остальные вернулись на Камчатку в 1756—1757 гг. на судах других компаний.

Отличительной чертой западного побережья является то, что на нём нет ни одной удобной бухты, тем более такой, которую можно было бы назвать гаванью. В связи с этим удивляет наличие «Всевидовской гавани» в трети от северо-западной оконечности острова. В разделе рукописи Полонского, касающейся похода шитика «Св. Симеон и Анна» компании Ивана Рыбинского (1747—1749 гг.), даётся очень точное описание промыслового участка: «Шитик введён в гавань на северо-восточной стороне острова, где он простоял спокойно два года», далее следует примечание: «Гавань с того времени носит название Всевидова, от имени Тотемскаго купца Андрея Всевидова, прикащика Рыбинскаго, который за отсутствием хозяина, правил его делами в Сибири и отправлял суда на промысла. Самая компания обыкновенно называлась Всевидовской».

В данном случае передовщиком был Даниил Соснин, мореходом — шкипер Иван Бутин; Всевидов исполнял обязанности приказчика и не принимал непосредственного участия в походе. Зато в следующем походе «Св. Сименона и Анны» (1750—1752 гг.) он был передовщиком. После двухнедельного плавания к Алеутским островам шитик подошёл к Медному, где потерпел крушение. Из описания видно, что речь идёт о современной Преображенской гавани, обозначенной на карте Яковлева как бухта Басовская. Если предположить, что Басовская — на самом деле Всевидовская, становится понятным, почему рядом расположена бухта Колесовская. Второе исчерпывающее описание гавани приводится в другой рукописи Полонского: «На северо-западной стороне, в десяти милях от северо-восточной оконечности острова залив, лучшим указателем котораго служит Снежная гора и в нём Всевидова Гавань (1747 г.) в широте $54^{\circ}47'5''$ ». В тексте допущена неточность — на острове нет северо-западного побережья, есть северо-восточное и юго-западное, но ориентир «Снежная гора» (ныне гора Гаванская) вполне узнаваем, а указанная широта полностью развеивает сомнения.

Возникает вопрос: при чем тут Басов? Проблема имеет как минимум два аспекта: с одной стороны, первооткрыватель бухты всё же Басов, а не Всевидов. Во время похода 1745—1746 гг. команда

Басова ещё не знала об этом участке и «по неимению гавани, [стояла] на якоре»; зато в 1747 г. во время поисков меди «прибылою водою шитик выбросило на берег и повредило... Рабочие построили прежде елбот и отправились на нём собирать по берегу приносимый морем лес на исправление шитика. Исправленное судно поставлено в найденной на *N* стороне острова гавани». Очевидно, речь идёт именно об этой. С другой стороны, Яковлев не мог не чувствовать угрызений совести за то, что так жестоко обошёлся с Басовым, не взяв его в поход и по сути тем самым подписав ему смертный приговор: чтобы накормить семью отставной сержант был вынужден стать фальшивомонетчиком, за что в 1756 г. и был осуждён. По всей видимости, на момент составления карты скандал получил широкую огласку.

Таким образом, из всей насыщенной событиями истории XVIII в. до нас дошло всего лишь три топонима: Островной перешеек (остров Медный), Усы и мыс Манати (остров Беринга). Прочие названия, связанные с именами русских промышленников, были утрачены.

Топонимы времён Российско-Американской компании

Первая половина и середина XIX в. дополнили картографические материалы замечательными топографическими и гидрографическими съёмками, но образование топонимов для не имевших аборигенного населения Командорских островов было минимальным. На самой ранней карте Ф. П. Литке, составленной, предположительно, непосредственно после кругосветной экспедиции на шлюпе «Камчатка» 1817—1819 гг., не обозначено ни одного. И это совершенно естественно, так как на тот момент на островах в лучшем случае робинзонила небольшая группа промысловиков. Не слишком уверенно Суворов пишет: «По-видимому, уже с 1819 г. существовали на островах временныя поселения промышленников — пятнадцать человек на Медном (на Палате) и тридцать на Беринге (в Старой Гавани, близ современного Никольского и на Саранной. — *Н. Т.*)». На те же сорок пять человек указывает Литке: «В 1825 г. на острове Беринга было сорок пять жителей, а остров Медный был ещё безлюден».

На заверенной Литке «Плоской карте части острова Беринга 1827» сочинения лейтенанта Завалишина появляются первые названия. Отмечена Гавань, точнее место небольшого поселения при гавани, в настоящее время этот участок называют «Нижним

посёлком» села Никольского. В течение более полувека понятие «Гавань» выступало в роли самостоятельного топонима; расположенное на берегу селение также называлось Гаванью, или Гаванским — своё официальное название Никольское получило только в 1883—1885 гг.; Гаванскими остались река и озеро. Напротив селения изображён один из двух остров — Сивучей камень (в скобках — Новый), его легко распознать по двум обозначенным вершинам. Современное название острова — Арий Камень, впервые топоним встречается на карте Тебенькова (1852 г.), с этого момента и до конца XIX в. на картах нередко присутствуют оба названия (см. ниже). Современный мыс Юшина (Северное лежбище) обозначен как мыс Тонкий. По левому борту речки Саранной близ устья имеются жилища, но ни речка, ни бухта не подписаны, а на месте крупнейшего озера возвышается двуглавая сопка.

Сохранился «План гавани и бухты при острове Медном», составленный мореходом бота «Сивуч» Ингестромом, прочие карты были утрачены (существовал также план бухты при острове Беринга). Штурман Андрей Иванович Ингрстром (Eric Anders Johansson) посещал Командорские острова в начале лета 1830 г., подробнее поход описан в «Записках» священника Иакова Нецветова. На плане изображена Преображенская гавань: группа скал перед входом в бухту подписаны «Брек ватер», а протекающая через селение речка (совр. Гаванская) — «ручей Стикс». Очевидно, столь экзотическое название дали реке не жители селища, среди которых подавляющее большинство составляли вывезенные недавно с острова Атту алеуты, и не их начальник — иркутский мещанин Иван Курмачев, а некто на судне. Дело в том, что по левому борту речушки располагалось селение, по правому — кладбище. Таким образом, чтобы попасть в «царство мертвых» было достаточно перейти ручей. Больше этот топоним не встречается нигде, а название «Брек ватер» со временем перешло в разряд нарицательных.

На составленной в 1848 г. «Меркаторской карте Восточного океана и Берингова моря» обозначено два селения РАК: одно — на месте современного Никольского, второе — в районе бухты Гладковской (остров Медный). Расположение второго на общей карте, вероятнее всего, ошибочно: здесь же приведён «План бухты на N стороне» с селением по Ингестрему, то есть будущее Преображенское. Кроме селения, для острова Медного отмечена только группа скал «Брек ватер», других обозначений нет. На Беринге обозначены: мыс Юшин (находится на «своём» месте) и мыс Ваксель (впервые); вместо озера Саранного по-прежнему

возвышается сопка. Напротив селения лежат острова Топорков и Сивучий.

Наиболее информативным, вне всякого сомнения, является «План Командорских островов» Тебенькова (1852 г.):

Остров Беринга нанесён на карту более детально и содержит большее число топонимов. Современным названиям соответствуют: намывной песчаный мыс Северо-Западный, обозначенный у Тебенькова как *NW* (Низменный); мыс Юшина — Юшин (*N*); мыс Вакселя — *NO* (Вакселя); мыс Манати — Южный Край (Кап Манати); не изменился топоним Старая Гавань. Мыс Риф соответствует современному Входному Рифу. Мыс Толстый, обозначенный как Толстый (Хитрова), со временем утратил второе название. Не вполне понятно, что именно на карте Тебенькова подразумевается под мысом Перешеечным — территориально обозначение соответствует современному Перешейку (в широком смысле), в то же время, мыс Островной имеет собственное название (на копии слабо читаем, по всей видимости, «Столб»).

Несколько географических объектов утратили прежние названия. Бухта Дровяная стала называться Перегребной, появлением нового топонима остров обязан публикации Гребницкого (1882 г.). Саранное обозначено у Тебенькова как озеро Федосьи, такое же название приводится на карте 1893 г., на всех остальных, в том числе у Гребницкого (1882 г.) и Дыбовского (1885 г.) озеро называется Саранным. Примечательно, что бухта Саранная упоминается ещё в 1834 г. в записках Иакова Нецветова. В окрестностях озера в достаточном количестве произрастает рябчик камчатский, или саранка (*Fritillaria camschatcensis*), клубнями которого питалось население. Если учесть, что изобилующее рыбой озеро было обнаружено еще в 1745 г. казаком Расторгуевым, логично предположить, что имелись и другие названия. В то же время топоним «Саранное» был очень распространен на территории Русской Америки: островок у берегов Аляски, бухты на островах Акутан, Атка, Атту.

Мыс Лежбищный территориально соответствует современному Казарменному, топоним был утрачен в связи с деградацией и последующим исчезновением некогда крупного котикового лежбища.

Остров Медный на карте Тебенькова изображён менее точно и содержит только несколько топонимов. «*NW* Конец» сегодня называется мысом Сулковского. Селение Гавань с сентября 1881 г. официально переименовано в село Преображенское. Не изменили названия: мыс Южный Камень (совр. Южный) и мыс Чёрный.

Таким образом, в период РАК на картах появились сохранившиеся до настоящего времени топонимы, посвященные в первую очередь членам команды Второй Камчатской экспедиции: Юшин, Ваксель, Хитров. При этом размещение объектов носит спонтанный, чисто символический характер и никак не связано с особенностями освоения острова в 1741—1742 гг. К примеру, из дневников Стеллера следует, что мыс Вакселя открыл Юшин, а к мысу Юшина ходил Алексей Иванов (60). Остальные топонимы середины XIX в. отражают в основном геофизические особенности местности (Риф, Северо-Западный, Перешеек, камень Подводный, камень Половинчатый) или характер эксплуатации (Камень Арий (Сивучий), Топорков, Дровяная, Старая Гавань).

Формирование современных топонимов

Основная часть современных топонимов сформировалась в конце XIX в., последующие дополнения были незначительными. Проведенный анализ показал, что подавляющее большинство укоренившихся названий было впервые нанесено на карту острова Медного управляющим Командорскими островами Николаем Гребницким (1882 г.), в то время как на карту острова Беринга — окружным врачом Бенедиктом Дыбовским (1885 г.). Одновременно с Дыбовским некоторые топонимы опубликовал в публицистической статье «Под парусом вокруг острова Беринга» Леонард Стейнегер. Примечательно, что оба автора впервые использовали не только русские, но и алеутские названия, но лишь один из них — Б. Дыбовский — посвятил топонимике отдельный раздел своей монографии.

Учитывая исследовательскую скрупулезность обоих приезжих учёных, работавших не столько с чиновниками, сколько с алеутским населением, а также высокий уровень соответствия опубликованным ранее данным управляющего, можно сделать вывод, что большая часть приведённых топонимов, действительно, бытовала на островах в указанный период и не была сочинена искусственно. В то же время малый процент алеутских слов может свидетельствовать либо об укоренившейся традиции (первые переселенцы были русские), либо, что более вероятно, о существовании множественных параллельных обозначений на русском и алеутском языках. Такой разброс является нормальным и ожидаемым для недавно освоенной территории: первая группа алеутов была завезена на Командоры всего лишь за шестьдесят лет до составления

рассматриваемых карт (около 1823 г.). Ранее на островах робинзонили различные артели русских промышленников. Однозначное доминирование русскоязычных версий обусловлено также и тем, что с первых дней заселения официальным языком являлся русский (приказом 7 сентября 1897 г. запрещено говорить на местных диалектах в лавке и других общественных местах).

К сожалению, в ряде случаев сопоставление географического расположения рассматриваемых объектов было затруднено существенными неточностями в изображении береговых линий. Гребницкий и Дыбовский пользовались картой капитана Зандманна, переснятой и дополненной мичманом Беклемишевым. Стейнегер внес значительные топографические уточнения, но зачастую и этого было недостаточно. Поэтому при рассмотрении редкопосещаемых и труднопроходимых участков речь пойдёт не о полном соответствии современным топонимам, а о просматриваемой тенденции, где в роли географической привязки выступают не координаты, а порядок чередования бухт или мысов.

Островные топонимы можно условно разделить на пять групп:

- отражающие географические и геоморфологические особенности местности;
- указывающие массовые скопления того или иного биологического объекта;
- исторические посвящения;
- обозначающие промысловые участки или место сезонного проживания промысловой семьи;
- названия, отражающие особенности эксплуатации природных ресурсов, а также связанные с конкретными событиями, легендами или несущие некий прикладной смысл.

К первой группе будут относиться многочисленные Песчанки (на алеутский манер — Писаных) и Непропуски, имеющиеся на обоих островах. Песчанками (Песчаными) обычно называли песчаные бухты и впадающие в них речки (ручьи). Непропусками — безымянные мысы, венчающие непроходимые или труднопроходимые участки скалистого берега. К этой же категории следует отнести мысы: Тонкий, Толстый, Островной, Северо-Западный, Юго-Восточный; бухты: Большая, Тундровая (Тундряная), Столбовая, Озерная и т. д. Не перечисляя все, остановимся на некоторых наиболее интересных.

Две сопки северной части острова Беринга, долгое время служившие морякам неизменным ориентиром, известны сегодня как Столовые горы. Но в прежние годы они ассоциировались с лодка-

ми: «...среди тундры поднимаются две группы оригинально сложенных невысоких гор, именуемых “Лодками”, действительно напоминающих очертаниями опрокинутыя лодки. Три более восточных Лодки, часто называемыя Сарановскими, несколько выше, зато две Северновския Лодки обладают столь правильными очертаниями, что представляют типичныя Столовые горы». («Сарановскими Лодками» Суворов называет современные Свинные горы). В качестве самостоятельного топонима географическое понятие «столовые горы» было впервые использовано в монографии Дыбовского. Одновременно с этим автор упоминает местное название — «Байдары».

Расположенная неподалеку менее высокая плоская сопка Наковальня, вероятнее всего, получила своё название ещё в период РАК. В пользу этой версии говорит наличие её «тёзки» на карте острова Атка (Алеутские острова) — там до сих пор сохранилось русское название «Naakuvalinax’».

К категории ассоциативных также будет отнесён мыс Палата на острове Медном: согласно трактовке Дыбовского, мыс получил своё название благодаря тому, что близлежащие сопки по форме напоминают шатры.

Название одного из мысков на острове Беринга произошло от слова «кондерок» — так по свидетельству местного жителя, уроженца острова Медного, Геннадия Михайловича Яковлева на Командорах называли козырёк у кепки. Действительно, в словаре Даля наряду с прочими приводится следующее толкование: «кондырь» (кур., арх.) — козырёк у фуражки. Более точную и любопытную трактовку мы находим у Дыбовского: «На голову, на капюшон камлеи, алеут надевает тонкий, вырезанный из дерева козырёк, украшенный перьями и усами морских львов, он защищает глаза от солнца, волн и дождя. Козырёк по-алеутски называется “таныкйугх” или “чахудах”, русские его называют “кандырок”». Таким образом, на Командорах «кондерком» называли алеутские открытые деревянные шапки, именно это значение имеет слово «chagudax’».

Бухта Полуденная приобрела название благодаря простиравшемуся неподалеку некогда многочисленному лежбищу морских котиков. Просуществовавшее до конца XIX в. лежбище называлось Полуденным, или Южным — в противовес Северному, расположенному окрест мыса Юшина. Слово «полуденный» — не что иное, как устаревший синоним понятия «южный», оно нередко встречалось в отчётах о походах первых промысловых партий

второй половины XVIII в. и сохранилось в некоторых языках славянской группы, в частности, польском.

Как указывалось выше, на картах Стейнегера и Дыбовского встречаются топонимы, имеющие алеутские корни. Один из них — Чигачиганакх (Tchigatchiganakh). На современных картах бухта обозначена как Непропусксовая, у Дыбовского — Нерпичная. Местные жители, как правило, называют её по имени впадающей речки — Кислая Капуста: в этом месте на берегу моря часто скапливается гниющая («кислая») морская капуста. «Чиг'анакх» переводится как «речка, ручей, протока». Местная жительница В. Т. Тимошенко, одна из немногих носителей алеутского языка, трактует слово как «бурная речка, во что-то впадающая». Стоит отметить, что близкие топонимы встречаются и на других островах бывшего Атхинского отдела РАК: бухта Chig'anagix' на Атке и Chig'anax'six' — на Атту.

На картах Стейнегера, а вслед за ним и Морозевича появляется ещё один алеутский топоним — бухта Ханна-Эта (Hanna-Eta). Современное обозначение бухты — Озерная, под этим же названием она фигурирует у Дыбовского (Oziernaja). «Ханна-Эта», а точнее «'аним удаа», дословно переводится как «озерная бухта». Такую же трактовку — «бухта с внутренним озером» (Bucht mit Insee) — даёт сам Стейнегер.

В бухту Сладкую, расположенную севернее мыса Пасенюк (совр.), ранее называемого Сладким (1882, 1885 г.), а затем Водопадским (1912 г.), впадает речка с водопадом. У Дыбовского она обозначена как «wodospad Igidhuch». Слово «игидгух» переводится с алеутского как «водопад». Интересно, что близкое по звучанию слово «идигах» переводится как «сладь». Не исключено, что происхождение топонима «Сладкой» связано с неверным переводом алеутского слова.

Бухта Ореховая не связана с орешником — Дыбовский пишет, что берег покрывают мелкие, похожие на орехи, камешки. Топоним впервые встречается на карте Гребницкого (мыс Ореховый).

Во вторую группу войдут различные бухты, мысы и островки, содержащие названия животных: Бобровые, Нерпичьи, Секачиные, Сивучиные, а также Гольцовки, Урильи, Орловые, Глупышинные, Арьи, Говорушечьи, Старичковские и т. д. Бобрами на островах называли морских выдр, или каланов; секач — это взрослый, имеющий собственный гарем, самец морского котика; «урилами» до сих пор называют бакланов, «арами» — кайр; говоря «орёл», подразумевают гнездившихся в прежние годы белоголо-

вых орланов; также обычным и многочисленным был ранее старик обыкновенный.

К этой же группе мы отнесём бухту Мяконькую, названную благодаря обилию в весенние месяцы рыбы-прилипалы — разновидности пинагора (*Aptocyclus ventricosus*). Несколько смущает, что название появилось относительно недавно, прежде бухта называлась Мясниковская (1885 г.).

Старое название одного из участков бухты Большой на острове Беринга — бухта Каюрская (Kajurskaja). Согласно трактовке Дыбовского оно произошло «от птицы, называемой каюрка *Uria columba*, гнездящейся на прибрежных скалах» (совр. чистик тихоокеанский, *Serphus columba kaiurka*). Другое значение слова — проводник при езде на собачьих упряжках. По Берингу передвигались главным образом на упряжках, и самым большим оскорблением было назвать алеута «неграмотным каюром». Название бухты не связано с каюром-погонщиком, а вот птицы — да: «свищут оне как извощики». У слова есть и третье значение. Так в XIX в. называли низшую бесправную категорию работников РАК: калгов (рабов), а позднее — лиц, совершивших проступки. В алеутском языке также есть слово «каулах’», обозначающее работника РАК.

На острове имеется еще один близкий по звучанию топоним — бухта Каюльская (близ мыса Катерного, южнее бухты Гладковской). Название могло явиться результатом неправильного написания слова «каюр», но более вероятно, это производная алеутского «кайулах’» (см. ниже). С птицами участок едва ли связан — по своим геоморфологическим признакам берег малопригоден для гнездования тихоокеанского чистика.

Если все прочие названия достаточно романтичны, то мыс Сихтын Яры близ бухты Жировой (остров Медный) подчёркивает одну не слишком приятную особенность птичьего базара. Медновскому «сихтис» соответствует беринговского «ситхис» и подразумевает любые экскременты, а также птичье гуано. На медновском диалекте словосочетание звучит «сихтин’ йааг,ии» («Дерьмовый мыс», перевод и транскрипция Е. В. Головки, 2013 г.). Действительно, скалы мыса белы от птичьего помёта. Параллельно с алеутским бытовало русскоязычное название — мыс Говённый (у Морозевича — Gawnawoj). На острове Беринга словом Шутхину (Ситхину) по сей день обозначают один из рыболовных участков в долине Гаванского озера (см. ниже).

Название бухты Таблажанка (ранее также записывалась как Таволжанкина, Тавалажанка, Таблзанка), по мнению Дыбовского,

произошло от слова «таволга». Таволгой, или лабазником, называют растение семейства розоцветных, в нашем случае полутораметровую *Filipendula camtschatica*. Правда, остаётся загадкой, почему Дыбовский относил растение к кустарникам (в то же время указание латинского названия рода — *Spirea* — не оставляет сомнений, что речь идёт именно о лабазнике).

К третьей группе будут относиться в первую очередь топонимы, связанные с историей Второй Камчатской экспедиции. Как было сказано выше, названия мысов Вакселя и Юшина (а также мыса Хитрово, ныне Толстого) появились на картах ещё в период РАК, в то время как бухта Командорская и мыс Командор — в 1885 и 1882 г. соответственно (прежде участок назывался бухтой Беринга, или просто символично отмечалось место крушения и захоронения). Но ни один не был посвящён главному исследователю острова, Георгу Вильгельму Стеллеру. Это упущение с лихвой исправил в конце XIX в. Леонард Стейнегер. Будучи страстным поклонником немецкого натуралиста, Стейнегер наградил именем Стеллера не только самую высокую гору острова Беринга, но также природную арку и даже одну из рек.

Всем, кто посещал остров Беринга, известна протекающая близ села Никольского река Гаванская (Гаванка). Это самая полноводная река Командорских островов, впадающая в наиболее удобную для захода судов бухту. Впервые топоним «Гаванская» встречается в отчёте о походе 1772—1778 гг. бота «Св. Архангел Михаил» компании Холодилова (прежде речка могла называться так же, как и гавань — Басовской, а затем Низовцева). Однако спустя сто лет Гаванка чуть не лишилась своего привычного имени — Стейнегер, вслед за ним Суворов и даже уроженец острова Медного Хабаров называли речку Стеллеровской. Несмотря на приложенные усилия, новый топоним не прижился.

Огибая в 1882 г. остров Беринга на парусной лодке, Стейнегер много рассуждал о невзгодах, выпавших на долю российских мореплавателей. Но больше всего его волновала судьба Георга Стеллера — он не раз представлял себя на месте отважного путешественника. Именно в эти дни исследователя осенила мысль увековечить имя своего кумира. С тех пор самая высокая вершина острова называется горой Стеллера, а самое живописное место, природная арка — Триумфальной аркой Стеллера (Steller's Triumphbogen), сегодня просто Аркой Стеллера. Примечательно, что оба объекта не были в полном смысле безымянными. Старое название арки — Штаны Тетеринова. Унтер-офицер Тетерин испол-

нял должность надзирателя в период межвластия 1868—1871 гг. и был единственным государственным чиновником, препятствовавшим разграблению котиковых лежбищ (со временем старое название трансформировалось в «Тетерины Штаны»). В советское время богатая фантазия жителей «женила» Штаны на горе Беглецов. Горой Беглецов, или Чунохголохтах, раньше называли гору Стеллера (см. ниже).

Со временем на карте появилось имя самого Стейнегера — сегодня так называется вторая по высоте вершина острова Медного (предполагалось назвать самую высокую, но впоследствии оказалось, что соседняя на четырнадцать метров выше).

Как уже говорилось ранее, мыс Манати получил своё название ещё в 1742 г. в честь теперь уже вымершей морской коровы. Морская корова (*Hydrodamalis gigas*) была отнесена Георгом Стеллером к роду *Manates* (ламантины. Слово сохранилось в видовом названии ламантина американского — *Trichechus manatus*), по этой причине члены команды называли животных манатами: «Мы ежедневно могли наблюдать, как прямо против места нашей стоянки в море ходили довольно большие косяки морских коров или манатов». (Среди латинских названий вида, более известного *Rhytina borealis*, приводился также *Manatus Stelleri*). Название южной оконечности острова оказалось настолько экзотичным, что было не понятно не только алеутскому населению, но даже некоторым именитым учёным. Поэтому наряду с официальным бытовали местные. Вот что писал по этому поводу Е. К. Суворов: «Название этого мыса — Манати — совершенно непонятно; тако-го алеутскаго слова не существует. Быть может, в этом названии следует видеть искаженное выражение: Танам ангта — конец земли; сами алеуты называют его Танам ктеганга». Дыбовский повторяет алеутскую транскрипцию «танам-анг-та» — «конец земли» как один из вариантов. «Танах'» переводится как «земля, суша, остров», «анг'таа» — конец чего-либо, таким образом, словосочетание могло звучать как «танам ан'таа» (перевод и транскрипция Е. В. Головкин, 2013 г.). Упомянутое Суворовым «танам к'ин'анаа» можно перевести как «холодная земля». Четвёртое название — мыс Сточной — приводится у Стейнегера с единственным пояснением: «Так местные жители называют обозначенный на карте Кап Манати».

Северо-западный мыс острова Медного был переименован в мыс Сулковского в конце XIX в. На карте, прилагающейся к отчёту 1893 г., указано старое название; на карте 1895 г. присутствуют оба;

на карте 1914 г. — только мыс Сулковского. Впрочем, это мало о чём говорит, так как старое название бытует до сих пор, его в своё время приводили и Стейнегер (1896 г.), и Суворов (1912 г.), и даже И. И. Барабаш-Никифоров (1934 г.). В то же время А. И. Черский (1919 г.) указывает мыс Сулковского. Единственный Сулковский, чьё имя связано с Командорами — чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Главного управления Восточной Сибири П. Г. Сулковский, ходивший на клипере «Стрелок» в 1881—1882 гг. в Ледовитый океан и на Командорские острова. Поход в Ледовитый океан был связан с поисками оказавшейся в ледовом плену американской яхты «Жаннетта» экспедиции Д. У. Де-Лонга, которые успехом не увенчались.

Вероятно, десятилетием позже получил своё название один из кекуров близ мыса Жирового на Медном — Камень Ваксмута. Коллежский ассессор Николай Сергеевич служил помощником начальника Командорской округи в 1896 и 1897 г., возможно, и дольше.

Топоним «гора Крепса» фигурирует только на карте Дыбовского, и очень жаль. Торговый агент компании «Гутчинсон Кооль и К°» немец Крейс вместе со своею супругой-креолкой внёс значительный вклад в повышение образования алеутов и овладение ими ремёслами. В частности, он успешно выучил нескольких местных жителей столярному и токарному мастерству. «В честь этого скромного труженика» Дыбовский назвал гору, расположенную севернее поселка (совр. Галечная).

Мыс Гаупта (Китовый) связан с именем Николая Александровича Гаупта, командира канонерской лодки «Отважный» (1890—1893 гг.) и крейсера «Забияка» (1894 г.). В 1894 г. под руководством Гаупта была выполнена съёмка северо-западной части острова Беринга, шлюпочным промером обследован Никольский рейд и акватория севернее и западнее острова Топорка, а также составлен глазомерный план котикового лежбища. Мыс впервые назван именем Гаупта на «Карте северо-западной части острова Беринга» 1896 г. Впрочем, в обиходе мыс и по сей день чаще называют Китовым, в то же время на карте Суворова (1912 г.) указан ещё один топоним — Ворота.

По соседству с мысом Гаупта, несколько севернее, расположен мыс Забияка. Парусно-винтовой крейсер 2-го ранга «Забияка», спущенный на воду в 1878 г., в 1890-х гг. охранял территориальные воды в северо-западной части Тихого океана и погиб под огнем японской артиллерии в Порт-Артуре 12 октября 1904 г.

Топоним впервые встречается на той же карте 1896 г. Прежде мыс называли Хехсага (Дыбовский), или просто Непропуском (Стейнегер, Суворов). В алеутском языке есть два близкие по звучанию слова: «'ихсхал» — что значит горелый и «чax'sag'ix'» (chax'sag'ix) — риф, обнажающийся во время отлива, мелководье. Фонетический ряд первого ближе к транскрипции, указанной Дыбовским. В то же время смысловая нагрузка не исключает возможности второго варианта, правда, с оговоркой, что топоним мог относиться не только к мысу Забияка, но и расположенному по соседству мысу Гаупта.

Это не является противоречием, так как дробной разбивки могло попросту не существовать. К примеру, сегодня жители не производят «мыс Гаупта» или «мыс Забияка» — весь этот участок обозначают одним словом «Китовая», нечто подобное могло иметь место и ранее. Дело в том, что мыски расположены рядом и очень популярны у местного населения: риф мыса Гаупта — плоский, легкодоступный, «удобно» обнажающийся, безопасный даже для младенца; риф мыса Забияка — более каменистый, при этом оба изобилуют морскими гидробионтами. Сегодня это основное место сбора мидий, изредка можно найти даже морских ежей. В прежние годы видовое разнообразие и обилие было значительно выше, а объектов сбора было несколько. «Китовый риф» не менее привлекателен, чем риф близ села, это могло найти отражение в устной топонимике.

В 1986 г. на карту острова Беринга южнее бухты Старой Сладкой был нанесён мыс Пасенюк в честь писателя и публициста Леонида Михайловича Пасенюка. Леонид Михайлович посвятил Командорам много лет своего творчества. Он автор книг «Берег скупого солнца», «В одиночку на острове Беринга», «Командоры мои и твои», «Иду по Командорам» и других. Предыстория рождения топонима такова: в 1985 г. на заседании секции «История географических знаний» К. А. Шопотов уделил большое внимание роли Л. М. Пасенюка в проведении исторических исследований Командорских островов и предложил назвать безымянный мыс на тот момент мыс на пути в бухту Командор именем «патриота Командор». Руководитель секции Б. П. Полевой поддержал инициативу, и решение заседания было передано в президиум Географического общества СССР. Сам Леонид Михайлович в письме от 21 марта 2011 г. отмечает, что его деятельность никак не связана с означенным мыском, своим открытием он считает проход через грот между бухтами Перешеек и Дикая.

Четвёртая группа. Единично на картах островов встречаются такие понятия, как «шайба» и «одиночка». Оба устаревших термина обозначают дом промыслового ужожа. В XIX в. на территории Русской Америки одиночками называли административные торговые точки, фактории, состоявшие зачастую из одной избы, в которой жил управляющий и служащие. На Командорах понятие трансформировалось в одиночную промысловую избу, обычно небольшого размера. В то же время «шайба» — значит сруб, большая изба. Вероятнее всего, шайбы пришли на смену более ранним полуземляным «казармам». Впервые «шайбу» как составную часть топонима нанёс на карту Дыбовский, там же представлены первые «одиночки» (одиначечные, одиначки).

Шайбы и одиночки приводились исключительно для острова Беринга: речка Товарищеская Шайба впадает в безымянную бухту, прежде — Шайбу Старогаванскую, или просто Шайбину; другая Шайбовская река впадает в бухту Гольцовку; бухта Старая Одиночка (Буяновская) в конце XIX в. называлась Шайбиной; бухта Старцевская — Шайбой Старцевской; кроме того, стояла Половинная шайба (Шапина Половинная). На карте Дыбовского одиночки встречаются: близ мыса Вакселя, в бухте Передовой, близ речки Водопадной бывшего Полуденного лежбища, Старая Одиночка — близ мыса Тонкого (топоним сохранился). Первоначальные значения слов давно стерлись из памяти, и современные жители могут объяснить название «Товарищеская Шайба» тем, что на открытом участке между ужожами Старогаванским и Буяновским устраивали «каток» и «соревнования».

Топоним Казарма (Казарменный) также появился в связи с ведением пушного промысла. По свидетельству Дыбовского, на границе бывшего Полуденного лежбища между бухтами Гладковская и Старая Одиночка стояла «казарма» — большая полуземлянка (барабора), предназначенная для сезонного проживания промысловой бригады. Другая барабора, Песцовая Казарма (Piescowa kazarmiennaја) располагалась южнее бухты Озерной (совр. Казарма). Термин давно вышел из употребления, и спустя четверть века Суворов для бухты Казарменной близ бывшего лежбища предлагает совершенно иную трактовку: «Высокий утёс, поднимающейся из воды возле берега, издали представляет точную копию гигантской землянки, или юрты, как их там называют; сходство увеличивается тем более, что верх утёса густо зарос травой и кажется наваленным сверху дёрном. Название утёса — Казарма — перешло и к лежащему возле мысу». С утра-

той промыслового участка изменилась и смысловая нагрузка топонима.

Промысловые участки располагались во всех основных бухтах, но связанные с ними имена промысловиков сохранились в единичных случаях. Дело в том, что изба не закреплялась пожизненно и не передавалась в пользование следующему поколению, обычно уходи распределялись на сходе путем жеребьёвки. Тем не менее, на карте можно найти бухты Старцевскую, Мякишевские, Шипицинскую (Шипичинскую, Шепитанскую), Серебрянникова; озера Шангинские, реку и озеро Ладыгинские. Всё это — фамилии местных жителей. Кроме того, на карте можно встретить имена: бухты Ликандровская (Никандрина), Емельяновская, Никитинская, Николка, Марьянская, Васильевская, Гавриловская (устар.), Федоскина (устар. мыс Федюшкин), озеро Федосьи (устар.), мыс Матвея (Матвеевский).

Бухта Серебрянникова, вероятнее всего, связана с именем байдарщика Ивана Серебр(н)икова, управлявшего островами с 1821 по 1826 г., или его сыновьями, Иваном и Александром, служившими поочередно байдарщиками на Беринга с 1839 по 1841 г., возможно, кем-то из их потомков. О них сведений нет.

Семья Старцевых была очень большой и проживала на Беринге со времен РАК. Также на острове промышляли Шипицыны, в частности, Степан Мефодиевич Шипицын (ок. 1869 г. р.). Суворов утверждал, что последний представитель фамилии умер «совсем недавно», что очень странно, так как на момент написания монографии Степан здравствовал и даже женился в третий раз. В 1817 г. вся семья переселилась на Камчатку в селение Малый Ваям (копия «Посемейного списка № 9 алеутов острова Беринга, переселяющихся в Уку и малый Ваям — 31 марта 1917 г. с. Никольскаго на острове Беринга»). Приходился ли Степану родственником байдарщик Фёдор Шипицын, робинзонивший в 1805—1813 гг. с женой и группой из девяти промышленников (по разным данным число членов группы меняется от десяти до пятнадцати, что объяснимо наличием как минимум одной женщины и детей), сказать сложно. Но об этой колоритной личности стоит упомянуть отдельно: Фёдор был не только видным мужчиной и успешным промысловиком, его по праву можно считать «патриархом» островов, ведь именно он в своё время «требовал от Охотской конторы алеутов для промысла (бобров)». Пожелание было выполнено не позднее 1825 г. Уехала ли семья Шипицына с Командорских островов или осталась — вопрос открытый. Известно лишь, что

история промысла 1805—1813 гг. связана главным образом с островом Медным.

На северном побережье острова Беринга имеется бухта Мякишевская и речка Мякишевская — между бухтами Старогаванской и Буян (на карте Дыбовского расположенная поблизости бухточка называется не Мякишевской, а Мясниковской, сама бухта — Лиственничная). Л. М. Пасенюк считает, что топоним посвящен Николаю Ивановичу Мякишеву по прозвищу Дутр (1994 г. р.). Всё может быть, вот только первая Мякишевская бухта — Мякишевская западная на месте современной Западной — фигурирует на карте уже в 1885 г. Строго говоря, речь может идти о любом из потомков бывшего матроса РАК тюменского крестьянина Георгия Даниловича Мякишева, проживавшего на Беринге с 1840-х по 1855 г. и имевшего детей: Ивана (1835—1859), Андрея (1838 г. р.), вероятно, Александра (ок. 1824—1867), Захара (1829 г. р.), а также дочерей.

Топоним «Ладыгинская» впервые появляется в публикациях Дыбовского и Стейнегера. Интересно замечание Стейнегера о Ладыгинском промысловом ужоже: «В зависимости от щедрости района и размера избы мужчин старше восемнадцати лет... распределяют таким образом, чтобы все имели равные шансы. С целью справедливого распределения охотникам дают тянуть жребий... Причиной того, что Ладыгинская является исключением, стало следующее обстоятельство: согласно патриархально-общинному принципу управления земля является общей собственностью всех жителей острова, поэтому никто из них не имеет права использовать её в собственных интересах. Несмотря на это, несколькими особо работающим, запасливым или жадным до наживы удалось обосновать на Ладыгинской речке своего рода хутор. Здесь они вылавливают лосося, заготавливают для себя дрова, выполняют охотничьи обязанности по отлову песцов, короче говоря, ведут себя как полноправные хозяева самого богатого во всех отношениях участка».

Известно, что в 1880-х гг. на месте селища проживала семья Прошевых — память о детских годах сохранили Анна Макаровна (в замужестве Панькова, ок. 1884 г. р.), её сестра Евдокия Макаровна (в замужестве Голодова, ок. 1888 г. р.), их брат Михаил Макарович (ок. 1888 г. р.). Вероятно, здесь же жила семья мужа Анны Макаровны, Александра Моисеевича Панькова (ок. 1878 г. р.). Ранее это должен был быть кто-то из многочисленного семейства Ладыгиных. Известно, что с середины XIX в. на острове Берин-

га проживали: Григорий (1820 г. р.), Никита (1832 г. р.) и Игнатий (1836 г. р.) с семьями, а также их мать Екатерина (1790 г. р.).

Сложнее обстоит дело с бухтой Лисинской. Её прежние названия: Лисенкова (Суворов), Лиссонковая (Стейнегер), Лисонковая или Лисовсковая (Дыбовский). Очевидно, что топоним никак не связан с лисицами или лесом. В связи с этим можно вспомнить несколько исторических персонажей, чья деятельность могла так или иначе быть связана с Командорами. Прокопий Лисенков (Лисенко) принимал участие в экспедиции М. Д. Левашова — П. К. Креницына, а затем ходил передовщиком на боте «Св. Иоанн Предтеча» (1779—1785 гг.), промышлявшем на Ближних островах. Афанасий Лисенков участвовал в экспедиции Шелихова 1783 г. Вероятно, были и иные Лисенковы — родственники или крестники. Носители созвучной фамилии — Лестенковы — служили в Атхинском отделе РАК и посещали Командоры. Доподлинно известно, например, что Анастасия Михайловна Лестенкова вышла замуж за командорского креола Алексея Сушкова.

Интересен также топоним Свинные (Свиные) горы. Легко догадаться, что он никак не связан с известными парнокопытными. Речь может идти либо о передовщике Иване Свиньине, промышлявшем на судне «Св. Изосим и Савватий» в 1792—1793 гг. (судно останавливалось на Медном), либо, что более вероятно, о ком-то из рода Свиньинских, служивших в Атхинском отделе в период РАК. Так, известно, что сын Ефима Свиньинского (1831 г. р.) Матфей родился на острове Беринга в 1864 г., и некий Свиньинский «с острова Атхи», очевидно, сам Ефим, проживал на острове в 1882 г. Со временем звучание топонима могло упроститься.

Замечения и искажения в названиях — явление обычное. К примеру, бухта Яковская (от довольно распространённого имени Яков) на острове Беринга, сегодня пишется как Яновская.

Интересна и неоднозначна в плане топонимики труднопроходимая южная оконечность острова Беринга. На данном участке бухты «блуждают», меняясь местами у различных авторов: с восточной стороны это бухточки Эканах (Ikanakh) и Ликандровская (Никандрина, Лекандрина), с западной — Серебрянникова и Голодная. «Ikanakh» впервые появляется на карте Стейнегера (1896 г.). Не вызывает сомнения, что топоним имеет алеутские корни. Самое близкое, практически идентичное по звучанию слово «ик'анах» переводится как «старуха». На карте Дыбовского бухта подписана «Староречная». Но столь сложное и длинное слово могло фигурировать разве что в отчётах российских чиновников,

в быту должен был использоваться упрощённый вариант. Возможно, с полуофициальным топонимом «Староречная» произошло то же самое, что сегодня происходит с названием бухты Старая Гавань и речки Старогаванской: жители называют оба географических объекта коротко и лаконично — Старуха. Возможно, в конце XIX в. «Старухой» ласково величали обветшавшую промысловую юрташку на юге острова. Что касается Ликандровской, она должна была соответствовать промысловому участку некоего Никандра (к примеру, на Беринге жил Никандр Иванович Степнов (1848 г. р.). Обе бухточки настолько малы и труднодоступны, что перестановка названий неудивительна, тем более что это могут быть части одной истории.

Пятая группа является наиболее интересной и показательной. В неё входят как весьма прозаичные названия, так и интригующие.

Бухты Дубовые (совр. Первая Дровенская на о. Беринга раньше называлась Дубовой) и Сосновые (одна из них — в прошлом Лиственничная) относятся к разряду «Дровяных». В них чаще, чем в других, собирали выбросной лес, плавник. Согласно примечанию Дыбовского, по слухам в районе современной бухты Сивучьей близ Первой Дровенской (остров Беринга) на берегу находили дуб. То же самое касается других пород древесины.

Бухта Кишочная (на современных картах — река Кишечная) названа так потому, что раньше алеуты полоскали здесь кишки котиков и сивучей. В дальнейшем очищенный материал использовался для пошива одежды.

Речка Запорная и Ивановский запор близ села Никольского напоминают о популярном в XIX в. способе вылова рыбы: на реке ставился запор — поперечное ограждение из кольев и брёвен, реже — камней. Запоры были одностенные (на небольших речках) и двустенные (на озере Саранном).

Название бухты Линялой впервые фигурирует на карте Дыбовского. Он также приводит алеутский аналог — Чмулилах. «Чн'улил» — значит, «линять». Дыбовский поясняет, что в этом месте «тюлени находятся во время линьки».

В Лощалых (Лощавых) ручьях во время нереста стоит «лощавая» нерка в брачном наряде.

Старое название одного из участков бухты Большой на острове Беринга — бухта Угловая (Ugiowaja, Ugiowskaja). Вероятнее всего, запись сделана ошибочно, правильное писать — Uglowaja (Углёвая), тем более что сам Дыбовский тут же приводит алеутский вариант: «Utki-uda». «Утких'» переводится как «уголь, зола»,

«удаа» — залив, «утхим удаа» — бухта Угольная. Аналогичный топоним — Utxis Udaa — имеется на острове Атка.

По долине речки Перегонной гнали котиков с Полуденного лежбища к забойным площадкам.

Топоним Перегребная впервые появился на карте Гребницкого (1882 г.). С этой точки осуществлялся перегреб через пролив на остров Медный и обратно. Обычно на территории Русской Америки перегребом называли пройденный на гребях (вёслах) морской маршрут длиной в тридцать вёрст. В нашем случае это не тридцать, а более сорока пяти вёрст. Рядом с бухтой расположена Байдарная Пристань.

Г. М. Яковлев считает, что название «мыс Саклов» (Сакал) на Медном может брать начало от русского слова «сак», «сачок»: сачками или чиручами на скалах мыса и прилежащей территории ловили птиц, главным образом глупышей. С другой стороны, близкое по звучанию алеутское слово «саакутил» переводится как «переворачиваться вверх дном» (о лодке). Сказать что-либо определённое в данном случае затруднительно. По-всей видимости, должны быть и другие объяснения.

Мыс Каламак (остров Медный) звучит у Стейнегера как «Куломакх» (Kulomakh). В раннем произношении прослеживается произнесённое на алеутский манер слово «кулёма» — популярная в XVIII—XIX вв. примитивная ловушка давящего типа. Вот что пишет о кулёмах Вениаминов: «Кулемка — называют ловушку, похожую на маленькой шалаш, с трёх сторон загороженный кольями, а сверху, вместо крыши, кладётся бревно или доска, с тяжестью, поддерживаемая небольшими палочками-насторожками; внутрь шалаша кладут наживку, то есть мясо сивучье. Лишь только песец всунет голову внутрь ловушки и начнёт трогать мясо, как тотчас обрушатся на него вся крыша и придавят его». Первое упоминание об использовании кулёмы встречается ещё в отчёте Емельяна Басова о походе 1743—1744 гг. В 1895 г. кулёмы и пасти были официально запрещены как нецелесообразные, портящие шкуру и наносящие урон популяции зверя. С другой стороны, в алеутском языке имеется собственное слово для обозначения орудия промысла — «kulumkix'» (произшедшее от русского «кулёмка»). И есть «kulamaх» (kulamak) — кит; этим словом обозначали гренландского кита *Balaena mysticetus*, а также южного кита *Balaena glacialis* (совр. *Eubalaena japonica*). Оба вида встречаются в акватории Командорских островов. По всей видимости, мы имеем дело ещё с одним «Китовым» мысом.

Топоним Наюшка на острове Беринга произошёл, вероятнее всего, от алеутского слова «найух'» (науух'). Это плавательная конструкция (воздушная подушка) из надутой шкуры котика или мочевого пузыря, горловины или кишок сивуча, крепилась к обоим бортам байдарки или обвивалась (если надувались кишки) вокруг лодки. Найух выполнял функцию швартовых кранцев.

Топонимы Корабельная, Подъёмные, Горелые и т. д. говорят сами за себя, но иные требуют дополнительного пояснения. Современный безымянный подъём в бухте Полуденной (остров Медный) обозначен на карте Суворова как Подъём Погибший, а у Стейнегера — Igitchishaynlakh (у Морозевича — Igacziszajulach, Igaczu-Szajulach). Вот как Суворов описывает его: «От лайды предстояло подняться по крутизне, градусов до семидесяти, футов на сто пятьдесят вверх по ровной скале, чуть изъеденной текущим ручейком, все время придерживаясь его русла. Мокрые сапоги скользят по скале, нет никакого уступа, на который можно было бы опереться ногой...» Это очень сложный, «гиблый» подъём. Е. В. Головкин считает, что топоним связан с алеутским корнем «игит-», обозначающим падение сверху, например, со скалы. В транскрипции Морозевича узнается алеутское слово «игач'хисхайулах», перевести которое можно как «место, где легко упасть». Почти наверняка топоним имеет именно эти корни.

Другой близкий топоним — Maczulach — встречается только на карте Морозевича (1903 г.). Современное название мыса — Скальный (северная оконечность острова Медного). С меньшей уверенностью можно утверждать, что это «'мач'хуулах'» — «место, где легко застрять» (между камнями, скалами и т. п.).

Бухта Бабичья на острове Медном, напротив, имеет «бабий», несложный подъём. Именно в таком виде записан топоним немного южнее указанной бухты на карте 1893 г., близ современного мыса Каламак.

В бухте Голодной, по словам Дыбовского, когда-то во время бури голодала целая бригада алеутов.

Бухта, расположенная южнее мыса Федоскина (устар. Федюшкина), получила название в первой половине 1870-х гг., когда на берег выбросило труп кашалота *Physeter macrocephalus*. На современных картах речка сохранила название, а бухта утратила.

Медновский топоним «Венидикт Упал», по словам Г. М. Яковлева, увековечил историю, когда по рассказам стариков, некий Венедикт, собиравший на скале птичьи яйца, сорвался вниз вместе с крупной дерновиной, на которой стоял. По счастливой слу-

чайности насыпь была из мелких камней, а дерновина оказалась крепкой — он упал с большой высоты, но остался цел. Другие подобные случаи заканчивались плачевно. На алеутском языке мыс назывался «Венедикт игаал» (словосочетание записано Г. М. Яковлевым по просьбе автора статьи в 2011 г. Он долго перебирал варианты и остановился на этом), рассказчик переводит фразу как «Венедикт взлетел» (как птица). Единственный Венедикт, запечатленный в метрических книгах — Венедикт (Винидикт) Игнатъевич Бадаев, 1844 г. р., уроженец Беринга, но его дети жили на Медном.

По словам того же Г. Я. Яковлева, южнее мыса Трофимовского расположен «камень», «где Ипат(ий) какого-то зверя застрелил». Этот участок местные жители называли «Ипат калууг,ил» — «Ипат выстрелил». Южнее расположена бухта Стрельбовая, происхождение топонима неясно.

Сохранились и более загадочные топонимы. Согласно местному преданию, на острове Медном в бухте Челяковской близ бывшего Корабельного селища «жили», мистические карлики-челакакан. Челакаках (чалакучах, чалакучинах) — низкорослые человечки, живущие в пещерах и исчезающие при виде людей. По рассказу Кирилла Терентиевича Ладыгина, родившегося и промышлявшего на Корабельной, бухта Чалакусках' расположена севернее современной бухты Водопадной, в том месте, где ниспадает высокий заметный водопад (54°40'44'' северной широты). В скалах южнее мыса Корабельного находится скрытая пещерка — «прибежище чалакучах», эту пещерку показывал ему в детстве отец вместе с другими «стариками». То же самое подтверждает на свой манер Г. М. Яковлев: если двигаться по берегу, без учёта непроходимости мест, за Корабельной идёт первая бухточка с небольшим водопадиком, а следом — Чалакусках' с водопадом. В этом месте в 1950-х гг. брала воду китобойная флотилия «Алеут».

Старое название Стеллеровой горы — Чунохголохтах — переводится Суворовым как «гора Беглецов». «Беглецами» на островах называли незнакомых таинственных людей, внезапно возникающих из тумана и исчезающих в никуда. Этих «беглецов» очень боялись, особенно женщины. «Чунуг'улах'» (Chungug'ulax') переводится как «чёрт, нечистая сила», «чунуг'улах'тах'» — «чёртова». На склонах горы берут начало две речки, впадающие в одноименные бухты: Чакаулахтах и Каюльская (немного севернее).

Г. М. Яковлев называет первую речку так же, как и гору «Чунуг'улах'тах'» — «Дьявольская речка». Перевести или каким-то

образом интерпретировать название «Чакаулахтах» никто из старожилов не смог.

Речка Каюльская могла получить название от алеутского «кауулах» — так в период РАК называли низшую категорию работников (см. выше), в том числе понесших наказание преступников (правонарушителей). Интересно замечание Е. В. Головки, что слово «кайулах» буквально означает «бессильный», «слабак», «доходяга». Если предположить, что топоним подразумевает именно эту неблагополучную и неблагонадёжную социальную группу, становится понятна почти полностью утраченная к началу XX в. легенда о «беглецах». Но так как на Командорах ни настоящих кайулов, ни «беглецов» не было, а были они на соседних островах бывшего Атхинского промыслового отдела, речь может идти только о привнесённом вместе с переселенцами поверье. Расположенная неподалеку от Полуденного селища, существовавшего до тех пор, пока вёлся промысел на Полуденном (южном) лежбище котиков, высокая, постоянно окутанная туманом гора как нельзя лучше подходила для «прибежища» воображаемых чужаков.

Существует целый ряд топонимов, о происхождении которых остается только догадываться. К примеру, бухта Китовая близ мыса Гаупта у Дыбовского называется Назанимала (Nazanymala, Nizang). Озеро Шангинское было озером Марфы (Марфиным), а Ладыгинское — Черныхой. Озеро Саранное — озером Федосьи (см. выше). Первая и Вторая Солдатские бухты появились на карте Медного в 1896 г. и не связаны с военными действиями, как того можно было бы ожидать.

Остаётся загадкой происхождение топонима Буян. Он никак не связан с буйством стихий — Дыбовский делает замечание, что на карте Беклемишева мыс записан ошибочно, его правильное название — Боян, мыс Бояновский. В самом деле, алеутский акцент мог легко трансформировать «Боян» в «Буян». Вероятнее всего, название связано с деятельностью корвета «Боян», охранявшего в эти годы межтерриториальные воды.

Острова и кекуры. Официально считается, что Командорский архипелаг насчитывает около пятнадцати островов, среди которых два крупных и два маленьких, остальные представляют собой обнажающиеся во время отлива вершины подводных скал. Также имеются кекуры — небольшие отдельно стоящие высокие скалы и останцы, обычно абразионного происхождения.

О происхождении названий островов Беринга и Медного уже было сказано выше. Прямо напротив села Никольского лежат

два небольших заселённых колониями птиц островка: плоский Топорков (Топорок) и скалистый Арий Камень. Они получили названия в период РАК: Топорков — благодаря крупнейшей монодоминантной колонии топорков (*Lunda cirrhata*), Арий Камень — многоярусному птичьему базару, изобилующими нарядными белогрудыми кайрами (местное название кайры — ара). Судя по сохранившейся информации, Топорков не менял названий, а Арий Камень имел и другие: Новый (1827 г.), Яичный (1827 г.) и Сивучий (с 1827 г. и далее). Такой разброс связан с особенностями природопользования: остров Топорков представляет собой изрытое топорковыми норами невысокое плато — основное место добычи птиц. Топорки употреблялись местными алеутами не только в пищу: из их шкурок шилась одежда — парки, а клювики использовались как декоративный элемент. Неплохо сохранившиеся командорские птичьи парки находятся в фондовых коллекциях Музея антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге и Музея этнографии в Кракове. И хотя на островке также собирали яйца серокрылой чайки и промышленляли тюленей, основным объектом добычи оставался топорок.

На Арьем Камне видовое разнообразие значительно выше. Помимо птиц, больше промысловое значение имела крупная залёжка сивучей, находившаяся здесь же. При этом особенности эксплуатации острова носили чётко выраженный сезонный характер. Вот как это объясняет журналист Галина Санько (1935 г.): «...летом его алеуты зовут Арий-кемень... зимой же Сивучий... смотря по обитателям острова». После образования заповедника «Командорский» в 1993 г. местным жителям было практически полностью запрещено добывать морзверя и собирать яйца на обоих островах. Выделенные участки оказались малопригодны для этих целей, и разрешения выдавались нерегулярно. В результате потребовалось менее десятилетия, чтобы визуальный образ стал доминировать над прикладным аспектом. Официально остров по-прежнему называют Арьим Камнем, хотя молодёжь, как правило, не имеет ни малейшего представления, кто такие «ары». Зато теперь среди местного населения бытует новое название — Задница Великана. Негативный окрас отчасти обусловлен обидой за отчуждение исконно промысловой территории.

Камень Половинный (Половинчатый, Половинка), расположенный между Арьим Камнем и Топорковым, не менял названия с конца XIX в. Он лежит строго посреди пути, и алеутское слово «Алита-на» (Алим танаа) дословно можно перевести как «суша (остров),

лежащая посредине». Аналогичным образом — Ali(m) Tanaa (Ili(m)-tanaa) — ранее назывался остров Яичный (Egg Island) у берегов Атки.

Камень Подводный напротив речки Емельяновской со временем стал Надводным (на карте Стейнегера он указан как Емельяновский камень).

Кекур Орлов Камень близ села Никольского назван так потому, что, согласно легенде, в XIX в. на нём гнездились орлы (белоголовый орлан).

К старым топонимам острова Беринга относится Унгиех Камень — это прибрежная скала, расположенная с западной стороны севернее мыса Манати. Так как южная часть острова на старых картах изображена неточно, сложно определить, какому именно островку или мысу соответствует указанный объект. Перевод также вызывает большие затруднения: самое близкое по звучанию слово «унг'их'» (ung'ix') обозначает пах или подмышку («унг'ийах'» — медн. похожее на пах, подмышку). Значение слова мало подходит под описание скалы. Остаётся теряться в догадках.

Останцы и скалы острова Медного невероятно разнообразны. Некоторые из них поднимаются конусом, другие имеют форму столбов, или же вовсе принимают самые причудливые очертания. Большая часть скал носит названия, связанные с их обитателями: Нерпичьи, Сивучьи, Урильи, Арьи и т. д. Наиболее оригинальные очертания имеют группы скал, называемые Бобровыми Камнями. Топоним известен со времён Гребницкого, но каждый исследователь находил в них свои образы. Так, Дыбовский выделял группу скал под названием «Корабль», аргументируя тем, что в определенном ракурсе камни напоминают мачты парусника. Суворов — точную копию сфинкса с обломленной головой, при этом он отмечал, что эффект усиливается, если смотреть с моря. Алеуты называли камни Кагалу Углуки (кагалум ун'луких) — «два пяточных каменных столба (кекура)».

Суворов описывал и другие скалы и пещеры близ села: «Возле самого села Преображенского, под Кекуром, особняком стоит высокая скала — Тизиков Камень; волны выбили в ней значительное углубление, отчего скала кажется несколько наклонённой к морю. Несколько дальше к юго-востоку находится большая, сажень до десяти в длину, Говорушечья пещера. В тихую погоду во время прилива внутрь пещеры можно войти на шлюпке под оглушительный крик говорушек, избравших пещеру своим местопребыванием. Рядом с названной находится маленькая ще-

левидная Гремящая пещера. Набегающая волна сжимает находящейся в трещинах воздух; расширяясь, последний производит громкий звук».

Далеко не все бытовавшие и бытующие названия зафиксированы на карте. Топонимы рождаются и умирают в зависимости от того, насколько активно и каким именно способом эксплуатируются ресурсы данной местности. Наиболее посещаемые участки имеют более богатую топонимику, запустение приводит к утрате целого ряда терминов. В настоящее время на острове Беринга активно осваивается только северная часть острова, южная и центральная отчуждена заповедником. Это нашло отражение в устном творчестве.

Для обозначения южных районов используют официальные топонимы, нанесённые на карту, новых за последние десятилетия не появилось. Совсем иная ситуация с окрестностями села Никольского (с 1970 г. на Командорских островах остался только один населённый пункт). В одной только долине реки Гаванской выделяют не менее пятнадцати объектов. Томатовские ручьи и Томатовские покосы расположены в долине озера Гаванского близ того участка, где ручей Ивановский Запор выходит в долину. Во второй половине 1950-х гг. покос был закреплён за державшим индивидуальное хозяйство Егором Петровичем Томатовым (1927 г. р., приезжий, рабочий Командорского зверосовхоза). Не доезжая Томатовских, недалеко от места, где река Запорная выходит в долину, расположены Березинские покосы — по фамилии братьев Березиных, старшим из которых является Дорофей Семёнович (1946 г. р.).

Между рекой Запорной и Томатовскими ручьями находится участок «Мутная». Ивановскими ручьями называют место впадения река Ивановский Запор в озеро Гаванское, это наиболее посещаемый участок зимней рыбалки. Другой рыболовный участок, Белокаменка, лежит в той же долине по северному борту западнее Ивановских. Между Ивановскими и Белокаменкой расположены ручьи Самовар и Самолов, эти названия употребляют главным образом старожилы. Чуть дальше находятся Ульченковские покосы — бывшие покосы Николая Андреевича Ульченко (1926 г. р., приехал на остров в 1956 г. вместе с семьёй). Участок Шутхину (Шитхина, Ситхину) находится между Томатовскими и Ивановскими ручьями напротив Малой Наковальни, в этом месте протекает ручей Добавочный. «Ситхис» — значит кал; многие местные

жители старшего поколения помнят значение слова и переводят его как «дерьмо» или нечто «дурно пахнущее». Действительно, раньше уровень воды в долине был значительно выше, и сборщицы ягод страдали от зловонных испарений и выходящих болотных газов, кроме того, разлагалась отнерестившаяся рыба. Поселковую свалку в 1980-х гг. также называли ситхинуу.

Сопка Наковальня отмечена ещё в монографии Суворова, а топоним Малая Наковальня нигде официально не фигурирует. Если смотреть со стороны моря, Малая Наковальня расположена прямо за Наковальней. Также на картах не отмечена известная каждому жителю сопка Утюжок, расположенная по левому борту долины.

Ближе к устью на заболоченной низине находится Тинное озеро — часть старицы реки Гаванской. Основную часть старицы называют Кривун.

В долине, напротив поселкового кладбища и огородов, лежит круглое Тухлое (Гнилое) озеро. Озеро называется так потому, что в нём отмачивали солёное мясо морских котиков на корм собакам. Собачники с ездовыми собаками располагались неподалеку на сопке. Тушки бросали прямо в воду и оставляли на несколько дней. Запах стоял соответствующий.

На надпойменной террасе левого борта реки Гаванской напротив устья реки Запорки расположено Чаячье озеро — место бывшего водозабора, ныне пересыхающее. Небольшое пересыхающее озерцо в центре поселка, ниже освящённого православной церковью родника, раньше было полноводным и носило название Лебединое, сегодня топоним помнят лишь представители самого старшего поколения, остальные называют участок Ключиком или Родником.

Тропы вдоль обоих бортов долины называют «собачками» — раньше здесь ездили собачьи упряжки в зимнее и даже летнее время. Такие же «собачки» есть и в других частях острова, правда, за последние десятилетия они почти полностью заросли.

В районе скалистого Непропуска близ села Никольского выделяют Чертов Палец — узкий проход между скалами, узнаваемый по небольшой пальцеобразной естественной стеле у внутреннего борта прохода. Между речками Гаванской и Каменкой протекает Солдатский ручей: здесь в 1940-х гг. патрулировавшие остров пограничники делали кратковременный привал. Легенда о том, что на этом месте якобы пропал солдат, беспочвенна: подобный инцидент, действительно, имел место, но значительно позже и не был связан с ручьём. Истории с приезжими, даже самые загадочные, редко сохраняются в памяти командорцев.

В устье речки Песчанки (между речками Каменкой и Федоской) на песчаном холме стоит символический крест — в октябре 1997 г. в этом районе при странных обстоятельствах бесследно исчез сотрудник электростанции Сергей Головки. Однако ни крест, ни участок не получили собственного названия.

В нижнем течении реки Каменки находится участок Григорьевские покосы (покос Аркадия Сергеевича Григорьева, ныне покойного), название бытует последние два десятилетия. Выше по течению расположена «Проволока» — участок старой дороги, действовавшей до того, как была отстроена дорога на Старую Гавань, но это название знакомо немногим.

В долине реки Ладыгинской выделяются несколько участков, связанных со сбором морошки и местами подлёдного лова. «Папироска» расположена вдоль северного борта озера Ладыгинского и подразумевает избу, незамерзающие ручьи и морошечник. Раньше название распространялось на всю долину, и данный конкретный участок с избой был местом «перекура» — кратковременного отдыха на пути от Северного лежбища к посёлку, он расположен как раз в середине пути. Сегодня выделяют также Поперечную — участок с противоположного юго-восточного берега, соединяющегося с Ладыгинским Шангинского озера. Узкий проход между озёрами Шангинским и Воротным называют Воротами.

Интригующе звучит местная поговорка «пойти к цыганам на Манати». О каких «цыганах» в самом труднопроходимом участке южной оконечности острова идёт речь, рассказала местная жительница Вера Терентьевна Тимошенко: «Приехавший на остров в 1955 г. Егор Томатов (1927 г. р.) был человеком добрым, любознательным и энергичным. В скором времени Томатов освоил мастерство каюра и в декабре 1957 г. был направлен в составе выездной бригады на “дальние ухажа” вести зимний промысел песка. В состав бригады входили местные промысловики: Пешков Михаил Иванович (ок. 1924 г. р.) и Степнов Май Михайлович (1929 г. р.). На обратном пути договорились встретиться со “стариками” — Бадаевым Апполинарием Игнатьевичем (1906 г. р.) и Ножиковым Иваном Иосифовичем (1917 г. р.) — на Старой Гавани. Бадаев и Ножиков приехали вовремя, а Томатов задержался на полдня. В те годы с этим было строго — не пришел, значит, что-то случилось. “Старики” давай спрашивать: “Где был? Что видел?... А цыгане тебе не встретились? — там, на Манати, цыгане толпой, там у них табор”. Весельчак Томатов с удовольствием поддержал розыгрыш: “Когда в другой раз дадут задание,

поеду — обязательно посмотрю». С той поры шутка бытует вот уже более полувека, и если хотят раззадорить или заинтриговать новичка, спрашивают: на Манати ходил? А цыган там видел?»

Процесс формирования топонимов бесконечен. Пока заселены острова, народная фантазия не иссякнет. Однако последнее время прослеживается странная тенденция давать географическим объектам имена, никак не связанные с регионом. Так, 1 декабря 2004 г. было принято постановление о присвоении проливу между Беринга и Медным имени Адмирала Кузнецова. В это время российский флот отмечал столетие со дня рождения Николая Герасимовича, но при всем уважении к заслугам Героя Советского Союза и одного из наиболее выдающихся военачальников Великой Отечественной войны, стоит признать, что ни к Командорам, ни к Камчатке его деятельность не имела прямого отношения. 29 декабря 2004 г. вышло второе постановление — о присвоении двум безымянным вершинам на острове Беринга наименований в память о члене Совета «Интеркосмос» Леониде Андреевиче Кашине и начальнике Главного управления геодезии и картографии СССР Илье Андреевиче Кутузове. Но ни создание сети космической триангуляции, ни использование материалов космических съёмок для создания карт не имеют прямого отношения к тихоокеанским островам. Несмотря на то, что общественность острова единодушно отвергла идею, новые топонимы были официально утверждены. В то же время встречные предложения увековечить имена исторических персонажей, чьи судьбы тесно связаны с Командорами, остались без ответа.

Впрочем, история помнит и более казусные случаи. В двухтомном фолианте «Приключения и путешествия графа Морица Августа Беневского» (1791 г., Лейпциг) знаменитый словацкий путешественник и авантюрист Мауриций (Мориц) Беневский сообщает, что был со своей командой на острове Беринга и залив, в котором стояло его судно, назвал в свою честь бухтой Святого Маврикия (Мауриция). Указанная бухта — ни что иное, как современный Никольский рейд. Название вполне официально запечатлено на карте Морозевича 1903 г.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Library of Congress, Washington (LC). D-59. Ново-Архангельскому Духовному Правлению. Народонаселение на острове Беринг за 1866 г. по 1-е января 1867 г.

2. Алеутский краеведческий музей (АКМ). ГИ 1150/1. Копия с приказа 7 сентября 1897 г. (Запрещение говорить на местных диалектах в лавке и других общественных местах).

3. Архив Русского географического общества (АРГО). Р. 60. Оп. 1. Д. 2. *Полонский А.* Перечень путешествий русских в Восточном океане с 1743 по 1800 г.

4. Архив Музея антропологии и этнографии РАН (МАЭ РАН). ФК. 1. Оп. 2. Д. 1305. Полевые дневники Ляпуновой Р. Г.

5. Государственный архив Камчатского края (ГАКК). Ф. 220. Оп. 1. Метрические ведомости.

6. Там же. Ф. 226. Оп. 1. Д. 2. Местком промышленников о. Беринга, 1923 г.: посемейный список.

7. Российский государственный архив ВМФ (РГАВМФ). Ф. 1331. Оп. 4. Д. 200. Плоская карта части острова Беринга 1827. Сочинение лейтенанта Завалишина.

8. Там же. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 222. Карта северо-западной части острова Беринга. 1896 г.

9. Там же. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 247. План гавани и бухты при о. Медном. Сочинена во время плавания на боте Сивуче мореходом Ингестромом. 1830 г.

10. Там же. Ф. 1331. Оп. 7. Д. 1602. Карта Командорских островов. 1895. С карты 1883 г. по промеру крейсера «Забияка» и транспорта «Якут» в 1893 г.

11. Там же. Ф. 1331. Оп. 7. Д. 1603. Командорские острова. 1914 г.

12. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИАДВ). Ф. 702. Оп. 1. Д. 262. Л. 40. Отчёт по командировке в 1893 г. на Командорские острова причисленного к Департаменту торговли и мануфактур Министерства финансов Константина Савича.

13. *Bergsland K.* Aleut Dictionary. — Fairbanks, Alaska: Alaska Native Language Center & University of Alaska Fairbanks, 1994. — 755 p.

14. *Dybowska M.* Zapisane w sniegu, czyli polska wiedza o Kamczatce i sasiednich wyspach. — Wydawnictwo MAAR: Zrealizowano dzieki pomocy finansowej Ministerstwa Kultury I Dziedzictwa Narodowego, 2006.

15. *Dybowski B. J.* Wyspy Komandorskie. Z mapa i 10 fotodrukowanymi tablicami. — Lwow: Z I. Zwiaskowej drukarni we Lwowie, 1885. — 104 s.

16. *Morozewicz J.* Komandory. Studium geograficzno-przyrodnicze. — Warszawa: Wydawnictwo Kasy im. Mianowskiego Instytutu Popierania Nauki, 1925. — IX—XIV. — 230 s.

17. *Stejneger L.* Eine Umsegelung der Berings-Insel // Deutsche Geographische Bltter. Band VIII. Heft 3. — Bremen, Deutschland: Herausgegeben von der Geographischen Gesellschaft in Bremen, 1885. — P. 225—273.

18. *Stejneger L.* The Russian Fur-Seal Islands / Extracted from U. S. Fish Commission Bulletin for 1896. Art. 1. P. 1—148. Pl. 1—66. — Washington: Government Printing Officer, 1896. — 148 p.

19. The Journals of Iakov Netsvetov: the Atkha Years. 1828—1844/ Translated, with Introduction and Supplementary Material by L. Black. — Kingston, Ontario, Canada: The Limestone Press, 1980. — 342 p.
20. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. — Новосибирск: Наука, 2000. — 768 с.
21. Арсеньев В. К. Командорские острова в 1923 году // Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока. — Владивосток, 1923. — С. 420—464.
22. Барабаш-Никифоров И. И. В стране ветров и туманов. — М.: Л., 1934. — 92 с.
23. Барканова Л. А. Достойный сын века Просвещения России — адмирал Алексей Иванович Нагаев // Люди великого долга. Материалы XXVI Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2009. — С. 11—15.
24. Белковский А. Н. Новые сведения о посёлке Полуденного (Южно-го) лежбища острова Беринга // Люди великого долга. Материалы XXVI Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2009. — С. 21—25.
25. Берх В. Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги Российского купечества. — СПб., 1823. — 170 с.
26. Браславец К. М., Шатунова Л. В. Словарь русского камчатского наречия. — Хабаровск, 1977. — 195 с.
27. Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга / Перепеч. с изд. 1940 г. — Петропавловск-Камчатский, 2011. — С. 407—572.
28. Ваксмут Н. С. Заметка о костяке морской коровы (*Manatus Stelleri* — *Stellerus borealis*) / Приамурские ведомости. — 1899, 25 апр. — № 278.
29. Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. — Ч. II. — СПб., 1840. — 409 с.
30. Гаврилов С. В. Вдоль камчатских берегов. (Транспортное и рыбопромышленное освоение охотско-камчатского побережья в конце XIX — первой трети XX вв.). — Петропавловск-Камчатский, 2003. — 567 с.
31. Головкин Е. В. Словарь алеутско-русский и русско-алеутский. — СПб., 1994. — 320 с.
32. Гребницкий Н. А. Записка о Командорских островах // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. — Т. 3, вып. 2. — Иркутск, 1882. — С. 43—125.
33. Гребницкий Н. А. Командорские острова. — СПб., 1902. — 41 с.
34. Гринев А. В. Кто есть кто в истории Русской Америки. — М., 2009. — 672 с.
35. Даль В. И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка. — Т. 1—4. — СПб.: М., 1880—1882.
36. Имена на карте Тихого океана. Режим доступа: http://shturmantof.ru/Bibl/Bibl_4/Bibl_4_4.htm/.
37. Камчатка XVII—XX вв. Историко-географический атлас / Под ред. Н. Д. Жданова и Б. П. Полевого. — М., 1997. — 112 с.
38. Крашенинников С. П. Описание Земли Камчатки. — Т. 1. — СПб.: Петропавловск-Камчатский, 1994. — 438 с.

39. *Меновицков Г. А.* Алеутско-русский словарь. — Л., 1967. — 76 с.
40. *Пасенюк Л. М.* В одиночку на о. Беринга, или Робинзоны и мореходы. — М., 1981. — 144 с.
41. *Пасенюк Л. М.* Командоры мои и твои. — М., 1989. — 256 с.
42. *Патканов С.* О приросте инородческого населения Сибири // Записки ИРГО по отделению статистики. — Т. XI. Вып. I. — СПб., 1911.
43. *Пекарский П. П.* Архивные разыскания об изображении несуществующего ныне животного *Rhytina borealis* // Записки Императорской Академии наук. — Т. 15, пр. 1. — СПб., 1869. — С. 1—33.
44. *Пекарский П. П.* Рапорт Петра Яковлева // Записки Императорской Академии наук. Т. 10. Кн. 2. — СПб., 1867. — С.183—186.
45. *Редько Б. А.* Алеуты Командорских островов // Производительные силы Дальнего Востока. — Вып. 5. — Хабаровск : Владивосток, 1927. — С. 69—112.
46. Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова / Под ред. Р. Г. Ляпуновой и С. Г. Федоровой. — Л., 1979. — 280 с.
47. Русско-Японская война 1904—1905 гг. Режим доступа: <http://www.japanrussia.ru/russko-aponskaa-voina-otdelinii-otrad-kreiserov-zakrito-kreiser-i-ranga-34ryrik34-2.html/>.
48. *Санько Г.* На острове Беринга / Тихоокеанская звезда. — 1935, 2 дек. — № 277.
49. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. — Т. 3, вып. 2. — Иркутск, 1882.
50. Северная энциклопедия. — М., 2004. — 1 200 с.
51. *Спасский Г. И.* Описание острова Медного / Сибирский вестник. — № 18. — 1822. — С. 281—290.
52. *Стеллер Г.-В.* Дневник плавания с Берингом к берегам Америки 1741—1742 / Под ред. А. К. Станюковича. — М., 1995. — 224 с.
53. *Суворов Е. К.* Командорские острова и пушной промысел на них. — СПб., 1912. — 324 с.
54. *Татаренкова Н. А.* Алеутский район: история административного устройства и геральдической символики // Люди великого долга. Материалы XXVI Крашенинковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2009. — С. 232—248.
55. *Татаренкова Н. А.* Командорские острова: местные слова и термины, устаревающие и редко употребляемые понятия // О Камчатке: её пределах и состоянии. Материалы XXIX Крашенинковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2012. — С. 235—251.
56. *Татаренкова Н. А.* Ранний этап деятельности миссионера Иакова Нецветова // Материалы V Международных Исторических и Свято-Инокентиевских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2012. — С. 64—71.
57. *Татаренкова Н. А.* Способы охоты на морскую корову (*Hydrodamalis gigas*) и одна из причин её стремительного вымирания // Сохранение биоразнообразия Камчатки и прилегающих морей. Материалы VII

международной научной конференции. — Петропавловск-Камчатский, 2006. — С. 156—159.

58. *Хабаров В. П.* Котиковое хозяйство на Командорских островах. — Л., 1941. — 71 с.

59. *Черский А. И.* Командорский песец // Материалы по изучению рыболовства и пушного промысла на Дальнем Востоке. 1919. — Вып. 1. — Токио, 1920. — С. 60—107.

Автор искренне благодарит местных жителей Геннадия Михайловича Яковлева, Веру Терентьевну Тимошенко, Валентину Михайловну Кияйкину, Кирилла Терентьевича Кадыгина, Ивана Ивановича Вожикова, Юрия Юрьевича Голых; лингвиста Евгения Васильевича Головки, писателя Леонида Михайловича Пасенюка, орнитолога Юрия Борисовича Артюхина, зоолога Евгения Георгиевича Мамаева; за помощь в переводе с польского — Валерию Борисовну Колосову.

А. В. ГОКОВ

СТРАНА БЕСПРЕДЕЛЬНОЙ СКОРБИ

(Камчатка на рубеже веков)

Написано в 1996—1997 гг., в канун празднования трёхсотлетия присоединения Камчатки к России. Извлекаю из-под сукна и со всем уважением предлагаю вниманию читателя, подвергнув небольшим правкам, не изменяя сути, не изменяя тому ощущению рубежа веков, которое и побудило меня всё это написать пятнадцать лет назад.

От автора

*На Камчатке можно прожить семь лет,
что ни сделаешь, а семь де лет прожить,
кому Бог велит.*

Камчатская поговорка XVIII в.

Ровно сто лет назад, в 1897 г., как и сейчас, Камчатка находилась в центре всеобщего внимания по случаю двухсотлетнего юбилея своего присоединения к Российской Империи. Жители принимали поздравления властей. Приамурский генерал-губернатор С. М. Духовской, оставив временно прочие дела, прибыл в Петропавловск и чествовал тех, кто помнил ещё события 1854 г. Учёные корпели над составлением естественно-исторических описаний полуострова, а в далеких российских столицах торгово-промышленные и финансовые круги спешили утвердить «кстати разработанный» устав «Камчатского торгово-промышленного общества».

Но уже в 1907 г., то есть спустя всего десять лет, российское правительство, проигравшее русско-японскую войну 1904—1905 гг., подписало с Японией рыболовную конвенцию, означавшую на деле согласие на экономическое закабаление японцами камчатского населения. Того самого населения, что в годы войны успешно противостояло японскому вторжению и проявило при этом столько неподдельного патриотизма, столько мужества, что его с лихвой хватило бы на всю действующую армию, воюй та на родной, российской, а не на китайской земле.

Как же случилось, что камчадалы, отстоявшие в трудную годину свою землю от посягательств японцев, были отданы собственным правительством в кабалу «победителям»? Ответ на этот вопрос

сокрыт не так глубоко, как кажется на первый взгляд. Всё проще чем кажется, если посмотреть на камчатскую историю трезво, не зацикливаясь на ура-патриотических настроениях, которые охватывают наш край в периоды разного рода юбилеев.

Начиная с XVIII в., российское правительство относилось к Камчатке как к источнику пополнения казны. Поначалу это был исключительно ясак, которым обложили туземное население. Затем, помимо ясака, в казну потекли меха, поступавшие от русских промышленников с Командорских, Алеутских и Курильских островов в виде так называемой «десятинной пошлины». А что же получала Камчатка взамен, кроме начальников-самодуров и паразитов в подавляющем своем большинстве, кроме «де факто» статуса зоны, где можно грабить безнаказанно и ясачное население, и российских верноподданных? Да практически ничего, что не вызывалось бы с интересами имперской казны.

Да, правительство посылало в наши края ряд важных экспедиций, финансировавшихся за казённый счёт: Беринга, Гвоздёва — Фёдорова, Беринга — Чирикова, Креницина — Левашова, Биллингса — Сарычева и некоторые другие. И да, эти экспедиции привели к ряду важных, часто великих, географических открытий, потому мы и чтим память тех, кто в них участвовал. Но нет, это не было направленным развитием камчатской экономики. Все эти экспедиции использовали Камчатку лишь как базу, как трамплин для достижения новых заокеанских территорий и обнажили суть российских имперских устремлений.

Принцип «не останавливаться на достигнутом», которому осознанно, нет ли, была подчинена вся российская колониальная политика, применительно к Камчатке работал в полной мере. На Камчатке не остановились, её переступили и двинулись дальше. Сейчас нет нужды выяснять «плохо» это было или «хорошо». Так было. Иное было время, иные люди, иные нравы. Иными были ценностные ориентации россиян XVIII в.

«И наша досягнет в Америку держава», — мечтал тогда великий учёный, мыслитель и поэт М. В. Ломоносов, и держава достигнула...

В XIX в., после перемещения центра зверопромышленной деятельности в американские владения Российско-американской компании (РАК), о Камчатке, об укоренившемся здесь русском населении, равно как и об аборигенах, успевших сполна вкушать «прелести» цивилизации, правительство предпочитало не вспоминать. А если и вспоминало, то в минуты опасности и очень ненадолго.

Ничему не научили политиков и камчатские события Крымской войны. В 1854 г. Петропавловский порт, этот очень лакомый кусочек Российской Империи, соблазнявший английских и французских союзников Турции, оказался неприятелю не по зубам исключительно благодаря мужеству его защитников — военных моряков, добровольцев и казаков. Тогда героев не обошли наградами, но сам порт был фактически брошен на произвол судьбы («эвакуирован») уже в 1855 г. И это притом, что Авачинская губа не перестала быть лучшей в мире, а пушнина в крае ещё имелась в немалом количестве.

После «эвакуации» Петропавловского порта и образования в 1856 г. Приморской области с центром в Николаевске, Камчатский полуостров в качестве одного из округов, названного Петропавловским, вошел в её состав. С этого времени и вплоть до начала двадцатого столетия Камчатка неуклонно, год за годом, превращалась в «забытую окраину России». Здесь десятилетиями не показывалось высокое начальство, не развивалась промышленность, не работал на развитие края торговый капитал, а капитал банковский вообще отсутствовал как таковой.

Более того, не укреплялась обороноспособность. Из официального отчёта петропавловского окружного начальника Н. И. Волкова за 1873 г.: «Число войск. В округе находится казаков двадцать два. Безсрочноотпускных один. Отставных чинов тридцать пять. Солдатских и казачьих жён и дочерей сто тридцать девять. Солдатских и казачьих сыновей и кантонистов шестьдесят два. Всего двести пятьдесят девять. В городе Петропавловске регулярных войск — (прочерк, нет. — А. Г.). Иррегулярных казаков тридцать шесть. Безсрочноотпускных четырнадцать. Отставных нижних чинов девятнадцать. Солдатских, казачьих жен и дочерей пятьдесят восемь. Солдатских, казачьих сыновей и кантонистов тридцать три. Итого сто шестьдесят, а всего в городе и округе четыреста девятнадцать». В сводке о численности населения по сословиям Н. И. Волков упомянул также и «регулярных войск матросов» восемь человек, но всякому читателю ясно, что войск на Камчатке в последней четверти девятнадцатого столетия фактически не было.

В таких вот условиях, в забвении, стирались и без того прозрачные сословные и этнические границы между камчадалами (обрусевшими ещё в XVIII — начале XIX вв. ительменами) и русскими старожилками Камчатки.

Конечно, нет ничего противоестественного в том, что аборигены края приобщались к индустриальной культуре, а пришлое

русское население приспособлялось к местным условиям и перенимало отдельные черты традиционного камчадалского быта. Но ведь речь-то идёт уже о XIX, а не о XVIII в.! В это время российское общество интенсивно развивалось, население же Камчатки находилось в почти полной от него изоляции.

«Одичание» русских старожилов Камчатки дошло до того, что когда в 1865 г. на полуостров прибыл американский телеграфист Джордж Кенан, в русском (!) крестьянском селении Мильково местные жители приняли его за *Государя Императора* потому только, что Кенан носил форменный мундир и представлялся *оператором* телеграфной компании.

Численность населения по причине высокой смертности росла крайне медленно. По данным уже упоминавшегося исправника Н. И. Волкова, в 1873 г. на территории вверенного ему округа (включая Петропавловск) проживало всего 6 125 человек. Из них самым многочисленным сословием были так называемые «сибирские инородцы» — камчадалы, коряки, ламуты (эвены) — 4 002 человек. За инородцами следовали «государственные крестьяне всех наименований» — 1 028, лица военных сословий (о них говорилось выше), лица гражданских сословий (потомственные горожане — шесть, купцы с семьями — двадцать восемь, мещане податные — двести девятнадцать), белое духовенство — сто восемьдесят один, потомственные и личные дворяне — пять и восемь соответственно, лица «прочих» сословий — двадцать четыре человека.

Практически неизменной оставалась эта картина в течение последующих трёх десятилетий, до поры, когда на Камчатке стали появляться новые переселенцы из материковой России. Тогда, в 1909 г., правительство, всерьёз озабоченное усилением иностранного влияния, главным образом японского, пошло, наконец, на образование Камчатской области в составе Приамурского генерал-губернаторства, и во вновь образованную Камчатскую область вошли прежние уезды Приморской области: Петропавловский, Охотский, Гижигинский, Анадырский и Командорских островов. Впрочем, эта мера могла поспособствовать лишь упрощению административно-бюрократических сношений, ведь она была предпринята уже после подписания русско-японской рыболовной конвенции 1907 г., в преддверии Первой мировой войны и последовавших за ней переворотов 1917 г. Камчатка вместе со всей Россией уже стояла на краю пропасти и неотвратимо в неё сползала.

Продажа владений РАК Северо-Американским Соединенным Штатам в 1867 г. и передача Курильских островов Японии в 1875 г.

превратили Камчатку в пограничную территорию, поставили её население в весьма щекотливое положение. Ведь новые государственные границы САСШ и Японии оказались очень близки к нашему полуострову, абсолютно беспомощному в военном отношении. Притом, что в наших территориальных водах, а ещё в большей степени в японских водах у Курильских островов образовался и почти беспрепятственно орудовал целый флот английских, американских и прочих браконьеров, грабивший природные ресурсы пока ещё мирно соседствовавших (несмотря на инцидент начала XIX в.) Японии и России. Пиратский флот хозяйничал, не взирая на государственную принадлежность обворовываемых территорий.

Поскольку в 1870—1880-х гг. главным объектом браконьерского промысла был курильский калан, то браконьеры, «исключительные космополиты» по меткому определению американского историка Д. Стефана, в это время были головной болью, главным образом, для японского правительства. Хотя, безусловно, они немало досаждали и россиянам.

Но скоро, в 1890-х гг., положение изменилось. Охота на каланов, по свидетельству капитана Г. Д. Сноу, занятие весьма опасное, к этому времени утратила смысл. При ведении промысла по методу так называемого «фатального треугольника» гибли нередко и сами промышленники. Ещё больше погибало этих рискованных парней в морской пучине.

Немного цифр. Из пятидесяти двух пиратских судов, промышленивших зверя в 1875—1895 гг., тринадцать пропали без вести, семнадцать потерпели кораблекрушения с человеческими жертвами, пять были захвачены русскими. Четырнадцать пиратским судам довелось покинуть тихо-мирно «свои» промысловые районы, и только три продолжали проявлять бессмысленную настойчивость, пиратствуя на Курилах по-прежнему. Бессмысленную, потому что к 1897 г., по данным того же Сноу, на всех Курильских островах оставалось не более семидесяти-восьмидесяти каланов.

И вот, подобно тому, как в 1860—1870-х гг. браконьеры сократили добычу китов и переключились на каланов, так в 1890-х гг. они прекратили промысел каланов на курильских лежбищах и сосредоточились на котиковом и моржовом промыслах преимущественно в наших водах. В это же время и ограбленная «пиратами-космополитами» Япония обратила внимание на закрома своего северного соседа.

Казалось бы, пока на Курилах не перевелся калан, и пока корабли японского императорского флота охотились за браконьерами в своей двенадцатимильной зоне, у российского правительства было время подумать и позаботиться об охране своих границ. Но, увы, этого не случилось. На рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий Камчатка оказалась в водовороте событий, которые мало, кого интересуют, мало, кем изучаются. И оттого почти неосвещенных в краеведческой литературе. О литературе же для широкой читательской аудитории вообще говорить не приходится.

Предлагаемая работа восполняет это пробел отчасти, а может и вовсе не восполняет. В основе повествования, так мне хочется её называть, лежат архивные документы, реже — печатные труды.

Подчеркну ещё раз, работа не задумывалась как научная. Это всего лишь документальное повествование, отражающее личное и, очень возможно, весьма субъективное мнение автора относительно всего происходившего на Камчатке на рубеже веков. Надеюсь, всё же она составит интерес для камчатских читателей.

Не знавшие денег

*Насколько Камчатка первобытная страна!
У жителей её до сих пор в употреблении
кремень и огниво!*

Из дневника В. К. Арсеньева, 1918 г.

О том, как выглядели камчатские селения и что представляли собой их обитатели в конце XIX в., написано достаточно много. Дело в том, что в связи с двухсотлетием присоединения Камчатки к России в 1890-х гг. здесь побывало немало исследователей. Труды доктора Н. В. Слюнина, В. П. Маргаритова, окружного врача В. Н. Тюшова, А. П. Сильницкого и сейчас, спустя десятилетия, вполне доступны всем желающим с ними ознакомиться. А потому, во избежание неуместных повторов, я опишу в этой главе лишь те стороны камчатской жизни, которые знакомы пока лишь достаточно узкому кругу специалистов в области дальневосточной истории, ограничившись периодом до начала двадцатого столетия, когда спящая и позабытая всеми Камчатка была вновь взбудоражена военными залпами. Залпами русско-японской войны.

Одной из главнейших причин отставания Камчатки от темпов развития «материковой» России было почти полное отсутствие транспортного сообщения. После ликвидации РАК все заботы по

доставке грузов, почты и пассажиров тяжким бременем свалились на Сибирскую военную флотилию, суда которой были для этого мало приспособлены, да и вообще не для того предназначались. Будучи обузой для военных, грузоперевозка быстро сделалась мероприятием нерегулярным и даже случайным.

В 1875 г. при Морском министерстве была создана комиссия во главе с главным командиром портов Восточного океана контр-адмиралом А. Е. Кроуном, которая подготовила «Проект условий обязательных для будущих предпринимателей пароходного сообщения между портами Восточного океана, Китая и Японии». Этот проект предусматривал учреждение частного пароходного сообщения «для перевозки почты, казённых грузов, воинских чинов, арестантов и переселенцев, а также пассажиров и товаров» по нескольким линиям, которые весьма подробно рассматриваются южно-сахалинским историком М. С. Высоковым в одной из его работ.

Камчатка находилась на «Северной линии», которая обслуживалась бы по данному проекту один раз в год. Предполагаемый маршрут: Владивосток — Корсаковский пост — Петропавловск — Командорские острова — Петропавловск — Тигиль — Гижига — Охотск — Аян — Удское — Тарайка — Корсаковский пост — Владивосток. Суммарно 5 085 морских миль.

Северная линия, в отличие от прочих, могла быть отделена от остальных при заключении контракта с предпринимателем, которому предлагалось от правительства по 4 руб. 70 коп. за каждую пройденную его судном милю.

Первый контракт на обслуживание Северной линии был заключён в 1876 г. с петропавловским купцом первой гильдии А. Ф. Филиппеусом, который принял на себя обязательство работать по данному контракту десять лет под годовую субсидию в 30 000 руб. С 1876 г. пароход А. Ф. Филиппеуса «Камчатка» обслуживал полуостров одним рейсом в год. Но по истечении десятилетнего срока купец счёл размеры прежних субсидий недостаточными и принялся добиваться их увеличения до 50 000 руб.

Закончилось дело тем, что ему вообще было отказано в продлении контракта, а Северная линия была передана с 1886 г. Добровольному флоту (Доброфлоту) всего под 15 000 (по другим подсчётам под 17 600) руб. правительственных субсидий.

Доброфлот, имевший картельное соглашение с пароходным трестом «Российского общества пароходства и торговли (РОПиТ)», стал обеспечивать пароходом «Владивосток» ежегодно по два рейса на Камчатку. Один прямой: Владивосток — Петропавловск —

Владивосток, с заходом в Корсаковский пост, а второй круговой: Владивосток — Корсаковский пост — Петропавловск — Нижне-Камчатск — Петропавловск — Тигиль — Гижига — Охотск — Удское — Аян — Тарайка — Корсаковский пост — Владивосток.

После русско-японской войны Доброфлот производил и другие рейсы, причем двумя пароходами одновременно, но это было уже иное время.

Пользуясь монопольным правом транспортировки грузов, Доброфлот устанавливал высокие тарифы. В разные периоды его деятельности доставка товаров на Камчатку обходились купечеству (по подсчётам магаданского историка А. Н. Исакова) от трёх до трёхсот семидесяти пяти процентов их стоимости. Но купечество шло на эти издержки. У него не было выбора. Да и платило за всё в конечном итоге не само купечество, а камчатское население. Причём преимущественно — пушниной.

«Торговля в Петропавловске и Петропавловском округе, за неимением в обращении у населения денег, исключительно меновая» (А. П. Сильницкий, 1896 г.).

«Все доставляемые для инородцев товары оплачиваются исключительно пушниной, весь край не знает и не имеет в руках денежной единицы, таковую для него заменяет шкурка ходячего зверя. Потому весь счёт в Охотском округе переводится на белку, а в Петропавловском — на лисицу; Гижигинский округ служит переходной ступенью, и счёт здесь ведётся то пыжиками, то лисицами, то белкой» (Н. В. Слюнин, конец 1890-х гг.).

Скупочная цена пушнины была много ниже реальной, и потому меновая торговля процветала. В 1890-х гг. она была сосредоточена преимущественно в руках «Русского товарищества котиковых промыслов (РТКП)», образованного в 1891 г. предпринимателями Прозоровым, Лепешкиным, Савичем и Гринвальдом. На западном побережье Камчатки конкуренцию этому товариществу создавало «Приамурское товарищество», компаньонами которого были купцы Басов, Шустов, Коковин, развившие деятельность и в Охотском округе.

С учреждением «Камчатского торгово-промышленного общества (КТПО)», устав которого был утверждён в 1897 г., в него вошло и РТКП, а «Приамурское товарищество» в 1898 г. было ликвидировано. КТПО не ограничивалось торговой деятельностью, но имело серьёзные виды и на рыбные промыслы. В начале XX в. оно уже имело рыбоконсервный и туковый заводы в Авачинской губе, а в сфере камчатской торговли лидировало по отношению

к таким солидным фирмам как, например, владивостокский торговый дом «Чурин и К^о».

Сказанное вовсе не означает, что с наметившимся развитием торгово-промышленной деятельности российских предпринимателей стал возрастать уровень жизни камчатского населения. Население, как аборигенное, так и русское старожильческое, продолжало быть выменем, к коему присосались и доморожденные дельцы, и дельцы заморские, жившие и легальной торговлей, и контрабандой. Особенно явно мерзость сложившихся отношений проявилась в годы русско-японской войны 1904—1905 гг., хронологические рамки которой, как будет показано далее, для Камчатки весьма условны.

Громкая песня Гундзи

*В маленькой лодчонке мы передем на Камчатку,
там под тенью чёрной берёзы мы настругаем себе
мясо лосося и будем пить варварское вино, мы будем
бить в музыкальные инструменты и будем петь
громкие песни...*

Из довоенной японской прессы

Уже за несколько лет до начала активных боевых действий в «Желтороссии» и на Камчатке японские «браконьеры-хищники», как их тогда именовали, появились на морских побережьях нашего полуострова. Как и во времена двухсотлетней давности, на рубеже XIX и XX вв. «маленькие дети страны Восходящего Солнца» считали россиян «ако эдзо» («рыжими варварами»), не обременяли себя соблюдением правил рыболовства, игнорировали принципы равноправного сотрудничества.

Сейчас, на исходе века двадцатого, непросто осознать, насколько поправки добрососедских отношений было болезненно ощущимо для наших земляков, русских и камчадалов. Проникнуться ощущениями того времени можно, лишь вспомнив, что владения Японской империи начинались тогда сразу за мысом Лопатка. Что же до подданных японского императора, то они, наверное, расценивали свои действия как естественные, не противоречащие собственным морально-этическим нормам, формировавшимся многие десятилетия.

Действительно, японское правительство так долго оставляло без внимания сам факт существования Курильских островов и других

земель к северу от острова Хоккайдо, что после 1798 г., когда Хонда Тосиаки получил приказ сёгуната «занять Камчатку», в Японии воспряло духом множество патриотов-фанатиков, провозгласивших начало эры северных экспансий. Это не измышления, порождённые нашими историками, но факт, признаваемый учёными третьих стран, в частности, выше упоминавшимся Д. Стефаном, авторитетным исследователем русско-японских отношений.

Видными фигурами из числа этих патриотов стали Хабуту Масаясу, Токугава Нариаки и Окамото Кансукэ, резонно полагавшие, что в интересах национальной безопасности следовало сначала заняться колонизацией островов и только затем переходить к новым обширным завоеваниям. В 1875 г., когда (на основании второй статьи Санкт-Петербургского трактата) Курильские острова от Алаида (на севере) до Урупа (на юге), принадлежавшие прежде России, отошли к Японии в обмен на её отказ от притязаний на южную часть острова Сахалин, у японцев появилась реальная возможность проявить себя в деле освоения «северных территорий». Однако на «раскачку» им потребовалось ещё несколько лет.

У нас на Камчатке, и от сахалинцев, нередко можно слышать истории про японскую застройку Курильских островов, о таинственных подземельях и прочих чудесах. При этом как-то само собой упускается очевидное — эти сооружения, как правило военно-оборонительные, появились относительно недавно, в годы Второй мировой войны, начиная с летне-осеннего сезона 1940 г. В девятнадцатом же веке, о котором здесь идёт речь, японские власти не проявляли особой деловой активности, и это, конечно, сказывалось на настроениях японских патриотов.

В середине 1880-х гг. секретарь кабинета министров Канэко Кэнтаро (1853—1942), выпускник Гарвардского университета и один из создателей японской конституции 1889 г., предпринял поездку на Курильские острова и пришёл к выводу, что они являются важным стратегическим объектом, ключом к камчатским берегам. И в то же время он был серьёзно озабочен тем, что на японской (с 1875 г.) территории хозяйничали английские и американские браконьеры, а российские военные корабли свободно крейсировали в районе архипелага, занимаясь топографией островов и гидрографическими исследованиями.

Канэко представил в Токио проект усиления северных границ Японской Империи, который среди прочего предполагал заселение Южных Курил «тодэнхэями» (эткими крестьянами-солдатами, отдалённо напоминающими наших казаков). Кроме того, он

предлагал создать постоянно действующую Курильскую эскадру на базе императорского флота. Проект Канэко не побудил японское правительство к немедленному реагированию, но и не был оставлен вообще без внимания. В 1891 г. японский император повелел своему камергеру Катаока Тосикадзу изучить ещё раз ситуацию на месте, что тот и исполнил.

Изучая потенциал каждого острова Курильской гряды, Катаока Тосикадзу к 4 июля 1892 г. достиг острова Шумшу в районе мыса Кокутан («верхняя оконечность государства») и имел возможность обозреть Южную Камчатку невооружённым глазом. Вернувшись в Японию, в октябре 1892 г., Катаока представил императору доклад, сходный с проектом Канэко шестилетней давности. Но, в отличие от предшественника, Катаока рекомендовал приступить к улучшению средств сообщения, к строительству портов и маяков, к организации метеопостов и к заселению островов Уруп, Симушир, Парамушир, Шумшу «тонкахэями» (рыбаками-матросами). Однако вновь ничего не было предпринято.

Инициатива заселения северных островов снова перешла в негосударственные патриотически настроенные круги. Упомянувшийся выше Окамото Кансукэ (1839—1904) — директор школы на острове Сикоку и отец-основатель общества «Тисима Гикай» («Курильское общество»), предпринял попытку колонизации острова Итуруп. И хотя попытка эта завершилась полным провалом, поскольку ветхое судёнышко колонистов потерпело крушение, поступок патриотов получил широкую огласку и имел широкий общественный резонанс, так как событие это было романтизировано журналистами, наблюдавшими фиаско с борта военного корабля.

Вот здесь-то и возникает одна из самых интересных фигур нашего повествования. Это последователь Окамото Кансукэ — старший лейтенант военно-морского резерва Японии Гундзи Сагэтада (1860—1924), человек весьма и весьма неординарный, чья личность известна камчатскому читателю главным образом с отрицательной стороны.

Наиболее типичная характеристика Гундзи: *«...лейтенант японского императорского флота Гундзи Наритада, шпион и авантюрист, жестокий палач миролюбивых айнских племён — жителей Курильской гряды. Наритада удалось проникнуть на Камчатку, стать русским подданным и устроиться приказчиком “Камчатского торгово-промышленного общества”. Шпион тщательно изучал Камчатку, особенно её западное побережье — район предполагавшейся высадки японских десантных шхун...*

осенью 1903 г. Гундзи был вызван в Токио для выработки детального плана захвата Камчатки...» (К. В. Мечтанова, 1961 г.).

Последнее утверждение о шпионаже и разрабатывавшихся заранее планах захвата Камчатки, увы, не аргументировано документами, оно обосновано лишь фактом, что осенью 1903 г. в Токио одновременно с Гундзи находились и некоторые российские подданные, проявившие себя позднее, говоря деликатно, не самым достойным образом. А именно — барон Н. А. Брюгген (председатель вышеназванного КТПО и «по совместительству» русский консул в Сан-Франциско), а также Н. А. Гребницкий (окружной начальник Командорских островов), давно имевший самое непосредственное отношение к торгово-промышленным структурам.

По этой «шпионской» версии, заговорщики, собравшиеся «под предлогом посещения рыбопромышленной выставки», устроили «постыдный торг» при участии известного финансиста А. А. Прозорова. Этот торг, как утверждается, закончился тем, что с «ведома министра внутренних дел России Плеве Камчатка была попросту продана» Японии, а «дальневосточные агенты Гребницкий и Брюгген гарантировали японскому двору бескровный, мирный переход Камчатки в лоно императорской Японии».

Разделяя неприязнь к вышеперечисленным господам, замечу, никого не интересует тот факт, что и Брюгген, и Гребницкий, и уж тем более Прозоров, имевший непосредственное отношение не только к Санкт-Петербургской фондовой бирже, но и к КТПО (а до того — к РТКП) могли действительно делать «свой маленький бизнес» на Токийской выставке 1903 г. Авторы высказали вполне правдоподобную «шпионскую» версию, увы, ничем её не подкрепив. Мне же, как лицу, не имеющему возможности сверить эти «факты» с данными имперских спецслужб, остаётся лишь предоставить читателю возможность самому соотнести их с последующими событиями 1904—1905 гг. Несколько забегая вперёд, хотелось бы подчеркнуть главное — едва ли справедливо подходить с одним аршином к оценке деятельности господ бизнесменов Брюнгена, Гребницкого и патриота Японии Гундзи.

Мы ещё вернемся к вопросу о подрывной деятельности лейтенанта Гундзи, здесь же, вслед за Д. Стефаном, хочется оспорить «неоспоримый факт», что Гундзи был «палачом миролюбивых айнских племен». Известно, что айны были выселены японскими властями с островов Шумшу и Парамушир на остров Шикотан в период с 30 июня по 6 июля 1884 г., Гундзи же начал «курильскую эпопею» спустя почти десятилетие. А своё селение на Шум-

шу он назвал Катаока — в честь императорского камердинера, добивавшегося, среди прочего, возвращения шикотанских айнов в их родные места.

Что искал на дальнем севере «каратель» Гундзи Сагэтада, он же брат известного японского писателя Кюда Рохан (1867—1947), отважный офицер, неисправимый романтик, авантюрист? Мне представляется вполне вероятным, что не богатства он искал и не сомнительного счастья от общения с продажными отбросами и паразитами нашего Отечества. Но, как многие, этот тридцатилетний образованный японец мечтал о том, как будет сидеть под тенью чёрной берёзы и петь свою громкую песню.

«Идиотская затея» Гундзи Сагэтада

Будучи патриотом Японии и верным последователем Окамото Кансукэ, Гундзи оставил военную службу и в 1892 г. создал «Тисима Хоко Гикай» («Общество освоения Курильских островов»), в которое вовлекал бывших моряков. Им предстояло стать «тонкахэями». Исключение Гундзи сделал лишь для своего друга Сирасэ Нобу, не моряка, а лейтенанта армейского резерва, прославившегося позднее в качестве руководителя Первой японской антарктической экспедиции.

Подчеркну ещё раз, Гундзи, который обвиняется нашими историками в милитаризации острова Шумшу, выбирал *между моряками и армейцами*, а не *между гражданами и военными*.

И не потому, что создавал «плацдарм», а потому, что не было иного выбора. В те годы всякий здоровый японец считался, прежде всего, воином. Тот, кто не попадал на флот, шёл территориальную в армию (была создана для защиты империи на время отсутствия армии постоянной) или в народное ополчение (в него входили все способные носить оружие мужчины в возрасте от семнадцати до сорока лет). Считайте сами. Возраст армейского призывника был двадцать лет. Срок службы — двенадцать лет и четыре месяца (три года действительной службы в войсках, плюс четыре года и четыре месяца в запасе да пять лет в резерве). Так что речи о гражданских колонистах вообще быть не могло. Откажись Гундзи от военных, гражданская колония могла бы комплектоваться лишь из убогих калек и глубоких старцев.

«Флотским» же Гундзи отдавал предпочтение потому, что личный состав японского императорского флота состоял из прирождённых моряков, не только хорошо обученных обращению со стрелковым

оружием (что, к слову, отличало их от моряков многих других стран), но и привыкших к суровым климатическим условиям, что выгодно отличало их от основной массы теплолюбивых японцев.

Финансовую помощь вновь созданному обществу, весьма незначительную, оказали император и некоторые чиновники. Императорский флот от какого-либо финансирования программы «Тиси-ма Хоко Гикай» воздержался.

Тем не менее, 20 марта 1893 г. Гундзи и шестьдесят колонистов на пяти небольших судах под восторженные крики почитателей покинули Токио и отправились навстречу своей судьбе. Целью их путешествия были северные острова Курильской гряды. Современник Гундзи — английский капитан Генри Джеймс Сноу, именуемый иногда «морским Тамерланом» за свою браконьерскую удаль, назвал отчаянное предприятие колонистов *идиотской затеей* и оказался прав, хотя и отчасти.

С самого начала колонистов преследовали неудачи. Ещё у острова Хонсю два суденышка из пяти пропали без вести, а остальные, изрядно пострадавшие от морской стихии, были отбуксированы на Хоккайдо канонерской лодкой, заплатив за услуги которой у Гундзи даже не было денег. В конечном итоге лишь девять человек добрались до острова Шиашкотан. А до Шумшу — семеро. В их числе Гундзи и его друг Сирасэ Нобу.

Интересно, что среди этих «шпионов» был и бродячий *православный* священник Вада Хэйхати. Он уединился на острове Пармушир, где изучал природу, писал стихи и мечтал о возвращении айнов на их родные острова. Записки о. Вада были найдены летом 1894 г. вместе с его непогрёбённым телом.

Гундзи и нескольким его спутникам, поселившимся на Шумшу, повезло больше. С трудом, но они всё-таки пережили зиму 1893/94 гг. А в июле 1894 г., когда на Шумшу зашла японская канонерка, и колонистам было предложено прекратить их миссию, Гундзи ответил категорическим отказом.

И всё же на некоторое время он покинул своих товарищей. К этому его призывал долг офицера. Оставив за старшего Сирасэ, Гундзи принял участие в японо-китайской войне 1894—1895 гг. А в 1896 г. он вернулся на Шумшу с новым отрядом колонистов в шестьдесят человек. Сложно сказать, планировалась ли в тот момент нападение на Камчатку, но известно, что среди вновь прибывших были члены семьи Гундзи, а основными занятиями новых переселенцев были огородничество и рыболовство. Японцы построили на Шумшу деревянные дома с необходимыми служеб-

ными постройками. А после урегулирования с русскими властями вопроса о рыболовном участке в районе реки Озерной активизировали свою рыбопромышленную деятельность.

К 1901 г. «идиотская затея» Гундзи Сагэтада уже не выглядела таковой. На острове работал рыбоконсервный завод, на который ежегодно привлекалось до двух с половиной тысяч сезонных рабочих.

Было бы ошибкой полагать, что обитатели посёлка Катаока были настолько же честны по отношению к русским соседям, насколько трудолюбивы, настойчивы в деле освоения своих пограничных земель. Отнюдь. Уже в конце XIX в. за ними числилось несколько тайных набегов на южные берега Камчатки. Но не менее ошибочно, на мой взгляд, распространённое мнение, будто эти браконьерские вылазки осуществлялись только в разведывательных целях и знаменовали военные японские приготовления против России. Выражаясь обычным языком, это было браконьерство, грабёж природных богатств Камчатки при попустительстве центральных российских властей.

Дальневосточные и камчатские власти, население края противостояли японцам по мере сил. В последний предвоенный 1903-й год русская канонерская лодка «Манджур» задержала в наших водах двенадцать японских браконьерских шхун. Напряжённость нарастала...

Необъявленная война

Ночью 27 января 1904 г. флот японского императора совершил вероломное (без предупреждения) нападение на русскую Тихоокеанскую эскадру. Через двое суток в Якутск и далее по северным уездам стало передаваться секретное официальное извещение о начавшейся войне:

«Якутск. Почтою [в] Охотск. Уездному начальнику. Секретно. Немедленно перешлите копии настоящей телеграммы Петропавловскому, Гижигинскому, Анадырскому уездным начальникам. Ввиду объявленной между Россией и Японией войны следует установить строгий секретный надзор за проживающими в крае японцами... поставить их в условия, чтобы не могли вредить населению. Во всем остальном японцы должны находиться под защитой и покровительством законов Российской Империи... а перед навигацией отослать японцев от Петропавловска вглубь страны. Под[писал] Колюбакин. 30 января 1904 г. № 274».

На Камчатке известие о начавшейся войне русские власти получили в ночь с 21 на 22 апреля 1904 г., то есть спустя почти три месяца. Ещё месяцем позже, по некоторым данным, узнали эту новость и японцы на острове Шумшу. Весьма вероятно, узнали от россиян, занятых поспешными военными приготовлениями и взбудораженных слухами, исходившими от барона Брюггена.

Этот «потомок благородных ливонских рыцарей» повсеместно распространялся о наших первых военных неудачах в «Желтороссии» и, спекулируя фактами, пытался спекулировать на камчатском рынке. Так, например, скупочную цену мехов он занижал в два с половиной раза от обычной, а продажную цену муки намеревался поднять вдвое. Кстати, в годы войны Брюгген продолжал представлять интересы КТПО, в качестве приказчика коего прежде фигурировал Гундзи.

«Деятельность» барона была подвергнута очень резкой и обличительной критике со стороны начальника Петропавловского уезда Антона Петровича Сильницкого.

С «Резюме» А. П. Сильницкого по поводу Брюггена 6 мая 1904 г. согласились в письменном виде многие петропавловские горожане. Не грех вспомнить здесь их имена:

— благочинный камчатских и гижигинских церквей, священник Николай Комаров;

— штабс-капитан запаса Векентьев;

— дворянин, прапорщик запаса Цезарь Жабо;

— коллежский асессор Лев Лукич Роберт;

— петропавловский купец второй гильдии П. К. Косыгин;

— петропавловский городской староста П. Корякин;

— смотритель Петропавловского маяка, коллежский регистратор П. Косячков;

— рядовой горожанин Г. Т. Подпругин;

— крестьянин А. Т. Зубко.

Последний, крестьянин Зубко, выразил своё согласие с Сильницким трогательно просто: «С большим чувством глубоко тронут резюме его высокоблагородия... и вполне согласен».

Несогласных с гневной критикой Сильницкого оказалось лишь двое — сам барон Брюгген, читавший «Резюме» «с глубоким прискорбием», и ещё один «камчатский ливонец» — дворянин К. Фон-Гридельман Клойман, пожелавший изложить особое мнение.

Был и третий — гражданин САСШ А. П. Кантор, который заявил: «Не верю, чтобы барон И. Э. Брюгген употребил сей трудный момент для Камчатки для наживы». Но его чувства, надо полагать,

были весьма субъективны, так как именно он в документах 1910-х гг. фигурирует уже как «доверенный» пресловутого КТПО.

Заговорив о «деятельности» Брюггена в начале войны, хотелось бы вновь обратиться к противоречивой персоне Гундзи. Работал ли он на японскую разведку, и, если работал, то в каком качестве?

Комбриг Рабоче-Крестьянской Красной Армии Н. А. Левицкий в пособии, адресованном командному и начальствующему составу, в 1938 г. отмечал, что деятельность японской тайной разведки в России, действительно, началась задолго до русско-японской войны, а многие резиденты были, так или иначе, связаны с торговлей. Таково было положение в Манчжурии и в Уссурийском крае, где японцы маскировались под местных азиатов, преимущественно — под китайцев. Что же до районов европейской России и Сибири, то там, по данным Левицкого, *«работали не столько сами японцы, сколько засылаемые туда иностранцы европейских национальностей»*.

Эта тактика позволила спецслужбам Японии сохранить свою разведывательную сеть в материковой России после начала боевых действий и была весьма предусмотрительной. Ведь уже в конце января 1904 г. все лица японской национальности в России были взяты под наблюдение, что демонстрирует и приведённая выше телеграмма № 274.

Понятно, что лейтенант Гундзи, легально бывавший на Камчатке в довоенный период (после возвращения из Китая) *имел возможность* оказывать японской разведке определенные услуги по сбору сведений для аналитики, и даже по вербовке агентов из лиц, подобных барону Брюггену. Но, утверждать, что он делал это, «маскируясь под местного азиата» или подобным образом, нет оснований. Историкам камчатских событий русско-японской войны следовало бы почаще обрушивать свой праведный гнев не на «пригретого на груди подлого шпиона Гундзи», а на тех прохиндеев и шкурников, которые способствовали его неизбежному вторжению на Камчатку. На бездарных и ленивых столичных царедворцев, по вине которых в наших незащитных серверных окраинах всем заправляли брюггены и им подобные господа.

События развивались быстро. Как только А. П. Сильницкий получил известие о начавшейся войне, он предпринял самые энергичные меры по обороне вверенного ему Петропавловского уезда.

На заседании, «посвящённом» барону-провокатору фон Брюггену, Антон Петрович заверил собравшихся горожан в своей решимости сопротивляться агрессору до конца:

«Я, русский чиновник и бывший офицер несокрушимой армии, громившей... и ливонских рыцарей, служащий в наиотдалённом крае, не имеющем... ни войска, ни корабля, объявляю курляндскому барону Брюггену, что Россия теряла корабли, теряла части войск, но никогда и ни при каких обстоятельствах русский многочисленный народ... не терял непоколебимой веры в... Великого Белого Царя... Ни уроки истории, ни непреложные выводы статистики не позволяют мне, потомку запорожских казаков... согласиться с гибелью Отечества даже на случай гибели всего флота Русского, а не только Тихоокеанской эскадры».

22 апреля 1904 г., то есть сразу же по получении тревожных известий, был созван сход горожан и жителей окрестных местечек, началась запись добровольцев, которые усилили ряды камчатских казаков и образовали народное ополчение — Петропавловскую дружину во главе с прапорщиком запаса Цезарем Жабо. Командиром третьего взвода этой дружины бы назначен находившийся на отдыхе в Мильково Максим Иванович Сотников — надзиратель за рыбными промыслами, а в недалёком прошлом — унтер-офицер Восточно-Сибирского линейного батальона, имевший опыт подготовки бойцов.

Сначала петропавловская дружина была немногочисленна, шестьдесят семь человек, но всех этих людей объединяла большая общая задача — не допустить врага на Русскую землю. На одеждах дружинников были нашиты ополченские кресты с буквами «К.О.» — «Камчатское ополчение». Известен рисунок этого креста, сделанный штабс-капитаном Векентьевым, которого А. П. Сильницкий назначил начальником «всех воинских сил» Камчатки.

Срочно прибывший из Мильковского селения М. И. Сотников пробыл в должности комвзвода ровно столько времени, сколько ему потребовалось на сборы в дорогу в обратном направлении. Он был послан на западное побережье Камчатки для формирования новых дружин. Дальнейшие события показали, что этот человек, как, впрочем, и Векентьев, и Жабо, оказался на своём месте, именно там, где он был нужен более всего.

Все дружины Камчатского ополчения формировались из камчадалов и русских казаков, то есть также, как и в 1854 г. С той лишь разницей, что в 1854 г. они могли рассчитывать на «джентльменство» противника и мощную поддержку сибирских рекрутов, военных моряков, на орудия петропавловских батарей, а теперь, спустя полвека, камчатские ополченцы оставались один на один с врагом, о коварстве и силе которого могли судить лишь по слухам.

Сейчас я должен сделать небольшой экскурс в историю казачества. Да, камчатское ополчение состояло преимущественно из камчадалов, но боевым ядром дружин были казаки. И это есть веское основание для того, чтобы сообщить здесь хотя бы краткие сведения о камчатском казачестве.

Положением о преобразовании в Камчатке воинской и гражданской части, высочайше утверждённым 9 апреля 1812 г., были предусмотрены две *особые казачьи команды* — конная для Камчатки и пешая для Гижиги. Штат Камчатской казачьей команды включал: одного сотника, пять урядников и пятьдесят казаков, с окладами соответственно 100, 60 и 45 руб. В Гижигинской команде надлежало иметь более крупные силы: два сотника, три урядника и сто казаков с теми же окладами.

В начале XX в. властям казалось, что гораздо важнее иметь военные формирования в районах расселения «немирных» чукчей и коряков, чем в «благополучном» Камчатском крае. И потому вся Гижигинская команда должна была всегда находиться в готовности в полном составе. Главным образом — в весеннее время, когда купеческие караваны съезжались на урочище между реками Пенжина и Кузмина «для мены с чукчами», ведь при караванах предписывалось высылать казачий отряд в шестьдесят человек. Камчатские же казаки могли быть рассредоточены по полуострову по усмотрению местного начальства.

Поскольку Камчатская казачья команда создавалась как конная, Положение от 9 апреля 1812 г. предусматривало снабжение казаков лошадьми из имеющегося казённого скота. Фуражом (исключительно сеном) казённые лошади снабжались только в зимнее время, летом же они находились на подножном корму. Впрочем, казаки в зимнее время использовали не лошадей, а собачьи упряжки, как единственно возможный транспорт для передвижения по камчатским снегам.

Служба казаков, как гижигинских, так и камчатских, ограничивалась Положением 1812 г. не сроками, а «способностью к несению оной» и состояла: в содержании караулов при казённых местах, «в разных по казённым надобностям, также с постами и эстафетами», в охране купеческих караванов, в прочих поручениях «по обстоятельствам».

Кроме положенного по штату жалования каждому казаку было определено «производить от казны половинный солдатский паёк, то есть тридцать шесть с половиною фунтов муки в месяц». Что до «одеяния», то его полагалось иметь собственное.

По уставу от 22 июля 1822 г. срок службы камчатских казаков также не был определён, а в уставе было сказано, что казаки состоят на службе «по примеру прочих иррегулярных войск до того времени, пока продолжать оную в силах».

24 января 1828 г. положением Сибирского Комитета казакам Камчатской команды было прибавлено жалованье: сотнику — 100, урядникам — по 60, а казакам — по 30 руб. каждому.

В 1854 г. все находившиеся в Петропавловске казаки Камчатской команды сражались с английскими и французскими захватчиками. В опубликованных документах, связанных с Петропавловской обороной, главная роль в разгроме неприятеля по справедливости отведена военным морякам, сибирским рекрутам и камчадалам-волонтёрам. Но не факт ли, что в боях 1854 г. участвовали четыре казачьих пятидесятника, урядник, шестнадцать находившихся на службе и семь отставных казаков? Из них четверо были ранены, один контужен, два убиты. Документы о казаках, участниках обороны 1854 г., за подписью поручика М. Д. Губарева сохранились в подлинниках, но «почему-то» не вошли в существующие издания.

В конце 1854 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв принял решение о переводе петропавловского гарнизона к устью Амура. Секретный приказ об этом доставил на Камчатку 3 марта 1855 г. его личный адъютант есаул Н. А. Мартынов. Покидая полуостров, контр-адмирал В. С. Завойко обратился к жителям Камчатки со словами: «Англичан и французов бояться вам нечего, *в Петропавловске остаются казаки и волонтёры из камчадал*, которые далеко внутрь Камчатки неприятеля не допустят». О том же, что именно на казаков и волонтёров возлагал все надежды В. С. Завойко, свидетельствуют многие пункты его инструкции есаулу Н. А. Мартынову, оставленному весной 1855 г. командиром Петропавловского порта:

«1-е. Теперь же забрать от поручика Губарева необходимые сведения о казаках и войти ко мне с представлением о надлежащем и полном их вооружении...

4-е. На устье реки Большой содержать караулы из камчадал и казаков для доставления... немедленно известия о судах...

7-е. Прежде, нежели неприятель войдёт в Авачинскую бухту... в безопасных местах в кустах около города поставить камчадал, вооружённых винтовками, и лучших стрелков из казаков...

10-е. За раскомандированием людей на различные посты, казаки и волонтёры преимущественно должны быть расположены

в Старом остроге (ныне город Елизово. — А. Г.), на Хуторе (ныне посёлок Авача. — А. Г.) и Коряках (ныне посёлок Центральные Коряки. — А. Г.)...

11-е. Казаков, в особенности гижигинских, учить фрунтовой службе и поставлять на военную ногу».

Из артиллерии было разрешено оставить лишь одно лёгкое полевое орудие со снарядами, зато по хозяйственной части — работ невпроворот. «Казаки и волонтеры, — инструктировал Завойко Мартынова, — по вывозении всего из порта [должны] засеять вне порта огороды сколь возможно в больших размерах и потом заниматься рыбною ловлею и заготовлять рыбу на зиму для себя и юколу для ездовых собак».

В мае-июне 1855 г., когда английские и французские корабли вновь появились в Авачинской губе, и вплоть до ухода неприятельской эскадры, судя по рапорту Мартынова, «все воинские команды находились в селе Аваче». Неприятель, заставший Петропавловский порт пустым и обезлюдевшим, завершил начатое русскими уничтожение батарей, сжёг здание аптеки и пороховой погреб, китоловное судно «Аян». Казаки же, как видно из упомянутого рапорта, врагу не препятствовали. И в ту же весну 1855 г. посадили на авачинском Хуторе огород для нижних чинов, приступили к строительству на реке Аваче рыбного запора, а кроме того — к постройке «юрт в виде казарм для себя и семейств».

Победители были брошены властями на произвол судьбы и потому, вероятно, вели себя «осмотрительно». Впрочем, это — моё личное мнение.

Прошли годы, поутихли страсти и шумиха вокруг событий минувшей войны, о Камчатке вновь перестали вспоминать.

В 1867 г. была продана Аляска, а уже на следующий год военный губернатор Приморской области обратился к генерал-губернатору Восточной Сибири с предложениями по преобразованию казачьих команд в северных округах. Причем не в смысле укрепления сильно придвинувшихся к Камчатке границ, а, напротив, в смысле их оголения. Он писал:

«Так как казачьи команды в некоторых пунктах северных округов, Удском, Охотске, Гижиге, Нижне-Камчатске и Тигиле при нынешнем положении Приамурского края утратили то значение, которое имелось в виду при учреждении этих команд, поэтому я признаю полезным упразднить их вовсе, предоставив казакам, ежели они пожелают, перечислиться в Якутский городской полк или Амурское казачье войско; те же из них, которые не пожелают

этого, предоставить право записаться в мещане или крестьяне в местах своего водворения или в других местностях Приморской области, по их выбору».

В Петропавловске военный губернатор счёл необходимым оставить тридцать человек из строевых казаков при одном пятидесятнике и двух урядниках *«для исполнения полицейских обязанностей... для прекращения драк и пьянства сходящих на берег команд с коммерческих и в особенности китобойных судов»*. От хозяйственных обязанностей, как то разгрузка казённых судов, строительство казённых зданий и т. д. казаков предлагалось освободить, а работы эти впредь производить «с вольного найма». Охранение так называемых запасных магазинов, находившееся прежде в ведении вахтеров казачьих команд, на основании ст. 615 т. XIII Устава народного продовольствия перекладывалось на мирские общества. Те же мирские общества впредь должны были выделять рассыльных за плату из сумм, ассигнуемых на содержание полиции.

В 1873 г. в Петропавловске округе имелась казачья команда в пятьдесят восемь человек, из которых тридцать шесть находились в городе, а двадцать два — в других местностях округа. Хотя казаки принадлежали к составу полиции и находились в гражданском управлении, они по-прежнему оставались главной военной силой Камчатки.

Передача Японии Курильских островов в 1875 г. не повлекла за собой необходимых мер по укреплению обороноспособности полуострова — новые воинские формирования не создавались, а казачья команда не усиливалась. В 1897 г. Камчатская казачья команда состояла из пятидесяти пяти человек, *включая служивших в Анадырском округе и на Командорских островах*. А именно: в Петропавловске — один пятидесятник, один урядник и восемнадцать казаков; в местности Тигиль — один пятидесятник и тринадцать казаков; в Усть-Камчатском посту — один пятидесятник и девять казаков; на Командорах — один пятидесятник и один казак; в Ново-Мариинском посту при устье Анадыря — девять казаков.

Существует посемейный список Камчатской казачьей команды, составленный 7 мая 1897 г. пятидесятником Ф. Д. Савинским. Из этого чрезвычайно ценного для истории казачества документа следует, что в 1896/97 гг. на Камчатке (включая Командоры и Ново-Мариинск) проживало 664 лица казачьего сословия всех возрастов, 339 мужчин и 325 женщин. Жили казаки (муж-

ского и женского полов соответственно): в Петропавловске — 46 и 58, в Сероглазке — 34 и 37, в Халактырке — 10 и 10, в Аваче — по одному, в Николаевском — 5 и 3, в Ключевском (Паратунка. — А. Г.) — по одному, в Корякском — 9 и 7, в Мильковском — один казак, в Усть-Камчатском — 53 и 59, в местности Тигиль — 135 и 124, в Хайрюзовском — 1 и 2, в Большерецком — 16 и 10, в Апатчинском — 5 и 3, в Облуковинском — по одному, в Колпаковском — 5 и 6, в Морошечном — 4 и 1, на Командорах — 4 и 2, в Ново-Мариинске — 9 и 2.

Жили, конечно, в названных выше и в других населённых пунктах не только сословные казаки, но и потомки старинных казачьих родов, в значительной степени «окамчадалившиеся» и уже приписанные к другим сословиям — к крестьянам, мещанам, иногда и к сибирским инородцам «камчадалам».

Из этих людей, русских казаков и камчадалов, в 1904 г., как и в 1854-м, формировалось народное Камчатское ополчение.

Дружины были созданы повсеместно. По разным данным, Камчатское ополчение, состоявшее из дружин Петропавловской (Цезарь Жабо), Усть-Камчатской, Тигильской (Павел Юшин), Ичинской и Облуковинской (Михаил Корякин), Большерецкой и так называемой «конной», обеспечивавшей «полетучку» (донской казак Нагорный), насчитывало от пятисот до восьмисот человек.

Летом 1904 г., как и в довоенную пору, японцы устремились в приустьевые районы камчатских рек. Однако на этот раз организованное и вооружённое русское население встретило их не как «обычных» браконьеров, а в соответствии с нормами военного времени. Уже во второй половине мая 1904 г. в районах рек Большая, Кихчик, Колпакова и Облуковина дружинники захватили и сожгли пять японских шхун, убили пятьдесят три японца, некоторых пленили.

Вскоре после майских событий состоялось *первое в истории японское вооружённое вторжение на русскую землю* — Гундзи с отрядом в сто пятьдесят человек с карабинами и двумя орудиями, на четырёх шхунах, высадился в устье реки Озерной и занял расположенное севернее селение Явино.

В литературе нет единого мнения, когда же это случилось. Высадку в устье Озерной датируют и 30 мая 1904 г. (В. П. Мартыненко, В. Д. Сергеев), и 30 июня (В. И. Семёнов), и июлем (В. П. Кусков). А захват села Явино — 3 июня (В. И. Семёнов), 6 июня (В. П. Мартыненко), июлем (В. П. Кусков), 6 июля

(Д. Стефан). Все соображения на этот счёт так или иначе аргументированы, и мне не хотелось бы здесь углубляться в анализ документов, допускающих разночтение, в топографические расчёты. Это, в конечном счёте, узкий вопрос исторического краеведения. Тем более что дальнейшие события известны достаточно хорошо.

Итак, высадившись на реке Озерной, Гундзи с отрядом двинулся в северном направлении, на Явино. Явинские мужики в это время в селе отсутствовали, а остальные сорок три человека, старики, женщины и дети, не имевшие возможности сопротивляться врагу, покинули родное селение и хребтами, по снегу, без запасов продовольствия и одежды, отправились в селение Голыгино, ближайшее место сбора народного ополчения. Так что Явино Гундзи застал уже безлюдным.

По распоряжению Гундзи на явинской часовне водрузили японский флаг, а в центре селения вкопали столб с доской, на которой красовалось такое заявление: «Смысл на этой тыне писанных слов: именно эта земля уже принадлежала Японии, потому кто того трогает это тын будет убиты. Командир Японской войска *Сечу Гундзи*». Кроме того, в разных местах японцы разбрасывали бутылки с записками. Одна из них, найденная в трёх верстах от Явино, содержала такое послание: «Мы никогда не будем вас мешать, который покоривший жители Японскому империи, по этому никто не бойтесь и возвращайтесь в каждый дом. Командир японской войска *Сечу Гундзи*». Продолав все вышеизложенное, Гундзи распределил свои силы на два лагеря — основной, при устье реки Озерной, вероятно, намереваясь «порыбачить» на «своём» обычном месте, и передовой, где-то неподалеку.

Тем временем в селение Голыгинское, куда шли явинские беженцы, стекались и ополченцы. К 10-м числам июля 1904 г. здесь находился и М. И. Сотников со своими людьми, и Ц. Жабо с дружинниками из Петропавловска. Обстоятельства появления на Голыгиной петропавловских ополченцев достойны особого примечания.

В конце июня 1904 г. Цезарь Жабо на парусной шхуне «Мария» совершил дерзкий разведывательный поход из Петропавловска до южной оконечности острова Шумшу (в самое логово японцев) и лишь затем, вернулся в Петропавловск, принял на борт продовольствие для голодающих тигильчан и гижигинцев, а также и «особую охрану от дружины», влившуюся спустя несколько дней в голыгинский объединённый отряд. Следует полагать, что и вторично шхуна «Мария» прошла с восточного побережья на западное под самым носом у японцев.

Силы, собранные Сотниковым против японцев, были невелики — семнадцать русских и семьдесят один камчадал. А потому русский лагерь был перенесён на реку Итудиска (ныне Шестая речка, или река Шестой Номер). Находясь в удалении от японских лагерей, Сотников выставил в окрестностях секретные караулы и организовал разведывательную операцию. Идти в расположение японцев в качестве лазутчиков вызвались добровольцы — староста Явинского селения Дмитрий Игнатьев и прибывший на шхуне «Мария» паратунский житель Егор Евойловский (он же — Ивойловский), находившийся под судом по обвинению в убийстве на почве ревности. Последнее обстоятельство, кстати, не смутило дружинников. Отправляя добровольца Евойловского на задание, они верили ему и закрепили своё согласие особым протоколом. Лазутчики оправдали доверие дружины, проникнув на территорию врага под видом «покорных обывателей», Игнатьев и Евойловский собрали необходимые сведения и, не вызвав подозрений, вернулись назад.

Это было 12 июля 1904 г. А 15-го ополченцам «невероятно повезло», как утверждает расхожее мнение. Гундзи с врачом Ода Наотаки и несколькими солдатами решили совершить небольшой рейд по окрестностям, вышли на реку Итудиску, где имелись русские секретные караулы, и тут же попали в плен. Японские лагеря остались без своего главного командира. Захватив в плен Гундзи, дружинники обезглавили воинство «патриотов микадо», но ведь им ещё только предстояло одолеть превосходящую численно силу противника, рассредоточенную в основном и передовом лагерях. И здесь вновь возникает масса неясностей и противоречий, по сей день не разрешённых знатоками камчатской истории.

С открытым вопросом о местоположении японских лагерей связаны представления о ходе событий 17—22 июля 1904 г. В 1982—1983 гг. краеведы В. И. Семёнов, С. И. Вахрин, Г. Г. Поротов предпринимали попытки решить эту, среди прочих, проблему на местности. В. И. Семёнов пришёл к заключению, что основной лагерь находился «на песчаной косе у устья Озерной», а «наиболее вероятным, даже единственным местом расположения передового лагеря являлось устье одного из безымянных ручьёв, впадающих в море в 1,5 и 1,8 километрах от устья Озерной». Версия не без изъяна, но на сегодняшний день она и мне представляется наиболее обоснованной.

16 июля 1904 г. М. И. Сотников огласил приказ, в котором говорилось: «...двигаемся на Озерную. Возьмём с собой двух пленных

японских переводчиков, пусть скажут там, если они сложат оружие, то возьмём всех в плен, а если нет — ударим с оружием в руках». В ночь на 17 июля дружинники подошли к передовому японскому лагерю и, встретив вооружённое сопротивление, разгромили его. В сражении, длившемся около двух часов, было убито семнадцать японцев, а среди бежавших имелись раненые. Наши потери — пять раненых, в их числе дружинник Ксаверий Бируля, скончавшийся через три часа по пути в селение Явино.

Основной лагерь японцев, подступы к которому были открыты, был временно оставлен в покое, под контролем местных дружинников (его разгромили 22 июля), остальные же ополченцы во главе с Сотниковым двинулись на север. 17 июля были низвергнуты символы японского «господства» в селении Явино — японский флаг с часовни снят, равно как и доска с дерзкой надписью «командира японской войски». 28 июля и 9 августа на реках Опала и Воровская дружинники уничтожили две японских шхуны. Ещё десять было уничтожено в те же дни донским казаком Нагорным в районах рек Ича и Колпакова.

Вооружённый отпор японцам оказывали и жители восточного побережья Камчатки — в районах рек Ука, Ивашка и Карага, и жители Командорских островов. Везде, где японцы пытались властвовать и грабить природные ресурсы России.

Не так давно антропологом А. Н. Белковским был опубликован весьма интересный знак — жетон или медальон, найденный жителем села Никольского Д. Ю. Уткиным на месте селения Ладыгинского. На его лицевой стороне изображён якорь в обрамлении волн, над которым скрещены гарпун и ружьё. А на оборотной стороне — японская надпись: «Океанический промысел. Общество поощрённых». Неясно, кто кого награждал такими знаками, приобщая к «поощрённым», но решительные действия командорцев, русских и алеутов, под предводительством надзирателя за промыслами Николая Никитовича Лукина-Федотова показали — российские подданные с Беринга и Медного принимали знаки поощрения только от Российского правительства и были верны Отечеству до конца.

«Сумасшедший» Сильницкий

Нам со школьной скамьи известно утверждение, что русско-японская война выявила гнилость российской военно-бюрократической машины. Камчатка, где японцы встретили достойный

отпор, увы, исключением не явилась. В то время, как дружинники западного побережья громили врага, в уездном центре, в Петропавловске, плелись интриги и разыгрывались бюрократические спектакли. На организатора обороны — Антона Петровича Сильницкого — постоянно лили грязь, то обвиняя его в «партизанщине», то ревизуя финансовую деятельность, намекая недвусмысленно на казнокрадство.

18 июля 1904 г. на Камчатку прибыл статский советник, уполномоченный Министерства внутренних дел Н. А. Гребницкий. Тот самый Гребницкий, что в 1903 г. вместе с Брюггеном и Гундзи посещал Токийскую рыбопромышленную выставку. «Изучив» деятельность Сильницкого, Гребницкий счёл, что многие меры по обороне края незаконны.

Позднее, 4 мая 1905 г., будучи уже отстраненным от камчатских дел, редактор газеты «Приамурские ведомости» А. П. Сильницкий написал: «Приспешники Камчатского торгово-промышленного общества пропагандировали в Петропавловске, что сопротивление, оказываемое населением японцам — есть, в сущности, простой разбой. Этот взгляд на наши действия... был вполне поддержан статским советником Гребницким, который, прибывши в Петропавловск 18 июля, *не только расформировал организованные мною ополчения, но и приказал населению снимать ополченские кресты*» (выделено мною. — А. Г.).

И всё же А. П. Сильницкий крепителся и боролся с доморощенными «ливонцами» как мог. Успешные действия М. И. Сотникова на западном побережье питали Сильницкого силами и уверенностью в правильности предпринятых мер. Уже 28 июля 1904 г. в конфиденциальном рапорте Гребницкому он представлял к наградам героев обороны, заявляя при этом: «Я, обвиняемый Вашим высокородием в нарушении форм, но каких именно мне Вами не объявлено... будучи, как Ваше высокородие изволили высказать мне... правым по существу, честь имею... просить признать моих ближайших сотрудников по обороне страны правыми по форме, ибо они... признавали меня в здравом уме и в твёрдой памяти... [и] учинили повиновение... “поставленному от Правительства Начальнику”, каковым по 18 июля сего года я имел честь быть на Камчатском полуострове».

В этом рапорте Сильницкий представил к наградам: штабс-капитана Векентьева — к ордену Св. Владимира 4-й степени, прапорщика Ц. Жабо — к ордену Св. Анны 3-й степени, унтер-офицера М. И. Сотникова — к чину подпоручика по армейской пехоте,

двадцать девять человек — к медали «За храбрость» на ленте Св. Георгия, тринадцать человек — к медали «За усердие», донского казака Нагорного — к знаку отличия Военного ордена (Георгиевскому кресту), а отставного пятидесятника Александра Максимовича Селиванова — сразу к трём медалям «За храбрость» (4, 3 и 2-й степеней) и к Георгиевскому кресту 2-й степени!

Как известно — победителей не судят. Текст одной из телеграмм, направленной из штаба командующего войсками Приамурского военного округа, подтверждает, что награждение началось уже в 1905 г., однако известно и другое — победителей нередко травят.

Мне довелось познакомиться с любопытным документом, появившимся уже после русско-японской войны, в апреле 1909 г. В нём содержится «деликатное» напоминание А. П. Сильницкому о том, что он должен возместить в кассу Петропавловского казначейства 2 467 руб. 88 коп. Ответ Антона Петровича на это напоминание, датированный 2 мая 1909 г., не только проясняет о каких долгах шла речь, но и о том, что за атмосфера царила вокруг камчатских патриотов в годы войны.

«Честь имею, — писал Сильницкий, — просить Вас, милостивый государь, доложить генералу Флугу, что я получил от тайного советника Павленко официальную бумагу, заключающую обещание передать дело... суду. Перспектива же суда настолько желательна мне, что я с нетерпением ожидаю соответствующей повестки. Я твёрдо знаю, что ни одного гроша я в карман не положил; что я служил на Камчатке при обстоятельствах чрезвычайных; что моя деятельность при этих обстоятельствах в одном случае — признаётся проявлением так явно выраженного безумия, что областное начальство в середине ноября 1904 года... телеграфирует иркутскому губернатору, чтобы меня, как душевнобольного, посадить в Иркутский сумасшедший дом, а в другом — оно за ту же деятельность соглашается на награждение меня орденом, и даже, спустя только восемь месяцев после упомянутой решительной телеграммы, оно соглашается на командирование меня на Камчатку в качестве чиновника, которому поручено выяснить на месте положение [созданное] войной... А теперь то же начальство предъявляет мне начёты, граничащие с растратой... И я готов ответить за все свои деяния суду, тем более, что суд будет гласным». Здесь же Сильницкий выразил уверенность в том, что суд «примет во внимание сказочную обстановку смещения меня с должности уездного начальника, для восстановления которой я имею, впрочем, документальные данные».

И действительно, Антон Петрович вершил камчатские дела в полном здравии, отдавая себе отчёт в том, что реально являет собой его обремененное властью окружение. Ещё в июле 1904 г., подвергнувшись ревизии со стороны Гребницкого, он обратился к нему с таким заявлением: «Дела (изъятые бумаги. — А. Г.) нужны мне... для целей реабилитации своего, пока ничем не запятнанного имени, единственного моего достоинства, от возведения на меня клеветы». Он просил либо вернуть документы, либо снять с них засвидетельствованные копии за его же счёт. К лету 1904 г. Петропавловская дружина была подвергнута унижению, лишившись символа боевого содружества — ополченского креста, а к осени того же года «сумасшедший начальник» А. П. Сильницкий был отозван из Петропавловска.

Из тех же документов известно, что спустя восемь месяцев его вновь отправили на полуостров. В приказе генерала Хрещатицкого, исполнявшего должность приамурского генерал-губернатора, от 11 сентября 1905 г. надворному советнику А. П. Сильницкому предписывалось «немедленно... выехать во Владивосток и, явившись там коменданту крепости, отправиться в Петропавловск на отходящем туда военном транспорте». Во Владивостоке ему следовало принять продовольствие для камчатской дружины и местного населения, а по прибытии на Камчатку сдать этот груз нынешнему уездному начальнику. Антона Петровича не восстанавливали в должности, но его направляли в качестве чиновника с особыми поручениями! Ему предстояло собрать сведения о недавнем заходе в Петропавловск японских крейсеров, провести ревизию деятельности местной администрации, в том числе финансовую, узнать всё об условиях жизни населения. С этими же предписаниями ему предлагалось посетить, по возможности, и Командорские острова.

Важно, что приказ этот датирован 11 сентября 1905 г. С момента подписания Портсмутского мирного договора прошло уже восемнадцать дней. И поскольку ратификация договора на основании статьи четырнадцатой должна была состояться «в возможно короткий срок и, во всяком случае, не позднее как через пятьдесят дней со дня подписания», Сильницкому, несомненно, был понятен текст телеграммы, отправленной ему почти одновременно с приказом о командировке: «Никольск-Уссурийский. Областное правление. Чиновнику Сильницкому. Командировка офицеров [на] Камчатку отменяется... Также посылка оружия, патронов отменена... Возложенное [на] офицеров: регистрация дружины [и]

казацких команд передано [в] исполнение Ваше... Знаки отличия посылаю завтра поездом [во] Владивосток коменданту [для] передачи Вам... Уверен [в] отличном исполнении Вами порученного... С Богом [и в] добрый час. Подписал: *Хрещатицкий*. 298».

Не ошибусь, предположив, что Антон Петрович ликовал, получив эти документы. Он направлялся на Камчатку с чистой совестью и с наградами для своих сподвижников по обороне. И всё же, не оставляет чувство, что и теперь его «держали за дурака», использовали втёмную.

В телеграфической депеше № 298, приведённой выше, шла речь об оружии и патронах, *отправка которых отменена*. В тот же день, 11 сентября 1905 г., когда Сильницкому был отправлен приказ о командировке на Камчатку, Хрещатицкий отправил ещё *две секретные депеши* коменданту Владивостокской крепости.

В одной из них говорилось, что капитану «камчатского транспорта», то есть парохода «Аргунь», отправлявшегося на Камчатку, следовало дать «инструкцией условия договора» (Портсмутского), чтобы эта инструкция служила «оправдательным документом при встрече с японскими вооружёнными судами при плавании транспорта через Лаперузов пролив и далее». На транспорте предписывалось иметь вооружение «для самозащиты против... пиратов и хищников... согласно морского на то устава и международного права *по сношению по этому вопросу [с] адмиралом Греем*».

Мне пришлось выделить последние слова Хрещатицкого из депеши № 290, так как они отражают его беспокойство за тщательность подготовки транспорта к вояжу. Откуда беспокойство? Ответ в депеше № 291 от того же числа: «Владивосток. Коменданту крепости. Прошу предупредить капитана камчатского транспорта, что груз 500 берданок, 250 тысяч патронов и 20 пудов пороха как контрабанда должен быть скрытно заложен вниз, так чтобы его найти нельзя было. 291. *Хрещатицкий*».

Так, может, оружие и не отправляли? Ведь депеша Сильницкому, где сказано об отмене отправки оружия и патронов имеет № 298? Вовсе нет. 18 сентября 1905 г. «Аргунь» с грузом продовольствия в 26 237 пудов и ликующим А. П. Сильницким на борту вышла в море и через десять дней была в Петропавловске. А в декабре того же года Хрещатицкий с чувством облегчения докладывал «главнокомандующему всеми сухопутными и морскими вооружёнными силами, *действующими (!)* против Японии»:

«Во время плавания “Аргунь” 21 сентября была остановлена в Лаперузовом проливе японским крейсером “Ивата-мару”, кото-

рый, осмотрев транспорт *и не найдя на нём военной контрабанды*, передал о сём по беспроволочному телеграфу губернатору Корсаковского поста. Через десять минут получилась ответная депеша, разрешающая “Аргуни” дальнейшее свободное плавание. Об этом японские власти записали на своём языке в вахтенном журнале транспорта».

Вот такие подробности сообщил генерал от кавалерии Хрещатицкий вышестоящему начальству о грузе, отправка которого была «отменена».

Случай с контрабандной поставкой оружия на Камчатку я привёл не только для того, чтобы обрисовать двойственное положение А. П. Сильницкого в годы войны и уж, конечно, не для того, чтобы «уличить» российское командование в нарушении Портсмутских соглашений. Этот случай, как мне представляется, подчёркивает характер той русско-японской войны, которая на Камчатке не имела ни начала, ни конца. И если наши власти всеми правдами и неправдами стремились обезопасить жизнь населения и обеспечить неприкосновенность природных ресурсов, то японцы, напротив, по-прежнему стремились забрать последнее. Сведения А. П. Сильницкого это подтверждают.

31 июля 1905 г. (а не 30-го, как иногда пишут) в десятом часу утра к Петропавловску подошла японская эскадра из двух крейсеров 1-го ранга «Суми» и «Идзуми» под командованием адмирала Того (младшего). В то время как японцы безуспешно пытались расстрелять из орудий Петропавловский маяк, администрация, дружина и большинство горожан ушли в направлении селения Старый Острог (Елизово). В двенадцатом часу крейсера начали артобстрел города, но не повредили ни одного здания. Лишь здание Петропавловского уездного управления было «приведено в совершенную негодность», да и то после того, как в него попали с семиста саженьей (около полутора тысяч метров) четырьмя шестидюймовыми бомбами.

После обстрела был высажен десант в двести человек. Десантники настреляли на мясо девять коров, оставшихся без присмотра и отвезли говядину на судно. Хрещатицкий, со слов Сильницкого, который не был очевидцем события, сообщал позднее по инстанции, что японцы, кроме прочего, ограбили сейф уездного управления, в котором было 40 000 руб. казённых денег и документы. Эта деталь выглядит особенно пикантно, если учесть, что с момента начала артобстрела маяка до высадки десанта прошёл не один час, и население успело эвакуироваться.

На следующий день, 1 августа 1905 г., японцы конфисковали судно «Австралия», совсем недавно зафрахтованное в Америке и использовавшееся для снабжения продовольствием северных округов Приморской области. А 3 августа эскадра Того (младшего) появилась на Никольском рейде у острова Беринга, где в то время находился ещё один зафрахтованный американский пароход «Монтара» с уже известным бароном Брюггеном на борту.

Высадив десант в двести человек, японцы заменили российский флаг на здании управления на японский, конфисковали девятнадцать берданок, три пачки патронов, некоторые документы и землемерные инструменты. Затем, спустив предусмотрительно японский флаг, десантники вернулись на суда. А 4 августа, прежде чем покинуть Командоры, они конфисковали пароход «Монтера».

И вот что примечательно. Кассу управления в Никольском японцы оставили нетронутой. Этот факт зафиксирован документально.

6 августа адмирал Того (младший) вновь привёл суда в Петропавловск. Высадившись на берег, японцы разрушили многие казённые и частные склады, уничтожили документацию уездного полицейского управления, забрали множество товаров со складов и забили на мясо восемь коров. В 4 часа дня 7 августа 1905 г. эскадра покинула Петропавловский порт.

В те же августовские дни, 1-го и 5-го числа, «два крейсера адмирала Нокау» (так в документе. — А. Г.) разбойничали в Аяне и Охотске. А упомянул я эти «некамчатские» селения опять же в связи с деньгами. Грабили японцы и в Аяне, и в Охотске. Но если в первом селении они «изъяли» 363 руб. казённых денег, то во втором касса осталась нетронутой.

Однако к чему все эти детали о казённых деньгах? А вот к чему. 28 сентября 1905 г., когда транспорт «Аргунь» пришёл в Петропавловск, а А. П. Сильницкий едва ступил на камчатскую землю и, стало быть, не успел войти в курс дела, генерал Хрещатицкий подписал и уже отправил в Санкт-Петербург на имя министра внутренних дел России телеграмму за № 1512. В ней на основании каких-то более ранних сведений докладывал следующее:

«31 августа (следует понимать 31 июля. — А. Г.) полученным сведениям японцы бомбардировали Петропавловск, разрушили маячные здания, уездное управление, разграбили пороховые склады, убили много скота, у жителей отобрали огнестрельное оружие. Окружной начальник Лех, *взяв кассу*, женщин [и] детей, ушёл с дружиною внутрь страны... Вследствие сего [и] по приказанию главнокомандующего мною командирован [в] Петропавловск

и [на] Командорские острова бывший Петропавловский уездный начальник Сильницкий, а [в] Аян, Охотск, Олу... Гижигу... подполковник Страдецкий и... подъесаул Гудзенко».

Вот такая тёмная, почти детективная история...

И все же интересно, чем занимались господа камчатские администраторы в то время, как дружинники сбрасывали «патриотов микадо» в воды Охотского моря и Тихого океана, а «сумасшедший начальник» Сильницкий доказывал специалистам и начальникам, что он нормален и вполне дееспособен, что ему не место в Иркутском доме для умалишённых. Их «деяния» военной поры проследить, как выясняется, непросто.

Петропавловский уездный начальник С. М. Леха, который, как мне представляется, всё же вынес из-под обстрела исчезнувшую позднее кассу и симпатизировавший А. П. Сильницкому, выполнял текущие дела и робко, применяя «паллиативные» меры, досаждал торговцам, спаивавшим коренное население. По совести рассуждая, нам следует помнить Леха за то хорошее, пусть малое, что он делал для аборигенов, а не за то большое, что он мог сделать, но так и не посмел. Скупой до крайности на похвалу командир канонерской лодки «Манджур» капитан 1-го ранга барон Раден, самым нелестным образом отзывавшийся обо всех камчадалах от бродяги-мурки до врача В. Н. Тюшова и духовенства, в 1907 г. так охарактеризовал С. М. Леха: «Начальник уезда, он же мировой судья, следователь, почтмейстер, заведывающий переселенцами и вообще всем, человек весьма хороший, всеми любимый и уважаемый, с полным желанием исполнить свой долг и принести пользу краю. *Но слишком мягок и, не будучи в состоянии выполнить все свои функции, он понемногу обратился в добросовестного канцелярского чиновника и часто дискредитирует власть в глазах населения.* Его помощник, алкоголик, уехал в начале лета в отпуск и был лишь вреден в уезде, где он водил знакомство со всеми пьяницами».

Н. А. Гребницкий с началом навигации 1905 г. занимался отправкой неких «казённых припасов, заготовленных по распоряжению Министерства внутренних дел», очевидно, продовольствия. Так вот, к зиме эти припасы имелись только в Петропавловске и Тигиле, «селения же Большерецкое, Облуковинское и Усть-Камчатское не снабжены».

А барон И. Э. Брюгген, представлявший КТПО, продолжал делать деньги. Это явствует из бумаг Хрецагицкого, который 12 ноября 1905 г. докладывал в Санкт-Петербург:

«[В] течение прошлой зимы вся пушнина скупалась [в] Камчатке *исключительно Камчатским торгово-промышленным обществом...* [а] 20 мая [в] Петропавловск прибыл [на] собственном пароходе торговец пушниной Строк. [И на] аукционе продано...» Далее следует перечень проданных Строку мехов.

Памятуя об обстоятельствах скупки пушнины у населения в дни войны, несложно догадаться, насколько солидные суммы при попустительстве властей, а вернее после отстранения от власти Сильницкого, пошли мимо казны в карманы Брюггена, его столичных покровителей и местных «партнеров по бизнесу». Самое гнусное, что одни «россияне» делали деньги на страданиях других. И это в то время, когда ветераны «закончившейся» русско-японской, не щадя живота, продолжали сражаться с наседавшим противником.

Война без конца

Осмысливая камчатские события летне-осеннего периода 1905, а также и 1906 гг., с трудом признаёшь их «послевоенными». Уполномоченные России и Японии уже вели мирные переговоры, а японские военные корабли разбойничали в русских селениях северных округов Приморской области. Шла работа по ратификации Портсмутского мирного договора, а командование российских вооружённых сил «действующих» (!) против Японии отправляло на Камчатку военную контрабанду и чиновника с поручением по «регистрации дружины».

В этот же период японские шхуны продолжали набеги на камчатские берега, а русские ветераны «минувшей» войны громили их, как подобает защитникам Отечества. В этот же «послевоенный» период графиня Шувалова и Красный Крест отправили жителям Камчатки «пожертвованные... продовольственные продукты, носильное [и] постельное бельё, медикаменты» на сумму более 50 000 руб. (для сравнения — камчатский соболь стоил тогда 30—40 руб.), а те в навигацию 1905 г., не щадя живота, сожгли ещё четыре японских шхуны, убили сорок семь интервентов, взяли в плен трёх раненых и отправили их на излечение в тигильскую сельскую амбулаторию.

В 1906 г., 18 июля, на реке Воровской вновь случилось вооружённое столкновение с японцами, которые пришли сюда на пяти шхунах, понастроили сараев, амбаров и без всяких на то оснований занялись рыболовством. В стычке был убит Максим Иванович

Сотников и многие бывшие при нём камчадалы. И это лишь один случай, получивший широкую огласку.

А вот, например, информация из секретной шифрованной телеграммы министра иностранных дел России приамурскому губернатору: «Из японских источников с другой стороны передаётся, что приблизительно около того же времени (летом 1906 г. — А. Г.) на Камчатке в устье реки Каича (вероятно, название реки искажено при дешифровке. — А. Г.) русскими уничтожено японское судно “Каэцу-мару”, а экипаж перебит... Считаю долгом оговорить, что имеются ещё сведения о столкновении у берегов Камчатки русского сторожевого судна с шестью японскими шхунами... ведётся расследование морским начальством. *Извольский*».

И всё же, необъявленная русско-японская война, не ограниченная в сознании камчатских патриотов никакими хронологическими рамками, должна была когда-то закончиться.

«Вообще здесь хаос теперь», — писал в 1907 г. о Камчатке суровый командир канонерки «Манджур» барон Раден, полагавший, и не без оснований, что если не усилить полуостров здоровыми и трудолюбивыми переселенцами, то «японцы, нагрянувшие на Камчатку и даже углубляющиеся внутрь страны, быстро овладеют... истощённым физически и нравственно народом и сделаются полными хозяевами края».

28 июля 1907 г. была подписана русско-японская рыболовная конвенция, с которой, как мне кажется, и следует вести отсчёт мирного послевоенного времени на Камчатке. По этой конвенции, заключённой на основании Портсмутского мирного договора, предусматривалось предоставление японским подданным права «ловить, собирать и обрабатывать всякого рода рыбу и продукты моря, кроме котиков и морских бобров, вдоль побережий морей Японского, Охотского и Берингова». Сыны страны Восходящего солнца получили законное право сидеть под чёрными берёзами, стругать лососину, пить хмельные напитки, бить в свои музыкальные инструменты и петь свои громкие песни.

А что же случилось с главными героями нашего рассказа?

Антон Петрович Сильницкий, как говорилось выше, долгие годы спасал своё «единственное достояние» — имя честного человека. И кое-что в этом отношении ему удалось. Правда, потомки знают его больше под другими именами. В романе В. Пикуля «Богатство» А. П. Сильницкий фигурирует под фамилией Соломин и, на мой взгляд, литературный его образ весьма бледен. В учебном же пособии В. Д. Сергеева, по которому изучают камчатскую историю

тысячи наших школьников, где деятельности Антона Петровича дана объективная и справедливая оценка, именуется он почему-то не Антоном, а Александром. И это, право, очень досадная опечатка.

А Гундзи Сагэтада, пленённый на реке Итудиска, первое время находился в заключении в мильковской бане, а затем вновь обрёл свободу. Как именно — до конца не ясно. Но сохранился текст телеграммы Гребницкого, который заслуживает быть приведённым полностью:

«Никольск-Уссурийский. Военному губернатору. От 16 августа 1905 г. Сильницкий [и] Павский японцев согласно телеграммы 274 (я её цитировал выше. — А. Г.) из Петропавловска не отправили. Надзора не устраивали, результатом был побег четырёх японцев. Как телеграфировал увезший письма Гунджи, ныне все японцы отправлены внутрь страны, то же и Гунджи, пользовавшийся здесь полной свободой и отправивший письма на американском пароходе. *Гребницкий*».

Весьма трудный для восприятия текст. И все же из него можно извлечь немало интересного. Во-первых, имел место факт побега четырёх пленных японцев. Во-вторых, Гундзи отправил на американском пароходе из камчатского плена какие-то письма. В-третьих, некто, «увезший письма Гунджи», телеграфировал об этом Гребницкому. В-четвёртых, Гребницкий винит во всем случившемся Сильницкого и Павского, и сообщает, что в данный момент все японцы, в том числе Гундзи, отправлены внутрь страны.

Несложно понять, что обвинения в адрес «умалишённого» начальника Сильницкого, устранённого от власти самим же Гребницким на третьи сутки после пленения Гундзи, а затем поставленного в невыносимые условия, беспочвенны. Что касается чиновника Павского, то он, будучи тяжело больным человеком, скончался на транспорте «Аргунь» от водянки 27 октября 1905 г. по пути из Петропавловска во Владивосток. С ним и концы в воду. А вот то факт, что Гребницкий контактировал с неким лицом, «увезшим письма Гунджи» на американском пароходе, действительно интересен, особенно, если учесть, что все американские суда, заходившие в Петропавловск, были, так или иначе, связаны с КТПО.

Некоторые японские историки полагают, что письмо Гундзи из камчатского плена, в котором содержались рекомендации по рыбным промыслам Камчатки, попало к Ютаро Комура (Комура Дзютаро) «в нужном месте и в нужный час», так как он был полномочным представителем Японии на Портсмутской мирной

конференции и заложил в договор статью одиннадцатую, на которой впоследствии базировалась рыболовная конвенция 1907 г.

Отправленный «внутрь страны» Гундзи в декабре 1905 г. вернулся через Владивосток в Японию. Соотечественники встретили его бурными рукоплесканиями и окружили почётом. Пишут, что в тот момент сорокапятилетний авантюрист был как-то сконфужен и воспринимал знаки внимания со смущением.

Как бы там ни было, нынешние японцы и сейчас знают Гундзи по книгам Хиросэ Хикота, Ното Эйдо, Ваки Т. и других авторов. Однако известно им и другое. После пережитого в России Гундзи Сагэтада, не старый ещё человек, никогда больше не появлялся на Курильских островах. Он был сыт по горло чёрными берёзами, варварским вином и струганой лососиной. Он спел свою громкую песню.

Новая волна

*Пока всё открыто для грабежа
и своеволия японцев.*

Из рапорта барона Радена,
командира канонерки
«Манджур», 1907 г.

Самоустранение Гундзи деморализовало курильских колонистов. Они начали покидать освоенный с таким трудом остров Шумшу, несмотря на заманчивые перспективы, которые сулил им Портсмутский мир. Очень скоро на острове осталось лишь две семьи японских первооселенцев, которым пришлось отказаться от дальнейшего развития рыбодобывающей и рыбоперерабатывающей промышленности и заняться картофелеводством, невзирая на насмешки со стороны вновь приезжающих соотечественников.

Плодами войны после заключения рыболовной конвенции 1907 г. воспользовались крупные компании, прибравшие к рукам все камчатские рыболовные промыслы. Одна из компаний, «Цуцуми сёкай», организованная в 1905 г. и превратившаяся под руководством Цуцуми Сэйроку в грандиозный комплекс рыболовных флотилий и консервных заводов, эксплуатировала ресурсы не только Камчатского полуострова, но и Приморья, Сахалина, Приохотья.

На камчатские консервные предприятия Цуцуми ежегодно приезжали десять-пятнадцать тысяч сезонных рабочих, благо иммиграционные и таможенные формальности русские власти

свели до минимума. При наличии договора с компанией японскому рабочему следовало лишь предъявить свой паспорт в российском вице-консульстве (Хакодате) и заплатить пошлину в размере 2 руб. 25 коп. Его паспорт регистрировался в реестровой книге консульства, а затем в нём делалась запись типа: «Японский поданный Иосида Сейкечи отправляется на рыболовные участки: № 239 — Жупановский, № 244 — Камчатский четвёртый и № 245 — Камчатский пятый».

Внешне всё выглядело вполне прилично. И все же поводов для беспокойства у российских властей было более чем достаточно.

Из доверительного письма российского посла в Токио министру иностранных дел России от 12 февраля 1909 г. известно, что начиная с 1907 г., японские военные суда «Мусаси» и «Конго» крейсировали у камчатских берегов и даже останавливались в местах, не открытых для международного судоходства, имея целью «наблюдение за своими рыболовными судами». По убеждению посла, «исполнение таких полицейских обязанностей японскими судами в наших территориальных водах не может быть оправдываемо ни в юридическом отношении, ни тем более в политическом. Подобное право не предоставлено японцам рыболовной конвенцией 1907 г.».

Следует сказать, что заходам в наши воды судов «Мусаси», «Конго» и «Хиеи» предшествовали официальные обращения японского правительства с просьбами о разрешении на эти плавания, а также о содействии им со стороны местных российских властей и военных судов в получении угля, воды и съестных припасов. Отказать японцам не решались «по политическим соображениям», хотя и понимали, что такие посещения крайне нежелательны, как бьющие по престижу российских властей в глазах «туземного» населения.

Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер писал по этому поводу 12 марта 1909 г.: «Деятельность японцев на севере Приморской области в последние годы принимает всё более и более вредные для нас размеры и формы, настойчиво устремляясь к прочному внедрению в стране и к подчинению местного населения своему культурному и экономическому влиянию. Присутствие при таких условиях в наших водах японских военных судов, являющихся как бы выразителем японской силы, несомненно, может оказывать весьма нежелательное и вредное влияние на местное население, подрывая авторитет русской власти и тем способствуя упрочению японцев на берегах Камчатки».

Нерешительность наших властей объяснима и, на мой взгляд, оправдана. Отказать японцам в разрешении на заход военных кораблей в наши воды было можно, но проконтролировать и тем более пресечь подобные «визиты» нельзя.

Дело в том, что единственным сторожевым судном в то время был военный транспорт «Манджур», который хотя и совершал ежегодно с 1906 г. рейсы до Чукотки, но появлялся в промысловых районах слишком поздно и имел возможность задерживаться там лишь на очень короткое время.

«Всё-таки польза от его плавания не полежит сомнению», — писал о «Манджуре» П. Ф. Унтербергер. И это абсолютно верное замечание. 28 мая 1910 г. «Манджур» у Командорских островов задержал парусно-моторную японскую шхуну «Койо-мару». Несмотря на то, что во время отбуксировки шхуны японцы сбросили за борт шкуры незаконно упомышленных бобров и котиков, 1 февраля 1911 г. окружной суд признал обвиняемого капитана Кирихама Наое виновным по девятьсот двадцать первой статье Уложения о наказаниях и приговорил его к тюремному заключению на десять месяцев. «Койо-мару» совсем инвентарём и грузом была конфискована.

В июне 1911 г. «Манджур» отличился вновь. В двух с половиной милях от острова Медного он задержал ещё одну браконьерскую шхуну — «Кофудзи-мару». Это судно было без мотора, но зато имело новый, по дну обшитый медью, корпус и полную оснастку. На этот раз хищники были взяты с поличным. На «Кофудзи-мару» обнаружили свежие бобровые и котиковые шкуры, запас соли, самое разнообразное оружие, в том числе — пушку. Шлюпку с этого судна задержали на бурунах Секачинских камней.

Сразу после ареста «Койо-мару» губернатор Камчатской области Василий Власевич Перфильев задумал превратить эту парусно-моторную шхуну в «судно для разъездов промыслового надзора». Переписку с вышестоящими властями он начал 21 августа 1910 г. Однако дело не могло быть разрешено сразу, так как «Койо-мару» следовало сначала отсудить. И потому шхуна «благополучно» гнила.

26 июня 1911 г. В. В. Перфильев докладывал П. Ф. Унтербергеру: «Хотя она и цела пока, но корпус... пробывший в воде (вытащить на берег у меня было средств) без всякого ремонта более года, несомненно, значительно пострадал, тем более что шхуна далеко не из новых... Если шхуна останется без ремонта ещё на одну зиму... она уже будет мало пригодна для плавания».

К моменту написания этих слов уже была арестована с поличным и «Кофудзи-мару». В. В. Перфильев был уверен в отношении неё, что «никаких сомнений в исходе дела нет». И всё же предполагал, «если дело затянется», продать имущество с «Кофудзи-мару», а деньги пустить на вытаскивание на берег обеих шхун и корпусный ремонт. «Вопрос о “Койо-мару” уже решён положительно в минувшем году, — писал Василий Власьевич. — Если “Кофудзи-мару” снабдить мотором, то и она вполне годится для промыслового надзора, в частности для охраны [Командорских] островов».

Устремления Перфильева к обзаведению собственными сторожевыми судами были более чем надёжно обоснованы. Тысячи иностранцев ловили камчатского лосося, в районе чукотских берегов пиратствовали американцы, в наших территориальных водах «прогуливались» японские боевые корабли, а японские шхуны грабили котиковые лежбища островов Беринга и Медного — одно из главных камчатских сокровищ.

Для беспокойства за судьбу котиковых лежбищ был ещё один повод — пресловутое КТПО, арендовавшее промыслы Командорских островов с 1901 г. В 1912 г. срок аренды заканчивался, и вполне можно было ожидать повторения ситуации 1890 г., когда американская фирма «Гутчисон, Кооль и К^о» (арендатор 1871—1891 гг.) произвела напоследок хищнический забой стада котиков, преимущественно молодняка, в количестве вдвое большем, чем было положено.

Но если «Гутчисон, Кооль и К^о» изначально упорядочила ведение промыслового хозяйства, то КТПО арендовало промыслы в смутные годы русско-японской войны, когда японское браконьерство достигало небывалых размеров, что сказывалось на поголовье стад котиков и морских бобров. Да и само КТПО было презренным хищником. И по отношению к животным, и по отношению к населению.

«Алеуты, что живут на Командорских островах, — делился впечатлениями от виденного в 1903 г. А. П. Сильницкий, — ...самый бедный народ в мире, уже вымирающий. Причина та, что общество (КТПО. — А. Г.) попросту обманывает алеутов, снабжая их за добытых зверей всякой дрянью, например, духами, граммофонами, побрякушками, а затем спиртом, ромом, виски, прочими горячительными напитками, хотя ввоз их на остров запрещён. Расплата за зверей товарами, таксируемыми как Бог на душу положил, а главное — спаивание инородцев — вот корень их бедности».

Беспокойство проявляли не только местные, но и центральные органы управления. В мае 1911 г. во Владивосток «для передачи почтой в Петропавловск» поступило следующее сообщение: «Губернатору. Статс-секретарь Кривошеин телеграфирует: Ввиду истощения котиковых убежищ [на] Командорских островах полагаю необходимым допустить убой [в] текущем году не более четырёхсот котиков. Точное определение числа и пола подлежащих убою котиков предполагаю поручить специалисту Суворову совместно [с] администрацией островов... *Лакшевиц*». В этом же документе говорилось, что камчатский губернатор должен оказать содействие специалисту Суворову.

Очень скоро их встреча состоялась, и Е. К. Суворов, дабы поддержать боевой дух единомышленника, сообщил Василию Власевичу «частным образом», что для охраны Командорских островов «предполагается построить две шхуны».

Следует полагать, что для Перфильева это было новостью, так как в письме от 26 июня 1911 г. он счёл возможным поделиться этим с П. Ф. Унтербергером и добавил: «Мне кажется, предварительно было бы не лишне, во избежание расходов казны, обсудить, не пригодятся ли для этого [строительства]... обе указанные шхуны». Подразумевались «Койо-мару» и «Кофудзи-мару».

Мне очень не хотелось бы ошибиться в истории с участием столь уважаемых людей как В. В. Перфильев, Е. К. Суворов и П. Ф. Унтербергер, но очень похоже, что весь этот обмен сведениями работал, как в России частенько случается, по принципу «испорченного телефона». А в качестве «строящихся шхун» фигурировали две японские, задержанные «Манджуром» и подлежащие ремонту и переоборудованию.

И. В. Витер приводит данные, что уже в октябре 1910 г., то есть более чем за полгода до всего этого «информационного обмена», со стапелей Охтинского судостроительного и механического завода «Крейтон и К^о» сошёл пароход «Адмирал Завойко», предназначенный для администрации Камчатской области, который должен был совместно с канонерской лодкой «Манджур» и военным транспортом «Колыма» патрулировать наши промысловые районы. И самое интересное. «Адмирал Завойко» прибыл в Петропавловск уже в 1911 г. И. В. Витер приводит описание этого исторического корабля: «Судно для плавания во льдах имело укреплённый нос и утолщённую обшивку в носовой части... две мачты со вспомогательной наружностью, три гребных шлюпки, один моторный катер, был установлен беспроволочный телеграф,

а также артиллерийское снаряжение — две пятидесятисемимиллиметровые пушки и два пулемёта».

В отличие от рыбных промыслов Камчатки, где безраздельно господствовали японские предприниматели, пушные промыслы Командорских островов с 1891 г. сдавались в аренду «только русским подданным или русским товариществам и компаниям». С 1891 г. — РТКП, с 1901 г. — КТПО, с 1912 г. — торговому дому «И. Я. Чурин и К^о», контракт с которым был подписан на срок до 1 сентября 1916 г.

В мае 1913 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием статс-секретарь А. Кривошеин утверждён инструкцию по заведыванию пушными промыслами Командорских островов на 1913—1914 гг., в которой содержались указания:

«1) Выставлять караулы у котиковых лежбищ и бобровых местобитаний.

2) Хищнические шхуны и шлюпки, производящие охоту на котиков и бобров в пределах трёхмильной прибрежной полосы, арестовывать вместе с экипажем — независимо от национальности.

За пределами этой полосы задерживать для передачи охранным судам шхуны и шлюпки под русским, английским, Северо-Американских Соединенных Штатов и японским флагами».

Камчатский губернатор Николай Владимирович Мономахов, назначенный на эту должность 18 июня 1912 г., встал перед неизбежной и трудноразрешимой проблемой усиления военной охраны островов. Вспомнив о том, что его предместник В. В. Перфильев в мае 1909 г. добился отправки на Командоры «двух пушек с принадлежностями» и испрашивал разрешения ещё на два пулемёта «облегченного типа, которые можно было бы брать в охранные лодки», Николай Владимирович возобновил хлопоты. Ему удалось выяснить, что в ответ на ходатайство В. В. Перфильева, Главным артиллерийским управлением было разрешено безвозмездно передать в распоряжение администрации Командорских островов двенадцать пулемётов Гарднера, восемь пулемётов Гочкиса и к ним десять миллионов патронов. Мономахов вновь запросил Приамурский военный округ по этому вопросу, и в конце мая 1914 г. получил ответ, что «вышеозначенные пулемёты с патронами отпущены быть не могут вследствие их непригодности».

25 сентября 1914 г. Мономахов письменно изложил суть дела Приамурскому генерал-губернатору Н. Л. Гондатти и просил того ходатайствовать за Камчатку перед военным ведомством «об отпус-

ке других пулемётов с патронами, взамен оказавшихся негодными». Через месяц на обращении Николая Владимировича появилась резолюция: «Сообщить о положении дела; до окончания войны, кажется, ничего получить нельзя. 30 октября 1914 г. *Н. Гондатти*».

В условиях начавшейся Первой мировой войны и грядущих революций, Командоры, как и Камчатка в целом, оставались беззащитными.

В навигацию 1915 г. активизировались американские браконьеры, истреблявшие моржей на побережье Чукотки. Продуктом промысла считались клыки, кожа, жир. Мясо американцы отправляли за борт. Каждая шхуна в сезон добывала до двух тысяч моржей. В результате этого вандализма зимой 1915/16 гг. в двадцати пяти селениях от бухты Провидения до мыса Дежнёва начался страшный голод. Люди питались ремнями, обувью, чем придётся.

«Создавшееся положение, — телеграфировал Н. В. Мономахов, — вновь подтверждает необходимость снабжения начальника уезда (Анадырского. — *А. Г.*) судами для надзора [за] американскими хищниками [и] представление моё [от] 16 октября 1913 г. 5738, а до постройки просимых шхун командировать ежегодно месяца на два охранное судно... *Мономахов*. 131».

А что же «Адмирал Завойко»? Его возможности были весьма ограничены. Как писал действительный статский советник Н. Пономарёв в марте 1916 г., «посылка яхты “Адмирал Завойко” в навигацию текущего года к берегам Чукотского полуострова едва ли достигнет преследуемой цели в смысле устрашения хищников, помышляющих моржей, так как имевшиеся на яхте две пушки Гочкиса в настоящее время, по случаю военного времени, сняты и кроме того быстрота хода яхты определяется всего лишь девять узлов в час; между тем как хищнические шхуны обладают ходом до двенадцати узлов в час».

Новая волна японского «освоения» камчатских ресурсов, захлестнувшая полуостров в 1907 г., хронологически совпала с русской переселенческой волной.

Русско-японская война 1904—1905 гг., революция 1905—1907 гг., столыпинский земельный закон от 9 ноября 1906 г. породили движение переселенцев и ходоков из европейской России в азиатскую, в частности — на Дальний Восток. Сюда мигрировала преимущественно крестьянская беднота из центрально-

чернозёмной полосы и украинских губерний, а наибольшего размаха это движение достигло в 1907—1910 гг.

Переселенческое дело было организовано из рук вон плохо. Многие уезжали обратно, а те, кто не имел для этого достаточных средств, пытались применять свои силы не в земледелии, а в других отраслях хозяйства — в золотодобыче, железнодорожном строительстве, на рыбных промыслах. К 1913 г. численность населения Дальнего Востока увеличилась почти в три раза. Появились переселенцы и на Камчатке. Вот только первыми добрались сюда не семейные крестьяне с серьёзными планами на будущее, а так называемые «мурки».

Сведений о «мурках» в существующей литературе по истории Камчатки по известным причинам практически нет. Этим словом старожилы обозначали всех, за редким исключением, лиц без определённого рода занятий, людей «мутных», внушающих неуважение, беспокойство, страх.

Командир «Манджура» барон Раден, характеризуя начало переселенческого движения на Камчатку, в июле 1907 г. отмечал, что тогда было «мало настоящих переселенцев из Харбина, Владивостока». Фердинанд Владимирович Раден, человек, как мне представляется, бескомпромиссный, честный и принципиальный, не стеснялся называть вещи и явления своими именами. Потому, наверное, именно у него, а не в бумагах гражданских чиновников, удалось найти вразумительный ответ на вопрос о социальных корнях пресловутых «мурок».

«Слабые попытки переселения, — рапортовал Раден во Владивосток, — сделаны и нынче, но они носят скорей характер выталкивания негодного элемента в новый край, чтобы избавиться от беспокойства и опеки над ними... Прибыли всевозможные бродяги, золотоискатели, охотники... отставные солдаты, бывшие сахалинцы и прочий подозрительный сброд. Средства их весьма сомнительны, в цели приезда они сами себе ясного отчёта дать не могут... вместо ожидаемого Эльдорадо... с первых же дней бедствуют, живут под открытым небом, в лучшем случае в палатках, требуют работы, но при том очень разборчивы и ставят неслыханные условия... Большинство уже теперь пропилось совершенно и шатается без дела в Петропавловске, боясь уйти вглубь страны, да и не имея возможности сделать это из-за отсутствия средств».

По мнению барона Радена, заселение Камчатки «такими бродягами» подвергало край опасности грабежей. Он сообщал о том, что существовали пиратские шхуны, «которые ходят вдоль бере-

га, имея три-четыре человека русских в роли рабочих-рыболовов, зафрахтованные подозрительными лицами с неясными правами на рыболовные участки».

После революционных событий, охвативших и Дальний Восток, был и другой, помимо типичных «мурок», повод для беспокойства. «Очень вредны, — писал Раден, — сосланные сюда за политические преступления; их пока немного, но они развращают местное население, возбуждая их против властей и правительственных распоряжений, в особенности о рыбных промыслах. Среди рабочих... промышленника Бондаренко, имеющего концессии на Караге и бухте Барона Корфа, есть самые отъявленные бродяги, которые, между прочим, абордировали пароход “Днепр”, избивли при этом до бесчувствия старшего помощника и произвели всякое бесчинство на пароходе».

Говоря откровенно, ознакомившись с рапортом барона Радена, я поначалу удивился, что историки-марксисты, изучавшие революционное движение на Дальнем Востоке 1905—1907 гг., упустили этот документ из виду. Ведь он отражает и «классовую борьбу», и взгляд на неё представителя «реакционных кругов». А затем понял: на фоне в меру покладистых старожилов «политические», подстрекающие рабочих на абордаж парохода «Днепр», выглядят даже менее приглядно, чем бродяги-мурки, занимавшиеся незаконными промыслами.

В борьбе за выживание «мурки», не имевшие поддержки ни со стороны администрации, ни со стороны постоянного населения, полагались исключительно на себя и на фортуна. Значительная их часть занималась браконьерским промыслом пушного зверя. При этом, стремясь побыстрее, если не разбогатеть, то хотя бы встать на ноги, они наносили немалый вред камчатской природе и, стало быть, подрывали саму основу существования старожилов.

В ноябре 1911 г., когда правительство работало над законом об установлении ограничительных мер по охоте на соболя, утверждённого Николаем II 9 июня 1912 г., камчатский губернатор В. В. Перфильев направил в департамент земледелия свои предложения по пушному промыслу на Камчатке, где далеко не между прочим указывал:

«Нарушения [правил охоты] бывают не редки, особенно теперь, когда с каждым годом увеличивается... пришлый элемент, ищущий здесь лёгкой наживы».

Особенно широко пришлые браконьеры развернулись в Гижигинском и Петропавловском уездах. А в Анадырском, куда по

данным Перфильева, «в последнее время стало приезжать много русских», стал «через них» распространяться «промысел пушнины отравой стрихнином и сулемой (в пилюлях)». Этот способ охоты был вреден тем, что гибло много зверя без пользы для охотника. «С этим злом, — писал Василий Власьевич, — который вносит в уезд, главным образом, приезжий элемент, необходимо энергично бороться».

Поскольку пришлые браконьеры охотились даже в заповедных местностях («Асача» и «Кроноки»), соболя становилось всё меньше и меньше. «Приходится ходить за ним туда, — жаловались старожилы губернатору, — где отцы никогда и не бывали».

Излагая по пунктам свои конкретные предложения, В. В. Перфильев настоятельно требовал: «Последняя законодательная мера... должна касаться приезжего элемента... Хищники эти ни у кого разрешения не спрашивают... и остаются безнаказанными... Необходимо установить как закон, что... промысел разрешается только коренному местному населению. Лица, приезжие... на постоянное жительство, имеют право заниматься... промыслом только по истечении года после причисления к местным сельским обществам или образования новых селений... Никаких охотничьих билетов для приезжих не должно быть выдаваемо ни за плату, ни бесплатно, так как *в Камчатской области охота не является спортом... а служит промыслом обеспечивающим существование местного населения*, которое и должно быть охраняемо от вторжения посторонних элементов... с хищническими наклонностями».

Камчатский губернатор, как видим из этого текста, не страдал местничеством. Переселенец мог сделаться «муркой», но мог, по его мнению, доказать трудом свою добропорядочность, стать членом сельского общества и вскоре получить право на промысел, уравнившись в правах со старожилом.

Нет оснований считать недругом всех приезжих и «махрового реакционера» Радена, который писал: «Главное, нужно селить хороших людей с их семьями... и давать им возможность устроиться... Эти люди... будут оплотом края».

Вот только мотивировали они свои взгляды по-разному. Губернатор Перфильев оберегал промыслы аборигенов и старожилов, а командир канонерки считал местных жителей вырожденцами, которых необходимо «заменить свежими силами работающих переселенцев». Оба, на мой взгляд, были отчасти правы и отчасти ошибались.

Голь перекатная — нищий «мурка», не имеющий никакого законного заработка, не мог стать членом сельского общества, если, конечно, это не было специальное поселение, состоящее из одних переселенцев. Но и сами эти поселения выживали с большим трудом. Из образовавшихся в 1907 г. «Озерной и Жупановской колоний переселенцев» к осени 1909 г. в первой осталось двенадцать семей, занимавшихся рыболовством, охотой и огородничеством, а вторая «распалась совсем». Семьи, покинувшие Жупановскую колонию, перебрались в Петропавловск уже без средств к существованию, и им пришлось выдать ссуду на обзаведение (по шестьдесят рублей — один-два соболя в зависимости от сорта) и строительные материалы на жильё.

Селение Озерное, позднее называвшееся Унтербергер (с 5 июля 1918 г. — Запорожское), выжило лишь потому, что там в 1907 г. существовал уже *русский* промысловый участок фирмы «Грушецкий и К^о», а затем и рыбоконсервный завод. И Перфильев не мог этого не знать. Ведь практически все участки были *японскими*, а японцы, как правило, использовали: на речных участках — русских рабочих, привезённых на сезон из Владивостока, а на морских — японцев. Местное население, в том числе и новосёлов, они принимали на работу крайне редко, а вот реки, на которых те жили, — опустошали. Возрождённая позднее Жупановская колония, получившая название Перфильевка, также выжила лишь потому, что арендатором участка на реке Жупановой был русский — доктор Шаболдаев.

Петропавловский уездный начальник С. М. Лех даже в 1914 г., то есть спустя несколько лет, сокрушался: «Невольно задаёшься вопросом: с одной стороны желание Камчатку заселить, с другой... переселенцы лишены единственно верного заработка — это быть поставщиком рыбы для арендующего на его реке рыболовный участок». И настаивал, чтоб «Управление государственных имуществ, отдавая рыболовные участки, считалось и с тем населением, которое обитает по тём речкам, где сданы участки... Это важно для вновь образовавшихся поселков из переселенцев, так как последние нуждаются в рыбе не только для собственной потребности, но и для заработка для первоначального обзаводства». Настаивал на выработке новых, более строгих правил для рыбопромышленников.

Волокита не прекращалась, как видим, вплоть до 1914 г. «Мурки» оставались «мурками». Они либо питали криминальную среду, либо уходили на фронт. Редкие из них устраивались на работу

в промышленно более развитых районах Дальнего Востока. Любая из этих дорог вела их в революцию...

С взглядами барона Радена, на мой взгляд, вполне можно согласиться в том, что при правильно продуманной постановке переселенческого дела новосёлы Камчатки (не «бродяги», но «хорошие люди с их семьями») могли бы стать «оплотом края». Однако его рассуждения о «вырожденцах», которых следует «заменить», вызывают неприятие, ибо имелись и иные мнения на сей счёт. Подобные внешне, но отличные по существу.

В чём виделись Радену признаки вырождения? Во-первых, в том, что имея возможность обеспечить себя охотничьим промыслом всем необходимым на зиму, «жители края» на том и ограничивались, не заботясь о будущем. Во-вторых, в том, что они плохо занимались скотоводством, из-за чего «чудная порода скота и лошадей гибнет на глазах» от бескормицы, так как сено не заготавливалось. В-третьих, в том, что не обеспечивали кормами даже своих собак, без которых на Камчатке жизнь была невозможна. Отсутствии ухода и плохое содержание приводило к гибели от чумки и голода шести-семи из десяти животных. И, наконец, в том, что огородничество ограничивалось посадкой картофеля, о хранении которого практически не заботились. Урожай вымерзал и сгнивал задолго до окончания зимы. «Всё это доказывает, — писал Раден, — что местное население выродилось и должно быть вытеснено или заменено свежими силами».

Нет необходимости опровергать изложенные им факты. Они подтверждаются многими документальными свидетельствами. Но выводы... В солидном по объёму рапорте Раден ни разу не пояснил, кого же собственно он именуется «местным населением», кто эти «жители края», которые *«медленно, но верно извращаются в экономическом и нравственном отношениях»*. Раден ни разу не назвал «местное население» русским или туземным, инородческим, как тогда было принято. И лишь единожды назвал «жителей края» камчадалами. Предъявляя к камчадалам требования, как к русскому населению исконных русских губерний, нетрудно прийти к тем же выводам, к которым пришёл капитан Раден, стоя на своём командирском мостике. И, говоря по справедливости, мостик капитана Радена недолго пустовал. Уже в 1912 г. в «Русском антропологическом журнале» была опубликована статья известного исследователя Камчатки и будущего президента Академии наук СССР В. Л. Комарова под названием «О русском населении Камчатки», львиная доля которого была посвящена имен-

но камчадалам! А ранее в журнале «Землеведение» В. Л. Комаров, как бы поясняя свою позицию, писал: «*Общие теперь всему оседлому населению... Камчатки бытовые черты интереснее племенных*».

На рубеже XIX и XX вв. многие камчадалы уже и сами затруднились в определении своей этнической принадлежности. За исключением нескольких селений западного побережья, они не говорили по-ительменски и не владели этим языком. Камчатская русская речь характеризовалась крестьянским приленским произношением звуков «ч» как «ц», «ш» как «с» и т. д. А на вопрос В. Н. Тюшова, почему всё же они называют себя камчадалами, отвечали: «*Так начальство называет — ну, оттого и мы себя так зовём*».

Куда больше их, отверженных Россией потомков ительменов и русских первопроходцев, беспокоил другой вопрос — будет ли в этом году рыба в реках для «годового пропитания» себя, своих семей и собачек?

Спасать и врачевать

*Выразите, кто как может, своё
сострадание к горемыкам, живущим
в стране беспредельной скорби.*

Иеромонах Нестор,
камчатский миссионер, 1909 г.

Использованные в качестве эпитафии слова иеромонаха Нестора (Николая Александровича Анисимова) прозвучали 15 ноября 1909 г. громом среди ясного неба... города Казани.

Выпускник реального училища и Казанских миссионерских курсов, трудившийся в Корякской походной миссии с мая 1907 г., иеромонах Нестор через газету «Казанский телеграф» поначалу «имел ввиду обратиться к благочестивым казанцам с просьбой оказать посильную помощь для продолжения постройки церкви на Камчатке во имя преподобного Иоанна Рыльского и часовень». Однако во время подготовки текста обращения к опубликованию, он получил информацию с Камчатки о надвигающемся голоде и изменил содержание своего воззвания. «Я сейчас не решаюсь просить помощи для постройки церкви, — писал Нестор, — а дерзаю обратиться к добрым людям с призывом на помощь голодным».

Обстоятельно, взвешивая каждое слово, но наполняя его обличительным смыслом, о. Нестор поведал казанцам историю о том, как Управление государственных имуществ «по каким то неизвестным соображениям» сдало в устье реки Анадырь (Анадырский уезд входил в состав Камчатской области) рыболовные участки одновременно трём рыбопромышленникам. Те же за сезон выловили и вывезли сто тысяч пудов рыбы и несколько тысяч пудов икры. Население, таким образом, осталось без пропитания для себя и своих собак.

«Есть одна пища у инородцев, — писал священник, — рыба, да не им, бедняжкам, принадлежит, а богатым рыбопромышленникам: “Эриксон, Сронэ и К°”. Есть пушной промысел у инородцев, да ничего не приносит им, ничего кроме охотничьих лишений, да безценного (то есть за бесценок) сбыта мехов господам Йохонсон, Хоа-сито и К°. На долю инородцев остаётся только голод, холод, нищета, болезни и вымирание».

Прибывший на Камчатку накануне подписания русско-японской рыболовной конвенции о. Нестор и прежде видел, как притесняется и доходит до крайней стадии нищеты аборигенное население, и он всегда стремился помочь страждущим не только словом, но и материально. Однако времена стремительно менялись и отнюдь не в лучшую сторону. «А ныне, — задавался священник риторическим вопросом, — как же мы обратимся к родной матери России с просьбой о помощи... когда *Россия ясно показывает своим отношением к Камчатке, что Камчатка для нея недобрый и ненужный пасынок?*»

Жизнь Николая Александровича Анисимова, явившего пример бескорыстной преданности и служения Богу, Царю и Отечеству, всё ещё слабо освещена в печати, хотя первые шаги в этом направлении уже сделаны Эльзой Сергеевной Дяченко и Ириной Васильевной Витер. Личная трагедия этого человека, конечно, если так можно выразиться в отношении лица духовного, представляется в том, что многие его устремления и конкретные дела, направленные на улучшение жизни обитателей Камчатки, были приостановлены Первой мировой войной, а затем полностью пресечены соответствующими органами советской власти. Автор крамольной брошюры «Разстрел Московского кремля. 27 октября — 3 ноября 1917 г.», отпечатанной в Москве в 1917 г., автор контрреволюционных воззваний, ходивших по рукам во многих камчатских приходах в 1922 г. и изымавшихся госполитохраной и военсоветами под угрозой наказания «по закону военного вре-

мени», о. Нестор был надолго очернён идеологами большевизма и вычеркнут из памяти тех, о ком заботился и молился, из памяти чукчей, коряков, камчадалов, русских.

Основные вехи камчатского периода жизнедеятельности о. Нестора (иеромонаха — архимандрита — епископа и основателя Православного Камчатского братства во имя Нерукотворного образа всемилостивого Спаса) обозначены в статье И. В. Витер «Петропавловск: начало века». Мне хотелось бы лишь дополнить известное некоторыми интересными, на мой взгляд, деталями.

Недолгое пребывание на Камчатке не стало преградой для о. Нестора в его познании камчатской действительности начала XX в. Его взгляды, как мне кажется, не должны оставаться вне поля зрения тех, кто пытается понять всё происходившее в обществе и государстве на закате истории Российской Империи. Возможно, его оценка камчатского быта и духовной жизни населения покажутся неискушенному читателю категоричной, но это оценка очевидца искреннего, мудрого и прозорливого. Это оценка соответствующая историческим реалиям камчатской жизни.

Для о. Нестора, в отличие от нынешних исследователей, муссирующих заказную «проблему камчадалов-ительменов» и гадающих «чьей крови в них больше», русской или ительменской, такой проблемы не существовало. Вот мысли камчатского миссионера из его дневника, опубликованного в Киеве в 1912 г.: «К глубокому прискорбию... сами-то *русские камчадалы*... уронили своё русское имя и дело, пали духом и телом... это умственно неразвитый народ, нравственно-невежественный и испорченный свободной и безнадзорной жизнью. Но, быть может, отсутствие жизненных удобств и *полное необеспечение дикого края изуродовали русского мужика-крестьянина*, бывшего хлебопашца и развратили его».

Отмечая все пороки камчатского населения, о. Нестор не отрекается от своих соотечественников, не требует, подобно барону Радену, немедленно заменить «вырожденцев». Напротив. Он пишет: *«Сейчас уже является трудной задачей подчинить этот народ благу влиянию, трудно пошатнуть, а тем более разрушить, или пересоздать ненормально установившийся строй жизни среди христиан русских-камчадалов.* Правда, сближение русских камчадалов с туземцами и совместная жизнь оказали сильное взаимное влияние: *одни до некоторой степени “худо одичали”, а другие “дурно обрусели”.* Так что миссионерам является задача *спасти и духовно врачевать тех и других».*

Храмовое строительство, развернувшееся на Камчатке в бытность отца Нестора, отнюдь не имело целью распространение в населении «опиума для народа» и не означало «насаждения» христианства, как считали и продолжают считать историки-ленинисты. Ведь если внимательно посмотреть на историю храмового строительства, то становится совершенно очевидным стремление самих людей иметь в своих селениях храмы и часовни, исповедовать православие. Особенно очевидно это выражено у камчадалов, забывавших свои древние языческие обычаи уже во времена Г.-В. Стеллера и С. П. Крашенинникова. В 1914 г. камчатский протоиерей Даниил (Шерстенников) писал: «Постройка часовен — любимое общественное дело. Все (камчадалы. — А. Г.) идут с топорами и строят, как умеют, прилагая полное старание к созиданию “Дома Божия”, где батюшка совершит для них когда-нибудь Божественную Литургию, а Великим Постом будет их “постить”».

Уместно сказать, что строительство для камчадалов было делом сложным и трудоёмким. Приемы строительства деревянного русского зодчества (не говоря уже об архитектурных традициях) в XIX в. были на Камчатке основательно подзабыты. Не хватало инструмента, не было хороших мастеров. А. П. Сильницкий в 1897 г. засвидетельствовал этот факт: «В Камчатке ни плотников, ни столяров нет и вопрос о постройке нового дома и о капитальном ремонте старого, за отсутствием мастеров, откладывается из года в год. *Строят новый дом тогда, когда старый буквально разваливается*». Однако же строительство часовен на Камчатке не прекращалось даже в периоды полного забвения далекой российской окраины. Если в 1849 г. здесь было три часовни, то в 1852 г. — уже шесть, в 1853 г. — семь, в 1859 г. — девятнадцать, а в 1873 г. — тридцать две.

«Все камчатские часовни по наружному виду своему, — писал протоирей Даниил (Шерстенников), — ...имеют вид храмов и могут быть вполне приспособлены для совершения Божественной Литургии, как и есть на самом деле, но не отличаются большими размерами и богатством убранства... некоторые часовни представляют... типичные образцы камчадальского строительного искусства, не достигшего, впрочем, особенного совершенства, таковы Ганальская, Завойкинская, с иконостасами работы местных самоучек-резчиков, сделавших их при помощи ножа».

Я аргументировал утверждение о стремлении камчадалов к христианству через обзор строительства часовен, а не церквей,

так как хотел показать движение снизу. Впрочем, и статистика по церквям, строительство которых производилось только в случае особой надобности, подтверждает мнение, что к вере не приуждали — во второй половине XVIII в. на Камчатке было восемь церквей, во второй половине XIX в. — одиннадцать.

О. Нестор хлопотал на всех уровнях, вплоть до Высочайшего, за возрождение на Камчатке монастырей, предлагая осуществление проекта начать в тех самых местах, где в начале XVIII в. существовала Успенская пустынь Якутского Спасского монастыря. Монашествующую братию намеревались привлечь из Соловецкого монастыря, известного строгой и трудовой жизнью. Камчатская мужская обитель должна была явиться школой веры, труда и грамотности. А женскую обитель милосердия предполагалось построить у горячих ключей на реке Паратунке. Из газетных сообщений 1914 г. известно, что комиссия Государственной Думы по делам Православной церкви пришла к заключению, что реализация проекта по учреждению на Камчатке монастырей необходима «для удовлетворения религиозных нужд населения и в целях колонизации». Доклад по законопроекту об устройстве в Камчатке мужского монастыря был представлен комиссией на одобрение общего собрания Думы.

Несомненно, было две причины, из-за которых задуманное не совершилось тогда. Первая — проблема землеотвода. Под мужской монастырь церковное ведомство испрашивало тысячу десятин в окрестностях Ключевского селения и столько же — на расстоянии тридцать пять — пятьдесят вёрст ниже по реке. А вторая — начавшаяся Первая мировая война.

В 1914 г. о. Нестор ушёл на фронт, вслед за отцом и братом. Он состоял при лейб-гвардии Драгунском полку и «посильно послужил русскому воинству на поле брани». Ходил с драгунами верхом в кавалерийскую атаку, организовал санитарный отряд «Первая помощь под огнём врага» и лично выносил раненых с поля боя, напутствовал их, отправляя в госпиталь. В одном из боёв участвовал в наступлении с крестом в руке под сильным огнём противника. За ратные и духовные подвиги о. Нестор был награждён золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте, орденами Св. Владимира с мечами 4-й степени, Св. Анны 2-й и 3-й степеней с мечами.

В 1915 г. он был возведён в сан архимандрита, а 16 октября 1916 г. по Высочайшему повелению хиротонисан во епископа Камчатского и Петропавловского. Владыка Евсевий писал в Синод:

«Нестор — это Камчатка, а Камчатка — это Нестор». Нестор продолжил свой неустанный труд по духовному спасению и врачеванию обитателей Камчатки. К 1917 г. его стараниями на Камчатке было уже тридцать семь храмов, тридцать восемь часовен и сорок две школы.

Николай Александрович Анисимов был тонким знатоком человеческих душ. Его видение камчатской действительности начала XX в. не должно оставаться вне поля зрения тех, кто пытается понять всё тогда происходившее в обществе и государстве. Возможно, его оценка камчатского быта и духовности русских и камчадалов несколько категорична (одни худо одичали, другие дурно обрусели), но нам ли, живущим девяносто лет спустя в этом сумасшедшем мире, подвергать её критике?

За годы камчатского служения о. Нестор осознал то, что недоступно пониманию нынешних национал-реаниматоров. «Возродить», выделить из среды метисов-камчадалов этнически чистых ительменов, а из среды русских старожилов — этнически чистых русских невозможно. Определить, кто из них более ительмен, а кто более русский, так же нереально, как найти след Кутха на морском берегу или могилу первого русского казака, женившегося на ительменке. Прав был Гераклит — в одну реку нельзя войти дважды.

*Петропавловск-Камчатский,
1997 г.*

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ КАМЧАТСКОЙ
ГУБЕРНИИ (ОКРУГА) ПО БОРЬБЕ
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.**

Состояние преступности на Камчатке в 1920-е гг. было напрямую связано с особенностями политического состояния и экономического развития Северо-Востока России. На криминальную обстановку влияли огромные размеры территории, её практически полная изолированность, отсутствие промышленности, слабое развитие сельского хозяйства и торговли, малонаселённость и преобладание коренного населения, длительный период гражданского противостояния и более позднее установление советской власти, пограничное положение и значительное присутствие иностранного капитала. Особо следует отметить, что в 1920-е гг. в России в целом и на Дальнем Востоке достиг колоссальных масштабов бандитизм, борьба с которым стала важнейшим направлением деятельности милиции. Несмотря на то, что в 1920-е гг. основную тяжесть вооружённой борьбы с бандитизмом несли органы и войска ВЧК-ОГПУ, в связи с сокращением численности войск и активизацией преступников в стране, использование милиции становилось всё более широким [1, с. 194—196].

Особенностью бандитизма в Камчатской губернии в первой половине 1920-х гг. было его ограниченное распространение. В отчёте «О деятельности помощника приморского прокурора по Камчатке с 1 января по 1 апреля 1924 г.» указывалось, что «бандитизм имеет место только в Охотском уезде» [2, л. 66]. Начальник Камчатского административного отдела (КАО) 14 ноября 1925 г. также сообщал, что на территории губернии «бандитизма нет, за исключением Охотского уезда» [3, л. 5]. Развитие политического бандитизма в уезде было обусловлено рядом факторов. Он являлся наиболее экономически развитой частью губернии, на которой были сосредоточены золотые прииски, угольные копи и рыболовные участки. Здесь сконцентрировался зажиточный «устойчивый контрреволюционный элемент», присутствовали бывшие белогвардейские нижние чины и офицеры из отрядов А. Н. Пепеляева, В. И. Бочкарёва, А. И. Ракитина и другие [4, л. 38]. Впоследствии многие из них стали не только участниками, но и руководителями антисоветских вооружённых формирований.

Следует отметить, что Охотский уезд был самым неблагополучным (в криминальном отношении) на Северо-Востоке России. Здесь наблюдалось скопление преступного элемента, а количество совершаемых преступлений было самым высоким в губернии. Например, золотые прииски находились в состоянии упадка, а условия жизни на них порождали такие преступления как бандитизм и контрабанду. После закрытия навигации на прииски прекращалась поставка продовольствия, чем пользовались спекулянты и контрабандисты.

Значительное количество вооружённых групп имели базы на территории Якутии, откуда совершали набеги и где скрывались в случае неудачи и с наступлением зимы. Важнейшей причиной антисоветских настроений в Охотском уезде стали незаконные действия местных органов власти во время советизации в 1923—1924 гг. Так, руководители военного экспедиционного отряда и органов ГПУ проводили «негласную изоляцию», аресты, пытки и расстрелы тунгусов, якутов и местных русских. Распространённым явлением были расстрелы без суда и следствия и «бесследные исчезновения» местных жителей Аяна и Охотска, имущество которых конфисковывалось. Охотские власти не только взыскивали с местного населения дореволюционные налоги, но и вводили новые, втрое превышавшие налогообложение царских времен. Были распространены систематические нарушения при регистрации пушнины и оружия [4, л. 14—15].

Представители власти не знали языка, традиций и культуры аборигенов и совершенно не считались с их особыми бытовыми условиями, укладом жизни и социальными отношениями [2, л. 12]. В 1925 г., в информационном отчёте особой комиссии ВЦИК по расследованию причин антисоветского вооружённого выступления в Охотске, отмечалось, что «отношение к местному населению было очень скверное», «налоги были безумны, а снабжения почти не было», «имел место русский великодержавный шовинизм и чиновничье понимание законов» [4, л. 14]. Апогеем развития политического бандитизма в Охотском уезде стал 1924 г., когда вооружённые выступления охватили Охотское побережье и восточные районы Якутии, а политическая обстановка обострилась настолько, что возникла реальная угроза существования советской власти в уезде [5, с. 42]. Помощник приморского губернского прокурора по Камчатке в 1924 г. отмечал, что в Охотском уезде «банды якутов и тунгусов под руководством белогвардейских офицеров и якутской интеллигенции пытались захватить город Охотск» [2, л. 66].

В указанный период в уезде имелось несколько десятков вооружённых групп, количество участников которых доходило до шестисот человек. Кроме того, здесь свободно «гастролировал» уголовный элемент, усиливая местный бандитизм и преступность. Согласно донесениям камчатского и охотского ОГПУ, во второй половине 1924 — начале 1925 гг. наиболее активно действовали вооружённые группы под руководством Ю. Галибарова, П. Карамзина, С. Карамзина, Я. Шарфина, Н. Слепцова, М. Артемьева, Выборова. Отряды якутов и тунгусов были сосредоточены в районе рек Урак и Улья (120 чел.) и селения Южно-Крестовского (400 чел.). Участники вооружённых формирований не признавали советскую власть, а также вели активную агитацию «за присоединение Охотского уезда к Якутии и автономию Якутии от России».

Особую активность вооружённые формирования проявили весной и летом 1924 г. Так, 10 мая 1924 г. группа в составе 25 чел. захватила селение Нелькан, а 7 июня 1924 г. начальник уездной милиции Лихонос докладывал о нападении на порт Аян «шайки бандитов, состоящей из якутов, тунгусов и русских». Личный состав охотской милиции был слишком немногочисленным и недостаточно подготовленным, чтобы противостоять бандитам [6, л. 58].

Очередное нападение на Аян было совершено 7 июля 1924 г. вооружённой группой численностью 60—80 чел. [2, л. 13]. Она имела чёткую структурную организацию и отличалась особой мобильностью. Руководил ею П. Карамзин, его помощником был М. Артемьев. Отряды возглавляли Канин и Попов, интендантом являлся Потапов, помощниками интенданта — Шаробин и Змеев-Чириков, заведующим следственной и политической частью — И. П. Добрынин. В результате восемнадцатичасового боя Аян был захвачен, командир взвода ОГПУ Суворов и два красноармейца убиты, а находившийся в порту взвод войск ОГПУ взят в плен и разоружён [2, л. 13]. Захвачены тридцать винтовок системы Бердана, два пулемёта «Шоха», восемь револьверов, разграблены продуктовые склады.

Попытки уездной власти ликвидировать эти отряды, предпринятые в августе-декабре 1924 г., оказались безуспешными, а 22 февраля 1925 г. группа С. Карамзина, Н. Слепцова и Я. Шафрина численностью около двухсот человек нанесла поражение отряду советских работников и заняла село Новое Устье [2, л. 13]. В селе разграблены продовольственные склады Охотско-Камчатского акционерного рыбопромышленного общества (ОКАРО) и захвачены 10 000 пудов муки, 300 пудов сахара и 500 пудов чая [2, л. 67].

Отряд красноармейцев и партийных работников, высланный из Охотска в Новое Устье, был разбит. Красноармейцы потеряли 18 чел. убитыми и шестерых ранеными, а также несколько винтовок и пулемёт «Льюис». Новое Устье стало одним из центров антисоветских выступлений в Охотском уезде, где действовали аянские и оймяконские группы под командованием М. Артемьева, Ю. Галибарова и Н. Слепцова общей численностью около четырёхсот человек [2, л. 13]. В феврале 1924 г. началось наступление повстанцев на Охотск. 27 февраля 1925 г. они направили в город парламентариев с предложением капитулировать. После отказа охотского гарнизона сложить оружие, отряд из 25 чел. под руководством П. Карамзина, Я. Шафрина и Н. Слепцова захватил село Булгино (расположенное в двух верстах от Охотска), фактически блокировав город.

В районе Охотска повстанцы успешно вели активную антисоветскую агитацию. В этом отношении «помощь» им оказывали отдельные руководители советских органов власти, часто действовавшие незаконными и недопустимыми методами, послужившими благоприятной почвой для антиправительственной и антисоветской пропаганды. В противовес этому участники вооружённых формирований часто использовали иную тактику. Например, бесплатно раздавали продукты населению (захваченные на складах ОКАРО в Новом Устье и в других местах), отпускали на свободу захваченных советских работников и рядовых красноармейцев. В это время бандитские группы контролировали половину территории Охотского уезда. Основными центрами их сосредоточения стали: район реки Урак (сорок вёрст от Охотска), порт Аян, район между селениями Татой и Алдан (сто семьдесят вёрст от порта Аян), район селения Нелькан, селение Усть Майск и другие.

Особенностью бандитизма в Охотском уезде было наличие мелких подвижных вооружённых групп, легко рассредоточивавшихся и вновь объединявшихся, часто менявших дислокацию. Это усложняло учёт и борьбу с ними. В связи с угрожающим размахом антисоветского движения было решено (наряду с усилением административно-карательных мер и введением военного положения) образовать особую комиссию ВЦИК под председательством К. К. Байкалова по ликвидации восстания. В инструкции руководителю комиссии указывалось, что «ЦК находит целесообразным мирную ликвидацию восстания, применяя военные силы только в самом крайнем случае» [5, с. 45]. В итоге, 25 мая 1925 г. сложили оружие 484 чел. под руководством М. К. Артемьева, 35 чел.

под руководством П. В. Карамзина и более мелкие группы, которым была обещана амнистия.

Впоследствии, на партийной конференции в Якутске 22 июня 1925 г., были признаны многочисленные ошибки охотских властей в 1923—1924 гг., осуждены методы жёсткого насилия, которыми ознаменовалось установление советской власти и подтверждена амнистия участникам антисоветских выступлений.

Во второй половине 1920-х гг. уровень бандитизма в Охотском уезде снизился, но его периодические проявления имели место. Анализ архивных материалов свидетельствует, что «оживление» бандитизма начиналось осенью, после закрытия навигационного периода. На закрытых заседаниях Охотского райкома ВКП(б) систематически приводились сведения о нахождении в районе десятков вооружённых людей, которые «грабят фабрики, кооперативы и экспедиции, а также захватывают небольшие населённые пункты», и о наличии сотен бывших участников бандитского движения 1924—1925 гг., которые «представляют ненадёжный элемент» [7, л. 66].

В 1927—1928 гг., в целях предупреждения возможных нападений, в ряде населённых пунктов Охотского района (г. Охотске, на золотых приисках, в пос. Иванове, Резиденции, Булгино и других) были организованы отряды самообороны и временно запрещена продажа спирта. В отряды «в обязательном порядке» привлекались коммунисты, комсомольцы и добровольно — советский профессиональный актив [7, л. 67, 68, 84]. В информационном отчёте Камчатского окружного бюро ВКП(б) за 1926 г. констатируется, что после «ликвидации бандитизма в Охотском уезде не возникало никаких волнений» [8, л. 2].

Следует отметить, что в настоящее время охотские события 1924 г. трактуются весьма неоднозначно. В отчётах Камчатского губернского и Охотского уездного ревкомов, отчётах административных отделов за 1924—1926 гг. данные события оцениваются как «вооружённые бандитские выступления», а участники вооружённых формирований — как «бандиты». Аналогичным образом охотские события рассматривались и в исследованиях до начала 1990-х гг. Такая оценка связана с тем, что в соответствии со ст. 74 УК РСФСР, принятом в 1922 г., подобные действия квалифицировались как «преступления против порядка государственного управления». По ст. 76 УК РСФСР участие в бандах (вооружённых шайках) и организуемых бандами вооружённых нападений каралось высшей мерой наказания (расстрелом) с конфискацией

имущества. В 1990—2000-х гг. появились исторические исследования, в которых вооружённые выступления в Охотском уезде рассматриваются как «повстанческие» и «национальные», спровоцированные незаконными действиями властей во время установления советской власти.

Важнейшим направлением деятельности милиции являлась борьба с контрабандой. На Северо-Востоке России в первой половине 1920 гг. она достигла гигантских масштабов. Сведения о размерах контрабандной торговли, охватившей Камчатскую губернию, содержатся в отчётах губревкома, губернского АО, уездных революционных комитетов. В то время на Камчатке была особо развита экономическая контрабанда, в составе которой преобладали предметы первой необходимости и товары широкого потребления. Номенклатуру контрабандного привоза в основном составляли «колониальные товары»: спирт, мануфактура, чай, табак и другие [9, л. 113], а главным объектом незаконного вывоза являлась пушнина. Основными местами сбыта контрабандных товаров являлись города, золотые прииски, прибрежные сёла и рыболовные участки.

Интенсивное развитие контрабанды было вызвано воздействием ряда факторов:

— во-первых, в Камчатской губернии отсутствовало промышленное производство и сельское хозяйство, что приводило к полной зависимости территории от поставок продукции, «ввозимой в большинстве случаев с иностранных рынков». В 1924—1925 г. более 90 % товаров, ввозимых на Камчатку, являлись американскими, японскими и китайскими (мука, сахар, рис, кирпичный чай). Одними из самых распространённых были американский и китайский (маньчжурский) табак и американское топлёное свиное сало (сливочное масло из-за высокой стоимости не являлось предметом широкого потребления) [10, л. 16];

— во-вторых, в результате длительного гражданского противостояния и позднего установления советской власти административный аппарат на Камчатке (в 1923—1924 гг.) находился в стадии формирования и был организован только в пределах Петропавловского уезда. В 1922—1923 гг. Дальревком издаёт ряд постановлений, направленных на борьбу с контрабандой, однако из-за малочисленности и слабости административного аппарата осуществить было затруднительно;

— в-третьих, исторически сложившееся влияние США и Японии, основанное на неравноправной торговле и колониальном гра-

беже местного населения. Используя примитивный уклад жизни коренного населения, иностранные торговцы искусственно подерживали меновой характер торговли, при котором основной «валютой» являлся контрабандный спирт. Следует отметить, что в 1921—1924 гг. среди нелегально ввозимых товаров доля последнего превышала 60 %;

— в-четвёртых, огромная территория губернии и полное отсутствие пограничной охраны способствовали свободному проникновению контрабандных товаров. Так, в докладе начальника Камчатского пограничного отряда ОГПУ от 18 февраля 1925 г. отмечалось, что 10 000-вёрстная морская граница Камчатской губернии имела «доступные для причала берега, но никем не охранялась»;

— в-пятых, население воспринимало занятие контрабандой как способ выживания в условиях «недостатка, либо абсолютного отсутствия товаров» [9, л. 113] и «очень неохотно помогало власти в этом вопросе».

Отмеченные выше обстоятельства требовали проведения комплекса экономических и административных мер, направленных на сокращение объёмов контрабанды. На объединённом заседании Дальревкома и Дальэконосо (8 апреля 1924 г.) было решено сохранить беспошлинный и безакцизный ввоз в Камчатскую губернию товаров, не запрещённых постановлением Дальревкома от 16 января 1923 г. [11, л. 150—151].

Товары, вывозимые с Камчатки, должны были облагаться пошлинами согласно таможенному тарифу. Это решение было подтверждено постановлением № 23 от 8 мая 1924 г., принятым Дальревкомом. В августе 1924 г. признано необходимым провести на Дальнем Востоке ряд организационных и экономических мер, таких как снижение цен на товары отечественного производства, увеличение выпуска предметов массового спроса, являющегося объектом контрабандного ввоза и вывоза, открытие новых таможенных постов [12, с. 444].

Началом преобразований, направленных на преодоление экономической зависимости Камчатки от иностранных фирм, стало образование в 1924 г. частно-государственного ОКАРО и закрытие наиболее крупных фирм, таких как американская «Олаф Свенсон» и английская «Гудзон Бей». В 1924—1925 гг. торговая деятельность на Северо-Востоке России осуществлялось ОКАРО, которое в 1925—1926 гг. было ликвидировано, а функции снабжения были переданы Дальгосторгу (ДГТ), через фактории которого население снабжалось продовольственными товарами, а также

скупалась пушнина [13, с. 27]. С 1926—1927 гг. началось установление единой системы цен на территории Камчатского округа, которые к 1928 г. были «окончательно введены во всех торговых пунктах Камчатки» [14, л. 134].

Окончательное установление государственного контроля за экономикой Северо-Востока России связано с деятельностью Акционерного Камчатского общества (АКО), образованного с целью «монопольной торговли и эксплуатации естественных богатств в Охотско-Камчатском крае и Чукотско-Анадырском районе». АКО создано 4 июня 1927 г. на основании договора уполномоченного Наркомторга СССР, Наркомторга РСФСР, ВСНХ, СССР, ВСНХ РСФСР, Далькрайисполкома, Госторга РСФСР и Акционерного общества «Совторгфлот». Учредителями АКО являлись только государственные учреждения и предприятия, а деятельность общества охватила рыбную промышленность, лесное и сельское хозяйство, снабжение населения, транспортную систему, пемзо- и торфоследование, строительство и пушнозвероводческое хозяйство.

Итогом принятых мер стало значительное сокращение объёмов контрабандного рынка и уменьшение размеров контрабанды. Однако в процессе осуществления торговой деятельности, практически отсутствовало взаимодействие между руководством ДГТ и окружными (а также районными) властями. Так, руководители факторий ДГТ (впоследствии АКО) непосредственно «связывались» с главной конторой в Хабаровске, минуя местные власти, которые не знали товарной потребности своего района. Кроме того, уполномоченный Дальгосторга при окривке практически не владел информацией о работе факторий на местах и не влиял на неё [15, л. 298об.].

В 1927 г. уполномоченный Дальневосточного отдела Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) провёл обследование организаций и учреждений, торгующих на Камчатке. Было установлено, что слабая изученность вопроса «ёмкости» рынков в районах Камчатки и недостаточный учёт местных потребностей приводили к значительным затратам на заготовку, переброску и хранение «неходовых», а также вызывали острый недостаток необходимых товаров, что «ставило население в крайне затруднительное положение» [16, л. 9об.].

В отчёте Камчатского окружного бюро ВКП(б) за 1926—1927 гг. указывалось: «Искоренить контрабанду не удалось, так как население нуждается в товарах, которые либо не завозятся, либо завозят в малом количестве» [9, л. 113].

Наряду с экономическими, ДРК предпринял и административные меры, направленные на борьбу с контрабандой. Постановлением от 27 января 1923 г. «О введении в действие декретов о таможенных учреждениях и контрабанде» регламентировалась деятельность таможи и органов милиции [17, с. 460]. С целью систематического изучения причин её развития, а также разработки практических мер борьбы и координации всех учреждений, задействованных в борьбе с контрабандой, в 1923 г. на Дальнем Востоке была создана специальная комиссия. Аналогичную комиссию образовали и в Камчатской губернии в составе председателя губисполкома, прокурора, начальников АО (он же начальник губмилиции), Камчатской таможи и губернского ОГПУ (он же начальник пограничного отряда). На основании декретов и постановлений СНК РСФСР, циркуляров ЦАУ НКВД РСФСР, постановлений и решений Дальревкома камчатская комиссия «Инструкцию по борьбе с контрабандой» [18, л. 29а—29у].

Инструкция, утверждённая ГРК 4 марта 1925 г., являлась примером местного нормотворчества и стала важнейшим актом, на основании которого в 1920 — начале 1930-х гг. камчатские милиционеры боролись с контрабандой [18, л. 27]. В ней не только определялось понятие контрабанды (в соответствии со ст. 97 УК РСФСР) и регламентировалась компетенция ОГПУ, таможи и милиции, но и содержался расширенный перечень товаров, разрешённых и запрещённых «к ввозу на Камчатку» [18, л. 29г—29ж]. Документ детально рассматривал правила досмотра и задержания контрабандистов и контрабандных товаров, а также порядок составления милицейских протоколов (с приложениями их образцов). Особое внимание в нём уделялось характеристике системы премиальных отчислений за задержание контрабанды. [18, л. 29—29н].

Премиальные выплаты осуществлялись из средств, вырученных от реализации конфискованных контрабандных товаров, а также штрафов и пени. В планах административной работы второй половины 1920-х гг. милиции регулярно ставилась задача усиливать борьбу с ввозом контрабанды путём «переброски в соответствующие пункты в нужное время опытных милиционеров» [19, л. 186].

Следует также отметить, что в середине 1920-х гг. на Камчатке завершается процесс оформления советского административного аппарата управления, неотъемлемой частью которого являлись силовые структуры. Так, в середине 1920-х гг. в губернии

были сформированы пограничный отряд ГПУ, таможенная служба, милиция, Дальрыбнадзор и Дальохотнадзор. Их совместные действия были направлены на борьбу с контрабандой. Рассматривая методы этой борьбы, ГРК признавал, что наиболее эффективными будут только экономические меры, а остальные рассматривались «как подсобные».

На заседании председателей волостных ревкомов Петропавловского уезда, состоявшегося 18 февраля 1925 г., был заслушан доклад председателя комиссии по борьбе с контрабандой начальника губотдела ОГПУ И. Ломбака «О борьбе с контрабандой». Он обозначил следующие причины роста контрабанды на Северо-Востоке России: обширность территории, неудовлетворительное состояние связи и недостаточность специального аппарата, расхождение цен между товарами местного и заграничного производства, отсутствие местной промышленности. ГРК предложил сотрудникам милиции и другим административным работникам проводить на местах широкую кампанию по «привлечению к борьбе с контрабандой широких слоёв населения, разъясняя установленную систему премиального вознаграждения». Для предотвращения контрабандного вывоза пушнины решили изменить ассортимент ввозимых товаров «в сторону приспособления к вкусам местного населения» и пересмотреть «политику пушных лимитов», так как основной причиной «утечки пушнины» являлась разница в закупочных ценах факторий ДГТ и «частника».

Важнейшим решением, направленным на борьбу с контрабандным спиртом, стало разрешение ГРК на продажу государственного спирта, которое было вызвано необходимостью усиления экономических мер борьбы с ввозом иностранного спирта в наиболее поражённые контрабандой районы. На основании решения ГРК Дальгосторгу (с 17 июля 1925 г.) было разрешено реализовать государственный спирт в Усть-Камчатске (1 000 вёдер) и в Усть-Большерецке (800 вёдер). В 1926 г. государственные магазины Дальневосточного отделения Госспирта работали в Петропавловске, Большерецке и Усть-Камчатске. Камчатский ГРК установил, что «цены на спирт должны быть такие, которые исключали бы возможность сбыта контрабандного спирта, то есть продавать спирт с наценкой на себестоимость, установленной для товаров вообще» [2, л. 95].

Следует отметить, что необходимость борьбы с контрабандой алкоголя явилась основной причиной того, что продажа спиртных напитков на Дальнем Востоке была разрешена уже в 1922 г.,

а в сентябре 1922 г. Наркомюст и прокуратура РСФСР издали совместный циркуляр «Об усилении репрессий за незаконное приготовление и хранение спиртных напитков». Открытие государственной торговли спиртными напитками в некоторых районах Камчатки имело неоднозначные последствия.

С одной стороны, в Петропавловском, Усть-Камчатском и Большерецком районах значительно снизился ввоз контрабандного спирта, а также наблюдалось «снижение преступлений по выгонке самогона и браговарению» [20, с. 4]. Так, в отчёте о деятельности административно-милицейских и судебных органов за 1925 г. особо отмечалось, что с открытием в Петропавловске отделения Госспирта, «изготовление браги и ввоз контрабандного спирта сократился на 90 %» [21, л. 40]. В докладе Большерецкого РИК за 1926 г. отмечен «упадок уголовной преступности, даже при наличии в районе госвинторговли», а также констатировано, что случаев продажи контрабандного спирта не зарегистрировано [22, л. 12об.—13, 107об.—108].

С другой стороны, в вышеуказанных районах наблюдался резкий рост пьянства. В отчёте о деятельности Большерецкого РИК указывалось, что наличие государственного винного магазина крайне неблагоприятно отражается на жизни населения [22, л. 48об.]. Например, за полгода его деятельности в Большерецке продано 516 вёдер вина, 334 ведра спирта, а средняя норма потребления алкоголя составила 30 бутылок спирта (одна бутылка — 0,5 литра) на одного человека [22, л. 48об.]. В селах Большерецкого района широко распространилась спекулятивная перепродажа «спиртопродукции», приобретённой в Большерецке. Руководство районной милиции неоднократно сообщало в окружной АО о необходимости ограничить вывоз спиртных напитков из Большерецка в местные сёла (до десяти бутылок на человека) и делать это только с разрешения начальника милиции.

В отчётном докладе Усть-Камчатского РИК за период с марта 1927 по май 1928 г. указывается, что население района тратило на приобретение спирта более 10 000 руб. в месяц [23, л. 92]. Эта сумма превышала половину местного бюджета, а прибыль Усть-Камчатского госспирта (лавка № 942) постоянно увеличивалась. По нашим подсчётам, в 1925—1928 гг. прибыль составила (в руб.): ноябрь-декабрь 1925 г. — 4 099, 1926 г. — 45 400, за девять месяцев 1927 г. — 39 283, за четыре месяца 1928 г. — 23 886 [23, л. 92]. Сведения о продаже спирта в Петропавловске и Большерецке в 1929—1930 гг. представлены в табл. 1.

Таблица 1

Районы	Продано спирта		Вырученные средства	
	II полугодие 1929 г.	I полугодие 1930 г.	II полугодие 1929 г.	I полугодие 1930 г.
Петропавловск- Камчатский	7 659 бутылок, 15 610 полубу- тылок	8 543 бутылки, 17 311 полубу- тылок	52 353 руб.	65 905 руб.
Большереецк	5 473 бутылки, 4 763 полубу- тылки	7 347 бутылок, 6 854 полубу- тылки	25 250 руб.	4 741 руб.

Вместе с тем, в большинстве районов Камчатского округа государственная торговля спиртным отсутствовала, и контрабанда алкоголя была очень распространена, о чём свидетельствуют отчёты РАО второй половины 1920-х гг., докладные записки административных работников, рапорта сотрудников милиции. Например, в отчёте Карагинского РАО за 1930 г. сообщается об отсутствии в районе «магазинов Госспирта». Спирт ввозился незаконно, основными его «поставщиками» являлись китайские артели грузчиков [24, л. 161].

По данным отчёта АО Чукотского туземного района, здесь также отсутствовала легальная торговля спиртными напитками, а самогонование «с каждым годом увеличивалось» [25, л. 104, 106об., 107]. В докладной записке от 27 августа 1930 г. начальник Анадырской фактории АКО Ильин отмечает, что спирт ввозится исключительно контрабандным путём китайскими и японскими рабочими, прибывающими на рыболовные участки [26, л. 192]. Стоимость одной бутылки контрабандного спирта (русского или японского) в Анадыре в 1930 г. составляла от 15 до 25 руб. С началом навигационного периода население Анадыря переживало «праздник, а спирту выпивало столько, сколько не употребило бы при условии открытого, но регулярного отпуска спирта из магазина» [26, л. 192об.].

Как видно, из-за недостаточной сети виноторговых заведений на Северо-Востоке России удовлетворить спрос на спиртные напитки не удавалось, поэтому контрабанда алкоголя по-прежнему была распространена.

Главным объектом контрабандного вывоза с Камчатки являлась пушнина. Основной причиной «утечки пушнины к частнику» оказалась разница в закупочных ценах факторий ДГТ и частных коммерсантов [27, л. 148]. Кроме того, в соответствии с постановлением о запрещении скупки пушнины частными лицами, карательные меры предусматривались только «к скупке пушни-

ны как к профессии», однако разрешалось её приобретение «по потребительской норме», хотя последняя не была предусмотрена «ни в количественном отношении, ни по видам пушного зверя». Таким образом, имелись широкие возможности скупать пушнину непосредственно у охотников по ценам, значительно превышающим лимиты. Распространёнными также являлись случаи, когда сотрудники АКО частным образом скупали пушнину у охотников по ценам, существенно превышавшим закупочные. В документах того времени отмечается, что среди охотников «укрепилось мнение» о том, что сотрудники АКО намеренно занижают закупочные цены на пушнину [27, л. 92].

В 1926—1927 гг. значительно снизились цены на ряд товаров (преимущественно туземного потребления) и повысились закупочные цены на пушнину. Так, с 1926 г. существенно выросла лимитная цена на нерпу (с 90 коп. до 2 руб. 50 коп.) и удвоена лимитная цена на выдру. Это стало «достижением политического значения», так как на продаже нерпы «держался бюджет огромной части беднейшего берегового (осёдлого) населения», а выдра являлась одним из основных объектов контрабандного экспорта, по причине крайне низкой расценки [15, л. 299]. Но одновременно значительно снизилась закупочная цена на песца, которая «на американском берегу» была в два раза выше. Таким образом, «двухкратная» разница в ценах способствовала активному контрабандному вывозу с Камчатки этой пушнины.

В докладе начальника петропавловской милиции К. А. Куксенко от 30 марта 1928 г. указывается, что все торгующие китайские лавочники в городе скупают пушнину, а наиболее крупными скупщиками являются Гао-Хай Ван, Сунь-Мень-Чжан, Гаочжи-Цзян, за которыми «ведётся наблюдение, но положительных успехов не имеется» [28, л. 8].

Окружные власти рассматривали контрабанду как фактор, угрожающий экономической стабильности в регионе, и придавали исключительное значение борьбе с ней. На секретном совещании Камчатского ОРК, состоявшемся 31 января 1928 г., искали методы и пути «борьбы с контрабандной утечкой пушнины к частнику-спекулянту». В совещании участвовали государственные и партийные руководители Камчатского округа, а также руководители АКО и силовых структур Северо-Востока России (начальник милиции и ОАО, окружной прокурор, начальник пограничного отряда ОГПУ, председатель окружной комиссии по борьбе с контрабандой и другие). Подавляющее большинство участников совещания предлагали

сделать особый упор на административно-карательные формы борьбы, так как «частник-спекулянт не имеет аппарата, накладных расходов, не платит налогов и может успешно конкурировать с государственно-кооперативными организациями». Отмечалось, что параллельные действия милиции и ОГПУ в борьбе с контрабандой пушнины являются крайне неэффективными и не дают положительного результата, так как милиция «не имеет достаточных сил, средств и опыта для проведения данной работы». По мнению большинства участников, основными методами борьбы являлись разведывательная работа по выявлению скупщиков пушнины, обыски и аресты контрабандистов. Здесь инициатива и руководящая роль «должна принадлежать ОГПУ, а милиция должна занять место подсобного органа» [27, л. 148].

Наряду с административными формами борьбы с контрабандой пушнины предлагалось также использовать и экономические методы. В частности, обязать фактории ДГТ и АКО срочно обеспечить районы Камчатского округа необходимыми товарами, ограничить «отпуск товаров за наличный расчёт частникам-спекулянтам», а также отказаться от страховки и «жёсткой сортировки пушнины», чтобы «цена пушнины ДГТ—АКО не была ниже средней цены частника» [27, л. 149]. Так, председатель ОИК В. Ф. Богатырёв считал, что широкая общественная компания в печати нецелесообразна, так как «заставит скупщиков пушнины принять меры осторожности и сорвёт нелегальную работу по поиску контрабандистов». Напротив, окружной прокурор Коробовский утверждал, что «конспирироваться не следует» и высказывался о необходимости проведения такой компании в местной печати. Итогом совещания стало решение о возложении оперативной работы по борьбе со скупщиками пушнины на ОГПУ (милиция «считалась подсобным органом»). Было принято постановление, в котором определялись мероприятия по борьбе с контрабандой пушнины, общеобязательные к выполнению в пределах Камчатского округа [27, л. 149].

Одним из главных направлений деятельности милиции в борьбе с преступностью стало пресечение пьянства, самогонварения и браговарения. Алкоголизм являлся одним из серьёзных видов социальных аномалий на Дальнем Востоке [29, с. 372]. В отчёте ГАО за 1924—1926 гг. отмечалось, что в Камчатской губернии среди зарегистрированных преступлений «на первом месте находились самогонные дела», а браговарение и изготовление самогона являлись «главными бедами Камчатки». Борьба с ними «была

затруднительна и малоуспешна по причине недостаточности штатного числа сотрудников милиции» [21, л. 40].

Анализ архивных документов показывает, что в первой половине 1920-х гг. это социальное зло было особенно распространено в золотопромышленных районах Охотского уезда. Так, в 1923 г. здесь было зарегистрировано 66 преступлений, наибольший удельный вес среди которых занимали кража и винокурение [30, л. 92—95об., 106—107, 111, 116—117]. Документы свидетельствуют, что изготовлением самогона занималось в основном немногочисленное зажиточное население, а большинство кочевых и осёдлых жителей Камчатки «предпочитало» изготавливать брагу, так как это было «безопаснее, дешевле, проще и быстрее». Например, в Анадырском уезде в 1925 г. массовое распространение получило браговарение, а милиция «была не в состоянии ежедневно проводить проверку всех жилых помещений» [31, л. 31].

Результативность обысков по изъятию самогона, браги и других спиртных напитков, проведённых сотрудниками Анадырской милиции в 1925—1926 гг., составила всего 43 %. Низкая эффективность обысков обуславливалась малочисленностью штата милиции, а также отсутствием у сотрудников «опыта в данном вопросе». В отчёте Анадырского РК за 1926/27 г. особо отмечается, что «пьянство, браговарение и выгонка самогона пустили здесь глубокие корни» [32, л. 25]. Борьба с браговарением значительно затруднялась в связи с общей уверенностью населения в том, что брага (или, как её называли, «квасок») очень полезна как противоцинговое средство [32, л. 26].

В 1926—1927 гг. в качестве меры борьбы с изготовлением спиртных напитков и пьянством в Анадырском уезде, кроме обысков и административных взысканий, милиция взяла на учет «всё имеющееся в Госторге количество хмеля и денатурата». Кроме того, в клубе регулярно проводились беседы о вреде алкоголя, шли «общественные суды» и т. д. Однако вышеуказанные меры не были эффективны, потому что жители, не имея каких-либо «культурных» развлечений, употребляли спиртные напитки с целью «убить время и создать какую-то иллюзию в своей бедной жизни» [32, л. 27].

Дополнительной сложностью в борьбе с браговарением в Камчатском округе являлось отсутствие у сотрудников милиции изготовителя крепости браги, а также «указаний по этой части» [24, л. 150]. В июне 1925 г. на заседание административно-правовой секции Тигильского РИК отмечено резкое усиление браговарения в районе, особенно в сёлах Тигиль, Хайрюзово и Палана, «на почве

чего увеличивается и рост хулиганства [24, л. 4]. В соответствии с обязательным постановлением Камчатского ГРК № 18 от 26 августа 1924 г. был запрещён ввоз спирта и «всякого рода спиртосодержащих веществ» в пределы губернии без согласия органов местной власти, а продажа спиртосодержащих веществ допускалась только по разрешениям губернской власти [33, л. 19].

Виновные в «изготовлении, хранении и сбыте спиртосодержащих веществ» привлекались к ответственности по ст. 140 УК РСФСР 1922 г. Вышеуказанное обязательное постановление переиздавалось ежегодно в 1924—1930 гг. (с изменениями и дополнениями). Например, обязательное постановление Камчатского ОРК № 11 от 11 августа 1929 г. содержало расширенный перечень спиртных напитков, торговля которыми могла производиться государственными торговыми и кооперативными предприятиями. В перечень включались: спирт, водка, ликеры, коньяки, хлебное вино, виноградное вино, пиво и алкогольный мед. Категорически запрещалось торговать спиртными напитками «во время стоянок пароходов», а также продавать их несовершеннолетним и лицам, «находившимся в состоянии опьянения». За нарушение вышеуказанного постановления следовало административное взыскание в виде штрафа до 100 руб. либо принудительные работы сроком до одного месяца [34, л. 98].

В декабре 1924 г. начальник ГАО распорядился в каждом случае обнаружения спиртных напитков «отбирать в качестве вещественного доказательства достаточное количество спиртосодержащих веществ». Например, при нахождении браги, её количество должно было составлять (по возможности) до трёх бутылок. Обнаруженное в присутствии понятых плотно закупоривалось, опечатывалось сургучной печатью и снабжалось ярлыками с обозначением наименования дела. В протоколе подробно отмечалось, какие спиртосодержащие вещества и в каком количестве обнаружены, сколько их изъято в качестве вещественного доказательства и как уничтожен излишек [33, л. 6]. У лиц, задержанных в пьяном виде, обязательно выяснялось, где, когда и какие спиртные напитки они приобретали. Эти сведения помогали выявлять нарушителей и применять к ним меры, предусмотренные постановлением СНК РСФСР от 4 марта 1927 г. «О мерах ограничения продажи спиртных напитков».

В целях предотвращения нелегального изготовления спиртных напитков ВЦИК и СНК РСФСР 2 января 1928 г. издали постановление «О мерах усиления борьбы с самогонварением». Одновременно милиция вела большую профилактическую работу. Так,

ЦАУ НКВД разработало и разослало на места тезисы лекций и докладов о противоалкогольном законодательстве, дало соответствующие рекомендации и циркуляры по применению декретов и постановлений ВЦИК и СНК РСФСР в связи с введением государственной монополии на продажу водки.

Но пьянство оставалось весьма актуальным. В 1926 г. начальник Камчатского ОАО, оценивая деятельность Петропавловской городской милиции, отмечал: «Борьбе с пьянством уделяется мало внимания» [35, л. 68].

Руководство окружного отдела ОГПУ систематически направляло в окружной комитет ВКП(б) сведения о пьянстве среди коммунистов. Например, 27 марта 1929 г. было сообщено об очень сильном его распространении среди членов и кандидатов в члены ВКП(б) Тигильского района. Так, председатель сельсовета и кандидат в члены партии А. А. Данилов систематически «занимался пьянством» и совершал хулиганские действия [35, л. 68]. Регулярно употреблял спиртные напитки и кандидат в члены ВКП(б) П. М. Чертовский, который 4 февраля 1929 г. «устроил драку в присутствии комсомольцев». Коммунист С. Л. Шамаев, будучи кандидатом на выдвижение в состав окружного бюро, за употребление спиртных напитков и хулиганские действия в декабре 1928 г. был арестован и помещён в карцер, но выломал дверь и сбежал. Кандидат в члены ВКП(б) И. И. Уксусников «периодически пьянствовал и учинял драки», а 19 ноября 1928 г. произвёл несколько выстрелов из винчестера в дом, где скрывался «его противник». Кандидат в члены ВКП(б) В. П. Миронов в сентябре 1928 г. пьянствовал и «играл в карты три дня, проиграв 150 руб.». В отчёте Карагинского РАО с 1 июля 1929 по 1 января 1930 г. указывается, что в районе очень распространено самогоноварение и браговарение. В декабре 1929 г. за употребление спиртных напитков уволили начальника Тигильской милиции В. И. Куренкова и других милиционеров » [36, л. 95—96].

Особенно было распространено употребление алкоголя среди аборигенного населения, которое не только активно потребляло контрабандный спирт, но и изготавливало брагу и самогон. Так, в первом полугодии 1930 г. среди туземного населения Чукотского района сотрудники милиции выявили 27 случаев изготовления самогона с целью сбыта [24, л. 150]. Орудием производства алкогольного суррогата служили керосиновые банки с комбинацией трубок. Среди аборигенов было распространено так называемое «пьянство за хвосты». В период навигации (летом) они приезжали

на рыболовные участки и меняли заготовленную за зиму пушнину на сахар и спирт [26, л. 192об.].

Кочевое население употребляло как одурманивающее средство гриб — мухомор. С этим «вести борьбу карательными мерами» было совершенно невозможно, так как в соответствии с УК РСФСР «преследовалось только изготовление с целью сбыта и сам сбыт одурманивающих веществ», а мухомор «произрастал сам и собирался исключительно туземцами» [23, л. 61]. Так, в Чукотском районе ламуты собирали и сушили его, затем обменивали на оленину у табунных чукчей. Последние активно употребляли мухомор для достижения опьянения («разовая норма» составляла от полутора до двух с половиной грибов на человека), после чего наступало состояние с большим отравляющим эффектом, чем от вина [26, л. 193].

Пьянство, самогоноварение и изготовление браги способствовали развитию хулиганства. На основании постановления ВЦИК от 16 октября 1924 г. был установлен порядок рассмотрения в административном порядке случаев хулиганства. При совершении впервые оно наказывалось принудительными работами до месяца или штрафом до 50 руб. С целью более эффективного противостояния хулиганству СНК РСФСР 8 января 1926 г. издал декрет «Об оказании гражданами содействия милиции при задержании пьяных и хулиганов».

В середине 1920-х гг. ужесточаются меры, направленные на борьбу с хулиганством. Так, на основании постановления СНК от 29 октября 1926 г., органам НКВД (по соглашению с исполкомами) предлагалось в срочном порядке задержать лиц, судившихся по обвинению в хулиганстве, имевших три и более судимости по ст. 176 УК. Дела о них следовало представить на рассмотрение ОГПУ.

Во второй половине 1920-х гг. в волостях и районах Северо-Востока РСФСР наблюдалось увеличение численности хулиганских проявлений, о чём свидетельствовали отчёты и материалы волостных и районных комитетов [24, л. 6, 86; 20, с. 4]. Особенно сильно хулиганство проявлялось с мая по октябрь из-за резкого увеличения числа сезонно-промысловых рабочих, прибывавших на Камчатку [24, л. 86]. В обязательном постановлении Камчатского ОРК «По борьбе с хулиганством» от 30 июня 1926 г. утверждалось, что в связи с открытием в некоторых районах винной торговли оно, «возникающее на почве пьянства», резко усилилось.

Среди общего количества преступлений, зарегистрированных милицией в районах Камчатского округа в 1925—1926 гг., наибольшее число приходилось на хулиганство. Так, в Анадырском и Усть-Камчатском районах среди 16 зарегистрированных преступлений за названный период, случаи хулиганства, соответственно, составляли четыре и семь [46, л. 493; 47, л. 21—22].

В 1928—1930 гг. в г. Петропавловске-Камчатском на хулиганство приходилось от 40 до 75 % общего количества преступлений. Увеличение численности хулиганских проявлений в городе шло «за счёт прибывшего с материка элемента» и также приходилось на лето, на время «стоянки пароходов в порту» [24, л. 6, 86]. Хулиганили «рабочие, выходцы из крестьян и незначительное количество служащих», подавляющее большинство из которых имело возраст от 18 до 35 лет. Особенно распространенными были хулиганские проявления в общественных местах: клубах, столовых, общежитиях. В квартальных отчётах о служебной деятельности милиции существовал специальный раздел — «Выдающиеся виды хулиганства», которыми считались «массовые и обоюдные драки, поножовщина и другие» [37, л. 10].

В рамках борьбы с хулиганством КАО возложил на милицию: изучение влияния употребления спирта на эти противоправные действия, ведение точного учёта количества лиц, замеченных в состоянии алкогольного опьянения, тайный учёт продажи водки, выявление районов, «поражённых» контрабандой спирта, самогонно и браговарением. В соответствии с обязательным постановлением ОИК от 28 июня 1928 г. «О борьбе с пьянством и хулиганством в сельских местностях Камчатского округа», запрещалось появляться в состоянии алкогольного опьянения и нарушать порядок в общественных местах (клубы, избы-читальни, собрания, а также улицы). Все случаи хулиганских проявлений фиксировались сотрудниками в книгах учёта лиц, привлекаемых к ответственности в уголовном и административном порядке [37, л. 10].

Основными формой борьбы с хулиганством являлись привлечение к уголовной ответственности, наложение административных взысканий, задержание лиц в состоянии алкогольного опьянения. Весьма эффективными стали выселение в административном порядке, штрафы, аресты, принудительные работы и другие. Правом наложения административных взысканий в «виде предупреждения, штрафа, или принудительных работ» обладали сотрудники милиции, члены сельских и туземных советов и сельские исполнители. Усиление административно-репрессивной

политики и пропагандистской работы в борьбе с хулиганством приносили результаты. В 1930 г. на заседании административно-правовой секции ОИК указывалось, что «случаи хулиганства в округе увеличились», но при этом хулиганство «не носит угрожающего характера» [24, л. 4].

На Дальнем Востоке в 1920-е гг. была очень распространена наркомания, особенно среди китайцев и корейцев. В их числе были как сезонные рабочие, так и постоянно проживавшие. Наркотические притоны активно использовались преступным элементом в качестве своих «штаб-квартир», кроме того, наркоманы (в значительной степени) являлись мелкими правонарушителями [29, с. 371]. Борьба с ними затруднялась тем, что оборудование морфиниловок и опиекурилок было «весьма незамысловато и доступно по цене», а материальная выгода от их содержания оказывалась велика. На Северо-Востоке наркомания имела место «только в Петропавловске и только среди восточников», местного макосеяния не существовало, а опий сюда поставлялся из Приморья [24, л. 182].

Камчатский ГРК 30 июня 1923 г. издал обязательное постановление № 4374 «О воспреещении торговли всякого рода ядами и наркотическими веществами» [38, л. 4]. Запрещались ввоз и хранение ядов и наркотических веществ (опия, морфия, кокаина и других), а на сотрудников милиции возлагалась обязанность конфисковать «все имеющиеся запасы ядов и наркотических веществ» [38, л. 4]. Нарушители постановления, а также «содержатели опиекурилен, притонов морфинистов и кокаинистов» подвергались административному взысканию в виде штрафа до 300 руб. золотом либо принудительным работам до трёх месяцев [38, л. 4].

Впоследствии в борьбе с наркоторговцами и притоносодержателями применялись более жёсткие формы. Дела задержанных за сбыт и хранение наркотических средств в соответствии с приказом ОГПУ от 24 апреля 1924 г. подлежали направлению на рассмотрение Особого совещания ОГПУ с предварительным направлением Камчатскому окружному прокурору. Для искоренения наркомании в Петропавловске 13 июня 1926 г. при окружной прокуратуре состоялось совещание с участием начальника окружного ОГПУ И. Ломбака, исполняющего обязанности старшего прокурора Пеганова, начальника КАО Н. П. Фролова и управляющего таможней Устимовича. На основании решения совещания КАО, ОГПУ, прокуратура и таможня разработали план совместных действий по борьбе с опиекурением, который предполагал

усиление надзора за проживающими в Петропавловске иностранными гражданами, а также «за пассажирами, командой и рабочими пароходов, находящимися в Петропавловском порту». Этим же решением также предполагалось рассматривать дела по опекурению «в ударном порядке и без задержек» [3, л. 39].

Важным направлением борьбы с наркоманией стала ликвидация притонов. Если в 1924 г. в городе было закрыто шесть наркотических притонов, то в 1926 г. — 23, а в 1930 г. — три [35, л. 9; 24, л. 150]. В 1927—1928 гг. крупный притон в Петропавловске содержали китайские граждане Лю-Тин-Цай (торговец на базаре) и Ти-Ван-Цай (маляр и печной мастер). Его регулярно посещали китайцы из города и окрестностей, платившие по рублю за каждую выкуренную порцию опия, и «по той же цене приобретали опий». Содержал опекурильню и китайский грузчик и рубщик мяса Фун-Цей-Мин. В 1925 г. «за связь с преступной средой» его лишили права проживания в Камчатском округе в течение года, но он вернулся в город раньше установленного срока. В 1926—1927 гг. Фун-Цей-Мин неоднократно привлекался к административной и уголовной ответственности.

Тем не менее, для Северо-Востока России этот вид преступности не был характерен. В отчёте о деятельности Камчатского ОИК за 1930 г. указывается, что широкого распространения наркомании в округе нет, отмечаются «единичные случаи проникновения в округ кокаинов и морфинов». Например, в 1930 г. в Петропавловске ликвидировано три притона наркоманов и выявлено десять случаев курения опия (без цели сбыта) [24, л. 150], а в селе Хвалёнке (Усть-Камчатский район) к административной ответственности за курение опия были привлечены «отдельные граждане» [9, л. 292].

Специфическим направлением деятельности камчатской милиции явилась её борьба с преступлениями, истоки которых восходили к древним национальным обычаям и традициям коренного населения. Архивные данные содержат многочисленные сведения о том, что в туземных районах Камчатки нарушение революционной законности происходило «самым безобразным образом», «туземцы мало понимали советскую законность и относились к судебным процессам безразлично», «основные преступления относятся к пережиткам родового быта». Наиболее распространёнными видами преступлений являлись выдача замуж несовершеннолетних, убийство престарелых и больных родственников, детоубийство, эксплуатация батрачества и бедноты в качестве пастухов

оленьих табунов и беспризорников под предлогом «воспитания как родственников» [39, л. 76].

В туземных районах Камчатки также сохранялось влияние шаманства на коренное население, особенно сильно на чукчей и коряков. Так, среди последних шаманы активно проповедовали воздержание от курения табака, употребления чая и спиртных напитков, как «привитых некогда русскими купцами», и призывали отказаться «от общения с русскими и вообще с европейцами» [8, л. 2]. Эффективная борьба с «преступлениями родового быта» была возможна только при условии «укреплении туземных районных комитетов и туземных советов» [15, л. 151]. В связи с этим Камчатский ГРК 24 февраля 1924 г. принял обязательное постановление «О борьбе с эксплуатацией, обманом, спаиванием народностей Севера». Документ устанавливал особые места и правила торговли, хранения, проноса «спирта, водки, одеколона, мухомора (гриб) и прочих крепких и одуряющих средств». Он также признавал недействительными сделки, если при их заключении или в целях заключения спаивали туземцев; аннулировал долги частным торговцам «ввиду явного их кабального характера». Совершенно запрещалась торговля «всякими безделушками и побрякушками, как-то: бусы, бубенчики, гармошки и прочее...» [40, л. 59—63].

Интересным и примечательным явлением стал нормативный правовой акт, полностью посвящённый определению и регулированию статуса аборигенов, — «Временное положение об управлении туземных племен, проживающих на территории Камчатской губернии (округа)» от 29 октября 1925 г. [41, л. 38—42]. Положение определяло органы туземного управления, состав и порядок их формирования, сроки полномочий и компетенцию (функции). Регламентируя деятельность органов туземного управления, положение особое внимание уделяло процессу рассмотрения уголовных и гражданских дел, который должен был учитывать особенности сознания и быта коренного населения. Дела рассматривались публично на языке или наречии данного племени или народности (ст. 10). За судебными решениями органов туземного самоуправления надзирали народные суды.

В соответствии с планами административной работы, сотрудники милиции в районах должны были вести активную работу по профилактике преступлений среди туземного населения. На заседаниях РИК милиционеры систематически отчитывались о проделанном ими. Во второй половине 1920-х гг. в практику

вошло взаимодействие органов милиции и туземных судов, которым передавалось рассмотрение и вынесение приговоров по уголовным делам [25, л. 108]. Такая практика особенно широко применялась в Карагинском, Чукотском, Анадырском и Пенжинском районах. В марте 1928 г. было принято дополнение к УК «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта». Дополнение действовало только на территории тех автономных республик и областей РСФСР, где сохранились остатки родовых и патриархально-феодалных отношений и ещё были распространены деяния, которые, с точки зрения правосознания некоторых лиц коренного населения, не считались преступлениями.

Большое значение имело принятое ВЦИК и СНК РСФСР «Постановление о дополнении УК РФ для Дальневосточной области рядом статей» (ст. 228—232). Однако главным «инструментом» предотвращения преступности «родового быта» должно было стать решение социально-экономических и культурно-нравственных проблем. В отчёте АО Чукотского северного туземного района за первое полугодие 1930 г. отмечено улучшение качества работы местных милиционеров, регистрировавших и раскрывавших преступления. Этому способствовало «знание местного языка сотрудниками милиции, проживающими в районе не один год» [25, л. 108].

Сотрудники милиции Северо-Востока России вели систематический учёт преступников, искали их и проводили дознания. Преступный элемент в Камчатском округе учитывался по карточной системе одновременно в четырёх видах: 1) по категориям преступлений, 2) по фамилиям, 3) по кличкам и 4) по адресам. Кроме того, в каждом виде учёта выделялись группы: 1) преступники, зарегистрированные в конкретном районе, 2) содержатели притонов и мест сбора преступного элемента, 3) подозреваемые в общении с правонарушителями (в том числе и лица, «по своей профессии и роду занятий оказывающие помощь преступникам») [42, л. 44об.].

Все взятые на учёт распределялись на категории «по роду преступлений». Важнейшим направлением в деятельности милиции (особенно в сельской местности) являлась агентурная работа. В качестве осведомителей выступали члены сельсоветов, сельские исполнители, демобилизованные красноармейцы, члены различных общественных организаций, служащие кооперативных предприятий и объединений, учителя, медперсонал. Допускалась также вербовка осведомителей из преступной среды. Донесения от них собирались старшими милиционерами и начальниками волостных

и уездных (впоследствии районных) милиций. На основании полученных донесений составлялись сводки в двух экземплярах, один направлялся начальнику уездной (районной) милиции. В сводку вносились все донесения осведомителей, в том числе и сведения о преступных деяниях, относившихся к компетенции ОГПУ (шпионаж, антисоветская деятельность, контрреволюционные преступления) [42, л. 39].

Следует отметить, что в 1920-е гг. на Дальнем Востоке уровень преступности, в силу специфики региона, был выше, чем в целом по стране. Она была не просто высока, но отличалась большим уровнем тяжких преступлений. Но в отличие от Дальнего Востока и Сибири, долгие годы бывших местом каторги и ссылки, где сформировалась профессиональная преступность, на Камчатке «профессионального преступного элемента не возникло». В отчёте о деятельности административно-милицейских и судебных органов власти за 1925 г. указывалось, что «своеобразные условия Камчатки задерживают рост уголовных преступлений и способствуют их быстрому раскрытию, поэтому данная местность и не вырабатывает профессиональных рецидивистов и не привлекает их из других местностей» [21, л. 41].

Весьма интересные сведения о характере преступности содержатся в документах волостных революционных комитетов Камчатской губернии. Например, в докладе председателя Соболевской волости «О состоянии волревкома с 1 марта по 1 октября 1924 г.» указывалось о распространении браговарения, краж на рыболовных участках, контрабанды японского спирта и половых преступлениях [43, л. 10, 12]. Для Соболевской волости было также характерно, что лица, совершившие преступления (в том числе убийства), в течение нескольких лет находились на свободе и «никаких наказаний не отбывали», в результате у населения создавалось впечатление, что они остаются безнаказанными. В Большерецкой волости также «находилось много уголовных преступников», особенно в селе Хомутино, в котором «проживал самый ненадёжный элемент» [2, л. 157].

В докладе председателя Хайрюзовского ВРК «О состоянии волости с 1 октября 1924 г. по 1 января 1925 г.» сообщалось, что здесь не было бандитизма, убийств, крупных краж и политических преступлений, а наиболее распространёнными оказались нарушения законоположений высших органов власти [43, л. 89]. Основными причинами преступности в волости являлись «темнота и несознательность населения; развращённость в годы безвластия, когда

нарушения проходили безнаказанно, и бесхозяйственное хранение населением своего имущества, находящегося открыто на улице, складе или балагане» [43, л. 89].

Всего в 1925 г. в производстве народного суда находилось 264 уголовных дела, из которых были рассмотрены 263. По видам преступления распределялись следующим образом: против порядка управления — 52, против жизни, здоровья и достоинства личности — 120, должностные — 4, хозяйственные — 39, имущественные — 30, нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок — 8 [21, л. 45].

В 1925—1926 гг. в Камчатской губернии было зарегистрировано 52 преступления против личности, 26 случаев хулиганства, 45 случаев самогонарения и изготовления браги [20, с. 4]. В 1925—1926 гг. в Усть-Камчатском районе отмечено 16, в Анадырьском — 16 (см. приложение 1), в Большерецком — 82 преступления. В Карагинском районе с 1 октября 1926 г. по 1 апреля 1927 г. совершено 10 (см. приложение 2), а в 1930 г. зарегистрировано 19 уголовных преступлений (см. приложение 3). Во второй половине 1920-х гг. преступность на Камчатке росла, что нашло отражение в квартальных отчётах РАО. Так, количество зарегистрированных преступлений на Северо-Востоке России увеличилось со 179 в 1924 г. до 412 в 1929 г. Данные отчёта АО съезду Советов Камчатского округа в 1928 г. фиксируют, что в округе имеется значительный рост преступности. В г. Петропавловске-Камчатском во втором полугодии 1929 г. он составил 12, а в первом полугодии 1930 г. — 18 %.

Особенностью преступности на Камчатке являлся её сезонный характер. Летом количество преступлений значительно увеличилось за счёт роста численности сезонно-промысловых рабочих и переселенцев, прибывавших на лов рыбы, золотые прииски, заготовки леса. Сезонные рабочие не проходили административных проверок, значительная их часть «представляла совершенно разложившийся элемент». Они были «недостаточно учтены, не полностью использовались и несвоевременно отправлялись обратно» [37, л. 10].

Важным фактором, снижавшим эффективность деятельности милиции, являлось отсутствие в районах Камчатского округа народных судов. Так, в Карагинском районе с 1924 г. милиция проводила дознания и направляла дела в суд, но те прекращались (истечение срока давности, амнистия), и население «не видело никакого результата работы милиции» [24, л. 163]. Только в 1930 г.

впервые в районе осуществлял свою деятельность выездной народный суд, и все имеющиеся дела были своевременно рассмотрены, что привело к «увеличению авторитета милиции». Сведения о количестве и видах преступлений, зарегистрированных в Камчатской губернии (округе) в 1923—1929 гг., приведены в табл. 2 [ГАКК, ф. Р-306, оп. 1, д. 1, л. 74—75].

Таблица 2

Наименование преступления	Годы					
	1923/24	1924/25	1926	1927	1928	1929
Против личности	31	25	66	97	146	98
Кражи	40	18	47	48	51	49
Самогонование и продажа	49	50	40	19	17	11
Хулиганство	—	25	32	39	41	38
Убийство	7	10	22	25	28	24
Против порядка управления	4	19	27	28	118	163
Растрата и присвоения	8	6	10	19	22	20
Половые	5	12	6	12	13	9
Всего:	179	154	331	359	436	412
Раскрытых, %	42	51	70	60	75	77

Из табл. 2 видно, что в 1920-е гг. преобладающими видами правонарушений на Северо-Востоке России являлись преступления против порядка управления и личности. Кроме того, наблюдалась тенденция увеличения численности краж, случаев хулиганства и таких тяжких преступлений, как убийства. Напротив, во второй половине 1920-х гг. существенно сократилось самогонование и незаконная продажа спиртных напитков (шинкарство). Следует отметить, что уровень камчатской преступности был самым низким на Дальнем Востоке. Это стало причиной того, что на Северо-Востоке России в 1920-е гг. не были образованы подразделения уголовного розыска, а оперативно-розыскную деятельность осуществляли наиболее подготовленные сотрудники. Так, в соответствии с приказом начальника Камчатского ОАО № 7/СС от 10 ноября 1926 г. выполнение оперативно-розыскных функций полностью возлагалось на старших милиционеров, которые должны были «по прямой своей обязанности вести работу по оперативной деятельности» [3, л. 18].

Деятельность милиции по борьбе с преступностью производилась на плановой основе. Планы работы разрабатывались ежеквар-

тально и утверждались приказом начальника губернского (окружного) административного отдела. Помимо квартальных, широкое распространение также получили полугодовые и годовые планы. Эффективной формой контроля и проверки их выполнения являлись ежеквартальные, полугодовые и годовые отчёты милиции. Важную роль сыграла «Инструкция по борьбе с преступностью», утверждённая Камчатским ГРК 4 декабря 1924 г. (см. приложение 4). На основании циркуляров НКВД РСФСР № 506/31/цс от 23 декабря 1925 г. и Краевого АО № 1000/с от 26 апреля 1926 г. губернский АО разработал циркуляр № 9/СС от 24 декабря 1926 г. «Об учёте социально вредного и паразитирующего элемента» [44, л. 20].

В целях планомерного учёта, а также надлежащего наблюдения за его внутренней жизнью, сотрудникам районных милиций вменялось в обязанность взять под контроль весь «паразитический элемент». К категории «социально-паразитический элемент» относились лица, которые, «не совершая преступлений, своим образом жизни, близостью к преступному миру и бездельем — паразитизмом — являются угрозой обществу». На особый учёт следовало взять спекулянтов, притоносодержателей, профессиональных нищих, лиц, живших за счёт финансовых и коммерческих махинаций, скупщиков краденого и злостных «хищников», то есть браконьеров [44, л. 20—21].

Сведения по вышеперечисленным «паразитам» фиксировались отдельно по каждой группе, а на каждое лицо негласно составлялась отдельная анкета, которая в секретном порядке направлялась в АО. Все изменения (смена адреса, семейного или имущественного положения, связь с преступной средой, смерть и т. д.) дополнительно фиксировались в анкетах и сообщались в окружающей АО. Для более эффективной работы по расследованию и раскрытию преступлений в сельской местности, где практически отсутствовали сотрудники милиции, право проведения таких следственных мероприятий как выемка и обыск предоставлялось председателям и членам сельских советов.

Важнейшим критерием деятельности милиции был уровень раскрываемости преступлений, который по Камчатской губернии (округу) в 1920-е гг. имел тенденцию к росту. Официальные статистические показатели свидетельствовали о том, что раскрываемость преступлений на Камчатке была выше, чем в целом по стране и на Дальнем Востоке в частности. Сведения о количестве

раскрытых преступлений (в %) в РСФСР, ДВК и Камчатском округе (в 1927—1929 гг.) приведены в табл. 3.

Таблица 3

	1927 г.	1928 г.	1929 г.
РСФСР	46,3	51,3	59,5
ДВК	53,9	71,3	72,1
Камчатский округ	60,0	75,0	77,0

Из табл. 3 видно, что на Северо-Востоке России ежегодно увеличивалась раскрываемость преступлений, которая возросла с 42 в 1925 г. до 77 % в 1929 г. На рост раскрываемости влияли изолированность Камчатского округа, небольшая численность населения и отсутствие профессиональной преступности. Кроме того, преступный и «социально вредный» элемент округа находился под оперативным контролем милиции. Вместе с тем необходимо отметить, что официальные статистические данные не всегда отражали истинную ситуацию, так как далеко не все преступления регистрировались [45, л. 74—75].

Косвенно данный факт подтверждают некоторые архивные документы. Например, в отчёте АО за 1928 г. съезду Советов Камчатской губернии зафиксировано, что в округе произошло увеличение преступности и что «преступность относится к русским и обрусевшим камчадалам». В отчёте о состоянии и деятельности Камчатского ОИК за 1930 г. отмечается, что зарегистрированные преступления являются «лишь частью преступности» и не отражают реальную картину, а «преступность в округе разнообразна и многочисленна» [24, л. 148].

Таким образом, специфические особенности Северо-Востока России создали условия для сильного распространения на Камчатке таких видов преступлений как бандитизм (в Охотском уезде), контрабанда, хулиганство, изготовление самогона и браговарение, а также «родовых преступлений», преступлений против личности и против порядка управления. Противозаконная деятельность в Камчатской губернии (округе), как и на Дальнем Востоке, отличалась взаимосвязью различных видов преступлений. Так, развитие контрабанды способствовало распространению пьянства и спекуляции, а большинство хулиганских проявлений совершалось в состоянии алкогольного опьянения, чему также способствовало изготовление самогона, браговарение и контрабанда спиртных напитков. Вместе с тем следует отметить, что камчатская преступность значительно отличалась от дальневосточной и обладала рядом отличительных черт. Они характеризовались отсутствием

профессиональной преступности, незначительным развитием социальных аномалий, сохранением значительного количества преступлений «родового быта» и прочих.

Яркой особенностью стало то, что Камчатка являлась единственной территорией Дальнего Востока, где в 1920-е гг. не было образовано уголовного розыска. Причинами этого явилось отсутствие профессиональной преступности, а также то, что количество уголовных преступлений было значительно ниже, чем на Дальнем Востоке. Выполнение функций уголовного розыска возлагалось на наиболее подготовленных сотрудников милиции, а территория, обслуживаемая одним камчатским милиционером, была самой большой в РСФСР. В процессе борьбы с преступностью осуществлялось тесное взаимодействие милиции с судебными органами, прокуратурой, таможней, ОГПУ. Особенно распространённой практикой стало сотрудничество органов милиции с губернскими (окружными) административными органами власти и привлечение населения к охране общественной безопасности и спокойствия.

Борьба с преступностью на Северо-Востоке России предусматривала комплекс мероприятий, включающих следующие компоненты: предупреждение (профилактика) преступлений, пропаганда советского законодательства и внедрение «социалистической законности»; регистрация фактов преступлений; возбуждение уголовных дел, расследование и раскрытие преступлений и другие. Об эффективности борьбы с преступностью сотрудников камчатской милиции свидетельствует то, что на протяжении всего рассматриваемого периода уровень раскрываемости преступлений в Камчатском округе оставался самым высоким на Дальнем Востоке.

ИСТОЧНИКИ И ПОЯСНЕНИЯ

1. Некрасов В. Ф. История борьбы с бандитизмом // Полиция и милиция России. — М., 1995. — С. 194—196.
2. ГАКК. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 132.
3. Там же. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАХК. Ф. П-1802. Оп. 3. Д. 1.
5. Антонов Е. П. Тунгусское национальное восстание в 1924—1925 / Россия и АТР. — Владивосток, 2005. — № 4.
6. ГАКК. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 2а.
7. ГАХК. Ф. П-1802. Оп. 3. Д. 7а.
8. Там же. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 91.

9. ГАКК. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 108.
10. Материалы по статистике Камчатской губернии. — Хабаровск, 1925.
11. Из истории таможенной службы России на Дальнем Востоке (документы и материалы 1899—1925) / Сост. Н. А. Беляева, Н. А. Троицкая. — Владивосток, 1999. — С. 150—151.
12. *Шабельникова Н. А.* Милиция Дальнего Востока России (1922—1930 гг.). — Владивосток, 2000.
13. Отчёт Дальневосточного Краевого исполнительного комитета за 1925—1926 гг. — Хабаровск, 1927.
14. ГАКК. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 161.
15. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 2—3. Д. 71.
16. ГАКК. Ф. Р-219. Оп. 1. Д. 1.
17. Бюллетень Дальревкома. — Хабаровск, 1923. — № 14.
18. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1433.
19. ГАКК. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 2.
20. Полярная звезда. — 1928. — 19 янв. — № 6.
21. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 570.
22. ГАКК. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 4.
23. РГИА ДВ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 33.
24. Там же. Д. 55.
25. Там же. Д. 54.
26. ГАКК. Ф. Р-106. Оп. 1. Д. 26.
27. Там же. ОФ. Оп. 1. Д. 61.
28. Там же. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 4.
29. Два года работы Дальневосточного краевого исполнительного комитета (материалы к отчёту 3-му краевому съезду Советов). — Хабаровск, 1929.
30. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 49. Д. 127.
31. ГАЧАО. Ф. Р-182/28. Оп. 1. Д. 12.
32. ГАКК. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 108.
33. Там же. Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 2.
34. Там же. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 3.
35. Там же. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 3.
36. Там же. ОФ. Оп. 1. Д. 60.
37. ГАХК. Ф. П-1384. Оп. 5. Д. 10.
38. Полярная звезда. — 1923. — 6 июля. — № 73.
39. ГАКК. Ф. Р-305. Оп. 1. Д. 1.
40. РГИА ДВ. Ф. Р-3133. Оп. 1. Д. 48.
41. ГАКК. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 3.
42. Там же. Р-179. Оп. 1. Д. 3.
43. Там же. Ф. Р-25. Оп. 8. Д. 4.
44. ГАКК. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 5.
45. ГАКК. Ф. Р-306. Оп. 1. Д. 1.
46. РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 94.
47. ГАКК. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 108.

Приложение 1

Классификация преступлений в Анадырском и Усть-Камчатском районах в 1925—1926 гг.

Анадырский район	
Виды преступлений	Количество случаев
Контрреволюционные	1
Против порядка управления	1
Приготовление и сбыт спиртных напитков	3
Хулиганство	4
Против личности	1
Кражи	3
Нарушение правил охраны народного здоровья, общественной безопасности и прочие	3
Итого:	16

Усть-Камчатский район	
Виды преступлений	Количество случаев
Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости	1
Умышленное лёгкое телесное повреждение	1
Умышленное нанесение побоев, причинивших физическую боль	1
Халатное отношение к служебным обязанностям	1
Сопrotивление власти	1
Кража	3
Хулиганство	7
Приготовление спиртных напитков	1
Итого:	16

ГАКК. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 108. Л. 21, 135—136; РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 4. Л. 493.

Приложение 2

Классификация преступлений в Карагинском районе с 1 октября 1926 г. по 1 апреля 1927 г.

Виды преступлений	Количество случаев
Превышение власти	2
Оскорбление личности	3
Халатное отношение к служебным обязанностям	1
Присвоение имущества	2
Насилие над личностью	1
Мошенничество	1
Итого:	10

Источник: ГАКК. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 108. Л. 329.

**Классификация преступлений в Карагинском районе:
с 1 января по 1 июля 1930 г.**

Виды преступлений	Количество случаев
Приготовление и сбыт спиртных напитков	1
Против порядка управления	1
Злоупотребление властью	3
Взяточничество	1
Телесные повреждения	1
Преступления против личности	2
Бытовые преступления	1
Итого:	10

Источник: РГИА ДВ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 55. Л. 163.

с 1 июля 1930 г. по 1 января 1931 г.:

Виды преступлений	Количество случаев
Приготовление и сбыт спиртных напитков	1
Против порядка управления	3
Взяточничество	1
Против личности	3
Бытовые	1
Итого:	9

Источник: РГИА ДВ. Ф. 4315. Оп. 1. Д. 55. Л. 165.

**«Инструкция по борьбе с преступностью», утверждённая
Камчатским ГРК 4 декабря 1924 г.**

1. Ведётся ли учёт преступного элемента и наблюдение за ним.
2. Какие методы борьбы с преступностью (указать какие меры милиция принимает в отношении пресечения преступности).
3. Насколько успешно ведётся борьба с преступностью.
4. Ведётся ли книга вещественных доказательств, если да, то по какой форме.
5. Как ведётся наблюдение за проведением в жизнь обязательных постановлений КГРК, местных и центральных органов власти и часты ли случаи их нарушения.
6. Осуществляются ли 15 % отчисления от взысканий за нарушение обязательных постановлений штрафов и вносятся ли они в фонд по премированию сотрудников милиции.
7. Сведения вообще о работе органов милиции, их недостатки меры к устранению.
8. Мнение лица, проводившего обследование состояния и деятельности органов милиции о необходимости улучшения работы.

Источник: ГАКК. Ф. П-45. Оп. 6. Д. 2. Л. 123.

ПЕТРОПАВЛОВСК. Год 1929-й

1 января в «столице» полуострова при секретариате Камчатского окружного исполнительного комитета (КОИК) создан «Стол вырезок». Он должен был сыграть роль своеобразной «обратной связи» между обществом и властями. Последние на основе замечаний, публиковавшихся в окружной газете «Полярная звезда», а также поступавших от разных лиц жалоб намеревались выявлять «нарушения революционной законности, проявления бюрократизма, произвола, грубого обращения, пьянства и прочих действий». Вот такое большое значение придавалось в первые годы советской власти печатному слову. При обнаружении подтверждения названных фактов против виновных могли возбуждаться судебные или административные преследования, в зависимости от состава преступления или проступка. В СССР в это время шла кампания «самокритики» в повседневной работе учреждений и организаций. По мнению секретаря КОИК Ф. Л. Слободчикова, только при дружной поддержке общественности можно было изжить «всякие болячки и извращения политики партии и советской власти».

6 января в школе-девятилетке (или, более привычно для тогдашних горожан — школе второй ступени) «антирелигиозным сочельником» открылась, если так можно выразиться, культурно-образовательная программа года. Цель сочельника: отвлечь школяров от религиозного «дурмана» и дать им «возможность полезно провести время». Вечер стал частью работы школьного отделения городского «Союза безбожников» (СБ). Его программу составили лекция «Миф о Рождестве», пьеса «Торговый дом “Бог-отец, бог-сын и Компания”», частушки и «балет» соответствующего содержания, а также русский танец и «дивертисмент». Завершилось действо танцами и «разными играми».

Этот первый в начавшемся году воскресный день оказался насыщен событиями. Так, окружной совет Осоавихима объявил благодарность заведующему окружным отделом здравоохранения Николаю Захаровичу Топольскому, пожертвовавшему для организуемого городского тира своё ружьё «Монтекристо». Помимо благодарности, даритель получил разрешение «стрелять по мишеням три раза бесплатно».

В четыре часа дня в помещении милиции прошло женделегатское собрание при ячейке АКО с повесткой: «Домашнее хозяйство

и его связь с общим хозяйством страны». Группа женщин-активисток попутно доложила итоги обследования детского садика.

Руководитель Константинов напоминал, что в красном уголке школы первой ступени (то есть начальной) в пять часов вечера созывается организационное собрание молодёжного музыкального кружка. Персонально приглашались: Невский, Речкина, Борисова, Яковенко, Кошляк, Л. Панова, Яхович, Заочная, Шумилова, Н. Панова, Васильева, Брагина, Н. Комарова, В. Щава, Горелов, Борисов, Русанова.

В окружное бюро ВКП(б) поступили заявления от желавших вступить в кандидаты партии. Таковыми были, например, пограничник П. Л. Павлов, служащий АКО Я. Г. Яковенко. Подошёл срок перевода из кандидатов в члены партии пограничников П. П. Гилёва и В. П. Степанычева. Окрбюро просило всех сообщить ему о любых имеющихся на подавших заявления «компрометирующих материалах».

Член ВЛКСМ Цой Пётр Деуни объявлял о пропаже и просил считать недействительным свой комсомольский билет № 35140.

Пришли сведения, что первый выход парохода «несрочного» рейса из Владивостока на Петропавловск намечен на 5 марта.

В городское агентство Госбанка поступили в продажу облигации госзаймов: беспроцентного 1926 г., 10-ти и 12-процентных 1927 г. Здесь же продавались и покупались облигации второго займа индустриализации. Под их приобретение можно было получить ссуды в размере 60 % биржевой стоимости облигаций под 11 % годовых.

«Полярная звезда» оповестила, что в наступившем году будет выходить дважды в неделю, а по воскресеньям — с приложением. Газетчики намеревались печатать руководящие статьи по политическим и другим вопросам, заграничную и советскую информацию, международную хронику «Вокруг Земли», втягивать рабочих и крестьян в борьбу с бюрократизмом, бесхозяйственностью, при участии добровольных помощников — рабочих и сельских корреспондентов (рабселькоров) освещать городскую и сельскую жизнь. Редакция предполагала открыть разделы: «За новый быт», «Партийная жизнь», «Не правда ли, граждане?», «Наши предложения», ежемесячные странички: литературную, детскую, антирелигиозную, юмористическую, краеведческую. Для привлечения подписчиков обещано устроить среди них розыгрыш вещевой лотереи. Стоимость годовой подписки определена в тринадцать рублей.

10 января окружной комитет крестьянской взаимопомощи «при участии госучреждений и организаций» открыл на улице Ленинской в доме № 76, что против школы первой ступени, взамен прошлогоднего заезжего дома «Дом крестьянина», предоставлявший приезжавшим в город селянам удобный ночлег. Их ждали: койка с чистыми постельными принадлежностями, чай с сахаром, бесплатный вход на кинопостановки и спектакли. Здесь имелись красный уголок и справочный отдел. «За ночлег и пользование всеми услугами взимается плата в размере семидесяти пяти копеек в сутки с человека и, кроме того, особая плата за чай по пять копеек кружка».

13 января, в воскресенье, в 11.02 под ногами горожан вздрогнула земля. Затрещали потолки, зазвенела посуда, закачались лампы и комнатные растения. Сила встряски, по оценке натуралиста П. Т. Новограбленова, составила пять баллов по шкале Росси-Фореля. Трясло немногим более минуты, слышался подземный гул. День стоял пасмурный, тихий, но довольно холодный, с девятнадцатиградусным морозом. «Домашние» вулканы были спокойны. Спустя пару дней о событии всему Союзу поведала Хабаровская широкоэвещательная радиостанция, отметившая, что колебания земной тверди докатились аж до Пулковской сейсмостанции.

Вечером клуб союза совторгслужащих (ССТС) представлял премьеру — комедию в трёх действиях «Король эфиопский, царь русский Дмитрий III Короста», сочинение некоего Григория Ге. События разворачивались «в Нью-Йорке в наши дни». Действия: первое — «Сто миллионов», второе — «За веру, царя и отечество», третье — «Мировая сенсация».

В канун Нового года по старому, совсем недавно отменённому, стилю летоисчисления в школе-девятилетке в восьмой группе (то есть классе) на уроке рукоделия учительница, вспомнив «доброе, старое время», рассказала учащимся о способах гадания: на кофейную гущу, на метлу, в зеркало, в кольцо. Что доподлинно происходило во время этого урока, мы можем только предполагать, но всё же за школьные стены просочился явный факт насаждения среди советской молодёжи «пережитков прошлого». Дальнейшее излагается в живописной интерпретации автора «Жало»:

«Замерли девчата, глаза их расширились, забыто скучное рукоделие. Вечер. В большой столовой девушки ждут, не дождутся ухода родителей, чтобы заняться тригонометрией. Наконец настал желанный момент, нет старших. Книги в сторону, туфли долой, без шума передвигаются зеркала, появляются свечи, кольца

и стаканы с водой. Девушки хотят видеть своих суженых. Жутко. Девахи дрожат, зуб на зуб не попадает. Девушки не мигая смотрят в зеркало на огненную дорожку, долго, долго... От напряжения выступают слёзы. На зеркале чудятся какие-то пятна. Фантазия заработала.

— Лиза! Я вижу солдата!

— Ой! Вера, и я вижу что-то, — шепчет побелевшими губками Лиза.

От испуга она мигнула веком, в зеркале по огненной дорожке поплыли тени.

— Ай, череп, смерть я вижу! — неслись истерические вопли из обширной столовой.

В тот же вечер в другом доме в полночь четыре девушки разложили лист бумаги, блюдечко, вызвали духов.

В третьем доме гадают на воск. “Чтобы это такое могло быть?” Стараются разгадать посредством кусочка воску, разлитого в воде.

— Автомобиль! Вот папаша поедет на материк, купит автомобиль, и ты, Валечка, будешь ездить на нём в церковь!

Все хорошо, все довольны. И некоторые родители довольны, определённо поговаривают: “Вот она трудовая-то школа, и гаданье, и спиритизм преподают”... Вот до чего доводят необдуманные поступки педагогов».

15 января. Опубликовано обязательное постановление КОИК от 20 декабря 1928 г. № 5 «О регистрации в органах ЗАГС случаев рождений и смертей». Все граждане Камчатского округа обязывались регистрировать их в следующие строки: в городе — в двухнедельный, в сельских местностях, где имелись столы ЗАГС — в месячный, где их не было — в шестинедельный, за исключением особо отмеченных уважительных причин. За нарушение — штраф до трёх рублей. При неуплате виновным полагались принудительные работы на срок до пяти дней.

Одновременно вступил в действие запрет «всякого рода азартных игр». Отныне воспрещалось устройство рулеток, лото, банковок, карточных розыгрышей в клубах и других общественных местах, а также и частных домах. «При обнаружении азартной игры на деньги на кону, принадлежности её, служащие доказательством, задерживаются с составлением особого акта или занесением в протокол». Нарушителям, в зависимости от тяжести проступка, грозило предупреждение «в административном порядке», сторублёвый штраф или те же принудработы, но уже до одного месяца.

20 января в восемь часов вечера впервые устроило свой вечер в клубе ССТС Добровольное общество «Друг детей» (ДОДД). Демонстрировались водевиль «На улице» и украинская музыкальная пьеса «Сватания на вечерницах» (постановка Браславской, у «пианина» — Лисина). Затем следовал дивертисмент с музыкально-вокальными номерами под оркестр духовой музыки. Всё это сопровождалось буфетом с пивом, горячими и холодными закусками. «Кухня под наблюдением шефа-кулинара. Спешите видеть! Вкусно покушать!» Ограниченное количество билетов продавалось в кассе в день спектакля. Руководил происходившим ответственный распорядитель Глаголевский.

Спустя пару недель «Полярная звезда» пером автора, укрывшегося псевдонимом «Эдип», откликнулась на это событие примечательной юмореской «Что прикажете, сосиску и рюмку?»:

«...Один приятель рассказал мне следующую историю: “До культуры я здорово стал за последнее время приспособливаться, тянет меня к ней. На днях как-то говорю жене: «Пойдём, дорогая, в клуб ССТС на вечер, посмотреть культуру...»

Пришли. Сунулись одевшись в зал, а отседа нас поворотили к раздевалке. У вешалки давка, все без очереди, каждый спешит сдать одежду вперёд. Какой-то дядя пришвартовался к воротнику моей рубахи огромным крючком пиджака и не успел я отцепиться, как этот гусь полворота отодрал. “Поосторожнее, — говорю, — гражданин. Хороший воротничок на улице не валяется, и в АЮ его теперича нету, по запискам давно уж роздали”. Ну, а он ехидно так улыбается: “Большой, грит, пардон, гражданин. Только советую для крепости шить рубахи из нерпичьей кожи”. И ушёл.

Мы одежду сдали и в зал. На галерке расположились. Я сложил руки и смотрю на занавес, жена сынишке штанишки одергивает, а кругом треск стоит — семечки народ нещадно кушает. Скоро мне скучно стало. Спрашиваю соседа: “Скоро ли зачнётся?” “Тут завсегда с выдержкой не менее полчаса, а то и больше”, — отвечает тот.

В этот момент в нашем ряду появляется та дама, которая, как кит, весь РОКК (местное отделение Российского общества Красного креста. — С. Г.) на себе держит. С подписными листами ходит и шоколады в клубе продаёт. В момент соображаю, что деньги-то у меня, которые я собрал на новые брюки, эта гражданка враз вывинтить может. Подходит она к нам с этакой ласковой улыбочкой и суёт жене шоколад и сынишке тоже. “Дешёвые, полтора целкоша за плитку”.

Не выдержал, говорю: “Будьте покойны, гражданка, они не едят шоколаду...” “Я, — grit, — и так спокойна, а ради праздника почему же не есть?” А жена тут и подвела меня: “Дайте, — grit, — мне с сыном по плитке да по два яблока, — и, указывая на меня, — Коля заплатит”. Ну и пришлось пятёрку разменять.

В первом действии, вырви им язык, ничего не понял — украинскую старую пьесу играли. В антракте не успел одуматься, гляжу — другая полная блондинистая дама к нам идёт, которая по ДОДДу заворачивает, тоже с шоколадами. Я встал, чтоб уйти, а жена: “Подожди, Коля, вместе пойдём”. А сама у подошедшей дамы — цап шоколадину, сынишка цап другую. Тут я чуть не взвыл, но поздно. Пришлось вторую пятёрку менять. Разменял и пошёл в антракте гулять.

Мимо стойки буфетной прохожу, и тут дамочка кивает на меня и на буфет: “Что прикажете, сосиску и рюмочку водки?” Думаю, разве ради праздничка одну пропустить? Пропустил, граждане, на последние копейки целых три и сосисок с полдюжины схряпал. Потом зачалось последнее действие. Опять, хоть убей, непонятно. Думал стать. Вдруг кто-то закричал: “Долой халтуру, гони вон!” Тут я очнулся и вижу — самая толстая дама в городе на сцене толстыми, как брёвна, ногами дрыгает и визжит не благим матом...

Опосля того решил к такой культуре не приспособливаться: ни уму, ни сердцу, граждане, не легче, разве только карман облегчается. Не для нас такая культура...” Он махнул рукой и бросил мрачный взгляд куда-то в пространство».

Шутки шутками, но в условиях бурно разворачивавшегося социалистического строительства деятельность клуба уже давно расценивалась как низкопробная, рассчитанная на мещан, нравственно калечившая советскую молодёжь. «Просветы», по мнению критиков, наблюдались лишь в редкие революционные празднества и годовщины. При этом на содержание клубных работников из городского бюджета ежемесячно расходовались семьсот рублей. Общественное мнение, воплощённое, например, в многочисленных молодёжных газетных заметках, требовало «настоящей клубной творческой работы». Пока же в клубе по-прежнему царили халтура, сосиски и выпивка.

22 января «ответорганитор Паузер» известил об открытии при клубе ССТС «показательно-гигиенической кофейни РОКК», обслуживаемой кружковцами «первой помощи» и сандружинниками. Заведение работало ежедневно с пяти до восьми часов вечера.

Контора Акционерного Камчатского общества (АКО) начала продажу всем желающим со своего склада на Култучном озере угля «высокого качества» по сорок пять рублей за тонну. За доставку до места общество брало ещё пятёрку.

24 января прошло отчётно-выборное собрание краеведческого общества, насчитывавшего в своих рядах сто восемьдесят пять членов и членов-корреспондентов из Петропавловска и других мест округа. Признано, что основная задача общества — распространение знаний о Камчатке и организация длительного и широкого изучения округа в естественно-историческом и социально-экономическом отношении выполняется «по мере сил и возможностей». Деятельность правления оценена на «удовлетворительно». Пожелания краеведов, «чтобы члены общества внимательно отнеслись к предстоящим выборам своего руководящего ядра», были учтены. Председателем правления избран Н. С. Павленко, его товарищем, то есть заместителем, — П. Т. Новограбленов, секретарём — М. Е. Кренберг, казначеем — Ф. Л. Слободчиков, членами — В. Ф. Комаров, И. Е. Ларин, М. А. Жедяевский, В. Ф. Богатырёв и А. Г. Ястребов. Кандидатами к ним: доктор Гончаров, Сидоров и Батурлов. В ревизионную комиссию вошли: председатель Л. А. Матулис, члены Н. М. Успенский и И. Ф. Голованов и кандидатами к ним Соболев и Добржанский. Собрание решило усилить изучение социально-экономических вопросов и принять меры к организации краеведческих кружков в районах округа при школах.

25 января отмечены энергичные выбросы пара Мутновским вулканом. Было видно, что его вершина засыпана продуктами извержения.

26 января на очередном заседании президиума горсовета обсуждался вопрос о краеведческом музее. Предложено перенести его в более удобное место, заарендовав для этого часть помещения окрбюро ВКП(б). Краеведческое общество отпустило на перевозку экспонатов и приспособление помещения для нужд музея три сотни рублей.

Горкомхоз доложил о «неплановости в комхозяйстве». Решено: возбудить судебный иск к Дальуглю, приславшему скверное топливо, на котором комхоз нёс убытки. «В силу повышения центром доходности по бюджету от эксплуатации парового отопления», постановлено с января повысить таксу за него на двадцать семь копеек с квадратного метра. Объявлено о введении с 1 апреля налогов со строений и городских земель.

Примером же неплановости называлось здание, располагавшееся вблизи городской больницы, в прошлом году перестроенное в жилое. Там сделали капитальный ремонт, заклеили щели в стенах марлей, затем обшили картоном и, наконец, обоями. Но не прошло и полугода, как начался очередной ремонт, картон оборвали, стали штукатурить стены. Щели в них небрежно зашили деревянными планками: «китаец приколотил, лишь бы с рук сошло, денежки уплачены, а поправить — опять денежки... Мастера неделю работают, да две справляют праздники. А так как дело казённое, то стоит ли торопиться». А между тем один согнанный с насиженного места квартирант стеснял приютившую его семью. Другой же всё время жил «в грязи, кочуя из одной комнаты в другую». Работа комхоза равнодушными гражданами оценивалась как затратная и неэффективная: «казённых денег не жалко».

Вечером в клубе ССТС шумела первая городская конференция членов СБ. Собравшиеся слушали доклад «Антирелигиозная пропаганда и наши задачи» и сообщения активистов о проделанной работе. Затем начались выборы окружного совета и ревизионной комиссии союза. Объявлению о проведении конференции была предпослана вот такая антирелигиозная агитка:

*Нет ни клуба, нет ни школы?
Эка важность! Пустяки!
Зато нашим богомолам
Есть где душу отвести
И послушать «божье» слово.
Раза три, не больше, в год
Отуманенный попами
В церковь сходится народ.
И с дурацкими словами
Он об землю лбами бьёт.
И невольно молодёжь
Хулиганит по селу.
Делать что? Куда пойдёшь?
Никуда. А посему:
Карты, пьянку, бой — даёшь!
Вот на это обратись
Предлагаем мы вниманье.
Чтобы темноте изжить
Надо так вот поступить:
Через общие собранья
Церкви в клубы превратить!*

31 января днём состоялся многолюдный, в присутствии всех рабочих, служащих и красноармейцев города митинг протеста против арестов и обысков советских работников, прошедших на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). В принятой резолюции, среди прочего, говорилось: «Мы усматриваем не только посягательство со стороны контрреволюционной верхушки гоминдана (китайская политическая партия, в то время часто отождествляемая с правительством. — С. Г.) на имущество СССР в Китае, но и попытки нарушить мир на Дальнем Востоке. Требуем немедленного освобождения арестованных, прекращения обысков и насилий в дальнейшем, также выражения извинения со стороны китайских властей советскому правительству. Одновременно заставляем компартию и советское правительство в готовности по первому их зову стать на защиту интересов Советского Союза... Крепи оборону, будь готов дать отпор воинствующему империализму!»

Конфликт на КВЖД постепенно набирал силу и в конце года завершился кровопролитными военными действиями.

А в шесть часов вечера в клубе ССТС собрание охотников-любителей провёл Интегралсоюз. Обсуждали организацию секции и заявку на охотничьи припасы и ружья. Одновременно началось очередное заседание пленума горсовета.

Окружная комиссия по проведению десятилетия партизанского движения на Дальнем Востоке и одиннадцатилетия Красной Армии просила всех бывших партизан, живших в городе, зарегистрироваться до 1 февраля. Бывший же партизан Иосиф Филиппович Чумаков объявлял об утрате своего удостоверения личности и партизанского удостоверения, выданного ему 2 мая 1923 г. начальником 1-го партизанского отряда Приморья.

Городской отдел местного хозяйства пояснял, что никаких торговых операций не производит, а потому удовлетворить регулярно поступающие ему требования от учреждений, организаций и частных лиц об отпуске различного рода материалов не может.

Объявлено об установлении регулярного воздушного сообщения два раза в неделю между Иркутском и Якутском и начале приёма «всякого рода авиакорреспонденции» в адрес предприятий, расположенных по Якутскому тракту.

Краеведческое общество сообщило о недавней поимке Е. Евреиновым в Авачинской губе крючковатого кальмара. По мнению краеведов, эта редкая находка стала новинкой для наших мест.

В январе при школе-девятилетке заработал шахматный кружок. В нём числились двадцать пять человек, больше половины

составляли мальчишки. В бюро кружка вошли ученики Е. Богатырёва, Брагин, Мейта. Руководил кружком отличный шахматист — педагог П. Т. Новограбленов.

Учебно-производственная мастерская принимала заказы на изготовление всевозможных столярных изделий, вплоть до шкафов и ванн. Желающим предлагались готовые крашенные табуреты по два с полтиной за штуку. Мастерская помещалась в здании школы первой ступени. С заказом можно было обратиться к заведующему Адамову или мастеру-инструктору Кочеткову.

Все желающие могли привиться от оспы в городской больнице «один раз в месяц по четвергам после первого числа каждого месяца».

Любитель конькобежного спорта призывал городских физкультурников устроить, наконец, городской каток, о котором все так долго мечтали. «Природа им говорит: “Вы бы давным-давно между собой договорились и втянули бы организационным путём в это дело молодёжь, которая из-за получения удовольствия покататься на коньках, а этим самым она получила бы для себя физическое развитие, вполне согласилась бы на устройство”. А у вас получается всё наоборот. Когда стоят ясные дни или пасмурные, но без пурги, вы всё мечтаете. Авось кто-нибудь расчистит снег? А вот, мол, в бухте будет без всякой расчистки каток. И так ныне да завтра, а хорошее время уходит. А, по-моему, так... Собраться бы вам всем вместе, как тем, другим и третьим, и всем желающим кататься на коньках расчистить то место для катка, и валяй, брат, запузыривай...»

Для желающих повысить политико-образовательный уровень действовала городская политшкола. В ней занимались две группы. Одной руководил партиец Шумилов, другой — Кожевников. По мнению некоего «Яка», работала школа неэффективно. Этот «доброжелатель» отмечал, что в группе Шумилова занятия ведутся регулярно, посещаемость удовлетворительная, отношение к нему, как к «руководу», то есть руководителю, хорошее. Правда, «есть некоторое неважно отношение отдельных товарищей к менее развитым, но таких коллектив осаживает, и это работе кружка не вредит». А вот у руководителя Кожевникова, по словам «Яка», дела шли неважно. «Посещаемость удовлетворительная, пособий вполне достаточно, но занятия проводятся очень вяло, руковод задаёт вопросы, а в ответ ему гробовое молчание или ещё хуже. “Ответьте на такой-то вопрос”, — говорит руковод определённому слушателю. “Я не знаю”, — говорит с гримасами слушательница, — “если

хотите, с книги прочту". Читает с книги, и снова класс погружается в безмолвие. Только один тов. Кожевников неумоимо говорит да два товарища изредка отвечают на вопрос. Сладко зевают Панова, воткнувшись в книжку, в углу шепчутся двое, бросаая враждебные взгляды на руководителя — далеко от политики их мысли, и зря, видно, тов. Кожевников старательно вкладывает знания в пустые головы. Что за отношения этого кружка — трудно догадаться. Как руководит тов. Кожевников вполне удовлетворительный, почему же такое скверное отношение к занятиям? Из этого положения надо выходить».

Такая оценка, воспринятая как несправедливая, вызвала гневную отповедь со стороны обиженных слушателей школы. Недели через три «Яку» ответил один из комсомольских вождей Виктор Соловьёв: «Тов. Як, если не умеете давать характеристику работы школ, не беритесь за это. Метод занятий у нас лекционный, а поэтому нет никакой необходимости говорить всем, поднимать ненужный галдёж, что мешает нормальному ходу работ. Школа работает уже продолжительное время, и за весь этот период не было ни одного случая, чтобы слушатели отказались ответить на вопрос руководителя. Если некоторые товарищи пользуются для ответа иногда книжкой, то, дорогой Як, это вполне допустимо, ибо Вы, наверное, и по книжкам не смогли бы ответить так, как отвечают у нас. Зевать никому не запрещается, шептания также возможны. Неужели есть что-либо предрассудительное, если во время беседы слушатель обратился к своему товарищу с вопросом? Из этого нельзя судить о пустоте головы слушателя».

1 февраля в домах местхоза установлена основная квартирная ставка в размере 44 коп. за квадратный метр жилплощади вместо ранее действовавшей ставки в 37,4 коп.

3 февраля опубликован вышедший ещё 20 декабря прошлого года приказ КОИК № 18 «Об организации учёта квалифицированных специалистов народного хозяйства». В соответствии с решением советского правительства, все пребывавшие на территории округа инженеры, техники, агрономы, землеустроители, имевшие советские, дореволюционные российские и иностранные дипломы технических, сельскохозяйственных и общеобразовательных средних и высших учебных заведений, должны были с 10 по 15 февраля зарегистрироваться в окружной инспекции труда. Инспекция располагалась на улице Ленинской, в доме № 5, в здании КОИК. Уклонявшиеся подлежали ответственности по статьям 16, 17 и 61 Уголовного Кодекса РСФСР. Подобные специалисты вскоре должны

были стать весьма востребованными: в СССР пришло время «неуклонного проведения» индустриализации и коллективизации.

2 февраля на заседании правления клуба ССТС в рамках реакции на недавнюю критику обсуждался вопрос о продаже вина и крепких напитков на вечерах, устраиваемых различными добровольными обществами. «Почти никто не выступил в защиту вина и пива, если не считать защитников зелья юриста гражданина Гарсова и Зырянова, пытавшихся со ссылкой на кодексы законов удержать в стенах клуба изгоняемое вино и пиво, на что они получили должный отпор... Такое решение трудящиеся приветствуют, ибо клуб не кабак, а культурное учреждение».

Впрочем, уже через неделю, *9 февраля*, на очередном празднестве пиво продавалось по личному распоряжению председателя союза. В этот день в клубе гуляла комиссия (читай профсоюзная группа, ячейка)... детсада.

5 февраля окружной совет Осовиахима открыл в клубе тир для стрельбы из мелкокалиберного оружия по неподвижным и движущимся мишеням. Объявлен свободный доступ для всех желающих попрактиковаться.

Заработали трёхмесячные кооперативные курсы. Возможных слушателей просили письменно заявить в правление городского кооператива.

Продолжился сбор средств на помощь беспризорным и обездоленным детям. Секция народного образования горсовета постановила: пожертвовать полученную премию в сумме 75 руб. Ячейка ДОДД при коллективе окружного финансового отдела (ОкрФО) и Госбанка в составе Ганцевой, Галаголевского, Грызловой, Добровольских, Заемы, Зиновьева, Ильницкого, Картакай, Матулиса, Трутце и других внесла 45 руб. 50 коп. Финансисты «вызвали», то есть обратились с призывом последовать их примеру, коллективы АКО и КОИК. Приняв вызов, ячейка АКО внесла 71 руб. «Кто следующий? На помощь маленькому туземцу Камчатки: кусок хлеба для голодного сироты, торбаза и рубашку бедному школьнику!»

10 февраля в двенадцать дня в клубе ССТС началось общее собрание живших в городе бывших красных партизан. Повестка дня: подготовка к проведению десятилетия с начала партизанского движения. Партизанам полагался ряд льгот, в частности им списали все долги на 1 октября 1927 г. и непогашенные задолженности по ссудам семенами из государственного фонда, предоставили рассрочку уплаты задолженности за семена, полученные в 1928 г., на счёт государства приняты расходы по землеустрой-

ству. При переселении в районы, открытые для заселения, предоставлялись право первоочередного получения земель и повышенный размер переселенческой ссуды, дети освобождались от платы за обучение во всех учебных заведениях РСФСР.

Бывшие партизаны пока ещё рассматривались властями как потенциальные примеры для остального населения, особенно сельского. Вот какой «азбукой культурной работы», по мнению партийных пропагандистов, они должны были руководствоваться, чтобы пополнять культурный уровень рыбаков и охотников:

«Обучить хоть одного неграмотного. Самому выписать газету и других побудить. Устраивать чтение газеты вслух, сопровождая это объяснениями, хотя для ближайших соседей. Узнать, какие есть книги в местной библиотеке и наиболее подходящие и полезные предлагать грамотному соседу, тем самым разбудить его интерес к книге. Принять активное участие в работе кружков при избе-читальне. Быть застрельщиком в культурно-просветительной секции сельсовета. Организовать приобретение кино и радиоприёмника для своего селения. Помочь женщинам в организации детплощадки и яслей. Быть активным членом школьного совета, помогать школе в её работе.

Вместе с тем, партизан должен упорно работать над своим самообразованием, посоветовавшись с учителем, поставить посильную цель, или подготовиться к поступлению в рабфак, или поступить на курсы заочного обучения и учиться самостоятельно, при помощи учителя. В вуз, в техникум — на завоевание знаний, которые необходимы, чтобы активно работать, ускоряя социалистическое строительство!»

В этот же день, 10 февраля, к «уважаемому товарищу редактору» газеты «Полярная звезда» обратились «узнавшие себя в карикатурных штрихах юморески “Что прикажете, рюмочку водки и сосиску?”» активисты общественных организаций. Они просили автора передать полученный построчный гонорар в пользу РОКК.

Попутно зашёл разговор и о «назревшем нарыве» в драмкружке при клубе — главной творческой силы города. «Вскрыть его надо как можно скорее, во избежание заражения всего организма...» Отсутствие в Петропавловске квалифицированного режиссёра вынудило драмкружок согласиться на кандидатуру руководителя Бадах. Увы, эти надежды не оправдались. «Активная часть кружка, сценически более или менее развитая, указывала режиссёру на необходимость отказа от консерватизма в оборудовании сцены, выборе и способах проработки пьес, но безуспешно». Потеряв

авторитет у участников драмкружка, режиссёр, по их словам, занялся «отсеванием» тех, кого он заподозрил в «неблагонадёжности».

16 февраля, в субботу, клуб ССТС давал очередной вечер комитета РОКК. Программа: «Весёлая комедия Чехова “Дачный муж”», большое концертное отделение (музыка, пение, балет) с участием лучших музыкальных сил города в исполнении номеров знаменитых композиторов, литературное отделение (декламация произведений современных писателей со вступительным словом об их творчестве тов. Гурьянова). Во время вечера работает кофейня с горячими закусками, блины, пельмени». Вёл вечер концертмейстер В. А. Гаврилов.

Выбор у горожан был: одновременно работал и клуб имени Дзержинского при погранотряде. Здесь шли пьеса «На конспиративной квартире» и комедия «Алименты». После постановок начались игры, продолжавшиеся до двух часов ночи. Тут тоже действовал «буфет с холодными и горячими закусками». Цена билетов от пятидесяти копеек. Весь сбор предполагалось передать на культурное обслуживание демобилизуемых красноармейцев.

Автор, принявший творческий псевдоним «Нигамс», хорошо разбирающийся в искусстве, выступил с рецензией на недавно показанную комедию из советской жизни «Склока», описывавшей «социальные противоречия переходного периода». Напомним, на материке завершался период так называемой «новой экономической политики», давшей толчок к развитию хозяйственной жизни страны, ещё недавно разорённой гражданским противостоянием. Но он же стал причиной быстрого буржуазного перерождения некоторых «революционных кадров»: партийцев и советских работников. Основная идея комедии — «кухонная склока, не стоящая выеденного яйца, испортившего заграничный халатик одной из “ответственных жён”, срывает маски лживой мещанской приличности “дам”, из квартиры перебрасывается в стены большого государственного треста, обнажает догола мелочно-эгоистическую сущность некоторых “ответственных мужей”, разложившихся и оторвавшихся от интересов партии, и, в конце концов, приводят к полному развалу предприятия».

Отрицательного отношения зрителя к антисоветским, разлагающим настроениям названных «ответственных мужей и ответственных жён», автор пьесы достиг «контрастными ролями второстепенных персонажей». Зарвавшимся спецам противопоставлен выдвигенец Чудаков, «олицетворяющий непреклонную волю рабочего класса и преодоления всех препятствий на пути социалисти-

ческой стройки». Игравший его артист-любитель Фёдоров «крепко и просто дал рабочего-выдвиженца». «Разнузданной пошлости “благовоспитанных дам”, от томных разговоров... нередко переходящим к иступлённым потасовкам с выдергиванием волос, противопоставляется профессор, истинно культурный работник, которым помыкают все, начиная от подхалима — коменданта дома, до счетовода треста, как ненужным барахлом». Облик несчастного профессора неплохо воплотил на сцене врач Топольский.

Два первых акта прошли удачно. Исполнители Кренберг, Ткачук, Тимов и Гарсов «дали отличные образцы игры». А вот в третьем акте самодеятельные артисты перестарались, ударившись в фарс. Четвёртый акт так вообще прошёл вяло и скучно. «Но, — делал заключение автор, — во всяком случае, в практике клубной работы даже плохо поставленную советскую комедию и советскую драму нужно предпочесть украинским “пустышкам” и обветшалому старью дореволюционной драматургии». Одним словом, «Склока» была сыграна неплохо, хотя авторский замысел применительно к петропавловским условиям пришлось сократить чуть ли не наполовину.

А теперь от высоких материй перейдём к материи самой настоящей. Желаящим пошить мужское бельё предлагалось обратиться к домохозяйке Н. А. Леонова на улицу Набережную, в дом № 16. Стоимость её работы: верхние рубашки по два, нижние — по полтора, кальсоны — по одному рублю.

17 февраля у здания городской милиции собирались члены авиационного отряда и других кружков для репетиции «участия в наступательном бою в день Красной Армии и партизанского движения», то есть 23 февраля.

По постановлению горсовета музей был перенесён в бывший партийный клуб окрбюро ВКП(б). Экспонаты разместились в четырёх комнатах. Сразу же обнаружился острый недостаток витрин для показа постоянно прибывавшего пополнения. Так, ученики Елизовской школы передали в музей орудия каменного века, найденные ими на месте древнего ительменского стойбища. Знатоки отнесли топорик и наконечник дротика к палеолиту, скребки и ножи — к неолиту. Школьница из Паратунки Зина Тюменцева прислала шкурку редко встречающегося на полуострове белого ястреба.

В середине февраля камчатская зима взобралась на свою фактическую верхушку. Она оказалась довольно мягкой, сильных морозов не было, снегу выпало мало, лёд не мог прочно сковать

акваторию Ковша. Вдоль берегов Авачинской губы наблюдался усиленный ход наваги, чем не преминули воспользоваться наиболее предприимчивые горожане.

23 февраля КОИК обратился к красным воинам и партизанам, «лучшим сынам Советской Камчатки» с поздравлением по случаю праздника. «Под натиском партизан и под оглушительными ударами штыков Красной Армии позорно погибли последние остатки великодержавной реакции — тёмный сброд бочкарёвщины. С тех пор в течение шести лет трудящиеся Советской Камчатки в одном ряду с пролетариатом и крестьянством всего Союза строят социалистическое хозяйство и культуру... Бывшие бойцы Красной Армии и партизаны, красные пограничники Камчатки! Больше активности, больше участия, больше внимания социалистическому строительству, усилению обороноспособности страны, культурной переделке быта! Слава павшим за диктатуру пролетариата! Слава строителем и бойцам социализма!»

Вечером заседал пленум горсовета. На сцене клуба ССТС — бывшие партизаны и бойцы Красной Армии, делегатки. В зале — красноармейцы, рабочие, члены профсоюза. Торжество открыл И. Е. Ларин. В память о погибших товарищах все встают. Оркестр исполняет партийный гимн — Интернационал. Звучат слова приветствия, тонущие в громе аплодисментов.

Инструктор окрбюро ВКП(б) В. Г. Репкин передаёт собравшимся партийное приветствие и объясняет «международное положение текущего момента»: «Страны капитала за кулисами дипломатии продолжают вооружаться, готовясь к нападению на СССР, вот почему в день одиннадцатой годовщины Красной Армии трудящиеся Страны Советов должны не только чествовать юбиляра, но в союзе с ним готовиться к обороне страны».

Выступает комсомолец Борисов — от «второго поколения» и пионерка Жедяева — от «третьего поколения». Они заверяют о крепкой смычке пионерского галстука с красноармейским шлемом.

Пограничник Леонов в ответном слове с энтузиазмом заявляет, что местные части Красной Армии зорко сторожат границы Камчатки и в любую минуту готовы к бою. Торжественное заседание завершается посылкой телеграммы с приветствием 9-й Дальневосточной партконференции и легендарному члену Реввоенсовета СССР С. М. Будённому, сейчас пребывающему на Дальнем Востоке.

В художественной части юбилейного вечера силами драмкружка клубе ССТС поставлена пьеса «Красный орлёнок», между про-

чим, «показавшая значительный шаг вперёд в работе кружка». Молодые актёры с успехом справились с большой и трудной вещью. «Надо полагать, что в дальнейшем они с таким же воодушевлением будут завоёвывать себе звание передовых культфронта».

24 февраля на пригорке около школы сгрудилось почти всё население города. Демонстрировался «бой на Култучном озере».

«Дед в лисьей шапке спрашивает у соседа:

— Бой, значит, сценировку разыгрывать зачнут?

— Егешь!

— Антиресно, газы пуцать будут?

— Не газы, дымовую завесу.

— Ишь ты!

Вдалеке на льду посредине озере — двое военных что-то делают, склонившись к снегу. Отбежали и прилегли, а лёд на том месте, где они только что были, вдруг лопнул. Брызнул жёлтый сноп огня, вскинулись молочно-белые клубы дыма, и потом уже в уши ударил взрыв.

— Ого-го, красные артилерию заправляют, держись, Митька!

Стрелки за поленницей дров пригнули головы. Справа на вершине Петровской горы показались разведчики.

— Зажигай, зажигай, — взволнованно закричал главный авиатор, двенадцатилетний парнишка, подтаскивая к костру свой дирижабль, склеенный из синей бумаги, — пора начинать воздушную атаку!

— Ну, скоро, што ли, наступать будем? — нетерпеливо переругивались «партизаны», скрытые от зрителей сопкой. В «трубе» ветер пронизывал их до костей, зуб на зуб не попадал.

— В це-епь! Звеньями перебежки начинай!

Пошли. Чёрным пунктиром пересекли озеро. На бегу и лёжа гвоздили город холостыми выстрелами, грязно-жёлтыми клочьями рвались гранаты. Взрывы снарядов ахали чуть ли не из-под самих ног. Белые пробуют последнее средство — дымовую завесу, чтобы под прикрытием её отступить к бухте и удрать на пароходах, но... От Сероглазки карьером развернулся эскадрон красной кавалерии. С пашками наголо мчатся они в атаку.

— У-р-р-а-а! — раскатилось по цепи.

Невзирая на смертоносные газы, цепь ринулась со штыками наперевес, и всё потонуло в воображаемом грохоте, рёве, лягзе клинков. Город был взят».

О славном боевом прошлом напоминали и срифмованные местным умельцем строки:

*Когда грянул Октябрьский гром,
Когда Бирича белые банды
Петропавловск громить пришли,
Партизанские меткие залпы
Скоротали им здешние дни.
Сквозь пургу и мороз, и таёжную стылъ
Беззаветно держали пост,
Пока огненный лик в ДВР не принёс
Красноармейский штык.*

Средства, собранные во время празднования 11-й годовщины Красной Армии от устройства буфета в сумме 124 руб. 85 коп., сданы на текущий счёт городской ячейки Международной организации помощи рабочим (МОПР) в пользу томивших в политических тюрьмах.

26 февраля приступило к работе городское Общество содействия обороне (ОСО), но её начало оказалось не вполне удачным. Все отряды собрались к шести вечера в фойе клуба ССТС, вскоре пришёл и лектор. Хотели, было, начать, но вдруг выяснилось, что не хватает скамеек. Пришлось таскать их из зала. Было неудобно: холодно, хоть поднимай воротники да надевай рукавицы. Один из участников описал нехитрую обстановку: «Около плиты приютилось полдюжины грязных позеленевших самоваров и бочка с помоями и тут же рядышком бак с питьевой водой. Но всё же одну лекцию по программе провели, тов. Гончаров осветил “Историю применения химических средств на войне”, посыпались вопросы, ответы, видно было, что большинство остались довольны занятиями. Но когда начальник отряда тов. Мальков сказал, что следующие занятия 5 марта, то посыпались недовольные возгласы: “Забудем всё, надо кое-что было бы почитать по этому вопросу”». По мнению очевидца, в фойе следовало поставить шкафчик со специальной литературой, убрать грязь. Тогда «все члены ОСО будут тянуться туда и пополнять свои знания».

28 февраля началась кампания по сбору средств на приобретение «кино» для селения Паратунки. Горожанка Васильева внесла на это благое дело «трёшку». Клара Хорошавцева пожертвовала целковый и вызывала Галю Климентович, Лелю Балашову, Иду Шумилову, Иду Попову, Игоря Флетчера и А. Грюнера. Врач Топольский дал «пятерку» и призвал к этому же коллег из городской больницы Смита, Гончарова, Лисину, Бездетных.

Опубликована программа Хабаровской широкоэвещательной радиостанции. Ежедневно, кроме среды, транслировалась передо-

вица из общесоюзных «Правды» или «Известий», дальневосточные и заграничные новости. Затем следовали литературные рассказы, музыкальные номера. По воскресеньям передавали содержание «Крестьянской газеты», а в определённые дни — «Пионерской газеты».

Временное бюро «Общества друзей радио» (ОДР) в составе Ерахтина, Соболева и Воробьёва приступило к выявлению имеющих в городе радиолюбителей, созданию кружков ОДР, популяризации радиолюбительства. Кружки уже имелись при клубе ССТС и школе второй ступени. Их посещали пятьдесят человек.

Вновь подал голос уже знакомый нам «Як», явно неравнодушный к вопросам образования и воспитания молодёжи. На сей раз он поведал городской общественности о жизни интерната-общежития для учащихся, собравшихся в Петропавловске с окраин Камчатки. Здесь размещались шестьдесят один приезжий. Они занимали пять небольших комнат, кухню и коридор. В общем-то, было тесновато, но ученики «с восторгом заявляли, что это ещё хорошо, было хуже». Отсутствовал «красный уголок», где можно было бы почитать, поиграть, и побеседовать. Это было серьёзное упущение на фоне того, что со многими ребятами следовало усиленно работать, перевоспитывать их, дабы «сделать вполне пригодного члена коллектива». Дети слонялись по комнатам, не находя себе места. Имелся один класс сразу для всех, но готовить в нём уроки всем ученикам одновременно было неудобно. Уборщицы в этом учебном году не имелось, ученики обслуживали себя сами: мыли полы, убирали комнаты, помогали повару готовить пищу. «Самообслуживание — вещь хорошая, но это неудовлетворительно с санитарной стороны и потом, самое главное, это много занимает времени и отрывает учеников от занятий». Надо было серьёзно подумать об улучшении жизни в интернате. «Мало того, что дана возможность жить и учиться молодёжи, надо создать более подходящие условия для перевоспитания этой молодёжи».

Применить же полученные в школах навыки общественно-полезной работы было где. Да хотя бы в «Доме крестьянина», чем занимались, по сообщению одного юнкора (юного корреспондента) учащиеся «6а» группы школы-девятилетки: «На долю нашего звена пало оборудование ленинского уголка... Я, как представитель звена, пошёл к завдому, чтобы предварительно договориться о сущности работы в уголке. Из разговоров выяснилось, что ленинголок нуждается в оборудовании адресного стола, в придании уголку атмосферы действительно культурно-рабочей комнаты и перемене

некоторых книг в библиотечке, которые подобраны неудачно. Крестьяне недовольны здешними порядками. Вместо платы за каждую кружку чая они предлагают повысить копеек на десять общую плату так, чтобы чай был бесплатный, сколько хочешь и когда хочешь. Крестьяне сами хотят, чтобы в доме проводились лекции и беседы. Давайте общими силами сделаем из заезжего дома культурный очаг, где наши крестьяне не только бы находили отдых, койку и кружку чая, но получали бы разумное проведение вечернего времени, читая полезные книжки, слушая лекции и беседы и получая ответы на все вопросы, интересующие их».

1 марта секция «восточников» (живших в городе корейцев и китайцев) отметила десятилетие мартовского восстания 1919 г. в Корее. В клубе ССТС прошло торжественное заседание. Председатель бюро секции, кореец, именовавшийся на русский манер Королёвым, открыл его на родном языке. Собравшиеся почтили память погибших товарищей. Хор корейской молодёжи исполнил Интернационал. С приветствием выступили представители окрбюро ВКП(б), горсовета, комсомола и женщин. В ответном слове кореец Ким заверил присутствующих, что «восточники» Петропавловска будут учиться, чтобы в нужный момент приложить свои полученные знания в свободной советской стране на деле. В художественной части вечера показали пьесу «За свободу» на корейском языке — «картину классово-борьбы в Корею против японского империализма». Китайцы продемонстрировали свои танцы, пышные костюмы, фехтование мечами и копьями. Всё это вызвало дружные аплодисменты. Вперемешку звучали русские «хорошо, здорово», китайское «хо, шанго», корейское «чео-сим-ни-да». Расходясь за полночь, все чувствовали «близость и радостное сознание, что СССР крепнет, являясь страной приюта и школой для всех пролетариев». Городская ячейка восточных рабочих организовалась в конце апреля 1928 г. в составе шестидесяти шести, а сейчас в ней насчитывалось уже восемьдесят человек.

3 марта, в воскресенье, в четыре часа дня созывались женские собрания по коллективам. Разговаривали о предстоящем празднике 8 марта и задачах женщин, слушали отчёты делегатов.

Союз водников срочно желал продать коротковолновую, «вполне оборудованную» громкоговорящую радиостановку.

5 марта, как было обещано ранее, из Владивостока в Петропавловск вышел пароход «Ставрополь» с грузом в шестьсот тонн.

7 марта Петропавловская радиостанция наладила связь со станцией Чукотской экспедиции Союззолота. Станция ведомства

связи в Уэлене уже могла принимать телеграммы, но передача оттуда пока не была устойчивой.

8 марта наступило самое время поговорить о женских заботах, например, о путях раскрепощения, достижения подлинного равенства во всём с «сильным полом». Тем более, что сам «вождь мирового пролетариата» В. И. Ленин учил, что «большевистская, советская революция подрезывает корни угнетения и неравенства женщин так глубоко, как не дерзала подрезать их ни одна партия и ни одна революция в мире. От неравенства женщин с мужчиной по закону, у нас, в Советской России, не осталось и следа».

Одним из средств раскрепощения могли стать детские сады и ясли. Они, существовавшие в городе (один садик и работавшие только летом, тоже единственные, ясли), не могли принять всех наличных дошколят. Санитарный врач Лисина, объясняя подругам, что страна встала на путь широкого вовлечения женского труда в производство, а детские учреждения позволяют работнице поднять производительность труда и освободиться для широкого участия в общественной жизни, призывала городские власти подумать о расширении детучреждений. Женщинам же в этом тоже следовало проявлять больше активности «Вам ближе всего интересы воспитания. Советская власть открыла путь к раскрепощению женщины, и дело ваших рук расширить те учреждения, которые дают вам возможность свободно трудиться». К тому же, ясли могли стать хорошей школой для молодых матерей, где они могли наглядно видеть, как надо правильно ухаживать за ребёнком, как его кормить, воспитывать.

Горместхоз напоминал о необходимости уплатить до 15 апреля местные налоги: с самодвижущихся экипажей и моторных судов с каждой силы по три рубля, с лошадей, работавших в извозе, и с каждой рогатой скотины старше двух лет — по столько же.

Горкомхоз приглашал крестьян деревень Сероглазки, Авачи, Елизово, Тарьи, Николаевки и Паратунки поработать на перевозке дров с 17-й версты Елизовского тракта до Авачинской губы. Оттуда в город их доставляли на катере. За каждую вывезенную погонную сажень берёзовых дровишек обещано заплатить по пять рублей.

10 марта состоялось первое занятие стрелкового кружка связистов — «связников», куда записались два десятка желающих. Прошла учебно-показательная стрельба из винтовки, нагана и мелкокалиберных ружей. В ней участвовали четыре девушки.

11 марта бюро юношеской секции клуба ССТС организовало диспут среди молодёжи по рассказу «Кто виноват». Собралось до

полусотни участников. Для тех, кто не читал рассказ, кратко изложили его содержание, после чего начались «прения». Большинство девушек обвиняли героя — отца детей, который, не поладив с женой, вспылив, сказал ей: «Уходи» — и взял в дом «несерьёзную женщину», которая не могла дать детям хорошего воспитания. Ребята же винили жену — как плохую мать, бросившую своих чад. Присутствующие явно увлеклись: времени, выделенного председателем собрания на «прения», не хватило, противники «подняли спор по углам». В заключение председательствующий оценил рассказ с единственно правильной точки зрения — классовой. Молодёжь осталась довольна проведённым диспутом.

14 марта юношеская секция при клубе ССТС подготовила первый номер «световой газеты», названной «Петропавловский луч». Технически он вышел не очень удачно: с задних рядов было плохо видно. Но всё же каждая картинка и подписи вызвали одобрение или взрывы хохота. Показ завершился небольшой инсценировкой, которая тоже прошла весьма живо под смех молодёжи. Затем последовали традиционные декламации, частушки, танцы под гармошку, игры.

Комсомольцы ячейки КОИК заслушали доклад о работе подрастающей смены — городского пионерского отряда № 2 имени Будённого. Как «отрицательный момент» выявлено то, что некоторые пионеры ведут «дружбу» с отдельными взрослыми гражданами, «которые под предлогом уважения к пионеру или, может быть, каких-нибудь других целей угощают их папиросками, водкой, учат играть в карты». Бюро ячейки оценило это как недопустимое явление и решило принять меры для его скорейшего изжития «путём усиления воспитательной работы среди пионеров».

Заведующий Петропавловской учебно-производственной мастерской В. М. Адамов обратился к общественности с просьбой обратить пристальное внимание на это учебное заведение, ещё 1 октября 1928 г. выделенное из состава школы второй ступени, где оно числилось как ремесленный класс. По его словам, оно — «молодое культурное заведение стоит того, чтобы с задворков вывести его на широкую дорогу». Задача мастерской — обеспечивать округ, в первую очередь его сельские районы, кузнецами, слесарями, механиками, столярами, сапожниками. Но пока готовились только столяры. Учились восемнадцать ребят в возрасте от шестнадцати до двадцати лет, в большинстве из деревень, командированные райисполкомами, десять из них жили в интернате. Им преподавались и общеобразовательные предметы: арифмети-

ка, геометрия, русский язык, обществоведение, а также графика и технология дерева. Четыре часа в день занимали практические и два — теоретические занятия. Учились ребята вполне прилежно, нарушений дисциплины не допускали, семеро учащихся были комсомольцами. Действовало самоуправление. Хозяйство мастерской было невелико: восемнадцать верстаков, один токарный станок. Инструментов не хватало. Неудовлетворительно обстояло дело с «санитарно-гигиенической частью»: из-за отсутствия средств по два месяца не мылся пол.

17 марта отмечена шестьдесят восьмая годовщина смерти великого певца Украины — Тараса Григорьевича Шевченко. Драмкружок клуба ССТС попытался, но неудачно, поставить к дате историческую пьесу «Савва Чалый», написанную, правда, не Шевченко, а Иваном Карпенко-Карым ещё в 1899 г. «Мучительная пьеса», — отзывались о ней зрители, истомившиеся в ожидании финала, наступившего лишь под утро. Оценка очевидца: «Нудная ложноклассическая трактовка сцен с получасовыми монологами и часовыми диалогами, с неестественно-пространными разглагольствованиями изрубленных в бою казаков, далеко не воинственная обстановка боевых эпизодов и статика массовых сцен нагоняли на аудиторию непролазную скуку и потушили революционный смысл и значение пьесы».

Агент-акквизитор Петропавловской агентуры по личному страхованию Р. А. Лидерс объявлял о начале приёма страхования жизни (с медицинским освидетельствованием и без) на случай смерти или дожития, кончины от острозаразных болезней, пассажиров в пути следования и инвалидности от несчастных случаев. Трудящимся обещаны льготы и дополнительные виды обеспечения.

Исполнился год с начала работы городской электростанции. Она уже окупила затраты на постройку и дала прибыль в шестьдесят рублей. Летом планировалось установить запасной двигатель и динамо-машину. С 1 октября ожидалось десятипроцентное снижение тарифов и переход на работу станции в продолжение всей ночи. Предполагалась выписка с материка электроприборов домашнего обихода. Пока же мощность станции использовалась меньше чем наполовину, наличествовал резерв для полной электрификации города.

Объявлено об исключении из комсомола А. К. Дроздовича, родившегося в 1907 г., члена ВЛКСМ с октября 1923 г. По социальному происхождению он оказался дворянином, к тому же сыном офицера, убитого в бою с красными в 1919 г. В Петропавловск

приехал в 1925 г., вступил в ячейку связи. Вскоре «бюро ячейки стало замечать недружелюбное отношение комсомольцев к Дроздовичу, бойкот Дроздовичу, упрёки и т. д.» Окружком ВЛКСМ постановил: «Из Союза исключить, как чуждого и использования звания комсомольца в своих личных целях».

Натуралист П. Т. Новограбленов предложил организовать «Кружок друзей музея» из школьной молодёжи, членов краеведческого общества и лиц, интересующихся природой и бытом населения Камчатки. Желающих он просил откликнуться на призыв и записаться в музей. После перехода в новое помещение музей стал остро ощущать недостаток сил для выполнения исследовательской работы. Следовало приступить к отлову, консервированию и изучению морских организмов, населявших Авачинскую губу. Инструкции и инструменты для этого имелись. Слабоват оказался и «отдел насекомых», коих необходимо было планомерно собирать в окрестностях города. Ждали своей очереди орудия каменного века, отделы охоты и рыболовства.

Привлечён к уголовной ответственности за избивание жены и «выбрасывание на улицу вещей вместе с детьми» горожанин К. В третий раз перед судом предстал некто З. «за хулиганство в магазине АКО». Гр. К. восьмой раз привлекался к уголовной ответственности за хулиганство.

18 марта в школе-девятилетке прошёл очередной вечер. Дали пьесу «На баррикадах Парижской Коммуны», показали декламации, пластику, физкультуру. «Но самое удивительное, что было на этом вечере, это героическая поэма “Перекоп” в постановке тов. В. А. Гаврилова. Эта вещь и её исполнители достойны не только школьной сцены, но и любого окружного города материка. Революционное содержание поэмы влито в стальные строфы динамического стиля, хоровая декламация перемежается с сольной, барабаны бьют атаку, горн трубит, откуда-то издали доносится боевая песня “Смело мы в бой пойдём...” Сила экспрессии нарастает, как гребень прибоя, и рушится вдруг... Некоторые участники проявили в этой постановке незаурядные актёрские способности. С такими ребятами много можно сделать!»

19 марта горсовет постановил выписать в распоряжение местхоза гусеничный трактор для перевозки дров как единственное средство удешевления дров и разрешения дровяного кризиса. «Машинизация — хорошее дело. Приветствуем на все сто процентов!»

20 марта приключилось ранее небывалое: в Петропавловск с Чукотского носа на собаках приехал помощник начальника экспе-

диции Союззолота Делягейд. Он покрыл расстояние в пять тысяч километров по горным безлесным кряжам безлюдной Чукотки, что до сих пор считалось невозможным, тем более в январе-марте, когда ещё не установился «пласт» и свирепствовали пурги.

Полярный герой рассказывал: «Я выехал 9 января на своих собаках и по берегу моря добрался до селения Преображенье, что в пятистах километрах от Укен. Ориентироваться приходилось по компасу. Всё время свирепствовала пурга, и за время пути до Петропавловска хорошая погода стояла не больше пяти дней. Морозы доходили до шестидесяти градусов по Цельсию. Встречались полыньи, и в одной из них пришлось выкупаться... Однажды в пургу я вовремя заметил, как провалились куда-то передовые собаки, оказалось, что нарты подъехали к обрыву морского берега...»

От Преображенья он двигался на переменных нартах, делая в сутки до ста километров. Лишь в Анадыре пришлось задержаться на десять дней в ожидании ответных телеграмм. 2 февраля поехал дальше. «В ярангах встречали радушно, на ломаном английском языке и жестами чукчи выражали радость в том, что нынешние начальники не похожи на прежних, царских, не кричат и не отбирают пушнину. Искусные резчики по моржовой кости дарили тончайшие вещи “для Москвы”». Чрезвычайно тяжким оказалось преодоление Камчатского хребта.

Поездка Делягейда показала принципиальную возможность связи с Чукоткой в любое время года и установления почтового сообщения по проделанному им маршруту. На «Ставрополе» отважный путешественник отбыл во Владивосток, чтобы оттуда отправится в Москву с докладом правлению Союззолота.

Объявлена программа работы СБ с марта по мая. В школе-девятилетке предполагалось прочитать ряд просветительских лекций. В их числе астрономическая «По волнам бесконечности», геологическая «Седая древность земли» (С. Д. Корниенко), о происхождении жизни «От амёбы к человеку» (В. А. Гаврилов) и «Человек в борьбе с природой» (Мироманов), о новейших успехах физики и химии «Мир микрокосмоса, вещество и энергетика» (В. Э. Пивинский), «Первобытные религии в прошлом и настоящем» (М. А. Жедяевский).

28 марта объявлено о прекращении сбора средств «на кино Паратунке». Одним из последних благотворителей оказался М. А. Жедяевский, внёсший пять рублей. Тех, кто ещё не внёс деньги «по вызовам», просили сделать это в недельный срок.

Горсовет озаботился несоответствием здания исправительно-трудового дома (ИТД) назначению. Здесь не было надлежаще оборудованных камер. Подследственные помещались вместе с заключёнными. Здесь же располагалось помещение для задержанных и подобранных на улице пьяниц.

Дисциплина как среди осуждённых, так и среди охраны оценивалась как слабая. Нельзя было изолировать арестованных от общения с внешним миром: здание не имело ограды. В любое время дня и ночи арестованный мог что-либо получить или передать.

Срочно требовалось изолировать подследственных от арестованных, развернуть «культработу», расширить помещение за счёт соседнего сооружения, всерьёз именовавшегося «штабом Завойко», добиться увеличения зарплаты для охраны, сравнив её с материковской, организовать для охраны специальные курсы. Вот таким образом из ИТД можно было сделать «учреждение, действительно исправляющее преступников, а не разлагающее их». Возникла идея обеспечить самокупаемость ИТД, для чего можно было организовать рыбалки, сенокосы, огороды, заготовку дров, создать мастерские. Всё это могло позволить отказаться от «внешних работ», выполняемых сидельцами.

29 марта в столовой шумели закрытые китайские «крестины» по случаю рождения ребёнка у повара. Они сопровождались изрядной выпивкой. По этому случаю оказались сорванными занятия курсов счетоводов секции совторгслужащих.

1 апреля начался «месячник сбережений». Он шёл под лозунгом «Лишние рубли отдадим в сберкассу!» и должен был дать увеличение суммы вкладов, которые шли на поддержку разворачивавшейся в стране индустриализации. Коллектив полиграфистов на своём собрании высказался за полное вступление вкладчиками в сберкассу. Принято было и предложение «завербовать» каждому ещё по одному вкладчику.

Успешно шли дела и в группкоме № 3. Здесь «для достижения определённых результатов был поставлен доклад о деле сбережения и вовлечения членов коллектива. Почти поголовно состоят все члены вкладчиками. Связь со сберкассой хорошая. Надо сказать, что окружной финотдел и так проявил достаточно инициативы в деле сбережения».

«Сейчас же иди в сберкассу и сдай на хранение лишние рубли и копейки! Помни: этим ты помогаешь государству строить промышленность, а себе скопить кое-что на случай нужды».

*Эй! Рыбак, охотник Камчатки!
Чтоб хватило продуктов и пуль,
Иди в сберкассе сейчас же.
И положи на сберкнижку рубль!*

2 апреля на заседании экономкомиссии при группоме № 2 союза совторгслужащих, обследовавшей хозяйство собственного клуба, ему была вынесена оценка: «богадельня». Здание украшала голубая узорная вывеска, на которой было выведено жёлтыми буквами «Клуб ССТС». Сверху располагалась изрядно поблекшая красная пятиконечная звезда, на которой изображение серпа и молота почему-то было перевернуто вверх ногами.

На сообщение об этом оперативно откликнулся «Нигамс», как нам известно, знаток вопроса. Он дал свою, вполне живописную, оценку клубу: «В немытом, дряхлом здании пусто. Иногда в мрачных катакомбах можно натолкнуться на группу людей, репетирующих пьесу, на истопника со связкой дров... Только два-три раза в неделю сюда вливается по вечерам месиво человеческих тел и свет электрических ламп.

Около кассы давка. Через ваши головы к вешалкам тянутся десятки рук с пальтами и галошами. Проходы забиты, и ваше место кем-то занято (попробуйте найти своё место, если стулья не нумерованы!). Перед глазами маячит жёлтая мазня портала сцены с иконообразным “камчатским пейзажем” с одной стороны (только с одной!). На колоннах вдоль стен зала торчат бумажные флажки с пучками стружек, изображающими, очевидно, экзотические цветы. На сцене разыгрывается или ветхозаветная дребедень, или лубочная агитка, лишь изредка художественные революционные вещи.

По окончании спектакля здание погружается в спячку на несколько дней. Клуб ли это? Нет! В каждом рабочем клубе изо дня в день звенят голоса физкультурников, синеглазников, пионеров, там уютно и весело, и туда так и тянет зайти, чтобы окунуться в атмосферу творческой работы, выпить стакан чая с приятелем, сразиться в шахматы. Может быть, это театр? Нет. В театре не приходится мужественно бороться с позевоитой и по выходе жалеть о загубленной трёшнице. Что же такое, наконец, клуб ССТС?» Вот тут-то к месту, по мнению автора, и была вышеупомянутая оценка.

5 апреля состоялся «вечер смычки» пионеров с пограничниками. Зал клуба ССТС набит битком. Там и сям мелькают зелёные гимнастерки пограничников и красные галстуки пионеров. Третий

звонок. Ведущий объясняет цель вечера: «Теснее крепите связь пионеров с пограничниками. Пионеры! Изучайте военное дело, изучайте историю Красной Армии, её героев. Помните их. Подготовляйте из своих рядов строителей социализма, его защитников. К борьбе за рабочее дело будьте готовы!» Из зала, из-за сцены в ответ несутся десятки молодых задорных голосов: «Всегда готовы!» Начинается пьеса, составленная из эпизодов участия рабочей детворы в революционной борьбе. Каждое действие сопровождается бурными аплодисментами.

Затем на сцену поднимаются пионеры в белых рубашках с галстуками. Под звуки марша на гармошке, под командой своего же товарища они проводят «физкультуру»: строят пирамиды, маршируют. Всё идёт без единой заминки. Дальше без перерыва начинается «дивертисмент». Пионерские выступления чередуются с красноармейскими. Песни, пляска, декламации, музыка. Хорошие песни... и так до одиннадцати вечера. На лицах не видно скуки, «которую мы так часто замечаем у людей, выходящих с молодёжных и других вечеров». Довольны остались все: и красноармейцы, и дети, и их родители.

16 апреля Петропавловское агентство Совторгфлота объявило о предстоящем существенном расширении своей деятельности и о необходимости создания постоянного штата портовых рабочих. До этого местные операции флота не позволяли иметь в распоряжении агентства свою рабочую силу по погрузке и выгрузке пароходов. Работы велись случайными людьми или сборными артелями. С ростом экономической значимости Камчатки в целом и Петропавловска в частности настало время перейти на обеспечение рабочих твёрдым гарантированным заработком на весь сезон, чем сократить непроизводительные простои судов.

Исходя из этого, агентство намечало набирать на навигационный сезон, длившийся с 20 апреля по 20 октября, семьдесят постоянных рабочих. Им предстояло заниматься выгрузкой и погрузкой на пароходы разных грузов, их сортировкой, навалкой на телеги и свалкой на месте, перевеской. Требовалось подвозить грунт вагонетками и засыпать водное пространство Ковша для расширения портовой территории, ломать камень, грузить его на кунгасы и выбрасывать в воду у засыпаемого места, а также выполнять прочие хозяйственные работы. Каждому гарантировался месячный заработок не ниже ста двадцати рублей (то есть по пять в день), причём перечисленные выше работы оплачивались сдельно. С рабочими заключался коллективный трудовой дого-

вор. Желающих просили обращаться в контору агентства с восьми часов утра.

22 апреля в час дня к председателю КОИК В. Ф. Богатырёву прибыла делегация православных христиан в составе И. И. Косыгина, Е. Х. Шаталиной, Д. Д. Савинского, Г. А. Ворошилова и других. Цель визита — исходатайствовать у «хозяина округа» — исполкома — помощи в ограждении от «усилившихся в последнее время безбожников». Православные также просили освободить из-под ареста священника Николая Петрука и разрешить отцу Леонтию поездки по окрестным селениям.

«Эти два попака за свои “грехи” попали — один под арест, другой под надзор органов ОГПУ», — указывает автор газетной заметки с характерной подписью «Сатана». Далее он доводит до городской общественности собственные характеристики членов делегации: «Иван Иннокентьевич Косыгин — на вид очень скромный малый, бывший мелкий спекулянт, который когда-то положил немало трудов в обжуливание туземцев, разбросанных по обширной камчатской тайге. В настоящее время скромно доживает свои дни в городе подальше от туземцев и замаливает своё прошлое. Заметно выделяется своей импозантной фигурой грандамы Е. Х. Шаталина — жена бывшего чиновника, которая мечтает, понятно, в настоящее время не об одной “духовной пище”, но и о старом “добром” аристократическом обществе. Д. Д. Савинский — старичок, бывший командир казачьей Камчатской команды. Герой былых времён — в настоящее время почти психический калека, впрочем, не представляющий опасности для окружающих. Но из самых замечательных персон делегации по своей деятельности в прошлом выделяется Гавриил Афанасьевич Ворошилов, который одиннадцать лет тому назад являлся одним из активных руководителей контрреволюционного восстания против Советов на Камчатке, хотя, в конце концов, успеха не имел...»

Напомним, что 22-е число приходилось на день рождения скончавшегося пять лет тому назад главного «безбожника» — «вождя мирового пролетариата» В. И. Ленина. Естественно, что председатель КОИК дал понять делегации, что не намерен защищать «мракобесие». На этом «не солоно хлебавши», делегация благоволила низко раскланяться.

А тем временем камчатские «безбожники» разворачивали свою деятельность всё шире и шире. Их союз уже насчитывал полторы сотни человек, семь организационно оформленных ячеек, из них — пять городских. «Точных сведений о сети ячеек на селе нет за

отсутствием связи, но надо полагать, что все райцентры Камчатки ячейки безбожников имеют».

Сейчас же начиналась очередная антипасхальная кампания. Её основные лозунги: увеличение сети ячеек СБ, рост количественного и качественного состава членов, выявление актива, усиление культурно-массовой работы.

Ожидалось, что эту Пасху православные Петропавловска могут встретить двумя «лагерями»: одна группа в соборе, а другая во главе с попом-живистом, представителем обновленцев, поддерживавших советскую власть, — в так называемой «Соколовской пекарне». А вот «безбожники Петропавловска и порвавшие с этой туманной дремотой “религией” эти дни будут проводить не с бутылкой в руке, которая у всех верующих появится в религиозные праздники, а за полезной работой, работой в борьбе за культуру, за повышение своих знаний».

В пасхальный день 4 мая в клубе ССТС намечался бесплатный вечерний спектакль антицерковного содержания. Библиотека намеревалась провести выставку новейшей литературы, всех периодических изданий по антирелигиозным вопросам. «Этот праздник мы должны использовать так, чтобы церковники ещё раз убедились, что их работа впустую, их агитация на большую часть Петропавловска не действует, масса медленно, но уверенно идёт вперёд не с религией, а с культурой. Наш лозунг: “Порвал с религией — вступай в Союз безбожников!” Вместо церкви в пасхальные дни иди в клуб и библиотеку».

23 апреля пленум секции здравоохранения постановил провести в городе «в средних числах мая» двухнедельник чистоты. «Принимая во внимание великолепные солнечные дни, в которые происходит усиленное таяние снега, решено провести предварительный трёхдневник очистки города от лишней грязи к предстоящим Первомайским торжествам 28, 29 и 30 апреля. Граждане города обязаны произвести около своих домов предварительную очистку, заключающуюся в собирании мусора и навоза в кучи и подметании тротуаров. За неисполнение постановленного граждане будут привлекаться милицией и санврачом к ответственности».

25 апреля в город прибыл представитель государственного издательства «Земля и фабрика» с багажом литературы: «громадный выбор новинок русской, современной и иностранной художественной литературы и критики. Полный детский отдел, составленный по рекомендательным спискам». Коллективам и библиотекам, желавшим приобрести литературу на льготных условиях, предлага-

лось до 1 мая заявить об этом представителю издательства по адресу: улица Таможенная, дом № 38.

27 апреля утром в порту на рабочего-китайца обрушилась глыба земли, причинив серьёзные травмы. Причина — несоблюдение правил техники безопасности. Виновник — техник-производитель работ. «Помимо работы в порту, он ещё набрал сверхурочных работ в таможне и Совторгфлоте в погоне за наживой» (в здании таможни в это время шёл большой ремонт, где трудилась артель плотников).

28 апреля на пароходе «Астрахань» прибыла киноэкспедиция Совкино в составе пяти человек: режиссёра А. А. Литвинова, его ассистента И. И. Дорогова, кинооператора П. М. Мершина, его помощника и рабочего. Экспедиция на собаках намеревалась отправиться в Усть-Камчатск, на Командоры, в селение Ключи, на Ключевскую сопку, оттуда в хребты к ламутам для съёмок картины «Оленный всадник — вечный скиталец», затем по западному берегу полуострова в Тигиль, а оттуда — в Каменское и на реку Пенжину к корякам. Через год экспедиция намеревалась вернуться в Петропавловск. Планировалось снять три картины: «экономико-этнографическую фильму» в шести частях «Забывтый край», популярную киноповесть из жизни коряков «Тумгутумы» и упомянутую о ламутах. Они относились к циклу «культурфильмов», уже снятых Совкино в Афганистане, на Урале, Алтае, Кавказе и в дебрях Уссурийского края и пользовавшихся большим успехом в СССР и за границей, особенно в Америке. Экспедиция обратилась за помощью в краеведческое общество, которое посвятило три своих заседания изучению сценария картин и уточнения маршрутов экспедиции.

Наступил Первомай. Город украсился красными флагами и лозунгами. Ярко убрано и здание школы-девятилетки. К празднику выпущена газета «Школьный луч». В восемь вечера в актовом зале открылось торжественное заседание. Учителя и ученики выступили с коротенькими приветствиями. Торжественную часть, не занявшую много времени, сменила творческая. Драмкружок показал пьеску «За Первое мая». Затем — коллективная декламация под руководством В. А. Гаврилова и физкультурные номера в постановке Л. Е. Федюкова. Эти два номера оказались самыми интересными. Вот так школьники отпраздновали Международный рабочий день.

Вечером в клубе ССТС орготдел работниц организовал распродажу рукоделий в пользу расширения городских детских яслей.

3 мая завершился трёхдневный «кружечный сбор» средств, также шедший под лозунгом: «Все на помощь развитию детских яслей на Камчатке!»

5 мая по случаю дня рождения Карла Маркса и Дня печати в клубе ССТС состоялся конкурс стенных газет.

9 мая краеведческое общество получило известие от своего члена Лукашевича, что ламуты нашли выход нефти возле реки Еловки у Красной сопки в местности Котличек. «Ламуты говорят, что они зажигали эту жидкость, которая прекрасно горела». Об этом сообщено Дальневосточному отделению Геологического комитета для регистрации и проверки. На полуострове к этому времени уже были известны выходы нефти в Кроноках, по реке Богачёвке и около села Ушки в долине реки Камчатки.

Отборочная комиссия при Окрстрахе постановила послать на лечение в санаторий на шесть недель сторожа школы-девятилетки Гардалионову, медсестру горбольницы Н. Захарову, продавца АКО Фоменкова и машинистку окрфинотдела Н. Панову. На курорт Олентуй, тоже на шесть недель, должны были отправиться радиотехник Ф. Бергау, фельдшер горбольницы М. Фомина и продавец АКО Яковенко. Курорт Дарасун ждал на месяц рабочих типографии Клочкова и Комарова. Две кандидатуры — делопроизводитель нарсуда и учительница — «условно намечены к посылке на курорты», а тринадцати кандидатам в этом отказано.

14 мая завершился городской шахматный турнир. Семнадцать участников сыграли пятьсот партий, каждый — по тридцать две. Первое место взял В. М. Адамов, выигравший двадцать девять партий, второе — П. Т. Новограбленов, третье — Г. В. Брагин. На премирование победителей профсоюз выделил сто рублей.

16 мая отдел работниц с удовлетворением отметил «активное участие в сборе пожертвований в пользу детяслей тт. Харламовой, Терёхиной и Пономарёвой».

17 мая пионеры города на сборе актива постановили: взять на ферме участок земли для огорода и обработать его собственными силами. «Это постановление является вызовом для других организаций последовать примеру и общими силами доказать возможность развития сельского хозяйства на Камчатке».

19 мая объявлено о подготовке бюро юношеской секции первого физкультурного выступления. В программе: спуск плавучих средств и открытие водной станции клуба ССТС, массовые физкультурные игры (бег, прыжки, волейбол), состязания на воде. Победителям во всех видах спорта приготовлены призы. «Готовьте

форму: синие трусы, белая рубашка... Регистрируйте гребные, волейбольные и другие команды».

Окружной местком работников просвещения доводил до сведения своих членов о получении «льготок» на дальние экскурсии — до Москвы. Цена «льготки» — сорок пять рублей, стоимость проезда снижалась вдвое. Выезд экскурсантов намечался на начало июня. Желающих просили обращаться с заявками.

Горожане, населявшие многоквартирные дома, не имевшие собственных бань, были весьма недовольны состоянием общей комхозовской. Там «всё больше накапливается грязи. В мыльном отделении постоянно загрязнённые лужи по щиколотку. Ещё хуже в парной. Грязный, не без зловония, бассейн, и моющийся должен бродить в этой разноцветной луже. Какая-то клоака... Не мешало бы и скамеечку приладить в парном номере, а то там всего одна табуретка». Как видно, комхозовские «хозяйственники» не желали обеспечить надлежащее санитарное состояние бани по должности. Наверное, туда следовало бы заглянуть санитарному врачу, чтобы получить ответ на вопрос: «Не являются ли заразой грязевые лужи в бане, и какие были приняты меры для их устранения?»

Баня была построена неумело. Балки под печами проложили неправильно, отчего случился пожар, принёсший убыток в шестьсот рублей. Вода скапливалась на полу из-за того, что тот не имел уклона. Стены, не защищённые от проникновения воды, быстро прогнивали.

Горсовет постановил: все владельцы в двухнедельный срок должны зарегистрировать своих собак в Горместхозе. За регистрацию взыскивалось по полтиннику и выдавались металлические значки для крепления к ошейнику. Ездовым собакам значки не требовались. Зарегистрированных собак можно выпускать за пределы двора только в присутствии хозяина, или же в намордниках. Пояснялось, что «собаки же, хотя и зарегистрированные, но бегающие по городу без намордника, будут приравняться к бродячим». Всех их намеревались вылавливать и направлять в изолятор, а если хозяин не явится в течение трёх дней, то уничтожать. При возвращении собаки владельцу, тот должен был выплатить местхозу стоимость её содержания.

21 мая горсовет принял обязательное постановление № 5 сроком действия до 1 января 1930 г., ставшее знаковым документом. Во-первых, в нём отражались сложности, возникшие со снабжением населения страны продовольствием после начавшегося

«великого перелома», то есть коллективизации, а во-вторых, декларировался классовый подход к установлению норм снабжения.

В целях борьбы с вывозом продуктов на материк и неправильным их использованием горсовет решил с 1 июня ввести систему снабжения горожан продуктами первой необходимости по карточкам. Население разделили на следующие категории: первая — лица физического труда; вторая — лица нефизического труда (служащие, члены их семей, члены семей лиц, причисленных к первой категории и лица свободных профессий, за исключением служащих культа и лиц нетрудового дохода); третья — прочие граждане.

Дневная норма муки на человека установлена в размере: для первой категории — 750, второй — 500, третьей — 300 граммов. При переводе муки на готовый хлеб учитывались двадцать пять процентов припёка. Месячная норма на сахар на человека: первая и вторая категория — два, третья — один килограмм.

Карточки выдавались горсоветом по одной на каждую семью. При их получении граждане обязывались письменно указать имеющиеся у них запасы муки, сахара и жиров. При выезде из города карточки сдавались в горсовет. Передавать их другим лицам запрещалось. При потере карточки её владелец мог получить новую только через месяц.

Столовые, больница, детсад, ясли, ИТД снабжались продуктами в особом порядке. Выпечка сдобы и пирожных не прекращалась, а их продажа производилась без карточек. Хлеб продавался ежедневно, при этом от карточек отрезались особые талоны, мукой и сахаром торговали дважды в месяц. Жиры отпускались «по особому распоряжению, с отметкой о выдаче на обороте карточки». Горожане, выезжавшие из города в округ, получали продукты по расчёту до места следования. Покидавшим округ продукты выдавались не более чем на пятнадцать дней.

За сообщение неверных сведений о составе семьи, имеющемся запасе продуктов, а также при обнаружении злоупотреблений при использовании карточек, виновным угрожала ответственность по 169-й статье Уголовного Кодекса РСФСР.

23 мая «Полярная звезда» опубликовала объявление: «Мы, дети, разыскиваем отца — Скворцова Ивана Кузьмича, Костромской губернии, Макарьевского уезда, деревня Михайлова. Наш адрес: Хабаровск, Хабаровская улица, 5, Скворцовым».

Городская библиотека напоминала своим должникам об истечении срока возврата книг. «Товарищи Гуськов, Буревой, Степан

Ким, Шангина, М. Панов были неоднократно извещены о сроке возврата, но до сих пор книги не возвращены. Придётся к ним применить более решительные меры. Не задерживайте книги!»

Опубликована очередная рецензия «Нигамса» на постановку, прошедшую в клубе ССТС. Актуальная пьеса «Ржавчина» ему понравилась: «В чрезвычайно усложнившейся обстановке классовой борьбы, в обстановке нэпа элементы идеологического разложения неизбежны. Ржавчина упадочничества, нытья, неверия в революцию разъедает некоторые слои студенчества и отдельных членов партии. Константин Терёхин один из них.

Будни социалистической стройки и необходимость напряжённой черновой работы кажутся для него чуть ли не капитуляцией перед Октябрём. От активной борьбы он уходит в область демагогических рассуждений, в пьяный разгул половой распущенности, прикрывая всё это лживыми фразами о новом быте, о новой этике и морали. В общегитии создаётся напряжённая, нездоровая атмосфера, толкнувшая жену Терёхина к самоубийству, что заставляет партячейку дать решительный отпор враждебным силам: выбросить Терёхина из своих рядов — вычистить ржавчину.

Пьеса, за исключением некоторых шероховатостей, прошла удовлетворительно, что может считаться большим успехом, так как центр тяжести массовых сцен и драматических моментов ложится на молодых актёров — членов юнсекции драмкружка клуба ССТС. «Ржавчина» — живая дискуссия на животрепещущие современные темы. Можно рекомендовать клубу ещё раз поставить пьесу бесплатно для профсоюзной массы».

27 мая ночью в районе 14-й версты Елизовского тракта вспыхнул пожар, огонь охватил площадь до сорока квадратных километров, погребло много леса и сгорело около двухсот сажень заготовленных Горместхозом дров на сумму две тысячи рублей. Остальные, барак, другое имущество стоимостью в сорок тысяч рублей удалось спасти благодаря дружной работе команд ГПУ, служащих и рабочих комхоза и жителей окрестных деревень, за исключением Елизова, «жители которого не приняли участия в тушении пожара и вернулись обратно, когда убедились, что ихнему участку не угрожает опасность». Выяснением причин пожара занялось следствие.

Внимание комхоза обращалось на дом, стоявший возле церкви. В прошлом году это, сравнительно ещё хорошее, здание было отремонтировано под клуб «восточников». Деньги на это потратили, а клуба не открыли и даже жильцам не сдали. Без хозяйского

пригляда дом подвергся разгрому: стёкла выбиты, двери украдены, внутри разруха. И это при остром жилищном кризисе! Комхозу следовало принять меры к приведению здания в порядок и сдаче жильцам.

29 мая общегородское партийное собрание вместе с коммунистами и комсомольцами слушало информацию о том, что 27 мая советское консульство в Харбине было занято китайской полицией и в нарушение международных норм подвергнуто обыску. Арестовано тридцать девять советских граждан, «применено насилие по отношению к вице-консулу Знаменскому». Наркомат иностранных дел заявил китайскому правительству протест. Конфликт на КВЖД углублялся. Партийцы высказались «против безобразий, творимых зарвавшимися китайскими империалистами» и обратились к советскому правительству, настаивая принять решительные меры к тому, чтобы поставить на место зарвавшихся генералов. «Собрание заверяет правительство, что если китайские империалисты вовлекут нас в войну, мы сможем постоять за свои права и дадим решительный отпор всякому, кто вздумает нарушить наши права!»

31 мая команда прибывшего в Петропавловск недавно купленного АКО в американском порту Сиэтл парохода «Якут» (бывший «Лейк Элимсфорт», но пока это название ещё украшало корму судна) устроила вечер в клубе ССТС. Второй механик Коновалов рассказал об американских впечатлениях. Отметив, что Америка хорошо заработала на мировой войне, создав величайшую в мире индустрию, он заявил, что «рационализация рождает безработицу и перепроизводство. Машина делает революцию! Благополучие США только кажущееся: ни один американский рабочий не застрахован от того, что завтра он будет выброшен из производства и сделается нищим». Эти слова механика не были ни пустым звуком, ни агиткой: спустя несколько месяцев в Штатах разразилась Великая депрессия. А вот полезный американский опыт требовал изучения и внедрения: «Мы были на аэропланном заводе, в доках, сборочном цехе завода Форда, где на полторы тысячи рабочих приходится лишь пятнадцать конторских служащих, ездили на автомобилях по прекрасным железобетонным дорогам, видели гигантские рефрижераторы, которые необходимо построить и на Камчатке для замораживания рыбы. Это то, что нам нужно взять».

На вопрос из зала о желании остаться в Америке, один комсомолец-кочегар презрительно показал пальцами, как считать день-

ги: «Доллар, доллар, больше там ничего нет. Доллар и фордизм, высасывающий все соки из рабочего. Так, пожить, посмотреть только, интересно».

6 июня стало известно, что во Владивосток прибыл ещё один пароход АКО, приобретенный в США, — «Эскимос». В ближайшие дни ожидался подход ещё четырёх судов.

Горместхоз известил всех абонентов, что с 10 по 14 июня городская электростанция не будет работать «ввиду прочистки дизелей».

Объявлено об организации на летнее время для женщин кружков медпомощи, стрелкового, «лёгких движений», гребли и волейбольной команды.

7 июня Центральная комиссия по руководству «чисткой» советского аппарата, недавно созданная постановлением коллегии Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) РСФСР, обратилась к местным РКИ с указанием, чтобы они проверяли все окружные звенья аппарата одновременно. В этом году предполагалось «чистить» подразделения Наркомфина, Наркомюста, Наркомтруда и Наркомзема. Вот некоторые выдержки из этого обращения: «В предстоящей работе должна быть ясность в вопросе: кого вычищать? Как проверяемый работает, особенно за последние годы и, прежде всего, конечно, теперь. Как осуществляет в порученном ему деле законы советской власти, пролетарскую классовую линию, директивы партии — вот что нужно выяснить по отношению к каждому служащему. Выяснить это можно только методом обследования выполняемой каждым работы.

Раз мы чистим, прежде всего, и главным образом на основании оценки качества работы, роль всяческих анкет и тому подобное отходит на второй план. Детей “бывших людей” (низвергнутых революцией представителей бывших «эксплуататорских» классов. — С. Г.) снимать по их происхождению инструкция запрещает вовсе, к самим же “бывшим” необходимо подходить строже, основательнее, чем к остальным, также на основании качества оценки работы и отношения к советской власти. Если перед комиссией по чистке “бывший”, совершенно очевидно, что его работу надо проверить вдвойне, тройне тщательнее, но вычищать его надо не потому, что он был когда-то попом, офицером, дворянином, а лишь на основе фактов (хотя бы не крупных) искажения классовой линии, разгильдяйства, бюрократизма и т. п. Уже одиннадцать с половиной лет советской власти, так что оценить людей по их действительным качествам можем вполне». Особо указывалось, что предстоящая «чистка и проверка работников советских учреждений

отнюдь не должна рассматриваться ни проводящими чистку, ни советскими служащими как огульное недоверие советской власти ко всем советским служащим».

Вскоре «чистка» начнётся и на Камчатке.

9 июня военморы со стоявшего в Ковше сторожевого корабля «Красный вымпел» приняли участие в массовой прогулке-экскурсии на Петропавловский маяк. Бравые моряки внесли большое оживление в колонну горожан. По пути и на маяке раздавались краснофлотские и красноармейские песни, звенела гармошка с бубном, каблуки лихо отбивали чечётку. На месте состоялись игры в городки, стрельба из «мелкашки» и прочие развлечения. А через пару дней, 11 июня, военморы поставили в клубе ССТС «живой журнал», отразивший «бодрость, спаянности и дисциплинированность краснофлотцев — стражей тихоокеанского побережья».

13 июня в клубе ССТС открылась двухдневная итоговая выставка работ курсов кройки и шитья. Курсы открылись ещё 1 декабря прошлого года. Поначалу на них записались свыше пятидесяти желающих, но к окончанию работы осталось лишь восемнадцать. Плата с них взималась вполне символическая: от двух до пяти рублей в месяц. Курсы работали в тёплом, светлом помещении, имели в своём распоряжении швейные машинки. Руководитель Добровольская весьма добросовестно относилась к занятиям. Вся намеченная программа выполнена полностью, а результатом стало то, что курсантки научились самостоятельно шить бельё и верхнюю одежду. Заметим, что это было совсем не лишнее умение в весьма скучные двадцатые-тридцатые годы.

В детском садике открылась запись детей от трёх до восьми лет на летнюю детскую площадку. Её открытие намечено на 20 июня.

15 июня на общем собрании коллектива Петропавловской радиостанции приняты вызовы на социалистическое соревнование от Иркутской и Якутской станций. В свою очередь, собрание решило вызвать станции в Усть-Камчатске, Анадыре и на острове Беринга. Цель соревнования: увеличить до максимума быстроту приёма и передачи корреспонденции, ускорить её прохождение и изжить искажения.

Военнослужащие управления погранотряда постановили выкупить все облигации госзайма индустриализации и коллективно сдать их на хранение в сберкассу. Они вызывали на соревнование Петропавловскую контору и фабрику АКО: «Если АКО принимает вызов, то для заключения договора о соревновании просьба прислать своих представителей».

16 июня нанесён пионерский удар по антисемитизму. «Пионеры первого отряда играли в кегли, принадлежащие К. Когда же последнему надоело, он их забрал и отнёс домой. Пионерам хотелось поиграть и, думая, что это кегли школьные, стали просить, чтоб он их дал им поиграть. Открывается окно и в него высывается “сама” мадам К., которая стала кричать, что кегли не школьные. Глядя на неё, пионер Я. улыбнулся. “Сама” со скрежетом зубов накинулась на него, называя “жидовской мордой”, и пригрозила исцарапать его “харю” собственноручно». В ответ на эту брань один пионер объяснил К., что «в СССР слова “жид” нет, и что за подобное безобразие можно притянуть её к ответственности».

19 июня начался первый общегородской комсомольский поход. Окрбюро ВЛКСМ постановило, что он «должен пройти под углом проверки подготовительно работы в ячейках по вопросам дисциплины и физкультуры. Поход явится оздоровительной, учающей к коллективизму, и испытательной работой». К трём часам дня на пристань в Ковше с узелками, корзинами и вещмешками потянулись красноармейцы, комсомольцы, беспартийная молодёжь. Вскоре они заполнили кунгас. Проверили, все ли на месте, взяли ли гармонь, кинопередвижку с картиной, продукты, винтовки, посуду, фотоаппарат, затем кунгас на буксире катера двинулся в Тарью.

Часа через два походники выгрузились, построились, навьючили лошадей и себя, и... шагом марш! Первое препятствие на пути: болото и тундра. Песен и шуток поубавилось. Вечером дошли до Паратунки, разместились в школе. Искупались, посмотрели будущий дом отдыха. «Этот дом будет районной школой-интернатом для бедняцких семей из сёл Петропавловского района, не имеющих школ». На следующий день после прогулки позавтракали и до двенадцати работали «по военизации». В двенадцать — обед. «Жирный суп и рыба заполняют желудки. С часу на разостланных одеялах и шкурах сотня походников творит “мёртвый час”».

В два часа сбор и общественно-полезная работа: ремонт бассейна. К семи часам вечера он завершён. Паратунцы остались довольны, улыбались, благодарили: «Нам целый месяц надо было работать, а времени нет, рыба идёт, вот спасибо-то!» Но сами почему-то походникам не помогали. Пионеры в это время разбивали дорожки у школы-интерната.

Вечером встреча с крестьянами в избе-читальне. Начинается митинг протеста против действий китайских империалистов на КВЖД, местному населению разъясняется обстановка в Китае.

Митинг единодушно присоединяется «к резолюциям протеста всех трудящихся и выносит постановление об увеличении сбора средств по Паратунке в неделю обороны страны с пятидесяти до семидесяти пяти рублей». Затем сельянам показали кино, весёлые инсценировки, спели частушки. Утром прошло объединённое комсомольское собрание. Собралось почти всё население Паратунки. Ему сообщено о ходе чистки партии и советского аппарата. Попутно выпущена стенгазета «Комсомолия в походе».

Пора домой. По дороге в Тарье совместно с местными пионерами инсценирован «бой». Затем — погрузка в кунгас, и, несмотря на туман и качку, — плавание через Авачинскую губу.

Вот так городская комсомолия проверила себя «в части дисциплины, готовности и выдержанности».

20 июня в Петропавловске открылась аптека Дальмедторга, которая, кроме медикаментов, привезла много парфюмерии. С последним парходом фактория АКО тоже получила девятнадцать мест аналогичной парфюмерии, но по более дорогой цене. Некоторые горожане на этой почве ожидали здоровой конкуренции, а более скептически настроенные подозревали, что её не получится, так как АКО «преподнесёт сюрприз туземцам и пошлёт вместо одежды и охотприпасов духи и пудру».

Ширилось социалистическое соревнование по выкупу облигаций и сдаче их на хранение в сберкассу. Постепенно в него вступали различные коллективы. Полиграфисты и коммунальщики вызывали на соревнование группком № 2. Сдача облигаций в сберкассу являлась самым надёжным способом их хранения. Оно могло быть с управлением и простым. В первом случае сберкасса обязывалась следить за розыгрышами и сроками погашения купонов, во втором — только отвечала за сохранность. В обоих случаях взималась незначительная плата. Разъяснялось, что продажа облигаций, иначе их «сброс», лишает «наше социалистическое строительство помощи, которую мы сами же оказали, купив облигации».

23 июня некто «Бич» подтвердил, что обитатели ИТД, действительно, чувствуют себя вполне вольготно. По его словам, они разгуливали по городу без всякого надзора. «Некоторые частенько заглядывают к своим жёнущкам и ещё в некоторые места. Недаром пишется в газете о частых случаях хулиганства. Как же ни быть им, когда наш ИТД не хуже дома отдыха. Арестованные сами говоря: “Вот так жизнь — малина, и на материк не надо. Ничего лучше не придумаешь, чем так сидеть — поят, кормят, часто в кино водят”. Надо администрацию подтянуть, чтобы по-

становление нарсуда выполнялись, иначе такой ИТД только больше преступности разведёт».

ИДТ взял от Горместхоза подряд: провести канавы, обложить их камнем и устроить мостки. Работы затянулись. Около домов АКО был разобран тротуар, чем нарушен проход, после чего дело замерло. Это вызывало законное недовольство местных обитателей, припоминавших, что ещё в прошлом году ИТД устраивал около АКО канавы, обложил их камнем. Камень быстро обвалился, потраченный труд и деньги бесполезно пропали.

Началась подготовка и к чистке партийных кадров. Опубликовано обращение ЦК ВКП(б) к коммунистам: «Партия ставит перед собой задачу освободиться от всех некоммунистов, от всех небольшевиков. Это, прежде всего, должны усвоить не только партийцы, но и беспартийные... Партия, проверенная и очищенная от негодных элементов, партия, мобилизовавшая массы на борьбу с бюрократизмом и другими извращениями советского государства, партия, закалённая в прежних боях, выйдет после чистки и проверки ещё более готовой к бою за победу ленинского знамени, за победу социализма. Такая партия не может не победить. Она победит, во что бы то ни стало!»

30 июня на улице Ленинской, в доме № 62 (против конторы АКО) открылась столовая ДОДД. Всем желающим отпускались: завтрак — 80 коп., обед из трёх блюд — 1 руб. 65 коп., ужин — 85 коп. Особые условия предлагались лицам, желавшим получить «полный пансион».

1 июля заработала читальня агитпропкабинета. Она открывалась в пять вечера каждый день, кроме выходных. Здесь можно было получить литературу по всем вопросам партийной работы, советского и хозяйственного строительства и международного революционного движения.

На Камчатке началась «чистка партии». В клубе ССТС при переполненном зале шло собрание городской парторганизации. Вопрос один: «проверка членов партии, выдвинутых в члены проверочных троек для поездки в округ по проверке и чистке рядов партии». То есть пока речь шла не о самой «чистке», а об отборе кандидатов в «чистильщики».

Собрание открыл представитель Дальневосточного крайкома ВКП(б), председатель окружной проверочной комиссии, член партии с 1902 г. Фёдоров. Обозначив общие моменты предстоящего действия, он предложил перейти к рассмотрению кандидатов, включённых в «тройки». Теперь слово взял И. Е. Ларин.

Он зачитал учётную карточку и биографию председателя КОИК В. Ф. Богатырёва. «Слова товарища Ларина чётко рисуют картину за картиной тяжёлого пути, прерываемого тюрьмами, революционной борьбы тов. Богатырёва и в заключение перечисляет его последующие ответственные посты на советской работе. Тов. Богатырёв, являясь председателем окрисполкома, фактически закончил советизацию Камчатки. Отзыв ячейки заканчивает характеристику тов. Богатырева: “социальное положение — рабочий, происхождение — сын бедняка, образование среднее. Политически развит, выдержан, устойчивый и дисциплинированный, задания ячейки выполняет аккуратно, членские взносы уплачены”. После целого ряда вопросов со стороны тов. Фёдорова, тов. Богатырёву был задан ряд вопросов со стороны граждан. Кроме высказавшихся за товарища Богатырёва, против никто не высказался.

Второй кандидатурой в проверке рассматривается рабочий тов. Завалей. Он сам рассказывает просто и ясно свой путь... в рядах армии, флота и ЧК. Его характеристику дополняет тов. Невеселёнок, отмечая преданность и выдержанность тов. Завалея на работе в ЧК и в последствии на профессиональной работе Дальневосточного края.

Тов. Богатырёву и тов. Завалей отводов из состава проверкома не последовало. На этом закончилось первое собрание, показавшее, что деловая критика и деловой подход к обсуждению подвёрнутых чистке в нашей организации обеспечено».

На четверг, 25 июля, в помещении окрбюро ВКП(б) намечена «чистка» членов и кандидатов ячейки ВКП(б) окрисполкома Слободчикова, Моисеенко, Штрадмана, Алексеева, Моисеевой, Ли-го-чен, Машихиной и окружного земельного управления Козлова, Голованова, А. и С. Решетниковых, Г. Тюменцева. «Товарищам и гражданам, имеющих компрометирующие материалы на перечисленных товарищам, просьба передать одному из членов проверкома: Ларину, Васильеву, Королёву-Сатане или Фёдорову».

11 июля об утрате недавно полученных продуктовых карточек объявили Илларион Никитич Моисеевич (карточка № 356), Пётр Васильевич Григорьев (№ 508) и Г. А. Баженов (№ 807).

Начался капитальный ремонт городской больницы. В связи с этим прекратил приём стационар. Роженицы могли в любое время вызвать на дом дежурную акушерку. Больница уже давно требовала перестройки. Она стояла в центре главной городской улицы и рельефно выделялась своим весьма угрюмым видом. Постоянные гости вокруг её серого здания — собаки, свиньи, иногда

коровы. Вместо цветочных клумб, возле которых могли отдыхать больные, валялся мусор. На кухне стояла большая, почерневшая от старости бочка с водой, её брали не из крана, как было положено, а черпали ковшом. Больница нуждалась раздевалке и дезинфекционной комнате. Палаты вместе с лечившимися населяли тараканы. Многие склонялись к тому, что больницу надо не ремонтировать, а строить заново.

Экскурсионное бюро окрпрофбюро и краеведческое общество объявляли, что 20—21 июля организуют восхождение членов профсоюза на Авачинский и Козельский вулканы. Экскурсанты пойдут пешком, а снаряжение и продовольствие повезут выючные лошади. Стоимость участия — девять рублей. Во время экскурсии краеведческое общество намеревалось произвести киносъёмку. Руководителем назначен М. Кренберг, проводником — местный уроженец И. Дьячков.

Горсовет разъяснил, что согласно правительственному постановлению от 1 февраля 1926 г., устройство, ремонт, содержание тротуаров как против владений государственных и общественных учреждений, так и частных лиц лежит на обязанности соответствующих владельцев и проводится силами и средствами последних или органами коммунального хозяйства за счёт владельцев.

12 июля в зале народного суда слушалось уголовное дело техника Петропавловского порта, обвинявшегося в несоблюдении законов по охране труда. Это привело к нескольким несчастным случаям с рабочими, в том числе и к известному нам обрушению грунта на китайца-землекопа. Между прочим, дело было открыто на основании упомянутой выше рабкоровской газетной заметки. Вот такова оказалась сила печатного слова!

Ещё одно дело: конюха комхоза Зайцева. «Дело небольшое, но весьма показательное. Оно является яркой иллюстрацией той беспросветной темноты и дикой разнузданности, которые ещё цепко держатся по тёмным углам нашего быта и тормозят строительство советской общественности. Однажды, ещё по зимнему пути, поехал Зайцев с десятником Алексеевым на лесозаготовки. Зайцев был пьян. По приезде, когда Алексеев был в бараке и вышел обратно, он увидел, как Зайцев колотит палкой завязшую в снегу лошадь, и хотел воспрепятствовать этому. В ответ на это Зайцев бросился на него с топором. На счастье, подоспели рабочие и обезоружили Зайцева, иначе бы Алексеева постигла та же судьба, что и лошадь, которой, как оказалось при осмотре, Зайцев нанёс несколько глубоких ран, потребовавших двухмесячного лечения. Несколько

позднее Зайцев учинил буйство в магазине АКО: выбил стёкла в витринах, пытался избить служащих». Зайцев и раньше привлекался к ответственности за пьянство и хулиганство. Суд удовлетворил гражданские иски к нему местхоза и АКО на сумму 458 руб. 10 коп. и приговорил к лишению свободы на полтора года. В порядке «дополнительной меры социальной защиты» предложено исключить его из профсоюза.

А вот на скамье подсудимых два молодых парня, «успевших уже зачернить своё имя позором убийства и насилия». Одному восемнадцать лет, другому двадцать три года. Они явились на квартиру, «где происходила выпивка, дождались, когда ушли гости, силой вытащили гражданку Б. в сени и изнасиловали её. В тот же день при появлении сына пострадавшей, опасаясь мести, выстрелили в него из винчестера. От смертельной раны тот умер». Оба приговорены к лишению свободы на десятилетний срок с последующим пятилетним поражением в правах.

18 июля пришли известия о захвате китайцами и русскими белогвардейцами КВЖД и о разрыве дипломатических отношений между СССР и Китаем.

Горожане, имевшие крупный рогатый скот, не могли нанять пастуха. Безнадзорные коровы и телята скитались по окраинным и главным улицам города. «Никак гражданам не приходит здоровая мысль, что бродяжничество скота наносит вред благоустройству нашему, и без того не так чистоплотному, городу».

23 июля в клубе ССТС состоялся вечер, посвящённый экспедиции на остров Врангеля, экипажу ледореза «Литке» и четырнадцати будущим новым жителям острова. От лица городской общины экспедицию поприветствовал И. Е. Ларин. Начальник острова Минеев доложил о политическом и географическом значении острова. Участник экспедиции Берёзкин поделился воспоминаниями о походе ледокола «Красин», спасшего часть полярной экспедиции итальянского генерала Умберто Нобиле. Начальник экспедиции капитан дальнего плавания К. А. Дублицкий рассказал об истории острова. После торжественной части прошёл «живой журнал». Вечером 25 июля ледорез двинулся из Ковша в сложнейшее полярное плавание.

25 июля на пригородном опытном поле бродячие собаки задавили несколько овец. Горсовет объявил, что собаки, попавшиеся в районе поля без намордников, будут пристреливаться, а их хозяева — привлекаться к ответственности. Ещё в начале июня горсовет распорядился убрать в район поля всех ездовых собак,

ранее содержащихся у подножья Никольской сопки и на берегу Култучного озера.

Камчатскому округу предоставлены четыре места во Владивостокском рабфаке. Туда принимали лиц рабоче-крестьянского происхождения, непосредственно перед поступлением бывших наёмными рабочими или работавшими в своём хозяйстве без эксплуатации чужого труда, в возрасте от семнадцати до тридцати лет. Принимали только по путёвкам окрбюро ВКП(б) (для партийцев), ВЛКСМ (для комсомольцев), окрпрофбюро (для членов профсоюза) или окрисполкома (для крестьян). Командируемые должны были твёрдо знать четыре арифметических действия, уметь бегло читать, удовлетворительно выражать свои мысли в письменной и устной форме и иметь общеполитическую подготовку. Окружной отдел народного образования призывал отнестись к отбору кандидатов «возможно серьёзнее». В прошлые годы подавляющее большинство командированных, проучившись год, бросали учёные. «Таких кандидатов, которые заслоняют только дорогу активным представителям рабочей и крестьянской молодёжи, допускать в рабфак не нужно».

«Чуть было не засыпало дробью гражданку Васину с ребёнком». Это происшествие — результат беспорядочной стрельбы из ружей. Несмотря на то, что КОИК ещё 17 марта опубликовал обязательное постановление № 2 о воспрещении стрельбы в пределах города, до сих пор падали вполне безнаказанно, кто и где хотел. «Пули и дробь летят во все стороны».

27 июля прошёл вечер РОКК в клубе ССТС. Публике показана современная шутка в трёх действиях «Квадратура круга». В антракте играл оркестр, работал буфет. Весь чистый сбор передан в фонд оказания помощи пострадавшим от недавнего сильного наводнения в Приморье.

29 июля окружной совет Осоавиахима созвал городское собрание начальствующего состава РККА запаса с участием действующих командиров погранотряда. Повестка дня: оборона стороны и роль запасного начсостава. Решено, что он должен принять активное участие в проходящей «Неделе обороны страны», в разъяснении её задач населению, вовлечении его в работу Осоавиахима. «Считая, что успешное выполнение пятилетнего плана является основой в укреплении боевой мощи Советского Союза, начсостав запаса решил принять стопроцентное участие в реализации третьего займа индустриализации и распространение его среди населения».

В четыре часа дня началось окучивание и прополка делегатского огорода. Приглашались все женщины. Сбор намечен у красного уголка конторы АКО.

Горместхоз сдавал на подряд вывозку дров из леса в районе 17-й версты к месту погрузки на плавсредства. Лиц, желавших заняться этим, приглашали обратиться за справками в канцелярию.

В начале июля в городе отмечено несколько единичных случаев кори, а с середины месяца заболевание начало быстро распространяться, приняв характер эпидемии. Саннадзор зарегистрировал тридцать два случая, преимущественно среди детей от двух до десяти лет. Всем гражданам, дети которых заболели корью, следовало немедленно обратиться к врачу. Ребятишкам, «имевшим соприкосновение с корьевыми больными», не разрешалось посещать детский сад, площадку и ясли.

1 августа — Международный Красный день. Ровно в 09.30 по сигналу — выстрелу из пушки сторожевика «Красный вымпел» — все коллективы трудящихся двинулись к зданию окрпрофбюро, где к 10.00 собрались в колонны по три человека в ряд. В 10.30 в порядке: первая — пограничники, второй — комсомольский отряд, затем — строители, местран, землекопы, связники, коммунальщики, полиграфы и медики, нарпит, школьники и рабпрос, возчики, совторгслужащие — колонны двинулись на площадь к зданию милиции. Ответственный за построение — председатель горсовета Н. П. Фролов. В 11.00 на площади открылся митинг. Вот его резолюция:

«Шлём горячий братский привет всем, кто под боевыми знамёнами Коминтерна ведёт наступление на основы капиталистического строя! Горячий привет всем узникам капиталистических и фашистских тюрем, которые переполнены лучшими представителями рабочего класса! Последние два десятка лет история мирового революционного движения подтвердила, что единственной организацией, могущей возглавить классовую борьбу и привести к победе трудящихся во всём мире, это коммунистические партии, объединённые в единую монолитную мировую партию большевиков — Коминтерн. Трудящиеся массы под руководством Коминтерна за каждую свою жертву предъявят в ближайший исторический срок революционный счёт всему капиталистическому миру и прислужникам капитала — социал-фашизму и второму интернационалу. Сегодняшний день должен быть боевым днём для объединения рабочих масс на смертельную борьбу с капиталистическим строем. На подготовку империалистической войны и вой-

ны против СССР, трудящиеся всего мира ответят дружным сплочением под боевым знаменем Коминтерна и сделают всё, чтобы отклонить меч от Советской страны. Да здравствует международная солидарность трудящихся! Да здравствует величайший оплот мировой революции — СССР! Пролетарии всех стран, угнетённые народы мира, объединяйтесь!»

Красный день продолжился постановкой в клубе ССТС, а завершился после наступления сумерек факельным шествием комсомольцев.

1 августа горячо откликнулись на призыв помочь пострадавшим от наводнения в Приморье восточные рабочие города: «неорганизованное» население, артель землекопов, строительные рабочие Совторгфлота. Они внесли более четырёхсот рублей. Теперь на очереди у «восточников» был сбор пожертвований в фонд обороны страны и реализация третьего займа индустриализации.

Но не все «восточники» были такими сознательными. Вот, к примеру, рабочий комхоза, член профсоюза китаец Лин (на русский манер — Ильин) «переродился» прямо на глазах. Некогда он партизанил в Приморье, а после переезда на Камчатку служил в погранотряде. Но «как только приобрёл двух лошадей и принял за постройку собственного домишки, открыто высказывается против советской власти и среди неорганизованных восточников ведёт вредную агитацию. Очень уж ему плохо живётся, говорит он (зарабатывает больше двухсот рублей)». Общее собрание восточников выделило трёх товарищей, для того, чтобы они «обследовали и повлияли» на Лина. Тот не пожелал с ними беседовать и ответил оскорбительным ругательством. «Противникам советской власти не место в профессиональном союзе, и союз должен немедленно принять соответствующие меры».

Между прочим, этот самый Лин-Ильин был в своем роде незаменимым человеком: он в единственном числе представлял весь ассенизационный обоз комхоза. «Посмотрите, что делается с выгребными ямами. Комхоз ссылается на Ильина, а Ильин держит ответ один: “Моя... кончай договор и больше не работай”. А что сделал Ильин, получая по двести рублей в месяц? По Никольской улице, дом № 6, выгребная яма не чистилась с 1928 г. Что только там творится! Саннадзор, обрати внимание!»

Начался сбор средств в фонд обороны страны. Медики отчислили четыре процента месячного оклада, внося 255 руб. 68 коп. Некто Муравьёв дал пять рублей и вызвал Чернова и Шлапкина. Зыкин внёс двадцать рублей, Дубровский — пять и вызвал на эту

же сумму рабселькоров «Полярной звезды». Онучина сдала червонец и на эту же сумму вызвала жён ответработников Краузе, Юхно, Богатырёва, Зыкина, Васильева, Ларина, Слободчикова и других.

2 августа задолженность оплаты за комхозовские квартиры составил 2 983 руб. 32 коп. Некто Панов не заплатил причитававшиеся с него 201 руб. 19 коп. «Он вообще любит всюду и везде одалживаться, но платить не любит». Уткин задолжал 271 руб. 8 коп. Не отличались дисциплиной и сами комхозники: Шляпкин задолжал 131 руб. 71 коп., Штрадман — 207 руб. 48 коп. Обращалось внимание также способ взимания квартплаты — «систему, которую можно встретить только в дебрях Камчатки. Смотритель зданий, по специальности техник-строитель, на обязанности которого лежало составление смет, строительных планов, ремонт и прочее, выполнял функции сборщика квартплаты... метался из квартиры в квартиру, упрашивая уплатить денежки, а встречали его по-разному: где захлопывали дверь перед носом, где выпроваживали с шуточками-прибауточками, а где просто отказывались платить».

4 августа шла партчистка у пограничников. Первым «чистился» «товарищ К.» Сослуживцы его знали хорошо: «вся его личная и общественная жизнь проходит у всех на глазах. Ничего некоммунистического никто за ним не замечал, наоборот, в выступлениях подчёркивается выдержанность, авторитетность и коммунистическое отношение как к товарищам, так и к работе».

Так же гладко прошла «чистка» и других коммунистов. «Чистка трёх товарищей показала, что коммунисты не замазывают недостатки своих товарищей по ячейке и беспартийные не боятся высказываться... Один из них, кандидат партии, по социальному положению служащий, был несколько месяцев у Колчака, в Красной Армии с 1918 г. У этого товарища, несмотря на большую проводимую им общественную работу, отмечался иногда формализм и казённое отношение к поручаемым партобязанностям и общественной работе, неэтичное отношение к женщине. Проверком и присутствующие засыпали его вопросами. В выступлениях все его недостатки бичуются со всей полнотой. Он пытается объяснить своё формальное отношение перегруженностью общественной работой, службу у Колчака и несвоевременный переход на сторону красных объясняет недостаточной ориентировкой в происходивших тогда событиях, а в вопросе некоммунистического отношения к женщине сознаётся и признаёт свою легкомысленность... Время близится к двенадцати, усталости не чувствуется, уходить не хочется. Основное ядро пограничников-

коммунистов с хорошими и отрицательными сторонами продемонстрировано в присутствии всех беспартийных. Большинство биографий — это картины гражданской войны, многие в партию вступили в боевой остановке — на фронте. Бесперывно находятся в армии, органах и войсках ВЧК-ОГПУ, выросли и воспитались в её рядах, политически развиты.

Чистка, как никогда, сблизила молодых пограничников со своими старшими товарищами, спаяла коммунистов с беспартийными, а в целом ещё лучше цементировала ячейку. Тов. Фёдоров, закрывая собрание, сказал, что ячейка здорова, но в дальнейшей работе следует обратить внимание на ещё большую воинскую дисциплинированность коммунистов и на изжитие бытовых недостатков, выявленных во время чистки у некоторых коммунистов».

8 августа «чистили» АКО. Здесь дело шло не так гладко, как у пограничников: «...Тов. Осипскому, кандидату ВКП(б), вопросы сыплют со всех концов скамеек и изо всех углов. “Газету «Правду» выписываешь?” “Нет”. “А как политически развит?” “Слабовато”. “Что у тебя за история с постройкой дома?” “Дом строила жена, а не я”. Ответы Осипского иногда вызывают смех. По выступлениям ряда товарищей устанавливается, что Осипский для партии человек ненужный, политически неразвит, над собой не работает, пассивен, часто пьянствует, на чистку у него предвзятые, неверные, некоммунистические взгляды. Во время разбора его дела о постройке дома с целью эксплуатации, нагло лгал. Таким в партии не место!

Каширников, член ВКП(б), рабочий, не так давно уволился из армии, в АКОВской ячейке состоит недавно. На вопросы отвечает твёрдо, но в некоторых политических вопросах плавает, старается оправдаться тем, что на новой работе недавно и благодаря перегруженности над своим развитием работает мало. Из газет читает только “Полярную звезду”, последние решения партии знает нетвёрдо. Выступающие товарищи подчёркивают его положительные стороны, одновременно отмечают и отрицательные.

Тов. Колоколов, член ВКП(б), рабочий, в партии недавно. Со всеми подробностями рассказывает свою боевую биографию, был шесть раз ранен, шесть раз был в плену. Его биография вызывает ряд недоумённых вопросов. “Как удавалось шесть раз уходить из плена?” “В каких частях был?” “Где и когда ранен?” “Почему выбыл из партии?” “Почему приходил в Окрбюро сдавать кандидатскую карточку?” “Почему у тебя существует теория «Верхи и низы»?” “Как насчёт выпивки?” “Почему жена не участвует в общественной

работе?» Не то от вопросов, не то от духоты с тов. Колоколова градом катится пот. В выступлениях подмечаются его недостатки — выпивки, лень, политическая неразвитость, хвастовство, грубость, неустойчивость, но одновременно подчёркивается, что тов. Колоколов исправляется и исправится, для партии он пользу принесёт...»

15 августа подведены промежуточные итоги чистки камчатской окружной парторганизации. Её прошли двадцать ячеек, из них семь, действовавших в советских органах, и две военных. Всего проверены двести двенадцать членов и кандидатов партии, в том числе семьдесят восемь в советских организациях и тридцать шесть военнослужащих. Исключено из партии восемнадцать теперь уже бывших её членов и один кандидат, а одна кандидатка выбыла добровольно. Различные партвызыскания получили тридцать три человека, в том числе четверо — строгий выговор.

Военморы сторожевого корабля «Воровский» дали объявление в газету: «Приблудилась малая чушка. Через три дня с момента объявления при отсутствии претензий её хозяина, корабль будет считать её своей».

25 августа на пароходе «Эривань» в адрес городского кооператива прибыло двадцать пять голов крупного рогатого скота. Вместе с ним в порту отправления на палубу погрузили и скот для экипажа. «Скот кооператива упитан, а Совторгфлота — худой и мелкий». При выгрузке животных команда подменила четыре своих «худых и мелких» скотинушки упитанными кооперативными, кстати, специально помеченными краской. «Плюс к этому неизвестно куда делись в промежутке десяти минут кооперативных два ведра и лопата». Кроме этого, пароходный артельщик сгрузил кооперативу вместо бочки малосольных огурцов бочку гнилой капусты. Его проделку быстро обнаружили, негодную капусту вернули Совторгфлоту в обмен на оставшиеся, ещё не съеденные, огурцы.

Жители возмущались неправильным использованием колодца, расположенного на молу портовой Кошки, откуда брали воду все жители Красного городка (район нынешней улицы Красноармейской). Недобросовестные граждане черпали из него воду всем, чем попало. Некоторые умудрялись из тех же вёдер поить лошадей и коров, нарушая постановление горсовета по охране водисточников от заразы.

29 августа принято обязательное постановление КОИК № 11 «О торговле спиртными напитками и спиртосодержащими веще-

ствами». Продавать их могли только государственные торговые предприятия, кооперативные организации, а также частные объединения и лица, имевшие специальное на то разрешение. Запрещалась продажа алкоголя несовершеннолетним, а также лицам, уже пребывавшим «под хмельком». Во время стоянки в Ковше пароходов торговля спиртным запрещалась полностью.

Начальник городской милиции Э. Куксенко доложил президиуму горсовета о проделанной работе. Он «ярко отметил», что в борьбе с хулиганством не принимают ни малейшего участия профсоюзы. По его словам, они «не могут не знать, что среди подростков хулиганство очень заразительно. Оно внедряется незаметным образом, начиная с невинных шуток, в дальнейшем прогрессируя, переходит в преступления».

1 сентября начал извергаться вулкан Асача, что расположен в ста десяти километрах от города, выбрасывая на большую высоту клубы чёрного газа и пара.

2 сентября правительство СССР постановило: для содействия развитию народного хозяйства и рационального использования естественных богатств Сахалина, Камчатки, Охотского и Ольского районов Николаевского округа, островов на Охотском и Беринговом морях, острова Врангеля учредить при Совете Труда и Обороне (СТО) Комитет по делам Камчатки и Сахалина. Председателем комитета назначен А. И. Микоян, в его состав вошли представители Совторгфлота, Наркомфина, Наркомпути, Наркомвоенмора, ВСНХ, Всесоюзного переселенческого комитета и Далькрайисполкома. Комитету поручен сбор и изучение материалов по естественным богатствам указанных районов, выявление нужд, разработка и проведение мероприятий по развитию сельскохозяйственного, промыслового и промышленного строительства, организация научно-промысловых показательных учреждений, зооферм, заводов, станций. Ему предоставлены права непосредственного обращения к правительству, прямого сношения со всеми центральными учреждениями и совещательный голос на заседаниях высших правительственных учреждений. Этим была открыта новая страница в освоении нашего полуострова.

6 сентября Петропавловск встречал «дорогих гостей» — Центральную правительственную комиссию СССР и РСФСР. В её состав входили три человека: председатель, член Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) СССР, Президиума ВЦИК РСФСР и Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) Александр Васильевич Шотман, член Реввоенсовета РСФСР командарм 2-го ранга

Иван Фёдорович Федыко и представитель Дальневосточного крайисполкома Карл Янович Лукс. С комиссией прибыл и заведующий краевым отделом здравоохранения Ячин.

В недавно принятом первом пятилетнем плане развития страны большое место уделялось «подтягиванию» отсталых в экономическом отношении районов, одним из которых являлся Камчатский округ. Для этого следовало рассмотреть ситуацию на месте и наметить ускоренные темпы развития, в первую очередь промышленной, сельскохозяйственной колонизации и продовольственного снабжения. Комиссия намеревалась изучить местную добычу леса, угля, нефти, золота, пушнины, рыбы. Цель её работы: укрепление государственных позиций на полуострове, обследование хода культурно-социального строительства, как в части укрепления и увеличения просветительных учреждений, так и в части обеспечения их квалифицированными кадрами. За время пребывания в городе А. В. Шотман и И. Ф. Федыко намеревались посетить школу-девятилетку, больницу, музей, радиостанцию и другие учреждения. Для туземных школ комиссия привезла подарки: наглядные пособия, три набора радиоприёмников, наборы игрушек, пионерские знамёна, бубны, рожки, крокет, для больниц и фельдшерских пунктов — пять ящиков медикаментов, а для премирования лучших охотников из числа коренных жителей — десять ружей.

Из Петропавловска комиссия намеревалась отправиться в Усть-Камчатск, где ознакомиться с работой и положением рыбоконсервных заводов, затем по реке Камчатке подняться вверх по течению до Ключей. Комиссия обещала рассмотреть дела заключённых и осуждённых. Части «советски-преданных и социально неопасных» обещана амнистия.

Кроме того, комиссия собиралась сделать «несколько подарков» партизанам из числа камчатских аборигенов, а также поддержать ходатайство КОИК о награждении руководителей партизанского движения и отличившихся партизан орденами Боевого Красного Знамени. «Наряду с этим комиссией будет оказана некоторая единовременная помощь бедняцким коллективам Камчатки, советски-преданным и много лет работающим учителям, медицинским и сельским работникам». После обобщения собранных сведений комиссия должна была наметить ряд конкретных мероприятий в области культурно-социальной и промышленной жизни Камчатки и представить их на рассмотрение ВЦИК РСФСР и СССР.

Вместе с комиссией прибыла съёмочная группа в составе кинооператора Совкино Леонтьева и режиссера Вульфова.

В этот же день комиссия посетила школу-девятилетку, поинтересовалась её материальным положением, побеседовала с преподавателями и администрацией о методических вопросах, степени усвояемости учебного материала, национальном и социальном составе учащихся. Гости осмотрели здание, кабинеты, материальную базу, учебно-производственные мастерские. (Следует отметить, что «члены рабоче-крестьянского правительства» вполне профессионально могли оценить многое из показанного. А. В. Шотман в молодости был петербургским рабочим-металлистом и токарем, а И. Ф. Фёдко — столяром.) Затем посетили музей. Здесь главное внимание уделили полезным ископаемым округа, в частности Усть-Камчатского района и Командорских островов. О своеобразии природы полуострова им позволили судить образцы лавы Ключевского вулкана, вулканические бомбы, образцы пепла, выставленные в витринах. Покидая музей, И. Ф. Фёдко записал в книге отзыв: «Музей проводит весьма выгодное впечатление в отношении оборудования экспонатами, рисующими быт туземного населения, богатства камчатских недр. Развитие в дальнейшем отделов музея послужит богатым материалом для изучения камчатского края. Член Комиссии ВЦИК Фёдко». Он выразил желание выделить тысячу рублей на дальнейшее оборудование музея.

В половине четвертого на Советской площади (против школы) прошёл митинг, в котором участвовали Шотман и Фёдко, а вечером в клубе ССТС состоялось общегородское торжественное заседание. Выступили все члены правительственной комиссии. Просто, ясно и чётко они изложили собравшимся два основных важнейших вопроса, которыми правительство СССР намеревалось заниматься в течение ближайших пяти лет: индустриализация и коллективизация. «Население чувствовало, что оно участвует в событиях исключительного значения».

«Впервые Камчатка видит членов Правительства СССР! Впервые на землю Камчатки ступили представители центральной рабоче-крестьянской власти... Товарищ Фёдко — один из четырёх увенчанных славой героев, кавалер четырёх орденов Красного Знамени, один из стойких бойцов, один из организаторов Красной Армии, один из талантливейших её командующих... Из уст в уста передают рассказы о красных воинах и об их начальнике Фёдко. Слушаешь эти рассказы, и, кажется, что народная молва творит чудную, красивую легенду о красных героях и об их безумных

подвигах!» (Один из орденов И. Ф. Федыко получил за действия в 1921 г. на так называемом «Тамбовском фронте» во время беспощадного подавления крестьянского восстания под руководством братьев Антоновых. Там же «отличился» ещё один герой эпохи — М. Н. Тухачевский. Федыко называли «красным маршалом» задолго до введения в 1935 г. официального высшего воинского звания «Маршал Советского Союза». Но до его получения он не дожил. В 1938 г., будучи командармом 1-го ранга, назначен заместителем наркома обороны СССР, а уже в конце февраля 1939-го расстрелян как «враг народа».)

Собрание приняло следующую резолюцию: «Трудящиеся Петропавловска и Камчатки полностью одобряют политику Советского Правительства, которая направлена к сохранению мира, так необходимого для социалистического строительства... Общепетропавловское собрание с удовлетворением отмечает правильность политики Советского Правительства в области хозяйственного строительства. Собрание с удовлетворением констатирует приезд Правительственной комиссии на Камчатку как важнейший акт сугубого внимания к Камчатскому округу со стороны центрального правительства. Собрание поручает соответствующим органам власти и общественным организациям поставить всю сумму вопросов перед Правительственной комиссией в разрезе камчатской пятилетки развития народного хозяйства. Собрание поручает Правительственной комиссии передать от трудящихся Камчатки центральному правительству горячий привет!»

13 сентября, в пятницу, в семь вечера в здании КОИК на собрании членов краеведческого общества П. Т. Новограбленов рассказал о своей поездке на север полуострова, показал фотоснимки и собранные коллекции. Поездка, точнее экспедиция, длилась три месяца. Основная работа по сбору коллекций для музея шла в центральной части Срединного хребта. Кроме ботанического материала составлены разнообразные коллекции по каменному веку, геологии, вулканологии, палеонтологии (отпечатки листьев, окаменелости) и этнографии. На обратном пути естествоиспытатель прочитал рабочим усть-камчатского рыбоконсервного завода АКО № 1 лекцию «Среди вулканов и кочевников Камчатки».

15 сентября продолжена борьба за чистоту городских водоемов. Некий «Слушатель» опубликовал в «Полярной звезде» заметку «Обывательская сознательность»: «Все известно, что Петропавловск обилен даровой водой, масса ключей и ключиков, а чистой воды никто не пьёт. Горкомхоз в этом году заключил

два ключа в дощатую трубу и на каждой улице сделал хорошие водоразборные будки, чтобы дать населению чистую воду. Эти будки стали некоторым обывателям заменой помойных ям. Некто гражданка Рыжкова Нина, проживающая на Таможенной улице в доме Коршунова, как только собирается мыть пол в комнате, так идёт к водоразборной будке, а граждане, живущие на Ленинской улице, должны брать эту воду для пищи и питья».

За последнее время заметно улучшилась работа секции «восточников». Среди них вовсю шла кампания по сбору средств на постройку самолёта «Ультиматум Нанкину» (в ответ на действия китайских властей на КВЖД. Нанкин — столица Китая после захвата власти Чан Кай-ши). Сбор уже принёс 216 руб. 83 коп. «Завербовано» на издающуюся крайкомом ВКП(б) единственную в РСФСР китайскую газету «Рабочий путь» пять подписчиков, на корейскую — десять. Внесено в фонд помощи пострадавшим от наводнения в Приморье четыреста рублей. Поставлен вопрос о борьбе с курением опиума и азартными играми, началась подписка на третий заём индустриализации. «Основное препятствие и тормоз в работе» — отсутствие соответствующего помещения. Имелся в городе так называемый «Уголок восточников», но он не отвечал потребностям, да к тому же в одной из комнат «уголка» самовольно разместился завстоловой, совсем не собиравшийся покидать насиженное место.

В городе началась чистка советского аппарата. Её проводили четыре комиссии в составе представителей «зачищаемых» учреждений, месткомов и ОГПУ. В ходе обследования судебных работников выяснились интересные подробности их служебной и личной жизни. Вообще-то у них она «должна быть, по возможности, безукоризненна, так как им, выясняющим и судящим, обвиняемые могут сказать: “Будьте прежде сами без греха, а потом судите нас”». А сказать этого, например, в отношении следователя З. было нельзя. Ухаживая за чужой женой, при ссоре с законным супругом (коллегой, секретарём прокурора) ранил его в ногу. «Началось, было, следствие и... оказалось, что рука руку моет. Кто из петропавловцев не помнит горделиво-петушиную фигуру самовлюблённого бывшего прокурора К., который, пародируя французского короля-Солнце Людовика XIV, заявлял: “Закон — это я!” И, потворствуя своему собутыльнику и сокартёжнику, наложил резолюцию: “Дело прекратить”. Вопреки советским законам дело о покушении З. на убийство было прекращено, но в тоже время со всей строгостью (правильно!) их применили к китайцу Л., из-за

денежных расчётов ранившего своего товарища, который подал в суд заявление об отсутствии претензий в Л. и просившего о прекращении дела».

Итак, оказалась извращена сущность советского закона, «с большей строгостью карающего сознательного, чем тёмного, неграмотного гражданина». Говоря же проще, сработало неписанное, и, похоже, вечное, правило: одному можно, другому — нельзя.

17 сентября находившаяся на пароходе «Приморье» Правительственная комиссия подписала постановление № 1 о частичной амнистии по преступлениям и нарушениям революционной законности. Рассмотрены тридцать шесть ходатайств о помиловании, «граждане туземной национальности», получившие сроки менее трёх лет, освобождены, большие сроки сокращены наполовину, уголовные дела, начатые до 19 сентября 1929 г., наказание по которым должно составить срок менее пяти лет — прекращены. Административные наказания, наложенные на «граждан туземной национальности», отменены.

25 сентября Горместхоз провёл закрытые торги по поводу сдачи в аренду городской бани. Срок аренды один год, стоимость — пять тысяч рублей.

26 сентября из полярного плавания к острову Врангеля в Ковш вернулся ледорез «Литке». Прибывший на нём бывший начальник острова Ушаков выступил с публичной лекцией про жизнь колонии с 1926 по 1929 г. О ходе сложного плавания рассказал начальник экспедиции капитан дальнего плавания К. А. Дублицкий.

27 сентября постановлением КОИК за счёт средств Правительственной комиссии за долголетнюю общественно-полезную работу премированы учитель городской школы-девятилетки П. Т. Новограбленов (350 руб.) и руководитель учебно-производственной мастерской В. М. Адамов (175 руб.).

29 сентября музей объявил новый режим работы. Он был открыт для посетителей в среду с трёх до шести часов дня и в воскресенье с десяти утра до часу дня. Билет стоил двадцать копеек. «На выставке в музее сейчас интересные игрушки ламутских детей, окаменелости, раковины и отпечатки листьев с реки Тигиль, любопытные орудия каменного века и другие экспонаты, поступившие в музей и краеведческое общество за лето. Экскурсии в музей организуют по соглашению с работником музея».

Краеведческое общество заслушало сообщения члена Правительственной комиссии К. Я. Лукса «Организация иностранного туризма на Камчатке», «Издание Дальневосточной энциклопедии

и участие в составлении её краеведческого общества». Комиссия выделила для развития общества две тысячи рублей и ещё пятьсот дополнительно дала на развитие краеведческой работы в округе.

Артель шаланды Им-Ден-Чупи выражала «большую благодарность мотористу и рулевому катера местхоза за энергичную помощь в спасении людей, шаланды и сена 26 сентября в шесть с половиной часов утра».

1 октября в типографии «Полярной звезды» вышло из печати календарное расписание партийной, профессиональной и прочей работы на октябрь-декабрь. Купить его можно было за рубль.

3 октября профессор П. Ю. Шмидт на соединённом заседании правления краеведческого общества и членов КОИК сделал сообщение о предстоящей работе на Камчатке экспедиции Академии наук СССР. При академии под председательство профессора В. Л. Комарова организован Тихоокеанский комитет, одна из его задач — исследование Камчатки. Совнарком предложил комитету составить план всестороннего изучения полуострова, для чего была организована специальная комиссия под председательством академика Ф. Ю. Левинсона-Лессинга. Экспедиция, ввиду грандиозности её задач, рассчитывалась на пятилетний срок. Она должна была продолжить систематическое изучение полуострова, начало которого было положено в 1908 г. экспедицией, организованной на средства Ф. П. Рябушинского. Два десятка лет тому назад П. Ю. Шмидт пребывал на Камчатке в составе зоологического отдела экспедиции Рябушинского, составив большой том «Работы зоологического отдела на Камчатке в 1908—1909 гг.».

Краеведы поздравили телеграммой Академию наук и Тихоокеанский комитет с «великим делом — началом исследования Камчатки», обещали всяческое содействие и просили распространить работу экспедиции на Пенжинский и Чукотско-Анадырский районы. Вскоре пришёл ответ за подписью «непременного секретаря Ольденбурга и председателя ТОК Комарова»: «Академия наук СССР благодарит Камчатский окрисполком, краеведов и представителей общественности за приветствие в связи с планами Камчатской экспедиции. Академия наук придаёт важное значение исследованиям Камчатки и стремится всесторонне поставить эти работы, рассчитывая на помощь и содействие окрисполкома и местных общественных сил».

6 октября в 04.05 в городе ощущалось землетрясение силой до семи баллов. Главные толчки длились около десяти секунд. Часы, висевшие на северных стенах, остановились, лампы качались

с востока на запад. Население проснулось, некоторые выбежали из домов. В 06.30 землетрясение повторилось в виде «мелких, лёгких дрожаний». На следующий день, 7 октября, около десяти часов вечера последовал один резкий толчок.

10 октября на три дня из-за ремонта водопровода остановлена городская электростанция.

Ввиду начал строительных работ на Кошке контора порта предлагала всем владельцам убрать своё имущество к 25 октября. Иначе оно «будет считаться как бесхозяйственное со всеми вытекающими отсюда последствиями».

19 октября на пристани в Ковше елизовских женделегаток встречали их городские коллеги. Вот бесхитростный рассказ одной из сельских жительниц: «Дружной товарищеской семьёй пошли на приготовленную нам квартиру, где нас ждало угощение. После гостеприимного ужина мы пошли на кино-картину “Поэт и царь”. На следующий день пошли осматривать краеведческий музей, типографию, а затем пошли на собрание в партклуб, происходила чистка партийных. Вечером того же дня мы пошли на спектакль, который был подготовлен для нас. После этого пришли на квартиру, где провели вечер смычки. На вечере присутствовали члены Правительственной комиссии и секретарь партийного бюро. Вечер прошёл очень весело. Тов. Шотман поделился с нами своими воспоминаниями, как он сопровождал тов. Ленина в Финляндию после июльских дней 1917 г. Побыв в городе, среди городских делегаток, мы испытываем неловкость за свою отсталость. У нас ещё не только женщины селения, но даже некоторые из нашей делегатской семьи ходят в церковь. Но мы, делегатки, решили не отставать от города в культурной жизни. Общение с городскими делегатками влило в нас новые творческие силы».

Воодушевлённые поездкой, елизовчанки решили вызвать на соревнование паратунских подруг. Его условия: наивысшее участие в текущем займе индустриализации, ликвидация неграмотности и наилучшая посещаемость женделегатских собраний. Срок подведения итогов соревнования, естественно, «женский день» — 8 марта 1930 г.

31 октября опубликовано объявление: «Требуется каюр с нартой и двенадцатью ездовыми собаками с запасом ююлы на десять месяцев для отправки с ледорезом “Литке” на Север для оказания помощи пароходу “Ставрополь”. Оплата по соглашению. Желающим наняться нужно обратиться в секретариат Окрисполкома не позднее 7 ноября». Суть дела: пароход «Ставрополь»

оказался затёрт тяжёлыми льдами в десяти километрах от мыса Северного, был обречён на вторую зимовку в труднейших условиях и с риском для жизни экипажа и пассажиров — членов Колымской экспедиции и других. Капитан заболел. Идти на помощь «Ставрополю» готовились ледорез «Литке» и авиация.

1 ноября в Петропавловской таможне введена непрерывная рабочая неделя. Для сотрудников установлен семичасовой рабочий день, включая получасовой перерыв на обед. Теперь через каждые четыре дня работы сотруднику полагался один день отдыха. «Переход на непрерывную работу учреждения совершен без увеличения штата и единодушно одобрен сотрудниками аппарата. Теперь работа таможни происходит непрерывно, а воскресенье, являющееся религиозным наследием, сдано в архив». Надо сказать, что начавшийся разновременный переход на «непрерывку» довольно быстро вызвал большую путаницу в работе различных учреждений и оказался весьма неудобен для граждан, особенно приехавших из районов округа.

3 ноября объявлено о географическом открытии. С. И. Бейнарович, отправившийся на охоту в район Жупаново и Семячика, обнаружил с восточной стороны Карымской сопки озеро. Оно не значилось ни на одной карте. Озеро, почти круглое, со скалистыми берегами, диаметром примерно в двенадцать вёрст, вероятно, имело вулканическое происхождения. Более или менее подробно обследовать его и сфотографировать не удалось из-за начавшегося снегопада и сильного тумана.

Опубликовано постановление коллегии Дальневосточной краевой РКИ от 15 августа о снижении расходования бумаги на треть по сравнению с фактически использованной в прошлом году всеми учреждениями. Предписано полностью заполнять площадь листа и его оборотную сторону, печатать только через один интервал. Размер докладов отныне не должен превышать десяти страниц. Рекомендовано шире применять готовые стандартные печатные бланки.

Приближалась очередная, уже двенадцатая, годовщина Октябрьской революции 1917 г. 6 ноября, накануне празднования, по трудовым коллективам прошли «вечера воспоминаний», посвящённые этому знаменательному событию. Поминали, например, павшего партизана Иллариона Рябикова:

*Вот волны бушуют, вот волны ревут,
К Камчатке злодеев незваных несут.
Вдали забелелся флаг злобный. Потом
«Свирь» повернулась грозящим бортом.*

*Весь Петропавловск под страхом стоит,
На пристань взошедши, ликует бандит.
Мечом обнажённым махая, орёт,
Своим подчинённым приказ отдаёт...
Бандит свирепеет, как звери весной,
— Фамилья и имя! И кто ты такой?
— Рябиков звался, — в ответ делегат
И кинул злодею презрения взгляд.
С тех пор не вернулся несчастный уж к нам,
Мученья добычей остался врагам...
Дерзко был брошен в сырую тюрьму,
Допросы и пытки достались ему...*

7 ноября к одиннадцати часам дня коллективы собрались у здания окрпрофбюро, организованно прошествовали по центральной городской улице и прибыли на Советскую площадь на митинг. В двенадцать дня в школе прошёл детский утренник. С пяти до семи вечера клуб ССТС показывал «бесплатное кино для детей» революционного содержания. В семь вечера детишек сменили взрослые: началось торжественное заседание с докладом «О двенадцатой годовщине Октября», после чего демонстрировался очередной «живой журнал».

8 ноября празднования продолжились стрелковым соревнованием профсоюзов с погранотрядом за Култучным озером, а вечером — их же «смычкой» в клубе пограничников.

Гостей ждали и в казарме. Здесь везде царил чистота. Пограничники — приодеты, в ленинском уголке и в клубе — яркие лозунги в честь славной годовщины. Скучать бойцам в будни было некогда, дел много, а уж в праздники тем более. «Ведь вот шефы-то наши больно уж внимательны в праздники к нам: на вечера к нам ходили, подарки всем хорошие дали. На материке мы были — там не то». Но и на материке Красной Армии уделялось много внимания, просто там, в больших гарнизонах, это не так бросалось в глаза, а здесь, на Камчатке, военных было мало, все на виду, поэтому и внимание заметнее. Один боец заявил: «А всё-таки как-то лучше себя чувствуешь, когда видишь, что ты не чужой здесь, в Петропавловске, когда не обязанные добровольно заботятся о нас. А дом наш — что ему сделается? Сейчас не время о нём думать, когда там, на китайской границе, наши товарищи воюют».

О развитии портового хозяйства Петропавловска по случаю великого праздника отчитался агент Совторгфлота Бендриков: «Имеем достижение: в настоящее время имеются капитальные

причалы, скалистая сопка превращена в обширную в пятнадцать тысяч квадратных метров площадь для переработки грузов. Вместо шестидесятилетних складочных гнилушек воздвигнут громадный капитальный пакгауз. Построен дом для рабочих, в котором они имеют возможность проводить культурную работу».

17 ноября на пять дней на ремонт остановилась Петропавловская интегрально-кооперативная хлебопекарня. Правление кооператива просило граждан запастись мукой и хлебом на это время.

Граждан, желавших обзавестись «новотельной коровой-сементалкой с маленькой тёлкой» просили обращаться на Таможенную улицу, в дом № 37 Святого, а ездовыми собаками — в лабораторию на улице Завойкинской, дом № 8.

Горожане высказывали недовольство деятельностью фактории АКО, получавшей много некачественных продуктов и, по их мнению, не принимавшей действий к исправлению положения. Вот образец такого недовольства и, одновременно, недоумения: «Раньше получаемые с материка бочки с капустой и солониной раскупоривали, обнаруживали, что тузлук вследствие испорченности бочек вытек, убеждались в негодности того и другого и вывозили за город на свалку. Теперь, очевидно, после многократных указаний на такое безобразное снабжение, ввели “рационализацию”. Чтобы не раздражать сотрудников честной конторы, вынужденных возиться с раскупоркой, обонять отвратительные запахи, свидетельствующие о “доброкачественности” посланного, а кстати — и посланных, Владивосток на коносаментях скромно помечает: “бочки текут”. Это значит: не трать время и энергию понапрасну — вези прямо за город! Не свидетельствует ли это, что безобразие начинает принимать уже организованный характер?»

18 ноября вышел приказ № 3 по Петропавловской городской санитарной дружине РОКК. Для участия в параде на перевыборном женделегатском собрании Камчатского округа всему составу сандружины приказано явиться в клуб ССТС в субботу 23 ноября к семи часам вечера. Объявлена «форма одежды в параде»: без пальто; белая косынка, как головной убор, и нарукавная повязка с красным крестом. Приказ подписал начальник дружины доктор Гордонович, между прочим, имевший немалое воинское звание — «комбриг», то есть, по-старорежимному, генеральский чин.

23 ноября в восемь вечера в клубе ССТС показан «живой журнал», посвящённый завтрашним перевыборам женделегаток.

24 ноября, в воскресенье, в два часа дня начались перевыборные собрания. Всего в городе насчитывалось одиннадцать женских

групп, а также имелись «неорганизованные женщины». Для того чтобы дать возможность «детным матерям» принять участие в собраниях, организованы детские комнаты в садике, школе, милиции, красном уголке КОИК, в комнате окрбюро ВЛКСМ и на почте. Работали они с полвторого дня до конца перевыборных собраний.

Капитан «Литке» К. А. Дублицкий передал от имени экспедиции благодарность и привет «всем товарищам, принявшим участие в погрузке угля на ледорез, несмотря на крайнее переутомление, во главе с агентом Совторгфлота Бендриковым и стивидором артели Казаковым».

19 ноября президиум горсовета изменил порядок разбивки работников по категориям, ранее произведённый постановлением № 5 от 21 мая. Теперь в первую категорию входили рабочие, источником существования которых являлась исключительно работа по найму, не имевшие доходов от эксплуатации, и военнослужащие, не получавшие пайка. Вторая — служащие, члены их семей, члены семей лиц первой категории, пенсионеры, инвалиды, лица свободных профессий, кустари, не эксплуатировавшие наёмного труда. Третья — все, жившие на «нетрудовые доходы», применявшие наёмную рабсилу и «лишенцы» всех мастей. Предложено снять с планового снабжения частных торговцев и служащих религиозных культов. Учёт трудящихся возлагался на администрацию предприятий и организаций, безработных — на профсоюзы, учащихся — на администрацию школы, пенсионеров и инвалидов — на отдел социального обеспечения.

Горсовет считал своей задачей «снабжение в первую очередь и в достаточной мере трудового населения города, занятого исключительно на государственной работе, как поощрение действительных участников социалистической стройки». Он считал, что за время действия продовольственных карточек достигнуто прекращение беспланового разбазаривания дефицитных товаров и удалось сконцентрировать их в руках государственных и кооперативных предприятий. Теперь его очередной задачей «является сокращение существующей нормы муки и хлеба, являющейся, по заявлению многих граждан, довольно расточительной. При такой норме вполне естественно, что часть продуктов идёт на прокорм скота, и не исключена возможность спекуляции с той же целью. Нормирование в настоящее время требует от нас более точной и твёрдой установки, чем было до сих пор. Лозунгом настоящего дня должно быть: “Кто не трудится с пользой для советского строительства, тот не ест”».

Особой безработицы в Петропавловске не было, любой желающий вполне мог найти себе занятие. Поэтому не имелось и трудовой биржи, как в материковских городах. С классовой точки зрения — это было плохо: потенциальный работодатель брал людей с «улицы», кого попало, а не рекомендованных биржей «социально близких». Как пример называлась машинистка конторы Петропавловского кредитного товарищества, не член профсоюза, с дневной оплатой три рубля с полтиной. Она, жена сотрудника радиостанции связи, приехала из Хабаровска, «где на службе в совучреждениях машинисткой не работала, а была в штате церковного хора солисткой. По приезде в Петропавловск обзавелась знакомством из числа лидеров церковной общины и местным попом, а на Рождество славил Христа в церкви...» Взял же её на работу «небезызвестный нам Пименов». (Пименовых в Петропавловске в ту пору было несколько. Один, Иван Константинович, заведовал общей частью КОИК, второй — Андрей Михайлович, из «бывших», коллежский асессор, до революции — помощник начальника Петропавловского уезда, а в 1919 г. — правитель канцелярии Камчатского областного управления при Колчаке, третий — его сын, Николай Андреевич. Речь, видимо, идёт о последнем.) «Часто союзы разрешают брать “пименовым” на работу разных певичек, поповских прихвостней. Пименов действует по собственному усмотрению, игнорируя основные положения профсоюзов, протезируя, кому не следует». Некто «Бакул» полагал, что в назидание Пименову следовало указать порядок найма, а неправильную машинистку «немедленно снять».

Окружное профбюро и клуб ССТС сдавали работу по устройству и обслуживанию катка на Култучном озере близ старой комхозовской бани.

28 ноября в Красном городке найдены несколько купюр. «Лицо, потерявшее деньги, может получить их в погранотряде ОГПУ у тов. Добржанского в часы занятий» (поясним, что «часами занятий» тогда называлось рабочее или служебное время).

30 ноября в здании клуба собрались комсомолки — женделегатки нового и старого составов. На повестке дня доклад «Брак, семья, опека и борьба с пережитками старого быта».

Пришли известия о завершении конфликта на КВЖД. В ночь на 17 ноября при двадцатиградусном морозе Красная Армия нанесла мощный удар по китайским войскам. Их потери составили две с половиной тысячи человек убитыми и ранеными. В плен сдались больше восьми тысяч солдат, две с половиной сотни офицеров

и китайский командующий со своим штабом. Красная Армия потеряла сто двадцать три бойца убитыми и шестьсот ранеными. После подписания в Хабаровске протокола о перемирии все военнопленные и арестованные были отпущены на свободу, а советские войска выведены с территории Китая. Последний отряд вернулся в СССР 25 декабря 1929 г. Вскоре нормальная работа дороги была восстановлена.

1 декабря в начальной школе открылись «ликпункт», то есть пункт ликвидации неграмотности, и курсы малограмотных.

2 декабря начался переход на пятидневную рабочую неделю всех учреждений и организаций. В отношении же клуба ССТС, как «обслуживающего широкие массы в вечерние часы», такой переход признан нецелесообразным. Как уже говорилось, «с проведением в жизнь непрерывной пятидневной недели» началась неразбериха. Половина учреждений уже перешла на новый режим работы, половина ещё нет. Так, 6 декабря часть работников, трудившихся по непрерывке, пребывала в отгулах, а учреждения, не перешедшие на пятидневку, были закрыты на выходные. Люди, в своё свободное время желавшие получить услуги или навести справки, сделать этого не смогли. Им оставалось только ходить за бумажками в рабочее время. А ведь «всякий прогул совсем не в интересах пятилетки!» Крестьяне, не зная, что в сберкассе или КОИК теперь пятница — день отдыха, приехав в город за тридцать-сорок вёрст, теряли время, ждали окончания выходных. «Это в полном смысле искажение линии партии, лозунга “Лицом к деревне”».

Правление краеведческого общества рассмотрело исполнение сметы за 1929 г. Приход составил 1 786, расход — 1 765 руб. На полевую работу отпущены триста двадцать пять рублей, за двести решено приобрести фотоувеличительный аппарат. Попутно в члены общества приняты горожане Краснов и Батурлова и тигильчанин Образцов.

5 декабря объявлено о повторном открытии школы кройки и шитья «по усовершенствованному методу». Шестимесячный курс преподавала М. И. Дружинина. Школа размещалась по адресу улица Таможенная, дом № 50.

Завершился ремонт городской больницы. По старому обычаю плотники унесли с собой обрезки лесоматериала. Бдительные граждане рекомендовали «местхозу и профсоюзу принять меры».

В дом № 4 по улице Набережной вломился с наганом в руках надзиратель ИТД с криком: «Милиция, отворяй, руки вверх!», затем: «А, не подчиняетесь! Перестреляю!» — пальнул в коридор.

Перепуганные жители вызвали милицию, уведшую опасного буяна. На следующий день они пришли к начальнику милиции поинтересоваться, как идёт разбор происшествия. Тот туманно сообщил: «Посадили его, да он не наш». На вопрос: «Почему же не пришли ничего узнать, как было дело?», начальник ответил: «Ну, не такие происшествия бывали, да и то за них штрафом облагали».

8 декабря «Полярная звезда» опубликовала выдержки из статьи генсека ВКП(б) И. В. Сталина «Год великого перелома»: «Двенадцатый год Октября был переломным на всех фронтах социалистического строительства. Он прошёл под знаком решительного наступления на капиталистические элементы города и деревни. Самокритика, социалистическое соревнование и непрерывка развернули творческую инициативу и могучий трудовой подъём рабочих миллионов. Заложены крепкие основы тяжёлой промышленности. Все наметки пятилетнего плана уже превзойдены. В истекшем году удалось по-коренному повернуть основные массы крестьянства на новый социалистический путь развития. Совхозы и колхозы добились величайших успехов. Мы идём на всех парах по пути индустриализации — социализма, оставляя позади нашу вековую “рассейскую” отсталость. Мы становимся страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации. И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор, пусть попробуют догнать нас почтенные капиталисты со своей “цивилизацией”. Мы ещё посмотрим, какие страны можно будет тогда определить в отсталые, а какие в передовые».

Успехи в развитии производительных сил страны были налицо. Цена их оказалась высока. Но, на мой взгляд, трудно ожидать другого при сломе веками складывавшейся одной государственной машины и замене её совершенно другой: такие социальные потрясения легко не проходят. Развитие же было видно и на столь отдалённой окраине, как Камчатский округ. Главной экономической силой здесь выступало АКО. В 1929 г. оно располагало четырьмя рыбоконсервными заводами с двадцатью семью действующими линиями, плавучим крабоконсервным заводом, тремя рыбомучными заводами. В сезон общество выловило более 150 тыс. ц разных пород рыбы, произвело 200 тыс. ящиков консервов, восемьсот тонн рыбьего жира, полторы тысячи тонн тука. Завоз снабжения для населения исчислялся суммой в 5,8 млн руб. Прошлой зимой впервые начались лесные заготовки в долине реки Камчатки. Благодаря поддержке общества развернулась кооперативная сеть, открыта разработка угля, раскинулась сеть радиостанций,

вместимость своего транспортного флота доведена до 25 тыс. т. Началось создание культурно-показательных сельскохозяйственных станций, приглашены специалисты разных отраслей.

Самому генсеку вскоре — 21 декабря — исполнялось пятьдесят лет. В его адрес окрбюро ВКП(б) отправило поздравительную телеграмму следующего содержания: «Самая далекая от Москвы партийная организация шлёт тебе, верному последователю заветов Ленина, пламенный привет от самых отдалённых уголков Камчатки. Среди туземцев, эскимос, чукчей, коряк, ламут и других народностей твоё имя известно, как имя верного большевика-ленинца. Камчатская организация во все годы борьбы и строительства стояла и будет стоять за поддержку ленинского ЦК. Да здравствует мастер революции и вождь ВКП(б), верный ученик Ленина — товарищ Сталин!»

12 декабря завершился сбор пожертвований в фонд РОКК. Окружком общества просил товарищей, вызванных через газету и не внесших своевременно соревновательной суммы, сделать это до 17 декабря. Задолжали «вызванные на пять рублей» Е. Рождан, Турский, Решетников, Заруцкий, Назаренко (всего двадцать девять человек), и на три рубля — Вдовин, Фролов, Румянцев (всего одиннадцать человек). Дополнительно, в назидание остальным, сообщалось, что от вызванного кем-то Воротникова «трёшка» уже поступила.

При сборе добровольных пожертвований предельная сумма не ограничивалась ни «сверху», ни, тем более, «снизу». Можно было и совсем отказаться от взноса. Но многим показалось странным то, что врач с месячной зарплатой пять с половиной сотен рублей «принципиально», как он выразился, внёс десять копеек, а уборщица из своих семидесяти «целковых» пожертвовала два, и тоже «принципиально», вполне сочувствуя целям и задачам общества. Выходит, что уборщица пожертвовала почти в сто шестьдесят раз больше высокооплачиваемого спеца...

Ввиду передачи опытного поля (на ферме) в ведение АКО контора поля просила всех граждан и учреждения рассчитаться.

Пришло известие, что, по сообщению оленных коряков, в сентябре прошлого, 1928-го года, в районе реки Пал-Пал в северной части Пенжинского района (примерно в двухстах километрах от села Каменского) упал метеорит больших размеров, убивший сто тридцать оленей. Он глубоко вошёл в землю, на месте падения на тундре образовался небольшой водоём. Падение небесного тела навело панический страх на оленеводов. Они немедленно угнали табун далеко от места падения и долго боялись близко подходить к нему.

15 декабря опубликован отчёт городской части народного образования. В завершающемся 1929-м году в Петропавловске введено всеобщее обязательное обучение: школами охвачены все дети восьми-девятилетнего возраста. «Несколько напряжённо проходил вопрос с назначением администрации школы-девятилетки (имелось ввиду неудачное приглашение заведующего школой, или зава. — С. Г.)». Библиотеку, кроме сметного снабжения, удалось обеспечить через Книжную палату всеми изданиями, выходящими в РСФСР. Для школы купили кинопередвижку, в ней организовали кружок рукоделия для девочек. Оказана помощь малоимущим ученикам в покупке одежды и обуви. На поддержание беспризорников потрачено 2 420 руб. В детдом во Владивосток отправлены трое из них, четверо пребывали в Петропавловске. Для музея арендовано отдельное помещение, содержалась сейсмо-станция. Детский сад при трёх штатных работниках имел пять групп, которые посещали пятьдесят девять детишек, в основном малоимущих. Учебно-производственная мастерская реорганизована в отдельную профессиональную школу. Зарплата школьных учителей повышена со ста семидесяти до двухсот пятнадцати рублей в месяц, то есть больше чем на четверть. Летом дети посещали «детплощадку». Для руководства пионерской организацией выделен штатный работник. Сами пионеры активно участвовали в политической жизни города.

Это отчёт официальный. А вот изложение школьных дел пером юного корреспондента с псевдонимом «Ученик»: «Занятия в школе у нас с самого начала учебного года потекли ненормально. Не хватало некоторых педагогов, в том числе и по такому важному предмету, как родной язык. В нашей группе за четверть сменилось два учителя по естествознанию... Но вот является к концу четверти долгожданный учитель по русскому языку. Составляет расписание уроков на конец четверти, заодно составил и на четверг 7 ноября.

Была переменка у нас десять минут, зав говорит: “Много”, и стала переменка пять минут. Ученики должны при резком ветре за пять минут перебежать из здания второй ступени в здание первой... А если кто опоздает — нахлобучка от учителя, да и самому неохота в класс заходить, от работы отрываться. Большая переменка уже не сорок пять, а сорок минут. Так что дуешь домой, как ветер. А прибежишь домой, засунешь кусок хлеба в рот, пообжигашься горячим чаем и обратно в школу. Было у нас максимум шесть уроков, а теперь семь. Тяжело.

В связи с введением кооперативного уклона приходит как-то в восьмую группу зав. Настроение весёлое! “Ну, ребятки, кто хочет быть кооператором? Вы знаете, на закате ваших дней в вашем селе, вашими силами вдруг загорится электрическая лампочка”. Это было с месяц тому назад. Надоедают Фёдорову ребята: “Когда у нас А. В., “кооп” будет?” “Обождите, ребятки, скоро!” В расписании поставлено два урока товароведения в неделю, но ещё ни одного не было. И выходит какой-то уклон с уклоном».

21 декабря в клубе ССТС прошла становящаяся уже традиционной фотовыставка, организованная Камчатским краеведческим обществом. Публике показаны пятьсот снимков, кроме того, ещё десять плакатов со ста двадцатью изображениями иллюстрировали деятельность фактории АКО. Выяснилось, что местные фотолюбители «имеют уклон в сторону большего отражения природных красот Камчатки». Второе место занимали виды быта туземцев, представленные тремя фотографиями: Малёсом, Охаккиным и Ковалевским. Их главными недостатками называлось отсутствие «иллюстрации трудовой деятельности туземцев». Не были также отражены «моменты советизации Камчатки, вносящие ломку в патриархально-родовой быт. Нет показа характерных черт туземных типов». Часть лучших снимков предложено послать в Москву как иллюстрацию работы Комитета Севера при ВЦИК.

Известный камчатский фотограф Колмаков объявил, что все свои выставленные снимки безвозмездно передаёт в распоряжение общества. Он приглашал последовать его примеру коллег-фотолюбителей Ларина, Бейнаровича, Малёса и Ткачука.

25 декабря пришла радиограмма от капитана ледореза «Литке» К. А. Дублицкого: «При жестоком шторме залило помещения. Вся петропавловская почта подмочена, и я уверен, что она приведена в полную негодность. Потерял катер и все спасательные боты. Пропало много провизии. Укрываюсь за островом Симушир. Шторм стихает. Исправляю аварии. Предполагаю через шесть часов следовать дальше». Основательно повреждённая почта прибыла в Петропавловск уже в январе следующего года.

28 декабря подвёл итоги работы горсовет. Городское жилищное хозяйство в 1929 г. располагало 4 519 квадратными метрами общей жилой площади и включало сорок домов. Девять из них занимали различные учреждения и организации, а в остальных жили 377 чел. В среднем на каждого жильца приходилось по 6,63 «квадрата». Весь жилой фонд был построен ещё до очистительных революционных бурь — во время губернаторского прав-

ления в 1909—1912 гг. и за два десятка лет пришёл в ветхое состояние. Большинство зданий не соответствовало нуждам жильцов, многократно было перестроено, в них отсутствовали кладовки, сараи, помойные ямы. Для увеличения площади в домах Красного городка бывшие проходные коридоры, ваннные комнаты, клозеты разгорожены на «клетушки» под жильё.

Завгорместхозом сообщал, что наблюдаются частые случаи самовольного занятия коммунальных квартир и переселения из одной в другую без разрешения, «чем вносится полная дезорганизация в работу». За такие самочинные действия виновным обещано выселение в административном порядке.

Жильё силами города не строилось. Все новые здания возводились различными ведомствами. Первенствовали здесь Наркомат почты и телеграфа (Наркомпочтель), соорудивший для своих работников четырёхквартирный дом и сделавший «капвложения в постройку почтово-телеграфной конторы», и, естественно, АКО. Склады общества располагались по соседству с почтой.

30 декабря в шесть часов вечера прошло общее собрание союза строительных рабочих. Слушали отчёт делегатов горсовета, затем обсуждали, какой инвентарь нужно приобрести для красного уголка, вопросы профсоюзного просвещения и текущие дела.

31 декабря, во вторник, агентство Совторгфлота информировало, что вследствие наступивших тяжёлых навигационных условий ожидающийся с грузом пароход «Томск» к пристани из-за льда подойти не сможет. По правилам морских перевозок агентство просило клиентуру получить причитающееся с борта парохода в том месте, где он остановится. В случае неполучения такое могло уйти обратно.

Зима вступила в свои права...

При подготовке очерка использованы материалы из фондов Краевого государственного бюджетного учреждения «Камчатский краевой объединённый музей»

КАМЧАТСКИЕ ПЕРСОНАЛИИ (1917—1991)

Общественно-политический справочник

Справочник содержит сведения об известных, малоизвестных и совершенно неизвестных людях, живших в XX в.: революционерах и контрреволюционерах, белых и красных, коммунистах и беспартийных, чиновниках и парламентариях, священнослужителях и богоборцах, верующих и атеистах, жертвах политических репрессий и чекистах, представителях различных слоёв камчатского населения.

Текст свободен от современного взгляда на ту или иную личность, оценки её деятельности с позиций сегодняшнего дня. Пусть это сделает сам читатель, исходя из реалий прошлого, с учётом непреходящих духовных и этических ценностей. Персонафикация исторического процесса — одна из двух задач справочника; помещённая в нём информация поможет составить объективную картину жизни края в указанный период времени.

Составителем использовались фонды бывшего Центра документации новейшей истории Камчатской области (ЦДНИКО), Государственного архива Камчатского края (ГАКК), Камчатского краевого объединённого музея (ККОМ). По возможности, сохранён стиль источников.

Абабко Анатолий Иванович (4.03.1953 г., пос. Волна Революции Темрюкского района Краснодарского края), в марте 1990 г., будучи беспартийным, избран народным депутатом РСФСР. Из крестьян. Образование среднее: школа-интернат с физико-математическим уклоном в Керчи. Трудиться начал в родном совхозе в 1970 г. Затем по комсомольской путёвке поехал рабочим на стройки Западной Сибири. После службы в Советской Армии (СА) окончил с отличием двухгодичные курсы «Загранмонтажспецстроя» в г. Новочеркасске, получив специальность монтажника-высотника стальных и железобетонных конструкций. На Камчатке с 1980 г. В 1990 г. — бригадир Елизовского ремонтно-эксплуатационного объединения. В мае того же года становится членом правления камчатской организации демократической партии России. Работая в Верховном Совете (ВС) РСФСР, входил в парламентскую группу «Демократическая Россия». На март 1990 г. женат, трое сыновей.

Абаев Владимир Яковлевич (24.10.1938, г. Киев — 2004 г. Петропавловск-Камчатский), с ноября 1990 г. и до августовского переворота 1991 г. — первый секретарь Камчатского областного комитета (КОК) КПСС. Образование: вечерняя школа, промышленное отделение Хабаровской высшей партийной школы (ВПШ) Кандидат экономических наук. Тема диссертации: «Совершенствование организационных форм управления в промышленности на примере Минрыбхоза СССР». На Камчатку прибыл в 1954 г. Начиная трудиться рабочим Озерновского рыбокомбината. В КПСС вступил в марте 1959 г. В СА не служил. С 1961 г. — комсомольский, с 1964 г. — партийный работник. В 1979—1986 и 1988—1991 гг. — на различных должностях в КОК КПСС. В 1981 г., в должности заведующего отделом оргпартработы КОК, присвоено воинское звание «генерал-майор». С 1986 по 1988 г. — первый заместитель председателя Камчатского облисполкома (КОИК). 28 ноября 1990 г. избран в состав бюро КОК¹. Награждён двумя орденами «Знак Почёта» (1976, 1981).

Абаимов Андрей Афанасьевич (20.09.1886, д. Старово Владимирской губернии), делегат второго Камчатского областного съезда 1918 г. Из крестьян. Русский. Образование низшее. После февраля 1917 г. служил связистом в 8-й армии. В 1922 г. жил в с. Привольном, работал икрянщиком у братьев Худяковых. На собрании местных жителей, созванном во время остановки в селе белогвардейского священника Денисова, поддержал власть Временного Приамурского правительства. На момент ареста 1 мая 1935 г. — заведующий райинтегралсоюзом в с. Немтик. 28 декабря 1935 г. Особым совещанием (ОСО) при НКВД СССР приговорён к трём годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) по ст. 58, п. 2, 10, 11 УК РСФСР². С 15 июня 1936 г. отбывал срок в г. Караганде. 19 февраля 1990 г. реабилитирован прокуратурой Камчатской области (КО).

Абрамов Богдан Александрович (1895, г. Эривань — 8.03.1938, г. Петропавловск-Камчатский), сын расстрелянного красными рыбопромышленника. Армянин. Образование низшее. Женат, трое детей. Образование «в объёме пяти групп». В царской армии дослужился до прапорщика. В 1934 г., будучи заведующим базой Моховая Авачинского рыбокомбината, проходил по делу контрреволюционной шпионско-вредительской организации. Последняя должность — врио заведующего Анапкинской базой Акционерного Камчатского общества (АКО). Арестован 1 ноября 1937 г. Привлекался за контрреволюционную агитацию, восхваление маршала

Тухачевского и других «ликвидированных врагов народа». 1 февраля 1938 г. приговорён Тройкой УНКВД по Дальневосточному краю (ДВК) по ст. 58-7-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания (ВМН) на основании обвинительного заключения, утверждённого начальником Камчатского областного управления (КОУ) Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) И. Я. Ломбаком. Реабилитирован военным трибуналом (ВТ) Дальневосточного военного округа (ДВО) 16 апреля 1957 г.

Абрамов Иван Васильевич (1895, г. Спасск Тамбовской губернии), в июне 1935 — апреле 1938 г. — начальник Камчатского областного управления сберкасс. Приехал на Камчатку в 1935 г. по путёвке Далькрайкома ВКП(б). Арестован 2 мая 1938 г. Обвинялся по ст. 58-1а-7-8-11 УК РСФСР. Постановлением КОУ НКВД от 13 сентября 1939 г. дело прекращено, освобождён. Реабилитирован прокуратурой КО 1 декабря 1989 г.

Авербах Яков Ефимович (1914, г. Пропойск Могилёвской области), с 17 сентября 1953 по 19 января 1959 г. — начальник областного управления культуры при КОИК. Еврей. Образование: семь классов и строительный техникум. Из автобиографии 1941 г.: «Родные отца и матери (по словам родителей) в 1900 г. выехали за границу в Америку, кто именно (точно) кем работает, их занятие мне неизвестно, так как связи ни я, ни родные с ними не имеют. Из родных имею четыре брата и три сестры, трое из них являются членами ВКП(б), один член ВЛКСМ. Родители до революции — крестьяне, сельскохозяйственного огороднического уклона, с 1929 г. по 1939 г. — колхозники. Хозяйство родителей до революции и до 1926 г. бедняцкое, потом, до 1929 г., середняцкое». Вступил комсомол в 1930 г., в компартию — в декабре 1940 г. В 1933—1936 гг. — техник стройтреста в г. Красный Луч Донецкой области, в 1936—1938 гг. — механик стройтреста Народного комиссариата оборонной промышленности (г. Москва). На Камчатке с 1938 г. По приезду до 1939 г. — начальник планового отдела АКОстроя. В 1939 г. — заведующий отделом благоустройства Петропавловска, с февраля по август 1940 г. — секретарь Петропавловского горкома (ГК) ВЛКСМ по пропаганде, в августе 1940 г. — секретарь ОК ВЛКСМ по пропаганде, а с октября того же года — по военной работе. В августе-октябре 1941 г. служил в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). С мая 1943 г. — заведующий отделом пропаганды и агитации Петропавловского ГК ВКП(б), с августа 1943 г. — первый секретарь Чукотского

райкома (РК) ВКП(б). В 1946 г. — второй секретарь Чукотского окружкома ВКП(б). 1 ноября 1950 г. утверждён заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации, а 26 апреля 1952 г. — заведующим отделом тяжёлой промышленности КОК. В 1953 г. в связи с образованием областного управления культуры назначен его начальником. Освобождён постановлением КОИК от 19 января 1959 г. «за факты перерасходов и незаконных больших выплат артистам кукольной бригады, а также за факты систематического безответственного отношения к ведению финансового хозяйства и допущенную бесхозяйственность в управлении подведомственными учреждениями» (справка завотделом парторганов ОК КПСС А. Н. Панова). После этого до середины 1970-х гг. — начальник отдела (управления) капитального строительства КОИК. В апреле 1964 г. за долголетнюю безупречную работу в Советах КО и в связи с 50-летием со дня рождения отмечен почётной грамотой КОК КПСС и КОИК. Награждён орденом Красной Звезды, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Агатов Фёдор Фёдорович (1908), в марте 1948 г. секретарь КОИК. Грек. Образование низшее. В августе 1930 г. вступил в ВКП(б)

Агафонов Георгий Александрович (1922), чекист. Русский. Образование семь классов. В 1949 г. занимал должность оперуполномоченного Камчатского областного управления Министерства государственной безопасности (МГБ). В 1956—1957 гг., будучи в звании капитана государственной безопасности (ГБ), участвовал в проверке ряда «контрреволюционных дел», сфабрикованных в 1930-е гг. сотрудниками НКВД.

Агафонов, 27.10.1930 на заседании Камчатского окрбюро ВКП(б) утверждён председателем окрплана.

Адамович Иосиф Александрович (1896, г. Борисово в Белоруссии — 22.04.1937, г. Петропавловск-Камчатский), хозяйственный и политический деятель СССР и БССР. Белорус. Окончил двухклассную школу. Отец, активный участник революционных событий 1905—1907 гг., трудился на посудной и спичечной фабриках. Там же начинал и сын. В Первую мировую войну «храбро сражался, награждён тремя Георгиевскими крестами, дослужился до чина старшего унтер-офицера». В 1916 г. вступил в «РСДРП интернационалистов». Февраль 1917 г. встретил в Харькове на лечении после тяжёлого ранения, где вёл агитацию среди солдат.

Вновь попав на фронт, участвует в братании с австрийскими военными, избирается в полковой комитет. На родине сближается с большевиками. После октября 1917 г. — организатор Красной гвардии в Белоруссии. Летом 1918 г. — помощник начальника, начальник Смоленского гарнизона и губернский военный комиссар. В 1918—1919 гг. участвовал в подавлении контрреволюционных восстаний в Смоленской, Гомельской, Витебской, Могилёвской губерниях. В освобождённом от поляков Минске входил в руководящую советскую «тройку». Нарком военных и внутренних дел, председатель чрезвычайной комиссии (ЧК) по борьбе с бандитизмом. Награждён именованным оружием. В 1924—1927 гг. — председатель Совета Народных Комиссаров (СНК) БССР. Постоянно поддерживал связь с В. Маяковским, белорусскими писателями Я. Купалой, Я. Колосом, Т. Гартным, М. Чаротом. С мая 1927 г. — член президиума Всесоюзного Совета народного хозяйства (ВСНХ) и председатель Сахаротреста СССР. В 1930—1931 гг. — заместитель наркома торговли СССР. Снят с запретом использования на ответственных должностях. В 1932 г. возглавил строительство сахарных заводов на Дальнем Востоке. В 1934—1937 гг. — начальник АКО. 16 апреля 1934 г. избран членом пленума и бюро КОК ВКП(б). Покончил с собой в период работы Петропавловской горрайпартконференции, где был обвинён в связи с троцкистами-врагами народа (К. Б. Радеком и другими). Заведённое на него 10 марта 1937 г. НКВД дело прекращено 19 мая 1938 г. Реабилитирован Главной военной прокуратурой СССР в апреле 1956 г.

Адмиральский Александр Алексеевич (1909, Кубань), в 1937 г. врид директора Петропавловской машинно-тракторной станции (МТС). Русский. Из рабочих/служащих. Образование среднее. В ВКП(б) с 1929 г. Исключен из партии «за развал комсомольской работы в бытность секретарём обкома комсомола, за связь с врагами народа и их пособниками, нежелание бороться в врагами народа и ликвидировать последствия вредительства в сельском хозяйстве (колхоз им. XVI партсъезда)». Арестован 26 октября 1937 г. Обвинён по ст. 58-1а-7-8-11 УК РСФСР. Постановлением КОУ НКВД от 13 сентября 1939 г. дело прекращено, выпущен на свободу. В партии восстановлен на бюро КОК 3 октября 1939 г. В середине октября 1945 г. освобождён от должности председателя Усть-Камчатского РИК с выездом в Хабаровск. Реабилитирован в 1989 г. прокуратурой КО 1 февраля 1989 г.

Адолин И. Н., торговец. В 1917 г. председатель Гижигинского уездного комитета.

Азаренко Зоя Дмитриевна (1938), в 1974 г. занимала должность управляющего Камчатской областной конторой по прокату кинофильмов. Украинка. Образование среднее. В КПСС с ноября 1966 г. Награждена знаком «Отличник кинематографии СССР».

Азарова (1916), в 1968 г. — председатель Петропавловского городского суда. Русская. Образование среднее. В ВКП(б) с 1939 г. Ранее была военным следователем.

Азиатцев Борис Фёдорович (1922), в 1979 г. директор объединения «Общественное питание». Русский. Образование высшее. В ВКП(б) с августа 1945 г. Участник боевых действий. Награждён шестью медалями.

Азлин Валентин Васильевич (1908), с 3 марта 1941 по 1946 г. заведующий Камчатским областным здравотделом. Образование высшее медицинское. В 1933—1934 гг. кандидат, с июня 1938 г. — член ВКП(б). Трудовой стаж с 1930 г. Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Аксёнов А. М., с октября 1952 г. заместитель начальника Камчатского управления МГБ (вместо Морица).

Аксёнов Григорий Фёдорович (1899, с. Шигоны Куйбышевского района Куйбышевской области), с ноября 1939 по 22 ноября 1942 г. — первый секретарь КОК ВКП(б), одновременно с 1 марта 1940 г. — первый секретарь Петропавловского ГК ВКП(б). Из крестьян-середняков. Русский. Образование неполное высшее. С девяти до двенадцати лет — школьник, затем трудился в сельском хозяйстве. В 1915—1918 гг. — строгальщик по металлу в г. Златоусте на оружейном заводе. Сокращён. До призыва в армию жил в деревне у матери. В 1919—1929 гг. служил в РККА, последняя должность — начальник отделения хозяйственного довольствия. В армии занимался самообразованием «и сдал за нормальную школу». В ВЛКСМ не был. В 1926 г. вступил ВКП(б). Демобилизован по ходатайству для поступления в комвуз. С сентября 1929 по октябрь 1931 г. учился в Самарском комвузе. Переведён в аспиранты Самарского НИИ социалистического земледелия. В апреле 1933 г. отозван с учёбы по решению ОК. До 1934 г. — директор МТС (ст. Батраки Куйбышевской области), затем — управляющий межрайонной конторой «Сортсемовощь». С сентября 1936 по февраль 1938 г. заведующий отделом школ и культпросвета Ульяновского ГК ВКП(б). Избран вторым секретарём того же горкома, а через пять месяцев — первым секретарём Ульяновского сельского РК. С марта 1939 г. — заместитель председателя Куйбышевского ОИК, с июля — завсектором управления

кадров ЦК ВКП(б). 30 октября 1939 г. решением партбюро ЦК ВКП(б) утверждён секретарём КОК. Избран членом бюро КОК на пленуме 8—9 января 1940 г. Из автобиографии 1940 г.: «Партивзысканий не имел. В антипартийных группировках и оппозициях не состоял. Из родственников репрессированных и раскулаченных нет. Женат, имею сына. В старой и белой армиях не служил». Отозван в 1942 г. в Хабаровск на должность председателя крайисполкома.

Акулов, 23 марта 1934 г. утверждён председателем Петропавловского горсовета (до этого — начальник областного управления сберкасс). Снят 13 июля 1934 г. «за срыв строительства и очковтирательство».

Аксинский Василий Семёнович (1912), в 1934—1937 гг. ответственный редактор газеты «Камчатский комсомолец», с 3 октября 1940 по май 1942 г. редактор газеты «Камчатская правда». Образование среднее. Окончил курсы политсостава запаса. В ВЛКСМ с 1931 г., кандидат ВКП(б) с 1936, член с 1938 г. В 1924—1925 гг. батрачил в кулацком хозяйстве в с. Константиновка ДВК, в 1928—1929 гг. был землекопом в Хабаровске на строительстве Дальневосточного банка и Дома Советов. В 1930 г. — молотобоец в г. Свободном на строительстве педтехникума, в 1930—1932 гг. — учитель школы первой ступени в с. Привольное КО. В 1932—1933 гг. — в с. Большерецк врид ответственного редактора газеты «Ударник промыслов». С февраля по апрель 1938 г. — завсектором низового вещания облрадиокомитета. С июля 1938 г. — ответственный секретарь, с августа 1939 г. — заместитель редактора газеты «Камчатской правды». 14 января 1942 г. утверждён по совместительству редактором газеты «Ударник». В мае 1942 г. призван в ряды РККА. В марте 1945 г. — парторг 279-го артполка в Петропавловске. Участник Курильской десантной операции в составе этого полка. Его жена Алевтина Фёдоровна, 1914 г. р., с 1935 г. — учительница средней школы им. Л. Н. Толстого со средним педагогическим образованием, принята в ВКП(б) в декабре 1941 г., награждена орденом «Знак Почёта» (1945).

Алаев Евгений Иванович (22.10.1953, г. Бийск Алтайского края), в марте 1990 г. избран народным депутатом РСФСР. Член КПСС. Выпускник Тихоокеанского высшего военно-морского училища им. С. О. Макарова. На момент выборов — командир пограничного сторожевого корабля, капитан 2-го ранга. В марте 1991 г. на встрече с избирателями в КОИК заявил, что Б. Н. Ельцин не всегда советуется не только с депутатами, но и с Президиумом Верхов-

ного Совета РСФСР. Награждён пятью медалями, в том числе медалью «За отличие в охране государственной границы СССР».

Александров Алексей Александрович (1921), 25 февраля 1949 г. избран первым секретарём КОК ВЛКСМ. Из крестьян-середняков. Русский. Образование неполное высшее. Кандидат ВКП(б) с 1937, член с августа 1943 г. В 1935—1936 гг. — учащийся ленинградского ФЗУ, в 1936—1939 гг. — станочник, бригадир ОТК, нормировщик. В 1939—1941 гг. — слушатель Ленинградской высшей школы ВЦСПС, в июле-августе 1941 г. — инженер-нормировщик, а с октября 1941 по май 1942 г. — начальник участка 1-й мебельной фабрики им. Воскова. В августе-октябре 1941 г. — политбоец Ленинградского фронта (действующая армия), в мае-ноябре 1942 г. — уполномоченный Ленинградского ОК ВЛКСМ по партизанскому движению на Волховском фронте. В ноябре 1942 — августе 1943 г. — заместитель командира подпольной партизанской группы Островского райпартицентра в Ленинградской области. В августе 1943 — январе 1944 г. — начальник политотдела 10-й Ленинградской партизанской бригады. С января по март 1944 г. — комиссар отдельного партизанского полка, с апреля 1944 по октябрь 1946 г. — первый секретарь Псковского ГК ВЛКСМ. Затем до июля 1948 г. — слушатель Центральной комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, после чего — первый секретарь Корякского окружкома ВЛКСМ. Награждён орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени (1944), медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда» (1944), «Партизану Отечественной войны», «За победу над Германией», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Александров, в 1919 г. фельдфебель Камчатской местной воинской команды. После просоветского переворота 1920 г. в Петропавловске арестован как участник подавления майского солдатского восстания 1919 г. Следственная комиссия *Гапановича* в начале мая 1920 г. постановила: «Приняв во внимание, что 1) обвинения против него частью остались недоказанными, а некоторое были даже взаимно опровергнуты самими свидетелями, 2) важнейший свидетель обвинения, единственно могущий установить факт доносов со стороны А., не дал существенных показаний против него, 3) обвиняемый перенёс четырёхмесячное предварительное заключение — передать всё следственное производство в трибунал на прекращение дела за отсутствием состава преступления. Принятые в отношении А. меры пресечения отменить».

Алексеев А. П., «борец с колчаковщиной и Биричем». С 18 июля по 19 сентября 1923 г. — председатель Усть-Камчатского волревкома. Направлен по решению Камчатского губбюро РКП(б) от 10 октября 1923 г. на учёбу в партшколу в Читу и в вуз.

Алексеев, в 1922 г. комендант Тигиля. Полковник. Убит Е. Сычёвым в Усть-Тигиле в конце августа или в начале сентября 1922 г. Афанасий Юшин, на квартире которого останавливался А., сразу же после его убийства выехал, по рассказам старожилов, в Петропавловск. Отряд полковника в составе поручика Родионова, старшего урядника Фролова, младшего урядника Бржанского, рядового Латыпова был расстрелян на реке Тигиль 8 сентября 1922 г. тигильскими, ковранскими и утхолокскими дружинниками во главе с П. И. Юшиным, А. Н. Притчиным и П. Е. Суздальвым. Вахмистр Долбочкин убит на берегу возле Тигильской церкви. Летом 2003 г. в районе предполагаемого захоронения отрядников трое тигильчан установили металлический крест с поимённой табличкой. Организовал эту акцию член президиума Камчатского добровольного исторически-просветительского общества «Мемориал» Ю. Г. Попов. Он по архивам выявил фамилии погибших и решил от имени нынешних поколений земляков «хотя бы чуть-чуть искупить тяжкий грех предков». Помогали устанавливать крест односельчане В. Л. Лысак и А. А. Попов.

Алексеев В., председатель Сероглазкинского селькома, участник мартовского (неудавшегося) и июльского антисоветского переворотов 1918 г. в Петропавловске.

Алексеев Виктор Иванович (1.05.1913, г. Уральск Уральской губернии — 26.11.1998), в 1971—1979 гг. председатель КОИК. Прозвище среди местных советских и хозяйственных работников — «Бульдог». Из рабочих (отец — штукатур, умер в 1914 г., мать — домработница), русский. В 1924—1930 гг. учился в школе-семилетке в Уральске, там же в 1931 г. окончил курсы бухгалтеров, в 1933—1934 гг. — вечерний рабфак. С марта 1931 по сентябрь 1936 г. — бухгалтер, старший бухгалтер Западно-Казахстанской конторы госбанка, ревизор, старший ревизор, главный бухгалтер в г. Уральске Казахской ССР. В 1933—1941 гг. — член ВЛКСМ. С 1936 по ноябрь 1938 г. работал в Казахской краевой конторе Госбанка СССР в г. Алма-Ате: ревизор, заведующий бюро жалоб, главный бухгалтер. С ноября 1938 по июль 1943 г. — в Хабаровской краевой конторе Госбанка СССР: главный бухгалтер, работал в горном управлении. С июля 1943 по январь 1944 г. — заместитель заведующего отделом кадров Хабаровского ГК ВКП(б).

В январе-декабре 1944 г. — председатель Кировского РИК г. Хабаровска, затем до января 1946 г. — завторготделом, после чего до октября того же года — заместитель секретаря Хабаровского ГК ВКП(б) по торговле. Один год возглавлял Центральный РК г. Хабаровска. С октября 1947 по сентябрь 1949 г. — второй секретарь ГК ВКП(б). Закончив трёхгодичную ВПП в Москве, становится вторым секретарём КОК КПСС. На этом посту находится с небольшим перерывом (с 28 января 1956 по 10 декабря 1958 г. — третий секретарь) с августа 1952 по февраль 1971 г., курируя сельское хозяйство, административные и торгово-финансовые органы. В январе 1956 г. на 9-й областной партийной конференции при выборах членов КОК против него было подано двадцать пять голосов. Из протокола заседания бюро КОК КПСС от 18 ноября 1961 г.: «4. О недостатках стиля работы бюро ОК КПСС и заявлениях, поступивших в ЦК КПСС... Постановили: 1. Признать, что на областной конференции 27—28 сентября 1961 г. и в письмах в ЦК КПСС правильно указано на серьёзные недостатки стиля и методы работы бюро и секретарей обкома КПСС, неконкретное решение многих вопросов и особенно недостатки в работе с кадрами, что отрицательно сказывались на их воспитании и не способствовали развитию критики и самокритики в областной партийной организации. 2. Бюро ОК КПСС особо отмечает неправильные методы работы и поведение секретаря обкома партии т. Алексева, выразившееся в том, что он допустил серьёзные недостатки в руководстве сельским хозяйством и торговлей. Неправильно строил свои взаимоотношения с кадрами, допуская грубость, бестактность и администрирование. Несмотря на всю серьёзность этих ошибок, первый секретарь обкома КПСС т. Орлов своевременно не поправил т. Алексева и не проявил инициативы в постановке этого вопроса перед бюро обкома КПСС. 3. Указать т. Алексееву В. И. на допущенные ошибки и предупредить его, что, если он не сделает необходимых выводов из критики, то будет поставлен вопрос о дальнейшей его работе в качестве второго секретаря обкома КПСС». Из служебной характеристики от 18 апреля 1962 г. за подписью М. А. Орлова: «Тов. Алексеев В. И. проявил себя хорошим организатором, энергичным и инициативным партийным работником. Тов. Алексеев В. И. большое внимание уделяет работе партийных организаций по подбору, расстановке и воспитанию кадров, по повышению требовательности к ним за порученные участки работы. Тов. Алексеев дисциплинированный, требовательный к себе и подчинённым, одновременно проявляет внимательность

и заботу о кадрах. Тов. Алексеев пользуется большим авторитетом среди коммунистов и всех трудящихся области...» 18 февраля 1971 г. избран председателем КОИК. 18 сентября 1979 г. решением 11-й сессии областного Совета освобождён, согласно его заявлению, в связи с уходом на пенсию.

Алексеева Евдокия Петровна (1904), чекистка. Уроженка Смоленщины. По словам сослуживца Н. Т. Страхова, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. находилась на партработе. В 1937 г. — сержант ГБ, оперуполномоченный IV отделения КОУ НКВД и заместитель секретаря парткома УГБ КОУ НКВД. 22 апреля того же года вместе с заместителем начальника КОУ НКВД лейтенантом Страховым подписала акт об изъятии многочисленных бумаг на квартире застрелившегося начальника АКО И. А. Адамовича. 5 декабря 1939 г. откомандирована в УНКВД Алтайского края. В 1954 г. работала в управлении МВД Одесской области.

Алексеевко Эмиль Андреевич (1904), с марта 1951 г. директор Камчатторга. Из служащих. Образование высшее, окончил университет марксизма-ленинизма при МГК ВКП(б). Кандидат ВКП(б) в 1925—1935 гг., член с 1940 г. В 1951 г. получил партвзыскание: строгий выговор «за незаконное расходование государственных средств и использование служебного положения». В Великой Отечественной войне (ВОВ) не участвовал. Награждён медалями «За трудовую доблесть», «За оборону Москвы».

Алёшкин Павел Емельянович (1908, г. Астрахань), в 1940—1943 гг. секретарь Корякского окружного комитета ВКП(б). Из рабочих. Русский. Образование неполное высшее. В ВКП(б) с 1930 г. В 1920-х гг. — сельскохозяйственный рабочий, грузчик. С 1927 по 1929 г. — комсомольский работник в г. Сталинграде. В 1930—1931 гг. — красноармеец. Окончил высшую пограншколу ОГПУ в Москве. В 1931—1933 гг. — политрук погранзаставы, в 1933—1934 гг. — секретарь партбюро сталинградского завода «Баррикады». С 1935 по 1937 г. — студент института марксизма-ленинизма, затем начальник секретариата партпропа политотдела дороги Наркомпути. В 1939—1940 гг. — начальник политотдела сельского хозяйства в Сталинградском районе Еврейской автономной области. Неоднократно ставил вопрос перед КОК ВКП(б) об отзыве из Корякского округа «в связи с неработанностью с его аппаратом». По мнению начальника КОУ НКВД Кожевникова, «преувеличивает недостатки, злорадует, обобщает их, опошляет работу аппарата окружкома». В конце концов отозван.

Алькова Надежда Игнатьевна (1919, Иркутск — 10.01.1984), с 6 мая 1942 г. возглавляла последний состав Камчатского областного совета Союза воинствующих безбожников (СВБ). Из рабочих, отец — столяр, плотник, мать — домохозяйка (в семье двенадцать детей), «Мать-героиня». Русская. В 1937 г. окончила библиотечный техникум, в 1939 г. — учительский институт в Иркутске, в 1954—1956 гг. — Хабаровскую ВППШ, в 1957—1962 гг. — заочно партшколу при ЦК КПСС. В ВКП(б) с октября 1943 г. В 1937—1939 гг. — библиотечный инструктор-методист Бадайбинского районного отдела народного образования (района) в Иркутской области. На Камчатку прибыла по хетагуровскому призыву в сентябре 1939 г. До 1940 г. — библиотекарь Камчатского облоно. В 1940—1942 гг. — директор Камчатского краеведческого музея, в 1942—1944 гг. — заведующая политпросветсектором облоно. В совете СВБ ей подчинялись: Вас. Ив. Иванов, В. Ф. Кулагин, Стеблич, Я. М. Ющенко, лектор обкома партии Гомза, директор областной библиотеки Шеходанова. В 1944—1945 гг. — заместитель заведующего облоно по политико-просветительской работе, в 1945—1948 гг. — инструктор ОК ВКП(б), в 1950—1952 гг. — секретарь Петропавловского ГК ВКП(б). В 1954—1955 гг. — инструктор, заведующая сектором агитации, в 1955—1960 гг. — заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ОК ВКП(б). В 1960—1975 гг. — заместитель председателя КОИК, с 1975 г. — на пенсии. С 1980 г. — ответственный секретарь Камчатской областной комиссии содействия Советскому фонду мира. Награждена орденами «Знак Почёта» (1968, 1973), медалью «За трудовую доблесть» (1950).

Амтус Александр Иванович (7.11.1898, Москва), с января 1933 до августа 1935 г. начальник Камчатского областного управления связи. Из крестьян или рабочих. Окончил четырёхклассное городское начальное училище (1912), школу политграмоты второй ступени (1923—1924), Высшие академические курсы Наркомсвязи (1931). В РКП(б) принят на заводе № 39 им. Менжинского в 1923 г. Трудовой стаж с 1910 г. — работа по найму в перерывах между учёбой. В 1912—1917 гг. — фрезеровщик, затем служил рядовым в Русской Армии. В 1919 г. в г. Омске мобилизован в белую армию, служил в рабочей колонне 11-й Сибирской стрелковой дивизии. На фронте перешёл к красным. Демобилизован в 1922 г. С 1924 г. — начальник склада Промвоздуха. В 1932 г. по решению Оргбюро ЦК ВКП(б) направлен на Камчатку «в порядке укрепления окраины». В записке председателя областного военного трибунала

Терняева от 21 января 1935 г. говорилось о притуплении классовой бдительности А. Откомандирован в распоряжение Далькрайкома партии.

Ананьевский Николай Сергеевич (1910), в 1937 г. заместитель заведующего Камчатским облздравом. Русский. Образование высшее медицинское. Беспартийный. На Камчатке с 1937 г.

Андреев Алексей Дмитриевич (1907), в мае 1938 г. помощник начальника первого отделения штаба Камчатского морского пограничного отряда (КМПО). Из рабочих. Русский. Образование низшее. В 1936 г. окончил высшую пограншколу. В ВКП(б) с декабря 1931 г. В ноябре 1937 г. получил выговор по партийной линии «за небдительность».

Андреев Никита Александрович (1872, с. Большая Урья Канского округа — 9.02.1938, г. Петропавловск-Камчатский), по материалам НКВД — руководитель баптистской общины в пос. Ключи Усть-Камчатского района. Из крестьян-середняков. Русский. Образование три класса сельской школы. На момент ареста 25 сентября 1937 г. — сторож Ключевского лесокомбината. На допросе в РО НКВД показал: «Религиозным я считаю себя с самого детства. В 1910—14 гг. (примерно) я прочитал евангелию и заметил, что попы религиозные убеждения искажают. Это натолкнуло меня поговорить с попом... Я спросил у попа, почему они не соблюдают все положения по евангелию. Поп мне ответил, что всё соблюдать нельзя и заявил, что он зарабатывает деньги языком. Такой ответ оттолкнул меня от религии. В 1927 г. в нашем селе Урья имелась группа евангелистов, к которой примкнул и я. Группа состояла примерно из пятидесяти человек. С 1927 г. всё время состою в группах евангелистов и считаю себя евангельским христианином. На Камчатку я приехал в 1933 г. Мне соседи и другие знакомые сообщили, что в пос. Ключи имеются ещё верующие, кроме меня. Так, мне назвали Колиниченко Тимофей Степанович, Троценко Кузьма Иванович и Набережная Дарья. После мы стали встречаться все вместе и молиться... В 1935 г. летом я выехал на материк к своим детям. Прибыв в г. Канск, я встретился со своим старыми знакомыми из Канской общины евангелистов, которую начал посещать и молиться с ними. Летом 1936 г. я решил вернуться на Камчатку и выехал в посёлок Ключи без каких-либо заданий или инструкций, в Канске я не получал и на тему об активности евангелистских собраний ни с кем не беседовал. Вернувшись в пос. Ключи, я увидел, что в Ключи приехали ещё верующие-евангелисты. Так, из новых были Волокитины, Набе-

режный Василий. Всего в группе было уже (со слов Колиниченко) одиннадцать человек вместе с Колиниченко Тимофеем, Дарьей, Василием и женой. Вновь вошли без меня: Волокитин Иван, Волокитина жена, Волокитин Емельян с женой и приехавшая со мной дочь. При мне в пос. Ключи вошли в нашу группу Горбунова Матрёна, Андреева (однофамилица) Мария и Чернышёв Никифор с женой, но последние посещали нас нерегулярно». А. заявил, что группой никто не руководил, все были равны, вербовкой и агитацией не занимался. Чекисты именовали дело Андреева, Троценко и Набережного делом «ерусалимцев». К. И. Троценко, 67 лет, был сторожем местного АКОснаба, И. Ф. Набережный, 30 лет, — сортировщиком пиломатериала на лесокомбинате. Оба малограмотные. Все трое обвинялись в принадлежности к «контрреволюционной антисоветской сектантской группе». 9 декабря 1937 г. приговорены Тройкой УНКВД по ДВК к ВМН и расстреляны. Реабилитированы 23 апреля 1958 г. постановлением президиума Камчатского областного суда в составе: председательствующего Федорчукова, членов Третьякова, Письменного, Кислицына и Сайфульмулюковой с участием прокурора области Голомидова.

Андреев Фёдор Андреевич (1913), 25 февраля 1942 г. утверждён начальником 1-го специального отделения КОУ НКВД. Из крестьян-середняков. Чуваши. Образование низшее. С 1928 г. в ВЛКСМ, в 1940 г. принят в кандидаты ВКП(б). В том же году — оперуполномоченный КОУ НКВД. Один из составителей акта-описи имущества Е. И. Давыдовой от 16 октября 1941 г., присутствовал при её расстреле.

Антипов Н. А. (1902), в июне 1938 г. утверждён первым секретарём Алеутского РК ВКП(б). В ВКП(б) с 1925 г.

Антомонов Филипп Иванович (ноябрь 1925, д. Плотниково на Алтае), с 20 декабря 1953 по 1 июня 1956 г. первый секретарь КОК ВЛКСМ. Из крестьян-бедняков. Русский. Образование среднее, окончил специальную Хабаровскую двухгодичную юридическую школу (1952). В ВКП(б) с октября 1945 г. В 1942—1943 гг. — курсант окружной школы снайперов в с. Шкотово, в 1943—1945 гг. — командир отделения 254-го полка 231-й стрелковой дивизии в г. Спаске. Участник советско-японской войны. В 1945—1947 гг. — командир отделения отдельной роты контрразведки в г. Куйбышевке, в 1947—1950 гг. — командир отделения войсковой части в г. Бикин. В 1952—1953 гг. — член Камчатского областного суда, инструктор Петропавловского ГК КПСС. Освобождён от работы в КОК ВЛКСМ в связи с выездом на учёбу в Хабаровскую краевую

ВПШ. Из служебной характеристики 1956 г.: «В обращении с молодёжью... прост, вежлив. В быту выдержан».

Антонов Михаил Васильевич, в конце 1920-х гг. заведующий факторией бухты Лаврентия. Согласно чекистским сведениям, при царе восемь лет служил приставом Туруханского края (имеет фотокарточки, на которых он в форме), хвастался жестокостью к политическим ссыльным; по убеждениям монархист-черносотенец. Несколько раз, по его словам, арестовывался ОГПУ в Новосибирске и Иркутске. После занятия Сибири Красной Армией бежал в Китай, где прожил два года. С целью покупки пушнины спаивает туземцев (за одного песца — одну чашку спирта). «Будучи антисемитски настроен к производителю работ кульбазы Этингеру, отказывал ему в выдаче денег и стройматериалов, несмотря на имеющиеся распоряжения. Пользуясь отсутствием Этингера, организовал забастовку рабочих в течение трёх суток, создав недовольство среди них по отношению к Этингеру. При организации забастовки спаивал рабочих спиртом 5—6 апреля 1928 г. Вместо А. часто торгует жена, дочь богатого купца Иркутска, жалуется, что у него отобрали много имущества, открыто высказывает свою враждебность к советской власти. Вся работа А. в течение двух лет характеризуется стремлением к подрыву авторитета соввласти, торгующих организаций и различными провокациями на почве антисемитизма».

Антусёнок Степан Павлович (1920, д. Николаевка Красноярского края), с 18 апреля 1945 по 23 марта 1947 г. первый секретарь Петропавловского ГК ВЛКСМ. Из крестьян-середняков. Русский. Образование семь классов. В ВКП(б) с марта 1945 г. В 1938—1939 гг. — управляющий делами Бирюльского РК ВЛКСМ в Красноярском крае. Там же в 1939 г. — инспектор райгосстраха. В 1939—1940 гг. — ответственный секретарь районной газеты «Голос колхозника». В 1940—1945 гг. — младший сержант, секретарь многотиражки Камчатского ордена Ленина КМПО НКВД. В 1947 г. — инструктор КОК ВКП(б). В 1951 г. — заместитель ответственного редактора «Камчатской правды».

Анчихан (Анничихин) Константин Селиманович (1888, хутор Макаровка на Урале), в 1931 г. школьный учитель в с. Кирганик Мильковского района. Из служащих. Калмык. Образование среднее. Приехал на Камчатку в октябре 1919 г. Арестован 30 августа 1931 г. Тройкой при полномочном представительстве (ПП) ОГПУ ДВК 14 января 1932 г. приговорён по ст. 58-10-11 УК РСФСР к десяти годам лишения свободы. Отбывал срок в Бамлаге. Бежал

26 января 1938 г. В 1940 г. объявлен во всесоюзный розыск, который результата не дал и был прекращён в 1954 г. В заявлении в Камчатскую прокуратуру от 22 марта 1964 г. просил о реабилитации и зачёте в трудовой стаж семь лагерных и двенадцати долагерных лет. Сообщал, что жил с паспортом на имя гражданина Самарской области Алексея Ивановича Богатырёва, который «за 90 руб. купил у китайца», и работал в Чумиканском районе Хабаровского края. Реабилитирован Камчатским областным судом 15 июля 1964 г.

Аракчеев Александр Никифорович (1895), с 13 сентября 1937 по апрель 1938 г. председатель КОИК, оставаясь председателем облплана. Из рабочих. Русский. Образование высшее, окончил Московскую плановую академию. В ВКП(б) с 1918 г. Имел партвзыскание за выпивку. Утверждён председателем областной плановой комиссии 26 мая 1934 г. Врид, и. о. председателя КОИК, соответственно, с 3 июля 1934 и 11 июля 1937 г. На бюро обкома ВКП(б) 23 мая 1937 г. утверждён руководителем областного комитета содействия. 3 апреля 1938 г. исключён из ВКП(б) «за связь с врагами народа и вредительскую работу». Под арестом с 4 апреля 1938 по 10 февраля 1940 г. Освобождён по ст. 204-б УПК РСФСР. Восстановлен в партии 10 марта 1940 г. В ноябре того же года его учётная карточка коммуниста выбыла в г. Нальчик Кабардино-Балкарской АССР.

Аржанов Сергей Ионович, или *Игнатъевич* (1895, с. Покровка Тамбовской губернии — 1.04.1938, Петропавловск-Камчатский), *противник колхозов*. Из крестьян-бедняков. Русский. В 1915—1917 гг. — рядовой Балтийского флота, в 1920—1922 гг. служил на Амурской флотилии. После службы — плотник. В 1925 г. перешёл в дом жены Татьяны Марковны Павленко, всех родственников которой впоследствии раскулачили и выслали. У жены был дом, крытый цинком, сто десятин пахотной земли, до двадцати лошадей, много скота. К 1929 г. они с супругой имели плуг, бороны, совместно с кем-то молотилку, три лошади, две коровы, шесть баранов, в 1937 г. — дом и две курицы. В 1930 г., ликвидировав своё хозяйство, выехал во Владивосток, откуда в следующем году прибыл на Камчатку. В 1932 г. ездил домой на Тамбовщину, на обратном пути был снят с поезда транспортным отделом НКВД в Иркутске, просидел больше месяца — выясняли личность. Из агентурных данных НКВД: в прошлом имел несколько голов крупного рогатого скота, до двухсот кур, применял наёмный труд; первый муж его жены и её брат Тимофей (и ещё

семнадцать человек) были расстреляны в 1924 г. как руководители кулацкого восстания. А. видел, как их подвели к яме и расстреляли. Говорил: «Я их очень жалею, они были хорошие ребята». Сообщал о себе окружающим: «У меня было восемь лошадей, сноповязалка, сенокосилка, только всё это числилось не за мной, а за женой». Рассказывал: родные пишут с материка, что голодают, ходят на конские кладбища и собирают падаль. В противовес советской пропаганде о кулаке-эксплуататоре заявлял: «У кулака нам (работникам. — В. П.) давали всё, что только захотели, и всегда были сыты и одеты. А теперь при советской власти лишь только по семьсот грамм хлеба. А раньше, когда мы работали у кулака, то после работы и перед обедом нам всегда давали водку или пиво, а шамать, что только душа желает, и без всякой нормы...» На момент ареста 8 октября 1937 г. — бондарь базы Моховая. Жена (в девичестве Щербина, 41 год) в это время трудилась промработницей Авачинского рыбокомбината. Семья растила двоих детей от десяти до двенадцати лет. Рассмотрев обвинительное заключение, подписанное полковником И. Я. Ломбаком, Тройка УНКВД по ДВК 17 февраля 1938 г. приговорила А. к ВМН по ст. 58-10 УК РСФСР. Расстрелян комендантом КОУ НКВД младшим лейтенантом *Заярным* и врио начальника третьего отделения *Дуболазовым* в присутствии заместителя областного прокурора Крупенина. Реабилитирован прокуратурой КО 1 июня 1989 г.

Артёменко Михаил Логвинович (1902), в 1952 г. секретарь партколлекции при КОК КПСС. Из крестьян. В ВКП(б) вступил в 1926 г. Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Артюхин Василий Иванович (1880, с. Никольское Нижегородской губернии), член Петропавловского городского комитета первого состава (6 марта 1917 г.), делегат первого Камчатского областного съезда 1917 г. и один из двоих товарищей председателя областного комитета; член областного комитета, избранного вторым Камчатским областным съездом 1918 г. гласный первой — пятой Петропавловских городских Дум (ПГД), участник антисоветских переворотов 1918 г. в Петропавловске. Из крестьян. Русский. Образование сельское начальное. Старший унтер-офицер запаса. 6 июня 1917 г. включён в комиссию по подготовке первого Камчатского областного съезда, созываемого «для организации общественной власти на Камчатке и разрешения краевых вопросов». 8 мата 1918 г. вошёл в состав областного комитета, казначей. После свержения советской власти в Петропавловске

в июле 1918 г. — вновь член областного комитета. В 1918—1919 гг. — член городской управы. В феврале 1922 г. участвовал в охране Петропавловска от красных партизан. Возглавлял думскую делегацию в их стан для примирения противоборствующих сторон — отрядов Камчатского областного народно-революционного комитета (КОНРК), или «сопочников», и представителей Временного Приамурского правительства. Избирался депутатом Народного собрания Приморья. По некоторым сведениям, считал себя социал-революционером, но на следствии по «Думскому делу» назвался беспартийным эволюционистом-демократом. До ареста 2 декабря 1922 г. работал агентом Добровольного флота, имел свой дом. Семья: жена и дочь. 23 июля 1923 г. выездной сессией Приморского губернского суда приговорён к пяти годам условно (этот срок был сокращён наполовину) с конфискации четверти имущества. В последующий период был, видимо, сокращён и пятилетний срок поражения в правах, так как 25 апреля 1926 г. избирается кандидатом в члены Петропавловского городского Совета. В 1928 г. — кладовщик городского агентства Совторгфлота. По данным на 1932 г., выехал во Владивосток. Реабилитирован по «Думскому делу» прокуратурой КО 24 сентября 1992 г.

Артюхов П. Ф., 4 апреля 1946 г. утверждён заведующим издательством «Камчатской правды» с освобождением от обязанностей председателя Осоавиахима.

Архангельский Александр Андреевич (1884, с. Меновое Камышинского уезда Банниковской волости Саратовской губернии), священнослужитель. Сын священника. Русский. Образование: три класса духовного училища. У отца имелась корова и лошадь. Оба брата священники. В 1895—1914 гг. учительствовал в сёлах у себя на родине, в 1914—1916 гг. — в Уссурийском крае. В 1916—1921 гг. — священник в селениях Карага и Паратунка, с 1921 г. — в Тигиле, Тарье, Халактырке. По словам мясника Ф. Я. Белея, в 1923 г. А. отказался от церковного сана, купил пару лошадей, стал заниматься извозом «и тут же начал агитировать против советской власти». В 1929 г. поступил в Петропавловское лесничество дровопиллом. Согласно показаниям лесобъездчика Д. С. Плотникова, в 1930 г. среди рабочих дровозовов «вёл антисоветскую агитацию, говоря: “Куда ни глянь, везде сидит еврей или жид из “наших”, везде сидят комиссары-жиды и издеваются над нами. Сами комиссары раскатывают на автомобилях и прогуливаются с ружьями, а вас заставляют работать, как собак”. И ещё «он осмеливал советский герб... “Серп и молот — рабочим смерть и голод”».

Счетовод П. Т. Сычѳв говорил, что население к нему относилось недоброжелательно, так как, «с одной стороны, убит им на охоте за дичью один камчадал, не понеся за это убийство никакого наказания, и, с другой, как плохой учитель и лентяй, что весьма вредно отзывалось на детворе. Помимо этого внушал и распространял... [что] всё равно скоро будет по-старому, будет царь, будут также опять начальники, жить будем, как жили раньше. Эти сведения имели место в с. Карага в 1918 г.». На момент ареста 25 февраля 1932 г. служил делопроизводителем в управлении постройки порта в Петропавловске. Имел семерых детей. Жена Анна вышла за него семнадцатилетней в 1908 г. В 1920-х гг. она работала продавщицей в партклубе им. Третьего Интернационала и обещала воспитывать детей в духе социализма, а сама раскрепоститься. К религии относилась отрицательно. Еѳ супруг был арестован 25 февраля 1932 г. Свидетельские показания на следствии отверг как наговоры. Виновным себя не признал. 19 мая 1932 г. Тройка ПП ОГПУ ДВК по ст. 58-10 УК РСФСР приговорила его к трѳм годам концлагерей. Реабилитирован прокуратурой КО 19 февраля 1990 г.

Атласов Василий Спиридонович (9.03.1890, с. Сероглазка Петропавловского уезда), участник свержения советской власти в Петропавловске в июле 1918 г. Из крестьян-бедняков. Камчадал. Рыбак-охотник, колхозник. В 1909 г. окончил двухклассное городское училище в Петропавловске. Собственность отца в Сероглазке: дом, нарта собак. Сам до 1929 г. имел дом на паях по месту жительства в с. Камаки Усть-Камчатского района. Холост. 9 июня 1933 г. впервые арестован за участие в антисоветском перевороте 1918 г. Меньше чем через месяц освобождѳн. 19 июня 1934 г. арестован вторично с прежним обвинением. 2 августа 1934 г. прокурор КО Кузьменко вынес постановление о прекращении дела и немедленном освобождении из-под стражи, поскольку следствие не установило его контрреволюционной деятельности «за исключением связи и знакомства с активными членами... организации “Автономная Камчатка”». 2 января 1935 г. ОСО при НКВД СССР приговорило его по ст. 58-2 УК РСФСР к пяти годам концлагерей. Был отправлен в БАМЛАГ после 21 августа 1935 г. Реабилитирован прокуратурой КО 27 июня 1989 г.

Афанасьева Людмила Леонтьевна (28.11.1940, с. Покалѳвка Луганской области), с 10 декабря 1976 г. ответственный секретарь Камчатского областного отделения общества охраны памятников истории и культуры. Из крестьян. Украинка. Образование высшее: в 1966 г. заочно окончила исторический факультет

тет Камчатского государственного педагогического института (КГПИ). В ВЛКСМ с 1954 г., в КПСС с 1969 г. На Камчатку приехала после окончания десятилетки по вызову брата Павла (1914 г. р.). В 1957—1958 гг. — рабочая Петропавловской жестянобаночной фабрики (ЖБФ). До октября 1965 г. — старшая пионервожатая средней школы (СШ) № 12, затем преподаватель краеведческого кружка в Доме пионеров. С сентября по октябрь 1966 г. — учительница СШ № 10. В ноябре 1966 — декабре 1976 г. — в ОК ВЛКСМ: заместитель заведующего отделом школ и учебных заведений и (с февраля 1971 г.) заведующая отделом школьной и студенческой молодёжи. В настоящее время живёт в г. Санкт-Петербурге.

Бабаев Никифор Клементьевич (1902), *противник советской власти*. Из крестьян-бедняков. По материалам управления МГБ, он, плотник Петропавловской судоремонтной верфи, высказывался в рабочей среде: «Давно бы надо всех коммунистов перерубить на котлеты, тогда бы и рабочие жили лучше». 26 декабря 1949 г. Камчатский областной суд по ст. 58-10 УК РСФСР в силу Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. приговорил его к двадцати пяти годам лишения свободы с поражением в правах на пять лет и конфискацией всего имущества. 1 декабря 1954 г. освобождён из-под стражи по постановлению Президиума Верховного Суда РСФСР. В 1965 г. дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Бабенко Алексей Яковлевич, в конце 1920-х гг. *уполномоченный Дальгосторга*. Затем заведующий Камчатским окрторгом, директор рыбоконсервного завода (РКЗ). В РКП(б) с 1917 г. В конце 1927 — начале 1928 г. подозревается в принадлежности к «троцкистской оппозиции» в Петропавловске. Из характеристики от 2 марта 1930 г. за подписью заместителя секретаря окружкома ВКП(б) *Биссенка*, отправленной в Хабаровский крайком партии: «Высокомерное отношение к рабочим, районным организациям, доходящее иногда до бюрократизма. Политически грамотен, выдержан, в данное время работает во Владивостоке [в] АКО». 2 декабря 1935 г. Усть-Камчатский РК ВКП(б) исключил его, «бывшего меньшевика», из рядов ВКП(б) за скрывание своего троцкистского прошлого. Арестован как враг народа. В 1938 г. привлечена к партийной ответственности его жена Ц. Р. Романовская.

Бабкин-Байкалов Алексей Иванович (умер, предположительно, в начале сентября 1922), в 1920 г. *основатель камчатской коммунистической организации, секретарь КОИК, городской голова Петропавловска*. Казачий есаул. В 1919 г. служил делопроизводителем

канцелярии управляющего КО, но, по его словам, был скрытым врагом режима. Рассказывал, что 9 января 1920 г., накануне падения колчаковской власти в Петропавловске, управляющий КО Н. Н. Червлянский якобы сказал ему, что знает, кто он, и он ударил Червлянского по лицу. Потом говорил: «Могли расстрелять!» 15 января 1920 г. Временный военно-революционный комитет (ВВРК) постановил освободить его из-под домашнего ареста вместе с милиционером Меньшиным. Организуя в начале 1920 г. на Камчатке партию коммунистов, объявил себя состоящим в РСДРП с 1905 и имеющим личное знакомство с Л. Д. Бронштейном-Троцким, но перерегистрацию в качестве члена РКП(б) 4 августа 1920 г. не прошёл. Новым руководителем камчатских коммунистов стал в тот же день Пересыпкин. Противники Б.-Б. вменяли ему в вину антикоммунистические статьи в колчаковской печати под псевдонимом «Саянский», на что тот, по сведениям историка Б. И. Мухачёва, отвечал: «А что я мог писать? Я хотел втереться в доверие к Червлянскому». 16 августа 1919 г. «Камчатский вестник» напечатал почти двухполосную статью А. Саянского «Германо-большевистская деятельность». Накануне приказом Червлянского увольняется в отставку по болезни и допускается к исполнению должности делопроизводителя его канцелярии. 16 октября 1919 г. по требованию камчатского воинского начальника освобождается от этой должности. В январе 1920 г. арестован руководителями просоветского переворота, однако через несколько дней переведен на домашнее содержание, стал писать статьи в коммунистическом духе, первая из этой серии называлась «Буржуазия и советская власть». 2 марта 1920 г. избран председателем исполкома Петропавловской организации РКП(б). На следующий день об её утверждении исполком ходатайствовал перед Приморским ОК, но тот по совету Ларина и *Воловникова* воздержался. На праздновании 1 мая 1920 г. в своей зажигательной речи обрисовал политическую обстановку и рассказал о мерах, намечаемых красной властью в случае высадки японского десанта, но опроверг слухи, будто она вооружается против «японско-подданных», кои живут в Петропавловске, и не для расстрела буржуазии. «Это, — заявил он, — гадкая клевета, гнусная провокаторская ложь, пущенная по городу, чтобы восстановить против партии коммунистов». 15 июня 1920 г. общество «Просвещение» закрытым голосованием избирает его своим председателем. Иногда выпивал, но нажил себе врагов не из-за этого: многие горожане считали его весьма незаурядной личностью и избрали гласным четвёртой ПГД.

Б. И. Мухачёв приводит слова И. Е. Ларина на третьем Камчатском областном съезде: «Абсолютное отсутствие демократии. Но Камчатка выгодно отличается от материка тем, что ещё кое-какие свободы сохранены, и мы не идём на поводу у кучки политиканов. У нас — демократия. Мы не дадим погибнуть даже Бабкину-Байкалову, который грозит пойти с сумой...» К тому времени последний уже не занимал должность городского головы, а ещё раньше, при перерегистрации, потерял членство в РКП(б). 3 октября 1920 г. новый руководитель Петропавловского уездного комитета РКП(б) М. И. Савченко направил в Приморский ОК письмо, в котором называл Б.-Б. «в высшей степени опасным человеком», сообщая одновременно, что вынесено постановление о высылке бывшего товарища по партии на материк и что «были приняты меры к устранению его от должности городского головы», и это «удалось сделать при помощи гласных-коммунистов». Но, жаловался Савченко, «сторонники Бабкина-Байкалова не дремлют и стараются облить грязью людей, стоящих во главе местной организации, в частности товарища Пересыпкина... Будто бы товарищ Пересыпкин, будучи председателем Союза грузчиков во Владивостоке, похитил из средств Союза средств крупную сумму денег, за что сидел в тюрьме». Летом 1921 г. Б.-Б. вместе с Гапановичем и другими единомышленниками участвовал в попытке мирного смещения Ларина и его окружения. В середине июня привлечён народной охраной (милицией) к ответственности за появление в публичном месте в пьяном виде. На митинге 20 июня в Петропавловске, писали «Известия КОНРК», Б.-Б. «была предложена бессвязная резолюция, требующая передачи власти областного народно-революционного комитета “народу”, то есть ему, Байкалову, и “иже с ним”. Интересно, что этот господин, претендующий на звание общественного деятеля, явился на митинг в пьяном виде. В своей речи Бабкин-Байкалов требовал референдума, то есть опроса всего населения в смысле присоединения к Советской России или ДВР, и в конце речи договорился до передачи власти на Камчатке митингу...» События тех дней в интерпретации авторов сборника статей «За власть Советов на Камчатке (1917—1923 гг.)»: «Провокатор Бабкин-Байкалов... вместе с Гапановичем, Кумпаном, братьями Поповыми и другими по прямому заданию меркуловского правительства начал готовиться к захвату власти в Петропавловске. Снова выдвинув лозунг “Камчатка — для камчадал”, имея поддержку со стороны японских кораблей, стоявших в Авачинской бухте, контрреволюционеры

и провокаторы стремились отторгнуть Камчатку от Советской России и отдать её богатства на разграбление японским и американским империалистам. Авантюристическая группа Гапановича и Бабкина-Байкалова пошла на открытое вооружённое выступление. Необходимо было обезвредить заговорщиков, но они собрались вместе, укрылись в одном из домов и стреляли по каждому, кто подходил близко. Тогда партийная организация (кстати, об этом ни слова в «Очерках истории Камчатской областной партийной организации» выпуска 1985 г. — В. П.) и облнарревком поручили начальнику милиции коммунисту Фролову блокировать этот дом. Немедленно было создано расширенное заседание облнарревкома совместно с представителями сёл Сероглазки, Авачи, Халактырки, Завойко, Коряки, Тарьи, Налычева. Обсуждался вопрос об угрозе советской власти на Камчатке». В приведённом выше тексте расширенным заседанием КОНРК названо, по всей видимости, созданное по его инициативе общее собрание «из представителей общественных организаций Петропавловска (городской Думы, Трудового Союза, Центросоюза, Союза камчатских кооператоров и Петропавловского кооператива) с участием японского лейтенанта Минандзума и секретаря консульства господина Сидо». Открылось оно 4 июля в Народном доме в половине двенадцатого ночи. Петропавловский городской голова Е. А. Колмаков, вернувшийся вместе с В. И. Румянцевым, секретарём городской управы, из японского консульства, сообщил, что консул заверил его о невмешательстве в русские дела. Гласный Думы, педагог П. Т. Новограбленов сказал: «До приезда Гапановича в городе было спокойно... появились слухи о готовящихся беспорядках во главе с Бабкиным-Байкаловым и Гапановичем...» 11 июля 1921 г. троих «заговорщиков» взяли на поруки близлежащие селения. На следующий день их обезоружили и взяли подписку о невмешательстве в политическую жизнь области и прекращении какой бы то ни было агитации и развезли по селениям. Б.-Б. увезли в Завойко. Вскоре он покидает Камчатку. 16 августа 1922 г., в связи с прибытием Б.-Б. в пределы края на пароходе из Владивостока, Х. П. Бирич издаёт приказ об его аресте как опасного коммунистического деятеля. По некоторым данным, казнён белоказаками 5 сентября 1922 г. вместе с И. В. Рябиковым.

Бадаев Г., согласно официальному списку, в феврале 1922 г. участник охраны Петропавловска от красных партизан.

Бадах Демьян Моисеевич (1890, с. Зубровка Волынской губернии — январь 1934), гласный третьей ПГД 1919 г. Украинец.

Малограмотный. По профессии бухгалтер. В царской армии — рядовой. В 1918—1920 гг. — секретарь Петропавловской городской управы. В 1922 г. якобы бежал в Японию, как работавший в администрации у белых. По возвращении на пароходе «Хитакумару» 20 декабря 1922 г. в отдел юстиции Камчатского губернского революционного комитета (КГРК) поступил рапорт об его аресте. В 1923 г. в Петропавловске принимал участие в театрализованной инсценировке «Красное Евангелие», где играл попа, а *А. Домман* — красноармейца. 16 июля 1923 г. губбюро РКП(б) выносит постановление: за растрату, пособничество белобандитам и предательство первым же пароходом отправить во Владивосток для суда. «Впредь до отправки освободить от поручительства и привлечь к работе по специальности, оплачивая труд, исходя из минимума». В августе 1923 г. принят на советскую службу с согласия прокурора. Считался неблагонадёжным, находился под надзором. Был допущен врио заведующего делопроизводством канцелярии губревкома. В декабре 1923 г. вычищен как чуждый элемент. Арестован 19 марта 1933 г. в качестве «одного из основоположников контрреволюционной шпионской повстанческой диверсионно-вредительской организации “Автономная Камчатка”». Обвинён по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР. Виновным себя не признал. 1 января 1934 г. приговорён Тройкой ПП ОГПУ ДВК к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.

Баженов Михаил Васильевич (1877, Томская губерния), *сторонник красных партизан*, называемых населением «сопочниками». Из крестьян. Малограмотный. В 1899—1905 гг. служил в армии, в конце службы — писарем. В Петропавловск приехал в 1910 г. из Владивостока, где трудился горнорабочим. Год проработал грузчиком, выехал в Усть-Камчатск, жил в Ключах. В 1917 г. вновь попал в армию, но был отпущен в Усть-Камчатск заниматься рыбной ловлей и охотой. В начале 1930-х гг. — грузчик, житель с. Николаевки Усть-Камчатского района. Под арестом в ОГПУ (ст. 58-2 УК РСФСР) с 13 по 21 июня 1933 г. В первый же день заявил на допросе: «Имущества никакого не было и нет, кроме землянки... С 1921 по 1922 г. мне было поручено партийной организацией хранить продовольствие партийной организации. Поручение хранить грузы я получил от Лукашевского. По приходу в Усть-Камчатск советской власти я сдал остатки груза и отчёт Маркову и Мирошникову». Освобождён.

Базилев Леонид Владимирович (1938), в 1975 г. начальник Камчатского аптечного управления, в 1990 г. генеральный

директор производственного объединения «Фармация». Образование высшее. В КПСС с 1961 г. Награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Бакулов Роман Владимирович, супруг последующей. В 1918 г. — член Петропавловского горсовета от совета служащих торгового дома «Чурин и К^о», продавец разъездного торгова, затем доверенное лицо, заведующий складами вышеуказанной фирмы, заведовал её мильковским отделением. В 1923 г. оштрафован «за роспуск домашнего скота по огородам», ему предъявлен также иск за потраву картофеля. Был арестован как контрабандист: скупая пушнину у местных охотников, продавал подданным других государств, а те, в свою очередь, отправляли её в Японию. Помимо этого, по материалам ОГПУ, приобретал иностранную валюту и совершал незаконные операции с изделиями из золота. По некоторым данным, репрессирован в 1931 г. по ст. 58-10-12 УК РСФСР. Сведений о реабилитации нет.

Бакулова Александра Илинарховна, или Иринарховна (10.01.1878, с. Дранка Петропавловского уезда, Камчатка), религиозный деятель, жена героя русско-японской войны Максима Ивановича Сотникова. Русская. Занималась своим хозяйством, проживая в Петропавловске по ул. Таможенной, дом № 40. Дочь священника Иринарха Сергеевича Малахова, около двадцати лет миссионерствовавшего в районе бухты Барона Корфа, а затем служившего почти четырнадцать лет в Мильково, где он и умер. Вышла замуж за унтер-офицера Сотникова, ставшего потом подпоручиком. Сотников, по её словам, во время войны с японцами, «будучи в районе реки Озерной с командой казаков совместно с Карльсоном Северином Карловичем ухитрился взять в плен начальника и врача японского экспедиционного отряда, а после разгромить этот отряд и превратить в бегство. За это в 1906 г. японцы, его поймав в районе Воровской реки, зарезали, и я овдовела». С 1908 г. второй муж — *Р. В. Бакулов*. Круг знакомств Бакуловой: мать Прокопия и Ивана Новограбленовых Калиста Васильевна, Косыгина Вера Иосифовна, Елизар Колмаков, Игнатий Долматович Козырев, рыбак Александр Павлович Колмаков, Яков Григорьевич Конев, а также посаженный чекистами, высланный летом 1931 г. с Камчатки Иван Иннокентьевич Косыгин. Арестована 2 марта 1932 г. Из обвинительного заключения, составленного уполномоченным Камчатского ОО ОГПУ *Ермолиным*: «Гражданка Бакулова А. И. является дочерью священника Малахова, служившего на Камчатке и в низовьях реки Амура в течение двадцати лет...

Происходя из классово-чуждой среды и ненавидя советскую власть, гражданка Бакулова ориентируется на японцев, с которыми завязывает связь и непрерывно поддерживает её до 1931 г. включительно, одновременно группируя вокруг себя классово-чуждый элемент... В декабре 1931 г. начинает вести активную работу по сплочению религиозной общины г. Петропавловска и подготовки членов таковой против изъятия здания Петропавловской церкви под Дом обороны». В меморандуме по следственному делу № 36-32 от 7 апреля 1932 г. говорится, что она в том же декабре 1931 г. начала систематически посещать японского парикмахера Чибя Кесандра, после чего духовно воспряла... Если раньше сидела дома, то теперь проявляет невидимую активность по сколачиванию религиозного актива для борьбы за церковь. Для этой цели она целыми днями ходит по квартирам бывших членов религиозной общины и убеждает их поддержать путём вхождения в состав общины... «Если мы сумеем собрать порядочное число членов общины, то тогда изъятую церковь мы снова отберём обратно в общину, а весной 1932 г. советская власть падёт, и мы снова заживём по-старому"... Вывод: Бакулова является социально опасной в контрреволюционной деятельности. Необходима дальнейшая проработка связанных с консульством, а также взаимная связь Бакуловой со священником Леонтием по шпионажу...» Постановлением Тройки ПП ОГПУ ДВК (ст. 58-6-9) от 19 июня 1932 г. сослана на три года в Западную Сибирь. Реабилитирована прокуратурой КО 20 июня 1989 г.

Бакшеев Сергей Васильевич (1906, Самарская губерния), чекист. Русский. Образование по состоянию на конец 1950-х гг. среднее. Член ВКП(б) с 1939 г. В РККА с 1925 г., в войсках ОГПУ — с осени 1928 г. В 1929—1930 гг. — контролёр контрольно-пропускного пункта в Тигиле. С зимы 1930 по лето 1933 г. — в той же должности в Хайрюзово. Затем до осени 1935 г. — помощник уполномоченного группы борьбы с контрабандой. В феврале 1955 г. уволен в запас по возрасту в звании полковника с должности начальника штаба управления погранвойск МВД Западного округа с правом ношения формы. Из допроса Б. при пересмотре «Тигильского дела» от 19 декабря 1958 г.: «Арестовывали этих лиц в Морошечном... в связи с уголовным делом по факту отравления скота в с. Утхолок... Сам я лично никого из этих лиц не допрашивал, но присутствовал ли при допросах, сказать не могу — не помню».

Балабанов Сергей Иванович (1927), в начале 1970-х гг. второй секретарь КОК КПСС. Русский. Образование высшее. В ВКП(б)

вступил в 1950 г. Награждён орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта».

Балакин Михаил Лаврентьевич (7.06.1911, Уфимская губерния), с 28 марта 1951 по 1959 г. редактор газеты «Камчатская правда». Из крестьян. Русский. Член ВКП(б) с мая 1932 г. Редакция «Камчатской правды», утверждённая на бюро ОК КПСС 20 мая 1953 г.: Б., его заместитель И. Г. Кульчицкий, ответственный секретарь Я. Д. Пивоваров, заведующий отделом партийной жизни И. Б. Рогозин, заведующий промышленным отделом М. А. Фишер, Воскобойников. Награждён орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией».

Балашёв Борис Иванович (1895), в 1926 г. председатель Карагинского райревкома. «Рабочий из мещан». Образование два класса городского училища, три класса пехотной советской школы нормального типа. До 1917 г. служил на железной дороге, после — в РККА. В декабре 1925 г. — председатель Дранкинского волревкома (секретарь Степан Тимофеевич Шадрин, член с жалованием по должности начальника милиции Алексей Тимофеевич Коробко).

Балкус Бронислав Андреевич (1898, Рига), с 1934 по январь 1938 г. начальник 3-го отделения КОУ НКВД. Из рабочих. Литовец или латыш. Образование по одним данным низшее, по другим — два курса МГУ. В большевистской партии с октября 1917 г. Арестован 28 января 1938 г. Обвинён по ст. 58-16-7-11 УК РСФСР. Исключён из ВКП(б) 7 февраля 1938 г. «за систематическую связь с врагами народа, морально-бытовое разложение и дискредитацию звания члена партии и чекиста». Освобождён из-под стражи 8 декабря 1939 г. по ст. 204-б УПК РСФСР. Восстановлен в партии 5 января 1940 г.

Банакан, делегат второго Камчатского областного съезда 1918 г. от ламутов.

Бандурин Егор Матвеевич (1880, д. Ожгово Трубачёвского уезда Стрелецкой волости Орловской губернии, ныне Брянской области), с 10 декабря 1917 г. член Петропавловского горсовета от Рабочего (профессионального) союза; кандидат к гласным пятой ПГД 1922 г. Из крестьян. Русский. Малограмотный (самоучка). В 1901 г. три месяца сидел в тюрьме за воровство в Ачинске. На Камчатке с 1909 г. По профессии икрянщик. До 1914 г. занимался рыболовством в Петропавловске и на реке Шемлячек. В 1915 г. призван в армию. До 1917 г. служил в г. Благовещенске, затем в Камчатской местной воинской команде, откуда уволился в кон-

це того же года. Якобы отзывался о партизанах в период красно-белого противостояния: «Подождите, жулики и босяки! Скоро вам будет конец!» В 1923 г., будучи привлечённым по «Думскому делу», имел дом, корову, телёнка и шлюпку. На момент ареста 7 марта 1932 г. занимался в своём хозяйстве. Обвинялся по ст. 58-10 УК РСФСР. На допросе 9 марта 1932 г. у следователя Степанычева сказал: «Отношусь к советской власти как сын России». 19 мая 1932 г. приговорён Тройкой ПП ОГПУ ДВК к трём годам лишения свободы. 29 августа 1933 г. Петропавловская таможня выставляла на торги (по ул. Партизанской, 21) описанные у Б. вещи «в обеспечение штрафа за контрабанду»: железо, цемент, кирпич, проволоку, оконное стекло, канат, ломы, пилы, разный столярный и слесарный инструмент, косы и прочее. Реабилитирован прокуратурой КО 19 февраля 1990 г.

Бараев, в 1919 г. Охотский старшина.

Баранов Иван Николаевич (29.11.1918, д. Даниловка Крапивинского района Тульской губернии), с 19 февраля 1963 по 18 апреля 1973 г. начальник УКГБ по КО. Из крестьян. Русский. В 1936 г. окончил восемь классов, в 1957 г — среднюю школу. Вступил в ВКП(б) в 1942 г. Трудиться начал счетоводом в своём сельсовете. С июня 1937 по октябрь 1938 г. — инструктор Крапивинского РИК, затем писарь-красноармеец облвоенкомата Марийской АССР, 624-го стрелкового полка 37-й дивизии Московского военного округа. 9 марта 1940 г. стал курсантом Орловского военного пехотного училища. С 6 июня 1941 г. — оперуполномоченный, старший оперуполномоченный Особого отдела НКВД и отдела контрразведки «Смерш» 220-й стрелковой дивизии Западного и Калининского фронтов. Ранен, с 15 декабря 1943 г. по июнь 1944 г. в московском эвакогоспитале № 4625. С 10 июня 1944 г. служил в «Смерш» и управлении кадров МГБ Московского военного округа, управлении кадров МГБ СССР. 20 июня 1950 г. назначен заместителем начальника, а 13 ноября — начальником отделения по рассмотрению заявлений и жалоб секретариата управления кадров МГБ СССР. С 29 марта 1952 г. — в управлении кадров МГБ СССР, с 10 мая 1954 г. — в Главном управлении КГБ при СМ СССР. Избирался членом бюро КОК КПСС и депутатом областного Совета депутатов трудящихся. 18 апреля 1973 г. откомандирован в распоряжение управления кадров КГБ при СМ СССР. С 18 июля 1973 г. уволен с действительной военной службы по возрасту в запас КГБ с правом ношения формы. 22 января 1979 г. исключен с учёта запаса КГБ по возрасту в связи с выходом в отставку. Звания:

младший лейтенант ГБ (5.01.1942), лейтенант ГБ (22.07.1942), капитан ГБ (11.02.1943), майор (29.10.1946), подполковник (19.12.1950), полковник ГБ (3.02.1954), полковник (17.10.1955). Награждён орденами Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта»; медалями «За отвагу» (30.07.1942), «За победу над Германией» (9.05.1945), «30 лет Советской Армии и Флоту», «40 лет Вооружённых Сил СССР», «За боевые заслуги» (за выслугу лет), «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За отличие в охране государственной границы СССР», «50 лет Вооружённых Сил СССР», «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «За безупречную службу» 1-й степени; нагрудными знаками «25 лет победы в Великой Отечественной войне» и «Почётный сотрудник госбезопасности», «50 лет ВЧК-КГБ».

Барбуш Матрёна Тимофеевна (1886, с. Тетеревка Жашковско-го уезда Киевской губернии), «домашняя певичка». Из крестьян. Украинка. Образование низшее. Замужняя. Домохозяйка. Жительница Петропавловска. По свидетельству двух соседей, в первых числах 1938 г. «пела песни, направленные против вождей партии и правительства, советской власти, в частности, против тов. Сталина, Калинина и других, причём содержание означенных песен отличается исключительным цинизмом». Арестована 17 апреля 1938 г. 19 июля 1938 г. Камчатский областной суд приговорил её по ст. 58-10 УК РСФСР к десяти годам лишения свободы. Реабилитирована Президиумом Верховного суда РСФСР 6 июня 1990 г.

Барвинский Владимир Васильевич, после просоветского переворота в Петропавловске 1920 г. *секретарь ВВРК*. С 21 января 1920 г. исполнял обязанности коменданта города и начальника гарнизона. Был режиссёром Петропавловского театрального кружка на общественных началах. 9 мая 1920 г. поставил свой прощальный спектакль — оперетту Котляревского «Наталка Полтавка».

Барвинская Таисия Васильевна (1917), с марта 1957 г. *главный врач Камчатской областной больницы*. Из служащих. Образование высшее. В ВКП(б) с 1943 г. Во время ВОВ — в действующей армии. Награждена медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией».

Барминский Сергей Арсеньевич (1900), в начале 1930-х гг. *заместитель начальника ОО ПП ОГПУ ДВК*. 5 октября 1931 г. утвердил постановление о содержании арестованных по «Тигильскому делу» при Хабаровском исправительно-трудовом доме. Руководил следствием по делу «Автономная Камчатка». На момент

ареста 15 августа 1937 г. — начальник особого сектора ОВД. Расстрелян как участник правотроцкистской контрреволюционной организации.

Барыкин Иван Филиппович (1899), согласно официальному списку, в 1922 г. участник охраны Петропавловска от красных партизан. На момент ареста 19 августа 1938 г. — старший механик городской радиостанции. Обвинён по ст. 58-10, ч. 1, УК РСФСР. Освобождён 17 июня 1939 г.

Басюк Дмитрий Феоктистович (1923), недовольный политической советской власти. Из крестьян-бедняков. На фронте с апреля 1944 г., дошёл до Берлина, награждён медалью «За отвагу». В 1950-х гг. — член колхоза «Октябрь» Соболевского района (с. Русь). На колхозных собраниях в апреле и декабре 1957 г. «высказывал клевету на руководителей партийно-советских органов, измышления и недовольство постановлениями Пленума ЦК КПСС об антипартийной группе Маленкова, Кагановича и Молотова, клеветал на условия жизни трудящихся в СССР, на советскую печать и радио, одновременно с этим восхвалял капиталистический строй». Арестован по постановлению Камчатского УКГБ от 6 февраля 1958 г. 16 апреля того же года приговорён областным судом (ст. 58-10 УК) к шести годам лишения свободы. 30 июля 1960 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР снизила срок наказания до трёх лет. По одним сведениям, реабилитирован в 1991 г., по другим — Генеральной прокуратурой РФ 26 февраля 1993 г.

Батурин Анатолий Дмитриевич (17.04.1888, г. Санкт-Петербург — 1934, г. Хабаровск), учёный, гласный и секретарь четвёртой ПГД; кандидат в члены Всероссийского Учредительного собрания от партии социалистов-революционеров на выборах 29 октября 1917 г. Из дворян. Русский. Образование высшее: четыре года кадетского корпуса, Санкт-Петербургский университет. В начале 1917 г. помощник начальника Соболиной экспедиции, затем заведующий экспедиции Минзема по обследованию пушных промыслов КО. В 1919 г. — делопроизводитель областной канцелярии. В 1920 г. избирался депутатом Народного собрания Дальнего Востока от Петропавловска и кандидатом в гласные четвёртой ПГД. В сентябре 1920 г. — врио секретаря КОИК. Входил в состав образованного 12 ноября 1921 г. Временным Приамурским правительством Особого совещания по оказанию культурно-экономической помощи населению Охотско-Камчатского края. По данным историка А. А. Хисамутдинова, перед арестом 22 июня

1933 г. — специалист Всесоюзного института пушного хозяйства. В деле «Автономная Камчатка» значится: «На предварительном следствии дал показания о том, что, будучи выходцем из состоятельной дворянской семьи, Великую Октябрьскую социалистическую революцию он встретил отрицательно и в 1918 г. примкнул во Владивостоке к антисоветской группе, возглавляемой Лавровым и Арсеньевым. Эта группа, как показал Б., переросла потом в контрреволюционную организацию с центром в г. Владивостоке и охватывала, с одной стороны, Камчатку, и с другой — Приморье и владивостокские круги профессуры и специалистов. Во главе организации к 1926—1927 гг., судя по показаниям Б., стали Арсеньев, Кривоборский, Полевой, Пентегов и Фирсов...» 29 апреля 1934 г. приговорён Судтройкой ПП ОГПУ ДВК к ВМН по ст. 58-6-7-11 УК РСФСР. Дело прекращено Военным трибуналом ДВО 26 ноября 1956 г.

Бахтин Илья Александрович, на конец апреля 1918 г. «кандидат в милиционеры» (из книги «Первый совдеп», Петропавловск-Камчатский, 1967). *Бушув* говорил о нём после июльского переворота: «...этот человек, считаясь с личностями, всецело стремится произвести среди населения и прочих граждан какое-либо насилие и до последнего времени стоял на том, чтобы переизбрать областной Совет, закрыть школы, так как учителя все провокаторы и т. п.». Выселен с Камчатки по постановлению чрезвычайного заседания Завойкинского волостного съезда от 2/15 июля 1918 г. Вернулся в Петропавловск на пароходе «Монгугай» 18 августа 1918 г. по пропуску Приморской Земской Управы, был арестован. Входил, но вскоре выбыл, в паратунский партизанский отряд, организованный 21 марта 1922 г.

Беззубов А. Т. (1902, Полтавская губерния), с апреля 1933 г. *заведующий Камчатским облснабом*. Из рабочих. В РКП(б) с 1921 г. Служил в РККА. В 1922—1925 гг. — надзиратель Харьковской милиции. Затем учился в вечернем техникуме, работал в рудоправлении Донбасса. На Камчатке с 1931 г., член ОК ВКП(б), член президиума КОИК.

Бек Георгий Георгиевич (1878, с. Дерново, имение Норонки Нежинского уезда Калужской губернии — 22.02.1923), *коммерсант*. Из дворян. Русский. Образование: курс гимназии экстерном. До 1914 г. — доверенный фирм «Ралле» и «Эрмайл» в Москве. В Первую мировую войну служил на Северном фронте в Александровском гусарском полку прапорщиком. После февраля 1917 г. — на артиллерийском складе во Владивостоке, потом демобилизо-

ван, работал во владивостокском и московском продовольственных комитетах коммерческим агентом. Некоторое время служил, будучи мобилизованным в армию Колчака. С 1919 по 1922 г. целиком занимался коммерцией. Был дружен с *В. И. Бочкарёвым*. Прибыл в Петропавловск с продтоварами 21 января 1922 г. на пароходе «Охотск» вместе с Пуриным и *Добровольским* — членами Особого совещания Приамурского правительства по культурно-экономической помощи Охотско-Камчатскому краю. Отбыл во Владивосток на том пароходе и с теми же лицами 29 апреля 1922 г. Его снабженческая поездка на Север и Командоры по ряду причин не удалась. На момент ареста во Владивостоке 2 декабря 1922 г. его семья состояла из жены Валентины Николаевны, тридцати лет, и дочери Ольги. Спустя десять дней супруга Б. послала письмо начальнику Приморского губотдела госполитохраны. Для неё происшедшее было печальным недоразумением, и она верила, что всё выяснится. «Здесь, во Владивостоке, — писала она, — он проживает уже несколько лет... Ни я, ни он не имеем имущества, которое могло бы служить порукой, я могу представить поручительство видных лиц местной общественности». Б. проходил по делу «Камчатской экспедиции есаула Бочкарёва». По ст. 58 УК РСФСР (в редакции 1922 г.) обвинялся в организации в контрреволюционных целях восстаний или вторжения на советскую территорию вооружённых отрядов или банд, а равно в участии во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах или насильственно отторгнуть от РСФСР какую-либо часть её территории, или расторгнуть заключённые ею договоры. Конкретно же ему вменялось вину то, что он «обязался доставить из Петропавловска в Тигиль, ещё не занятый войсками экспедиции, отряд с целью способствовать успеху указанной экспедиции» (на самом деле с Б. и его людьми собиралась ехать часть 1-й казачьей сотни во главе с Н. А. Поляковым). 7 февраля 1923 г. приговорён к расстрелу Реввоентрибуналом 1-й стрелковой дивизии 5-й Краснознамённой армии. Реабилитирован 26 июля 2001 г. военной прокуратурой Тихоокеанского флота (ТОФ) вместе с *Биричем* и Салатко-Петрице по ходатайству составителя, тогда директора ЦДНИКО.

Белей Феодосий Яковлевич (1899—1934), согласно официальному списку, в 1922 г. участник охраны Петропавловска от красных партизан. На момент ареста 19 марта 1933 г. — заведующий столовой КОК ВКП(б). Как «автономист» привлекался по ст. 58-2-6-8-9-11. 1 января 1934 г. Судтройкой ПП ОГПУ ДВК

приговорён к ВМН с конфискацией имущества. Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.

Беликов Григорий Петрович (1880, д. Воробино Енисейской губернии), в 1924 г. председатель селькома в с. Немтик Соболевской волости. Из крестьян. Малограмотный. Беспартийный. На момент ареста 12 июня 1932 г. работал в личном хозяйстве. 4 августа 1932 г. приговорён Тройкой ПП ОГПУ ДВК по ст. 58-10-11 УК РСФСР к трём годам лишения свободы. Реабилитирован прокуратурой КО 20 июня 1989 г.

Белокопытов Николай Иванович (1896, Петропавловск-на-Камчатке — январь 1934, Хабаровск), участник антисоветского переворота 1918 г. в Петропавловске. Камчадал. Малограмотный. Холост. Чернорабочий. Имел две судимости: один месяц в 1928 г. за хулиганство, шесть месяцев в 1931 г. по ст. 169 УК РСФСР. На момент ареста по делу «Автономная Камчатка» 5 марта 1933 г. — без определённых занятий. Обвинён по ст. 58-2-6-8-9-11 УК РСФСР. Расстрелян. Реабилитирован решением ВТ ДВО от 27 апреля 1957 г.

Белопотанов Фёдор Константинович (8.02.1911, с. Перлевка Землянского района Воронежской области — июль 1975), в 1960—1967 гг. председатель Петропавловского горисполкома (ГИК). Из крестьян. Русский. Образование неполное высшее. В ВКП(б) с 1939 г. Основная профессия — радист. Получил её во время службы на ТОФ, до этого плотничал. В 1939—1940 гг. — заведующий радиостанцией Шубертовского рыбокомбината. В 1940—1943 гг. — инструктор Усть-Камчатского РК ВКП(б) по кадрам. В 1943—1947 гг. — инструктор, заместитель заведующего оргинструкторского отдела КОК ВКП(б). В 1947—1950 гг. — первый секретарь Усть-Камчатского РК ВКП(б). С 1950 по 1952 г. учился в Хабаровской краевой партшколе, в 1952—1955 гг. — первый секретарь Соболевского РК КПСС. В 1955—1960 гг. — заведующий отделом промышленности и транспорта обкома КПСС. С 22 декабря 1967 г. до ухода на пенсию в марте 1974 г. — начальник управления бытового обслуживания населения КОИК.

Белугин Николай Иванович (1903), с 1 марта 1949 по март 1951 г. ответственный редактор газеты «Камчатская правда». Русский. Образование высшее. Член ВКП(б) с января 1927 г. Трудовой стаж с 1917 г. Специальность — партработник. Утверждён ответственным редактором «Камчатской правды» 28 февраля 1949 г. Выговоры, объявленные КОК ВКП(б): 1) от 24 мая 1950 г. без занесения в учётную карточку за систематические

ошибки и грубые опечатки на страницах газеты, 2) от 28 октября 1950 г. с занесением «за допущенные грубые ошибки и опечатки в газете и за крупные недостатки в руководстве аппаратом редакции». Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Белый Николай Иванович (1905), в конце 1930-х гг. цензор. В 1927 г. арестовывался ОГПУ за распространение троцкистской «платформы 83-х». Работая в камчатском обллите (цензуре), «допустил грубейшее политическое искажение в “Камчатской правде”. К секретной документации относился небрежно». Исключён из партии Петропавловским ГК ВКП(б) 1 июня 1937 г.

Бельницев Леонид Иванович (1906), в 1930-х гг. заведующий Тигильским райфинотделом. Исключен из ВКП(б) 28 января 1936 г. «за протаскивание троцкистский идей», выразившихся в постановке пьесы с ролью Троцкого как вождя и революционера. 16 октября 1936 г. восстановлен в ВКП(б) Далькрайкомом. 14 марта 1937 г. вновь исключён «за шкурничество».

Бергау Фридрих Генрихович, 27 лет в 1919 г., обеспечил с 1 января 1922 г. выпуск единственной в КО газеты «Камчатский листок». Немец. Уроженец Одессы. Образование низшее. В 1930 г. — радиотехник Петропавловской радиостанции. На иждивении находились мать и сестра. Имел дом, сарай, моторную лодку. 28 октября 1922 г., за несколько часов до смены власти в Петропавловске, рабочими типографии и её заведующим В. И. Семёновым были сняты с печатной машины главные части, которые Семёнов унёс в сопки. Машину, по словам Е. П. Ключкова, удалось запустить после того, как недостающее выточил на станке Б.

Берман Эммануил Давыдович (1911), 13 мая 1947 г. утверждён заведующим горздравотделом при Петропавловском ГИК. В 1944 г. вступил в ВКП(б). 14 октября 1947 г. ГК ВКП(б) объявил ему выговор с занесением в учётную карточку. «Не выполнил решение бюро горкома партии от 3.10.1947 об освобождении и передаче горно помещения детсада № 1, временно занятого под родильный дом, и допустил обсуждение решения бюро, высказывая нецензурности в адрес ГК при беспартийных».

Бибиков Григорий Иванович (1888), секретарь Завойкинского волостного комитета в 1918—1922 гг. Участник мартовского и июльского антисоветских переворотов 1918 г. в Петропавловске. Из крестьян. Камчадал. Окончил Петропавловское высшее начальное училище. До и после 1917 г. занимался сельским хозяйством и охотой. При советской власти в 1920-е гг. — член

и делопроизводитель Елизовского волревкома. В 1928 г. отказано в приёме в ВКП(б), так как в 1922 г. за его подписью по всей губернии от имени Завойкинской волости «рассылались отношения и воззвания, направленные против облнарревкома и партизан», помимо этого, являлся «одним из руководителей созыва трёх волостных съездов в противовес созывавшемуся второму чрезвычайному Петропавловскому областному съезду». Б. был председателем Завойкинского съезда, где после доклада о создавшемся положении руководителя ПГД Щипчинского принимается постановление, в котором, в частности, говорится: «...просить обе стороны сложить оружие и снять посты и дать свободное движение в г. Петропавловск». В 1930-е гг. — служащий почтового отделения в с. Елизово. Из агентурного сообщения ОГПУ от 2 апреля 1934 г.: «Б. ...жалуется, что живёт неважно... Он инвалид — отсохли ноги, хитрый, развитой мужик». В 1962 г. написал в редакцию газеты «Камчатский комсомолец»: «Всю жизнь прожил в родном селе. Раньше оно называлось Старым Острогом. В 1907 г. его переименовали в Завойко, а через семнадцать лет село на волостном съезде приняло имя незабвенного нашего командира Георгия Михайловича Елизова. Помнить я начал с 1894 г., когда, бродя в весенней реке с другими мальчишками, простудился, слёг, и у меня навсегда отнялись ноги... Село в начале века состояло из одиннадцати домов. Жили в нём семь семей: Машихины, Заочные, Винокуровы да два двора Бибиковых. Избы стояли у самой реки... Занимались рыбалкой и охотой, занимались огородничеством — выращивали картошку. У некоторых были коровы. У зажиточных — лошади. Лошади были только для верховой езды. Об упряжи местные жители не имели понятия. Охотились больше всего на соболя. Соболя тогда было много. Привозили вязанками по тридцать пять — сорок штук. Но стоил соболь дёшево: восемь, десять, двенадцать рублей. Денег купцы не платили. Давали взамен товары, которые стоили очень дорого». С 1905 г., отмечалось в письме, мастерил миниатюрные железные печки: «С моими печками партизанили...» в 1921—1922 гг.

Бибиков Николай Иннокентьевич (1901, с. Завойко, Камчатка), участник неудавшегося мартовского антисоветского переворота 1918 г. в Петропавловске. Из крестьян. Образование среднее. Работал в личном хозяйстве в с. Елизово. Арестован 16 ноября 1930 г. Обвинён по ст. 58-7 УК РСФСР. С 24 ноября 1931 г. — в розыске. Вторично арестован 8 августа 1937 г. 16 сентября 1937 г. приговорён Камчатским областным судом по ст. 58-10

УК РСФСР к пяти годам лишения свободы. Реабилитирован Президиумом Верховного суда РСФСР 27 декабря 1989 г.

Бирич (в девичестве Ступина) Пелагея Петровна, супруга Х. П. Бирича. На 31 декабря 1922 г. — пятьдесят лет. Купчиха второй гильдии. Образование среднее: окончила Патриотическое училище по рукоделию. В. Дорошевич называет её дочерью «одной интеллигентной особы, приговорённой за поджог. По окончании института она приехала к матери на Сахалин и здесь сделала такую “партию”...» Выйдя замуж за Бирича, занималась домашним хозяйством. Родила троих сыновей: Сергея (в конце 1922 г. ему было двадцать семь лет), Павла (двадцать пять лет), Георгия (двадцать четыре года), Арсения (двадцать два года) и дочь, выданную за подполковника в отставке К. Н. Хартлинга.

Бирич Хрисанф Платонович (1857, местечко Щепетовка Заславского уезда Волынской губернии — 22.02.1923, г. Владивосток), с 1 августа 1921 по 1 сентября 1922 г. особоуполномоченный Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае. Русский. Окончил Киевскую фельдшерскую школу. В 1873 г., писал он, «примыкал к народникам, организация была в Симферополе, был статистик. В январе 1914 г. содержал в Усть-Камчатске рыбные промысла до октября 1916 г., уехал в Петроград, где хотел купить имение, но там как раз начался переворот, я уехал обратно во Владивосток, купил с аукциона участок № 13 и дачу и стал заниматься хозяйством до августа 1921-го...» В 1890-х гг. отбывал наказание на Сахалине, осуждён Киевским окружным судом к четырём годам каторги, за, по его словам, оскорбление офицера. Ранее якобы судился по политическим делам. Широко известный в своё время фельетонист-очеркист Влас Дорошевич встречал Б. в 1897 г. на Сахалине и передал впечатление о нём в своей книге «Каторга». «Бирич — человек средних лет, маленький, невзрачный, одет не без претензии на франтовство, жилету “пущена” цепь, на которую смело можно было бы привязать не часы, а собаку. Ото всей его особы ужасно веет не то штабным писарем, не то фельдшером, вышедшем в люди. Так оно впоследствии оказалось. При встрече, при прощанье он обязательно по несколько раз жмёт всем руку, словно это доставляет ему особое удовольствие — здороваться “за руку”. Когда “заложит за галстук” — а это с ним случается часто — Бирич становится особенно невыносим своей назойливостью и необыкновенной развязностью... То он хлопнет вас по колену, то возьмёт за борт сюртука... С первого же абцуга объявил мне, что жена институтка и живёт

на промыслах...» К этому описанию имеется добавление: «Как я узнал потом, он — из фельдшеро́в, судился за отравление кого-то, отбыл каторгу, поселенчество, теперь не то крестьянин, не то даже мещанин, всеми правдами и неправдами скопил копейку и кулачит на промыслах». Во время русско-японской войны участвовал в отражении вражеского десанта. Им было закуплено в Германии оборудование для открывшегося в 1910 г. в Усть-Камчатске РКЗ. В 1910-х гг. выступал на съездах рыбопромышленников. Летом 1921 г., живя на даче в Седанке (пригород Владивостока), согласился возглавить гражданскую администрацию Охотско-Камчатского края. Владивостокская газета «Дальневосточная мысль» откликнулась на это заметкой, в которой говорилось: «По отбытии каторжных работ в корсаковской тюрьме, г. Бирич... ушёл в Мауку, где в то время Демби и Семёновым производилась ловля морской капусты. Там ему удалось устроиться на промыслах десятником и фельдшером... К началу 1990-х гг. Демби и Семёнов прекратили добычу морской капусты, и Бирич остался в Мауке на положении подставного арендатора, так как деньги для ведения рыбного промысла он получил от японских рыбопромышленников. Русско-японская война неожиданно обогатила г. Бирича, делая его не только юридическим (бумажным) владельцем рыбных промыслов, но и фактическим, так как во время войны все деловые и гражданские обязательства между гражданами воюющих стран прекратились. Во время русско-японской войны на Сахалине были созданы дружины для самообороны от японцев. Г. Бирич встал во главе дружины в Мауке. При занятии в 1905 г. острова Сахалина дружины под давлением японцев отступали. Отступила и дружина г. Бирича. Но, отступая, она сожгла все промыслы и имущество, числящееся за г. Биричем. Это в дальнейшем было истолковано как похвальный патриотический поступок и дало возможность г. Биричу получить с казны за погибшее имущество солидную сумму, какую он нашёл нужным указать. После того в качестве крупного капиталиста г. Бирич обосновывается в г. Владивостоке, войдя компаньоном в дело своего бывшего хозяина Демби. Несколько лет деятельности г. Бирича в роли хозяина на усть-камчатском консервном заводе настолько озлобили население долины Камчатки, что даже Демби был вынужден предложить, в конце концов, своему ретивому компаньону выйти из дела, так как методы эксплуатации, применяющиеся г. Биричем к камчадалам, грозили создать вооружённое столкновение. Получив из дела свою часть капитала, г. Бирич стал ожи-

дать лучших для него времён». 12 ноября 1922 г. на пароходе «Кишинёв» Б. прибыл в Петропавловск с полномочиями бывшего царского губернатора. После прекращения деятельности Приамурского правительства возвратился во Владивосток. 16 ноября 1922 г., уже при советской власти, арестован Приморским особым отделом госполитохраны. 7 февраля 1923 г. ревтрибуналом 1-й Забайкальской стрелковой дивизии 5-й Краснознамённой армии за вооружённую борьбу против красных партизан «и другие государственные преступления» приговорён по ст. 64 УК РСФСР к пяти годам поражения в правах, конфискации всего принадлежащего ему имущества и ВМН. Указанная статья (в редакции 1922 г.) гласила: «Участие в выполнении в контрреволюционных целях террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций, хотя бы отдельный участник такого акта не принадлежал к контрреволюционной организации». Расстрелян 22 февраля 1923 г. в 22.20. После многократных обращений с февраля 1996 г. составителем (в бытность директором ЦДНИКО) в различные инстанции, в том числе к Генпрокурору РФ, 26 июля 2001 г. военная прокуратура ТОФ признала осуждение Б. необоснованным и вынесла заключение о его реабилитации.

Бирюков Владимир Афанасьевич (9.10.1933, г. Астрахань), *партийный и советский деятель*. Из служащих. Русский. Образование высшее, окончил Астраханский технический институт рыбной промышленности и хозяйства в 1956 г. Член КПСС с 1968 г. Начиная трудовую деятельность на Камчатке механиком рыбозавода на Митогинском рыбокомбинате. В 1972—1977 гг. — начальник Камчатрыбпрома. С апреля 1977 г. по сентябрь 1979 г. — второй секретарь КОК КПСС, затем председатель КОИК. 28 ноября 1980 г. освобождён, а в декабре исключён из КПСС Комиссией партийного контроля при ЦК КПСС. В 1980—1987 гг. — главный специалист Гипрорыбпрома. В июне 1987 г. вступает в КПСС. В 1987—1990 гг. — заместитель председателя аграрно-промышленного комплекса КО. 21 апреля 1990 г. избран председателем КОИК. 17 августа 1991 г., в связи с вводом в действие закона «О местном самоуправлении в РСФСР» и личным заявлением, временно приостановлены его полномочия в качестве члена КОК КПСС. 22 августа 1991 г. заявил о своём выходе из КПСС. До конца 2000 г. — губернатор КО.

Биссенек Николай Яковлевич (1906), с 17 января по апрель 1930 г. ответственный редактор газеты «Полярная звезда»;

сменил *Киселёва*. Из служащих. Латыш. В ВКП(б) вступил в 1927 г. С 8 сентября 1928 г. — секретарь Камчатского окрбюро ВЛКСМ, с 21 ноября 1928 г. — член окрбюро ВКП(б). С 17 августа 1929 г. — заведующий агитационно-пропагандистским отделом окрбюро ВКП(б), с 7 апреля 1930 г. — заведующий отделом культуры и пропаганды КОК ВКП(б). В мае 1930 г. откомандирован на учёбу за пределы КО.

Блажейчик, или *Бэ-Блажейчик Максимилиан (Михаил) Казимирович*, с апреля 1918 г. депутат Петропавловского горсовета от Рабочего союза, с 19 мая ответственный редактор газеты «Камчатские известия. Официальный орган рабоче-крестьянского правительства по делам Камчатской области», заведующий печатным отделом Петропавловского горсовета. 26 августа 1917 г., являясь типографским рабочим, выразил недовольство в «Камчатском листке» тем, что члены областного продовольственного комитета получают по сто рублей в месяц. Предлагал им, как патриотам, оказаться от зарплаты в пользу фронта: может быть, ружейный патроны, приобретённые на эти деньги, решат участь «хотя бы одного сражения в нашу пользу». Ответил ему, тоже через газету, некто под псевдонимом «Бе-Мэ». В тот же день 26 августа Б.-Б. при многочисленных слушателях прочитал в Народном доме общедоступную лекцию «Свободная Россия». Несколькими днями ранее вошёл в комиссию по выработке устава Рабочего союза. Кроме него, в комиссии состояли К. П. Лавров, Никитин, член продуправы А. Д. Батурин и Румянцев. Последний назвал поступок Б.-Б. некрасивым, сеющим рознь между общественными организациями, когда тот самолично отредактировал воззвание Рабочего союза по поводу большевицкого переворота в октябре 1917 г., поскольку направленный текст вызвал у него активное неприятие, вылившееся в энергичное восклицание: «Что они делают?! — Ведь это призыв к погрому!» Летом или осенью стоявшему на руле конфискованного у японцев кунгаса Б.-Б. при входе из бухты Саранной в реку при аварии оторвало на руке палец. Весной 1918 г., будучи наборщиком Петропавловской типографии, Б.-Б. выступая в роли публициста в паре с Шиманчиком, предупреждал трудящихся: «Зло не спит». В статье «Набатный гром», занявшей две полосы, он обрушился на «доморощенных автономистов», предпринявших попытку контрреволюционного переворота. В мае 1918 г., опять же совместно с Шиманчиком, составил план организации в области народных судов и ревтрибунала. Тогда его включают в руководящую газетой тройку

(Ларин, Олейник). 20 июня 1918 г. Б.-Б. заявляет о сложении с себя полномочий члена горсовета, исполкома и комиссии по народному образованию, но из редакции не уходит. 11 июля 1918 г., накануне переворота, он подписал в печать очередной номер «Известий...» с неизменной шапкой: «Да здравствует власть Советов!» В ночь на 12 июля арестован и по постановлению чрезвычайного заседания Завойкинского волостного съезда от 2/15 июля 1918 г. вместе с другими советскими работниками выслан за пределы Камчатки. На дознании по их делу 16 июля 1918 г. *Бушув* говорил, что Б.-Б. — «человек двуличный» и вёл «всевозможные агитации».

Блищенко Георгий Мартынович (1902), в 1922 г. красный партизан. Из крестьян. Окончил церковно-приходскую школу во Владивостоке. Кандидат ВКП(б) с 3 февраля 1923 г. В 1917—1918 гг. работал переплётчиком в Русско-Азиатском банке (г. Владивосток). По июль 1918 г. — матрос посыльного судна «Магнит». С 1919 г. по май 1920 г. — рабочий дирекции маяков и лоций в Петропавловске, затем до 1921 г. — матрос шхуны «Камчатка». После партизанского отряда до сентября 1924 г. служил в РККА. В партию рекомендован Кочетковым и Н. П. Фроловым, который писал: «...надеюсь, что звание коммуниста будет носить с достоинством, члена РКП(б)».

Блунштейн Владимир Михайлович (7.11.1887, г. Кишинёв), как и М. О. Шамрин, в первой половине 1930-х гг. руководитель Петропавловской нелегальной баптистской общины. Сын торговца. Еврей. Образование низшее. Беспартийный. Заместитель заведующего снабжением Петропавловского совхоза АКО. Из показаний Шамрина: «После моления и пения псалмы Б. читал проповедь о храме Христа Спасителя в Иерусалиме о царствовании антихриста и будущей войне. Он говорил: “Построение храма... должно закончиться в нынешнем году. Царствовать в этом храме будет антихрист из евреев, рождённый от блудницы Израилевой. Антихристом будет Ленин или Троцкий, потому что они евреи и в то же время являются политическими деятелями советской власти, а не политические деятели и не евреи не могут быть антихристом. Вот, например, Сталин, он политический деятель, но не еврей, а грузин, поэтому не может быть антихристом. Как только будет построен храм... Ленин воскреснет и займёт престол в храме, будет тогда царствовать антихрист (Ленин). Все войны и будущая война предназначены Богом, и верующие, испытавшие гонения, должны и сейчас претерпеть все преследования неверующих (коммунистов), чтобы потом, когда будет побеждён антихрист,

жить в царстве Христовом”». Арестован 7 февраля 1934 г. Обвинён по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Постановлением Судтройки ПП ОГПУ ДВК от 17 апреля 1934 г. заключён в концлагерь на пять лет. Реабилитирован прокуратурой КО 27 июня 1989 г.

Бобров Иван Михайлович (1917—1962), в сентябре 1961 г. и вплоть до гибели в авиакатастрофе заведующий Камчатским областным отделом народного образования. Русский. Образование высшее. В ВКП(б) с 1939 г. Участник ВОВ. Награждён орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, «Знак Почёта», тремя медалями.

Бобров Николай Антонович (1910), в марте 1945 г. заведующий Камчатским областным отделом гособеспечения и бытового устройства семей военнослужащих. Украинец. Образование среднее. Начинал рабочим в 1930 г. В ВКП(б) с марта 1940 г. Участвовал в боевых действиях в 1943 г.

Бобыкин Дмитрий Иванович (1888), с марта 1934 по август 1937 г. председатель Камчатского областного суда. Из крестьян. Образование среднее, окончил учительскую семинарию, высшие курсы юстиции, в 1915 г. учился в 1-й Иркутской школе прапорщиков. В РКП(б) с марта 1920 г. В 1906—1909 гг. — сельский учитель. В 1909—1913 г. — на военной службе, старший унтер-офицер. С 1917 по 1919 г. — на территории, занятой белыми (нынешняя Акмолинская область), в 1919—1923 гг. — в РККА, командир взвода, начальник штаба дивизии. В 1923—1924 гг. — председатель «Уисполкома». С 1924 г. — на судебной работе. На Камчатке с марта 1934 г. В январе 1935 г КОК ВКП(б) утвердил состав областного суда под его председательством: Апельхук, Ткачук, Ткаченко — председатель Чукотского окружного суда. Имел выговор за утерю партбилета. 22 июля 1937 г. исключен из ВКП(б) как пособник «врагов народа». Арестован в апреле 1938 г. Обвинён по ст. 58-1а-7-8-11 УК РСФСР. В феврале 1940 г. освобождён из-под стражи, дело прекращено на основании приказа НКВД СССР. Апелляция о восстановлении в партии рассмотрена на заседании бюро КОК ВКП(б) 15 февраля 1940 г. В принятом постановлении говорилось: «...допустил грубейшие политические ошибки: вынесение огульных незаслуженных приговоров, как лично им самим, так и членами облсуда, работающими под непосредственным его руководством. Вынесенные приговоры по квалификации за контрреволюцию с мерой наказания “расстрел” (дело Седова, Ашихина, Науменко) были отменены как неправильные. И, наоборот, по делу действительных контрреволюционеров (дела

Цуканова, Байнова, Смирнова) выносил меньшую меру наказания... В просьбе т. Б. о восстановлении отказать, исключить Б. из партии за нарушение революционной законности, проявление в своей практической работе политической неустойчивости и смазывание контрреволюционных дел». Аналогичное решения принял комитет партийного контроля при ЦК ВКП(б) и подтвердил его в 1943 г., когда Б. заведовал юридической консультацией и одновременно являлся адвокатом при нарсуде Бельковского района Рязанской области в с. Гусь-Железный. 23 мая 1990 г. бюро КОК КПСС восстановило его в партии посмертно.

Богатырёв Василий Фёдорович (1889), с 19 августа 1926 по конец 1930 г. председатель Камчатского окрреволюкома/исполкома. Из рабочих. Русский. В РКП(б) с августа 1917 г. Прибыл на Камчатку 5 ноября 1926 г. Состав окрреволюкома, утверждённого 3 февраля 1927 г.: Богатырёв, его заместитель Ларин, Н. Кузнецов, уполномоченный по туземным делам Слободчиков, заведующий окрторгом Масян, П. И. Дудко, уполномоченный ДальРКИ Якимов (трое последних выведены 5 октября 1927 г. за выбытием их с Камчатки), а также на общественных началах Попов и Яковлев. 21 августа 1928 г., открывая первый Камчатский окружной съезд Советов, заявил: «И на Камчатке крестьянство, рабочие и туземцы испытали на себе тяжесть белогвардейского террора и хозяйственной разрухи. Камчатское население жестоко эксплуатировалось капиталистами, оно подвергалось насилиям и грабёжам...» С 16 сентября по 21 октября 1930 г. Б. подписывал протоколы бюро окружкома ВКП(б) как заместитель секретаря. В конце 1930 г. снят с поста председателя КОИК «за участие в группировке». В неё, кроме Б., входили: И. Е. Ларин (снят с работы), Е. Ф. Орлов (поставлено на вид), А. Я. Пизик (снят), В. Г. Репкин (снят), Ротенберг (поставлено на вид), работник АКО М. А. Сергеев (снят), В. А. Троицкий (снят), Энтин (поставлено на вид). Дело о взятке и присвоении Б. десяти бутылок вина прекращено 12 ноября 1930 г.

Богомолов Василий Дмитриевич (1887, с. Ясенки Ивановской волости Тульской губернии — начало 1930-х гг., Северный Кавказ), делегат первого Камчатского областного съезда 1917 г. от Нижнекамчатской волости, избран на нём членом облкома; с середины 1922 г. — командующий отрядами красных партизан КОНРК. Из крестьян. Называл себя великороссом. Образование: церковно-приходская школа, в 1918—1919 гг. — экономические кооперативные курсы при Владивостокском народном университете. Кандидат РКП(б) с 1920 г. До 1903 г. работал «дома по

хозяйству». В 1903—1905 гг. — работник у односельчанина. С 1905 по 1909 г. — рабочий московской красильно-апритурной фабрики Суряева и чугуно-литейного завода Густав-Листа, там же впоследствии был слесарем. В 1909—1912 гг. служил в армии, унтер-офицер 5-го Сибирского стрелкового полка в г. Никольске-Уссурийском. В 1912—1917 гг. — рабочий консервного завода Демби, рыбак в артелях и кооперации Усть-Камчатка. В 1918—1919 гг. — в Усть-Камчатке на кооперативной работе, до апреля 1920 г. — там же председатель ревкома. Затем выехал на уездный съезд долины реки Камчатки, где был избран председателем. В августе 1920 г. — член правления Союза камчатских кооператоров. С 12 февраля 1922 г. — в партизанах. В декабре того же года — председатель ревтрибунала. Из Камчатского ГРК выбыл автоматически 30 ноября 1923 г. «Считаю себя коммунистом, — писал Б., — билета не имею за неустановленностью стажа». В январе 1924 г. ушёл в месячный отпуск с выездом в с. Паратунку на лечение ушиба позвоночника. В декабре 1924 г. отстранён от заведования губкомхозом (вместо него назначен Вигефт) «за полную нераспорядительность, безынициативность и халатность». Решено перебросить его в Охотско-Камчатское акционерное рыбопромышленное общество (ОКАРО). С декабря 1926 г. — продавец магазина Петропавловской фактории. В 1930 г. П. Г. Ивашкин-Ларичев давал ему рекомендацию для вступления в ВКП(б). Переехав в 1931 г. на Северный Кавказ, работал в системе кооперации и вскоре умер.

Боднар Прокип Иванович (1894, слобода Турельче Борщивского повята в Галиции — предположительно, конец января 1934, район Берингова пролива), *перевалчик*. Все сведения о Б. досоветского периода — с его слов. Австро-венгерский подданный. Из крестьян-бедняков. По социальному положению рабочий. Украинец. В Америку выехал в 1908 г. Работал на рудниках, был грузчиком, безработным. За деятельность в профсоюзе грузчиков «Вонбег Юнин» осуждался к одному году лишения свободы, а в Канаде ему давали четыре месяца как ведущему антиправительственные разговоры. С 1918 г. состоял в партии «Интернейшен Лейбор Дефенц» в Ванкувере и Сан-Франциско, где жил до перехода советской границы. После отсидки в Америке он в 1929 г. вновь уехал в Канаду (Ванкувер). Перебраться в СССР решил в апреле 1933 г. От г. Хозельтень до Каркроса шёл пешком. 23 июня был задержан, но отпущен американским погранпостом на американско-канадской границе. 13 августа прибыл в г. Номе, откуда также пешком

отправился на мыс Принца Уэльского, где сел на шхуну «Гуд Хоп» и переехал на остров Крузенштерна. Оставалось пересечь Берингов пролив. С острова Крузенштерна (Малый Диомид) на остров Ратманова (Большой Диомид) его перевёз на лодке эскимос Френк. 10 октября 1933 г. Б. был задержан без документов сотрудниками морского контрольно-пропускного пункта (МКПП) «Лаврентий» Камчатского погранотряда ОГПУ, несущими службу на Чукотке. Переход границы Б. объяснял безработицей в Америке и разочарованием в революционной борьбе в условиях этой страны. Он подробно рассказывал пограничникам о своей революционной деятельности: как в 1929 г. в Ванкувере совместно с Кемпбеллом, Кестом и Сорджи создал первый партклуб и установил связь с организацией «Лейбор Дефенс» в Торонто, откуда получил партийные документы; как в 1933 г. в г. Фербенксе на Аляске на пару с Джимми Вильямсом также создал клуб и заложил основу вышеуказанной организации; как, состоя в ней, участвовал в митингах и демонстрациях, за что подвергался преследованиям и отбывал тюремное заключение; как, по заданию партии, распространял газеты «Дейли Вокер», «Москва Ньюс», «Раша Тудей» и другие, получаемые Ванкуверским партийным комитетом. Б. заявил, что выбрал СССР для постоянного жительства. Первое время на новой родине ему понравилось. Его поместили на культбазе в четырёх километрах от МКПП и предложили поработать на ремонте местной больницы за сто рублей в месяц плюс питание. Ремонтник из него не получился, переведён в истопники. Стал интересоваться, можно ли жить в СССР, не работая на постоянной основе. Получил ответ: труд в стране строящегося социализма является обязанностью каждого. Узнав о продовольственных затруднениях в Советском Союзе, Б. открыто заговорил о желании уйти обратно в Америку, так как там ему будет лучше. Руководство культбазы рассматривало его как своего рабочего и предъявляло к нему требования наравне с остальными. Жалобы на болезненное состояние и отлучки Б. на разведку льдов в Беринговом проливе расценивались как прогулы и отлынивание от работы. Его дважды увольняли, распорядились не кормить в столовой, не выдавать хлеба из пекарни. Когда же тот исчез, завкульбазой Хорошавцев, считая это очередной отлучкой, приказал забить комнату Б., а при возвращении его туда не пускать. Перебежчик покинул базу в ночь на 27 января 1934 г. Следующую ночь он провёл в скалах мыса Нуныгмо, затем в полдень, обогнув мыс, двинулся мимо селения Чинин к островам Диомиды.

Председателя сельсовета Эйнеутегина, вынуд большой нож, к себе близко не допустил, а тот применить винчестер не решился. («Остров Большой Диомид, находящийся на нашей границе с Америкой, — писал в мае 1934 г. заместитель начальника Камчатского ОО ОГПУ Лепин заместителю начальника АКО Торопову, — имеет четыре хозяйства с двадцатью двумя человеками населения, рядом с ним на острове Малый Диомид, находящемся на территории Америки, имеется двадцать одно хозяйство с населением 130—140 человек...») На переход от Чинина до островов Диомида при тогдашнем состоянии льдов требовалось не менее двух дней. Вечером 28 января подул сильный северный ветер и разыгралась пурга, не прекращавшаяся четверо суток. После неё с Чинина увидели, что лёд от их берега оторвало и, судя по направлению ветра, унесло на юг в открытое море; на горизонте же, где находились острова Диомида, виднелся плавающий лёд. Б. был одет в лёгкий резиновый полубок на меху, летние суконные брюки и такие же летние нерпичьи торбаса. В этой одежде он вышел на лёд, кутаясь от холода в одеяло, не имея ни запаса продуктов, ни огнестрельного оружия. По мнению местных жителей, Б. за несколько часов до пурги дойти до островов Диомида не успел и, оставшись на оторванных от берега льдах, был вместе с ними унесён в открытое море, где, как легко одетый, замёрз.

Бодров Пантелеймон Алексеевич (1897, Забайкалье), с 21 августа 1925 г. председатель Усть-Камчатского ВРК, а затем РИК. Русский. Окончил два класса городского училища. Принят в ВКП(б) 30 августа 1924 г. В гражданскую войну партизанил в Забайкалье, на Дальнем Востоке. Вместе с милиционером Глинкиным производил обыск на квартире В. Кручины после его смерти. Из служебной характеристики 1926 г.: «Подход к населению правилен. Подобрать работников и руководить ими умеет. По партлинии работает, состоя членом ячейки. Использовать на должности председателя райрика целесообразно». По данным ОГПУ, «женат на дочери местного спекулянта Казачука (последний проходит по нашим разработкам как бывший агент японской контрразведки), слабохарактерный, добывающийся дешёвой популярностью, несдержан, легко поддаётся чужому влиянию, знает эту слабость за собой и всячески старается её не обнаруживать... Пьёт, на язык не сдержан, нетактичен и, наконец, болезненно самолюбив... Мог бы работать, если бы не его тесть, влияние этого последнего на Б. чрезвычайно сильно... Слишком много внимания уделяет семейной жизни». В январе 1927 г. получил выговор по партийной

линии «за содействие к совершению антисоветского и противозаконного поступка». В 1928 г. — фининспектор в том же районе. По одним данным, в 1931 г. отправлен в Москву, по другим — в Ленинград, на финансовые курсы при Наркомфине СССР, где умер от тифа. В 1967 г. в Новгороде жила его жена Вера Эрнестовна с сыном Валентином.

Бождай Семён Степанович (1904, Волынская губерния), согласно списку-приложению к приказу *Х. П. Бирича* от 1 марта 1922 г., опубликованному в «Камчатском листке» за 12 марта, *принимал участие в февральской охране Петропавловска от красных партизан*. Из крестьян. Хозяйство отца: дом, два быка, две десятины земли, плуг. В 1912—1918 — гг. пастух на Дальнем Востоке, продавец газет. С 1918 по 1925 г. — на Камчатке. Работал на рыбалках, ламповиком на Петропавловском маяке («этот маяк тогда в ведении белых не был, туда ко мне приходили партизаны») и с 1923 г. — в милиции. Вступил в ВКП(б) в 1925 г. Окончил Петропавловское высшее начальное училище, в 1927 г. в Хабаровске краевую школу среднего начсостава. В 1927 г. — заведующий учётно-воинским столом хабаровской милиции. Там же в 1928—1930 гг. — в Госбанке, в 1931 г. окончил курсы банковских работников. В 1932 г. послан на остров Врангеля, «ввиду непроходимых льдов» доехал только до Камчатки. С 31 октября того же года — управделами КОК ВКП(б). В 1933 г. — заведующий общим отделом КОК ВКП(б). 26 февраля 1935 г. утверждён заместителем заведующего областным финотделом. С 3 июня 1935 г. по 9 мая 1937 г. — заведующий особым отделом КОК ВКП(б), с 11 июля 1937 г. по октябрь 1938 г. — управляющий Ключевским отделением Госбанка. 18 декабря 1937 г. за участие в охране Петропавловска в 1922 г. исключен из партии Усть-Камчатским РК ВКП(б). 3 апреля 1938 г. КОК ВКП(б) отменил это решение. При обсуждении вопроса чекист Лепин заявил: «Мы опрашивали ряд лиц, участвовавших тогда в дружине. Один красный партизан, он оставался в городе по заданию партизанского отряда, и тоже вступил в эту дружину. Эта охрана города была создана по инициативе Думы для охраны подступов к городу. Было созвано население на площади, были разъяснены задачи и потом была произведена запись, записывалось очень мало, говорят, записалось всего девяносто человек (в списке-приложении девяносто семь. — *В. П.*), там же были записаны и старшекласники училища. Дружина эта существовала всего пятнадцать-двадцать дней, большинство из записавшихся и на постах не были. Три человека говорят, что

они были на постах, но Б. не видели, никто из опрашиваемых не видел его на посту. Он, конечно, записан-то был, но никто не подтверждает его участие в охране. Половина дружины, которой была объявлена благодарность в приказе, не были на посту, также не был и Б.». 5 марта 1941 г. утверждён управляющим Озерновским отделением Госбанка.

Болдырев Николай Иванович (1904, Ростов-на-Дону), с 9 октября 1942 по 31 октября 1945 г. ответственный редактор «Камчатской правды». Из рабочих. Русский. Окончил два курса пединститута, совпартшколу второй ступени. В ВЛКСМ состоял в 1920—1932 гг., в ВКП(б) — с августа 1937 г. В 1918—1921 гг. служил в РККА рядовым-телефонистом. С 1921 по 1940 г. жил в родном городе, за исключением 1925—1927 гг., проведённых в Пятигорске. В 1921—1923 гг. — подручный токаря на заводе «Красный Аксай», где всю жизнь трудился его отец. В 1923—1925 гг. — организатор рабкоров редакции газеты «Молот», в 1925—1927 гг. — ответственный секретарь газеты «Терек», в 1927—1928 гг. — в краевой организации юнкоров, редакции газеты «Большая смена». В 1928—1932 гг. — ответственный секретарь журнала «Партработник» Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). В 1932—1934 гг. — заведующий отделом, директор Северо-Кавказского партиздата. В 1934—1935 гг. — заведующий редакционным отделом Азово-Черноморского издательства. В 1935—1937 гг. — ответственный секретарь краевой газеты «Колхозная правда», затем инструктор Ростовского ОК ВКП(б), заведующий Ростовским отделением ТАСС. С сентября 1940 г. собкор ТАСС по КО. В сентябре-декабре 1941 г. — по совместительству ответственный секретарь «Камчатской правды» (в это время жена Валентина Петровна служила в НКВД, а их дочери было четырнадцать лет).

Болтенко Николай Иванович (1860 или 1869, с. Каменка Херсонской губернии), член облкома, избранного вторым Камчатским областным съездом 1918 г., кандидат к гласным третьей ПГД 1919 г. Из крестьян (рабочих). Русский. Образование — четыре класса гимназии. С 1889 г. — в Сибири на службе в Верхне-Амурской золотопромышленной компании. Работал ответственным управляющим всеми приисками Якутии. В 1908 г. переселился в Приморскую область. Вместе с семьёй занимался сельским хозяйством, имел паровую машину, молотилку, плуг, сеялку и сенокосилку. С 1918 г. — председатель Камчатского отдела Приамурского союза кооператоров. До 1923 г. работал в Усть-Камчатке в фирме «Торговый дом Чурина и К^о». В середине 1920-х гг.

работал в губернском и окружном земельном отделе. Из характеристики на него в Наркомзем от 28 ноября 1923 г., подписанной И. Е. Лариным: «Политические убеждения эсеровские, получившие перелом в связи с самороспуском эсерской организации. В настоящее время примыкает к сочувствующим советской власти на коммунистической платформе. Вполне своей политической физиономии не выявил. Порученное дело выполняет вполне добросовестно... Среди крестьян — местных жителей (камчадал) — пользуется авторитетом, но не настолько, чтобы представлять какую-либо опасность для советской власти». В. И. Картакай писал о Б.: «Втёрся в доверие... к бывшему председателю окрревкома т. Вольскому и был назначен заведующим окрзо». Из ларинской характеристики 1926 г. на Б.: «...чрезмерно самоуверен, имеет склонности к бахвальству, надменный. Всех окружающих рассматривает неизмеримо ниже себя стоящими по уму и опыту... Своих убеждений никогда не выдаст, но в работе и в отношениях к ответственным работникам-партийцам заметно скользит не советский дух. Как специалиста и опытного работника целесообразно использовать в хозяйственных и земельных органах под соответствующим наблюдением». В начале июня 1926 г. — заведующий Петропавловской сельхозфермой. До 1929 г. — заведующий Карагинским островом. Январём того же года датирован документ ОГПУ, в котором говорится, что в при царе Б., как управляющий золотыми приисками в Верхнеудинске, оставил о себе недобрую память жестокостью и суровым отношением к рабочим, особенно во время Ленских событий («последнее проверяется»), а будучи доверенным фирм Чурина и Гудзон-Бей на Камчатке, обманывал население, скупая у него пушнину за бесценок. «По протоколам опроса жителей с. Ключи видно, что Б. участвовал в организации правового комитета, поддерживал власть Бирича. Агитировал против соввласти, предлагал населению воздержаться от признания соввласти, указывая, что власть — хулиганы-большевики. В бытность белых на Камчатке помогал вылавливать красных партизан и способствовал аресту большевиков (явная неправда: уж Ларин-то знал бы об этом! — В. П.). При соввласти занимал должности заведующего сельхозфермой и заместителя заведующего земотделом. Держится весьма скрытно, но иногда выявляет себя как эсэр. Зная свои прошлые грехи, умело выступает практическим работником в порученных ему делах. В настоящее время в своей работе на Карагинском острове проявляет ряд небрежностей, которые носят характер должностных преступлений.

Привезённый из Америки выхухоль для разведения, несмотря на имеющиеся указания о выпуске их в два глубоких озера, выпустил в одно мелкое, которое промерзает, и где они могут погибнуть. Указания о наблюдении за парой выхухолей, оставленных в клетке для изучения, не были выполнены, и выхухоль погиб. Чернобурые лисицы содержатся в узкой клетке, в то время как имеется много пустующих. Наблюдение за ними не ведётся, кормят их как попало. Отношение Болтенко к зверям грубое. Им была избита одна чернобурка, которая подохла, кроме того, подохли ещё две лисицы. Со слов очевидца, Болтенко задушил одного песца, который не давался ему в руки. Имеющаяся в питомнике лошадь (кобыла) была им зимой загнана, выкинула плод и вскоре подохла. Болтенко также очень грубо обращается с коряками, превышая свою административную власть, не разрешая им переселяться с места на место, обманывает их в торговле, эксплуатирует, платя им гроши. С рабочими обращается скверно, заставляет много работать, рассчитывается с ними по своему усмотрению деньгами или товарами, как ему вздумается. Среди коряк отмечается большое недовольство». На документе приписано от руки: «18 год на съезде выступал против соввласти» (видимо, имеется в виду второй Камчатский областной съезд). И резолюция — «Снять». На момент ареста 25 февраля 1932 г. работал в Петропавловске заведующим пригородным хозяйством. 8 июля 1932 г. Тройкой ПП ОГПУ ДВК лишён права проживания в КО сроком на три года по ст. 58-10 УК РСФСР. Реабилитирован прокуратурой КО 19 февраля 1990 г.

Большат Василий Васильевич (1900, с. Прохоры Спасского района Владивостокского округа), в конце 1920-х — начале 1930-х гг. критик практического социализма. Из семьи крестьянина-«кулака», раскулаченного в 1930 г. Русский или украинец. Образование среднее. В армии не служил, за исключением нескольких месяцев в партизанском отряде в Приморье в 1918 г. На Камчатке с 1926 г. Неимуций. Беспартийный. Сначала работал секретарём губернского отдела народного образования, а его жена Мария Фёдоровна была учительницей Елизовской школы первой ступени. На момент ареста 18 июля 1931 г. — паланский школьный учитель. Привлекался по ст. 58-10 УК РСФСР. Согласно материалам дела, убеждал население в нереальности большевистских темпов, неосуществлении социалистического строительства. На заседании музыкального кружка говорил: «Диктатуры пролетариата нет, это выдумка; на самом же деле есть диктатура партии —

кучка коммунистов, которая делает всё, что ей заблагорассудится. При таком положении пройдут и тысячелетия, всегда господствовать будет кучка меньшинства над большинством». Прокурор ДВК Андреев наложил резолюцию: «Обвинения общи, собраны за разное время без достаточной проверки», предложил перевести на материк, установить наблюдение. Постановлением Тройки при ПП ОГПУ ДВК от 14 января 1932 г. выслан на три года в Западную Сибирь. Реабилитирован прокуратурой КО 21 февраля 1990 г.

Бондаренко Емельян Романович (август 1900), с 1 февраля 1954 г. председатель правления Камчатского облрыболовпотребсоюза. Образование: начальное и Высшая торговая школа Центросоюза. В ВКП(б) вступил в 1925 г. Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Бондаровский Борис Аркадьевич (1898), со второй половины апреля и с начала мая по 21 октября 1937 г. секретарь Петропавловского ГК ВКП(б). Из рабочих. Русский. Образование низшее. В РКП(б) с 1917 г.

Борейша Константин Михайлович (1875), почётный гражданин. Из дворян. Окончил пять классов Смоленской классической гимназии. Основная профессия — кассир. До 1917 г. — бухгалтер 1-го разряда, с 1917 г. — кассир-казначей. 24 июля 1919 г. приказом Министерства финансов правительства А. В. Колчака переведён из Благовещенска, где был старшим кассиром местного казначейства, на Камчатку. Назначен казначеем Петропавловского казначейства. В декабре 1925 г. — заведующий приходно-расходной кассой и кассир камчатского губернского финансового отдела. Беспартийный. Характеристика из документа «Сведения об ответственных работниках, числящихся на работе в камчатском губернском финансовом отделе на 1 декабря 1925 г.»: «В губфинотделе работает с 1 января 1923 г. в должности заведующего кассой, с делом знаком хорошо, имеет тридцатилетний стаж, безукоризненно честен, трудолюбив, по характеру мягкий, спиртных напитков не употребляет, к возложенным на него обязанностям отношение самое добросовестное. К совласти и компартии отношение доброжелательное».

Борисов Виктор Иванович (27.07.1959, пос. Усть-Камчатск), историк-краевед, действительный член Русского Географического общества. Из рабочей семьи. Русский. В 1979 г. окончил Петропавловский морской рыбопромышленный техникум, в 1991 г. — исторический факультет КГПИ. Член КПСС с 5 июля 1984 г. Трудовую деятельность начинал на Усть-Камчатском РКЗ: слесарь,

инженер-технолог, старший мастер, освобождённый секретарь комитета ВЛКСМ. Был научным сотрудником, директором историко-культурного центра «Нижне-Камчатский острог», работал в пресс-службе АО «Камчатэнерго». С 2010 г. — главный редактор газеты «Абориген Камчатки», с 2013 — главный хранитель Петропавловского военно-исторического музея. Первая краеведческая публикация «Ительмены. Кто они?» вышла в 1987 г. в усть-камчатской районной газете «Ленинский путь». Автор пяти книг: «Козыревск», «Усть-Камчатск (начало XVIII — конец XX вв.). Страницы истории», «Ключи (начало XVIII — конец XX вв.). Страницы истории посёлка», «Ключевской деревообрабатывающий комбинат», «Усть-Камчатский район. Из истории населённых пунктов».

Борисоглебский Александр Аркадьевич (51 год на конец мая 1919), *гласный второй ПГД, делегат второго Камчатского областного съезда* 1918 г. Юрист. В конце ноября 1918 г. на время отъезда во Владивосток городского головы *Голубецкого* избран его заместителем и членом Петропавловской городской управы. В декабре 1918 г. — частный поверенный по ведению гражданских и уголовных дел. Секретарь коммерческого китайского агента в Петропавловске. В 1919 г. — заместитель председателя Петропавловской городской управы.

Бормантов Сергей Николаевич (1900, хутор Молчановский на Северном Кавказе — 1934), на момент ареста в 1933 г. — *бездомный и безработный*. Из крестьян. Русский. Образование высшее, специальность — агроном-животновод. С июля 1931 по сентябрь 1932 г. работал в АКО. Собирался бежать в Америку (английский язык ему два месяца преподавал П. Т. Новограбленов) с сослуживцем, уроженцем Командор А. Г. Паньковым: «До первого острова Алеутской гряды, а оттуда не более восьмиста морских миль на вельботе под хорошим парусом». Путешествие расстроилось из-за разногласий с напарником. В 1933 г. совершил попытку пересечения советско-турецкой границы, но был ранен турецкими пограничниками. Арестован при обратном переходе границы 10 сентября 1933 г. Судтройкой ПП ОГПУ ДВК 17 мая 1934 г. приговорён к ВМН по ст. 58-6 УК РСФСР. Реабилитирован прокуратурой КО 27 июня 1989 г.

Бороздин Дмитрий Ильич (1926, д. Бороздины Костромской области), с 9 января 1979 по 21 октября 1983 г. *начальник УКГБ по КО*. Из крестьян. Окончил Горьковский институт инженеров водного транспорта по специальности «инженер-кораблестроитель». В КПСС с сентября 1952 г. В 1949—1954 гг. — мастер,

начальник конструкторского бюро, и. о. главного инженера судоремонтного завода в г. Нижняя Ладога Ленинградской области. В 1954—1958 гг. — инструктор, заведующий промышленно-транспортным отделом, заместитель заведующего орготделом Новгородского ГК КПСС. В 1958—1960 гг. — слушатель ВПШ в г. Москве. В 1960—1962 гг. заведующий промышленно-транспортным отделом Новгородского ОК КПСС. В 1962—1967 гг. — первый секретарь ГК КПСС в г. Новгороде. В 1967—1978 гг. — начальник УКГБ по Новгородской области, подполковник. В 1979 г. — полковник. 11 декабря 1981 г. присвоено звание генерал-майора.

Боровских Павел Яковлевич (1888, с. Пристромы Минской губернии — 1.04.1938), *Георгиевский кавалер*. Из крестьян. Белорус. Образование низшее. Рыбак-единоличник с. Зуйково Усть-Большерецкого района. На Камчатке с 1923 г. Арестован 4 октября 1937 г. Обвинялся в японофильстве и восхвалении Троцкого. Осуждён по первой категории (ВМН) постановлением Тройки НКВД по ДВК от 1 февраля 1938 г., согласно представлению И. Я. Ломбака. Расстрелян. Реабилитирован прокуратурой КО 22 июня 1989 г.

Бородина Мария Павловна (1887, СПб. — 9.05.1939, г. Петропавловск-Камчатский), *до 1914 г. супруга А. А. Ненсберга, в 1922 г. — жена командира посыльного судна «Свирь» Салатко-Петрище*. Дочь полицейского пристава. Русская. Окончила семь классов гимназии, Бестужевские курсы в Петрограде. Впервые приехала в Петропавловск в 1910 г., вторично — в 1919 г. и поступила телеграфисткой на радиостанцию. В 1922 г. работала журналистом в канцелярии *Х. П. Бирича*. В 1923 и 1927 г. подвергалась чекистским обыскам. До 1928 г. — машинистка в губ(окр)ревкоме. Дело на неё было заведено формально по «сигналу» некоего Сойкина от 22 октября 1937 г.: «Гражданка Бородина Мария Павловна проживает по Партизанской улице в 1921 году вовремя (орфография оригинала. — *В. П.*) борьбы с белым террором на Камчатки, гр. Бородина М. П. была сожительницей одного ярого белобандита СолодкоПетрищев капитан ваенно корательнаго парохода “Свирь”. Гр. Бородина бывшая мещанка и сожительница врага трудового народа, котораго в 1923 году в г. Владивостоке лично мне пришлось снять с вогона на станьцей г. Владивостока. После шести дневного процесса Солодко Петрище был расстрелян. Совмесно сосвоей бандой тrenaдцат бандитами. Если гр. Бородина являлась женой ярого бандита то она и могла являться его агентом а если она служила агентом сваему супругу то кров трудящех пролита по ее вине. Гр. Бородина имеет сына от Соладко-Петрища

это доказывает тесную связь с врагом народа». На момент ареста 27 апреля 1938 г. — акушерка Петропавловской горбольницы. 13 января 1939 г. ВТ Камчатских пограничных и внутренних войск ДВО приговорил её по ст. 58-1а за шпионаж (переписывалась с бывшим мужем-эмигрантом) к ВМН. В это время она имела дочь (23 года) и двух сыновей (22 года и 14 лет). Реабилитирована Главным управлением по надзору за исполнением законов в Вооружённых силах прокуратуры РФ 30 января 1994 г.

Бородянский Яков Давидович (1900), с июня 1937 г. второй секретарь Олюторского РК ВКП(б). Из рабочих. Родной язык еврейский. Образование среднее. В ВКП(б) с марта 1931 г. Специальности нет. Снят вместе с Мирласом 25 июля 1939 г.

Борысевич-Порай Борис Константинович (1883), советский работник. Из дворян, бывший офицер. Белорус. Кандидат РКП(б) с января 1925 г. В июне 1926 г. — председатель Камчатского райсоюза кооперации. В ноябре 1926 г. — заведующий канцелярией Камчатского окрбюро ВКП(б). С 25 ноября 1926 г. — заведующий окрместхозом вместо *Дудко*. 16 февраля 1927 г. на общем партсобрании Петропавловска при рассмотрении вопроса о переводе в действительные члены ВКП(б) Бакалов заметил: «Раньше тов. Б. не вступал, а когда укрепились партия, он вздумал вступить. Раньше он был дворянин, а теперь, когда всё успокоилось, хочет быть коммунистом». Другой присутствовавший на собрании Уткин высказался более категорично: «Где работал Б. в Народном Собрании, нашей фракции, нужно в архивах справиться... У меня создаётся впечатление, что тов. Б. не являлся сочувствующим эсерам, а являлся сам эсером». Постановили: «Продолжить кандидатский стаж до шести месяцев». С 30 июня 1927 г. — председатель Чукотского райревкома, с апреля 1928 г. — инструктор Центросоюза.

Бохняк Иосиф Савелевич (1875, Варшавская губерния — 2.06.1922), красный партизан КОНРК. По словам командира одного из отрядов В. М. Чекмарёва, в Петропавловск прибыл в 1919 г. из Владивостока. Выполнял кузнечные работы по ближайшим селениям, работал в отделе коммунхоза КОНРК — «кузнец в обозе». После занятия города белыми казаками был арестован, но выпущен из-за недостатка улик. Ушёл на заимку, где заготавливал дрова для партизанской базы. Козырин запомнил его черноволосым и что он в 1922 г. работал конюхом на «Кошке». Из воспоминаний жителя Петропавловска с 1909 г., партизанского связного Штрадмана: «Весёлый был и весь как-то светился

внутренней радостью». В бою на Петропавловской сельхозферме «незаметным образом был окружён белобандитами (ночь, туман), сначала был ранен, но при всём желании нападавших взять его в плен, он не дался. Вступил в рукопашную, был ранен. Белобандиты добились его, изувечили труп штыками, надсмеявшись таким образом, увезли в город» (В. М. Чекмарёв).

Бочкарёв (Озеров) Валериан Иванович (21.08.1892 ст. ст. — 13.04.1923, с. Наяхан Гижигинского уезда Камчатской губернии), в 1921—1923 гг. начальник Северного экспедиционного отряда (СЭО) Временного Приамурского правительства. Полковник. Незаконнорожденный. Запись о появлении его на свет сделана в метрической книге Верхне-Уссурийской Ильинской церкви. Мать — дочь казака Уссурийского казачьего дивизиона поста Графского Назара Даниловича Бочкарёва Анна. По некоторым сведениям, служил на Камчатке у рыбопромышленника *Х. П. Бирича* катерным командиром, окончил мореходную школу, плавал помощником капитана на пароходе «Енисей» и перед объявлением Первой мировой войны уехал в Петербург оканчивать высшую мореходную школу. Другой источник утверждает, что в 1912 г. он учился в Владивостокском мореходном училище, но курса не окончил. С началом войны пошёл служить в армию. В 1917—1918 гг. — офицер на кораблях Сибирской флотилии, затем — у атамана Калмыкова. Есть версия, что Б. и его подчинённые сожгли в паровозной топке членов Военного совета Приморского революционно-демократического правительства Лазо, Луцкого и Сибирцева, отомстив за расстрелянных в районе Имана у станции Хор весной 1920 г. пленных офицеров белых армий. Был арестован правительственной милицией и доставлен во Владивосток. После переворота 26 мая 1921 г., хлопоча о снаряжении экспедиции в Охотско-Камчатский край для распространения на него власти Временного Приамурского правительства, посещает живущего в Седанке под Владивостоком *Х. П. Бирича*. Осенью того же года вместе с ним выступает из Владивостока на двух кораблях с воинским формированием численностью до пятисот человек. Захватив г. Охотск и другие населённые пункты, обосновывается сначала в Гижиге, а затем в Наяхане. Собирался бежать в Америку, но был убит при захвате Наяхана красным отрядом Г. И. Чубарова.

Бочкарёв Михаил Васильевич (1879, Средне-Волжский край), в 1918 г., будучи председателем Хайрюзовского продкома, послал поздравление участникам июльского антисоветского переворота в Петропавловске. Из крестьян. Малограмотный. На момент

ареста 6 сентября 1931 г. жил в пос. Козыревске. Обвинялся по ст. 58-10 УК РСФСР. Освобождён 5 октября 1931 г.

Брагин Андрей Дмитриевич (1870, д. Андросовка Николаевского уезда Самарской губернии), *гласный третьей и четвёртой ПГД*. Из крестьян. Русский. Самоучка. На момент ареста 24 апреля 1932 г. — житель с. Налычево Петропавловского района, член рыболовецкой артели. 26 августа 1932 г. приговорён Тройкой ПП ОГПУ ДВК к трём годам лишения свободы по ст. 58-10 УК РСФСР. Реабилитирован прокуратурой КО 19 февраля 1990 г.

Брагин Василий Кирьякович (1886, с. Ключи), *делегат первого и второго Камчатских областных съездов*. Камчадал. Образование сельское. Охотник-рыбак. До 1917 г. собственности не было. До 1929 г. имел три коровы, три лошади, две нарты собак, дом и надворные постройки. В 1931 г. лишён избирательных прав как кулак. На момент ареста 6 марта 1932 г. имел дом, три коровы, четыре лошади, нарту собак. Семеро детей: четверо сыновей и три дочери. В 1922 г. способствовал расколу населения Ключей на две части (сто сорок человек — за белых, и от тридцати до девяноста — за красных), после чего возглавил сторонников Приамурского правительства, участвовал в разгоне волревкома. Односельчанин Г. Порунов утверждал в ОГПУ, что «за ним пошло всё население, кроме русских. Партизаны за его активные действия и его близких лиц, как-то: Семишерова (купец, проживает в Петропавловске), Крупенина В., уполномоченный биричевского правительства (Петропавловск или Охотск), Вавилина (арестован по ст. 58, п. 6, в 1931 г.) хотели арестовать, но они все сбежали под видом охоты». Из справки сельсовета от 8 марта 1932 г.: «...Хорошо грамотен и был учителем в с. Карага, развит, наблюдателен, предприимчив. При царском строе и во время интервенции Б. дружил с царскими чиновниками и реакционным начальством, а также духовенством... Пользовался среди камчадал репутацией учёного человека и имел большое влияние... как имеющий связь с начальством. Пользуясь своим влиянием, Б. развивал среди камчадал религиозный фанатизм, был защитником всяких религиозных мероприятий — сборов на нужды церкви, хлопотал по церковным делам, по устройству церковных ходов, молебствий и прочего. В период упадка религиозности с 1925 по 1931 г... употреблял много усилий на поддержку религиозного культа: был несменяемым членом церковного совета и общины верующих, заботился об украшении церкви, икон, утвари. Под его влиянием старики-плотники безвозмездно перекрыли под железо всё

здание церкви. Вёл агитацию среди населения о том, что не нужно отказываться от веры и христовой церкви, что всё равно вернётся старая власть или Камчатку заберут японцы, что японцы не будут преследовать православную веру, будут помогать камчадалам устраиваться самим без русских, и Камчатка будет только для камчадал, а японцы будут снабжать по-прежнему всеми товарами. Соболей будут ценить дороже, отменят норму на рыбу, юколу, японцы будут лучше уважать камчадал, нежели русские. Натравливал камчадал на приезжих русских, говоря, что русские “мурки” всегда притесняют камчадал... Благодаря агитации Б. община верующих в течение четырёх месяцев оттягивала вопрос о передаче церкви... На охоту Б. ездил часто и всегда очень удачно. Как во время охоты, так и в поездках, Б. всегда интересовался местностью и дорогами, он так хорошо изучил местность западного и восточного берегов, что считается лучшим знатоком местности, и все наиболее ответственные экспедиции всегда брали его проводником...» В 1931 г. Б. якобы говорил председателю сельсовета Г. Щенникову: «Какие-то лентяи-коммунисты захватили власть и издеваются над народом. Они вводят крепостное право. Сейчас живётся хуже, чем когда-либо жилось. При царе всё было». 8 июля 1932 г. Тройка при ПП ОГПУ ДВК приговорила его по ст. 58-10 УК РСФСР к трём годам концлагерей. Реабилитирован прокуратурой КО 21 февраля 1990 г.

Брагин Владимир Петрович (1888, с. Тигиль, Камчатка — 1933, Усть-Камчатск), *делегат мильковского трёхволостного съезда, избранный на съезде Завойкинской волости 27 марта 1922 г.* Сын купца второй гильдии. Русский. Образование незаконченное высшее. Зубной врач. На момент ареста 26 апреля 1933 г. жил в Усть-Камчатске. Обвинялся по ст. 58-2-6 как участник контрреволюционной организации «Автономная Камчатка». Покончил с собой под стражей. Постановлением Усть-Камчатского райотдела ОГПУ от 5 июня 1933 г. дело прекращено. Реабилитирован УКГБ по КО 25 апреля 1958 г.

Брагин Дмитрий Кирьякович (1879, с. Ключи — 22.08.1938, г. Петропавловск-Камчатский), *сторонник белой власти.* Из крестьян-середняков. Русский. Малограмотный. Занимался сельским хозяйством и охотой. Арестован 6 марта 1938 г. Обвинялся в принадлежности к «Автономной Камчатке», в антисоветской агитации. Якобы утверждал, что с захватом Японией Камчатки жизнь станет лучше. По представлению *Н. М. Давыдова* осуждён 10 августа 1938 г. Тройкой УНКВД по ДВК по первой категории

(ВМН). Расстрелян. Реабилитирован Камчатским областным судом 29 декабря 1960 г.

Брагин Емельян Иннокентьевич (1881, с. Тигиль), *псаломщик*. Из крестьян. Камчадал. Неграмотный (по другим сведениям, самоучка.) Холост. Имел дом с хозяйственными постройками, поле и сенокос, две коровы, телку, два амбара. С 1926 г. — псаломщик в местной церкви, заменял священника. Вырос в семье второго мужа матери рядового казака Феофилата Федотовича Косыгина. Родственники на момент ареста в Тигиле: мать Мария Михайловна (68 лет), братья Тимон (37 лет) и Конон Фиофилактович (33 года). Кроме того, что работал в своём хозяйстве — портняжничал. Арестован 2 июля 1931 г. Проходил по так называемому «Тигильскому делу». Обвинялся по ст. 58-2-11 УК РСФСР. 7 сентября 1932 г. приговорён Тройкой ПП ОГПУ ДВК к трём годам концлагерей. Реабилитирован ВТ ДВО 3 августа 1959 г.

Брагин Самуил Андреевич (1906), в 1922 г. был связан с красными партизанами; его отец утверждал, что он шесть месяцев находился у белоказаков под арестом в Петропавловске. Из крестьян. Образование: два класса высшего начального училища (ВНУ). Кандидат ВКП(б) с 1926 г., член с 5 сентября 1928 г. До 1917 г. и после учился, крестьянствовал. В июле 1924 г. — секретарь ячейки РКСМ в с. Налычево. Тем же летом вместе с Марком Львовым перегородил две трети речки и, «несмотря на постановление губревкома о пропуске рыбы, с шести вечера пятницы по шесть вечера воскресенья, этого не делали» (из заявления в бюро ячейки РКСМ № 1 при губревкоме о незаконном лове рыбы от 10 августа 1924 г.). В 1925—1926 гг. — караульный камчатского губфинотдела. Согласно служебной характеристики на 1 декабря 1925 г., честен, неподкупен, свои обязанности выполняет вполне добросовестно. Из протокола заседания проверочной тройки по проверке кандидатского состава городских ячеек ВКП(б) от 10 сентября 1928 г.: «...тов. Б. ...с одногодичным стажем, просрочен по причинам болезни и выезда в Усть-Камчатск. Член ЛКСМ... Основная профессия не определилась... Участвовал в 1922 г. в партизанском движении — был арестован белыми, в Красной Армии не служил. В общественных организациях не работал, партсобрания посещает аккуратно, членские взносы платит, партработы не имеет...» На одни заданные ему вопросы ответил правильно, на некоторые «запутанно», а на один («Где организуются комфракции?») не ответил вообще. Постановлено: «Считать проверенным, предложить заняться политподготовкой, а ячейке обратить внимание

на руководство и проверку политподготовки». Во время партчистки 1929 г. — корабельный смотритель Петропавловской таможни. Проверялся на открытом собрании ячейки ВКП(б) 15 июля 1929 г., где среди членов проверкома находился И. Е. Ларин. Характеристика ячейки: «Политическое знание имеет в пределах сокращённой школы, желание поднять политуровень имеет. Политически устойчив. В хозвопросах разбирается достаточно. Работу в массах ведёт. Моральное состояние здоровое. Взаимоотношение с сотрудниками таможни хорошее. По ведомственной работе с руководителем учреждения имеются трения, на что ячейка обратила внимание». В 1932 г. учился во Владивостоке в Рыбвтузе. Дальнейшая судьба неизвестна. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. на Камчатке с подачи партизанского повара *В. Д. Зорина* получил распространение миф о том, что Б. в 1922 г. замучили белобандиты, «изрубили его тело на куски, и Авачинская бухта стала могилой юного героя». Директор Корякского окружного Дома народного творчества Г. Г. Поротов написал на эту тему песню (1961).

Братков Сергей Леонидович (1958), с января 1990 г. заведующий отделом культуры Петропавловского ГИК. Русский. Образование высшее: в 1980 г. окончил КГПИ, учитель истории, обществоведения и английского языка. В КПСС с 1982 г.

Брегель Яков Семёнович (1915), 1 ноября 1946 г. назначен заведующим Петропавловским горфинотделом. Еврей. Образование среднее. В ВКП(б) с июля 1943 г. Трудовой стаж с 1932 г. Награждён медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Бречалов Алексей Петрович (1900, с. Большерецкое), в 1920-е гг. председатель Большерецкого церковного совета³. Из крестьян-середняков. Камчадал. Малограмотный. В 1934 г. привлекался НКВД за дезорганизацию колхоза. На момент ареста 10 октября 1937 г. — член рыболовецкого колхоза им. Сталина в с. Ленино. Женат, пятеро детей. Обвинялся в контрреволюционно-вредительской деятельности. Определён начальником КОУ НКВД И. Я. Ломбаком к рассмотрению Тройкой УНКВД по второй категории, но 14 февраля 1940 г. освобождён из-под стражи постановлением Усть-Большерецкого РО НКВД. В 1957 г. дело прекращено Камчатским УКГБ по ст. 4 п. 5 УПК РСФСР. Реабилитирован прокуратурой КО 28 ноября 1989 г.

Брикман Эссель Моисеевич (1898), с 1 января 1925 по январь 1928 г. выпускающий редактор газеты «Полярная звезда», органа

Камчатского губбюро РКП(б). Мать — дочь сапожника, домохозяйка; отец портной, сослан из Варшавы в Сибирь за проступки на военной службе. Окончил восемь классов коммерческого училища. Кандидат РКП(б) с января 1923 г., член с 1926 г. С декабря 1923 г. — заведующий финчастью Камчатского губбюро РКП(б). В июне 1924 г. — врио заведующего типографией. Из доклада Б. на собрании коммунистической ячейки № 2 при КГРК 10 сентября 1924 г.: «Семьи как таковой в новом обществе будущего не будет: сожителство полов не будет иметь форм настоящего — воспитание детей будет иметь общественный характер. Домашнее хозяйство, домашние обеды умрут вместе с семьёй». В протоколе собрания отмечается, что отрицание докладчиком любви как ненормального явления, которое должно исчезнуть (его личное мнение), а также отрицание семьи, вызывает долгие споры. В январе 1925 г. назначен заведующим финчастью и казначеем Камчатского губбюро. В октябре 1926 г. — заведующий общим отделом Камчатского окрбюро ВКП(б). В этом качестве снял копию с письма от 15 декабря 1927 г., распространяемого, по неподтверждённым данным, среди ответственных работников-коммунистов Петропавловска. В этом письме защищались идеи троцкистской оппозиции, и среди прочего значилось: «...*Брикмань большие и маленькие* (выделено в тексте. — В. П.) с остервенением оплёвывают оппозицию и её руководителей, конечно, не стоящих и одного их, по-видимому, пальца (это их мнение — они гордятся, что могут под одобрительные аплодисменты аппарата изрыгать всякого рода бессовестные ругательства)...» 24 апреля 1928 г. по докладу ответственного секретаря окрбюро Кузнецова решено отпустить Б. на учёбу на материк, оказать содействие в поступлении в вуз, просить о стипендии ему как проработавшему на окраине, предоставить отпуск в соответствии с решением комиссии по «ремонту здоровья» партработников.

Броневиц Валентина Тадеевна (25.01.1956, с. Сопочное Тигильского района, Камчатка), с июля 1987 по сентябрь 1990 г. председатель Корякского ОИК. Из рабочей семьи. Ительменка. Образование высшее: в 1978 г. окончила Иркутский государственный университет, юрист. В КПСС с 1986 по 1991 г. В 1978—1983 гг. — адвокат Камчатской областной коллегии адвокатов. С июля 1983 по август 1986 г. — народный судья Тигильского района, после чего заместитель председателя Корякского окружного суда. В декабре 1989 г. переизбрана председателем ОИК на второй срок. Из автобиографии: «В сентябре 1990 г. по рекомендации Ассоциации

народов Севера Корякского автономного округа назначена заведующей отделом по народностям Севера и национальным вопросам Камчатского облисполкома, а в октябре 1991 г. ушла в отставку в связи с несогласием с решением сессии Совета народных депутатов Корякского автономного округа о выходе из состава Камчатской области». С ноября 1991 по октябрь 1995 г. — старший юрисконсульт ТПО «Камчатлес» и одновременно председатель избирательной комиссии КО (сначала на общественных началах, затем на постоянной основе). В ноябре 1996 г. избрана губернатором Корякского автономного округа, членом Совета Федерации Федерального собрания РФ, заместителем председателя комитета Совета Федерации по проблемам Севера и малочисленных народов. С мая 2000 г. — председатель попечительского совета фонда материнства и детства Корякии. В 2008 г. назначена министром по делам Корякского автономного округа. С марта 2011 г. — заместитель председателя правительства Камчатского края. Семья: муж Тимохов Виталий Михайлович, 1948 г. р., федеральный судья в отставке; дочь Янина, 1984 г. р.

Брызгалова Мария Никифоровна (1925, Алтай), комсомольский и партийный работник. Русская. Окончила Хабаровскую ВПП. В ВКП(б) с 1948 г. На Камчатке с 1933 г. В 1945 г. — второй секретарь Олюторского РК ВЛКСМ, в 1945—1951 гг. — инструктор, заведующая сектором КОК ВЛКСМ. В 1953—1956 гг. — второй секретарь Петропавловского ГК, секретарь ОК ВЛКСМ, в 1959—1967 гг. — инструктор орготдела ОК КПСС, в 1967—1973 гг. — заведующая орготделом Петропавловского ГК КПСС. В 1973—1977 гг. — заведующая отделом соцобеспечения КОИК.

Будкеев Пётр Яковлевич (1903), 22 февраля 1954 г. утверждён прокурором КО. Русский. Образование: пять курсов юридического института. В ВКП(б) с 26 декабря 1926 г. Воевал на Волховском и Ленинградском фронтах. Награждён орденом Красной Звезды, двумя медалями.

Буздин Михаил Авдеевич, с 10 декабря 1917 г. член исполкома Петропавловского горсовета. В феврале 1922 г., согласно официальному списку, участвовал охране Петропавловска от красных партизан. После окончательного установления советской власти — старший по охране кассы (бывшее Петропавловское казначейство). Отзыв о нём В. И. Картакая: «Характер устойчивый по отношению к работе. Он мне известен с 1913 по 1918 г. как честный революционер. Отношение к своим обязанностям удовлетворительное — усидчивый, не щадя здоровья. Всегда старательный.

Отношение к существующей власти доброжелательное. Политически благонадёжен. Беспартийный».

Бужин Дмитрий Семёнович (1887), с 8 октября 1923 по 31 августа 1926 г. ответственный секретарь Камчатского губбюро РКП(б). Дед имел три десятины земли. Великоросс. По профессии учитель, окончил Иркутскую церковно-учительскую семинарию. В РКП(б) с 1919 г. В 1907—1908 гг. в Иркутске участвовал в тайном кружке студентов-эсеров. Учительствовал в 1908—1915 гг. До 1917 г. служил в армии, рядовой, прапорщик, на германском фронте — поручик. По направлению полкового комитета присутствовал на Втором съезде Советов, встречался с руководителем левых эсеров Камковым. В 1918 г. состоял в партии эсеров. В 1919—1920 гг. — в партизанских отрядах на Амуре. В октябре 1919 г. «вошёл в организацию Павлова-Бойко, Тряпицына в Хабаровском районе, но вскоре занял командную должность... попал к Хабаровску, где работал вместе с Павловым в качестве начальника штаба партизанского отряда особого назначения... С оставлением японцами Хабаровска отряд был распущен, а частью вошёл в город и влился в один из полков дивизии тов. Флегонтова». С 1921 г. — в Чите: секретарь и член исполкома, управляющий канцелярией правительства ДВР, заведующий административным отделом МИД ДВР, заведующий подотделом общих дел в отделе управления Дальревкома. В декабре 1923 г. избран в состав Камчатского губернского бюро РКП-ВКП(б)⁴. В 1926—1930 гг. — заместитель председателя Дальсельсоюза, председатель Примсельсоюза, Дальколхозсоюза и Крайполеводсоюза. В октябре 1930 — марте 1931 гг. учился на московских курсах Зернотреста по подготовке директоров. В 1931—1933 гг. — директор Омского института зернокультуры. С марта 1933 по январь 1934 г. — председатель КОИК. В 1934 г. — председатель Пригородного РИК (пос. Вяземский), член оргкомитета Зейской области. С мая 1935 г. — при арбитражной комиссии ДКИ. В октябре 1937 г. исключен из партии Кировским РК ВКП(б) г. Хабаровска как «враг народа». В апреле 1938 г. выездная сессия Военной Коллегии Верховного суда (ВК ВС) СССР приговорила его к ВМН. Реабилитирован посмертно в апреле 1957 г. В докладной записке заведующего отделом пропаганды и агитации КОК КПСС П. Я. Сидельникова председателю Петропавловского ГИК В. З. Мельникову от 24 декабря 1959 г. содержалось предложение назвать одну из улиц г. Петропавловска-Камчатского именем Б.

Бурк Иван Фёдорович (1883), с 10 марта по 2 июля 1923 г. председатель Анадырьского уездного ревкома, с 23 мая 1925 г.

вплоть до ликвидации — председатель Соболевского волревкома (член-секретарь Вас. Алексеевич Жезлов). Из крестьян. Образование: сельская школа. Беспартийный. До 1917 г. трудился на железной дороге, крестьянствовал и был на военной службе. После 1917 г. занимался охотой, партизанил. В 1926 г. — врид председателя Большерецкого райревкома.

Бурнатов Арсений Лукич (1897), с 22 декабря 1924 г. управляющий Петропавловской таможней. Из крестьян. Образование: сельская школа и фельдшерские курсы. Член ВКП(б) с 1925 г. До и после 1917 г. — чернорабочий и канцелярист. Называя некоторых красных партизан поимённо, «Камчатский листок» от 14 мая 1922 г. поставил перед его фамилией слово «бродяга». В декабре 1922 г. — член ревтрибунала. В 1923—1924 гг. — делопроизводитель, секретарь КГРК. В декабре 1925 г. — заорг и заместитель секретаря КГРК. 7 октября 1926 г. освобождён от должности Камчатского ОРК как не вернувшийся из четырёхмесячного отпуска.

Бутаков Пётр Степанович (1906, Благовещенск), в 1933 народный следователь. Из бедняков (отец выбился в корчемники Благовещенской таможни, откуда в 1926 г. перешёл в 56-й погранотряд ОГПУ оперативником. Образование: три отделения школы первой ступени. В ВКП(б) с 1929 г. В 1929 г. уволен по болезни, до 1930 г. лечился, затем поступил в областной отдел ОГПУ). Сам Б. в 1917—1920 гг. — погонщик у кулака, в 1920—1921 гг. — рассыльный в штабе Амурского фронта, затем рабочий. В 1926—1928 гг. — топорник пожарной команды. 1928—1930 гг. служил в РККА, был завхозом водтехникума. После трёхмесячных владивостокских курсов по подготовке райпартработников — завпарткабинетом в Охе до ноября 1932 г. По распоряжению крайпрокуратуры переброшен на Камчатку.

Буянов Иван Емельянович (1883, с. Барабаново Красноярского уезда Енисейской губернии), с 21 апреля 1918 г. секретарь Петропавловского горсовета, в 1922 г. — секретарь военного совета в партизанских отрядах Усть-Камчатска и Ключей. Из крестьян-середняков. Русский. Образование низшее. На момент ареста 18 июля 1938 г. — старший бухгалтер Ключевской базы АКОснаба. 17 июня 1939 г. Камчатский областной суд приговорил его по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР к десяти годам лишения свободы с конфискацией имущества. Отбывал наказание в Карлаге. Освобождён досрочно 30 октября 1942 г. Реабилитирован прокуратурой КО 27 сентября 1988 г.

Бучель Николай Христофорович (1905, Бобруйск — 16.03.1938, г. Владивосток), в мае 1931 г. врид ответственного редактора «Камчатской правды», с января того же года корреспондент РОСТА по Камчатскому округу. Из служащих. Литовец. Образование незаконченное высшее (Институт востоковедения). Бывал за границей. 26 декабря 1930 г. включён в состав редколлегии «Полярной звезды», которой поручено «проработать вопрос о формате и переименовании газеты». На момент ареста 8 мая 1937 г. — начальник планово-финансового отдела АКО. Приговорён 16 марта 1938 г. выездной сессией ВК ВС СССР по ст. 58-1а-7-8-11 к ВМН. Реабилитирован тем же органом 29 августа 1956 г.

Бучинский Тимофей Иванович (1872, с. Сухоженцы Терновской волости Изяславского уезда Волынской губернии), священник. Происходил из духовного сословия. Малоросс. Окончил четыре класса духовной семинарии. В 1891—1892 гг. — вольноопределяющийся 44-го Карпатского полка 11-й дивизии. В 1893—1903 гг. — псаломщик, в 1903—1905 гг. — дьякон, в 1905—1921 гг. — священник. На момент ареста 12 июля 1932 г. в с. Афанасьевка — вдовец, имел нарту собак, шлюпку, рыболовные сети, материал на дом, к строительству которого не приступил. После ареста показал в ГПУ: «С 1921 г. по настоящее время живу своим трудом и как священник ничего не делаю. В 1924 г., когда в Облуковино собралась община, я дал согласие временно занимать должность — исполнять обязанности, но затем отказался с ликвидацией общества от должности священника...» Проходил по «Тигильскому делу» по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Виновным себя не признал. Приговорён к пяти годам лишения свободы. Реабилитирован ВТ ДВО 3 августа 1959 г.

Бушуев Степан Анисимович, или *Анисифорович* (1882, с. Толбачик Мильковской волости — 18.06.1942, Сиблаг), делегат второго Камчатского областного съезда от кочующих ламутов Гижигинской волости, в январе 1918 г. — член облкома, участник мартовского (неудавшегося) антисоветского переворота в Петропавловске. Из крестьян-середняков. Образование среднее: Владивостокская прогимназия, три курса Иркутского горного училища. В 1912 г. состоял в Иркутской подпольной организации РСДРП, работал завхозом частью золотосплавочной лаборатории. 1 июля 1918 г. поставил свою подпись за председателя Камчатского облсовета под постановлением о переходе с сего числа на западно-европейский календарь (основание — декрет СНК) всем камчатским советам, общественным учреждениям, «а равно част-

ным торгово-промышленным предприятиям и лицам, ведущим отчётность по своим операциям». Отказался ехать с Лариным и Олейником «в Хабаровск на созываемый съезд краевого СНК», вместо него поехал М. К. Попов. После июльского антисоветского переворота оставлен в облкомитете без права подписи; о деятельности Б. в Совдепе решено сообщить его избирателям (постановление чрезвычайного заседания Завойкинского волостного съезда 2/15 июля 1918 г.). В 1918 г. избирается делегатом второго Камчатского областного съезда. В начале апреля 1919 г. исключён из членов Петропавловского общественного собрания. На момент ареста 8 января 1938 г. работал инструктором-бухгалтером мельниковской машинно-тракторной станции (МТС). В 1939 г. осуждён по ст. 58-1а к ВМН с конфискацией имущества. 25 ноября 1940 г. ВТ 101-й горно-стрелковой дивизии изменил меру наказания на десять лет лишения свободы. Реабилитирован Камчатским областным судом 12 октября 1989 г.

Бычков Алексей Михайлович (ум. в 1961 в Москве), с 10 декабря 1917 г. член Петропавловского горсовета, с 1 января 1918 г. член его исполкома; в начале 1920-х гг. уполномоченный КОНРК по Чукотке. Из автобиографии 1957 г.: «Родился я 9 августа 1897 г. в г. Борисоглебске Воронежской области в семье рабочего-металлиста — строгальщика железнодорожных мастерских. Семья отца состояла из семи человек. Учился в железнодорожной школе. В 1913 г. отправлен во Владивосток... устроился к частнику в железно-скобяной магазин. 15 мая 1916 г. в возрасте восемнадцати с половиной лет был мобилизован в армию и отправлен в Петропавловск в местную команду...» После июля 1918 г. остался в городе и по совету Воловникова поступил продавцом в кооператив. Весной 1919 г. мобилизован в местную воинскую команду, «созданную прибывшими из Владивостока офицерами из жителей КО... Находясь в команде, я состоял в подпольном революционном комитете совместно с товарищами Маловечкиным, Фроловым (участие Фролова не подтверждается историком Б. И. Мухачёвым. — В. П.), Черепановым, Рудых...» Участник просоветского переворота 1920 г. в Петропавловске. С захватом власти командир отряда, комендант города. С июля 1920 г. — уполномоченный КОИК в Чукотском уезде. В 1922 г. выехал в Москву, где работал в хозяйственных организациях. В 1930—1933 гг. на материке проводил в жизнь планы ВКП(б) по коллективизации сельского хозяйства. В марте 1942 г. — мобилизован на фронт, провоевал до победы. После окончания войны — в Минсельхозе.

Прототип главного героя художественного фильма «Начальник Чукотки».

Вавилин Пётр Петрович (1887, с. Давыдовка Саранского уезда Самарской губернии), *бывший торговец*. Из крестьян. Русский. Образование незаконченное среднее. В 1910—1913 гг. работал в торговой фирме А. М. Огородникова младшим, старшим приказчиком. В 1914—1918 гг. содержал свою лавку третьего разряда в селении Ича с оборотом пять тысяч рублей в год. Затем стал домашним учителем. С апреля 1919 по март 1920 г. служил рядовым в Камчатской местной воинской команде. В 1923 г. был под следствием. 23 февраля 1923 г. — начальник пункта губотдела ГПУ Усть-Камчатского района Александров писал о нём в 1921—1922 гг. в Петропавловск в следственную комиссию: «Вместе с другими спекулянтами (Подпругиным, Кудяковым) травили, подстрекали население против власти трудового народа в лице Камчатского ОНРК, провозя прокламации Меркуловского правительства и распоряжения их между жителями Камчатки». До ареста 1 июля 1931 г. на пароходе «Пронит» при стоянке в Петропавловске — житель села Ключи, работал в личном хозяйстве, побочно занимался фотографией. Имел дом, огород в три тысячи квадратных саженей, корову. Родственники того времени: жена Елизавета Митрофановна, 1904 г. р., сын Валерий (1924) в Петропавловске, тёща Левина Параскева Яковлевна, 59 лет, шурины Левин Михаил Митрофанович, 1903 г. р., заведующий радиостанцией в Усть-Камчатске, и Георгий Митрофанович, 17 лет, в Петропавловске. Привлекался по «Тигильскому делу». 7 сентября 1932 г. Тройка ПП ОГПУ ДВК (обвинялся по ст. 58-2-11, вины не признал) постановила «освободить, зачтя в наказание срок предварительного заключения». Реабилитирован ВТ ДВО 3 августа 1959 г.

Ваганов Василий Константинович (1922), с 15 сентября 1958 г. преподаватель истории КПСС КГПИ. Русский. Образование высшее. В 1944 г. вступил в ВКП(б). В 1942—1945 гг. — на фронте. Награждён орденами Красной Звезды, Славы 3-й степени, медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

Валицкий Леонтий Куприянович (1872), кандидат к гласным пятой ПГД; согласно официальному списку, участник охраны Петропавловска от красных партизан в феврале 1922 г. Из крестьян Тобольской губернии. Малограмотный. Женат. Детей на начало 1923 г. нет. Имел дом, работал в личном хозяйстве.

В 1893 г. служил в армии. Беспартийный. В 1923 г. привлекался, но был оправдан, по «Думскому делу».

Ванин Георгий Львович (1903, г. Николаевск-наАмуре), *чекист*. Китаец. Образование неполное среднее. В ОГПУ в 1923—1938 гг. В 1931—1932 гг. — оперуполномоченный 4-го отделения особого отдела ПП ОГПУ по ДВК. Выезжал в командировку в Петропавловск старшим оперуполномоченным такого же отдела ПП ОГПУ при ОКДВА по «Тигильскому делу». Первым подписал обвинительное заключение по этому делу как оперуполномоченный 1-го отделения особого отдела. В 1938 г., будучи помощником начальника 11-го отдела УНКВД по ДВК, «занимался фальсификацией уголовных дел, арестовывал по ним невинных людей и применял к ним незаконные методы допросов» (из справки сотрудника следственного отдела УКГБ по КО лейтенанта Кочергина от 30 марта 1959 г.). Арестован в 1938 г. УНКВД по ДВК как участник правотроцкистской организации. Виновным в фальсификации дел себя не признал. 4 декабря 1939 г. ВТ войск НКВД Хабаровского округа приговорён к пяти годам лишения свободы без поражения в правах, с лишением звания «Почётный чекист» и спецзвания «старший лейтенант государственной безопасности».

Ваняев Николай Алексеевич (1911), в 1959 г. *председатель Камчатского совнархоза*. Русский. Образование высшее. В ВКП(б) с мая 1939 г. В период ВОВ воевал на многих фронтах, награждён десятью орденами и медалями.

Варнавская Надежда Ефимовна (1908), в 1940 г. *уполномоченная комитета по делам искусств при КОИК*. Из рабочих. Русская. Образование неполное среднее. В ВКП(б) с 1931 г. С уполномоченных снята в начале октября 1940 г. со строгим выговором по партийной линии с занесением в учётную карточку. «Совместно с кандидатом партии т. Сугробкиным систематически занималась пьянством и браговарением», будучи секретарём парторганизации, «не обеспечила руководства партийной организации». Летом 1947 г. выбыла в г. Гергиевск(ий ?) Ставропольского края.

Варна Владимир Карлович (1896, Курляндская губерния, Гондин-Генский уезд, Грос-Эзернская волость — 14.04.1938), в начале 1930-х гг. *оперуполномоченный экономического отдела ПП ОГПУ по ДВК*. Ему в Хабаровске дал первые признательные показания о существовании контрреволюционной организации «Автономная Камчатка» Кириллюк. Весной 1933 г. прибыл на Петропавловск в составе спецбригады для расследования дела в помощь местным чекистам. С 15 апреля по 31 мая проводил допросы

П. Т. Новограбленова. 20 января 1934 г. исключён из списков личного состава в связи с передачей в распоряжение крайкома ВКП(б). 10 ноября 1934 г. решением Далькрайкома откомандирован в Москву в представительство Главного управления лесной промышленности. На суде 20 февраля 1935 г. В. И. Огородников заявил, что во время следствия Г. И. Кареву «угрожали арестом жены, пять суток подряд почти не давали спать. Уполномоченный Варпа говорил ему, чтобы он выбирал арест жены или признавался в участии в контрреволюционной организации. Он дошёл до неменяемого состояния и в таком составе дал первые свои показания о том, что он участвовал в контрреволюционной организации, а затем уже продолжал давать ложные показания и дальше, оговаривая не только себя, но и других». Уволен из органов госбезопасности. Работал экономистом в наркомате лесной промышленности. Арестован в конце 1937 г. Обвинён в шпионаже и диверсиях. Расстрелян.

Васильев Василий Иванович (1890, Курская губерния), *чекист*. Из крестьян. Образование домашнее. Великоросс. В РКП(б) с 1920 г., в других партиях не состоял. Основная профессия — «канцелярист-конторщик». С 1911 по 1917 г. на военной службе в крепостном полку во Владивостоке. С 1917 г. — на частной конторской службе. На Камчатке с 21 сентября 1923 г. — казначей, начальник контрольно-пропускного пункта, секретарь-делопроизводитель и уполномоченный информационно-агитационного отдела и врид военкома дивизиона ОГПУ. С 1926 г. — уполномоченный Камчатского окротодела ОГПУ. Оставаясь за начальника погранотряда, присутствовал на заседании Окргбюро ВКП(б) 18 апреля 1928 г. Две характеристики на него за подписью И. Я. Ломбака от 20 мая 1924 г. и 13 июля 1926 г. Первая: «...достаточно энергичный работник, тактичный и умеющий влиять на подчинённых иногда проявляет излишнюю горячность. Выпивает, но очень осторожно». Вторая: «Имеет достаточную инициативу, умеет подбирать себе работников и руководить ими. В работе настойчив и тактичен. Около трёх лет до июля с. г. был комиссаром дивизиона по совместительству и проявлял себя как хороший воспитатель красноармейцев. Занимаемой должности соответствует». Женат. Супруга Ольга Семёновна, дочь Нина.

Васильев Иван Михайлович (1886, д. Куналай Верхнеудинского уезда Иркутской губернии), *основатель с. Николаевка Усть-Камчатского района*, где и жил, ведя личное хозяйство. По определению чекистов, «религиозный фанатик, старовер, кулак». Из

крестьян. Русский. Малограмотный. Семейный. «Лишенец». Прибыл на Камчатку из Амурской губернии в 1911 г. Бывший царский унтер-офицер. Якобы говорил в 1930 г.: «Советская власть хороша для лодырей, а имущего крестьянина старается задавить, но на этом долго не продержится»; в 1931 г.: «В Петропавловске стоит японский миноносец, за бухтой ещё два, в городе ГПУ разогнали, скоро японцы займут Камчатку, будем жить свободно». Арестован 2 июля 1931 г. Привлекался по ст. 58-10 УК РСФСР. Постановлением Тройки при ПП ОГПУ ДВК от 20 ноября 1931 г. выслан с Камчатки с лишением права проживания в погранзоне. Реабилитирован прокуратурой КО 27 июня 1989 г.

Васильев Пётр Иванович (1882, с. Николаевка Ивановского района Амурской области — 8.03.1938, 14.00, г. Петропавловск-Камчатский), в 1922 г. *красный партизан*. По материалам НКВД, участник неудавшегося мартовского антисоветского переворота 1918 г. в Петропавловске. Из крестьян-«кулаков». Русский. Малограмотный. Житель селения Сероглазка. На момент ареста 8 октября 1937 г. — боцман моторно-рыболовной станции. Обвинительное заключение подписано 16 декабря 1937 г. полковником И. Я. Ломбаком с выводом: наказать «по первой категории» (то есть приговорить к ВМН), что и было сделано без указания статьи УК РСФСР Тройкой УНКВД по ДВК 1 февраля 1938 г. Расстрелян врио начальника 4-го отделения УГВ КОУ НКВД лейтенантом Страховым, помощником начальника 2-го отделения Морского пограничного отряда (МПО) НКВД старшим лейтенантом Лисициным, помощником оперуполномоченного 11-го отделения КОУ сержантом Устиновым в присутствии областного прокурора Свиридюка. Реабилитирован Камчатским областным судом 27 февраля 1958 г. В архивном уголовном деле В. есть собственоручное подтверждение Ларина и Фролова от 16 ноября 1957 г., что он в 1921—1922 гг. на Камчатке «принимал участие в партизанской борьбе в качестве связного и в снабжении партизан продовольствием». Документ составлен во время пребывания указанных лиц в КО в связи празднованием сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции.

Васильев Пётр Яковлевич (1882, д. Трубниково Богородицкой волости Кирсановского уезда Тамбовской губернии), *делегат первого и второго Камчатских областных съездов от Ключевской волости*, избранный на первом съезде членом облкома. Из крестьян. Русский. Малограмотный, окончил одно отделение ЦПШ. До того работал в хозяйстве, где имелось восемь десятин земли, корова,

двадцать овец. В 1893 г. отдан учеником в лавку купца Ольховского в г. Моршанске Тамбовской губернии, где находился шесть лет. Затем переехал в Саратов, поступил продавцом в магазин купца Дружинина и работал до 1905 г. На Дальнем Востоке, куда отправился на заработки, поступил продавцом в фирму братьев Скоблиных (Харбин), а в 1906 г. перешёл в магазин компании «Зингер» (Владивосток). В 1907 г. прибыл на Камчатку в надежде перебраться в Америку, так как после русско-японской войны заработок стал снижаться. То же самое замыслили и его товарищи Похлебаев, А. В. Горбунов, С. О. Бейнарович, Пётр Иванов (ходили слухи, что в Америке платят в день по четыре-пять долларов). Из всех туда попал один Иванов. В 1908—1913 гг. — разъездной продавец Камчатского торгово-промышленного общества. Торговал с ламутами и эвенами. В 1913 г. «открыл собственную лавку в Ключах, где производил скуп пушнины, каковую перепродавал коммерсанту Чурину», который кредитовал его товарами. Продавал пушнину японцам. До 1917 г. имел дом, амбар, баню, до четырёх коровы, до пяти телят, три лошади, двадцать ездовых собак. Торговал до 1920 г.: курс денег упал, триста тысяч романовских рублей, что имел В., обесценились. С тех пор работал в личном хозяйстве, имел огород до семиста квадратных метров. В 1928 г. держал хозяйство вместе с братом жены Алексеем Васильевичем Коллеговым. В 1929 г. оба продали катер с мотором в восемь лошадиных сил Мильковскому кооперативу. В 1930 г. напарники разделились, В. продал лошадь. Корову зарезал на мясо в 1932 г. Перед арестом 5 июня 1934 г. работал ассенизатором Ключевского лесокомбината. Постановлением ОСО при НКВД от 22 декабря 1934 г. «за причастность к контрреволюционной шпионской организации и за антисоветскую агитацию» заключён в ИТЛ на три года. «Меморандумом проходящего по делу» к вербовке и дальнейшему использованию не рекомендован как «двойник» и «скрывший свою деятельность на следствии». Реабилитирован Камчатским областным судом 22 апреля 1960 г.

Васильев Пимен Меркурович, или *Меркулович* (1895, с. Демикан Амурской области — 22.09.1938, Петропавловск-Камчатский), *рыбак-охотник* села Николаевка Усть-Камчатского района. Из крестьян. Русский. Малограмотный. В 1925 г. судим «за избивание комсомольца». Арестован (ст. 58-10-13 УК РСФСР), но освобождён в 1934 г. Вторично арестован 3 апреля 1938 г. Обвинён в причастности к расстрелам красных партизан в период гражданской войны на Дальнем Востоке. 10 августа 1938 г. Тройка

УНКВД по ДВК приговорён к ВМН с конфискацией имущества. Реабилитирован прокуратурой КО 30 июня 1989 г.

Васильев Рафаил Семёнович (1867, г. Акша Забайкальской губернии), *благочинный архимандрит Камчатской епархии*. Русский. Холост. Жил в Усть-Камчатске. Арестован 28 апреля 1928 г. за распространение содержания контрреволюционной книги С. Нилуца «Великое в малом», проведение бесед, «в которых говорил, что существование советской власти есть результат заговора масонов». Следователь А. Домман обратил внимание на пометки, сделанные в книге: «На странице 62-й подчёркнутого текста “Народ саморазрушается партийными раздорами”, Васильев написал “Очень удалось”; на странице 64-й возле текста “В политике надо уметь брать чужую собственность без колебаний, если ею мы добьёмся покорности и власти”, Васильев написал “Уже добились”; на странице 78-й возле текста “Вынудим их предложить нам международную власть” — комментарий “Страшилище”. Подобные идеи проводились также в приготовленных к отправке и изъятых при обыске письмах. В одном из них, адресованном “Обновленческому синоду”, автор причисляет к масонской организации Международную организацию помощи рабочим, а управление Хабаровской епархии убеждает, что “в России... ограбили и увезли на постройку храма Соломона”». Следователь видит в этом намёк на изъятие церковных ценностей и на то, «что социализм — это масонская выдумка и что правительству необходимо отказаться от социализма». Приговорён вместе со своим подельником о. Александром из Ключей постановлением ОСО при коллегии ОГПУ от 16 ноября 1928 г. к одному году лишения свободы. Реабилитирован прокуратурой КО 19 февраля 1990 г.

Васильева Антонина Петровна (1903), *на сентябрь 1929 г. заведующая общим отделом Камчатского окрбюро ВКП(б)*. Из рабочих. Вступила в РКП(б) в 1922 г.

Васильченко Макар Евлампиевич, *13 ноября 1937 г. утверждён заведующим Камчатским обллитом* (цензура).

Васин Сергей Андриянович (1905, д. Поелово Тульского уезда Тульской губернии — 28.05.1944, Камчатка), *с 30 декабря 1939 по 21 ноября 1942 г. — председатель КОИК, после чего первый секретарь ОК и одновременно с 16 февраля 1943 г. Петропавловского ГК ВКП(б)*. Русский. Образование среднее. В ВКП(б) с 1929 г. До сентября 1927 г. был чернорабочим в своей деревне на мельнице Костина, землекопом в Туле, мостовщиком в Москве. В 1927—1929 гг. служил в РККА, младший командир арtpолка. В 1929—

1931 г. учился на московском рабфаке. С 1931 по 1933 г. — курсант пехотной школы в Москве, Сталинградского лётно-технического училища. В 1933—1935 гг. — уполномоченный по оброне от парторганизации одного из заводов Москвы, там же заведующий райкомвузом 22-го завода, а затем до июня 1937 г. на этом же заводе председатель, секретарь цехпарткома. С июля 1937 по февраль 1938 г. — в Комсомольске-на-Амуре, председатель завкома, секретарь парткома 126-го завода. Затем по сентябрь того же года — секретарь Комсомольского-на-Амуре ГК ВКП(б). В этом городе в сентябре 1938 — августе 1939 г. — председатель горсовета, после чего по декабрь 1939 г. — секретарь президиума оргкомитета Верховного Совета РСФСР по Хабаровскому краю. 10 декабря 1939 г. Хабаровским крайкомом ВКП(б) командирован на Камчатку. 23 августа 1942 г. за образцовое выполнение заданий правительства по снабжению РККА и спецзаданий командования награждён орденом Трудового Красного Знамени⁵. Погиб в авиакатастрофе. Имел жену и дочь.

Васина Вера Алексеевна (1913, г. Бугуруслан), жена предыдущего. Вышла замуж в 1932 г. Из семьи священника, умершего в 1923 г. Русская. С 1924 г. после смерти матери и до 1930 г. пребывала в детдоме г. Балакова Саратовской области, где окончила восемь классов, после чего поступила в Сталинградский химико-фармацевтический техникум, каковой окончила в 1932 г. В 1933—1938 гг. — на 22-м заводе в Москве. В 1930—1938 гг. — комсомолка. Принята в кандидаты ВКП(б) в июле 1938 г. в Москве, с июля 1939 г. — член партии. В Комсомольске-на-Амуре работала технологом гальванических покрытий на 126-м заводе. С августа 1939 г. — домохозяйка. С августа 1940 г. — инструктор сектора статистики и единого партбилета оргинструкторского отдела КОК ВКП(б). В 1942 г. — заведующая кадрами Петропавловского ГИК (домашний адрес в Петропавловске: ул. Ленинская, 86). Партийная карточка выбыла в Москву в ноябре 1944 г.

Вассергисер Алексей Григорьевич (1902, мест. Кодымо в Молдавии), в 1938 г. прокурор погранвойск на Камчатке. Из служащих. Родной язык русский. Образование: общее низшее, специальное юридическое, политическая совпартшкола. В РКП(б) с июня 1923 г. В 1933 г. поставлено на вид за утерю партбилета (обокрали). При выдвижении в члены пленума Петропавловского ГК ВКП(б) в мае 1938 г. на третьей горпартконференции сообщил о себе: «Отец кустарь-портной. Я тоже кустарничал по портняжному делу с отцом. С 1919 по 1921 г. был добровольцем в РККА.

В 1922 г. демобилизовался по возрасту. Работал в сельских советских органах, учился в совпартшколе. Работал народным судьёй, учился в юридической школе. В 1932 г. вторично добровольно вступил в РККА. Работал в различных войсковых частях прокурором... Есть мать, она ничем не занимается. За границей родственников нет, по национальности еврей».

Вахрин Григорий Павлович (1892, с. Салатко Ишимской волости Тобольской губернии — 25.05.1938, Петропавловск-Камчатский), до 1920 г. рядовой армии генерала В. О. Каппеля. Из крестьян-середняков. Русский. Малограмотный. Семья имела дом, завозню, баню, двор для скота, три-четыре лошади, столько же коров, «четыре подростка», семь-восемь овец, свиней, шестнадцать десятин пахотной и до четырёх луговой земли, жнейку-лобогрейку, молотилку, одного батрака. В 1913—1915 гг. — на действительной военной службе. На Камчатке с 1921 г. На момент ареста 27 декабря 1937 г. в с. Николаевка Усть-Камчатского района — член рыболовецкого колхоза. Жена Ульяна Демьяновна, двадцать девять лет, сыновья: Степан, двадцать пять лет, в Благовещенске, Пётр (четырнадцать лет), Иван (одиннадцать лет), Владимир (восемь лет) — в Николаевке. Обвинение, в том числе, в карательных акциях против красных партизан в Сибири, отверг. Дело направлено на рассмотрение Тройки УНКВД по ДВК «по первой категории» (ВМН) Лепиным. 26 марта 1938 г. приговорён к расстрелу с конфискацией личного имущества. Реабилитирован прокуратурой КО 20 июня 1989 г. Его внук, *Вахрин Сергей Иванович* (15.07.1954, с. Тиличики), — член Союза кинематографистов и Союза писателей России, автор книг «Покорители Великого океана», «Встречь солнцу», «Потомки остроклювого бога (камчадалы)». Область творческих интересов: камчатские династии; история освоения Северной Пацифики.

Вацурин Владимир Михайлович (1903 — март 1980, Тула), с 31 мая 1939 до 1 ноября 1940 г. начальник КОУ НКВД. Из семьи почтальона. Русский. Окончил Тульское высшее городское училище, вечерний механический техникум, два курса механического института. В ВКП(б) вступил 5 апреля 1928 г. В 1919—1929 гг. — ученик конторщика, конторщик, кладовщик, завскладом на Тульском оружейном заводе. С июня 1929 по июль 1937 г. там же, техник-планировщик. С июня по 20 декабря 1937 г. — курсант при УНКВД по Тульской области, затем оперуполномоченный 1-го отделения 2-го отдела УГБ в том же управлении. С середины января по конец мая 1939 г. — оперуполномоченный, старший

следователь следственной части, помощник начальника 3-го отделения УГБ, следователь следственной части УНКВД по Тульской области. 7 сентября 1940 г., будучи главой КОУ НКВД, говорил на партсобрании управления о своём ведомстве: «Всех, кто опаздывает на пятнадцать-двадцать минут, необходимо судить, а у нас нет контроля за этим». После Камчатки служил в УНКВД Хабаровского края, в системе ИТЛ НКВД СССР, начальником оперативного отдела лагерей для военнопленных НКВД и МВД СССР. С марта 1950 по апрель 1953 г. — заместитель начальника управления строительства № 247 и ИТЛ МВД, начальник военизированной охраны (ВОХР) в г. Челябинске-40. С апреля 1953 по январь 1957 г. — начальник ВОХР управления Кузнецкого Минюста-МВД СССР, затем по май 1962 г. — командир войсковой части 6616 в г. Челябинске-40. Один год был дежурным заместителем коменданта центральной комендатуры 3-го отдела ВОХР Минохраны общественного порядка РСФСР в г. Челябинске. С мая 1963 г. на пенсии. До кончины жил в Туле. Звания: капитан ГБ (1.07.1939), подполковник ГБ (11.02.1943), полковник внутренней службы (17.12.1952). Награждён орденами Красной Звезды (28.08.1944), Отечественной войны 2-й степени (21.06.1945), девятью медалями.

Вдовин Сергей Иванович (1905), в 1926—1928 гг. — секретарь Камчатского окружкома комсомола. Из рабочих. Мордвин. Кандидат ВКП(б) с 1925 г., член с 1927 г. Окончил Шимоновское ВНУ, Благовещенскую губпартшколу. В 1929—1931 гг. — заворготделом КОИК, в 1932—1933 гг. — заместитель директора Владивостокского политехнического института. В 1934 г. — председатель комитета радиофикации и радиовещания КОИК до 4 мая 1935 г. Состав комитета: В., заместитель председателя и ответственный редактор областной радиоредакции Виктор Николаевич Жилин (1906 г. р., в ВКП(б) с 1931 г.), инструктор обкома ВКП(б) Страхов, *Алтус*, от ОК ВЛКСМ Ким, Садовой (облоно), *Дайн*. В. был председателем Петропавловского ГИ. Отозван в распоряжение Далькрайкома ВКП(б).

Ведев Георгий Митрофанович (1925, г. Железноводск), с июля 1965 по 1969 г. председатель КОИК. Из рабочих. Русский. Образование высшее: очно окончил Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта. В КПСС вступил в феврале 1954 г. В рядах РККА и СА с 1943 по 1946 г., участник ВОВ. В 1946—1947 гг. — начальник горжилуправления г. Железноводска. После окончания вуза прораб, старший инженер, началь-

ник производственно-технического отдела СМУ, начальник Руженской дистанции и строительно-монтажного поезда ДВ железной дороги. В 1957—1960 гг. — председатель Уссурийского ГИК, в 1960—1961 гг. руководил Приморстройуправлением, в 1961—1962 гг. — председатель Владивостокского ГИК, в 1962—1965 гг. там же первый секретарь ГК КПСС. В 1965 г. направлен на Камчатку в порядке укрепления кадров. По возвращению в 1969 г. во Владивосток работал в строительных организациях, в Минсельхозе РСФСР. Награждён орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

Вейхман Владимир Вениаминович (1934, Хабаровск), в 1989—1994 гг. председатель правления Камчатского областного добровольного историческо-просветительского общества «Мемориал». Еврей. Сын репрессированного в 1935 г. ответственного секретаря газеты «Тихоокеанский комсомолец». Образование высшее, окончил Ленинградское высшее инженерное морское училище им. адмирала С. О. Макарова. Преподавал в Петропавловск-Камчатском высшем инженерном морском училище. Кандидат технических наук. Автор нескольких книг. Живёт в Израиле.

Велицкий Анатолий Философич (1906), с 13 марта 1948 г. директор Камчатского областного драматического театра. Образование среднее техническое. В комсомоле с 1923 г., в ВКП(б) — с марта 1945 г. Трудиться начал в 1925 г. В июле 1948 г. получил выговор по партийной линии, вынесенный Усть-Камчатским РК ВКП(б). Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Вельможный Георгий Константинович (1892, Хабаровск — 8.03.1938, Петропавловск-Камчатский), *противник советской власти*. Русский. Образование среднее. Беспартийный. Арестован 2 октября 1937 г. Из обвинительного заключения, подписанного начальником КОУ НКВД И. Я. Ломбаком: «...происходит из семьи дворянина, его отец полковник царской армии, сам В. во время империалистической войны был офицером, Георгиевский кавалер. В 1916—1917 гг. находился в плену в Германии. За границей в Шанхае имеет родственников: мать, сестру, с которыми поддерживает связь. На Камчатке в Микояновском рыбокомбинате в должности финансиста работает с 1932 г.». Отмечалось, что В. являлся инициатором сочинённых вместе с И. С. Евдокимовым песен («в исключительно циничной форме») о руководителях партии и правительства. По словам одного из свидетелей,

В. принадлежит выражение: «Советская власть и компартия хуже, чем любая фашистская власть, грабит народ, разоряет всё хозяйство, расстреливает и сажает честных людей, а дерьмо остаётся». Тройка УНКВД по ДВК от 1 февраля 1938 г. постановила: за контрреволюционную агитацию приговорить к ВМН. Реабилитирован Камчатским областным судом 16 апреля 1957 г.

Вергезов Василий Михайлович (январь 1895, с. Новосёлки Нижегородской губ.), до революции — торговец, рыбопромышленник. Из крестьян. Мордвин. Малограмотный. На Камчатке с мая 1913 г. Житель Петропавловска. В 1921—1922 гг. занимался развозным торгом. В феврале 1922 г. участвовал в охране областного центра от красных партизан. По данным ОГПУ, спекулировал: «покупал у японской фирмы Фукуда-Гуми спирт и товар и возил на собственных собаках по западному и восточному берегу Камчатки и менял среди туземного населения на мясо и пушнину. В декабре 1931 г., боясь раскулачивания, распродал своё имущество (за исключением дома, который был конфискован финотделом), второй дом и... пристройку, находящиеся в Солеварке, кроме того, продал две коровы, три телки, восемьсот пудов сена и уехал на материк со своей семьёй на своё прежнее местожительство, где оставил семью в собственном доме в деревне Новосёлки и в 1932 г. возвращается один на Камчатку, где вступил в рыболовецкий коллектив “Камчадал”». Говорил: «С материка люди бегут куда попало — лишь бы спастись от голодной смерти. Вот до чего довели Россию коммунисты. Из такой богатой страны сделали страну нищеты и голода». Арестовывал и производил обыск 29 апреля 1933 г. чекист Степан Ким. Привлекался по ст. 58-10 УК РСФСР. 17 июля 1933 г. приговорён Судтройкой ПП ОГПУ ДВК к пяти годам концлагерей. Реабилитирован прокуратурой КО 23 февраля 1990 г.

Веремей Владимир Иванович (1938), в 1980 г. — председатель Камчатского областного комитета народного контроля. Русский. Кандидат экономических наук. В КПСС с 1958 г. В 1983 г. — первый заместитель председателя КОИК. Награждён орденом «Знак Почёта».

Верещагин Кирьяк Васильевич (1877, с. Облуковино — 22.08.1938, Петропавловск-Камчатский), потомственный гражданин, псаломщик, выполнял обязанности священника. Камчадал. Образование: Тигильская ЦШ. В пятнадцать лет возвратился в родное село, был псаломщиком Облуковино-Воскресенской церкви с 1893 по 1924 г. Во время русско-японской войны поступил добровольцем в большеперецкую дружину, участвовал во

взятии и уничтожении восьми японских шхун. С 1924 г. занимался сельским хозяйством и рыбной ловлей, однако в группе верующих, по его словам, продолжал состоять «до ликвидации церкви, то есть до 1930 г. июня месяца». В 1927 г. переселился в с. Крутогорово, где крестьянствовал и рыбачил. До 1917 г., живя в церковно-приходском доме, имел: амбар, четыре коровы, три лошади, нарту собак, огород, бат и запор на рыбу. До 1929 г. — дом, амбар, балаган, три коровы, нарту, огород и запор; на момент ареста 3 марта 1932 г. — дом, сарай, стайку, огород, корову и нарту. Был лишён избирательных прав как церковнослужитель. Семья: жена Марья Ильинична, сорока восемь лет, работающий по хозяйству сын Николай (четырнацать лет), дети-школьники Фёдор, Серафим, Акулина. Слова Верещагина из обвинительного заключения НКВД: «Еретиками, что ли, хотите быть, связываясь с колхозами? Это ведь дьявольское наущение, так они могут и церковь забрать. Если мужики начинают дуреть, то вы, женщины, должны их удержать... Нам, камчадалам, остаётся одно: или лезть в петлю или с оружием идти против. Не стало никакого житья, издеваются над нами!» Привлекался по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Освобождён. Вторично арестован в 1938 г. Без предъявления обвинения приговорён к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован Камчатским областным судом в 1958 г.

Верещаков И. А., в 1918 г. член Камчатского облсовета. Вместе с Лариным и другими направлен на конференцию совдепов ДВ. 18 августа 1918 г., после антисоветского переворота в Петропавловске, возвратился в областной центр на пароходе «Монгугай» вместе с высланными на материк совдеповцами. Был арестован. Ходатайствовал о его освобождении *И. Ф. Голованов.*

Верцинская Анна Николаевна (1908), с 1937 г. директор Петропавловского медицинского училища. Русская. Образование высшее медицинское, врач-педиатр. В ВКП(б) с 1943 г.

Виноградов Василий, направлен на Камчатку Далькрайкомом, на пост *председателя КОИК рекомендован окружным бюро ВКП(б) 5 октября 1930 г.* Тогда же кооптирован в члены окружкома и бюро.

Виноградов Николай Петрович (1909), с января 1938 г. третий секретарь КОК ВЛКСМ. Из служащих. Русский. Образование низшее. В ВКП(б) с апреля 1931 г.

Винокуров Николай Петрович, избран *первым секретарём ОК ВЛКСМ 26 декабря 1938 г., освобождён «в связи с переходом на другую работу» 22 июня 1939 г.*

Винокуров Яков Михайлович (1899, с. Завойко, Камчатка — 25.05.1938, Петропавловск-Камчатский), *после июльского переворота в Петропавловске 1918 г. милиционер в своём селении*. Из мещан. Русский. Образование низшее. На момент ареста 7 января 1938 г. работал в личном хозяйстве. 17 марта 1938 г. приговорён Тройкой УНКВД по ДВК к ВМН с конфискацией имущества. Расстрелян. Реабилитирован прокуратурой КО 22 июня 1990 г.

Витер Василий Сергеевич (1920, с. Жеребец Ореховского уезда в Запорожье — 23.11.1955, Петропавловск-на-Камчатке), *с 1954 г. секретарь КОК КПСС по промышленности*. Из крестьян. Украинец. Образование неполное высшее: окончил четыре курса Харьковского авиастроительного института. В 1937—1948 гг. — в ВЛКСМ, с апреля 1946 г. — член ВКП(б). С сентября 1941 по декабрь 1942 г. — технолог, старший мастер, заместитель начальника цеха завода № 126 Наркомата авиационной промышленности в Комсомольске-на-Амуре. В 1943—1944 гг. — комсорг ЦК ВЛКСМ на том же предприятии. В 1944—1945 гг. — секретарь Хабаровского крайкома ВЛКСМ по пропаганде и агитации, в 1945—1948 гг. — первый секретарь Хабаровского ГК ВЛКСМ. В 1948—1949 гг. заместитель заведующего отделом, заведующий отделом Хабаровского ГК ВКП(б). С октября 1949 по сентябрь 1950 г. — второй секретарь Кировского РК ВКП(б) г. Хабаровска. Затем — двухгодичная Хабаровская крайпартшкола. С мая 1952 г. по января 1954 г. — первый секретарь Кировского РК КПСС. В 1946 г. награждён орденом Красной Звезды за мобилизацию молодёжи на борьбу с империалистической Японией, награждён медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией». Умер от онкологического заболевания. Жена Витер Екатерина Григорьевна (1920, г. Андринополь Псковской губернии), из рабочих, русская, с марта 1954 г. работала членом Камчатского областного суда. Дочь *Витер Ирина Васильевна* (1944) — историк, ведущий камчатский краевед. Окончила историко-филологический факультет КГПИ. Главный специалист Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова. Почётный гражданин г. Петропавловска-Камчатского (2011). Автор книги «Хроника строительства города Петропавловска (1740—1923)».

Витько Прокопий Михайлович (1916, с. Райчиха в нынешней Амурской области), *с 29 января 1948 по 25 февраля 1949 г. первый секретарь КОК ВЛКСМ*. Из крестьян. В ВЛКСМ с 1931, в ВКП(б) с 1939 г. Отец служил в Народно-революционной армии ДВР, участник партизанского движения на ДВ. Из автобиографии от

27 мая 1948 г.: «Родители проживают на станции Завитая. Родственников и суждённых за границей не имею». 25 февраля 1949 г. пленум ОК ВЛКСМ по докладу первого секретаря ОК КПСС *Грачёва* принимает постановление: «Снять с работы первого секретаря обкома тов. Витько за пьянку и дебош, одновременно вывести его из состава членов бюро обкома». В 1945 г. награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». В Петропавловске в мае 1948 г. жил с семьёй (жена, дочь, сын) в доме № 28 по ул. Советской.

Вичиркин Тимофей Григорьевич (1868, Воронежская губерния), кандидат к гласным пятой ПГД; согласно официальному списку, в феврале 1922 г. участник охраны Петропавловска от красных партизан. Из крестьян. По профессии бондарь. Неграмотный. Беспартийный. Служил в армии. Основное занятие рыболовство. Имел дом, корову, тёлку, моторный катер, кунгас. В первой половине июля 1917 г. вошёл в состав комиссии по благоустройству Петропавловска. 27 июля 1922 г. схвачен красными на рыбалке и уведён в партизанский стан. Привлекался по «Думскому делу», но был оправдан. На 1923 г. женат, трое детей.

Власкин Александр Степанович (22.11.1904, г. Астрахань), с 31 октября 1937 г. по май 1938 г. председатель КОИК. Сын кустика. Русский. Образование высшее, экономист-плановик. Вступил в ВКП(б) в августе 1926 г. В январе 1938 г. исполнял обязанности секретаря КОК ВКП(б) с правом распорядителя кредитов. В мае 1938 г. — заместитель начальника АКО. Арестован в конце ноября 1938 г., исключён из партии в начале декабря того же года. Привлекался по ст. 58-1а-8-9-11 УК РСФСР. 28 июля 1941 г. дело прекращено по ст. 204-б УПК. Освобождён из-под стражи. Восстановлен в ВКП(б) 9 июля 1941 г. Реабилитирован прокуратурой КО 31 января 1990 г.

Власов Виктор Тимофеевич (1909), с января 1938 г. второй секретарь КОК ВЛКСМ. Из рабочих. Русский. Окончил семилетку. В ВКП(б) с октября 1930 г. С 1925 г. — рабочий, с 1934 г. — служащий.

Власов Феоктист П., младший урядник 1-й сотни СЭО. Убит ранним утром 2 июня 1922 г. в бою с красными партизанами в районе Петропавловской сельхозфермы.

Внучков Юрий Арсентьевич (1932, г. Щучинск Кокчетавской области), чекист. Из семьи служащего. Русский. Образование высшее, окончил Томский университет. В августе-ноябре 1957 г. — преподаватель истории в школе села Володарского Кокчетавской

области. В 1957—1961 гг. — первый секретарь Аиртауского РК ЛКСМ Казахстана (в той же области), в 1961—1962 гг. — заместитель заведующего отделом комсомольских организаций Томского ОК, первый секретарь Томского РК ВЛКСМ. В 1962—1963 гг. — комсорг ОК ВЛКСМ по Томскому производственному колхозно-совхозному управлению. В 1963—1964 гг. — инспектор-парторганизатор парткома того же управления. С ноября 1964 по 1971 г. — оперуполномоченный УКГБ по Томской области, в 1971—1976 гг. — в УКГБ по КО. С марта 1975 по ноябрь 1977 г. — секретарь парткома УКГБ. Жена Валентина Моисеевна (1936 г. р., русская, в КПСС с апреля 1963 г.) в начале 1970-х гг. заведующая кафедрой марксизма-ленинизма КГПИ, избиралась секретарём партбюро института.

Водопьянов Фёдор Яковлевич, в 1922 г. вахмистр 1-й сотни СЭО. По неподтверждённым данным, в конце июля 1922 г. принимал участие в нападении на паратунских партизан, когда погиб Г. И. Елизов. Выезжал (или выехал) во Владивосток на пароходе «Охотск» 29 апреля 1922 г.

Войцешек (умер 2.06.1922), *красный партизан КОНРК.* По словам Н. П. Фролова, «ещё в царские времена он служил в Сибирской военной флотилии, после Февральской революции 1917 г. служил на судне “Якут”, по-видимому, с него и демобилизовался». Убит в 1922 г. в бою на Петропавловской сельхозферме. Решением Петропавловского горсовета от 26 октября 1967 г. именами всех четырёх погибших там партизан — *Бохняка, Войцешка, Давыдова* и *Тушканова* — названы городские улицы.

Волин Николай Васильевич (1898), с февраля 1941 г. по май 1942 г. председатель Петропавловского горсовета. Русский. Образование высшее, окончил лесной факультет Харьковского сельскохозяйственного института. В РКП(б) с 15 декабря 1920 г. С 1930 по 1941 г. — на руководящей административно-хозяйственной работе, возглавлял отдел местной промышленности управления АКО. 4 февраля 1941 г. утверждён председателем Петропавловского ГИК, в мае 1942 г. освобождён по личной просьбе в связи с состоянием здоровья. Вновь назначен начальником отдела местной промышленности АКО. С ноября 1942 по ноябрь 1943 г. — секретарь Петропавловского ГК ВКП(б) по промышленности, затем заместитель секретаря ГК и заведующий промышленным отделом.

Волков Андрей Николаевич (1899), в 1937—1938 гг. начальник маневренной группы 60-го Камчатского пограничного отряда НКВД. Русский. Окончил Военно-политическую академию им. Толмачёва. В РКП(б) с октября 1919 г. В 1938 г. ему были

предъявлены следующие обвинения: «В прошлом активный участник кулацкого восстания против советской власти. В бою с коммунистами и комсомольцами при восстании В. ранен. Восстание было подавлено прибывшими регулярными частями Красной Армии. Работая на Камчатке в должности начальника мангруппы, всю свою работу строил на развале военной дисциплины и боевой подготовки. Пьянствуя сам, он всячески поощрял процветание пьянства среди комсостава и красноармейцев. В результате пьянства был такой факт, когда один командир батареи, напившись, пришёл на занятия красноармейцев пьяным, в результате чего занятия были сорваны...» Дальнейшая судьба неизвестна.

Волков Василий Евсеевич (1916), с 16 декабря 1961 г. по 1966 г. начальник УВД, Управления охраны общественного порядка КОИК. Русский. Образование высшее. В ВКП(б) с октября 1941 г. В боевых действиях участия не принимал. Награждён орденом Красной Звезды и шестью медалями.

Волков Владимир Иванович (12.01.1939 — март 1997), в 1987—1992 г. ректор КГПИ. Русский. Кандидат исторических наук. В КПСС с мая 1963 г. Трудовую деятельность начинал в 1961 г. учителем и воспитателем Козыревской школы-интерната. Работал в Усть-Камчатском РК КПСС. В начале 1970-х гг. — заведующий лекторской группой КОК КПСС. В 1979—1980 гг. — председатель Камчатского областного телерадиокомитета. С 1980 г. — заведующий отделом науки и учебных заведений КОК КПСС. Награждён четырьмя медалями.

Волкодав Никандр Арсеньевич (1878), во второй половине 1930-х гг. председатель Петропавловского горсовета. Из рабочих. Профессия — стекольщик. В большевистской партии с 1907 г. До 1918 г. трудился на железной дороге. По 1920 г. — красный партизан. С 1921 г. работал на разных должностях. На Камчатке с 1929 г. В 1932 г. заместитель председателя Петропавловского горсовета. Партчистку прошёл в августе 1933 г. Мнение товарища по партии (Лесков): «Закалённый и преданный большевик, за дело болеет, работает хорошо... Недостаток в том, что он неудовлетворительно развит, надо ему в этом подтянуться». В 1937 г. — врид ответственного секретаря Камчатской областной партколлегии. При разборе его дела на бюро ОК ВКП(б) выдвигались обвинения в том, что, заведя Амурским окрсобесом в 1928 г. распродал за бесценку самому себе, своей родне, знакомым, друзьям принадлежащие собесу золотые часы, хромовую кожу, мебель и т. д., а на Камчатке организовал колхоз «Амурский партизан», завезя

с Амура «десять кулацких семейств, которые впоследствии оказались разоблачёнными как шпионы и контрреволюционные элементы, ныне изъяты». Из партии исключён.

Волович Иосиф Павлович (1902), в конце 1930-х инструктор политотдела Камчатского морского пограничного отряда. Из служащих. Еврей. Родной язык русский. Образование низшее. В ВЛКСМ не состоял. В ВКП(б) вступил в июле 1927 г. (пребывал в ней с 1920 по 1921 г., выбыл механически). Специальности нет. В 1937 г. избирался делегатом партконференции НКВД Московской области. Награждён ценными подарками. Был арестован КОУ НКВД, 11 августа 1938 г. выведен из состава членов бюро и пленума Петропавловского ГК ВКП(б) как «враг народа».

*Воловников Марк Петрович (ум. 1948), революционер. Большевик с 1917 г. Прибыл на Камчатку в 1918 г. как представитель Союза Приамурских кооперативов. По свидетельству Чекмарёва, создал Союз кооператоров Камчатки (СКК) и был его председателем при членах Кириллове и Суконникове. Сразу же после июльского переворота в Петропавловске вошёл в редакционную комиссию газеты «Камчатский вестник». За подрывную антиправительственную деятельность выслан во Владивосток. Выехал 17 июля 1919 г. на пароходе «Астрахань». После его отъезда председателем СКК стал Кондратьев, а членами Грызлов, Тюменцев, Черняев, *Богомоллов*. В 1920 г. — уполномоченный Камчатского облвоенревкома и Совета трудового народа во Владивостоке. 25 июня 1920 г. с женой Свиридовой снова приехал в Петропавловск как член совета Рыбного управления, принимал участие в перерегистрации камчатской организации РКП(б). 5 сентября 1920 г. избран депутатом в Народное собрание ДВ, а зимой 1921 г. — в Учредительное собрание ДВР от Петропавловска, вышел из его состава весной того же года в связи с переходом КО «в ведение Советской России». Работал при МВД правительства ДВР. Осенью 1921 г. — один из руководителей советской Камчатской экспедиции комиссара Кларка, направлявшейся из Шанхая в Петропавловск, но задержанной японцами. По сведениям А. А. Пурина, ехал со штатом чекистов, чтобы возглавить госполитохрану КО. Белые именовали его двойной фамилией: Фрумкин-Воловников (газета «Камчатский листок» за 1 марта 1922 г.). После гражданской войны — на ответственной работе на Китайско-Восточной железной дороге, в столичных наркоматах. В 1937 г. репрессирован. Отбывал срок на Колыме и в Читинской области, где и умер.*

Волокитин Александр Фёдорович (1868), делегат первого Камчатского областного съезда 1917 г. от острова Беринга, избран на нём членом облкома. Три года учился, не окончив, в Читинской военно-фельдшерской школе. По собственному признанию, неверующий с девятнадцати лет. В РКП(б) вступил 1 августа 1921 г. Приказом управляющего КО В., временно допущенный к должности командорского уездного фельдшера, с 1 августа 1919 г. увольняется с неё и вовсе от службы. В июне 1924 г. получил строгий выговор с предупреждением об исключении ВКП(б) без права вступления в случае повторения варки «зюйды» членами его семейства. В 1929 г. — член агитационно-пропагандистского отдела Камчатского окрбюро ВКП(б) и Беринговской партячейки.

Волчков Степан Тимофеевич (46 лет в конце мая 1919 г.), согласно официальному списку, в феврале 1922 г. участник охраны Петропавловска от красных партизан. С марта по май 1923 г. — сторож-уборщик Камчатского губернского отдела ГПУ.

Вольский Михаил Петрович (настоящая фамилия Мышкин) (1897 — 1938), в 1923—1926 гг. председатель Камчатского ГРК. Из рабочих. Окончил реальное училище. В большевистской партии с 1917 г. В 1918 г. воевал на Самарском фронте, затем в начале 1920-х гг. командовал отрядом красных партизан в Сучанском районе Приморья, награждён орденом Красного Знамени. Прибыл на Камчатку 21 декабря 1922 г. в качестве командующего советским экспедиционным отрядом войск Охотско-Камчатского края. 1 февраля 1924 г. возглавил организованный в этот день на Камчатке отряд частей особого назначения⁶. Оклад В. в 1924 г. в должности председателя ГРК составлял 440 руб. в месяц при средней зарплате рабочих и служащих 95 руб. В 1926—1930-х гг. — председатель Амурского окрисполкома, Владивостокского городского и Приморского исполкомов, заместитель председателя Далькрайисполкома. Репрессирован. Жена Валентина с февраля 1923 г. — машинистка-переписчица в губотделе ГПУ, а 6 марта освобождена «ввиду её болезни» и исключена из списков этого ведомства.

Воробьёв Владимир Георгиевич (1937), в 1968—1972 гг. редактор газеты «Камчатский комсомолец». Русский. Образование высшее педагогическое заочное. Вступил в КПСС в октябре 1962 г. В середине 1960-х гг. — сотрудник «Камчатской правды», в 1980-х гг. — собственный корреспондент «Правды».

Воробьёв Фёдор Семёнович (1903, Москва — январь 1934, Хабаровск), согласно официальному списку, в феврале 1922 г. участвовал в охране Петропавловска от красных партизан. Из служащих.

Русский. Образование низшее. По профессии радист. Арестован 17 марта, освобождён 8 апреля 1933 г. Вторично арестован 3 мая 1933 г. Привлекался по делу «Автономная Камчатка». Судтройкой ПИ ОГПУ ДВК приговорён 1 января 1934 г. к ВМН с конфискацией имущества по ст. 58-2-6-7-11. Реабилитирован в 1957 г. вместе с другими «автономистами».

Воронин Андрей Яковлевич (1877, Тамбовская губерния), кандидат к гласным пятой ПГД 1922 г. Из крестьян. Малограмотный. Плотник по профессии. Работал в личном хозяйстве. На службу призывался в 1900 г. *За оборону Порт-Артура награждён Георгиевскими крестами*. В начале ноября 1916 г. «Камчатский листок» сообщал: В. и его сестра Марья оштрафованы (по двадцать рублей с каждого), а в случае неуплаты получают семь суток ареста за продажу браги. Имел дом, кунгас. На 1923 г. женат, детей не было.

Воронцов, делегат второго Камчатского областного съезда 1918 г. от Облуковинской волости. Произнёс речь перед его открытием после молебна — благодарил завойкинцев за свержение советской власти.

Воротников Иннокентий Петрович (41 год на конец мая 1919 г.), чиновник. В 1916 г. — делопроизводитель канцелярии губернатора КО. Коллежский регистратор. В августе 1918 г. — делопроизводитель технического отдела при ОК. В ноябре того же года — техник при городской управе, городской аукционист. В 1919 г. — архивариус, делопроизводитель областного управления (4 июня получил строгий выговор от управляющего КО Н. Н. Червянского за несоставление ему справки о призыве на службу инородческого населения), затем с 19 июля — начальник Ольской участковой милиции Охотского уезда.

Ворошилов Александр Александрович (1890, с. Большерецк, Камчатка), в 1920-е гг. председатель Большерецкой религиозной общины. Сын торговца. Камчадал. Образование низшее. На момент ареста 17 апреля 1933 г. являлся председателем рыболовецкой артели «Заря». Проходил по делу «Автономная Камчатка»: ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговорён к десяти годам лишения свободы с конфискацией дома, скота, ездовых собак. Бежал из Дальлага 20 декабря 1935 г. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.

Ворошилов Александр Алексеевич (1882, Петропавловск-на-Камчатке — начало января 1934, Хабаровск), делегат второго Камчатского областного съезда, гласный второй ПГД 1918 г.

Из мещан. Окончил учительские курсы в Хабаровске. Беспартийный. Военскую повинность не отбывал. Неимуций. В 1923 г. — надсмотрщик Петропавловской радиостанции. Женат, пятеро детей. На момент ареста 19 марта 1933 г. — бухгалтер конторы связи. Осуждён по делу «Автономная Камчатка» к ВМН. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. ВТ ДВО.

Ворошилов Гавриил Афанасьевич (1871, с. Хутор Петропавловского уезда), *делегат первого Камчатского областного съезда 1917 г. от Завойкинской волости, с 1917 по 1920 г. — председатель Завойкинского волостного комитета.* Из мещан. Русский. Окончил городское училище. Начиная с 1905 г. почти три года учительствовал на материке в селе Авдеевке, затем в селе Коряки и около двух с половиной лет в ЦППШ села Завойко (ныне Елизово). В 1913 г. занялся своим личным хозяйством. В 1916—1930 гг., вплоть до закрытия церкви в Елизово, по просьбе верующих исполнял обязанности псаломщика. По словам М. П. Сметанина, призывал верующих не отдавать церковь и не подводить священников — не рассказывать коммунистам о содержании проповедей. В марте 1918 г. был на стороне участников неудавшегося антисоветского переворота в Петропавловске. «В 1918 г. мною было получено распоряжение от областного комитета о высылке в Сероглазку всех людей, способных носить оружие, для борьбы с организовавшимся в городе Советом. Я это распоряжение разослал по селениям». От имени Завойкинской волости прислал поздравительную телеграмму «июльцам», свергшим совдеп в Петропавловске. «При власти Советов (с января 1920 г. — В. П.) я был смещён... лишён избирательных прав, за что не знаю, восстановлен был в 1924 или 1925 г., затем опять лишён как церковнослужитель». Председательствовал на Завойкинском (июль 1918 г.) волостном съезде, объявившем на Камчатке диктатуру местного населения⁸. На момент ареста 31 августа 1931 г. имел в селе Хутор дом, корову, одну голову «молодняка». Обвинялся по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Признался только, что был против самообложения, ссылаясь на то, что сумма большая, а дохода мало. 14 января 1932 г. осуждён Тройкой при ПП ОГПУ ДВК на пять лет лишения свободы. Реабилитирован прокуратурой КО 19 февраля 1990 г.

Ворошилов Иннокентий Павлович (8.11.1897, с. Мильково, Камчатка), *в 1923 г. псаломщик.* Из семьи священника. Русский. Образование: ВНУ и двухгодичные педагогические курсы. В 1915—1924 гг. — мильковский учитель. Затем вёл своё хозяйство. Имел дом, крытый корой, два амбара, баню, сарай, две лошади, две коровы,

две головы «молодняка», две свиньи, восемь собак. Женат, пятеро детей. Арестован вместе с отцом *П. М. Ворошиловым*. В один день и приговорён Тройкой, и тоже к десяти годам. Как и отец, реабилитирован в 1964 г.

Ворошилов Николай Александрович (1878, с. Апача, Камчатка), *псаломщик*. «Не помню, в каком году я вступил в члены религиозно-церковного культа». Камчадал. Малограмотный. Отец торговец. В 1892 г. семья переехала в с. Большерецк. В 1903 г. женился и жил там до 1908 г. С восемнадцати лет занимался охотой и рыболовством. С 1908 г. жил в селе Привольном, в 1918 г. обосновался в селе Соболево, взял в семью воспитанником Харлампия Смирнова, который затем был у него работником. В 1922 г. — врио председателя Соболевского волкома. С 1924 по 1925 г. работал сторожем на японском заводе № 12. В 1925—1927 гг. жил в селе Воровском (впоследствии переименовано в посёлок рыбокомбината им. С. М. Жирова). Держал два-три работника. В 1927 г. вернулся в Соболево. С 1928 г. — «лишенец» как служитель культа. По характеристике Саввы Самборко, «очень хитрый и осторожный человек». 1927 июня 1929 г. президиум КОИК отклонил ходатайство В. о восстановлении в избирательных правах как ничем не проявившего лояльности к советской власти. Будучи противником коллективизации, в 1931 г. вступил в колхоз. В 1933 г. арестован по ст. 58-10, но через три месяца выпущен. В 1934 г. вновь арестован (ст. 58-10-2). На заседании спецколлегии ДВ краевого суда в ноябре 1935 г. заявил: «Все показания свидетелей ложны». Осуждён на десять лет лагерей с конфискацией всего имущества. Имел дом, пристройку, стайку, корову, две лошади, восемь собак, лодку, рыболовную сетку. К 1935 г. женат, двое сыновей и две дочери. Реабилитирован Президиумом Верховного суда РСФСР 14 февраля 1990 г.

Ворошилов Мартемьян (39 лет в 1924 г.), в 1924 г. *председатель селькома села Крутогорovo Соболевской волости*. Неграмотный. Беспартийный. Согласно Н. П. Фролову, «человек рассудительный и благодаря хорошему секретарю тов. Кочетову канцелярия поставлена удовлетворительно».

Ворошилов Павел Михайлович (1873, с. Мильково), в 1914—1923 гг. — *мильковский священник*. Из мещан. Русский. Образование низшее. С 1 октября 1919 г. — законоучитель мильковского ВНУ. При обыске в сентябре 1924 г. у него на квартире чекисты обнаружили несколько листовок «контрреволюционного характера». Посажён в ИТД в Петропавловске. Постановлением

уполномоченного Камчатского ГО ОГПУ от 2 октября 1924 освобождён, так как не подтвердилось, что найденное принадлежит ему. Тогда же, в Петропавловске, дал подписку о прекращении богослужения и написал (или кто-то написал за него. — В. П.) в газете, что религия дурман и обман народа. Но, по словам односельчанина, председателя колхоза «Безбожник» Бобряка, вернувшись, начал отказываться от написанного, «боясь, что потеряет своих приспешников и кулаков для дальнейшей работы и наживы... начал подпольно крестить детей, давать женщинам молитвы после родов. Но об этом дознались деревенские комсомольцы и произвели обыск, и были найдены требы и разные другие вещи, нужные для проведения тайного богослужения». На момент ареста на рыбалке 24 августа 1931 г. — рыбак-охотник села Мильково. Имел дом, крытый оцинкованным железом, два амбара, сарай, четыре лошади, «четыре штуки молодняка до трёх лет», двух свиней, три нарты с двадцатью четырьмя собаками. 14 января 1932 г. постановлением Тройки при ПП ОГПУ ДВК приговорён к десяти годам заключения. Реабилитирован Камчатским областным судом 15 июля 1964 г.

Ворошилов Федот Павлович (1871, с. Завойко), *противник советской власти*. Русский. Малограмотный. На момент ареста 15 сентября 1931 г., живя в Елизово, имел семью из пяти душ, деревянный дом с крышей из оцинкованного железа, два амбара, сарай, лошадь, две коровы, восемь штук «молодняка до трёх лет», три нарты, одиннадцать собак и три четверти десятины земли. В 1928 г. имел четыре коровы и двенадцать штук «молодняка». Работал в своём хозяйстве, занимался охотой и рыбной ловлей. «В 1931 г. весной, когда нам, единоличникам, отвели земли под посев, то по прибытии на этот участок я говорил, что здесь земля плохая, и я считаю, что мы здесь только вложим труд напрасно и здесь всё равно ничего не получится... я говорил, что в коллектив записываться не надо, что из колхозов ежедневно выписываются...» Один из свидетелей по делу В. приводил его слова: мол, в 1918 г. плохо сделали, не разогнав и не постреляв всех большевиков, а то бы «жили по-старому». Камчатский окружной прокурор Шаркевич согласился с направлением дела в Тройку, которая 14 января 1932 г. по ст. 58-10-11 УК приговорила В. к пяти годам концлагерей. Семью отправили на спецпоселение. Реабилитирован прокуратурой КО 21 февраля 1990 г.

Востриков Александр Степанович (1894), в 1932—1935 гг. *председатель Камчатского облпрофсовета*. Из крестьян. Рабочий-

шахтёр. Образование: начальная школа и высшая школа профдвижения. В РКП(б) с августа 1918 г. С апреля 1918 г. на советской работе: секретарь волостного исполкома, член президиума уездного исполкома. В 1919—1921 гг. служил в РККА. С 1921 г. — на профсоюзной работе: инструктор, секретарь и председатель губотделов профсоюзов, председатель окрпрофсовета, руководитель одной из групп ВЦСПС. 16 декабря 1932 г. КОК ВКП(б) утвердил оргбюро окружного совета профсоюзов в составе: председатель Востриков, члены Корзинин, Мурашко, Гейман, *Дайн*, Куклин, Тюменцев. На первой Камчатской областной партконференции в декабре 1933 г. избран членом бюро КОК ВКП(б), из которого выбыл 15 октября 1935 г. Из рабочих сводок милиции за 1934 г.: «По Никольской, дом № 12, проживает Востриков, которому 14—15 августа один куль белой муки, пятнадцать килограммов сахара, пятнадцать банок консерв, с совхоза возят яйца, сметану, творог и разные овощи, всё это со слов Пеношковой, незаконно, часто у В. собираются ответработники, пьянствуют». Имел жену, ребёнка.

Вострикова Софья Наумовна (1898, г. Бердянск), *жена предыдущего*. Из рабочих. Еврейка. Образование домашнее (самоучка). В большевистской партии с 1917 г. До 1917 г. — работница по найму. В 1919—1920 гг. заведующая бердянским партклубом. В 1924—1925 гг. работала в кооперации. В 1927—1928 гг. — в г. Глухове, секретарь Добровольного общества «Друг детей». В 1928—1930 гг. — там же председатель комитета помощи пострадавшим от контрреволюции. В 1930—1931 гг. — фасовщица химического завода в Москве. На Камчатке с 1933 г., судья в Петропавловске. В 1934 г. — председатель Камчатского областного комитета МОПР.

Врублевский Станислав Романович (1901—1934), *политэмигрант-самоубийца*. В 1924 г. вступил в компартию Польши. Был там секретарём РК, информатором ЦК компартии Польши. Пройдя обе партчистки в СССР, не имея взысканий, покончил с собой в должности председателя Камчатского областного комитета МОПР. На заседании КОК ВКП(б) 26 июля 1934 г. констатировалось: «Считать установленным факт комиссии, что самоубийство т. В. произошло в силу глубокого болезненного физического и морального состояния... Похоронить в обычном порядке».

Выборнов Алексей Егорович (1887, Рязанская губерния), *с августа 1926 до марта 1928 г. управляющий Петропавловской таможней, в 1934 г. заведующий Петропавловским горздравом*. Из крестьян-бедняков. Отец — ломовой извозчик. Общее образование:

сельская школа. В РКП(б) вступил в 1920 г. В 1904—1906 гг. работал в деревне, в частности у огородника Сорокина. С мая по декабрь 1913 г. — домашний фельдшер у паралитика. В 1910 г. окончил школу ротных фельдшеров. Участник Первой мировой войны. В гражданскую войну служил в РККА, в том числе политруком, воевал с белополяками и махновцами. В 1924—1925 гг. — в погранвойсках ОГПУ. В Петропавловск прибыл 1 августа 1926 г. Подозревался в причастности к троцкистской группе, главой которой считался *Григорьев*. На опросе у следственной комиссии заявил: «...Григорьев стал доказывать, что, как бы то ни было, а вина ЦК в тех излишних жертвах, которые несёт пролетариат в процентном отношении китайских революционеров в связи с изменой Чан Кайши... Сквородько мне сказал, что Г. ему сказал, что у меня имеется литература оппозиции, остался и шифр, что меня крайне возмутило, и я сказал Сквородько своё мнение о Г., что в его присутствие в Петропавловске понял его как афериста или имеющего цель нажить капитал. Сквородько также сказал мне, что Г. передавал ему, что он меня оставил как организатора, на что мною Сквородько было сказано, что никогда на это не соглашусь, и своё мнение на подпольную работу сказал Г., осуждая тактику оппозиции». Вопрос: «Не говорил ли Григорьев, что пришлёт литературу с материка?» Ответ: «Он даже говорил, что придёт литература из Усть-Большерецка, но я этому не придавал значения, так как знал, что он это всё врёт». Вопрос: «Почему ты не сообщил об этом в Окрбюро?» Ответ: «Боялся, что меня могут посчитать за доносчика. Будучи уверен, что оно ничего не сможет сделать». Вопрос: «Не примыкал ли к группам и фракциям в прошлом?» Ответ: «Всегда активно поддерживал линию партии и ЦК». Снят с должности управляющего таможней в 1928 г. и по ст. 111 УК РСФСР осуждён на один год условно с запретом занимать эту должность. За укрывательство уголовно наказуемого преступления получил строгий выговор по партийной линии. Далее, по одним сведениям, работал в АКО, по другим — в Камчатском окрздраве. При партчистке 1933 г. Пошехонов попросил его поподробнее остановиться на участии в оппозиции, на что тот ответил: «По своему партийному убеждению я в оппозиции не был и не буду. Вся история с этим вопросом была вызвана неким Григорьевым, сказавшимся троцкистом, который исказил мои разговоры с последним по политическим установкам». 23 ноября 1935 г., в должности заврайфо, исключён из ВКП(б) Усть-Камчатским РК партии за сокрытие участия в троцкистской оппозиции: «Будучи начальником

таможни, предоставлял в распоряжение троцкистов пишущую машинку для размножения троцкистских листовок, вёл вместе с другими троцкистами разлагательную работу внутри партийной организации». В райфо допустил перерасход по бюджету четырёх тысяч рублей. Следствие установило, что В. в 1905—1907 гг. был эсером. В 1936 г. областной суд приговорил его по ст. 58-14 УК РСФСР к пяти годам лишения свободы без конфискации имущества.

Выломов Николай Васильевич (1897, г. Лысьва на Урале), советский и хозяйственный работник. Из рабочих. Русский. Образование «нисшее». По профессии литейщик-формовщик. В РКП(б) вступил в Томской губернии в 1920 г. В 1916—1918 гг. — рядовой на Юго-Западном фронте. Окончил артиллерийские курсы, в 1918—1923 гг. служил в РККА, воевал против Колчака, Унгерна, Дитерихса. В 1923—1924 гг. — уполномоченный губревкома по Командорскому уезду. С октября 1924 по август или сентябрь 1925 г. — председатель Мильковского волревкома. Местная партячейка разбирала, но прекратила дело об обольщении В. девушки. В 1926—1927 гг. — председатель Командорского райревкома (член-секретарь Крупенин, члены беспартийные Волокитин и Паньков), а в 1928—1929 гг. — председатель Карагинского РИК. В 1929—1931 гг. — на Командорских островах, помощник начальника пушных промыслов. В мае-июле 1931 г. в Петропавловске, директор управления островных хозяйств АКО. В 1931—1932 гг. возглавляет Алеутский национальный РИК, в 1932—1934 гг. работал директором зверосовхозов Командорских островов. В 1934 г. направлен на учёбу в Хабаровск.

Выходцев Поликарп Ефимович (1908), в первой половине 1942 г. оперуполномоченный КОУ НКВД. Русский. Образование среднее. В 1940 г. принят в кандидаты ВКП(б). 3 июля 1940 г. утверждён оперуполномоченным Тигильского райотдела НКВД. В июле 1942 г. утерял кандидатскую карточку. Из постановления бюро КОК ВКП(б) от 14 декабря 1942 г.: «...в Палане в окротделе НКВД допускал нарушения воинской и чекистской дисциплины, за что трижды подвергался аресту. Работая в ОУ НКВД, будучи уже исключен первичной партийной организацией, т. В. также имел десять суток ареста. В. не хотел работать в органах НКВД, поэтому пытался обманным путём, под предлогом болезни, уволиться из органов НКВД и выехать с Камчатки». За это и утерю карточки, а также «за нарушение конспиративной чекистской работы» исключен из партии 31 августа 1942 г. Петропавловским ГК

ВКП(б). КОК ВКП(б) подтвердил данное решение. В это время В. трудился в АКОтехснабе чернорабочим.

Вяткин Михаил Васильевич (1907), в 1943—1948 гг. начальник КОУ НКВД — МВД. Из крестьян. Русский. Образование низшее. В ВКП(б) с апреля 1927 г. Специальности нет. В 1943 г. имел орден «Знак Почёта», в 1948 г. — Красной Звезды. В ВОВ не участвовал.

Гаврилин Иван Петрович (1893, Нижегородская губерния), убийца белого генерала Фёдорова в селе Ивашка в 1922 г. Из крестьян. Русский. Образование низшее: ЦПШ. После школы девять лет занимался крестьянским хозяйством и отхожим промыслом. В Первую мировую войну в 1915—1918 гг. находился в германском плену на территории Голландии, Бельгии, Франции. Несколько раз бежал из-за плохого содержания и обращения. По возвращении домой до декабря 1919 г. — в отряде по борьбе с контрреволюцией и дезертирством. Был взводным пулемётного батальона, сопровождающим эшелона на Польский фронт. В 1920 г. окончил военно-пехотные курсы в Симбирске, после чего — комвзвода и начальник пулемётной команды при запасном полку в Казани. До августа 1921 г. учился в высшей военной школе. Встретил знакомых по плену и поехал на ДВ. По пути во Владивостоке задержали белые. В столице Приморья оказался безработным. Добровольно поступил в формирующуюся на Первой речке конвойную команду — водил арестованных на допросы. Уволился в мае 1922 г. На Камчатку попал, нанявшись к торговцу Фокину. С 1923 г. работал в ОКАРО. Портрет Г., нарисованный краеведом Р. Юшиным, скорее всего, со слов отчима П. И. Юшина: «Этот высокий, стройный, с офицерской выправкой, человек вёл большую агитационно-пропагандистскую работу среди местного населения, проводил беседы о советской власти, разъяснял брошюру “Азбука коммунизма” (авторы Н. Бухарин и Н. Преображенский. — В. П.) и т. п. Старожилы припоминают, что Г. был членом большевистской партии». Из допроса охотника-рыбака села Дранки П. Н. Примака 4 апреля 1934 г. в ОГПУ: «Генерал-майор Фёдоров вызвал к себе на квартиру Гаврилина И. П. и спрашивал его, кто он такой, где учился, где служил и как попал на Камчатку. Гаврилин говорил ему, что он якобы учился в юнкерском училище в г. Чите. Генерал Фёдоров ему задал вопрос, а кто был начальником училища, на что Гаврилин И. Н. назвал какую-то фамилию, поле чего у генерала с Гаврилиным произошла ссора, и Гаврилин генерала в доме Панкарина Сидора убил из

револьвера. После убийства, боясь репрессий со стороны белых, Гаврилин организовал отряд из жителей с. Ивашки, Дранки, частично из Караги. Отряд был организован, человек двадцать. Начальником был выбран Гаврилин, помощником был Панкаринов Павел и Панкаринов Сергей. Отряд никаких действий не принимал, а стоял в Дранке на охране...» В середине 1930-х гг. Г. уверял, будто ссора с Фёдоровым произошла из-за того, что тот угрозами заставлял его вступить в отряд *Бочкарёва*. По словам ивашкинского охотника Н. Я. Загороднего, труп застреленного генерала бросили в озеро близ села (долгое время, пишет Р. Юшин, местные жители называли это озеро Генеральским). А «Гаврилин И. П. боялся белых и находился всё время в лесу на охоте». В письме П. В. Лонгинова Р. Юшину от 23 октября 1967 г., говорится, что Г. показывал ему и другим браунинг убитого им в Ивашке бочкарёвца. «Был он спокойный и исполнительный человек. Когда ликвидировали отряд белых, наш мухинский отряд оставался в Наяхане и командиром у нас был Г., а Мухин стал его помощником. После нашего отъезда с севера Г. остался в Наяхане». Лонгинов утверждал, что в сентябре 1934 г. он ехал с ним в Хабаровск, и тот был с женой. «Г. в тридцатых годах работал в торговле в системе АКО в Каменском... Советовал выехать на жительство в Минусинск Красноярского края, видимо, сам он был родом из тех мест». Р. Юшин: «В селе Ивашка он убил в декабре 1922 г... бочкарёвского посланца — Дмитриева (участники событий называют его генералом Фёдоровым. — В. П.), по документам действительный статский советник, лейб-медик императорского двора Крамник, который был уполномочен собирать ясак с местных жителей, налоги с торговцев, мобилизовать в белогвардейские банды население, составлять списки “неблагонадёжных”. Гаврилин... явился и организатором боевых дружин в сёлах Дранка и Ивашка, состоявших из тридцати пяти человек». Эти сведения о Г., добавляет Р. Юшин, сообщил ему красный партизан В. И. Семёнов, с которым краевед переписывался. Г. взяли под стражу 19 декабря 1933 г. в селении Каменском. Обвинялся по ст. 58-2-6-10-11. Доставлен в Хабаровск 22 декабря 1934 г. Постановлением Тройки УНКВД по ДВК от 2 февраля 1935 г. лишён права проживания в тридцати девяти режимных местностях. На следующий день получил обратно изъятые документы, в том числе воспоминания о партизанстве и «фотокарточки банды Бочкарёва». Реабилитирован в 1993 г.

Гаврилов Октябрь Вячеславович (1.11.1928, г. Владивосток), с 21 октября 1983 по 27 мая 1991 г. начальник УКГБ СССР по

КО. Из служащих. Русский. Образование высш.: в 1968 г. окончил историческо-правоведческий факультет ДВГУ (заочно) по специальности «юрист». В КПСС с 1956 г. В 1943 г. окончил среднюю школу во Владивостоке, с мая 1945 г. по август 1946 г. — матрос парохода «Родина» Дальневосточного морского пароходства. В 1946—1950 гг. — учащийся Владивостокского судостроительного техникума. С августа 1950 г. — старший технолог завода № 105 Министерства судостроительной промышленности в Советской Гавани. 25 августа 1953 г. зачислен на службу в органы МВД СССР, в августе 1955 г. окончил школу № 307 КГБ при Совмине СССР в Хабаровске. В 1955—1966 гг. — помощник оперуполномоченного, оперуполномоченный отдела УКГБ по Приморскому краю, затем начальник отделения аппарата УКГБ по Приморскому краю в городе и порту Находка. С 1 сентября 1967 г. — там же заместитель начальника отдела, с 12 октября 1973 г. — заместитель начальника отдела, с 9 апреля 1975 г. — начальник водного отдела УКГБ по Приморскому краю. 11 сентября 1978 г. назначен заместителем начальника того же управления. После Камчатки 27 мая 1991 г. исключен из списков личного состава в связи с увольнением с действительной военной службы в запас КГБ (по возрасту) с правом ношения формы. В 1999 г. уволен в отставку. В 2003 г. — председатель совета ветеранов органов ГВ Приморья. Звания: младший техник-лейтенант (30.04.1953), лейтенант (29.07.1955), старший лейтенант (7.09.1958), капитан (4.11.1962), майор (16.12.1966), подполковник (16.02.1971), полковник (19.04.1976), генерал-майор (28.04.1985). Награждён орденами Красной Звезды (13.12.1977) и Отечественной войны 2-й степени (6.04.1985), медалями «За боевые заслуги» (30.10.1967), «За отличие в охране государственной границы СССР» (9.09.1974), «40 лет Вооружённых Сил СССР» (22.02.1958), «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (7.05.1965), «50 лет Вооружённых Сил СССР» (26.12.1967), «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (5.11.1969), «60 лет Вооружённых Сил СССР» (28.01.1981), «Победа на Халхин-Голе» (1984), «60 лет Вооружённых Сил МНР» (29.12.1981), «Ветеран Вооружённых Сил СССР» (28.04.1984), «70 лет Вооружённых Сил СССР» (28.01.1988); ведомственными наградами — нагрудным знаком «Почётный сотрудник госбезопасности» (29.04.1980), медалями «За безупречную службу» 3-й (4.12.1963), 2-й (10.12.1968) и 1-й (12.12.1973) степеней, юбилейными нагрудными знаками «50 лет погранвойскам СССР»

(28.05.1968), «60 лет ВЧК-КГБ» (13.12.1977) и «70 лет ВЧК-КГБ» (2.12.1987); нагрудным знаком «Почётный работник Морского флота СССР» (14.12.1982). Занесён в Книгу почёта УКГБ СССР по КО (20.12.1988).

Гайдамак Василий Илларионович (1881, Малороссия, с. Великие Бубны Роменского района, ныне Сумская область — январь 1934, Хабаровск), согласно официальному списку, в *феврале 1922 г. участник охраны Петропавловка от красных партизан*. Из крестьян. Русский. Малограмотный. Унтер-офицер царской армии. В 1917—1928 гг. — смотритель Петропавловского маяка, экспедитор горместхоза. Согласно утверждению некоторых жителей Петропавловска, 29 октября 1921 г. встретил хлебом-солью высадившуюся в городе казачью сотню генерала Н. А. Полякова. Ордер на первый арест Г. при советской власти подписал Н. П. Фролов, произвёл арест в тот же день 28 декабря 1922 г. Докало. В 1931 г. лишился должности заведующего пекарней АКО, где хлеб, по мнению ОГПУ, выпекался недоброкачественный, а Г. относился к работе халатно. Вторично арестован 10 марта 1933 г. Проходил по делу «Автономная Камчатка». Обвинялся по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР. Приговорён Судтройкой ПП ОГПУ ДВК 1 января 1934 г. к ВМН. Дом, скот, охотничье оружие конфисковано. Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.

Гайман Михаил Николаевич (1906), с 13 февраля по 7 апреля 1935 г. *председатель Союза госторговли и кооперации Камчатки*. Из служащих. В ВКП(б) с 1929 г. Был электромонтёром, кассиром облсуда в Ижевске, конторщиком уездного фининспектора, затем снова электромонтёром во Владивостокском коммунальном тресте. На Камчатке с 1932 г. Тогда же утверждён председателем Окрживсоюза. При партчистке 1933 г. *Дайн* заявил: «Знаю Г. по Биробиджану. Его работа в профсоюзах была образцовой. Г. перебросили на Камчатку как одного из лучших профработников. Он всегда старался помочь низовке». *Давкиас*: «Знаю с 1918 г. по Владивостоку. Участия его в революционной работе не замечал. Будучи в союзе молодёжи, он держал себя обособленно». Чистку прошёл. С 7 апреля 1935 г. уполномоченный областного совета профсоюзов по Усть-Большерецкому району.

Галайда Виктор Анатольевич (11.03.1957, г. Вяземский Хабаровского края), с 6 сентября 1986 г. *первый секретарь КОК ВЛКСМ (двадцать восьмой по счёту)*. Из рабочих. Русский. Образование высшее: Хабаровский институт народного хозяйства, планово-экономический факультет по специальности экономист

материально-технического снабжения. На комсомольской работе с 1983 г. В феврале 1988 г. рекомендован на трёхгодичное очно-заочное отделение Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Галимов Анас Хатимович (1939), в 1980—1987 гг. председатель Камчатского облтелерадиокомитета. Татарин. Образование высшее. В КПСС с июня 1970 г. До назначения был заместителем редактора «Камчатской правды».

Галкин Георгий Иванович (1919), в 1960—1970-х гг. секретарь Петропавловского ГК КПСС. Русский. Окончил педагогическое училище. В ВКП(б) с 1944 г. В ВОВ не участвовал. В 1954 г. — первый секретарь Олюторского РК КПСС. Награждён орденом Трудового Красного Знамени, двумя медалями.

Галкина Олимпиада Герасимовна (1907), 5 марта 1954 г. утверждена начальником Петропавловского городского отдела культуры с освобождением от заведования отделом писем «Камчатской правды». Русская. Образование среднее, окончила высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу. В ВКП(б) с 1928 г.

Ганцев Семён Васильевич (1887, д. Тархановка Самарской губернии — начало января 1934, Хабаровск), с 19 марта 1917 г. кандидат к членам Петропавловского городского комитета и помощник Петропавловского уездного комиссара; гласный пятой ПГД 1922 г. Из крестьян. Русский. Малограмотный. С 1909 г. служил писарем в суде Иркутского военного округа, с 1917 г. — в Камчатской местной воинской команде. 12 марта 1917 г. на общем собрании граждан Петропавловска избран в комиссию по выяснению наличия предметов первой необходимости. 19 марта городской комитет избирает его помощником уездного комиссара А. М. Пименова, в июне становится помощником секретаря Петропавловского окружного суда. До 1920 г. служил у Колчака. В 1920 г. — областной комиссар юстиции. В феврале 1922 г., согласно официальному списку, участвовал в охране Петропавловска от красных партизан. Привлекался, но был оправдан, по «Думскому делу». На следствии высказал свою позицию по поводу бело-красного противостояния 1921—1922 гг. на Камчатке. «Вопрос: “Какая цель была посылки делегации во главе с *Артюхиным*, *Кобцевым* и *Косыгиным*?” Ответ: “Я понимал исключительно с той целью, чтобы помирить красных с белыми”. Вопрос: “Для какой цели помирить?” Ответ: “Я считал, что на Камчатке война между русскими людьми бессмысленна”. Вопрос: “Между какими русскими людьми?” Ответ: “Между белыми, хотя и бандитами, и между красными”. Вопрос: “Какая участь постигла бы

коммунистов, если бы они сложили оружие?” Ответ: “Я не знаю. Не могу ответить”. Вопрос: “Чем вы объясняете вмешательство Думы в политику?” Ответ: “...решено послать делегацию по предложению Артюхина и уговорить народно-революционный комитет отказаться от кровопролития”». С 11 января 1924 г. — помощник бухгалтера в городском финотделе. Из его служебной характеристики: «Работу знает практически удовлетворительно, теоретически подготовки не имеет, усидчив, настойчив. К возложенным на него обязанностям отношение честное и выполняет вполне удовлетворительно, к совласти и компартии отношение безразличное. Службой дорожит». Затем занимал должность счетовода в окрфо. На момент ареста 22 июня 1933 г. — старший бухгалтер в г. Сочи. Проходил по делу «Автономная Камчатка» (ст. 58-2-6-7-11). Приговорён Судтройкой ПП ОГПУ ДВК 1 января 1934 г. к ВМН. Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.

Гапанович Иван Иванович (21.07.1891, Санкт-Петербург — 27.01.1983, Канберра, Австралия), участник неудавшегося переворота 1921 г. в Петропавловске. Из семьи чиновника. Образование высшее, в 1913 г. получил диплом первой степени историко-филологического факультета Петербургского университета. В Первую мировую войну воевал прапорщиком, участвовал в «Брусиловском прорыве». С лета 1918 г. — на Камчатке, где «ещё не утвердилась власть советов и жизнь, по слухам, была легче, чем в голодном Петербурге». 21 августа 1918 г. газета «Камчатский вестник» писала: «Принятый на службу гражданин Г. командирован к бюро по созыву второго Камчатского областного съезда». В эмиграции Г. вспоминал: «Мне было поручено составление доклада о регламентации пушного промысла на Камчатке. Не зная ни этого промысла, ни самой страны (области. — В. П.), я смело составил доклад на основании проектов бывшей губернаторской канцелярии; делегаты слушали и одобряли...» За две недели до начала съезда та же газета сообщила о составленном милицией протоколе на некоторых лиц за появление в публичных местах в пьяном виде. Среди них оказался Г. Сразу же после съезда он увольняется «по собственному желанию» и уезжает преподавать в с. Кахтану (Корякия), но в 1919 г. управляющий областью Н. Н. Червлянский и заведующий училищами П. Я. Сусяк издают приказ о лишении с 1 сентября Г. места «за непредоставлением документов об образовательном цензе и ввиду преступно-небрежного... отношения к своим обязанностям в истекшем учебном году». Аतिकолчаковский переворот в Петропавловске в янва-

ре 1920 г. резко меняет положение Г., испытывавшего тягу к науке и с интересом изучавшего Север. Эти знания пригодились ему за границей при работе над книгой «Россия в Северо-Восточной Азии» (вышла в Пекине в 1933—1934 гг.). Весной 1920 г. Г. снова попадает в Петропавловск уже делегатом Первого чрезвычайного уездного съезда. «Учёный человек. Представительный. Хорошо поставленный голос...» Говоря на съезде о японской рыбной оккупации Камчатки, он приводит в пример Паланскую волость, где две реки (на одной два, на другой пять селений): «Японцы на своих участках, кроме лова рыбы, самым бессовестным образом эксплуатируют местное население. Мелкие японские рыбалки исключительно занимаются скупкой пушнины на спирт. Не мешало бы привлечь их к ответственности по русским законам». До приезда Ларина занимал его место члена Совета трудового народа. 20 апреля 1920 г. медицинские и ветеринарные работники Петропавловска известили власти, что с первым же парходом покинут Камчатку «вследствие невозможности работать с врид комиссара (народного здоровья и ветеринарии. — В. П.) Гапановичем, не могшим на собрании 20 апреля ясно ответить на вопросы о взаимоотношении их и комиссариата и даже позволившем себе оскорбить их». Был председателем следственной комиссии для предварительного расследования дел, подсудных трибуналу (члены П. С. Савинский и Ф. Н. Попов). На праздновании 1 мая 1920 г. Г., в частности, сказал: «Трудовой народ свергнул тиранию Колчака, пытавшуюся снова повергнуть его в рабство и не остановившегося перед призывом иноземцев в родную страну. Япония грозит нам не открыто, но и не тайно». 11 июня 1920 г. после отъезда П. С. Маловечкина — исполняющий обязанности комиссара продовольствия и снабжения. По словам Б. И. Мухачёва, Г. не воспринимал Ларина как руководителя и не скрывал этого. На Третьем Камчатском областном съезде при выборах председателя КОИК И. Е. Ларин опередил Г. всего на один голос. Как признавался последний в мемуарах, опубликованных в 1967 г. на русском языке в Нью-Йорке, хотя ему и соблазнительно было стать во главе управления, а не только критиковать таковое, он отказался от этой должности. Прожив три года на Севере, чувствовал, что отстал от событий на материке и хотел видеть сам, куда шло их развитие. «Кроме того, я мог быть полезен для области и во Владивостоке, где находился золотой ключ ко всем нашим планам. Съезд, согласившись с этим, поручил мне отправиться туда в качестве уполномоченного по

делам Камчатской области...» При содействии камчатских депутатов Приморского Народного собрания *А. Д. Батурина* и *И. Д. Добровольского* Г. удалось с трудом (особенно по части денег) уговорить Владивостокское правительство оказать помощь КО. Пока он вёл переговоры в Приморье, в Петропавловске «возобладала группа с коммунистическими симпатиями, которая провела постановление о подчинении Камчатки непосредственно советскому правительству. Очередной переворот во Владивостоке ещё более подлил масла в огонь». «Местные власти (по возвращению в Петропавловск. — *В. П.*) встретили меня враждебно, — вспоминал Г., — мешали дать отчёт в работе...» 20 июня 1921 г., на третий день после возвращения, делегация Г. созвала митинг. К концу доклада он указал на необходимость выделить Камчатку в такую единицу, которая могла бы все государственные вопросы решать самостоятельно, независимо от центральной власти. После этого, пишет Г., власти прибегли к прямому нападению. «Большой дом, в котором я жил со своими знакомыми, подвергся осаде, которая длилась две недели и если не привела к плачевному для нас концу, то только благодаря тому, что мы были вооружены, хотя и меньше, чем наши противники, которые не отличались храбростью». 11 июля 1921 г. представители селений Завойкинской волости заявили, что берут «авантюристов» на поруки и будут содержать их как арестованных. Обнарявком, во избежание кровопролития, согласился. 12 июля их обезоружили и обязали дать подписку об отказе от агитации и вмешательства в политическую жизнь края. В тот же день Г. отправили в Паратунку, *А. Попова* — в Микижу, *Бабкина-Байкалова* — в Завойко. Там им предстояло находиться впредь до высылки их с Камчатки. Двое других бунтовщиков (*П. Попов* и *Кумпан*) были оставлены на свободе. В 1923 г., по сведениям историка *А. Хисамутдинова*, Г. организовал на нижнем Амуре предприятие по снабжению заброшенных приисков. Затем работал в исследовательском институте, во Владивостокском отделе Русского Географического общества. В 1925 г. бежал в Китай. Сначала занимался педагогической деятельностью в Шанхае, затем с 1931 г. преподавал древнюю и русскую историю в Национальном Цинхуаском университете в Пекине. После Второй мировой войны эмигрировал в Австралию. Автор фундаментальных трудов об историческом синтезе и палеоазиатах. Вспоминая о годах русской смуты, Г. писал: «У меня была вера, которую я разделял со всей русской демократической интеллигенцией, вера в возможность третьего

пути для русской революции. Вера эта не оправдалась в самой России, и тем более это было невозможно на далёкой Камчатке. Для меня лично следом, оставшимся от четырёхлетней там жизни, осталась одна книга...» Он имеет в виду издание «Россия в Северо-Восточной Азии», вышедшее в 1933—1934 гг. в Пекине в двух частях: «Колонизация Севера в прошлом и настоящем», «Богатства Севера, их эксплуатация и возможности».

Гарднер Иннокентий Константинович (1880, Петропавловск-на-Камчатке — начало января 1934, Хабаровск), *брат последующего*. Русский. Малограмотный. Рыбак-охотник. Кто-то из Гарднеров, возможно, он, нашёл при разработке своего огорода «в разное время» (но объявил о том только летом 1921 г.) старинные медные монеты: пять копеек 1774 г., одну деньгу 1745 г. и две копейки 1814 г. Арестован 27 апреля 1933 г. Проходил по делу «Автономная Камчатка». Обвинялся по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР. Приговорён Судтройкой ПП ОГПУ ДВК 1 января 1934 г. к ВМН. Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.

Гарднер Константин Константинович (1875, Петропавловск-на-Камчатке), *в 1926—1928 гг. диакон Петропавловского собора*. Из крестьян. Камчадал. Образование низшее. До двадцати лет жил при отце. Затем — на разных работах, «на выгрузках». Заработал на дом и купил его в 1901 г., отделился. В 1914 г. поступил сторожем в церковь, одновременно был псаломщиком. С 1928 г. и на момент ареста 29 февраля 1932 г. — рыбак. Признан, что в 1931 г. в присутствии Сычёва говорил: «...советская власть арестовывает всех попов и высылает на материк. Она, наверно, скоро и меня арестует, как бывшего дьякона. Теперь нам, церковнослужителям, жить стало плохо, на службу никуда не принимают, и живи, как хочешь, продуктов никаких не дают, даже и хлеба, и то не дают...» Привлекался по ст. 58-10 УК РСФСР. Выслан постановлением Тройки ПП ОГПУ ДВК от 19 мая 1932 г. в Западную Сибирь на три года с конфискацией дома. Реабилитирован прокуратурой КО 21 февраля 1990 г.

Гарднер Павел Константинович (1906, Петропавловск-на-Камчатке — начало января 1934, Хабаровск), *сын предыдущего*. Камчадал. Малограмотный. В 1925—1927 гг. состоял в ВЛКСМ, исключён. Разнорабочий, затем безработный. Был судим по ст. 74 УК РСФСР, получил два года принудительных работ. На воинском учёте не состоял. Арестован 9 марта 1933 г. Обвинялся в шпионаже в пользу Японии и других политических преступлениях. Приговорён Судтройкой ПП ОГПУ ДВК 1 января 1934 г.

к ВМН. Реабилитирован в 1957 г. вместе с другими проходившими по делу «Автономная Камчатка».

Гаднер Пётр Константинович (1905, Петропавловск-на-Камчатке — начало января 1934, Хабаровск), брат предыдущего. Камчадал. Образование низшее. Разнорабочий, затем без определённых занятий. Дважды судим за хулиганство. Холост. Арестован 1 марта 1933 г. Привлекался по делу «Автономная Камчатка» по ст. 58-2-6-8-9-11 УК РСФСР. Осуждён Судтройкой ПП ОГПУ ДВК 1 января 1934 г. к ВМН. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. ВТ ДВО.

Гарелик Семён Адольфович (1915), 12 апреля 1961 г. утверждён начальником Петропавловской городской милиции. Из рабочих. Еврей. Образование среднее. В ВКП(б) с сентября 1938 г. Из анкеты делегата 13-й Камчатской областной партконференции (сентябрь 1961 г.): «Участвовал на фронтах с первого до последнего дня». 9 декабря 1965 г. докладывал первому секретарю Петропавловского ГК КПСС Д. И. Качину: в 1964 г. в медицинском вытрезвителе побывало 4 644 чел., а к 1 декабря 1965 г. — 4 835, число членов партии среди них снизилось с 80 до 62 при одновременном увеличении комсомольцев с 39 до 53. «Матрос СРТ “Портовик” Д. допился до такого состояния, что на днях явился в милицию и попросил, чтобы его посадили в “камеру смертников” и был помещён в психоневрологический диспансер». Награждён орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, Красной Звезды, восемью медалями.

Гарсов Фёдор Семёнович, до и после 1917 г. адвокат. Из раздела «Шпионаж» информационной сводки ОГПУ от 16 апреля 1927 г.: «Находящееся в Петропавловске японское консульство проявляет заинтересованность в торговой деятельности японских фирм путём участия в прибылях на комиссионных началах с последними. Имеет связь с антисоветскими лицами города Гарсовым и Проскураковым, причём первый — адвокат, по непроверенным сведениям, выполняет консулу какие-то юрисконсульские обязанности в русско-японских вопросах за некоторое вознаграждение. Осенью прошлого года Гарсов занимал у консула 1 600 иен...»

Герасимов Яков Авакумович (1919), со 2 марта 1952 г. первый редактор рыбацкой многотиражки «За высокие уловы». Русский. Образование неполное высшее. В ВКП(б) с апреля 1943 г. В 1961 г. — главный редактор книжной редакции газеты «Камчатская правда». Участник ВОВ, командовал взводом. Награждён медалью «За боевые заслуги».

Геращенко Анатолий Георгиевич (1928), в 1970-х г. секретарь КОК КПСС по сельскому хозяйству. Русский. Образование высшее. В КПСС с сентября 1957 г. Награждён двумя орденами «Знак Почёта», медалью «За трудовую доблесть».

Герц Гурий Ильич (6.07.1915, Иркутск), с октября 1958 г. освобождённый секретарь парторганизации УКГБ по КО. Русский. Из рабочих. Образование неполное среднее. В ВКП(б) с сентября 1942 г. Отец Илья Петрович — слесарь железнодорожных мастерских — после смерти в 1921 г. жены Ядвиги Герц-Бочковской лишился рассудка и кончил жизнь в психбольнице (1936). Г. в 1921—1924 гг. беспризорничал, до 1930 г. воспитывался в детском доме «Юный транспортник». В 1930—1932 гг. — ученик школы фабрично-заводского ученичества в Чите-1. Там же в 1932—1933 гг. — слесарь 6-го разряда паровозо-вагоноремонтного завода. В 1933—1936 гг. — слесарь 7-го разряда, бригадир, сменный мастер Иркутского завода № 104. В 1936—1937 гг. — во Владивостоке, курсант учебного отряда ТОФ. В 1937—1940 гг. — инструктор-преподаватель отряда, в 1940—1941 и 1941—1942 гг. — старшина группы мотористов бригады подводных лодок ТОФ, старшина группы мотористов. В 1942—1947 гг. — оперуполномоченный, старший оперуполномоченный особого отдела ТОФ во Владивостоке. Участник войны с Японией. С 1947 по 1951 г. там же заместитель начальника отделения водного отдела МГБ. С 1951 г. — в Петропавловске. До 1953 г. начальник такого же отделения. В январе 1953 г. — начальник отделения охраны МГБ в Петропавловском порту, затем — заместитель начальника 6-го отдела УКГБ по КО. В ноябре 1958 г. имел ежемесячной денежное содержание 7 590 руб. плюс компенсация продовольственного пайка по 13 руб. 32 коп. в сутки. Жена Елена Владимировна не работала. Сыновья 1948 и 1953 г. р. Награждён орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги». Согласно данным анкеты делегата 7-й областной партконференции (с совещательным голосом) от 2 сентября 1952 г., принимал участие в ВОВ.

Гиренко Татьяна Николаевна (1949), с 1987 г. первый секретарь Мильковского РК КПСС. Русская. Образование высшее. В КПСС с 1980 г. В 1985 г. — заместитель заведующего отделом сельского хозяйства и пищевой промышленности КОК ВКП(б).

Главацкий Сергей Николаевич, в конце 1940-х гг. директор Камчатского областного краеведческого музея. 3 февраля 1948 г. на бюро Петропавловского ГК ВКП(б) отказано в приёме в кандидаты

партии «как недостаточно проявившему себя в практической общественной работе и не работающему над повышением своего идейно-политического уровня».

Глаголевский Василий Евгеньевич (1898, г. Чита — январь 1934, Хабаровск), *проходил по делу «Автономная Камчатка»*. Сын лесничего. Русский. Образование среднее: окончил Читинское коммерческое училище. В 1916—1917 гг. — гардемарин в Петрограде. В армии Колчака с 5 апреля 1919 по 28 января 1920 г. В материалах дела «Автономная Камчатка» значится: «Служил у Колчака 1919—1921 г. гардемарином и юнкером Ноковской школы на Русском острове... В 1922 г. судился за кражу, в 1923 г. как участник Гайдовского восстания был вычищен из советского аппарата по первой категории, в 1924 г. привлекался к ответственности по делу злоупотреблений в Петропавловской таможне...» На момент ареста его *Заярным* 4 мая 1933 г. заведовал Камчатской областной страховой кассой. Жене Надежде Ивановне, домохозяйке, было 34 года, дочери — семь лет, сыну — четыре года. Приговорён к ВМН по ст. 58-2-6-7-11 УК РСФСР. Вину признал частично. Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.

Глебов Дмитрий Дмитриевич (1907), *чекист*. Из рабочих или крестьян-бедняков. Русский. Образование среднее. В комсомоле с 1923 г., в ВКП(б) с декабря 1932 г. В конце 1930-х гг. — сотрудник УГБ УНКВД по КО. В 1937 г. — комсорг управления. В 1939 г. — оперуполномоченный НКВД Усть-Камчатского района.

Гловацкий Георгий Николаевич (1907, Одесса), *с июля 1939 г. директор Камчатского областного драматического театра*. Из семьи офицера. Образование среднее. 11 апреля 1940 г. принят кандидатом ВКП(б). В 1926—1929 гг. на станции Могоча трудился бухгалтером-экономистом «Дальзолота». С мая 1929 по ноябрь 1930 г. служил в РККА, младший командир. С декабря 1930 по май 1931 г. — бухгалтер Главного лесного управления в Хабаровске, затем до февраля 1932 г. — член агитгруппы крайкома ВЛКСМ «КИМ» на Камчатке. Постановлением комфракции Камчатского облсовпрофа от 28 мая 1933 г. с работы завклубом снят «как выходец из классово-чуждой среды». 8 июня 1933 г. выведен также из состава путинной агитбригады (был руководителем). С июня 1934 по ноябрь 1938 г. — директор Петропавловского парка культуры и отдыха. До июля 1939 г. — в культотделе обкома рыбаков.

Глов Глебов Григорий Степанович (1913), *в 1938 г. оперуполномоченный КОУ НКВД*. Русский. Образование среднее. Беспартийный. Принимал участие в расстреле приговорённых к ВМН.

Глухарёв А. В., в 1921—1922 гг. — красный партизан КОНРК. До ухода в сопки партизанить — народный охранник (милиционер). С возвращением в Петропавловск в ноябре 1922 г. был делопроизводителем коменданта города Н. П. Фролова. В январе 1928 г. находился на материке.

Глухов Михаил Сергеевич или Кузьмич (1897), в 1938—1939 гг. управляющий Камчатской областной конторой Госбанка, в 1938 гг. врид начальника областного финансового отдела. Из служащих. Русский. Образование неполное высшее. В марте 1918 г. вступил в большевистскую партию. Начал трудиться с семнадцати лет. 25 марта 1939 г. снят с работы и исключён из ВКП(б) «за неправильную информацию в телеграммах товарищу Сталину и товарищу Молотову и присвоение рационализаторских предложений по реорганизации хозяйства Камчатки, за клевету на горком ВКП(б) о смазывании вопросов, поставленных о работе банка, за дачу обобщённых секретных цифр об экономическом состоянии хозяйства рыбной промышленности Камчатки в эфир, неискреннее признание своих ошибок и недоверие всей первичной партийной организации».

*Глуховецкий Владимир Михайлович (30 лет в 1926 г.), с декабря 1923 по май 1924 г. врид заведующего агитационно-пропагандистским отделом Камчатского губернского бюро РКП(б). Сын молдаванина-наборщика. Образование низшее: двухклассное училище. Профессия — наборщик. В большевистской партии с 1919 г. Во время Первой мировой войны рядовой, в гражданскую — в РККА на низших командных должностях. Участвовал во взимании продналога. 6 марта 1924 г., в связи с решением губбюро РКП(б) о желательности организации на Камчатке «Лиги времени», вошёл в её оргбюро вместе с *Вольским*, *Лариным*, *Туриловым*, *Горбачёвым* и *Бузиным*. Из закрытого письма чекиста Одяницкого партийному руководству Камчатской губернии: «Почему завагит т. Г., старый партиец, женился, сделал под секретом незаконный аборт, на проститутке Новограбленовой, всё время смотревшей на красных как на врагов, с смаковым удовольствием вспоминая времена интервенции и своё бесплатное путешествие в Японию за счёт командиров японских миноносцев?» В ответе Одяницкому значилось: «Если Г. женился на проститутке Новограбленовой, то этим поступком он хотел перевоспитать её и сделать вполне хорошего человека» (14 июля 1924 г. Анна Трифионовна Глуховецкая была принята в члены профсоюза). В секретном докладе на имя ответственного секретаря губбюро *Д. С. Бузина*, не называя*

его предшественника В. Кручину, Г. писал: «Несмотря на сравнительно большой период времени существования здесь, на Камчатке, губбюро РКП, как целый год, работа такового не двинута была не на йоту, если не считать издание бульварной газеты “Полярная Звезда”». С 1 ноября 1924 г. Г. — контролёр контрольно-бухгалтерского подотдела Камчатского губфинотдела. В «Сведениях об ответработниках, числящихся в Камчатском губфо на 1 декабря 1925 г.», отмечалось, что Г. «с работой знаком удовлетворительно... не в меру самолюбив».

Глушков Николай Константинович (1895), с 1 января по 1 июня 1923 г. начальник Камчатского губотдела ГПУ. «Из крестьян-служащих». Учился в частном реальном училище И. Т. Баженова и школе живописи и ваения в Москве. В РКП(б) с 29 марта 1921 г. До этого, в 1911—1912 гг., — анархист. Мобилизован в армию в 1916 г., в том же году попадает в дисциплинарный батальон «за антиправительственную агитацию и оскорбление помощника адмирала Грейга в Николаеве». В апреле 1917 г. в звании пехотного прапорщика дезертирует с германского фронта. В РККА с 1918 г., инспектор Всеобуча в Москве, адъютант для поручений, начальник исполнительного отряда ревтрибунала 8-й армии. В 1920 г. — комендант и военрук Николаевского военкомата, в 1921 г. — помощник военрука Московского военкомисариата, помощник начальника охраны лагерей принудительных работ РСФСР. В декабре 1922 г. прибыл на Камчатку в составе батальона М. П. Вольского. После освобождения от работы в ГПУ со 2 июля по 30 августа 1923 г. — председатель Анадырского уревкома. Уволен в связи с психическим заболеванием. В январе-феврале 1924 г. — ответственный секретарь губпрофбюро. Постановление губбюро РКП(б) от 8 декабря 1924 г.: «Отправить тов. Г. (по его заявлению) в распоряжение Дальбюро ЦК РКП с просьбой в порядке плановой переброски отправить его в Москву». Владел немецким языком.

Голованов Иван Фёдорович (1876 — начало января 1934, Хабаровск), депутат Второй Государственной Думы от социал-демократической фракции; кандидат в члены Всероссийского Учредительного собрания от той же партии на выборах 29 октября 1917 г.; с 6 января по 4 марта 1918 г. Камчатский областной комиссар; 7 апреля 1918 г. избран членом облсовета, гласный Пятой ПГД 1922 г. Из астраханских крестьян. Русский. Образование среднее сельскохозяйственное. В ВКП(б) с 1925 г. Прапорщик запаса. 12 марта 1923 г. писал о себе: «Мои полити-

ческие взгляды более или менее ясно стали выявляться в 1896 г., ещё... на школьной скамейке. По прослушивании курса политической экономии (в 1894 г.) и чтения по экономическим вопросам у нас — учеников земледельческого училища — шли непрерывные споры по аграрному вопросу. Одни из нас стояли за общественное пользование (эсерствующие), другие — за частную собственность на землю, ведущую к раскрепощению (эсдекствующие). Но до первой революции 1905—1906 гг. я не вступал в партию, хотя к этим годам определённо стал последователем Маркса. В конце 1905 г... я приехал в г. Омск... это было, как мне помнится, уже после заключения перемирия с японцами в русско-японскую войну, когда мы, я и несколько запасных солдат, провели протест-требование в своём батальоне, стоявшем в г. Сызрани, о демобилизации нас. Каковое требование было удовлетворено — нас распустили. Вот после этой демобилизации я поехал в Омск в Переселенческое управление, в котором служил до призыва меня во время войны. Кажется, в этом году я и вступил в члены Социал-демократической партии в Омскую организацию её, повторяю, точного года не помню. В выборную кампанию членов в Государственную Думу второго созыва, а таковая в Тургайской области, куда я был назначен Переселенческим управлением из Омска заведующим складом сельскохозяйственных машин и орудий, проходила в конце 1906 и начале 1907 г., я вступил как уже социал-демократ. В это время из Омской организации был командирован в г. Кустанай Тургайской области, где я проживал, один из партийных работников, тов. Рябков, чтобы провести в Думу партийного кандидата. Кампания наша увенчалась успехом — я был выбран в члены Государственной Думы второго созыва от Тургайской области как социал-демократ. В Думе я вошёл в социал-демократическую фракцию, принадлежа к левому её крылу — большевиков. После разгона Думы — 3 июня 1907 г. — я в числе других товарищей-депутатов был арестован, судим и приговорён четырёх годам каторги. Каторгу отбывал, как и большинство нас, депутатов, часть в Петроградской пересыльной тюрьме, а затем мы в числе шести человек (я, Вагжанов, Юдин, Чапин, Петров, Миронов) были отправлены в Нерчинскую каторгу, а именно в Акатувскую каторжную тюрьму. С каторги на поселение вышел в 1911 г. и был назначен в ссылку в Посольскую волость Верхнеундинского уезда Забайкальской области, куда прибыл 20 июля 1911 г. С выходом на поселение я, оставаясь по убеждениям социал-демократом, в партийную организацию не вступал

вследствие того, что всё время был, как политический ссыльный, под надзором полиции и жандармерии. Вследствие этого... принимать более или менее деятельное участие в политической работе не рискую, только своими посещениями провалить партийную организацию, с одной стороны, и оказаться в новой ссылке уже в Якутской области — с другой. Пришлось работать как специалисту-агроному. С 1 октября 1914 по 1 января 1916 г. был младшим земским инструктором по молочному хозяйству — работа была чисто консультативная, ибо права отлучки из Читы, как политический ссыльный, не имел. С 1 января по 1 июля 1916 г. включительно был инспектором по сельскохозяйственной части Департамента земледелия... В Чите с апреля 1912 по 1 сентября 1916 г. (время приезда на Камчатку) мы, ссыльные, группировались около Союза забайкальских кооперативов, где и принимал то или иное участие. Кроме того, во время проживания в Чите я, примерно, с 1 декабря 1914 г. по день выезда на Камчатку, был секретарём Забайкальского сельхозобщества, секретарём редакции журнала “Забайкальский хозяин” и фактическим редактором этого журнала, официально же редактором, как ссыльный, не имел права быть. За время проживания в Чите я сотрудничал в местной газете “Забайкальская новь”, в кооперативном журнале “Наше дело”, в котором в первое время был одним из членов редакционной комиссии. Сотрудничал в специальном журнале “Молочное хозяйство и скотоводство” (г. Москва). Принимал деятельное участие в организационной работе по созыву Забайкальского областного кооперативного съезда в марте месяце 1916 г., на каковом мною прочитан доклад “Кооперативное маслоделие”... С приездом на Камчатку (19 сентября 1916 г.) до февральской революции я исключительно работал как специальност-агроном в должности заведующего Петропавловской сельхозфермой». По словам Г., как социал-демократ, 19 марта 1917 г. был избран кандидатом к членам Петропавловского горкома и секретарём Первого Камчатского областного съезда. Поддерживал Временное правительство России. С 3 мая по 13 июля был правителем канцелярии камчатского областного комиссара. С 31 мая являлся сначала членом, а с 1 июля по 11 августа — председателем строительной комиссии. С 25 июля того же года на областном съезде единогласно избран помощником областного комиссара и 28 августа вступил в эту должность (исполняя её также 13—19 декабря). В связи с отъездом К. П. Лаврова 1 сентября во Владивосток исполнял должность областного комиссара. Выставлял свою

кандидатуру в Учредительное собрание, но не прошёл «вследствие некоторых нарушений моими противниками-эсерами и эсерствующими, группировавшимися около эсера Лаврова». От должности областного комиссара освобождён по личному настоянию 5 января 1918 г. В декабре 1917 г. без приказа организовал комитет по введению земства, распущенный в конце февраля 1918 г. совдепом. Переход власти от облкома к советам называл переворотом, который «свершился здесь без каких бы то ни было жертв, сравнительно тихо, механически, если не считать наши бурные митинги». 23 марта 1918 г. был избран представителем Рабочего союза в Петропавловском горсовдепе, 25 марта — таковым в облсовете. Председатель горсовета 1918 г. большевик А. С. Топорков-Олейник отзывался о нём так: «Это был довольно простодушный, симпатичный бородатый человек, и только». 5 февраля 1923 г. заявил в губотделе ГПУ: «Как социал-демократ, работал в первом Камчатском облсовете в 1918 г., после разгона которого был арестован домашним арестом. Наши же черносотенцы в чрезвычайной заседании Завойкинского волостного съезда от 15 июля 1918 г. (ст. ст. — В. П.) совместно с приглашёнными представителями островов Медного, Беринга, Охотского уезда и некоторыми жителями города Петропавловска вынесли постановление: “Ввиду того, что И. Ф. Голованов, стоя на стороне (в протоколе заседания *на точке зрения*. — В. П.) советской власти, помогал таковой, выразить ему недоверие...”» Предложение о высылке его вместе с другими советскими работниками за пределы области не получило поддержки большинства, по мнению Г., из-за отсутствия специалиста, способного принять от него ферму. С 13 декабря 1918 по 17 июня 1919 г. исполнял обязанности областного агронома, затем с 23 октября 1919 г. вновь в той же должности. 10 января 1920 г. в Петропавловске произошёл просоветский переворот. «Я, — писал Г., — первое время по чисто личной неприязни ко мне одного Маловечкина, одного из деятелей по перевороту... (местная склока, как это раньше называлось среди партийных работников) тоже работал как специалист, но затем по приглашению некоторых членов комитета я снова принял участие в политической работе комитета и 8 июня 1920 г. был командирован комитетом по его делам в г. Владивосток. По возвращению из командировки работал совместно с комитетом до самого последнего времени... правда, работа моя в это время была большей частью консультативная». 23 февраля 1921 г. назначен заведующим земельным отделом КОНРК. При этом с 1916 до осени 1922 г.

оставался заведующим Петропавловской сельхозфермой. «С занятием Петропавловска белыми... я остался... на ферме, обещав комитету в лице тов. Ларина, тов. Савченко и тов. Фролова оказывать всяческое содействие, — отвечал Г. на анкету Камчатского губбюро РКП(б) от 12 марта 1923 г. — В чём моя была помощь — а была она в поддержке связи с городом, информации, снабжении продуктами — знают все почти партизаны, а в особенности тов. Фролов и тов. Чекмарёв, как наиболее часто посещавшие ферму за всё время занятия Петропавловска *Биричем*, бочкарёвцами и другими белыми до 14 ноября 1922 г. (хотя белые оставили г. Петропавловск 2-го ноября, комитет же занял город 14 ноября 1922 г.)». С 18 ноября 1922 по 15 января 1923 г. — председатель Петропавловского горревкома. С 31 декабря 1922 г. — заведующий финансовым и земельным отделами губревкома. На следствии по «Думскому делу» взял косвенно под защиту председателя ПГД, его товарища и городскую управу, говоря, что «им, быть может, подчас приходилось действовать только страха ради иудейска под давлением приезжих бандитов. Вернее, и ближе к истине будет сказать, что идейными руководителями были приезжие в лице Н. М. Соколова, Миховского, жены Бирича...» В начале 1923 г. Г. имел жену, сына восьми лет, брата, жившего в Астраханской губернии. 7 февраля 1923 г. назначен председателем выставочного бюро (в него вошли также *Богомоллов*, Святой, Магаринский), отбиравшего экспонаты для Всероссийской сельхозвыставки в Москве. 1 октября 1924 г. утверждён заведующим партийно-профсоюзным клубом⁸. 18 августа 1926 г. вместо *Н. И. Болтенко* становится заместителем председателя Камчатского окркресткома. 20 октября 1927 г. сменил Григорьева на посту председателя Камчатского окрсвета СВБ, секретарём совета был Соловьёв, членами остались Мариманов, Новограбленов П. Т. и Фролов Н. П. В конце 1927 — начале 1928 г., подобно другим советским работникам, подозревался в принадлежности к троцкистской группе, возглавляемой якобы *К. Григорьевым*. 4 апреля 1929 г. заведующий окружным земельным управлением Г. ставит перед окрбюро ВКП(б) вопрос об организации на Камчатке маслоделия. 15 февраля 1933 г. откомандирован для работы в Камчатский погранотряд. На момент ареста 16 апреля 1933 г. — агроном, беспартийный. Проходил по делу «Автономная Камчатка» (ст. 58-2-6-7-11 УК РСФСР). Приговорён к ВМН с конфискацией имущества Судтройкой ПШ ОГПУ ДВК 1 января 1934 г. Расстрелян. Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.

Головань Тарас Ефремович, или Евграфович (1882, с. Чечилёвка Кисляцкой волости Гайсинского уезда Каменец-Подольской губернии), *гласный четвёртой* 1920 г. и *кандидат к гласным пятой ПГД* 1922 г. Из крестьян. Украинец. Малограмотный, два года учился в сельской школе. Основная профессия — портной. Согласно меморандуму ОГПУ от 1932 г., в 1903—1907 гг. служил в армии. По свидетельству командира 10-й Восточно-Сибирской горной батареи, датированному 14 апреля 1907 г., отличался усердием и любовью к службе, всегда пользовался полным доверием всех начальствующих лиц. В 1910 или 1911 г. приехал на Камчатку. Арендуя землю, огородничал, в 1914 г. открыл квасоваренный и фруктовых вод завод с использованием наёмного труда, который закрыл в связи с большими налогами в 1927 г. Спустя несколько лет, указывая на плакат, где при царе за налоги забирают со двора корову, сказал прилюдно: «Раньше хоть одну корову брали — сами они показывают, а теперь всё хозяйство забирают. Выходит, при царе народу жить намного лучше, чем при коммунистах». В 1914 г., как дружинник, призван в армию, был закройщиком 275-й Казанской дружины в Шкотово. Затем вернулся в Петропавловск. 12 марта 1917 г. избран в комиссию по выяснению наличия предметов первой необходимости, в июле — в комиссию по благоустройству города. С начала 1920-х гг. занимался сельским хозяйством, портняжничал. В феврале 1922 г. участвовал в охране Петропавловска от красных партизан. На момент ареста 25 февраля 1932 г. имел дом, крытый железом, сарай, корову, три свиньи. Женат, четверо детей. По мнению чекистов, ярый националист, ратовал за отделение Украины в самостоятельное государство, что на допросах отрицал. Постановлением ПП ОГПУ ДВК от 19 мая 1932 г. за подписью Дерибаса из-под стражи освобождён, так как «материалами следствия не установлена виновность для привлечения его по вышеупомянутой статье» (58-10). В том же меморандуме значится: «Г. чрезвычайно хитрый, скрытный, себе на уме. Вербовка возможна, Г. чрезвычайно озлоблен, непримирим к совстрою. Мог бы при нажиме на него освещать антисовэлемент. Необходимо наблюдение в плоскости не дать его возможности повести организаторскую антисовработу».

Головченко В. И., до февральского переворота 1917 г. председатель Петропавловского окружного суда. Действительный статский советник. В конце мая 1918 г. было объявлено об организованном 3 июня «аукционе домашних вещей на судебном участке в доме № 2 в квартире гражданина Головченко».

Голодец Самуил Григорьевич (1912), в 1934 г. помощник уполномоченного Камчатского областного отдела ОГПУ. Из мелких торговцев. В ВКП(б) с 1932 г. Вёл дело гласного пятой ПГД Н. В. Савина. В июле 1936 г. отозван из спецотдела Петропавловской судоремонтной верфи в распоряжение КОК ВЛКСМ. При утверждении 3 июля 1937 г. заведующим хозяйством Дома партпроса объявлен строгий выговор с занесением в личное дело «за сокрытие социального происхождения при вступлении в партию, за связь с троцкистами-братьями и за защиту троцкиста Разгонова». Исключён из ВКП(б) 21 августа 1937 г.

Гололобов Нестор Григорьевич (1924, д. Рагозино Сидельниковского района Омской области), с 3 июля 1951 по декабрь 1953 г. первый секретарь Петропавловского ГК ВЛКСМ. Из рабочих. Русский. Образование среднетехническое (техник-технолог), окончил авиационный техникум в г. Комсомольске-на-Амуре. В ВКП(б) с июня 1951 г. В 1945—1946 гг. — помощник прокурора Центрального района г. Комсомольска-на-Амуре. С 1946 по 1951 г. — помощник прокурора Олюторского района. С декабря 1953 г. — секретарь ОК ВЛКСМ, затем по 1958 г. — слушатель Хабаровской ВПШ. В 1958—1961 гг. — второй секретарь Тигильского РК КПСС. В 1961 г. — главный инспектор по закупкам сельхозпродуктов по Тигильскому району, в 1961—1963 гг. — второй секретарь Корякского окружка КПСС. С 1963 по 1969 г. — заместитель заведующего организационно-инструкторским отделом КОИК. В 1969—1972 гг. — председатель Соболевского РИК. В 1972—1973 гг. — начальник отдела кадров Камчатского производственного объединения совхозов. С 1973 по 1977 г. — руководитель группы по народностям Севера, заведующий организационно-инструкторским отделом КОИК. В 1977—1984 гг. — там же, заведующий отделом по народностям Севера.

Голомидов Андрей Зотович (1910), в 1959 г. прокурор КО. Русский. Образование высшее юридическое. В ВКП(б) с марта 1940 г. Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Голубев Александр Иванович, или Ильич (1899), в начале 1930-х гг. уполномоченный Камчатским ОО ОГПУ и областной контрольной комиссии. Из семьи слесаря. В ВКП(б) с 1925 г. Начинал «рабочим-носильщиком». В РККА с 1918 г. Воевал с Врангелем, после чего в Таврической губернии вместе с дивизионной школой попал в плен к Н. И. Махно, где у него забрали партбилет. Бежал. В 1920-х гг. служил в ЧОН Первой Конной армии, коман-

дир взвода отделения Дагестанского полка ОГПУ. В 1923 г. болел тропической малярией. До 1925 г. служил на побережье Чёрного моря, затем в Высшей пограншколе и управлении погранотряда полномочного представительства ОГПУ ДВК. На Камчатке с 1927 г. Причастен к фабрикации дела «Автономная Камчатка».

Голубев Алексей Константинович (1875, Вологда), дворянин, полковник царской армии. Русский. Из протокола допроса его сотрудником ОГПУ Темновым 15 сентября 1931 г.: «Я родился в духовной семье. Дед (по отцу) был сельским священником в Вологодской губернии. Моц отец был протоиереем одной из церквей г. Вологды... Я же в 1897 г. окончил Вологодскую духовную семинарию (проучился шесть лет). Несмотря на желание отца, чтобы я был священником, отказался, поступил в 105-й Оренбургский полк в г. Вильно вольноопределяющимся. Пробыл вольноопределяющимся только несколько месяцев и был командирован там же в юнкерское училище, которое окончил в 1899 г. в чине прапорщика. В начале 1901 г. был переведён в Заамурский округ, находился на станции Важе в чине корнета, там же выслужился штабс-капитаном. Участвовал в русско-японской войне. В империалистической войне участвовал во 2-м Заамурском пехотном полку, где за боевые заслуги и ранения получил чин подполковника, затем полковника и командовал этим полком. При Временном правительстве осенью 1917 г. был командирован в составе группы из четырнадцати офицеров в г. Харбин для замены офицеров, не бывших на фронте. Приехал в декабре 1917 г., когда Заамурский полк был переформирован в охранную стражу. Остался на КВЖД... где прослужил до конца 20-го или 21-го года (точно не помню), до момента, когда китайцы разоружили нас и охрана перешла к ним. Прожил несколько месяцев, переехал в Харбин, вступил в общество заамурских офицеров, которое имело свои производственные мастерские и предприятия. Я служил в обществе разносчиком газеты (издавалась обществом) примерно около года и в апреле 1922 г. переехал во Владивосток, где приобрёл себе дом. Как до прихода Красной армии (советизации), так и в дальнейшем, я занимался домашним хозяйством, научившись кладке печей. Я часто зарабатывал на стороне... В 1922 г. мне отдельные представители гражданской власти... предлагали уехать за границу во избежание преследований со стороны Советской власти, но я, не чувствуя никакой вины за собой, отказался и остался. Средствами для дальнейшего существования служили: дом, половина которого сдавалась (комната с кухней), продажа молока от

коровы и частично заработок по кладке печей. Весною 1929 г. рыбопромышленник Козлов Ник. Ник. (проживал на Бородинской, № 47), которому носил молоко, предложил мне поехать сторожем на арендуемый им рыбучасток по восточному побережью Камчатки возле селения Калыгерь. Я согласился и к концу мая 1929 г. вместе с женой приехал туда. Осенью промысел свернулся, и я с женою остались одни зимовать... В конце марта или в начале апреля 1930 г. приехал другой рыбопромышленник, Вейнерман, предложил остаться сторожем у него, я согласился. Не знаю по каким причинам, но 15 июня, когда фактически закончился срок договора с Козловым, а я уже остался на новой службе, меня Вейнерман уволил. Считаю, что действительной причиной послужило то, что администрация участка была исключительно из евреев и, узнав, что я бывший полковник царской армии, обвинила в антисемитизме. Об этом говорили мне русские рабочие (фамилий не помню)... За всё время моего проживания в селении Кольгерь я ни с кем не вёл разговоров по политическим вопросам... к тому же я вообще далёк от политики. В середине ноября 1930 г. приехавшим сотрудником ГПУ (фамилии не помню) я с женой были увезены в Петропавловск, как не имеющий права проживания в погранполосе (ранее бывшее у меня удостоверение срок истёк)». Жили Голубевы вначале у священника Л. Яковлева, выделившего им комнату в своей квартире. «...Проживая в Петропавловске, я в местной церкви исполнял чёрные работы, то есть подметал, топил печи, расчищал дорожки к церкви и прочее, за что церковный совет мне платил двадцать пять рублей в месяц, кроме того, состоял в церковном хоре, читал на клиросе при служении, а на Рождество и Крещение ходил вместе с Яковлевым по городским прихожанам, которому помогал совершать обряды. Так как в городской приход входит и селение Сероглазка, то на эти православные праздники ходили и туда. В Сероглазке мы были в большинстве домов, так как там много верующих... Я подыскал себе отдельный домик в Сероглазке, куда и переселился... кажется, в середине февраля (арендовал дом Селивановой)... В середине июня я поехал в Кольгерь, чтобы привезти оттуда свои вещи и корову, а затем приехать обратно и выехать во Владивосток. Так как парохода обратно не было, поселился за рекой в заброшенном домике, всё лето жители находились на рыбалке, часть лета в бухте Малая Медвежка, в двенадцати километрах от деревни. С ними не общался, да к тому же от оставшихся в деревне женщин нас отделяла река, лодки у меня не было...» Арестован 2 сентября 1931 г. Обви-

нялся по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Один из свидетелей *И. Д. Дыптан* заявил: «Проживающий в селении Колыгирь гражданин Г. со своей женой... ведут... монархическую агитацию». П. А. Крупнин приводил слова Г.: «В такое тяжёлое время русскому народу надо сохранить веру в Бога, не допускать глумления над церковью, оказывать помощь духовенству, а когда придёт пора, то нужно будет встать на защиту религии, чтобы свергнуть насильников». Виновным себя не признал. 28 ноября 1932 г. Судтройка ПП ОГПУ ДВК приговорила его к пяти годам концлагерей. Реабилитирован прокуратурой КО 30 июня 1989 г.

Голубев Игорь Васильевич (1909, г. Мелекес Самарской губернии), журналист. Русский. Окончил два курса Кавказского комвуза, один курс института журналистики. На журналистской работе с 1924 г. В 1933—1934 гг. — ответственный секретарь журнала ЦК ВКП(б) «Большевицкая печать». В 1941—1950 гг. в РККА и СА. Фронтовик. В 1950—1951 гг. — ответственный редактор «Последних известий» Всесоюзного радио, в 1951—1953 гг. — там же, ответственный секретарь главной редакции политического вещания. В 1954—1956 гг. — редактор многотиражки «Моряк Камчатки». С октября 1956 по ноябрь 1959 г. — начальник областного отдела радиоинформации — председатель областного комитета радиовещания. Освобождён «за неудовлетворительное руководство, систематическое нарушение финансовой дисциплины, злоупотребление служебным положением». В 1956—1960 гг. — корреспондент «Камчатской правды», в 1960—1962 гг. — директор облкниготорга, в 1962—1963 гг. — редактор газеты «Корякский коммунист». Переведён на вторую группу инвалидности. Награждён орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За освобождение Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», «За освобождение Кореи», «За победу над Японией».

Голубецкий Николай Дмитриевич (40 лет на конец мая 1919), кандидат к членам Петропавловского городского комитета первого состава (6 марта 1917 г.), гласный первой-четвёртой ПГД, Петропавловский городской голова в 1917—1919 гг. Агент Добровольного флота. В марте 1917 г. избран кандидатом к членам городского комитета, в октябре — в комиссии по проверке правильности получения пайкового довольствия семьями призванных по мобилизации. 30 июля 1917 г. избран председателем комиссии по выборам ПГД. Участник мартовского (неудавшегося) и июльского антисоветских переворотов 1918 г. в Петропавловске. Осенью

1920 г. баллотировался в члены Временного Народного собрания ДВ. Из доклада начальника Командорских пушных промыслов Карнаухова заведующему пушным отделом АКО Попову о личном составе острова Беринга от 25 апреля 1929 г.: «Счетовод Г... своей аккуратностью, прилежанием и знанием... дела является очень ценным сотрудником. Работает не за страх, а за совесть. Со временем не считается, иногда прихватывает от вечеров и праздников». С. А. Бушуев в 1938 г. на вопрос о нём ответил: «выбыл с Камчатки давно, неизвестно куда. Жена Г. — Татьяна Васильевна — была на десять лет младше его».

Гольдберг Борис Исаевич (1884, Томск), революционер, в 1929—1933 гг. директор-распорядитель АКО. Из семьи рабочего-стекольщика (отец разбился на строительстве, упав со второго этажа). Еврей. С семи лет «в мальчиках» на посудной и кондитерской фабриках, в шапочной мастерской, парикмахерской. Работал в типографии сначала учеником, потом разборщиком, наладчиком и печатником-машинистом (до ссылки). Называл себя самоучкой, говорил, что «нигде, ни в какой школе не учился». Вступив в 1902 г. в Читинскую организацию РСДРП, печатал прокламации. В 1903 г. впервые арестован казаками, но тут же освобождён. В 1905 г. состоял в Томской боевой дружине, «с которой сидел в железнодорожном управлении во время пожара вследствие поджога чёрной сотней. И случайно, совместно с другими, спасся». В 1905 г. — товарищ председателя Сибирского союза печатников, избирался в Первую Государственную Думу. В 1906 г. выслан в Вятскую губернию. Из ссылки бежал в 1907 г., находился на нелегальном положении в городах Сибири и ДВ, «работая под руководством Губельмана, Николая Большого (Беранский)». Призванный в армию в 1915 г., служил рядовым в запасной батарее. В феврале 1917 г. избран председателем горной батареи и товарищем председателя Томского Совета солдатских депутатов. В 1918 г. — комиссар финансов Томской губернии, организовывал красноармейские части и партизанский отряд. В 1919 г. — начальник и комиссар управления особых формирований Восточного фронта. В 1920 г. — командующий войсками Приволжского военного округа и одновременно запасными армиями республики. В 1921 г. — заместитель председателя Главного комитета госсооружений, в 1922 г. — председатель комиссии по реорганизации военнo-хозяйственных учреждений РККА, помощник начальника Главного управления Военно-Воздушного флота СССР. В 1924 г. — член правления Москуста, директор обувной фабрики «по совмес-

тельстве с военной работой». В 1925 г. — коммерческий директор треста «Моссукуно», торговый представитель в Персии (Иране), где пробыл два года. 9 июля 1930 г. кооптирован в состав Камчатского окружкома и окрбюро ВКП(б). Имел поддержку в Кремле на самом высоком уровне. Среди жителей полуострова было распространено мнение — «Г. ногой открывает двери к Сталину и Микояну». Постоянно конфликтовал с партийно-советским руководством Камчатки, и когда дело доходило до выбора между ними, Москва в 1930—1932 гг. трижды меняла камчатское руководство. Из постановления бюро КОК ВКП(б) от 15 июня 1931 г. «О тов. Гольдберге»: «1. Обязать тт. *Виноградова*, *Якобсона* и *Кривошеева* принять меры к систематическому осмотру врачами состояния здоровья тов. Гольдберга. 2. Тт. *Якобсону* и *Кривошееву* немедленно организовать диетическое питание и установить постоянный уход за ним. 3. Предложить тов. *Якобсону* не допускать к тов. Гольдбергу лиц для разрешения вопросов текущей работы, обеспечив в течение десяти-двенадцати дней полный отдых». 13 января 1932 г. — председатель Камчатского окрсвета Осоавиахима на общественных началах. На партчистке 1933 г. председатель КОИК *Д. С. Бузин* убеждал собравшихся: самый старый большевик Камчатки не случайно пошёл работать в АКО — «чтобы отойти от центра, от крайкома, быть на Камчатке единоначальником... Г. очень самонадеян и убеждён, что почти непогрешим. В 1930 г. тов. Сталину докладывал, что на Камчатке расти ничего не будет — разве может коммунист так информировать, тогда, как я был здесь (ответственным секретарём РКП(б) в 1923—1926 гг. — *В. П.*), имели картофель, молоко и прочее...» «Три года работы Г. на Камчатке, — говорил коммунист *Каплунов*, — это три года борьбы против партийного руководства, три года очковитательства... три года потери классовой бдительности, срастания с классово чуждыми и вредительскими элементами». Другой оратор вспомнил о намерении директора Петропавловской сельхозфермы сделать беседку для Г. — «подмазать» ему, несмотря на жилищный кризис. «Лошадей не хватает, но для сына Г. нашли и катали его долго». Следующий чистильщик возмущался выпиской товаров врачу, которая раскатывалась с главой АКО на пароходе по побережью и заботилась лишь о его здоровье и фотографа, бывшего при них, а свои непосредственные обязанности — лечить простых тружеников — не выполняла. «Она была так привязана к тебе, что не поехала в Корф, а ведь там была эпидемия цинги, и туда она была откомандирована по приказу...» Когда по

регламенту пришло время вопросов, Г. спросили и об этом: «Почему был дебош на пароходе “Смоленск” между Уманской и Вами, и другими, после чего было поломано много вещей?» На что он ответил: «Я думаю, всё равно, кто с кем живёт». И вновь: «Как реагировал на заметку в “Камчатской правде” о тебе и враче?» Ответ: «О ней никак не реагировал, так как она совсем плоха». Г. сказал, что работает в сутки по восемнадцать часов и привык работать по своему методу, имея не одну стенографистку, а три. Товарищи по партии задали ему двести двадцать восемь вопросов. Такого количества на чистке не получал никто. Вопрос: «Почему ушёл из ГУМа?» Г. объяснил, что ЦК предложил выехать в АКО. Исключён за оппортунистическую практику, «неискреннее поведение на чистке» и слабую политическую грамотность, «как перерожденец». В середине 1930-х гг. до камчатцев доходили слухи, будто Г. работает в наркомате пищевой промышленности у своего приятеля А. И. Микояна, члена Политбюро ЦК ВКП(б). Восстановили его в партии или нет, неизвестно.

Гольденберг И. Д., делегат второго Камчатского областного съезда. Студент. В середине августа 1918 г. назначен секретарём бюро по его созыву. С 22 августа (по 22 сентября) вместе с П. М. Клочковым являлся *ответственным редактором «Камчатского вестника»*. 27 августа 1918 г. избран председателем комитета служащих областной канцелярии (заместитель Клочков). В начале сентября назначен секретарём съезда, а в конце сентября 1918 г., по сообщению газеты, оставил службу и уехал во Владивосток.

Гончаренко Владимир Дмитриевич (1937), в 1990 г. заместитель председателя КОИК. Из рабочих. Русский. Образование высшее. Трудиться начал в конце 1950-х гг. сменным мастером на Октябрьском рыбокомбинате. Тогда же принят кандидатом в члены КПСС. В 1985 г. — первый секретарь Усть-Большерецкого РК КПСС, в 1988 г. — секретарь КОИК. Награждён орденом «Знак Почёта», медалью «За трудовую доблесть».

Горбачёв Александр Алексеевич (1896, Самарский уезд), в 1923 г. нарсудья Петропавловского участка. Русский. В 1924 г. принят в кандидаты РКП(б). Дед, отец и мать — хлебопашцы. В 1912 г. окончил двухклассную Самарскую акушерско-фельдшерскую, а затем Астраханскую военно-фельдшерскую школы. С августа 1915 г. — военный фельдшер. В боях не участвовал. В Белой армии с августа 1918 по февраль 1920 г.: фельдшер санитарного поезда № 7. Убежал в Харбине в Николаевск-Уссурийский и посту-

пил в госпиталь, где служил до 5 апреля 1920 г., после чего был в красных партизанских отрядах Приморья. Прибыл на Камчатку в декабре 1922 г. с экспедиционным отрядом *М. П. Вольского* в должности ставврача штаба войск Охотско-Камчатского края. 16 февраля 1924 г. назначен врио председателя губпрофбюро Камчатки. С 7 октября 1924 по 1 октября 1925 г. — председатель Анадырского уревкома.

Горбенко И., в 1921—1922 гг. красный партизан КОНРК. До ухода в сопки партизанить — народный охранник (милиционер). К январю 1928 г. находился на материке.

Гордейчук Анатолий Нестерович (1929, с. Будовки Шашковского или Жашковского района Киевской области), с 19 сентября 1957 по 24 декабря 1959 г. первый секретарь КОК ВЛКСМ (двадцатый по счёту). Из крестьян-бедняков. Украинец. Образование неполное высшее. В ВКП(б) с апреля 1952 г. На Дальний Восток приехал в 1938 г. с отцом. В 1950 г. окончил Дальневосточный морской рыбопромышленный техникум, распределён в Петропавловск. В 1950—1951 гг. — помощник мастера, производитель работ по судоремонту на Петропавловской судовой верфи. С марта 1951 по январь 1952 г. — инструктор, до апреля 1953 г. — заведующий военно-физкультурным отделом КОК ВЛКСМ. Затем избран первым секретарём Мильковского РК ВЛКСМ. Освобождён от должности первого секретаря ОК ВЛКСМ в связи с переходом на партийную работу.

Горелов Леонид Васильевич (1911), с апреля 1944 г. прокурор Петропавловска. Из рабочих. Русский. Образование среднее, окончил мореходное училище. В ВКП(б) с 1942 г. В ВОВ не участвовал.

Горицков Георгий Иванович (1925), с середины 1950-х гг. директор Камчатского областного драматического театра. Русский. Образование высшее. В ВКП(б) с 1947 г. Воевал на 1-м Украинском фронте.

Горноста́й Николай Иванович (1936), в 1985 и вплоть до 2006 г. начальник Камчатского производственно-технического узла связи, Камчатского филиала ОАО «Дальсвязь». Украинец. Образование высшее. В КПСС с 1973 г. Награждён орденом «Знак Почёта». Заслуженный связист РСФСР.

Грачёв Иван Иванович (1909, Москва), с 17 марта 1948 по 2 августа 1949 г. первый секретарь КОК и Петропавловского ГК ВКП(б). Родители из крестьян: отец до революции то ли курьер, то ли кучер, мать домохозяйка. Русский. Образование неполное среднее. Основная профессия — рабочий. В 1916—1921 гг.

учился в школе первой ступени. В 1924—1930 гг. — в ВЛКСМ, с сентября 1929 г. — в ВКП(б). В течение трёх лет занимался физическим трудом, в 1929—1933 гг. учился на курсах мастеров химической промышленности, химико-фармацевтический факультет. Со 2 апреля по 17 мая 1937 г. находился за границей в составе бригады «по установке статуи на советский павильон Парижской выставки». Был мастером химического цеха. С декабря 1946 по октябрь 1947 г. — слушатель курсов переподготовки партработников ВПШ при ЦК ВКП(б)⁹. Освобождён от работы на Камчатке и отправлен в распоряжение Хабаровского крайкома ВКП(б) решением Секретариата ЦК от 15 июля 1949 г.

Гречко Алексей Митрофанович (19.04.1938, с. Тишковка Марковского района Луганской области), с сентября 1963 по декабрь 1964 г. первый секретарь Петропавловского ГК ВЛКСМ. Из колхозников. Отец (1913 г. р.) погиб в 1942 г. под Ленинградом. Украинец. Образование среднее специальное, окончил Лисичанское педагогическое училище; учитель начальных классов. В ВЛКСМ с марта 1953, в КПСС — с декабря 1960 г. Призван в СА в 1958, служил по 1960 г. в Петропавловске в погранвойсках; инструктор политотдела части по комсомольской работе. В 1960—1962 гг. — секретарь комитета комсомола Камчатского морского пароходства. Из характеристики за подписью секретаря КОК ВЛКСМ Сорокина: «...проявил себя только с положительной стороны». 29 января 1963 г. утверждён вторым секретарём Петропавловского ГК ВЛКСМ, 3 января 1964 г. — первым (фактически работал с 19 сентября 1963 г.). В бюро ГК, помимо других, в конце апреля 1964 г. входили секретари комитетов ВЛКСМ И. П. Худин (УТРФ), В. Байлюченко (автотрест), В. Е. Королёв (СРМЗ), Четвертаков. 12 декабря 1964 г. назначен заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации КОК ВЛКСМ.

Григорьев Борис, представитель Дальбюро РКСМ, прибывший на Камчатку в мае 1923 г. вместе с В. Соловьёвым. Произвёл следующее впечатление на чекиста Одляницкого: «Будучи комсомольцем, я встретился с одним из первых камчатских пионеров комсомольцем Григорьевым, который достиг в пьянстве полного апогея, напившись пьяным в Народном театре и оставленным посреди своего пьянства в первых рядах во время действия спектакля. Такой проступок Г. явился предметом обсуждения на общегородском собрании РКСМ, он раскаялся и дал собранию обещание впредь больше не пить». Точно не известно, он или *Конкордий Григорьев* возглавил организованный 17 июня 1927 г. в Петро-

павловске окружной совет СВБ, в который вошли: Мариманов, Новограбленный (так в протоколах), Панов, Фролов.

Григорьев Василий Михайлович (1906, Санкт-Петербург), в 1938 г. оперуполномоченный КОУ НКВД, лейтенант РККА. Из рабочих. Русский. Образование: семилетняя школа и Центрошкола ОГПУ, окончил в 1931 г. В ВКП(б) с 1930 г. С 1923 по 1926 г. — разно-рабочий в «Севзаплесе» и Ленинграде, затем до 1928 г. — на ленинградских предприятиях общепита. Служил в РККА. С 1932 г. — уполномоченный комендатуры ОГПУ Посьетского района ДВК, МКПП, морпогранотрядов и УГБ. В 1936 г. исключался из ВКП(б) за бытовое разложение. Его коллега *Е. П. Алексеева* говорила на партсобрании 26 июня 1937 г.: «Нервность, которую Г. допускает здесь, на собрании, излишняя. Г. надо понять, что мы его не допрашиваем, а указываем лишь на недостатки, чтоб он мог исправиться, причём недостатки эти граничат с прямым разложением как коммуниста, с элементами загнивания... Дело ведь не только в вашем пьянстве, а в том, что вы не разбираетесь в своих связях, допуская их с антипартийными людьми, которых мы репресслируем. Эти связи могут вас завести далеко от партии. Вы оторвались от нашего коллектива, избегаете общества чекистов, это поведение — не здоровое...» Постановление: указать Г. На закрытом партсобрании коллектива выяснилось, что он после голосования в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 г. в Петропавловском Доме партийного просвещения встретил жену репрессированного и имел с ней связь — она по его приглашению заходила к нему на квартиру. Кроме того, продемонстрировал «безобразно сверное поведение и цинично пошлую брань, ударил допрашиваемого белобандита револьвером по голове». 11 февраля 1938 г. ГК ВКП(б) утвердил исключение из партии. 14 апреля 1938 г. арестован, находился под следствием до 22 июля 1939 г. Дело прекращено по ст. 204-б УПК РСФСР. 1 августа того же года ГК восстановил его в рядах ВКП(б). На 1965 г. продолжал работать в КГБ. Реабилитирован постановлением прокурора КО 31 января 1990 г.

Григорьев Конкордий Васильевич, «главный троцкист» Камчатки 1927—1928 гг. Приехал сюда в июне 1927 г., то ли по собственному желанию, то ли будучи выслан за оппозиционные настроения. Сначала работал секретарём окружной стаховой кассы, завкультуротделом окрпрофбюро, затем инструктором Усть-Больше-рецкого РИК. В ВКП(б) с 1924 или с июня 1925 г. Якобы вёл разговоры с некоторыми совслужащими в духе троцкистской оппозиции в ВКП(б). В конце декабря 1927 г. Камчатское окрбюро

ВКП(б) предположило, что им создана оппозиционная группа из местных работников в составе: А. Я. Бабенко, А. Е. Выборнова, Г. М. Ионова, В. П. Коробовского, В. И. Мокроуса, А. С. Пестова, Н. С. Павленко, П. И. Пискуна, В. А. Пряникова и В. Д. Сквородько-Федотова. Г. к моменту расследования был «выслан в распоряжение Пермского прокурора (откуда он и приехал на Камчатку. — В. П.) как растратчик». 16 января 1928 г. из Далькрайкома ВКП(б) пришла телеграмма: «Срочно решайте дело гражданина Г. зависимости имеющихся материалов деректив XV съезда. Решение сообщите телеграфно. Сообщите конкретные действия фракционности гражданина Г. и куда выехал *Бабенко*». Обвинив в «организации оппозиционной группы на Камчатке, печатании и распространении антипартийных документов», Дальпартколлегия под председательством ответсекретаря Бейзаса 31 января 1928 г. исключила Г. из ВКП(б) без права вступления.

Громов Иннокентий Михайлович (умер в декабре 1919), *делегат второго Камчатского областного съезда 1918 г. от Петропавловска*. В 1917 г. — комиссар Командорских островов. В сентябре 1918 г., будучи преподавателем Усть-Камчатского приходского начального училища, огласил на втором съезде камчатских учителей от лица группы педагогов приветственный адрес П. Я. Суслыку с выражением благодарности «за его полезную деятельность в деле управления школами области и за заботу об учителях». Приказом комиссара КО от 31 октября 1918 г. утверждён товарищем председателя отдела народного образования. В мае 1919 г. стал исполнять обязанности управляющего Петропавловским, а через месяц — Анадырским уездом. Свергнут во время переворота, руководимого Мандриковым. Жена Г. — Евдокия Павловна Иванова вспоминала о тех событиях: «16 декабря к нам на квартиру, мы помещались в казённом доме, пришли Берзинь и Кулиновский. Было семь часов вечера. Берзинь сказал мне, чтобы я вышла из комнаты, я вышла в кухню и в окно заметила, что наш дом окружён вооружёнными людьми... Вскоре привели в наш дом и мирового судью Суздалева. Суздалев ночевал в нашем доме, а на другой день его и Громову перевели в квартиру Суздалева. Там пробыли они два дня, а затем их перевели в арестное помещение». По решению общего собрания жителей Анадыря от 20 декабря 1919 г., инициированного новой властью, расстрелян вместе с Суздалевым и секретарём управляющего уездом Иннокентием Толстихиным.

Гронский Алексей Михайлович (1916), с октября 1957 г. *председатель Усть-Камчатского РИК*. Образование: финансово-эконо-

мический техникум. В ВКП(б) с августа 1939 г. В апреле 1952 г. утверждён заместителем заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов КОК ВКП(б). В 1954 г. — заведующий отделом КОК КПСС. 1 октября 1958 г. ему и первому секретарю РК КПСС Семухину ОЖ указал на безразличное отношение к факту смерти в результате отравления уксусной эссенцией ученицы девятого класса Первозаводской школы вследствие издевательств над ней матери и её сожителя (райнарсад вынес ему оправдательный приговор). КОК КПСС обязал правоохранительные органы «довести до конца дело и передать в суд конкретных виновников», а РК КПСС — «улучшить воспитательную работу среди населения района и пресекать малейшие факты унижения человеческого достоинства...» Награждён орденом «Знак Почёта», тремя медалями.

Гросман Татьяна Трифоновна (1914, Петропавловск-на-Камчатке), в начале 1953 г. юрисконсульт Камчатского облсобеса. Русская. Образование среднее. В компартии с 1947 по 20 мая 1953 г. Из постановления бюро КОК КПСС: «Тов. Г. при приёме её в члены партии подробно не описала социальное положение своего отца и братьев, а партийная организация и Петропавловский ГК не проверяли данные, указанные в анкете и в автобиографии т. Г. Как сейчас установлено, отец её Новограбленов Трифон Иннокентьевич жил зажиточно, пользовался наёмной рабочей силой, являлся городским церковным старостой Петропавловска, четыре брата занимались контрреволюционной деятельностью, за что все они в 1934 г. осуждены. Кроме этого, в 1943 г. была осуждена за прогул на шесть месяцев с вычетом пятнадцати процентов из зарплаты... Постановление бюро Петропавловского ГК партии от 8 мая 1953 г. утвердить... из членов КПСС исключить, как случайно принятую».

Грундульс Константин Петрович (предположительно, 1879 — 18.03.1923), в конце 1921 г. начальник Охотского военного района. Капитан. Подчинённый начальника СЭО В. И. Бочкарёва. Продвигаясь с группой белых в составе девяти человек в направлении бухты барона Корфа, попал в засаду, организованную красноармейцами на середине пути между рекой Никол и селением Каменским. Был убит ординарцем Чубарова А. Д. Черновым, который затем женился на его супруге, взяв её вместе с сыном Г.; дальнейшая судьба которого неизвестна.

Грушко Владимир Ильич (1898), с марта 1944 г. заместитель секретаря КОК ВКП(б) по рыбной промышленности. Из служащих.

Еврей. Образование высшее техническое — рыбохозяйственное. В ВКП(б) с июля 1939 г. В 1919—1922 гг. участвовал в гражданской войне. В 1943 г. награждён орденом Трудового Красного Знамени за образцовое выполнение заданий Народного комиссариата обороны по снабжению РККА.

Грызлов Иван Дмитриевич (1882, д. Дубки Пословской волости Тульской губернии), кандидат к гласным третьей и четвертой и гласный пятой ПГД. Из крестьян. Образование домашнее. Ратник 1-го разряда. На Камчатке с 1910 г. После просоветского переворота 1920 г. — заведующий петропавловским продовольственным складом. В 1923 г. — секретарь Петропавловского горревкома. Женат, есть сын. Имел дом в Петропавловске. На 1 декабря 1925 г. — старший бухгалтер контрольного бухгалтерского подотдела городского финотдела, где работал с 10 мая 1924 г. Из служебной характеристики: «...с бухгалтерской работой знаком хорошо, работу любит, усидчив, настойчив, упрям, к совласти и компартии отношение скрытно враждебное». Произведённым 23 января 1931 г. обыском обнаружено: серебряных монет советской чеканки достоинством 50 коп. — на 158 руб.; мелкой разменной монеты той же чеканки — 70 коп.; царской чеканки один серебряный полтинник; золотых монет той же чеканки достоинством 5 руб. — 32 шт. Из обвинительного заключения от 11 февраля 1931 г.: «Всё серебро было упаковано в жестяной банке и тряпке и закопано во дворе дома в снегу на глубине полуметра. Золотые монеты были зашиты в пояс женской юбки. На первом допросе Г. не сознался, что у него имеются серебряные деньги, заявив, что никаких денег у него не имеется. Таким образом, Г. совершенно сознательно укрывал разменную серебряную монету, чем нарушил правила о валютных операциях. И лишь после его ареста и ряда последующих вопросов Г. признал, что у него имеется серебро, закопанное в снегу, каковое раньше у него хранилось дома, но после того, как начались производиться обыски органами ГПУ на предмет изъятия серебра, его жена якобы перепрятала в снег. Виновым себя в скрытии серебра обвиняемый... не признал, мотивируя тем, что в этом он ничего не видит преступного...» Привлекался по ст. 58-12 УК РСФСР. 18 июля 1931 г. ОСО при коллегии ОГПУ постановило: «Войти с ходатайством в Президиум ЦИК СССР о конфискации... отобранного серебра. Подписку (видимо, о невыезде. — В. П.) аннулировать. Дело сдать в архив». 18 августа того же года ходатайство удовлетворено. Арестован 26 февраля 1932 г. Осуждён 19 мая 1932 г. Тройкой ПП ОГПУ ДВК к ссыл-

ке в Западную Сибирь по ст. 58-10 УК РСФСР. Реабилитировал прокуратурой КО 19 февраля 1990 г.

Гуревич Аврам Яковлевич (1904), с февраля 1948 г. секретарь Петропавловского ГК ВКП(б) по пропаганде. Из служащих. Еврей. Образование высшее педагогическое. В комсомоле в 1922—1929 гг., в декабре 1927 г. вступил в ВКП(б). Трудовой стаж с 1920 г. В 1937 г. — преподаватель Камчатского педагогического училища. 9 мая 1937 г. назначен заведующим отделом агитации и пропаганды КОК ВКП(б). С 1945 г. — заведующий отделом пропаганды Петропавловского ГК ВКП(б). 29 декабря 1949 г. избран третьим секретарём Елизовского РК ВКП(б). Из протокола заседания бюро КОК ВКП(б) от 16 января 1951 г.: при вступлении в партию, а также при утверждении его на работу в партийный аппарат «скрыл от партии, что два брата его отца иммигрировали от Октябрьской революции в США, где и проживают в настоящее время... сообщил обкому ВКП(б) только 27 августа 1950 г. после того, когда узнал, что его брат, находящийся на партийной работе в Советской Армии, был привлечён к партийной ответственности и уволен... за скрытие биографических данных о родственниках... За скрытие биографических данных о своих родственниках — объявить выговор». Награждён медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За победу над Японией».

Гурин Иван Афанасьевич (1905, ст. Иннокентьевская), чекист. Русский. В РККА с 1927 г. В ВКП(б) вступил в 1928 г. С 1930 г. служил в погранвойсках. На Камчатке с 1930 по 1935 г. Контролёр, начальник МКПП в Петропавловске. В 1935 г. откомандирован в 7-й железнодорожный полк НКВД. При пересмотре «Тигильского дела» 22 апреля 1959 г. свидетель Емельянов показал: «Участвовали в следствии также Лапин, Гурин... Гурин — контролёр МКПП. Это человек, не имеющий ни достаточной подготовки в юридическом отношении, ни достаточно времени, чтобы вести следствие. Ему поручали отдельные действия и в то же время отрывали на другие задания. Естественно, эти люди делали своё дело, как умели, а умели они мало».

Гурьянов Фёдор Михайлович (1879, Пензенская губерния), согласно официальному списку, в феврале 1922 г. участвовал в охране Петропавловска от красных партизан. Из крестьян. Русский. Малограмотный. Чернорабочий. Женат на Федоре Константиновне Сидоровой. На Камчатке с 1910 г., работал по найму на строительстве телеграфной станции. До 1917 г. — сторож, почтальон,

затем по 1921 г. служил на почте, после чего грузчиком на пристани. В 1924 г. трудился на рыбалке, в 1924—1927 гг. — на ремонте почтово-телеграфной линии, в 1928 г. возил на своих лошадях почту, с 1929 г. — извозчик. Арестован 25 февраля 1932 г. Обвинялся по ст. 58-10 УК РСФСР. Высказывания Г. 1932 г., по словам свидетелей: «Теперь жить в десять раз хуже стало, чем при царизме. Раньше в России было всего много, всем хватало, а теперь ничего нет. Довели коммунисты до того, что с такой богатой страны, как Россия, сделали страну нищую, страну голода...»; «Власть взяли жидаы и, что хотят, то и делают с русским народом и жаловаться некому... Бедный народ, как он терпит, так дальше жить нельзя... Выдумывают какие-то займы, я на этот займ писаться не буду, лучше пропить эти деньги, эти деньги идут на жалование коммунистам, пусть они сами пишутся». Утверждал, что в 1919 г. во Владивостоке помогал прятаться от белых камчатскому большевику И. Е. Ларину. После 1917 г. имел дом, корову, лошадь, свинью. При обыске в 1931 г. у него дома обнаружили сорок серебряных советских полтинников и столько же полтинников царской чеканки. Заявил: «Жена могла от меня об них скрыть, так как я часто выпиваю, и она от меня деньги скрывала». Постановлением секретно-политического отдела Камчатского ОО ОГПУ от 4 апреля 1932 г. дело прекращено. Из-под стражи освобождён.

Давкиас Альфред, или *Альфонс, Францевич* (1893, г. Либава Курляндской губернии), на момент снятия и исключения из ВКП(б) и ареста как «врага народа» 5 сентября 1938 г. — *петропавловский городской прокурор*. Из рабочих. Литовец. Образование низшее. Слесарь. Вступил в ВКП(б) в 1925 г. В апреле 1933 г. — заместитель, а с 20 августа 1933 г. врид Камчатского областного прокурора, тогда же член областной контрольной комиссии. 23 марта 1934 г. снят с должности прокурора Усть-Большецкого района, переведён в народные следователи со строгим выговором с пред-упреждением и занесением в учётную карточку. Обвинялся по ст. 58-1а-7-8-11 УК РСФСР. Постановлением 440-й военной прокуратуры от 4 ноября 1939 г. дело прекращено, из-под стражи освобождён. 14 декабря 1989 г. реабилитирован прокуратурой КО.

Давыденко Юрий Константинович (1922), в 1974 г. директор *Петропавловского горпищеторга*. Русский. Образование высшее. В ВКП(б) с апреля 1945 г. Участник ВОВ. Награждён орденом Богдана Хмельницкого 3-й степени, двумя медалями «За отвагу», медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

Давыдов Борис, красный партизан КОНРК. По словам партизана И. Ф. Черепанова, Д. родился в Казани, там же окончил городское училище. Почтово-телеграфный служащий. Холост. Роста малого. «Перебежчик от белых». В партизанском отряде с апреля 1922 г. Было ему приблизительно двадцать четыре года. Погиб 2 июня 1922 г. в бою на Петропавловской сельхозферме. И. Ф. Черепанов рассказывал: «В ночь на 3 июня Д. принимал телеграммы по телеграфу. Выскочил из дома, когда дом был уже окружён белобандитами. Отстреливаясь, направился в лес, но был тяжело ранен...» Другой партизан Козырин вспоминал: «Белые расстреляли его в упор уже раненого...»

Давыдов Николай Михайлович (20 или 24.11.1901, г. Колпино Петербургской губернии — 22.09.1938, Петропавловск), с 28 марта по 22 сентября 1938 г. врид начальника УНКВД по КО. Из семьи рабочего-вальцовщика. Русский. Окончил ЦППШ и в 1917 г. шесть классов Колпинского реального училища. В комсомоле с 1919 г., в РКП(б) вступил 16 апреля 1920 г. В 1917 г. — рабочий в родном городе. В 1917—1919 гг. жил с отцом на станции Петухово в Сибири. До августа 1919 г. — кочегар железной дороги, затем скрывался от мобилизации в колчаковскую армию. После освобождения Кургана красными — там же помощник машиниста. С сентября 1919 г. — информатор транспортной Чрезвычайной комиссии (ТЧК). С августа 1920 г. — помощник, уполномоченный Петропавловской уездной ТЧК Омской железной дороги. Принимал участие в ликвидации Ишим-Петропавловского антисоветского восстания. С марта 1921 г. — уполномоченный по тяговому хозяйству ТЧК Николаевской железной дороги в Петрограде. Участник подавления Кронштадтского мятежа. 15 января 1922 г. назначен уполномоченным отделения Сибирской окружной ТЧК в Омске. 3 июня 1922 г. мобилизован в РККА, красноармеец 258-го Советского стрелкового полка 29-й стрелковой Вятской дивизии. 30 августа 1922 г. демобилизован. Затем на разных должностях в ТЧК и транспортном отделе ОГПУ в Омске и Томске, начальник особого отдела 21-й стрелковой Пермской дивизии, начальник особого отдела Ново-Николаевского губотдела ГПУ, служил в Белорусском военном округе, центральном аппарате ОГПУ, заместитель начальника особого отдела полномочного представительства ОГПУ по Крыму и одновременно начальника особого отдела 3-й кавдивизии. В сентябре 1934 г. отозван в отдел кадров НКВД СССР и направлен в распоряжение УНКВД по ДВК. С 10 ноября 1934 г. заместитель начальника, а с 22 октября 1937 г. — врид

начальника особого отдела Главного УГБ НКВД Приморской группы войск и начальник отдела УГБ УНКВД Уссурийской области. В сентябре 1937 г. — заместитель начальника, а 17 октября врид начальника УНКВД по Уссурийской области. С 28 марта 1938 г. — врид начальника УНКВД по КО. На 3-й облпартконференции избирался в президиум, а также вместе с *А. В. Дуболазовым* в члены пленума (9 октября 1938 г. 4-й пленум Петропавловского ГК ВКП(б) вывел Д. из своего состава «как врага народа»). Вторым пунктом резолюции той же конференции, составленной в августе 1938 г., значилось: «Мобилизовать парторганизацию области на дальнейшее повышение бдительности и на беспощадную борьбу по разоблачению и выкорчёвыванию всех гнёзд и последышей троцкистско-бухаринских шпионов, диверсантов и вредителей, как бы они не маскировались». 21 сентября 1938 г. Д. выстрелил себе в висок. На следующие сутки умер в больнице, похоронен в Петропавловске. При осмотре квартиры и служебного кабинета самоубийцы не обнаружено «ни одной бумажки, ни одного дела, ни одной заметки на календаре или где-либо». Вывод военного прокурора: к этой акции Д. готовился. Некоторые пытались придать самоубийству хмельной привкус. Так, 22 сентября на заседании бюро КОК ВКП(б) председатель КОИК М. А. Миронова заявила: «Д. не выпивал, как говорит тов. *Дуболазов*, а пил. Взять, к примеру, такой случай его выезда “отдыхать” за город в район дома отдыха, где он углубился в лес, напился пьяным, завязил машину, которую вытаскивали наши шофера, и отдыхающие после говорили: вот нализался начальник...» Секретарь парткома НКВД *Дуболазов*, понятно, не оправдывал своего бывшего начальника, он сообщил, что тот «пользовался противозаконными методами работы, очевидно, полученными им при инструктаже при отправке на Камчатку (к отдельным подследственным на время допроса применялись наручники)». Чекиста больше заботило иное — как предотвратить быстрое проникновение слуха о самоубийстве главы КОУ НКВД к арестованным, что «вредно может отозваться на дальнейшей работе». Постановление бюро КОК ВКП(б) трактовало поступок Д. в духе времени — «акт вражеского выступления, направленного против партии и советской власти». В книге «Во благо Державы... 80 лет органам государственной безопасности Камчатки» отмечается, что Д. застрелился, «ожидая ареста». Как докладывал на бюро КОК ВКП(б) 16 октября 1938 г. военный прокурор *Вассергиссер*, «он что-то ожидал, видимо, знала и его жена, так как она писала своей девочке, оставшейся здесь: “Если

папу арестуют, то телеграфируй в Москву бабушке «папа заболел», продай вещи и сама выезжай в Москву”...» Звания: капитан ГБ (27.06.1936). Ведомственные награды, боевое именное оружие (19.12.1927; 1932).

Давыдов Павел Иванович (1916—2002), с апреля 1969 по 1980 г. председатель парткомиссии КОК КПСС. Русский. Образование неполное высшее. В ВКП(б) с августа 1941 г. Участник войны с Японией. В 1960-е гг. — заведующий отделом партийных органов КОК КПСС. С 1980 г. — заведующий Камчатским учебно-консультационным пунктом Хабаровской ВПШ. С 1983 г. до середины января 2000 г. — председатель областного совета ветеранов. Награждён орденами «Знак Почёта», Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За трудовую доблесть». Пенсионер союзного значения.

Давыдова Евдокия Ивановна (1905, г. Лубны на Харьковщине — 31.08.1942, Петропавловск-Камчатский), *противница советской власти*. Отец рабочий, мать из дворянской семьи. Украинка. Образование среднее. До Петропавловска жила в Ленинграде. На момент ареста 20 сентября 1941 г. — старший бухгалтер Сельхозснаба. Словесный портрет, находящийся в деле: худощавая, тонкая, плечи опущенные, шея длинная, цвет волос тёмно-русый, лицо овальное, лоб низкий, нос большой, спинка носа выпуклая, с горбинкой, рот маленький, губы тонкие, на правом плече родинка. На допросах не отрицала негативного отношения к политическому режиму, компартии и порядкам в СССР. 13 мая 1942 г. написала на стене камеры: «Красив и дивен советский герб,/ В нём есть и молот, есть и серп./ Жни и куй,/ А заработаешь лишь рыбий...» С 20 мая объявила голодовку. В составленном 5 июня 1942 г. заключении говорилось: «...систематически проводила в резко враждебной форме антисоветскую агитацию, направленную на дискредитацию существующего советского строя, жизни трудящихся СССР, при этом восхваляя жизнь в дореволюционной царской России. В резко враждебной форме высказывалась по отношению членов Политбюро ЦК ВКП(б) и правительства, плевала на портреты, клеветала на советские законы. Будучи под стражей, написала антисоветские лозунги...» Один из них: «ВКП(б) — это Всероссийское крепостное право большевиков». В следственном деле Д. зафиксировано её пророчество: «Пройдёт несколько десятков лет, и история заклеит, как инквизиторов, виновников этих жестокостей, бесчеловечного отношения к людям, этих бедствий советской страны, и люди, читая об этом, будут возмущаться,

подобно тому, как возмущаемся мы в настоящее время, читая историю средних веков, когда сжигали на кострах...» Камчатский областной суд удовлетворил просьбу прокурора Зубова, вынеся приговор (за подписями председательствующего Дочкина, народных заседателей Аристарховой и Кислова), где после меры наказания следовала конфискация имущества. Подавать кассационную жалобу подсудимая отказалась. Но ходатайство о помиловании Москва всё же рассмотрела и приговор оставила в силе. Из акта УНКВД от 31 августа 1942 г.: «Я, комендант КОУ НКВД Кашин, в присутствии помощника областного прокурора Левшина, начальника специального отделения УНКВД по КО младшего лейтенанта *Андреева* и ст. ВТК УНКВД Камчатской области Гончарова сего числа в 22 ч. 30 м. — на основании Постановления Президиума Верховного Совета СССР от 20 августа с. г. — привёл приговор во исполнение на Давыдову Евдокию Ивановну, 1905 г. р., осуждённой Камчатским облсудом 25/VI-42 г. по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР к ВМН — расстрелу». Реабилитирована судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РСФСР 30 мая 1989 г. Дело прекращено «за отсутствием в её действиях состава преступления».

Давыдова Нина Николаевна (1931, Свердловск), с 1967 г. второй, а затем первый секретарь Усть-Камчатского РК КПСС (по предложению *В. И. Алексеева* на пленуме РК 16 ноября 1969 г.). Русская. Образование высшее: окончила Московский финансовый институт, в 1967 г. — ВПП при ЦК КПСС. В 1956—1959 гг. — кредитный инспектор Елизовского отделения Госбанка. По 1962 г. — управляющая Олюторским отделом Госбанка. В 1967 г. — инструктор орготдела КОК КПСС. В 1972—1973 гг. — заместитель заведующего орготделом КОК КПСС. В 1973—1975 гг. — секретарь КОИК. В 1975—1987 гг. — заместитель председателя КОИК. С 1 апреля 1987 г. — пенсионер союзного значения. Награждена орденами Трудового Красного Знамени (1971), «Знак Почёта» (1976), медалью «За трудовое отличие» (1960).

Дайн Исаак Иосифович (1906, Вознесенск), с 17 ноября 1937 г. председатель Камчатского облрадиокомитета. Из рабочих. В 1917—1921 гг. учился, окончил «шесть групп». Член ВКП(б) с 1930 (и с апреля 1939 г.). В 1921—1924 гг. — помощник мастера и мастер-мыловар. В 1925 г. принят в комсомол, по 1927 г. — на профработе в Первомайске и Гайвороне. В 1928—1930 гг. — боец, командир отделения РККА. В 1930—1931 гг. — в ДВК на профработе в Биробиджане и Хабаровске: председатель райпрофсовета, секретарь крайправления Союза сельхозрабочих. С октября 1931 г. на

Камчатке. Председатель окрсовета животноводческих совхозов, зав-культотделом, секретарь окрсовета профсоюзов. Из протокола парт-чистки 1933 г.: «Гейман: “Авторитетом пользуется, членом партии быть достоин”». Чистку прошёл, оставлен кандидатом партии. С мая по сентябрь 1937 г. — директор парка культуры и отдыха в Петропавловске. В июне 1940 г. отказано в просьбе послать на учёбу. В октябре того же года исключен из ВКП(б) «за дезертирство с Камчатки». Восстановлен Хабаровским крайкомом. Учётная карточка отправлена во Фрунзенский РК ВКП(б) г. Куйбышева.

Данько Трифон Дмитриевич (1884, слобода Кривоносова Рос-сельшанского района Воронежской губернии), в 1934 г. член петропавловской баптистской общины, возглавляемой Блунштейном и Шамриным. Из крестьян-бедняков. Украинец. Малограмотный. Беспартийный. Кузнец пожарной команды АКО. Женат. Жил по адресу: Петропавловск, Акоград, землянка № 56. До революции имел землянку, корову и свинью. Арестован и судим в один день с Блунштейном тем же органом по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговорён к трём годам концлагеря. Дата реабилитация та же.

Дарузе Гай Владимирович (1925), с 1969 г. по декабрь 1974 г. начальник Камчатского УВД. Русский. В КПСС с октября 1952 г. Участник ВОВ. Награждён десятью медалями.

Дауберт Андрей Андреевич (1936), с января 1989 г. заведующий Петропавловским городским отделом народного образования. Немец. Окончил Омский педагогический институт (учитель немецкого языка). В КПСС с мая 1971 г. На советскую работу принят в 1982 г.

Девяткин Геннадий Петрович (29.08.1948, Владивосток — 28.04.2002, Петропавловск), с 1986 г. председатель Быстринского РИК, затем глава администрации этого района. Из рабочих. Русский. В 1971 г. окончил Петропавловск-Камчатское мореходное училище, в 1977 г. — с отличием Хабаровскую ВПШ. В КПСС с февраля 1971 г. Прозаик, член Союза писателей СССР с мая 1991 г. Автор книг «Держим курс на вулканы» (1980), «За месяц до весны» (1989), «Камчатские рассказы» (1998).

Дедков Василий Родионович (20.03.1907, г. Добруш, Белоруссия), с 5 ноября 1947 по 2 августа 1949 г. председатель КОИК. Русский (белорус). Образование среднее. В ВКП(б) с марта 1927 г. Начинал чернорабочим, служил на флоте, в 1931—1933 гг. — на комсомольской работе в Керчи, там же до 1938 г. начальник морского порта, директор рыбокомбината. С 1938 по 1939 г. — директор рыбокомбината им. Микояна на Камчатке, в 1939—1943 гг. —

заместитель начальника АКО. В 1943—1945 гг. — командирован в США как уполномоченный Наркомрыбпрома по закупке и отгрузке снабжения для рыбной промышленности. В 1945 г. в Вашингтоне окончил три курса техникума английского языка. В 1945—1947 гг. — заместитель начальника Главкамчатрыбпрома.

Дельсаль Юрий Михайлович, с 30 апреля по 27 августа 1922 г. редактор газеты «Камчатский листок». Во время конфликта между Н. А. Поляковым и Х. П. Биричем принял сторону последнего и даже стрелял в адъютанта генерала Полякова Татаровского, который обличал Д. в самозванстве: проехав в 1921 г. всю Советскую Россию под видом военнопленного, он в среде белых представлялся сначала офицером Ахтырского гусарского полка, потом корниловцем, затем петлюровцем. Служил чиновником для особых поручений особоуполномоченного Приамурского Временного правительства в Охотско-Камчатском крае и заведующим милицией. Покинул Камчатку на пароходе «Томск» вместе с Биричем 2 сентября 1922 г.

Дементьев Николай Николаевич (25.02.1937, г. Саратов), с февраля 1985 г. уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по КО. Из служащих. Образование высшее: окончил Саратовский педагогический институт, по профессии преподаватель физики и основ производства средней школы. В ВЛКСМ с 1953 г., в КПСС — с марта 1963 г. В 1959—1960 гг. — учитель физики в школе в с. Петровка Луганской области. В 1960—1961 гг. — в Ялтинской школе рабочей молодёжи № 1. В 1961—1963 гг. служил в СА. С 1963 по 1968 г. — снова в Ялте, трижды избирался секретарём школьной парторганизации. В 1968—1971 гг. — учитель физики и одновременно секретарь партийной организации Тиличикской школы-интерната. С июля 1971 г. — инструктор, а с июля 1972 г. — заведующий отделом пропаганды и агитации Олюторского РК КПСС. В 1973—1975 гг. учился в Хабаровской ВПШ. С июля 1975 по декабрь 1978 г. — заведующий агитационно-пропагандитским отделом Ленинского РК КПСС г. Петропавловска-Камчатского, затем по январь 1981 г. — инструктор, до февраля 1985 г. — заместитель заведующего отдела пропаганды и агитации КОК КПСС.

Демус Марк Николаевич, в середине 1920-х гг. начальник Охотской уездной милиции. Член ВКП(б) с 1925 г.

Демченко Владимир Васильевич (1939), в 1980-е гг. заведующий Домом политического просвещения, заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации КОК КПСС. Украинец.

Кандидат исторических наук. В КПСС вступил в августе 1956 г. Область научного интереса — политические репрессии на Камчатке периода культа личности И. В. Сталина.

Денисов Пётр Фёдорович (1898), в 1937—1938 гг. камчатский областной военный комиссар. Из рабочих. Русский. Образование низшее. Окончил курсы усовершенствования комсостава «Выстрел». В большевистской партии с марта 1919 г.

Денно Виктор Владимирович (18.08.1950, г. Очаков Николаевской области), в 1979—1982 гг. первый секретарь Петропавловского ГК ВЛКСМ (тридцать девятый по счёту). Из рабочих. Украинец. Окончил Одесский институт инженеров Морского флота в 1972 г. На комсомольской работе с 1973 г.

Дергунов Василий Андреевич (1932), в начале 1970-х гг. первый секретарь Алеутского РК КПСС. Русский. Образование высшее. В КПСС с ноября 1960 г. В 1983 г. — председатель Ленинского районного комитета народного контроля г. Петропавловска.

Деревянко Пантелеймон Викулович (1910), с конца июля 1950 г. заместитель начальника КОУ милиции. Украинец. Образование семиклассное. Вступил в ВКП(б) в декабре 1941 г. Награждён орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За победу над Германией», «За победу над Японией».

Деркачёва Прасковья Михайловна (1916), с ноября 1953 г. заведующая отделом школ КОК КПСС. Русская. Образование высшее педагогическое. В ВКП(б) вступила в марте 1942 г. В ноябре 1963 г. — заместитель заведующего идеологическим отделом КОК КПСС. Награждена орденом «Знак Почёта», четырьмя медалями.

Диордиенко Елена Васильевна (1912), с августа 1949 по 18 апреля 1956 г. заведующая Камчатским областным отделом народного образования. Переведена на другую работу по личной просьбе. Из крестьян. Русская. Образование высшее: в 1937 г. окончила исторический факультет Московского педагогического института. Вступила в ВКП(б) в марте 1944 г. Трудовой стаж с 1937 г. На посту завоблоно заменила И. Ф. Вихляева, освобождённого по состоянию здоровья. В октябре 1952 г. вынесен строгий выговор как «зажимщице критики» и за непреодоление угодничества и подхалимства. В ноябре 1963 г. — директор областного института усовершенствования учителей. Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За победу над Японией».

Дмитриев Василий Петрович (1922), с 11 января 1962 по 23 мая 1973 г. редактор газеты «Камчатская правда». Русский. Образование высшее. В ВКП(б) с октября 1944 г. Участник войны с Японией. В 1970-х гг. работал главным редактором областного Дома радио. Награждён двумя медалями.

Дмитриченко Владимир Иванович. (15.09.1937, Астрахань), с 3 декабря 1961 г. первый секретарь Петропавловского ГК ВЛКСМ (тридцать второй по счёту). Русский. Образование высшее, в 1960 г. с отличием окончил факультет промышленного рыболовства Астраханского технического института рыбной промышленности и хозяйства, инженер-механик. В КПСС с марта 1963 г. В 1960—1961 гг. — инженер отдела спецработ теплоэнергетической группы института «Дальгипрорыбпром». В начале 1970-х гг. — заведующий промышленно-транспортным отделом Петропавловского ГК КПСС. В конце 1970-х — начале 1980-х гг. — председатель Ленинского РИК г. Петропавловска. Награждён орденом «Знак Почёта».

Добровольский Иннокентий Дмитриевич, с 19 марта 1917 г. помощник областного комиссара, делегат первого и второго Камчатских областных съездов, избранный на них членом областного комитета; председатель третьей 1919 г. и четвёртой ПГД 1920 г. В 1916 г. исполнял обязанности областного агронома. Коллежский секретарь. В воскресенье 13 ноября 1916 г. сыграл студента Радикалова в одноактной миниатюре Чуж-Чуженина «Танцулька». 5—7 июля 1918 г. во Владивостоке вместе с А. Д. Батуриным и И. Г. Поддружиным при участии представителей Командорских островов Ткаченко и Кияшко произвёл торговлю пушниной, заготовленной островитянами. 5 октября 1918 г. вместе с Н. И. Болтенко был уполномочен представлять КО на краевом соединённом заседании уполномоченных земств и городов, организованном Приморским Земством и Владивостокской городской управой из представителей Приморской, Амурской, Забайкальской, Сахалинской и Камчатской областей. В конце 1918 г. издал приказ, объявляющий ранее выпущенные распоряжения облкома недействительными. 6 июня 1919 г. по приказу Верховного уполномоченного Российского правительства на ДВ освобождён от должности помощника управляющего КО с препровождением следующего: «При этом считаю своим долгом выразить от лица службы Иннокентию Дмитриевичу благодарность за труды его по управлению Камчатской областью, которое в столь тяжёлое время являлось особо ответственным и трудным. Верховный уполномочен-

ный *Хорват*». 18 января 1920 г. ВВРК приглашает его на службу, «поручив заведование канцелярией». 24 января 1920 г. восстановлен в должности областного агронома, упразднённой при Н. Н. Червлянском. Осенью 1920 г. избран в Народное собрание ДВ, зимой 1921 г. — в Учредительное собрание ДВР, а летом того же года — в Учредительное собрание Приамурского края от Петропавловска. В 1938 г. *С. А. Бушуев* говорил о высылке Д. с Камчатки после окончательного установления советской власти. По сведениям приморского историка А. Хисамутдинова, последние дни провёл в Хабаровске и Владивостоке. Автор многих работ (вплоть до 1936 г.) по экономике. Сотрудник «Энциклопедии ДВК» (раздел «Рыбная промышленность»). Возможно, репрессирован.

Добровольский Семён Лукич (1894, с. Степановка Иркутской губернии — январь 1934, Хабаровск), согласно официальному списку, в феврале 1922 г. участвовал в охране Петропавловска от красных партизан. Из крестьян. Русский. Малограмотный. Рыбак из Усть-Камчатска. Арестован 25 мая 1933 г. по делу «Автономная Камчатка». Приговорён по ст. 58-2-11-12 УК РСФСР к ВМН с конфискацией имущества (денег). Расстрелян. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. ВТ ДВО.

Докало Семён Михайлович, красный партизан КОНРК. На Камчатке с 1918 г. В большевистскую партию вступил в 1920 г. При власти КОНРК старший народный охранник (милиционер), помощник Н. П. Фролова. В октябре 1921 г., по данным историка А. П. Пирагиса, помогал ему перевозить оружие, боеприпасы и продовольствие на партизанскую базу в районе Халактырского озера. В 1923 г. — начальник Усть-Большерецкой волости милиции. Вскоре выехал на материк.

Долган Николай Семёнович (1865, р. Гижига, Пенжинский район Камчатской области на 1940), *шаман*. Из оленеводов. Ламут. Жил в с. Аянка. Арестован в январе 1940 г. На заседании Корякского окружного суда 13 апреля 1940 г. обвинялся по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР. Обвинения отверг. «Виновным себя признаю в том, что я занимался шаманством до советской власти, также и при советской власти, начал шаманскую деятельность с малых лет. Шаманство заключается в том, что я вылечивал больных при помощи бубна. Если шаманю у богатых и вылечиваю больного, то беру два оленя за работу шаманства, иногда беру только камуса оленьи, готовые вещи не брал, потому что у меня жена шила сама. Были такие случаи при моём шаманстве, что некоторые больные, мной лечимые, умирали, а большинство вылечивалось. Плату за

лечение больного брал тогда, когда уже пошаманю. Местному населению я не говорил, что в больницу не ходите, а я сам буду лечить, этого я никому не говорил. Я себя не считаю кулаком. Батраки сами ко мне приходили, и я их не звал, как, например, Долган Павел Ильич, Делянский Василий Ильич, Долган Павел Васильевич, Тоненькевьев, последний работает в настоящее время...» В приговоре суда (восемь лет лишения свободы) записано: «До возбуждения настоящего дела имел четырёх батраков, но в настоящее время имеет только одного, который отработывает себе бесплатно жену». Из кассационной жалобы Д. в Верховный суд РСФСР: «...В 1939 г. в сентябре я съел мухоморы и допустил антисоветские слова о том, что не подчинялся советской власти, не подчиняться издаваемым законам... Работавшие батраки у меня — эти люди были, как бродячие. Зная, что у меня всегда бывает хлеб, сахар, масло, крупа и частенько бывает выпивка (бреска), эти люди примкнулись к моему хозяйству и начали работать по своей собственному желанию. Те батраки, которые у меня работали, ели мою пищу. Ихние запросы я всегда удовлетворял — давал им ездовые олени, а также шкуры оленей для одежды. При убое оленей я делил всем, кто нуждается, мясом. А также шкурами для обуви. Я не считаю себя кулаком, когда у меня всего триста голов оленей. С сыновьями пятерьми всего насчитывается триста голов, которые живут самостоятельно». Жалоба оставлена без удовлетворения. Реабилитирован Верховным судом РСФСР 6 июня 1990 г.

Долгов Николай Дмитриевич (1903), в 1929 г. начальник Анадырского контрольного поста ОГПУ. Из рабочих. Вступил в ВКП(б) в 1927 г. На партсобрании затронул вопрос о тяготах службы: «Лёд для воды из-за отсутствия собак возить не на чём было, приходилось пользоваться снегом, который смешан с золой и шерстью. Солонина нам надоела. Свежего мяса доставалось мало. Привезённые овощи погнили из-за климатических условий. Из круп была привезена только гречневая. Смазки для сапог не было».

Долгов Семён Александрович (1903), в 1938—1941 гг. председатель Камчатского областного суда. Образование: три класса сельской школы, высшие юридические курсы. В ВКП(б) с 1926 г. Состав областного суда при нём, утверждённый КОК ВКП(б) 22 февраля 1941 г.: заместитель председателя Н. С. Александров, члены П. Н. Дочкин, Е. П. Егорова, К. Ф. Ткачук, М. Я. Коровникова, А. А. Сумароков.

Домман Александр, или (как он самоназвался в начале 1920-х гг. Интернационал) Александрович, сотрудник ГПУ—НКВД. 9 фев-

раля 1924 г. в автобиографии рядового члена гражданской ячейки горрайорганизации РКСМ писал: «Родился я в 1902 г. в августе месяце числа 18-го в Москве в семье пианиста, бывшего немецкого подданного, уроженца г. Бронницы, прописавшегося затем в Москве Александра Григорьевича Доммана. Дед мой, уроженец Пруссии А. К. Домман был скрипач, кончивший консерваторию. В моём роде, по словам отца, все были музыканты: люди музыки. Сам я страшно люблю музыку. Ни дед мой, ни отец на государственной службе не служили. Дед умер давно. Отец служил у Александра III в полковой музыкантской команде капельмейстером. Названия полка не знаю. По словам матери, отец в 1905 г. якобы попал под военно-полевой суд за устроенное им возмущение и за причастность к каким-то кружкам, но почему-то до сих пор жив — с ним ничего не сделали. Семья моя сейчас находится на станции Ундол Московско-Нижегородской железной дороги. Там моя мать Евдокия Тимофеевна, шестидесяти семи лет, происходившая из крестьянок Коломенского уезда, безграмотная, занимается по дому. Сестра Люба, двадцати лет, служит машинисткой на фабрике Лакина на той же станции. Отец Александр Григорьевич, около семидесяти лет, до сих пор не может расстаться с пианино — служит пианистом на той же фабрике при клубе. С семи лет я начал учиться в разных начальных школах. Закон наследственности моего рода “алкоголизм” не отразился на моём интеллекте — я учился хорошо. С 1914 г. я, переехав с семьёй в г. Владимир, так как в Москве было трудно жить, по инициативе отца поступил в реальное училище и, как шедший вторым или третьим учеником, вступил в отряд “бойскаутов”. К началу революции получил звание скаут-мастера». Подробнее об этом Д. рассказывает в анкете от 21 января 1924 г.: «...Являясь скаут-мастером г. Владимира в 1916—1917 гг., я подал заявление в краевую дальневосточную штаб-квартиру в г. Чите в апреле 1923 г. по её объявлению в прессе об учёте скаут-мастеров. Получил анкету от таковой и по заполнении её передал в штаб-квартиру, но работать не пришлось, так как в мае месяце уехал в губотдел ГПУ на Камчатку. Связи с квартирой не имею. Могу вести во всём объёме работу с отрядом юных пионеров, так как хорошо знаком с системой “Скаутинг” (известного генерала английского Баден-Поуэлла) и программой “ЮКИ” от 1920 г. и брошюрой “Бой-скаутизм” и “РКСМ” Крупской, издания 1923 г.». В этой же анкете Д. оговаривается, что основной профессии у него нет. «Работал на Рязанской-Владимирской железной дороге простым

чернорабочим. Имею в силу своего образования (четыре класса реального училища в г. Владимире) некоторые познания по канцелярской волоките. Знаком немного с электротехникой (теоретически)... Особливый интерес проявляется к изучению марксизма». Большая часть автобиографии посвящена служению делу революции. «С 18-го года я пошёл добровольцем в Красную Армию: вступил в Минске в 16-й Советский смоленский полк. Это было 1 февраля 1919 г. В этом же полку был и мой двоюродный брат Коля Рябков. Второй двоюродный брат Александр Зубкевич был комиссаром полка. Через несколько месяцев я заболел тифом, сперва возвратным, а затем сыпным. В начале 1920 г. я уже был в г. Иркутске и в рядах армии, вышедши из лазарета, снова дрался под деревней Усть-Куда, вышибая каппелевцев. В то время я был в конной команде, как её в то время называли “Команда анархистов”. Начальником команды был тов. Нога, по убеждениям анархист, и его помощник тов. Рожко Дмитрий, тоже по убеждениям анархист. Мы имели знамя своё: половина чёрного (вверху) и половина красного (внизу). В рядах этой команды я участвовал во многих операциях с дедушкой Каландаршвилилем, которого я хорошо знаю. У него я находился во 2-м эскадроне. Не помню, сколько боёв было у нас, но белогвардейцам досталось здорово. Иркутский район, Манджурские степи и другие районы деятельности Деда говорят сами за себя. Затем я попал в г. Багузин карроту (караульную. — В. П.), там был пункт № 4 госполитохраны. В конце 1920-го я вступил в организацию РКСМ по предложению товарищей-однослуживцев Мити Васильева, Васи Антонова и других. Приняли меня без стажа членом организации. Дали билет за № 19, от числа, не помню. Вскоре приехал инструктор краевого комитета РКСМ Сеня Крылов, каковой находился в г. Верхне-Удинске. От него я много понял и узнал, что такое РКСМ, так как ранее до него у нас работники были слабоваты. Вступил я, хорошо сознавая, что не всё же время будет длиться фронтовая полоса, где я могу себя активно отдать за освобождение рабочего класса путём уничтожения буржуазии. Нужно, следовательно, получить более твёрдые политубеждения, нежели я имел в команде анархистов, где мы говорили только одно: буржуазию надо уничтожать не словами, не разговором, а штыком и пулей. С ней нельзя говорить салонным языком, с ней надо говорить лишь языком стали и свинца. Я от организации несколько раз ездил по ближайшим деревушкам, организовывая ячейки РКСМ. В 1921 г. в марте месяце я получил назначение ехать в г. Читу на командные

курсы краскомов». С мая 1921 г. служил в Читинском караульном полку, «неся очень много обязанностей... принимал две роты, конные заводы, пешие взводы». Приехавший туда в 1921 г. «инспектор пехоты по Сибири» приказал полковому командиру отправить его на курсы в Омск, но, пишет Д., этого нельзя было делать «по особым на то причинам». Далее в автобиографии значится: «в 1922 г. полк расформировался в батальон и влился в пришедший Читинский советский стрелковый полк. Последнюю должность в батальоне и полку я занимал секретаря военкома и делопроизводителя по секретной части. В августе месяце я стал служить в ПП ГПУ ДВО (видно, описка: не ГПУ, а госполитохрана. — В. П.), оттуда в мае месяце выехал на Камчатку». Среди читанного Д. в анкете упоминает брошюру А. Коллонтай «Новая мораль и рабочий класс». 21 августа 1923 г. на него возложили обязанности ответственного секретаря Петропавловского горрайкома РКСМ, но уже в феврале 1924 г. Д. именуется рядовым членом комсомола. 15 марта 1924 г. руководитель камчатских коммунистов Д. С. Бузин телеграфирует в Читинский Далькрайком: «Прошу сообщить, состоит ли в организации РКСМ Домман Александр, вносящий разложение в местную организацию... Временно ответственным организатором выдвинут Шавшуков...» 14 августа 1924 г. Д. назначен оторгом РКСМ по Усть-Камчатскому району. Что касается партийности, то, как он признавался сам, ходил в кандидатах РКП(б) с 6 июня 1921 по апрель 1923 г. и «механически выбыл за неуплату членских взносов». В 1923 г. развернулась дискуссия, «навязанная партии Троцким», участие в которой Д. отрицал. Из письма члена ВКП(б) Бодрова (Усть-Камчатск) от 27 апреля 1926 г. «Д. население ненавидит... Причины... в нетактичных поступках. Д. по несколько человек вызывал к себе в канцелярию для простраживания, иной раз по ничему не значащему делу... Оставаясь заместителем уполномоченного губревкома, не утвердил кандидатуру в предсельревкома, выдвинутую на общем собрании, а назначил по своему усмотрению некто Алекко, которого население не терпело. Население запротестовало о назначении Алекко и в силу необходимости т. Д. пришлось своё постановление отменить. Вообще своим неумелым подходом отношение у него и населения обострено...» Тогда же награждён грамотой КОИК. В 1926—1927 гг. служил в комендатуре погранотряда «помощником по секретно-оперативной части». Спустя десять лет Д. отверг обвинения в защите «контрреволюционных взглядов Троцкого» и недовольстве по поводу его высылки за границу. В 1930-х гг. некоторое

время — старший уполномоченный Лениноканского погранотряда. В ноябре 1935 г. в Баку демобилизован из 169-го полка НКВД. Переехал в КО. На момент ареста 8 июля 1938 г. — инспектор отдела актов гражданского состояния Чукотского окротдела НКВД. Обвинён по ст. 58-1а УК РСФСР: шпионаж в пользу Японии. 11 марта 1939 г. дело прекращено «за недостаточностью улик для предания суду». Известно, что в это время имел дочь Нонну. В мае 1940 г. работал в с. Мильково на авиаметеостанции Гражданского воздушного флота. Прожил в этом селе до смерти одиноким затворником, держа у дома на цепи собак. Был регулярным и аккуратным читателем местной библиотеки.

Домман Мария Лавровна (1904), супруга предыдущего с 1923 г. Ранее начальница скаутов. Беспартийная. 13 марта 1924 г. в полночь замечена в компании, нарушавшей тишину Петропавловска нетрезвыми голосами. Кроме неё, пели песни и всё время падали некий Бадаев и Христина Лосева, в доме у которой они справляли именины. В 1926 г. учительствовала в Усть-Камчатской волости.

Дроздовский Викентий Людвигович (19.03.1887, с. Конечно Влощевского уезда Кельецкой губернии), спиритист. Из крестьян. «До революции мои родители имели один дом деревянный, одну лошадь, одну корову, земли пахотной три гектара...» Поляк, но связи с Польшей не имел. Образование низшее. В 1915 г. воевал на Западном фронте рядовым, у Колчака — унтер-офицером в Ново-Николаевске с осени 1918 по июль 1919 г. В армии получил познания фельдшера, по специальности нигде не учился. Служил в качестве фельшера-дезинфектора. На Камчатке и в Усть-Камчатке с апреля 1920 г. Имел дом, коптилку и свинью. На момент ареста 2 января 1936 г. работал в своём хозяйстве. В числе изъятого у него находились шесть книг и тетрадей по теософии, тетрадь с записями по Евангелию, записные книжки-псалмы, записи сеансов спиритизма. При обыске у Т. Н. Чехлатовой обнаружено: «1) одна книга Феософия, 183 страницы, 2) одна книга Теософия для начинающих, 3) одна книга Теософия Новые мысли новые пути за № 6, 4) две тетради с записями по теософии, 5) евангельское стихотворение. Гражданка Ч. заявила, что три книги и две тетради по теософии принадлежат гражданину Дроздовскому, имя-отчество она не знает, он принёс гражданке Ч. почитать в ноябре 1935 г.» Д. показал в НКВД: «Спиритизмом я занимался для забавы, но не систематически, как это сказано в обвинении, и не придавая этому значения. Два или три раза у меня кое-кто собирался — несколько человек. Для забавы я им показывал спири-

тические приёмы. Правда, однажды был задан вопрос: будет ли война, блюдец ответило: война будет, победят союзники». На очной ставке с бывшей сожительницей Егоровой он уточнил: «...был ответ, что Советский Союз победят Япония, Америка, и Камчатка достанется Японии». Следователь спросил его о Сталине: «Говорили ли вы в присутствии Егоровой, что вы его не можете видеть, потому что он сволочь и глаза у него нехорошие, рабочие и крестьяне голодают, а на него смотри, и вы сожгли портрет т. Сталина?» Дроздовский: «Такого случая не было...» Егорова: «Д. мне говорил, что Сталин подлец, сволочь... сжёг со словами “пусть горит, кровосос”. У меня было несколько открыток Сталина, Молотова, Калинина, Куйбышева, которые он, Дроздовский, также сжёг в печи со словами: “Они в нашем доме не нужны”». На суде Д. себя виновным не признал. «Сознательно я против советской власти не шёл, если же были какие-нибудь разговоры, то по неосознанности. На меня все наклеветали, я вообще политикой не занимаюсь. Я сошёлся с одной женщиной, Егоровой, но она оказалась очень развратной и распущенной, поэтому я от неё отказался, а она по злобе на меня насплетничала, в этом ей ещё помогала её приятельница». Выездная сессия Спецколлегии ДВ краевого суда по КО под председательством *Д. И. Бобыкина* провела три заседания: 16 мая, 26 июля и 3 августа 1936 г. Первое слушание отложили, на второе не явились свидетели, и среди них посудница Усть-Камчатской комендатуры НКВД *Е. И. Егорова*. На третьем заседании она вспомнила: «При мне Д. занимался спиритизмом четыре раза. Когда я была на курорте, говорили — ежедневно». Приговор: десять лет тюрьмы по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР, за то, что «под видом спиритизма вёл систематическую антисоветскую агитацию против советской власти и вождя партии тов. Сталина». Хотя Д. и оправдывался на заседании 16 мая: «Был такой случай с портретом Сталина: в комод на месте зеркала был вставлен портрет Сталина. Уборщице Егоровой больше нравился портрет какой-то женщины, поэтому она вставила его в комод, а Сталина убрала. Портрет Сталина я не ругал и не жёг — это клевета. Я — человек верующий, от этого я не оказываюсь и сейчас, но вреда этим никому не причиняю. Выписки из духовной книги я делал в свободное от работы время. В этой же тетради у меня записи о болезни сына и его смерти». Реабилитирован в 1992 г.

Дубков Александр Фёдорович (1876, мест. Давид-городок Минской губернии), *гласный четвёртой ПГД* 1920 г. В конце января того же года — *заведующий училищами КО*, кандидат в члены

комиссии по установлению прожиточного минимума и месячного оклада, избран на межведомственном совещании представителей правительственных учреждений Петропавловска совместно с ВВРК (члены комиссии: *Борейша*, *Добровольский*, Кириллов, Кодылев). Окончил учительскую семинарию и Виленский учительский институт. В 1918 г. заведовал Тигильским ВУ. В середине июня 1921 г. привлечён к ответственности народной охраной (милицией) «за появление в публичном месте в пьяном виде». В служебных документах 1923 г., когда он был врио делопроизводителя отдела народного образования, о его отношении к советской власти говорилось: «До падения Колчака — выжидательно-неопределённое, после падения вполне сочувственное, и с готовностью оказать поддержку». И далее: «Д., как человек с серьёзным образовательным цензом, имеет громадный педагогический опыт, в совершенстве знает канцелярское дело и, безусловно, заслуживает назначения на более высокий и ответственный пост». В декабре того же года вычищен как «чуждый элемент».

Дуболазов Николай Васильевич (1908, на территории нынешней Нижегородской области), в 1938—1939 гг. помощник начальника отдела УГБ КОУ НКВД, лейтенант. Из рабочих. Русский. Образование среднее. В 1924—1930 гг. — член ВЛКСМ. С октября 1930 г. член ВКП(б). Отец умер в 1916 г., после чего семья выехала в Нижегородскую губернию, где Д. находился до 1923 г. Трудовой стаж с этого года. С 1924 по 1928 г. — на производстве, в 1928—1930 гг. на руководящей комсомольской работе. С 1931 г. — на хозяйственной работе. В 1932 г. поступил в ОГПУ, служил в Москве, на Украине. С 8 июля 1937 г. — член парткома КОУ, с 9 сентября 1937 г. — заместитель секретаря парткома, с мая 1938 — секретарь. Из выступлений на партсобраниях. 4 июня 1937 г.: «Вина работников УГБ... в том, что вопросы остро не ставились... доходили до обкома и дальше не шли. “Больших” людей не брали, боялись его “заслуг”. Примером этого явился Рябов. У нас в организации был морально разложившийся *Балкус*... Работали мы очень плохо и оправданий на нет». 30 октября 1937 г.: «Высокая политическая грамотность чекиста больше обеспечивает успешность его борьбы с врагами народа, повышает его бдительность, которая должна быть особо острой в период идущей подготовки к выборам в Верховный Совет и в ходе самих выборов». В июне 1946 г. откомандирован в НКВД СССР.

Дубровин Владимир, с 25 января 1934 г. председатель Камчатского областного совета Союза воинствующих безбожников.

В совет вошли: *Акшинский*, профсоюзный работник Кокурин, Куницын, Садовой. В начале 1930-х гг. — директор педагогического техникума. В 1936 г., в период проверки партдокументов, выяснилось, что он не тот, за кого себя выдаёт. Его настоящая фамилия Акулинин. Будучи белогвардейцем, попал в плен к красным, где взял чужую фамилию, скрыв своё прошлое казацкого сотника, «зверски расправлявшегося с большевиками». С документами Дубровина в 1925 г. вступил в кандидаты, а в 1927 г. — в члены ВКП(б). В списках жертв политических репрессий КО не значится.

Дудко Пётр Иванович (1887), 19 марта 1917 г. избран кандидатом к членам Петропавловского городского комитета, с конца 1917 г. по июль 1918 г. член Петропавловского городского и с 7 апреля 1918 г. кандидат в члены Камчатского областного совдепов. Из крестьян. Окончил четыре класса реального училища. Основная профессия — радиотелеграфист. В РКП(б) с 1920 г. До 1917 г. работал на Петропавловской радиостанции. 12 марта 1917 г. избран в комиссию по выяснению наличия предметов первой необходимости, через неделю — кандидатом в члены Петропавловского городского комитета. В марте 1918 г. — в редколлегии «Известий Советов...» *Бушуев* говорил о Д.: «...состоя членом областного Совета, с самого начала высказывался на заседаниях о непрременной организации Красной гвардии... о деятельности Лаврова, называя его на общих собраниях и в частных домах провокатором, а относительно Пурина, Суслыка, Рыбкина и других лиц даже высказывался о казни их. Участвовал в организации охранного отдела и военного комиссариата». При свержении совдепа в июле 1918 г. арестован и по постановлению чрезвычайного заседания Завойкинского волостного съезда от 2/15 июля 1918 г. выслан за пределы Камчатки. В 1920 г. — предствитель Камчатки в Центросибири. С 27 августа 1923 по 18 июля 1925 г. — председатель Охотского уездного ревкома, с октября 1925 г. — заведующий отделом местного хозяйства. И. Е. Ларин писал в 1926 г.: «Административные и организаторские способности у т. Д. имеются, которые при тяжеловатости и медлительности характера как бы ступёвываются. Инициатива есть. Подобрать работников умеет, но при камчатских условиях это сделать затруднительно. Деловое сотрудничество с работниками местхоза имеется... У т. Д. имеется стремление выехать на материк». Установить, когда Д. был заведующим собесом и председателем ревтрибунала, не удалось. В 1927 г. вместе с Лариным (председатель) и Слободчиковым входит в Комитет

содействия северным народностям. В конце 1920-х гг. — председатель Нерчинского горсовета.

*Дудоров Порфирий Иванович (1909), в июне 1940 г. врио начальника УНКВД по КО в звании младшего лейтенанта ГБ. Из рабочих. В ВКП(б) с 1928 г. Окончил строительный техникум. Заместитель начальника УНКВД, депутат Петропавловского горсовета. Выступая 3 марта 1940 г. на 4-й областной партийной конференции, привёл факты политических опечаток в «Камчатской правде». Из статьи т. Папанина в номере за 21 декабря 1939 г.: «...вдруг раздался новый взрыв аплодисментов невиданной силы. Под бурю оваций в зал вошли товарищ Сталин и члены Политбюро. Я дрожал от волнения. Радость переполнила моё сердце». Наборщица Корнеева вместо *радость* набрала *гадость*. Всё в том же декабре 1939 г. наборщик Череданцев в извещении, где состоится лекция «Марксизм и идеализм» набрал последнее слово её названия *идеатизм*. В речи т. Вышинского (Прокурор СССР) также искажение. Должно быть «всепобеждающая сила великих идей социализма», а набрали *всепобеждённая*. Постановлением бюро КОК ВКП(б) от 11 января 1941 г. (по письму о конфискации начальника экономического отдела, секретаря партбюро А. Л. Иванова и сообщению начальника КОУ Вацурина) Д. объявлен выговор. 20-го или 21 октября 1941 г. на 8-м пленуме Петропавловского ГК ВКП(б) выведен из состава бюро горкома в связи с выездом за пределы области. Награждён радиоприёмником от оргкомитета ВЦИК по Тульской области.*

Дулёбов Вениамин Анатольевич (1916), в 1940 г. заведующий канцелярией КОК ВКП(б). Из служащих. Русский. Образование неполное среднее. Принят в кандидаты ВКП(б) в 1940 г., в члены — в июне 1941 г. С сентября 1943 г. — заведующий сектором информации КОК ВКП(б).

Дунаев В. И., с мая 1940 г. начальник Корякского окружного отдела НКВД. 13 августа того же года принял по акту от оперуполномоченного Гавриленко дела, в том числе агентурной сети (личные и рабочие). Двенадцать из семнадцати осведомителей проживали в Палане, все проходили под псевдонимами: «Юшин», «Алексеев», «Сергеева», «Архипыч», «Чайка», «Оседлый», «Быстрый», «Орёл», «Иванов», «Коробкин», «Оленевод», «Саша», «Лебедь», «Васин», «Барс», «Мотор», «Машинка».

Дунай Григорий Васильевич (1906), в марте 1940 г. камчатский областной военный комиссар. Украинец. Родной язык русский. Образование среднее. В ВКП(б) с 1931 г.

Дусеев Константин Константинович (1902), в 1929 г. начальник Усть-Камчатского МКПП. Из служащих. До 1917 г. учился. Образование среднее. В РКП(б) и РККА — с 1920 г. В ОГПУ поступил в 1921 г. Титаренко характеризовал его как настоящего аскета: «...ел всухомятку, никаких удобств в квартире. Коммунисту так жить нельзя, надо озаботиться жить более культурно, щадить хотя бы своё здоровье... Один из самых дельных коммунистов... В нарушении коммунистической этики не замечен... связи с чуждым элементом не наблюдалось». То же в характеристике при партчистке 1929 г.: «С чуждым элементом не якшается». Отмечалось, что иногда употребляет спиртные напитки, «временами находит пассивность, как к служебным, так и партийной работе, обуславливается тягой на материк».

Дьяконов Гурий Парфёнович, кандидат к членам Петропавловского городского комитета первого состава от 6 марта 1917 г., гласный второй ПГД, делегат второго Камчатского областного съезда 1918 г. от селения Коряки. В начале 1917 г. — доверенный фирмы «И. Я. Чурин и К^о».

Дьячков Иван Михайлович (1899, с. Марково на Чукотке — 8.03.1938, Петропавловск-Камчатский), участник июльского антисоветского переворота 1918 г. в Петропавловске, делегат мильковского трёхволостного съезда, избранный на съезде Завойкинской волости 27 марта 1922 г. Чуванец-кочевник. Окончил Петропавловское ВНУ. Отцовская собственность: дом в Анадыре, двадцать четыре собаки. 2 декабря 1922 г. Н. П. Фроловым был выписан ордер на его арест как «видного контрреволюционера». Вскоре освобождён. В 1933 г. осуждён на девять месяцев за пьянство. Жена (Крупенина Мария Васильевна) развелась с ним в 1929 г. По показаниям В. Г. Крупенина 1933 г., принимал участие в аресте совдеповцев вместе с ним самим, В. А. и А. В. Крупениными, охранял красных в тюрьме. Взят под стражу 8 октября 1937 г., будучи жителем села Сероглазка. Обвинён в контрреволюционной агитации, принадлежности к организации «Автономная Камчатка» и тесной связи (с 1931 г.) с японской резидентурой. Приговорён к ВМН с конфискацией имущества Тройкой УНКВД по ДВК 1 февраля 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован 20 ноября 1963 г. Камчатским областным судом.

Дыптан Иван Дементьевич (43 года в 1931), в 1918 г. советский работник, в 1922 г. красный партизан КОНРК. Украинец. Грамотный. По словам Бушуева, во время поездки по восточному побережью Камчатки «производил агитацию против областного

комитета и раздавал всевозможные воззвания советской власти». После переворота в июле 1918 г. выселен вместе с другими «советчиками» за пределы Камчатки. Вернулся в Петропавловск 18 августа 1918 г. на пароходе «Монгугай» по пропуску Приморской Земской управы, был задержан, но бежал. С приходом к власти ВВРК, 3 марта 1920 г. избран в его политколлегию. В начале 1930-х гг. жил в с. Колыгирь, занимался рыбной ловлей. Семья из трёх человек.

Дюпин Степан Афанасьевич (1876, с. Починок Ледненцовской волости Глазовского уезда Вятской губернии), *противник советской власти*. Русский. Образование: ВНУ экстерном. Неимуций. На Камчатке с 1914 г., с июля — заведующий почтово-телеграфным отделением «Тигиль». В последующие (до 1917) годы за усердную работу произведён в чиновники 3-го разряда. Оказывал помощь белоказачьему отряду полковника Алексева во время пребывания такового в Тигиле в 1922 г. С приходом советской власти снят и переведён в Утхолок, где почтово-телеграфным отделением заведовала его дочь Мария. Восстановлен в должности, в которой проработал до 1928 г., затем — рядовым служащим «за неимением почтово-телеграфных работников». Арестован 17 марта 1933 г. в Петропавловске. Обвинялся по ст. 58-10 УК РСФСР. Согласно показаниям свидетелей, в начале марта 1932 г. после ареста зятя Кирилюка говорил: «Сейчас сажают безвинных людей и мучают. Раньше этого не было. Сейчас даже опасно чего-либо иметь, ибо расчистят быстро...»; в августе 1932 г.: «До каких пор ГПУ будет издеваться над народом, у нас в Петропавловске многих арестовали, а за что неизвестно... Крестьян арестовывают, считая их кулаками за то, что нажитое своим трудом. Всё это у них отбирают, а семьи оставляют на произвол судьбы, и живи, как хочешь...»; в конце того же года: «Раньше при царском строе жилось лучше, а теперь нам, чиновникам, жизни при этой советской власти не стало. Жалование дают очень маленькое, а цены на товаро-продукты с каждым днём поднимаются...»; в январе 1933 г.: «Ну и жизнь настала, нигде ничего нет, кушать нечего. Если так будет продолжаться, то совсем подохнешь... Сейчас хорошо живётся партийцам и ответработникам...»; в конце февраля 1933 г.: «Камчадалам достаётся ездить на охоту, переносить страдания, и до того доходит, что свою жизнь губят и возвращаются домой усталые и измученные, а между тем, за пушнину платят какие-то гроши, тут поневоле у человека появится досада. Не было правды и не будет». Постановлением Судтройки ОО ОГПУ ДВК от 11 июня

1933 г. по ст. 58-10 УК РСФСР сослан в Западную Сибирь на три года. Реабилитирован 21 февраля 1990 г. Камчатским областным судом.

Дягилев Георгий Александрович (1900, с. Горный Щит Уральской области), в 1926 г. заведующий Камчатским губ(окр)архивом. Из крестьян. Русский. Образование высшее. На момент ареста 29 мая 1933 г. — научный работник. Проходил по делу «Автономная Камчатка». Обвинялся по ст. 58-2-7-11 УК РСФСР, приговорён к десяти годам лишения свободы. Реабилитирован ВК ВС СССР 4 июня 1955 г.

Евлахов Александр Владимирович (1909, г. Серпухов), в мае 1938 г. начальник 3-го отдела КОУ НКВД. Из рабочих. Образование низшее. В комсомоле в 1921—1931 гг., в ВКП(б) с 1928 г. До 1921 г. учился, начал трудиться в 1923 г. В 1924 г. окончил ФЗУ. В 1926—1928 гг. — московский слесарь, с 1928 г. — на руководящей работе в комсомоле. В 1929—1930 гг. — следователь прокуратуры. С 1933 г. — в органах ГБ. В 1938 г. — начальник 3-го отдела и член парткома КОУ НКВД. Использовал физические методы воздействия на арестованных (пытки). Привлечён к ответственности в должности начальника отделения Хабаровского краевого управления НКВД. 12 октября 1940 г. ВТ войск НКВД СССР по КО приговорил его по ст. 193-17 УК РСФСР к семи годам ИТЛ с поражением в избирательных правах на три года, лишением спецзвания «сержант госбезопасности» и знака «Почётный чекист».

Евсеев П. Р., с 20 апреля 1918 г. член Петропавловского горсовета, с 30 апреля того же года врио заведующего Петропавловской городской милицией.

Егоркин Семён Иванович (18.02.1918, д. Нефёдово Спасского района Рязанской области), с 10 октября 1942 по 5 февраля 1945 г. первый секретарь КОК ВЛКСМ (тринадцатый по счёту). Из крестьян-середняков. Русский. Образование среднее. В ВКП(б) с апреля 1940 г. Окончил в 1937 г. фельдшерскую школу в Рязани и работал по специальности до июля 1938 г. в с. Лесное КО. В 1938—1939 гг. — заведующий отделом политучёбы и заместитель секретаря КОК ВЛКСМ. С февраля по декабрь 1939 г. — заведующий Корякским окрздравотделом. С января 1940 г. по июль 1941 г. — первый секретарь Пенжинского РК ВЛКСМ. В августе-октябре 1941 г. — старший фельдшер 101-й горно-стрелковой дивизии. С октября 1941 г. — секретарь КОК ВЛКСМ по военной работе. В 1945 г. направлен на учёбу в Высшую центральную комсомольскую школу.

*Егоров Дмитрий Александрович (1903), с 28 августа по 26 декабря 1930 г. ответственный редактор «Полярной звезды». Из рабочих. В комсомоле с 1920 г., в РКП(б) с 1924 г. С двенадцати лет продавал газеты, был «мальчиком» у столяра и крестьян на разных работах. С 1920 г. — на комсомольской работе (секретарь ГК в Нижегородском крае и т. д.). В 1924 г. направлен в совпартшколу. В 1926—1930 гг. — в редакциях изданий Нижне-Волжского края «Нижегородская коммуна», «Красная Керчь», «Приокский рабочий». На Камчатке с 1930 г. С 31 августа в составе бюро КОК ВКП(б). Состав редколлегии «Камчатской правды» от 17 декабря 1930 г.: Репьёва, Егоров, заведующий колонизационным управлением АКО *Авербах*, *Вдовин*. Снят с редакторства «за правый оппортунизм на практике, выразившейся в замалчивании важнейших решений партии (решения XVI съезда и сентябрьского обращения ЦК)» и «до сих пор не признал своих политических ошибок». Выведен из состава окрбюро. Вместе с ним освобождена от работы секретарь газеты Сергиенко, откомандирована в распоряжение культпропа окружкома. В июне 1931 г. Е. — секретарь окрисполкома. В июне 1933 г. вместе с *Бучелем*, *Слободчиковым*, *Дубровиным* и *Петровым* входил в областной оргкомитет краеведческого общества. На партчистке 1933 г. заявил, что не слышал о получении его женой в 1932 г. «двойной нормы», что «жена продавала муку по спекулятивным ценам, велосипед и прочее», не знал, что она покупала товары с целью спекуляции на материке, но, что покупала, знал. На собрании, где чистили Е., возникла перепалка беспартийных женщин Егоровой и Громовой. Первая: «У меня с Громовой были трения, вылившиеся в склоку. Продовольствия двойных норм не получала. Спекуляцией не занималась, это ложь Громовой». Вторая: «Егорова сама говорит, что в деревне свечку можно променять на фунт масла. Если Егоров и хороший человек, то, безусловно, плохой коммунист, не знавший спекуляции жены». На чистке Е. не объяснил теории Мальтуса, исторических корней марксизма, не смог дать определение ленинизму. На вопрос № 28: «Говорилось ли вами когда кому-либо в компании о дохлой кошке, брошенной в портрет Ильича?», отвечал: «Я слышал в Сорновском районе, мне рассказывали, когда один антисоветский рабочий в портрет Ленина бросил кошку. Я тогда же указал на это как на выходку недопустимую». Чистку не прошёл. Исключен из ВКП(б).*

Егоров Иван Поликарпович (январь 1904), председатель Петропавловского ГИК с 27 мая 1942 по 6 апреля 1945 г. Из семьи сибирского крестьянина, погибшего на русско-японской войне. Русский.

Образование среднее: Ново-Николаевская мужская гимназия и совпартшкола второй ступени. В ВКП(б) с июня 1939 г. До 1923 г. — заведующий библиотекой районного отдела народного образования (роно) и секретарь комитета комсомола в родном селе. В 1923—1925 гг. — учитель начальной школы. С сентября 1925 по сентябрь 1926 г. — председатель уездного союза (упроса) г. Каргат. В 1926—1929 гг. — заведующий Пролетарской начальной школы Чулымского района. В 1929—1931 гг. — заведующий роно того же района. С 1931 по август 1937 г. — инструктор, заведующий сектором Западно-Сибирского отдела наробразы, затем до июня 1939 г. — заведующий Топканским роно Новосибирской области. По одним данным, *заведующий Камчатским облоно* с июня 1937 по октябрь 1941 г., по другим — с 3 августа 1939 по май 1942 г. В 1941 г. — заведующий областным отделом искусств, секретарь КОИК.

Егоров Лев Николаевич (1.04.1942, Владивосток — август 2000), с 8 февраля 1984 по август 1986 г. *председатель Петропавловского ГИК, а затем по август 1991 г. первый секретарь ГК КПСС.* Из служащих. Русский. Образование высшее, окончил Дальрыбвтуз (инженер-механик машин и аппаратов пищевого производства) и Хабаровскую ВПШ. В КПСС с января 1969 г. В 1959 г. — электронадсмотрщик радиостанции № 1 Приморского краевого радиоцентра. В 1959—1961 гг. — электромонтажник Владивостокского судоремонтного завода № 178. С 1967 по 1968 г. — механик завода на судах Управления тралового и рефрижераторного флота (УТРФ) в Петропавловске. В 1968—1970 гг. — там же и в том же качестве на судах Управления океанического рыболовства (УОР). В 1970—1971 гг. — первый помощник капитана в УОР. С 1971 по 1973 г. — инструктор промышленного отдела, в 1973—1974 гг. — отдела организационно-партийной работы Петропавловского ГК КПСС. В 1974—1976 г. — первый секретарь Октябрьского РК КПСС г. Петропавловска. В 1976—1980 гг. — секретарь, затем до 1984 г. — второй секретарь ГК КПСС. Награждён орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта».

Егорова Вера Николаевна (1914), с 3 августа 1938 г. *директор Камчатской областной библиотеки.* Русская. Образование высшее: окончила политико-просветительский институт. В ВЛКСМ с 1931 г., кандидат ВКП(б) с февраля 1940 г. Председатель агитационно-пропагандистской комиссии Петропавловского ГК ВЛКСМ.

Езерский И. Н. (восемнадцать лет на момент гибели 4.04.1922), *старший урядник местной воинской команды. Убит в окрестностях*

Петропавловска красными партизанами, обстрелявшими из засады казачий дровяной обоз.

Елисеев Иван Иванович (1892), кандидат к гласным четвёртой ПГД 1920 г. Из крестьян. Образование низшее: окончил городское училище. Кандидат ВКП(б) с апреля 1923 г. До революции — чернорабочий. На Камчатке с декабря 1918 г. После январского переворота 1920 г. избран товарищем председателя ВВРК (П. С. Маловечкина) и членом следственной комиссии. Канцелярский служащий. Перерегистрацию в качестве члена РКП(б) 4 августа 1920 г. не прошёл. В июне 1921 г. избран председателем правления Трудового союза. Перед высадкой в Петропавловске белоказачьего отряда вместе с И. Е. Лариным и другими представителями советской власти ушёл партизанить в сопки. В 1923 г. — секретарь отдела управления КГРК. Холост. Из служебной характеристики: «Добросовестный, толковый, но пьяница». Уполномоченный ДВ краевой контрольной комиссии РКП(б) Якимов в феврале 1925 г. отмечал, что его склонность к спиртным напиткам «является периодичной потребностью отравленного алкоголем организма». Допущенный к врио завучстата губбюро ВКП(б), с 1 августа того же года уволен и исключён из списков сотрудников как не возвратившийся из двухмесячного отпуска по болезни. По сведениям на январь 1928 г., убит в Хабаровске. Подробности неизвестны.

Елисеев Пётр Фёдорович (1907), в марте 1945 г. второй секретарь КОК ВКП(б). Из рабочих. Русский. Учился в комвузе, но не окончил. Трудовой стаж с 1923 г. Специальность — радист. В ВКП(б) принят в 1930 г. Награждён орденом «Знак Почёта» (1943).

Емельянов Александр Дмитриевич (1901, Енисейская губерния), чекист. Из крестьян. Русский. Образование среднее. В РККА с 1919 г., в погранвойсках — с 1920 г., в ВКП(б) с 1927 г. В начале 1930-х гг. — уполномоченный по охране границы, начальник отделения особого отдела Камчатского ОО ОГПУ. Принимал участие в фабрикации «Тигильского дела» (1931). В 1933 г. — в должности начальника КПП «Гродеково» 58-го Усурийского погранотряда. 25 октября 1934 г. откомандирован в распоряжение начальника Управления пограничной и внутренней охраны Азово-Черноморского края (г. Ростов-на-Дону). В 1950 г. уволен по личному желанию из УИТЛ и строительства № 560 МВД (г. Москва).

Емельянов Константин Александрович, 6 марта 1917 г. единогласно избран председателем Петропавловского городского комитета, 19 марта — камчатским областным комиссаром.

Переведён осенью 1916 г. на Камчатку из Читы, где был мировым судьёй. Входил в состав Петропавловского окружного суда. В июле 1917 г. «сделал попытку провести упрощённое земское управление, но встретил противодействие со стороны К. П. Лаврова» («Камчатский вестник», 3 января 1919 г.). Осенью 1918 г. назначен врио мирового судьи Петропавловско-Командорского и Анадырско-Чукотского участков.

Ерёменко Александр Семёнович (1891, с. Пелипче Переяславской волости/уезда Полтавской губернии), священник из Ключей. Украинец. Холост. Неимуций. В 1927 г. был под следствием, освобождён. Арестован 14 апреля 1928 г. Проходил по одному делу с *Р. С. Васильевым*. По ст. 58-10 УК РСФСР приговорён 16 ноября 1928 г. ОСО при коллегии ОГПУ СССР к одному году лишения свободы. В мае 1930 г. Л. Я. Яковлеву сообщали из Владивостока, что Е. сидел снова, был выслан на восемь лет, но потом помилован и возвращён из Читы и «сейчас на приходе около Спасска». Но в августе того же года опять оказался под судом, будучи арестованным во Владивостоке ОГПУ. По делу 1928 г. реабилитирован прокурором КО 19 февраля 1990 г.

Ермаков Ион Иннокентьевич (1903, Иркутск), чекист. Из служащих. Образование среднее. В ВКП(б) с января 1927 г. В органах ГБ с июня 1921 г. по май 1938 г. В 1935 г. — оперуполномоченный экономического отдела УНКВД по КО и с 8 августа 1937 г. — член, секретарь парткома УГБ НКВД. По словам Непомнящего, «чрезвычайно ленивый, флегматичный, очень тяготила его работа в наших органах, часто высказывал желание уйти...» Арестован в Хабаровске после откомандирования его туда. Освобождён по прекращении дела 19 октября 1939 г. Из ВКП(б) не исключался, что было подтверждено на бюро Петропавловского ГК партии 1 сентября 1939 г. Имеются сведения об исключении Е. при партчистке в 1933 г. «за сокрытие соцпроисхождения».

Ермолин Анисим Александрович (1902, Сретенский округ, Котукская волость — 8.04.1933), чекист-самоубийца. Из крестьян. Русский. Образование: двуклассная школа. С июня 1931 г. до конца жизни служил на Камчатке в ОГПУ. По заявлению *А. Д. Емельянова* от 22 апреля 1959 г., именно Е. больше других участвовал в фабрикации «Тигилского дела», в производстве которого оно находилось в 1931 г. «Ермолин, хотя и был знаком со следствием, не мог сам переварить всю массу материалов, полученных в связи с многочисленными арестами. Кроме того, он, очевидно, и недостаточно добросовестно исполнял свои обязанности.

Только этим можно объяснить объединение материалов в одно производство... Помнится, что довольно грубо обращались с арестованными Ермолин и Стрекалов. Особенно отличался этим Ермолин, который мог пойти на любые действия, чтобы получить нужные ему показания...» В 1933 г. зарплата Е. составляла 450 руб. в месяц, он имел квартиру с паровым отоплением. Из материалов областной партколлегии: «...в ноябре 1927 г. бросил жену с двумя малолетними детьми и сошёлся со второй женой... К моменту самоубийства у второй жены было тоже двое детей. Тов. Е., живя со второй женой, не прекратил связь с первой и, кроме того, стал ухаживать и за посторонними женщинами. Видя всё это, вторая жена... создавала непрерывные семейные ссоры — тов. Е. оказался неустойчивым членом ВКП(б), не сумел справиться с интригами — 8 апреля 1933 г. покончил жизнь самоубийством, при этом... выстрелом ранил вторую жену... и вторым выстрелом ранил постороннюю женщину». В ноябре 1956 г. следователь Камчатского УКГБ старший лейтенант Молоканов взял показания у Дерябиной Н. Е., на тот момент Сосниной, жившей в Петропавловске по ул. Набережной, 58. Она представила иную версию самоубийства Е. Он, по её словам, застрелился «на почве того, что в тот период сгорело арестное помещение, а также массовые аресты. Это он всё переживал, был очень нервным... С работы возвращался поздно, рассказывал, что он участвует в арестах “автономистов”, при этом упоминал, что он принимает участие в арестах невинных советских граждан. Кого конкретно он арестовывал, я не знаю. Необходимо отметить, что Е. при этом сильно переживал... Вот на этой почве он и покончил жизнь самоубийством. В тот период был арестован Курмояров, по его аресту Е. говорил, что он является продолжением дела “Промпартии”. По вопросу поджога арестантского помещения в то время не могли установить причины его поджога, сгорели арестованные, этот случай сильно был воспринят Е., так как он отвечал за это помещение».

Ермолина-Дерябина Нина Ермолаевна (1905, Владивосток), жена предыдущего. Писала, что «из мещан», хотя отец чернорабочий, мать — домохозяйка. Русская. Образование: начальная школа, семь лет училась в женской гимназии, но не окончила, шесть месяцев училась в школе второй ступени, на курсах машинописи по слепому методу. В комсомол вступила в 1923 г, в ВКП(б) — в 1927 г. С 1923 по 1925 г. — машинистка Приморского ОГПУ, затем там же до 1931 г. — помощник уполномоченного. Вместе с мужем

переехала в Петропавловск. Заведовала секретной частью КОИК. С 25 июля 1935 г. утверждена заведующей особым сектором ГК ВКП(б). В 1927 г. премирована ОГПУ грамотой и «серебряной сумкой». В августе 1933 г. объявлен выговор партколлекгией «за несвоевременную сигнализацию об упадничестве мужа-коммуниста». На допросе в УКГБ 13 ноября 1956 г. заявила: «О методах ведения следствия по делу “Автономная Камчатка” Ермолин мне ничего не рассказывал».

Ерохин Михаил Евсеевич, или *о. Михаил* (1871, Тамбовская губерния), *почётный гражданин, священник Петропавловского собора*. Из крестьян. Образование: городское училище и музыкальная школа. На Камчатке с 1915 г. В конце мая 1919 г. — благочинный камчатских церквей. С 1 сентября 1919 г. — законоучитель и учитель пения Петропавловского одноклассного начального училища. 2 мая 1920 г. избран председателем церковно-приходского совета¹⁰. С 1 июля по 1 августа 1922 г. исполнял обязанности гарнизонного священника. Дело против него начато 26 ноября 1922 г. следственной комиссией Камчатского губревтрибунала по обвинению в контрреволюции («в попомогательстве и способствовании белой банде») и шпионаже. Под стражей находился с 23 ноября 1922 г. по 25 января 1923 г. Ходатайствовал о его освобождении перед КОНРК и лично И. Е. Лариным (24—25 ноября 1922 г.), а также перед губернским отделом ГПУ (16 января 1923 г.) епископ Охотский Даниил Шерстенников. Поручителями за него выступили Александр Павлович Колмаков, *А. И. Бакулова* и *А. А. Ворошилов*. Освобождён по болезни под подписку о невыезде. На момент ареста имел шестерых детей и земельный участок «сажень семь». Привлекался по ст. 68 УК РСФСР. 31 июля 1923 г. выездная сессия Приморского губернского суда дело прекратила, подписку сняла.

Ерохин, *корнет, сын предыдущего*. По неподтверждённым данным, служил в контрразведке. В июне 1922 г. вместе с Н. А. Поляковым выехал на Охотское побережье к *Бочкарёву*. Если верить одному из советских источников, 13 апреля 1923 г. Е. находился в здании Наяханской радиостанции и сдался в плен красным вместе с женой. Её отправили в посёлок. Вечером вместе с ней к станции привезли жену Полякова, чтобы уговорить прекратить сопротивление. Судьба корнета неизвестна.

Ерошек Григорий Леонтьевич (1903), с 27 августа по 31 октября 1937 г. *заведующий отделом руководящих парторганов КОК ВКП(б)*. Русский. Образование высшее. В ВКП(б) с 1924 г.

С 1934 г. — инструктор, с 1 сентября 1935 г. — ответственный инструктор КОК ВКП(б). 31 октября 1937 г. исключён из партии. «Имел тесную связь со шпионкой Шамардиной... Держал себя крайне замкнуто и ни одного заявления по разоблачению врагов народа не подал. Партактив выразил Е. недоверие». Восстановлен в рядах ВКП(б) 31 января 1938 г.: «обвинения о его связи с Грибановым (учёным-ихтиологом. — *Ред.*) и поддержка его вредительской теории — чётные и нечётные года (хода лосося. — *Ред.*), а также связи его с Шамардиной... не подтвердились».

Ерошкин Сергей Степанович (1883 или 1884, с. Николаевка Чернопасеньской волости Тамбовской губернии — 8.03.1938, Петропавловск-Камчатский), по материалам НКВД, в 1922 г. имел связь с СЭО В. И. Бочкарёва. Из крестьян-бедняков. Русский. Малограмотный. На Камчатке с 1910 г. Кустарничал и охотился в Тигиле. До 1917 г. имел кузницу, к 1929 г., кроме неё, дом, амбар, баню, стайку и две коровы. В справке Тигильского сельсовета от 19 марта 1934 г. за подписью заместителя председателя Григорьева и секретаря Чертовского уточняется: «...дом размером 4 на 5 сажен, покрытый железом, амбар 3 на 3... кузница 3 на 3... столярная мастерская... Коров от одного года до двух одна штука, свыше двух лет две штуки. Частично ползуется наёмной силой. Прав голоса не лишён. В период интервенции имел тесную связь с белыми бандами». В 1934 г. имел жену Глафиру Ксенофоновну Юшину, 32 лет; троих сыновей от четырёх до шести лет, двух дочерей, девяти и одиннадцати лет. На момент ареста 28 сентября 1937 г. — рабочий по ремонту плавсредств рыболовецкой артели в Тигиле. По утверждению М. С. Манакова, в 1922 г. был тесно связан с полковником *Алексеевым*, доносил ему на бедноту села Тигиль, «и та избивалась, и самого М. избили». Е. на допросе заявил противоположное: «Участие моё в партизанском движении было незначительное — выполнял роль в поисках белобандита полковника Алексеева, который проживал временно в Усть-Тигиле. О месте нахождения я информировал местную партизанскую дружину, больше никаких непосредственных участия в разгроме белой банды не принимал, за свою работу в поиске полковника Алексеева имею книжку партизана, выданную Тигильским РИКом». Тройкой УНКВД по ДВК 1 февраля 1938 г. приговорён к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован Камчатским областным судом 23 апреля 1958 г.

Есауленко Константин Евгеньевич (23.11.1910, г. Ташкент — 18.01.1987, Москва), с 1 января 1956 по февраль 1963 г. председатель КОИК. Родился в семье крестьянина-бедняка, ставшего в граж-

данскую войну красным командиром и убитого белыми. Образование среднее. В ВКП(б) с июня 1939 г. Из его автобиографии 1947 г.: «... ушёл от матери, беспризорничал, был в нескольких детских домах и в 1922 г. вновь попал к матери, с которой прожил у её родных в посёлке Ракитянского сахарного завода... В связи с тяжёлым материальным положением бросил школу (окончил восемь классов), ушёл работать...» В 1927—1929 гг. — помощник машиниста на сахарном заводе в Курской области. В 1929—1930 гг. — курсант годичных курсов подготовки в вуз в Узбекистане. В 1930—1931 гг. — бригадир бетонщиков в Ташкенте. С 1931 по 1933 г. — на комсомольской работе, заворг РК ЛКСМ Узбекистана, инструктор ЦК. В 1933—1934 гг. — заместитель председателя крайсовета автодора в г. Самаре, начальник Самарского краевого Дома обороны. С 1934 по 1935 г. — комсорг ЦК ВЛКСМ на Куйбышевском судоремонтном заводе. В 1935—1937 гг. — инструктор политотдела по комсомолу, помощник начальника политотдела Средне-Волжского пароходства. В 1937—1939 гг. — там же инструктор, в 1939—1941 гг. — начальник культмассового, организационно-инструкторского секторов политотдела Верхне-Амурского пароходства. С июля 1941 по апрель 1946 г. — служил в РККА (ответственный секретарь партбюро батальона курсантов, Дальневосточный фронт), пребывал в Хабаровском техническом училище. Затем до мая 1947 г. — заместитель заведующего транспортным отделом Хабаровского крайкома ВКП(б), после чего по апрель 1949 г. — первый секретарь Чукотского окружного комитета ВКП(б). С апреля 1949 по март 1950 г. — второй секретарь КОК ВКП(б). На бюро КОК в феврале-апреле 1950 г. разбиралось «дело Е.». 23 февраля председатель КОИК И. И. Сорокин обвинял его в том, что он себя считает властью, «он — высота, а остальные все исполнители». «Е. разбаловался, распоясался, диктаторствует, ведёт себя недостойно...» Генерал А. Р. Гнечко: «После выезда в командировку т. Калинин (первый секретарь обкома. — В. П.) Е. чувствовал себя хозяином, он никого не признавал и не хотел слушать... Тов. Е. ведёт себя, как вождь, у него много самомнений и очень мало скромности». М. А. Орлов: «У него нет скромности... Тов. Е. должен сделать выводы из замечаний, высказанных в его адрес на бюро. Если он их правильно воспримет, он скорее избавится от своих грубостей и невежества... Мы не говорим, что Е. не должен быть секретарём обкома, но он может и не быть им, если он дальше пойдёт по этому пути». Черных: «Трансляция доклада т. Е. по радио из драмтеатра и другие

факты говорят о том, что Е. возомнил себя вождём...» Есауленко: «Недостатков у меня много, я их изживаю, но не знаю, зачем сейчас всё на меня навалили...» Калининков: «Основные недостатки у тов. Е. — это очень поспешные выводы о людях. Нет такта в работе. Е. болезненно реагирует на критику...» В постановлении бюро КОК от 23 февраля говорилось о бестактности, администрировании Е., о том, что он не считается с мнением других и что, если он «не устранит серьёзные недостатки в своём поведении, то встанет вопрос о его дальнейшей работе в качестве секретаря обкома ВКП(б)». В 1950 г. Е. направлен на учёбу в ВППШ. До середины 1950-х гг. работал секретарём ОК КПСС Еврейской АО, начальником политотдела Амурского речного пароходства, председателем Нижне-Амурского ОИК. В январе 1956 г. при выборах членов ОК делегатами 9-й Камчатской областной партконференции против него было подано двадцать три голоса. Избирался депутатом Верховного Совета РСФСР. В 1963 г., после партийного разбора его «дела», инициированного Орловым и *Алексеевым*, потерял пост председателя КОИК и переехал в Москву. С 1965 по 1971 г. — начальник главка Минрыбхоза РСФСР, заместитель начальника управления материально-технического снабжения Московского экономического района. Награждён орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта» (в связи с двадцатилетием Чукотского национального округа), медалью «За трудовую доблесть», «За победу над Германией», «За победу над Японией». Автор книги «Богат и красив Камчатский край» (М., 1962).

Жаворонков Василий Матвеевич (1878, д. Пнёва Калужской губернии — 1.04.1938, Петропавловск-Камчатский), *противник советской власти*. Из крестьян. Образование низшее. Прибыл в Палану с материка в 1924 г. Вывозился ОГПУ в 1934 г. Отбывал срок в Петропавловске. Вернулся в Палану в 1935 г. Работал в личном хозяйстве, занимался каюрством. Имел дом, корову, нарту, был женат на корячке. В 1936 г., согласно рабочей милицейской сводке, в пьяном виде говорил, что советская власть плохая, раньше было лучше, Пасха — праздник хороший, праздник 1 мая только нервы портит. Арестован 24 сентября 1937 г. Постановлением Тройки УНКВД по ДВК (Хабаровск) от 1 февраля 1938 г. приговорён к ВМН. Расстрелян 1 апреля 1938 г. в 19.00. Реабилитирован Камчатским областным судом 23 апреля 1958 г.

Жеребцов Александр Васильевич (1899, с. Знаменское Беловского районана Курской области), *чекист*. Русский. В 1919—1921 гг. служил в уездном управлении Курской губернской ЧК. С июня

1932 по апрель 1937 г. — в УНКВД ДВК. При расследовании обстоятельств фабрикации дела «Автономная Камчатка» на допросе 23 ноября 1955 г. дал собственноручные показания, из которых следовало, что поводом для возникновения дела послужил поджог арестного помещения НКВД в Петропавловске в 1933 г. В город прибыла бригада ПП ОГПУ по ДВК, уехавшая ранней весной 1933 г., а «летом были доставлены сто пятьдесят с лишним привлечённых по делу обвиняемых, до двадцати человек в Хабаровск для дальнейшей работы с ними». В числе доставленных был П. Т. Новограбленов. «Случаев оговоров, отказов от ранее данных показаний не было. Если кто из обвиняемых и пытался что-либо путать, Новограбленов на очной ставке таких лиц быстро уличал и заставлял вспомнить, как было дело...» Ж. утверждал: возникновение дела «Автономной Камчатки», ход следствия и дальнейшее оперирование связей «проводилось при контроле, который осуществлялся работником Москвы Чайковским, который работал в японском секторе НКВД», добавляя, что до ВОВ «Ч., кажется, работал в особом отделе в Чите». Ж. был уволен из НКВД 1 сентября 1937 г. «за невозможность дальнейшего использования», по другим, уточнённым данным, с мая 1938 г. командирован в УНКВД Приморской области, где трудился оперуполномоченным особого отдела. В апреле 1937 г. — феврале 1938 г. работал на Камчатке по делу АКО в составе бригады под началом заместителя начальника экономического отдела УНКВД Чернышева. В том же 1938 г. — начальник УНКВД по Приморскому краю направил его на работу помощником директора Дальзавода по кадрам «с исполнением ряда функций органов НКВД». В этой должности Ж. пробыл десять лет, а затем ушёл «по состоянию здоровья».

Жилин Николай Васильевич (сент. 1961), с 3 ноября 1989 по 14 ноября 1990 г. первый секретарь Петропавловского ГК ВЛКСМ (сорок четвёртый по счёту). Из служащих. Русский. Образование высшее, инженер-механик. В КПСС с 1978 г. Был заворгом КОК ВЛКСМ. В ноябре 1990 г. уволен переводом в молодёжный жилищный кооператив.

Жирков Корнил Софронович (1891, с. Сопочное, Камчатка — 14.10.1938), в 1924—1926 гг. председатель Сопочного сельсовета Хайрюзовской волости. Из семьи рыбаков-охотников. Ительмен. Образование: два года ЦПШ. До 1928 г. — торговец. Немного занимался столярным делом. Имел дом, лошадь, корову и девять ездовых собак. Впервые арестован 14 мая 1931 г. по «Тигильскому

делу». Вернулся из мест заключения в 1933 г., вступил в колхоз плотником. На момент второго ареста 5 апреля 1938 г. — член охотничье-рыболовецкой артели. Обвинялся по ст. 58-6-10-11 УК РСФСР в «систематической вредительской деятельности», агитации против колхозов, чем вызвал «групповые выходы в Морощечном и Сопочном». Якобы с 1926 г. — японский шпион. 10 августа 1938 г. приговорён Тройкой УНКВД по ДВК к ВМН с конфискацией имущества. Расстрелян. Реабилитирован ВТ ДВО 22 июня 1959 г.

Житник Алексей Андреевич (1905), на январь 1966 г. председатель Камчатского облплана. Украинец. Образование высшее. В ВКП(б) с мая 1940 г. В гражданскую войну состоял в ЧОН. Участник ВОВ. Награждён орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, Богдана Хмельницкого 2-й степени, Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «XXX лет Советской Армии и Флота», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией»; польскими наградами Крест Грюнвальда 2-го класса, «За победу над Германией», «За освобождение Польши».

Жолобов Алексей Тимофеевич (1907, по советскому административно-территориальному делению, в г. Ленинске Сталинградской области), с 15 ноября 1947 по 23 июля 1949 г. председатель Петропавловского ГИК. Из рабочих, отец — плотник. Русский. Образование неполное среднее, окончил два курса электротехникума и один курс заочного комвуза. В ВКП(б) с марта 1932 г. В 1917—1924 гг. — батрак у кулака. С ноября 1924 по февраль 1925 г. работал в хозяйстве отца. Затем до 1929 г. — плотник у частных лиц и на государственных предприятиях. В 1929—1931 гг. электромонтер в Сталинграде. В 1931—1932 гг. — секретарь комитета ВЛКСМ, начальник отдела кадров на «Сталэнергокомбинате». С 1932 по 1937 г. — секретарь РК ВЛКСМ в Саратовской области. В 1937—1939 гг. — диспетчер автопарка завода № 91 в Сталинграде, в 1939—1940 гг. — там же редактор многотиражки. В 1940—1944 гг. — редактор районной газеты «Алеутская звезда», в 1944—1945 гг. — пропагандист Алеутского РК ВКП(б). Неоднократно ставил вопрос о выезде в Петропавловск по состоянию здоровья в связи с длительным пребыванием на Командорских островах. В 1945—1946 гг. — инструктор КОК ВКП(б). С апреля 1946 г. — председатель президиума облпромсоюза. В 1949 г. направлен на учёбу в Хабаровскую краевую партшколу. Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Загоруй Пётр Илларионович (21.06.1925, с. Мельниковцы Виницкой области), с декабря 1967 г. председатель Петропавловского ГИК, затем с 28 октября 1968 по 11 октября 1983 г. первый секретарь Петропавловского ГК КПСС. Из крестьян. Украинец. Образование неполное высшее. В ВКП(б) с 1946 г. В 1940—1941 гг. — ученик помощника машиниста железнодорожного училища в Хабаровском крае на станции Вяземской. С августа 1941 по декабрь 1942 г. — слесарь по ремонту авиационных двигателей станции Красная речка Хабаровского края. С декабря 1942 по октябрь 1945 г. служил в армии в Амурской области. В анкете делегата 14-й Камчатской облпартконференции (ноябрь 1963 г.) указал участие в боевых действиях, по-видимому, с Японией. В 1945—1948 гг. — старший инспектор отдела соцобеспечения Железнодорожного РИК г. Хабаровска. С 1948 по 1949 г. — там же заведующий отделом кадров и организатор работы Железнодорожного РК ВЛКСМ. В В 1949—1950 гг. — секретарь комитета ВЛКСМ завода им. Горького. В 1950—1951 гг. — заведующий отделом Хабаровского ГК ВЛКСМ. С 1951 по 1952 г. — первый секретарь Железнодорожного РК ВЛКСМ. В 1952—1954 гг. — слушатель Хабаровской двухгодичной партшколы. В 1954—1955 гг. — заорготделом Соболевского РК КПСС. С июня 1955 по февраль 1961 г. — второй, а затем первый секретарь этого райкома. С января 1966 по декабрь 1967 г. — заведующий отделом административных и торгово-финансовых органов КОК КПСС. Избран первым секретарём Петропавловского ГК КПСС по представлению *В. И. Алексева*. Освобождён «в связи с уходом на пенсию по достижению возраста и состоянию здоровья». Пенсионер союзного значения. Награждён орденами «Знак Почёта» (1957), Трудового Красного Знамени (1963 и 1976) и Октябрьской революции (1971).

Загорulyкo Гpигopий Лeонтьевич (1879, с. Ивановка на Днепропетровщине), кандидат к гласным третьей ПГД 1919 г.; в феврале 1922 г. участник охраны Петропавловска от красных партизан. Из крестьян. Украинец. Самоучка. По профессии слесарь. Служил в армии рядовым в 1901—1906 гг. Приехал на Камчатку в 1910 г. на пароходе «Великий князь» купца Мердина. По некоторым данным, владел немецким, английским, китайским и японским языками после плавания на торговых судах с заходом в иностранные порты до 1914 г. Затем работал в почтово-телеграфном ведомстве, Петропавловском казначействе присяжным счётчиком (1920). В 1923 г., будучи сочувствующим РКП(б), переехал в Усть-Камчатск. В 1931 г. вступил в колхоз им. Сталина.

Зимой 1936/37 г. — сторож на японском заводе № 3 фирмы «Ничиро» в Усть-Камчатском районе. 9 августа 1939 г. Камчатский областной суд приговорил его по ст. 58-10, ч. 1, УК РСФСР к пяти годам ИТЛ. 13 ноября 1939 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговор отменила, направив дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. 14 апреля 1940 г. отправлен на лечение в Усть-Камчатскую больницу. По показаниям некой фельдшерицы, якобы называл чекистов фашистами. Постановлением райотдела НКВД от 28 мая 1940 г., утверждённым *П. И. Дудоровым*, освобождён, так как свидетели по делу оказались дезорганизаторами производства, не внушающими политического доверия.

Загребавев, с осени 1925 г. заведующий Большеерецким волревкомом. Член ВКП(б). В 1926 г. — заведующий отделением медпомощи. Из административного отдела окрревкома уволен по несоответствию. В характеристике на него врид председателя окрревкома *И. Е. Ларина* от 19 июля 1926 г. говорилось: «...груб, нетактичен с сотрудниками, чрезмерно самоуверен, упрям и не пользуется авторитетом как на службе, так и вообще. К делу относится легкомысленно... не имеет элементарных медицинских познаний... не признаёт своих ошибок, проявляет бюрократизм и изображает из себя “большое начальство”. К ответственной работе не пригоден. По партийной линии работает активно». 26 октября 1926 г. на совещании секретарей комячеек при уполномоченном ДВ краевой контрольной комиссии ВКП(б) в его адрес прозвучало — «закомиссаривание, извращение партийной линии, дискредитация партии, пьянство».

Задорожный Николай Родионович (16.12.1941, с. Хижна Маньковского района Черкасской области), с 20 апреля 1989 и в августе 1991 г. председатель Петропавловского ГИК. Украинец. Образование высшее, окончил Дальрыбвтуз. Вступил в КПСС в сентябре 1970 г. На Камчатке с 1962 г. Начинал слесарем-монтажником. В 1983 г. — начальник Камчатского территориального производственно-распорядительного управления. В 1988 г. — первый заместитель председателя Петропавловского ГИК. 17 августа 1991 г. совместный пленум КОК и Петропавловского ГК КПСС временно приостановил его членство в составе ОК в соответствии с личным заявлением и в связи с вводом в действие Закона РСФСР «О местном самоуправлении».

Заев Алексей Егорович (1887, с. Утхолок, Камчатка — 10.04.1932), предположительно, член утхолокской дружины самообороны

П. Е. Суздолова, участвовавшей в убийстве отряда полковника *Алексеева* на реке Тигиль 8 сентября 1922 г. Ительмен. Малограмотный. Рыбак-охотник. В 1907—1909 гг. — староста села. На момент ареста 2 июля 1931 г. имел дом, баню, балаган, три рабочих лошади, нарту, восемь ездовых собак, два винчестера. Привлекался по «Тигильскому делу» по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Умер под следствием. Дело прекращено 16 августа 1932 г.

Заев Василий Митрофанович (1886, с. Морошечное, Камчатка), в 1924 г. председатель Морошечного селькома. Камчадал. Малограмотный. Потомственный рыбак-охотник. Арестован 12 мая 1931 г. по «Тигильскому делу» по ст. 58-2-11 УК РСФСР. 7 сентября 1932 г. приговорён Тройкой ПП ОГПУ ДВК на срок предварительного заключения. Реабилитирован ВТ ДВО 3 августа 1959 г.

Заев И., в сентябре 1918 г. председатель Утхолокского селькома; совместно с секретарём комитета подписал наказ второму Камчатскому областному съезду, текст которого их делегат Руф Слободчиков отказался передать съезду («Камчатский вестник», 25 сентября 1918 г.).

Заев Николай Фёдорович (1892, с. Утхолок, Камчатка — ноябрь 1932), в 1922 г., предположительно, член утхолокской дружины самообороны *П. Е. Суздолова*. Потомственный рыбак-охотник. Самоучка. Одно время был председатель колхоза. На момент ареста 15 июля 1931 г. работал в своём хозяйстве. До 1928 г. держал двух-трёх работников. Имел дом, восемнадцать лошадей, тринадцать коров, три нарты. Проходил по «Тигильскому делу» по ст. 58-2-6-7 УК РСФСР. Тройкой ПП ОГПУ ДВК 31 октября 1932 г. приговорён к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован прокуратурой КО 30 июня 1989 г.

Зайцев Анатолий Лазаревич (1939), в 1985 г. первый секретарь Тигильского РК КПСС. Русский. Образование высшее. В КПСС с февраля 1964 г. В 1974 г. — заместитель заведующего сельскохозяйственного отделом КОК КПСС. В 1975—1979 гг. — первый секретарь Быстринского РК КПСС. Награждён медалью «За освоение целинных земель».

Зайцев В. Н. (21 год на момент гибели 4.04.1922), старший урядник местной воинской команды. Убит вместе с *Езерским* красными партизанами, обстрелявшими из засады в окрестностях Петропавловска казачий дровяной обоз.

Зайцев Георгий Петрович (1894), в 1932 г. секретарь Петропавловского РК ВКП(б). Из крестьян. Русский. Образование:

сельская школа, шестимесячные курсы райпарактива. В ВКП(б) вступил в апреле 1927 г. На Камчатке с 1931 г. В июне 1934 г. стал оргинструктором КОК ВКП(б).

Зак Ефим Яковлевич (1916), в 1950-е гг. самый известный на Камчатке врач-гинеколог. Из служащих. Еврей. Образование высшее медицинское. В апреле 1939 г. вступил в ВКП(б). 25 июля 1945 г. снят с должности *заведующего Петропавловским горзд-равотделом* с выговором по партлинии, занесённым в учётную карточку как «необеспечивший руководства». С 1943 г. — хирург областной, в марте 1949 г. — городской больницы, депутат Петропавловского горсовета. Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Закржевский Владимир Ульянович, или Юлианович (12.02.1887, д. Буга Кошеватской волости Таращанского уезда Киевской губернии — начало января 1934, Хабаровск), делегат первого и второго Камчатского областного съездов от Завойкинской волости, избран членом облкома; первый милиционер Камчатки. Из крестьян. Русский. Окончил двухлетнее церковное училище. По его словам, батрачил на богатеев и помещика за пятнадцать-двадцать копеек в день. «Жили очень скверно... Отец был тяжело ранен в турецкую войну и к тяжёлому труду не пригоден. Мать всегда была при доме... Хозяйства совершенно почти не было никакого, если не считать, когда изредка была чушка, куры и гуси». После училища учительствовал в первом классе. В 1907 г. завербовался на ДВ, куда доставил его за свой счёт один из крестьян-попутчиков. Слез с поезда на станции Шмаковка. Благодаря работам в лесу и на покосе рассчитался за проезд. Во Владивостоке выполнял разные подённые работы в порту, на пристани. В Петропавловск в 1908 г. приехал рабочим. «Имея опыт управлять церковным хором, я поступил в церковь регентом и псаломщиком». Через полтора года уехал в Паратунку, занимался развозным торгом, пользуясь небольшим кредитом. С большим трудом купил маленький дом. В 1914—1917 гг. служил во Владивостоке в крепостном полку рядовым. По другим данным, демобилизовался унтер-офицером. 6 июня 1917 г. включён в комиссию по созыву первого Камчатского областного съезда. На следующий день после его завершения на заседании облкома избран начальником милиции города (двенадцать голосов «за», один — «против»). В начале 1918 г. на Завойкинском волостном съезде избран заместителем председателем волкома. На пути со съезда домой, версты за четыре до села, его нагнал посыльный, передавший секретное распоря-

жение председателя волостного комитета *Г. А. Ворошилова* отпустить вооружённых людей в Сероглазку на защиту облкома от большевиков, которые «всё грабят в городе». Прибыв туда с сельчанами, *З.*, как вспоминал он позднее, не мог понять, что происходит. В Сероглазке, по его словам, едва удалось избежать столкновения между местными казаками и теми, кто с ним приехал из Завойкинской волости. «Я возвратился вместе с крестьянами обратно в село Паратунка после выявления положения в Сероглазке и сразу отказался от должности заместителя волостного председателя... Казачье население, особенно Сероглазки, никогда не мирилось с тем, чтобы управлял кто-либо Камчаткой из людей пришлых с материка; они всегда питали к ним страшное недоверие и зло, и у них не было иного названия, да и у многих из крестьян, русский человек, как слово “мурка”, в переводе это собака». Как участник июльского антисоветского переворота 1918 г. в Петропавловске и начальник гормилиции при Колчаке был арестован в январе 1920 г. революционной властью. 9 февраля того же года Камчатский областной ВРК отклонил просьбу граждан Петропавловска Коновалова, Колмакова, Ревацкого, Вичиркина и других об освобождении *З.* из-под стражи «до разбора дела». В начале мая следственная комиссия Гапановича постановила: «Ввиду бедственного положения семьи *З.*, мерой пресечения взамен заключения под стражу избрано взятие подписки о невыезде из Петропавловска». Амнистирован в связи приостановкой советизации Камчатки. В 1921 г. уехал в с. Хутор, где занимался в личном хозяйстве. Имущество на момент ареста 14 января 1932 г.: дом, два амбара, баня, три коровы, три молодняка, лошадь с жеребёнком. Приговорён за контрреволюционную пропаганду и агитацию к пяти годам ИТК. Семья из восьми человек отправлена на спецпоселение. В 1933 г. привлечён по делу «Автономная Камчатка» (ст. 58-6-11 УК) и постановлением Судтройки ПП ОГПУ ДВК от 1 января 1934 г. расстрелян. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. ВТ ДВО за отсутствием состава преступления.

Закирничный Яков Степанович (1915), в 1954 г. заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Петропавловского ГК КПСС. Русский. Образование неполное высшее. В ВКП(б) с 1939 г. С января 1957 г. — первый секретарь Быстринского, в сентябре 1961 г. — Тигильского РК КПСС. В конце 1963 г. — начальник отдела кадров Петропавловской судоремонтной верфи. Награждён медалью «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Засухин Сергей Фёдорович (3.10.1949, Хабаровск), в 1990 г. народный депутат РСФСР. Образование высшее: в 1976 г. окончил Хабаровский государственный институт физической культуры. На Камчатке с 1951 г. До армии — рабочий-геолог, слесарь войсковой части. Отслужив в СА, в 1971 г. был принят в рыболовческий колхоз им. В. И. Ленина матросом-обработчиком БМРТ «Сероглазка». В 1973 г. перевёлся на заочное отделение института, стал преподавать физкультуру в Петропавловском рыбопромышленном техникуме. В 1979—1984 гг. — водитель автоколонны № 1958, после чего вернулся на работу по специальности в Петропавловскую среднюю школу № 30. В 1990 г. перешёл на постоянную работу в комитет по делам молодёжи Верховного Совета РСФСР. Участвовал в создании и деятельности камчатской общественной организации «Инициатива». Входил в политсовет движения «Выбор России» (1994); был членом Совета Национальностей Верховного Совета РФ (1990—1993), фракции «Радикальные демократы», оргкомитета парламентской «Коалиции реформ». В последующем — вице-губернатор Корякского автономного округа, управляющий делами окружной администрации.

Захаров Логвин Евстафьевич (1874, с. Квивское Квивской волости Шадымского уезда Пермской губернии), кандидат к гласным третьей и четвёртой 1919 г. и гласный пятой ПГД 1922 г. Из крестьян. Образование низшее. Рыбак. Занимался в личном хозяйстве. В своё время отбывал воинскую повинность. 27 июля 1922 г. уведён красными в партизанский стан. Паратунская волость письменно ходатайствовала о его освобождении. В документах «Думского дела» значится: З. благодарны жёны Фролова и Ларина, так как той и другой дал брезент, под которым они спасались от дождя в лесу, а также бочонок икры и пупков. Когда податель сего (подпись неразборчива) находился в лесу за селением Авача в отряде, он получал ещё и тёплое бельё. «А брезент и сейчас в лесу, не привезён». В январе 1923 г. ревсельком выдал З. благодарность за снабжение провиантом села Микижи — спасение его жителей от голода; город им продуктов, говорилось в документе, не отпускал ввиду того, что они выступали против белых. На начало 1923 г. домовладелец. Жена Мелания Перфильевна, четверо детей.

Захаров Пётр Алексеевич (1904), до 1 мая 1935 г. секретарь Петропавловского ГК ВКП(б). Русский. Образование низшее. В большевистскую партию вступил в 1920-е гг. С августа 1934 г. — заведующий Домом партийного просвещения в Петропавловске. Выбыл из бюро обкома ВКП(б) 29 ноября 1934 г.

Заярный Максим Ануфриевич (1901), чекист. Украинец. Окончил семь классов. Член ВКП(б) с 1928 г. Участвовал в фабрикации «Тигильского дела» и «Автономной Камчатки». Партистку 1933 г. прошёл. С августа 1934 по март 1938 г. — комендант КОУ НКВД. Приводил в исполнение смертные приговоры в отношении «врагов народа». На допросе 12 марта 1959 г. З. показал: «В 1938 г. к нам на должность начальника УНКВД прибыл Давыдов... с группой работников и в частности со сменившим меня комендантом Ушаковым... В конце 1937 г. или в начале 1938 г., даже и в другое время имущество арестованных привозили на склад АКО, но куда его после отвозили, мне неизвестно». 21 марта 1937 г. Петропавловский ГК ВКП(б) утвердил решение первичной парторганизации о снятии с З. взыскания от 11 марта 1932 г. «за халатное отношение к работе». 3 мая 1938 г. З. жаловался на партсобрании, что по своему политическому уровню стоит на низком уровне, ни один раз не удалось окончить школу по истории ВКП(б), каждый год начинал с начала и не оканчивал, «а на Камчатке вот уже живу семь лет. Всё это отрицательно отразилось на практической работе». При пересмотре сфабрикованного чекистами дела «Автономная Камчатка» на вопрос о применении на следствии методов физического воздействия бывший работник ОГПУ Калашников ответил: «Из случаев воздействия на арестованных знаю только один случай, когда помощник уполномоченного Заярный, допрашивая... Рязанцева — сына кулака из Авачи, по два дня держал на допросе в комнате, не отпуская в камеру на отдых...» По «Автономной Камчатке» проходили братья Рязанцевы — Захар Николаевич (1900 г. р.) и Николай Николаевич (1903) — рыбаки-охотники, русские, малограмотные. Первый арестован 30 марта 1933 г., второй 7 апреля 1933 г. в с. Авача. 1 января 1934 г. оба приговорены к ВМН и через несколько дней расстреляны в Хабаровске. 13 марта 1956 г. майор З. написал пояснение на имя заместителя начальника УКГБ по КО подполковника Лапшина. «Дело “Автономная Камчатка” было вскрыто управлением ОГПУ по Хабаровскому краю. Основания для вскрытия... мне неизвестны. Личное участие в допросе я принимал одного арестованного за умышленную выдачу им управлению ОГПУ бензина вместо керосина с учинением им на бочке маркировки “керосин”, в результате чего при заправке фонаря “Летучая мышь” бойцами погранотряда получился взрыв, вследствие чего сгорело арестное помещение и арестованные. Фамилию арестованного я не помню, он работал до ареста заведующим складом гражданского порта... Этот же заключённый

проходил как соучастник расстрела ревкома в Анадыре...» В УГБ КОУ НКВД вместе с Полоумовым З. отвечал за работу стрелковой секции, организованной в январе 1939 г. «Было намечено девять упражнений по стрельбе с целью, чтобы занимающиеся полностью освоили стрелковое дело». За пять месяцев из двадцати восьми человек двадцать два, а также одна женщина-домохозяйка сдали нормы «Ворошиловского стрелка». На партсобрании своего подразделения 8 июля 1939 г. докладывал: секция имеет десять мелкокалиберных винтовок, тысячу патронов к ним, часть израсходована на сдачу норм, другая часть используется во время поездок на тренировку. «Неплохо, если бы оборудовать свой тир». 3 сентября 1939 г. утверждён начальником 3-го спецотделения КОУ НКВД в звании младшего лейтенанта ГБ. На 1 января 1940 г. — начальник 5-го секретного спецотдела. Откомандирован в распоряжение НКВД по Горьковской области приказом НКВД СССР № 1511 от 29 октября 1940 г. В 1970 г. был жив.

Зборжевецкий Емельян Павлович (44 года в начале 1923, с. Бузовка Таращанского уезда Киевской губернии), *протоиерей*. Из крестьян. Воинскую повинность отбывал в 1900—1904, затем в 1904—1905 гг. До антисоветского переворота 1918 г. в Петропавловске служил у комиссара народного просвещения делопроизводителем, затем с октября 1918 г. — в той же должности в отделе народного образования. В 1923 г. проходил свидетелем по «Думскому делу». Имущества не имел. Был женат. Ближайшие родственники находились в пос. Венцелевском Амурской губернии.

Зверев Арсений Мартемьянович (1895), с августа 1935 *камчатский областной прокурор*. В 1918 г. вступил в большевистскую партию. 9 мая 1936 г. направил с грифом «совершенно секретно» письмо в адрес КОУ НКВД: «На основании определения Верховного суда, в котором категорически воспрещается включать фамилии вождей партии и правительства в обвинительные заключения по делам контрреволюционной агитации. Составленное вами обвинительное заключение по делу Дроздовского, Лимбах, Григорьева и Щеглакова, в котором имело место указание на имя вождей партии и правительства прокуратурой переделано, копию посылаю для сведения. Впредь при составлении обвинительных заключений подобные явления необходимо избегать. Все, не подлежащее включению в обвинительном заключении моменты, необходимо вносить в отдельных документах и прилагать в особом закрытом пакете “для суда”».

Зверев Михаил Семёнович (1900, Нижний Новгород), сторонник царской власти и Троцкого. Из рабочих. Русский. Прошёл программу за пять классов самоучкой. До 1936 г. в ВКП(б), исключён «за моральное разложение». В августе 1938 г. «судим Тройкой на один год по ст. 192». В августе 1940 г. — «по Указу от 26 июня — три месяца лишения свободы». С февраля 1943 по декабрь 1944 г. — в запасном артиллерийском полку. На момент ареста 24 мая 1948 г. — житель с. Елизово, электромонтёр, вольнонаёмный воинской части. Говорил в присутствии солдат: «В царской России народ работал меньше, а жили все очень хорошо, всего было много, что пожелаешь, то и бери... Захотел поступить на работу — идёшь к помещику, он тебя принимает без всяких разговоров, одевает, обувает и кормит хорошо, а также выплачивает зарплату. Была полная свобода, не захотел работать у одного помещика, идёшь к другому, где более выгодней. А вот сейчас зажали, поступишь на производство — не уйдёшь, а если самовольно уйдёшь — поймают, судить будут... Раньше, при царском режиме, было хорошо, видных революционеров, которые боролись за свержение царской власти («назвал имя вождя» — так в обвинительном заключении. Речь о Сталине. — В. П.), слабо наказывали, только ссылали, а сейчас скажи что-нибудь против советской власти, сразу приберут». Из того же документа: «Восхваляя Троцкого, популяризировал в окружающей среде его заслуги, одновременно унижал достоинство организаторов партии и советского государства... распространял в анекдотической форме враждебную гнусную клевету на руководителей партии и советского правительства». Привлекался по ст. 58-10 УК РСФСР. 1 июля 1948 г. приговорён ВТ МВД Камчатского погранокруга к восьми годам лишения свободы. Реабилитирован судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РСФСР 21 мая 1990 г.

Зимин Александр Игнатъевич (1884, с. Михайловское на Амуре), в 1924 г. управляющий Петропавловской таможней. Из казаков-хлеборобов. Русский. Отец был станичным писарем в канцелярии генерал-губернатора. Сам З. служил в армии «земгусаром, нестроевой». Окончил Хабаровское техническое железнодорожное училище в 1903 г. по специальности «дорожное строительство». В большевистскую партию вступил в январе 1920 г. в Хабаровске. Исключён в 1923 г. и осуждён на один год условно за превышение власти. Восстановлен в феврале 1924 г. Снова исключён в сентябре того же года «за нарушение бюджетной дисциплины», но восстановлен ДВ краевой контрольной комиссией в феврале

1925 г. В 1903—1906 гг. работал на Китайско-Восточной железной дороге техником, затем городским техником в Хабаровске до 1909 г., после чего один год на Камчатке техником по дорожному строительству. Далее в биографии восьмилетний пробел. В 1918—1920 гг. — техник угольных копей на Сахалине. Красный партизан в Николаевске-на-Амуре в январе-октябре 1920 г. С августа 1921 по 1922 г. — главный полевой контролёр в Чите. В январе-ноябре 1922 г. — особоуполномоченный Военсовета, военком на снабжении на Восточном фронте. В начале 1923 г. — архитектор-инженер Приморского губсовнархоза (Чита — Владивосток). Запись в личном листке номенклатурного работника: Петропавловск, управляющий таможней с мая 1923 по май 1925 г. (по документам КГРК, отстранён 22 декабря 1924 г.). В январе 1925 г. губбюро РКП(б) отложило вопрос о предоставлении ему должности в одном из учреждений «в связи с затяжной следствия» и поручило «тов. Ломбаку ускорить следствие». С мая 1925 по ноябрь 1926 г. — заместитель заведующего владивостокским горкомхозом. Затем до августа 1927 г. — в Хабаровске, заведующий техническим подотделом. Привлекался к судебной ответственности в 1924 г. за нарушение бюджетной дисциплины, в 1929 г. — за бесхозяйственность; в обоих случаях дела прекращены. Вновь нет сведений по 1932 г. С мая 1932 по январь 1933 г. — в Благовещенске, начальник дорожного отдела, затем в зернотресте. В январе 1933 г. снова получает место на Камчатке: начальник облдортранса и по совместительству начальник дорожного строительства АКО.

Зиновьев Павел Павлович (21.09.1932, с. Владимиро-Мономахово Тетюхинского района Приморского края), с декабря 1988 по 30 мая 1990 г. — первый секретарь КОК КПСС, в мае-октябре 1990 г. председатель Камчатского областного совета народных депутатов. Из крестьян. Отец трагически погиб в родном селе в 1932 г. Русский. Образование высшее: в 1955 г. окончил Дальневосточное высшее инженерное морское училище им. Г. И. Невельского. В КПСС вступил в 1960 г. С 1955 по 1961 г. — инженер-механик, старший инженер-механик энергохозяйства Петропавловской судоремонтной верфи. С августа 1961 по август 1963 г. — секретарь парткома верфи. С 1963 по 1966 г. — заведующий промышленно-транспортным отделом Петропавловского ГК КПСС. После окончания ВПП при ЦК КПСС в сентябре-ноябре 1968 г. — инструктор КОК КПСС. Затем до декабря 1971 г. — первый секретарь Олюторского РК КПСС. В 1971—1973 гг. — заведующий

промышленно-транспортным, а в 1973—1976 гг. — отделом организационно-партийной работы КОК КПСС. С июля 1976 по декабрь 1988 г. — секретарь КОК КПСС. Подал в отставку с поста председателя областного совета под давлением «демократического блока» во главе с А. И. Усовым. В октябре 1990 г. *В. Я. Абаев* ходатайствовал об установлении ему персональной пенсии союзного значения. Награждён орденами Трудового Красного Знамени (1971), «Знак Почёта» (1976).

Зорин Василий Дорوفеевич (61 год на день кончины 13.08.1959), в 1922 г. *красный партизан КОНРК*. Из некролога в «Камчатской правде» за 15 августа 1959 г., подписанного товарищами по оружию Е. Макаровым, Г. Чужих, В. Семёновым, П. Метальниковым, А. Пузырёвым, К. Штрадманом: «...в 1920 г. участвовал вместе с членами военно-революционного комитета П. С. Маловечкиным и Н. П. Фроловым в свержении колчаковской власти в г. Петропавловске. В дальнейшем в составе народной охраны города участвовал в ликвидации попытки белогвардейцев свергнуть власть облнарревкома, а также действий японских наймитов *Гапановича*, Кумпана и других, пытавшихся отделить Камчатку от Советской России... Тов. З. в числе первых влился в партизанский отряд Камчатского облнарревкома, в котором активно участвовал в вооружённой борьбе против белогвардейцев. До самых последних дней жизни Василий Дорوفеевич был скромным товарищем и неутомимым тружеником в колхозе “Красный партизан” Елизовского района...»

Зубаков Алексей, или Александр, Митрофанович (1899), с декабря 1924 по 1926 г. *заведующий Камчатским губ(окр)здравом*. Из крестьян. Образование высшее. Принят в ВКП(б) в 1925 г. До Камчатки был врачом, начальником военно-санитарного транспорта, здравоохранения дивизии, завгубздравом, завгубтруда. И. Е. Ларин в 1926 г. отзывался о нём как о слабохарактерном, недостаточно развитом, не имеющим ни административных, ни организаторских способностей, неумело и небрежно обращающимся с находящимися в его распоряжении денежными средствами. Вывод: для работы в занимаемой должности не пригоден.

Зубков Александр Тихонович (1871, д. Прокопьево Степуринской волости Грязовятского уезда Вологодской губернии), *бывший торговец*. Из мещан. Русский. Образование: сельская школа. О себе рассказывал: «До одиннадцати лет жил при отце, затем был отдан мальчиком в Санкт-Петербург, в рыбную лавку, где пробыл три года с месяцами, в последние годы работал приказчиком

в рыбных магазинах, а затем работал на архангельских рыбных промыслах служащим. В 1886 г. приехал на жительство на Камчатке, работал в Камчатском торгово-промышленном обществе котиковых промыслов засольщиком до 1898 г., потом уволился, поехал во Владивосток, где поступил на службу в фирму Поляковых и проработал года полтора. В 1900 г. прибыл в Петропавловск, купил три дома, занялся рыбными промыслами и торговлей до 1911 г. В 1913 г. за оскорбление уездного начальника был выслан в г. Владивосток, где находился четыре месяца... затем был оправдан. В 1914 г. уехал в Вологодскую губернию. В 1916 г. вернулся в Дальневосточный край, где работал в Иркутске и Николаевске-на-Амуре. К осени 1917 г. прибыл обратно на Камчатку, имел деньги, ничем не занимался, почти каждый год ездил во Владивосток. В 1918 г. подал прошение в совдеп о выдаче ему 1 590 руб. за взятые у него в 1905 г. во время русско-японской войны лошадь, кунгас и невод. Прошение было направлено в 3-ю секцию с поручением собрать все нужные справки и со своим заключением решить вопрос через суд. В 1923 г. работал на промыслах Грушецкого засольщиком. До 1930 г. жил в Петропавловском районе, жил на деньги, полученные от продажи домов. В поисках постоянного местожительства всё ездил по Долине (реки Камчатки. — В. П.) и избрал место вблизи селения Толбачик, где и думал доживать последние дни». Как бывший торговец, лишился избирательных прав, но был восстановлен в 1930 г. В том же году привлекался к ответственности ОГПУ за антиколхозную агитацию, однако дело было прекращено, а сам он освобождён под подписку о невыезде «в силу неполноты собранных против него материалов». Впервые при советской власти проявил себя почти сразу после её окончательного установления в Петропавловске, о чём свидетельствует нижеприводимый документ. «Коменданту г. Петропавловска. Рапорт. 1922 г. декабря 17-го дня 19 час. был доставлен в пьяном виде в арестное помещение гр. Зубков, которого посадили в одиночную камеру, через некоторое время З. стал проклинать всё правительство, всех красных и все губревкомы, называя разбойниками, картёжниками, грабителями и т. д., говорит, что раньше у нас были правители белые образованные, а эти правители из-под метлы. Я его посадил в тёмную камеру, а потому просив вас, гражданин комендант, обратить внимание и не оставлять без наказания, кроме того оскорбил и весь караул. Подлинный подписали: начальник караула *Метальников, Рыкин, Знамеровский*». Арестован 12 сентября 1931 г. Привлекался по ст. 58-10

УК РСФСР. Свидетели утверждали: З. пользуется авторитетом и уважением в селениях Камчатки как религиозный и щедрый человек. А. К. Пальчинский из Ключей показал: «Все местные жители считают З. за благодетеля, так как в старое время, когда он торговал, то он жертвовал на церкви, приюты... один раз сразу пятьсот рублей на церковь... В Верхне-Камчатске жители по религиозным убеждениям никого не пускают ночевать и не продают продуктов. З. всегда принимают и снабжают продуктами... Последний раз я встречался с З. 24 июля (видимо, 1931. — В. П.). Он был у меня в гостях. Во время обеда в присутствии моей жены и её родственника, находившегося за стеной, он говорил: “Сейчас ГПУ производит аресты наших людей, но им недолго осталось жить, скоро будет переворот на материке, кругом восстания, нужно объединяться и поддержать крестьян на материке, которые сражаются с коммунистами. Я хожу часто по сёлам меня часто спрашивают, и я их просвещаю, всё равно мне старику ничего не сделают. Вот Вавилина забрали за правду, арестовали за то, что о коммунистах говорил, ну ничего, скоро всему конец. Заём выпускают, всё равно деньги пропадут, это нужно разъяснить крестьянам и рабочим. Церковь забрали, но я сам пойду к Петренко (чекист. — В. П.), все меры прийму, а церковь не отдам. Коммунисты карманы набивают, а потом разбегутся”». А. П. Тулупов, также из с. Ключи: «...он мне говорил, что коммунистов надо резать, жечь, вешать и т. д. Об этом он говорил не стесняясь». Член ВКП(б) П. Д. Кияниченко встретил З. в Усть-Камчатске «в степени слабого опьянения. Он начал с того, что перво-наперво напустился на коммунистов, обвиняя их в продаже “России”, её разрушении...» Ерофеев, житель с. Толбачик, приводил слова, принадлежащие З.: «В царское время жилось хорошо и вообще крестьянству. Эти большевики не дают покоя крестьянам». З. по существу предъявленного обвинения сказал: «Никогда против гужовинности и самообложения я не говорил, и сам не уклонялся, всё, что на меня в этом отношении говорят — ложь. Никогда я также не агитировал против колхозного строительства, ибо я этим делом никогда не интересовался. Также никогда и никого я не запугивал японцами, ибо в этом деле совершенно заинтересован не был...» 25 сентября 1932 г. он заявил на допросе: «В мирное время на Камчатке занимался торговлей, ездил по селениям, скупал пушнину и продавал всевозможные товары, как кочующим, так и местные камчадалам. В настоящее время определённую профессию не имею, занимаюсь домашним хозяйством. К тому

же я стар по возрасту, и считаю вообще, что наша жизнь уже спета, а поэтому, решив вести спокойный образ жизни, я остановился после долгих скитаний в деревне Толбачик. Меня хорошо знают на Камчатке, ибо, будучи купцом, я часто жертвовал на нужды церкви, а также всевозможным религиозным обществам материально и деньгами. Я остался и останусь религиозным, ибо я верю в Бога и поэтому в будущем также думаю при благоприятных условиях всячески оказывать содействие для существования церкви. Я до сего времени придерживаюсь к старым обычаям и порядкам, так как раньше никого не обижали... Для меня безразлично, какая будет власть, так или иначе без власти жить нельзя, кто-то должен править людьми. В настоящий момент я вижу везде и всюду... жизнь сама по себе, несомненно, стала в этом отношении хуже, для меня лично, как одинокого всё достаточно. Будучи религиозным, возможно, я, разъезжая по деревням, мог при разговоре сказать о том, что по священному писанию, что человечество идёт к гибели через восстание, всё припомнить не могу... Вообще я против совласти ничего не говорил». 26 февраля 1932 г. ОСО при коллегии ОГПУ приговорило его к лишению свободы сроком на один год. Реабилитирован прокуратурой КО 19 февраля 1990 г.

КОММЕНТАРИИ

¹ Состав бюро ОК КПСС, избранного 28 ноября 1990 г.: В. Я. Абаев, Л. Д. Дзалаева, Е. В. Етылкупт, Л. Н. Егоров, С. А. Качура, В. И. Кравченко, В. В. Кустин, В. И. Лихно, Ю. Н. Львов, Г. П. Марков, А. С. Плюснин, В. А. Попов, В. П. Потапенко, С. Г. Придворев, Б. П. Синченко, О. М. Фалеев, К. Р. Федотов, Г. С. Чернов. На 1 августа 1990 г. зарплата ответственных работников аппарата ОК составляла: оклад первого секретаря — 750, второго секретаря — 650 (с районным коэффициентом и надбавками — 1 010); секретарей — 600 (960), заведующих отделами — 500 (855), инструкторов — 330 (755—760).

² Ст. 58 УК РСФСР (в редакции 1926 г.):

1а — за измену Родине (действия в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство за границу) предусматривается ВМН, то есть расстрел, с конфискацией всего имущества или, при смягчающих обстоятельствах, десять лет лишения свободы с такой же конфискацией; 1б — то же преступление, совершённое военнослужащим, карается ВМН с конфискацией всего имущества; 1в — совершеннолетние члены семьи военнослужащего, убежавшего за границу, способствовавшие этому или знавшие о том, но

не донёсшие властям, наказываются лишением свободы от пяти до десяти лет с конфискацией всего имущества, а остальные, совместно с ним проживавшие или находящиеся на его иждивении к моменту преступления совершеннолетние, лишаются избирательных прав и ссылаются в отдалённые районы Сибири на пять лет; 1г — за недонесение властям о готовящейся или совершённой измене со стороны военнослужащего — десять лет лишения свободы, других граждан — не меньше шести месяцев.

2 — вооружённое восстание, захват власти в контрреволюционных целях в центре или на местах карается ВМН или лишением гражданства, изгнанием из страны навсегда...

3 — помощь иностранному государству в контрреволюционных целях наказывается тем же, что в п. 2;

4 — помощь международной буржуазии, стремящейся к свержению коммунистической системы, карается лишением свободы от трёх лет и вплоть до расстрела, лишением гражданства, изгнанием из страны навсегда, с конфискацией имущества;

5 — склонение иностранного государства к вооружённому вмешательству, захвату госимущества влечёт то же, что в п. 2;

6 — за шпионаж (передачу, похищение или сбор сведений, представляющих собой государственную тайну, с целью передачи иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам) предусматривается лишение свободы от трёх лет до расстрела или объявление врагом трудящихся, изгнание из пределов СССР навсегда, с конфискацией имущества;

7 — подрыв государственной промышленности, финансов, использование в контрреволюционных целях государственных учреждений, предприятий влечёт за собой то же, что в п. 2;

8 — точно такое же наказание за террористический акт в отношении представителей власти, деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций;

9 — то же самое за повреждение или разрушение государственного или общественного имущества: взрыв, поджог и т. п.;

10 — пропаганда или агитация к свержению или ослаблению советского государства или к действиям, предусмотренным пунктами 2—9 ст. 58, или распространение или хранение литературы такого содержания наказывается лишением свободы не ниже шести месяцев;

11 — организационная деятельность по подготовке или совершению преступления, предусмотренного этой статьёй, участие в организации, созданной для подготовки или совершения одного из преступлений, влекут меры социальной защиты, указанные в соответствующих пунктах настоящей статьи;

12 — за недонесение о достоверно известном готовящемся или совершённом контрреволюционном преступлении лишение свободы от шести месяцев;

13 — активная борьба против рабочего класса и революционного движения на ответственной или секретной (агентурной) должности при

царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны наказывается по аналогии с п. 2.

14 — контрреволюционный саботаж, то есть сознательное неисполнение или умышленно небрежное исполнение кем-либо определённых обязанностей с целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата карается лишением свободы на срок не ниже одного года с конфискацией части или всего имущества, а при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до расстрела с конфискацией имущества.

³ По словам *Г. М. Коллегова*, секретаря совета, членом совета был дьякон Николай Константинович Логинов, а кандидатами — церковный староста, бывший казачий вахмистр Селиванов Василий Максимович (или Иннокентий Николаевич, псаломщик) и торговец Пётр Алексеевич Сторожевский.

⁴ Состав Камчатского губбюро РКП-ВКП(б) во главе с Бузиным (декабрь 1923 г.): Вольский, Ларин, Ломбак, Кручина; декабрь 1924 г.: Вольский, Ломбак, Соколов, Якимов. Оклад Бузина (как и Ларина) в 1924 г. составлял 340 руб. в месяц; служащие получали 107, советские работники — 95, рабочие — 83 руб. Прожиточный минимум в марте 1924 г. — 34 руб. 65 коп. 30 декабря 1924 г. губбюро РКП(б) утвердило редколлегия газеты «Полярная звезда» в составе: Б., Якимова, Иванова, Брикмана и Малькова. 26 мая 1925 г. Президиум Далькрайпарткомиссии отменил решение Камчатского губбюро о снятии Б. с поста ответственного секретаря по инициативе председателя ГРК Вольского и уполномоченного ДВ краевой контрольной комиссии Якимова за злоупотребление служебным положением — присвоение казённых денег при переезде в 1923 г. на Камчатку (проезд пароходом во втором классе к месту службы с использованием 170 руб. на билеты для детей, не отпущенных матерью, санкционирован задним числом секретарём ДВ крайкома партии Гамарником; деньги обращены в доход Камчатского губбюро).

⁵ Бюро КОК ВКП(б) при В. на 1 января 1943 г.: А. Г. Кожевников (избран 25 сентября 1942 г.), Подозёров, Мальцев, Павлов, Кулаженко, командир 101-й стрелковой дивизии генерал-майор Можаяев (избран 25 сентября 1942 г.), начальник 60-го ордена Ленина Камчатского морского пограничного отряда генерал-майор Г. Ф. Филиппов, Г. А. Черных, К. М. Чуйко.

⁶ Именной список отряда: Георгий Александров, Павел Барабанов, Берсенёв, Бождай, Брикман, Артемий Булатов (18 лет), Бурнатов, Александр Васильев, Василий Иванович Васильев, Выломов, Михаил Вольский, Глинкин, Глуховецкий, Глушков, Голованов, Порфирий Гончаренко (19 лет, комхоз), Павел Держачёв, Фёдор Дигай (18), Николай Дмитриев (18), Елисеев, Иван Ефимович Ефимов, Зимин, Семён Зорин, Всеволод Зуевский (20), Иван Игрушечкин (19, ученик), Александр Иванов, Илья Егорович Иванов (23, караульный финотдела), Картакай, Степан Ким (18, без службы), Коробко, Королёв, Копылов, Кочкин, Крайзельман, Степан Крупенин (22, комхоз), Василий Куренков (23, губфо), Ластовский, Ломбак, Лукашевский, Пётр

Могутин (20), Моцарт, В. Новограбленов, Павел Новограбленов, Нацковский, Николай Одляницкий (23), Пеньков, Василий Пивинский, Понятаев, Проскураков, Константин Сементовский, Святой, Пётр Яковлевич Слободчиков (22, караульный финотдела), Иван Сойнов, Соколов, Виктор Соловьёв (19, губфо), Михаил Стovas, Сторожев, Сергей Селиванов, Георгий Сычѳв, Евгений Сычѳв, Михаил Трифонов (23, караульный финотдела), Александр Уваров, Фролов, Пётр Цой, Черепанов, Шпагин.

⁷ Его товарищем (заместителем) был Г. М. Бибигов. Селения волости представляли: Завойко Даниил Заочный, Коряки Полуэт Слободчиков, Хутор Евгений Машихин, Авачу Порфирий Наянов, Тарью Андрей Антошкин, Паратунку Тимон Шевцов, Микижу Герасим Яковлев, Тихую Семѳн Леонов.

⁸ В правление клуба вошли: председатель Сторожевский, члены Ильин, Подгур, Успенский, Крайзельман, Брикман. 30 декабря 1924 г. в состав правления входили: члены Бузин, Сторожевский, Пнѳв, Успенский, кандидатами военком Васильев и завклубом Г., представители губбюро РКП(б) Мальков и Мефодьева.

⁹ В марте 1948 г. при нѳм: второй секретарь ГК Никифор Семѳнович Черных, третий — Николай Романович Складенко, по кадрам Вера Тимофеевна Харченко, заведующий агитационно-пропагандистским отделом А. Я. Гуревич, заведующий военным отделом Григорий Самойлович Дьяченко. Бюро ГК от 22 июня 1949 г.: Г., Черных, Михаил Георгиевич Лаѳк, Н. А. Космачѳв, В. П. Севостьянов, Лев Григорьевич Струков, А. Г. Дмитриченко, М. Б. Мориц, С. С. Прокофьев; секретари: второй — Черных, Лаѳк, Космачѳв; завагитпроп Струков.

¹⁰ В качестве членов в совет вошли: А. А. Бакулова, А. А. Борисоглебский (товарищ председателя), Т. Бучинский — священник, К. Гарднер, Е. Зборжевецкий, Н. П. Корякин (церковный староста), П. Т. Новограбленов, И. Г. Подпругин, П. К. Шерстенников (секретарь совета); кандидаты в совет — А. П. Колмаков (он же кандидат в церковные старосты), И. И. Косыгин, М. К. Соколов и П. И. Фѳдоров.

Продолжение следует.

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

В. В. БРАГИН

БОЛЬ ДУШИ — ПОТЕРЯННАЯ РОДИНА

В излучине реки Камчатки, где впадает река Белая, стоит крест, поставленный Владимиром Атласовым, землепроходцем, присоединившим полуостров к России. Здесь река Камчатка поворачивает с запада на восток. Ниже в полутора километрах некогда стояло селение Кресты, теперь его нет на карте. Здесь в 1910 г. родилась моя мать Ирина Владимировна Кречетова. В семье Кречетовых, кроме неё, было ещё пятеро детей: Варвара, Степан, Владимир, Пётр, Антонина. Мать вышла замуж в шестнадцать лет. Когда моего отца арестовали, у них уже было четверо детей, а мать носила пятого. В Крестах, кроме Кречетовых, жили Артёменко, Бобылевы, Коллеговы, Чудиновы, Тетерины, Власовы, Удачин, Баженовы, Ключевы, Третьяковы, Рыковы.

А ниже по течению в тридцати пяти километрах стояло знаменитое селение Ключи. Название оно получило оттого, что по всей его округе били ключи. Река в районе Ключей не замерзала круглый год. Места здесь очень красивые. На юге — гряда Ключевского вулкана, по-местному — сопка. На севере — Ключевской хребет и Шивелуч. Природа богато наградила этот край. Здесь и леса разных пород, и озёра, речушки с протоками, тундра, заболоченные места, хребты, горы. Ещё в пятидесятые годы водоёмы кишели от рыбы. Было несложно поймать гольца или карася. Камчадалы ещё в марте наблюдали, как рыба мечет икру. Много зимовало уток, лебедей, в лесу водились глухарь, куропатка, соболь, лисица, заяц, россомаха, выдра, олень, баран, медведь.

Вот фамилии ключевских камчадалов: Ушаковы, Удачины, Коллеговы, Брагины (пять семей), Бобряковы, Юрьевы, Столяровы, Сновидовы, Кречетовы, Васильевы, Михайловы, Селивановы, Портнягины, Маковецкий, Тюменцевы, Яскевы, Григорьевы, Богомолы, Пузаковы, Жиганцины, Курдюмские, Поповы, Греченинины, Буяковы, Толстихины, Грузных, Галямовы, Москвины, Чудиновы.

Дома, построенные ими в начале двадцатого века из лиственницы, были крыты оцинкованным железом или древесной корой. Камчадалы — приветливые, гостеприимные и честные люди, вели коллективный образ жизни. Их дома не закрывались на

замок. Воровства и мошенничества тогда ни в селении, ни в тайге не было и в помине.

Все камчадалы до 1930 г. занимались охотой и рыбалкой, больше никакой работы не было. Когда привезли рабочих строить Ключевской деревообрабатывающий комбинат (ДОК), то выяснилось, что их нечем кормить (строительство комбината началось в 1930, завершилось в 1932 г. — *Ред.*). Тогда власти попросили камчадалов В. В. Селиванова, В. В. Брагина и Грудных заготовить для них мясо. Они втроем в течение октября убили девяносто медведей. Туши вывезли верхом на лошадях. Зверя заготавливали в Маимле. Там на мысу поставили баню, теперь это место называется «У бани». Об этом мне рассказывали Василий Григорьевич Селиванов и в 1963 г. мой отец.

Если бы сейчас эти старики увидели, что сделали с их родиной за семьдесят лет леспромхозы! Без леса обмелела река Камчатка, не стало проток, речушек, заболоченных мест. Это ведь трагедия для Камчатки, для всей дикой дичи, которую надо увидеть и понять.

Семья моего деда, жившая в селении Ключи:

Брагин Василий Кирьякович, 1884 г. р., камчадал

Брагина Валентина Алексеевна, камчадалка.

У них было семеро детей:

Брагин Василий Васильевич, 1910 г. р. (мой отец)

Брагин Мей Васильевич, 1915 г. р.

Брагин Кирьяк Васильевич, 1918 г. р.

Брагина Александра Васильевна, 1920 г. р.

Брагина Евдокия Васильевна, 1927 г. р.

Брагина Лилия Васильевна, 1929 г. р.

Брагин Николай Васильевич, 1932 г. р.

Дед Василий Кирьякович и его старший сын Василий Васильевич имели крупное хозяйство. По рассказам матери, в 1927 г. у них было четырнадцать голов рогатого скота, а в 1929 г. — уже только шесть. Имелись лошади, две нарты собак, свой добротный дом размером девять на пятнадцать метров, крытый оцинкованным железом (стоит до сих пор, я в нём родился. Даже когда я женился, забор, поставленный дедом, ещё стоял).

В хозяйстве имелись скотный двор, амбар, копилка, баня, рабочий кунгас, два бата, три рыболовных сети, молочный сепаратор. И всё это оказалось уничтоженным. Что мог чувствовать человек, который всё это создал и столько сделал, а потом испытал на себе все «прелести» раскулачивания? Он ведь осознавал, что его родных разорят, а следующие поколения Брагиных ничего

не получают, кроме унижений. 25 марта 1932 г. деда арестовали и увезли на материк, раз и навсегда (по сведениям, изложенным в Книге памяти жертв политических репрессий Камчатской области, В. К. Брагин 8 июля 1932 г. приговорён Тройкой при полномочном представительстве ОГПУ Дальневосточного края к трём годам лишения свободы по ст. 58, п. 10 Уголовного Кодекса РСФСР. Реабилитирован прокуратурой Камчатской области 21 февраля 1990 г. — *Ред.*). Дед написал, что виновным себя ни в чём не признаёт.

После его ареста, моего отца, Василия Васильевича, записали в «лишенцы». Как раскулаченным, нам не продавали продуктов в местном магазине, приходилось ездить за ними в Харчино за двадцать пять километров от Ключей. В правах отца восстановили в 1936 г. по настоянию Софьи Ивановны Набоко, работавшей тогда на Ключевской вулканостанции.

Дед Василий Кирьякович до революции слыл в селе уважаемым человеком, считался самым богатым. Состоял в церковном совете, жертвовал на содержание церкви. Будучи грамотным, учительствовал в школе на Севере, в Вывенке потом некоторое время в Ключах. Хорошо знал Камчатку, в 1929 г. был проводником экспедиции, разведывавшей нефть. Говорят, что тогда из-за его отсутствия в Ключах сорвалась летняя рыбалка.

Он был хорошим охотником и рыбаком. Охотился вместе со старшим сыном зимой, а летом они занимались рыбалкой. Охотились так. С осени ездили верхом на лошади в Осиновку, за Козыревск, завозили на зиму продукты. Зимой уезжали налегке на собаках в Чажму, добывали за сезон до тридцати пяти штук соболей. А те, кто охотился недалеко от дома, брали не больше пяти зверьков. Но и продав только их, можно было прокормить семью до следующего сезона. Дед с отцом добывали и лисицу. Ездили далеко, вплоть до Тигиля. Хорошо знали местность, переваливали через Срединный хребёт и доезжали до западного побережья.

Дед скончался в день Победы в 1945 г. в Красноярске. Туда его отправили на вечное поселение после трёхлетнего заключения. Он так и не увидел и не узнал, как живут его потомки. А они не уронили фамильную честь Брагиных.

После «раскулачивания» наш дом отдали поселковому совету, потом там поселили приезжего учителя Крамкова, ещё и другие семьи. Позже пришлось побывать в своём же доме на новогодней ёлке. Его все так и называли: «Брагинский», и колодец также назывался, его в своё время дед выкопал. Вся округа ходила к нему по воду.

Переселились мы в баню. Она состояла из двух частей: верхняя сторона по реке Камчатке — сама баня, а нижняя — сушилка. Баниться же ходили к Ушаковым, в их каменку, она и сейчас стоит. Всего в бане жили двенадцать человек: дед, бабушка, семеро детей, моя мать, сестра Анна и я. Здесь родились ещё четверо Брагиных: Николай, 1932 г. р., дедов сын, Николай, 1934 г. р., и Анатолий, 1935 г. р., мои братья, Людмила, 1938 г. р., моя сестра.

Так начался отсчёт новой жизни Брагиных. Помню, мама говорила: «Если бы дед знал, что придётся в ней жить, разве бы он такую баню построил?» Когда у семьи всё отбирали, одного жеребёнка нам удалось отдать Бобряковым с таким расчётом, что они его зимой вернут обратно, на мясо. Так оно и вышло. Об этом мне сначала рассказал сам Бобряков, а потом подтвердил отец — через двадцать шесть лет, уже в 1963 г.

Мой отец, Василий Васильевич Брагин, трудился на Ключевской вулканостанции старшим рабочим. Первыми поднявшимися на Ключевской вулкан в 1936 г. были: начальник станции А. А. Меняйлов, С. И. Набокова, проводник В. В. Брагин и ещё один рабочий. Отца спускали в кратер для взятия проб газа. Об этом он рассказал нам в 1963 г., когда мы впервые встретились после долгой разлуки. Как-то за хорошую охоту отец получил премию — патефон с одной пластинкой про Ленина. На следующий год, снова за охоту, был награждён самоваром. Я с ним ездил на рыбалку.

Отец потерял семью, отсидел десять лет, но остался человеком. После лагерей в 1947 г. был сослан в Краснодарский край в станцию Камышеватскую Ейского района на вечное поселение. Там работал рыбаком в колхозе. Находился под милицейским надзором, ежемесячно отмечался. Когда мы были у него в 1963 г., видели это сами. Приходит лейтенант, спрашивает: что за люди? Отец отвечает: это мои дети, приехали с Камчатки, встретились через двадцать шесть лет...

В 1937 г. отец, оправившись от раскулачивания, поставил сруб нового дома, приготовил стропила, пиломатериал и занял три тысячи рублей. Тогда у нас были нарты собак, тёлка. Сентябрь 1937 г. был пасмурным. Отца забрали в пять часов утра 8-го числа. Я проснулся, спрашиваю сестру Анна: «А папа где?» Мы с отцом каждое утро ездили перебирать сеть-ставнушку на Коноплянке. Подумал, отец уехал один, и заплакал: «Обратно меня не разбудили сетку проверять». Сестра отвечает: «Пойдёте с мамой, и всё увидишь».

Утром пошли с мамой к милиции. Идём, дождь моросит. Тогда ещё не было рыбокооповских складов, а имелся военный стадион.

Там объезжали лошадей, они ходили по кругу и исполняли команды инструктора: останавливались, стояли, ложились, вставали. Такое я видел впервые. Подошли к тюрьме, она стояла за стадионом, здание было в виде буквы «Т».

В стене — небольшое отверстие, выше человеческого роста, оббитое обручным железом. Чтобы увидеть своих и пообщаться с ними, арестованному надо было подтянуться на руках. Подошли мы: женщина говорит со своим мужем, у обоих глаза в слезах. Закончили разговаривать, мужчина спросил нашу фамилию, мама назвала. Отец подтянулся, плачет, мы тоже заплакали. Долго говорить было нельзя. Люди столпились, нас потеснили. Их вывели на прогулку, человек пятьдесят, руки у всех заложены назад.

Начальником тюрьмы был Морозов, часовым — Юрьев. Морозов курил красную изогнутую трубку, на конце — чёрт с бородкой. После развода нам сказали, что завтра в восемь утра их отправят. Утром пришли на ключевской причал, а всех арестованных уже увезли ночью. Сколько было слёз! Народ стоял и ревел. Эту картину я запомнил на всю жизнь. У Морозова тоже была трагическая судьба, да и Юрьев прожил недолго.

После ареста отца началась у нас жизнь пасмурная и тяжёлая (по сведениям, изложенным в Книге памяти жертв политических репрессий Камчатской области, В. В. Брагин без предъявления обвинений Тройкой УНКВД по Дальневосточному краю 3 декабря 1937 г. приговорён к десяти годам лишения свободы. — *Ред.*).

Маме пришлось всё продать, чтобы расплатиться. Остались мы ни с чем. Помню, что она тогда сказала нам: «С голоду подыхайте, а чужого не троньте!» Теперь ей нужно было устраиваться на работу, но у неё не было паспорта. Пошла в милицию, а там ей говорят: «Измени фамилию, перейди на девичью, тогда дадим паспорт». То есть посоветовали, по сути, отречься от отца. Мама спрашивает: «А если муж приедет, тогда что?» Ей отвечают: «Ваш муж никогда не приедет, так что меняйте фамилию на девичью». И полтора года не давали документа. Мама фамилию не изменила. Все мы, дети, ей за это благодарны.

А пока она ходила на заработки к людям. Уходила в пять утра, возвращалась поздно ночью, приносила до пяти рублей за день. Уйдёт, мы спим, придёт — мы спим. Не видели её неделями, жили сами по себе. Потом всё-таки дали ей паспорт. Поступила она санитаркой в родильный дом с окладом в сто шестьдесят пять рублей. Проработала там, на одном месте, пятнадцать лет. Из-за маленькой зарплаты отпусков никогда не брала — всё компенси-

ровала их, получала деньгами. За троих детей в ясли отдавала семьдесят рублей, остальные несла домой. Северных надбавок ей не давали, как местной уроженке. Так мы и росли: полураздетые, полуголодные и вместо дома — в бане.

За добросовестный труд награждали маму почётными грамотами, отмечали на районных конференциях, а вот премий не выписывали. Она говорила: «Лучше бы денег дали, чем эти грамоты. Что ими баню оклеивать?»

Идём по селу, а встречные говорят: «Здравствуйте, тётя Ира!» Я спрашиваю: «Откуда тебя все знают?» «Все они прошли через мои руки в родильном отделении».

В общем, за сорок три года своей жизни она вся выработалась.

Про отца впервые после ареста мы узнали в июне 1950 г. от Кирьяка Васильевича, работавшего по связи. Он дал его адрес, но предупредил, что писать следует как можно реже. Впервые я написал, когда уже служил в армии.

В 1963 г., будучи в отпуске, впервые повидались с отцом. Встреча была очень тяжёлая. Мы долго вспоминали пережитое. Он плакал, говорил: «Я вас оставил маленькими, а приехали все взрослые и на свои деньги». Спрашиваю у него про такое событие. Пльвём на бату, рыбачим чавычу. Рядом берег, бугорок, везде большие саранки растут. Он отвечает: «Неужели помнишь?» Я говорю: «Раз спрашиваю, значит помню». А было это в 1934 г. в Казачьем.

Рассказываю другой случай. Сидят они после приезда с зимней охоты втроём: отец, Ефим Светлов и Мартынов и выпивают. Висят пять лисиц, три соболя выправлены и ещё два заморожены. Отец удивляется: «Ты что, и это помнишь? Это же было в тридцать пятом году». Раньше с собой брали охотиться детей, чтобы они с малолетства привыкали летом к батам, зимой — к собакам. Я познакомился с ними в пять лет, уже тогда ходил на широких лыжах.

Спросил отец про наш дальнейший путь. «В Москву поедем, посмотрим Мавзолей». Вот что он тогда сказал: «Ни в коем случае не ходи и не смотри. На этом человеке много крови и зла». Тогда у него уже была новая семья, жена и сын.

А в 1974 г., когда мы были у него в гостях в отпуске на Кубани в последний раз, отец вечером, когда стемнело, сказал мне: «Пойдём, посмотрим, как “живёт” станица». Вся она «работала» — что-то тащила. Отец рассуждал по этому поводу, что народ ворует не к добру. И это в одной станице, а что же тогда по всей России? Он говорил: «Лет через десять наступит полных хаос и развал». Не угадал всего лишь на пять лет...

Многие нас сторонились, боялись разговаривать. Считали, что общаться, а уж тем более дружить с нами опасно. Одна фамилия — Брагины — только чего стоила!

Но 1938 г. руку дружбы нам протянул Иван Артемьевич Волков. Стоял тихий ясный день. Гляжу, какой-то дед строгаёт доски для лодки. Я подошёл, встал у забора. Он спрашивает, как меня зовут, отвечаю — Василий. «Ну, что, Василий Васильевич, давай строгать вместе». Между прочим, он всех, даже маленьких детей, называл по имени-отчеству. Потом пошли к нему в дом, пить чай с клубникой и вареньем. Так началась моя дружба с Волковыми, дедом Иваном Артемьевичем, благороднейшим человеком, и его сыновьями Александром, Василием, Николаем и Артёмом.

Теперь они не выпускали нас из поля зрения и всегда помогали — и в охоте, и в рыбаке, да и вообще в жизни. Никто так не поддержал меня и брата Николая, как эти сибиряки — совершенно чужие нам люди. Благодаря Волковым, всем без исключения, мы встали на верный путь, не стали ни курыками, ни ворунами. Они для нас были примером в жизни. Хорошо относились к нам и их дети. Волковы — сибиряки, и мы — камчадалы — всегда жили дружно. До сих пор поддерживаю связь с их потомками.

В 1939 г. познакомился с Аликом Толстихиным, 1926 г. р., сыном учителя Толстихина, тигильского камчадала, преподававшего литературу в Ключевской школе. Тогда же, в 1939 г., мы сделали первые выстрелы из ружья. Наставником в этом деле был Алик Толстихин, а учениками — Женя Буянов и я.

А в 1940 г. я просил дядю Алексея Коллегова дать мне ружьё для охоты. Он говорит: «Володя, ты маленький, тебе всего десять лет». Я ему всё рассказал, как и что буду делать. Он дал ружьё, я поехал, подстрелил несколько уток. Радости было через край! Так начал охотиться на дичь, а потом и на всё остальное.

Где-то году в сороковом к нам пришёл милиционер, посмотрел, как мы живём, сказал маме: «Напиши заявление, вернём отобранный дом». Но мама писать ничего не стала, побоялась. Да и хлопотное это было дело. Так в нашей бане я прожил до 1958 г.

Старшей среди нас, детей, была сестра Анна, 1928 г. р., следующим по возрасту шёл я, родившийся в 1930 г. Все домашние заботы легли на плечи Анны: сварить, помыть посуду, прибрать в бане. Она окончила семь классов, никаких отметок, кроме отличных, никогда не получала. За время учёбы наградили её семью почётными грамотами. Она первой пошла работать — наблюдателем-метеорологом. Как начала трудиться, ушла из нашей бани: Гидро-

метеослужба дала ей квартиру. Работала метеорологом в Ключах, Усть-Камчатске и Петропавловске. По мужу её фамилия Сокоренко. Детей у неё не было. Ушла из жизни в 1975 г.

Главная беда была с деньгами. Обуты мы были неважно, одежды не хватало. Я сделал из вилки шило, подшивал прядевом валенки. Одежду и обувь носили по очереди. Прихожу из школы, снимаю одежду, её надевает брат и идёт обратно. Питались картошкой, капустой, рыбой и тем, что давали по карточкам. Остальным снабжала природа, только не ленись. В этом отношении мы были шустрые, могли поймать петлями зайца, куропатку, лишь бы желание было. Так природа нам и помогла. До сих пор не могу смотреть на куропатку и зайца — до того в детстве их наелся, что на всю жизнь хватило.

Когда подрос, стал маме и Анне помощником во всём. На мои плечи легли огород, заготовка дровишек, доставка воды. Первые деньги заработал во время войны, когда впервые привезли американскую муку в мешках по двадцать килограммов. Взрослые мужики были в армии. Мы, подростки, выгрузили две «Камчатки» — был такой речной пароход, заходил в Ключи. Бригадирствовал над нами один парень, его отец работал машинистом электростанции.

Уже подрастали братишки, Николай и Анатолий, мне становилось полегче.

В школе учился первое полугодие неважно, а во втором меня как будто подменили, и учёба наладилась. До четвёртого класса занималась с нами Ольга Николаевна Львова.

В 1945 г. я поступил в школу фабрично-заводского ученичества. Туда набирали на электриков, слесарей, бондарей, столяров-судоплотников, токарей, на те специальности, что были нужны на деревообделочном комбинате. Мне хотелось стать электриком. На меня обратил внимание Георгий Игнатьевич Попов. Я стоял перед ним в поношенной одежде, весь в заплатах. Попов поинтересовался, кем мне приходится Ирина Брагина. Я ответил, что это моя мама. Тогда он сказал: «Придёшь через два часа и всё узнаешь». Я вернулся домой, обо всём рассказал маме, а она пояснила, что недавно принимала у жены Попова роды. Так благодаря маме я попал в желанную группу электриков. Теорию электрики преподавал нам начальник электростанции Ген, практику — А. М. Костенко. Это были отличную знатоки своего дела. Они знали всю работу по ДОКУ.

Начав работу, я принёс пользу и ящичному цеху, и лесозаводу в целом. Но в цеху молчали, не благодарили, чтобы избежать

ненужного шума. А 1950 г., во время руководства ДОКом Иваном Мелентьевичем Бурмакиным, мне объявили благодарность, наградили почётной грамотой.

Вот что приключилось во время одного дежурства. Часов в двенадцать ночи приходит мой ученик и помощник Вася Герасимов и докладывает, что всё в порядке. А меня словно что-то толкнуло: иди, проверь электромотор. Подошёл, открываю крышку заднего подшипника и, о, ужас! Лопнуло смазочное кольцо. Выключил рубильник, давай быстро разбирать подшипник. Ослабил ремень, отдаю шпильки, вынимаю верхнюю половинку подшипника, снимаю кольцо, вставляю запасное. Всё делаю спокойно, внимательно. Вдруг подходит Бурмакин, спрашивает, в чём дело. Показываю, в чём. Собрал, проверил щупом со всех сторон, натянул ремень. На всё это ушло где-то полчаса. Этот мотор вращал две пилорамы, бревнотаску, отходы древесины от них питали электростанцию.

На следующий день прихожу на работу: висит приказ об объявлении мне благодарности, все поздравляют. Встречает директор И. М. Бурмакин, говорит: «Ты знаешь, что ты сделал? Случись беда, остались бы без работы полторы тысячи человек, перестала бы действовать электростанция». Так он рассудил мой поступок. А ведь если бы случилась эта беда, крайним оказался бы я — электрик — и пошёл бы по стопам деда, отца и двух дядек в «места, не столь отдалённые». Такое могло быть.

Ко мне на лесозаводе все относились хорошо, начальник цеха, механик, слесаря, рабочие. Были у меня ученики: Черепков, Винокуров, Терещенков, Хаютин. Учёба в ФЗУ пригодилась и в будущем, во время службы в армии.

В конце мая 1950 г. принесли повестку о призыве в армию. Когда провожали, мать сильно плакала: «Как я одна ещё троих детей поднимать буду?» Свой костюм оставил братьям, с собой не взял ни копейки.

Из Ключей призвали шестьдесят девять человек, а вообще с Камчатки набралось до сотни ребят, у которых родители были репрессированы. Служить они шли с желанием, все были хорошо подготовлены, особенно физически, а про стрельбу и говорить нечего. Ночь с 6 на 7 июня, перед отправкой, мы с Женей Буяновым провели в тайге, так как мы любили природу и свою родину. Потом Женя покинет её навечно, а я родным местам не изменяю.

В Усть-Камчатске нас проверили и назначили, кому и где служить. Человек семнадцать из Ключей попали в 165-ю команду. В Петропавловске в команду добавили ещё людей. Повезли во

Владивосток на военном транспорте — пароходе «Зырянин». По пути зашли на Курильские острова, взяли демобилизованных. Проходили рядом с Японией. Когда отошли от Курил, над нами кружил американский самолёт. Нас загнали с палубы в каюты.

Пришли во Владивосток, всех пофамильно проверили и отправили на Вторую речку, а оттуда всю команду — в Кочевую падь. Там одели военную форму, приняли присягу. Ночью подняли по тревоге и с вещмешками за плечами марш-броском на станцию Пограничную. Здесь тщательно проверили и посадили на поезд. Эшелон тронулся. Смотрим в окно: рядом тайга, видно, как фазаны бегают табунками.

Пересекли границу с Китаем. На первой станции из теплушек пересели в китайские пригородные вагоны. Проехали города Мудадзян, Харбин, Мукден, Чанчун, приехали в Порт-Артур. Встречали нас с духовым оркестром. Прибыли в старый город. Тишина, жара, к которой мы не привыкли. Сидим. Приезжает генерал Фетисов, Герой Советского Союза. Мы вскочили, а он говорит: «Сидите и ждите», — и давай анекдоты травить. Мы смеёмся. Рассмешил он нас, поднял боевой дух. Простился: «До завтра!» На следующий день нас выстроили — целый эшелон. Прибыл командующий армией генерал-полковник, дважды Герой Советского Союза Белобородов, с ним командиры дивизий и полков.

Мне повезло служить в дивизии, которая формировалась в Омске из сибиряков в 1941 г., в начале войны. Она отстояла Москву, попала в окружение, но не сдалась. Получила звание «19-я гвардейская Рудненско-Хинганская орденов Суворова и Боевого Красного Знамени». А в апреле 1945 г., ещё во время войны с Германией, её перебросили на Халхин-Гол. Во время войны с Японией в 1945 г. части дивизии первыми ворвались в Порт-Артур. После войны эта славная часть дислоцировалась здесь. Мы, камчадалы, её чести не уронили.

Поначалу направили меня в полковую школу. Подходит ко мне Паша Кулыга: «Ты, Володя, куда попал?» «В полковую», — отвечаю. А он говорит: «Зачем тебе полковая школа, вон, шоферов набирают. Как здоровье?» «Лучше не придумаешь». «А зрение?» «Ночью уток влёт стреляю». Так и попал я на механика-водителя. На шоферов записались двадцать два человека. Паша подтолкнул меня в середину этой группы и ждёт. Я стою в очереди «на шофёра» пятнадцатым. Прошёл всю медкомиссию без единой запинки. Спрашивают фамилию. Называю. Смотрят, а меня в списках-то нет. Начальник медсанбата говорит: «Мы уже несколько

человек не пропустили, не прошли медкомиссию, а этот прошёл без всяких замечаний».

А до этого сам начальник медсанбата приказал мне соединить указательные пальцы на разрыв и не смог разъединить их. Спрашивает: «Откуда у тебя такие мышцы?» Отвечаю, что с детских лет на лодке за вёслами да на турнике. Так я и попал, совершенно случайно, в автошколу. А комиссию мы прошли только ввосемьмом, остальные не смогли. После нас осмотр из сорока выдержали только четырнадцать человек, вот как проверяли!

В автошколу сделали только один набор — двести восемь человек. Началась служба в школе, там она вся и прошла. Будучи автоинструктором выпустил более тысячи человек. Мы учились водить машины на автодроме. Тот оказался размером с Елизовский аэродром, там было всё необходимое оборудование, заодно и стрельбище. В школе имелось одиннадцать автомашин. Перед выпуском присылали ещё из частей, в которых будут служить новоиспечённые шофёра: «Студебеккеры», амфибии, бронемшины, бронетранспортёры, в общем, всё, что стояло на вооружении.

Учиться начали 1 сентября. Одновременно шла инспекторская проверка. Стрельба давалась мне легко, память была хорошая. Приехали на автодром, а на стрельбище идёт учебная стрельба. Старослужащие сержанты палят и мажут. Замполит подполковник Трегубенко матерится: «По семь лет служите, а попасть не можете...» Я свою учебную задачу на автодроме отработал, подошёл к месту стрельбы, слушаю, как замполит негодует. Потом говорю: «Товарищ подполковник! Разрешите мне стрелнуть из карабина! Он на меня посмотрел, говорит старшине: «Дай три патрона курсанту, пусть тоже за “молоком пошлёт”». Старшина дал карабин, номер РВ-544, патроны. Я лёг, приложился и тресь-тресь-тресь три раза.

Подполковник стучит меня по плечу, кричит: «Ты что делаешь?» «Стреляю, товарищ подполковник». «Не так надо!» «А как?» «Стрельнул, иди, посмотри, куда попал». Я его спрашиваю: «А как на фронте, тоже надо ходить, смотреть, куда попал?» Тот в ответ: «С тобой надо ещё и уметь разговаривать!» Пошли проверять результат: тремя патронами выбил двадцать восемь очков: две «девятки» и «десятку». Тут он спрашивает: «Ты где, сынок, так стрелять научился?» «Я, товарищ подполковник, с девяти лет охочусь». Так и попал на пристрелку оружия.

Как-то старший лейтенант Хоменко выпил бутылку пива, спрашивает: «Попадёшь, Брагин?», — и бросил вверх. Я разбил её

выстрелом вдребезги. Приехали в автошколу, замполит спрашивает, как стреляли. Хоменко рассказал, а замполит объявил мне десять суток ареста. Я вытянулся: «Слушаюсь!», но на «губе» не сидел. Хоменко был красивый офицер, пользовался большим успехом у порт-артурских женщин.

В конце октября прибыл из командировки мой помкомвзвода. На вечерней проверке объявляет: «Кто знаком с электрикой, выйти из строя!» Выхожу. Спрашивает, где работал. Я рассказал про лесозавод. «После завтрака подойдёшь ко мне». Я так и сделал. Получил от него команду отремонтировать репродукторы. Все четыре перемотал, один принёс начальнику автошколы. Теперь на всех этажах можно было слушать радио.

Командир взвода преподавал электрогенераторы. Как-то раз отклонился от темы, а я его поправил. Он мне поставил «двойку». Помкомвзвода спрашивает, за что, пояснил ему, тогда поставили «пятерку». После этого, сколько ни учились, ни разу он меня не спрашивал, а на экзамене поставил «отлично».

В октябре 1950 г., когда китайские добровольцы вступили в корейскую войну, вся наша армия на Квантунском полуострове стояла на позициях в полной боевой готовности. Китайские добровольцы, среди которых было много девушек, погнали американцев до 38-й параллели, а наша армия вернулась в места дислокации.

Как-то вечером, было ещё светло, я и Вася Буханов стояли регулировщиками на развилке дорог между старым и новым городом в Порт-Артуре. Мимо шли колонны войск. Вот это была мощь! На следующий день в десять утра войска продолжали следовать по назначению. Потом нас сняли и отправили назад в автошколу. На вечерней проверке всем объявили благодарность. После этого ни одно учение без нас не обходилось.

В автошколе я проучился с 1 сентября 1950 г. по 21 марта 1951 г. Получил права, радостно было засобирались в часть — 56-й гвардейский полк. За мной приехал старшина автороты. Взял в каптёрке вещмешок, бегу по лестнице. Мимо идёт начальник школы: «Ты куда, Брагин?» «В часть, — говорю, — старшина меня ждёт». Тут начальник школы показывает приказ командира дивизии, по которому я оставлен в школе в качестве инструктора по вождению. Доложил о том старшине. Оставили нас несколько человек, в том числе и Васю Буханова. Мы с ним так вместе и провели всю службу, сдружились.

Началась у меня новая жизнь, многому научившая. Особых трудностей не возникало благодаря хорошему здоровью, имевшимся

знаниям, умениям и трудолюбию. Всё это сильно помогло. Где-то в середине апреля вызывает меня начальник автошколы. Даёт задание: возить жёлтый песок из бухты Янгань в парк культуры и отдыха офицеров. Езжу, вижу горизонте нескончаемую шеренгу американского флота, а вдоль берега стоят наши боевые корабли, в небе висят самолёты. Насмотрелся на всё это, но паники никакой не возникло.

Время потекло незаметно. Возил танковые двигатели на ремонтный завод. Через некоторое время начальник школы предложил заниматься с курсантами, я согласился. Стал и редактором стеной газеты «За учёбу». За полтора года выпустил тридцать девять номеров. Затем назначили командиром взвода, поставили преподавать двигатели и стали платить половину офицерского оклада. Деньги переводили в Петропавловск. После демобилизации, когда вернулся на Камчатку, получил их и привёз домой, в Ключи.

Помню такой случай. Собрал нас начальник школы. Речь шла о том, кто будет командовать сборным взводом из пятидесяти двух человек, составленных из солдат разных национальностей — кавказцев и среднеазиатов. Двое москвичей отказались. Тогда начальник школы обратился ко мне: «А что скажет Брагин?» «Если доверяете, согласен». С командованием справился. Поначалу мои подчинённые принимали меня за башкира и даже за узбека. Даже обращались ко мне на своём родном языке. Объяснил, что я — представитель малого северного народа, камчадал. На память об этом сохранил фотографию этого взвода.

После очередного выпуска начальник школы приказал за месяц изготовить три учебных стенда по двигателю: кривошипно-шатунный механизм, систему смазки и газораспределение. Все отказались, а я согласился. Получил за это три месячных оклада китайскими юанями — большие деньги.

Перед демобилизацией начальник школы предложил мне готовиться сдавать экзамены на присвоение звания младшего лейтенанта, после чего остаться при школе преподавателем. Но я ему ничего про себя и семью не рассказывал, что у меня дед осуждён по 58-й статье, отец тоже, да двое дядек. А ведь надо писать автобиографию... Ну, я и напился «в стельку».

В общем, никаких экзаменов не сдавал. Начальник школы мне кулаком погрозил: «Ну, ты у меня демобилизуешься!» А через несколько дней у нас состоялся разговор. Я ему выложил всё до мелочи, а он мне в ответ: «Я так много о тебе рассказывал командиру дивизии, какой ты есть, только хорошее, а, оказывается, у тебя

нечистая биография!» Убрал меня из автошколы до демобилизации в город Дальний, в 54-й гвардейский пехотный полк, которым командовал Герой Советского Союза полковник Амбарьян.

Когда пришло время, командир полка зачитал приказ о демобилизации, всех поблагодарил за службу, потом сказал, что особенно благодарен камчадалам, в первую очередь за стрельбу: «Таких стрелков, как вы, в нашей дивизии больше никогда не будет. Уедете, и призы, которые вы завоевали, полетят к чёртовой матери».

Во время службы меня и Лёшу Коваленко откомандировали в китайский полицейский участок в населённом пункте Шуйшин. Начальник школы проинструктировал и сказал, что из тридцатитысячной группировки войск именно нам доверили эту службу, так что не опозорьтесь. Мы подчинялись генералу из штаба армии. Через некоторое время генерал сказал, что идёт перегруппировка войск и приказал ни одной машины ни туда, ни оттуда не пропускать. «Иначе пойдёте под суд военного трибунала!»

Стоим с Лёшей в полном боевом облачении. Едет машина — чёрный лимузин. Останавливаем, выходит адмирал, спрашивает, в чём дело. Отвечаем, что проезд закрыт. Оказалось, что это командующий Порт-Артурской эскадрой. Говорит своему шофёру: езжай, не обращай внимания. Мы с Лёшей, как по команде, передёрнули затворы. Он вышел, побледневший, спрашивает: «Вы что делаете?» «Мы выполняем приказ!» Минул месяц, мы вернулись в автошколу. На вечерней проверке зачитывают приказ, объявляют нам благодарность командующего армией генерал-полковника Белобородова.

В армии прошли лучшие годы моей молодости. Вспоминаю такие случаи. Как-то во время подготовки очередного номера стенгазеты замполит написал передовицу. Я прочитал, её смысл понял, но содержание не понравилось. Думаю, напишу по-своему. Замполит прочитал, говорит: «Сукин ты сын, откуда всё берёшь?»

Или — стоит плохая погода, у солдат — личное время. Замполит распоряжается: «Брагин, собери всех и займи делом». Начинаю разговор на разные темы. Курсанты задают вопросы, я отвечаю, рассказываю о службе, о гражданке, про учёбу.

А вот такая история. Стоял начальником караула, охраняли штаб дивизии. Вдруг вызывает часовой, стоящий у ворот штаба. Тот, кто выезжает из штаба, обязан предоставить пропуск, а выезжал полковник Лёгкий. Говорит: «Пропустите!» Я требую пропуск. Полковник в ответ: «Сходи и возьми у дежурного по штабу». «Прежде чем выехать, вы обязаны взять пропуск». Полковник,

хоть и кричал «Посажу!» и злился, но всё же был вынужден пойти и выписать пропуск. Он был начальником автотракторной службы дивизии, его все офицеры боялись. Караул завершился, приходим в школу, а вечером объявляют нам благодарность за бдительное несение службы...

Демобилизовался 8 октября, прибыл с товарищами во Владивосток. А здесь нас не хотят брать на пароход «Азия», идущий в Петропавловск. Пришлось обращаться аж к самому министру обороны, после чего нас посадили на судно в первую очередь. Прибыл в Петропавловск, пошёл в сберкассу, снял свои переводы из Порт-Артура и с этими деньгами отправился в Ключи. Первый раз в жизни летел на самолёте. А с билетом помог майор Макаров. Он тоже когда-то служил в Порт-Артуре. Там был лётчиком, а здесь — начальником Халактырского аэропорта.

Прилетел в Ключи 26 октября в три часа дня, а в девять вечера добрался до дома. Когда высадился, позвонил, чтобы маму предупредили о моём приезде. Она всё приготовила для встречи, позвала Чудновых, деда с бабкой. Встретились душевно. Только немножко опечалила наша постаревшая баня: с восточной стороны вывалились у неё четыре бревна.

Долго разговаривали о разном. Дядя Миша говорит: «Ну, теперь Володя надо жениться». Я ему отвечаю: «Пять лет жениться не буду. Я до армии ничего хорошего в жизни не видел, кроме работы и домашних дел. Все деньги отдавал маме, даже в кино не на что сходить было». (Кстати, так оно и вышло. Женился ровно через пять лет, 26 октября 1958 г.) И я обещанное выполнил, изо дня в день отдавая душу свободе.

А вот мама советовала не жениться и не заводить детей. Почему? Да чтобы их не постигла та же участь, что и нас. «Если бы я знала, что так будет, то я бы вас не рожала». А ещё говорила, что ничего рассказывать о прошлой жизни не будет, дабы мы не имели к людям никакой злобы.

Радостные встречи были с Волковым. Дядя Саша позвал меня на охоту, пробыли там две недели. На мою долю пришлось четыре соболя. Полученные за них деньги стали первыми, заработанными после службы.

С 1954 по 1958 г. зимой охотился для госпромхоза. Всю добычу сдавал туда. Для себя ничего в то время оставлять не разрешалось. Получал хорошие деньги, но при этом как камчадалу мне северные надбавки не платили. Летом шоферил в колхозе. Ухаживать за машиной помогали колхозные ребяташки. Позже некото-

рые из них стали механизаторами, благодарили «за науку». Из ключевских уроженцев, местных коренных жителей, я оказался первым водителем, остальные — приезжие. Свой ГАЗ-51 доставил из Усть-Камчатска. Стоил он тогда двадцать две тысячи рублей. Приобрести его помог хорошо мне известный И. М. Бурмакин, тогда уже председатель райисполкома.

В 1957 г. колхоз стал отделением совхоза. В начале октября мне пришлось перевозить с пирса на квартиру Конова. Он спросил мою фамилию. «Не Василия Брагина сын?» «Да». Тут он рассказал историю, как Афиноген Греченин уничтожил архивные документы Брагиных, чтобы завладеть нашим домом и надворным хозяйством. То, что узнал, никому из своих я не передавал, кроме отца в 1963 г. Рассказал ему коротко и ясно, чтобы не расстраивать, и больше мы это дело не вспоминали.

В 1958 г. встретился с Н. Г. Захаровым, директором сплаврейда. Он пригласил меня на работу, заключил договор с надбавками. Через полгода получил первую надбавку и отпуск в сорок два рабочих дня. Трудился шофером и одновременно крановщиком на двенадцатитонном кране «Январец».

Идёт сплав леса. Все люди там. Подходит стотонная баржа с грузом. Рабочих нет, крановщик в отпуске. Виктор Игнатьевич Неведомский, начальник пирса, сам начал грузить и возить, я помогал выгружать, сплавщики стояли на сортировке. Так за неделю выгрузили баржу, которая ушла в Усть-Камчатск. И тут надо ремонтировать двигатель на машине, а делать это некому, все на сплаве. Начальник мастерских рассказал, как надо делать, и я давай растачивать, потом шлифовать цилиндры. Загвоздкой стала долгая расточка, на неё уходило много времени. Предложил шлифовать на сверлильном станке, собрал соответствующее приспособление. Потом токарь по моим чертежам сделал их для всего гаража. За эту рационализацию дали мне премию в четыреста пятьдесят рублей.

На сплаврейде проработал с июня 1958 по август 1967 г., всегда был на хорошем счету, трудился шофером, на тракторе КТ-12, «Январце», на мотолодке, был слесарем, лебёдчиком, в общем, работал там, где требовалось.

26 октября 1958 г. женился на Фрее Васильевне Коллеговой, 1932 г. р. Какую мы с ней жизнь прожили, всем на зависть! На второй день после женитьбы говорю: «У меня в кармане всего лишь семнадцать рублей». Жена отвечает: «Ну, ты же работаешь». Остальные деньги лежали у мамы на книжке, но у меня язык не поворачивался их попросить.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

„Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно превращает коровую переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из заурядного и тяжелого бремени, каким он считался раньше в деле чести, в дело славы и дело доблести и геройства.“

(СТАЛИН).

Министерство рыбной промышленности Союза ССР

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

За достигнутые высокие производственные показатели в социалистическом соревновании за первый квартал 1950 года
тов. Брагин В.В.

награждается Почетной грамотой.

Дирекция, партийная и профсоюзная организации выражают уверенность в том, что Вы и впредь будете бороться за досрочное выполнение годового плана.

Директор Ключевского лесокомбината (Мавлюк)

Секретарь партбюро (Волощенко)

Председатель завкома (Дулай)

Почётная грамота В. В. Брагина за отличную работу на Ключевском лесокомбинате, 1950 г.

А через полгода я построил бревенчатый дом, он и сейчас стоит. Когда задумал строиться, обратился к директору сплаврейда Николаю Петровичу Саранову. Он мне говорит: «Выписывай лес. Машина, трактор, мотолодка в твоём распоряжении». Главбух сплаврейда Евдокия Ивановна Яценко предложила мне ссуду на материалы. Договорился с плотниками, было их семеро, все деловые ребята. Через три недели сруб уже стоял, а на следующий год мы вошли в дом. Горчак сложил печь. Построили баню. Началась наша независимая жизнь.

Выписал лодочный мотор «Стрела», сделал бат. Всё свободное время проводили на реке. Жили спокойно, радостно. На бату ездили, как на машине. Многие завидовали. Даже друг однажды спросил, откуда у меня деньги...

А теперь расскажу про тяжёлые страницы жизни, плохое, завистливое, несправедливое отношение к нашей семье. Вот такой случай. Когда вернулся из армии, как-то зашёл в сельский клуб, а там костерят наших, Брагиных. Ну, ведь в селе все друг друга знают. Я встал и пошёл, словно оплётанный. Или: иду 7 ноября мимо школы, ребяташки вслед кричат: «Смотрите, сын кулака идёт». Вот тебе и наследство.

И на производстве недоброжелатели и завистники говорили, что Брагины такие-сякие, не надо их награждать. Хорошо, что дирекция оказалась справедливой, хорошо к нам относилась. Директор Ключевского ДОЖа как-то сказал: «Спасибо Брагиным, если бы у нас все такие рабочие были, то мы бы и горя не знали».

В 1954 г. впервые пришёл в госбезопасность после того, как встретил Петра Бобрякова, колхозника. Он мне говорит: «Володя, расскажу тебе по большому секрету, только никому не разбалтывай. Меня вызывали по вашему делу и выясняли, как вы сейчас живёте. Будь острожен». Это был первый сигнал, после которого я и пошел в «органы». Всё рассказал капитану Митрофанову, о родителях, о службе за границей, о недоброжелательстве и спросил, что нам делать? Как отвечать тем людям, которые нас обзывают? Минуть пять смотрели мы друг другу в глаза, потом капитан говорит: «Не беспокойтесь, никто вас трогать не будет».

Но все-таки слежка за нами велась. Сидим с братьями в бане, один выходит на улицу. Видит, стоит человек, подслушивает. Хотел поймать, но тот убежал. На следующий день смотрю на указанное братом место — а там натоптано. Подмёл метёлочкой, а через день снова следы. Кто это был, до сих пор не знаю. Вернулся домой как-то поздно, дверь в коридоре открыта, вижу, что кто-то вышел.

Спрашиваю домашних, кто приходил. «Никого не было». А я же видел, что кто-то выскользнул из двери! Об этих случаях я никому не говорил. А вот брат спросил одного комитетчика: «Нас всё время прижимают со всех сторон. Что нам делать?» Вот тогда из комитета пришёл человек и спросил, откуда знаем про слежку?

Собрались мы с женой строиться, кому-то надо было поднять такой голос: «Смотрите, молодой Брагин на ноги поднимается». Я что, должен быть нищим? Если я могу строиться, делать это своими руками, то в чём дело? Мать говорила: «Я же тебя предупреждала, не стройся, вот теперь тебя посадят» А было это уже в 1959-м.

И всё это продолжалось до середины шестидесятых, когда директор санаторно-лесной школы Шепилов написал в районной газете провокационную статью о Брагиных...

В 1963 г. первый раз в жизни поехал в отпуск, встретился с отцом. Поехали мы с женой и сестра Людмила. В Хабаровске пришёл к брату, попросил ехать со мной. Он говорит, что денег нет. Я ему: бери отпуск, билет туда и обратно куплю я, он согласился. Так мы и полетели из Хабаровска в Краснодар. Прибыли в станицу. Немного не доехали до дома отца. Прошу водителя остановиться. Вышел. Подхожу, вижу, стоит его жена. Спрашиваю: «Василий Васильевич здесь живёт?» Она на меня смотрит и говорит: «Ведь ты, Володя, копия батьки». «Где отец?» «Ушёл на море, нервы успокаивать». Спрашиваю, в чём дело. Оказывается, он только-только своего брата проводил, Мея Васильевича. Рассказала, как проехать на велосипеде. Мой брат туда и поехал, тропа-то одна. Отец смотрит: опять какой-то камчадал. А тот говорит ему: «Там, дома, ещё трое ждут». Отец едет, плачет. Тут-то мы и встретились. Сколько было слёз! Вот так я организовал нашу встречу. Была она тяжёлая. Меня и сейчас воспоминания о ней душат. Ни один из членов нашей семьи о такой встрече даже не заикался, а младший брат вообще отказался ехать, ни разу у отца не был.

В апреле 1966 г. пришла из больницы жена и говорит: «Ты не удовлетворишь мою просьбу?» Я посмотрел на неё, понял, о чём пойдёт речь, спрашиваю: «Что, усыновить хочешь?» «Да». Я дал полное согласие, чтобы поднять её дух. Как она была рада! А через пару дней приносит Серёжу. С этого дня у нас началась настоящая семейная жизнь, в счастье и достатке. На память о ней сохранилось много фотографий.

Серёжа уже хорошо говорил. Жена его выкупала, накормила, уложила спать. Лежит он на койке, заложив руки за голову, и вдруг спрашивает: «Мама, ты зачем меня той тётке отдавала?»

Мы всё время голодные были». Жена его успокоила, сказала, что больше этого не повторится.

В июле поехали в отпуск к отцу в Краснодар. Тот был очень рад, что у него на Камчатке теперь есть внук. Вместе проводили много времени на берегу Азовского моря.

Приехали мы домой, прожили ещё год, по-прежнему ни в чём не нуждались. Мы с женой решили переехать в Хабаровск. Прилетели в Петропавловск. Я пошёл покупать билеты. И здесь произошло непредвиденное. Авиакасса и управление Камчатсклеса располагались рядом. Смотрю, стоят П. М. Ефремов и Романов. Романов и обратил на меня внимание. Я ему рассказал, что к чему. А он обращается в Ефремову: «Павел Михайлович, лучший рабочий сплавейда навсегда уезжает с Камчатки». Ефремов меня тоже хорошо знал. Говорит: «Никуда ты не поедешь, будешь меня возить». «А как же ваш водитель?» «Я его уволю. А о прописке ты не беспокойся. Жена же может работать в бухгалтерии или машинисткой. Вот завтра пускай и выходит в машбюро, а потом решим и остальное».

Не стал я брать билеты, пришёл к жене, всё ей рассказал, она согласилась на такое предложение. Так мы остались на Камчатке. В новом коллективе встретили нас хорошо. Мне часто приходилось бывать в Елизово. Приезжал домой, рассказывал жене. Она и говорит: «Давай купим дом в Елизово». Купили на улице Паратунской, номер 17-й. Прописались, нашли работу, сына определили в детский сад, стоявший от дома в сотне метров. Серёжа один ходил туда и обратно.

Работал в гараже автобазы Камчатсельхозстроя. До неё от дома — пять минут. Жена тоже работала рядом — секретарём в зоне, тоже ходила туда пешком. Я шоферил на старенькой машине. Меня никто не знал, жену тоже, Серёжа нашёл себе новых друзей.

Бывший хозяин дома напросился месяц пожить с женой, пока свои дела устроит. Мы согласились. Прожили они свой месяц, устроили прощальный вечер. И вот он спрашивает меня: «Откуда у тебя столько денег?» Отвечаю: «Я работаю, не пью, не курю, жена тоже трудится. Всё свободное зимнее время провожу на охоте, за добычу хорошо платят». Спрашиваю его: «А что тебя так волнует?» Говорит: «Я старый человек, всю жизнь проработал, а таких денег не имею». И тут же показывает документы: удостоверения ГАИ, рыбнадзора, лесника. Говорит, если хочешь иметь такие же, помогай милиции. Ответил ему, что никогда «стукачом» не был и не собираюсь, давай-ка этот разговор заканчивать.

Он, видимо, этот разговор передал «кому следует». Уехал, а потом началась катавасия, длившаяся полтора года. Давай меня проверять, ночью часов в одиннадцать, а то и двенадцать, один и тот же лейтенант. Он уйдёт, а я до утра уснуть не могу, а днём надо садиться за баранку и наматывать сотни километров.

Вот тогда-то я и почувствовал острую боль в сердце. Как-то слышу стук в дверь, спрашиваю: «Кто?» «Милиция. Проверка документов, открывай!» На сей раз лейтенант пришёл с красивой девкой. Я открываю дверь в одних трусах, говорю ему: «Следующий раз придёшь, я тебя пришибу, и хоть буду знать, за что сижу». В последний раз, уже в начале восьмидесятых, пришёл следователь. Я как раз приехал обедать. Спрашивает, сколько получаю. Отвечаю, что меньше шести сотен в месяц домой не приношу. Сын учиться в Хабаровском лесопромышленном техникуме, ему Камчатлес переводит по сорок рублей да мы с женой подкидываем, ему хватает. «А я получаю, — говорит следователь, — всего триста рублей, а у меня пятеро детей». Я ему в ответ: «Это ваши заботы». Вот такие разговоры были у меня с милицией.

Проработал на машине до декабря. Возвращаюсь с линии, поднимаю капот, подзываю механика, показываю: всё в масле. Он посмотрел и говорит, что надо делать капитальный ремонт, запишываю тебя на очередь через месяц. Тогда я ему говорю, что через три дня уже буду на линии.

На следующий день пришёл пораньше, слил масло, отсоединил коробку передач, снял всё с двигателя, отсоединил и его. Подошёл автопогрузчик, поднял двигатель, я его протёр на весу и отвёз в цех. Моторист спрашивает, кто разрешил, отвечаю, что никто. «А кто делать будет?» «Это моя забота». Тут же разобрал двигатель, всё протёр. На складе получил необходимые детали, взял наблочный расточный станок, выставил размер, начал растачивать. А моторист наблюдает. Расточил, давай шлифовать. Шлифую третий цилиндр, подходит моторист, проверяет первый цилиндр: «Туговато». «Не для тебя делаю, — отвечаю ему, — больше не подходи». Всё сделал, собрал двигатель, поставил на стенд и давай обкатывать. На третий день поставил на машину и завёл со стартера. Подозвал механика. Тот подошёл, послушал, пощупал поддон, проверил давление масла — четыре «очка», нормально.

Интересуюсь, по какому разряду будут платить за ремонт. «По второму», — отвечает. Я ему говорю: «Иди и посмотри трудовую книжку, там записан пятый разряд, вот и будете платить по нему». Главный инженер записал себе в книжечку, и больше забот у меня

с оплатой не было. Руководство автобазы стало относиться ко мне совсем по-другому.

Вышел из ремонта. Прораб Ерышев попросил на один день съездить в посёлок Рыбачий. Это было 22 декабря 1968 г. Я согласился. Проехали везде, хотя пропуска у меня не было. Подбираемся к перевалу. Прораб говорит, что другие шофера дальше ехать отказывались. Я отвечаю, что раз в путёвке написано «Рыбачий», значит туда и едем. Прибыли в Рыбачий, в лесничество. Ерышев выписал билет, пообедали у начальницы и поехали дальше. А тут начался ураган, дорогу перемело. Я предложил Ерышеву вернуться в Рыбачий, иначе замёрзнем. Вернулись, переночевали у моряков, приняли они нас хорошо. Утром у директора лесхоза попросили лыжи, пересекли бухту, взяли бульдозер С-100 и двинулись обратно. После этой поездки прораб Ерышев взял меня к себе. Пока не сдали первую очередь, держал при себе и не отпускал. Мы тогда строили линию электропередач, без выходных и праздников, когда сдали первую очередь, выдали мне премию.

После этого случая вызвал меня главный инженер автобазы Белецкий: «Помоги, Брагин, нашему горю». Спрашиваю, в чём дело? Да девятнадцать самосвалов стоят без двигателей, каждый день автобаза теряет по две тысячи рублей. Спрашиваю: «Новую машину дашь?» «Дам». «А как платить будете?» «Сколько получаешь?» «Не меньше шестисот». «О получке не беспокойся». На этом и сошлись. Начал заниматься ремонтом, приходил рано утром, уходил домой поздно вечером. Работу завершил чуть больше, чем за месяц. Главный инженер поблагодарил и говорит: «Вот твоя новая машина, номера у меня, никто её не тронет», — и попросил провести техосмотр по двигателям. Я согласился, и теперь всей душой отдался этому занятию.

Дома дела шли удачно, лучше и не придумаешь. Сын учился хорошо, занимался горнолыжным спортом, никогда не болел. Жена была жизнерадостная, весёлая. Она воспитала и подняла своего племянника Юрия. Юра окончил десятилетку, работал у нас в сплаве сварщиком. Жена в это время трудилась в военкомате. Приходит туда разнарядка: послать двоих в авиационное училище. Он с другом и поехал. Юра прошёл комиссию успешно, а друг не смог, вернулся обратно. Юра окончил летно-техническое училище, служил в Паневежисе, облетел всю Африку, Ближний и Средний Восток. В 1968 г. прибыл третьим бортом в Чехословакию. Он был женат на литовке, имел дочь и сына. Моя жена в 1972 г. ездила к ним во время своего отпуска. Были

и они у нас в гостях на Камчатке. Жена из Прибалтики, а Юра — камчадал, вот так сошлись вместе.

Юра, где бы ни служил, всегда поздравлял нас с праздниками и почти каждый год прилетал в гости. Моя жена очень за него переживала. Как-то я поинтересовался его службой, но он сказал, что лучше нам про неё не знать, на душе будет спокойнее. На этом разговор и закончился. А жена знала, но всё в держала в себе, не рассказывала. В 1975 г., 8 сентября, в Новосибирске ей сделали операцию на сердце. Прилетели домой, здесь она стала постепенно преодолевать боль, стала левой рукой играть с сыном в бадминтон — так её развивала. Это надо было видеть. 25 декабря к нам пришли в гости члены двух экипажей Ан-12, прибывших из Паневежиса. Мы накрыли стол. Ребята дружные, весёлые, не ожидали, что их так встретят. Они хорошо отзывались о Юрике. Дали мы им в дорогу огромную засоленную целую чавычу.

После Нового года получили от них письмо, где ребята благодарили за приём и подарок, с которым они встречали праздник. После прислали телеграмму, что будут в Петропавловске. Я пришёл на военный аэродром, говорю дежурному, что здесь должны быть лётчики из Паневежиса. Тот удивился: откуда это известно? Показываю телеграмму. Пропустил. Снова увиделся с Юриными друзьями.

В 1974 г. умерла мама, в 1975-м — сестра Анна, а потом пошла череда смертей: в 1976 г. — отец, в 1977 г. — брат Николай, в 1978 г. — брат Анатолий. А 25 декабря 1979 г. погиб Юра. При заходе на посадку в Кабуле его Ил-76 был сбит ракетой. Как было тяжело всё это пережить! Жена полетела с Геной, Юриным братом, в Паневежис на похороны. Она ведь предчувствовала эту беду! После 25 декабря стала оплакивать Юрия. Я её успокаивал: с чего ты взяла, что с ним что-то случится? А она отвечает, что он впервые не поздравил нас с Новым годом, как обычно. Ведь он делал это всегда вовремя.

Вдова Юрия стала писать, просить помощи: сын по ночам плачет, скучает по отцу. В конце апреля Фрея уехала за внуком, в мае вернулась вместе с ним. Я встретил их в аэропорту, отвёз домой. В первую же ночь приключился кошмар. Опять началась у нас новая жизнь. Теперь всё внимание уделяли внуку. Всё свободное время мы с ним проводили на природе: на рыбалке, в лесу. Так мы спасали малыша.

Наступили восьмидесятые. Как-то к нам приехал Юрин зять, всё рассказал о своей жизни. Узнали мы, что теперь у нас есть

и правнуки. 31 марта 1996 г. не стало жены, остались мы с сыном вдвоём. Был он у меня единственным утешением. На моё семидесятилетие он почему-то не пришёл. Начал я его искать, взял фотографию и пошёл по милицейским участкам. В участке на улице Циолковского, куда я зашёл и показал фото, принесли дело. Он лежит голый, убитый. Так потерял сына и остался один...

...Опишу район Ключей, где родился я, мои деды и прадеды, скажу несколько слов о собственном осознании былого времени. Какая у нас была прекрасная природа от Мильково до Щёк! Щёки словно прикрывали долину реки Камчатки от влияния Тихого океана. До тридцатых годов здесь и люди жили по-другому, были доброжелательные и гостеприимные, хозяйственные. Оружие имелось в каждом доме, как гладкоствольное, так и нарезное — винчестеры. Детей с раннего возраста брали на рыбалку и охоту, в шесть-семь лет учили, как надо относиться к природе, как вести быт в тайге. Всё это со временем разрушили, раз и навсегда. Беда пришла от колхозов-совхозов и лесной промышленности. Председатели и директора плохо понимали природу, и это передавалось от них простому народу. Природа создала в районе Ключей богатые условия для всего живого, находившегося в лесу и воде. Возьмём самое простое — воду, реки и озёра Еульчино, Ключевское, Шестики, Азябье, Каменское, Глубокое, Заводской ключ, на всём протяжении селения Ключей, протоки, соединяющиеся между собой. Это были сплошные нерестилища лосося.

Опишу, как они исчезали. У знаменитой речки Каменушки в начале сороковых годов организовали летний выпас молодняка. Колхоз «Вперёд» огородил вершину сплошным забором. Там был косогор, и все нечистоты от скота летом скатывались в Каменушку круглые сутки. Когда лосось приходил на нерест, первым делом он идеально очищал подходящее место, а потом начинал метать икру. Сейчас же рыба была уже не в силах очищать речушку и ключи в ней.

Точно также произошло и с Ключевским озером. Похоже исчез Заводской ключ. Когда ещё не было Ключевского ДОКа и самого поселения, сюда, совсем рядом с селением, камчадалы приходили на караулку медведя. Там, где стоит почта в Ключах, были кормовые озёрки, где постоянно пребывали утки. После всё завалили для выкатки леса. Домашней протоки совсем не стало, её затащило лесом и песком. Когда-то в протоке ловили рыбу плавными сетями. Теперь от этого остались одни воспоминания. Раньше очищали речку, чтобы было больше рыбы, а теперь нет.

А где те хвойные и другие леса? Всё это исчезло за нашу короткую жизнь. В старые годы ребятишек лет с четырёх-пяти брали летом на бат, зимой — на нарту. Так делали отцы и деды, чтобы дети с ранних лет привыкали к тому, чем придётся заниматься в дальнейшей жизни, и ничего не боялись.

С отцом я ездил сетки ставить и проверять, зимой — в лес по дрова. Отец рассказывал и показывал, какие бывают следы, где проходят заячьи тропы, где глухари водятся, где зверье и птица день проводят, в общем, обо всём, что в лесу попадалось. Не даром я с ранних лет стал заниматься охотой, а уж про рыбалку и говорит нечего. Так все камчадалы делали со своими ребятишками. Учили, где разводить костёр. А сейчас юнцы в десять лет спокойно поджигают всё на своём пути, зато смотрят телевизоры, пользуются компьютерами.

Когда мы группой ходили в лес, старики-камчадалы всегда напутствовали: «Будьте внимательны с огнём, смотрите, где костёр разводить, не мусорите», что мы, ребятишки, и делали. Эти уроки мы усвоили на всю жизнь.

Вот каким необычным явлением пришлось мне стать свидетелем. Как-то «Сталинцы» — газогенераторные тракторы — провели первую раскорчёвку леса, на месте где сейчас расположен аэродром. В один из октябрьских дней дул сильный западный ветер. Группа ребятишек поздно вечером бегала по улице, а ветер нёс пыль и песок. Мы были в переулке, соединяющем улицы Колхозную и Кирова, здесь стояла сельская школа. Вдруг в небо поднялся огненно-жёлтый шар, его понесло ветром, а мы наблюдали за ним, пока тот не исчез.

Случай, свидетелями которого стали все работники ночной смены ДОКа. Осенью стояла тихая, ясная ночь. Вышли мы с Толиком Ионовым через проходную. Толя пошёл на Икрянку, где жил, а я — в сторону колхоза. Он уже зашёл за пожарную каланчу, а я добрался до пекарни. В это время небо словно расколосось с юга на север, стало светлее, чем днём. Это продолжалось несколько секунд.

А вот что видел на Смородинке на дачном участке во второй половине девяностых. Ранним весенним утром вывел на прогулку своих собачек — Буяшку и Кедрашку. Небо чистое, ясное, всё усыпано звёздами. Стою и вижу, что моя тень ритмично появляется и исчезает. Поднял голову, вижу два летящих и мигающих объекта, такого же цвета, как звёзды. Они перемещались в северном направлении. Что это такое, не знаю, но видел собственными глазами, ничего не сочиняю.

Коротко расскажу о некоторых членах семьи Брагиных.

Мей Васильевич Брагин, 1915 г. р., жена Чуркина. Жил в Козыревске, имел десятерых детей. Работал в рыбообразовде старшиной катера, зимой охотился. Потом стал начальником заготсырья, принимал пушнину, но и продолжал охотиться. Позже трудился сторожем, трагически погиб. У отца с дядей Меем во время их встречи в 1963 г. был серьёзный разговор. Речь шла о семейном капитале из золотых монет, которыми Мей воспользовался в одиночку. Этот разговор слышала тётя Шура, вторая жена отца, и передала его мне. А однажды в Ключах, когда ко мне приезжал дядя Николай, брат отца, я ему поведал услышанное. Николай сказал, что теперь понимает, как Мей жил с женой и десятью детьми на одну зарплату. Он видел у него тетрадь, в которой не было записей, а только одни зарисовки: огромный камень, под которым и хранился семейный золотой запас. Мей время от времени ездил в сторону Ключевского вулкана. После его смерти тетрадь исчезла.

Кирьяк Васильевич Брагин, 1918 г. р., окончил десять классов. Женился на Кате Боровик, детей у них не было. Перед Отечественной войной призвали его в армию, отправили на курсы младших командиров под Комсомольском-на-Амуре. Началась война. Их перебросили под Москву, город Серпухов. Там принял первый бой, был на Курской дуге, освобождал Белоруссию, брал Варшаву, участвовал в битве за Берлин, фотографировался у Бранденбургских ворот, освобождал Прагу. Позже участвовал в уничтожении «лесных братьев» на Украине. Награждён орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Славы, Отечественной войны, несколькими медалями. После демобилизации приехал в Усть-Камчатск, до 1960 г. трудился районным инспектором связи. За строптивость сняли с работы по решению райкома партии. Он оставил партбилет в райкоме, сказав, что вступил в партию на фронте, в боевых условиях, а не протираю штаны как вы, здесь сидящие. Перебрался в Ключи, работал на сплаве. Имел двух сыновей. Был убит в Петропавловске: всадили ему нож в шею. Когда скончался, дети сказали, что будут хранить его награды, пока живы.

Александра Васильевна Брагина, 1920 г. р., окончила десять классов с отличными оценками. После окончания школы её оставили работать учительницей младших классов в Ключевской школе, ещё до войны. Но не суждено было ей долго жить. Заболела туберкулёзом, вполне возможно, что из-за того, что долго жила в нашей бане. В конце тридцатых поехала на лечение в Крым, по дороге заехала к отцу и скончалась там. Вот такая судьба.

Евдокия Васильевна Брагина, 1927 г. р., окончила десятилетку, курсы бухгалтеров, потом институт, работала финансистом. Муж — полковник госбезопасности, окончил Академию Генерального штаба, был на приёме у Сталина. Был направлен в Комсомольск-на-Амуре начальником местной госбезопасности, там военные заводы. Своих детей у них не было, а был приёмный сын. Он окончил авиационный институт, работал в гражданской авиации.

Лилия Васильевна Брагина, 1929 г. р., окончила десять классов Козыревской школы с золотой медалью. Она с бабушкой, женой деда, переехала в Козыревск к дяде Мею. Поступила в Киевский политехнический институт без экзаменов, получила стипендию. Но кто-то из Козыревска написал, что она — дочь врага народа. Стипендии её лишили, из института исключили. Но она решила, что всё равно будет учиться и институт окончит, что со временем и сделала. Окончила благодаря помощи брата Кирьяка. Потом была ведущим конструктором на Кутаисском автозаводе. Вышла за муж за грузина. Имела двоих детей. Из жизни ушла рано.

С Лидой встретились в июле 1966 г. у отца в отпуске. Мы с ней очень долго обо всём разговаривали. Она была грамотным и интересным человеком, тем более что постоянно ездила по всему Союзу в командировки. Когда я спросил её, почему не приезжает на родину, то в ответ услышал: «Больше не хочу унижений и упрёков». Вот такая была у нас единственная встреча в Камышеватской.

Николай Васильевич Брагин, 1932 г. р., жил в Козыревске, сейчас его нет в живых. В детстве его звали «Суйка» из-за того, что картавил. После окончания школы работал по связи. Остались у него двое детей, Ольга и Игорь. Ольга окончила институт, работает на телевидении. Игорь окончил школу с золотой медалью, потом институт радиоэлектроники, практику проходил на Байконуре, потом работал на «Пятой стройке» по специальности. Имеет двух дочерей. Первая пошла в школу сразу во второй класс. После восьмого класса её пригласили в школу при Академгородке, там и училась дальше. Вторая дочь тоже хорошо училась. Сейчас они уехали в Ленинградскую область...

Горжусь тем, что я — Брагин. Благодарю судьбу за то, что она сводила меня с хорошими людьми. Считаю, что жизнь прожил хоть и тяжёлую, но хорошую. Самое же лучшее моё время — это годы, проведённые в армии. Здесь я впервые почувствовал, что меня считают человеком. Армия мне дала всё: специальность, веру в людей. С пятидесятих годов всё время выписываю военные журналы. А самое страшное, что есть на свете — это зависть...

**М. С. Латернер. Гидрографическая экспедиция на «Шилке»
(см. с. 5—144)**

Село Никольское на острове Беринга

На острове Беринга

Памятник Берингу в с. Никольском

В Петропавловске. На Косе

Спуск на воду треугольного ящика

Петропавловск. Памятник Берингу
и дом уездного начальника

На Паратунку

Петропавловск. Памятник жены
Голенищева и купца Русанова

Образ Святого Петра

Петропавловск. Памятник князю Максудову

Петропавловск. Памятник Лаперузу

На Петропавловском кладбище

Петропавловск. Казак Юшин

С. Укинское. Отец и сын
Ласточкины

Бухта барона Корфа. Склад
Северо-Восточного общества

Коряки в бухте барона Корфа

Шалаш чукчей в Ново-
Маринском посту

Ново-Мариинский пост. Группа чукчей и шлюпка старинной конструкции

Фактория Северо-Восточного общества на мысе Дежнёва

Залив Нерпичий.
Чукотская юрта

Группа чукотских детей

Бухта провидения. Фактория Северо-Восточного общества

Группа женщин и детей у фактории Северо-Восточного общества

Б. Дыбовский. Командорские острова (см. с. 211—287)

Портреты работы
О. А. Куликовой.
Верхний ряд (слева направо):
Л. Стейнегер, Н. А. Гребницкий.
Снизу — Б. Дыбовский

Алеуты на байдарках

Widok wybrzeża wyspy Miedzianej nad zatoką Gawańską.

Вид побережья бухты Гаванской на острове Медном. Это часть бухты Гаванской объединяет все черты о. Медного. Цепи гор заходят далеко в моря, образуя неприступные мысы с отвесными стенками. На переднем плане видна часть хребта, идущего от горы Крепса до бухты Гаванской. На заднем плане — цепь гор, которая оканчивается Песчаным мысом

Вид деревни Гаванской на острове Беринга. На заднем плане — горы Столовые, которые местные называют «Байдарами», перед ними долина реки Гаванки. Еще ближе ряд юрт и алеутских домиков, над самым берегом дома агентов компании, склады и дом управляющего островами. Слева стоит церковь. Деревня лежит на равнине, непосредственно примыкающей к морю у подножия плато, которое, вероятно, ещё во времена Стеллера являлось берегом моря

Widok wsi na wyspie Miedzianej

Вид деревни на острове Медном. Снят со стороны горы Преображенской. На заднем плане — гора Крепса, у подножия которой лежит деревня

Типы жителей Командорских островов. Мужчины и женщины с острова Беринга. Две женщины посередине — креолки, должно быть, по мнению европейцев, самые красивые на острове

Типы женщин Командорских островов. Девушки с острова Медный. Третья слева стоит креолка, считается европейцами самой красивой женщиной на острове

Мужчины острова Беринга. Сидящий слева одет в парку из птичьих шкур

Старик с густой седой бородой — креол Прошев, было ему за восемьдесят, и он был самым старым на Командорах, умер в 1880 г.

Коты морские.

Samiec 1.

Samiec 2.

Котики.

Самец № 1. Взрослый самец-секач, вид сбоку.

Самец № 2. Взрослый самец, вид сзади

Samiec 3.

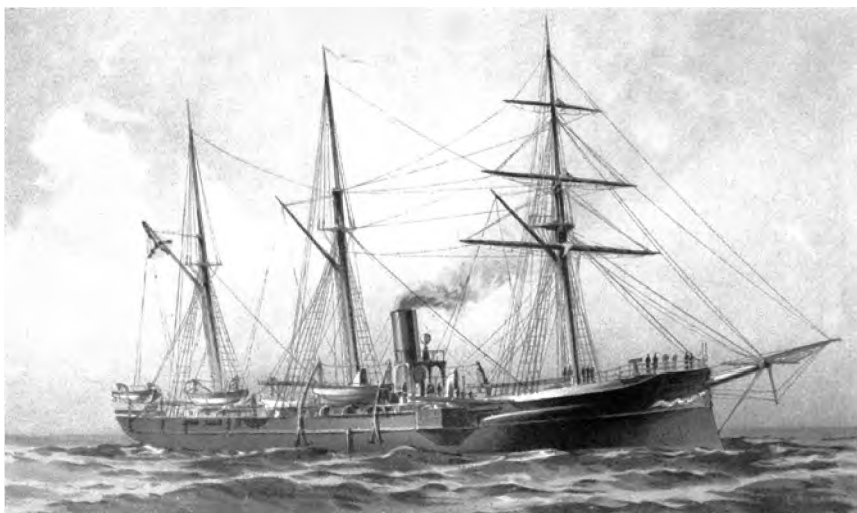

Samica.

Котики. Самец № 3. Взрослый самец, вид спереди.

Самка (рисунок самки в сравнении с рисунками самцов значительно увеличен). Задняя нога в позиции, в которой её держат коты, когда обмахиваются во время жары

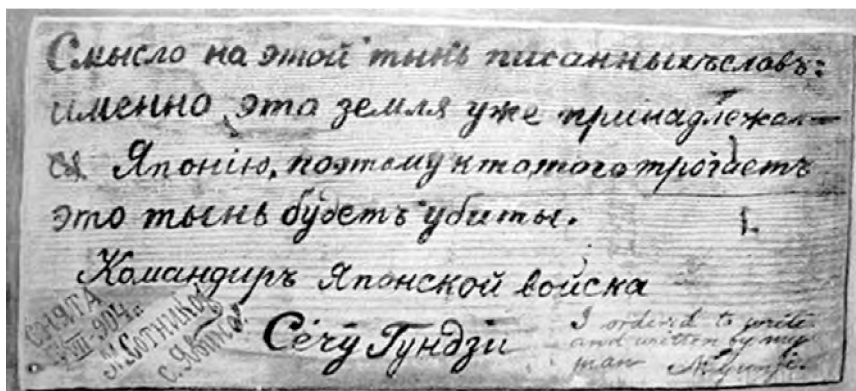
**А. В. Гокв. Страна беспредельной скорби. Камчатка
на рубеже веков (см. с. 333—386)**

Канонерская лодка «Манджур»

Японский рыбный промысел на побережье Камчатки

Доска, установленная в селении Явино Сечу Гундзи, предводителем японского отряда, высадившегося на Камчатке в 1904 г.

Здание Петропавловского окружного управления, повреждённое японской корабельной артиллерией в 1905 г.

Николай Александрович Анисимов (о. Нестор) и его наградной золотой наперсный крест на Георгиевской ленте

Оборотная сторона наградного наперсного креста, принадлежавшего епископу Нестору

С. В. Гаврилов. Петропавловск. Год 1929-й (см. с. 419—487)

Петропавловский Ковш. Первый теплоход Акционерного Камчатского общества «Охотск» (из фондов КГБУ ККОМ)

Пристань Петропавловского-на-Камчатке приписного к Владивостокскому порту пункта. Последний пароход закрывающейся навигации (из фондов КГБУ ККОМ)

Каждерейцки жетиделегаток
1929г. г. Петропавловски 4/4.

- ① Варина Дарият жена Варина (1-я жена).
- ② Ребинска Мария Степановна (жена Ребинска) 2-я жена
Овчинин (партизан).
- ③ Богданова Людмила Викентьевна (пожена Ребинска) жена партизана.
- ④ Коврабелова жена Проконийа Фридриховна Коврабелова
Бенемонтовна Мария, Валентина, Касим (Кимановна),
5-2 Сестры
"капитан Касим" 4 марта 1989г. Пенсионер Эрмуан Касим (Бригитта) 2-я жена с 1931г.
реинсировали. Райна замуж за Касима с 1931г. расстреляны и всё само
вспомни.
- ⑤ Викентьева Викентина Петровна (по мужу Макарова (замуж за Васю, Касим))
- ⑥ Викентьева Юлия Петровна (замуж за Макарова 1-я жена с 1922г.)

Петропавловские горожанки — участницы общегородской конференции
женделегаток (из фондов КГБУ ККОМ)

Лов сельди в Петропавловском Ковше (из фондов КГБУ ККОМ)

Ледорез «Литке» в Петропавловске (из фондов КГБУ ККОМ)

С. В. Гаврилов. Петропавловск. Год 1929-й (см. с. 419—487)

**Члены правительственной комиссии А. В. Шотман и И. Ф. Федько
с камчатцами (из фондов КГБУ ККОМ)**

**Правительственная комиссия встречается с камчатскими крестьянами
(из фондов КГБУ ККОМ)**

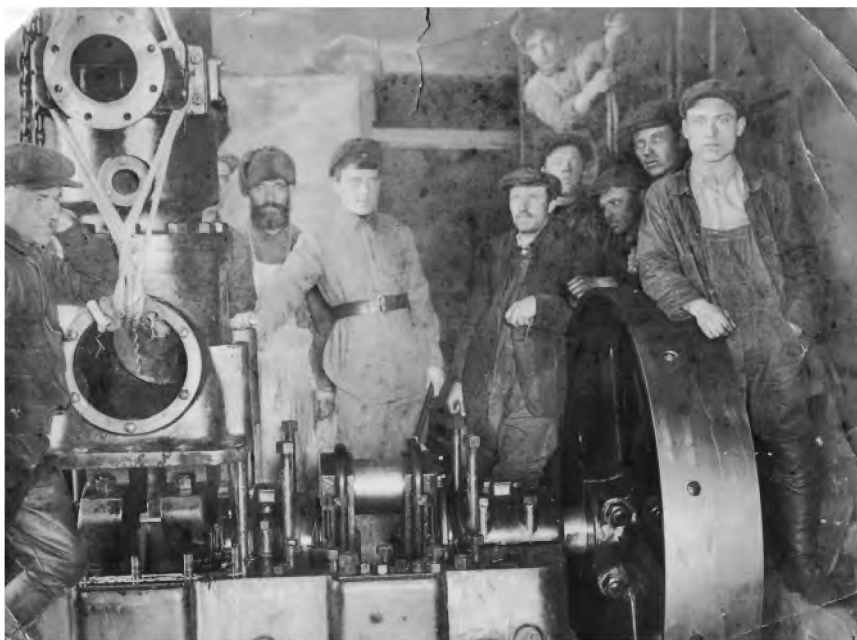
«Восточники» Петропавловска (из фондов КГБУ ККОМ)

Снежные завалы. Петропавловск 1 мая 1929 г. Фото Е. Колмакова
(из фондов КГБУ ККОМ)

В городском детском саду (из фондов КГБУ ККОМ)

Дизель на городской электростанции (из фондов КГБУ ККОМ)

В. В. Брагин. Боль души — потерянная родина (см. с. 660)

Владимир Васильевич и Фрея Васильевна Брагины

Дом, срубленный В. В. Брагиным в 1959 г. Слева сзади — дом, отобранный у семьи в 1931 г. (из архива В. В. Брагина)

Отец Василий Васильевич Брагин. Фото с Доски почета. Кубань, конец 1950-х гг. (из архива В. В. Брагина)

Одежда камчадала 1940-х гг.

Отец В. В. Брагин на поселении в станице Камышевватской, 1950-е гг.,
сидит крайний справа (из архива В. В. Брагина)

Слева направо: дядя В. В. Брагина Мей Васильевич, сводный брат
Николай, отец В. В. Брагин. Станица Камышевватская, 1966 г.
(из архива В. В. Брагина)

Мама Ирина Владимировна Кречетова-Брагина и сестра
Людмила Васильевна (из архива В. В. Брагина)

Мама и жена Фрея Васильевна Коллегова-Брагина
(из архива В. В. Брагина)

Порт-Артур, 1952 г. Автошкола. У стенда «Система смазки двигателя ЗИС-5» с сослуживцами (из архива В. В. Брагина)

Объяснение устройства мотора. Порт-Артур, апрель 1953 г.
(из архива В. В. Брагина)

Удостоверение № <u>13863</u> М. П. Личная подпись инструктора <u>Брагин</u> Выдано квалификационной комиссией <u>В. П. И.</u> На основании протокола № <u>13863</u> М. П. от <u>1952</u> г.	ИНСТРУКТОР ВОЖДЕНИЯ АВТОМОБИЛЯ Фамилия <u>Брагин</u> Имя <u>Владимир</u> Отчество <u>Васильевич</u> Имеет право преподавания практическо- го вождения автомобиля _____ Председатель квалификационной ко- миссии <u>Степанов</u> М. П. <u>1952</u> г.
--	---

Удостоверение инструктора вождения автомобиля

Порт-Артур. Гора Высокая
(из архива В. В. Брагина)

Японский памятник в честь
победы над Россией, 1905 г.

Порт-Артур. Памятник герою сухопутной обороны крепости в 1904 г.
генерал-лейтенанту, военному инженеру Р. И. Кондратенко
(из архива В. В. Брагина)

Русское воинское кладбище времен русско-японской войны 1904—1905 гг.
в Порт-Артуре, 1952 г. В. В. Брагин сидит на стенке
первый слева (из архива В. В. Брагина)

После удачной охоты. Май 1961 г. Устье речки Коноплянки,
притока реки Камчатки

Озеро Гренадерское, восемь километров от с. Ключи. Лов гольца
на блесну, март 1961 г. (из архива В. В. Брагина)

На охоте

Рыбачьки и охотничьи трофеи (из архива В. В. Брагина)

На покое в Ключах, 1954 г.

С Доски почёта автобазы
Камчатсельстроя 1970-е

Водитель ГАЗ-63. Строительство ЛЭП в пос. Приморском, 1971 г.
(из архива В. В. Брагина)

Окрестности с. Ключи. «Двадцатка», памятный знак
(из архива В. В. Брагина)

Юра — курсант военного училища

Юра с женой, 1970 г.

Памятник Юрию в Паневежисе

Сереза

Ф. В. и В. В. Брагины у нового дома. В дверях стоит мама И. В. Брагина.
Справа видна старая дедовская изгородь. Ключи, 1959 г.

С супругой Фреей Васильевной и фокстерьером Буяном. Ключи, 1994 г.
(из архива В. В. Брагина)